

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

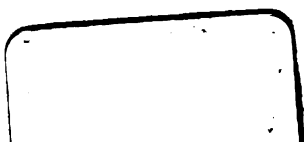
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1363

Per. 26095 d. 19
11-12

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Ч. II, 11

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакцію ерди. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ.

1873.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго новороссійскаго
университета.

Ректоръ *В. Леонтовичъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Часть оффиціальная:

Протоколы засѣданій совѣта съ 1-го мая по 18-е августа 1873 г.	121—152
Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 18 ⁷² / ₇₃ академическомъ году	153

Часть ученая:

Братья-подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка. <i>А. Кочубинскио</i>	1
Отвѣтъ на статью г. Умова: „Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы“ <i>В. Лигина</i>	347

Объявленіе.

Объ изданіи журнала „Школьная жизнь“.

Опечатки.

Часть офіціальна.

Засѣданіе 1-го мая.

Присутствовали 20 профессоровъ.

Слушали :

1) Обсуждался, согласно опредѣленію совѣта 27-го апрѣля, ст. 20, вопросъ о кандидатурѣ магистра богословія Бударяцева, рекомендуемаго на кафедре православнаго богословія профессоромъ, протоіереемъ Павловскимъ.

Докладъ начался сообщеніемъ мнѣнія профессора церковнаго законовѣднія Павлова слѣдующаго содержания: «вполнѣ раздѣляя выслушанное въ прошломъ засѣданіи совѣта мнѣніе профессора Павловскаго о научныхъ и личныхъ достоинствахъ о. Бударяцева, представляемаго имъ въ преемники себѣ на кафедрѣ богословія, я нахожу однакожъ нужнымъ обратить вниманіе совѣта на одно обстоятельство, которое, по моему мнѣнію, въ настоящемъ случаѣ никакъ не должно быть упускаемо изъ виду. О. Бударяцевъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ профессоромъ Павловскимъ, имѣетъ степень магистра богословія. Съ этою степенію, мнѣ кажется, онъ не можетъ получить профессорскаго званія въ университетѣ. Университетскій уставъ, какъ извѣстно, выставляетъ общее требованіе докторской степени для по-

лученія каждой профессуры. Подъ это требованіе въ недавнее время подведены и двѣ другія кафедры, всего ближе стоящія къ кафедрѣ богословія и, до изданія нынѣ дѣйствующаго устава, существовавшія только въ духовныхъ академіяхъ, именно—церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія. Для полученія профессуры по кафедрѣ церковнаго законовѣдѣнія новыми правилами учреждена докторская степень того же наименованія, присуждаемая юридическими факультетами; полученіе же профессорскаго званія преподавателемъ церковной исторіи, если онъ магистръ духовной академіи, обусловлено пріобрѣтеніемъ докторской степени или въ историко-филологическомъ факультетѣ — по предмету исторіи всеобщей или русской, или въ духовной академіи — по разряду наукъ историко-богословскихъ. Последнее условіе, очевидно, основано на новомъ уставѣ духовныхъ академій, который, согласно съ университетскимъ, для полученія тамъ ординатуры, требуетъ, какъ *conditio sine qua non*, степени доктора богословія. Это требованіе въ изданныхъ вслѣдъ затѣмъ особенныхъ правилахъ о пріобрѣтеніи ученыхъ степеней въ духовныхъ академіяхъ получило даже обратную силу, именно—сдѣлано обязательнымъ и для тѣхъ ординарныхъ профессоровъ, которые уже имѣли это званіе, будучи только магистрами богословія. Если таковъ нынѣ порядокъ замѣщенія ординатуръ въ духовныхъ академіяхъ; если, какъ мы видѣли, порядокъ этотъ и прямо примѣненъ къ университетскимъ преподавателямъ церковной исторіи, имѣющимъ только степень магистра богословія: то я не вижу основаній, почему бы университеты, при избраніи профессоровъ богословія, должны были предъявлять меньшія требованія, т. е. удовлетворяться магистерскимъ дипломомъ тамъ, гдѣ въ духовныхъ академіяхъ требуется док-

торскій. Напротивъ, уже по самому изолированному положенію кафедръ богословія въ университетахъ, нельзя не желать и не стремиться къ тому, чтобы ее занимали избраннѣйшіе изъ избранныхъ, которые могли бы съ честію поддерживать здѣсь священное достоинство православно-богословской науки. Конечно, докторскій дипломъ самъ по себѣ еще не всегда можетъ быть несомнѣннымъ ручательствомъ за ученія достоинства или преподавательскія способности своего предъявителя. Но, съ другой стороны, было бы несправедливо допускать исключенія, когда есть полная возможность соблюденія общаго правила: степень доктора богословія открыта теперь каждому. Университеты тѣмъ строже должны держаться въ этомъ случаѣ общаго правила, что, не имѣя сами богословскихъ факультетовъ, не могутъ быть компетентными судьями ученыхъ достоинствъ кандидата на кафедру богословія. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, а равно и въ виду того обстоятельства, что университетскій уставъ прямо называетъ преподавателя богословія профессоромъ и назначаетъ ему окладъ ординарнаго профессора, слѣдовательно, какъ бы не допускаетъ возможности замѣщенія этой кафедры преподавателемъ съ какимъ либо нисшимъ званіемъ (доцента или экстраординарнаго профессора), я предлагалъ бы совѣту приступить къ избранію о. Кудрявцева въ исправляющіе должность профессора богословія — съ условіемъ, чтобы онъ въ продолженіи двухъ лѣтъ пріобрѣлъ степень доктора въ духовной академіи».

По выслушаніи этого мнѣнія, профессоръ Сѣменовъ замѣтилъ, что прежде, здѣсь же въ совѣтѣ, профессоръ Павловъ доказывалъ, что профессоръ православнаго богословія является въ университетѣ не какъ ученый бого-

словъ, систематически преподающій свою науку въ современномъ ея развитіи, а скорѣе какъ проповѣдникъ, сообщающій общее религіозно-нравственное просвѣщеніе учащейся молодежи. Теперь профессоръ Павловъ не считаетъ достаточною степень *магистра* для кандидата на кафедру богословія, а требуетъ отъ соискателя степени доктора богословія. Тутъ, очевидно, противорѣчіе.

Профессоръ Павловъ возразилъ, что профессоръ Свеченовъ передаетъ не совсѣмъ вѣрно мысль, имъ дѣйствительно высказанную по извѣстному случаю въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій; что, характеризуя положеніе кафедры православнаго богословія въ университетѣ по уставу, внѣ всякаго факультета, онъ тогда ссылаясь, между прочимъ, на взглядъ вполне компетентнаго въ данномъ случаѣ лица, именно — покойнаго пресвященнаго смоленскаго Іоанна, который писалъ въ статьѣ, напечатанной имъ въ «христіанскомъ чтеніи» 1866 г., что преподаваніе православнаго богословія въ университетѣ должно имѣть не столько ученый, сколько проповѣдническій характеръ; другими словами: преподаватель православнаго богословія въ университетѣ долженъ быть *популяризаторомъ* своей науки; а извѣстно, что хорошимъ популяризаторомъ можетъ быть только тотъ, кто глубоко и всесторонне изучилъ свой предметъ. Очевидно, что такой взглядъ не только не отрицаетъ учености, а требуетъ еще, въ добавокъ къ ней, и другихъ качествъ; «оттого-то, продолжалъ профессоръ Павловъ, я и выразилъ въ своемъ мнѣніи желаніе, чтобы кафедру православнаго богословія занимали въ университетахъ избраннѣйшіе изъ избранныхъ».

Ректоръ, ссылаясь на отсутствіе въ уставѣ положительнаго опредѣленія ученой степени, требуемой отъ преподавателя богословія, а также на то обстоятельство, что

§ 18. универ. уст. ставитъ особю отъ всѣхъ остальныхъ кафедръ православнаго богословія, точно также какъ штатъ, опредѣляя содержаніе профессору богословія въ размѣрѣ ординарнаго профессора, не вводитъ его въ общую сумму, ассигнуемую на содержаніе другихъ профессоровъ, высказалъ мнѣніе, что совѣтъ можетъ только желать, чтобы о. Бударявцевъ приобрѣлъ степень доктора, но едвали можетъ этого требовать по уставу. Тоже мнѣніе вполне раздѣлилъ и профессоръ Буницынъ.

Профессоръ Григоровичъ обратилъ вниманіе совѣта на особую трудность приобретѣнія степени доктора *богословія*. По его мнѣнію, и степень *маистра* богословія совершенно достаточно гарантируетъ необходимыя знанія преподавателя богословія въ университетѣ. И если ужъ требовать отъ кандидата приобретѣнія степени доктора, чтобы не дѣлать для него одного исключенія, то предоставитъ ему самому выборъ приобрести ли степень доктора напр. церковной исторіи, философіи, или по другому отдѣлу наукъ, близко стоящихъ къ его кафедрѣ.

Профессоръ Сѣменовъ, въ добавленіе къ словамъ г. Григоровича, припомнилъ примѣръ ректора с.-петербургской духовной академіи, протоіерея Янышева, представившаго сочиненіе на степень доктора богословія. Въ газетахъ назначенъ уже былъ день диспута, а потомъ сообщено, что публичное защищеніе его сочиненія отиѣнено. Были и другіе примѣры такого рода. Ясно, что къ приобретѣнію степени доктора богословія существуютъ особыя затрудненія, независящія отъ личнаго желанія соискателей.

Профессоръ богословія, протоіерей Павловскій высказалъ убѣжденіе, что о. Бударявцевъ, при его любви къ научнымъ трудамъ, безъ всякихъ формальныхъ обязательствъ

самъ сочтетъ себя нравственно обязаннымъ удовлетворить желанію совѣта.

Профессоры Марковниковъ, Вальцъ, Некрасовъ, Синцовъ, Абашевъ и Смирновъ, во всемъ раздѣляя мнѣніе профессора Павлова, считали болѣе удобнымъ назначить, для пріобрѣтенія степени доктора, не 2-хъ лѣтній, а 3-хъ лѣтній срокъ, а профессоръ Вольскій полагалъ вовсе не опредѣлять обязательнаго срока.

Затѣмъ большинствомъ 11 голосовъ (гг. Синцовъ, Ярошенко, Некрасовъ, Сѣченковъ, Марковниковъ, Вольскій, Абашевъ, Павловъ, Юргевичъ, Вальцъ, Смирновъ) прстивъ 9 (гг. Вериго, Патлаевскій, Карастелевъ, Григоровичъ, Войтковскій, Павловскій, Куницынъ, Богдановскій, ректоръ) рѣшено: въ виду того, что о. Кудрявцевъ имѣетъ только степень магистра богословія, баллотировать его въ исправляющіе должность профессора богословія.

По произведенной вслѣдъ за симъ баллотировкѣ закрытыми голосами о. Кудрявцевъ оказался избраннымъ единогласно. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся избранію и на основаніи 42 § унив. уст. л. В. п. 1, по подлежащемъ сношеніи съ вѣдомствами, въ которыхъ состоитъ на службѣ о. Кудрявцевъ, просить въ свое время ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи магистра Кудрявцева исправляющимъ должность профессора православнаго богословія съ 4-го октября 1873 г., т. е. со дня, когда, за оставленіемъ службы профессоромъ Павловскимъ, дѣлается свободною кафедра православнаго богословія, приложивъ къ представленію, въ копіи, протоколъ настоящаго засѣданія.

2) Представленіе физико-математическаго факультета:

«Физико-математическій факультетъ, въ засѣданіи своемъ 28 апрѣля, вполне согласившись съ прилагаемымъ при семъ представленіемъ профессора Вальца, подвергъ экстраординарнаго профессора Ярошенка баллотированію въ званіе ординарнаго профессора по кафедрѣ чистой математики, при чемъ оказались семь голосовъ избирательныхъ и одинъ неизбирательный. А потому факультетъ имѣетъ честь просить совѣтъ объ избраніи г. Ярошенко ординарнымъ профессоромъ съ тѣмъ, чтобы добавка къ содержанию экстраординарнаго профессора, имъ получаемому, производилась изъ спеціальныхъ средствъ университета до открытія вакантной ординатуры, и съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ согласія совѣта на такое предложеніе, ходатайство совѣта предъ министерствомъ состоялось послѣ ходатайства совѣта объ утвержденіи профессора Синцова въ званіи ординарнаго профессора и въ этомъ ходатайствѣ о профессорѣ Ярошенка было бы указано на то, что на ординатуру, которая будетъ вакантною въ іюль, за выходомъ профессора Марковникова, избранъ совѣтомъ профессоръ Синцовъ раньше профессора Ярошенка, и что совѣтъ задержалъ на нѣкоторое время ходатайство о профессорѣ Синцовѣ потому только, что онъ не считалъ себя въ правѣ входить съ представленіемъ до полученія приказа о переводѣ профессора Марковникова».

Въ приложенномъ приятномъ представленіи донесеніи проф. Вальца излагается: «въ засѣданіи физико-математическаго факультета 24 марта сего года подвергались баллотированію на званіе ординарнаго профессора экстраординарные профессеры: по кафедрѣ химіи А. А. Вериго, по кафедрѣ геогнозій и палеонтологіи И. Ф. Синцовъ и по кафедрѣ чистой математики С. П. Ярошенко и всѣ три оказались

избранными большинством присутствовавших членовъ. Факультетъ, обративши вниманіе на то обстоятельство, что въ настоящее время вакантна одна ординатура и что вторая ординатура сдѣляется вакантною съ 8-го іюля, такъ какъ, согласно распоряженію г. министра, проф. Марковниковъ въ іюль переходитъ въ московскій университетъ, постановилъ: просить совѣтъ подвергнуть экстраординарныхъ профессоровъ Веригу, Синцова и Ярошенка баллотированію въ ординарные профессора съ тѣмъ, чтобы получившій наибольшее большинство поступилъ на вакантную въ настоящее время ординатуру, получившій слѣдующее затѣмъ меньшее большинство поступилъ на ординатуру, которая имѣетъ открыться съ 8-го іюля, а третій, получившій самое меньшее большинство, получалъ бы добавочныхъ 1000 р. изъ остатковъ отъ личнаго состава, съ званіемъ ординарнаго профессора. Совѣтъ университета, въ засѣданіи 28-го марта, обсудивши это представленіе факультета и принявши во вниманіе справки секретаря совѣта, нашелъ незаконнымъ, чтобы добавка къ жалованью происходила изъ остатковъ отъ личнаго состава и невозможнымъ производить ее изъ специальныхъ средствъ университета, за скудностію таковыхъ, а потому постановилъ: избрать изъ числа трехъ предложенныхъ кандидатовъ только двухъ на вакантныя ординатуры, установивъ жребіемъ слѣдующій порядокъ ихъ баллотированія: первымъ г. Ярошенко, вторымъ — Синцовъ и третьимъ — Веригу. Въ результатѣ баллотировки оказалось, что изъ 20 голосовъ, участвовавшихъ въ избраніи, г. Ярошенко получилъ одиннадцать избирательныхъ, г. Синцовъ — двѣнадцать избирательныхъ и г. Веригу — тринадцать избирательныхъ. Послѣ этой баллотировки, совѣтъ восстановилъ: согласно состоявшемуся избранію просить ходатайства г.

повечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Вериго ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ химіи съ отпускомъ содержанія по 3000 р. въ годъ съ 28-го марта изъ суммъ государственнаго казначейства, на основаніи Высочайше утвержденаго 22 марта 1871 года мнѣнія государственнаго совѣта объ измѣненіи порядка ассигнованія суммъ на постепенное возвышеніе временнаго штата новороссійскаго университета до цифры нормальнаго штата, а экстраординарнаго профессора Синцова ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ геогнозій и палеонтологіи съ 8 іюля 1873 г. на освобождающуюся, за перемѣщеніемъ профессора Марковникова, ординатуру. Такимъ образомъ, очевидно, что профессоръ Ярошенко не получилъ ординатуры, не потому чтобы его считали не заслуживающимъ таковой, а потому, что совѣтомъ была признана невозможность учредить сверхштатную ординатуру съ добавкой къ содержанію, и потому, что баллотировкой на двѣ штатныя ординатуры получили преимущество гг. Вериго и Синцовъ. Во вчерашнемъ засѣданіи совѣта однако же изъ заявленія г. ректора и изъ преній, бывшихъ по поводу утвержденія протокола засѣданія 28 марта, оказалось, что положеніе нашихъ спеціальныхъ средствъ таково, что является возможность учредить сверхштатную ординатуру, т. е. возможно, чтобы г. Ярошенко избранъ былъ ординарнымъ профессоромъ, съ тѣмъ чтобы добавка къ содержанію экстраординарнаго профессора, имъ получаемая, производилась изъ спеціальныхъ средствъ университета до открытія вакантной ординатуры. — На этомъ основаніи, и полагая, что многіе члены совѣта и факультета раздѣляютъ мое лестное мнѣніе о научныхъ и педагогическихъ заслу-

гахъ Семена Петровича, я, на основаніи рѣшенія совѣта министра народнаго просвѣщенія 13-го декабря 1868 года (№ 36), основаннаго на 109 и 21 §§ унив. уст., — имѣю честь предложить факультету баллотировать г. Ярошенко въ званіе сверхштатнаго ординарнаго профессора по каѳедрѣ чистой математики и ходатайствовать предъ совѣтомъ объ избраніи его въ это званіе съ тѣмъ, чтобы добавка къ получаемому имъ содержанію по званію экстраординарнаго профессора производилась изъ спеціальныхъ средствъ университета, и съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ согласія совѣта на такое предложеніе, ходатайство совѣта предъ министерствомъ состоялось послѣ ходатайства совѣта объ утвержденіи профессора Синцова въ званіи ординарнаго профессора и въ этомъ ходатайствѣ о профессорѣ Ярошенко было бы указано на то, что на ординатуру, которая будетъ вакантною въ іюлѣ мѣсяцѣ, за выходомъ профессора Марковникова, избранъ совѣтомъ профессоръ Синцовъ раньше профессора Ярошенка и что совѣтъ задержалъ на нѣкоторое время ходатайство о профессорѣ Синцовѣ потому только, что онъ не считалъ себя въ правѣ входить съ представленіемъ до полученія приказа о переводѣ профессора Марковникова. Такія прибавленія къ ходатайству факультета и совѣта объ ординатурѣ профессора Ярошенка, по моему мнѣнію, крайне необходимы, такъ какъ безъ этихъ прибавленій можетъ случиться, что министерство, совершенно невольно, рѣшитъ это дѣло несогласно съ постановленіями совѣта. Возможно предположить, что министерство, не зная вовсе, или упустивши изъ виду, что на ординатуру, которая сдѣлается вакантною въ іюлѣ, за выходомъ профессора Марковникова, уже избранъ профессоръ Синцовъ, назначить профессора Ярошенка при разсмотрѣ-

ни ходатайства совѣта о г. Ярошенкѣ, что будетъ несогласно съ постановленіями совѣта.»

Подвергнутый затѣмъ баллотированію закрытыми голосами г. Ярошенко получилъ 16 голосовъ избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ г. министромъ народного просвѣщенія объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Ярошенка, на изложенныхъ въ представленіи факультета основаніяхъ, ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каедрѣ чистой математики со дня состоявшагося избранія его совѣтомъ, т. е. съ 1-го мая 1873 года.

3) Представленіе юридическаго факультета: «въ засѣданіи юридическаго факультета 30 апрѣля доцентъ харьковскаго университета, магистръ Цитовичъ, согласно его прошенію, единогласно избранъ доцентомъ по каедрѣ гражданскаго права для преподаванія въ нашемъ университетѣ торговаго и вексельнаго права. Представляя объ этомъ въ совѣтъ, юридическій факультетъ ходатайствуетъ о томъ, чтобы и въ совѣтъ г. Цитовичъ подвергнуть былъ баллотированію».

Въ результатѣ произведенной вслѣдъ за симъ баллотировки г. Цитовичъ оказался избраннымъ единогласно. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся избранію, просить г. попечителя о перемѣщеніи доцента харьковскаго университета Цитовича въ новороссійскій университетъ доцентомъ по каедрѣ гражданскаго права, для преподаванія торговаго и вексельнаго права, со дня состоявшагося избранія, т. е. съ 1-го мая 1873 года.

4) Докладъ по вопросу о прекращеніи сбора пожертвованія дворянствомъ бессарабской области въ пособіе новороссійскому университету въ количествѣ 2197 руб. сер.

Вслѣдствіе отношенія департамента министерства народнаго просвѣщенія отъ 26 марта, г. полицитель одесскаго учебнаго округа, предложеніемъ отъ 4-го апрѣля за № 1788, просилъ правленіе университета доставить его превосходительству свѣдѣнія: 1) по какое именно время внесены бессарабскимъ дворянствомъ въ тамошнюю казенную палату 2197 руб., жертвованные дворянствомъ въ пользу новороссійскаго университета, отъ каковаго пожертвованія дворянство отказалось, и затѣмъ какая недоимка числится на немъ по 1-е января 1873 года; 2) на что именно расходовались упомянутые 2197 рублей по содержанию новороссійскаго университета и 3) не признаетъ ли совѣтъ сего университета возможнымъ отнести недостающій расходъ на его содержаніе въ 2197 руб. въ годъ, отъ пожертвованія которыхъ отказалось дворянство, на свои спеціальныя средства.

Правленіе университета, согласно опредѣленію своему, въ засѣданіи 6-го апрѣля состоявшемся, просило по 1-му пункту свѣдѣній отъ бессарабской казенной палаты, которая, отношеніемъ отъ 24 апрѣля за № 3189, увѣдомила, что денегъ, которыя бессарабское дворянство жертвовало на содержаніе новороссійскаго университета (ежегодно по 2197 р.) оставалось въ недоимкѣ по 1-е число января 1873 года 4297 р. 34½ к., а въ настоящее время состоятъ 3008 р., изъ коихъ 811 руб. неуплочены за 1871 и 2197 р. за 1872 годъ. Бромъ того, по распоряженію министерства финансовъ, на счетъ сего же сбора числится въ недоимкѣ по херсонской губерніи за 1868 и 1869 г. по § 4 ст. 10 смѣты министерства народнаго просвѣщенія 4394 р., о поступленіи коихъ свѣдѣніе можно получить отъ одесскаго казначейства. *Опредѣлили:* представить г.

попечителю въ копіи отзывъ палаты о количествѣ недоимки на бессарабскомъ дворянствѣ, донести его превосходительству, что сумма въ 2197 р., жертвуемая дворянствомъ на содержаніе новороссійскаго университета, по Высочайше утвержденному 11 іюля 1864 г. штату въ добавокъ къ суммѣ, отпускаемой изъ государственнаго казначейства, поступала прямо въ государственное казначейство, и что недостающій расходъ въ 2197 р. въ годъ университетъ не находитъ никакой возможности покрыть изъ своихъ спеціальныхъ средствъ.

Засѣданіе 30-го мая.

Присутствовали 12 профессоровъ.

Слушали :

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа.

2) Отъ 11 мая за № 2462, объ утвержденіи магистра Блока въ должности астронома наблюдателя.

При этомъ доложено ходатайство физико-математическаго факультета о зачисленіи Блоку въ службу при университетѣ времени со дня избранія его совѣтомъ въ должность астронома-наблюдателя. *Опредѣлили*: о назначеніи магистра Блока астрономомъ-наблюдателемъ сообщить въ физико-математическій факультетъ и въ правленіе университета, а по ходатайству факультета — просить разрѣше-

нія г. попечителя считать опредѣленіе г. Блока на службу въ университетѣ со дня избранія его совѣтомъ въ должность астронома-наблюдателя, именно съ 28-го марта 1873 г.

3) Отъ 18 мая за № 2621, о перемѣщеніи управляющаго фермою А. Армфельда сверхштатнымъ доцентомъ въ институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

При этомъ доложено, что о перемѣщеніи г. Армфельда сообщено въ правленіе, по распоряженію коего онъ сдалъ уже должность командированному совѣтомъ для этой цѣли лаборанту Дородницыну. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

4) Отъ 25 мая за № 2746 объ утвержденіи правилъ относительно порядка испытанія студентовъ новороссійскаго университета, являющихся на экзамены (см. протоколъ за сѣданія совѣта 12-го марта 1873 г., ст. 9-я). *Опредѣлили*: внести въ книгу общихъ постановленій и въ правила для студентовъ.

5) Отъ 30-го апрѣля за № 2214 о рекомендованіи министерству народнаго просвѣщенія желающихъ воспользоваться стипендіями для приготовленія въ учителя реальныхъ училищъ.

При этомъ доложено, что настоящее предложеніе сообщено было физико-математическому факультету, который рекомендуетъ 8 молодыхъ кандидатовъ. *Опредѣлили*: согласно представленію факультета донести г. попечителю.

6) Отъ 29 мая за № 2797, съ сообщеніемъ о распоряженіи министра юстиціи, чтобы лица прокурорскаго надзора своевременно доставляли подлежащему университетскому начальству копіи съ приговоровъ окружныхъ судовъ, состоявшихся по дѣламъ о студентахъ, обвиняемыхъ

въ преступленіяхъ и проступкахъ. *Опредѣлили*: внести въ книгу общихъ постановленій.

7) Отъ тогоже числа за № 2798 объ учрежденіи ученыхъ степеней магистра и доктора физиологійи человѣка и животныхъ. *Опредѣлили*: передать на предварительное заключеніе физико-математическаго факультета.

8) Донесеніе правленія о раздѣлѣ между преподавателями суммы, собранной съ постороннихъ слушателей во 2-й половинѣ 1872—73 учебнаго года. *Опредѣлили*: сдѣланное правленіемъ распоряженіе утвердить.

9) Докладъ комисіи, коей поручено было согласовать изданныя въ 1870 г. правила для студентовъ и постороннихъ слушателей новороссійскаго университета съ новыми постановленіями. *Опредѣлили*: напечатать правила въ новой редакціи въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и потомъ раздать въ факультеты, гг. преподавателямъ и студентамъ.

10) Представленія факультетовъ съ результатами переводныхъ и окончательныхъ испытаній и съ ходатайствомъ о назначеніи стипендій и пособій. *Опредѣлили*. 1) согласно удостоенію факультетовъ, утвердить переводъ означенныхъ въ представленіяхъ студентовъ въ слѣдующіе курсы, зачисливъ постороннихъ слушателей, сдавшихъ переводный экзамень, въ студенты 2-го курса; 2) удостоенныхъ званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата, утвердить въ этихъ степеняхъ и званіяхъ и выдать установленные дипломы и аттестаты; о принадлежащихъ къ податному состоянію снести предварительно съ подлежащими казенными палатами объ исключеніи ихъ изъ подушнаго оклада; 3) распредѣленіе стипендій и пособій предоставить правленію университета соотвѣтственно наличнымъ стипендіальнымъ средствамъ.

11) Прошеніе лектора нѣмецкаго языка В. Топорова о выдачѣ ему пособія на леченіе.

Справка: изъ вѣдомости о состояніи кассы спеціальныхъ средствъ видно, что свободныхъ суммъ до конца года предвидится до 234 р. *Опредѣлили:* отложить рѣшеніе вопроса до увеличенія спеціальныхъ средствъ.

12) Отношеніе общества фармацевтовъ въ Одессѣ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи обществу занимать одну изъ свободныхъ аудиторій, по 2 раза въ недѣлю, для чтенія въ ней лекцій. *Опредѣлили:* разрѣшить.

13) Отношеніе предсѣдателя комитета по устройству въ Кіевѣ предварительнаго сѣзда депутатовъ отъ археологическихъ обществъ и ученыхъ учреждений съ просьбою назначить депутатовъ отъ новороссійскаго университета. *Опредѣлили:* для предварительныхъ соображеній составить комиссію изъ профессоровъ Григоровича, Юргевича, Некрасова, Бруна и доцента Кондакова.

14) Отношеніе комитета IV сѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Базани съ приглашеніемъ принять участіе въ сѣздѣ. *Опредѣлили:* передать въ физико-математическій факультетъ.

15) Представленія: а) историко-филологическаго факультета объ оставленіи окончившаго курсъ со степенью кандидата Е. Козубскаго стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по всеобщей исторіи, и б) юридическаго—объ исходатайствованіи оставленному при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію кандидату Сергѣю Бершадскому стипендіи изъ суммъ министерства. *Опредѣлили:* просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія о назначеніи оставленнымъ при университетѣ для приготовленія къ профессор-

скому званію по всеобщей исторіи кандидату Козубскому и по государственному праву кандидату Бершадскому по 600 р. въ годъ каждому изъ суммъ министерства.

16) Представленные факультетами темы для соисканія наградъ медалями въ 1873—74 учебномъ году: *а) по историко-филологическому*: «Геродотова Скиѳія. Критическій обзоръ данныхъ по исторіи, топографіи и археологіи края»; *б) по юридическому*: «изложить ученіе Канта о правѣ и государствѣ», и *в) физико-математическому*: 1) о солнечномъ параллаксѣ и 2) естественная исторія *halizagsa*, водящейся въ одесской бухтѣ. *Опредѣлили*: утвердивъ избранныя факультетами темы, объявить своевременно студентамъ.

17) Представленіе историко-филологическаго факультета: «факультетъ, заслушавъ, въ засѣданіи своемъ 29 мая, отзывъ заслуженнаго ординарнаго профессора В. Григоровича о представленномъ на соисканіе золотой медали сочиненіи съ девизомъ «шдъше възберѣте—мою» подъ заглавіемъ: «исторія изученія и раздѣленія славянскихъ нарѣчій отъ І. Добровскаго до нашихъ временъ», и соглашаясь вполне съ этимъ отзывомъ, покорнѣйше просить себѣ объ удостоеніи автора золотой медали. При семъ предлагается: отзывъ г. Григоровича, сочиненіе и пакетъ съ именемъ автора».

Отзывъ профессора Григоровича: «сочиненіе исторіи изученія и дѣленія славянскихъ нарѣчій съ девизомъ «шдъше възберѣте—мою», заключаетъ въ себѣ, послѣ краткаго введенія, въ которомъ упомянуты труды Мелетія Смотрицкаго и Юрія Брижанича, очеркъ *аналитическую* излѣдованія древняго славянскаго языка, виновникомъ котораго былъ І. Добровскій и *историческую*, начинателемъ котораго былъ А.

Х. Востоковъ. Въ заключеніи, сочинитель помѣстилъ статью: *последователи* исторической школы и т. д. — Сочиненіе носить характеръ перечня, т. е. подробно излагаетъ характеръ трудовъ, касающихся задачи. Изрѣдка помѣщены замѣнанія о недостаткахъ той или другой части ихъ. Отдавая преимущество такому методу, доказывающему, что сочинитель тщательно знакомился съ данными трудами, не могу не замѣтить, что подробности сего сочиненія могли быть болѣе кратко изложены, такъ какъ многое, о чемъ упоминаетъ сочинитель, слишкомъ не ново. Сочинитель послѣдовалъ примѣру Вишнеградскаго, который своей диссертациі о словянскомъ языкѣ также придалъ характеръ перечневый. Сочинитель притомъ не обратилъ вниманія на первыя главы Шафарика *«исторіи языка и литературы славянъ»*, которыя помогли бы ему въ его историческихъ изслѣдованіяхъ и на трудъ Максимовича *«начатки русской филологіи»*, въ которомъ нашелъ бы свѣдѣнія, нужныя для его критическихъ наблюденій. Говоря о значеніи заслугъ А. Х. Востокова, сочинитель слабо обозрѣлъ направленія филологическія вообще: иначе онъ яснѣе отдѣлялъ бы палеографическое, историческое и сравнительное изученіе древнесловянскаго языка. Одѣнка трудовъ А. Х. Востокова вполнѣ вѣрна, но по этому поводу слѣдовало бы упомянуть о трудахъ академика Срезневскаго, заслуги котораго въ палеографіи огромны. Кратко касаясь трудовъ Шафарика, сочинитель не вполнѣ воспользовался его прекрасными замѣчаніями о *перестрой звуковъ* въ нарѣчійхъ. Иначе заключеніе свое онъ изложилъ бы не такъ, поспѣшно и самый перечень звуковъ представилъ бы въ двухъ таблицахъ, изображая фонетическій перестрой въ корняхъ и слѣсахъ. Сверхъ того, можно замѣтить много частныхъ обмолвокъ

въ сочиненіи. Такъ напр. стр. 57 грамматики Цандофа, отнесена къ школь Добровскаго, на стр. 68 не точно то, что говорится о синтаксисѣ. Несмотря на вышеизложенныя недостатки сочиненія, нельзя не отдать справедливости трудолюбію сочинителя, его усилію критически обследовать предметъ свой и умѣнію (хотя излише подробно) изложить сущія подробности ясно, точно и вѣрно. Поэтому, полагаю, что трудъ сочинителя достоинъ поощренія золотой медалью.

По вскрытіи пакета съ девизомъ «шльдше въберѣтемою», оказалось, что сочиненіе написано оженившимся въ 1872—73 учебномъ году курсъ по исторіе-филологическому факультету съ правомъ на степень кандидата, студентомъ Семеномъ Коропачинскимъ. *Опредѣлили*: согласно удостоенію факультета наградить С. Коропачинскаго на торжественномъ актѣ золотой медалью и, утвердивъ въ степени кандидата, выдать ему установленный на это званіе дипломъ.

18) Письмо профессора Григоровича на имя г. ректора: «труды, изданныя по распоряженію министерствъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и военнаго, свидѣтельствуя о разнообразномъ изученіи южнаго края въ видахъ административныхъ, заставляютъ ожидать такихъ же по этнографіи въ связи съ культурными задачами, пробужденными изученіемъ русской исторіи. Несмотря на то, что давно уже члены Императорскаго общества исторіи и древностей усиливались пробудить пытливость въ этомъ дѣлѣ, зажиточные люди этого края остались равнодушными къ ихъ трудамъ и не позаботились поощрить ихъ просвѣщеннымъ своимъ участіемъ. Усилія этихъ тружениковъ справедливо, слѣдственно, поставлены наряду съ подвигами принопамятныхъ воиновъ, освободившихъ этотъ край отъ

и Бизюковскій. Въ корсунскомъ монастырѣ, гдѣ я еще въ 1864 г. могъ бѣгло обозрѣть 80 рукописей и огромный окладъ старопечатныхъ книгъ; желалъ бы, если дозволить, заняться болѣе подробнымъ ихъ разсмотрѣніемъ. Въ бизюковомъ монастырѣ крайне нужно было бы мнѣ прочесть грамоты, данныя бывшему бизюкову монастырю въ епархіи оженской близъ г. Дорогобужа, перенесенному въ началѣ этого столѣтія на югъ и допытаться старыхъ описей этого бывшаго монастыря. По извѣстію, сообщенному Татищевымъ, этому именно старому бизюкову монастырю принадлежала искомая лѣтопись *Юдкима Корсулянина* и была тамъ тщательно хранима. Хотя бы съдѣе ея открыть! Покончивъ эти поиски поспѣшу черезъ Николаевъ возвратиться въ Одессу. Ласная себя мыслью, что предполагаемая поѣздка заслужитъ милостивое вниманіе, не смѣю слишкомъ обременять просьбами начальство о незаслуженномъ покровительствѣ этому опыту поисковъ. Зная, однакожъ, какъ намъ, туземцамъ, трудно приобрѣтать свѣдѣнія, касающіяся южнаго края, я покорнѣйше просилъ бы довести до свѣдѣнія объ этомъ начальства; дабы не встрѣтилось препятствій. Такъ, благосклонное вниманіе г. мариупольскаго исправника дало бы мнѣ возможность снискать довѣріе грековъ этого округа. Это вниманіе, однакожъ, могло бы обойтись безъ всякихъ казенныхъ распоряженій, что причинило бы мнѣ только издержки. Особенно милостивое дозволеніе ихъ высокопреосвященствъ архіепископовъ херсонскаго и таврическаго — дозволеніе дѣлать подробныя антикварныя поиски въ упомянутыхъ монастыряхъ, имъ принадлежащихъ, было бы мнѣ истиннымъ благодѣніемъ. Утруждая ваше превосходительство изложеніемъ этихъ своихъ намѣреній, уповаю, что и вы благоволите снабдить меня видомъ; въ

которомъ могло бы быть выражено назначеніе моей поѣздки. Нисколько не обольщая себя и другихъ полнымъ вождѣ-леннымъ успѣхомъ, я благодарилъ бы Бога, еслибы успѣлъ представить подобныя прежнимъ записки. Въ оправданіе именно себя смѣю доложить, что, давно уже сообщивъ важное свѣдѣніе о Россовлахин, я въ запискѣ о побережьи Днѣстра сообщилъ кое-что и своего, что въ трехъ запискахъ, касающихся Херсона, представлены были нѣкоторыя, ничтожныя конечно, дополненія къ имѣющимся свѣдѣніямъ. О связи изслѣдованій этихъ съ задачами науки словянскою вашему превосходительству излишне будетъ докладывать послѣ того, какъ вамъ извѣстно, что имѣю несчастіе питать предположеніе о важнѣйшемъ культурномъ событіи у словянъ, приурочиваемомъ мною къ землямъ южной Россіи. Нынѣ, когда незаслуженнымъ вниманіемъ со-вѣта, мнѣ дана возможность продолжать службу на югѣ, возобновляю свои поиски, хотя не обольщаю себя надеждою полнаго успѣха (такой успѣхъ возможенъ тому, кто найдетъ содѣйствіе и участіе людей сильныхъ въ краѣ), я исполняю этимъ зарокъ, выраженный въ докладной запискѣ, поданной по волѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Е. И. Ковалевскаго тому лѣтъ 13-ть. Дѣлая эти поиски на свой страхъ, даже еслибы ихъ постигло глумленіе, я однакожъ, непремину, подобно прежнимъ, сообщить объ нихъ въ запискѣ и такимъ образомъ исполню одно изъ условій общества исторіи и древностей въ Одессѣ, превосходно изложенныхъ первымъ его президентомъ еще въ 1840 году. Дай Богъ, дабы по крайней мѣрѣ мнѣ возможно было не препятствовать высокому назначенію Императорскаго ново-россійскаго университета, назначенію — подготовить новое поколѣніе русскихъ людей въ новой Россіи, соединяющее

съ общепользыными знаніями познаніе южной Россіи, назван-
ной новою Россіею развѣ потому, что въ ней кореннымъ
русскимъ было труднѣе жить, чѣмъ выходцамъ».

При этомъ ректоръ заявилъ, что профессоръ Григоровичъ встрѣчалъ большія затрудненія со стороны мѣстной полиціи въ прежнихъ своихъ путешествіяхъ, что случалось также съ другими профессорами Вальцемъ и Сидцовымъ. *Опредѣлили*: сообщить отъ имени совѣта г. генералъ-губернатору содержаніе заявленія г. ректора, просить его высокопревосходительство, чрезъ г. попечителя одесскаго учебнаго округа, оказать свое содѣйствіе къ устраненію на будущее время встрѣчаемыхъ профессорами затрудненій въ ученыхъ ихъ экскурсіяхъ, а если возможно и снабдить проф. Григоровича открытымъ листомъ на предстоящее ученое путешествіе.

19) Представленіе историко-филологическаго факультета: «представляя при семъ рѣчь, изготовленную и д. экстраординарнаго профессора Р. В. Орбинскимъ къ предстоящему акту «Эдуардъ Гартманнъ и его философія Безсознательнаго», историко-филологическій факультетъ долгомъ считаетъ обратить вниманіе совѣта на нѣкоторыя ея части, возбуждающія нѣкоторыя сомнѣнія съ точки зрѣнія дѣйствующихъ законовъ о печати» (см. стр. 22 и отъ 25 до 32). *Опредѣлили*: просить г. ректора разослать рѣчь между членами совѣта для прочтенія, а рѣшеніе вопроса о печатаніи отложить до слѣдующаго засѣданія совѣта.

Засѣданіе 18-го августа.

Присутствовали 14 профессоровъ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа.

1) Отъ 31-го мая за № 2848: «однѣ изъ новечителей учебныхъ округовъ, согласно представленію совѣта университета, вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о предоставленіи совѣту того университета права оставлять при университетѣ, по избранію совѣта, окончившихъ курсы кандидатовъ и лекарей, по представленію факультетовъ, для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ ученому поприщу, на правахъ стипендіатовъ, т. е. съ зачетомъ времени оставленія ихъ при университетѣ въ дѣйствительную службу, срокомъ не свыше трехъ лѣтъ, если они прослужатъ въ послѣдствіи при университетахъ или въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ двойной срокъ противъ того времени, которое допускается къ зачету, но безъ стипендіатаго содержанія, въ томъ случаѣ, если эти лица принадлежать къ числу людей достаточныхъ, и съ тѣмъ, чтобы эти молодые люди не были включаемы въ положенное число стипендіатовъ по каждому факультету.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 16-го день сего мая, Высочайше повелѣть соизволилъ: примѣчаніе 6 къ ст. 550 т. III св. зак. изд. 1857 г. уст. о служб. по опред. отъ прав. (по прод. 1872 г.) распространить и на всѣхъ тѣхъ кандидатовъ и лекарей нашихъ университетовъ, которые будутъ избраны совѣтами университетовъ для оставленія при оныхъ съ цѣлю приготовленія къ профессорскому званію *на собственныи счета*.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, доведенномъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, до свѣдѣнія правительствующаго сената, а также сообщенномъ г. главноуправляющему II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, получивъ предложеніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника статскіе-секретаря Деянова отъ 20 т. мая за № 5557; сообщаю совѣту новороссійскаго университета къ надлежащему исполненію и руководству. *Опредѣлили:* внести въ книгу общихъ постановленій по университету.

2) а) Отъ того же числа за № 2849 объ освобожденіи отъ повѣрочныхъ испытаній молодыхъ людей, удостоенныхъ аттестатовъ вълости; и

б) Представленіе правленія университета за № 755 о сдѣланныхъ вслѣдствіе вышеизложеннаго постановленія измѣненіяхъ въ правилахъ для студентовъ. *Опредѣлили:* 1) принявъ Высочайшее повелѣніе къ надлежащему исполненію и руководству, внести въ книгу общихъ постановленій и 2) сдѣланныя по этому распоряженія правленія утвердить.

3) Отъ 2-го іюня за № 2888 о зачетѣ астроному-наблюдателю Е. Блоку въ службу времени съ 28 марта 1873 года, т. е. со дня избранія его совѣтомъ на эту должность. *Опредѣлили:* отмѣтить въ формулярномъ спискѣ г. Блока.

4) Отъ того же числа за № 2889 о томъ, что ординарный профессоръ новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Леонтовичъ Всемилоствѣйшій утвержденъ, въ 16-й день мая сего 1873 года, вновь ректоромъ сего университета, на 4 года, съ 19 числа того же мая мѣсяца. *Опредѣлили:* принявъ къ свѣдѣнію, внести въ формулярный списокъ г. Леонтовича.

5) Отъ 4-го іюня за № 2893 о томъ, чтобы отчеты лицъ командируемыхъ за границу для приготовления къ профессорскому званію, помѣщались въ издаваемыхъ университетовъ, по ближайшему усмотрѣнію послѣднихъ. *Опредѣлили*: принять къ руководству и исполненію въ потребныхъ случаяхъ.

6) Отъ 13 іюня за № 3045 о томъ, что студенты лица Цесаревича Николая, желающіе перейти для продолженія ученія въ университетъ, принимаются на тотъ же курсъ и по тому же факультету, на которыхъ они состояли въ лицей, т. е. изъ перваго въ первый, изъ втораго во второй и изъ третьяго въ третій; при чемъ относительно сроковъ перехода соблюдаются правила, имѣющія силу въ каждомъ университетѣ. *Опредѣлили*: внести въ книгу общихъ постановленій.

7) Отъ 26 іюня за № 3247 о включеніи г. Кононовича въ списокъ лицъ, предполагаемыхъ въ отправленію за границу въ 1874 году, если позволить средства министерства. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

8) Отъ 4-го іюля за № 3323 объ утвержденіи г. Цитовича доцентомъ новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: сообщить въ юридическій факультетъ и правленіе университета.

9) Отъ 26-го іюня за № 3827 о томъ, что его превосходительство признаетъ невозможнымъ утвердить постановленіе совѣта о распредѣленіи квартиръ въ университетскихъ зданіяхъ. *Опредѣлили*: предложеніе г. попечителя передать въ физико-математическій факультетъ.

10) Отъ 28-го іюля за № 3854 о присканіи лица, желающаго поступить на стипендію духовнаго вѣдомства. *Опредѣлили*: предложить физико-математическому факультету

тоту озабочиться присканіемъ лица, желающаго поступить на стипендію духовнаго вѣдомства.

11) Представленія факультетовъ о распредѣленіи дополнительныхъ переводныхъ испытаній. *Опредѣлили*: сдѣланныя факультетами распредѣленія утвердить съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что экзамены должны быть окончены до 1-го сентября. Испытанія по богословію просить произвести профессора Войтковскаго, назначивъ днемъ этого экзамена 27-е августа.

12) Донесеніе историко-филологическаго факультета о томъ, что коммисія, образованная изъ гг. профессоровъ: Григоровича, Юргевича, Некрасова и Бруна и доцента Комдакова, по поводу назначенія депутатовъ на предварительный съѣздъ въ Кіевѣ 1-го августа 1873 года, не найдя возможнымъ послать на него депутатовъ, представила г. предсѣдателю комитета по устройству предварительнаго съѣзда свои вопросы для внесенія въ программу занятій съѣзда. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

13) Представленіе того же факультета о томъ, что рассмотрѣвъ всѣ шесть драматическихъ сочиненій, представленныхъ на соисканіе преміи учрежденной г. Вучиною, онъ не нашелъ изъ нихъ ни одного, заслуживающаго означенной преміи. *Опредѣлили*: внести въ университетскій отчетъ, предназначаемый для прочтенія на торжественномъ актѣ.

14) Представленіе физико-математическаго факультета о назначеніи предметовъ повѣрочныхъ испытаній, а также экзаменаторовъ. *Опредѣлили*: утвердить постановленіе факультета.

15) Представленіе того же факультета о томъ, что онъ вполне согласенъ на учрежденіе ученыхъ степеней

магистра и доктора физиологии на основанияхъ, указанныхъ въ предложеніи г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 26 мая за № 2793. *Опредѣлили*: по отзыву факультета донести г. попечителю.

16) Представленіе того-же факультета съ объясненіемъ по поводу отказа министерства въ назначеніи сверхштатнаго профессора зоологій въ новоросійскомъ университетѣ. *Опредѣлили*: возвратить для дополненій въ физико-математическій факультетъ.

17) Представленія факультетовъ а) историко-филологическаго о рѣшеніи факультета поручить, по примѣру прошлаго года, чтеніе лекцій по вакантной кафедрѣ всеобщей исторіи ординарному профессору русской исторіи Смирнову; б) физико-математическаго о порученіи на нынѣшній академическій годъ преподаванія по вакантнымъ кафедрамъ: физической географіи профессору Шведову и технической химіи профессору Вериге. *Опредѣлили*: отложить рѣшеніе по настоящимъ представленіямъ до слѣдующаго засѣданія совѣта.

18) Донесеніе физико-математическаго факультета о немедленной выдачѣ профессору Мечникову, ассигнованныхъ ему денегъ изъ специальныхъ средствъ. *Опредѣлили*: предложить правленію, по сборѣ денегъ, немедленно выдать профессору Мечникову пятьсотъ рублей.

19) Представленіе его-же о командированіи г. Гребницкаго въ Петербургъ для занятій сравнительной анатоміей и гистологіей. *Опредѣлили*: о командированіи г. Гребницкаго въ Петербургъ, съ указанною въ представленіи факультета цѣлю, представить г. попечителю.

20) Представленія: физико-математическаго факультета объ удостоеніи степени кандидата математическихъ наукъ

Хевцуріани Окропира и юридическаго—объ удостоеніи г. Демченка степени кандидата юридическихъ наукъ.

При этомъ секретарь совѣта доложилъ, что подлежащими базенными палатами уволены изъ податнаго состоянія Михаилъ Грязновъ, Егоръ Димо и Григорій Ковтуновъ, удостоенные юридическимъ факультетомъ званія дѣйствительнаго студента, съ предоставленіемъ двумъ послѣднимъ права представить диссертации на степень кандидата. *Опредѣлили*: утвердивъ гг. Хевцуріани и Демченка въ степени кандидата, Грязнова, Димо и Ковтунова въ званія дѣйствительнаго студента, съ предоставленіемъ двумъ послѣднимъ права представить диссертации на степень кандидата, выдать имъ установленныя на эти званія дипломы и аттестаты.

21) Представленія факультетовъ: историко-филологическаго и физико-математическаго о назначеніи стипендій студентамъ: Смирнову, Басюлову, Ливенцову и Каминскому, переходящему на 1-й курсъ математическаго отдѣленія. *Опредѣлили*: передать въ правленіе университета.

22) Представленіе физико-математическаго факультета о рекомендаціи учителя рижельской гимназіи Грицака въ посылкѣ за границу для приготовленія въ учителя реальныхъ училищъ. *Опредѣлили*: по доставленіи факультетомъ требуемыхъ министерствомъ въ подобныхъ случаяхъ приложеній представить г. попечителю.

23) Представленіе юридическаго факультета: «юридическій факультетъ разсматривалъ сочиненіе написанное для соисканія награды медалью. Основываясь на рецензій профессора Леонтовича, и соглашаясь съ мнѣніемъ г. Леонтовича о томъ, что сочиненіе это можетъ быть удостоено награды серебряною медалью, факультетъ ходатайствуетъ предъ совѣтомъ

о награжденіи серебряною медалью лица, которое написал означенное сочиненіе».

Совѣтъ университета, съ своей стороны, призналъ заслуживающимъ награды серебряною медалью вышеозначенное сочиненіе, которое, какъ по вскрытіи пакета съ девизомъ оказалось, написано студентомъ IV курса юридическаго факультета Алексѣемъ Попельницкимъ, *Опредѣлили*, утвердивъ г. Попельницкаго въ степени кандидата, выдать ему установленный на это званіе дипломъ, и на торжественномъ актѣ вручить ему серебряную медаль.

24) Ректоръ сообщилъ, что о принятіи въ университетъ въ настоящемъ академическомъ году подали прошенія 47 молодыхъ людей, изъ нихъ:

Съ аттестатами зрѣлости изъ гимназій

Изъ духовныхъ семинарій и одинъ изъ гимназій

Изъ раввинскихъ училищъ

» университетовъ

» лицеевъ

	На историко-этнографическій факультетъ.	На юридическій факультетъ.	На евангелико-теологическій факультетъ	
			По отдѣленію матем.	По отдѣленію естествонаукъ
Съ аттестатами зрѣлости изъ гимназій	2	9	6	1
Изъ духовныхъ семинарій и одинъ изъ гимназій	10	4	»	8
Изъ раввинскихъ училищъ	4	»	»	»
» университетовъ	»	1	»	1
» лицеевъ	»	»	»	1

Имѣющіе аттестаты зрѣлости и увольнительныя свидѣтельства университетовъ и лицей, на основаніи дѣствующихъ правилъ, зачислены уже въ студенты новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: сообщеніе г. ректора о числѣ подавшихъ прошенія для поступленія въ универси-

теть, а также о зачисленныхъ ихъ въ студенты по аттестатамъ зрѣлости и по увольнительнымъ свидѣтельствамъ университетовъ принять къ свѣдѣнію; прочихъ же подвергнуть повѣрочному испытанію: поступающихъ на историко-филологическій факультетъ изъ двухъ древнихъ и русскаго языковъ, на юридическій — изъ латинскаго и русскаго языковъ и математики, а на физико-математическій факультетъ — изъ латинскаго и русскаго языковъ, математики и физики. Для производства испытаній составить комиссію изъ профессоровъ: Юргевича по латинскому и греческому языкамъ, Некрасова по русскому языку, Шведова по физикѣ, Ярошенка и Лигина по математикѣ, назначивъ предсѣдателемъ профессора Юргевича.

25) Изготовленные къ торжественному акту: 1) отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ новороссійскаго университета въ 1872—73 году, и 2) рѣчь профессора Орбинскаго «Эдуардъ Гартманъ и его философія безсознательнаго». *Опредѣлили*: отчетъ утвердить, рѣчь одобрить и, въ виду отсутствія профессора Орбинскаго, просить профессора Богдановскаго прочесть на актѣ.

26) Отношеніе горнаго института за № 1552 съ приглашеніемъ принять участіе въ празднованіи его 100-лѣтняго юбилея. *Опредѣлили*: передать въ физико-математическій факультетъ.

27) По предложенію ректора *Опредѣлено*: открыть чтеніе лекцій, по отслуженіи молебна 3-го сентября, съ 4-го числа.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о

СОСТОЯНІИ И ДѢЙСТВІАХЪ

Императорскаго новороссійскаго университета

въ 18⁷²₇₃ академическомъ году.

I. Личный составъ университета.

Въ личномъ составѣ служащихъ въ университетѣ произошли въ истекшемъ академическомъ году слѣдующія перемѣны:

1) Составъ преподавателей пополнился назначеніемъ магистра Кипиенка доцентомъ по кафедрѣ химіи и доктора Цитовича доцентомъ по кафедрѣ гражданского права, для преподаванія торговаго и вексельнаго права.

2) Изъ прежде служившихъ: а) экстраординарные профессора Ягичъ и Верито и доцентъ Некрасовъ возведены въ званіе ординарныхъ профессоровъ; б) заслуженный ординарный профессоръ Григоровичъ оставленъ на новое 5-лѣтіе; в) выбылъ: ординарный профессоръ Марковниковъ по случаю перемѣщенія въ московскій университетъ и скончавшійся и. д. экстраординарнаго профессора Власевъ.

3) Затѣмъ число наличныхъ преподавателей въ новороссійскомъ университетѣ состоитъ въ настоящее время изъ 23 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ, 11 доцентовъ, 1 приватъ-доцента. По факультетамъ преподаватели распредѣляются слѣдующимъ образомъ: по историко-филологическому: 6 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ, 3 доцента и 1 приватъ-доцентъ; по физико-математическому: 10 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ и 5 доцентовъ; по юридическому: 7 ординарныхъ профессоровъ и 3 доцента.

Кромѣ этихъ преподавателей состоятъ вообще при университетѣ: 1 профессоръ православнаго богословія и 3 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ.

4) Остаются незамѣненными слѣдующія кафедры: въ историко-филологическомъ факультетѣ:

1) Всеобщей исторіи и
2) Исторіи всеобщей литературы; въ физико-математическомъ:

3) Физической географіи и

4) Технической химіи; въ юридическомъ:

5) Энциклопедіи права,

6) Римскаго права,

7) Международнаго права и

8) Гражданскаго судоустройства и судопроизводства.

5) Въ составѣ должностныхъ лицъ по учебно-административной и другимъ частямъ произошли слѣдующія перемѣны: ординарный профессоръ Леонтовичъ, по избранію совѣта, утвержденъ ректоромъ университета на новое 4-хъ-лѣтіе, заслуженный ординарный профессоръ Куницынъ — деканомъ юридическаго факультета, а ординарный профессоръ Вальцъ — физико-математическаго; опредѣлены: провизоръ Тегартенъ лаборантомъ химической лабораторіи на мѣсто уволеннаго отъ службы по прошенію титулярнаго совѣтника Либева; кандидатъ естественныхъ наукъ Рихавицъ — консерваторомъ ботаническаго кабинета; магистръ Влоевъ астрономомъ-наблюдателемъ; коллежскій секретарь Сухомлиновъ бухгалтеромъ, а занимавшій эту должность, коллежскій ассесоръ Марченко, перемѣненъ на должность секретаря правленія и по студентскимъ дѣламъ, на мѣсто вышедшаго въ отставку, по болѣзни, коллежскаго ассесора Коссобудскаго; выбылъ управляющій сельско-хозяйственною учебною фермою Арифальдъ по случаю перемѣненія доцентомъ въ институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

II. Учебная и ученая дѣятельность университета.

1) Въ видахъ установленія преподаванія всѣхъ существенно необходимыхъ предметовъ на каждомъ факультетѣ, совѣтъ уни-

верситета, по представленію подлежащихъ факультетовъ, распредѣлилъ чтеніе по вакантнымъ кафедрѣмъ между наличными преподавателями другихъ предметовъ. Такъ, въ историко-филологическомъ факультетѣ преподаваніе всеобщей исторіи раздѣлено между ординарнымъ профессоромъ русской исторіи Смирновымъ и стороннимъ преподавателемъ, заслуженнымъ профессоромъ Бруншемъ; въ физико-математическомъ факультетѣ преподаваніе физической географіи поручено ординарному профессору физики Шведову, технической химіи—ординарному профессору химіи Вериге; въ юридическомъ факультетѣ чтеніе римскаго права поручено ординарному профессору гражданскаго права Куницыну, гражданскаго судопроизводства—ординарному профессору уголовного права Богдановскому, энциклопедіи права—доценту по кафедрѣ государственнаго права—Пригарѣ, а международнаго права—доценту по кафедрѣ полицейскаго права Шпилевскому. Въ технико-агрономическомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета впервые открыто было чтеніе лекцій по сельско-хозяйственной техникѣ.

2) Мѣрами къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и въѣствъ способомъ ближайшаго контроля надъ ихъ занятіями служили въ историко-филологическомъ факультетѣ: по отдѣленію классической филологіи особыя практическія занятія, подъ руководствомъ профессора, и занятія памятниками восточнаго и классическаго искусства, въ свободные отъ лекцій часы, въ университетскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ; по отдѣленію историческому—спеціальная разработка студентами какого-либо отдѣла историческихъ наукъ и самостоятельныя сочиненія по этимъ отдѣламъ; по отдѣленію русско-славянской филологіи—чтенія и переводы по славянскимъ языкамъ и особый спеціальныя семинаріи по разбору наиболѣе извѣстныхъ авторовъ и произведеній древней и новой русской литературы. Юридическій факультетъ продолжалъ требовать обязательнаго представленія студентами письменныхъ работъ. По отзыву факультета, недавній опытъ въ этомъ отношеніи не даетъ еще права произнести окончательный приговоръ о томъ, на сколько полезна эта мѣра, но можно сказать однакожь, что письменныя занятія студентовъ приносятъ имъ существенную пользу, заставляя ихъ внимательно

и подробно изучать предметъ, служащій темою сочиненія, а также приучая ихъ излагать мысли юридически точно и правильно. Тѣ неудобства, которыя на первыхъ порахъ обнаруживались отъ исключительности занятій письменными работами, съ теченіемъ времени могутъ совершенно изгладиться, если писаніе студентами сочиненій войдетъ, въ должныхъ размѣрахъ, въ кругъ ихъ занятій.

3) На конкурсъ для соисканія наградъ медалями представлено два сочиненія,—одно на тему, предложенную историко-филологическимъ факультетомъ «исторія изученія и раздѣленія славянскихъ нарѣчій отъ І. Дубровскаго до настоящаго времени»; другое на тему, данную юридическимъ факультетомъ: «исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи въ послѣднее царствованіе». Сочиненія эти, на основаніи подробныхъ разборовъ, представленныхъ о нихъ профессорами Григоровичемъ и Леонтовичемъ, признаны какъ факультетами, такъ и совѣтомъ достойными наградъ медалями—первое золотомъ, а второе серебряною. По вскрытіи затѣмъ конвертовъ съ девизами, оказалось, что первое сочиненіе написано студентомъ IV курса историко-филологическаго факультета Коропачинскимъ, а второе—студентомъ IV курса юридическаго факультета Попельницкимъ, которыхъ и определено выдать медали на торжественномъ годичномъ собраніи.

На наступившій академическій годъ назначены темы по историко-филологическому факультету: «Геродотова Скиѳія; критическій обзоръ данныхъ по исторіи, топографіи и археологіи края», по физико-математическому: 1) о солнечномъ паралаксѣ и 2) естественная исторія *Halisarca*, водящейся въ одесской бухтѣ; по юридическому—изложить ученіе Канта о правѣ и государствѣ.

4) Прошедшій годъ открываетъ собою рядъ конкурсовъ другаго рода, къ состязанію въ которомъ приглашаются всѣ ревнители эстетическо-нравственнаго образованія народа. Почтенный нашъ согражданинъ, греческоподданный И. Г. Вучина, подерживая поэтическое состязаніе въ Аѳинахъ уже 14 лѣтъ назначеніемъ преміи за лучшее произведеніе въ стихахъ, пожелалъ и тому городу, въ которомъ онъ впервые увидѣлъ свѣтъ и получилъ первоначальное образованіе, оказать услугу. Глубоко

убѣжденный въ важномъ значеніи народнаго театра и желал, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать его развитію, онъ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 28 день ноября 1872 г., учредилъ ежегодную премію въ 500 р. за лучшее произведеніе, написанное для русской народной сцены. Вотъ главнѣйшія условія, которымъ должны удовлетворять конкурсенныя сочиненія: а) прежде всего сочиненіе должно быть чисто-народнымъ (но не простонароднымъ), написанное чистымъ русскимъ литературнымъ языкомъ, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ необходимо употребить въ разговорахъ народныя выраженія для болѣе вѣрнаго изображенія народной жизни; оно должно исключать тѣ неприличныя выраженія, божбу и ругательства, какими иногда изобилуютъ театральныя пьесы, содержаніе которыхъ заимствовано изъ народной жизни; б) при такой строго-литературной формѣ, способной развить въ народѣ эстетическій вкусъ, сочиненіе должно имѣть воспитательный характеръ, не скучно поучая, но создавая дѣйствительныя типы, взятые изъ народной жизни и проводя въ народъ, съ помощью художественнаго вымысла, здравый взглядъ на жизнь, или возбуждая въ немъ національное чувство воспроизведеніемъ славныхъ событій изъ отечественной исторіи; в) сообразно съ этимъ, русская исторія и въ частности бытъ нашего народа со всеми его особенностями, повѣрьями и обычаями, должны служить главнѣйшимъ матеріаломъ для драматическаго сочиненія, предназначеннаго для нашего народнаго театра.

Присужденіе премій, по положенію, предоставлено историко-филологическому факультету Императорскаго новороссійскаго университета.

На соисканіе премій представлено было шесть сочиненій:

- 1) «Свой грѣхъ», драма въ трехъ дѣйствіяхъ изъ народнаго быта. Девизъ: «Populus».
- 2) «Толки о войнѣ», сцены. Девизъ: C'est du sud aujourd'hui que nous vient la lumière.
- 3) «Встрѣча въ маскарадѣ», комедія въ 1 дѣйствіи съ пюзкой и танцами, въ вольныхъ стихахъ, изъ одесской жизни. Девизъ: «Смѣхъ исправляетъ нравы».

4) «Донна», комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Безъ девиза.

5) «Царицѣны башмачки», комическая оперетка въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Безъ девиза.

6) «Изъ простаго званія». комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ и 9-ти картинахъ. Девизъ: «для блага русскаго народа».

Историко-филологическій факультетъ, разсмотрѣвъ всѣ эти сочиненія, не призналъ ни одного изъ нихъ заслуживающимъ преміи.

Неуспѣхъ перваго конкурса едвали не зависѣлъ въ значительной степени отъ недостатка времени, менѣе полгода, бывшаго въ распоряженіи соискателей со дня публикаціи положенія о преміи до срока предстачленія сочиненій.

5) Преподавателями и другими служащими въ университетѣ напечатаны въ истекшемъ году слѣдующія сочиненія:

Заслуженный профессоръ православнаго богословія, протоіерей Павловскій напечаталъ въ херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ: 1) рѣчь при освященіи новыхъ зданій для помѣщенія земскаго банка херсонской губерніи, 2) рѣчь по совершеніи панихиды въ университетской церкви въ 9 день кончины профессора Власьева, 3) нѣсколько словъ, сказанныхъ при погребеніи М. Θ. Попандоупо и 4) слово въ день рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича.

Исправляющій должность ординарнаго профессора, протоіерей Войтковскій, помѣстилъ тамъ же: 1) слово въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича, 2) рѣчь въ воспитанницамъ одесскаго института благородныхъ дѣвицъ, кончившимъ курсъ ученія и 3) о Евстаѣи, сосецинскомъ архіепископѣ XII ст.

Заслуженный профессоръ Григоровичъ напечаталъ сообщеніе, сдѣланное имъ въ торжественномъ годичномъ собраніи 11 мая славянскаго благотворительнаго общества св. св. Кирилла и Меѳодія подъ заглавіемъ: «Что принесъ намъ годъ минувшій», въ актовомъ книжкѣ этого общества.

Ординарный профессоръ Некрасовъ напечаталъ отдѣльнымъ изданіемъ «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя».

Заслуженный профессор Брунъ продолжалъ и кончилъ печатаніе своего сочиненія: «Essai sur la Scytie» и началъ печатать сочиненіе «Дневникъ Генриха Лассоты».

Орд. проф. Павловъ напечаталъ въ Запискахъ Импер. академіи наукъ «Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II» и въ Запискахъ новорос. университета статью: «Еще наказный списокъ по Стоглаву».

Ординарный профессоръ Вальцъ напечаталъ: 1) отчетъ о выставкѣ по садоводству и огородничеству, бывшій въ Одессѣ въ 1872 г., въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства юж. Россіи, 2) о разведеніи смаржи—тамъ же; 3) сушка сливъ—тамъ же; 4) объ оплодотвореніи у морской нитчатки *Urogroga mirabilis* и о конуляціи зооспоръ у водорослей вообще, въ Запискахъ новороссійскаго общества естествоиспытателей; 5) Walz et Rudolph: Index seminum, quae hortus botanicus universitatis Novae Rossiae mutuo commutanda offert.

Ординарный профессоръ Сабининъ напечаталъ въ іюньской книжкѣ журнала *Nouvelles Annales des Mathématiques*: «Sur l'accélération normale dans le mouvement le plus général d'un système invariable.»

Ординарный профессоръ Беркевичъ помѣстилъ въ мѣстныхъ календаряхъ астрономическія явленія, восходы и заходы солнца и луны на будущій годъ.

Ординарный профессоръ Абашевъ напечаталъ два доклада на кіевскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ.

Ординарный профессоръ Вѣриго напечаталъ сочиненіе — изслѣдованіе о продуктахъ разложенія хлоръ ангидрида глицериновой кислоты.

Экстраординарный профессоръ Синцовъ напечаталъ: 1) геологическія замѣтки о симбирской губерніи, въ Запискахъ с.-петербургскаго минералогическаго общества 1872 г. 2) геологическій очеркъ бессарабской области, въ Запискахъ новороссійскаго общества естествоиспытателей 1873 г.

Экстраординарный профессоръ Ярошенко напечаталъ «начала новой геометріи», въ Запискахъ университета.

Доцентъ Бернштейнъ напечаталъ «замѣтки изъ современной

физиологической литературы (5-е продолженіе)—въ протоколахъ общества одесскихъ врачей за 1872 г.

Доцентъ Умовъ напечаталъ: 1) «теорія простыхъ средъ и ея приложеніе къ выводу основныхъ законовъ электростатическихъ и электродинамическихъ взаимодействій.» 2) Замѣтка по поводу сочиненія Лигина «геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы», въ Запискахъ университета.

Доцентъ Лигинъ напечаталъ: 1) «геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы.» и 2) «геометрическая теорія относительнаго движенія точки и неизмѣняемой системы.»

Исправляющій должность доцента Кочубинскій напечаталъ сообщеніе, сдѣланное имъ въ годичномъ торжественномъ собраніи славянскаго благотворительнаго общества св. св. Кирилла и Меодія подъ заглавіемъ: «изъ путевыхъ воспоминаній», въ актовомъ книжкѣ этого общества.

Приватъ-доцентъ Армфельдъ напечаталъ въ Запискахъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства юж. Россіи за 1872 г. въ № 1: о недостаткѣ и дороговизнѣ рабочихъ рукъ въ новороссійскомъ краѣ; въ № 2: о воздѣлываніи подсолнечника, въ № 5: о дву и многобороздныхъ плугахъ.

Консерваторъ ботаническаго кабинета Ршава напечаталъ въ Запискахъ новороссійскаго общества естествоиспытателей: «въ исторіи развитія порфиры».

Лаборантъ Петріевъ напечаталъ въ Запискахъ новороссійскаго общества естест. 1873 г. матеріалы къ изученію группы азобензида.

Лаборантъ Дородницинъ напечаталъ въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства юж. Россіи: о молочно-сгустительныхъ фабрикахъ.

6) Открытыя при университетѣ въ предшествовавшемъ году публичные курсы по естественнымъ наукамъ читались и въ прошломъ году. Именно читали: ординарный профессоръ Вальцъ частную морфологію и систематику растеній, ординарный профессоръ Шведовъ по теоретической и опытной физикѣ, ординарный профессоръ Мечниковъ зоологію, ординарный профессоръ

Съчленовъ по физиологiи, ординарный профессоръ Марковниковъ неорганическую химию, ординарный профессоръ Верго органическую химию, доценты: Бернштейнъ по анатомiи человѣка, Коцугъ общую и частную морфологию растений, Умовъ по ошнтной физикѣ. Кромѣ того читали публичныя лекціи лекторы: нѣмецкаго языка Топоровъ — о Фаустѣ Гете, французскаго языка Вишневскій-де-Турнефоръ — исторiя французской литературы XVI и XVII вѣка.

7) Подвергались устному и письменному испытанiю на степень магистра: минералогiи и геогнозiи Ковалевскій, зоологiи—кандидатъ с.-петербургскаго университета Спиро, астрономiи—кандидатъ новороссійскаго университета Коноповичъ, международнаго права—кандидатъ новороссійскаго университета князь Кантакузинъ-графъ Сперанскій, политической экономiи кандидатъ московскаго университета Львовъ. Гг. Спиро и Львовъ окончили испытанiя, которыя подлежащими факультетами признаны удовлетворительными. Разсмотрѣнная и одобренная физико-математическимъ факультетомъ въ предшествовавшемъ году диссертациа на степень магистра механики Дигина защищалась авторомъ публично, и онъ удостоенъ искомой степени.

По представленiю юридическаго факультета, магистръ казанской духовной академiи, ординарный профессоръ новороссійскаго университета Павловъ возведенъ совѣтомъ университета въ степень доктора церковнаго законовѣдѣнiя на основанiи примѣчанiя къ 113 § университетскаго устава.

8) Изъ окончившихъ въ университетѣ курсъ студентовъ, а равно и подвергавшихся окончательнымъ испытанiямъ въ нашъ университетъ постороннихъ лицъ, удостоено: а) степени кандидата: 7 по историко-филологическому факультету, 21 по физико-математическому и 34 по юридическому; б) званiя дѣйствительнаго студента: 8 по историко-филологическому факультету, 16 по физико-математическому и 73 по юридическому; изъ нихъ 44-мъ предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертацию на степень кандидата.

9) Для приготовленiя къ профессорскому званiю оставлены при университетѣ на 2 года кандидаты: Палаузовъ по уголов-

ному праву, Гребинцкій по зоологiи, Вершадскій по государственному праву и Козубскій по всеобщей исторiи.

10) Независимо отъ прямыхъ своихъ занятiй и исполненiя непосредственныхъ своихъ обязанностей, многие преподаватели исполняли особыя порученiя начальства. Такъ, ректоръ университета Леонтовичъ съ 17 по 26 мая управлялъ одесскимъ учебнымъ округомъ; ординарные профессора Юргевичъ, Беркевичъ, Сабининъ имѣли порученiя г. попечителя присутствовать на окончательныхъ испытанiяхъ въ гимназiяхъ, г. Юргевичъ во 2-й одесской, г. Беркевичъ въ частныхъ классическихкихъ, г. Сабининъ въ екатеринославской; командированы были совѣтомъ: ординарный профессоръ Абашевъ и управляющiй фермою Армфельдъ—въ Кiевъ на сельско-хозяйственный съѣздъ: первый въ качествѣ депутата отъ университета, а второй для принятiя личнаго участiя въ съѣздѣ; ординарный профессоръ Павловъ—въ Москву и Петербургъ для занятiй въ тамошнихъ архивахъ съ 15 мая по 1 сентября; ординарные профессора Ягичъ, Мечниковъ и Вальцъ за границу съ ученою цѣлью, первый на 4 мѣсяца, второй на 2 мѣсяца, третiй на вакаціонное время; ординарный профессоръ Богшичъ на 6 мѣсяцевъ и, сверхъ того, по Высочайшему повелѣнiю, на нѣкоторое время въ Черногорiю, для составленiя, по просьбѣ князя Черногорiи, для этого княжества новаго свода законовъ, сообразнаго съ настоящимъ политическимъ положенiемъ и съ потребностями его.

III. Хозяйственно-распорядительная часть.

Новороссiйскiй университетъ съ 1-го iюня 1872 г. имѣлъ въ своемъ распоряженiи слѣдующiя денежные средства:

1) Оставалось къ 1-му iюня 1872 г. года отъ суммы, ассигнованной по § 5-му смѣты министерства народнаго просвѣщенiя на тотъ годъ, на содержанiе университета:

а) по ст. 1-й на содержанiе личнаго состава . . . . . 73950 р. 89 к.

б) по ст. 2-й на учебныя пособiя, хозяйственные и другiе расходы . . . . . 23879 > 68³/₄ >

ь) по ст. 3-й на стипендіи и пособія студентамъ	9100 р. 24 к.
2) Отъ суммы, асигнованной по § 17 ст. 12 той же смѣты на пособие обществу естествоиспытателей при университетѣ	1975 » — »
Всего	108905 р. 81 ³ / ₄ к.

Изъ этой суммы израсходовано:

1) На жалованье, столовые и квартирные служащимъ при университетѣ	68863 р. 19 к.
2) На учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы	26995 » 98 ³ / ₄ »
3) На стипендіи и пособія студентамъ университета	8846 » 68 »
4) На содержаніе общества естествоиспытателей при университетѣ	1975 » — »
5) Причитается еще къ выдачѣ разнымъ лицамъ за сдѣланные университетомъ заказы	2471 » 45 »
Всего	108652 р. 25 ³ / ₄ к.

Затѣмъ поступило въ свободные ресурсы государственнаго казначейства . . . . . 253 р. 56 к.

По финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1873 г. на содержаніе новороссійскаго университета въ этомъ году назначено:

по § 5-му смѣты:

по 1-й ст. на содержаніе личнаго состава	128188 р. — к.
по 2-й ст. на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы	53400 » — »
по 3-й ст. на стипендіи и пособія студентамъ	17500 » — »

по § 17-му;

по 12-й ст. на пособие обществу естествоиспытателей при университетѣ . . . . . 2400 » — »

Итого . . . . . 201888 р. — к.

Сверхъ того ассигновано дополнительнаго кредита :

по § 5-му сѣбты :

по ст. 1-й на полнѣ жалованье одному ординарному профессору	2275	» —	»
и на добавочное другому	1510	» —	»
Всего	3785	р. —	к.

по § 14-му :

по ст. 1-й на приготовленіе профессоровъ и учителей, и на ученые командировки	1176	р. —	к.
А всего	206549	р. —	к.

Изъ этой суммы по 1-е іюня 1873 г. израсходовано :

а) На содержаніе личнаго состава	53052	р. 13	к.
б) На учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы	18780	» 17	»
в) На стипендіи и пособія студентамъ	8459	» 80	»
г) На пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ	2301	» 9	»
д) На приготовленіе профессоровъ и учителей, и на ученые командировки	1176	» —	»
Итого	83769	р. 19	к.

Затѣмъ къ 1 іюня 1873 г. въ остаткѣ 122779 р. 81 к

Сверхъ суммы, отпускаемой изъ казны, университетъ имѣеть и свои спеціальныя средства, состоящія а) въ сборѣ платы со студентовъ за слушаніе лекцій; б) въ сборѣ со студентовъ за матрикулы, и в) въ пожертвованныхъ капиталахъ.

а) сбора платы за слушаніе лекцій къ 1-му іюня 1872 г. оставалось . . . . . 2062 р. 72¹/₂ к.

Съ 1-го іюня 1872 по 1-е іюня 1873 г. поступило . . . . . 9620 » — »

Итого . . . . . 11682 р. 72¹/₂ к.

Изъ нихъ перечислено 2% вычета въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія . . . . . 196 > 40 >

Израсходовано на разные предметы по опредѣленіямъ совѣта университета . . . . . 10601 > 76 >
 Итого . . . . . 10798 р. 16 к.

Затѣмъ къ 1-му іюня 1873 г. состо-
 итъ . . . . . 884 > 56¹/₂ >

б) Сбора за матрикулы къ 1-му іюня 1873 г. оставалось . . . . . 55 > 50¹/₂ >

Съ 1-го іюня 1872 г. по 1-е іюня 1872 г. поступило . . . . . 366 > — >

Итого . . . . . 421 р. 50¹/₂ к.

Изъ этой суммы въ томъ же году израсходовано . . . . . 857 > 65 >

Затѣмъ къ 1-му іюня 1873 г. состо-
 итъ . . . . . 63 > 85¹/₂ >

в) Пожертвованныхъ капиталовъ на содержаніе изъ % степендіатовъ разныхъ наименованій къ 1-му іюня 1873 г. состояло:

Наличными . . . . . 810 > 76³/₄ >

Въ билетахъ . . . . . 78800 > — >

Итого . . . . . 79610 р. 76³/₄ к.

Съ 1-го іюня 1872 г. по 1-е іюня 1873 г. получено % на пожертвованные капиталы . . . . . 2219 > 3 >

Всего . . . . . 81829 р. 79³/₄ к.

Изъ этой суммы съ 1-го іюня 1872 г. по 1-е іюня 1873 г. выдано стипендій студентамъ университета и ученикамъ гимназій . . . . . 1858 > 87¹/₄ >

Передано одесскому коммерческому училищу на учрежденіе въ немъ стипендій Леона Кекуси, согласно волѣ завѣщателя

процентными бумагами на	10000 р. — к.
Итого	11858 р. 87 ¹ / ₄ к.

Затѣмъ къ 1-му іюня 1873 г. состо-
итъ: процентными бумагами . . . . . 68800 р.
наличными деньгами . . . . . 170 р. 92¹/₂ к.

Итого	69970 р. 92 ¹ / ₂ к.
-----------------	--

Съ 1-го іюня 1872 по 1-е іюня 1873 г. поступило пожертвованій деньгами: а) въ пользу недостаточныхъ студентовъ: отъ дирекціи одесскаго клуба 800 р.; отъ спектаклей, данныхъ любителями—1,973 р. 46 к. и по завѣщанію умершаго капитана Лобанова два банковыхъ билета на 200 р., б) книгами отъ вдовы доктора медицины К. Е. Энно 158 названій въ 448 томахъ, отъ гг. ординарныхъ профессоровъ университета: А. С. Павлова 20 названій, В. И. Григоровича—50 брошюръ, касающихся важныхъ событій Польши XVIII столѣтія и 1 экз. описанія рукописей, хранящихся въ бібліотекѣ А. Н. Хлудова, и отъ настоятеля одесской Свято-Троицкой церкви архимандрита Евстаѣя Вулицы—двѣ рѣдкія книги на греческомъ языкѣ; в) принадлежностями минць-кабинета и музея изящныхъ искусствъ: отъ гг. профессоровъ университета: Богдановскаго, Смирнова, Павлова и Кочубинскаго—разныя древнія серебряныя и мѣдныя монеты 8 штукъ, отъ врача университета Иванова античный мраморный барельефъ, изображающій волчицу, кормящую Ромула и Рема; отъ Ф. Г. Кальбица три египетскихъ статуэтки изъ гробницъ, изъ коихъ двѣ деревянныя и одна фаянсовая, и фрагментъ деревянный съ росписнаго картона съ египетскаго саркофага, и отъ Л. А. Шостака—изразецъ съ надписью, добытый имъ въ Самаркандѣ изъ мечети Шахзанде; для минералогическаго кабинета 658 образцовъ минераловъ отъ горнаго департамента; и г) для университетской церкви пожертвовано: Клеопатрою Эммануиловною Энно 484 р. 87 к. для сооружеія церковныхъ одеждъ въ память усопшей сестры ея Маріи; 796 р. 17 к. вообще на церковныя нужды—кандидатомъ университета Голиковымъ, чиновникомъ Встѣдановичемъ, купцомъ Тотти, капитанъ-лейтенантомъ Девьенъ, тайн. совѣт. Базили, полковникомъ

Бинельскимъ, княземъ Шерванидзе, чиновникомъ Бялевымъ, профессоромъ Сницовымъ, кандидатомъ университета Вржосиновскимъ, чиновникомъ Дзюбинимъ, докторомъ Вдовиковскимъ, купцомъ Романовымъ, г. Томазини, капитаномъ Гиберомъ и др. отъ 4-хъ до 60 р. каждымъ изъ благотворителей.

Съ 1 июня 1872 по 1 июня 1873 г. заключены подряды:

1) На поставку для университета 14 т. пудовъ грушеваго антрацита, суммою въ 3220 р.; 2) на поставку 69 сажень дубовыхъ дровъ, суммою въ 2580 р. 60 к., и наконецъ 3) произведено работъ по ремонту университетскихъ зданій и зданія астрономической абсерваторіи, хозяйственнымъ способомъ, по тремъ утвержденнымъ г. одесскимъ градоначальникомъ смѣтамъ, на сумму 3000 р.

IV. Объ учащихъся.

1) Сравнительная таблица числа студентовъ и постороннихъ слушателей, состоявшихъ въ университетѣ въ 1872—73 академическомъ году.

Въ Новороссійскомъ университетѣ.	Состояло на лицо въ 1-му іюня 1872 года.	Къ 1-му іюня 1873 года состояло на лицо	Въ 1872--73 академ. году поступило:				Въ теченіе 1872—73 академ. г. выбыло	
			Изъ гимназій.	Изъ духовныхъ семинарій.	Изъ равнинск. училецъ и част. гимназій.	Изъ др. университет. и лицеевъ.	До окончанія курса	По окончаніи курса
Студентовъ	324	277	34	26	22	21	63	87
Постороннихъ слушателей	—	—	—	—	—	—	—	—

2) Вѣдомость о числѣ учащихся въ университетѣ къ 1-му
юня 1873 года.

Въ Новороссійскомъ университетѣ.	ЧИСЛО СТУДЕНТОВЪ						Всѣхъ студентовъ.	Число постороннихъ слушателей.	ВСЕГО
	Въ историко-филологическомъ факультетѣ.	Въ юридическомъ факультетѣ.	Въ естественн.-математическомъ факультетѣ.	По разряду естественныхъ наукъ.	По разряду техническихъ наукъ.	По разряду историко-математическому разряду.			
Студентовъ и постороннихъ слушателей	28	172	25	42	10	277	—	277	

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ студентовъ, допущенныхъ къ слушанію лекцій въ университетѣ бесплатно и за уменьшенную плату въ 1872—73 академическомъ году.

Изъ числа бывшихъ въ теченіи академическаго года студентовъ въ новороссійскомъ университетѣ	Всѣхъ студентовъ.		Освобождено отъ вниманія платы.	
	Число лицъ.	Какое % отъ всего числа студентовъ	Число лицъ.	Какое % отъ всего числа студентовъ
	427	136*)	32	—

*) Въ томъ числѣ, освобождены : по прошеніямъ 56, стипендіатовъ университета, на основаніи § 108 общаго устава университетовъ 80, и по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ 1.

Изъ состоящихъ на лицо студентовъ было стипендіатовъ: на сумму, назначенную по штату университета—26; на сверхштатную сумму, ассигнованную изъ казны для кавказскихъ стипендіатовъ—10; кубанскаго казачьяго войска—1; на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ—12; славянскихъ стипендіатовъ 6; на счетъ бессарабскаго земства—8; на счетъ русскаго общества пароходства и торговли 1; на счетъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи—1; на счетъ умершаго губернскаго секретаря Маринаки—5.

Общее настроеніе учащейся молодежи серьезное. За немногими исключеніями, студенты наши, съ самаго поступленія въ университетъ, выражаютъ стремленіе къ научному труду, видя въ немъ единственную задачу своего 4-хъ лѣтняго пребыванія въ аудиторіяхъ, кабинетахъ и лабораторіяхъ.

V. Объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.

1) Въ библіотеку въ теченіи 18^{72/73} академическаго года поступило 1156 названій, въ 2541 томахъ на сумму 6432 р. 46 к. Крімъ того въ состоящій при библіотекѣ кабинетъ для чтенія выписано 186 названій періодическихъ изданій, изъ нихъ 72 выходящихъ въ Россіи и 114 за границею на сумму 862 р. 43 к. Такимъ образомъ университетская библіотека содержитъ въ себѣ 36169 названій въ 72428 томахъ стоимостью на 132271 р. 85 к.

2) Кабинетъ практической механики приобрѣлъ новыхъ 9 моделей на 545 р.

3) Физическій кабинетъ увеличилъ свои принадлежности 4-мя новыми предметами на 218 р.

4) Химическая лабораторія приобрѣла на 1058 р. стеклянной посуды и на 994 р. 26 к. различныхъ приборовъ и препаратовъ.

5) Геологическій кабинетъ обогатился приобретеніемъ въ даръ отъ Горнаго Департамента 658 образцовъ минераловъ и покупкою кристаллографическихъ моделей на 43 р.

6) **Ботанический кабинетъ** приобрѣлъ на 295 р. 95 к. снарядовъ и посуды для физиологическихъ изслѣдованій, на 62 р. книгъ и коллекцію растений за 54 р. 65 к.

7) **Физиологический кабинетъ** приобрѣлъ на 716 р. стеклянной посуды и 295 р. 95 к. другихъ принадлежностей.

8) **Техническая лабораторія** пополнила свои препараты на 362 р.

9) **Лабораторія агрономической химіи** приобрѣла 3 новыхъ предмета на сумму 144 р.

10) **Музей изящныхъ искусствъ и минцъ кабинетовъ** сдѣланы слѣдующія приобретенія:

а) Чрезъ покупку:

1) Серия слѣпковъ съ работъ изъ слоновой кости Арундальскаго Общества въ Лондонѣ въ числѣ 168 на сумму 170 р.

2) 3 коллекціи фотографій съ древностей Британскаго музея, фресокъ Джіотто и бревіарія кардинала Гримани и др. на сумму 225 р.

3) Серия фотографій съ кипрскихъ древностей, въ числѣ 36 снимковъ на сумму 36 р. 57 к.

4) Двѣ витрины для слѣпковъ Арундальскаго Общества за 70 р.

5) Изданій иллюстрированныхъ и книгъ въ числѣ 59 на сумму 1331 р. 45 к.

б) Пожертвованіемъ:

1) Мраморный античный барельефъ,

2) Книгъ: 1 названіе,

3) Медалей: 5,

4) Монетъ 8 мѣдныхъ и серебряныхъ.

в) **Передачомъ** изъ другихъ хранилищъ университета:

1) 73 гравюры и 5 рисунковъ,

2) 10 литографій 1812 года.

Часть учёная.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая сужденію книга есть общій очеркъ послѣдней религіозной борьбы чеховъ съ бранителями официальной церкви въ началѣ XVII столѣтія, — борьбы «братской общины» и чешскихъ лютеранъ съ іезуитами.

Свобода религіозной мысли были искони для чеха тѣмъ желаннымъ идеаломъ, за который онъ шелъ свободно и на костеръ: «Христосъ возарѣлъ на него въ то время, когда другіе люди принимали только просвѣщеніе» — сказалъ знаменитый педагогъ XVII вѣка, Янъ Амосъ Коменскій, и мы можемъ повторить эти правдивыя слова чешскаго изгнанника. Не надо намъ ссылаться на Гуса: исторія можетъ указать въ религіозной жизни этого народа на явленіе, болѣе близкое къ намъ и болѣе мощное, чѣмъ реформа Гуса — это «братская община». Пошедши отъ горсти людей, послѣднихъ читателей Гуса, во второй половинѣ XV вѣка, община незамѣтно захватываетъ въ себя лучшія силы народа, переходитъ границы своей земли и черезъ сто лѣтъ является могущественною нравственною силою, уничтоженію которой посвящаютъ себя іезуиты. Сила общины заключалась въ ней самой — въ отношеніи людскія она вносила вездѣ одно начало — гуманность: «у всѣхъ людей одна и та же цѣль — быть людьми, созданнымъ разумнымъ» (Коменскій въ «Дидактикѣ»). Этой цѣли іезуиты противопоставили иную, прямо противоположную, и открыли борьбу. Борьба протянулась долгая. Сначала іезуиты потеряли кампанію: 9 іюля 1609 г. былъ подписанъ

императоромъ Рудольфомъ II маестать на свободу «подобойскаго вѣроисповѣданія». Но скоро іезуиты нашли брешь въ этомъ мирномъ земскомъ договорѣ и чрезъ нея открыли рядъ новыхъ нападеній; стоявшіе за маестатомъ подобой поднялись на защиту свою, но не смогли отстоять себя: сословія-подобой были безъ народа-подобой. Старое королевство погибло, какъ жертва искупленія другихъ.

Составляя настоящій очеркъ о послѣднихъ свободныхъ годахъ чешскаго народа, я главнымъ образомъ пользовался чешскими современными извѣстіями, официальными и частными.

Самый богатый матеріалъ мнѣ представили «*Monumenta historiae bohemica, edita auxilio illustrium amicorum patriae historiae ab Antonio Gindely*», въ пяти отдѣленіяхъ, Прага, 1865—1868 г. Ученый издатель — профессоръ пражскаго университета и извѣстный историкъ чешскій времени габсбурговъ, т. е. того времени, до котораго довелъ свои «*Dějiny národu českého*» маститый исторіографъ Палацкій. Сотрудниками Гиндели были не менѣе извѣстные ученые: Тифтрунекъ, Іосифъ и Герменегильдъ Иречки и Климентъ Боровый. Къ сожалѣнію, «*Monumenta*» остановились на не доконченномъ второмъ томѣ V отдѣленія, а между тѣмъ, по мысли издателя, они должны были объять всю массу матеріаловъ старочешской исторіи, состоя изъ слѣдующихъ статей: 1) сочиненія братской общины, 2) хронисты и историки, 3) сеймовыя рѣшенія, 4) остатки старыхъ досокъ, 5) чешскій дипломатарій, 6) переписка консисторій утравкистской и католической.

I отдѣленіе «Памятниковъ» заключаетъ въ себѣ «*De-krety jednoty bratrské*», одинъ томъ, XII + 320. Подъ декретами общины разумѣлись постановленія или протоколы братскихъ церковныхъ сеймовъ — синодовъ, собиравшихся не менѣе одного разу въ году. Протоколы эти велись особыми писарями общины и имѣли официальный характеръ. Отъ декретовъ должно отличать «анналы», лѣтописи (Мон. I. стр. 279). Въ 1617 году община постановила — всѣ свои

протоколы привести въ систему и написать въ трехъ экземплярахъ: для Чехіи, Моравіи и Польши, и работа эта была поручена одному изъ братьевъ, вѣроятно, писарю. По мысли этого неизвѣстнаго намъ кодификатора, весь сводъ братскихъ постановленій долженъ былъ состоять изъ четырехъ раздѣловъ: I—обнимаетъ время возникновенія общины; II—расширенія и преслѣдованія ея отъ Фердинанда I; III—широкаго распространенія общины и первыхъ попытокъ къ достиженію свободы вѣроисповѣданія; IV—объявленія религіозной свободы. Но сохранились только I и II раздѣлы свода—по 1574 годъ (стр. 1—243), причѣмъ декреты до 1529 года расположены не въ временномъ порядкѣ, а по содержанію: ученіе о вѣрѣ, дисциплина и т. д. Отъ III и IV раздѣловъ дошли одни отрывки. Древнѣйшій декретъ—отъ 1488, позднѣйшій—отъ 1636 года. Изданіе сдѣлано по 2 рукописямъ: одна заключаетъ декреты по 1574 годъ, другая—отрывочные декреты съ 1591 года. Понятно само собой, какое значеніе имѣютъ эти официальные данныя общины для пониманія ея.

II-е отдѣленіе «Памятниковъ» — «Historie česká od r. 1602 do r. 1623» Павла Скалы изъ Згоры, въ пяти томахъ: 1-й томъ обнимаетъ 1602—1616 г. XI+384; 2-ой—1617, 1618 г. XI+572; 3-й—1619 до марта 1620. XII+488; 4-й—отъ марта 1620 до конца года. VIII+440. 5-й—1621—1623 г. XII+401. «Чешская исторія» Скалы есть только окончаніе гигантскаго труда того же автора—«Церковной исторіи отъ временъ апостольскихъ».

Отецъ Павла Скалы, Адамъ, первый сталъ подписываться «ze Zhoře», получивъ рыцарское достоинство отъ Фердинанда I, тогда какъ родъ его былъ мѣщанскій, изъ Воднянъ. Адамъ, бакалавръ пражскаго университета, былъ сначала бурмистромъ въ Воднянахъ, но потомъ переселился въ Прагу и получилъ мѣсто «регистратора при доскахъ земскихъ королевства чешскаго». Въ Прагѣ, около 1580, родился у него сынъ Павелъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ мѣстной приходской школѣ при церкви.

св. Мартына, высшее — за границей, въ виттенбергскомъ университетѣ. Въ 1604 году Скала былъ принятъ въ число мѣщанъ города Жатца, гдѣ и женился на родственницѣ примаса Гоштылава, извѣстнаго своею дѣятельностью въ возстаніи 1618 года и потомъ казненнаго послѣ бѣлогорской катастрофы. Старикъ Скала постоянно извѣщалъ сына о событіяхъ въ Прагѣ и даже посылалъ ему копіи съ важнѣйшихъ сеймовыхъ постановленій. Такъ подѣ 1609 годомъ, рассказывая о полученіи подобными маестата и о внесеніи его въ доски, Павелъ говоритъ: «достоверную копію маестата прислалъ мнѣ въ Жатецъ мой милый отецъ Адамъ, регистраторъ досокъ земскихъ, подѣ печатями Захарія Кабы, втораго судьи, и Богуслава Михаловица, втораго писаря корол. чешскаго» (I. 243). Самъ старикъ Скала вносилъ маестатъ въ доски, какъ регистраторъ (ib). Изъ Жатца сынъ не рѣдко навѣщалъ отца въ Прагѣ, иногда съ официальными порученіями отъ своего города. Такъ въ 1609 году, когда высшія сословія, добывая маестатъ, пригласили на совѣщаніе въ Прагу депутатовъ отъ третьяго, городского сословія, Скала-сынъ былъ посланъ въ столицу отъ Жатца съ тайнымъ порученіемъ: «города — рассказываетъ Скала — холодно приняли предложеніе, и потому жатчане послали писаря Розація и меня въ Прагу, подѣ предлогомъ навѣщенія — я своего отца, Розацій брата своей жены, чтобы видѣть, какъ много депутатовъ отъ городовъ будетъ участвовать въ съѣздѣ и что будутъ говорить о немъ» (ib. 182). Въ 1610 г. умеръ старикъ Скала, и сынъ снова былъ въ Прагѣ для устройства судьбы своихъ 4 младшихъ братьевъ и 2 сестеръ, въ качествѣ опекуна.

Въ началѣ возстанія 1618 года, при объявленіи директоріи, Скала, благодаря протекціи своего родственника, Гоштылава, попавшаго въ число директоровъ; получилъ мѣсто въ директорской канцеляріи и такимъ образомъ, переселившись въ Прагу, сдѣлался участникомъ событій послѣднихъ годовъ чешскаго королевства. Симпатизируя болѣе всего интересамъ городского сословія, онъ возму-

щася, что высшія сословія не прочь были обращаться съ мѣщанами, какъ со своими «холопами», и въ отношеніяхъ директоріи къ Вѣнѣ былъ болѣе на сторонѣ мирныхъ средствъ, какъ и вообще все третіе сословіе. Въ отвѣтъ на предложеніе Матвѣя о мирѣ Скала написалъ проектъ мирныхъ условій «для наученія своихъ милыхъ земляковъ» (Ш. 6—8; Скала прямо не говоритъ, что онъ ихъ авторъ, но въ другомъ мѣстѣ признается, см. предисловіе издателя, I. 13). Съ видимымъ неудовольствіемъ Скала замѣчаетъ, что «вопросъ о мирѣ кануль, какъ въ воду» (Ш. 92). При антикоролѣ Фридрихѣ Скала занимался въ придворной канцеляріи и былъ очень близокъ къ первымъ дѣятелямъ того времени. Подъ 21 дек. 1619 г. онъ пишетъ: «въ субботу, съ воли и вѣдома Фридриха, равно какъ и по горячему желанію нѣкоторыхъ первыхъ пановъ чешскихъ изъ братской общины — бургграфа Берки, канцлера Роупова и другихъ чиновниковъ и судей земскихъ, была совершена реформація образовъ и статуй въ храмѣ св. Вита, не ночью, а послѣ полудня, когда вышепомянутыя лица вышли изъ канцеляріи, въ присутствіи короля и этихъ лицъ; хотя я вмѣстѣ съ иными присяжными оставался еще въ канцеляріи для рѣшенія нѣкоторыхъ безотлагательныхъ дѣлъ, но мы ничего не знали о реформаціи» (Ш. 416). Въ іюлѣ 1620 Скала изготавляетъ инструкцію для посольства, отправлявшагося въ Константинополь (IV. 217). Послѣ бѣлогорскаго пораженія онъ бѣжалъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ Фридрихомъ и въ изгнаніи былъ вѣрнымъ слугою своего короля, исполняя различныя порученія въ Берлинѣ, Виртембергѣ и даже Прагѣ. Въ 1622 г. мы видимъ Скалу во Франціи при дворѣ Фридриха, а затѣмъ въ Голландіи. Въ концѣ 1622 года Фридрихъ распустилъ войска и простился съ своими чехами: Скала вмѣстѣ съ отпущенными солдатами Мансфельда чрезъ Лотарингію, Страсбургъ, Ульмъ, Нюренбергъ уѣхалъ въ Саксонію, въ Фрейбергъ, гдѣ жилъ, по его собственнымъ словамъ, не мало лѣтъ со многими чешскими эмигрантами (IV. 38).

Здѣсь онъ нашелъ свою семью и родственниковъ казеннаго Гоштылка, поселился и свой досугъ посвятилъ занятіямъ исторіей. Громадный свой трудъ — «Церковную исторію», десять томовъ, *in folio*, въ 1500 стр. каждый, Скала окончилъ около 1640 года, въ которомъ году онъ, вѣроятно, и умеръ въ Фрейбергѣ, 60 лѣтъ.

Итакъ, «Чешская исторія» — часть VIII тома, томы IX и X «Церковной исторіи», есть трудъ чловѣка, стояшаго близко къ событіямъ, о которыхъ онъ ведетъ свой рассказъ, непосредственнаго участника и очевидца событій послѣднихъ трехъ лѣтъ чешскаго королевства: оттого исторія этихъ годовъ рассказана очень подробно; на долю ихъ выпадаетъ четыре тома изъ пяти печатнаго изданія. Скала въ своемъ изгнаніи собралъ все, что только можно было найти печатаннаго или писаннаго изъ исторіи его времени — трактаты, дипломатическую переписку, протоколы сеймовъ, сеймовыя постановленія, реляціи, правительственныя распоряженія, декреты, сочиненія полемическія, историческія, рѣчи и т. д., и изъ этой массы матеріала, въ чешскомъ переводѣ, если это не былъ чешскій оригиналъ, онъ составилъ свою лѣтопись, разбивши ее по годамъ. Личныя воспоминанія, рассказы товарищей-эмигрантовъ, старыя записки о прежнихъ годахъ дополнили недостававшее. Мы видѣли, наприм., что Адамъ Скала доставлялъ сыну свѣдѣнія о главнѣйшихъ событіяхъ 1608—1610 г., копии съ государственныхъ актовъ; послѣ смерти отца Скала получалъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ брата Яна: «далъ мнѣ — говоритъ онъ — о вторженіи пассовцевъ въ 1611 году въ Прагу обстоятельную записку мой братъ Янъ Скала, который въ то время, юноша, учился малярному искусству у Яна Фельда, жившаго на влашской улицѣ» (I. 282). Исторія Скалы — источникъ антикатолическій, но досто-вѣрный: авторъ довольствуется приведеніемъ документовъ или изложеніемъ событій и заботится объ одномъ — избѣгать невѣрныхъ сообщеній: «какъ и въ какомъ порядкѣ была совершена казнь надъ ними — говоритъ Скала, начиная

описание печальнаго дня 21 іюня 1621 года,— все это я изложу не своими словами, но другихъ, которые видѣли и, какъ можно ожидать, правдиво записали, изложу слово въ слово, чтобы не сказали, что я писалъ измышляя изъ своей головы и пристрастно, подъ диктовку пріязни или ненависти» (V. 8). Но на связь событій онъ не обращалъ вниманія, оттого у него событія только juxtaposita, а вся исторія — конгломератъ данныхъ. Авторъ обычно скрываетъ за рассказомъ и видѣнъ лишь чаще всего въ суевѣрныхъ замѣткахъ о небесныхъ явленіяхъ (кометахъ etc.), особыхъ случаяхъ, и въ нихъ онъ прозрѣваетъ знаменія событій, — слабость, нерѣдкая у членовъ братской общины, къ которой принадлежалъ Скала. Что онъ не былъ лютеранинъ, это видно изъ особенно сочувственнаго вездѣ разказа объ общинѣ.

Скала извѣстенъ еще какъ авторъ хронологическаго свѣдѣнія событій всемірной исторіи — «Chronologie cirkevni» и «Дополненій» (Pagalipomena) къ «Церковной исторіи», но все это потеряно для насъ.

III отдѣленіе — «Paměti nejvyššího kancleře kralovství českého, Viléma hraběte Slavaty od l. 1608 do l. 1619», въ двухъ томахъ: I-ый — 1608—1609, 1618—1619 г. IX+432; II-й — 1611, 1615, 1617—1619 г. XII+352. Авторъ — извѣстный своею католическою, крайне враждебною подобоимъ и особенно общинѣ дѣятельностью на мѣстникѣ императора Матвѣя, жизнью своею имѣвшій заплатить за свою горячую приверженность къ Риму въ роковой день 23 мая 1618 года. 1 декабря 1572 года у Діонисія Славаты, богатаго пана Индрихова Градца и другихъ помѣстій, горячаго защитника братской общины при Максимилианѣ, родился сынъ Вильгельмъ. Первое воспитаніе Вильгельмъ получилъ въ общинѣ, но затѣмъ уѣхалъ за границу, путешествовалъ по Италіи, Франціи и во время путешествія юный членъ общины перешелъ въ католичество. Узнавъ о ренегатствѣ сына, отецъ отказался отъ него, и Вильгельмъ, одинокій, порвавшій связи съ прис-

ными себѣ, оставшимися вѣрными вѣрѣ отцовъ своихъ, съ удвоенной ревностью неопита отдался весь, фанатически интересамъ своей новой церкви — уничтоженію родной общины. 23 мая 1618 года — въ день осужденія своего на смерть, онъ видѣлъ въ числѣ осудителей своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ. Съ 1602 по 1618 годъ Вильгельмъ неустанно работаетъ противъ общины, и біографія его за это время, какъ одного изъ главныхъ дѣятелей въ борьбѣ чеховъ съ іезуитами, входитъ, какъ интегральная часть, въ исторію этихъ годовъ. Послѣ полета изъ намѣстническаго окна, Славата, раненный въ голову, по неволѣ оставляетъ публичную дѣятельность, занимается восстановленіемъ своего здоровья, а черезъ годъ бѣжитъ изъ земли, забывъ свое честное слово. Когда же старое королевство погибло, онъ за всѣ услуги, оказанныя родной землѣ, получаетъ отъ Фердинанда графское достоинство, проходитъ рядъ высшихъ должностей и умираетъ канцлеромъ чешскимъ, 80 лѣтъ, въ 1652 году, среди грубаго суевѣрія католическаго мистицизма, среди іезуитовъ-препроводителей душъ изъ чистилища въ рай.

Свои «Воспоминанія» Славата началъ писать случайно и уже подъ конецъ жизни. Не смотря на всѣ уговоры друзей, особенно, Мартиница — оставить на память потомству рассказъ о событіяхъ, которыхъ ему было суждено быть непосредственнымъ участникомъ, и тѣмъ отвѣтить печатнымъ обвиненіямъ своихъ враговъ — подобоевъ, Славата отиѣкивался недосугомъ. Наконецъ, въ 1636 году ему попалась въ руки книжка Матвѣя Турна, перваго виновника чешскаго возстанія и измыслителя оконной казни, въ которой тотъ оправдывалъ поступокъ чеховъ съ Славатой и Мартиницемъ, что они поступили съ ними со всей справедливостью, — Славата, который никогда не могъ равнодушно слышать о полетѣ изъ окна, былъ возмущенъ книжкой Турна и рѣшился отвѣчать ему. Это былъ поводъ къ составленію «Воспоминаній». Черезъ четыре года, въ 1640 г., была готова «защита противъ Турна».

Не смотря на свои преклонныя лѣта, Славата писалъ легко «Воспоминанія»: ему стоило только привести въ порядокъ тѣ замѣтки, которыя онъ велъ уже давно, почти съ первыхъ дней своего выступленія на политическое поприще, о главнѣйшихъ событіяхъ своего времени, сеймовыхъ прѣвнїяхъ и т. д. По вылетѣ изъ окна онъ не переставалъ вести записки и сообщалъ ихъ въ Вѣну. Наконецъ, ему, какъ канцлеру королевства, не трудно было собрать всѣ недостававшіе документы. Впрочемъ, Славата не ограничился приведеніемъ въ порядокъ своего наличнаго матеріала: онъ собиралъ тщательно свѣдѣнія отовсюду, списывался, перечитывалъ сочиненія за и противъ общины и дѣлалъ извлеченія. Давая послѣднюю редакцію своимъ мемуарамъ, Славата не довѣрялъ своей памяти и по мѣрѣ изготовленія отвѣта Турну посылалъ рукопись на просмотръ своимъ друзьямъ — участникамъ описываемыхъ событій: Мартиницу, Тальмберку, Коловрату и др. Съ особеннымъ тщаніемъ держалъ корректуру «Воспоминаній» Славаты его боевой сотоварищъ — Мартиницъ, заботясь о слогѣ: «панъ съ великою охотою просматриваетъ рукопись — извѣщаетъ Славата патера Фера, aby žádné české slovo neforešně nebylo» (I. 8). Исправленный такимъ образомъ текстъ переводился по-нѣмецки и разсылался за границу.

Эта осторожность въ сообщеніи и изложеніи фактовъ изъ самой интересной эпохи чешской исторіи, дѣлая честь критическому уму автора, даетъ тѣмъ большую цѣну самимъ «Воспоминаніямъ»: записки Славаты правдивы, хотя не безъ пристрастія, особенно, гдѣ онъ касается общины. Многочисленные документы воспроизводятся съ точностью, «что касается существенныхъ частей, но съ выпускомъ формальныхъ вещей» (II. 320). Изложеніе полно, но безъ излишнихъ выписокъ и приведенія цѣлыхъ трактатовъ, какъ это мы видимъ у Скалы. Само собою разумѣется, авторъ смотритъ на все съ узко-католической и строго-габсбургской точки зрѣнія, и потому у него во всемъ виноваты одни «коно-

воды чешскаго мятежа». Къ сожалѣнiю, «Воспоминанiя», какъ отвѣтъ Турну, имѣють полемическiй характеръ: авторъ возражаетъ противъ каждаго въ отдѣльности положенiя Турна, и потому событiя идутъ у него не въ временномъ порядкѣ, а каждый разъ подбираются въ доказательство извѣстной мысли, въ оправданiе дѣйствiй своихъ и въ обвиненiе дѣйствiй противниковъ; но эту затруднительность въ пользованiи «Воспоминанiями» облегчаетъ хронологическiй указатель событiй, составленный ученымъ издателемъ, г. Иос. Иречкомъ.

IV отдѣленiе — «Codex juris bohemicus tomus primus, aetatem Přemyslidarum continens, opera Hermen. Jiríček». 447 + XII. Документальное приложенiе къ извѣстному сочиненiю того же автора — «Slovanské právo v Čechách a na Moravě», I т.

V отдѣленiе — «Jednaní a dopisy konsistoře katolické i utrakvistické». Изданы подъ редакцiей профес. богословiя пражск. унив. Климента Бороваго, 2 тома: I-й — VII + 396, дѣла консисторiи утраквистской, II-ой — 368, дѣла консисторiи католической. Къ сожалѣнiю, второй томъ оставился на пятомъ выпускѣ. Въ I-мъ томѣ помѣщены 546 дѣлъ, отъ 1525 по 1562 годъ; во II-мъ — 321 дѣло (№ 547—868), отъ 1528 по 1563 годъ. Въ обоихъ томахъ масса драгоцѣннаго матеріала, на чешскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, для исторiи религiознаго броженiя народа въ XVI вѣкѣ, для церковной статистики, характеристики внутренней жизни оффиціального духовенства — католическаго и утраквистскаго. Всѣ эти документы извлечены главнымъ образомъ изъ архивовъ архіепископа пражскаго и капитула церкви св. Вита.

Кромѣ «Monumenta historiae bohemicae», прекрасный матеріалъ для исторiи общины и чешской религiозной борьбы XVI—XVII вѣковъ доставили: сочиненiя членовъ братской общины — «Исторiя о происхожденiи и дѣянiяхъ братьевъ чешскихъ» поляка Ласытскаго, осьмая книга, въ переводѣ Коменскаго; «Исторiя о тяжкихъ испытанiяхъ чешской

церкви» Коменскаго (официальное издание общины и дополнение къ книгѣ Ласмтскаго, написанной по документамъ общины⁽¹⁾), «Дидактика» и другія произведенія того же автора; издание директоріи 1618 года—«*Arologie dnuhá*», съ многочисленными приложеніями, въ числѣ 134 нумеровъ; статьи въ журналѣ музея королевства чешскаго—«*Časopis*», за разные годы; отрывки изъ братскихъ рукописей, помѣщенные г. Палацкимъ въ «*Dějínach národu českého*», (тома четвертаго первая часть) и г. Гиндели въ «*Geschichte der böhmischen Brüder*», въ приложеніяхъ.

Какъ пособіями, я пользовался, кромѣ только что указанныхъ книгъ гг. Палацкаго и Гиндели, сочиненіями—Гиндели «*Dějiny českého povstání léta 1618*», Пешера «*Geschichte der Gegenreformation in Böhmen*» и другихъ.

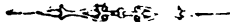
(1) Принадлежность «Исторіи о тяжелыхъ испытаніяхъ» Коменскому утверждается декретомъ братскаго синода въ Лашнѣ, 6 окт. 1632 года: «*Historia o původu Jednoty české aby byla přehlednuta, a k ní čtvrtý díl přidán o příbežích Jednoty hned od počátku až posavad. To aby ex annalibus vyhledáno bylo sumovně, obšírněji však než in synopsi latina proto, aby všichni v Jednotě zůstávající, nýbrž i jiní o Jednotě a věcech jejích místnou zprávu mítí mohli. Poručena ta práce B. Janovi Komenskému a kohožbykoli sobě ku pomoci přivzítí potřebu znal.*» («*Monumenta*». I. отд. 1. стр. 279). Ясно, декретъ имѣеть въ виду два сочиненія: «Исторію о происхожденіи общины» и «Исторію о жизни общины». Судя по заглавію, первое сочиненіе есть не что иное, какъ книга Ласмтскаго «*Historia o původu*», только трудъ Ласмтскаго декретъ требуетъ просмотрѣть; второе-же сочиненіе, дополненіе къ первому, должно быть еще написано на основаніи «лѣтописей» общины и написано Коменскимъ, въ сотрудничествѣ другихъ лицъ по его указанію. Дѣйствительно, «книга о рѣбѣзѣхъ Jednoty по 1632 годѣ» была написана и издава на латинскомъ (1648) и чешскомъ (1655) языкахъ подъ заглавіемъ—«*Historie o těžkých protivenstvích*», ибо другой подобной книги мы не знаемъ. Если Коменскій не подписалъ своего имени, то по тому, что книга имѣла официальное происхожденіе. Если «сочинители этой книги» обозначили: «*datum v exilium našem, leta 1632*», то этимъ они указывали на время декрета о составленіи «Исторіи». Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, проясняется та темнота, которую видятъ Налуѣ («*Quellenkunde und Bibliographie*», Prag. 1868. 54) и Zoubek («*Život J. A. Komenského*» 113) въ судьбѣ книги «О тяжелыхъ испытаніяхъ».

Въ заключеніе приношу мою глубокую благодарность высокоуважаемому В. И. Григоровичу и А. И. Патеръ, ассистенту музея королевства чешскаго въ Прагъ, за сообщенія, указанія и совѣты.

А. Кочубинскій.

Одесса.

17 сентября 1873 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Братская община и земскій мирный договоръ 9 іюля 1609 года между братьями-подобоями и католиками, стр. 1—208 :

Исканіе религіознаго идеала старыми чехами. Гусъ и Петръ Хельчицкій. Ученіе послѣдняго о вѣрѣ и обществѣ. Мистръ Рожицана и племянникъ Григорій. Чтеніе сочиненій Хельчицкаго и желаніе Григорія ввести въ жизнь ученіе его. Колонія Кунвальдъ и основаніе Григоріемъ общины чешскихъ братьевъ. Первые епископы. Преслѣдованіе общины Рожицаной. † Григорія. Бакалавры : Лука, Лаврентій и Проккопъ. Развѣтїе ученія общины и расколъ на сконодѣ 1490 года : болеславцы и амосовцы. Конечная организація общины. Римъ и община. Лобковицъ и « кровавый » мандатъ Владислава 1508 г. Сожженія братьевъ. Епископъ Лука и Лютеръ. Лютеранскіе среди чешскихъ утравнистовъ и Кагера противъ. Фердинандъ I. Приостановка преслѣдованій общины. Новые паны въ общинѣ. Янъ Августа и Лютеръ : попытки слить оба вѣроученія. Смыслѣйшее расширеніе лютеранства между утравнистовъ и чешскіе лютеране съ братьями затѣваютъ возстаніе 1547 года. Послѣдствія возстанія для общины : мандатъ 1547 г. и повсемѣстное закрытіе братскихъ церквей ; мандатъ 1548 года и арестованіе братскихъ священниковъ , въ томъ числѣ епископа Августи, изгнаніе братьевъ изъ Чехіи , основаніе братскихъ колоній въ Польшѣ. Повторительный мандатъ 1554 г. Толки о Максимилианѣ и послыли дьякона Яна Благослава въ Вѣну. Смерть Фердинанда и мягкій взглядъ Максимилиана на общину. Лютеранскія « пожеланія » Августи и противудѣйствіе Яна Благослава. Сеймъ 1567 года и уничтоженіе компантатовъ. Сеймъ 1571 г. и недоразумѣнія между братьями и лютеранами. Развѣтїе педагогическаго дѣла въ общинѣ при мирномъ управленіи Максимилиана, кралицкая библия, конвессія. Сеймъ 1575 года. Трудное соединеніе братьевъ и лютеранъ на сеймѣ и выработка въ комитетѣ « чешской конвессіи ». Споры о предисловіи. Подача конвессіи Максимилиану , неутвержденіе ея и мандатъ 1575 г. противъ « шарковъ », по настоянію оециальной церкви. Сравнительныя силы братьевъ и католиковъ въ половинѣ XVI вѣка. Прибытіе на подмогу церкви іезуитовъ. Политика іезуитовъ въ Чехіи : Collegium Clementinum и заботы ихъ объ образованіи духовенства ; вліяніе на представителей церкви и

вышшія сословія при посредствѣ школъ. Усиленіе вліянія іезуитовъ при Рудольфѣ. Сеймы 1583 и 1584 г. и попытки бургграва Розенберга разрознить лютеранъ и братьевъ. Новый мандатъ противъ общины 1584 г. — начало «спасительной реформаціи» іезуитовъ. Штатаніе въ общинѣ, ослабленіе дисциплины. Сѣна старыхъ руководителей «реформаціи» новыми: Лобковицемъ, Мартиницемъ, Славатой, и мандатъ 1602 года. Везсиліе правительства дать силу мандату. Общее раздраженіе противъ правительства и протестующая петиція на сеймѣ 1603 г. отъ павовъ и рыцарей, «принимающихъ подъ обочии видами». Мѣры правительства противъ городовъ и крестьянъ. Аббатъ Салендерь бруковскій. Вмѣшательство эрцгерцога Матвѣя въ религіозныя неурядицы въ Чехіи. Генеральный сеймъ 19 мая 1608 года въ Прагѣ. Требования маестата подобоими. Уклончивый отвѣтъ Рудольфа. Миръ съ Матвѣемъ и объявленіе его преемникомъ. Сеймъ 29 янв. 1609 г. Повтореніе прошлогоднихъ требованій подобоими и отвѣтъ на это Рудольфа. Бумажная война между сеймомъ и королемъ: представленія сейма отъ 14, 26 февраля, 14, 24 марта и отвѣты на нихъ короля отъ 21 февраля, 3, 23, 31 марта. Протестъ подобоевъ на сеймѣ 1 апрѣля и назначеніе земскаго съѣзда на 1 мая въ новоѣстской ратушѣ. Первое рушеніе земли. Собраніе 1-го и 2-го мая подъ открытымъ небомъ и объясненія у короля. Собраніе 3 мая въ ратушѣ. Уступка короля — общаніе сейма. Условія съѣзда. Сеймъ 25 мая. Предложеніе короля и меморіалъ сейма. Угроза подобоевъ при иѣшканьѣ отвѣтомъ. Неожиданный отвѣтъ Рудольфа и дѣйствіе его на сеймъ. Засѣданіе 13 іюня и объясненіе подобоевъ королю. Концептъ маестата на отогѣ. Оборонительный союзъ съ силезскими лютеранами. Отвѣтъ Рудольфа на концептъ, отъ 20 іюня. Засѣданіе 22 іюня и комитетъ изъ 60. Засѣданіе 24 іюня: избраніе генераловъ и членовъ временнаго правительства; провѣтъ налоговъ. Рудольфъ уступилъ: примирительная революція 26 іюня, и отклоненіе ея сеймомъ въ засѣданіи того же числа. Чтеніе протеста и записки о «дееензіи» Турна тогда же. Взаимныя присяги директоровъ и сословія 27 іюня. Дѣйствія директоріи. Совѣщанія въ домѣ бургграва Штериберка. Угроза Штериберка Рудольфу и подписаніе маестата, 9 го іюля. Передача его директоріи. Съѣздъ подобоевъ 21 іюля. Внесеніе въ земскія доски маестата и «соглашенія между католиками и подобоими». Содержаніе обочихъ государственныхъ актовъ и ихъ взаимное отношеніе. Продолженіе сейма. Соглашеніе 28 сентября между конвессіонистами и подобоими. Амнистія. Объявленіе Славаты и Мартиница земскими врагами. Мѣры въ реализаціи маестата: выборъ дееензоровъ (10 октября), организація нижней конксисторіи (11 окт.) и реорганизованіе университета. Попытка Рудольфа уничтожить маестатъ: вторженіе павсовскаго войска въ Австрію и Чехію. Съѣздъ 25 января 1611 года. Пассовцы въ Прагѣ. Переговоры Рудольфа съ съездомъ о примиреніи съ павсовцами. Обращеніе съѣзда къ Матвѣю. Прибытіе Матвѣя въ Прагу и отступленіе павсовцевъ къ Вудеевицамъ. Переговоры его съ съездомъ. Сеймъ 12 апрѣля и вынужденное отреченіе Рудольфа. Коронаваніе Матвѣя и † Рудольфа.

II. Обманутыя надежды земли и гибель братьевъ-подобоевъ а съ ними стараго королевства послѣ бѣлогорской битвы, стр. 209—346:

Начало недоверія новаго короля къ землѣ. Первое нарушеніе земскаго мира іезуитами и католическимъ духовенствомъ въ проповѣдяхъ и печати. Нарушеніе земскаго мира дѣломъ — католическое толкованіе маетата и соглашения. Столкновенія въ Вруковѣ, въ Новыхъ Страшецахъ и Гробѣ. Протестъ деесенворовъ противъ католическаго насилія въ сентябрѣ 1614 года. Сеймиъ въ Будевидцахъ въ 1614 году. Генеральный сеймиъ въ Прагѣ въ 1615 году. Переговоры сословій и пословъ Моравіи, Силезіи и Луницъ о статьяхъ сейма 1611 года: конфедерация и деесеніи. Переговоры о томъ же съ посланцами Австрій. Постановленія сейма о сѣздахъ и старыхъ договорахъ. Протестъ сейма противъ нарушеній земскихъ законовъ 1609 года и его безсладность. Рѣшеніе страшнаго дѣла и аудіенція Турна, Гершторера и Когоута у Матвѣя въ Брандмѣ въ апрѣлѣ 1616 года. Ропотъ земли и надежды на скорую смерть короля. Объявленіе сейма на 5 іюня 1617 года для принятія Фердинанда штирійскаго. Мѣры правительства. Прѣнія въ канцеляріи утромъ 5 іюня. Предложеніе Матвѣя и обсужденіе его подобоими. Голосованіе. Сеймовое постановленіе. Запись и коронованіе Фердинанда. Усиленныя дѣйствія католиковъ противъ подобоевъ. Наказаніе противниковъ «пріятія». Инструкція въ города. Цензурный декретъ. Крайнее раздраженіе сторонъ. Снесеніе подобойской церкви въ Гробѣ и комиссія въ Вруковѣ. Подобойскій сѣздъ 6 марта 1618 г. Засѣданія 7 и 8 марта. Просьба къ наместникамъ, королю и въ соединенныя земли. Отвѣтъ короля отъ 21 марта. Сѣздъ 21 мая. Засѣданіе 23 мая. Собраніе на замковой площади 23 мая. Подобой въ канцеляріи. Запросъ. Обвиненія Славаты и Мартиница. Оконная казнь. Образованіе директоріи изъ 30 и мѣры обороны 24 и 25 мая. Записка Матвѣю и въ земли отъ 26 мая. Директорія одна. Декретъ объ изгнаніи іезуитовъ отъ 1 іюня и другія мѣры директоріи. Выступленіе Турна къ австрійской границѣ. Отвѣтъ Матвѣя отъ 18 іюня и патентъ. Сеймиъ 25 іюня. Отвѣтъ Матвѣю. Война. Отношенія сосѣдей къ Чехіи: Австріи, Венгії, Моравіи, Силезіи, Германіи и Польши. Первыя военныя дѣйствія. Сеймиъ 27 августа и его миролюбіе. Попытка Вальдштейна къ реакціи въ пользу Вѣны. Земское рушеніе. Тайный побѣгъ подобоевъ изъ сейма. Отступленіе Букуа на югъ. Моравскіе посредники въ Прагѣ. Обсужденіе и отвѣтъ на ихъ предложенія. Извинительное посланіе директоровъ Матвѣю и отвѣтъ послѣдняго. Силезскій сеймиъ 1 октября. Онъ принимаетъ сторону чеховъ. Военныя дѣйствія въ ноябрѣ. Пораженіе Букуа у Веселаго 9 ноября. Дампьеръ откинутъ въ Моравію. Штурмъ Пильниа 21 ноября. Турецъ на Вѣну. Сочувственный пріемъ его въ Австрію. Сеймиъ въ Бернѣ 15 декабря и политика австрійцавъ. Возобновленіе мирныхъ переговоровъ. Посольство Вальдштейна въ Прагу и Дрезденъ. Гринталь въ Прагѣ. Неохота къ пе-

переговоровъ директоріи и отложеніе ихъ на 14 апрѣля 1619 года. Сеймъ 18 марта въ Прагѣ. Новое рушеніе земли, условія переговоровъ. Споры о поставкѣ зерна. Извѣщеніе сейма Фердинандомъ о смерти Матвіи и утверженіе имъ земскаго устава. Директорія оставляетъ все это безъ вниманія. Сеймъ въ Лиццѣ объявляетъ себя на сторонѣ чеховъ. Вторженіе Турна въ Моравію, бѣгство Вальдштейна и Находа. Сеймъ въ Вернѣ учреждаетъ временное правительство и принимаетъ чешскій союзъ. Турнъ возвращается въ Австрію и осаждаетъ Вѣну. De Maggadas. Пораженіе Мансеельда у Заблатьи 9 іюня 1619 года и Турнъ спѣшитъ въ Чехію. Генеральный сеймъ 8 іюля. Предложенія директоровъ. Занятія пословъ земель и чешскаго сейма. Споры сословій. Засѣданіе 31 іюля и утвержденіе конфедерации. Сеймъ отороченъ. Принятіе конфедерации съ Австрійцами, 15 августа. Отвѣтъ Фердинанду. Мнѣніе директоровъ. Изложеніе Фердинанда. Избраніе Фридриха пфальцскаго, 26 августа. Посольство въ Вальдсау. Прибытіе Фридриха въ Прагу и коронованіе. Союзъ съ Ветленомъ трансильванскимъ. Отступленіе Вукуа изъ Чехіи и Турнъ у Вѣны (въ октябрѣ). Дѣйствія подъ Вѣной. Голодъ въ чешскомъ лагерѣ. Переговоры Ветлена съ Фердинандомъ. Гогенлоу въ Пресбургѣ, переговоры съ венгерскими сословіями. Перемиріе Ветлена съ Фердинандомъ и конфедерация чешскихъ земель, Венгрии и Трансильваніи. De Maggadas. Пораженія чеховъ въ есвралѣ. Последний сеймъ въ Прагѣ, съ 26 марта. Королевское предложеніе. Новые налоги и избраніе въ наследники сына Фридриха, Генриха. Дѣйствія въ Австріи. Пораженія Вукуа у Эгенбурга, Фельдскаго у Синцендорфа и Мансеельда у Герста. Казаки. Подмога отъ Ветлена. Переговоры чеховъ съ Портой. Максимилианъ баварскій въ Чехіи. Взятіе Прахатицъ, Писна и пр. Фридрихъ въ арміи. Двусмысленное поведеніе Мансеельда. Раковникъ. Вѣлая гора. Пораженіе чеховъ 10 ноября. Слѣдствія. Заключеніе

ВРАТЪЯ — ПОДОВОИ И ЧЕШСКІЕ КАТОЛИКИ

въ началѣ XVII вѣка.

«....Туѣ osoby (т. е. директора 1609 года изъ общины братской) přední vůdcové tež následující rebellie v království českém byli....»

Slavata «Paměti.» I. 343.

«....Vřidycky, obzvláště od těch let, jak dotčená tvárnonábožná řehola jezuitská do království tohoto uvedena byla, lidé mezi nimi (католиками) se nacházeli, kteříž pořádku se školy též řeholy, a hned počátky literárního umění tím jedovatým a všem královstvím, zemím a obcím vysoce škodlivým jejích učením opojeni byvše, násilí právu, zřízení zemskému, smlouvám a svědomím lidským činili....»

«Apologie druhá stavův království českého roku 1618.»

Въ средѣ славянскихъ народовъ есть одно племя, минувшая жизнь котораго, тѣсно связанная съ судьбами европейскаго чело-вѣка, всегда имѣла высокій интересъ для науки, это — племя чешское. Правда, кровавыми словами отмѣчено его вмѣшательство въ исторію Европы; но сѣмена, посѣянные на кровью орошенной землѣ, дали добрый плодъ, если не для самого сѣятеля, то для другихъ.

Глубокое религіозное чувство, разумное, уничтожающее слѣпой религіозной фанатизмъ стремленіе къ постиженію вѣры, вотъ та особенность, которую исторія можетъ указать, какъ

наиболѣе выпуклую черту характера, въ старыхъ чехахъ. Отъ перваго еще неяснаго движенія ихъ зарождающейся исторической жизни въ IX вѣкѣ и до послѣдняго проявленія ея въ XVII — вся исторія этого многочисливаго племени есть одинъ лишь въ немногихъ мѣстахъ прерывающійся разговоръ объ исканіи народомъ религіознаго идеала (1).

Первая страница чешской лѣтописи говоритъ о релігіозномъ посольствѣ стараго князя IX вѣка въ Константинополь. Князь приказываетъ сказать императору: «соуть во нь (къ намъ) вѣшли оучители мнози христіане, оучаще ны различь. а мы, словени, проста чадь, и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истинноу и разоумъ сказалъ; послѣи такъ моужь, иже ны исправитъ всякоу правду» (2). Не византійскій риторъ заносилъ эти слова на память людямъ, а близкій безхитростный современникъ, и правду словъ его подтвердила дальнѣйшая жизнь. Среди чешскаго племени естественно было основаться и первой славянской церкви. Если церковь Кирилла и Меѳодія не успѣла сказать «всяку правду», была застигнута тяжелыми историческими обстоятельствами, то она тѣмъ не менѣе указала народу путь какъ приблизиться къ правдѣ, завѣщавши ему, что каждый народъ имѣетъ право на свою народную церковь. Исчезла церковь св. Кирилла и Меѳодія на чешской землѣ, но никогда не исчезала память о великихъ учителяхъ посреди ихъ первыхъ, чешскихъ учениковъ: она являлась въ никогда неумолкавшихъ порываніяхъ народа исполнить полученный завѣтъ.

Князь Вратиславъ ищетъ предъ папой Григоріемъ VII разрѣшенія славянской церкви, но получаетъ выговоръ за это неразумное предствательство о томъ, «quod simpliciter populus quaerit» (чего въ простотѣ своей требуетъ народъ) (3). Сазав-

---

(1) «Von jeher — начинается Пешекъ свою исторію антиреформаціи въ Чехіи — war Böhmen für reineres Christenthum empfänglicher, als andere Länder.» P e s e c h e k. (českého národu potomek). «Geschichte der Gegenreformation in Böhmen.» Leipzig 1850. I. 3.

(2) Панаонское житіе св. Меѳодія.

(3) «Quia vero nobilitas tua postulavit, quo secundum Sclavonicam linguam apud vos divinum celebrari annueremus officium scias, non huic

скій монастырь съ св. Прокошемъ, «dēdicem (патрономъ) slovanakum», былъ дорогъ народу, но онъ былъ плодъ запретный и, не имѣя канонической основы, подвергался всевозможнымъ случайностямъ, пока не палъ окончательно въ исходѣ XI вѣка: тѣмъ не менѣе память о немъ поддерживала въ народѣ путемъ легенды его старое стремленіе къ христіанству въ понятной формѣ. — Сонмъ чертей возстаеъ на «чешскаго человѣка», соборъ латинскихъ священниковъ клеветаетъ на его славянскихъ учениковъ, но всѣ эти темныя силы падаютъ предъ св. Прокошемъ «патрономъ славянскимъ»: зане онъ избранникъ Божій; таковъ смыслъ знаменитой старочешской легенды⁽¹⁾. Слова Козьмы о чешскомъ язычествѣ XI вѣка есть тоже свидѣтельство о неудовлетворявшемся официальной религіей религіозномъ чувствѣ народа. Феодальная борьба XII—XIII столѣтій князей и шляхты, уничтожившая старый княжеско-общинный строй земли, прижала народъ, и мы за это время не встрѣчаемъ указаній того, quod simpliciter populus quaerit; но что «неразумное» исканіе разумной религіи не заглохло и въ эту темную эпоху феодальнаго гнета, свидѣтельствуеъ ходатайство Карла IV (1346 г.) предъ папою Климентомъ VI о дозволеніи основать славянскія обители въ Чехіи: «много въ народѣ схизматиковъ и невѣрныхъ — говоритъ Карлъ; — они не хотятъ понимать ни латинскаго ци-

---

petitioni tuae nequaquam posse favere... Neque enim ad excusationem juvat, quod quidam religiosi viri hoc, quod simpliciter populus quaerit, patienter tulerunt, seu incorrectum dimiserunt.» Отвѣтъ Григорія VII отъ 2 января 1080. Н. Жиребек. «Codex juris Bohemici». 21.

(1) Легенда о св. Прокоши (+ 1055), по горячей защитѣ славянскаго языка въ чешской церкви равная только Далмиловой хроникѣ, отчасти народной элементъ въ жизни, составлена въ XIII—XIV вѣковъ. Šafařík. «Výbor z literatury české». I. 182. Jungmann. «Historie literatury české». II. 34. Латинскіе священники-завѣстники одно только говорятъ князю Спитиговѣу противъ сазавцевъ: «есть тутъ какіе-то словце, съ какими-то нимиъ письмомъ. Князь! не дозволяй имъ этого — служить славянскимъ глаголомъ, стоя предъ алтаремъ; знай, что они поступаютъ поеретически». «Výbor.» I. 207.

саніи, ни проповѣди.» (1) Папа низложилъ на просьбу своего ученика, дозволивъ славянскій монастырь въ Прагѣ; но извѣстныя «Эншаузы», стоя особнякомъ, были безъ значенія въ чешскомъ религиозномъ движеніи. Чѣмъ же инымъ, если не всегда живымъ стремленіемъ къ разумному христіанству объясняется раннее появленіе у Чеховъ священнаго писанія въ переводѣ на народный языкъ? Если къ послѣдней четверти XIV вѣка относится появленіе первой полной чешской библіи, то нѣтъ сомнѣнія, частіями библіи въ переводѣ была извѣстна много раньше народу (2). Что чешскій переводъ священныя книгъ былъ вызванъ потребностью народа, можно для подтвержденія этого сослаться на таборитовъ, у которыхъ, по свидѣтельству Эннія Сильвія, не было почти ни одной женщины, которая не была бы знакома съ библіей (3): нельзя же допустить, чтобы разомъ, какимъ-то чудеснымъ образомъ распространилось въ массѣ знакомство съ священнымъ писаніемъ, при обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ, если бы къ этому не подготовила народъ вся его предшествовавшая жизнь.

---

(1) «Sunt multi schismatici et infideles, qui cum eis sacra scriptura latine dicitur, vel praedicatur, nec intelligere volunt, nec commode ad fidem christianam possunt converti.» Pelzel. «Geschichte des Kaisers Karls des Vierten». Документальныя приложенія къ I-му тому. Перепечатано Гильердангомъ: «Гусъ, его отношенія къ православной церкви». Петербургъ, 1871. 32, 33.

(2) Dobrowsky. «Über den ersten Text der Böhm. Bibelübersetzung» въ журналѣ «Neuere Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften. Prag. 1798. III. 240—266. I. Иречекъ утверждаетъ тотъ фактъ, что библія переводилась частіями, въ теченіе трехъ вѣковъ, и древнѣйшая часть ея ранѣе XIII вѣка. «Casoria». 1864. 378. Что хотѣлъ сказать Я. Гусъ въ началѣ своей постилы: «такъ какъ вообще нѣтъ евангельскихъ чтеній, писанныхъ по-чешски...» (M. J. Husi «Spisy». Praha, 1866, II. 2) непонятно.

(3) Извѣстно классическое свидѣтельство будущаго папы: «Pudest Italiae sacerdotes, quos ne semel quidam novam legem constat legisse: apud tabortitas vix mulierculam invenias, quae de novo testamento et veteri respondere nesciat». Отъ XV вѣка считается болѣе 20 чешскихъ библій. Šembera. «Dějiny řeči a literatury česko-slovenské». Viden. 1859, 1868. I. 122—124. II. 61—64.

Только принявъ во вниманіе эти порыванія, эти старыя религіозныя исканія, станеть намъ понятенъ тотъ кровавый энтузіазмъ, съ которымъ встрѣтилъ народъ дѣятельность Гуса и его учениковъ: «bíte, zabíte, žádného ne žijte!»⁽¹⁾ Какъ разъяренная волна, онъ хлынулъ на програды, стоявшія такъ долго ему на пути; онѣ оказались ветхими, и онъ ихъ смялъ подъ собой. Какъ бы ни былъ увлекателемъ вилемскій проповѣдникъ, но проповѣдь его не нашла бы сочувственнаго отзыва въ массѣ, если бы почва не была приготовлена зараже въ воспріятію религіозныхъ вопросовъ. О дѣйствительной связи стародавнихъ исканій народа съ стремленіями Гуса — основать чистое христіанство свидѣтельствуютъ и преданія первыхъ гуситовъ, записанныя въ XVII вѣкѣ⁽²⁾, и убѣжденія современныхъ намъ ихъ послѣдователей — гернгутеровъ⁽³⁾.

По видимому, базельскіе компактаты умирили совершенно религіозное чувство народа. Такъ, по меньшей мѣрѣ, надѣялись отцы собора. Но было бы грустно думать, что Гусъ всходилъ на костеръ, народъ проливалъ кровь для того, чтобы въ концѣ концовъ выпросить у Рима разрѣшеніе на калихъ — на приобщеніе подъ обоими видами, — и, дѣйствительно, исторія указываетъ иное: калихъ съ базельскими компактатами не удовлетворилъ никого, въ комъ еще не угасло исканіе «правды»; религіозная мысль народа замираетъ на самое короткое время и являетъ себя снова въ ученіи сначала ничтожной и тяжело преслѣдуемой, подъ конецъ торжествующей повсюду въ землѣ общины чешскихъ братьевъ «jednoty bratrské.» Братская община воскресила стародавнія народныя стремленія и обновила умолкшую гуситскую войну, съ той только разницею, что новая

---

(1) «Бейте, убивайте, никого не щадите» — конецъ извѣстной гуситской пѣсни. Ergben. «Výbor z literatury». II. 283.

(2) P. Stransky. «Respublica Bohemiae». Lugd. Batavorum. 1634. cap. VI — «de religionis mutationibus et regimine Ecclesiastico in Bojemia», 253, 254, 256—260.

(3) См. напр. учебникъ церковной исторіи, употребляемый въ гернгутерскихъ школахъ въ Германіи, «Kurzgefasste Geschichte der alten und neuen Brüder-Unität» von J. W. Verbeek, Gnaada. 1857. § 1.

религіозная борьба была безъ громкихъ сценъ, безъ молотовъ и цѣповъ, шла медленно, тянулась безъ малаго полтора вѣка, повела не одного, а десятки людей на вольное страданіе — костеръ и плаху, но закончилась не калихомъ и компантатами, а полнымъ, хотя вынужденнымъ признаніемъ за народомъ свободы его совѣсти. Послѣ этой второй гуситской борьбы, тянувшейся со второй половины XV по начало XVII вѣка, чехи имѣли право дать положительную форму словамъ своего стараго князя: «мы, словени, простая чадь, имамъ, иже бы ны наставилъ на истину и разумъ сказалъ», — братская община была удовлетворительнымъ отвѣтомъ на старыя исканія народомъ религіозной истины.

Но не много дней спокойствія было отмѣрено знаменитой общинѣ: едва добилась своего признанія, едва успѣла уцѣться на землѣ, какъ вынуждена была принять новый вызовъ отъ своихъ старыхъ враговъ, начать новую и послѣднюю борьбу. Она ея не выдержала; «пришли на насъ — говоритъ знаменитый современникъ изъ общины — головы, носящія умъ, перемудрили насъ, придавили насъ, разогнали насъ, расплѣнили насъ, ибо мы были, какъ въ оно время Іерусалимъ, наги и лишены опоръ своихъ — храбрыхъ героевъ и мужественныхъ людей, разумныхъ и краснорѣчивыхъ судей и пророковъ, мудрецовъ и совѣтниковъ» (1). Библейское изреченіе, взятое Амосомъ Коменскимъ изъ Исаи, указывало причину гибели знаменитой общины, а вмѣстѣ съ ней и старыхъ историческихъ чеховъ. На Бѣлой горѣ 8 ноября 1620 года народъ похоронилъ свои старыя идеальныя стремленія; съ этого дня онъ сходитъ съ исторической сцены, но, уступая свое мѣсто другимъ, онъ оставилъ по себѣ свѣтлую память своей минувшей жизни, результаты которой, выраженные въ философскомъ ученіи брата Коменскаго, чувствуются и до днесь. На Бѣлой горѣ долгая и тяжелая религіозная борьба чеховъ изъ-за религіозной истины закончилась, и трагически для нихъ. Народъ былъ разнесенъ врагами, убитъ нравственно и

---

(1) Jan Amos Komenský. «Didaktika». Praha. 1873. 197.

материально (1), преданъ на уничтоженіе черными жандармамъ; онъ потерялъ все свое историческое достоиніе, но за нимъ осталось то, что не въ силахъ была отнять у него злоба іезуитовъ, признательность со стороны потомства, признаніе, что «то долгая религиозная борьба представляетъ одну изъ разительнѣйшихъ трагедій, каковую только можно найти въ исторіи человечества» (2). Последнее дѣйствіе этой трагедіи составитъ содержаніе настоящей книги. Въ немъ будутъ дѣйствующими лицами: съ одной стороны братская община съ чешскими лютеранами, съ другой католики или, точнѣе, дѣйствовавшіе вѣщцы, за епископомъ іезуиты.

Но для пониманія послѣдняго акта намъ необходимо познакомиться въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ нѣсколькихъ предшествовавшихъ дѣйствій многоактной чешской религиозной драмы.

Въ то самое время, когда римская церковь занималась улаживаніемъ тяжбы съ своими чешскими противниками путемъ неуступчивыхъ формальныхъ уступокъ на базельскомъ соборѣ съ епископами или утравистами, когда радикальнѣйшая часть послѣдователей Гуса, такъ называемые табориты, были уничтожены самими же чехами, въ деревенской глуши, вдалекѣ отъ центра споровъ, появляется скромный писатель, который воскресилъ замиравшіе религиозные интересы и далъ дальнѣйшій ходъ.

Это былъ Петръ Хельчицкій, свободный хлѣбопашецъ (zemán). Съ гордостью патріота могъ сказать Палацкій, что Хельчицкій вышелъ изъ того сословія, которому народъ чешскій того времени обязанъ благодарностью за энергичнѣйшихъ и храбрѣйшихъ мужей своихъ — изъ низшей или бѣдной шляхты — «vladyctvi» (3).

(1) «Die Schlacht am Weissen Berge 1620 lähmte und entkräftigte die ganze Böhmisches Nation an Leib und Seele» говоритъ Добровскій, заглаживая пятый періодъ исторіи чешской литературы. «Geschichte der Böhmisches Sprache» въ «Neuere Abhandlungen etc.» Prag 1791. I. 359.

(2) Талъу. «Historical view of the languages and literature of the slavie nations». New-York. 1850. 148.

(3) «Dějiny narodu českého». IV. I. 409. Вопросъ о личности Хельчицкаго, его значеніи до сихъ поръ мало опредѣленъ. Лучшія характери-

Это был писатель — самоучка. Въ молодости, въ разгар дѣятельности Гуса, онъ самое короткое время учился въ пражскомъ университетѣ, гдѣ даже не успѣлъ одолѣть латини: «слабое или легкое свидѣтельство я могу дать о латини» — говоритъ онъ самъ о себѣ⁽¹⁾. Оставивши столицу, онъ поселился какъ частный человѣкъ въ Хельчицахъ (Chelčici) у Воднянъ, въ югозападномъ уголѣ Чехии, гдѣ, вѣроятно, онъ и родился около 1390 года; и здѣсь въ одиночныхъ размышленіяхъ доканчивалъ свою науку. Въ его деревенскихъ занятіяхъ у него былъ одинъ учитель — Евангеліе. Одаренный отъ природы блестящими способностями, глубокимъ своеобразнымъ умомъ; онъ не разбросался надъ изученіемъ многого и всѣ свои мысли сосредоточилъ на одномъ — на начальной христіанской церкви, на воссозданіи ея въ дѣйствительной жизни. Этотъ вопросъ неминуемо влекъ за собой другой вопросъ о ненормальности существующихъ общественныхъ отношеній, и такимъ образомъ воскрешеніе первобытной христіанской церкви — общины среди потерявшихся людей стало предметомъ его мыслей, цѣлью его жизни. Вопросы теоретическіе были не по сердцу ему; онъ сосредоточился на практической сторонѣ евангельскаго ученія и дошелъ къ своеобразнымъ заключеніямъ.

Исходная точка ученія Хельчицкаго была заповѣдь Христа — любить Бога выше всего и ближняго, какъ самого себя. Любовь Бога не требуетъ, какъ необходимаго условія, внѣшней церкви, съ ея служителями, обрядами, и есть непосредственное чувство, исключающее всякое насиліе или принужденіе; любовь ближняго, какъ самого себя, исключаетъ необходимость зако-

---

стии его и его ученія — у Палацкаго въ 1-ой части 4-го тома «Исторія чешскаго народа» и у Гиндели (Gindely) «Geschichte der Böhmischen Brüder.» Знаменитѣйшія его сочиненія до сихъ поръ въ рукописи — въ Парижѣ, Оломуцѣ (Olmütz) и другихъ мѣстахъ. См. Гиндели. «Gesch.» I. 489. и слѣд. У Сабина «Dějepis literatury československé». Praha. 1866. 734—738 приведены тѣ мѣста изъ «Свѣти вѣры» Хельчицкаго, которыя наиболее опредѣляютъ его ученіе. Тамъ-же 742—745 вѣтъ критикъ іезуита XVI в. Штура этого ученія.

⁽¹⁾ Palascku. «Dějiny». IV. I. 408, примѣч. 380. Гиндели думаетъ иначе. «Geschichte». I. 13.

новъ, государства, ибо все это предполагаетъ законное наслѣ-
діе, зло.

Христіанство — говоритъ онъ въ «Сѣти вѣры» — есть элементъ духа, есть царство свободы, гдѣ человѣкъ добровольно и природно стремится къ добруму, гдѣ нѣтъ сопротивленія или непорядка, т. е. принужденія или насилія, нѣтъ непокою или бури... Богъ не желаетъ принуждать никого противъ его воли къ своей добротѣ, да и та добродѣтель не имѣетъ цѣни для него, что пришла отъ принужденія (1). Чистое и истинное христіанство — объясняетъ онъ въ другомъ сочиненіи — господствовало только въ первоначальной церкви до Константина; когда же Сильвестръ допустилъ императора въ вѣрѣ, безъ измѣненія жизни, со всѣмъ царствомъ, со всѣми правами язычскими, христіанство быстро облызничалось насильемъ. Папа сдѣлалъ языческаго цезаря причастнымъ Христа, цезарь папу причастнымъ міра и благи его. Съ этой поры обѣ власти поддерживаютъ одна другую, обращая все въ церкви и христіанствѣ на свои эгоистическія, противныя Богу цѣли (2). Въ другомъ сочиненіи «O belime a obtazi jejim» довольно ясно указываетъ, что антихристъ — римская церковь, а образъ его — папа (3). Отсюда понятно — онъ требуетъ разрушенія всей существующей церкви

(1) Palacky. «Dějiny». IV. I. 416.

(2) ib. 417. Этотъ взглядъ на свѣтскую власть папы Хельчицкій записывалъ у Гуса. «Власть эта — говоритъ Гусъ — существуетъ на позоръ и осужденію съ той минуты, какъ Константинъ Великій далъ ее папѣ. Въ этомъ дарѣ слышится голосъ: «никогда влечь чѣхъ въ церковь божью». Но они (надежники) говорятъ, что это дьяволъ сказалъ; а я скажу — будь это ангелъ, будь это дьяволъ, все же онъ сказалъ правду». *Mistra Husi «Sebrané Spisy»*. II. 81.

(3) Gindely. I. 16. Заглавный листъ перваго изданія (1521 г.) сочиненія Хельчицкаго «объ антихристѣ», имѣлъ слѣдующія 2 картины: на одной — апостоламъ вынуть изъ берегу сѣть, въ то время какъ монахи уже разодрали ее; на другой — чертъ влечетъ за собой въ адъ папу, цезаря, кардиналовъ и епископовъ. Коціяѣ. «Index bohemicorum librorum prohibitorum». Прага. 1770. 65. Сѣть вѣры (síť víry), по мысли автора, означаетъ истинное христіанство, которое должно вытаснуть человека изъ глубокаго моря этого міра и его воли. Sabina «Dějiny». 735.

со всіми ея историческими наращёніями и обращеніи ея въ первоначальную.

Также строго относился Хельчицкій и къ существующей организаціи общества. Для него всякая свѣтская власть идетъ отъ грѣха, есть зло, хотя и нужна противъ злыхъ, есть остатокъ язычества. Язычество — говоритъ онъ въ той же «Сѣти вѣры» — идетъ отъ тѣла, полно злобы и безпокойства, и потому требуетъ принужденія; къ нему относится исключительно (vuhradně) власть свѣтская. Отъ грѣха пошла необходимость должностей (uřaduov) королевскихъ и ихъ законовъ для наказания грѣха; и чѣмъ болѣе повелѣніе людское удаляется отъ Бога и его закона, тѣмъ болѣе необходима потребность ихъ. Я не говорю, чтобы, благодаря имъ, люди сдѣлались хорошими (pravé), но они подпираются ими, чтобы не пасть совсѣмъ. Будьте христіанами — и вамъ не будетъ надобности ни въ короляхъ, ни въ господахъ, по обычаю языческому⁽¹⁾.

При этомъ взглядѣ на власть мірскую, какъ на незаконное наслѣдіе язычества, Хельчицкій, очевидно, видитъ въ отрицаніи ея необходимое условіе для возвращенія въ жизнь идеальнаго христіанства первыхъ вѣковъ. Не это отрицаніе должно быть пассивное, т. е. не должно соединяться ницѣмъ какимъ актомъ насилія, поэтому заповѣдь его «терпѣть, но не преслѣдовать; повиноваться, но не повелѣвать»⁽²⁾. Отрицая государство, онъ этимъ самымъ отвергалъ и всѣ элементы его: сословія, судъ, право войны, смертной казни, присягу, даже мірскую мудрость. Хельчицкій былъ такъ строгъ въ своемъ ученіи, что, вооружался противъ войны, онъ не пощадилъ даже самого Гуса⁽³⁾. Понятно, какъ мало могъ онъ сочувствовать гуситскимъ войнамъ, предпринятымъ для христіанства.

(1) Palacky. «Dějiny» IV. I. 416. прим. 366.

(2) Gindely. «Gesch.» I. 75. Ср. Palacky. ib. 420.

(3) «Všichni, kdož to (всякое насиліе) činili, nevynímaje ani M. Husa, pili z vína kurvy veliké, jímž jest zapojila všecky národy, tak že ve tráveninách jejich bloudí všickni.» Отрывокъ у Палацкаго «Děj. IV. I. 418. О современныхъ ему юристахъ онъ выразился такъ: «смердитъ мудростью судейской, словно чеснокомъ изъ приготовленнаго желудка». ib. 420. прим. 366.

Послѣдователей у Хельчицкаго было немного, благодаря его уединенной и безвѣстной жизни. Но помимо того, учение его было не безопасно: его основныя сочиненія падаютъ въ десятилѣтіе между 1433—1443 годами, въ разгаръ торга официальныхъ гуситовъ съ отцами базельскаго собора; но уже первымъ сеймомъ королевства послѣ учипенной сдѣлки на Кутной горѣ (1444) Хельчицкій былъ призванъ къ отвѣту за свои смѣлыя мысли. Его учение, быть можетъ, осталось бы надолго, если не навсегда, извѣстнымъ только немногимъ испытателямъ вѣры, еслибы случайное обстоятельство не подало повода къ быстрому распространенію и скорой реализаціи его.

Тотъ самый представитель официального гуситства, или, по выраженію «общины», лжегуситовъ (*falešnych*), который принималъ живѣйшее участіе въ добытій базельскихъ компактатовъ — мистръ Рокицана, скоро разочаровался въ честности своего противника и, обманутый въ ожиданіи архіепископскаго сана, занесомой сталъ гремять противъ папы съ церковной кафедрой, объявляя его антихристомъ. «Священники — говорилъ онъ — есть та блудница, о которой сказано въ Откровеніи, что сидитъ на звѣрѣ (*želmé*). Народъ оскотился и обантихристился (*hovadnú a sželmilý*) и столько же похожъ на истинныхъ христіанъ, сколько малеванный на стѣнѣ св. Петръ на апостола Петра въ небѣ.» Обновленіе церкви стало невозможнымъ; Рокицана уподоблялъ ее разоренному и опустѣлому городу, фундаментъ и развалины котораго поросли разнымъ кустарникомъ, а въ томъ кустарникѣ лютый звѣрь расплодился и не пускаетъ никого ни дотронуться до фундамента, ни осмотрѣть его: «мы еще ходимъ поверху — поносилъ Рокицана — но доберутся же люди и до фундамента и стануть выводить зданіе хорошее и прочное, встанетъ на нихъ тотъ звѣрь лютый и будетъ препятствовать» (1).

Подобныя уподобленія были очень ясны, и они глубоко западали въ сердце нѣкоторыхъ изъ слушателей Рокицана: «мы

---

(1) Изъ объясненія, поданнаго неже братьями, въ рукописи герцугскаго архива. У Палацкаго «Děj.» IV. I. 423. примѣчаніе.

нѣсколько лѣтъ слушали только одного Рокицану — объясняли впоследствии братья — и проповѣди его заносили» (1).

Эти рѣзкія проповѣди производили на слушателей потрясающее дѣйствіе, котораго, вѣроятно, не ожидалъ и самъ безхарактерный проповѣдникъ: «ну такъ гремѣлъ антихриста, что люди стали было уже считать его вторымъ Гусомъ и надѣялись на новую реформацію» (2). Однимъ изъ горячихъ слушателей Рокицаны былъ родной его племянникъ — Григорій (Rehoř) (3). Подъ чарующимъ вліяніемъ слова дяди, онъ и его друзья недовольствовались словомъ съ кафедръ и часто навѣщали его дома для благочестивой бесѣды. Дома Рокицана развивалъ тѣмъ мысли и еще больше возбуждалъ встревоженную совѣсть своихъ посѣтителей. Для большаго же утвержденія ихъ въ справедливости своихъ опасеній онъ указалъ имъ читать сочиненія Хельчицкаго. Это было въ половинѣ пятидесятныхъ годовъ XV стол. «Въ это время — писалъ позже съ укоризной племянникъ своему враждебному дядѣ — ты хвалилъ намъ Петра Хельчицкаго, и мы потомъ съ нимъ бесѣдовали и писанія его читали. Изъ него мы узнали много больше злаго о священникахъ и людяхъ» (4). Произведенія Петра явились внешнимъ откровеніемъ, чѣмъ проповѣди Рокицаны для восторженныхъ слушателей послѣдняго: они рѣшились осуществить мысли Хельчицкаго и основать новое общество христіанъ. Хотя новые приверженцы ученія Хельчицкаго и охладѣли значительно къ своему первому учителю: «изъ Хельчицкаго мы и о тебѣ усумнились» — писалъ Григорій Рокицанѣ (5); но твердо рѣшившись основать новую церковь, вра-

---

(1) Изъ рукописной исторіи братьевъ епископа ихъ Яна Благослава, цитата у Палацкаго ib.

(2) J. A. Komenský «Historia o těžkých protivenstvích cýrkve české». V Hříberku. 1844. Глава XVIII. 48.

(3) Коменскій въ процитованномъ учебникѣ исторіи братскихъ школъ XVII вѣка прямо говоритъ: «смихъ сестры Рокицановой.» Палацкій «Dej.» IV. I. 424. примѣч. отрицаетъ это, но доводы его незначущи; поэтому и Гиндели держится взгляда братьевъ. «Geschichte» I. 22.

(4) Цитата у Палацкаго «Dej.» IV. 425. въ примѣчаніи.

(5) Ср. P. Šafařík: «Br. J. Blahoslava Historie bratří českých u výtahu». «Časopis». 1862. 102.

жаднубо какеъ духовной, такъ и свѣтской власти, кого же имъ было поставить во главу ея, выбрать вождемъ своимъ, какъ не искушеннаго опытомъ жизни Рокицану, который такъ алкалъ обновленія церкви на землѣ, въ виду уже ѣдущей на апокалипсическомъ звѣрѣ блудницы? Хельчицкій былъ кабинетный реформаторъ, а можетъ быть, онъ въ это время уже умеръ (1). И племянникъ съ своими друзьями действительно обратился къ дядѣ съ просьбой стать имъ вождемъ.

Но Рокицана былъ Гусомъ на слова, но не на дѣло. Онъ могъ въ своихъ слушателяхъ возбудить новое сильное неудовольствие на существующую церковь, пробудить неодолимое стремленіе къ исканію новаго религіознаго идеала, но когда племянникъ съ настойчивостью предложилъ ему «показать на дѣлѣ, чему онъ училъ словомъ», приняться за реформацію церкви, пойти по слѣду Гуса, указывая ему, что почва уже подготовлена, — громоносный, но слабодушный проповѣдникъ отклонилъ опасное предложеніе: «это дѣло — отвѣчалъ Рокицана — требуетъ большого размысленія; такъ спѣшно ничего не можетъ быть предпринято» (2).

Не смотря на этотъ отвѣтъ, Григорій и его друзья все надѣялись на Рокицану. Семь лѣтъ онъ ихъ водилъ и все твердилъ одинъ совѣтъ — надо отдѣлаться совершенно какъ отъ калишниковъ, такъ и отъ палежниковъ. Но когда они повторили свое предложеніе: «ну, отступимся — мы будемъ тебѣ слѣдовать, признавать, чтить тебя какъ вождя, учителя и отца», онъ далъ прежній отвѣтъ: «пришлось бы скопытъ на твердую почву, вы слишкомъ смѣлы, — дѣло очень опасное» (3). Въ виду непріятной навязчивости со стороны племянника и его друзей, Рокицана не могъ не хотѣть какъ нибудь отдѣлаться отъ нихъ, а еще лучше удалить ихъ отъ себя: ему все грезились архіепископская кафедра. Когда же они еще разъ повторили просьбу, Рокицана попросилъ оставить его въ покоѣ и

---

(1) Gindely. «Geschichte.» I. 25.

(2) «Historia o tatk. protiv.» Глава XVIII. 49.

(3) ib. 50.

вмѣстѣ съ тѣмъ общалъ выхлопотать у короля (Подѣбрада) гдѣ — нибудь мѣстечко, гдѣ они могли бы свободно служить Богу⁽¹⁾.

Дѣйствительно, Григорій и его друзья получили отъ короны по представленію Рокицани въ литицеомъ панствѣ село Кувальдъ, у Силезскихъ горъ, на границѣ, и туда переселились изъ Праги; въ числѣ ихъ были «и благородные и неблагородные, ученые и неученные.»

Такъ заложилась знаменитая вполнѣдствіи своею политическою и умственной дѣятельностью община чешскихъ или моравскихъ братьевъ (*jednota bratrská*): по обычаю апостольскому, они другъ друга называли братьями и сестрами.

Къ братской общинѣ присоединились вскорѣ и нѣкоторые изъ католическихъ священниковъ. Въ отличіе отъ позднѣйшихъ протестантовъ, братья признавали таинство священства и необходимость діаконата⁽²⁾, и потому, естественно, рано долженъ былъ возникнуть въ средѣ ихъ вопросъ — откуда брать священниковъ, когда умрутъ нынѣшніе, посвященные отъ католиковъ. Они не допускали, чтобы священникъ ставилъ священника, и требовали ставленія отъ епископа. Откуда же взять епископа? Братья обратились къ сходнымъ съ ними по вѣроученію вальденцамъ, которые скрывались у моравско-австрійской границы, къ ихъ епископу Стефану⁽³⁾, и тотъ имъ посвятилъ трехъ

(1) *ib.* 51.

(2) Gindely. «Geschichte». I. 83.

(3) Любопытно это иснаніе епископа братьями. Въ геригутскомъ братскомъ архивѣ Палацкій открылъ интересный трактатъ основателя общины брата Григорія: «Какъ должно относиться къ римской церкви?» «Много лѣтъ — говоритъ Григорій — мы домысливались — есть ли гдѣ-нибудь еще на землѣ апостольская церковь. Нѣкоторые хотѣли итти въ Индію, но потомъ узнали, что не стоитъ туда итти. Говорили съ греками въ Прагѣ, и нѣкоторые были въ Греціи и посвидѣтельствовали, какъ тамъ дѣлается, были у сербовъ, русскихъ, между армянами и въ Молдавіи; но отъ нихъ мы не могли имѣть священства, ибо и молдавскіе священники, да и русскіе повреждены (zkaženi).» «Dějiny» IV. 1. 431. 432. Гиндели отрицаетъ принадлежность этого сочиненія Григорію, основателю общины. «Geschichte» I. 493. прим. 33. 2. Было и второе путешествіе въ Россію въ 1491 г. *ib.* 68.

епископовъ. (1) Эти епископы были напередъ избраны общиной на братскомъ сеймѣ въ Рыхновѣ (Reichenau) въ 1467 году. Тогда же община приняла названіе «jednota bratrská» и учредила у себя центральное управленіе или такъ называемый узкій совѣтъ «ouzká rada». Такимъ образомъ община организовалась.

Но братскую общину, сейчасъ же по ея основаніи, не оставили въ покоѣ ни напешники, ни лжегуситы (каливинцы) съ своимъ главой Роклицаной. Утраквистовъ вооружало несогласное съ ними ученіе объ св. евхаристіи (2). Объ общинѣ стали говорить, что она, по примѣру таборитовъ, замышляетъ что-то противъ власти. Еще до посвященія епископовъ глава общины, братъ Григорій, былъ посаженъ въ тюрьму въ Прагѣ, но былъ скоропъ выпущенъ. Онъ далъ рѣзкое наставленіе по этому поводу Роклицанѣ: «развѣ дозвоительно призывать на насъ свѣтскую власть? свѣтская власть должна обращаться только противъ тѣхъ, которые преступаютъ законы общественныя; свѣтская власть явилась у языческаго міра; въ христіанствѣ она должна быть совершенно отброшена» (3). Но когда Роклицана узналъ о посвященіи трехъ епископовъ, избраніи совѣта общины, какъ центрального управленія, словомъ когда совершилось формальное

---

(1) Матвія Кундвальдскаго, Ону Прелоуцнаго и Илью Хреновскаго. Дѣйствительно ли вальденскій епископъ Стеванъ посвятилъ братьямъ первымъ трехъ епископовъ, или они просто по жребію выбрали на собраніи въ Рыхновѣ изъ среды своихъ указанныхъ лицъ, которые имѣли бы власть посвящать, — вопросъ этотъ не разрѣшенъ. Гиндели склоняется болѣе въ пользу послѣдняго мнѣнія: «древнѣйшіе источники — говорятъ онъ — ничего не знаютъ о посвященіи.» «Geschichte» I. 499. прим. 33. 6. ср. ib. 37. Тутъ же у Гиндели приведены всѣ свидѣтельства за и противъ. Впрочемъ, Гиндели вообще склоненъ видѣть въ братьяхъ позднѣйшихъ лютеранъ, Коменскій въ своей Исторіи какъ бы соединяетъ то и другое: сначала избрали жребіемъ, а потомъ послали къ Стевану на посвященіе. «Hist.» т. XX. Насколько явче говорить о посвященіи Стеваномъ первымъ трехъ епископовъ другой историкъ братьевъ, Jan Jafet. См. его «Meš Golliaštů» въ «Časopisъ» въ 1861. 141, 142. Позже епископы выбирались бумажками, по большинству голосовъ. «Dekrety jednoty bratrské.» I. 183, 184.

(2) Gindely. «Gesch.» I. 29.

(3) ib. 30.

отдѣленіе общины отъ его утравнистской части, гнѣву его не было предѣла и онъ рѣшился лично дѣйствовать противъ братьевъ у короля, а чрезъ священниковъ въ народѣ. Все пошло противъ общины. На сеймѣ въ Бенешовѣ 1468 года опредѣлили: принудить къ возвращенію, въ противномъ случаѣ — наказаніе. Братья разсѣялись по лѣсамъ, пещерамъ, ямамъ и такимъ образомъ скрывались отъ кровавыхъ преслѣдованій; но число ихъ не уменьшалось, напротивъ прибывали новые члены — простой людъ, ремесленники, даже земане и священники. Кого успѣвали захватывать, того пытали, мучили, огненной казнью казнили. Григорій молилъ дядю о пощадѣ, но Розицана не внималъ; тогда братья просили по крайней мѣрѣ выслушать ихъ. «Развѣ мы не принадлежимъ къ sub — utraque? писали они королю; развѣ и мы не принимаемъ причастіе подѣ обоими видами? Но съ римскою церковью мы не желаемъ имѣть никакого дѣла...» (1). Только одновременная смерть короля Юрія Подѣбрада и Розицаны въ 1471 году прекратила незаслуженныя преслѣдованія тѣхъ, кто прямо требовалъ отъ своихъ членовъ, что кто подѣ какою властью состоитъ, долженъ повиноваться ей, съ покорностью отправлять подати и работы и за нее Богу молиться (2).

(1) ib. 45.

(2) «Ve všech věsach slušných, hodných, poctivých máme — говорить одно изъ первыхъ постановленій общины (около 1468 г.) — se zachovati a ostříhati, kde jsme kteří pod kterou naší povýšenou, jichž máme poslouchati a pokorně poddáni býti v daněch a robotách, i za ně se pánu bohu modlíti.» P a l a s k y. «Dějiny» IV. II. 431. Въ другихъ постановленіяхъ тоже: «Dále sme se svolili, abychom poddané poslušanství měli spolu, jako pisma svědčí Bohem všehnuta, ve všech věsach.» «Dekrety jednoty bratr.» I. 8. «Učení mají býti (престъане, зависимые люди), aby znali řád světa Bohem zřízený sobě k dobrému, a aby znali místo své a slouhy světa k svému dobrému neb pro zachování zlého, a aby jim poddáni byli netoliko pro bázeň, ale i pro svědomí, neb tomu Bůh chce. A aby poslouchali, učení činili, nezřízeně sobě moci nesvěřené nikdy neužívali, ale radče trpěli, k každému skutku dobrému hotovost měli, všílkou krotkost ukazovali, neproklínali ani zlořečili, poplatky i daně platili, dobré a věrné pány aby milovali. Rovnosti s nimi v chedu neb v sedění míti s nimi se stříhli, poctivostí je předcházeli i jich poslané, křivdy trpělivě snášeli, vědouce, že Bůh

Въ эту тяжелую годину для братьевъ только немногіе паны оказывали имъ милость: Крайржи, Костки въ Чехіи, Жеротини, братья Товачовскіе изъ Цимбурва въ Моравіи.

Со смерти утраквистскаго короля Юрія и со вступленія на престолъ католическаго Владислава, которому было только 16 лѣтъ, начинается лучшая эпоха въ жизни братской общины. «Если чему нибудь — замѣчаетъ Гиндели — то именно мягкому характеру короля Владислава обязана община своимъ прочнымъ развитіемъ» (1). Гоненіе прекратилось, не смотря на происки враговъ, подобовъ, тогда какъ католики держались въ сторонѣ, что впрочемъ понятно (2); братья вступили даже первый разъ въ публичный споръ съ учеными подобоями унверситета. Среди этихъ измѣнившихся обстоятельствъ умеръ основатель общины Григорій въ 1474 году (3). Событіе это имѣло рѣшительное значеніе на дальнѣйшую судьбу братьевъ. Григорій, заботившійся прежде всего объ осуществленіи христіанской морали въ жизни, весь вѣкъ свой ратовалъ противъ всякаго вліянія на плобейскую общину ученаго элемента и, умирая, завѣщалъ братьямъ беречься ученыхъ. Быть можетъ, онъ при этомъ имѣлъ въ виду Хель-

di, mně pomsta a ját' odplatím. A aby nepomlouvali, ani utrhalí, ani poturovali, ale za ně se Bohu modlíli.» ib. 98. Эти декреты XV или начала XVI вѣковъ. Постановленія эти были только развитіемъ принципа Хельчидкаго — терпѣть и нигдѣ и никогда не дозволить себѣ насилія. Въ теоріи община была врагомъ всякой власти свѣтской, слѣдов. и тогдашней въ Чехіи, но на практикѣ она требовала безусловнаго подчиненія властямъ придерживающимъ. Это одно изъ тѣхъ противурачій; среди которыхъ находились постоянно послѣдователи Хельчидкаго. Отрицая значеніе государства, они должны были сейчасъ же приняться за организацію своего государства: избрать епископовъ, составить совѣтъ и т. д.

(1) «Geschichte» I. 49.

(2) Борьба однихъ антикатоликовъ съ другими могла быть желательной сторонникамъ Рима. Ср. ib. 50.

(3) Онъ былъ похороненъ въ Брандышъ надъ Оравиномъ. «Одинъ изъ тѣхъ, которые были зачинателями общины, патронъ и патріархъ ея» — сказано въ поминальной книгѣ братскаго духовенства. «Totenbuch der Geistlichkeit der böhmischen Brüder» въ «Fontes regum Austriacarum». I. Scriptores. V. 219.

чицкаго и Роклицану. Но это крайнее воззрѣніе, очевидно въ будущемъ долженствовавшее препятствовать расширенію братства среди вліятельныхъ сословій и осуждавшее общину на вѣчное убожество, вскорѣ же послѣ смерти Григорія было отброшено, и чего тотъ боялся — совершилось: во главѣ общества стали ученые мистры и бакалавры пражскаго университета: Лука, Лаврентій и Прокопъ.

Послѣ смерти первыхъ гонителей братьевъ — Подѣбрада и Роклицаны, презираемая община пріобрѣла мало по малу вниманіе господъ и городскихъ сословій: изъ пановъ стали особенно покровительствовать братьямъ — Костка изъ Поступицъ и Товачовскій изъ Цимбурка; жена послѣдняго была первой женщиной изъ высшаго сословія, сочувствовавшей братьямъ; мало-по-малу убѣдились, что это ни адамиты, ни какіе-либо опасные сектанты, напротивъ, трудолюбивые и полезные люди, и имъ охотно отводили мѣста для заселенія дворяне на своихъ земляхъ. При этихъ благопріятствовавшихъ обстоятельствахъ число сектантовъ росло; но за то, если подъ Григоріемъ община отличалась полнымъ единодушіемъ, такъ какъ членовъ ея было еще немного, то этого уже нельзя было ожидать при расширеніи ея, особенно по вступленіи въ нее ученыхъ мистровъ.

Зерномъ раздора былъ основной принципъ братскаго ученія — отношеніе чловѣка къ міру. Образовались двѣ партіи: старовѣры, приверженцы умершаго Григорія, придерживались извѣстнаго воззрѣнія Хельчицкаго на власть и, утверждая совершенную правость чловѣка, не требующую благодати, отвергали подчиненіе государству, тогда какъ противники ихъ доказывали его грѣховность⁽¹⁾ и отсюда законность власти и ея принадлежностей, необходимость благодати. Руководителями новосектантовъ были недавно вступившіе въ общину люди съ университетскимъ образованіемъ — Лука, Лаврентій; за то за партію противную стояла

(1) Споръ этотъ Коменскій формулетъ такъ: «zda li by člověk křesťan s dobrým svědomím vrchnosti býti, měče užívati, přisluhu činiti, neb ji od jiných vyhledávati mohl? Odpírali tomu někteří, ale větší částka stavu vrchnosti zastávala.» «Historia o protiv.» гл. XXIII. Ср. Jana Jafeta «Meč Goliáštv» въ «Časopis»-в. 1861. 144.

масса — братья изъ простаго званія. Очевидно, старовѣры были настоящими, а не «лжебратьями» (falešní), какъ ихъ стали называть впоследствии въ средѣ общины, но они не смогли дать побѣду своему мнѣнью. Отъ разрѣшенія этого спора зависѣла вся судьба общины — остаться ли ей при первоначальномъ плебейскомъ характерѣ, безъ общественнаго значенія, или же напротивъ, открыть себѣ доступъ въ разъ отвергнутое общество. Такимъ образомъ, догматическій вопросъ переходилъ на чисто практическую почву. Ясно, новая община переживала критическую минуту. Братъ (бакалавръ) Провошъ предложилъ третье, примиряющее ученіе: при благодати чловѣку необходима для спасенія добрая воля; эта добрая воля проявляется и въ богатыхъ, и сильныхъ міра, если только они желаютъ вступленія въ общину, и потому нѣтъ необходимости разрѣшать имъ вступленіе подъ условіемъ отказа отъ всего блеска (1).

Борьба мнѣній продолжалась нѣсколько лѣтъ. Вообще это было время, когда выработывалась догматика братскаго ученія въ отличіе отъ положеній римской и другихъ церквей, когда съ одной стороны община освободилась отъ преслѣдованій извнѣ, съ другой — въ составъ ея вошли люди, съ богословскимъ образованіемъ, могшіе приняться за формулованье братскаго ученія. На сеймѣ или синодѣ въ 1488 братья составили первую свою конфессію — краткое изложеніе католическаго символа вѣры; на томъ же сеймѣ было выработано исповѣданіе вѣры о церкви: есть двоякаго рода церкви — общая или вселенская и помѣстная, частныя; только общая имѣетъ право почитаться святой; — о таинствахъ, которыхъ допускали два: крещеніе и причащеніе (2).

Въ 1490 собрался синодъ въ Брандышъ; на немъ имѣлъ разрѣшиться спорный вопросъ. Представителемъ мѣстной общины

(1) Gindely «Geschichte» I. 64.

(2) «Dekrety jednoty bratrské.» I. 11, 13, 15, 60. На синодѣ 1494 года было определено, какъ должно понимать таинство евхаристіи: «chleb jest tělo kristovo a vino krev jeho, posvatně totiž, a g u r ň ě neb znamenavě.» Ib. 69.

былъ бакалавръ Провопъ. Благодаря вліянію послѣдняго, ученіе образованныхъ членовъ общины одержало перевѣсъ. Богатымъ и ученымъ былъ разрѣшенъ доступъ въ общину: «такъ какъ и при самомъ низкомъ занятіи, напр. при пряжѣ или тканьѣ не исключается опасность и встрѣчается и невѣріе, и ложь; у бѣдныхъ проявляется невоздержаніе, гордость, своеволие, напротивъ у богатыхъ, благородныхъ, ученыхъ — смиреніе и терпѣніе, поэтому справедливо препоручить ангеламъ разбирательство между ними при кончинѣ свѣта, а въ виду этого обстоятельства немощные въ вѣрѣ, особенно немощные въ добродѣтеляхъ должны быть принимаемы» (1). Вопросъ о присягѣ былъ также разрѣшенъ въ пользу новосектантовъ: «если бы кто вынуждался отъ лица, не находящагося въ общинѣ, призываніемъ имени Вожняго подтвердить знаніе свое извѣстнаго дѣла, и сдѣлалъ бы это, то онъ не нарушилъ бы тѣмъ словъ Божіихъ» (2) Наконецъ было дозволено братьямъ заниматься торговлей, промыслами (3).

Какъ и слѣдовало ожидать, приверженцы старины, ученія Хельчицкаго и Григорія, остались недовольны заключеніями синода 1490 года; вожди ихъ, Амось и Яковъ, начали проповѣдь среди своихъ, что самъ дьяволъ со всѣми атрибутами вторгся теперь въ общину, что свѣтская власть вошла къ нимъ, какъ во времена папы Сильвестра, въ церковь, что можно заниматься постыдными промыслами, присягать, свидѣтельствовать и проч. Западныя поселенія Чехіи возстали противъ восточныхъ — уиѣренныхъ. Община распадалась.

---

(1) ib. 65. Время этого постановленія не указано, но изъ содержанія видно, что оно должно было имѣть мѣсто на сеймѣ 1490. Ср. тутъ-же: «у насъ, при началѣ нашего общества еще мало людей, однако безъ того (зла) оно не было и не будетъ, такъ какъ людъ собирается.» При вступленіи въ общину богатый получаетъ напоминаніе, что его обязанность помогать бѣднымъ. ib. 64. Черезъ нѣсколько времени богатые члены общины — изъ пановъ, рыцарей и горожанъ получили офенціальное разрѣшеніе на житейскій комертъ, въ пищѣ, одеждѣ и т. д. ib. 89.

(2) ib. 87. Относительно свидѣтельствванія на судѣ вообще препоручалось насколько возможно избѣгать его. ib. 96. 97. Быть адвокатомъ по найму воспрещалось. ib. 96.

(3) Gindely. I. 65, гдѣ вообще о синодѣ 1490 года.

Черезъ четыре года (1494 г.) была сдѣлана попытка уничтожить расколъ на синодѣ въ Рыхновѣ (Reichenau), но она была безуспѣшна: западные округа объявили, что такъ какъ половина общины отдѣляется отъ стараго вѣроученія, то они извергаютъ ее изъ себя и соединяются въ новую общину. Они получили прозваніе «амосовцевъ», по имени ихъ вождя, Амоса, тогда какъ большинство стало называться «Болеславскими братьями», по городу Младоболеславѣ (1).

Болеславскіе братья собрались послѣ этого формальнаго разрыва на новый синодъ въ Рыхновѣ въ 1495 году и опредѣлили свое ученіе. Синодъ торжественно осудилъ значительную часть сочиненій отца общины, брата Григорія (2). Была сдѣлана черезъ годъ еще одна попытка къ соединенію въ Хлумцѣ и такъ-же безуспѣшно. Излишнее говорить, что правота была на сторонѣ «меньшей партіи» (menší strana) и большинство покривило душой. Спустя полвѣка амосовцы безвѣстно обончили свою изолированную жизнь; осилвшіе же братья не любили даже вспоминать объ этой неспріятной исторіи (3).

(1) О расколѣ см. подробно у Гиндла. I. 64—72. Для умиротворенія братья посылали было искать юстинианской церкви на Востокъ; ходили четыре брата, одинъ былъ между прочимъ въ Россіи: это было въ 1491 году. ib.

(2) «Neb z milosti Boží — сказано въ протоколѣ синода — a z prací skutečných rozali sme, že jsou (у Григорія) nad míru a bez středomosti některé věci položeny, a někteří kusové z příčin tehdejších položeni jsou. A tehdy tak bylo potřebí, ježtoby již jinými příčinami škodu nésti mohli. Посему мы, которые были при началѣ общины, съ тѣми, которые позже присоединились къ намъ, послѣ многого обсужденія положили: не стѣсняться сочиненіями Григорія и не рекомендовать ихъ, какъ руководство, будущимъ членамъ общины. Они могутъ быть принимаемы настолько, насколько согласуются съ священнымъ писаніемъ и служатъ къ полезному образованію. Поэтому эта 1495 во избѣжаніе злаго поддѣржаніи относительно того, что мы здѣсь положили съ общаго согласія, каждый изъ насъ подписалъ собственноручно.» Михаилъ Старый изъ Жамберна, Матвій Кувшальскій, Ома Преловцкій, Илья Хрѣновскій, Прокопъ изъ Индрихова Градца, Лука Пражскій, Лаврентій Красоницкій и др. Всего 18 человекъ. «Dekrety.» I. 2.

(3) У Коменскаго въ «Исторіи тяжелыхъ испытаній чешской церкви» печальный эпизодъ этотъ, столь замѣчательный для дальнѣйшей жизни

По завершении раскола, в начале XVI столетия братская община совмещала в себя уже более 10% всего чешского населения; хотя с точностью определить общее число братьев невозможно, но, принимая во внимание, что в начале этого столетия католики насчитывали их в Моравии в 100 тысяч, и что в собственной Чехии их было гораздо больше, Гиндзел определяет число их от 300 до 400 тысяч (1). Гнездом их была восточная Чехия, где им покровительствовали знатнейшие паны — Цимбурки, Костки, сами вступившие в общину и передавшие свое уважение к ней своим родственникам. В

братства, преднамеренно обойденъ: два, три глухихъ слова — и только. Глава XXIII. Для указания радикальнаго измѣненія, совершившагося въ учинѣ общины въ эпоху раскола, можно привести еще новое постановленіе ея относительно войны. Хельчицкій, Григорій, амосовцы безусловно возбуждали своимъ послѣдователямъ участіе въ войнахъ, новая же община допускала это участіе, но подъ извѣстными, отчасти комическими условіями. «Каждый долженъ по возможности избѣгать войны, особенно если она начинается изъ-за дѣла несправедливаго и неприличнаго: вслѣдствіе гордости, алчности, жестокости, или изъ-за вопроса религіознаго, ради котораго должно страдать. Если же король самъ не возбуждаетъ войны, и терпитъ насиліе отъ или его подданные со стороны кого либо другаго, при чемъ этотъ послѣдній не поддается на уговоръ и стоитъ на своемъ зломъ умыслѣ, такъ что онъ, король, въ силу своего высшаго призванія — защищать справедливость и людей своихъ, берется за оружіе и призываетъ на помощь своихъ подданныхъ, между которыми находятся и вѣрные (т. е. братья), — то въ войнахъ такого рода могутъ принимать участія и братья. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, каждый долженъ быть наставляемъ, чтобы онъ не шелъ на войну изъ-за платы, даже еслибы дѣло было справедливое, и если возможно, чтобы нанималъ за мѣсто себя. Если же этого нельзя сдѣлать, то онъ долженъ стараться быть въ войскахъ тамъ, гдѣ ему было бы удобно, какъ то: при обозѣ, въ гарнизонѣ замка и т. д. Наконецъ, если бы и это было невозможно, то онъ долженъ остерегаться искать славы храбростью или жестокостью, остерегаться грабежа, неправой корысти, итти на войну съ совнаниемъ, что это онъ дѣлаетъ по принужденію, а не по доброй волѣ и просить Господа Бога, чтобы онъ избавилъ отъ всякаго зла.» «Dekrety.» I. 97.

(1) «Geschichte.» I. 94, 96. По Коменскому, около 1500 года братскихъ «сборовъ» въ Чехии и Моравии было до 200. «Historia o prot.» гл. XX. Zbor—церковь, приходъ.

Морави имъ благоволили: Жеротинны, Пернштейны, Штернберки, Восковицы, считавшіеся теперь также членами общины. Такимъ образомъ не прошло и полувѣка отъ появленія этой презираемой секты, какъ она считала въ средѣ своихъ членовъ богатѣйшія аристократическія фамиліи. Нѣтъ сомнѣній, что чрезвычайное увеличеніе числа братьевъ имѣло мѣсто въ послѣдніе годы XV и первые XVI столѣтій вслѣдствіе обнаруженія заключеній синодовъ 1490 и 1495 годовъ. Особенную преданность къ себѣ община нашла въ женщинахъ аристократическихъ фамилій (1).

Къ этому же времени возрастанія общины относится и установленіе прочной внутренней организаціи ея. Во главѣ общины стоялъ узкій совѣтъ, *ouzka rada*, сосредоточившій въ себѣ

---

(1) Вальбниъ съ ужасомъ говоритъ объ этомъ живомъ участіи аристократовъ того времени въ жизни общины: «*Omni tamen bonitate evincere non potuit Wladislaus, ne improborum hominum insidiis appeteretur praecipue picardorum, quos oderat pessime et mille decretis confixos extirpare tamen e regno non potuit, nobilitate maxime faeminae virus picardicum alte in animo fovente.*» «*Miscellaneorum historicorum regni Bohemiae decadis I liber VII.*» Pragae. 1687. 225. Далѣе: «*Difficile fuit hoc genus hominum e Bohemia pellere, causae praecipue fuerunt duae: hypocrisis seu dulcedo quaedam loquendi et sub hac dulcedine suum virus cum aliis communicandi; alterum, quod totam fere Bohemiae nobilitatem, maxime faeminas illustres, in partibus habebant et istud quidem educationis merito: nam omnes virgines puellas innocentissime educare solebant, ut praeter unam haeresim nihil esset, quod reprehenderetur... Sub Vladislao et Ludovico regibus summa picarditarum antistita fuit nobilis faemina Martha, ex illustri Boskoviciorum genere.*» Ib. 229. 230. Здѣсь Вальбниъ цитуетъ Богуслава Добковица, знаменитаго католическаго дѣятеля конца XV и нач. XVI вѣковъ, который съ негодованіемъ говоритъ о томъ, что женщина вместо правды занимается дѣлами общины: «*... neque faemina deest hujus demenciae particeps: cumque apostolus mulieres tacere in ecclesia jubeat, haec (т. е. Марѳа Восковицъ) et ad regem scribere et profanos homines suo patrocinio tueri audet. Sed forsitan ita legibus satanae cavetur, ut nulla pene haeresis, sine hoc sexu, coalescere in ecclesia Dei possit... Secuta haec (сестрѣ Аріа и др.) Martha nostra, quam tamen melius erat... colum lanamque curare, quam virili quadam imprudentia adversus catholicam fidem debacchari.*» Ib. 280. Исторія женщины не можетъ оставлять безъ вниманія общину.

внешнюю, центральную власть: «obzvláštní pak neb částku té církve obecné hlava jest jednota ouzké rady». «Узкій совѣтъ — говоритъ постановленіе 1499 года — по отношенію къ управленію церковью имѣеть особенную и первую власть, данную Христомъ церкви, а чрезъ церковь ему, надъ всѣми членами общины — служилыми и обыкновенными, и тае. обр. власть церковная есть прежде всего и собственно власть Христова. Затѣмъ идетъ власть епископа и старѣйшаго (staršího) въ краѣ, и наконецъ власть управителя (zpravce) или священника». На сеймѣ 1497 года всѣ обязались полнымъ повиновеніемъ совѣту, и онъ получилъ право измѣнять, постановлять все, что, по его мнѣнію, могло служить на пользу общины, безъ созыванія сейма. Онъ обыкновенно состоялъ изъ 10—12 членовъ; члены избирались пожизненно изъ священниковъ, женатыхъ или холостыхъ, при чемъ наблюдалось, чтобы каждый край имѣлъ своего представителя въ совѣтѣ. Главой совѣта былъ членъ — судья. Кругъ дѣятельности совѣта составляли слѣдующія обязанности: избраніе епископа, судьи, контроль надъ дѣйствіями послѣдняго и въ случаѣ негодности отрѣшеніе его отъ мѣста; избраніе членовъ совѣта, священниковъ и дьяконовъ (na jahanství); забота объ общихъ нуждахъ цѣлой общины и наконецъ судъ, при чемъ рѣшеніе совѣта было окончательное.

Изъ посвященныхъ вальденскимъ епископомъ Стефаномъ трехъ братскихъ епископовъ только одинъ Матвѣй имѣлъ собственно власть епископскую: остальные же два, Тома и Илья, были посвящены съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ смерти Матвѣя имѣть право утверждать въ епископскомъ званіи того, кого указалъ бы совѣтъ и сеймъ. Но когда умеръ Матвѣй, сеймъ 1500 года нашелъ неудобнымъ, чтобы во главѣ общины стояло одно лицо «словно папа», и постановилъ — избирать четырехъ епископовъ на мѣсто одного, съ подчиненіемъ ихъ узкому совѣту. Епископъ посвящалъ избранныхъ совѣтомъ лицъ на должность священника или дьякона, подтверждалъ новыхъ членовъ совѣта и новыхъ епископовъ, назначалъ управителей и помощниковъ ихъ въ молитвенные дома (po zborieh), навѣщалъ «отиренныхъ»

ему приходы (zboгу), помогать по возможности неспособнымъ церковнослужителямъ и заботился о бѣдныхъ своего края.

Что же касается до братскихъ священниковъ и дьяконовъ, то значеніе ихъ въ общинѣ понятно само собой; разница между санами священника и дьякона была таже, что и понынѣ въ православной церкви. Дьяконъ (jáhen) былъ помощникомъ священнику при совершеніи евхаристіи, въ нуждѣ имѣлъ право крестить и пр. До сейма 1498 года священники выбирались изъ неженатыхъ; но этотъ сеймъ уничтожилъ это ограниченіе. Священникъ велъ свое хозяйство, свободно располагалъ деньгами, но если былъ холостъ, то не имѣлъ право завѣщать денегъ никому, кромѣ своихъ сослуживцевъ (zrolubratři). Священникъ принималъ пожертвованія на бѣдныхъ⁽¹⁾.

Понятно, съ ростомъ общины росла ненависть къ нимъ какъ подобовъ, такъ и католиковъ, сначала было безразлично относившихся къ ней.

Первый Римъ обратилъ вниманіе на усиленіе общины «икардской»; этимъ ненавистнымъ именемъ католики постоянно величали братьевъ. Папа Александръ VI отправилъ въ Моравію двухъ миссіонеровъ для обращенія братьевъ: они должны были между прочимъ разыскивать «еретическія», т. е. братскія книги и ихъ сожигать. Къ этому времени относится особенное распространеніе книги Хельчицкаго — «O želme a obzaru jejit», т. е. о папѣ, и объ искорененіи этой книги должны были

---

(1) О советѣ — «Dekrety jednoty» I. 21. 25. 32. 33. 34. 35. При утвержденіи новаго члена совета, епископъ особой формулой опредѣлялъ его права и обязанности: «Взѣрается и дается власть тебѣ въ томъ краѣ, гдѣ ты будешь, управленіе надъ всѣми священниками и помощниками (zpravce), право учить, карать, чинить приличное наказаніе на пользу церкви, прихода, лицъ или лица и улучшать, учреждать все то, что было бы въ интересахъ вѣры и нравственности. Все это дается и взѣрается тебѣ дотола, пока ты будешь пребывать въ правдѣ и единомысліи съ общиной.» Ib. 42. Объ епископѣ, священникѣ и дьяконѣ — ib. 36. 38. 42. 2С; 27. 57. 58; 27. Подробности объ устройствѣ общины см. J a n a L a z u t - s k é h o «Hystorye o puvodu a čínech bratří českých kniha osmá.» W Hali. 1765.

особенно позаботиться миссионеры. Излишне говорить, что миссия папских посланцевъ была безуспѣшна: имъ, вѣроятно, удалось только истребить книгу Хельчицкаго (1).

Но болѣе сильная гроза поднялась противъ братьевъ со стороны домашнихъ католиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ вѣстный своею литературною дѣятельностью и талантами — Бегуславъ Гассенштейнъ Лобковицъ (2). Человѣкъ строгой нравственности, Лобковицъ, видя съ одной стороны распущенность среди высшаго сословія, разбродъ среди народа, раздираемаго религиозными мнѣніями, рѣшился побудить короля, слабохарактернаго

(1) Въ настоящее время только одинъ экземпляръ ея сохранился въ Оломуцѣ. Gindely. I. 97.

(2) Лобковицъ, «великій Чехъ», былъ человѣкъ глубокой мысли въ эпоху язычествовавшаго образованнаго общества. «Quod ad religionem attinet, eo jam ventum est, ut plerique... superos, inferosque enegent, ... ex nihilo nati sumus et post haec erimus, tanquam nunquam nati fuissetus.» *Сорнова*. «Der grosse Böhme (Bohuslaw von Lobkovic).» Prag. 1808. 190. примѣч. а), и вообще вся IX глава: «Bohuslaws Religionsgesinnungen.» Его взглядъ на братскую общину извѣстенъ: «Qui meus amor in patriam est, non potui non ingemiscere his, quae ad reipublicae nostrae exequium et ad religionis ruinam omnimodumque exterminium manifestissime spectant. Quando enim unquam maior blasphemia audita est, quam quae Christum, filiumque Dei confitearis, eum adorandum negare? aut quod est penum huic pesti comparari potest?... дажѣ о Марѣ, см. выше, ib. 193. №. Въ своемъ родномъ государствѣ онъ видѣлъ вездѣ одну народню: «Neb nemáme — пишетъ онъ намѣстнику Петру Розенберку — zpravného obecného dobrého, nebo řádu zemského: ale toliko stín jeho a podobenství. Neb která obecního řádu strana neduhů jest prázdna? všechno pak jest nakážené a porušené... Náboženství křesťanské klade se jako za nějakou básně ktěráž... všudy příčinu dává k žertům a k kunštíkům; potupují je děti, smějí se mu báby, u barvířův, v lazní a v krčmách je sárají... Toto já pak velmi hněvivě snáším, že mnozí z tohoto počtu jsou na oufádech, sedají v soukromí v radách obecních bývají a péče se na ně o obecně dobré vzkládá; ještě nežli křesťanského ani kterého jiného náboženství nenásledují...» *Zimmermann*. «B. z Lobkovic list panu P. z Rosenberka.» Praha. 1818. 13. Какъ католикъ, Лобковицъ не могъ понять, насколько желательна братская община среди общей евангельской западнаго христіанства. Паны пьютъ вино, рыцари жалуются на притѣсненія пановъ, крестьяне бунтуютъ, а «смѣхъ и звуки тѣхъ, что были причиной всѣхъ напастей (т. е. гуситовъ) шлеть и достатокъ, и честь. Что же будетъ?» спрашиваетъ Лобковицъ. ib. 15. №.

Владислава, начать дѣйствовать по религіозному объединенію своего народа. Онъ сошелся въ своихъ мысляхъ съ канцлеромъ Венгріи, епископомъ варадинскимъ Іоанномъ (родомъ моравъ) и съ некоторыми другими вліятельными лицами, знакомыми съ устройствомъ общины, и они общими силами склонили короля дѣйствовать противъ нея. Этими недоброжелателямъ братьевъ помогли какъ нельзя болѣе доносы со стороны не менѣе враждебныхъ амосовцевъ, что братья идутъ по слѣдамъ таборитовъ (1). Владиславъ рѣшился начать преслѣдованіа братьевъ со своихъ королевскихъ помѣстій; на всю землю гоненія этого распространить онъ не могъ, ибо для того нужно было согласіе сейма. Онъ отдалъ приказаніе духовенству и чиновникамъ на королевскихъ помѣстьяхъ дѣйствовать всѣми силами противъ «дьявольскаго коварства» братьевъ, которые злѣе турокъ. Чиновники были особенно ревностны: «если братья не присоединяются — доносили однихъ изъ нихъ королю — я сожигая ихъ безъ милости, какъ подобаетъ еретикамъ» (2).

Но, желая временную и мѣстную мѣру возвести въ силу постоянного и общаго государственнаго закона, король позабылся о созваніи сейма. Осенью 1503 года собранъ сеймъ католическихъ сословій въ Пильзнь. Они пригласили пражскихъ подобоевъ соединиться съ ними въ обсужденіи мѣръ противъ братьевъ. Но въ Прагѣ указали, что не справедливо обвинять заочно, не выслушавъ обвиняемыхъ, и потому опредѣлили прежде всего пригласить представителей «пикардовъ» на публичное совѣщанье съ пражскими мистрами на день новаго года (1504). Братьямъ нельзя было отказаться, и ихъ защитителями были назначены мистръ Лука, теперь старѣйшина общины, и Кресо-

(1) Коменскій рассказываетъ, что, выслушанію этого доноса, Владиславъ сказалъ: «Nu, již tedy žižkovati chtěji?» «Historia o prot.» гл. ІХІІІ. 65. Противъ этихъ недоброжелателей Мариа Восковицъ написала королю защитительное письмо, вмѣстѣ съ объясненіемъ отъ общины. Это то письмо, которое такъ возмущало «великаго Чеха», совѣтовавшаго Маревъ заниматься лучше прямой, чѣмъ выѣшиваться въ религіозные вопросы. Оно напечатано въ статьѣ П. Шаарника: «Br. J. Vlahoslava Historie bratřĩ českýchъ» въ журналѣ Мусея. 1862. 112—113.

(2) Gindely. I. 107.

лицій. Благоволившіе братьямъ нани оказывали всяческую заботу, чтобы обезопасить посланнымъ ихъ рискованное пребываніе въ Прагѣ: «мы сдѣлали все, что можно сдѣлать для вашей безопасности — писалъ братъ панъ Коства Красоницкому; но если Богу угодна будетъ ваша смерть, будьте готовы повторить съ Іовомъ: Богъ жизнь далъ, онъ ее и возьметъ. Пусть будетъ, какъ угодно Господу. Мужайся, братъ мой» (1). Но ожидаемое собесѣдованіе не состоялось, изъ боязни ли предъ народомъ, относительно котораго не извѣстно было, куда онъ болѣе расположенъ, или по какимъ либо инымъ причинамъ; пражскіе мистры удовольствовались краткою бесѣдою съ братскими депутатами и ласково ихъ отпустили домой. Сеймъ 1503 года остался безъ послѣдствій. Такимъ образомъ братьевъ оставили въ покоѣ, и предпринятія противъ нихъ мѣры остались по прежнему съ мѣстнымъ характеромъ. Понятно, не этого желали католическіе совѣтники, впервые направившіе мягкаго Владислава противъ «пикардовъ», и потому они продолжали предъ королемъ свою агитацію. Ихъ фанатизмъ противъ общины дошелъ до крайней степени: «мы не можемъ сомнѣваться — писалъ одинъ изъ совѣтниковъ королю — какого наказанія достойны эти безстыдныя и проклятыя негодяи; они не достойны, чтобы ихъ пожрало благородное пламя, тѣла ихъ должны растерзать дикіе звѣри, кровь ихъ — вылакать псы» (2). Вторая агитація имѣла тотъ результатъ, что въ 1508 году король подписалъ знаменитый своею жестокостью мандатъ противъ «пикардовъ», который игралъ не послѣднюю роль въ послѣдующей борьбѣ католиковъ съ братьями. Составители мандата ясно предвидѣли будущее значеніе братьевъ, и они это высказали отъ имени короля въ начальныхъ словахъ его: «мы замѣтили -- говорить король — какъ въ королевствѣ нашемъ усилились заблужденія пикардскія и день ото дня все болѣе усиливаются; еслибы мы далѣе пустили, то эта ересь (blud) не только намъ, наслѣдникамъ нашимъ и этому коро-

(1) «Historia o protiv.» гл. XXIII. 66. 67.

(2) Gindely. I. 130.

левству, но и всему христіанству могла бы вредить....» (1). Въ силу мандата всѣ сборныя дома пикардовъ имѣли быть закрыты, книги ихъ, какъ печатанныя, такъ и писанныя, сожжены; нѣто, ни изъ какого сословія, не имѣлъ права писать, печатать или продавать братскіе трактаты (2); учителя и наставники (zpravové) общины, которые учать и распространяютъ еретическія заблужденія, должны были предстать съ отвѣтомъ предъ судъ подобоискихъ священниковъ; наконецъ, кто учителя или простаго пикарда, мужскаго или женскаго пола, принималъ къ себѣ и не выдавалъ яну, тотъ препровождаяся въ земскій судъ для наложенія пени (3). Въ томъ же году канцлеръ Венгріи и Лобковицъ добились послѣ недолгихъ споровъ признанія королевскаго мандата и со стороны чиновъ чешскаго сейма, и такимъ образомъ мандатъ сталъ государственныиъ закономъ, будучи внесенъ въ земскія доски. Только моравскій сеймъ, благодаря дѣятельности Жеротина, отклонилъ принятію мандата, а это обстоятельство имѣло тотъ результатъ, что въ то время какъ въ Чехіи «кровавый», по братскому выраженію, законъ 1508 года постоянно вновь издавался въ теченіи XVI столѣвія, и гоненія общины, если не всегда на дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, формально не прекращались вплоть до изданія знаменитаго маестата 1609 года, сосѣдняя Моравія представляла легкое убѣжище для братьевъ, ибо на нее Владиславовъ мандатъ не простирался, и вообще до 1628 года, до Фердинанда II, не было въ ней спеціальнаго закона противъ общины (4). Начались гоненія, сожженія братьевъ (5). Съ трудомъ они собирались на ночныя сходки для общей молитвы. Но положеніе ихъ нѣсколько облегчилось, когда, съ появленіемъ Лютера,

(1) «Apologie druhá stavův království českého roku 1618.» Изданіе Шуберта. Прага. 1862. въ приложеніяхъ, № 13. 85.

(2) Въ началѣ XVI вѣка у братьевъ были 3 типографіи, тогда какъ у католиковъ и подобоевъ ихъ было только двѣ. Gindely. I. 124.

(3) «Apologie druhá.» № 13. 86. 87.

(4) Gindely. I. 137. Ср. о Моравіи Sabina. «Dějepis literatury.» 883. и слѣд.

(5) «Historia o protiv.» XXIV. 70. 74.

его мысли стали проникать между чешскихъ утраввистовъ, особенно между мистровъ университета, возбуждая общую симпатію. Извѣстно, что уже на диспутъ въ Лейпцигѣ Лютеръ обвинялся Эккомъ въ чешской ереси. Но самое большое сочувствіе Лютеръ нашелъ среди высшего дворянства, среди молодыхъ людей, воспитывавшихся за границей. Модныя сатиры на папу изъ-за границы привозились на родину, переводились и печатались⁽¹⁾.

Въ 1522 году 16-лѣтній Людвигъ пріѣхалъ въ Прагу, короновалъ жену и предписалъ первый сеймъ. Въ іюнѣ собрались чины королевства. Къ нимъ Лютеръ написалъ посланіе, въ которомъ напоминалъ имъ твердо держаться отъ всякаго единенія съ Римомъ, быть вѣрными «святой памяти Гуса и Иеронима», выражалъ надежду, что скоро между чехами и нѣмцами будетъ миръ и единомысліе⁽²⁾. Въ томъ же смыслѣ онъ писалъ графу Шликѣ, гдѣ между прочимъ говорилъ, что былъ бы очень радъ побывать въ Чехіи лично⁽³⁾. Другое письмо было послано Лютеромъ къ пражской городской общинѣ, еще болѣе рѣшительнаго характера, чрезъ учившагося тогда въ Виттенбергѣ чеха, Кагеру (Cahera) Жатоцкаго. Онъ предлагалъ пражанамъ сбросить съ себя послѣднія оковы, связывающія ихъ съ Римомъ — посвященіе священниковъ, а если ужъ нужно посвященіе, то выбрать Кагеру, и тотъ будетъ посвящать. Совѣтъ былъ принятъ, и въ августѣ 1523 года Кагера былъ избранъ сословіемъ въ администраторы утраввистской церкви. Въ новомъ администраторѣ Лютеръ нашелъ лучшаго пронагандатора своего ученія въ самомъ центрѣ Чехіи; открыто, съ каеэдръ Кагера проповѣдывалъ ученіе Лютера и требовалъ отъ народа молиться о немъ. Подъ вліяніемъ горячихъ проповѣдей Кагеры пражская община сдѣ-

(1) Gindely. I. 163—165. Ср. Sabina. «Dějepis.» 855—857.

(2) Съ появленія Лютера значительно ослабла вѣковья ненависть нѣмцовъ противъ чеховъ. См. слова современнаго лѣтописца Бартоша писара: «...v těch okolních krajínách německých národ ten, od dávnych časův českým a moravanům zlostný a nepřiznivý... s čechy a moravany z daru božího v přízeň a milost uvedl beze všech nesnází...» Sabina. «Dějepis.» 854.

(3) Palacký. «Dějiny.» V. II. 454. 455.

жалась до такой степени нетерпимой къ консервативнымъ утравкистамъ, что приказала всѣмъ подобойскимъ священникамъ, заподозрѣннымъ въ склонности къ Риму, пойти въ изгнаніе. При такихъ обстоятельствахъ старая утравкистская церковь пошла быстро по пути лютеранизации: уже не довольствовались выраженіемъ симпатіи къ Лютеру словомъ, и требовали — провести въ жизнь, насколько возможно, положенія Лютера. Съ этою цѣлью въ 1524 году, съ согласія короля, собрался сеймъ въ Прагѣ. Въ залѣ университета представители утравкистскаго сейма утвердили 20 основныхъ положеній своего новаго вѣроученія и управленія. Эти положенія не были строго лютеранскаго характера: сохранялось священство, обѣдня, почитаніе святыхъ, особенно «національных»; но было отброшено преданіе, церемоніи, и кромѣ того было постановлено, что каждый священникъ, учащій сообразно съ евангеліемъ, пользуется защитой закона; каждый, даже дитя, долженъ прилежно читать библію⁽¹⁾. Составителемъ этого своднаго исповѣданія утравкистовъ былъ Кагера. Понятно, сильное увлеченіе Лютеромъ со стороны калишниковъ, т. е. большинства населенія королевства, уменьшило ихъ религіозную ревность на пользу католицизма, и они перестали видѣть въ братской общинѣ еретиковъ, пикардовъ; напротивъ они должны были скоро замѣтить, что между ними, лютеранствующими, и «пикардами» есть много родственнаго. Последнее стало очевиднымъ, когда между братьями съ одной стороны и Лютеромъ съ другой стали укладываться самыя дружескія отношенія.

Дѣйствительно, по своему ученью, и община, и Лютеръ были близки другъ къ другу, хотя это обстоятельство не шло въ первое время Лютеру видѣть въ братьяхъ пикардовъ.

Въ 1522 году община послала Лютеру на разсмотрѣніе свое исповѣданіе вѣры. Ученіе о таинствахъ, безбрачїи священства не попра-

---

(1) Очевидно, Палацкій ошибается, считая это исповѣданіе сейма совершенно лютеранскимъ. «Dějiny. V. II. 457. См. подробно у Гинделя «Geschichte.» I. 167. и слѣд.

вилось Лютеру, и онъ послалъ ей отвѣтъ съ изложеніемъ своихъ недоумѣній. Глава братьевъ, епископъ Лука, рѣзко отвѣчалъ Лютеру и указалъ разницу между обоими ученіями. Лука, въ противность Лютеру, ставилъ слѣдующее основное положеніе: «разумъ долженъ молчать и должно беречься его тамъ, гдѣ говоритъ священное писаніе», а этого и не допускалъ Лютеръ. Но особенно запальчиво Лука возражалъ Лютеру относительно его ученія объ оправданіи. «Извините, но, кажется, относительно того, что вы (Лютеръ съ своими послѣдователями) одной вѣрѣ безъ дѣлъ приписываете жизнь, мы учимъ далеко мирнѣе и истиннѣе, ближе къ правдѣ священнаго писанія, нежели вы, ибо вы приписываете то вѣрѣ безъ дѣлъ, что, насколько мы понимаемъ, никомъ образомъ не можетъ быть доказано изъ священнаго писанія. Мы не можемъ даже узнать изъ вашихъ сочиненій, когда вы дошли до вѣры обыкновеннымъ и истиннымъ путемъ изъ употребленія писанія и иныхъ порядковъ закона, и какимъ образомъ вы полагаете пользоваться ею, чтобы быть при помощи ея живу. Ибо мы учимъ, что единая вѣра одинъ только разъ дается святымъ, одинъ разъ она можетъ быть пріобрѣтена безъ дѣлъ, но потомъ ее должно оправдать дѣлами; въ ней надлежитъ, согласно писанію, часто искушать себя, обновлять, оправдывать, утверждать. Но изъ вашего письма видится, что вы, по вашему ученію, достигаете оправданія вѣрой тогда, когда при таинствѣ благой любви вы вѣрите словамъ Господа и принимаете его въ первоначальномъ видѣ. Тутъ вы полагаете и отпущеніе грѣховъ, и избавленіе отъ ада, и кладязь любви, и спасеніе, и животъ вѣчный, ну, словомъ, все писаніе, и остерегаетесь дѣлать добрыя дѣла предъ тѣмъ и при томъ» (1).

(1) Palascku. «Dějiny.» V. II. 456. 457. Gindely. «Bratr Lukáš a zpřívové jeho» въ Časopisъ. в. 1861. 287. Отрывки изъ отвѣта Луки Лютеру приводятся также Сабинной «Dějepisъ.» 765. 766. Епископъ общины, Янъ Благославъ, въ своей «Исторіи братьевъ чешскихъ» говоритъ о братѣ Лукѣ, что это былъ человекъ, подобнаго которому никогда не было въ общинѣ. «Дай-же, Господи Боже, намъ и твоему малому стаду многихъ столь вѣрныхъ, энергическихъ и стойкихъ (nedadoucích se рѣшosci) людей!» См. цитованную статью Шаарика въ журналѣ чешскаго Музея. 1862. 203.

Оскорбленный Лютеръ прервалъ всякія дальнѣйшія сношенія съ общиною при жизни Луки (+ 1528). Очевидно, соединеніе обонхъ ученій въ одно въ рассматриваемое время было дѣломъ невозможнымъ; только впоследствии мы встрѣтимся съ рѣшительною попыткою соединить оба ученія, и она пошла отъ братьевъ.

Естественно, если при такомъ порядкѣ вещей гоненія общины, вызванныя кровавымъ мандатомъ 1508 года, сами собою прекратились: братья стали публично проповѣдывать въ церквяхъ въ Прагѣ, встрѣчая сочувствіе въ народѣ и духовенствѣ. Но эта устанавливавшаяся дружеская связь лютеранствовавшихъ утравкистовъ и братьевъ между собою не долго служила на пользу общинѣ. Способный и честолюбивый Кагера былъ еще недоволенъ; ему непріятно было сознаніе своей зависимости отъ расположенія сословій, и онъ рѣшился перейти въ другой лагерь — къ католикамъ и сталъ вести съ ними переговоры. Это былъ человекъ, у котораго ничего не было святаго, какъ именно считали его и католики, у котораго выше всего стояло личное я⁽¹⁾. Намѣреніямъ Кагеры дѣйствовать противъ лютеранъ въ особенности благопріятствовало то обстоятельство, что при новыхъ выборахъ въ городскую думу Праги большинство членовъ было изъ старыхъ поддоевъ и потому противниковъ лютеранскихъ нововведеній. Уже изъ перваго декрета новой думы видно было, что она начинаетъ борьбу. Новый декретъ прямо противорѣчилъ сеймовымъ постановленіямъ 1524 года: онъ одобрялъ процессіи, церковныя церемоніи, передавалъ цензуру «еретическихъ» сочиненій утравкистской консисторіи; нарушителю этихъ распоряженій угрожалъ изгнаніе. Священники, сторонники лютеранства, тотчасъ же оставили Прагу, протестуя противъ «*vugovědi*» ратуши. Но Кагера этимъ не ограничился: вмѣстѣ съ другими онъ рѣшился очистить ратушу отъ всѣхъ лютеранскихъ членовъ. Толпа вооруженныхъ старокаллишниковъ ворвалась въ ратушу, и приверженцы лютеранства были объявлены королевскими плѣнниками. Едва разнесся слухъ о происшедшемъ въ ратушѣ, вся Прага

(1) См. характеристику Кагеры у Палацкаго. «*Dějiny*» V. II. 458.

вооружилась, и толпы собрались на площади. «Только благодаря тому, что никто не зналъ, кто былъ за подобовъ, кто за Лютера, дѣло не дошло ни до битвы, ни до нападенія на дома, ни до малѣйшаго кровопролитія» (1). Послѣ этихъ успѣховъ Кагеры и старыхъ утравкистовъ, всѣ священники изъ подобовъ, сочувствовавшіе братьямъ, были изгнаны, и вслѣдъ за тѣмъ было осуждено всякое ученіе, несогласное съ старымъ подобойствомъ. Каждый перекрещенецъ подлежалъ клеймленію въ лицо и изгнанію. Продажа еретическихъ книгъ была воспрещена подѣ страхомъ смертной казни; малѣйшее отклоненіе въ дѣлѣ вѣры влегло изгнаніе (2). Послѣднее распоряженіе, очевидно, было главнымъ образомъ направлено противъ общины (3). Опять начались захваты, пытки, сожженія «лукавыхъ пикардовъ».

Но торжество староутравкистской партіи въ Прагѣ продолжалось недолго. Фердинандъ, избранный въ чешскіе короли послѣ гибели Людвига у Могача, хотя и воспитанный въ Испаніи, явился на первое время человѣкомъ терпимымъ. Ознакомившись съ характеромъ пражскихъ безпорядковъ въ послѣдніе годы управленія своего предшественника, онъ приказалъ воротить на родину всѣхъ изгнанныхъ, а администратору Кагерѣ, какъ главному виновнику всѣхъ этихъ неурядицъ — оставить Прагу и королевство въ теченіе шести дней. Гоненія братьевъ прекратились. Фердинандъ, поступаая такъ, дѣйствовалъ только какъ умный политикъ, зная силу религіозныхъ партій своей новой страны: ибо въ то же самое время онъ не стѣснялся въ жестокихъ мѣрахъ противъ перекрещенцевъ въ Моравіи и Австріи (4). Ему

(1) Слова Вартоша Писаря — у Палацкаго. «Dějiny.» V. II. 467.

(2) Gindely. I. 177. 178.

(3) Коменскій. «Historia o prot.» гл. XXIX—XXXII. Объ интригахъ Кагеры и его сообщниковъ противъ лютеранъ и общины см. статью проф. Томка «O církevní správě strany pod obojí v Čechách» въ журналѣ музея «Časopis.» 1848. I. 441—447.

(4) См. характеристику Фердинанда у Томка: «Онъ не былъ сантитъ религіозный, но хладнокровный счетчикъ, для котораго всякое средство было хорошо, если оно служило цѣлямъ абсолютизма, а потому и религія. Пова старый утравкизмъ былъ силенъ настолько, что могъ протавиться и

не было времени до разбора учений некатоликовъ, — калишниковъ, братьевъ, лютеранъ — вниманіе его поглощали дѣла съ туреами. Фердинанду нужны были деньги, люди на войну, а онъ зналъ, что братья имѣли сильныхъ патроновъ среди чешской знати: представитоли лучшихъ аристократическихъ фамилій — Краекъ, Доливъ, Кринецкій, Яновидъ, Илемницкій, торжественно перешли въ общину, спустя немного времени послѣ вступленія его на престолъ.

Благопріятствовавшія политическія обстоятельства, усиленіе общины чрезъ вступленіе въ нее новыхъ чешскихъ пановъ позволили братьямъ успокоиться на нѣкоторое время отъ преслѣдованій, а между тѣмъ внутри общины зарождались стремленія, которыя клонились къ уничтоженію ея самостоятельности. Епископа Луки уже не было въ живыхъ; на мѣстѣ его стоялъ во главѣ управления Янъ Августъ, фанатическій приверженецъ лютеранства, избранный въ епископы синодомъ 1532 года.

Къ этому самому времени относится замѣтное стремленіе и самого Лютера облизиться съ братьями. Когда по предложенію *пана* Крайка братья написали апологію своей вѣры для представленія маркграфу бранденбургскому и отправили ее въ Виттенбергъ для напечатанія, Лютеръ согласился издать ее подъ личнымъ наблюденіемъ. Къ изданію Лютеръ присоединилъ предисловіе, гдѣ опредѣлялъ отношеніе своего ученія къ ученію братьевъ: «я часто желалъ — писалъ Лютеръ — познакомиться основательно съ ученіемъ братьевъ, но не было удобнаго случая. Только въ немногомъ ихъ способъ рѣчи различествуетъ отъ моего; но они очень близки къ библейскому ученію, и потому я могу смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ братьевъ» (1). Но замѣчательно, что въ этой апологіи было еще много нелютеранскаго, нпр. перекрещеніе, ученіе объ евхаристіи, оправданіи,

---

королю, лютеранство было хорошимъ средствомъ для ослабленія силъ, самостоятельность которыхъ оскорбляла новыя идеи о неограниченной власти монарха. Поэтому въ Прагѣ Фердинандъ принялъ сторону угнетенныхъ.» «O církvéní spravě etc.» «Сав.» 1848. 448.

(1) Gindely. I. 223.

словомъ, сохранялась еще догма епископа Луки. Въ это самое время, не смотря на то, что Фердинандъ, освободившись отъ войны съ турками, открылъ мѣстныя гоненія противъ братьевъ, запретивши имъ имѣть на королевскихъ земляхъ всякія «пикардскія» собранія, община уже чувствовала себя настолько сильною, что тогда же опредѣлила представить королю исповѣданіе своихъ вѣры, какъ это сдѣлали раньше протестантскія сословія в Аугсбургѣ. Это братское исповѣданіе составлялъ Августа и насколько возможно приблизилъ его къ аугсбургскому: ученіе объ евхаристіи было изложено преднамѣренно темно, перефразировано отброшено. Чтобы придать возможно большій блескъ этой конфессіи, подъ ней подписались всѣ чешскіе паны и рыцари, принадлежавшіе къ общинѣ. Изъ этихъ подписей мы узнаемъ, что въ это время община считала у себя 12 пановъ и 33 рыцаря. Фердинандъ принялъ сначала депутацію сурово. «Чертъ въвелъ въ вашу вѣру» — сказалъ онъ представителю братской депутаціи, пану Крайржу. «Не чертъ, а Христосъ, чрезъ священное писаніе — отвѣчалъ тотъ; если Христосъ былъ пикардомъ, тогда и я пикардъ!» (1). Но потомъ объявилъ ей, что передастъ на разсмотрѣніе представленную конфессію и обѣщалъ общинѣ безопасность.

Августа началъ теперь усиленнѣйшую дѣятельность на слитіи общины съ лютеранствомъ. Съ этой цѣлью Августа съ своими сторонниками рѣшился представить братское исповѣданіе вѣры на разсмотрѣніе Лютеру. Было снаряжено посольство въ Виттенбергъ, и во главѣ его стоялъ Августа. Лютеръ принялъ дружелюбно братьевъ, но по тщательномъ обсужденіи предложенной конфессіи онъ высказалъ порицаніе въ ней двухъ мѣстъ: о безбрачій и оправданіи и отказался принять на себя заботу о печатаніи. Но тѣмъ не менѣе въ отвѣтъ Лютеръ написалъ общинѣ очень любезное письмо.

Понятно, Августа долженъ былъ употребить все свое вліяніе, чтобы уничтожить ту небольшую разницу, которая еще существовала въ ученіи братьевъ и лютеранъ. Былъ собранъ совѣтъ

(1) Gindely. «Životopis V. Jana Blahoslav.» Česopis. 1856. I. 24.

для обсужденія этихъ несогласныхъ двухъ пунктовъ, и они получили новую редакцію, противъ которой не могъ бы возразить Лютеръ. Тоже послѣдство было вторично отправлено въ Виттенбергъ съ просьбой къ Лютеру напечатать новое исповѣданіе общины. На этотъ разъ Лютеръ выразилъ свое согласіе.

Между тѣмъ какъ устанавливались эти близкія отношенія между братскою общиною и виттенбергскимъ реформаторомъ, влотившіяся къ полному сдѣланію обоихъ вѣрученій, въ лагерѣ утравкистовъ воскресло прежнее стремленіе къ соединенію съ лютеранствомъ, воскресле гуманное отношеніе къ братской общинѣ, противъ которой раздавались голоса только изъ среды католическаго духовенства. Когда въ 1537 году былъ созванъ сеймъ, лично открытый Фердинандомъ, для превращенія тѣхъ религиозныхъ безпорядковъ, которые, по словамъ короля, существуютъ въ Чехіи, когда нѣкоторые только по виду принадлежатъ къ одобряемъ, на дѣлѣ же ни къ нимъ, ни къ католикамъ, то чины открыто заявили: «мы имѣемъ законъ Божій: къ чему вамъ компактаты!» Правда, паны и рыцари, исповѣдовавшіе братское ученіе, были удалены изъ залы сейма — дѣло до нихъ не касается, но это не былъ знакъ презрѣнія къ нимъ. Враги общины были только среди католическихъ патеровъ: они распускали наглые клеветы, что братья совѣщаются о перемѣнѣ династїи и готовы поддаться даже туркамъ (1). Они должно доносили въ Прагу о собранїяхъ пикардовъ и возбуждали народъ. «Если бы этотъ домъ или због, въ который сходятся пикарды — говорилъ одинъ панъ — стоялъ бы отдѣльно, а не вмѣстѣ съ другими домами, я бы сжегъ его, какъ пастыръ душъ, безъ вреда своей совѣсти» (2). Уже при подачѣ конфессїи Фердинанду братья жаловались, что католическіе священники трубятъ народу, что пикарда позволительно убить, что въ этомъ меньше грѣха, чѣмъ убить собаку (3). Рѣже доносы были на братьевъ со стороны подобойскаго духовенства (4). Но еще большая, чѣмъ

(1) Gindely. I. 254.

(2) «Jednaní a dopisy.» II. 10.

(3) Коменекъ. «Historia.» XXXIV. 91.

(4) «Jednaní a dopisy.» I. 119.

у мірянъ, была симпатія къ Лютеру среди подобойскаго духовенства. Низшее духовенство изъ подобовъ, не смотря на довольно сильныя мѣры противъ лютеранствовавшихъ священниковъ со стороны администратора, постоянно высказывало свое сочувствіе лютеранизму. Такъ напр. еще въ 1533 году одинъ деревенскій священникъ былъ заключенъ въ тюрьму за то, что въ проповѣди бранилъ порядки церковныя, звонки, свѣчи, а о таинствѣ евхаристіи говорилъ: «что? вы думаете, что тутъ животъ вѣчный, какъ папистскіе попы? — здѣсь только одно воспоминаніе». Другой, городской священникъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы на поруки только подъ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ носить священническое платье, сапоги, стричь волоса, брить бороду, усы. Были священники, которые просто издѣвались надъ католичествомъ: такъ нѣкій священникъ Флоріанъ былъ наказанъ за то, что «de adoratione Corporis Christi — говоритъ рѣшеніе консисторіи — *nedrží a praví, že jsme modláři* (идолопоклонники)... *In die animarum nešel spívat nešporu do Kostnice a potom pravil, že to nic platno není, než jakoby umrlému koni oves vorálat* (сыпалъ)... *Na kázání mluvil, proč by masa v pátek ne jedli, poněvadž masa ženského v pátek užívají*» (1). Случаи женидьбы священниковъ были нерѣдки (2), дѣла же о незаконномъ сожитіи священниковъ съ кухарками, чужими женами безпрестанно разбирались въ консисторіи (3). Однимъ словомъ, лютеранство сильно расширялось среди подобойскаго духовенства почти съ первыхъ годовъ правленія Фердинанда.

Но прошло лѣтъ десять, и теперь на сторонѣ лютеранства сталъ самъ администраторъ подобойской консисторіи — Мистополь (Mistopol). Его симпатіи къ Лютеру сказались на сеймѣ 1543 года. Въ одно время съ общимъ государственнымъ сеймомъ для всѣхъ земель чешской короны собралось, по инициативѣ Мистополя, подобойское духовенство Чехіи и Моравіи. На рѣшеніе собранія были предложены три вопроса, и изъ нихъ уже видно,

(1) «Ječnaní a dopisy.» I. 76. 77. 82.

(2) *ib.* I. 85. 111.

(3) *ib.* I. 84. 87. 90.

куда были направлены они: 1) жертвоприношенію ли обѣдня? 2) должно ли призывать святыхъ? 3) нужны ли добрыя дѣла, или достаточна одна вѣра для оправданія? Хотя сторона стародобойская прямо объявила эти вопросы еретическими, но партія противоположная успѣла перенести эти вопросы на сеймъ. Передъ чинами королевства лютеранствовавшей администраторъ высказалъ свои мысли яснѣе: онъ предложилъ упростить церковныя церемоніи, уничтожить обѣдню, процессіи, молитвы за умершихъ и т. д.

Но на всѣ эти домогательства утраквистскаго духовенства католическій король указывалъ на компактаты и не хотѣлъ ничего знать болѣе.

Возникшее движеніе въ средѣ утраквистовъ на соединеніе съ лютеранствомъ и отсюда явившаяся сеймовая оппозиція чиновъ, естественно, удерживала Фердинанда отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ братской общины, которую онъ ненавидѣлъ, какъ чуждый католикъ⁽¹⁾. Впрочемъ частныя гоненія противъ братьевъ нигде не прекращались, гдѣ только было можно, напр. на королевскихъ земляхъ, ибо здѣсь только король былъ самовластенъ, въ качествѣ помѣщика — *vrchnosti*, такъ точно, какъ въ силу того же права *vrchnosti*, панн изъ общины покровительствовали «пикардамъ», панн изъ лютеранъ — лютеранамъ. Вообще должно замѣтить, что лишь благодаря этому крайнему ограниченію власти королевской со стороны феодальныхъ владѣтелей, возможна была и жизнь, и развитіе общины въ Чехіи при существованіи мандата Владислава. Только благодаря такому подѣлу государства между королемъ и *vrchnostemi*, могла развиваться свобода совѣсти, тѣсно соединенная съ свободой политической, и всякое стѣсненіе религіи разсматривалось чинами, какъ умаленіе политическихъ свободъ королевства, т. е. какъ усиленіе абсолютизма.

---

(1) Когда, во время переговоровъ съ королемъ, лютеранскіе члены сейма 1543 года коснулись и братьевъ, Фердинандъ прямо имъ возразилъ, что о нихъ онъ слышать не желаетъ, ибо они уже давно осуждены церковью, какъ еретики. Gindely. I. 265.

Но своєю оппозиціі некатолическихъ чиновъ королевства была сломлена, въ ущербъ свободамъ королевства возвысился абсолютизмъ, и тогда только Фердинандъ принялся за общину. Надолго время до 1547 года сдѣлалось какииъ-то политическимъ идеаломъ.

Поздно утражившескіе чины увидѣли, что они ошиблись въ избраніи Фердинанда: они стремятся къ развитію религіозной свободы, а Фердинандъ все имъ ссылается на компактаты. Въ виду такого положенія дѣлъ чины, по соединеніи съ общиною, рѣшили свергнуть съ престола габсбурга открытой силой. Поводомъ къ возстанію послужила война 1546 года между Карломъ V и шмалькальденскимъ союзомъ. Помогая брату, Фердинандъ потребовалъ отъ сейма всеобщаго вооруженія, назначивши срокъ на 11 ноября; прошелъ срокъ, но войскъ не было, а между тѣмъ саксонцы захватили уже часть Богеміи. Фердинандъ былъ въ стѣсненномъ положеніи; онъ обратился съ воззваніемъ къ чехамъ, но тѣ отвѣчали, что только сеймъ имѣетъ право объявлять всеобщее вооруженіе. Видя такое упорство, Фердинандъ собралъ въ Литомѣрицахъ чины и умолялъ ихъ о помощи; онъ указывалъ чинамъ, что они должны помогать по тому, что Чехія есть левъ имперіи⁽¹⁾. Католики и староподобои обѣщали. Но между тѣмъ какъ шли эти переговоры, въ столицѣ вспыхнуло возстаніе, руководимое лютеранами и братьями. Изъ восьми лицъ, составившихъ временное правительство, половина принадлежала къ общинѣ.

Это легкомысленное возстаніе 1547 года имѣло самыя несчастныя послѣдствія для благосостоянія братской общины въ Чехіи, и оно было тѣмъ легкомысленнѣе, что далеко не всѣ вліятельные братья сочувствовали возстанію, предпринятому со-обща съ лютеранами; напротивъ, послѣдніе были до такой степени противны нѣкоторымъ панамъ изъ общины, что они, замѣтивши стремленія Августа и другихъ слиться съ лютеранствомъ, выходили изъ общины. Такъ когда Августа, послѣ разбитія возставшихъ, обратился съ просьбой о защитѣ къ герману

---

(1) Koloušek. «České státní právo.» Praha. 1871. 47.

Меравин Луданицу, тотъ съ укоромъ отвѣчалъ ему, что благодаря его дѣятельности рухнетъ община: онъ вошелъ въ переговоры съ лютеранами, отбросилъ старое ученіе брата Луки и привелъ его въ презрѣніе, что онъ, гетманъ, надѣялся умереть въ вѣрѣ отца своего — въ общинѣ, но, увидѣвши ея измѣненіе, бросилъ ее (1). Возстаніе сверхъ того нанесло тяжелые удары старому государственному порядку Чехіи.

Разбивши протестантовъ, Фердинандъ двинулся къ Прагѣ. Выставленная временнымъ правительствомъ ничтожная войска разбѣжалась, и столица послѣ слабого сопротивленія была взята. Начался судъ. Онъ не былъ слишкомъ кровавымъ: только четыре человѣка изъ возставшихъ положили головы свои на плахѣ, и то не изъ пановъ. Но противъ мятежныхъ пановъ, изъ которыхъ семь человѣкъ принадлежало общинѣ, была прирѣшена мѣра, пожалуй, милостивая, но которая, какъ нельзя болѣе, соответствовала цѣлямъ католическаго короля. Раскаившіеся паны — лютеране обвиняли братскихъ священниковъ въ возбужденіи народа къ мятежу, и особенно тяжело обвинялся епископъ братьевъ, законный намъ по своей ревностной лютеранской пропагандѣ въ общинѣ, Янъ Августъ: о немъ говорили, что онъ обвѣждалъ предъ возстаніемъ братскія поселенія и возбуждалъ ихъ (2). Въ виду всего этого судъ опредѣлялъ у обвиняемыхъ въ мятежѣ братскихъ пановъ конфисковать тѣ имѣнія въ восточной Чехіи, которыя съ полнымъ правомъ могли быть разсматриваемы, какъ притоны, гнѣзда сектантовъ. Краекъ долженъ былъ уступить королю Брандысъ на Эльбѣ навсегда, а Младобо-

(1) Gindely. I. 309.

(2) Что оговаривавшіе братскихъ священниковъ и Августу предъ Фердинандомъ лютеране были правы, видно изъ словъ знаменитаго братскаго епископа, Яна Влагослава, въ его біографіи Августы: «Священники цши и нѣкоторые изъ епископовъ (starších) для укрѣпенія себя ихъ (возставшихъ пражанъ) заговора — какия цѣли онъ преслѣдовалъ, вступили въ сеймъ.» Для успѣха дѣла былъ наложенъ возставшими общій постъ и молитва «pro bratsku.» Наложеніе поста и молитвы не могло имѣть мѣста безъ одобренія Августы, какъ епископа общины. J. Vlahoslav. «Život Jana Augusty.» Vydal Šamawský. Praha. 1837. 4—6.

леславу (Jungbunzlau) и другія свои помѣстья получить отъ него, какъ ленъ, съ обязательствомъ, подъ угрозой смерти, не допускать у себя никакихъ «пикардскихъ» сходокъ. У Костки изъ Поступиць былъ сконфискованъ городъ Литомышль съ округомъ — главное мѣстопребываніе общины въ послѣднее время. Впрочемъ отъ тяжелаго наказанія не увернулись и лютеранскіе паны, сложившіе всю вину на общину. Но не важень судъ и его послѣдствія — конфискаціи: важна переиѣна, происшедшая отсюда. Чины — не католики, обѣдѣвшіе, были урѣзаны въ своихъ феодальныхъ правахъ: ихъ земли были возвращены имъ уже какъ королевскій ленъ. Они должны были исполнять королевскія распоряженія у себя на дому, распоряженія, вышедшія помимо сейма, что прежде было не мыслимо. Чему прежде они покровительствовали, теперь должны были гнать. Побѣдивши оппозиціонныя чины, Фердинандъ принялся теперь, въ силу побѣдителя, свободно распоряжаться лютеранствомъ, но, главное, общиною. Начались изгнанія не католическихъ священниковъ съ владѣльческихъ приходовъ, требованія возвращенія въ лоно старой церкви. Прежде всего принялись за это администраторы пражской архіепископіи, требуя удаленія женатыхъ священниковъ, введенія католическихъ обрядовъ въ церковную службу и т. д. «Вы — писали они мѣстному совѣту лютеранствовавшего города Тахова — всѣ тѣ, которые уклонились отъ древней христіанской вѣры и вступили въ секту, должны возвратиться къ вашей старой вѣрѣ, въ которой вы родились и вскормились» (1). Но ихъ увѣщаній мало слушались, и они передали это дѣло въ вѣдѣніе свѣтской власти (2), такъ какъ администраторы были безъ силы (3).

Дѣйствительно, по указанію администраторовъ правительство требовало повсюду изгнанія лютеранскихъ «unordentlichen» священниковъ; рядъ указовъ былъ изданъ въ этомъ смыслѣ какъ частныхъ, такъ и общихъ, «damit solcher Greul nicht gestattet, sondern der ordentlichen Satzung Gottes gemäss getilgt und

(1) «Jednaní a dopisy.» II. 69.

(2) ib. 31.

(3) ib. 34.

ausgerottet werde» (1). Въ 1554 году Фердинандъ-король издаетъ общее распоряженіе для всѣхъ сословій и подданныхъ чешской короны, какого бы званія они ни были: «dass ihr alle und jede solche ungeweihte unordinirte Kirchendiener, die neue, verführerische Lehren zu allerlei Unrat, Uneinigkeit und Widerwillen einführen, auch ihr, die in den Neuigkeiten wider die Landesordnung fürgenommen habet, denselbigen alsbald abschaffet, die Seelsorgen, Pfarren, Canzeln und geistliche Beneficien mit tauglichen, geschickten, geweihten und geordinierten geistlichen Personen... besetzt und erstattet, damit die vermessenen untauglichen Leute, die in den Dienst Gottes, die heilwertigen Sacramente zu reichen sich eindringen, nicht zugelassen, sondern gänzlich hinweggethan, die Ehre und die Zier Gottes erhalten...» (2). Хотя подъ «ungeweihte, unordinirte Kirchendiener» могли разумѣться и братья, но противъ нихъ, какъ противъ пикардовъ, былъ изданъ дѣльный рядъ специальныхъ мандатовъ. Онъ начался новымъ изданіемъ мандата короля Владислава въ 1547 году. Мандатъ исполнялся строго: собранія братьевъ повсюду закрывались; даже бывший патронъ Краевъ, самъ же братъ, долженъ былъ дѣйствовать теперь согласно волѣ короля (3).

Въ виду этой грозы, братья рѣшились обратиться въ императору и просить о милости: просьба, гдѣ они жаловались на только что изданный мандатъ, была передана императоромъ эрцгерцогу намѣстнику; тотъ нашелъ, «dass solch der Pikharten oftgemelt Schreiben mit geschmückten Worten erdichtet, listig» (4). Въ слѣдующемъ 1548 году былъ повторенъ прошло-

(1) Изъ предписанія въ комору, отъ 5 сентября 1533 года. Ib. 154. Ср. ib. 152.

(2) Ib. 155. 156

(3) Ib. 84. 85.

(4) «Gutdüncker Erzhertzogs Ferdinand an den König Ferdinand betreffs der von den Pikharten an den König ausgefertigten Bittschrift», отъ 13 января 1548 года. Ib. 82—84. Эрцгерцогъ обращалъ вниманіе отца на проповѣдниковъ общины, какъ на законододовъ (Rädführer); послѣ этого уже можно будетъ приняться за утравненіе и заставить ихъ обратиться въ католицизмъ.

годнѣй наидать, при чемъ не забыли обратить особенное вниманіе на братскихъ проповѣдниковъ: «если бы — гласилъ этотъ новый наидать — гдѣ либо былъ найденъ сборный домъ (zbor) икардовъ, то должно тотчасъ же приказать закрыть его и забить досками (kolim zabíti): никто не долженъ допускать икардскихъ проповѣдей или сходковъ ни въ домахъ, ни на какомъ-либо иномъ мѣстѣ; а если бы который проповѣдникъ, коноводъ (vudce) или учитель осмѣлился на это, то его немедленно схватить и ночью хоронить конвоемъ доставить къ любезному сыну нашему Фердинанду въ замокъ пражскій» (1).

Возвратились стария времена, когда нужно было представителямъ общины всѣми силами поддерживать унаследованную думъ братьевъ.

Пражская подокофская консисторія сдѣлала распоряженіе во всѣмъ деканствѣ о сообщеніи ей свѣдѣній относительно исполненія наидата — всѣ-ли закрыты сборина, гдѣ живутъ икарди, и кто проповѣдникъ (2). Понято, что братья озлоблены были въ особенности противъ утравкистскаго духовенства. «Ни королевскіе канцланы, ни католическіе воины не поступали съ нами такъ зло, такъ утравски, не ругались, не клеветали такъ на общину, какъ безстыдене подокофскіе священники» — занималъ одну изъ братьевъ (3).

Проповѣдники общины были хватлены и доставлены въ пражскую тюрьму: священъ былъ заключенъ хитростью сантъ Августа въ дѣсу около Литониниля: его ожидали стражники итлы, кстазаня (4). На королевскихъ погѣстьяхъ братьевъ объявленъ

(1) Чешскій волеизъявленіе — у Гидели въ крѣпичаникъ въ «Geschichte» I 311.

(2) «Jednání a dořizy» I 215, 216.

(3) «Gizdely», I 313, крѣпичъ 16. Слѣдъ священника изъ Табора просятъ: «кѣмъ всего вѣтъ, кѣмъ все услуживается икардини: когда эти икардскыя о власти, они говорятъ: что это за власть! власть есть на вѣкъ, съ нею ни можно сообразоваться.» «Jednání» I 328.

(4) Съ своимъ уличеніемъ Епископа Августа провозъ въ заключеніи сантъ : «хѣтъ, то въ Прагѣ, то въ Крѣпичани. Это такъ точно подробно описано въ книгѣ Яна Благослова: «Život Augusty.» Съ трудомъ истребленіи стражники должны были вывести оба страждуща.

была воля наместника, эрцгерцога Фердинанда, оставить въ шесть недѣль королевство и наследственныя земли, и несчастные братья, не успѣвши продать ни домовъ, ни земель, пошли въ изгнаніе (1). Они отправились чрезъ Силезію въ Познань, а отсюда въ Пруссію и положили тамъ начало братскимъ колоніямъ; отсюда братское ученіе раскинулось далеко въ глубь Польши, и здѣсь переселенцы приготовили для своихъ послѣдователей пристанище отъ невзгодъ далекаго будущаго.

Наконецъ черезъ шесть лѣтъ, въ 1554 году, былъ изданъ третій разъ мандатъ противъ пикардовъ. «Мы получили извѣстіе — говоритъ Фердинандъ — отъ администраторовъ, яко бы опять въ нашемъ королевствѣ чешскомъ, не обращая вниманія на приказанія и прежніе мандаты наши, одни собираются въ домахъ и на иныхъ мѣстахъ для проповѣди, другіе даже открываютъ запрещенные сборные дома и въ нихъ отправляютъ свои службы, разглашая въ народѣ, будто они то дѣлаютъ съ согласія и дозволенія нашего, о чемъ мы не только ничего не знали, но и всегда были противъ... Поэтому мы еще разъ снисходимъ милостиво напомнить вамъ (намамъ, рыцарямъ и прочимъ обывателямъ земли), что вы не должны давать вѣры тому, яко бы наша воля была — отрывать сборные дома пикардовъ и допускать службы въ нихъ; напротивъ, гдѣ бы вы нашли это, вы имѣете право немедленно закрыть тѣ дома и вообще поступать согласно нашему предыдущему мандату. Буде же кто изъ васъ потерпитъ что нибудь подобное, не удалитъ непосвященныхъ проповѣдниковъ, допуститъ сходки и собранія, нами и вообще воспрещенныя, то мы вынуждены будемъ казнить того смертію, а имѣнья его конфисковать (jizъ bychom... na hrdle i na statku trestati museli) (2).

Въ одной Моравіи, положеніе братьевъ было сносите: они имѣли тамъ свои синоды и отсюда производили визитаціи братскихъ эмигрантовъ въ Польшѣ.

(1) О варварскихъ поступкахъ королевскихъ чиновниковъ при изгнаніи братьевъ см. «Jednaní» II. 101.

(2) ib. 159—160.

Фердинандъ страшно ненавидѣлъ братьевъ: даже просьбы нѣкоторыхъ высшихъ католическихъ сановниковъ (епископа оломуцкаго на сеймѣ 1552 года) объ нихъ не дѣйствовали. Для Фердинанда лютеранство и братское ученіе являлись въ одномъ образѣ страшныхъ пикардовъ: обновля осенью 1562 года, незадолго предъ своею смертью, подобойскую консисторію, онъ вновь назначаемымъ администраторамъ строго приказалъ смотрѣть, чтобы подобойское духовенство одинаково учило народъ святой вѣрѣ христіанской, по стародавнему способу и компактатамъ, отъ сектъ иныхъ пикардскихъ и блудныхъ, которые скрываются въ подобояхъ, остерегало и отклоняло, мимо стародавнихъ, церковныхъ порядковъ никакихъ новыхъ не вводило⁽¹⁾. Но неожиданно для братьевъ, они нашли доброе расположеніе къ себѣ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было объ этомъ думать — въ будущемъ наслѣдникѣ Фердинанда, тогда уже избранномъ королѣ чешскомъ, Максимилианѣ.

Сынъ не былъ похожъ на отца: насколько Фердинандъ былъ католикъ, настолько Максимилианъ протестантъ. Въ Вѣнѣ онъ не посѣщалъ католическихъ церквей и слушалъ только своего придворнаго протестантскаго проповѣдника. Еще при жизни Фердинанда онъ сталъ въ оппозицію съ нимъ. Уже очень рано римскій дворъ обвинялъ сына предъ отцемъ въ его протестантскихъ симпатіяхъ, и отецъ былъ въ ужасѣ отъ сына за его некаатолическій образъ мыслей.

Слухъ о вѣротерпимомъ наслѣдникѣ престола, естественно, скоро дошелъ и до братьевъ, и они рѣшились попытать чрезъ него облегчить свою участь. На собраніи старѣйшихъ въ Белеславѣ въ 1555 году было положено просить «молодого Максимилиана» о защитѣ⁽²⁾.

Трудъ попытки палъ на молодого дьякона общины, памятнаго дѣателя и въ исторіи братьевъ, и въ исторіи чешской

(1) «Jednaní a dopisy.» I. 387. 388.

(2) «Dekrety jednoty.» I. 178. О четырехъ вѣнскихъ посольствахъ Благослава. См. A. Gindely. «Životopis B. J. Blahoslava.» «Čas.» 1856. I. 27 и слѣд. II. 4. и слѣд. Еггоже. «Geschichte der B. Brüder.» I. 329. и слѣд.

литературы, епископа Яна Благослава. Предварительно приобравши расположение Максимилианова проповѣдника, Пфаузера, онъ успѣлъ тайно передать Максимилиану общую просьбу братьевъ о милости: «ваше величество — писали братья — склонны къ чистому священному писанію и не придерживаетесь болѣе измышленій людскихъ» (1). Какъ сообщалъ потомъ одинъ вѣнскій пріятель Благославу, Максимилианъ прочелъ съ удовольствіемъ просьбу и обѣщалъ свою защиту въ будущемъ (2). Очевидно, на Максимилиана можно было рассчитывать только по смерти Фердинанда, тѣмъ болѣе, что отношенія отца къ сыну становились натянутѣе и нагнутѣе, благодаря наускиваньямъ іезуитскимъ. Частыя странствованія Благослава къ своему другу въ Вѣну оканчивались ничѣмъ.

Въ 1562 году стали ходить слухи, что старій король дряхлѣетъ все болѣе и болѣе, а новій открыто приметъ аугсбургское исповѣданіе, лишь только взойдетъ на престолъ (3). Что Фердинандъ дряхлѣлъ, было несомнѣнно; что же до Максимилиана, то это были естественно преувеличенные толки недозвольныхъ старымъ порядкомъ. Но предусмотрительные братья сейчасъ же задали себѣ вопросъ: какъ имъ поставить себя на случай, если бы эти толки оправдались, и рѣшили — ни подъ какимъ условіемъ не покидать своего ученія (4), а чтобы быть готовымъ къ защитѣ, поручено было нѣсколькимъ братьямъ изслѣдовать аугсбургское исповѣданіе, указать его ошибки и разницы.

Въ такомъ выжидательномъ положеніи находилась община, когда взошелъ на престолъ Максимилианъ: толки оказались преувеличенными, надежды преждевременными.

При полученіи извѣстія о смерти стараго Фердинанда въ Вѣнѣ, значительная часть дворянства, принадлежавшаго къ об-

(1) Gindely. «Životopis B. J. Blahoslava.» «Čas.» 1856. I. 31.

(2) ib. II. 7. «Geschichte.» I. 391.

(3) «Dekrety jednoty.» I. 214. Отъ 1562 года.

(4) «Аугсбургская конессія — говорили братья — не полна и не совершенна въ многихъ мѣстахъ; она особенно не достаточна по вопросамъ о духовномъ управленіи и наказаніи; наша конессія принята уже многими.» ib. 184.

щинѣ, собралась въ залахъ университета, чтобы вѣсть о
сословіями городовъ просить новаго императора о свободѣ совѣсти.
Понятно, это былъ толчекъ для братьевъ. Старѣйшіе общины
не замедлили составить прошеніе въ томъ же духѣ: они жаловались
на продолжительныя притѣсненія братьевъ и просили о защитѣ
противъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, такъ какъ ихъ ученіе во
всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ одинаково съ августинскимъ
исповѣданіемъ. Депутація, посланной въ Вѣну съ этимъ прошеніемъ,
былъ врученъ экземпляръ братскаго исповѣданія, но отличный
отъ той конфессіи, которую братья представили Фердинанду въ
1535 году — т. е. безъ лютеранскихъ новшествъ Августы: ее
редактировалъ Благославъ, врагъ терпящаго у себя кредитъ
среди братьевъ Августы, сторонникъ стараго ученаго брата Луки.
Депутація была принята, но отвѣта не дано было никакого.
Но одинъ ласковый пріемъ, оказанный Максимилианомъ
депутации, поднялъ духъ общины. Когда и послѣ этого стали
преслѣдовать братьевъ на королевскихъ помѣстьяхъ, Максимилианъ
приказалъ прекратить всякое притѣсненіе (1). Разъ обескураженные
братья не прекратили своихъ искательства у двора.
Согласно завѣщанію, Фердинандъ имѣлъ быть погребенъ въ
Прагѣ, и потому было назначено торжественное перенесеніе праха
старога короля изъ Вѣны въ столицу Чехіи. Братья увидѣвъ
въ этомъ удобный случай для повторенія своего ходатайства.
Одинъ только опытный Благославъ протестовалъ противъ неумѣ-
рности подобнаго образа дѣйствій и не ошибся: депутація брат-
ская, состоявшая изъ дворянъ, была допущена къ слушанію, но
въ отвѣтъ на ея просьбу о возвращеніи того порядка вещей,
какой былъ до пражскаго возстанія 1547 года, ей было указано
на мандатъ Фердинанда противъ «пикардовъ». Отвѣтъ былъ
настолько не ожиданъ, что поразилъ всѣхъ: Когда наметъ,
не смотря на первыя двѣ неудачи, послѣ незначительнаго
промежутка времени, по иниціативѣ Августы, нѣкоторые изъ
братскихъ общинъ отправили третье посольство къ Максимилиану

(1) Gindely. II. 26.

съ просьбою о признаніи за ними свободы совѣсти, имъ данъ былъ тотъ же строгій отвѣтъ: король не можетъ снисзойти на ихъ просьбу, имъ достаточно тѣхъ царвей, что имѣютъ; имъ они могутъ посвящать (1).

Братья наконецъ увидѣли, что дѣйствовать имъ прямымъ путемъ нельзя, что надо ждать благоприятныхъ условій, чтобы инициатива пошла не отъ нихъ, такъ какъ ясно было, что лично король не предубѣжденъ противъ общины. Братья имѣли частныя свидѣнія изъ Вѣны о милостивомъ расположеніи къ нимъ Максимилиана. У Владослава былъ пріятель при дворѣ — придворный врачъ Крато (чехъ изъ Силезіи). Онъ былъ лучшимъ ходатаемъ за братьевъ. Когда однажды въ бесѣдѣ Крато хвалилъ братьевъ за ихъ миролюбіе и учестость, Максимилианъ замѣтилъ: «свальденскіе братья могутъ отправлять свою религію, какъ это они дѣлали прежде. Лишь только мы одно доведемъ до конца, — какъ будетъ хорошо, — съ божьей помощію.» Въ другой разъ, когда на вопросъ Максимилиана — который, по его мнѣнію, изъ многочисленныхъ религіозныхъ толковъ болѣе всего приближается къ простотѣ апостольской, Крато указалъ на братьевъ, императоръ замѣтилъ: «и я такъ полагаю» (2).

Между тѣмъ какъ шли эти пересылки у братьевъ съ Вѣной, тайныя и явныя, и братья все болѣе и болѣе укрѣплялись въ надеждѣ получить отъ Максимилиана признаніе за собой права на законное существованіе, въ средѣ самой общины возникли недоразумѣнія, которыя могли легко привести ее къ разложенію. виновникомъ ихъ былъ старшій епископъ общины, Августа.

Намъ извѣстны давнишнія стремленія Августа къ слитію братскаго ученія съ лютеранствомъ, отъ чего такъ ревностно оберегала себя община въ послѣднее время; теперь выпущенный по смерти Фердинанда изъ тюрьмы Августа, семидесятилѣтній, но тотъ же властолюбивый старикъ, принялся за свое любимое дѣло снова.

(1) ib. 39.

(2) ib. 48. 124. Kozenaký. «Historia o prot.» ra: XXXIX. 101.

Мы видѣли, что въ силу королевскихъ мандатовъ значительная часть братьевъ должна была выселиться въ Польшу и Пруссію; тѣ же, что остались дома, съ трудомъ скрывались по лѣсамъ, въ горахъ. На сеймѣ 1553 года въ Преровѣ, въ Моравіи, братья крайне жадовались на свое обезсѣденіе: «община — говорили они — пришла къ странному оскудѣнію; всѣ наши епископы отняты у насъ — три похищены смертью, а четвертый упрятанъ въ тюрьму; число наличныхъ членовъ совѣта слишкомъ незначительно.» Поэтому синодъ позволилъ избрать двухъ новыхъ епископовъ и пополнить совѣтъ, и не обратилъ вниманіе на запретъ Августи (¹). Но сидѣвшій въ тюрьмѣ епископъ былъ очень егорченъ этимъ своевольнымъ, по его мнѣнію, поступкомъ общины и въ особомъ писемѣ выговаривалъ ей это. Община отвѣчала, что на избраніе новыхъ епископовъ и членовъ совѣта была воля всѣхъ, что они дарились того, что Господь Богъ установилъ между ними, а его, Августу, ничѣмъ не оскорбили и просятъ только Господа о его возвращеніи. Августи не успокоился этимъ отвѣтомъ и написалъ новое «рѣзкое посланіе (důtklivé psaní)». Тогда старѣйшины общины положили отвѣтить старому епископу яснѣе, почему братья считаютъ невозможнымъ безпрекословно повиноваться его желаніямъ. «Старыя установленія отцовъ нашихъ о томъ, чтобы четыре osoby занимали первое мѣсто, подѣляяши между собой труды, а не одна, по подобію папскому, да еще отсутствующая, мы считаемъ святыми, любезными Богу и полезными общинѣ. Власть править общиной принадлежитъ не одному человеку, но цѣлому совѣту, и ему эта власть дана отъ сейма.» Затѣмъ они извиняли Августи его брань, но укоряли его за непризнаніе своей принадлежности «къ той сектѣ, которую римская и подобойская церкви объявляютъ еретической. Иско, вы вышли изъ общины, не состоите въ управленіи и не желаете стать предъ судъ совѣта, подобно остальнымъ членамъ общины, приписывая себѣ какое-то начальничество (starství)» (²). Очевидно, когда

(¹) Dekrety jednoty. I. 123. 172.

(²) ib. 204—206. Отвѣтъ въ Прерове, отъ 1561 года.

Августа вышелъ изъ тюрьмы въ 1564 году, онъ не имѣлъ нѣтъ прежняго значенія въ общинѣ.

Главой общины былъ теперь знаменитый переводчикъ новаго заветъ на чешскій языкъ, Янъ Влагославъ, хотя Августа считался по прежнему епископомъ. Влагославъ превосходилъ мнѣстолобиваго старика и громадною ученостью, и проникательными дипломатическими умомъ. Мы его уже видѣли, какъ братскаго дипломата, въ сношеніяхъ съ Вѣной. Дипломатомъ для общины онъ остался и до конца своей жизни (+ 1571).

Въ 1567 году было собраніе братьевъ въ Преровѣ. Здѣсь былъ поднятъ вопросъ о характерѣ воскресныхъ проповѣдей: должно ли держаться стараго обычая католической церкви — брать содержаніе для проповѣди изъ читаемаго евангелія, какъ это требовалъ и первый богословъ братьевъ, епископъ Лука? Вопросъ этотъ былъ поставленъ Августомъ: онъ желалъ, чтобы въ проповѣдяхъ объяснялись отдѣльныя истинны вѣры въ установленномъ порядкѣ чрезъ весь годъ; «bratr Johannes — сказавъ въ протоколѣ собранія — zřísob a formu toho pohotověš» (1). Но въ защиту стараго обычая, противъ предлагаемой новизны возсталъ Влагославъ, сторонникъ католическаго ученія, и успѣлъ убѣдить собраніе остаться при старомъ. Собраніе положило: «намъ кажется наилучшимъ, чтобы службы совершались на основаніи годовичныхъ чтеній, ибо таково было установленіе первой церкви, а что въ ней хорошо, то братья опредѣлили сохранить и у себя, и оно, дѣйствительно; принято было общиной уже при ея основаніи; обычай этотъ похвалили и первыя благочестивые люди общины, какъ братъ Лука.» Приведено было еще нѣсколько догматическихъ соображеній противъ лютеранскаго предложенія Августи (2). Между тѣмъ у Августи была уже изготовлена цѣлая книга проповѣдей въ его духѣ. «Saprovnik.» Не смотря на отклоненіе предложенія, Августа рѣшилъ издать свою книгу. По правиламъ общины книга эта

(1) ib. 233.

(2) ib.

должна была быть подвергнута цензурѣ узкаго совѣта (1), но Августа не захотѣлъ подчиниться этому установленію и рѣшился напечатать ее отъ себя, помимо совѣта, и не въ братской типографіи. Августа указалъ этимъ соблазнительный примѣръ непослушанія, первый въ жизни общины, и объявилъ тѣмъ самый разрывъ. Въ виду такого серьезнаго скандала со стороны епископа, въ концѣ 1570 года собрались представители общины для обсужденія его. Они рѣшили написать увѣщаніе мятежному епископу — просить прекратить печатаніе сумевнина. Увѣщаніе было написано (несомнѣнно, его составлялъ Благославъ) въ сдержанномъ тонѣ: они убѣждали Августи что и до сихъ поръ братья чтутъ его, какъ отца и не желаютъ причинять ему никакой неприятности и умоляли объ одномъ — остановить печатаніе книги: «въ ней — писали они — нѣкоторыя вещи весьма противны намъ, мы ихъ по вѣсти нашей никакъ не можемъ признать и принять; но если вы не захотите услышать и исполнить нашей настоящей просьбы и презрите нашу вѣрность и преданность, то вы и самъ измените: мы твердо положили оставаться при непоколебимой вѣрѣ въ Бога, въ общину и нашу совѣсть и должны поступать такъ, какъ это надлежитъ въ нашемъ положеніи» (2).

Бъ счастью, это единственное въ исторіи общины столкновеніе ея съ своимъ епископомъ не имѣло для нея никакихъ дурныхъ послѣдствій: въ слѣдующемъ 1571 году умеръ противникъ Августа, Благославъ, а нѣсколько времени спустя и самъ неуживчивый старикъ, похоромившій съ собою и свои «шмарническія пожеланія» (3), и свои лютеранскія стремленія.

Мы видѣли выше, что инициатива общины добыть у правительства признанія за собою свободы совѣсти три раза оканчивалась неуспѣхомъ; почтить долженъ былъ пойти отъ учре-

(1) На собраніи 1557 года было одобрено старое установленіе общины о цензорованіи всѣхъ сочиненій и пѣсенъ, которыя имѣли бы издаваться членами общины «od staršich do mladšich». ib. 183.

(2) ib. I. 229. 230.

(3) По выраженію братьевъ. Gindely. II. 56.

хденія офіціально признаваго — сейма. Дѣйствительно, какъ только почувствовалась слабая рука яркаго короля, чины не медлили начать дѣйствовать за установленіе свободы религіи.

Прежде всего на сеймѣ 1567 года чины добились важной уступки: компантаты были уничтожены изъ земскихъ досковъ, т. е. потеряли силу государственнаго закона. Компантаты, надъ которыми присягали короли, были всегда удобнымъ орудіемъ въ рукахъ католическаго правительства тѣснить некаатоликовъ; такъ поступалъ Фердинандъ I до 1547 года, и когда некаатолики хотѣли было съ оружіемъ въ рукахъ добиться признанія своей религіи, помимо компантатовъ, то проиграли дѣло. Уничтожить компантаты — значило отнять у враждебнаго правительства удобное средство къ преслѣдованію братьевъ и лютеранъ. Понятно, сеймъ 1567 года сдѣлалъ много для урѣзанья габсбургскаго абсолютизма. Подъ стариннѣ выраженіемъ «rod' oboj» стали разумѣть теперь не утраквивимъ, опирающійся на компантаты, а вѣроученіе, основывавшееся на словѣ божиахъ (1), т. е. eo ipso и братьевъ, и лютеранъ.

Въ апрѣлѣ 1571 года собрался новый сеймъ. На немъ была составлена просьба отъ господъ, рыцарей и городовъ о освобождѣ аугсбургскаго шюцфданія; о братьяхъ не было упоминанія. Изъ братской общины было одно лицо на сеймѣ, панъ Марквартъ изъ Гродна, и онъ заговорилъ объ общинѣ. Онъ прежде всего спросилъ лицъ, имѣвшихъ подать просьбу — считаютъ ли они общину сектой, и прибавилъ, что, пока этотъ вопросъ не будетъ уясненъ, онъ отказывается отъ подписанія просьбы. Въ виду этого вопроса, лютеране увидѣли, что опасно выключать ту партію въ странѣ, которая обладаетъ силой, и отвѣчали любезно Маркварту, что болеславскихъ братьевъ они не считаютъ сектой, но своими милыми братьями, что они надѣются на ихъ содѣйствіе и что, когда король согласится на просьбу, ихъ, лютеранъ, они сообща займутся разсмотрѣніемъ разницъ въ своихъ ученіяхъ. Панъ — братъ удовлетворился

(1) K. I. o. z. e. k. «Сенне statini praze». 273; гдѣ напечатано и слово этого сеймоваго постановленія.

отвѣтомъ, но все таки не подписался по совѣту одного влиятельнаго брата (1). Подъ просьбой не подписались также три лица, вѣрныя старому утраквизму: они представили особое ходатайство о реформѣ нижней консисторіи.

Максимилианъ принялъ прошеніе лютеранъ и обѣщалъ дать отвѣтъ. Сеймъ между тѣмъ занялся предложеніями королевскими, главнымъ образомъ, требованіемъ денегъ на войну съ турками; когда же онъ представилъ свои заключенія на усмотрѣніе короля, то получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ на поданную просьбу, что онъ, король, присягалъ хранить старые обычаи и порядки, не вводитъ новизнъ, и потому испрашиваемая чинами свобода исповѣданія не можетъ быть допущена. Въ томъ же смыслѣ было отвѣчено и тремъ утраквистамъ.

Максимилианъ отлагивалъ трудное дѣло реформы религиозныхъ отношеній въ землѣ до будущаго, что такъ въ натурѣ чловѣка.

Неучастіе братьевъ въ просьбѣ поразило всѣхъ, какъ католиковъ, такъ и приверженцевъ лютеранства. Ясно было, что братья остались вѣрны ученію своего богослова Луки, не признававшего единенія общины съ лютеранствомъ, и потому отказались идти вмѣстѣ съ лютеранами.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ неудачной попытки сейма 1571 года. Дѣла шли по прежнему. При видимо ослабѣвшей абсолютной власти короля, послѣ того какъ не стало Фердинанда, нарушенное государственное равновѣсіе событіями 1547 года снова устанавливалось на дѣлѣ; свобода вѣроисповѣданія, а съ ней и свобода политическая пановъ и рыцарей, уже существовала какъ фактъ. Эта свобода отзывалась даже иногда на католикахъ насильемъ. Такъ какъ на господскихъ имѣніяхъ

(1) До какой степени нѣкоторымъ изъ братьевъ было не по сердцу всякая мысль объ единеніи съ чешскими лютеранами, видно изъ слѣдующей записки синода 1571 года: «Панъ канцлеръ (Шеринштейнъ), особенно жалуетъ на нѣкоторыхъ паневъ изъ нашихъ, спрашивалъ: что это дѣлается? Почему братья, такъ твердо стоявшіе въ бывшее время за свою вѣру, немало перевесили изъ-за нея, вдругъ отступились и отступаются отъ нея? Постудаютъ-ли они такъ съ вѣдомъ и совѣта своихъ управителей? Почему же съ ними о томъ не совѣтуются?» «Докладъ». I. 234.

право назначенія священниковъ, такъ называемая collatura, принадлежало владѣльцу, то теперь обыкновенно у некаатолическаго поповика католическій или староподобовскій священникъ изгонялся силою, и открывшаяся вакансія замѣщалась, по официальному выраженію, «*nesvěcenými, neřádnými, bludnými a želatými osobami*». Впрочемъ обычай этотъ встрѣчается еще при Фердинандѣ, но смотря на всѣ его грозные мандаты (1).

Всѣ помыслы лютеранъ сосредоточились на одномъ — на полученіи признанія аугсбургскаго исповѣданія, между тѣмъ какъ община занялась пока укрѣпленіемъ своихъ силъ, точнѣйшимъ опредѣленіемъ себя, какъ отдѣльной релігіозной единицы. Уже очень рано община обратила вниманіе на образованіе своихъ мальчиковъ. На собраніи 1555 года старшины опредѣлили, чтобы мальчики, «способные въ латинскому и нѣмецкому языкамъ», были освобождены отъ работы и отдаваемы на попеченіе тѣмъ братьямъ, которые въ состояніи взять на себя дѣло обученія (2). Собраніе слѣдующаго года подтвердило это опредѣленіе, при чемъ указало, что было бы полезно посылать нѣкоторыхъ учениковъ въ Германію (3). На собраніи въ Болеславѣ въ 1558 году была изготовлена инструкція священникамъ, какъ обучать дѣтей, въ которой нельзя не видѣть въ извѣстномъ смыслѣ предтечу знаменитой педагогической системы брата Амоса Коменскаго. «Обообщенное искусство, остроуміе, мирный отцовскій духъ надлежитъ имѣть священникамъ при образованіи тѣхъ юношей, которые находятся при нихъ, чтобы они могли ихъ воспитать для Бога и общины. Весьма грустно бываетъ епископамъ, когда многіе священники просятъ себѣ помощниковъ, а церкви явно нуждаются въ нихъ; учениковъ нѣтъ, а которые есть, тѣ никакъ не желаютъ итти къ управителямъ (*zpravcům*), но охотнѣй идутъ странствовать; если и остаются, то не надолго. И выходятъ въ концѣ, что это вредно и ученикамъ, и ихъ руководителей. Поэтому священники должны заботиться при вос-

(1) «*Jednaní a dopisy*». II. 206 и др.

(2) «*Dekrety jednoty*». I. 178.

(3) *ib.* 179. 160.

питаніи о слѣдующемъ: 1) прилежно наблюдать за склонностями своихъ учениковъ: намѣреніями, рвеніемъ къ церкви и т. д. и испытывать ихъ. Но при этомъ они должны обращать вниманіе и на природныя способности ихъ къ наукѣ, краснорѣчію, эти способности, какъ основы, не *удумывать*, но *развивать*, (а *těch jako základů aby neudušovali, ale rozněsovali*), быть помощниками ихъ, служить имъ къ возвращенію этихъ добрыхъ задатковъ. 2) Смотря по обстоятельствамъ, приучать учениковъ болѣе или менѣе къ работѣ и поручать имъ что — нибудь изъ повседневныхъ или духовныхъ дѣлъ, дома и въ церквяхъ, а равнымъ образомъ бывать съ ними при разборательствахъ (*při soudcích*) для наученія суду божьему и миру. 3) Юноши нуждаются въ руководствѣ, поэтому указывать имъ, какъ надо учиться, что читать, писать, чтобы они не нутались, въ головѣ ихъ не было хаоса, и, главное, не нортили бы себя, хватаясь за то, что имъ еще не подъ силу и не прилично (*aby se nepřetli, neměskali, ovšem nekažili, toho se chápajíc, co jim ještě neslouží a nesluží*)» (1).

Согласно съ этими заботами общины объ образованіи своего юношества, старѣйшины посылають братскихъ стипендіатовъ въ Гейдельбергъ для науки, гдѣ ихъ было въ разсматриваемое нами время около 14 человекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ является мысль основать у себя на родинѣ высшее училище, въ особенности для дѣтой братскаго дворянства, съ цѣлью противождать обезнароженью послѣднихъ, при ихъ обычныхъ странствованіяхъ за границей (2). Дѣйствительно, въ 1574 году былъ

(1) «Dekrety». I. 187. Пеломенія Коменскаго были: школа должна готовить къ полезной жизни; всѣ способности человека должно развивать, и не одну въ ущербъ другой; при преподаваніи наблюдать строгую систему, не сообщать ничего преждевременно, отъ извѣстнаго переходить къ неизвѣстному и т. д. Ср. Коменскій. «Didaktika», глава XVIII, fund. I. IV. У гл. XVI, fund. I. и др. Кажется; знаменитый изобрѣдатель братской общины ошибается, отрицая всякую связь между школами братьевъ и позднѣйшей системою Коменскаго. См. Gindely. «Geschichte der Böhm. Brüder». II. 103.

(2) За высшее образованіе въ общинѣ особенно дѣйствуютъ Благославъ. См. его возраженіе «proti mšovismůmъ» въ статьѣ II, Шаверинъ:

вызванъ одинъ изъ лучшихъ стипендіатовъ гейдельбергскихъ, братъ Ридигеръ, и ему было поручено основаніе высшей школы въ Biberschtitz-ѣ. Знатнѣйшіе паны Моравіи — Ломницъ, Янъ Жеротинъ старшій и другіе, обѣщали щедрые взносы на поддержаніе школы. Наконецъ при основаніи школы не могло не имѣться въ виду поставить противувѣсь іезуитскимъ коллегіямъ, тогда начинавшимъ входить въ силу⁽¹⁾. Вмѣстѣ съ развитіемъ школы община готовилась къ своему знаменитому труду — къ знаменитому изданію кралицкой библии въ чешскомъ образцовомъ переводѣ прямо съ еврейскаго, начало которому положилъ Янъ Благославъ своимъ переводомъ съ греческаго новаго заветъ, изданнымъ въ 1565 году⁽²⁾.

Точнѣйшая выработка братскаго ученія, возможно большее ознакомленіе съ нимъ другихъ были также одной изъ серьезныхъ заботъ общины въ это время. Мы видѣли уже выше, съ каки

«Blahoslavova šiprika proti nepřátelům vzdělání v učění v jednotě bratrské. «Časopis». 1861. 372. О жизни Благослава (1523—1571), см. Gindely. «Životopis V. Jana Blahoslava». «Časopis». 1856. I. 20—44. II. 3—23.

(1) О школѣ см. Prochaska. «De saecularibus liberalium artium in Bohemia». Pragaе. 1782. 356.

(2) О дѣйствіяхъ католиковъ противъ перевода Благослава см. статью Герм. Иреча. «Bibli Kralická» въ журналѣ: «Rožpravy z oboru historie, filologie a literatury». Вѣна. 1860. 9. Въ настоящее время кралицкой библии перваго изданія (1579—1593) сохранилось не болѣе 20 экземпляровъ. Šembera (Dějiny). II. 77. прил. 3. Коменскій въ своемъ пастырскомъ посланіи: «Kšaft umirající matky jednoty bratrské» отказывается въ наследіе своимъ ученикамъ одну кралицкую библию: «odkazuji tobě za dědictví knihu Boží, bibli svataa, kteráž synové moji z původních jazyků do češtiny s pilností velkou (do patnácti let na té práci strávilšes několik učených y věrných mužů) uvedli, a Pán Bůh tomu tak požehnal, že málo ještě jest národů, kteřížby tak pravdivě vlastně y jasně svatě proroky a apostoly v svém jazyku mluvící slyšeli. Přijmiž to tedy za svůj vlastní klenot, vlasti milá!» изданіе берлинское 1757 года. 24. Католики въ тридцатилѣтнюю войну великоствено жгли побѣдавшіеся имъ подъ руки эземплары кралицкой библии. ib Известна пѣсня чешскихъ эмигрантовъ послѣ 1628 года:

«Nevzali jsme s sebou

nic, po všem věst,

Jen bibli kralickou,

Labirint světa».

вниманіемъ отнесли братья къ слуху, ходившему еще на живни Фердинанда, о явной свлонности наследника къ лютеранству, видѣли, что они твердо положили не смѣшиваться съ лютеранами. Когда пріятель Благослава Крато, послѣ неудачной попытки чиновъ сейма 1571 года, написалъ сочиненіе о необходимости пристать во всемъ, несогласнымъ съ господствующею церковью, къ аугсбургскому исповѣданію, Благославъ отвѣтилъ ему энергическимъ протестомъ. Была сознаана необходимость латинскаго перевода исповѣданія 1564 года, которое было представлено Максимилиану. Конфессія 1535 года, какъ лютеранская, была забыта. Съ необыкновенною осторожностью братья приступили къ этому дѣлу. Латинскій переводъ, въ которомъ болѣе всего участвовалъ директоръ братской школы Ридигеръ, долженъ былъ быть напечатанъ въ Виттенбергѣ, гдѣ предварительно онъ лежалъ обсужденію мѣстныхъ богослововъ. Вопросъ о крещеніи дѣтей возбудилъ недоумѣніе. Братья учили, что таинство крещенія можетъ совершаться только при полной, сознательной вѣрѣ, поэтому оно не имѣетъ мѣста по отношенію къ дѣтямъ. Противъ этого протестовали виттенбергскіе богословы, и братья согласились измѣнить свое ученіе въ томъ смыслѣ, что во возможности и въ дѣтяхъ есть вѣра, и потому и дѣтя могутъ быть окрещиваемо въ силу ея настоящей, а не будущей вѣры. Сообразно этому опредѣленію была измѣнена и конфессія. Мартъ 1573 года печатанье было кончено; въ предисловіи говорилось объ отличіи братьевъ отъ утравкистовъ. Кальвинцы отнесли къ изданному исповѣданію съ одобреніемъ⁽¹⁾.

Четыре года прошло послѣ дачи Максимилианомъ отрицательнаго отвѣта на просьбу сейма о свободѣ лютеранскаго исповѣданія, когда въ мартѣ 1575 года былъ назначенъ новый сеймъ знаменитый въ исторіи чешскаго религіознаго движенія.

Король самъ открылъ его. Чины были собраны для выслушанія королевскихъ предложеній о доньгахъ на безконеч-

(1) Таково было заключеніе преровскаго сейма въ 1573 году. *Český křesťanství*, I. 237.

(2) Gindely. II. 95. и слѣд.

войну съ турками въ Венгріи и для собственной кассы короля; въ нихъ не было и помину о дѣлахъ вѣры: Но сословія положили не приступать ни къ чему, прежде чѣмъ не будетъ разрѣшенъ вопросъ религиозный. Во главѣ оппозиціи лютеранскихъ членовъ сейма стоялъ Богуславъ Гассенштейнъ Лобковицъ, рѣшительный врагъ какъ утравизма, такъ и католицизма, старинный лютеранинъ. На своихъ помѣстьяхъ онъ ставилъ, не смотря на грозныя запрещенія правительства, еще при Фердинандѣ лютеранскихъ, не посвященныхъ (peřadny) поповъ, изгоняя католическихъ и утраввистскихъ, и на всѣ запросы отвѣчалъ одно — «zadného takového kněze nerořadného ani jiného nemá» (1). На предварительномъ собраніи лютеранъ, по предложенію Лобковица, было рѣшено повторить королю просьбу о свободѣ аугсбургскаго исповѣданія. Къ панамъ и рыцарямъ присоединились депутаты отъ городовъ, руководимые Сикстомъ Оттердорфомъ.

Когда узнали объ этомъ рѣшеніи католическіе члены сейма, Якъ Вальдштейнъ, единственный представитель въ средѣ пановъ стараго утраввизма, протестовалъ; онъ исходилъ изъ національной точки зрѣнія: намъ надо не нѣмецкой вѣры желать — говорилъ онъ, а оставаться при своей старой подобойской и просить о расширеніи круга дѣятельности нижней консисторіи, и о выборѣ къ ней дефензоровъ (2). Но старинный утраввизмъ въ эту эпоху почти что не существовалъ, и это ясно понимали католики, отказавшись отъ всякой поддержки требованій Вальдштейна (3).

(1) «Jednaní a dopisy.» II. 206. Ср. также 296.

(2) Нижняя консисторія вѣдала утраввистское духовенство.

(3) Какъ только Римъ получилъ усиленіе въ иезуитахъ, онъ сталъ терпимъ даже къ такому невинному отступленію отъ старой церкви, какъ утраввизмъ. Еще въ 1560 году канцлеръ чешскій долженъ былъ выступить съ протестомъ противъ придирчивыхъ нападковъ куріи. На обвиненіе Римомъ правительства, что оно терпитъ гуситовъ и утраввистовъ въ чешскомъ королевствѣ, канцлеръ въ запискѣ, представленной Фердинанду I, прямо указалъ, что его величество обязанъ такъ поступать въ силу базельскихъ компактатовъ и привилегій покойнаго Сигизмунда (. . . dass E. Mt. leiden und gedulden die Hussiten und die Sub utraque in Königreich

Члены сейма из общины не принимали участия въ совѣщаніяхъ лютеранъ и выжидали.

Послѣ нѣсколькихъ дней совѣщаній чиновъ по конфессіямъ, взаимныхъ пререканій и сильныхъ споровъ, главнымъ образомъ, между католиками и лютеранами, вызвавшихъ крайнее неудовольствіе въ королѣ, который въ разговорѣ съ архіепископомъ прямо объявилъ, что онъ желаетъ дружескаго соглашенія сословія, и выразилъ надежду, что они сообща что-нибудь напишутъ, и тогда все будетъ покойно, члены сейма явились къ королю на слушанье. Лютеране выразили свои желанія, но король только на слѣдующій день отвѣтилъ имъ согласіемъ на совѣщаніе ихъ между собой объ устроеніи своихъ религіозныхъ дѣлъ.

Beheim, das sein E. Mt. in Kraft des Basiliens — Concilii und Kron Beheim Compactata, auch weiland Kaiser Sigmunds Privilegii zu thun schuldig... Изъ этой же записки видно, что замѣщеніе пражской кафедрѣ въ послѣднее время, не смотря на все ходатайства Фердинанда обусловливалось желаніемъ куріи покончить счеты съ утравизмомъ: подобою же священники посвящались въ Венеціи, что было крайне неудобно, католическіе же въ сосѣднихъ епархіяхъ, слѣд. замѣщеніе кафедрѣ было въ интересахъ утравизма. Римъ обвинялъ императора въ небреженіи о замѣщеніи кафедр; канцлеръ на это возражаетъ, что императоръ и чрезъ папскихъ нунціевъ и чрезъ своихъ агентовъ просилъ, много разъ писалъ и proprio manu, и по ходатайству сословія о назначеніи епископа, «der sub una und sub utraque zu ordiniren Macht hätte... Doch hat solches E. K. Mt. Sollicitiren bei den vorigen Päpsten kein Ansehen gehabt, sondern ist alle diese Handlung bis auf jetzo unerörtert und unerledigt verblieben. Aus welchem so etwa eine Unordnung erfolgt, ist dieselbe mehr ihrer Heiligkeit Vorfahren, als E. Mt. zuzumessen.» Очевидно, императоръ желалъ имѣть архіепископа общаго для обѣихъ церквей, но въ этомъ отношеніи онъ расходился съ воззрѣніями Рима, который слышать не хотѣлъ объ утравизмѣ. «Если дѣти умираютъ безъ ирещаміи — пишетъ канцлеръ, если люди умираютъ безъ причастія святымъ тайнамъ, подобно скоту, то за эти страшныя дѣйствія и беспорядки противъ Бога Всемогущаго отвѣтъ лежитъ много болѣе на папахъ, чѣмъ на его величествахъ, dieweil E. Mt. auf vielfältiges Anhalten, Sollicitiren und Schreiben dasefalls nichts erhalten hat mögen. wie sich dann jetzo auch dafür ansehen lässt, wo E. K. Mt. bei jetziger Päpstlicher Heiligkeit angehalten, dass E. Mt. bei denselben von wegen ihres täglichen unerhörten seltsamen Fürnehmens noch weniger, als bei den vorigen erhalten hätte.» «Jednanis. II. 288—291.

На слушаньях у короля присутствовали и члены из общины, но не принимали никакого участия. Но послѣ полученія благоприятнаго отвѣта лютеранами закончились и они. Представителемъ отъ узскаго совѣта въ Прагѣ былъ Шварцъ. Братья, какъ при Благославѣ, такъ и теперь не прерывали сношеній съ своимъ покровителемъ при дворѣ, докторомъ Крато. Еще при выходѣ чиновъ изъ аудіенціи Шварцъ уллучилъ минуту и сандѣлся съ Крато. Когда на вопросъ — присоединяются ли и братья къ лютеранамъ, Крато получилъ утвердительный отвѣтъ отъ Шварца, онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что это не годится, что братская конфессія выше аугсбургскаго исповѣданія, и онъ совѣтуетъ ее не новидать. Вместе съ тѣмъ Крато не упустилъ удостовѣрить Шварца въ добромъ расположеніи къ общинѣ Максимилиана и потому указывалъ на необходимость молчаливо со стороны братьевъ отдѣльной просьбы королю о свободѣ къ исповѣданію. Но въ то время въ Прагѣ не было ни одного изъ старѣйшинъ общины; поэтому собравшіеся на совѣщаніе братья положили некакого не предпринимать отъ себя и выбрали пана Карла Крайка своимъ представителемъ на собраніяхъ лютеранскихъ чиновъ сейма.

Въ первомъ же собраніи лютеранъ Богуславъ Лобковицъ указалъ чинамъ на необходимость принятія аугсбургскаго исповѣданія, чтобы положить, по его словамъ, конецъ вѣмъ другимъ сектамъ. Здѣсь присутствовалъ и выборный общины, Краевъ, и внесъ свое предложеніе: «я представляю братское исповѣданіе — сказалъ онъ; оно много старѣе аугсбургскаго; я желаю, чтобы оно было прочтено и обсуждено. Это я исповѣдую и стою на немъ.» Понятно, это высказаніе не могло найти одобренія у Лобковица, и онъ прямо заявилъ о недопущеніи къ чтенію чего либо помимо аугсбургскаго исповѣданія. Послѣ продолжительнаго велелія конфессія Лютера была прочтена. По окончаніи чтенія поднялся панъ Олаватъ, членъ общины, отецъ знаменитаго впоследствии врата братьевъ, и заведомилъ требованіе Крайка. «Мы имѣемъ — сказалъ онъ — свой уставъ и законныхъ священниковъ, мы не отдѣлимся отъ нихъ.» Но оппозиція все таки не допустила чтенія братской конфессіи. Тогда рѣшили избрать особый коми-

теть и ему поручить составленіе отдѣльнаго *чешскаго* исповѣданія, которое положило бы конецъ всѣмъ ересямъ. Братья были недовольны, ибо опасались, что подъ послѣднимъ выраженіемъ могутъ разумѣться и они. Ихъ опасенія были еще больше, когда они узнали, что католики не прочь выгнать всѣхъ ихъ изъ страны. Волѣе другихъ ужаснулись паны, припоминая событія 1547 года.

Въ ближайшемъ засѣданіи сейма въ проектированный комитетъ избрано было по шести человекъ отъ каждаго изъ трехъ сословій; изъ общины попало въ комитетъ одно лицо — рыцарь Камейскій. Такимъ образомъ вопросъ религіозный былъ перенесенъ теперь изъ сейма въ специальный комитетъ, и такъ какъ послѣдній состоялъ изъ людей свѣтскихъ, математиковъ, астрономовъ и ни одного богослова, то членамъ комитета указано было приготовить себя къ этому важному дѣлу частыми свиданіями, бесѣдами съ лицами духовными. 21 марта религіозный комитетъ имѣлъ свое первое засѣданіе. Оно началось было чтеніемъ отдѣльныхъ параграфовъ аугсбургскаго исповѣданія, при чемъ каждый членъ дѣлалъ свои замѣчанія, а членъ отъ общины указывалъ на соотвѣтствующія мѣста братской конфессіи; но потомъ, благодаря настоятельному требованію рыцаря Камейскаго, большинство членовъ положило начинать чтеніе съ братскаго исповѣданія. Черезъ мѣсяць съ небольшимъ комитетъ уже имѣлъ готовый текстъ новаго исповѣданія, которое, въ отличіе отъ нѣмецкаго аугсбургскаго и братскаго сектаторскаго, было названо *чешскимъ*, что не мало льстило національному чувству его составителя. Уже напередъ можно было видѣть, что изготовляемое національное исповѣданіе будетъ спивкомъ изъ аугсбургской и братской конфессій, какой-то средней величиной. Дѣйствительно, въ ученіи объ оправданіи составители придерживались лютеранскаго пониманія, что достаточно одной вѣры; въ ученіи же объ ехаристіи усвоили толкованіе братьевъ: принимаются истинное тѣло и кровь, но должно это понимать духовно⁽¹⁾. Въ допол-

(1) Чешская конессія отличалась краткостью, на что обратили вниманіе вяттенбергскіе богословы и за что ее похвалили. Этотъ отзывъ у

некіе къ конфессіи. Былъ подготовленъ духовный уставъ, вполне сходный съ дѣйствовавшимъ утравенстскимъ, съ той только, отивной, что право замѣщенія и охраны консисторіи присвоивали себѣ сословія и отымали его у короля. Охрана же должна состоять изъ нѣсколькихъ лицъ, избираемыхъ сеймомъ, съ титуломъ *defensores* (1).

Въ началѣ мая возобновились засѣданія комитета, послѣ нѣкотораго перерыва, послѣдовавшаго за временнымъ закрытіемъ сейма, для обсужденія во всѣхъ подробностяхъ текста новой чешской конфессіи. Самая догма ея не возбуждала пререканій; за то предисловіе, въ которомъ подобно желали опредѣлить свое отношеніе ко всякимъ другимъ религіознымъ толкамъ, встрѣчено было съ неудовольствіемъ братьями. Лютеране предлагали написать: «этимъ исповѣданіемъ нашимъ мы осуждаемъ и отдѣляемъ себя отъ арианъ, цвингліанъ, кальвинистовъ, анабаптистовъ и всѣхъ прочихъ сектъ.» Осужденіе Кальвина частный представитель братьевъ въ комитетѣ, *Simeje*, не согласился допустить ни за что, ибо Кальвинъ былъ очень близокъ къ общинѣ; противники уступили, и была принята такая редакція: «осуждаются всѣ тѣ, которые не слѣдуютъ слову божьему». Но этия некончилися пререканія между лютеранами и братьями. Дѣло въ томъ, что лютеране желали теперь соединенія обѣихъ религіозныхъ общинъ путемъ нѣкоторыхъ взаимныхъ уступокъ; братья

Коменскаго. «*Historia o prot.* XXXIX; у Пешка «*Geschichte der Gegenreformation in Böhmen*». I. 105. Тамъ же (107—108) полный перечень содержания конфессіи по главамъ, съ выдержками главнѣйшихъ мѣстъ. Конфессія была издана тогда же земскимъ писаремъ Шпановскимъ, позже братьями. Въ 1610 явился нѣмецкій переводъ ея въ Прагѣ, съ нѣсколькими приложеніями: масстатомъ, соглашеніемъ, соединеніемъ, уставомъ консисторіи. Въ 1619 г. былъ напечатанъ въ Прагѣ латинскій переводъ конфессіи для представленія ея новонабранному королю Фридриху. Ср. Кошевичу. «*Historia*». XXXIX.

(1) У Коменскаго въ «*Historia*» неточно изложена исторія составленія текста чешской конфессіи; но онъ съ удовольствіемъ говоритъ, что «написали артикулы такими словами, чтобы каждая сторона могла и желала подписаться.» XXXIX. 104.

были не противъ объединенія, но съ условіемъ — остаться имъ при своемъ исповѣданіи, т. е. были противъ слиятія съ лютеранами. И вотъ, когда въ торжественномъ засѣданіи комитета была прочтена новая конфессія, когда братскіе представители спросили — что сдѣлано, чтобы и братья были защищены при ихъ исповѣданіи, и комитетъ указалъ на предисловіе къ новой конфессіи, гдѣ говорилось, что такъ какъ они, лютеране, соединились въ главнѣйшихъ пунктахъ съ братьями, поэтому подаютъ это новое исповѣданіе императору по общему соглашенію между собой (*sprolešně v té jednotuynosti*), другими словами, что братья оставляютъ свою и принимаютъ эту новую конфессію, — представители общины высказали свое неодобреніе, а на другой день объявили, что должны будутъ просить особо короля.

Такимъ образомъ, соглашеніе лютеранъ и братьевъ приняло такой оборотъ, что вмѣсто соглашенія можно было скорѣе ожидать полнаго разрыва; но лютеране этого опасались болѣе всего, ибо понимали, что братья превосходятъ ихъ своею численностью, а при разрывѣ съ ними они не добьются ни до чего у католиковъ, и Лобковицъ умолялъ братьевъ, Бога ради, не отдѣляться отъ нихъ, лютеранъ. Предложена была новая редакция спорнаго мѣста въ предисловіи «*sprolešně je (конфессію) teď podávame*», но и она не была принята братьями. Братья взяли сами измѣнить это мѣсто, но предложенная ими редакція крайне испугала Лобковица и его друзей, ибо она просила о защитѣ двухъ самостоятельныхъ, хотя близкихъ конфессій, слѣдовательно желаемого единства не было.

Итакъ, подобно — лютеране и братья, согласиться не могли, и братья рѣшили теперь составить свою просьбу къ императору, поддерживаемые въ этомъ намѣреніи Жеротиномъ, который въ это время пріѣхалъ изъ Моравіи и имѣлъ благопріятный разговоръ о братьяхъ съ Максимиліаномъ.

Просьба была изготовлена, и подъ ней подписались 17 пановъ (въ томъ числѣ и самъ Жеротинъ) и 141 рещаръ⁽¹⁾.

(1) Списокъ ихъ у Gindely. II. 154—158.

но, какъ сильны были братья и какъ мало они, въ сущности, ждали въ единеніи съ лютеранами, которые требовали отъ нихъ пожертвовать тѣмъ, что было для нихъ дороже всего — самостоятельностью.

Лишь только узнали объ этомъ опасномъ для лютеранъ шагѣ общины Лобковицъ и его друзья, они рѣшились сдѣлать не одну попытку соглашенія съ братьями, и эта попытка была напрасна. Удалось наконецъ придумать такую редакцію, которая удовлетворила и братьевъ. Въ ней говорилось отдѣльно каждой конфессіи — лютеранской и братской, но просьба о прованіи свободы была отъ общаго имени: «Мы всѣ вмѣстѣ, въ единомысліи — гласило предисловіе — просимъ ваше величество охранять надъ нами всѣми свою милостивую и охранную руку и милостиво дозволить намъ вольно и свободно служить Господу отъ върѣ нашей христіанской» (1).

Изложенное въ такомъ смыслѣ предисловіе, чешская конфессія и духовный уставъ были наконецъ представлены императору чинами. Отвѣтъ былъ обѣщанъ чрезъ нѣсколько времени, такъ какъ дѣло требовало зрѣлаго обсужденія.

Для этого зрѣлаго обсужденія новая чешская конфессія, считая изъ двухъ некаатолическихъ, была послана папѣ, курфюрсту саксонскому, утраввистской консисторіи и пану Вальдштейну, послѣднему защитнику стараго подобойства.

Новая конфессія возбуждала общее вниманіе, особенно католиковъ и утраввистовъ. Если до этого времени возможно было требовать безнаказанно отъ правительства всякихъ репрессивныхъ мѣръ противъ «пикардовъ», если до сихъ поръ случивалось еще ихъ вопли объ изгнаніяхъ католическихъ вѣровъ и замѣщеніи ихъ «*kněžími neřadnými, bludnými a zrádnými*» — т. е. некаатолическими, то теперь съ утверденія новой конфессіи всѣ эти несправедливые въ глазахъ католиковъ и утраввистовъ поступки пановъ и рыцарей становились явными законными. Поднялась агитація въ церквяхъ, съ церков-

(1) Gindely. II. 481. примѣч. 51.

ныхъ касседръ возбуждался народъ; особенно злобно говорили противъ «пикардовъ», ибо они были сила, значительнѣе лютеранъ.

Прага объявила себя за сословія сейма.

Въ этомъ взаимномъ раздраженіи прошло все время до открытія новаго сейма въ августъ, ибо паны и рыцари въ концѣ іюня разтѣхались по деревнямъ для полевыхъ работъ.

Максимилианъ лично объявилъ свое желаніе сейму заняться избраніемъ его сына Рудольфа и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ въ самомъ непродолжительномъ времени дать отвѣтъ на поданную конфессію, предупреждая чины, что если онъ и не будетъ всѣмъ по сердцу, по крайней мѣрѣ, всѣ справедливыя желанія будутъ удовлетворительны.

Изъ послѣдняго заявленія ясно было, что отвѣтъ будетъ такого рода, что мало удовлетворить кого: императоръ самъ это понималъ и былъ крайне медлителенъ и нерѣшителенъ въ объявленіи своего отвѣта. Положеніе Максимилиана было тяжелое — въ немъ происходила тяжелая внутренняя борьба. Наканунѣ официального сообщенія онъ пригласилъ Лобковица и сказалъ ему: «Pane Sudí, nebudete mŕíti dobré odpovědi a nebudete se stavům líbiti, ale tím sobě nedejte překažeti, buďte stálí a nepřestávejte na ní, nebo já musím tak učiniti, aby se tak Římanům dosti mohlo státi. Potom pak když na této nepřestanete, zvíte, co chci učiniti» (1).

Эти слова драгоцѣнны для пониманія дѣятельности Максимилиана: онъ долженъ былъ уступать требованію Рима и дать чинамъ отвѣтъ, не согласный съ его собственнымъ желаніемъ: «но вы — говорилъ онъ Лобковицу — не останавливайтесь на немъ и идите далѣе».

На другой день послѣ памятнаго разговора явились, по приглашенію императора, шесть человекъ отъ сейма изъ лютеранъ, во главѣ которыхъ былъ Лобковицъ, для выслушанія отвѣта. Максимилианъ объявилъ имъ, что такъ какъ братья и

(1) Gindely. II. въ примѣч. стр. 482.

лютеране не согласились вполне, а братья сверхъ того, какъ секта, преслѣдуются закономъ, поэтому онъ не можетъ ничего сдѣлать въ пользу ихъ, неваголиковъ; но какъ до сего времени никто еще не встрѣчалъ со стороны его притѣсненія въ дѣлѣ вѣры, такъ это будетъ и потомъ. Сословія сами могутъ найти средство какъ жить въ мирѣ, безъ раздора, и онъ имъ будетъ за то благодаренъ. Смыслъ былъ ясенъ: живите, какъ живось, но законной санкціи дать нельзя вашимъ религіознымъ требованіямъ.

Отвѣтъ былъ особенно тяжелъ для братьевъ: онъ говорилъ о нихъ, какъ о воспрещенной сектѣ.

Черезъ два дня послѣ этого неожиданнаго отвѣта, Максимилианъ приказалъ уяснить Лобковицу и его друзьямъ, въ частной бесѣдѣ, причины, заставившія его такъ отвѣчать ⁽¹⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ увѣрить ихъ, что лично онъ не только согласенъ на всѣ требованія сословій, но ихъ утвердить своей *собственной грамотой* (v majestatu), которая будетъ обязательна и для его наслѣдниковъ, лишь бы только это было сдѣлано безъ огласки за границей.

На другой день онъ повторилъ чинамъ свое обѣщаніе не дозволить никакого притѣсненія въ дѣлѣ религіи и указалъ лютеранамъ избрать изъ своей среды дефензоровъ, которые будутъ передавать ему жалобы отъ ихъ духовенства. Что же касается до обѣщаннаго вчера мажестата, то Максимилианъ умолчалъ о немъ и замѣтилъ только, что онъ позаботится, что и его наслѣдникъ будетъ далекъ отъ всякихъ притѣсненій въ дѣлѣ вѣры. Послѣ этого императоръ имѣлъ случай повторять еще нѣсколько разъ тѣ же успокоительныя слова, сословія положились на нихъ, и лютеране и братья въ особой аудіенціи принесли Максимилиану свою сердечную благодарность ⁽²⁾.

(1) Что ради себя и своей семьи онъ долженъ былъ такъ поступить; что ему угрожало проклетіе папы, если бы онъ уступилъ сословіямъ; что его удержали испанскій король и курфирсты, обещавшіе позаботиться о судьбѣ его сына. Gindely. II. 186.

(2) Замѣчательна его рѣчь въ сословіямъ 2 сентября: «Если бы — сказалъ Максимилианъ въ заключеніе — я иначе думалъ, иначе поступалъ,

Теперь сеймъ приступилъ къ избранію Рудольфа: онъ былъ избранъ свободно, и снѣвъ въ присутствіи отца, предъ лютеранскими чинами далъ слово блисти обѣщанія и распоряженія стараго короля. Но Рудольфъ, говоря это, обращался къ однимъ лютеранамъ, ибо изъ общины никто не былъ приглашенъ во дворецъ. Максимилианъ видимо избѣгалъ официального участія братьевъ въ чемъ бы то ни было, чтобы такимъ образомъ быть въ состояніи маскировать свои дѣйствія предъ тѣми, кого онъ боялся — папой, Испаніей, имперскими князьями. Но подъ лютеранами подразумѣвались сами собой братья, ибо и тѣ исповѣдывали не аугсбургско-лютеранскую, а чешскую конфессію, слѣдовательно при торжественномъ ручательствѣ сына — наследника итти по слѣду отцовскому — блисти релігіозную свободу, всѣмъ лютеранамъ, и братья могли быть одинаково покойны за будущее (1).

Къ сожалѣнію, не такъ оказалось на дѣлѣ. Отецъ потребовалъ ручательства отъ сына на время послѣ своей смерти, а между тѣмъ самъ былъ не въ состояніи ручаться за себя на завтра. Слабохарактерность императора, соединенная съ боязнью предъ каждымъ смѣлымъ шагомъ, была знакома каждому, но она дошла до крайней степени, когда Максимилианъ, уѣхавши изъ Праги по закрытіи сейма 1575 года, привезалъ издать старый злополучный мандатъ Владислава противъ «лишвардовъ». Разстояніе между торжественными обѣщаніями свободы и изданіемъ мандата было всего нѣсколько дней.

Когда порабощенные чины выразили свое крайнее недоумѣніе, что только что торжественно была обѣщана свобода исповѣданія всѣмъ, отъ имени которыхъ была подана чешская конфессія, и

нежели какъ говорю, я долженъ былъ бы всегда стыдиться себя и дозволить говорить, что я словъ своихъ и обѣщаній не держу, и себя самого считать человекомъ легкомысленнымъ и ничтожнымъ (sebe samého za leh-kého a ničomného člověka odsouditi). Gindely. II. 200. Slavata «Paměti.» I. 34. Изъ ваге предыдущаго жено, что всѣмъ уступилъ, обѣщанія императора вышли изъ доброй воли его и не были вынуждены чинами, какъ это силится объяснить католики, напр. Slavata. ib. 33.

(1) Событія сейма 1575 года изложены по Гинделю. II. 109—210.

между тѣмъ противъ послѣдователей ея — братьевъ, сейчасъ же издаются крутыя мѣры и имъ же, королемъ, Максимилианъ въ измненіе говоритъ: «мы знаемъ только, что въ нашихъ совѣтѣ, состоящемъ изъ высшихъ чиновниковъ Чехіи, частью католическомъ, частью уtrakвистскомъ, было рѣшено возобновить мандатъ Фердинанда I, возвращающій всякія стороннія собранія, проповѣди и секты» (1).

Но, очевидно, всѣ эти совѣтники, на которыхъ Максимилианъ слагалъ всю вину, были лишь истолкователями воли церкви, которая рѣшила не допускать никакихъ уступокъ въ пользу некатоликовъ. Она указала императору оставить безъ вниманія сеймовую конфессію 1575 года и вмѣсто обѣщанной свободы пожаловать братьевъ новымъ изданіемъ «кроваваго» мандата.

Здѣсь для уясненія той роли, которую приняла теперь, съ послѣднихъ годовъ правленія Максимилиана, католическая церковь въ Чехіи по отношенію къ некатоликамъ, мы считаемъ полезнымъ войти въ нѣкоторыя историческія подробности, которыя укажутъ намъ относительныя силы обоихъ противниковъ, замѣтивъ напередъ, что только что составленную «чешскую» конфессію исповѣдывали немногіе изъ высшихъ сословій да нѣкоторые съ нѣмецкимъ населеніемъ, такъ что подъ некатоликами разумѣется прежде всего община.

Было упомянуто, что подъ братской конфессіей 1535 г. подписались 12 пановъ и 33 рыцаря, но чрезъ сорокъ лѣтъ подъ просьбой, которую имѣли подать братья Максимилиану, были подписаны 17 пановъ и 141 рыцаря. Но сила общины далеко не выражалась въ представителяхъ привилегированныхъ сословій: насколько лютеранство было религіей по преимуществу аристократической, настолько братское ученіе было прежде всего религіей простонародной, илебейской. Это вѣрно аргюи, изъ основнаго начала братскаго ученія, требовавшаго равенства людей, столь желательнаго простому человѣку; это вѣрно изъ фактовъ

(1) Gindely. II. 218.

тяжелой жизни знаменитой общины. Я укажу на одинъ примѣръ. Въ разгаръ гоненія пикардовъ при Фердинандѣ I въ спискахъ заподозрѣнныхъ и затѣмъ изгнанныхъ лицъ мы встрѣчаемъ людей всевозможныхъ занятій: писарей, канторовъ, мельниковъ, суконниковъ, ножевщиковъ, пекарей, винокуровъ, замочниковъ, бочаровъ, гончаровъ, портныхъ, кожунниковъ, и т. д., не говоря уже о простыхъ земледѣльцахъ⁽¹⁾. Очевидно, люди простаго класса давали главнымъ образомъ контингентъ для общины; паны были дороги, какъ защитники предъ властью и покровители поселившихся на ихъ земляхъ братьевъ. Наконецъ, извѣстные мученики общины, которые глубоко чтились братьями, были изъ простаго народа⁽²⁾. Сила общины была въ народѣ.

Если паны и рыцари изгоняли на своихъ земляхъ католическихъ или подобойскихъ поповъ, пользуясь правомъ коллатуры⁽³⁾, то это, въ большинствѣ случаевъ, было весьма естественно, такъ какъ для изгоняемыхъ пастырей не было пасты. Какъ только правительственная власть переставала руководиться мандатомъ Владислава, какъ только чувствовалось со стороны ея послабленіе, община сильно росла. Этотъ ростъ ея шелъ въ извѣстномъ смѣслѣ періодически. Понятно, быстрого потока уселенія общины не могли остановить никакія отчаянные вопли и жалобы духовенства какъ на народъ, такъ и на пановъ⁽⁴⁾.

(¹) «Jednanf.» II. 98. 103.

(²) Коменскій. «Historia o prot.» гл. XIX—XXXII.

(³) Списокъ такихъ отнятыхъ приходо въ 1562 г. см. «Jednanf.» II. 320.

(⁴) «Obnixissime efflagitamus supplicamusque sacrae M. V. et per viscera misericordiae Dei obstantes, tanquam unico christianae religionis zelatori et defensori, ad quem post Deum ut confugiamus, habemus neminem» — писалъ администраторъ пражской архіепископіи Фердинанду I. «Supplicamusque humillime. Picardos, quod genus hominum obnixissimum in inclito hoc regno existit, et summi mali autores, juxta compactata et regni decreta tabulis terrae multoties affirmata, gratiose restringere ac conventicula eorum, quibus conveniunt, prohibere ac demoliri dignetur, ne deteriora in futurum exinde effluere valeant. («Jednanf.» II. 66). Жалуются капитулъ и на пановъ, что одинъ «primus pugno, deinde

Мы видѣли, что воплемъ своего католическаго духовенства внималъ ревностно Фердинандъ, издавалъ грозные указы противъ пикардовъ, изгонялъ ихъ изъ страны, разорялъ, сажалъ по тюрьмамъ, а буде кто, взятый на поруки и осужденный на изгнаніе, попался вторично въ руки правосудія, топилъ и рубилъ голову⁽¹⁾, — пикарды стихали, но не уменьшались. При вступленіи на престолъ Максимилиана, братья были слабѣе католиковъ приблизительно только на одну треть⁽²⁾. Въ вѣротерпимое царствованіе мирнаго короля число ихъ значительно возросло.

bombarda aſque ad profuſionem ſanguinis percouſerit . . . parochum . . . ſenem ſine ulla cauſa aut occaſione data, ſiſque multum inſultaverit, in equo cxiſtens; другой «decanum . . . noſtrum, cum viſitaret fratres jūſſu noſtro, et jam . . . dormiret, noctu veniens, maledictis et convitiis inceſſit, percouſero eum ſine ulla cauſa volens...», что наконецъ просто «parochias noſtras . . . lutherani occupant et tenent impune contra deſcretum Vladislai regis et alias ordinationes ſtatutum. Id videntes plerique ſub utraque noſtra territoria invadunt, plus lutherizantes quam veterem rationem antiquorum ſub utraque ſequentes . . . populum ab unitate eccleſiæ ad varias opiniones et perplexitatem animorum eos inducentes, ut poſtea neſciant certo quid et cui credere debeant». «Jednanſ». II. 311—313. Ср. также ib. 320. Братья позволяли себѣ иногда неприличныя надѣванія надъ духовными званіями католиковъ. Сохранилось напр. слѣдующее судебное разбирательство отъ 1546 года. Гетманъ ввровадлохей узналъ, что есть два пикарда — колесника въ Ракованикъ (недалеко отъ Праги); одинъ изъ нихъ имѣлъ пса и въ наскышку надъ деканомъ раковницкимъ, почтеннымъ старымъ челоукомъ, приказалъ пробрять ему гуменцо (plcš) и называлъ его «dëkan». Послалъ гетманъ людей своихъ узнать — такъ ли это и оказалось, что правда. Посоветовавшись съ другими панами, оны опредѣлили изгнать обонхъ колесниковъ оттуда: «ran dëkan takovi vëc — прибавлялъ въ своемъ доцесевн гетманъ — sobě velmi stëžuje» (весьма жалуется на то). ib. 24. Какъ ни мелоченъ этотъ случай, но и оны не можеть не по свидѣтельствоуать о силѣ сектантовъ.

(1) Въ 1551 году Фердинандъ пишетъ сыну своему эрцгерцогу Фердинанду въ Прагѣ: «So viel aber die zwo Personen, die, wie obbemeit, zuvor auch derowegen gefänglich besessen, der eine auf Bürgschaft ausgelassen und der andere des Landts verwiesen betrifft, erkennen wir für Recht und billig, dass dieselben entweder ertränkt oder mit dem Schwert gerichtet werden sollen». ib. стр. 147.

(2) Gindely. II. 23.

Глава исчезавшаго утравкизма, Вальдштейнъ, для убѣжденія немногихъ своихъ остаться вѣрными старому учению страшилъ ихъ, что ихъ поглотятъ братья. «Ale, milí páni, prosím vás — говорилъ онъ, držme se té starobylé české víry a pořádkú dobrých. Neb já se bojím, že nás ti bratři sežerou. Vidíte, že již více než tři díly bratří jsou v tomto kra-lovství a z vláště v Hradišti (Königgrätz), neb všickni téměř jsou bratřími, jedině Hradec se trochu ještě drží. A zprávu toho jistou mám, že teď těchto dnu minulých více než na pět set lidu přijato jest, a k nim přistoupilo» (1). Если въ словахъ Вальдштейна и есть преувеличеніе, тѣмъ не менѣе слова врага братьевъ утверждаютъ фактъ сильнаго умноженія общины за послѣдніе годы.

Но братская община крѣпка была и своими нравственными силами; съ этимъ мы знакомы уже изъ предыдущаго. Если о всѣмъ презиравшейся сектѣ перекрещенцевъ (Wiedertäufer) безпристрастнѣе современники могли только отзываться съ похвалою: чины напр. сейма 1567 года просили Максимилиана не изгонять ихъ, какъ трудолюбивыхъ и полезныхъ работниковъ въ землѣ (2), то они съ тѣмъ болѣе правомъ должны были говорить одобри-тельно о братьяхъ. Отъ послѣдняго брата и до епископа, братская община строго держалась нравственныхъ правилъ въ своей частной и общественной жизни. Въ противоположность католическому и утравкистскому духовенству, члены котораго часто получали напоминанія отъ консисторій не таскаться по кабакамъ (šenkovati), братья немедленно преслѣдовали пьянство, и когда одинъ изъ любившихъ пить братьевъ былъ избранъ въ члены узкаго совѣта, его немедленно отрѣшили отъ должности. Въ то время какъ священники привилегированныхъ конфессій отличались крайней разнузданностью, неповиновеніемъ своимъ вла-стямъ (3), въ общинѣ господствовала строгоразумная дисциплина.

(1) Ib. 483. прим. 100. Сказано послѣ мандата 1575 года.

(2) Ib. 20. Перекрещенны были въ своей частной жизни коммунисты.

(3) Напр. въ 1537 году священникъ Витъхъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, съ напоминаніемъ, что если бы онъ снова «mel ze sti pana administratora, pana mistru aneb hěkteř z konsistorě (утравкистской) lupiti a plundrovati», то будетъ ему худо. «Jednaní». I. 121.

Примѣръ Августи былъ исключительный. Враги ни въ чемъ не могли упрекнуть общину и повторяли только избитыя фразы о епикарствѣ (1). Община, какъ мы видѣли изъ ученія Хельцицкаго, поставила себѣ прежде всего задачей — осуществитъ въ жизни нравственныя требованія евангелія; вопросы догматическіе были у нея на второмъ планѣ, и въ нихъ она не разъ отступалась отъ своего ученія. Если и можно упрекнуть общину, то это въ излишнемъ нуританизмѣ. Наконецъ, община была сильна своею наукой. Янъ Благославъ былъ извѣстенъ своею ученостью. Благославовъ переводъ новаго завѣта, кралицкая библія были лучшимъ свидѣтельствомъ богословскаго и филологическаго знанія въ общинѣ. Братьямъ принадлежитъ первая обработка чешскаго языка въ грамматическихъ трудахъ Опата, Влагослава, а въ многочисленныхъ школахъ общины обращалось глубокое вниманіе на изученіе его, наравнѣ съ языками латинскимъ, греческимъ и еврейскимъ. Посылка стипендіатовъ въ заграничныя университеты, горячая забота о школахъ, собраніе библіотекъ — извѣстна на примѣръ кралицкая библіотека, принадлежавшая епископамъ общины (2), распространенность печатнаго дѣла — все это давало братьямъ силу въ борьбѣ съ противниками.

Иную картину представляла оффиціальная церковь.

Почти полтора вѣка пражская архіепископская кафедра была вакантна. Священники католическіе посвящались обыкновенно въ сосѣднихъ епаркіяхъ, подобойскіе въ Венеціи, что сопряжено было

---

(1) Изъ вышеприведенной цитаты Вальбина ясно, что католики готовы были укорять братьевъ даже въ томъ, за что ихъ можно было только одобрять, напр. въ строгомъ воспитаніи женщинъ. Укоризны Вальбина, которыя мы опустили, болѣе чѣмъ сильны.

(2) Объ этой библіотекѣ см. запись знаменитаго изгнанника, Карла Жеротана, отъ 7 апрѣля 1633, въ Братиславѣ, что «*libraria*», находившаяся некогда въ это мѣсто въ Моравіи и спасенная имъ при изгнаніи въ Силезію, принадлежать именно общинѣ, а не ему. «*Basoris*». 1866. 203—204. Въ настоящее время отъ этой кралицкой библіотеки нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдствъ.

съ массой неудобствъ (1). При отсутствіи главы паствы, при беспорядочношъ постановленіи священниковъ, жизнь духовенства, какъ католическаго, такъ и утравкистскаго (последнее старалось брать изъ лютеранства то, что поблажало ихъ страстямъ), представляла рядъ крайнихъ безобразій (2). Строгий епископъ братской общины Янъ Благославъ иначе не называлъ священниковъ обоихъ исповѣданій, какъ развратниками. Въ бумагахъ пражской утравкистской консисторіи XVI вѣка находится богатый матеріалъ для характеристики жизни духовенства того времени: здѣсь можно найти дѣла священниковъ по всевозможнымъ преступленіямъ, какъ духовнаго, такъ и недуховнаго свойства. Я ограничусь указаніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ. 1540 года 30 апрѣля консисторія постановила: священникъ Вацлавъ изъ церкви св. Генриха заключенъ въ тюрьму за то, что «s ňakými osobami se toulal ženskými; potom když jest od nich šel k večeru a... se po něm honili, a on sotva (едва) ňšel k svatému Mikulaši na faru». 1541 года 1 апрѣля Янъ Мышеа, канцеляръ изъ одного села, былъ призванъ въ консисторію и получилъ отъ нея предостереженіе прекратить излишнее шатање по кабакамъ (po domích šenkovních), въ противномъ случаѣ будетъ сильно наказанъ (3).

(1) «...Vědomé jest, kterak těchto časův všech z království českého a zvláště strana pod obojí, kteříž do Benátek s velikou těžkostí a znamenitým dokladem i nebezpečenstvím tam posílali musejí, a takového pořádného svícení dosahovati, ještě dvacátý z nich pro takový veliký náklad, nebezpečení a chudobu od toho, chtějíce rad sice knězem býti, prastiti musí». Докладная записка Фердинанду I эрцгерцога Фердинанда отъ 1536 года о причинахъ распространенія секты. «Jednaní». I. 333—334.

(2) Въ противоположность братскому пуританизму лютеранство смотрѣло сквозь пальцы на нравственные недостатки чловѣка, отсюда оно легко находило своихъ прозелитовъ, особенно среди духовенства; въ общину вступалъ только тотъ, кто не притворно, а дѣйствительно возмущался безобразіемъ господствующей церкви. Ср. Томша «O církevní správě etc.» въ «Časopis»-ѣ. 1848. I. 442. 450.

(3) «Jednaní». I. 154. 172. 1540 года 9 апрѣля консисторія слушала жалобу отъ одного сельчанина на приходскаго попа такого содержания: «...mladý kněz nekřesťansky, ale můž se řeci lotrovsky, dítěti mému jasně učinil ohavnost v kostele, kteráž nenáleží na knězi ale ani na světské. Při

Священники не стѣснялись въ церкви проповѣдывать крайнія антихристіанскія мысли, напр. о рожденіи Іисуса Христа (1), причѣмъ особенно незастѣнчивы были лютеранствовавшіе пастеры, къ которымъ безошадно относился Благославъ (2).

Разнузданность была всеобщая, какъ среди сельскаго, такъ и среди городскаго духовенства. Въ 1548 году Фердинандъ — сынъ объявляетъ сеймовымъ сословіямъ, что онъ получилъ жалобу отъ администраторовъ архіепископій, что священники ведутъ жизнь развратную, на приказанія высшихъ прелатовъ не обращаютъ никакого вниманія, людямъ дѣлаютъ пакости и потому просилъ чины сейма лично представлять своихъ приходскихъ священниковъ администратору во время его объѣзда епаркіи и наблюдать, чтобы они прилично держали себя (3).

Католическая консисторія, въ теченіе 140 лѣтъ вѣдавшая дѣла церкви, привыкла къ самоуправству. Когда въ 1561 году назначенъ былъ архіепископъ пражскій, каноникамъ это было крайне не по сердцу, и на первое время они вступили въ пререканіе съ нимъ и не слушались (4).

Но помимо этой распущенности духовенства, католическая церковь въ Чехіи чувствовала постоянный недостатокъ въ людяхъ. Дѣло дошло до того, что, гдѣ прежде бывало четыре, пять священниковъ, теперь былъ одинъ (5). Правительство въ этомъ недостаткѣ духовенства видѣло одну изъ главныхъ причинъ

---

volav dítě mé, mluvč k ní: «pod' sem, dámt' na přeclíky», ujav jí řekl: «mám čisté zrcadlo, okazav jí... Potom ji do stolice vzal, tu jest jí nekřesťanský působil...až jest i krev se okazala; v tom porušena Я спросилъ ее — «отчего же ты не кричала»? она отвѣтила: «не могла — онъ мнѣ рукою зажалъ ротъ . говоря: молчи, ничего не будетъ . замолеть». Это происходило въ церкви , предъ обѣдней. ib. 151.

(1) «...o Panně Mariji...kterak by samotna byla mladice a k ní samotné přišel krásný mládenec, užívajíc k tomu i hnutí života svého nealůžně». ib. I. 255.

(2) Gindely. II. 16.

(3) «Jednaní». II. 94.

(4) Gindely. II. 12.

(5) ib. 9. 92.

распространенія сектантовъ. «Укорененіе сектъ въ этомъ королевствѣ — нишесть эрцгерцога Фердинандъ отцу своему въ 1556 году — происходитъ болѣе всего вслѣдствіе недостатка въ священствѣ» (1). Конечно, это причина, но не главная, и свѣтская власть ошибалась, когда самое дѣйствительное средство къ управленію зла видѣла въ скорѣйшемъ замѣщеніи пражской архіепископской кафедрѣ (2). Мѣстная духовная власть понимала дѣло вѣрнѣе; въ своемъ прозрѣніи, поданномъ королю, она усмотрѣла корень зла въ неправденности и невѣжествѣ клира (3), и потому для исправленія нравовъ священниковъ предлагала учреждать школы съ преимущественною цѣлью образованія духовенства. До призванія іезуитовъ въ Чехію не было семинаріи; будущіе священники учились гдѣ-нибудь и какъ-нибудь (4).

Изъ этихъ данныхъ видно, что официальная церковь въ Чехіи пережила крайне тяжелое время. Но вотъ къ ней явилась подмога изъ Рима въ лицѣ іезуитовъ, и дѣла приняли иной оборотъ.

Основывая орденъ, чтобы поднять церковь, Лойола видѣлъ, что монашескаго аскетизма мало, что успѣхъ дѣла зависитъ отъ степени вымуштрованія формируемаго Іисусова войска, и солдатскую субординацію онъ поставилъ, какъ краеугольный камень, въ основу ордена: «*Quisque sibi persuadeat — гласилъ статутъ — quod qui sub obedientia vivunt, se ferri ac regi a divina providentia per superiores suos sinere debent perinde, ac si cadaver essent, quod quodquoversus ferri ac quacumque ratione tractari se sinit: vel similiter atque senis*

(1) «Jednaní». I. 333.

(2) *ib.*

(3) См. «*Artikulové o napravení mravův kněžských, o desátcích, o navrácení kostelů a zřízení škol zvláště pro vzdělání kněžstva (1550—60?)*», т. е. статьи объ исправленіи нравовъ священническихъ, десятинахъ, возвращеніи костеловъ и объ основаніи школъ, особенно для образованія священства». «*Jednaní*». II. 137—139.

(4) Gindely. II. 9.

baculus, qui ubicumque et quacumque in re velit eo tui, qui eum manu tenet, ei inservit» (1).

Но и солдатской дисциплины было недостаточно. Когда стлкнувшись въ Парижѣ основатели — авантюристы еще только мучивали свое дѣло, то четвертымъ обѣтомъ они поставили — обучать дѣтей закону божію (2). Орденъ долженъ былъ быть прежде всего педагогомъ. Одинъ изъ искусовъ вступающаго въ орденъ заключался въ узнаніи его преподавательской способности, безъ чего онъ не могъ быть принять (3). Сильная задача — пересоздать нравственно человечество для единого служенія нѣпской церкви требовала отъ будущахъ педагоговъ всѣхъ условій для успѣшности ихъ дѣятельности, а потому орденъ такъ строго исполнялъ при приѣмѣ своихъ рекрутъ правило основателя: «Necessarium visum est, ut qui in societatem sunt ingressuri, viri sint vitae probitate et literarum eruditione ad id officium (къ педагогіи) idonei» (4). Стави себя въ исключительное положеніе въ массѣ монашествующихъ орденовъ, освобождал себя отъ церковной службы и предназначивъ для себя службу въ церкви педагогическую, іезуитскій орденъ былъ крайне остороженъ къ знанію и остановился на такой педагогической системѣ, которая была прежде всего полезна ему. Серьезной науки

(1) § 35. «Der Jesuitismus, getreu nach der Natur gezeichnet von einem bekehrten Jesuiten». Leipzig 1872. 19 прим. Въ основательной буллѣ говорилось: «in illo (генералъ ордена) Christum quasi praesentem agnoscant et quasi praesentem venerentur». (Булла Павла III «Regimini militantis Ecclesiae» отъ 27 сентября 1540 года. E. Zierngiebl. «Studien über das Institut der Gesellschaft Jesu mit besonderer Berücksichtigung der pädagogischen Wirksamkeit dieses Ordens in Deutschland». Leipzig. 1870. 16). Томе повторено въ буллѣ Юлія III. 1550. ib. 22.

(2) Fr. Huber «Jesuitenmoral, aus den Quellen dargestellt». Bern. 1870. 2. Тотъ же объятъ Игнатій повторилъ и въ своей просьбѣ къ папѣ объ основаніи ордена. «Преимущественно они (члены) должны трудиться надъ обученіемъ дѣтей и невѣрующихъ христіанской вѣрѣ, десяти заповѣдямъ и другимъ тому подобнымъ началамъ, смотря по обстоятельствамъ мѣста и времени». ib. 6. 7.

(3) Zierngiebl «Studien». 29.

(4) ib. 84. прим. 148.

онъ боялся: «духонъ святыхъ преподаана, апостоломъ высказана истина — говорить іезуитскій учебный планъ — что наука очень опасна для души, ибо она дѣлаетъ гордымъ чело-вѣка и отклоняетъ отъ Бога» (1), и потому она не-допущалась; но за то съ тѣмъ большимъ вниманіемъ дѣлѣлось въ школѣ все то, что способно импонировать массу: умѣнье красиво говорить, ловко вести споръ, бойко писать. Въ виду этого іезуитская педагогика требовала: изъ всѣхъ способностей чело-вѣка въ школѣ должна развиваться одна память и учитель имѣть цѣлью — всѣми средствами противудѣйствовать развитію сознательной и самостоятельной мысли.

Едва только основался орденъ, а уже въ Римѣ Лойола открылъ Collegium Romanum (1550); — образцовый эзерцигаусъ, гдѣ главнымъ образомъ дрессировались орденскіе члены; вслѣдъ за нимъ былъ открытъ второй подобный институтъ, спеціально для страны, гдѣ выработывалась «ересь» — Collegium Germanicum, «для изобличенія скрытаго яда ереси» (2).

Выдрессированный іезуитскій педагогъ пускался изъ школы въ жизнь, шелъ, куда былъ вызовъ, чтобы повторить съ другими ту укственную дрессировку, которую вынесъ онъ, и такимъ путемъ собрать заблудившихся овецъ къ ихъ прежнему пастырю.

Такой вызовъ скоро вышелъ изъ Чехіи.

Мы видѣли выше, что въ статьяхъ, составленныхъ въ Прагѣ относительно исправленія нравовъ духовенства въ половинѣ XVI столѣтія, указывалось на необходимость школъ, «особенно для образованія клериковъ». «Чтобы церкви наши — говорилъ проектъ — имѣли въ своемъ распоряженіи болѣе священниковъ, необходимо озаботиться о томъ, чтобы богатые монастыри основали у себя школы и воспитывали учениковъ по меньшей мѣрѣ на одинъ столъ, гдѣ мальчики учились бы и привыкали пѣть въ церкви; монастыри же менѣе состоятельные

(1) Ziergiebl. «Studien». 57.

(2) Основательная булла. ib. 200.

могли бы давать опредѣленную сумму денегъ или прямо въ школу или на руки извѣстнымъ лицамъ, назначеннымъ отъ короля, а тѣ уже будутъ выдавать эти деньги молодымъ людямъ, которые пожелали бы быть священниками или управителями (spravcove) школъ» (1). Но, очевидно, плодовъ отъ этихъ школъ можно было ждать только въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени, но нужда въ порядочныхъ и свѣдущихъ сельскихъ священникахъ была крайняя; поэтому пражскій проэктъ останавливается на іезуитахъ. Въ предположеніи, что возможно безъ особенной трудности возвратитъ нѣкоторую часть лютеранъ къ католической церкви, лишь бы только оказать имъ доброе расположеніе и братскую любовь, составители проэкта находили затрудненіе въ замѣщеніи возвращенныхъ приходоѡ: «не легко будетъ замѣнить приходы, но и это можно бы было съ божьею помощію одолѣть, если бы королевское величество заблагоразсудило послать нѣсколькихъ нѣмецкихъ священниковъ или іезуитовъ на эти мѣста, извращенныя ложнымъ ученіемъ» (2).

Еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ Фердинандъ ввелъ іезуитовъ въ Вѣну, гдѣ они основали свою коллегію. Введши у себя, въ австрійскихъ земляхъ, іезуитовъ для борьбы съ протестантами, Фердинандъ не могъ не одобрить представленій пражскаго проэкта, и въ письмѣ отъ 7 марта 1555 года къ сыну Фердинанду въ Прагу оное выражаетъ одобреніе проэкта и общаетъ снабдить епархію священниками изъ Германіи и призвать членовъ ордена (3). Черезъ двѣ недѣли Фердинандъ извѣ-

(1) «Jednání». II. 138.

(2) ib.

(3) Es suppliciren abermals an uns Probst, Dechant und Capitel unsers Stifts zu Prag mit unterthänigsten Anzeigen, dass sie grossen Mangel an Priestern haben sollen, und sonderlich denen, so deutsch predigen und die Sacramente versehen möchten. Nun weiss sich D. L. zu erinnern, dass wir zuvor auch auf ihr unterthänigst Bitten es gnädigt bewilligt, haben kein Fleiss unterlassen, damit nicht allein deutsche Prädicanten und Priester; sondern auch Jesuiten in unser Kron Behem möchten gebracht werden zu Erhaltung der wahren katholischen alten christischen Religion... ib. 201.

щадъ сына, что онъ уже нѣсколько времени какъ воишалъ въ переговоры съ іезуитами, что они соглашаются поселиться въ Чехіи и озаботиться о родныхъ священникахъ, не щадя никакого труда⁽¹⁾. Переговоры начались зимой 1554 года, а въ апрѣлѣ іезуиты уже были въ Прагѣ и начали свое дѣло⁽²⁾.

Прибывшіе въ числѣ двѣнадцати человекъ въ Прагу іезуиты были изъ Германіи и Бельгіи; способнѣйшіе изъ нихъ были: Генрихъ Blyseuius, Корнелій Brogelman и Урсмаръ Goissonius, назначенный еще въ Римѣ ректоромъ будущей коллегіи пражской. Посылая этотъ отрядъ «войска Іисусова» на чешскихъ еретиковъ, ни папа, ни Лойола не скрывали отъ него трудности предстоявшаго дѣла. Когда уходящіе явились за напутственнымъ благословеніемъ къ папѣ, тотъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «вотъ, я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ, чтобы вы шли и принесли плодъ, и плодъ вашъ чтобы остался. Времена опасныя и злыя; много вы будете терпѣть преслѣдованій отъ еретиковъ и отщепенцевъ за католическую правду, но мужайтесь: Христосъ, превозмогшій міръ, будетъ съ вами. Дѣйствуйте бодро, и укрѣплено будетъ сердце ваше въ Господѣ; служите ему вѣрно и смѣло идите въ бой. Да будетъ сказано это вамъ и потомкамъ вашимъ». Предъ самымъ отходомъ они побывали и у Лойолы, чтобы проститься съ своимъ больнымъ, уже умиравшимъ генераломъ. Когда они обступили его ложе, онъ далъ имъ послѣднее увѣщаніе: «благочестивая жизнь заключается едино въ прилежаніи къ добродѣтелямъ; къ нимъ вы должны льнуть, на сколько силъ хватить, но между всѣми ими прежде всего почитать простоту послушанія. Если устроитесь такъ, я уже нынѣ предвижу, вы будете добрее

(1) «...Derhalben wir dann allbereit mit den Jesuiten gehandelt hatten, dass wir sie in unser Kron Behem brächten, welch darein bewilligt, auch uns um andere taugliche Priester wollten bewerben, doch dass sie für ihre Personen auch kein Fleiss spareten...» ib. 204.

(2) «Tomu ohni — говорить Коменскій, kterýmž nyní vláat sehl-cena jest, podněty zakládali». «Historia o prof. XXXVIII. 99. .

работники на нивѣ господней, съ обильными плодами, радостью и мяской вы возвратитесь изъ земли чешской» (1).

Каедральный храмъ св. Вита на градѣ пражскомъ былъ мѣстомъ, гдѣ иезуиты гремѣли своимъ краснорѣчіемъ. На ихъ проповѣди сходились не только духовенство, но и аристократія. Своимъ ораторскимъ искусствомъ выдавался предъ другими Сависсий, и онъ въ особенности часто держалъ рѣчи въ соборѣ св. Вита (2). Блиссемій каждое воскресенье и праздниѣ предъ обѣдомъ поучалъ эрцгерцога и дворъ. Кроме того онъ имѣлъ специальный курсъ проповѣдей для евреевъ: «всѣ евреи, жившіе тогда въ Прагѣ — говорить въ своихъ воспоминаніяхъ не-известный иезуитъ — обязаны были, по приказанію намѣстника, посѣщать одинъ разъ въ недѣлю нашу церковь; имъ говорилъ Блиссемій» (3). Содержаніе иезуитскихъ проповѣдей было многообразное: въ нихъ ораторы говорили и о вопросахъ общей нравственности, и объ обязанностяхъ христіанина, но главнѣйшее вниманіе ихъ, естественно, было обращено на объясненіе въ духѣ католическомъ спорныхъ вопросовъ религіи (*controversia religionis carita*).

Не могли они быть проповѣдниками христіанской нравственности, любви къ ближнему, имѣя свой особенный нравственный кодексъ, свои 10 заповѣдей (4): но тѣмъ не менѣе своею го-

---

(1) Подробности объ отправленіи иезуитовъ изъ Рима въ Прагу взяты изъ воспоминаній одного чешскаго иезуита конца XVI вѣка въ переводѣ Томка: «Z paměti kolleje Jezuitské u sv. Klimenta v Praze». «Časopis». 1844. 182 — 184. 189 — 192. Изъ этихъ воспоминаній видно, что прибывшихъ въ Прагу иезуитовъ было 12. Тутъ же списокъ ихъ, съ указаніемъ мѣстоприсхожденія и занятій каждаго. 193. 194.

(2) Procházka. «De saecularibus liberalium artium in Bohemia». 300. «Z paměti kolleje». «Časopis». 1844. 184. 194. О Блиссеміи чехи, играя словами, говорили: «hinc proci! esto Canis! pro nobis excubat Anser!» ib.

(3) «Časopis». 1844. 202. 404.

(4) Иезуитская мораль обстоятельно и остроумно разобрана въ указанномъ уже замѣчательномъ изслѣдованіи др. Франца Губера: «Jesuitenmoral aus den Quellen dargestellt». Знаменитое ученіе о монархоубіеніи принадлежитъ другу Игнатія и второму генералу, Suarez'у, но наиболѣе

рачей приверженностью интересамъ религіи они являлись истинными апостолами церкви, и живое слово ихъ возбуждало всеобщій энтузіазмъ. Но чтобы возвысить, поднять церковь изъ ея распущенности и невѣжества одного слова съ каеодры было мало: нужно было приняться за средство болѣе сильное, за средство, хотя медленно, но вѣрно ведущее къ цѣли — за школу.

Старого университета іезуиты не могли касаться, такъ какъ онъ лютеранствовалъ: когда Фердинандъ выразилъ желаніе, чтобы доступъ въ университетъ былъ открытъ и для католиковъ, профессора не согласились и отвергли даже предлагаемое правительствомъ пособіе за просимую уступку⁽¹⁾. Іезуиты поищились въ полуразвалившемся доминиканскомъ монастырѣ св. Климента, въ старомъ городѣ у карлова моста, и здѣсь открыли свои лекціи. Только чрезъ шесть лѣтъ, въ 1562 году, іезуитская школа получила официальное утвержденіе съ титуломъ «Collegium Clementinum». Тогда же Фердинандъ обязался выдавать новой коллегіи на содержаніе двѣ съ небольшимъ тысячи копѣ мишенскихъ грошей въ годъ. Чтобы сравняться вполне съ университетомъ, іезуитская академія приобрѣла право давать ученныя степени. Въ академіи существовали два факультета: богословскій и философскій, и этимъ она превосходила подобный университетъ, который имѣлъ всего одинъ философскій факультетъ, да и то еле-еле державшійся 8—10 профессорами. При очень скромномъ числѣ студентовъ — не болѣе пятидесяти⁽²⁾.

Насколько высоко стояла пражская коллегія въ разсчетахъ ордена, видно уже изъ того, что первыми профессорами ея были первые доктора, возведенные въ эту степень въ римской коллегіи: Блиссемій и Іоаннъ Tilanus, изъ которыхъ одинъ

развито у іезуита Маріана въ книгѣ: «De rege et regis institutione». Это ученіе, какъ известно, нашло скорое примѣненіе во Франціи въ концѣ XVI вѣка. Объ этомъ см. у Губера — 296. 297. 307. 310. и соответствующія примѣчанія, 277. 278; ср. Zierngiebl. «Studien». 37. и примѣч. 88. У Губера см. разборъ іезуитскихъ десяти заповѣдей.

(¹) V. Томек. «O počtu študentů university Pražské». «Čas». 1848. 125

(²) ib. 185.

читалъ богословіе, другой философію. Расчетъ ордена былъ вѣренъ: хотя въ началѣ число учениковъ было невелико — не свыше 50, но къ концу XVI столѣтія оно возросло до 700 и болѣе (1).

При своихъ пражскихъ школахъ іезуиты пиѣли уже рано, въ началѣ 60 годовъ, новиціатъ (2). Раньше новиціатъ, да и академія не могли вполне организоватьъ и потому, что пражскихъ іезуитовъ иногда тревожили въ провинціи (3).

Еще до приглашенія іезуитовъ въ Чехію, въ 1552 году, тотчасъ же по основаніи Collegium Germanicum, Лойола писалъ въ Вельнъ, Прагу и Вѣну, прося прислать способныхъ юношей въ Римъ для пошѣщенія въ только что основанную академію; но изъ Праги не было желанной присылки. Когда чрезъ три года Фердинандъ рѣшился ввести іезуитовъ въ Чехію, онъ поспѣшилъ исполнить просьбу Лойолы. Еще только шли переговоры, а императоръ уже писалъ сыну Фердинанду въ Прагу

---

(1) Въ увлеченіи іезуитами Прохаска говоритъ между прочимъ объ іезуитской коллегіи: «eratque tum tantus in adolescentulis graecae litterarum discendi ardor, ut brevi attice perinde ac latine loquerentur». «De saecularibus». 301. Онъ не принялъ во вниманіе, что далѣе евангеліи отъ Іоанна, при чемъ разбирались не болѣе двухъ главъ, знакомство учениковъ съ греческимъ языкомъ въ іезуитскихъ академіяхъ не простиралось. Тамово предписаніе знаменитаго «Ratio studiorum». Ziegler. «Studien». 134. 151. Въ точности число учениковъ въ пражской коллегіи въ первое время неизвѣстно. Іезуитъ, авторъ «Воспоминаній», говоритъ, что учениковъ особенно много было въ низшихъ классахъ, но самъ тутъ-же замѣчаетъ, что отдѣленія философіи и риторики были закрыты за неимѣніемъ учащихся. «Саворія». 1844. 195. По Томку, въ 1569 году было въ коллегіи 40 учениковъ. «Geschichte der Prager Universität». Prag. 1849. 168

(2) Bohuslav Valbini. «Bohemia docta», изд. Ungar'омъ. Pragae. Pars II. 1778. 403: «Pragae enim eo tempore (1564) novitiatum in Collegio habent nostri».

(3) Тамъ въ 1558 году императорскіе комиссары, посланные для знакомства съ положеніемъ религіозныхъ дѣлъ въ Силезію, просятъ Фердинанда для поправленія католической церкви прислать туда іезуитовъ изъ Вѣны и изъ Праги; черезъ нѣсколько недѣль король приказываетъ сыну — канцлеру отправить въ Гладъ троихъ изъ пражскихъ іезуитовъ. «Jedlani». II. 231. 287.

отъ 5 мая 1555 года: «съ посланникомъ папскаго святѣйшества мы уговорились, чтобы изъ нашей короны чешской, изъ Моравіи, изъ верхней и нижней Силезіи были отправлены въ Римъ по 12 мальчиковъ благочестивыхъ и честныхъ родителей (все равно, если они не изъ знати и не богаты), при чемъ эти мальчики должны быть старше 18 лѣтъ и имѣть хорошее начало *in studiis et politoribus litteris*». При этомъ императоръ совѣтуетъ сыну для избѣжанія ошибки обсудить это дѣло съ администраторомъ *sub impa* и другими католическими священниками, чтобы посылаемые мальчики были чисты отъ всякаго подозрительнаго и соблазнительнаго ученія или совѣты (1). 28 мая эрцгерцогъ отвѣчалъ, что онъ это дѣло приказалъ администратору *sub impa* и другимъ католическимъ священникамъ, и, какъ только мальчики будутъ представлены, онъ ихъ отправитъ въ Аугсбургъ (2). До какой степени императоръ былъ занятъ вербовкой мальчиковъ въ Римъ, видно изъ того, что тотчасъ же по полученіи отвѣта отъ сына, онъ успѣшилъ повторить ему свое приказаніе (3). Изъ посланныхъ въ Римъ 12 чешскихъ юношей многіе оказались дѣйствительно весьма полезными для ордена людьми (4); кромѣ двухъ, всѣ вступили въ орденъ (5).

Такимъ образомъ, іезуиты еще не успѣли осѣсться въ Прагѣ, а ихъ попеченіе о чешской церкви было уже очевидно: пока пражская коллегія приготовила бы и выпустила своихъ питомцевъ, опаснѣйшія мѣста Чехіи могли быть заняты воспитанниками изъ Рима (6).

По видимому, на первое время іезуиты занимались одною проповѣдью да школою, и ни во что другое не вмѣшивались.

(1) «... die nicht mit argwöhnischen, verführerischen Lehren oder Secten befleckt sein». «Jednanf. II. 212.

(2) *ib.* 213.

(3) *ib.* 214.

(4) Имена ихъ у Прохаски «*De saecularibus*». 302.

(5) «*Z paměti*». «*Časopis*». 1844. 188.

(6) Прохаска говоритъ: «*At ubi hi ex Italia venera, non modum Pragam amplexi, sed eunctam, etiam Bohemiam magno laborum suorum fractu peragrare coeperant*». «*De saecularibus*». 302. Ср. «*Časopis*». 1844. 188.

Но дружба съ администраторомъ *sub ipa*, который даже самъ читалъ лекціи въ коллегіи⁽¹⁾, близкія отношенія къ намѣстнику — эрцгерцогу и самому императору, все это заставляетъ предполагать, что іезуитскому вліянію обязаны выходомъ въ свѣтъ грозныхъ распоряженія противъ кикардовъ : мандатъ 1559 и патентъ 1560 годовъ⁽²⁾. Мало-по-малу скромные педагоги выползаютъ на публичную дѣятельность. Когда Фердинандъ незадолго до своей смерти затруднялся, какъ поступить съ упорницѣмъ братскимъ епископомъ, Августой, который уже болѣе десяти лѣтъ вмѣстѣ съ Билекомъ содержался въ тюрьмѣ, іезуиты предложили прислать обоихъ узниковъ къ нимъ въ академію, а они займутся ихъ обращеніемъ. Это чуть ли не первый примѣръ попытки обратить братскаго сектанта; но іезуиты оказались просты. Самъ ректоръ академіи, Генрихъ Блисемій, взялъ на себя дѣло обращенія. 51 день тянулось это комическое обращеніе; но Августа уже на третій вопросъ ректора отказался отвѣчать. Іезуиты удовольствовались сообщеніемъ объ этомъ необыкновенномъ упрямствѣ Августы правительству и посоветовали втораго узника, Билека, освободить⁽³⁾.

Фердинандъ вскорѣ умеръ. Если еще при жизни отца всѣмъ было извѣстно о сильной склонности къ протестанству Максимилиана, что онъ ждетъ только вступленія на престолъ, чтобы прямо объявить себя лютераниномъ, то понятно, какъ сильно должны были встрепенуться пражскіе іезуиты, когда наконецъ заблудшійся сынъ вступилъ на престолъ. При погребеніи въ Прагѣ стараго императора они не упустили случая высказать все свое глубокое соболѣзнованіе о потерѣ, постигшей ихъ: стѣны академіи были обиты трауромъ, гробъ былъ внесенъ въ академическую церковь, и отсюда уже печальный кортежъ двинулся на Градчаны. Это прощаніе съ усопшимъ императоромъ было вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаніемъ сыну⁽⁴⁾.

(1) Prochazka. «De saecularibus». 301.

(2) «Jednání». II. 288. 294.

(3) J. Blahoslav. «Život J. Augusty». 77—95. Это было въ 1561 году. Ср. Gindely. I. 443.

(4) Объ этомъ погребеніи см. «Z paměti». «Čas». 1844. 560.

Но потеря старого короля, столь много печаловавшагося съ іезуитами «о поддержаніи старой, истинной католической религіи», вознаграждалась расширеніемъ вліянія черныхъ педагоговъ за стѣнами дворца. Еще при жизни своей Фердинандъ успѣлъ замѣтить пражскую касседу. Понятно, въ новомъ архіепископѣ они нашли только поддержку. Въ то же самое время (1565) молодой и энергическій епископъ оломуцкій, Прушиновскій, вводитъ ихъ въ Моравію, и они становятся здѣсь тѣмъ же, чѣмъ были въ Прагѣ: основываютъ коллегіи въ Оломуцѣ и Бернѣ и руководятъ епископомъ, который весь отдался имъ⁽¹⁾.

Примѣру высшаго духовенства слѣдуетъ католическая часть шляхты, вниманіе которой пражскіе іезуиты приобрѣли сначала проповѣдью, потомъ школой. Уже въ годъ основанія коллеги, при ней былъ открытъ аристократическій конвиктъ «contubernium nobilium» для дѣтей пановъ и рыцарей, а черезъ два года семинарія для бѣдняковъ «domus pauperum», вскорѣ потомъ закрытая на время. Благородный пансіонъ привлекалъ къ себѣ аристократію своимъ порядкомъ, удобствами жизни. Старая школа носила средневѣковой характеръ; іезуитскій конвиктъ приближается къ закрытымъ заведеніямъ нашего времени. При всѣхъ своихъ внутреннихъ недостаткахъ іезуитская педагогія сдѣлала тотъ шагъ впередъ, что обращала серьезное вниманіе на матеріальную обстановку школы: хорошая пища, одежда, удобное помѣщеніе, прогулки, дачная жизнь лѣтомъ — все это было предметомъ вниманія іезуитовъ. Весьма естественно, если бле-

---

(1) Кратко, но ясно выражаётся объ этомъ Прохаска: «Quod in Bohemia Ferdinandus, id non ita multo post in Moravia Guilielmus Prussinovsky, Olomucensis antistes, praestitit.» «De saecularibus». 303. Надо имѣть еще въ виду, что въ это же самое время іезуитскій орденъ одерживаетъ блестящую побѣду на тридентскомъ соборѣ, гдѣ Suarez съ товарищи успѣваетъ отклонить всѣ реформаторскія желанія собравшихся отцовъ и отстоять statu quo католической церкви, не смотря на то, что даже такой вѣрный католикъ, какъ старый Фердинандъ, потребовалъ отъ собора уничтоженія безбрачія духовенства и приобщенія мирянъ подъ обоими видами — т. е. внесъ лютеранское и утравинское требованіе.

стѣнія внѣшнія условія іезуитской школы дѣйствовали выгодно на общество, и число учениковъ въ пражскихъ пансіонахъ годъ отъ году росло: въ 1560 году въ обоихъ конвиктахъ считалось 18 учениковъ, въ 1568 — 30, а въ 1576 — 70 въ одномъ аристократическомъ конвиктѣ. Чтобы еще болѣе привлечь къ себѣ чешское дворянство іезуиты выхлопотали у папы Григорія XIII для благороднаго пансіона 12 стипендій, которыя имѣли быть предоставляемы дѣтямъ обѣдѣвшихъ дворянъ; право назначенія стипендій папа передалъ двумъ богатѣйшимъ панамъ — Розенберку и Пернштейну (1).

Такимъ образомъ, въ семидесятымъ годамъ XVI столѣтія католическая церковь въ Чехіи переходитъ въ руки іезуитовъ и поднятая ими, она не стѣснилась сказать «нѣтъ» на всѣ справедливыя исканія некаатолической земли и выступить смѣло противъ согласной воли короля и его народа на сеймѣ 1575 г.

Чрезъ годъ послѣ сейма 1575 года умеръ Максимилианъ, земскій миритель. Умирая, онъ оставлялъ своему сыну въ наслѣдство землю, разбитую на двѣ ненавидящія другъ друга стороны, готовныя на все, только не на взаимныя уступки. Еще не былъ извѣстенъ отвѣтъ Максимилиана на конфессію, но ходила молва, что въ оппозиціи говаривали: «ну, негодяи — іезуиты, будемъ мы васъ гнать изъ Чехіи, какъ собакъ, и купаться въ вашей крови!» (2).

Столкновеніе противниковъ становилось неизбежнымъ, коль скоро власть фактически станетъ на сторону одного и пойдетъ противъ другаго.

Это и случилось при Рудольфѣ.

Неутвержденіе конфессіи 1575 года, новый мандатъ противъ некатоликовъ, смерть «одареннаго знаніемъ правды божьей» (3) Максимилиана, вступленіе слабого Рудольфа — все это

---

(1) Подробнѣе объ пражскихъ пансіонахъ см. Томекъ. «Geschichte der Prager Universität». 165—168. Объ іезуитской школѣ Zierngiebl. «Studien». 168. Prochaska. «De saecularibus». 302. 303. 343.

(2) Gindely. II. 174.

(3) Выраженіе братьевъ. Коменскій. «Historia». XXXIX. 100.

утверждало церковную анархію въ землѣ. Новый король не забылъ еще обѣщаній, данныхъ подобоямъ въ присутствіи отца — не тѣснить несогласныхъ съ католической церковью и не тѣснить никого; но не католиковъ тѣснили, помимо его, гдѣ только было можно. Съ другой стороны и подобои не сидѣли молча, гнали католиковъ на своихъ земляхъ и не переставали искать у правительства утвержденія конфессіи (1).

Въ 1579 году собрался первый сеймъ. Чины-подобои потребовали у Рудольфа возвращенія нижней консисторіи. Но только что узнали объ этомъ домогательствѣ администраторъ и одряхлѣвшіе члены консисторіи, они обратились къ королю съ отчаяннымъ письмомъ — не выдавать ихъ. «Именемъ Господа Бога мы всепокорнѣйше просимъ ваше величество не допускать ничего новаго въ вѣрѣ. Бога ради, не передавайте консисторіи тѣмъ волкамъ» (2). Рудольфъ дряхлую консисторію старыхъ утраквистовъ обновилъ свѣжими силами и этимъ отвѣчалъ на домогательства подобоевъ.

Церковная неурядица продолжалась въ землѣ. Если слабому королю были малодоступны интересы земли, то католическія лица, руководившія правленіемъ, не могли быть равнодушны къ нимъ: продолжительная церковная неурядица легко влекла за собой земскую анархію. Во главѣ правительства находились: Вильгельмъ Розенберкъ, высшій бургграфъ, и Пернштейнъ, высшій канцлеръ, — оба строгіе католики. Предъ ними и ихъ друзьями, католиками, стоялъ многочисленный врагъ — подобои, но онъ представлялъ два отдѣльные лагеря — лютеранъ и братьевъ, которые не вполнѣ сочувствовали другъ другу и соединялись

---

(1) Максимилианъ разрѣшилъ, какъ извѣстно, сословіямъ избрать деесноровъ, но конфессію не утвердилъ. Избраны были: Богуславъ Лобковицъ, Михаилъ Шпеловскій, Генрихъ Вальдштейнъ, Вацлавъ Врезовецъ и др. Но деесноры тотчасъ же отказались отъ своей должности, когда былъ изданъ мандатъ въ 1575 году. Прося объ отставкѣ, они говорили, что имъ «невозможно далѣе нести этого тяжелаго бремени». «Apologie druhá». прилож. № 129. 420—421.

(2) Gindely. II. 490. прим. 51; 278.

лишь въ минуту опасности. Нельзя-ли воспользоваться этой рознью противниковъ, сдѣлать уступки и соединиться съ однимъ, менѣе опаснымъ, и уничтожить уже общими силами другаго? Вотъ мысль, которую рѣшился осуществить бургграфъ.

Въ концѣ 1583 года собрался сеймъ. По обычаю, подобныя сословія заговорили о передачѣ консисторіи. Имъ отвѣчали стороной, что консисторію они могутъ получить, но подъ однимъ условіемъ, если лютеране выключатъ изъ консисторіи братьевъ: она должна состоять изъ лютеранъ и католиковъ — иезуитовъ. Не смотря на то, что было сейчасъ же видно, что подобно — лютеране не пойдутъ на подобную сдѣлку, Розенберкъ не оставилъ своей мысли. Съ цѣлымъ сеймомъ переговариваться трудно, но удобнѣе вести дѣло въ особомъ комитетѣ, и потому, по представленію бургграфа, Рудольфъ приказалъ сейму избрать по четыре депутата отъ каждаго сословія, которыя по окончаніи сейма могли бы заняться религіознымъ вопросамъ. Сеймъ выбралъ 12 человекъ, въ томъ числѣ двухъ изъ общины; императоръ съ своей стороны назначилъ 12 католиковъ, и этотъ религіозный комитетъ, по окончаніи сейма, началъ свои совѣщанія. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстенъ результатъ этихъ совѣщаній. Говорили, что комитетъ порѣшилъ на томъ, что нижняя консисторія должна состоять изъ четырехъ католиковъ, четырехъ лютеранъ и четырехъ братьевъ. Невыключеніе братьевъ противорѣчило цѣлямъ Розенберка, и уже по этому одному рѣшенію комитета необходимо должно было остаться безъ послѣдствій.

Но бургграфъ не остановился на первой не удавшейся попыткѣ.

Въ сеймѣ іюня года былъ созванъ новый сеймъ, и опять былъ поднятъ вопросъ о консисторіи. Бургграфъ снова предложилъ императору передать разсмотрѣніе этого вопроса въ сеймовый комитетъ. Сеймъ выбралъ 12 представителей, по 4 отъ сословія, въ томъ числѣ двухъ изъ общины: рыцаря Камейскаго и Винклера, примаса Малой Страны. Комитетъ получилъ порученіе отъ Рудольфа опредѣлить, кому по праву принадлежитъ консисторія — ему или сословіямъ. На этотъ разъ въ комитетѣ

не было представителей от власти, т. е. от католиков: бургграф и некоторые католические паны принимали участие въ совѣщаніяхъ комитета, какъ частные люди. Какъ и слѣдовало ожидать, подобойскій комитетъ пришелъ къ заключенію, что право замѣщенія консисторіи принадлежитъ не королю, а сословіямъ. Свое заключеніе комитетъ передалъ бургграфу для представленія Рудольфу. Розенбергъ отвѣчалъ комитету, что онъ соглашается съ доводами и заключеніемъ комитета, готовъ въ этомъ смыслѣ говорить и предъ императоромъ, но за свое содѣйствіе онъ требовалъ отъ комитета одной уступки: лютеране должны отказаться отъ поддержки общины. «Мы всѣ, какъ одинъ человекъ, примемъ за искореніе сектъ и главнымъ образомъ за истребленіе негодяевъ — пикардовъ, число которыхъ постоянно возрастаетъ. Неповиновеніе властямъ есть нарушеніе заповѣди господней. Сколько ни угрожали имъ мандатами, — ничего не помогаетъ: они дерзко размножаются повсюду и даже въ самой Прагѣ. Мы знаемъ хорошо, что вы въ этомъ не виноваты и потому мы ничего не имѣемъ противъ васъ. Но на тѣхъ мерзавцовъ, которые выдаютъ себя у нихъ за священниковъ, нельзя долѣе глядѣть равнодушно. Кто больше ихъ вноситъ смуты въ имперію? кто причина всѣхъ раздоровъ? Если вы согласитесь съ нами, мы охотно будемъ говорить въ вашу пользу предъ императоромъ». Въ заключеніе своей рѣчи Розенбергъ просилъ комитетъ сообщить ему — какое управленіе имѣетъ быть введено въ консисторію, и кѣмъ она замѣстится.

Для лютеранскихъ членовъ комитета предложеніе бургграфа было въ высшей степени соблазнительно: своя консисторія, но пожертвованіе союзникомъ — общиной. Комитетъ удалился для совѣщанія. Мы знаемъ, что въ числѣ членовъ комитета были два брата: очевидно, они должны были употребить всю силу убѣжденія, чтобы отклонить своихъ товарищей отъ предложенія бургграфа. Но, помимо ихъ, въ эту рѣшительную минуту на сторонѣ общины сталъ человекъ, принимавшій самое живое участіе въ работахъ комитета — земскій писарь Шпановскій. Онъ не долюбивалъ братьевъ, и, какъ дѣятель сейма 1575 года, хорошо помнилъ несговорчивость общины во время составленія

чешской конфессіи: тѣмъ не менѣе онъ не рѣшился пойти на соблазнительную сдѣлку съ католиками. Нѣтъ сомнѣній, Шпановскій не вполне довѣрялъ искренности, чистотѣ побужденій бургграфа, предусматривалъ въ предложеніи заднюю мысль⁽¹⁾ и уговорилъ комитетъ отвѣчать отрицательно. «Мы полагаемъ — сказалъ онъ Розенберку, что поводомъ къ распространенію всѣхъ этихъ сетей служило то обстоятельство, что императоръ все присвоиваетъ себѣ консисторію, отнялъ ее отъ вліянія сословій и защищаетъ такими лицами, которымъ не каждый охотно можетъ повиноваться. Каждый обязанъ защищать свою религію, по мѣрѣ силъ своихъ, и въ этомъ нельзя видѣть ничего дурнаго. Остался консисторія во власти сословій, быть можетъ ничего не было; возвратись она въ наши руки, возможно, что закончились бы всѣ несогласія. На вашъ вопросъ — какъ мы полагаемъ устроить консисторію, отвѣчаемъ, что не иначе, какъ на основаніи конфессіи 1575 года».

Отвѣтъ этотъ крайне не понравился Розенберку, и онъ прервалъ разговоръ.

На слѣдующій день члены комитета были на аудіенціи у Рудольфа. Шпановскій отъ имени товарищей благодарилъ императора за оказанное довѣріе. «Нашу обязанность — сказалъ онъ — мы исполнили съ возможнымъ раченіемъ. Нѣкоторые доказательства были уже вручены однажды канцлеру и немаловажные⁽²⁾. Мы просили тогда ваше величество изслѣдовать эти документы, и насъ не мало удивляетъ, что мы даже не могли получить ихъ обратно. Теперь мы обследовали все, что относилось къ нашему порученію, и все, даже по мнѣнію католиковъ, говорить въ нашу пользу; мы передаемъ вамъ наши работы и просимъ о милостивомъ отвѣтѣ. При этомъ мы желаемъ одного — умноженія чести божіей и истребленія всѣхъ ненавистныхъ и

---

(1) Нѣсколько странно, что Гиндели серьезно полагаетъ, что пріятіе лютеранами предложенія Розенберка могло бы предупредить событія 1609 и несчастную революцію 1618 годовъ. «Geschichte». II. 283.

(2) Очевидно, невѣстными намъ заключенія прошлогодняго комитета.

умножающихся все болѣе и болѣе въ Прагѣ и ея окрестностяхъ сектъ».

Послѣдняя прибавка была перифразой словъ Розенберка: она метила въ общину. Ораторъ рассчитывалъ, что эта пріятная для католика фраза сможетъ обезпечить подобоямъ исполненіе ихъ просьбы, не смотря на вчерашній отвѣтъ бурграфу, но ошибся. Черезъ два дня Рудольфъ отвѣчалъ членамъ комитета, что онъ не можетъ передать консисторіи сословіямъ-подобоямъ, такъ какъ они, всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, склонны къ новинкамъ, а потому онъ не видитъ, какимъ бы образомъ консисторія могла замѣщаться, даже помимо того, что онъ долженъ бы былъ отказаться отъ своего наследственнаго права.

Это была послѣдняя попытка Розенберка и его друзей путемъ разрозненія противниковъ уничтожить одного при помощи другого, и такимъ образомъ водворить земскій миръ. Попытка не удалась, а черезъ мѣсяць, 31 іюня, былъ изданъ старымъ владиславовъ мандатъ противъ некаатоликовъ въ королевскихъ городахъ и на свободныхъ земляхъ дворянъ (1).

Новымъ изданіемъ еще свѣжаго въ памяти мандата католики показали, что политика уступокъ оставлена, что они положили дѣйствовать рѣшительно. Это измѣненіе политики состояло въ тѣсной связи съ одолѣвшимъ въ послѣднее время и правительствомъ, и землю вліяніемъ іезуитовъ.

Сословіе пановъ было первою политическою силою въ землѣ въ его рукахъ была власть; среди его еще крѣпко держалась старая религія: мы видѣли, что подъ братской конфессіей 1577 года подписался 141 рыцарь и только 16 пановъ (2); наконецъ паны были самые богатые земельные собственники, на помѣстьяхъ которыхъ жила спокойно даже сектанты-братья. Все это весьма естественно заставляло іезуитовъ остановиться прежде всего своимъ вниманіемъ на панахъ. Мы видѣли первыя заботы іезуитовъ объ аристократическомъ пансіонѣ; мы видѣли, что

(1) О сеймѣ 1583 и 1584 годовъ по Гиндели. II. 280—287.

(2) 17-й панъ былъ Жеротинъ изъ Моравіи.

уже очень рано они приобретают друзей среди советниковъ короля, а чрезъ нихъ вліяютъ на дѣла: неутвержденіе конфессіи, нандатъ 1575 года были работой ихъ рукъ. Но если при Максимилианѣ стремленія іезуитовъ сталкивались съ гуманными воззрѣніями короля, то дѣла приняли иной оборотъ, когда вступилъ беззаботный Рудольфъ.

Могущественнѣйшіе паны становятся послушными слугами іезуитовъ.

Канцлеръ Пернштейнъ былъ сынъ братскаго отца, поворотеля общины. Получивъ отъ отца громадныя земли, онъ въ то же самое время унаслѣдовалъ многочисленныя поселенія братьевъ: болѣе одной трети чешскихъ членовъ общины жило на земляхъ Пернштейна. Оставивъ братское ученіе, сынъ въ первое время былъ вѣрнѣе памяти своего отца и не тѣснилъ братьевъ; но вотъ онъ женится на испанкѣ; при помощи жены съ нимъ сходятся іезуиты и открываютъ жестокія гоненія противъ общины на земляхъ канцлера. Богатѣйшимъ помѣстьемъ Пернштейна былъ городъ Литомышль, заселенный главнымъ образомъ братьями; сюда были отправлены два іезуита-чеха: Штурмъ и Гостовъ на миссіонерство⁽¹⁾. Штурмъ былъ знатокъ братскаго ученія; онъ прочелъ всѣ сочиненія общины и зналъ хорошо ея слабую сторону — невѣрность старому ученію⁽²⁾. Прибывши въ Литомышль, миссіонеры начали съ проповѣди, съ разбора братскаго ученія; проповѣдь дала имъ нѣсколькихъ учениковъ; но существеннѣйшій результатъ принесли для миссіи тѣ мѣры, которыя присовѣтовали посланные противъ общины. Пернштейнъ закрылъ всѣ сборныя дома братьевъ, какъ въ Литомышлѣ, такъ и на остальныхъ своихъ помѣстьяхъ, воспретилъ всякія сходы

---

(1) Въ разсматриваемое время іезуитовъ въ Прагѣ было около 40 человекъ, и они свободно разсылали миссіонерскія команды — въ два, три человека, по цѣлой Чехіи, начавши съ ближайшихъ къ столицѣ селъ, гдѣ они встрѣчали «сироговъ» и гдѣ ихъ обывали іудами. Въ городахъ ихъ принимали ласковѣе. «Z paměti». «Časopis». 1814. 198.

(2) Штурмъ былъ одинъ изъ тѣхъ 12 юношей, которые были отправлены Фердинандомъ въ Римъ въ коллегію.

и выгналъ учителей. «Намъ, служителямъ — говорить одинъ братъ — не дозволяютъ отправлять службъ, но гонять напередъ къ іезуитамъ и по совѣту послѣднихъ вытолкали священниковъ изъ общинъ. Въ Ланскронѣ, съ дикимъ врикомъ, гамомъ, ревомъ, визгомъ, такъ что едва слово можно было слышать, разрушили до основанія сборный домъ — только подвалъ остался, и много всякаго вреда надѣлали. Въ Устьѣ домъ пощадили, но приказали всѣмъ выселиться; съ трудомъ братья упростили оставить ихъ хоть на три недѣли, чтобы могли они снять жатву и кое-что взять съ собой. Такъ съ этого времени мы страдаемъ» (1).

Это было въ 1582 году.

На помѣстьяхъ Пернштейна въ Моравіи шли тѣже гоненія братьевъ. Епископъ оломуцкій Павловскій съ іезуитами особенно ревностно преслѣдовалъ общину. Одинъ изъ моравскихъ пановъ, пригрозилъ ему: «совѣтую не присылать на мои земли за священниками; кто бы ни пришелъ, даже самъ іезуитъ, я приказалъ крестьянамъ вѣшать того на первомъ деревѣ» (2).

Другимъ вѣрнымъ другомъ іезуитовъ въ разсматриваемое время былъ высшій бургграфъ Розенбергъ. Подобно Пернштейну, онъ вначалѣ былъ терпимъ къ общинѣ и на своихъ обширныхъ помѣстьяхъ не тѣсилъ братьевъ. Но уже при Максимилианѣ Розенбергѣ сближается съ іезуитами и на сеймѣ 1575 года сильно дѣйствуетъ противъ конфессіи; со вступленія Рудольфа онъ всецѣло отдается ордену. Въ Крумловѣ основывается богатая іезуитская коллегія; на другихъ помѣстьяхъ преслѣдуются братья, а когда вышелъ мандатъ 1584 года, гоненія общины главнымъ образомъ сосредоточиваются на земляхъ бургграфа (3).

Нейгаузы, Лобковицы, Мартиницы — все это ближніе люди Рудольфа и сильные паны, и все это теперь покровители іезуитовъ

(1) Gindely. II. 488. пр. 41.

(2) ib. 489. пр. 47. О неутомимой дѣятельности Павловскаго см. Р е в с ч е к. «Geschichte der Gegenreformation». I. 115.

(3) Сближенію Розенберга съ іезуитами способствуютъ также женщины: бургграфъ былъ четыре разъ женатъ, и первые три брака его были съ иностранками — католичками.

Съ помощью пановъ іезуиты переносятъ свое могущественное вліяніе на землю. На панскія деньги орденъ открываетъ мелкія школы по городамъ, куда посылались воспитанники академіи пражской и крумловской. Ученые въ іезуитскихъ школахъ было бесплатное, и потому онѣ легко привлекали къ себѣ бѣдное населеніе. Но, помимо того, помѣщики иногда силой отбиралъ дѣтей у крестьянъ-подобовъ и отдавалъ іезуитамъ на выучку (¹). При содѣйствіи пановъ и церкви іезуиты стараются закрывать по возможности подобойскія школы или захватывать ихъ въ свои руки. Епископъ Павловскій съ іезуитами пытался было закрыть братскую академію въ Еванчицахъ (Eibenschütz), гдѣ моравская знать изъ общины получала свое образованіе, но сословія отстояли. На земляхъ Чернштейна, Розенберка учителя были изгнаны. Такъ какъ всѣ городскія школы находились въ вѣдѣніи ректора университета, то паны-католики дѣлали вельчскія помѣхи ректору при назначеніи учителей въ свои города и передавали школы іезуитамъ. Также поступали и богатые монастыри и спорили съ ректоромъ о правѣ опредѣленія мистровъ на своихъ помѣстьяхъ (²). Правительство поддерживало домогательства іезуитовъ, тѣмъ болѣе, что отъ утраквистской консисторіи шли жалобы на ректора, что изъ его школъ распространяется ересь: «въ школахъ — пишетъ консисторія императору — страшно усиливаются заблужденія, юношество учатъ еретичеству, а панъ ректоръ, вмѣсто того чтобы все это остановить, такъ какъ на это жалуются приходскіе паны, ничего не говоритъ (³).

¹) «Apologie drahá». 21. говоритъ о подобныхъ дѣйствіяхъ господъ пещъ маестата; но, очевидно, они имѣли мѣсто и раньше. О школахъ въ Чехии въ концѣ XVI вѣка см. P r o s e h a s k a. «De saecularibus...» 337. ...Scholastici — говоритъ Прохаска — ...expetitis praemiis atque ornamentis affecti, ab rectore Academiae in universam Bohemiam et Moraviam dimittabantur, et cujusque civitatis sobolem quum litterarum, tum religionis elementis, in celebrioribus vero gymnasiis humanioribus etiam disciplinis erudiebant. ib. 340. Также — T o m e k. «Geschichte der Prag. Univers...» 186—189.

(²) См. T o m e k. «Paměti o školach českých». «Časopis». 1815. 619.

(³) G i n d e l y. II. 491. прим. '55. Въ городскихъ школахъ и законъ божій преподавали университетскіе учителя. См. только что цитованную статью о школахъ пр. Томка.

Наконецъ иезуиты помимо сейма ввели въ страну капуциновъ и другихъ монаховъ, и все это работало на возвращеніе земли въ лоно старой церкви. (1).

Планъ дѣйствій, которому иезуиты дали имя «спасительной реформаци», былъ уже готовъ: церковь, правительство, могущественнѣйшіе земскіе люди, школа были въ ихъ рукахъ, и они рѣшили путемъ стараго насилія обратитъ землю.

Началомъ спасительной реформаци былъ мандатъ 1584 года.

Когда въ слѣдующемъ году собрался новый сеймъ, правительство уже не искало примиренія съ подобоями-лютеранами.

Король предложилъ сейму рассмотреть вопросъ о податяхъ. Паны согласились на подати, но рыцари объявили, что они не дадутъ согласія, если король не исполнитъ ихъ требованій о вѣрѣ. Правительство въ отвѣтъ на это заявленіе не заводило рѣчи о религіи и длило сеймъ, пока не вынудило рыцарей согласія на подати.

Такимъ образомъ, иезуиты вручили правительству свою спасительную реформацию и повели землю къ тому, что уже на послѣднемъ сеймѣ рыцари изъ общины назвали словомъ — «гражданская война» (2).

(1) На сеймѣ 1609 подобои выговаривали панамъ-католикамъ, что oni vyzdvihli kolleji jezuitickou bez dotázky jich milosti, uvedli kapuciny a jiné mnichy do země bez rady jich и однако подобои не вышивались въ это. *Slava ta I. 292.* Особенно полезны иезуитамъ были капуцины. Въ послѣдней проповѣди минорита Яна Кноблоха: «Stoletá památka pomoci užitečné pomocníků věrných kapucínů, kterak někdy okolo 1630 ku pomoci kankole kasířského... k vykořelení povolani byli» (Прага 1733), въ которой выхваляется Фердинандъ II и его помощники, между прочимъ капуцины, что уничтожили въ землѣ сѣмя, посвященное Гусомъ и его пріятелями, очевидно, ошибка въ указаніи года.

(2) «Мы опасаемся — говорилъ рыцарь Маловець, изъ общины, что какъ скоро послѣдуетъ согласіе на подати, релігиозныя затрудненія еще болѣе возрастуть, и со стороны католиковъ, особенно отъ иезуитовъ, мы будемъ встрѣчать постоянно новыя и новыя препятствія. Не смотря на прещеніе сейма, противъ насъ проповѣдываютъ въ церкви на улицахъ, противъ насъ пишутъ. Должно опасаться, что король хоть на минуту оставитъ землю, дѣло дойдетъ до гражданской войны. Но теперь есть еще пока время затушить»
II. 291.

Между тѣмъ какъ іезуиты начинали дѣло католической антиреформаціи, братья переживали минуты, свойственныя каждому гонимому обществу, оправляющемуся отъ испытаній минувшихъ дней: въ общинѣ забывался старшій, строгій пуританецъ, въ нее постепенно вкрадывалась та язва, которая, по убѣжденію чешскаго іереміа, погубила чеховъ—распущенность (1).

Эта распущенность сказалась въ людяхъ, руководившихъ общиной; масса же была, какъ и встарь, воздержана и трудолюбива (2).

Мы видѣли, какое громадное значеніе имѣлъ узкій советъ въ общинѣ; но къ концу XVI столѣтія авторитетъ его значительно слабѣетъ. На синодѣ 1591 года въ Лишнихъ члены совета обсуждали поступки брата Луки Гелича, одного изъ дѣятельнѣйшихъ переводчиковъ кралицкой библии (3). Отпущенъ былъ въ Познань для навѣщенія матери и общалъ воротиться

---

(1) «Prostorašnost českým zhabau byla, řekl onen maudrý král půlnoční, vši rozpuštělosti odporň». Предсмертное завѣщаніе А. Коменскаго: «Poslední Jana Amosa Komenského vůle aneb křašt», второе приложение къ чешскому переводу Ласытскаго исторія чешскихъ братьевъ, сдѣланному знаменитымъ педагогомъ: «Hystorie o původu a činech bratří českých kniha osmá». V Hálí. 1765. 38. Известная книга Коменскаго: «Labirint světa» есть въ значительной степени изображение жизни братской общины въ послѣдніе годы: «uení básen, čtenaři, говорить самъ авторъ въ предисловіи, což čísti budeš, ačkoli básně podobu má: než jsou všeu pravé, jimž vyrozuměje, sám poznáš, zvláště kdoby mého života a příběhu něco povědom byl. Práto že vem tu na větším díle své vlastní příhody, s nimiž jaem se v nemnohých těch letech života svého již potkal, některé pak při jiných spatřil, aneb o nich sobě návěští dané měl, vymaloval». Berlin. 1757. 7. Книга написана въ 1623 году. Отъ той же язвы Коменскій предрекаетъ гибель и Польшѣ: «то же скоро скажутъ и о тебѣ, земля польская, если во время ты не образумишься и не обратишься къ умѣренности и воздержанію, полюбивъ это — единое же на потребу». «Posl. vůle». 38. Экземпляръ исторіи Ласытскаго, находящійся въ библиотекѣ Императорскаго Новороссійскаго университета и бывший въ пользованіи у насъ, имѣетъ слѣдующую любопытную записъ на переплетномъ листкѣ: «staršimu v cirkví Páně bratru Janovi Zygmundovi tuto svazanau knížku užitečnau darem dává cyrkev Páně česká bratrská berlinská léta Páně 1766. k novému létu.

(2) См. сочувственный отзывъ о порядкѣ и трудолюбіи братьевъ въ Младоболеславъ іезуита Александра, отъ 1588 года. Gindely. II. 492. пр. 96.

(3) Лука былъ изъ евреевъ познанскихъ и знатокъ древнееврейскаго языка; оттого имъ весьма дорожили въ общинѣ.

въ шесть недѣль. Но обѣщаніе не исполнилъ: вмѣсто того чтобы итти прямо въ Познань, отправился въ Краковъ, оттуда въ Варшаву, Гданскъ, Торунь и тогда только въ Познань, гдѣ грызся съ лютеранами, воевалъ словомъ и на письмѣ, не повиновался священнику мѣстной церкви и польскому епископу, осмѣивалъ ихъ, поносилъ ихъ и былъ виновникомъ разныхъ иныхъ безобразій. Не давъ знать никому, отправился оттуда въ Виттенбергъ, у пастора и у иныхъ вмѣшивался въ наши дѣла, подговаривалъ юношей нашихъ итти туда въ услуженіе, отпечаталъ проповѣди свои, не мало денегъ истратилъ понапрасну, своею безалаберностью былъ не въ моготу хозяину, котораго часто ругалъ. Опредѣлили: преслѣдовать Луку за всѣ эти проступки, приказать извиниться предъ тѣми, кого онъ оскорбилъ изъ нашихъ, воспретить ему писать безъ согласія старшихъ; въ проповѣдяхъ и въ иныхъ дѣлахъ руководителю ему желаніемъ того, у кого онъ живетъ, а на свой рискъ не дѣлать ничего, но знать свою службу. Если бы онъ не пожелалъ такъ поступать, то объяснить ему, что его уже болѣе не будутъ щадить и, какъ своевольнаго, извергнуть изъ числа служителей⁽¹⁾. Впрочемъ Геличъ былъ обыкновенный служитель церкви, къ тому же знавшій, что община имъ дорожить; но дѣло иного рода, когда сами члены узкаго совѣта позволяли себѣ своеволие, неповиновеніе высшей власти общины. Тотъ же лиципциѣй синодъ обсуждалъ дѣйствія Стрейца, члена совѣта, участника еще сейма 1575 года. Стрейцъ обвинялся въ томъ, что своевольно женился, не спросясь совѣта тамъ, гдѣ надлежало, посвѣтски — на особъ иного образа мыслей; что много разъ поступалъ противъ и безъ совѣта; въ ученіи и обрядахъ общины не согласовался съ другими; на тѣхъ, которыхъ подозревалъ, что они доносятъ старѣйшимъ о его поступкахъ, зло-

---

(1) «Dekrety». 246. Синодъ 1592 года занимался вопросомъ объ уплатѣ долговъ Гелича. ib. 253; перевелъ безпокойнаго брата изъ Познани на Мораву, такъ какъ поведеніе его тамъ было весьма зазорно. ib. 259. Синодъ 1594 года снова разбиралъ дѣло о Геличѣ: «братья поляки» привели его на Мораву и просили, чтобы его приняли здѣсь, но имъ было отказано, такъ какъ его уже два раза принимали. ib. 264. Синодъ 1598 года также разсуждалъ о Геличѣ. ib. 267. 268.

бился, поносилъ и явно мстилъ; угрозой заставилъ одного чело-
вѣка продать себѣ домъ; при допросахъ отпирался, бранился,
называя все клеветой, ложью, «такъ что больно было видѣть
его безстыдство». Синодъ опредѣлилъ сдѣлать ему предосте-
реженіе, что въ случаѣ повторенія подобныхъ со стороны его
дѣйствій онъ будетъ устраненъ изъ совѣта (1). На синодѣ въ
1598 году старѣйшіе слушали прошенія трехъ членовъ совѣта:
Попела, Албина и Алфея о дозволеніи вступить въ бракъ.
«Всѣ отцы — сказано въ протоколѣ — сдѣлали имъ напоминаніе,
чтобы они серьезно поразмыслили, что хотять дѣлать, такъ какъ
одному свыше пятидесяти лѣтъ, и другіе немногимъ моложе: лучше
бы они цѣнили даръ божій — свободу состоянія, да думали о церк-
вахъ братьевъ. Но они не унимались и стояли на своемъ» (2).

Въ слѣдъ за ослабленіемъ дисциплины на верху въ жизни
братскаго духовенства исчезаетъ старая воздержанность. Синодъ
1592 долго занимался разбирательствомъ дѣлъ о священникахъ
пьяницахъ и развратникахъ. Петръ Бурьянекъ былъ призванъ
въ допросу — какъ онъ исправляется послѣ неоднократнаго на-
казанія, и особенно въ пьянствѣ. Отвѣчалъ, что, какъ ему ка-
жется, онъ не мало исправляется, о какомъ-то особенномъ пьян-
ствѣ ничего не знаетъ, но не отказывается, чтобы когда нибудь
не подпилъ. Предъявлено было ему нѣсколько уликъ въ дока-
зательство противнаго, но онъ отпирался. Тогда братья объя-
вили Петру, что они не даютъ вѣры его словамъ, такъ какъ
онъ уже много разъ надувалъ, но тѣмъ не менѣе на время еще
его потерпятъ. Другой священникъ, Крижекъ, обвинялся также
въ пьянствѣ да въ добавокъ — въ крайней неуживчивости:
«вдучи изъ Жеравиць, онъ останавливался въ каждомъ селѣ и
корчмѣ, пилъ и напивался». Обвиняемый просилъ о прощеніи, и ему
простили. Было еще нѣсколько обвиненій въ томъ же родѣ (3).

Видѣтъ съ разгульной жизнью священники позволяли себѣ
и иного рода излишества. О братскихъ священникахъ начи-

(1) ib. 247. 248.

(2) ib. 271.

(3) ib. 253. 254. 257. На синодѣ 1594 года тѣже дѣла о пьянствѣ. ib. .
263. 264.

якоутъ говорить то же, что нѣвогда при Благославѣ община говорила о духовенствѣ католическомъ, что они негодны да развратники (1). Какъ ни оскорбительны были для представителей общины подобныя отзывы (2), но жизнь оправдывала ихъ. Синодъ 1592 года обвинялъ Николая Когоута, «презрѣнаго священника», среди массы разнаго рода преступленій, между прочимъ въ томъ, что въ проповѣдяхъ о женскихъ вещахъ говорилъ такъ гнусно, что многіе уходили изъ церкви (3). Еще пакостнѣе было дѣло священника Рокитаны на томъ же синодѣ (4). Последній извѣстный намъ синодъ братьевъ до ихъ изгнанія изъ Чехіи и Моравіи въ Младоболеславѣ, 1601 года, разсматривалъ съ канонической точки зрѣнія вопросъ: могутъ ли священники, осужденные за прелюбодѣяніе, послѣ принесенія покаянія быть возвращены на свои мѣста,—и рѣшилъ отрицательно (5).

Наконецъ, въ учащейся братской молодежи — въ кандидатахъ на церковныя мѣста, замѣчается неудержимое стремленіе заранѣе выходить изъ общины, подъ вліяніемъ приманокъ мірской, вѣтробратской жизни (6).

Въ такомъ шатающемся положеніи находилась община въ концѣ XVI столѣтія, когда открытая противъ нея мандатомъ 1584 года «реформація» была на время пріостановлена: въ теченіе немногихъ лѣтъ іезуиты теряютъ лучшихъ исполнителей своего дѣла, одного въ слѣдъ за другимъ.

Сейчасъ же послѣ мандата умеръ канцлеръ Пернштейнъ; въ 1592 году умираетъ Розенберкъ, богатія имѣнья котораго переходятъ къ брату Вокъ Петру, по полученіи наслѣдства вступившему въ общину и начавшему гнать іезуитовъ изъ Крулова; въ 1597—последній Пернштейнъ, еще чрезъ нѣсколько лѣтъ—последній Нейгаузъ. Первое іезуитствовавшее поколѣніе сошло со сцены, сдѣлавъ для своихъ руководителей все, что только могло: для веденія далѣе дѣла антиреформаціи требо-

(1) «Lotři a cizoložníci.» ib. 253.

(2) См. рѣшеніе синода 1592 года. ib. 8.

(3) ib.

(4) ib. 256.

(5) ib. 275.

(6) Рѣшенія синодовъ 1594 и 1598 годовъ. ib. 264. 270.

вались теперь новыя силы, и онѣ явились въ томъ молодомъ поколѣннн аристократовъ, которое воспиталось въ школахъ ордена. Это были: канцлеръ Зденекъ Войтъхъ Лобковиць, королевскій совѣтникъ Ярославъ Борита Мартиниць Смечанскій и бургграфъ карлштейнскій Вильгельмъ Славата; первые два вышли изъ пражскаго академическаго пансіона, послѣдній — изъ общины, но юношей отступилея отъ отца и отдалея іезуитамъ⁽¹⁾. Съ первыимъ годомъ новаго столѣтія лица эти приняли на себя дѣло антиреформаціи и повели землю къ событіямъ 1609 и 1618 годовъ, приготовившимъ гибель старому королевству. Прерванное на время дѣло возобновилось.

«Въ 1600 году — начинается исторію своего времени Вильгельмъ Славата — Зденекъ Лобковиць былъ назначенъ императоромъ Рудольфомъ высшимъ канцлеромъ королевства чешскаго. Какъ человекъ въ высшей степени преданный католической вѣрѣ, онъ употреблялъ все свои усилія, чтобы подвинуть впередъ святую вѣру католическую въ королевствѣ; высокой мысли достойное начало этому онъ положилъ новымъ изданіемъ младиславова мандата о пикардахъ, которые именуютъ себя братьями»⁽²⁾.

31 августа 1602 года послѣдовало изданіе этого мандата. Раздражительный, подверженный припадкамъ тяжелой душевной болѣзни Рудольфъ подъ вліяніемъ окружающей среды становился враждебнѣе и враждебнѣе къ некаатоликамъ и наконецъ въ августѣ 1602 года подписалъ мандатъ, который уже два года какъ былъ изготовленъ Лобковицемъ и папскимъ нунціемъ.

Обвиняя многихъ лицъ изъ высшихъ и городского сословія въ принадлежности къ сектѣ «пикардовъ», въ покровительствѣ этой сектѣ, въ посѣщеніи ея сборищъ, «гдѣ бывають и женщины, и мужчины», король напоминалъ «всѣмъ зараженнымъ ядомъ пикардскимъ» возвратиться къ стародавней отечественной вѣрѣ своихъ дорогихъ предковъ и уравнился въ религіи съ

⁽¹⁾ Лобковиць † 1626. Мартиниць род. 1582 † 1649. Славата род. 1572 † 1652.

⁽²⁾ «Paměti». I. 40.

вѣрными и послушными апостолической церкви сынами, такъ какъ въ силу земскаго устава послѣдователи пикардской секты, какъ отщепенцы, состоятъ внѣ политическихъ и гражданскихъ правъ. «Я — говоритъ Рудольфъ — не желаю, чтобы зло ереси усиливалось и росло. Поэтому приказываю чинамъ отречься отъ своихъ заблужденій, воспретить всякія сборища, тайныя и явныя, молитвенныя пѣнія у себя на земляхъ, забить церкви братьевъ, изъ приходоу, гдѣ разглашались братскія и инныя вводящія въ соблазнъ ученія, удалить еретическихъ проповѣдниковъ, просить священниковъ отъ архіепископа пражскаго или администратора подобойской церкви и посовѣтовать своимъ крестьянамъ отстать отъ братской секты и не навѣщать сборовъ». Всякій ослушавшій настоящаго мандата разсматривался, какъ врагъ общественнаго благосостоянія, и строго наказывался (1).

Къ новому мандату былъ присоединенъ текстъ перваго владиславова мандата. Съ особенною торжественностью былъ обнародованъ новый законъ въ столицѣ: «при звукѣ трубъ и бубенъ объявляли его бирючи, сначала на Градчанахъ, затѣмъ на Малой Странѣ, Старомъ и Новомъ Городѣ» (2).

Изъ текста новаго мандата видно, что законъ главнымъ образомъ преслѣдовалъ членовъ общины, «которая день ото дня все болѣе и болѣе растетъ и благоденствуетъ, на соблазнъ простому народу.» Но такъ какъ король приказывалъ, чтобы въ церкви, гдѣ доселѣ проповѣдывались братскія или инныя вводящія въ соблазнъ ученія, были приглашены священники отъ архіепископа или администратора, о лютеранскихъ же проповѣдникахъ не упоминалъ, то ясно, что и послѣдніе были помѣщены въ число тѣхъ, которые разглашали «bratrská neb jiná zmatečná učení», т. е. должны преслѣдоваться закономъ. Однимъ словомъ, новый законъ простирался на всѣхъ подданныхъ, несогласныхъ съ католической церковью — на братьевъ и конфессіонистовъ 1575 года. Но дѣйствіе его не оправдало надеждъ правительства.

Въ Прагѣ мандатъ остался безъ всякаго примѣненія: такъ

---

(1) «Apologie druhá». Прилож. № 13. 81—84. Skala. I. 30 — 31.

(2) Skala. I. 31.

много было въ столицѣ «пикардовъ». Когда канцлеръ, рассчитывавшій на скорые и блестящіе результаты своего мандата, чрезъ недѣлю послѣ изданія потребовалъ къ себѣ чиновниковъ со всѣхъ трехъ частей Праги къ отвѣту — почему не исполняется мандатъ, они отвѣчали, что никто не признаетъ себя пикардомъ, а тѣ, кто изъ братьевъ принадлежитъ къ панскому и рыцарскому сословіямъ, дома свои имѣютъ въ Прагѣ, а многіе на коронной службѣ и въ почетѣ у жителей, и братьямъ не отказывали въ судебныхъ искахъ⁽¹⁾. Въ Праги только въ двухъ городахъ мандатъ имѣлъ тяжелыя слѣдствія для общины — въ Младоболеславѣ и Тынѣ надъ Велтавой. Болеслава, какъ извѣстно, была главнымъ гнѣздомъ братьевъ, «Іерусалимомъ общины», по злостному выраженію Богуслава Лобковица; здѣсь они сидѣли спокойно уже болѣе ста лѣтъ; здѣсь была святиня общины — гробница епископа Луки. Въ это гнѣздо братьевъ Рудольфъ послалъ особыхъ комиссаровъ. Братская школа и церковь въ Болеславѣ были запечатаны и забыты; нѣкоторые изъ братьевъ были брошены въ тюрьму въ Прагѣ, а чрезъ нѣсколько времени на все недвижимое имущество общины было наложено королевское запрещеніе. Такія же преслѣдованія братьевъ имѣли мѣсто и въ Тынѣ надъ Велтавой⁽²⁾.

На всю землю распространить дѣйствіе мандата правительство было не въ состояніи.

Но безсиліе правительства справиться съ братьями ярче всего оказалось въ появленіи двухъ антимандатовъ: одинъ былъ отъ имени Бога-отца, другой отъ Бога-сына. Первый скрѣпленъ былъ «канцлеромъ королевства небеснаго» Іоанномъ евангелистомъ, апостолами Петромъ и Павломъ и «служителями божьими» Гусомъ и Лютеромъ; второй подписанъ Христомъ и «канцлеромъ» Іоанномъ. «Мнѣ, Богу вашему — говоритъ Богъ — отецъ — вѣдомо, что вчерашняго дня отъ сына моего Рудольфа вышелъ мандатъ, по наговору людей непокойныхъ, завидующихъ милости моей и истинному ученію моему, данному

(1) ib. 32.

(2) ib. I. 33. Gindely. II. 332.

вамъ отъ меня, непріятелей церкви, изъ злобы и ненависти по-
 нукующихъ дьявольскія власти противъ избранныхъ — противъ
 братьевъ, которыхъ они называютъ пикардами и сектантами;
 имъ воспрепятствуютъ всякія собранія, службы божіи, молитвы и
 пользованіе правами. Хотя мнѣ извѣстно, что вы держитесь по
 заповѣди сына моего и апостоловъ, истинной службы и почи-
 танія, остерегаетесь всѣхъ соблазновъ антихристовыхъ и виду-
 моемъ людскихъ, но я знаю, что мандатъ этотъ непріятели мои
 и ваши, съ указанія жены, сидящей на престолѣ между водами
 на семи верхахъ, желаютъ направить противъ васъ, якобы вы
 были пикарды, чрезъ то уничтожить все ваше состояніе и
 навести на васъ всякое зло, лгуще на васъ имени моего
 ради». Братьямъ препоручалось съ радостью принять и се-
 мую смерть. «Дорога — говоритъ Богъ далѣе — предъ очима
 моими смерть святыхъ моихъ. Эти преслѣдованія имѣли и имѣ-
 ютъ быть искони міра, я ихъ попустилъ для испытанія моихъ
 вѣрныхъ. Могъ ли я забыть васъ, мое крохотное стадо, кото-
 раго я пастырь?.... Будетъ моя месть имъ и отплата; только
 будьте терпѣливы и не отчаявайтесь въ моей заботѣ. Дано 3
 сентября лѣта отъ рожденія сына моего 1602» (1).

Второй памфлетъ былъ перепечатка стараго, сдѣланнаго
 пражскаго печатника Сикста Мочидланскаго (2).

(1) Skala. I. 33—36, гдѣ текстъ цѣликомъ.

(2) Онъ приведенъ также цѣликомъ у Скалы. ib. 37 — 44. Тотъ же
 Сикстъ былъ авторомъ и зажигательной пѣсни, направленной противъ
 толкиновъ и быстро распространившейся въ городѣ: «Къ жистру Яну Густу
 Повесть приглашаетъ соотечественниковъ къ открытому возстанію:

«Nuže milí Čechové! nedejte se svěsti,
 Byťpak vás měli z města na popravu vésti;
 Bud'te stáli a zmužili, ne svolujte d'ábla k vůli,
 Udatně bojujte, majte svého hejtmána,
 Ježíše Krista pana, onť vaše obrana»

и казнить папу за его неправы дѣла:

«O papeži! jestli že pravdě místa nedaš,
 Vstřelí tě Bůh do pekla, to ty shledati máš,
 Zatopit' satan světnici, posadi te na svrchnici,
 Jak sirou, tak smolou zmýje hlavu tvou holou;
 Dát' též ohnivý polštář za tvůj mníšský žaltář».

(ib. 45—46). Здѣсь приводится только отрывокъ, хотя довольно значителъ-
 ный, этой пѣсни.

Одинъ результатъ имѣло обновленіе владиславова мандата — мандатъ возбуждиль всеобщее неудовольствіе въ землѣ, которая едва не цѣликомъ подлежала карѣ закона. Съ особеннымъ негодованіемъ отнеслись къ мандату рыцари, самое численное сословіе въ землѣ, которые, какъ мы видѣли на сеймѣ 1585 года, были теперь горячими бранителями религіозной свободы, почти всей своей массой принадлежа къ «odřezancům od pŕijateho v zemi české náboženství». Свое неодобреніе дѣйствіемъ правительства рыцари не замедлили высказать, когда въ началѣ января 1603 года Рудольфъ собралъ сеймъ для полученія согласія на подати.

Въ субботу 11 января былъ открытъ сеймъ. Въ предложеніи къ сейму король просилъ разрѣшенія на новыя подати для войны съ турками. Рыцари, собравшись въ зеленой залѣ сейма, громко жаловались, что ихъ, имѣющихъ ординаванныхъ въ имперіи священниковъ, объявляютъ отщепенцами, лишенными всѣхъ правъ, что считаютъ пикардами тѣхъ, кто держится конфессіи 1575 года, тяжкими навазаніями громятъ тому, кто бы не согласовался съ компактами, тогда какъ рѣдкіе обращаютъ вниманіе на послѣдніе, ибо они уничтожены сеймомъ 1567 года. «Рѣдко кого можно было бы найти изъ высшихъ сословій — говорили рыцари, кто бы не подлежалъ преслѣдованію новаго закона. Максимилианъ на сеймѣ 1575 года освободилъ насъ отъ подчиненія архіепископу и администратору пражскому и оставилъ насъ при поданной тогда конфессіи и при нашихъ свободныхъ наследственныхъ коллатурахъ; а теперь архіепископъ думаетъ виѣшиваться въ наши свободныя коллатуры». Было рѣшено — виѣсть съ панамі подобоями обратиться съ просьбой къ королю.

Изъ этихъ нареканій можно было предвидѣть, что предложеніе королевское встрѣтитъ оппозицію въ рыцаряхъ. Дѣйствительно, паны легко согласились на затребованныя правительствомъ новыя подати; но когда земскіе судьи и совѣтники явились изъ панской залы къ рыцарямъ за полученіемъ отвѣта, они отошли къ камину и долго совѣщались. Большинство предлагало отвѣтить въ томъ смыслѣ, что рыцари не прежде согла-

сятся на подати, пока не будетъ разсмотрѣнъ вопросъ религіозный; но выбранный рыцарями въ сеймовые ораторы Вацлавъ Будовець, изъ общины, отказывался говорить въ такомъ смыслѣ на сеймѣ и совѣтоваль согласиться на подати и тогда уже вести рѣчь о вѣрѣ. Началось новое совѣщаніе, но и оно привело къ прежнему рѣшенію. Будовець снова возражалъ, и только послѣ третьяго совѣщанія рыцари согласились съ мнѣніемъ оратора и поручили ему тотчасъ же коснуться вопроса о вѣрѣ, какъ будетъ выражено ихъ согласіе на подати.

Согласно полученнымъ указаніямъ отъ рыцарей, Будовець держалъ рѣчь къ представителемъ короля на сеймѣ — высшимъ чиновникамъ. «Хотя — началъ ораторъ — рыцари были того мнѣнія, что прежде чѣмъ дать согласіе на новыя подати для войны съ туркомъ, надлежало бы познакомить высшихъ чиновниковъ съ тѣмъ, какія прижимки начинаютъ позволять себѣ католики по отношенію къ нимъ, подобоимъ, и какой гарантіи для своей совѣсти они желали бы получить отъ его величества, — но, желая показать свою подданическую готовность, они присоединяются къ тому рѣшенію, къ которому пришли паны. Но такъ какъ они готовы не только имуществомъ, но и жизнью служить королю, поэтому именемъ Бога они просятъ дать имъ возможность безпрепятственно исповѣдывать ихъ подобойскую вѣру на ихъ свободныхъ наследственныхъ коллатурахъ, а на тѣхъ изъ католиковъ, которые чинятъ притѣсненіе ихъ совѣсти, представить жалобу королю, прося его, чтобы онъ свою милостивую и охранную руку держалъ и надъ ними, подобоими, и надъ ихъ свободами, сеймовыми рѣшеніями и земскимъ уставомъ, какъ это было доселѣ».

Высшій писарь отъ имени своихъ сотоварищей поблагодарилъ рыцарей за выраженное согласіе на подати, но на жалобу ихъ о притѣсненіяхъ со стороны католиковъ возразилъ, что мандатомъ, изданнымъ въ прошломъ году, король милостиво защищаетъ свободу исповѣданій, какъ католическаго, такъ и подобойскаго. Мы замѣтили выше, что по уничтоженіи компантатовъ подъ подобоими разумѣлись братья и конфессіонисты, но католики обыкновенно упорствовали и продолжали понимать

подъ этимъ именемъ все еще старыхъ калишниковъ, которые теперь не существовали.

Въ возраженіи высшего писаря рыцари увидѣли издѣвку надъ собой: претяжко и горько жаловались они другъ другу, что вотъ должны были выслушать, будто тѣми мандатами они, подобои, защищены. Опять былъ вызванъ Будовець, чтобы отвѣчать высшему писарю, что прошлогоднимъ мандатомъ они не только не защищены, напротивъ, объявлены «за rikarty а за zmatešné». Въ этомъ смыслѣ держалъ отвѣтъ Будовець. Онъ прежде всего выгородилъ лицо короля, говоря, что его величество никогда не посягалъ на совѣсть подобоевъ: всѣ, которые не согласовались съ компактатами и нижней консисторіей, свободно исповѣдовали свою вѣру, и въ прошлогоднемъ мандатѣ не виновенъ король. Затѣмъ ораторъ перешелъ къ указанію тѣхъ мѣстъ мандата, которыя касаются подобоевъ, не признающихъ компактаты, «а подобои, признающіе ихъ — замѣтилъ Будовець — очень рѣдки, особенно изъ высшихъ сословіи», и доказывалъ несостоятельность всякихъ требованій, основанныхъ на компактатахъ, такъ какъ послѣдніе уничтожены сеймомъ 1567 года и потому давно уже не существуютъ, какъ законъ, въ земской конституціи. «Компактаты — говорилъ Будовець — требуютъ, чтобы подобои вѣдались администраторомъ и консисторіей, и это одна изъ главнѣйшихъ статей; но компактаты уничтожены, слѣдов. теряетъ силу и эта статья. Подобои, подавши конфессію на сеймѣ 1575 года, были оставлены Максимилианомъ при ней и при ихъ соглашеніи, и его величество изволилъ сказать тогда «pro debročesku а пѣшеску», что онъ даетъ слово, что не позволить дѣлать ни архіепископу, ни консисторіи никакихъ притѣсненій подобоямъ». Приведа на память тѣхъ подобоевъ, которые не признавали компактаты и вѣрно и храбро служили королю въ войнѣ съ турками, Будовець выразилъ отъ имени рыцарей желаніе, чтобы и во время мира всѣ также дружно жили между собой, какъ въ походахъ противъ турокъ, когда одинъ не обвинялъ другаго въ еретичествѣ. Рѣчь свою ораторъ заключилъ просьбой, что такъ какъ рыцари намѣрены представить королю петицію съ правдивымъ изложеніемъ всего

дѣла, то онъ просить представителей правительства сообщить объ этомъ панамъ-подобоямъ, чтобы петиція могла быть подана съ общаго согласія.

Послѣ этого рыцари положили изготovitъ петицію въ понедѣльнику и просили Будовца составить ее; «никто такъ хорошо не напишетъ петиціи — говорили рыцари, какъ тотъ, который съумѣлъ высказать всѣ наши желанія».

«Въ засѣданіяхъ 13 и 14 января петиція была прочтена панамъ и рыцарямъ, переведена на нѣмецкій языкъ и поправлена. Представители городовъ требовали, чтобы петиція была сообщена и имъ, но получили отказъ. Въ среду 15 января была избрана депутація отъ пановъ и рыцарей для передачи ее Рудольфу. Петиція была отъ имени «вѣрныхъ подданныхъ изъ сословія пановъ и рыцарей, принимающихъ подъ обилии видами».

Указывая свою постоянно-вѣрную службу въ войнѣ противъ «главнаго непріятели христіанства — турокъ», подобно именитъ Бога просили Рудольфа не простирать прошлогодняго завѣта, вышедшаго противъ пивардовъ и иныхъ, не признающихъ уже давно уничтоженныя компактаты, на нихъ, подобоевъ, не согласныхъ съ нинѣшней консисторіей и имѣющихъ свои свободныя коллатуры. «Прежде всего — писали они — компактаты прошли безповоротно (міноулі) на сеймѣ 1575 года, и въ земской конституціи о нихъ нѣтъ и помину. Помимо того, въ бозѣ пачившій отецъ вашъ своими высокими императорскими словами оставилъ сословія при ихъ вѣрѣ и при ихъ свободныхъ коллатурахъ (что можно видѣть изъ конфессіи), а когда ваше величество были коронованы и изволили давать сословіямъ обязательство, что вы ихъ оставляете при ихъ свободахъ и земской конституціи, сеймовая статья та объ уничтоженіи компактатовъ составляла уже тогда часть земской конституціи». Къ петиціи прилагался экземпляръ чешской конфессіи 1575 года, въ которой подобно обращали вниманіе Рудольфа на «соглашеніе въ вѣрѣ» ихъ, сословія — подобоевъ, устное утвержденіе конфессіи покойнымъ королемъ и на нѣмецкое извлеченіе изъ земскихъ досокъ объ уничтоженіи компактатовъ. «Въ силу всего этого—

закачивали чинъ петицію — мы просимъ ваше величество милостиво отиѣнить тѣ наказанія, которыя положены мандатомъ противъ всѣхъ, не признающихъ компакты и консисторію, такъ какъ мандатъ обязанъ своимъ выходомъ невѣрнымъ свѣдѣніямъ о компактатахъ, защитить насъ и священниковъ нашихъ на нашихъ коллатурахъ отъ притѣсненія и насилія и такимъ образомъ оставить насъ при нашей евангелической вѣрѣ». Вмѣстѣ съ этимъ, подобно выражали желаніе имѣть «милостивый и скорый отвѣтъ», до распущенія сейма. Подобно желали свою петицію прочесть въ засѣданіи 15 же января высшему канцлеру и другимъ представителямъ власти, но было уже слишкомъ поздно, и канцлеръ объявилъ сословіямъ, что онъ и его товарищи выслушанье петиціи откладываютъ до завтрашняго дня. Въ тотъ же самый день прибыли на сеймъ посланцы отъ братской общины изъ Младоболеславы и желали подать отъ братьевъ особую жалобу «всѣмъ тремъ сословіямъ-подобоямъ»; но когда одинъ изъ членовъ сейма поднялся было и заикнулся объ общинѣ, онъ тотчасъ же былъ остановленъ гофмистромъ Крштофомъ Лобковицемъ: «не перебивайте сеймовыхъ занятій!» По окончаніи засѣданія гофмистръ посоветовалъ ему не вѣшивать братьевъ, если у него имѣтъ охоты попасть въ далиборку (1).

На слѣдующій день собрались рыцари и послали четырехъ депутатовъ къ панамъ въ залу, чтобы тамъ прочесть петицію; но лишь только замѣтилъ депутатовъ гофмистръ, тотчасъ же оставилъ залу и вмѣстѣ съ другими королевскими чиновниками отправился въ погребъ, гдѣ хранились земскія доски, для внесенія якобы сеймоваго рѣшенія о новыхъ панахъ. Здѣсь они заперлись и пробыли до самыхъ сумерекъ, — депутаты все ждали; когда же при наступленіи вечера рыцари наконецъ вышли изъ залы, явился гофмистръ съ товарищами, поспѣшно прочелъ только что сдѣланную запись и объявилъ сеймъ закрытымъ.

Петиція не могла быть подана королю, а ораторъ рыцарей, Вацлавъ Будовець, былъ призванъ къ отвѣту въ кан-

---

(1) Тюрьма для политическихъ преступниковъ на Градчанакъ.

целярью за свои смѣлыя рѣчи и за изготовленіе петиціи, и онъ вынужденъ былъ дать письменное извиненіе (4).

Такимъ образомъ, вмѣсто «милостиваго отвѣта» сеймъ былъ распущенъ, и правительство дало ясно понять, что оно не обращаетъ вниманія на возбужденіе земли противъ себя и не отступится ни на шагъ отъ своихъ воззрѣній на релігіозный вопросъ. Новыя мѣры противъ подобоевъ сейчасъ же послѣ январскаго сейма показали твердую рѣшимость его идти безповоротно по пути задуманной антиреформаціи въ землѣ.

«Когда — говоритъ Скала — первые папезники въ королевствѣ: Берка, архіепископъ пражскій, Клезль, епископъ вѣдский, канцлеръ Лобковицъ, Мартиницъ и другіе, вмѣстѣ съ іезуитами, руководителями своими (direktory), не могли ничему сдѣлать по своему желанію высшимъ сословіямъ евангелическимъ ни мандатомъ, ни судомъ земскимъ, тогда обратили злость свою на сословіе третье — на королевскіе города, зная, что высшія сословія по издавней зависти своей не допустили его къ петиціи, и на обывателей-евангеликовъ, находящихся подъ властью духовныхъ и мірянъ папезской вѣры».

Дѣйствительно, прошло немного времени, послѣ того какъ попытки дать силу только что изданному «кровавому» мандату по отношенію къ высшимъ сословіямъ оказались безуспѣшными. католики рѣшили приняться пока за третье сословіе, наиболее слабое, и за крестьянъ. Въ концѣ марта іезуитствующій канцлеръ даетъ предписаніе подкоморію королевства, Точнику, въ такомъ смыслѣ: Императоръ замѣчаетъ, что во многихъ городахъ значительно усиливаются братская и кальвинская секты и разныя иныя новшества и главнымъ образомъ вслѣдствіе замѣщенія еретиками коншельскихъ и другихъ должностей, послѣ чего эти послѣдніе, полагаясь на свое званіе, позволяютъ себѣ и вмешиваться въ дѣла католическаго духовенства, указывая ему, что и какъ дѣлать въ церкви, что говорить, когда праздновать установленные церковью праздники, и назначать по своему усмотрѣнію учителей, ректоровъ, а на фары (приходы) бѣглыхъ и

(4) Объ январскомъ сеймѣ 1603 года — Скала. I. 51—58.

не ординаванныхъ священниковъ. Все это дѣлается въ противность мандату короля Владислава, земскому уставу, запрещеніямъ прежнихъ королей и только что вышедшему императорскому распоряженію. Не желая, чтобы подобныя заблужденія и секты росли, императоръ милостиво приказываетъ подкоморію смотрѣть со всею вниманіемъ, чтобы при обновленіи ратушъ въ городахъ были допускаемы только лица католической или подобойской «стародавней» вѣры, достаточно напомнить жителямъ оставить свои заблужденія и сравняться въ вѣрѣ съ остальными вѣрными христіанами, не дозволять никакихъ сходокъ или побаянныхъ проповѣдей, озаботиться о примѣненіи въ городахъ мандата и помогать подобойскому администратору во всехъ его распоряженіяхъ, сдѣланныхъ по высочайшему повелѣнію, отнесенительно реформаціи церкви.

Отъ городовъ правительство перешло къ крестьянамъ на земляхъ католиковъ. Аббатъ бенедиктинскаго монастыря и господинъ города Брумова (Braunau), Вольфгангъ Селендеръ, воспитанникъ пражскаго іезуитскаго пансіона, приказалъ въ томъ же 1603 году крестьянамъ брумовскаго аббатства явиться на праздникъ пасхи къ исповѣди и причастію въ монастырь или въ иную церковь, съ угрозой, что всякій ослушникъ настоящаго распоряженія отлучается изъ общества вѣрующихъ, смѣщается съ должности, удаляется изъ цеха, подлежитъ клятвѣ и лишается крещенія, брака и христіанскаго погребенія. Въ то же самое время по всемъ церквямъ аббатства съ кафедръ было объявлено народу, что аббатъ получилъ устное и письменное приказаніе отъ его величества уничтожить у себя въ городахъ и селахъ всякія еретичества и особливо вредныя пивардскія сборища, всехъ привести къ истинному богопочитанію — къ католической вѣрѣ, а нарушившаго волю императора представлять въ Прагу, въ придворную канцелярію, для примѣрнаго наказанія. «А такъ какъ — гласило объявленіе — до настоящаго времени никто не являлся къ исповѣди и причастію, напротивъ, многіе смѣялись надъ этимъ, поэтому именемъ короля римскаго, которому подчинены все имперіи, курфирсты и князья, приказывается всемъ — богатымъ и бѣднымъ, моло-

днѣмъ и старымъ, немедленно же явиться къ католической исповѣди и причастію».

Въ томъ же направленіи, какъ Селендеръ, дѣйствовали и иные католическіе господа: архіепископъ пражскій, аббаты страховскій, збраславскій и другія духовныя лица, каждый у себя на своихъ земляхъ (1). За ними слѣдовали міряне-католики. Само собой разумѣется, что помощниками и руководителями гонителей братьевъ-подобоевъ были іезуиты (2).

---

(1) Объ антиреформациі 1603 г.— «Apologie druhá» прилож. № 14. 33 — 37. стр. 97—101. Skala. I. 71—72.

(2) «Apol. dr.» 97. Мы видѣли выше, что право назначать истровъ въ школы принадлежало ректору университета и что оно вслѣдствіе оспаривалось іезуитствовавшими католиками, которые по своимъ помысламъ старались опредѣлять отъ себя учителей. Но изъ предписанія императора подкоморію королевскихъ городовъ видно, что притѣванія католиковъ въ школьномъ вопросѣ шли далѣе: они желали теперь захватить въ свои руки и школы свободныхъ королевскихъ городовъ. Въ этомъ случаѣ они исполняли требованія іезуитовъ. «Было бы не только справедливо, но и очень полезно для удержанія мира — писалъ іезуитъ Лануа (Lanouas) Рудольфу — прежде всего имѣть надзоръ за тѣми, которые несутъ общественныя должности въ городской думѣ или гдѣ-либо инакъ. Повтому архіепископъ или его комиссаръ долженъ смотрѣть за приходскими священниками и особенно внимательно слѣдить за школьными учителями (školními). чему и какъ они въ церкви или въ школахъ учатъ, какія имѣютъ и читаютъ книги — богословскія или свѣтскія; книги нездороваго ученія должны бы быть отняты. Еретики учитель должны быть устранены, а на его мѣсто посажены католики; такимъ же образомъ и священники» (Skala. I. 74). Но такъ какъ «крохотное стадо католиковъ» (katolických malíčké stáde — по выраженію Лануа, «Apol. dr.» № 113. 378. 379) не могло имѣть никакой силы въ учительскихъ силахъ, повтому имперскій канцлеръ Клевлъ, епископъ вѣнскій, обвиня въ свою очередь «истровъ и лживыхъ пророковъ» университета въ разнесеніи ереси по городамъ и мѣстечкамъ, рекомендуетъ архіепископу пражскому іезуитовъ. «Весьма было бы пригодно — пишетъ онъ въ наставленіе своему собрату, если бы вы благоволили расположить къ себѣ достоуважаемыхъ отцовъ общества Іисусова: подкрѣпивъ ихъ вѣрными совѣтомъ, особенной проникательностью (opatřivostí), удивительнымъ умомъ (rozumem), что день то новой опытностью (temeř každodenní zkušeností), вы будете воевать общими силами противъ непріятелей имени божьяго и приведете спасительную реформацію къ желанному концу. (Skala. I. 77).

Такимъ образомъ, антиреформація шла, гдѣ только было можно — въ королевскихъ городахъ, на земляхъ духовенства и ирмянъ-католиковъ, развивалась свободно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и наконецъ едва не приготовила Рудольфу почетной ссылки. «Лишь только — говоритъ неизвѣстный современникъ — нѣкоторые фанатическіе совѣтники объявили войну евангеликамъ въ Чехіи и Венгріи въ 1602 году изданіемъ мандата и другихъ распоряженій, при звукахъ трубъ и тимпановъ, и стали ихъ гнѣснить, всѣ прежнія побѣды противъ турокъ разомъ исчезли. И самъ Господь Богъ, желая произвести эту перемѣну, далъ знаменіе: въ 1604 году явилась комета» (1). Неизвѣстному современнику, вѣроятно же всего, изъ братьевъ, склонныхъ вообще къ мистицизму, пораженія имперскихъ войскъ въ Венгріи, дѣйствительно, могли казаться божьимъ возмездіемъ, разразившимся надъ головой Рудольфа за его религіозную нетерпимость. Трансильванія, сѣверная, еще принадлежавшая имперіи Венгрія были въ рукахъ возставшаго Бочкая; толпы гайдуковъ мадыарскаго изгнана громили сосѣднюю Моравію, которая съ трудомъ сдерживалась и готова была подняться противъ интриговашаго правительства Рудольфа. «Неладно у насъ — нишетъ глава моравскихъ братьевъ, Карль Жеротинъ, въ маѣ 1605 года своему родственнику, Каспару Жеротину, — ведемъ войну въ землѣ, а съ кѣмъ, и сами не знаемъ»; «Редой Ференсъ, генераль Бочкаа — извѣщаетъ онъ черезъ мѣсяць того-же Каспара — требуетъ у гетмана моравскаго, чтобы тотъ уступилъ ему землю, иначе онъ навѣститъ насъ въ нашихъ замкахъ» (2). Рудольфъ вынужденъ былъ искать мира съ турками и ихъ союзникомъ, Бочкаемъ, и уполномочилъ брата своего, эрцгерцога Матвѣя, заключить мирный договоръ. Весной 1606 года былъ заключенъ вѣнскій миръ.

(1) «Diarium anonymi» (кажется, Вацл. Будовца) у Добнера въ «Monumenta historica Bohemiae». II. 302. 303. Добнеръ именно приписываетъ этотъ дневникъ Будовцу. ib. 301.

(2) «Spisy Karla staršího z Zerotina». Oddělení druhé. Listove. 2. Vydal V. Brandl. Brno. 1871. письма подъ № 490, 528. О громленіи Моравіи гайдуками Бочкаа см. ib. № 485, 489, 494, 495, 511, 512, 517, 518, 521, 522, 528, 543, 544, 547, 578, 584, 591, 593, 597, 625, 626, 631, 722, 723, 774.

«Злые совѣтники, которымъ нечего было терять въ этихъ земляхъ (Венгрія и пр.) и которые алкали только войны — говорить анонимный авторъ дневника, чрезмѣрно порицали вѣнскій миръ, утверждая, что онъ заключенъ на великое посрамленіе римской церкви»⁽¹⁾. Дѣйствительно, вѣнскій миръ былъ крайне оскорбителенъ для чести императора: Рудольфъ имъ призналъ Бочкая пожизненнымъ независимымъ княземъ Трансильваніи и сѣверной Венгріи, оставлялъ за турками отнятые ими въ послѣднюю войну нѣкоторые города западной Венгріи и обязывался уплатить контрибуцію въ 200 тысячъ талеровъ. Уже это одно обстоятельство не могло торопить императора съ утвержденіемъ мирнаго договора. Но, помимо этого, скорая смерть Бочкая — въ декабрѣ 1606 года, послѣдовавшая затѣмъ путаница въ дѣлахъ Трансильваніи, гдѣ разомъ явились четыре претендента на несуществующій престолъ: старикъ Ракочи, избранный чинами, Гомоннай, получившій княжество въ силу завѣщанія умершаго Бочкая и поддерживаемый турками, братъ покойника, Николай, и наконецъ Гавріиль Баторій, все это, естественно, заставляло Рудольфа медлить и не утверждать неприятный договоръ, такъ какъ вмѣшательство турокъ въ дѣла Трансильваніи прямо шло противъ договора. Порта напоминала, напоминала неоднократно Матвѣй слѣшить съ подтвержденіемъ трактата, указывая, что ни войскъ, ни денегъ нѣтъ, о новой войнѣ съ турками нельзя и помышлять, — но Рудольфъ не убѣждался.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякая новая война имперіи съ Портой была одинаково неприятна въ Венгріи, какъ евангелическимъ, такъ и католическимъ чинамъ: у всѣхъ свѣжи въ памяти были разбои и грабежи гайдуковъ, которые теперь съ трудомъ усмирившись. Но это была бы не бѣда, если бы въ становившіяся натянутыми отношенія Рудольфа къ Турціи не вмѣшался Матвѣй, который прямо объявилъ себя противъ всякой новой войны и рѣшился воспользоваться проволочкой императора, чтобы лишить его престола.

Пожилый, но честолюбивый эрцгерцогъ давно уже желалъ

---

(1) Dobneri «Monumenta». II. 303.

инсь объ императорской коронѣ. Рано уже вѣнскіе совѣтники Матвѣя, и во главѣ ихъ Клезль, обсуждали средства, какъ вѣрнѣй доставить своему эрцгерцогу корону: путемъ-ли мирнымъ — при помощи Венгріи и Чехіи, которыя должны потребовать преемника престола, или же войти въ соглашеніе съ остальными эрцгерцогами, папой, испанскимъ королемъ, курфирстами имперіи, искать у нихъ денегъ и войска и тогда дѣйствовать противъ немощнаго Рудольфа. Въ Прагѣ хорошо знали о затѣяхъ въ Вѣнѣ, отношенія между братьями становились хуже и хуже, и наконецъ они привели ихъ послѣ вѣнскаго мира къ открытой враждѣ. Рудольфъ не утверждалъ договора, турки вооружались, и Матвѣй увидѣлъ удобную минуту, чтобы подняться противъ брата.

Весь 1607 годъ прошелъ въ возстаніи бочкаевскихъ гайдуковъ въ сѣверной Венгріи. Приверженцы императора едва держались противъ этихъ нестройныхъ толпъ, поддерживаемыхъ турками и татарами. Подъ предлогомъ усмиренія гайдуковъ Матвѣй самовольно созвалъ въ началѣ января 1608 года съѣздъ чиновъ обѣихъ Австрій, не смотря на запретъ императора. Онъ жаловался чинамъ, что гайдуки желаютъ избрать короля изъ своего народа, а императоръ все помышляетъ о новой войнѣ, для которой нѣтъ никакихъ шансовъ, отсюда опасность прежде всего для ихъ земель, — что-же дѣлать? Чины отвѣчали — пусть самъ эрцгерцогъ займется дѣлами Венгріи и обезпечить, а они готовы на помощь. Виѣстѣ съ тѣмъ Матвѣй просилъ чины выслать депутацію въ Пресбургъ, гдѣ вскорѣ имѣли собраться сословія Венгріи, для обсужденія общаго дѣла. 21 января открылся съѣздъ венгерскій. Матвѣй представилъ ему всю опасность настоящаго положенія дѣлъ, особенно въ виду удачныхъ дѣйствій гайдуковъ. Чины отвѣчали, что посоветуются съ австрійцами. На вопросъ, предложенный венгерскими чинами австрійской депутаціи — желаютъ ли ихъ сословія стоять за одно съ венгерскими, жить и умереть вмѣстѣ, такъ какъ и они подписались подъ вѣнскимъ договоромъ, послѣдняя отвѣчала болѣе или менѣе утвердительно. Тогда въ особомъ комитетѣ было положено: 1) хранить миръ съ турками, 2) венгры и австрійцы

взаимно обязываются дѣйствовать сообща противъ всякаго рушителя мира; 3) извѣстить пашу будимскаго о храненіи мира, а императора о рѣшеніяхъ съѣзда; 4) дать знать чинамъ остальныхъ земель и просить присоединиться къ конфедераціи. Матвѣй сталъ собирать войска. Николай Бочкай, который теперь овладѣлъ Трансильваніей при помощи гайдуковъ, вступилъ въ союзъ. Рудольфъ потребовалъ у австріяцевъ отреченія отъ конфедераціи, но тѣ не послушались. Моравія, руководимая Жеротиномъ, легко пристала къ конфедераціи. Старые пріятели Жеротина, Розенбергъ и Будовець, изъ общины, звали теперь Матвѣя въ Прагу. Когда Рудольфъ приказалъ моравскимъ чинамъ явиться на сеймъ въ Прагу, они отказались и, съѣхавшись въ Славковѣ, около Берна, стали собирать войска. Въ виду этого обстоятельства Матвѣй назначилъ моравскій сеймъ на 13 апрѣля въ Еванчицы. 19 апрѣля самъ Матвѣй былъ уже въ Еванчицахъ, гдѣ собрались чины Моравіи, Венгріи и Австріи. По предложенію эрцгерцога моравскіе чины подписали пресбургскую конфедерацію и дозволили свободный проходъ войскамъ союза чрезъ свою землю до границы чешской⁽¹⁾.

Готовился и Рудольфъ. 10 марта онъ созвалъ сеймъ чинновъ королевства чешскаго и объявилъ имъ, что, не сомнѣваясь въ ихъ вѣрности, онъ употребитъ все свои усилія, чтобы отвратить опасность отъ земли, что, сверхъ своего ожиданія, онъ принужденъ будетъ собирать сеймы чаще, чѣмъ это было доселѣ, и такъ какъ опасность грозитъ всемъ землямъ короны, то онъ назначаетъ общій, или генеральный, сеймъ на 10 апрѣля: «на этомъ сеймѣ — говорилъ Рудольфъ — я предложу королевству и землямъ все важнѣйшіе вопросы, обсудимъ вмѣстѣ и съ божьею помощію положимъ то, что могло бы быть полезно всемъ намъ».

Чины поблагодарили короля за его отцовское попеченіе о землѣ, а для отвращенія опасности указали на земскую кон-

---

(1) О вѣнскомъ мирѣ и конфедераціи 1608 года см. ст. Томка «О nepokojích stavovských. Rozepře mezi Rudolfem a Matiašem». III. «Časopis». 1856. II. 94—100. III. 18—57. IV. 122.

ституцію, требующую въ такомъ случаѣ всеобщаго вооруженія—рушенія земли, заботы о которомъ имѣютъ взять на себя высшіе королевскіе чиновники и земскіе судьи. Затѣмъ чины развѣхались.

Но Рудольфъ еще не терялъ надежды на мирный исходъ дѣла. 1-го апрѣля пріѣхалъ въ Вѣну кардиналъ Дитрихштейнъ съ подписаннымъ вѣнскимъ договоромъ. Матвѣй встрѣтилъ посла ласково, но его мирныя предложенія не принялъ. Черезъ нѣсколько дней императоръ вторично отправилъ кардинала къ брату, но и на этотъ разъ эрцгерцогу отвѣчалъ отказомъ. Между тѣмъ наступилъ срокъ сейма. Чины королевства, согласно объявленію, собрались къ 10 апрѣля въ Прагу. Раннимъ утромъ они сошлись въ судейской залѣ сейма и ждали Рудольфа. Ждали они день — до вечера, но никто къ нимъ не явился. Только на другой день былъ присланъ къ нимъ канцлеръ Лобковицъ и, поблагодаривъ чины отъ имени короля, объявилъ, что сеймъ откладывается и король проситъ возвратиться домой и быть готову къ защитѣ земли.

Мы видѣли, что 19 апрѣля Матвѣй былъ въ Еванчицахъ. Моравія дала пропускъ войскамъ, и 4 мая эрцгерцогу былъ уже въ Нѣмецкомъ Бредѣ, въ Чехіи. Новыя попытки Дитрихштейна, пословъ испанскаго и папскаго, посредниковъ саксонскаго и брандебургскаго отклонить Матвѣя отъ войны съ императоромъ, были безуспѣшны. Рудольфъ сталъ готовиться къ оборонѣ Праги. Войска его, подъ начальствомъ Тилли, расположились у Звѣзды, на Бѣлой горѣ. Чтобы задобрить пражанъ, императоръ сталъ любезничать съ ними. Онъ пригласилъ къ себѣ жителей всѣхъ трехъ частей столицы, благодарилъ ихъ за вѣрность, допустилъ ихъ къ ружью и обѣщалъ возвратить ворота, которые были отняты Фердинандомъ. Не менѣе искалъ онъ теперя расположенія подобоевъ. Двое изъ подобоевъ: Смирнцкій и Трчка, были пожалованы званіемъ императорскихъ коморниковъ, «чего прежде никогда не бывало» — замѣчаетъ Скала, а Владиславъ Лобковицъ, содержавшійся около пятнадцати лѣтъ въ тюрьмѣ, былъ выпущенъ на свободу.

На 19 мая былъ наконецъ объявленъ общій, или генераль-

ный, сеймъ. Рудольфъ опасался земли, и потому было приказано чинамъ являться въ Прагу безъ людей, но затѣмъ это приказаніе было отмѣнено, когда непріятель показался уже у Чешскаго Брода, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы. 23 мая сеймъ былъ открытъ самимъ королемъ. Теперь-то паны рѣшились отблагодарить Рудольфа за его отцовское попеченіе о землѣ. Король предложилъ сейму избрать Матвѣя въ преемники-короли на случай, если бы онъ умеръ безъ наслѣдника. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, не видѣвъ много дѣтъ короля, плакали, но это было минутное увлеченіе: когда черезъ день подобои сошлись въ зеленой залѣ, они рѣшили не приступать ни къ чему, прежде чѣмъ не будутъ удовлетворены ихъ религіозныя требованія. Во главѣ оппозиціи правительству стали тѣ, «которые были изъ общины братской» (1) и впереди ихъ знакомый намъ Вацлавъ Будовець. Одинъ изъ подобоевъ, Стефанъ Штернберкъ, предложилъ чинамъ просить маестата, даннаго королемъ Владиславомъ на свободу исповѣданія, — чины сейчасъ же обратились за мнѣніемъ къ Будовцу. Тотъ отвѣчалъ: — пусть Штернберкъ покажетъ выпись маестата. Штернберкъ обѣщалъ, но когда на слѣдующій день, 23 мая, чины собрались въ зеленой залѣ и выпись не была представлена, Будовець держалъ рѣчь прямо противъ предложенія Штернберка. «Я не понимаю, чтобы маестатъ Владислава могъ бы послужить на пользу подобоимъ: Владиславъ велъ дѣло къ тому, чтобы подобоевъ подчинить компактатамъ и консисторіи, которая состоитъ въ вѣдѣніи архіепископа; отъ такой гарантіи избави насъ Богъ. Сословія имѣютъ лучшую гарантію отъ Максимилиана на двухъ сеймахъ: въ 1567 году, когда уничтожены были компактаты, и въ 1575, когда подобои въ присутствіи нынѣшняго короля были оставлены Максимилианомъ при написанной тогда конфессіи и соглашеніи, — поэтому сословія въ дѣлѣ вѣры желаютъ гарантіи не Владислава, а Максимилиана. Мадьяры получили свободу исповѣданія въ вѣнскомъ мирѣ, — чехи не менѣе мадьяръ заслужили ее».

Присутствующіе одобрили рѣчь Будовца и просили его

(1) Slavata. I. 153.

письменно изложить желанія подобоевъ. На слѣдующій день петиція была готова, и подъ ней подписались 200 пановъ, 300 рыцарей и посланники отъ всѣхъ королевскихъ городовъ, кромѣ Пильзны, Будеевиць и Кадана. Въ то же самое время чины положили между собой, что если бы кто вздумалъ отступить отъ настоящаго общаго соглашенія или его нарушить, тотъ будетъ выброшенъ за окно. Частный уговоръ этотъ былъ подписанъ всѣми присутствующими и врученъ на храненіе Будовцу. Важнѣйшіе пункты петиціи были слѣдующіе: 1) утвержденіе чешской конфессіи 1575 года во всѣхъ ея частяхъ — т. е. предисловія, исповѣданія и устава консисторіи, и внесеніе ея въ земскія доски; 2) свободное отправленіе богослуженія, постройка церквей, кладбищъ и т. д.; 3) равноправность католиковъ и подобоевъ при назначеніи на должности; 4) воспрещеніе іезуитамъ покупать или владѣть земскими имѣніями безъ разрѣшенія короля, общаго сейма и соизволенія всѣхъ трехъ сословій королевства; сверхъ того въ дѣлахъ мірскихъ іезуиты имѣютъ быть отвѣтственны предъ общимъ правомъ королевства. Всѣхъ пунктовъ было 25⁽¹⁾.

Петиція была вручена королю въ особой аудіенціи. Онъ отвѣчалъ, что дастъ свое заключеніе на будущемъ сеймѣ, такъ какъ время теперь для отвѣта неудобное. Понятно, подобный отвѣтъ былъ крайне непріятенъ, и депутаты сейма попросили короля не откладывать дѣла. Король обѣщалъ посоветоваться съ высшими чиновниками и на-завтра дать отвѣтъ, не смотря на настоятельныя требованія подобоевъ отвѣтить сейчасъ же. Дѣйствительно, отвѣтъ былъ данъ на слѣдующій день, 29 мая, но на имя чиновъ-подобоевъ, хотя просьба была отъ всѣхъ трехъ сословій, безъ различія вѣры. Противъ каждаго пункта петиціи король отвѣчалъ въ отдѣльности. Относительно первыхъ двухъ пунктовъ, главнѣйшихъ, Рудольфъ замѣтилъ, что теперь нѣтъ времени для зрѣлаго ихъ обсужденія, такъ какъ «солдаты-чужеземцы вторглись въ королевство, въ полуторѣ милѣ

(¹) «Apologie druhá». Ж 14. 89 — 101. Slavata. I. 156 — 159. Skala. I. 92—97.

отъ Праги», и потому просилъ чины рассмотреть статьи о вѣрѣ отложить до болѣе свободнаго времени, т. е. до будущаго сейма, при чемъ обѣщаль, что религіозный вопросъ на этомъ сеймѣ пойдетъ прежде другихъ. На другіе пункты соглашался, но объ іезуитахъ прибавилъ, что и иные должны отвѣчать предъ тѣмъ же правомъ въ вопросахъ, касающихся ихъ, іезуитовъ⁽¹⁾.

Изъ отвѣта можно было видѣть, что Рудольфъ желалъ только выиграть время, отложить рѣшеніе, а тамъ опять запыть старую пѣсню — не согласенъ. Но чины поблагодарили и за этотъ отвѣтъ. Въ засѣданіи сейма, гдѣ слушался королевскій отвѣтъ, чины постановили точнѣе опредѣлить свои религіозныя требованія и выработали слѣдующую ихъ формуловку: поддольскія сословія избираютъ изъ среды своей дефензоровъ; университетъ пражскій переходитъ въ вѣдѣніе ихъ, сословія; даруется свобода совѣсти не только высшимъ сословіямъ и геродамъ, но и обывателямъ сельскимъ, чтобы всѣ, которые крещены во имя святой Троицы, какъ католики, такъ и подобои, пользовались одинаковыми свободами для взаимной любви и согласія⁽²⁾. Этотъ концентъ будущаго маестата былъ записанъ въ книгу сейма, какъ сеймовое рѣшеніе.

Между тѣмъ какъ шли эти переговоры у сейма съ Рудольфомъ, Матвѣй, стоявшій лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Праги, завелъ сношенія съ чинами о изложеніи брата. Еще до представленія петиціи Рудольфу посланникъ Матвѣя, Карлъ Жеротинъ, убѣждалъ сеймъ отложиться отъ Рудольфа и избрать королемъ эрцгерцога, но сеймъ не отвѣчалъ. Съ небольшимъ черезъ недѣлю, въ началѣ іюня, прибыло второе посольство отъ эрцгерцога, — но вскорѣ открылись мирные переговоры между Рудольфомъ и Матвѣемъ, а къ концу іюня былъ заключенъ миръ. По договору Рудольфъ уступалъ брату австрійскія герцогства, Венгрію и кромѣ того передавалъ въ управленіе Моравію; уступить послѣднюю не могъ, такъ какъ она нераз-

(1) Отвѣтъ этотъ у Славаты. I. 162—166, у Скалы. I. 100, — 104.

(2) Slavata. I. 169 — 170.

дѣльно принадлежала коронѣ св. Вячеслава (1). Матвѣй былъ объявленъ преемникомъ Рудольфа. Между уполномоченными Рудольфа при трактаціи мирнаго договора былъ и Будовецъ.

Опасность миновала, миръ былъ заключенъ, сеймъ распущенъ. По добровольному соглашенію короля и чиновъ-подобоевъ вопросъ о религіозной реформѣ былъ отложенъ до ближайшаго сейма. Не долго пришлось ждать этого ближайшаго сейма: уже въ январѣ 1609 года мы видимъ чины снова въ столицѣ, на сеймѣ. Но инымъ языкомъ заговорило правительство въ 1609 году.

Съѣздъ чиновъ на январскій сеймъ былъ многочислененъ: такого люда, по словамъ Славаты, еще не видывали (2). Это и понятно, такъ какъ земля ждала отъ этого сейма разрѣшенія религіознаго вопроса.

Въ среду, 28 января, чины собрались въ судейской залѣ и ждали королевскихъ предложеній, но вмѣсто предложеній они получили отъ короля приказаніе уничтожить заключенный на сеймѣ прошлаго года уговоръ — стоять другъ за друга: «если бы чины упорствовали въ своемъ незаконномъ намѣреніи и не пожелали немедленно отказаться отъ того документа, подписей и обязательствъ, то это могло бы помѣшать приступить къ обсужденію статьи о вѣрѣ на настоящемъ сеймѣ, и король былъ бы вынужденъ подумать о средствахъ для защиты своей власти.» Угроза распущенія сейма до такой степени подѣйствовала на присутствующихъ, что они не долго стояли за прошлогодній уговоръ, и многіе изъ пановъ увѣрили, что въ этомъ уговорѣ ничего не было противъ короля: каждый подписалъ свое имя на бумагѣ, для памяти, чтобы знать, кто стоялъ за конфессію. Когда канцлеръ и земскій писарь Кленовый собирались оставить залу, чтобы сообщить королю о рѣшеніи сейма, Будовецъ подошелъ къ бургграфу Штернберку, сеймовому предсѣдателю отъ правительства, и объявилъ ему, что онъ не только подписался, но и самый документъ хранится

(1) Текстъ договора у Славаты. I. 170 -- 177.

(2) ib. I. 183.

у него, что это не обязательство, а простое обозначеніе имени, онъ готовъ выдать документъ и надѣется, что это обстоятельство не послужитъ поводомъ къ отложенію разсмотрѣнія статьи о вѣрѣ.

На другой день, 29 января, явились на сеймъ канцлеръ и земскій писарь и выразили удовольствіе короля по поводу вчерашняго рѣшенія, съ просьбой — вручить уговоръ бургграфу для уничтоженія, какъ это было обѣщано вчера. Чины переговоровъ между собой, и Стефанъ Штернберкъ отвѣчалъ бургграфу, что документа выдать они не могутъ, такъ какъ онъ подписанъ для того, чтобы можно было бы указать его величеству, что не одно или два лица представили на прошлогоднемъ сеймѣ требованіе о свободѣ религіи, какъ это говорятъ злые люди, да и вчера очень немногіе были въ засѣданіи. Бургграфъ возражалъ, что дѣла такъ не дѣлаются, не уничтожаются завтра, что рѣшено сегодня. Теперь сталъ говорить Будовець: когда король былъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ, чины были вѣрны ему: они публично объявили, что готовы жертвовать за него всею — и жизнью, и имуществомъ; если договоръ и былъ написанъ ими, то именно съ цѣлью показать вѣрноподданныческія чувства; выдать документъ для уничтоженія — значило бы зло посмѣяться надъ чешскимъ народомъ, вѣрность котораго извѣстна повсюду — поля венгерскія орошены его кровью; если бы было на то согласіе сословія, документъ могъ бы быть врученъ лично королю.

Мысль Будовца была принята, и чины просили бургграфа выхлопотать имъ аудіенцію для врученія королю документа, который его величество имѣлъ бы хранить, какъ драгоценность, вида изъ него, что не мало вѣрноподданныхъ стояло у его трона въ минуту опасности.

Въ пятницу, 30 января, раннимъ утромъ собрались чины въ зеленой залѣ. Было предложено, чтобы тѣ, которые желаютъ стоять заодно съ подобными, снова объявили себя за петицію, поданную его величеству на прошломъ сеймѣ; предложеніе было принято, при чемъ явились новыя лица, пожелавшія подписаться подъ просьбой. Теперь чины получили разрѣшеніе отъ короля — быть у него на аудіенціи, послѣ чего сеймъ избралъ 12 чело-

вѣкъ. Депутація вручила Рудольфу подписи, просила ихъ не уничтожать, но хранить, какъ память о вѣрности подобоевъ, и получила въ отвѣтъ, что онъ исполнитъ ея желаніе.

На слѣдующій день, 31 января, были заслушаны наконецъ сеймомъ давножеланныя королевскія предложенія. Разрѣшая сейму заняться вопросомъ о религіи прежде всего, король объявлялъ, что на чемъ всѣ три сословія согласно порѣшатъ, все это онъ приметъ во вниманіе и дастъ свой отвѣтъ. Затѣмъ засѣданіе сейма было отложено на вторникъ, 3-го февраля.

Засѣданіе 3-го февраля еще не начиналось, когда высшіе чиновники изъ католиковъ, собравшись въ домъ бургграфа Штернберка, потребовали къ себѣ пражанъ и представителей городовъ на сеймъ и именемъ короля приказали имъ, чтобы они, какъ представители королевской коморы, при обсужденіи статьи о религіи повоздержались отъ всего такого, что могло бы оскорбить его величество, если они желаютъ остаться при прежней королевской защитѣ. Примасы Старого и Нового Мѣста отвѣчали, что города въ вопросѣ о вѣрѣ ничего новаго не будутъ искать. Когда городскіе депутаты приплы на сеймъ, тамъ были въ сборѣ чины-подобои; они не замедлили сообщить послѣднимъ о разговорѣ у бургграфа и просили ихъ держать надъ ними свою охранную руку.

Послѣ этого католики и подобои собрались въ судейской залѣ, и Стефанъ Штернберкъ объявилъ бургграфу, что такъ какъ вопросъ о религіи не могъ быть порѣшенъ на минувшемъ сеймѣ за неимѣніемъ времени, то сословія желаютъ возобновить свою петицію и избрать для того 24 человекъ къ аудіенціи. Бургграфъ отвѣтилъ, что онъ доложитъ королю, но просилъ сообщить ему, чего сословія будутъ искать. «Ничего новаго — отвѣчалъ Штернберкъ; сословія будутъ искать только того, что имъ обѣщано было еще Максимилианомъ».

Аудіенція была разрѣшена; сеймъ избралъ 24 депутата, и Стефанъ Штернберкъ держалъ рѣчь къ Рудольфу. Въ ней онъ напомнилъ королю, что еще на минувшемъ сеймѣ желанія сословія выражены въ обширной запискѣ объ «утвержденіи чешской кой-

фессіи, которую нѣкоторые называютъ аугсбургскою», но король тогда не отвѣчалъ и съ обоюднаго согласія отложилъ отвѣтъ до будущаго сейма, предоставивъ сословіямъ право—до окончательнаго рѣшенія вопроса о вѣрѣ не входить въ разсмотрѣніе никакихъ иныхъ вопросовъ; поэтому чины просятъ дать «милостивый, христіанскій и отцовскій» отвѣтъ на предложенную въ томъ обширномъ прошеніи статью о религіи, милостиво утвердить конфессію.

Рудольфъ обѣщалъ принять во вниманіе просьбу подобоевъ и, когда депутаты выходили, потребовалъ у нихъ чрезъ бурграфа копію прошлагодняго прошенія, такъ какъ онъ его куда-то заложилъ. На слѣдующій день онъ потребовалъ у сейма экземпляръ чешской конфессіи, которая и была ему представлена съ нѣмецкимъ переводомъ.

Мы видѣли, что уже при самомъ началѣ сейма правительство пригрозило городамъ, сословію наиболѣе слабому. Депутаты жалуются высшимъ сословіямъ, что стѣсняется свобода сейма, просятъ ихъ не оставлять, но правительство продолжаетъ стращать, надѣясь оторвать третье сословіе отъ союза съ панамъ и рыцарями и такимъ путемъ ослабить оппозицію.

7-го февраля, по требованію короля, представители городовъ собрались въ старомѣстской ратушѣ, и примасъ ратуши, Юрій Гейделіусъ, креатура католиковъ, объявилъ имъ, что панъ высшіе земскіе чиновники пришли къ доброй мысли: пусть ученые юноши и мужи посвящаются въ священники при верхней консисторіи, т. е. отъ архіепископа, чтобы такимъ образомъ всѣ согласовались съ стародавней чешской вѣрой на основаніи компактатовъ, а не съ какою-то конфессіей. Тогда всталъ бухгалтеръ Криштофъ Куберъ, изъ общины, еще наканунѣ спрашивавшій совѣта у высшихъ сословій — итти ли имъ, депутатамъ городовъ, въ ратушу, и отвѣчалъ примасу, что пражане и посланники отъ королевскихъ городовъ — всѣ объявляютъ себя за чешскую конфессію и купно съ высшими сословіями просили и теперь просятъ короля объ оставленіи ихъ при ней, и что одному третьему сословію не гоже вступать въ какія то обязательства статьи о вѣрѣ. Примасъ потребовалъ подняжъ отъ тѣхъ,

что были согласны съ Кобромъ, и, когда увидѣлъ, что под-
писались всѣ, онъ только замѣтилъ: «время укажетъ, что
вань принесетъ въ будущемъ ваше упорство» (1).

Прошло болѣе недѣли послѣ подачи петиціи о вѣрѣ, отвѣта
не было. Терпѣніе стало оставлять сеймъ: чины жаловались
бургграфу, что крайне израсходовались и уѣдутъ изъ столицы.
Штериберкъ утѣшалъ, что статья о вѣрѣ очень важная и
требуетъ не малаго обсужденія.

Дѣйствительно, сознавая всю серьезность отвѣта на пред-
ставленную просьбу о вѣрѣ Рудольфъ обсуждалъ его долго, много.
совѣщался и съ духовными, и съ свѣтскими лицами. Рудольфъ
обратился за мнѣніемъ въ нижней консисторіи: понятно, та
възълась на конфессію. «Конфессія исключительно основ-
вается на аусбургскомъ исповѣданіи, а послѣднее, какъ претивное
большою частью католической вѣрѣ и ученію нашей стороны,
подобоевъ, стародавнему и истинному, давно уже признано ере-
тическимъ. Кромѣ того, конфессія одобряетъ исповѣданіе и вѣру
братьевъ, пикардской секты: они объявляются въ ней добрыми
друзьями и истинными христіанами; а потому нижеподписав-
шіеся сословія не думаютъ тѣснить ихъ; но всѣмъ извѣстно,
что секта эта не разъ уже осуждена и воспрещена подѣ
страхомъ смертной казни». Нѣтъ сомнѣнія, что и архіепископъ
пражской Ламбергъ высказался противъ признанія требованій
сейма. Что же касается до свѣтскихъ совѣтниковъ короля, то
мнѣнія ихъ двоились. Умѣренные католики предлагали уступить
подобойскимъ чинамъ въ нѣкоторыхъ ихъ требованіяхъ: въ по-
ставленіи священниковъ помимо архіепископа, въ безпрепятствен-
ности потребенія, церковнаго звона, въ дарованіи свободы совѣсти
и крестьянамъ. «Но нѣкоторые паны католическіе — говоритъ
Славата, особенно же Лобковицъ, Мартиницъ и я, возражали,
что если его величество согласится съ умѣренными, то это
будетъ въ ущербъ святой католической церкви. Къ тому же
они не полагаютъ, чтобы сторона подобойская пожелала удо-

(1) Коберъ былъ казненъ послѣ Бѣлогорской битвы.

вольствоваться этимъ немногимъ: напротивъ, такъ какъ она приняла въ среду свою послѣдователей братской общины, то будетъ стремиться добыть иныхъ уступокъ, еще болѣе вредныхъ для католической церкви, чтобы тѣмъ свободнѣе исповѣдывать свою мнимую религію. Вѣдь очень хорошо извѣстно о братьяхъ, что у нихъ нѣтъ посвященныхъ пастырей, а сами приказываютъ своимъ старѣйшимъ посвящать дьяконовъ и священниковъ. Если такимъ образомъ страна подобойская замѣтитъ, что его величество склоненъ къ уступкамъ, она будетъ домогаться далѣе и далѣе».

Изъ этого любопытнаго свидѣтельства врага общины и дѣятельнаго участника въ разсматриваемыхъ событіяхъ ясно, насколько цѣнилась сила братьевъ въ королевскомъ совѣтѣ. Въ виду вышеизложенныхъ соображеній эти три «орудія іезуитскія», въ противность большинству совѣта, предлагали немедленно же отказать «неприличнымъ» желаніямъ чиновъ, а между тѣмъ снести съ папой. Мнѣніе ихъ поддержалъ архіепископъ, лично оскорбленный подобоями, требовавшими въ поданной петиціи не назначать впредь иностранца на пражскую кафедру. Согласно съ представленіями меньшинства былъ изготовленъ отвѣтъ.

Въ особой аудіенціи былъ врученъ отвѣтъ Рудольфомъ депутатамъ сейма, при чемъ король замѣтилъ, что онъ надѣется, что религіозныя требованія подобоевъ не простираются на пикардовъ, т. е. болеславскихъ братьевъ, какъ пояснилъ ванцлеръ, присутствовавшій при этомъ.

«До сихъ поръ—говорилъ Рудольфъ въ своемъ отвѣтѣ—не было ни малѣйшаго притѣсенія свободѣ совѣсти; но такъ какъ земская конституція признаетъ только два вѣроученія—католическое и подобойское, и никакого новаго не допускаетъ, поэтому и король, какъ присягавшій надъ неприкосновенностью всѣхъ старыхъ привилегій, ничего новаго допустить не можетъ. Относительно церковнаго звона, погребенія въ церквяхъ и особенно тамъ, гдѣ имѣются церковныя вклады, чинамъ дается полная свобода, но священники должны быть непремѣнно посвящаемы архіепископомъ пражскимъ. Что же касается тѣхъ, которые именуются членами братской общины, то, такъ какъ

ученію ихъ послѣ многосторонняго разсмотрѣнія многими манда-
тами, королевскими рѣшеніями и сеймовыми заключеніями всѣхъ
трехъ сословій съиздавна строго воспрещено, — его величество
остаётся при предыдущихъ резолюціяхъ римскихъ цесарей и
королей чешскихъ, съ тѣмъ однако присовокупленіемъ, что если
бы который изъ нихъ пожелалъ отступиться отъ своей никогда
въ этомъ королевствѣ не признаваемой вѣры и присоединиться
къ католической либо уtrakвистской церкви, то это онъ мо-
жетъ учинить свободно, при чемъ обязанъ впредь не посѣ-
щать тѣхъ обширныхъ помѣщеній, которыя братья называютъ
собраніями (zborove).

Чины опредѣлили отвѣчать королю, для чего былъ избранъ
комитетъ изъ 91 лица; но резолюція короля, безусловно осуж-
давшая общину, произвела на время разрывъ въ средѣ подо-
боевъ. Члены общины всегда отдѣляли себя отъ конфессіонистовъ,
и потому въ виду королевской резолюціи послѣдніе предложили
братьямъ вопросъ: желаютъ они присоединиться къ конфессіи
1575 года или нѣтъ? Будовець, отъ имени общины, отвѣ-
чалъ, что король говоритъ о такихъ подобояхъ, которые при-
знаютъ пражскаго архіепископа, что врядъ ли онъ дозволитъ
аугсбургское исповѣданіе, но что они, братья, просятъ чины
считать ихъ своими, такъ какъ они всѣ соединились въ кон-
фессіи 1575 г. Другой братъ замѣтилъ, что не удобно требовать
теперь уже отъ общины подчиненія ея священниковъ еще не
существующей подобойской консисторіи, такъ какъ подобои
и сами навѣрно не знаютъ, насколько будутъ исполнены ихъ
желанія, и будетъ ли священство ихъ организовано согласно
конфессіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ завѣрялъ, что коль скоро подобои
получатъ свою консисторію и священство свое устроить на осно-
ваніи конфессіи, тогда и братья пожелаютъ съ своимъ священ-
ствомъ поступить подъ управленіе ихъ консисторіи. Но не
смотря на этотъ умный отвѣтъ общины, конфессіонисты, подо-
зрѣвая, что братья желаютъ только «укрыться подъ тѣнью
ихъ», а потомъ опять потянуть врозь, потребовали безусловнаго
соединенія съ ними, «beze všech vuminek»; ежели не хотятъ,
то они, конфессіонисты, будутъ хлопотать о себѣ отдѣльно.

Въ виду такого неожиданнаго заявленія Вудовець отвѣчалъ имъ, что если бы иначе быть не могло, и они отдѣлили бы себя отъ братьевъ, принимая къ нимъ извѣстные мандаты, то братья охотнѣе положатъ головы свои и снесутъ всякія преслѣдованія, чѣмъ отступятся отъ своихъ священниковъ и своей вѣры (1).

Такимъ образомъ, въ лагерѣ оппозиціи готовился полный разрывъ; вѣроятно, и отвѣтъ королевскій, употребляя намѣренно двусмысленное выраженіе «подобоя», которое имѣло два значенія — у католиковъ оно обозначало старыхъ гуситовъ, у ихъ противниковъ — послѣдователей конфессіи 1575 года, и рѣзко отличая подобоевъ отъ братьевъ, рассчитывалъ на возможное раздвоеніе въ средѣ некатолическихъ чиновъ. Но, къ счастью, менѣе увлекавшіеся отвѣтомъ конфессіонисты, чѣмъ напр. доврчивый панъ Штернберкъ, коноводъ всѣхъ этихъ препирательствъ, и во главѣ ихъ Турнъ, замѣтили, что и они, признающіе чешскую конфессію, не считаются королемъ настоящими подобоями. (za pravé podobojí), на которыхъ простирались бы права и конституція земская: отвѣтъ говоритъ только о тѣхъ, что согласны съ компактатами и нижней консисторіей архіепископа пражскаго, — и потому крайне необходимо имъ всѣмъ держаться вмѣстѣ въ дѣлѣ вѣры, а не разъединяться. Рѣчь Турна просвѣтила умы его сотоварищей; они перестали говорить о сепаратизмѣ братьевъ въ вопросѣ о священствѣ и объявили, что они никогда, не были намѣрены отдѣлать отъ себя братьевъ или дѣлать имъ какую нибудь неприятность въ вѣрѣ и весьма радуются, что и они признаютъ конфессію 1575 года; что же касается до устройства духовенства, то они потомъ сообща, пріятельски условятся.

Въ комитетъ, гдѣ имѣлъ быть изготовленъ отвѣтъ вошло равное число братьевъ и конфессіонистовъ. 14 февраля онъ былъ

---

(1) «Kdyby pak jináčce býti mohlo, a Jich Milosti je od sebe odlučovali, aneb na ně ty mandáty potahovali, že chtějí raději své hrdla vynaložiti a všeliká protivenství snášeti, nežli od svých kněží a naboženství svého upustiti». Slavata. I. 207.

готовъ, а 18 врученъ королю. Выразивши свое крайнее недоубііе по поводу послѣдней королевской резолюціи, чины просили «вольнаго и свободнаго служенія Господу Богу на основаніи чешской конфессіи», указывали, что не смотря на то, что только внезапная смерть воспрепятствовала Максимилиану нести конфессію въ земскія доски, имъ постоянно чинились преслѣдованія въ дѣлѣ религіи: «палками, тюрьмой, растягиваніемъ ртовъ» нудили ихъ къ католичеству, тогда какъ компактаты давно уже уничтожены изъ земской конституціи.» Что же касается упоминанья о братьяхъ, то предки ихъ съ нашими были въ согласіи и конфессію признавали и признають; поэтому маньчжунъ, вышедшіе въ силу компактатовъ и простирающіеся на чинія еретическія, не относятся къ намъ. Когда его величество исполнитъ нашу просьбу, тогда всё мы замѣстимъ консисторію ридованными священниками, выберемъ дефензоровъ и всё вмѣстѣ будемъ управляться ими». Для большей убѣдительности была приложена къ отвѣту выпись изъ досокъ земскихъ объ уничтоженіи компактатовъ.

Такимъ образомъ, началась бумажная война между сеймомъ и королемъ: четыре раза отвѣчалъ король чинамъ, и три раза чины возражаютъ королю.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія у архіепископа былъ готовленъ второй королевскій отвѣтъ, отъ 21 февраля. Въ немъ король возражалъ, будто бы Максимилианъ согласенъ былъ нести конфессію въ земскія доски, что онъ собственной своей персоной присутствовалъ при тогдашнихъ переговорахъ и помнить это хорошо. Правда, компактаты уничтожены, но отъ этого не теряли значенія остальные законы конституціи земской, въ силу которыхъ, кромѣ святой вѣры христіанской подъ однимъ и тѣмъ же именемъ, не допускаются никакія иныя еретическія секты и королевствѣ. Что касается жалобъ на притѣсненія, то земскій уставъ дозволяетъ каждому искать удовлетворенія. Община братьевъ должна принять католическое или подобойское (архъ калишниковъ) ученіе, а до тѣхъ поръ король остается при прежней своей резолюціи, такъ какъ братское ученіе всегда

признавалось еретическимъ и въ мандатахъ, и въ сеймовнхъ постановленіяхъ.

Чины были крайне опечалены такимъ отвѣтомъ и жаловались, что король слушаетъ наговоры ихъ противниковъ и даже желаетъ отнять у нихъ то, что они имѣли. Положили снова отвѣчать и цѣлую недѣлю писали возраженіе. Новая депутація вручила королю этотъ новый отвѣтъ, отъ 26 февраля, съ просьбой — прочесть лично хотя нѣмецкое извлеченіе изъ него, потому что они, чины, полагаютъ, что лица, которымъ король поручалъ дѣлать извлеченія изъ ихъ петицій, невѣрно передаютъ содержаніе ихъ просьбъ. Въ послѣднихъ словахъ былъ ясный намекъ на Лобковица, какъ канцлера королевства. Второй отвѣтъ сейма отличался документальнымъ изложеніемъ; къ нему въ видѣ поясненій текста шелъ рядъ приложений, болѣе или менѣе обширныхъ.

Понимая хорошо, что королямъ орудуютъ враги реформы-католическіе высшіе чиновники съ своими «директорами», чины прежде всего стараются убѣдить Рудольфа въ несправедливости поклепа на нихъ, будто они еретики и состоятъ внѣ закона. «Изъ двухъ отвѣтовъ -- писали чины — мы ясно видимъ, что отъ кого-то мы обнесены невинно предъ вашимъ величествомъ, яко бы мы были не той подобойской вѣры, на которую простирается земская конституція; въ дѣйствительности же это иначе, и для того чтобы ваше величество изволили милостиво это узнать, мы принуждены для доказательства нашей невинности представить дальнѣйшее объ этомъ разсмотрѣніе».

Именемъ Бога чины удостовѣряли короля, что ихъ конфессія отъ перваго до послѣдняго параграфа заключаетъ въ себя только христіанское ученіе, что они исповѣдуютъ настоящую подобойскую вѣру, а земская конституція не знаетъ никакого другаго различія въ населеніи, кромѣ католиковъ и подобоевъ, слѣдовательно, она простирается и на нихъ. Когда Вальдштейнъ на сеймѣ 1575 года оскорбилъ чины, сказавъ, что они внѣ конституціи, такъ какъ не подчиняются нижней консисторіи, то самъ Максимилианъ призналъ, что и на нихъ простирается земскій уставъ, и своими собственными устами объявилъ, что они

остаются подъ его милостивою защитою. Нынѣшнее веденіе ихъ дѣла противурѣчить общанію императора на прошлогоднемъ сеймѣ, въ которомъ прямо говорилось, что пока релігіозный вопросъ не будетъ доведенъ до конца, сословія не обязаны приступать ни къ какому другому дѣлу. Чины повторяли главнѣйшіе пункты петиціи, подданной на прошлогоднемъ сеймѣ, т. е. просили объ утвержденіи конфессіи 1575 года, для свободнаго исповѣданія которой еще покойный императоръ предоставилъ сейму право избранія дефензоровъ, объ уравненіи королевства съ иными землями, гдѣ дозволено аугсбургское исповѣданіе, о передачѣ чинамъ нижней консисторіи (ибо самая-де справедливая — полснали подобои — требуетъ, чтобы подобойская консисторія находилась въ ругахъ сословія того же ученія) и пражскаго университета и о защитѣ ихъ отъ всякаго преслѣдованія, угрозъ и брани еретиками. Въ отдѣльномъ приложеніи перечислялись притѣсненія отъ католиковъ; всѣ они болѣе или менѣе незначительны. Жаловались напр., что праздникъ Гуса и Иеронима вынущенъ изъ календаря, что монастырь славянскій (Эмиаусы) отнятъ у нихъ католиками. Серьезнѣе другихъ была жалоба на Солендера, аббата брумовекаго, который не позволялъ брумовецкимъ мѣщанамъ хоронить своихъ на кладбищѣ; кто же противился этому распоряженію, того за ослушаніе бросали въ тюрьму по приказанію пражской канцеляріи (1).

Мы увидимъ ниже, что аббатъ брумовецкій былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ пособниковъ іезуитовъ послѣ погрома ихъ въ 1609 году, былъ въ извѣстномъ смыслѣ виновникомъ возстанія 1618 года.

Само собой разумѣется, чины не забыли сдѣлать возраженія противъ того мѣста въ отвѣтѣ, гдѣ говорилось о братьяхъ. «Что касается общины братской, пановъ — пріятелей нашихъ милыхъ — писали чины, то такъ какъ мандаты имѣютъ въ виду *«učení bludná a zmatečná»*, а таковыми ученіямъ ни мы, ни братья не слѣдуемъ и всѣ сообща признаемъ конфессію, — поэтому,

(1) Жалоба на аббата подъ № 36. 38. Slavata. I. 242. 243.

оставаясь относительно этого пункта при нашем прежнемъ отвѣтѣ, тѣмъ откровеннѣе мы осмѣливаемся утрудять ваше величество».

Послѣдовали новыя совѣщанія высшихъ чиновниковъ у архіепископа, 2 и 3-го марта. Какъ и слѣдовало ожидать, были высказаны два противоположныя мнѣнія: или пусть король останется при прежнемъ своемъ рѣшеніи или же согласится на всѣ требованія чиновъ. На частномъ совѣщаніи высшихъ чиновниковъ между собой голоса также подѣлились: одни настаивали на необходимости уступокъ со стороны короля на нѣкоторыя, менѣе существенныя требованія сейма, но съ тѣмъ, чтобы потомъ былъ составленъ комитетъ изъ католиковъ и подобоевъ, и тамъ бы они согласились; другіе же, «horlivějšímú duchu», были противъ этого. Славата не называетъ поименно этихъ послѣднихъ, но они и безъ того извѣстны. «Мы міряне — говорили они — и намъ неприлично разсуждать о дѣлахъ вѣры, измѣнять что либо: это могло бы быть въ ущербъ католической религіи; поэтому наше мнѣніе — король долженъ остаться при прежнемъ рѣшеніи. Если что-нибудь будетъ постановлено отъ мірянъ, то провѣдаютъ объ этомъ подобои, и особенно братья (а послѣдніе въ своихъ домогательствахъ упорны, первые они коноводы и руководители всѣхъ этихъ противностей намъ, католикамъ), не успокоятся и будутъ требовать большаго и большаго». Рудольфъ согласился онять съ мнѣніемъ этихъ, болѣе горячихъ католиковъ и объявилъ, что остается при прежнемъ своемъ рѣшеніи о вѣрѣ и всякое дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса считаетъ лишнимъ; но еслибы чины продолжали настаивать на своемъ, то могли бы впасть въ подозрѣніе, что они еслушники и мтежники (1). Въ такомъ смыслѣ былъ написанъ третій отвѣтъ, отъ 9 марта. Мы видимъ, что король начинаетъ говорить инымъ языкомъ съ своими упрямыми сословіями. Съ другой стороны, и сеймъ пересталъ быть сдержаннымъ. Въ неудовольствіи на мѣшканье отвѣтомъ, чины позволили себѣ однажды, вопреки существовавшему

---

(1) «... že by skrze to v podezření přijíti mohli, jakoby neposlušni a rebellové byli». Slavata. I. 246.

этикету, собравшая въ сеймовой залѣ въ ботфортахъ и шпорахъ, нѣтъ Турна во главѣ, и здѣсь торжественно объявили, что если скорѣе не будетъ отвѣта, они оставятъ столицу.

Получивши въ третій разъ неудовлетворительный отвѣтъ отъ короля, чины рѣшили отвѣчать снова, и такимъ образомъ своимъ упорствомъ сломить упорство короля, хотя, при всеобщемъ ропотѣ, многіе предлагали прекратить дальнѣйшіе переговоры, такъ какъ было ясно, что нельзя ожидать отъ нихъ ничего добраго. Но прежде чѣмъ было изготовлено третье возраженіе, 10 марта подобно пригласили къ себѣ католиковъ. Когда тѣ пришли, Стефанъ Штернберкъ, отъ имени своихъ товарищей, обратился къ нимъ съ упрекомъ, что подобно три раза просили ихъ пріятельски промолвить о нихъ доброе слово у короля, и однако они знаютъ, что нѣкоторые изъ католическихъ пановъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы не дано было удовлетворительнаго отвѣта; что третьимъ отвѣтомъ королевскимъ, который «со слезами и съ горечью они должны были выслушать», обязаны наговорамъ этихъ совѣтчиковъ, — и потому всѣ три господа—сословія ихъ спрашиваютъ и просятъ дать имъ наконецъ ясный отвѣтъ: что они объ нихъ думаютъ — считаютъ ли ихъ тѣми, на которыхъ простирается земскій уставъ и королевская присяга или нѣтъ?

Католики дали уклончивый отвѣтъ: что они-де не говорили ничего у короля, потому что чины обращались къ королю, а не къ нимъ; что касается предложеннаго вопроса, то они отвѣчать не могутъ, такъ какъ этотъ отвѣтъ принадлежитъ одному королю. Стефанъ Штернберкъ повторилъ вопросъ, но католики дали тотъ же отвѣтъ. Тогда Штернберкъ сказалъ: «Господа чины-подобно должны поручить себя Господу Богу, а что изъ того выйдетъ, увидимъ»⁽¹⁾. Когда католики выходили изъ сеймовой залы, никто ихъ не провожалъ, какъ это дѣлалось доселѣ, напротивъ слышались крики: «тотъ подлецъ и извѣнникъ, кто съ ними пойдетъ» и разныя насмѣшки.

(1) «Páni stavové pod obojí musejí to již Pánu Bohu poručiti, a co dále z toho pojde, se uhlídá». ib. I. 252.

Новый, третій отвѣтъ сейма былъ врученъ королю 14 марта депутаціей, во главѣ которой, по обыкновенію, стоялъ Стефанъ Штернберкъ. Отвѣтъ былъ многословенъ. Чины возражали противъ ложнаго толкованія присяги короля, яко бы она простирается только на католиковъ и подобоевъ компактатовъ, противъ лживыхъ слуховъ, будто бы печатанная чешская конфессія была воспрещена, повторяли о необходимости передачи сословіямъ консисторіи и университета, такъ какъ послѣдній пришелъ въ крайній упадокъ, и «мы, чехи, должны посылать своихъ дѣтей за границу, между тѣмъ католики, іезуиты основали для себя нѣсколько коллегій и школъ — въ Хомутовѣ, Индриховѣ Градцѣ, въ Крумловѣ, Кладскѣ и въ другихъ мѣстахъ», и заканчивали угрозой, что если конфессія не будетъ утверждена, консисторія и университетъ не будутъ переданы, то они долже не останутся на сеймѣ, за неимѣніемъ дѣла, ибо статья о вѣрѣ должна была итти первой ⁽¹⁾.

23 марта Рудольфъ кратко извѣстилъ сеймъ, что рѣшеніе религіознаго вопроса онъ откладываетъ до будущаго сейма и не считаетъ нужнымъ отвѣчать на ихъ послѣднее представленіе и потому просилъ перейти къ очереднымъ вопросамъ; но при этомъ прибавлялъ, что какъ прежде, съ перваго дня своего управленія, такъ и на будущее время, онъ не допуститъ никакихъ притѣсеній подобоямъ ⁽²⁾. Надо замѣтить, что мысль объ отложеніи подавъ Стефанъ Штернберкъ, за что онъ потомъ впалъ въ немилость подобоевъ.

«И было — говоритъ Скала — очень и очень больно чинамъ, что клеветники ихъ и явные рушители общественнаго покоя дорогой ихъ отчизны имѣютъ больше вѣры и доступа у короля, нежели они, вѣрные подданные, всегда готовые жертвовать для него и жизнью, и имуществомъ. И отъ досады они не могли удержаться, чтобы не написать еще одного объясненія» ⁽³⁾.

⁽¹⁾ 3-го отвѣта сейма нѣтъ у Славаты, поэтому мы пользуемся изложеніемъ его у Скалы. I. 143 — 151.

⁽²⁾ ib. 153.

⁽³⁾ ib.

Въ этомъ послѣднемъ, четвертомъ отвѣтѣ сеймъ повторилъ свою старую просьбу, но въ концѣ заявлялъ, что если этотъ сеймъ разоидется, не разрѣшивъ вопроса о вѣрѣ, то предъ Богомъ, королемъ и всѣмъ свѣтомъ они объявляютъ, что это случилось не по ихъ винѣ, но собственно и справедливо должно быть вѣнено тѣмъ, которые представляютъ дѣло королю иначе, нежели какъ оно есть: «во всемъ этомъ дѣлѣ — говорили чины — вслѣдствіе неизвѣстныхъ побужденій эти люди заботятся не такъ о вашемъ величествѣ и нашей дорогой отчизнѣ, какъ о какомъ-то иномъ господинѣ» (1). Наконецъ, чины не упустили сдѣлать предостереженіе королю, что всему свѣту извѣстно, къ чему привели тѣ люди, что давали недобрые совѣты его величеству относительно подданныхъ и именемъ королевскимъ утѣшали народъ въ его вѣрѣ, и какія земли они ему приготовили — привели къ немалому уменьшенію его королевства (2). Последнія слова были ироническій намекъ на прошлогодній договоръ съ Матвѣемъ, послѣ котораго Рудольфъ остался при одной чешской землѣ. «Но, ваше величество, вы можете остаться и безъ этого», прибавляли чины. Подобно начинаютъ говорить внушительнымъ языкомъ, указывая королю на опасности, могущія возникнуть вслѣдствіе его упорства, изъ-за заботы о немъ же, ибо они составляли основу государства, а канцлеръ съ католиками — ничтожное меньшинство, которое тѣмъ не менѣе открыто защищало интересы «какого-то господина», руководствуясь инструкціями отъ іезуитовъ. Въ разсматриваемое время изъ трехъ милліоновъ населенія королевства не болѣе одной десятой части признавало папу (3). Борьба была своихъ интересовъ съ чу-

(1) «Ve vši této věci ne tak V. C. M. a tuto milou vlast, jako jiného někoho pro jakékoli příčinu respectirují». Slavata. I. 256.

(2) «Ješto k čemu jsou ti, kdož jsou kdy V. C. M. proti straně pod obouj takové rady dávali a jménem V. C. M. lidi při náboženství a svědomí jich utiskovali, přivedli a o jaké země V. C. M. připravili — to jest témeř všemu světu známo a tomuto království k nemalému zmenšení». ib.

(3) Gindely. «Dějiny českého povstání léta 1618». Praha. 1870 130. По ооенціальнымъ даннымъ, въ началѣ XVII столѣтія въ Чехіи считалось 1300 съ небольшимъ приходоу или еарь, но не извѣстно, сколько изъ этой общей цнеры приходоу выпадало на долю католикоу и некаатоли-

жими, историческаго государства съ космополитическою церковью, народа съ иезуитами. «*Co dále s toho pojde, se uhlídá*» — вот что можно сказать пока о концѣ этой борьбы, какъ это замѣтилъ Штернберкъ католическимъ чинамъ 10 марта.

31-го марта сеймъ слушалъ пятый, законическій отвѣтъ короля. «Я понялъ послѣднее, довольно необыкновенное представленіе сословій — подобоевъ и причины, почему они не могутъ согласиться на отложеніе статьи о религии, и отвѣчаю: я остаюсь при данныхъ мною уже отвѣтахъ и далѣе не могу идти ни на шагъ. Какъ прежде я оставлялъ католиковъ и подобоевъ безъ различія при ихъ привилегіяхъ, земской конституціи и правахъ, такъ и на будущее время никто не будетъ имѣть приличнаго повода жаловаться на меня. Поэтому напоминаю и прошу сословія перейти безъ замедленія къ обсужденію статей, указанныхъ въ моихъ предложеніяхъ и крайне необходимыхъ для цѣлаго королевства, и тѣмъ показать свои патріотическія чувства. Если бы, сверхъ всякаго чаянія, того не случилось, то этимъ самымъ былъ бы данъ поводъ къ распущенію сейма».

По прочтеніи королевскаго отвѣта съ каедри, Штернберкъ, въ качествѣ бургграфа руководившій преніями сейма, предложилъ теперь сословіямъ перейти къ очередному вопросу — о податяхъ; но сословія потребовали себѣ копію королевскаго отвѣта и просили дать имъ хоть нѣсколько времени для обсуж-

---

ковъ. Ученый издатель «Дѣлъ католической и утравистской консисторій», профессоръ богословскаго факультета Климентъ Боровый, обѣщавъ составить статистику католическихъ и подобойскихъ приходовъ въ Чехіи въ XVI столѣтіи (см. «*Jednaní*». II. пред. 4), но, какъ намъ известно, изданіе Гиндели «*Staré paměti dějin českých*» прекращено на пятомъ выпускѣ второго тома «*Jednaní*», и потому обѣщанная статистика церквей не явилась въ печати. Въ социалнѣю, мы также не могли воспользоваться краткими статистическими данными по этому вопросу, обѣщанными намъ ученымъ издателемъ чрезъ А. О. Патеру. Если бы по шляхтѣ можно было замечать о всемъ населеніи Чехіи въ XVII вѣкѣ, то число католиковъ было бы менѣе $\frac{1}{10}$. Въ 1609 г. только 130 душъ мужскаго пола, старше 20 лѣтъ, изъ шляхты объявило себя католиками, тогда какъ всей шляхты въ то время считалось 1400 семей, слѣд. шляхта католическая составляла около 5%, привилегированныхъ сословій. Gindely. «*Dějiny*». I. 124,

денія его. Бургграфъ переслался съ королевемъ, и требованіе сейма было исполнено: бургграфъ вручилъ копію и назначилъ засѣданіе на — завтра, 1 апрѣля.

Когда бургграфъ съ другими чиновниками — католиками удалились изъ залы, Вацл. Будовець обратился къ присутствующимъ съ такимъ напоминаніемъ: «кому дорого его спасеніе, кто заботится о благѣ короля, земли и каждого въ отдѣльности, кто любитъ святое согласіе и любовь однихъ къ другимъ, кто помнитъ энергію, вѣрность и твердость своихъ старихъ предковъ въ дѣлѣ вѣры, кому нима наконецъ его честь, — тотъ долженъ завтра въ 6 часовъ утра явиться на сеймъ и сообщить объ этомъ другимъ, отсутствующимъ!» Всѣ обѣщали (1).

Дѣйствительно, раннимъ утромъ 1 апрѣля чины были въ судейской залѣ сейма. Прежде всего поручено было нѣкоторымъ лицамъ изготovitъ отвѣтъ на послѣднюю резолюцію короля, а между тѣмъ собраніе приступило къ избранію пословъ къ Матвѣю, курфирстамъ и князьямъ имперіи, съ просьбой о защитѣ. Къ Матвѣю были избраны: Турнъ, Штериберкъ, Митровицъ, Бубна, Пергеръ и Калоусъ; къ пфальцграфу рейнскому: Вартемберкъ, Роуповъ, Петинескій, Вресовець, Вейтмиле и Кахле; къ курфирсту саксонскому: Голлахъ, Андрей Шликъ, Фивтуиъ, Штампахъ, Пруноръ и Кирхмайеръ; къ курфирсту брандебургскому: Албинъ Шликъ, Криштофъ Роуповъ, Капиръ, Янъ Вресовець, Пуркгартъ. Кромя того въ Лужицы имѣлъ отпра- виться докторъ Лукъ, а къ Петру Воку Розенбергу — самъ Будовець (2).

Заказанный отвѣтъ былъ вскорѣ готовъ, и чины послали просить бургграфа и остальныхъ чиновниковъ на сеймъ. Когда тѣ явились, земскій декламаторъ, по приказанію Будовца, взошелъ на кафедру и прочелъ протестъ чиновъ, обращенный къ бургграфу, противъ несправедливыхъ дѣйствій короля. Подобно жаловались на неисполненіе королевемъ обѣщанія, даннаго на сеймѣ 1608 года, и объявляли, что если кто самъ или отъ имени его

(1) Skala. I. 159.

(2) ib. 159. 160.

величества осмѣлятся учинить имъ какое-либо оскорбленіе и притѣсненіе, то они «всѣ за одного и одинъ за всѣхъ»⁽¹⁾ защищаютъ и отстаиваютъ другъ друга до послѣдняго изнеможенія. «А такъ какъ чины усматриваютъ различныя опасности, окружающія съ разныхъ сторонъ королевство, сосѣдніе курфирсты напр. собираютъ войска, то они полагаютъ необходимымъ обезопасить прежде всего его величество, а потомъ самихъ себя и быть наготовѣ, все равно — присоединятся ли къ нимъ католики или нѣтъ. На основаніи этого заявленія и въ силу правомочія настоящаго общаго сейма чины назначаютъ день, а именно будущій понедѣльникъ по св. Филиппѣ и Яковѣ, когда они, собравшись наканунѣ, въ воскресенье въ Прагу, должны будутъ сойтись въ новомѣтской ратушѣ для опредѣленія земской обороны, чтобы какъ король, такъ и чины—подобой съ ихъ имуществомъ, женами и дѣтьми, могли обезопасить себя противъ всякаго покушенія, отъ кого бы оно ни исходило — оскорблѣ чины, всѣхъ вмѣстѣ или кого либо въ отдѣльности, изъ побоевъ или изъ признающихъ чешскую конфессію, и такимъ образомъ себя защитить»⁽²⁾.

Итакъ, то, что предвидѣли умѣренныя католики, что дальнѣйшее упорство короля повлечетъ за собой опасныя послѣдствія для правительства, совершилось: подобойскіе чины сдѣлали первый шагъ въ революціи, назначивши на 1 мая свой земскій сеймъ⁽³⁾.

(1) «Všickni za jednoho a jeden za všesku».

(2) Нѣтъ сомнѣнія, что уже къ этому времени относится начало тайныхъ переговоровъ Рудольфа и пражскихъ католиковъ съ Леопольдомъ, епископомъ Пассау, съ цѣлью «vlast jich milou ropetem žalostivě položití» (Skala. I. 208), слѣдствіемъ которыхъ было вторженіе сброднаго войска изъ Баваріи въ Чехію въ 1611 г., окончившееся такъ плачевно для Рудольфа. См. W. H a n k a. «Correspondenz zwischen Kaiser Rudolph, dem ungarischen König Mathias, den Erzherzogen Leopold und Albrecht...» Prag. 1845. 18. письмо Леопольда къ В. Вхмыскому, который велъ эти переговоры, отъ 22 августа 1609 года.

(3) Событія января-мартовскаго сейма мы излагали по «Воспоминаніямъ» Славаты, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этой продолжительной сеймовой борьбѣ, тѣмъ болѣе, что разсказъ его отличается документальностью и полнотой (за исключеніемъ указанной ошибки), чего нѣтъ у Славы, какъ частнаго лица. «Paměti». I. 183—266.

Земля подымалась противъ короля. Мы подошли въ той минутѣ, когда политика, руководившая доселѣ подобоями, пошла въ другую сторону: первый разъ въ теченіе своей многолѣтней борьбы чины-подобои измѣняютъ своей донинѣшней системѣ словесной оппозиціи, которая имѣла значеніе въ періодѣ ихъ окрѣпленія и была бесполезна, когда они окрѣпли. Давно было ясно, что сила земли на сторонѣ подобоевъ; давно было видно — изъ мандатовъ 1584 и 1602 годовъ, изъ опытовъ сеймовой борьбы, что правительство Рудольфа считаетъ ихъ еретиками, стоящими внѣ закона, людьми нетерпимыми, что католики готовятъ гражданскую войну — но все это не имѣшаетъ подобоямъ довольствоваться угрозами на словахъ и надѣяться на милость іезуитовъ. Въ этомъ смыслѣ напр. дѣйствовалъ вождь рыцарей, Вацлавъ Будовець, на сеймѣ 1603 года, когда уговаривалъ своихъ согласиться безусловно на требуемыя подати и тѣмъ показать свою лояльность: «*ukažite se v tom k žádosti císařské volní poddaní býti*» (1).

На сеймѣ 1608 года вожди оппозиціи непонятнымъ образомъ дали себя въ обманъ, не смотря на то, что самъ Матвѣй былъ приглашенъ нѣкоторыми изъ нихъ для ихъ же цѣлей, и когда, по видимому, все благопріятствовало, чтобы покончить старые счета. Наконецъ, когда на сеймѣ слѣдующаго года было несомнѣнно, что даже большинство католиковъ вполне готово пойти по пути соглашенія съ подобоями и въ этомъ смыслѣ дѣйствовало на Рудольфа, что только ничтожное меньшинство, католики «*horlivějšího duchu*», какъ Лобковиць, Славата, Мартиниць, тормозятъ все дѣло и упорствуютъ, — они довольствуются писать длиннѣйшія, многословныя реплики, гдѣ повторяютъ немного на многіе лады, пускаются въ словопрѣнія да жалуются на злыхъ совѣтчиковъ короля, не называя ихъ даже по имени.

И вотъ, только когда послѣ долгой бумажной войны терпѣніе измѣнилось, подобои наконецъ поняли, что съ іезуитами и ихъ орудіями трахать о мирѣ нельзя, оставили свою неоправ-

(1) Skala. I. 53.

данную живую систему словопрѣній и перешли въ первый разъ къ наступленію: за ними вѣдь стояло $\frac{9}{10}$ вѣсѣхъ обывателей земли. Первый разъ подобно сознали свою ошибку и отъ слова и бумаги перешли къ дѣлу.

Итакъ, помимо короля, но для короля протестовавшіе чины назначили земскій съѣздъ на 1-е мая 1609 года и оставили Прагу. Королевскій сеймъ самъ собой закрывался: на немъ оставались одни лишь католики.

Естественно, правительство поспѣшило принять свои мѣры и издало мандатъ, воспрещавшій назначенный революціонный съѣздъ: по конституціи земской, говорилось въ мандатѣ, только королю принадлежитъ право назначать съѣзды, и потому онъ не дозволить посягнуть на свои права.

Была даже сдѣлана попытка уговорить виднѣйшихъ дѣтелей изъ подобоевъ отказаться отъ задуманнаго шага: правительство ихъ завѣряло, что скоро будетъ новый сеймъ, но тѣ дали болѣе или менѣе уклончивый отвѣтъ. Новомѣстская ратуша, гдѣ долженъ былъ засѣдать революціонный сеймъ, была заперта.

Наступилъ наконецъ назначенный день — 1 мая. Подобоевскіе чины наканунѣ были въ Прагѣ, а утромъ 1-го мая собрались на дворцовой площади подъ открытымъ небомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были призваны къ королю и получили приказаніе разойтись. Они отвѣчали, что ничего не имѣютъ противъ короля, но разойтись не могутъ, такъ какъ самъ король ихъ объявилъ на сеймѣ, что не желаетъ ихъ болѣе слушать.

На слѣдующій день чины опять собрались на дворцовой площади и дали знать высшимъ королевскимъ чиновникамъ, что сошлись лишь для выслушанья донесеній отъ посланниковъ, отправленныхъ еще минувшимъ сеймомъ къ сосѣднимъ государямъ — Матвѣю, курфирсту пфальцскому Фридриху, саксонскому Христіану и нѣкоторымъ другимъ. Снова чины были потребованы къ королю и снова выслушали приказаніе разойтись, такъ какъ скоро будетъ созванъ общій сеймъ. Когда воротившіеся изъ слушанья сообщили слова короля своимъ сотоварищамъ, остававшимся на площади, толпа взволновалась, и тутъ же, подъ

отвертнуть вежомъ, всѣ присутствовавшіе присягнули — не отступить назадъ и направились къ новомѣстской ратушѣ. Картина была величественная: длинный карловъ мостъ, отъ одного конца до другого, былъ занятъ двигающею толпою пановъ и рыцарей. Ратуша была заперта, поэтому чины расположились на площади; скоро около нихъ собрались толпы народа. Здѣсь чины вторично повѣлялись не оставлять другъ друга, но ничего не обсуждали, такъ какъ было получено сообщеніе отъ пословъ саксонскаго курфюрста, что на этотъ день они, послы, имѣютъ слушаніе у Рудольфа, чтобы пособить дѣлу подобоевъ.

3 мая происходило новое собраніе чиновъ въ ратушѣ. Вождь общины, Будовець, произнесъ рѣчь, въ которой объяснилъ причину и цѣль ихъ чрезвычайнаго сейма: «мы собрались — говорилъ онъ — не противъ, но за короля, въ защиту себя и своихъ семей» и предложилъ чинамъ представить объясненіе своихъ дѣйствій королю. Всѣ присутствующіе пали на колѣня и запѣли братскій гимнъ: «Bože, otče, sešliž nam Ducha svatého». Было избрано нѣсколько лицъ для написанія объясненія. Но въ эту минуту дали знать, что королевскія войска идутъ, чтобы разогнать собраніе; произошла общая сумятица: всѣ поспѣшили вонъ изъ ратуши, чтобы приготовиться къ отпору. Слухъ объ этомъ переполохѣ быстро распространился въ смежныхъ частяхъ города, и народъ повалилъ на подмогу чинамъ съ сѣкирами, ножами, вилами, дубьемъ, въ особенности ремесленники и цеховцы. Всѣ готовы были встрѣтить нападеніе. Но вскорѣ оказалось, что извѣстіе о войскахъ было ложное: самъ король послалъ высшихъ чиновниковъ успокоить собраніе и толпу. Виѣтъ съ этихъ посланныхъ объявили волю короля — собрать въ непродолжительномъ времени сеймъ и удовлетворить желанія подобоевъ. Послѣдніе дали краткій отвѣтъ: они потребовали уничтоженія мандата, изданнаго противъ сѣзда, и созванія сейма не далѣе какъ на третій день. Еще не былъ извѣстенъ отвѣтъ короля на то, только что предложенныя условія мира, и потому на слѣдующій день чины собрались снова въ ратушѣ. Собраніе 4-го мая было особенно многочисленно: въ немъ участвовало около 500 всадниковъ

изъ панскаго и рыцарскаго сословія и до 10 т. народу. Теперь чины выбрали 100 человекъ для составленія объяснительной записки королю, къ которымъ были приданы четыре прокуратора, два отъ конфессіонистовъ и два отъ братьевъ. Написанное объясненіе, вслѣдствіе обычной слабости подданныхъ, было многословно: чины увѣряли короля въ своихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ, повторяли старыя упреки, что слово королевское нарушено, просѣвъ ихъ не выслушивать, а при закрытіи январскаго сейма бургграфъ имъ прямо объявилъ, что его величество не принимаетъ болѣе ни устныхъ, ни письменныхъ ходатайствъ; указывали, что хотя земскій уставъ воспрещаетъ всякіе сѣзды и сеймы, направленные въ ущербъ королевской власти, но онъ ничего не говоритъ противъ сѣздовъ для защиты и въ заключеніе требовали — уничтожить изданный мандатъ, объявить ихъ вѣрными подданными, не учинившими ничего противъ королевской власти, не виѣнать въ вину поступковъ членовъ новомѣстской ратуши, созвать новый сеймъ въ теченіе трехъ дней и обѣщать утвержденіе конфессіи.

Только на третій день по подачѣ записки чины были уведомяны, что король милостиво принялъ ихъ объясненіе. Затѣмъ уполномоченными обѣихъ сторонъ, правительства и сѣзда, было условлено, что сеймъ соберется чрезъ двѣ недѣли. Дѣйствительно, тотчасъ же вышелъ королевскій рескриптъ о созваніи сейма на 25 мая; концентъ этого рескрипта былъ тщательно разсмотрѣвъ подобоями. Излишне почти упоминать, что и здѣсь Лобковицъ, Мартиницъ и Олавата были противъ уступки, такъ что король приказалъ канцлеру подписать сознательный рескриптъ.

Въ условленный день, 25-го мая, собрались сословія; но вслѣдствіе нездоровья Рудольфа королевскія предложенія были назначены къ сообщенію сейму только на третій день. Наученные опытомъ, подобои увидѣли въ этомъ старій маневръ своихъ противниковъ — откладывать дѣло, и поэтому объявили высшимъ королевскимъ чиновникамъ, что если предложенія не будутъ внесены въ срокъ, то тотчасъ же вступить въ силу статья о защитѣ, и что не усѣли порѣшить въ ратушѣ, то будетъ дорѣшено въ королевскомъ замкѣ. Угроза подѣйствовала: король отказался

явиться лично на сеймъ, но поручилъ бургграфу тотчасъ же внести королевскія предложенія. Понятно, самый важный пунктъ въ королевскихъ предложеніяхъ была статья о вѣрѣ. Рудольфъ разрѣшалъ чинамъ заняться религіознымъ вопросомъ прежде всего и обѣщалъ имъ дать отвѣтъ на то, «о чемъ всѣ три сословія одинаково уговорятся», и имѣть ихъ въ своей милости.

Въ день вознесенія подобои противъ воли короля собрались на частное совѣщаніе въ сеймовой залѣ и на немъ избрали комитетъ для составленія меморіала, въ которомъ имѣли быть выражены желанія чиновъ. Уже къ утру слѣдующаго дня, 29-го мая, меморіаль былъ написанъ и тогда же представленъ королю. Въ немъ чины ссылались на поданныя прежде петиціи и просили утвержденія конфессіи 1575 г. во всѣхъ ея частяхъ, передачи имъ, подобойскимъ сословіямъ, нижней консисторіи, университета и т. д.

Снова все пошло по старому. Меморіаль былъ отосланъ въ канцелярію для обсужденія отвѣта, и, конечно, оттуда, гдѣ засѣдалъ Лобковицъ съ пріятелями, нельзя было ждать ничего добраго для подобоевъ. Дѣйствительно, изъ канцеляріи объявили сейму, что прежде нежели будетъ данъ отвѣтъ на предъявленныя требованія, король желаетъ имѣть удостовѣреніе въ дѣйствительности полнаго соглашенія подобоевъ между собою, свѣдѣнія объ организаци ихъ будущаго церковнаго управленія и просить точно указать всѣ тѣ статьи, которыя будутъ обсуждаться на настоящемъ сеймѣ.

Въ этомъ объявленіи чины увидѣли старую проволочку: они переглянулись, минуту помолчали, а затѣмъ послышался взрывъ всеобщаго негодованія. Сеймъ порѣшилъ, что на слова королевскія нечего болѣе обращать вниманія, а надо дѣлать то, что начато еще въ ратушѣ. Съ трудомъ могли успокоить взволнованное собраніе высшіе чиновники, и подобои отвѣчали весьма кратко на предложенные королемъ вопросы. Относительно взаимнаго соглашенія конфессіонистовъ и братьевъ чины указывали на акты, выработанные сеймомъ 1575 года и двумя послѣдними: «всякое дальнѣйшее соглашеніе излишне» — писали они. На запросъ о церковномъ управленіи они отвѣчали въ

весьма общихъ выраженіяхъ, что когда конексторія и университетъ будутъ имъ переданы, тогда они «заведутъ добрый церковный и школьный порядокъ, богопочитаніе умножится, а между сословіями католическими и ими установится на вѣки согласіе, любовь и взаимное пониманіе». Наконецъ, что касается третьяго королевскаго вопроса, то чины объявили, что они остаются при сеймовомъ рѣшеніи 1608 года и недавно изданномъ королевскомъ мандатѣ, т. е. что тамъ указаны всѣ тѣ пункты, о которыхъ имъ желательно трактовать на сеймѣ.

Прошло нѣсколько дней, отвѣта не было; понятно, это крайне злобидо чины. Они знали, что причина этого замедленія — католическіе совѣтники, но сдерживались и только нѣкоторымъ изъ нихъ, умѣреннымъ католикамъ, позволили себѣ напомнить, что они не должны забывать своей отчизны, и что если есть въ нихъ хоть жила чешская, они должны поторонить короля съ отвѣтомъ (1). Извѣстный намъ своимъ честнымъ и горячимъ участіемъ въ примиреніи бургграфъ Штернберкъ отвѣчалъ на это напоминаніе о патриотическомъ долгѣ чистосердечнымъ признаніемъ, что онъ не причастенъ никакимъ дѣйствіямъ противъ подобойскихъ чиновъ, что охотно помогаль бы, чтобы ихъ дѣдо пришло къ концу, но король передалъ его на разсмотрѣніе своимъ тайнымъ совѣтникамъ. Впрочемъ и въ канцеляріи поснѣшили съ отвѣтомъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого разговора, Штернберкъ доставилъ чинамъ давно ожидаемый отвѣтъ.

Онъ былъ совершенною неожиданностью для сейма: въ немъ Рудольфъ не только не соглашался на требованія чиновъ, но прямо объявлялъ, что все должно остаться въ томъ же видѣ, какъ это было при Фердинандѣ, Максимилианѣ и донинѣ, и что это его послѣднее слово; другими словами, подобои будутъ терпимы, но будутъ стоять по прежнему внѣ покровительства закона.

---

(1) «Ještě jich napomínají, aby na vlast svou a na ně, přátely své pamatovali, a jestli v nich česká žíla jest, aby J. M. C. k brzké odpovědi jim dání měli. Slavata. I. 300.

Чины были страшно раздражены, но было поздно, и потому обсужденіе послѣдней резолюціи королевской отложили на послѣ. Черезъ день чины сошлись въ еудейской комнатѣ для совѣщанія — что дѣлать. Голоса дѣлились: одни предлагали послать еще разъ возраженіе, съ присоединеніемъ къ нему протеста; другіе, болѣе рѣшительные, какъ напр. Турнь, доказывали, что это напрасный трудъ, а лучше «руки свои приготовить бы къ работѣ». Но большинство собранія согласилось съ первымъ мнѣніемъ. Послѣ этого на другой день были приглашены высшіе королевскіе чиновники въ сеймовую залу. Между ними были Лобковиць, Славата и Мартиниць. Будовець объявилъ имъ отъ имени собранія, что чины причину неудовлетворенія ихъ желаній видятъ въ совѣтахъ злыхъ людей, дѣлающихъ имъ вслѣсскія каверзы, и затѣмъ спросилъ ихъ: желаютъ ли они соединенія съ подобными, чтобы уничтожить на будущее время всякіе подобныя совѣты. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по просьбѣ приглашенныхъ, былъ отложенъ до-завтра. Но чины этимъ не ограничились; чрезъ того же Будовца они потребовали отъ каждаго изъ приглашенныхъ королевскихъ чиновниковъ отвѣтить имъ ясно: участвовалъ ли кто изъ нихъ при составленіи послѣдней резолюціи или нѣтъ? Бургграфъ Штерибергъ и высшій судья земскій, Адамъ Вальдштейнъ, дали отрицательный отвѣтъ; когда же очередь дошла до Лобковица, то онъ сначала объяснилъ, что только читалъ резолюцію, но потомъ прибавилъ, что такъ какъ это дѣло касается тайнаго совѣта, то онъ долженъ напередъ переговорить съ королемъ. Славата и Мартиниць отвѣчали, какъ бургграфъ, безъ сомнѣнія, изъ боязни (1).

На другой день, 13-го іюня, снова свидѣлись высшіе чиновники и подобны: бургграфъ повторилъ вчерашній отвѣтъ, а на первый запросъ Будовца о принятіи участія отвѣчалъ

---

(1) Slavata. I. 301. Авторъ не говоритъ, что онъ собственно отвѣчалъ я его пріятель Мартиниць, и наизбрено ограничивается общимъ замѣчаніемъ: «каждый изъ остальныхъ католиковъ былъ спрошенъ отдѣльно, и все они дали такой же отвѣтъ, какъ и высшій бургграфъ». ib.

отъ имени всѣхъ своихъ сотоварищей, высшихъ королевскихъ чиновниковъ, что они стоятъ за одно съ сословіями и дѣйствуютъ противъ каждаго, за исключеніемъ короля, кто пожелалъ бы оскорбить кого-либо изъ исповѣдывающихъ чешскую конфессію. Лобковиць съ пріятелями молчалъ: очевидно, онъ былъ противнаго мнѣнія. Тогда Будовець, поблагодаривши Штернберка, объявилъ канцлеру, что изъ его вчерашняго неяснаго отвѣта чины усматриваютъ въ немъ своего врага, и потому за это онъ со временемъ отвѣтитъ.

Между тѣмъ отвѣтъ на послѣднюю королевскую резолюцію былъ готовъ. На испрошенной затѣмъ аудіенціи сеймовый ораторъ Шликъ желалъ въ длинной рѣчи познакомить короля съ содержаніемъ отвѣта, но лѣнивому королю до такой степени надоѣли всѣ эти бурныя сцены послѣдняго времени, что онъ не могъ даже выслушать до конца рѣчи представителя депутаціи и ушелъ: ему *«stýskalo se (надоѣло) tak dlouho jejich slyšeti»* — замѣчаетъ Славата. Тогда нѣмецкій текстъ отвѣта былъ оставленъ на столѣ. Въ немъ чины повторяли то же, что говорили въ послѣднемъ заявленіи, когда отвѣчали на королевскій запросъ; но кромѣ отвѣта былъ положенъ на столъ еще одинъ письменный документъ, носившій заглавіе: *«Majestát císaře Rudolfa stavím pod obojí království českého na svobodné provozování náboženství daný»*. Въ немъ сеймъ представлялъ проектъ того, въ какомъ видѣ желательно было бы ему получить гарантію (*opatření*) подобойскаго исповѣданія. Этотъ документъ — знаменитая *грамота величества* (*Majestätsbrief*), или, какъ правильнѣе ее называть чешскимъ именемъ, *маестатъ*. Чтобы не повторяться въ послѣдствіи, мы не останавливаемся теперь на содержаніи этого сеймоваго законопроекта, насильно представленнаго чинами королю, такъ какъ о содержаніи его можно имѣть приблизительное понятіе и изъ предыдущаго разсказа.

Силы подобоевъ между тѣмъ увеличивались. Въ половинѣ іюня сѣздъ принималъ пословъ изъ Силезіи. Будовець въ пріѣзженной рѣчи отъ имени сейма выразилъ имъ все сердечное удовольствіе чешскихъ чиновъ по случаю ихъ пріѣзда. Силезскіе

носли жаловались на постоянныя утѣсненія со стороны католиковъ: «католики — говорили они, полагаюсь на что-то, ведутъ къ междуусобію, а потому князья и чины Силезіи желаютъ соединиться съ панами-чинами подобойскими королевства чешскаго и не отступаться отъ нихъ въ статьѣ о религіи до тѣхъ поръ, пока они всё вмѣстѣ не получаютъ обезпечивающей гарантіи». Съ удовольствіемъ выслушали чешскіе чины пословъ, а 20 іюня заключили съ ними формальный оборонительный договоръ. Послѣдніе остатки стараго утраввистскаго духовенства оставляли теперь нижнюю консисторію и переходили къ конфессіи (1); это само собою совершавшееся уничтоженіе старой подобойской консисторіи тѣмъ сильнѣе утверждало членовъ съѣзда въ законности ихъ требованія передачи нижней консисторіи въ руки новымъ подобоямъ. Наконецъ университетъ открыто принялъ сторону чиновъ, отказавшись участвовать въ католической процессіи Тѣла Господня, вопреки приказанію короля. Это приказаніе дало поводъ чинамъ прямо объявить канцлера Лобковица своимъ врагомъ.

Въ тотъ самый день, когда былъ заключенъ оборонительный договоръ съ силезскими протестантами, получила королевская резолюція на оставленный на столѣ послѣдній отвѣтъ чиновъ. Она такъ же мало соответствовала ожиданіямъ подобоевъ, какъ и всё прежнія. Король было надѣялся, что чины успокоятся послѣднимъ его рѣшеніемъ, но надежда не оправдалась; поэтому онъ снова объявляетъ, что все должно остаться по старому: присяга и защита короля простираются на всё «послушныя сословія», на всёхъ вѣрныхъ подданныхъ; онъ, король, гарантируетъ каждому «z ohou náboženství» безпрепятственность исповѣданія его религіи; но такъ какъ нѣтъ никакого повода опасаться войны, то чинамъ слѣдуетъ оставить всё приготовленія; что касается требуемой передачи университета и нижней консисторіи, то это требованіе не можетъ быть исполнено, такъ какъ завѣдываніе этими учрежденіями есть право королей чеш-

(1) Слѣдуетъ съ негодованіемъ говорить объ этомъ явленіи. (I. 291. 297. и въ другихъ мѣстахъ).

скихъ, какъ основателей ихъ, и потому король надѣется, что чины не посягнутъ на право, ему принадлежащее. Сеймъ ждалъ утвержденія поданнаго маестата и ошибся.

По порученію короля въ томъ же смыслѣ говорилъ чинамъ пользовавшійся ихъ довѣріемъ бургграфъ Штернберкъ.

Чины потребовали отложить разсмотрѣніе отвѣта на-завтра, но бургграфъ имъ указалъ, что завтра воскресенье и праздникъ Тѣла Господня.

Въ понедѣльникъ, 22 іюня, собрались чины и избрали комитетъ изъ 60 человекъ (1). Избранные присягнули всѣмъ своимъ совѣщаніямъ держать въ глубокой тайнѣ и послѣ продолжительнаго спора рѣшили послать королю объяснительную записку, почему сословія не удовлетворяются послѣднимъ отвѣтомъ, и затѣмъ приступить къ общему земскому вооруженію. Душой послѣдняго былъ Турнъ, который написалъ и планъ обороны (defens). Дали знать въ Моравію, прося о содѣйствіи, а сilesскихъ пословъ освѣдомились о размѣрѣ помощи съ ихъ стороны. На слѣдующій день была изготовлена записка и прочтена на сеймѣ. Весь день чины провозились съ ней. Когда же вечеромъ бургграфъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ католическихъ пановъ, явился въ сеймовую залу, чтобъ объявить засѣданіе закрытымъ, Будовець, отъ имени своей стороны, просилъ его и его сотоварищей назначить, въ виду горячности дѣла, засѣданіе на-завтра, не смотря на то, что завтра праздникъ Іоанна Крестителя, и пожаловать самимъ лично: они, подобно, имѣютъ съ ними переговоры конфиденціально о своихъ обидахъ и просить у нихъ совѣта и помощи. Штернберкъ отвѣтилъ полнымъ согласіемъ на обѣ просьбы чиновъ. Засѣданіе 24 іюня было самое рѣшительное: уже раннимъ утромъ сошлись чины въ судейской комнатѣ сейма и приступили къ избранію изъ среды своей генераловъ и офицеровъ для будущаго войска и членовъ временнаго правительства, затѣмъ совѣщались о иѣрахъ для набора и содержанія солдатъ. Проектируемая контрибуція была не по вкусу зажиточнѣйшимъ панамъ: они знали,

---

(1) По Гиндели изъ 75 человекъ. «Geschichte». II. 419.

что подобное рѣшеніе «штурмуетъ ихъ карманы», и потому предлагали статью объ оборонѣ отложить на-послѣ, а теперь продолжать переговоры съ правительствомъ и мирнымъ путемъ добиваться разрѣшенія религіознаго вопроса; но большинство собранія высказалось противъ такого образа дѣйствій.

Воинственное настроеніе стало преобладать на сеймѣ: стала осилить партія Турна, и ею было отклонено примирительное посредничество саксонскаго посланника. На предложеніе бургграфа, который все не терялъ надежды покончить дѣло миромъ, — представить королю записку (она была уже написана) или объясниться словесно, чины отвѣчали отказомъ. Чины отклоняли такимъ образомъ всякую попытку къ примиренію, — но она пошла отъ короля.

Дѣло въ томъ, что представленія саксонскаго посла въ пользу возставшихъ подданныхъ подѣйствовали на Рудольфа, и онъ рѣшился сдѣлать имъ нѣкоторую уступку. Съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, по словамъ Славаты, пришелъ Штернберъ поздно вечеромъ въ засѣданіе сейма, неся королевскую резолюцію, составленную въ примиряющемъ смыслѣ. Резолюція эта, по справедливому замѣчанію Будовца, отвѣчавшаго на нее, была подобна прежнимъ и заключала въ себѣ неточныя, темныя и противурѣчащія объясненія. Король допускалъ конфессію 1575 года на время — до общаго соглашенія, позволялъ чинамъ имѣть своихъ священниковъ «на основаніи именно этой конфессіи, а не иной какой, ибо они, по ихъ объясненію, согласились вполне между собою», строить церкви, школы, но только на своихъ наслѣдственныхъ и свободныхъ земляхъ. Что же касается до университета и консисторій, то отвѣтъ былъ прежній — передать нельзя. Ясно, конфессія не утверждалась, а только допускалась: свобода вѣры предоставлялась панамъ и рыцарямъ; о королевскихъ же городахъ, тѣмъ болѣе о крестьянахъ не было помину.

Чины не пожелали даже отвѣчать на предложенныя уступки, не смотря на всяческія убѣжденія и просьбы миролюбиваго бургграфа. «Довольно, довольно! долѣе уже мы не можемъ ждать этихъ утѣшеній!» кричали они, когда Штернберъ предлагалъ имъ указать тѣ пункты, которые они находятъ недостаточ-

ными, говоря, что король, «безъ сомнѣнія», исполнить изъ желанія.

Не смотря на позднее время, когда обыкновенно сеймы не заседалъ, была прочтена, по предложенію Будовца, объяснительная записка королю, составленная уже нѣсколько дней назадъ, какъ отвѣтъ на предпоследнюю резолюцію. Указавши вкратцѣ на недостойное обращеніе правительства съ подобойскими сословіями въ теченіе послѣднихъ трехъ сеймовъ, когда они были постоянно обманываемы въ своихъ ожиданіяхъ, чины категорически заявили, что они остаются при своей протестаціи, представленной устно и письменно королю (т. е. при своемъ послѣднемъ отвѣтѣ), свободно исповѣдываютъ свою конфессію и совокупными силами, съ оружіемъ въ рукахъ, защищаются противъ каждаго, кто осмѣлился бы учинить какое-либо насиліе ихъ совѣсти или принуждать ихъ участвовать въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ сейма и обсужденіяхъ королевскихъ предложеній, для каковой цѣли они приступили къ общему земскому вооруженію, «чтобы не быть застигнуту въ расплохъ, какъ это было въ минувшемъ году».

Сеймовыя сословія отъ слова переходили теперь къ дѣлу: по прочтеніи записки, они не дозволили бургрграфу говорить и съ крикомъ потребовали немедленнаго чтенія плана вооруженія, составленнаго Турномъ — «defenzí pr. obhajovaní náboženství».

На основаніи этого плана каждый обыватель королевства представляетъ противъ имущественной оцѣнки, установленной сеймомъ 1596 года, двойное количество людей, т. е. если онъ прежде выставлялъ въ поле десятого крестьянина, то теперь долженъ выставить пятого, если прежде одного всадника, теперь двухъ. Это земское ополченіе находится подъ начальствомъ избранныхъ сеймомъ 24 іюля генераловъ — Турпа, Колоны Фельзескаго и Бубны. «Такъ какъ — говорилъ планъ — дѣло идетъ о благосостояніи короля и королевства и о томъ, что дороже всего для сословій — о спасеніи душъ, чести, жизни, имѣній, женъ, дѣтей, о томъ паче сгъ, который имѣлъ нѣкогда чешскій народъ между другими, а безъ денегъ ничего нельзя предпринять, — поэтому опредѣляется, что подати, установленныя на сеймѣ 1596 года, имѣютъ быть внесены въ два срока лицамъ, специально

назначеннымъ для того отъ сословій». Въ виду же того обстоятельства, что чины сейма не могутъ долѣе оставаться въ Прагѣ, планъ извѣщалъ землю, что избирается временное правительство изъ 30 директоровъ, по 10 человекъ отъ cadaго сословія. Въ составъ временнаго правительства вошли слѣдующія, выбранныя еще въ засѣданіи 24 іюня, лица: Розенберкъ, Швамберкъ, Сезимовъ, Швиговскій, Радславъ Вхынскій, Вартиберкъ, Янъ Ричанъ, Вильгельмъ Добковицъ, Шликъ, Вацлавъ Роуповъ — отъ нановъ; Гершторфъ, Штамплахъ, Берковскій, Годеевскій, Флетумъ, Ванчура, Гомуть, Михаловицъ, Лосъ, Митровицъ — отъ рыцарей; Лингартъ, Магри, Фрувейнъ, Гумбуркъ, Воднянскій, Перкаръ, Коханъ, Коберъ, Вопрхъ, Коралекъ — отъ городовъ. При этомъ избранные были поровну изъ братской общины и конфессіонистовъ. Но такъ какъ первый директоръ, Петръ Вокъ Розенберкъ, по старости лѣтъ не могъ участвовать въ дѣлахъ, то сеймъ объявлялъ, что на его мѣсто выбрайъ Вацлавъ Будовецъ изъ Будова. Наконецъ планъ требовалъ предложить и католическимъ чинамъ принять участіе въ общей защитѣ «вѣры христіанской и милой отчизны чешской».

Послѣ этого братъ Будовецъ, глава революціоннаго движенія, поднялся и произнесъ: «кто присоединяется къ защитѣ, подыми руку и присягни на вѣрность!» И подняли руки, и присягнули всѣ, кромѣ католиковъ, которые послѣшно удалились; за ними понеслись голоса: вонъ, вонъ!

Это знаменитое засѣданіе сейма 26 іюня окончилось почти въ полночь. Предъ расходомъ чины положили собраться на другой день утромъ въ старомѣстской ратушѣ.

Рано утромъ въ субботу, 27 іюня, собрались чины въ старомѣстской ратушѣ, чтобы торжественно передать свою власть только что избранному временному правительству — директоріи изъ 30. Директора принесли присягу чинамъ, что со всѣмъ стараніемъ они будутъ «рядить и править» землей по всѣмъ вопросамъ, которые указаны въ данномъ имъ отъ сейма полномочіи. Затѣмъ директора вручили чинамъ записъ, въ которой точно были обозначены всѣ обязательства, приня-

тыя имъ. Съ своей стороны чины приотгнули новому правительству на «послушное» исполненіе всѣхъ его законныхъ распоряженій, на оборону его предъ всякой опасностью, и передали ему свою полную мочь и право «k уваžování, řízení, kopání a správnování toho všeho, což k též defenzí náleží», при чемъ повторили обѣщаніе защищать и слушать его, «какъ подобаеть это честнымъ людямъ и истиннымъ чехамъ». Какъ запись, такъ и полномочіе, были составлены еще 23 іюня, т. е. въ комитетѣ изъ 60.

Послѣ этого директора были введены въ судейскую конату ратуши. Католики прислали было двухъ пановъ, Донна и Точника, просить подобее въ засѣданіе сейма, но тѣ отвѣчали отказомъ.

Въ тотъ же самый день директора принялись за свѣе новое дѣло. Денегъ не было, а онѣ нужны были для снаряженія войска, и потому рѣшили просить у Христиана, князя ангальтскаго, дать въ займы амуницію, и посланіе въ этомъ смыслѣ было тотчасъ же изготовлено. На слѣдующій день, въ воскресенье, происходили живые дебаты о формированіи войскъ. Тѣ изъ директоровъ, которые все еще считали власть свою связанною съ королевской, были противъ найма солдатъ, такъ какъ это, говорили они, было бы противъ обѣщанія, даннаго королю; но болѣе рѣшительные возражали, что теперь уже поздно думать о прежней власти, когда явилась новая, что они поставлены въ такое положеніе, что если сами не защитятъ себя, то нечего надѣяться на пощаду (tehdy sebe ne vuprosí). Мнѣніе послѣднихъ одержало верхъ, и было положено — безъ дальнѣйшаго отлагательства свербовать три тысячи пѣхоты и полторы тысячи конницы; заботы о формированьѣ войскъ были возложены на Турна. Деньги, нужныя для покрытія первоначальныхъ расходовъ, предполагалось добыть путемъ займа въ Прагѣ.

Главой директоріи былъ братъ Будовецъ, хотя въ современныхъ памятникахъ онъ нигдѣ такъ не называется. Онъ руководилъ теперь революціоннымъ правительствомъ, какъ руководилъ доселѣ борьбой на сеймахъ послѣднихъ лѣтъ. Какъ человекъ энергическаго характера, сложившій свою почти восьмидесяти-

лѣтнюю голову на плахѣ въ 1621 году, искушенный опытомъ жизни, продолжительной сеймовой борьбой, онъ ясно понималъ, что лишь быстротой и рѣшительностію дѣйствій можно было выиграть только что открытую компанію. Понятно, Будовецъ былъ далекъ отъ всякой мысли пойти назадъ; для него было *rozdĕ toho ťetĭiti, aby Jeho Milost Císařsku tudy neurazili*, чего такъ опасались болѣе робкіе директора.

Если и могло выйти слово мира, то никакъ не изъ лагера Будовца, и, дѣйствительно, оно пошло отъ короля.

Мы видѣли, какъ въ теченіе всей сеймовой борьбы послѣднихъ трехъ сеймовъ только одинъ человѣкъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы разладъ короля съ землей не дошелъ до открытой войны, — это былъ бургграфъ пражскій Штернберкъ. Къ сожалѣнію, его примирительная политика, благодаря сильнѣйшему вліянію «іезуитскихъ орудій» — Лобковица съ товарищами, потерпѣла неудачу, и гражданская война, чего онъ такъ опасался, началась. Но и теперь онъ не потерялъ еще всей надежды уладить дѣло и рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку — примирить короля съ возставшей землей. 29 іюня къ вечеру получено было приглашеніе отъ бургграфа къ шести директорамъ: Будовцу и Швалберку отъ пановъ, Гершторфу и Михаловицу отъ рыцарей, Лингарту и Маргли отъ городовъ — пожаловать къ нему въ домъ на-завтра къ 6 часамъ утра для сообщенія чинамъ отъ имени короля «нѣкотораго обстоятельства». На другой день утромъ собралась директорія для обсужденія вопроса — принимать ли приглашеніе бургграфа или нѣтъ. Нѣкоторые члены временнаго правительства оскорблялись приглашеніемъ только немногихъ изъ нихъ на совѣщаніе къ бургграфу и потому были противъ начатія какихъ бы то ни было переговоровъ. Другіе же были за принятіе приглашенія, справедливо указывая, что если они будутъ отклонять всякую попытку на миръ, то дѣло отъ этого не выиграетъ. Вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній были посланы двое изъ директоровъ къ Штернберку съ просьбой — точнѣе указать цѣль переговоровъ. Они принесли отвѣтъ, что бургграфъ съ нѣкоторыми католиками желаетъ переговорить о «неотложномъ дѣлѣ». Большинство директоріи рѣшило дозволить

указаннымъ въ приглашеніи лицамъ быть у бургграфа, но не вступать съ нимъ ни въ какіе переговоры.

30-го іюня было первое собраніе у Штернберка. Здѣсь ожидали директоровъ нѣкоторые изъ католическихъ пановъ, сторонники примирительной политики бургграфа: Вальдштейнъ, Донинъ, Точинъ, Кленовый. Хозяинъ радушно приветствовалъ гостей и объяснилъ имъ цѣль приглашенія. Отъ имени присутствовавшихъ католиковъ онъ выразилъ крайнее сожалѣніе, что дѣло вѣры до сихъ поръ не рѣшено, и указалъ, что дальнѣйшій бумажный способъ веденія переговоровъ между чинами и королемъ не вѣренъ: извѣстныя выраженія каждая сторона понимаетъ по своему, и потому онъ полагаетъ, что самымъ удобнымъ средствомъ для окончанія религіознаго дѣла были бы частныя пріятельскія бесѣды; здѣсь откровенно они переговорили бы другъ съ другомъ, согласились бы, и дѣло было бы улажено. Посланные на это отвѣчали, что донесутъ директоріи.

Собраніе директоріи сначала высказалось противъ предложенія бургграфа, указывая, что уже довольно было всякихъ словъ, но потомъ рѣшило отправить своихъ депутатовъ къ Штернберку. Посланникъ саксонскій съ своей стороны просилъ отъ имени курфирста принять предложеніе. Вторая депутация состояла также изъ 6 человекъ, но въ ея составъ вошли три новыя лица: Вартиберкъ, Штампахъ и Коханъ. Будовець произнесъ рѣчь, гдѣ объяснилъ, что директора, вслѣдствіе обязательства, даннаго сейму, до тѣхъ поръ, пока маестатъ не будетъ всецѣло утвержденъ, не могутъ вступать ни въ какіе формальные переговоры безъ согласія на то чиновъ. На эту рѣчь Штернберкъ отвѣчалъ повтореніемъ прежде сказаннаго — о пріятельскихъ совѣщаніяхъ; но Будовець говорилъ одно, что они, депутаты, имѣютъ право только выслушать и затѣмъ донести директоріи.

Послѣ этого бургграфъ указалъ на два пункта, которые могли бы, по его мнѣнію, составить предметъ предлагаемыхъ имъ пріятельскихъ бесѣдъ: во первыхъ, онъ просилъ указать, чего недостаетъ въ послѣдней резолюціи королевской, отъ 26-го

юня; во вторыхъ — въ чемъ не сходствуетъ концептъ представленнаго маестата съ этой резолюціей.

Посланные отвѣчали, что они донесутъ остальнымъ директорамъ, и этииъ окончилось второе совѣщаніе.

Послѣ нѣкоторыхъ споровъ директора рѣшили послать къ Штернберку на-завтра въ третій разъ депутацію, а между тѣмъ получили извѣстіе, что Турнъ уже сформировалъ въ Прагѣ отрядъ въ 500 человекъ.

Въ третью депутацію, кромѣ шести прежнихъ лицъ, вѣшли еще Шликъ, Оттъ и Лингартъ. Въ домѣ у бургграфа собрано было также большее противу прежняго число католиковъ. Во главѣ депутаціи былъ тотъ же Будовець, и въ произнесенной рѣчи онъ выразилъ согласіе директоріи на начатіе переговоровъ: пусть только католики указываютъ недостатки маестата. Штернберкъ, по совѣщаніи съ своими, повторилъ увѣреніе въ готовности своей стороны на мирное соглашеніе во всемъ съ подобными, но просилъ, чтобы прежде всего депутаты указали, въ чемъ разнится резолюція отъ маестата. Но Будовець отвѣчалъ, что депутаты не имѣютъ разрѣшенія входить въ разсмотрѣніе этого вопроса; тогда только Штернберкъ согласился прочесть мнѣніе своей партіи о недостаткахъ маестата. По мнѣнію увѣренныхъ католиковъ, оставленный на столѣ концептъ маестата долженъ быть измѣненъ въ 8 пунктахъ. Такъ какъ всѣ эти предлагавшіяся католиками измѣненія болѣе или менѣе незначительны, то мы укажемъ только главнѣйшія изъ нихъ.

Необычное выраженіе «евангелическіе чины» Штернберкъ предлагалъ замѣнить словомъ «rod obojí»: это слово, объяснял бургграфъ, изстари употребляется, и тѣже два исповѣданія — католическое и подобойское, такимъ образомъ, останутся и на будущее время въ Чехіи. Очевидно, бургграфу было все равно — какое бы содержаніе ни было подъ выраженіемъ rod obojí, лишь бы осталась форма старая, привычная. Утраквистская консисторія не должна бы переходить въ завѣдываніе чиновъ: это. поставило бы въ затрудненіе католическихъ пановъ, имѣющихъ подобойскія коллатуры, да и священники, не приступившіе къ конфессіи 1575 года, не знали бы, куда обращаться,

Университетъ имѣеть остаться въ рукахъ короля, ибо король есть основатель его; но чины могли бы получить право охраны (defensorství), какъ надъ консисторією, такъ и университетомъ: чины выбирали бы изъ среды своей извѣстное число охранителей (defensory), а король утверждалъ бы изъ нихъ 6 человекъ. Въ заключеніе бургграфъ замѣтилъ, что король узналъ о вербованіи людей въ столицѣ, но этому не вѣритъ, такъ какъ, по его мнѣнію, всѣ статьи не такъ тяжелы, чтобы онѣ не могли обойтись безъ вербованія солдатъ.

Депутаты отвѣчали, что они не могутъ уступить отъ маестата, и затѣмъ уѣхали.

На слѣдующій день, 3-го іюля, директора собрались въ ратушѣ и, выслушавши допесеніе о вчерашнихъ переговорахъ, послали тѣхъ же депутатовъ къ Штернберку для дачи отвѣта на указанные недостатки маестата. Относительно выраженія «евангелическіе чины» директорія выразила свое несогласіе на измѣненіе; что же касается до консисторіи и университета, то она остается при прежнемъ мнѣніи — не уступить, ибо не можетъ допустить, чтобы ихъ дѣла вѣдались по прежнему въ канцеляріи (т. е. у Лобковица). Слухъ о вербованіи солдатъ справедливъ, но формируемое войско предназначено не противъ короля или католиковъ — пріятелей, а необходимо для безопасности чиновъ, такъ какъ директорія имѣеть свѣдѣнія, что испанскій посолъ и графъ Сульцъ собираетъ войска въ Баваріи, и тамъ открыто говорятъ, что скоро пойдутъ на чеховъ.

Посоветовавшись съ другими католиками, бургграфъ отвѣчалъ, что дѣло уже нѣсколько выяснилось, и потому считаетъ необходимымъ довести обо всемъ до свѣдѣнія короля; на нѣкоторыя же свои сомнѣнія попросилъ у депутаціи объясненія, а именно онъ предложилъ ей два вопроса: чѣмъ будетъ гарантирована свобода католической церкви въ королевствѣ, и кто принесетъ вѣсть о собираніи войска въ Баваріи? Будовець замѣтилъ на это, что въ представленномъ маестатѣ нигдѣ не говорится, что подобои будутъ отправлять свое служеніе въ католическихъ церквяхъ, поэтому не чего гарантировать; что же касается до втораго вопроса, то объ немъ доложить директоріи.

Штерибергъ отвѣчалъ, что онъ поспѣшитъ довести королю, и прибавилъ: «Богъ дастъ, все придетъ къ счастливому концу».

Между тѣмъ военныя силы директоріи увеличивались: четыре съ половиной тысячи пѣхоты и полторы конницы уже были подъ командой революціонныхъ генераловъ — Турна, Фельзескаго и Вубин. Чтобы отомстить своимъ врагамъ, директорія расквартировала свои войска въ ближайшихъ къ Прагѣ имѣньяхъ Лобковица и Мартиница, гдѣ тѣ намѣренно позволяли себѣ производить всякія безчинства. Славата спасся отъ этой мести только тѣмъ, что имѣнья его были далеко отъ столицы.

4-го іюля, въ субботу, Штерибергъ пригласилъ къ себѣ снова депутатовъ отъ директоріи, и были посланы тѣ же девять человекъ. На этой конференціи бургграфъ сообщилъ, что король по вопросу объ измѣненіи редакціи представленнаго маестата выразилъ слѣдующія желанія: слово «евангелическіе» должно быть непременно выпущено, чтобы не производило оно непріятнаго впечатлѣнія на католиковъ имперіи; своимъ правомъ на консисторію и университетъ онъ не можетъ поступиться, но дозволяетъ сеймовнымъ сословіямъ избрать двойное число охранителей, изъ которыхъ половина утверждается королемъ; подобоимъ предоставляется право погребать въ церквяхъ, въ которыхъ есть у нихъ какіе нибудь влады, въ другихъ же церквяхъ католическихъ — только съ разрѣшенія коллаторовъ; всякая иная конфессія, кромѣ 1575 года, на будущее время воспрещается (очевидно, намекъ на братскую общину); настоящее положеніе дѣлъ — до общаго генеральнаго сейма; сословія подобойскія должны дать письменное обязательство, что они не будутъ чинить никакого насилія католикамъ. «Когда же чины — заключилъ свою рѣчь Штерибергъ — утвердятъ это обязательство, то его величество готовъ тотчасъ же подписать маестатъ, приложить печать и вручить его извѣстнымъ лицамъ, но подѣ тѣмъ непрѣмьнымъ условіемъ, что директорія немедленно же сложитъ свою власть, прекратитъ вербовку солдатъ и продолжитъ занятія на сеймѣ, чтобы можно было закрыть его стародавнимъ способомъ. Когда все вышеозначенное будетъ исполнено, готовый маестатъ передастся имъ въ руки».

Форма требуемаго королевемъ письменнаго обязательства была по желанію депутатовъ написана самими же католиками и на третій день, въ понедѣльникъ утромъ, 6-го іюля, отослана въ директорію для разсмотрѣнія.

Директорія разсматривала его недолго и въ тотъ же день, послѣ полудня, отправила семь депутатовъ къ бургграфу: Сезину, Роуцова, Будовца, Штампеха, Ванчuru, Магрле и Вопрха, съ объявленіемъ, что они, директора, не имѣютъ права вступать ни въ какіе переговоры объ обязательствѣ, такъ какъ маестатъ написанъ въ сеймѣ, и они не могутъ ничего въ немъ измѣнять, но что когда соберется сеймъ, тогда католики могутъ искать такого обязательства у самаго сейма. Депутаты раскланялись, а бургграфъ отвѣчалъ, что донесетъ объ этомъ королю.

Между тѣмъ какъ велись эти частныя переговоры, въ городѣ распространилась молва, какъ изъ лагеря католическаго, такъ и подобойскаго (1), что король согласенъ на уступки подобоямъ, да директорія упрямится, понапрасну вербуетъ войска, отягчаетъ жителей налогами (которые, по объявленію директоріи отъ 29-го іюня, имѣли быть выплачены въ теченіе четырехъ недѣль), и потому однимъ директорамъ слѣдуетъ виѣнить въ вину, что дѣло религіозное не приходитъ къ концу, что они, пражане, отказываются отъ взноса затребованной революціоннымъ правительствомъ контрибуціи и сообщать обо всемъ происшедшемъ панамъ по помѣстьямъ, чтобы тѣ также не платили. Понятно, подобныя слухи могли вредно вліять на массу, и потому директорія сочла необходимымъ написать открытое письмо къ землѣ. Въ опроверженіе распространяющихся толковъ директора объявляли, что они, дѣйствительно, ведутъ переговоры съ высшими королевскими чиновниками о маестатѣ, что тѣ требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій въ немъ, требуютъ отъ нихъ письменнаго обязательства, но — «дѣлается ли это съ воли и вѣдома его величества», имъ не извѣстно; что въ силу даннаго обязательства чинамъ они не могутъ согласиться ни на какія

---

(1) Мы видѣли выше, что занятые паны-подобой были противъ внесенія контрибуціи на содержаніе вербуемаго войска.

уступки и потому просили землю не вѣрить несправедливымъ нареканіямъ на нихъ. Это письмо помѣчено было тѣмъ же числомъ, какъ и отвѣтъ о реверсѣ, т. е. 6-мъ іюля — «den ramátnú sv. M. Jana Husi a M. Jeronýma, mučedlníkův božích».

Примиритель Штернберкъ увидѣлъ, что директорію нельзя склонить ни къ надѣйшей уступкѣ; съ другой стороны, убѣждаясь, что дѣла принимаютъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, рѣшился вмѣстѣ съ своими сторонниками и панами, участвовавшими въ «пріятельскихъ бесѣдахъ», на послѣднее и единственное средство предупредить грозу — уговорить короля уступить.

7 іюля, во вторникъ, бургграфъ въ сопровожденіи своихъ пріятелей явился во дворецъ къ Рудольфу. «Изъ Вѣны пришло извѣстіе — сказалъ Штернберкъ, что братъ вашъ, король Матвѣй, уступилъ всѣмъ желаніямъ протестантскихъ чиновъ Австріи и тѣмъ совершенно успокоилъ землю. Поэтому, если, ваше величество, не соизволите согласиться на такую же уступку подобойскимъ чинамъ королевства чешскаго, то должно опасаться, что они, не получивши отъ вашего величества маестата, обратятся къ вашему брату, какъ наслѣднику престола, отступятся отъ васъ и примутъ его, какъ законнаго своего короля и государя». Эта угрожающая рѣчь бургграфа и нѣкоторые совѣты окружавшихъ лицъ сломили упрямство Рудольфа, и онъ выразилъ согласіе утвердить маестатъ. Въ эту именно минуту, присутствовавшій канцлеръ Лобковицъ проиязвесь «съ сердцемъ и смѣло» свою знаменитую фразу: «если, ваше величество, вашъ братъ Матвѣй своимъ согласіемъ на заблуждающуюся религію прокладываетъ австрійцамъ дорогу въ адъ, то можно надѣяться, что ваше величество не соизволите послѣдовать за нимъ». Но Лобковица на этотъ разъ Рудольфъ не послушалъ.

Штернберкъ тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ пріятелей, Донина, къ директорамъ поздравить ихъ и объявить, что Рудольфъ согласенъ на представленный чинами проэктъ маестата, но съ условіемъ, чтобы слово «евангелическіе» было непременно замѣнено словомъ «подобойскіе», и чтобы новый законъ имѣлъ силу до общаго имперскаго сейма.

Директорія, по краткомъ обсужденіи, опредѣлила принять предлагаемыя условія королемъ, согласилась на требуемую уступку въ редакціи маестата и для сообщенія своего рѣшенія отправила въ бургграфу: Фельзескаго, Роупова, Будовца, Годсева, Ванчуру, Магрле, Гумбурка и Кохана, съ объявленіемъ, что лишь только маестатъ будетъ подписанъ, она сложитъ съ себя свою власть. Вопросъ о записи относительно католиковъ былъ отклоненъ на томъ основаніи, что онъ подлежитъ рѣшенію сейма.

На другой день, 8 іюля, въ среду, Штернберкъ сообщилъ директоріи черновую маестата, съ просьбой рассмотреть ее и назначить срокъ, когда католическіе панн могли бы сойтись съ директорами для окончательнаго обсужденія дѣла. Директорія обѣщала выслать депутацію завтра же. Дѣйствительно, на слѣдующій день, въ 9 часовъ утра, депутація изъ 9 директоровъ (вѣроятно, тѣже, что и вчера) отправилась въ домъ бургграфа. Она вручила обратно черновую маестата и сообщила заключеніе директоріи, что въ предложенной редакціи закона должно измѣнить то мѣсто, гдѣ говорится о дефензорахъ, въ томъ смыслѣ, что король не имѣетъ права вычеркивать ни одного изъ избранныхъ сеймовыми сословіями въ охранители и что если королевское утвержденіе не послѣдуетъ въ теченіе двухъ недѣль, то избранные будутъ считаться утвержденными.

Католики приняли это заключеніе директоріи къ свѣдѣнію и затѣмъ вступили въ совѣщаніе съ присланными директорами о точномъ опредѣленіи взаимныхъ отношеній католиковъ и подданныхъ на будущее время. Результатомъ этого совѣщанія было не менѣе значительное, какъ и маестатъ, «соглашеніе» (rogo-pani), относительно котораго обѣ стороны условились, что этотъ актъ, наравнѣ съ маестатомъ, долженъ быть утвержденъ королемъ и внесенъ въ земскія доски. Послѣ этого католики дали слово, что король согласится на предложенное директорами измѣненіе въ текстѣ маестата относительно охранителей.

9 іюля, въ четвергъ, знаменитый маестатъ былъ наконецъ подписанъ Рудольфомъ и въ томъ видѣ, въ какомъ требовала директорія. Даже въ эту торжественную и рѣшительную минуту, когда въ подписаніи маестата было единственное спасеніе для

Рудольфа, канцлеръ Лобковицъ остался тѣмъ же непреклоннымъ фанатикомъ, озлобленнымъ врагомъ ликовавшихъ теперь подобоевъ: не смотря на подпись Рудольфа, онъ отказался приложить свою руку къ знаменитому государственному акту. «Онъ категорически отвѣтилъ его величеству — говорить Славата, что, посоветовавшись съ учеными духовными людьми⁽¹⁾, онъ находить, что никакъ не можетъ подписаться подъ маестатомъ противъ своей вѣры безъ оскорбленія своей совѣсти». Подобоемъ продолжали требовать подписи канцлера, но получали тотъ же отвѣтъ — «нѣтъ». Тогда директора условились, что вмѣсто канцлера подпишется бургграфъ Штернберзь. Даже секретарь канцлера, Янъ Менцелиусъ, осмѣлился повторить выходу своего патрона: «изъ глубокой привязанности къ святой вѣрѣ католической — объясняетъ Славата — и онъ, подобно своему принципалу, отказался подписаться». Замѣсто Менцелиуса подписался Павелъ Михна.

Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ препирательствъ между директоріей и правительствомъ, въ понедѣльникъ, 13 іюля, депутація изъ шести директоровъ явилась въ судейскую комнату сейма за принятіемъ маестата. Ее составляли: Карлъ Вартеберзь, Роуповъ, Берковскій, Годеевъ, Коханъ и Коралекъ. Входъ въ судейскую комнату былъ свободенъ на этотъ день, и потому она была полна зрителей — католиковъ и подобоевъ. Бургграфъ Штернберзь, держа въ рукахъ маестатъ, обратился къ депутаціи съ краткою рѣчью: «его величество поручилъ нѣкоторымъ изъ насъ при передачѣ этого маестата сообщить вамъ слѣдующее. Такъ какъ, ваши милости, вы лично и замѣсто большаго числа наговъ сословій-подобоевъ, послѣ неоднократнаго устнаго и письменнаго заявленія, изволите еще разъ заявить, что при настоящихъ сеймовыхъ прѣніяхъ вы не желаете предпринимать ничего такого, что было бы противъ власти и достоинства короля, поэтому его величество подлагается на васъ и совершенно покоесть; но если бы случилось что-нибудь противное, чего впрочемъ его величество не ожидаетъ отъ всѣхъ

(1) Помято, іезуитами

трехъ сословіи-подобоевъ, то этотъ маестатъ тотчасъ же теряеть силу».

Вартемберкъ принялъ маестатъ, и депутація вышла, чтобы передать его директоріи въ полномъ составѣ въ старомѣстской ратушѣ⁽¹⁾.

Въ тотъ же самый день, т. е. 13 іюля, директора успѣшили извѣстить чины въ краяхъ о полученіи маестата и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашали ихъ пріѣхать къ концу недѣли въ Прагу. Не были забыты директорами и ихъ союзники — силезскіе чины, и они получили также маестатъ на свободу «евангелическаго» исповѣданія.

Въ назначенный срокъ земскіе чины были въ Прагѣ, и 21 іюля⁽²⁾ сошлись въ старомѣстской ратушѣ. Прочтѣвши благодарственный гимнъ Богу, всѣ пали на колѣни и молились. Послѣ молитвы старшій Будовець произнесъ рѣчь, въ которой представилъ отчетъ директоріи о управленіи, и тогда уже былъ прочитанъ маестатъ. Присутствовавшіе чины устами Павла Ричана поблагодарили директорію за ея успѣшныя дѣйствія и просили ее не слагать съ себя власти до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ доведено до конца.

На другой день чины собрались въ сеймовой залѣ. Явились и высшіе земскіе чиновники, судьи и совѣтники изъ католиковъ, кромѣ Лобковица, Славаты и Мартиница. Бургграфъ Штерберкъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой просилъ чины теперь, когда съ божьею помощію статья о вѣрѣ уже окончена, заняться обсужденіемъ королевскихъ предложеній, и хотѣлъ было ихъ снова прочесть, — но Будовець отъ имени сейма потребовалъ прежде всего назначить релаторовъ къ земскимъ

(¹) По Славатѣ, это было 14 іюля; но въ другомъ мѣстѣ (I. 400) онъ говоритъ, что маестатъ былъ врученъ директорамъ 13 іюля, каковое число принимаетъ и издатель «Рамѣті». I. Иречень. Событія мая, іюня и іюля мѣсяцевъ 1609 г. наложены по «Воспоминаніямъ» Славаты. I. 269—371. Здѣсь приведены и всѣ соответствующіе документы. У Скалы разсказъ также обстоятеленъ (I. 182—257), но Славата предпочтительнѣе. Ср. прим. выше.

(²) Во вторникъ, хотя у Славаты указанъ понедеѣльникъ. I. 373.

доскамъ для внесенія въ нихъ только-что полученныхъ земскихъ привилегій. Сеймъ, принявъ маестатъ и «соглашеніе», выразилъ одобреніе на предложеніе Будовца о назначеніи релаторовъ, и послѣдніе были тотчасъ же избраны отъ двухъ сословій: пановъ и рыцарей. Когда и города потребовали имѣть своихъ представителей при этомъ торжественномъ внесеніи обоихъ законовъ въ доски, высшія сословія и король должны были уступить, хотя, по выраженію бургграфа, на памяти людской подобнаго примѣра не бывало (1).

23 іюля маестатъ былъ внесенъ въ земскія доски. Въ началѣ слѣдующаго года, предъ распущеніемъ сейма, онъ былъ отвезенъ въ Карлштейнъ, старое хранилище государственныхъ актовъ Чехіи, при чемъ Лобковицъ, Славата и Мартиницъ не упустили случая и здѣсь протестовать противъ установившагося, по видимому, земскаго мира (2).

Въ субботу по св. Ильѣ, 25 іюля, было внесено въ земскія доски и «соглашеніе между католиками и подобоями» (rovnání mezi stranou pod jednou i pod obějí), которое было выработано наканунѣ подписанія маестата на пріятельскомъ совѣщаніи у Штернберка умѣренныхъ католиковъ и членовъ директоріи.

Оба эти знаменитые государственные акта должны были, по пониманію обѣихъ противныхъ сторонъ, взаимно пояснять другъ друга: «jakož tůž majestát tomuto snešení — говоритъ соглашеніе — tak i toto snešení tomu majestatu v ničemž na škodu není a býti nemá» (3).

Разсмотримъ теперь содержаніе маестата и соглашенія и ихъ взаимное отношеніе.

Маестатъ объявлялъ полную свободу совѣсти всѣмъ тѣмъ, кто признавалъ «чешскую конфессію» 1575 года. «Подобойскія сословія — говорилъ король — сословіе панское, рыцарское, пражане, горцы и иные города, съ ихъ подданными людьми,

(1) ib. 375.

(2) ib. 404—405.

(3) Skala. I. 245.

словомъ есть, которые только признали и признають упомянутую конфессию чешскую, нѣкогда блаженной памяти отцу нашему Максимилиану на общемъ сеймѣ 1575 года и нынѣ снова намъ поданную, не исключая никого, могутъ вольно и свободно по-всюду и на всякомъ мѣстѣ исповѣдывать и отправлять свою христіанскую подобойскую религію, на основаніи конфессіи и учиненнаго между собой соглашенія и соединенія, спокойно пребывать при своей вѣрѣ, священствѣ и церковномъ уставѣ, каковой уже есть или будетъ отъ нихъ опредѣленъ» (1).

Базельскіе компактаты, согласно сейшовому рѣшенію 1567 года, вторично объявлялись уничтоженными, но самый маестатъ замѣнявшій теперь этотъ старшій договоръ чеховъ съ отцами собора, имѣлъ характеръ временной мѣры — «до общаго совершеннаго соглашенія о вѣрѣ въ священной имперіи».

Нижняя консисторія и университетъ передавались въ вѣдѣніе подобойскимъ чинамъ. «Нижнюю консисторію пражскую мы милостиво соизволяемъ снова (zase) передать въ распоряженіе и смотрѣніе ихъ (сословіѣ), чтобы тѣ соединенныя сословія (т. е. братья и лютеране, соединившіеся въ 1575 году) подобойскія могли обновить консисторію изъ своего духовенства, на основаніи конфессіи и своего соглашенія, организовать, согласно съ нею, священство, какъ чешское, такъ и нѣмецкое, а поставлен-

---

(1) «Protož jim k tomu povolovati moc a právo dávatí ráčime, aby i často dotčení i sjednocení stavové pod obojí jakž stav panský, rytčřský, tak i Pražané, Horníci a jiná města s lidmi poddanými jich, a summou všickni kteří se koliv k dotčené konfessí české, někdy slavné a svaté paměti císaři Maximiliánovi, pánu otci našemu nejmilejšímu, při sněmu obecním léta 1575 a nyní znovu Nám podané, (při kteréž je milostivě zůstavovati ráčime) přiznali a přiznávají, žádného nevymínujíce, tolikéž náboženství své křesťanské pod obojí podle též konfessí a svého mezi sebou učiněného porovnání a sjednocení volně a svobodně všudy a na všelikém místě provozovati a vykonávati, při víře a náboženství svém, též při kněžstvu a řádu církevním kterýž mezi nimi jest anebo od nich nařizen bude, pokojně zanechání býti mohli. Slavata. I. 378. «Apologie druhá», между приложениями. № 25. стр. 135. Въ текстахъ, помѣщенныхъ у Славаты и въ Апологіи, разнятся въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

ныхъ (т. е. священниковъ) назначать и принимать на свои приходы безъ всякой помѣхи со стороны архіепископа пражскаго или кого-либо иного».

Изъ текста этой статьи и изъ всѣхъ прежнихъ требованій видно, что подобно смотрѣли на передачу нижней консисторіи, какъ на законное возвращеніе своего стараго права, — поэтому и употреблено выраженіе «*zase davati*». Употребляя выраженіе «опять передать», чины 1609 года шли въ виду не то участіе земства въ завѣдываніи дѣлами нижней консисторіи, какое придумалъ Максимилианъ въ замѣнъ неутвержденія конфессіи, ибо максимилиановское учрежденіе охраны было такъ ничтожно, что избранные въ 1575 году дефензоры сами отказались отъ своей власти, когда правительство продолжало преслѣдовать братьевъ⁽¹⁾, — а тотъ порядокъ вещей, который установили на сѣздѣ еще въ 1531 году «паны, рыцари, пражане, города, мистры ученья чешскаго, священники, управители приходоу пражскихъ, деканы, всѣ сословія, принимающія тѣло и кровь Господа и Спасителя нашего подѣ обоими видами». Этотъ сѣздъ опредѣлилъ между прочимъ «по немедленномъ соглашеніи мірянъ и духовныхъ» усилить своего утраквистскаго администратора и нижнюю консисторію четырьмя представителями отъ земли, по два отъ каждаго изъ высшихъ сословій, и это постановленіе въ числѣ другихъ было утверждено самимъ Фердинандомъ. «Если бы въ томъ или иномъ вопросѣ — говорилъ сѣздъ — администраторъ и нижняя консисторія чувствовали себя недостаточными, тогда пражане — помощники имъ своими совѣтами, а мы, сословія, имъ это ввѣряемъ, но съ тѣмъ, чтобы они ничего не рѣшали безъ соизволенія сословій нашей стороны. Но если бы и администраторъ съ консисторіей, и пражане увидѣли себя по нѣкоторымъ вопросамъ не вполне компетентными, то, чтобы восполнить этотъ недостатокъ, мы придали имъ двѣ особы изъ панскаго и двѣ изъ рыцарскаго сословій и пожелали мы, чтобы этотъ трудъ приняли на себя благородные паны: Янъ Ваттинберкъ, Войтѣхъ Пернштейнъ, Янъ Литаборскій и Ярославъ

(1) См. выше.

Брованскій; съ ними тѣ ижѣють совѣтоваться во-всемь, о чемъ бы одни не могли достаточно озаботиться. Если же и этого окажется мало, тогда паны эти и пражане приглашаютъ нашу сторону къ извѣстному сроку, и мы, съѣхавшись и обсудивши то, за чѣмъ приглашены, до тѣхъ поръ не разъѣжаемся, пока то дѣло не будетъ рѣшено окончательно»⁽¹⁾. Избранные съѣздомъ 1531 года сословные депутаты, или «*spravoce pod oboji*», какъ они сами себя называли, были ближайшими блюстителями интересовъ подобойской (правильнѣе, лютеранской церкви), были главой консисторіи до возстанія 1547 года, какъ это напр. видно изъ переговоровъ ихъ съ администраторомъ въ 1540 году, когда послѣдній желалъ было отказаться отъ своей должности⁽²⁾; но тѣмъ не менѣе высшій надзоръ, право послѣдняго слова оставалось за сословіями. Это-то старое право высшаго надзора за нижней консисторіей было «опять передано» землѣ маестатомъ 1609 года: «*konsistoř pražkou dolějši v moc a opatrovaní jejich zase davati ráčime*».

Итакъ, какъ съѣздъ 1531 года, такъ и теперь чины 1609 года, ввѣряя постоянное и ближайшее наблюдение за консисторіей дефензорамъ, сохраняли за собой права послѣдней, высшей инстанціи. «Равнымъ образомъ — продолжаетъ Рудольфъ — мы соизволяемъ передать и пражскую академію, издавна принадлежащую подобойской сторонѣ, имъ, сословіямъ, въ распоряженіе со всѣми ея принадлежностями, чтобы они людьми достойными и учеными ее замѣщали, добрые и похвальные порядки устанавливали, и какъ надъ тѣмъ, такъ и надъ другимъ (т. е. надъ консисторіей и академіей) назначили бы изъ среды своей извѣстныхъ лицъ въ качествѣ дефензоровъ». Что же касается до способа утвержденія дефензоровъ, то знакомыя уже намъ требованія директоріи безусловнаго утвержденія королемъ всѣхъ представляемыхъ кандидатовъ, даже съ той оговоркой, что если не послѣдуетъ утвержденіе въ теченіе двухъ недѣль, то дефензоры вступаютъ въ отправление своихъ должностей, какъ если бы

(1) § 1 и 2. «*Jednaní a dopisy*». I. 62.

(2) *ib.* 156—157.

они были утверждены — вполне вошли въ маестатъ. «Околько особъ представлять намъ сословія, въ равномъ числѣ отъ каждаго изъ трехъ сословій, всѣхъ ихъ мы — говоритъ король — желаемъ и должны (*chsete a mame*) въ теченіе двухъ недѣль утвердить и объявить ихъ таковыми охранителями, никого не исключая, и помимо той обязанности, которая будетъ возложена на нихъ отъ сословій, не давая имъ никакихъ иныхъ инструкцій». Для поясненія послѣднихъ словъ объ обязанности, возлагаемой на дефензоровъ сословіями, мы должны обратиться къ инструкціи, выработанной на сеймѣ въ 1610 году. Этой инструкціей сеймъ поручалъ дефензорамъ имѣть доброе попеченіе обо всемъ, что касается свободы вѣроисповѣданья подобоевъ, консисторіи и академіи, заботиться, чтобы все это было въ добромъ порядкѣ, уполномочивалъ ихъ постановлять и рѣшать по всѣмъ дѣламъ, касающимся однихъ подобоевъ, — чинить все это безъ всякой помѣхи, не безпокоя о томъ короля, а въ случаѣ необходимости приглашать на обсужденіе и окончательное рѣшеніе этихъ дѣлъ и высшихъ королевскихъ чиновниковъ, судей и совѣтниковъ, но только изъ признающихъ чешскую конфессію, да сверхъ того по шести человекъ отъ каждаго края, въ равномъ числѣ отъ каждаго изъ трехъ сословій. «Но если бы — говорила инструкція далѣе — и въ этомъ числѣ они (дефензоры) не могли рѣшить чего-нибудь, то должны отложить этотъ вопросъ до ближайшаго общаго сейма, гдѣ онъ обсуждается и окончательно рѣшается съѣхавшимися на сеймъ подобоими» (1).

Такимъ образомъ, право окончательнаго рѣшенія по всѣмъ важнымъ вопросамъ, могущимъ возбудить сомнѣніе среди дефензоровъ, оставалось принадлежностью или частнаго съѣзда подобоевъ — по 6 депутатовъ отъ каждаго края, или общаго сейма, при чемъ частный съѣздъ имѣлъ мѣсто всякій разъ, когда только находили его необходимымъ созвать дефензоры. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какое важное значеніе имѣло это право подобоевскихъ сословій на частный съѣздъ.

Таковы были основныя положенія маестата.

---

(1) «Apologie druhá». Ж 26. 141.

Переходя далѣе къ разбору содержанія новаго закона, мы находимъ, что частности, которыя должны пояснить основныя положенія, затемняютъ смыслъ послѣднихъ, противурѣчатъ.

Мы только что видѣли, что первымъ положеніемъ маестатъ Рудольфъ гарантировалъ свободу подобойскаго исповѣданія вѣи и повсюду, никого не исключая, т. е. какъ государственныя сословіямъ, такъ и безправному классу населенія — сольчанамъ, при чемъ послѣднему — какъ на земляхъ владѣльческихъ, такъ и духовныхъ. Но дальнѣйшія статьи противурѣчатъ этому первому положенію.

Уже вторая статья о консисторіи не согласуется съ первой: право имѣть священниковъ изъ нижней консисторіи она представляла исключительно владѣльцамъ и свободнымъ городамъ; они только могутъ ихъ «на свои приходы назначать, принимать», слѣдовательно, это право не простиралось на крестьянъ католическихъ пановъ, тѣмъ болѣе на крестьянъ королевскихъ или церковныхъ; другими словами, свободой исповѣданія, даруемой первой основной статьей, послѣдніе пользоваться не могли. Что представляемое нами толкованіе второй статьи маестата вѣрно, видно изъ послѣдующихъ статей. «Если бы кто изъ соединенныхъ всѣхъ трехъ сословій подобоевъ — говоритъ король — пожалалъ кромѣ тѣхъ костеловъ и храмовъ божьихъ, которые находятся и находились уже въ ихъ владѣніи, поставить еще новую церковь или выстроить школу въ городѣ, мѣстечкѣ, селѣ или въ иномъ мѣстѣ, то, какъ сословія панское и рыцарское, такъ и пражане, горцы и другіе города, всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, имѣютъ полное право на это во всякое время, безъ малѣйшей помѣхи со стороны кого бы то ни было». Ясно, что однимъ только панамъ, рыцарямъ и свободнымъ королевскимъ городамъ (1) маестатъ давалъ право строенія новыхъ церквей, основанія своихъ конфессіонныхъ школъ, т. е. того, въ чемъ именно и выражается свобода исповѣданія. Понятно послѣ всего этого, что глухое упоминаніе въ концѣ маестата о возбраненіи

---

(1) Последнее выражалось общиною формулою — «Пражанé, Hornáci a jiná města».

свораченія крестьянъ отъ ихъ вѣры: «никто изъ высшихъ свободныхъ сословій, никакіе города и мѣстечки, а равнымъ образомъ и сельское населеніе (sedlský lid), не должны быть свращаемы ихъ верхностями или кѣмъ либо инымъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ человекомъ, отъ ихъ вѣры и принужденны подѣ какими бы то ни было предлогахъ къ принатію религіи другой стороны» — легко могло сдѣлаться предметомъ спора, такъ какъ оно противурѣчило вышеуказаннымъ статьямъ. Тоже должно сказать и о заключительныхъ словахъ маестата — о приказѣ короля всемъ чиновникамъ и обывателямъ держать «пановъ, рыцарей, пражанъ, горцевъ и всея города, всея три сословія этого королевства, со всеми людьми подданными ихъ, словомъ (summo) всю сторону подобойскую, принадлежащую къ чешской конфессіи» при этомъ королевскомъ маестатѣ во всехъ его статьяхъ (1).

Практика скоро показала всю неудовлетворительность редакціи маестата, хотя ее предложили сами подобои, а не правительство, и весь споръ подобоевъ съ католиками послѣ 1609 года формально основывался на естественно вытекавшемъ изъ неточности выраженій произвольномъ толкованіи сомнительныхъ мѣстъ, пока эти взаимныя препирательства не привели къ возстанію 1618 года.

Обратимся теперь къ «соглашенію», которое должно было быть, по мысли соглашавшихся, помененіемъ маестата.

Соглашеніе взаимно обязывало католиковъ и подобоевъ хранить неприкосновенность владѣній и религіозныхъ особенностей каждой стороны: «сословія-подобои желаютъ и должны оставить сторону католическую при ея церквяхъ, службахъ, церемоніяхъ, приходахъ, монастыряхъ, коллегіяхъ, дарованіяхъ, десятинахъ, платахъ, доходахъ и стародавнихъ учрежденіяхъ, равнымъ образомъ сторона католическая желаетъ и должна оставить сторону подобойскую при ея церквяхъ, словомъ, какъ которая сторона чѣмъ владѣла посегодня».

---

(1) Подлинный текстъ маестата напечатанъ. «Apologie druhá» № 25. 132—140; у Славаты I. 376—380, у Славы I. 243.

Спорный пункт о правѣ погребенія въ церквяхъ былъ также разрѣшенъ полюбовно: «какъ католики въ церквяхъ и фарахъ подобойскихъ, такъ подобои въ церквяхъ и фарахъ католическихъ не должны быть погребаемы безъ согласія и вѣдома коллатора или духовныхъ управителей фары. Но если бы къ католической фарѣ принадлежали подобои и давали ей десятину или какую либо иную плату, то погребаются тамъ безъ особеннаго дозволенія коллатора, и наоборотъ». Но самое важное мѣсто соглашенія это то, гдѣ говорится о правѣ построения новыхъ церквей. «Въ которыхъ же мѣстностяхъ и городахъ принадлежащихъ королю или королевѣ, или на помѣстьяхъ императорскихъ (bud královských, králové její milosti, neb na panstvích j. m. císařské) подобои не имѣютъ ни своихъ собственныхъ церквей или кладбищъ, ни общихъ съ католиками, то они, по буквѣ вышеуказаннаго маестата (vedlé znění výš dotčeného majestátu), получаютъ право ставить тамъ церкви и дома къ службѣ божьей, равнымъ образомъ какъ и устранивать мѣста подъ кладбища» (1). Но въ маестатѣ нѣтъ такого мѣста, на которое ссылается соглашеніе, яко бы онъ предоставлялъ и крестьянамъ на королевскихъ помѣстьяхъ право строить новыя церкви и кладбища: мы видѣли, маестатъ даетъ право строить церкви и школы только панамъ, рыцарямъ, да свободнымъ городамъ, и говорить объ этомъ ясно; на крестьянъ же королевскихъ, церковныхъ права этого не распространяетъ. Слѣдовательно, уже составители соглашенія, т. е. сами же редакторы маестата, не точно понимали свое собственное дѣтище, когда могли сослаться на несуществующее постановленіе маестата.

Такимъ образомъ, по строгому, безспорному толкованію маестата и соглашенія, право свободнаго исповѣданія подобойской вѣры представлялось только тремъ сословіямъ: панамъ, рыцарямъ и свободнымъ городамъ, но если это право расширить и на крестьянъ королевскихъ помѣстій, то въ этомъ случаѣ можно сослаться только на соглашеніе, отнюдь не на маестатъ;

---

(1) «Соглашеніе» въ «Apol. dr.» № 27. 144—146. у Славаты. I. 392—393. Skala. I. 244—245.

если же наконецъ распространить его и на обывателей церковныхъ земель, то подобное толкованіе только что добытыхъ законовъ необходимо вело къ спору, такъ какъ ни въ одномъ, ни въ другомъ законѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на предоставление свободы подобойскаго исповѣданія и зависимому населенію въ имѣніяхъ архіепископскихъ, монастырскихъ и вообще церковныхъ.

Итакъ, знаменитые земскіе законы, давши мѣсто въ себѣ взаимнопротивурѣчающимъ, неточнымъ постановленіямъ, допустили тѣмъ самымъ легкую возможность противникамъ религіозной свободы оспаривать ихъ главнѣйшія положенія. Въ этомъ случаѣ ошибка подобоевъ пошла отъ излишней спѣшности, что такъ естественно человѣку въ минуты его торжества, отъ отсутствія должнаго хладнокровія, а не отъ довѣрія къ католикамъ, какъ это предполагаетъ Гиндели (1).

Но всѣ эти недостатки маестата замѣчены были позже, теперь же, въ первое время, побѣдившіе подобой торопились воспользоваться своею побѣдой.

Сеймъ возобновилъ свою дѣятельность.

Мы видѣли, что Рудольфъ еще до подписанія маестата требовалъ отъ директоровъ распущеннаго свербованнаго войска и сложенія съ себя власти, но ни то, ни другое не было исполнено сейчасъ, ибо необходима была старая революціонная власть, чтобы провести добытыя права въ жизнь.

Прежде всего подобой сочли нужнымъ еще разъ учинить формальное соглашеніе между собой, т. е. еще разъ объявить о полномъ единеніи конфессіонистовъ и братьевъ, и уговориться объ устройствѣ своихъ церковныхъ дѣлъ. Это соглашеніе состоялось 28 сентября, въ день св. Вячеслава.

Послѣ перечисленія правъ и свободъ, дарованныхъ маестатомъ «соединеннымъ сословіямъ» королевства, подобойское «соглашеніе» (rogovnaní) поставляетъ на видъ, что, какъ это извѣстно всѣмъ вообще и какъ это помянуто въ просьбахъ къ королю, между ними, исповѣдующими чешскую конфессію, ко-

(1) «Dějiny českého povstání». I. 57. прим.

тору ю иные именуютъ аутобургской, съ одной стороны, и ихъ «милыми панами — пріятелями», которые назывались прежде изъ общины братской и которые, какъ и предки ихъ, признавали и признаютъ св. вѣру христіанскую, какъ она изложена въ конфессіи, съ другой стороны, «существовало всегда христіанское единеніе, согласіе и уравненіе, о которомъ часто упоминается въ маестатѣ». Въ подтвержденіе этого полного взаимнаго согласія между конфессіонистами и братьями новый сеймовый законъ ссылается не только на извѣстное предисловіе 1575 года, но «что выше этого — говоритъ онъ — и нинѣ, добывая совокупными силами отъ его величества маестатъ, мы вмѣстѣ съ ними, они вмѣстѣ съ нами, учинили истинное соглашеніе и соединеніе въ томъ смыслѣ, что въ святой вѣрѣ христіанской, согласно конфессіи, мы всѣ вмѣстѣ составляемъ единое тѣло и таковыми желаемъ быть и впередъ (spolu za jedno jsme a byti chceme)». Законъ не забылъ коснуться и «непріятныхъ названій», которыми постоянно поносились братья отъ своихъ недоброжелателей. «Всѣ мы, соединенныя сословія — говоритъ онъ — согласились: что касается часто упоминаемаго соединенія въ вѣрѣ, то мы всѣ желаемъ и обязуемся стоять въ томъ вѣрно, Господа Бога любить выше всего, его святымъ словомъ, заключающимся въ чешской конфессіи, руководствоваться, въ взаимной любви вмѣстѣ пребывать, другъ другу помогать во всемъ добромъ и себя защищать; а такъ какъ въ предшествовавшее время причинялись немалое огорченіе и недоразумѣніе между сторонами чрезъ взаимное поношеніе и отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ названій⁽¹⁾, то, чтобы прекратить это, мы положили всѣмъ намъ именоваться христіанами-подобоями, пребывая взаимно по повѣди сына божія въ христіанской, братской любви». Въ послѣдней прибавкѣ видна уступка обычаю общины называть своихъ членовъ братьями.

Засимъ соглашеніе 28 сентября указываетъ тѣ частныя полюбовныя сдѣлки, которыя учинили между собой на сеймѣ

---

(1) «Příčinou některých nepřijemných jmen» — намекъ на выраженіе «pikarty».

конфессіонисты и братья относительно будущей организаціи, согласно съ маестатомъ, своего духовенства. Касательно устройства консисторіи чины уговорились поступить такимъ образомъ. Конфессіонисты избираютъ изъ своего духовенства человѣка достойнаго, «ученаго, въ обращеніи благороднаго, примѣрной жизни» въ администраторы, и къ нему придаются въ качествѣ «консисторіановъ» пять членовъ изъ священства; съ другой стороны, братья изъ своихъ духовныхъ выбираютъ старѣйшину, «который имѣетъ мѣсто сейчасъ же послѣ администратора»; ихъ же священники избираютъ въ консисторію изъ среды своей двухъ членовъ. Сверхъ того отъ университета назначаются трое профессоровъ для засѣданія въ консисторіи. Что же касается до посвященія въ священники, то было постановлено, что администраторъ вмѣстѣ съ консисторскими членами отъ конфессіонистовъ экзаменуетъ присланныхъ въ нему коллаторами лицъ и, найдя ихъ достойными, посвящаетъ, при чемъ онъ и старѣйшина отъ братьевъ возлагаютъ на нихъ руки. Администраторъ не имѣетъ права безъ вѣдома и согласія коллатора опредѣлять священника или лишать его мѣста. Такой же порядокъ долженъ наблюдаться и при посвященіи братскихъ священниковъ: старѣйшина вмѣстѣ съ своими членами, найдя по испытаніи представляемыхъ кандидатовъ достойными, посвящаетъ ихъ «способомъ и порядкомъ между ними обычнымъ», при чемъ происходитъ тоже возложеніе рукъ старѣйшины и администратора. Взаимныя отношенія обоихъ представителей консисторіи должны быть любовныя: одинъ другому не долженъ дѣлать никакихъ пренятствій «ни подъ какимъ видомъ», но каждому изъ нихъ пребывать при его порядкахъ и церемоніяхъ, въ обоюдной любви и вѣрности⁽¹⁾.

Новое устройство нижней консисторіи, очевидно, давало болѣе значенія конфессіонистамъ, чѣмъ братьямъ, но послѣдніе не возражали.

Съ небольшимъ чрезъ недѣлю послѣ вѣчеславскаго соглашенія, 6 октября, сеймъ вымогъ у Рудольфа новую уступку — торжественное обѣщаніе забвенія всего прошлаго, прощеніе со-

(1) Теметь соглашенія у Скалы. I. 249—253.

словіямъ за всѣ ихъ насильственные дѣйствія при полученіи маестата, такъ называемую амнистію. Король обязывался не поминать своею немилостью и нелюбовью сословія королевства, принимающія подѣ обоими видами и исповѣдывающія конфессію, какъ всѣ виѣствѣ, такъ и каждое въ отдѣльности, не имѣть сердца противъ тѣхъ лицъ, которыя были избраны и уполномочены отъ сейма для веденія обороны или помогали защитѣ оружіемъ или какинь-либо инымъ способомъ. Рудольфъ обязывался затѣмъ не дозволять никому — ни свѣтскимъ, ни духовнымъ людямъ, мѣстнѣ сословіямъ, теперь или въ будущемъ, ни отъ своего имени, ни отъ имени ихъ собственнаго, ни явно, ни тайно, ни словомъ, ни дѣломъ, вредить ихъ доброму имени, женамъ, дѣтямъ, имущество, словомъ обвинять ихъ, корить или подѣ какимъ-либо предлогомъ вербовать солдатъ на отместку сословіямъ. Въ случаѣ, если бы кто позволилъ себѣ сдѣлать что-нибудь противъ настоящей «милостивой гарантіи», тотъ подлежитъ спеціальному суду, который долженъ состоять изъ 24 выборныхъ лицъ, поровну отъ подобоевъ и католиковъ, при чемъ члены отъ подобоевъ имѣютъ избираться изъ дефензоровъ, высшихъ чиновниковъ и оруженыхъ депутатовъ (1).

Эту широкую амнистію Рудольфа отказались подписать тѣ же закоренѣлые враги подобоевъ: Лобковицъ, Славата и Мартиницъ. Кромѣ короля, ее подписали: Лихтенбергъ, Штернбергъ, Доницъ, Лукавскій, нѣкоторые высшіе чиновники изъ умѣренныхъ католиковъ. И въ этомъ случаѣ Лобковицемъ съ пріятелями руководили религіозный фанатизмъ и іезуиты. Когда требовали у нихъ подписи, они просили отсрочки до-завтра для обсужденія. «ибо статья эта объ амнистіи — поясилъ Славата — была написана панами-подобоями» (2). Какъ это ни было не по сердцу подобоямъ, но они должны были уступить просьбѣ. Вышедши изъ сейма, Славата и Мартиницъ «не забыли посоветоваться съ нѣкоторыми благочестивыми и учеными духовными людьми», и

---

(1) «Apol. druhá». Ж 29. 147—150. Slavata. I. 405—406. Skala. I. 254. О судѣ — ib. I. 259.

(2) «Paměti». I. 407.

результатомъ долгихъ совѣщаній былъ отказъ въ подписи: эта-де амнистія вредна вѣрѣ католической и идетъ противъ правъ духовенства. «Многіе ученые люди, особенно духовные — прибавляютъ Славата — хвалили насъ потому» (1).

Этотъ отказъ былъ неожиданъ. «Всѣ твердо надѣялись — говоритъ Скала, что послѣ всего происшедшаго никто не осмѣлится нарушить того, что сеймъ постановилъ, какъ законъ, и что утверждено королемъ, никто не осмѣлится пренебречь земской конституціей и оскорбить королевское достоинство. Но нашлись люди, которые сильно обманули сословія въ ихъ надеждѣ, и это были тѣ, о которыхъ уже не разъ упоминалось — орудія іезуитовъ: канцлеръ, секретарь Менцль, Славата и Мартиницъ. Даже когда амнистія была вносима въ земскія доски, они отказались признать ее закономъ».

Очевидно, сеймъ не могъ оставить эту выходку друзей іезуитовъ безнаказанной.

Прошло 11 дней послѣ полученія амнистіи, и подобойскіе чины собрались въ судейской залѣ сейма, чтобы призвать къ отвѣту Лобковица, Славату и Мартиница. Авторъ «Воспоминаній» инициативу въ этомъ дѣлѣ приписываетъ умѣреннымъ католикамъ: тѣ не подписались, разсуждали яко бы они, а мы подписались; насъ могутъ укорять, что мы подписывались зря (2). Но это объясненіе заинтересованнаго лица сомнительно, ибо подобой, лишь только получили извѣстіе объ отказѣ канцлера и его друзей въ подписи амнистіи, сейчасъ же собрались въ старомѣстекской ратушѣ и, объявивши всѣхъ троихъ явными непріятелями, потребовали у директоровъ просить короля лишить канцлера и бургграфа карлштейнскаго (Славату) ихъ должностей и впредь нигуда не назначать (3).

Еще засѣданіе сейма 17 октября не началось, когда всѣ собравшіеся католики и подобой встали съ своихъ мѣсть и устами Будовца спросили Славату и Мартиница: угодно ли имъ под-

(1) Ів. 409.

(2) Ів. 44.

(3) Skala. I. 255—256.

писаться подъ амнистіей, которая имѣетъ одну цѣль — политическій покой, согласіе и любовь или нѣтъ. Славата, посоветовавшись съ своимъ пріятелемъ, отвѣчалъ сеймовому оратору, что имъ невозможно подписаться, такъ какъ они католики и потому вѣрятъ, что имъ, мірянамъ, нельзя вмѣшиваться въ дѣла духовныя, а амнистія касается исключительно вѣры, что они не подписались и не подпишутся никогда. Но тѣмъ не менѣе Славата старался увѣрить собраніе, что въ этомъ отказѣ нѣтъ никакого злаго нахѣренія, что какъ прежде, такъ и впредь, онъ и его пріятель всегда готовы къ пріятельскимъ услугамъ, по мѣрѣ своихъ силъ.

Чины, посоветовавшись, отвѣчали черезъ того же Будовца Славатѣ, что мотивы, приведенные въ рѣчи, неудовлетворительны. Подъ амнистіей подписались и король, и другія лица, воспитанныя также въ католической вѣрѣ, слѣдовательно, они, поддавшись наговорами нѣкоторыхъ «чужеземцевъ духовныхъ», считаютъ себя выше и короля, и чиновъ; они отказались подписать маестатъ и амнистію, не присутствовали при внесеніи маестата въ доски, стоятъ на своемъ, и потому чины, объявляя ихъ явными непріятелями подобоевъ, вносить слѣдующій протестъ въ сеймъ: если въ будущемъ случится какое оскорбленіе вѣрѣ подобоевъ, въ противность маестату и соглашенію, то чины должны знать, что причина этому они — Славата и Мартиниць. Затѣмъ Будовець, обратившись къ бурграфу Штербергу, Донину и другимъ католикамъ — пріятелямъ подобоевъ, отъ имени всей своей стороны благодарилъ ихъ за всѣ ихъ дѣяствія и увѣрялъ, что они, подобои, нераздѣльно отъ католиковъ защищаютъ во всякое время католическую вѣру до послѣдней капли крови. По просьбѣ сословій, тогда же подписались подъ амнистіей и тѣ изъ высшихъ королевскихъ чиновниковъ, которые не присутствовали на сеймѣ 6 октября.

Славата еще разъ пытался убѣдить сеймъ въ чистотѣ дѣяствій своихъ и своего пріятеля, еще разъ повторилъ, что они всегда готовы были и будутъ къ пріятельскимъ услугамъ сословій, но Будовець отвѣтилъ ему кратко: «ихъ милости, чины — подобои, остаются при своемъ. прежнемъ объявле-

ни» (1). Правда, сеймъ, объявля Славату и Мартиница открытыми врагами земли, поступалъ немилостиво; но онъ, дѣйствуя такъ, желалъ строгостью уничтожить на будущее время всякую попытку къ нарушенію съ трудомъ установившагося земскаго мира и отнюдь не руководился слѣпой ненавистью «къ орудіямъ іезуитовъ». Лучшимъ доказательствомъ терпимости знаменитаго сейма 1609 года можетъ служить одинъ изъ послѣднихъ законовъ, изданныхъ имъ, относительно земельныхъ владѣній іезуитскихъ училищъ: въ силу его, коллегіи іезуитскія въ правахъ владѣнія земельною собственностью уравнивались вполне съ пражскимъ университетомъ (2).

Теперь мы должны обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ сейма, которыя онъ предпринялъ для проведенія въ жизнь маэстата.

Сословное войско было распущено въ сентябрѣ, но власть директоріи продолжала существовать. Скоро къ ней присоединилась новая власть — дефензоры. Изъ текста маэстата, а еще болѣе изъ инструкціи сеймовой, выработанной въ началѣ 1610 года, видно, на какое серьезное ограниченіе королевской власти вынужденъ былъ согласиться Рудольфъ, учреждая дефензорство. Въ охранѣ являлась вторая правительственная власть, постоянная, вѣдавшая двѣ обширныхъ отрасли государственнаго управленія — народное образованіе и духовныя дѣла, независимо отъ центральной королевской власти, отчитываясь только передъ сеймомъ. Дефензорство было продолженіемъ революціонной директоріи, и значеніе его было тѣмъ сильнѣе, что оно могло и должно было по закону смотрѣть за дѣйствіями правительства, контролировать ихъ, а въ случаѣ надобности взывать къ землѣ, которая охотно вышлетъ по шести депутатовъ отъ края. Рудольфъ поступилъ такимъ образомъ своими верховными правами, предоставивъ дефензорамъ право созывать съѣздъ: если король созывалъ общій сеймъ, то дефензоры частный, подобойскій.

(1) Засѣданіе 17 октября 1609 г. у Славаты I. 412—423; у Скалы I. 255—258, впрочемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями.

(2) Skala. I. 261, 262.

10 октября 1609 года дефензоры были избраны, и уже въ октябрѣ имъ ихъ виднѣть за дѣломъ виѣстѣ съ директорами (1), хотя значеніе власти ихъ еще не вполне опредѣлилось, такъ какъ только въ началѣ 1610 года дефензорская инструкція была принята сеймомъ, и только въ послѣдній день знаменитаго сейма 1609—1610 годовъ, 23 февраля революціонные директора сложили свою власть (2). Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени отъ 10 октября 1609 года по 23 февраля 1610 въ королевствѣ существовали четыре власти: слабая королевская, сеймъ, старая директорія и только что родившееся дефензорство.

Согласно маестату, каждое изъ трехъ сеймовыхъ сословій выбрало изъ среды своей по восьми дефензоровъ. Отъ сословія пановъ были избраны слѣдующія лица: Шликъ, Швамбергъ, Вартембергъ, Швиговскій, Турнъ, Вильгельмъ Лобковицъ, Павелъ Ричанъ, Вацлавъ Роуповъ, Вацлавъ Вудовецъ; отъ рыцарей: Митровицъ, Штампакъ, Фиктумъ, Михановицъ, Лоса, Когоуть, Миллеръ, Мильгаузъ; отъ городовъ: Мартинъ Фрувейнъ, Гумберкъ, Губеръ, Магрле, Пергаръ, Коханъ, Майенбергъ, Сиесть Оттерсдорфъ (3). Большинство директоровъ вошло въ дефензорство.

Мы видѣли выше, какииъ образомъ чины согласились между собой устроить свое духовное управленіе. Соглашеніе 28 сентября было результатомъ продолжительныхъ совѣщаній между поддольскими священниками, депутатами отъ университета и директорами, которыя начались еще въ концѣ іюня 1609 года.

Для принятія въ свое вѣдѣніе нижней консисторіи, сеймъ избралъ двухъ комиссаровъ: Гумберка и Техеница. 30 іюля

---

(1) То м е к. «Paměti kollegiatů kolleje karlovu». «Časopis». 1847. II. 511. Это рядъ статей на основаніи подлинныхъ бумагъ, записокъ пражскаго университета отъ 2-ой 1/2 XVI по начало XVII стол.

(2) Slavata. I. 400. Skala. I. 258. По Скалѣ сеймъ былъ закрытъ 26 февраля, но см. предисловіе. VIII.

(3) Valbinus. «Bohemia docta». I. 100. Haberfeld. «Bellum bohemicum», въ чешскомъ переводѣ E. Tonner'a. Praha. 1867. 13. пригл.: но пропущенъ Лобковицъ. Шликъ былъ «princeps omnium defensorum et directorum» («Boh. docta». ib.), оттого отъ пановъ 9.

старшій администраторъ консисторіи, Собѣславскій, передалъ имъ въ карловой коллегіи книги и другія консисторскія дѣла. На другой день профессора были приглашены къ директорамъ въ старомѣстскую ратушу, гдѣ имъ было приказано избрать изъ своей среды четырехъ депутатовъ для принятія участія въ совѣщаніяхъ по организаціи новой консисторіи. Мистры избрали: ректора Мартина Вахачка, Симеона Скалу, Яна Кампануса и Кринтофа Матебеуса. 1-го августа духовный комитетъ, въ числѣ 17 человекъ, началъ свои засѣданія: понятно, въ комитетъ вошли и сеймовые комиссары. Черезъ два мѣсяца работы комитета были окончены, и 28 сентября было принято сеймомъ извѣстное «соглашеніе» — законъ объ организаціи консисторіи. Оставалось привести въ исполненіе постановленія новаго закона.

3 октября собрались чешскіе и нѣмецкіе священники въ университетъ для выбора изъ среды своей членовъ консисторіи, какъ это требовало соглашеніе. Отъ директоріи были присланы комиссары: Ричанъ, Техениць и др., для руководства выборами. Ричанъ открылъ собраніе рѣчью, въ которой указалъ цѣль приглашенія. Священникъ Илья Шудъ отъ имени приглашенныхъ отвѣчалъ, что они собрались охотно, что для умноженія славы божьей и христіанской церкви они готовы и на большія жертвы. Послѣ этого Техениць объявилъ желаніе директоровъ — не выбирать въ новую консисторію лицъ, засѣдавшихъ въ старой, такъ какъ тамъ все были люди «непокойные, хмѣльные, сварливые». Это заявленіе вызвало сумятицу. Янъ Цибада, изъ консисторіи, возразилъ, что всѣ члены консисторіи поставлены законно въ священники и потому не могутъ быть исключаемы. Комиссары обратились къ другимъ членамъ консисторіи съ вопросомъ: говорилъ ли Цибада по ихъ порученію? тѣ молчали; тогда Ричанъ накинулся на Цикаду: «скотина, ты говорилъ легкомысленно; лучше выгнать паршивую овцу изъ стада, чтобы другихъ не заражала; какъ же ты будешь вѣреть людямъ, когда былъ невѣрепъ Богу!» (Цикада прежде былъ католикомъ). Поднялся общій шумъ. Съ трудомъ собраніе умиралось, и тогда комиссары предложили священникамъ — пусть каждый у себя дома напишетъ имена трехъ лицъ, котормъ онъ считалъ бы достой-

ными въ консисторію. Этимъ окончилось первое засѣданіе комитета. Черезъ два дня собралось снова духовенство; Ричанъ отобралъ запечатанныя записки съ голосами въ отдѣльный ящикъ, послѣ чего была читана конфессія, сначала по-чешски, потомъ по-нѣмецки. На другой день, 7 октября, послѣ чтенія статьи о консисторіи, были вскрыты записки при стеченіи многочисленной публики. Избранными оказались: администраторомъ Илья Шудъ, старѣйшимъ Матвѣй Цирусь; членами консисторіи: отъ подобоевъ 1575 года — Вацлавъ Варскій, Матвѣй Роменецусъ, Адамъ Климентъ Пильзенскій; отъ братской общины — Янъ Цириллъ и Янъ Корвинъ. Кромя того, въ составъ консисторіи вошли три профессора: ректоръ Вахачекъ, Симеонъ Скала и Янъ Кампанусъ. 11 октября консисторія была утверждена сеймомъ, а члены принесли присягу (1).

Такимъ образомъ организовалось духовное управление подобоевъ. Церковное соглашеніе, заключенное 28 сентября, было не пустымъ словомъ: дефензоры и консисторія строго блюли, чтобы подвѣдомственное имъ духовенство изъ конфессіи и общины жило въ мирѣ и согласіи между собой, и не стѣснялась въ энергическихъ мѣрахъ по отношенію къ каждому, кто осмѣливался вносить раздоръ въ его среду. Когда черезъ годъ съ небольшимъ по открытіи консисторіи, весной 1611 года, деканъ хрудимскій и нѣкоторые изъ конфессіонныхъ священниковъ подали жалобу на старѣйшаго консисторіи, что онъ по желанію нѣкоторыхъ пановъ посылаетъ братскихъ священниковъ на конфессіонныя коллатуры, и что потому умалется число ихъ приходовъ, дефензоры опредѣлили: декана лишить мѣста, вымарать его имя изъ консисторскихъ книгъ (что исполнено было собственноручно однимъ изъ дефензоровъ) и посадить его въ тюрьму за то, что онъ «покусился нарушить соглашеніе, учиненное между сословіями-подобоеями и ими крѣпко утвержденное, и поселить такимъ образомъ между ними раздоръ» (2).

---

(1) Tomek. «Paměti». «Čas.». 1847. II. 506—511.

(2) Skala I. 326.

Для окончательнаго проведенія маестата въ жизнь оставалось еще сейму и директоріи реформировать университетъ.

Уже въ то время, какъ выработывался въ духовномъ комитетѣ проектъ соглашенія, начались подготовительныя работы по преобразованію карловой коллегіи. Реформа университета была много труднѣе, чѣмъ установленіе церковнаго управленія, такъ какъ она требовала прежде всего значительныхъ матеріальныхъ пожертвованій.

Дѣло въ томъ, что хотя король въ спорѣ съ сословіями постоянно указывалъ, что онъ есть фундаторъ университета, что слѣдовательно ему принадлежитъ неотъемлемое право попеченія о немъ, но это попеченіе было на словахъ.

Правда, почти все профессоры имѣли казенныя квартиры, содержаніе въ коллегіяхъ Карла и Всѣхъ Святыхъ⁽¹⁾, но матеріальное положеніе ихъ было крайне бѣдственно. Не смотря на то, что карлова коллегія имѣла свои села, дарованныя ей еще ея основателемъ, Карломъ, и что еще прибыточнѣе былъ капиталъ канониковъ Всѣхъ Святыхъ, который по уставу пополнялся коллегіатами и находился въ вѣдѣніи университета, доходы профессоровъ были очень ограничены, такъ какъ села доставляли одни сырые продукты — дрова, вино и т. д. При обиліи вина на общихъ профессорскихъ квартирахъ развивалось непомерно пьянство: изъ записокъ коллегіатовъ видно, что не рѣдко университетскому начальству приходилось прибѣгать къ серьезнымъ полицейскимъ мѣрамъ, чтобы удержать профессоровъ отъ пьянства; въ 1589 году было объявлено, что кто пропьнствуетъ цѣлый день или ночь внѣ коллегіи, тотъ три дня сидитъ подъ арестомъ⁽²⁾. Понятно, пиво было даровое, и раз-

---

(1) «Kollegija karlova» — общій домъ для 12 профессоровъ богословія и свободныхъ искусствъ. Къ коллегіи былъ приписанъ капиталъ Всѣхъ Святыхъ на Градчанахъ. каноника котораго были изъ профессоровъ. Томск. «Памяти». «Сбас.». 1847. II. 383 и слѣд.

(2) Въ 1588 году пробстъ капитула Всѣхъ Святыхъ жаловался, что выходитъ много пива, что нѣкоторые мистры приглашаютъ бакалавровъ и знакомыхъ къ себѣ и «пьютъ съ ними безъ мѣры общее пиво». Даже знаменитый въ свое время ректоръ Мартинъ Вахачекъ былъ причастенъ этому грѣху». Ів. 394—400.

гудьная жизнь вошла въ нравы сожителей карловой коллегіи, а между тѣмъ они чувствовали крайній недостатокъ въ предметахъ первой необходимости, напр. въ свѣчахъ при своихъ вечернихъ занятіяхъ, не говоря уже о книгахъ. 13 августа 1593 года мистръ Троянъ, одинъ изъ болѣе зажиточныхъ профессоровъ, далъ обѣщаніе, что, видя затруднительное положеніе своихъ товарищей и ихъ скудость, онъ жертвуетъ имъ 50 копъ вѣнскихъ грошей на покупку свѣчей, но съ условіемъ — если они будутъ прилежно ходить въ школы на экзаменъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ пожертвовалъ 50 копъ на столъ для студентовъ. Коллегія не пренебрегала просто подачками: такъ если какаибудь община просила учителя, то обыкновенно посылала профессорамъ посудину добраго пива, рыбу, сыръ, птицу, и все это принималось съ благодарностью. Когда въ началѣ XVII столѣтія пришлось ремонтировать зданіе, то профессора съ трудомъ могли собрать немного денегъ почти христа-ради⁽¹⁾.

Изъ представленныхъ данныхъ ясно, что для того, чтобы поднять старій университетъ, подобающъ необходимо было съ одной стороны увеличить его средства, съ другой унять разгульную жизнь прозябавшихъ въ нищетѣ профессоровъ, на которую уже давно жаловалось общество⁽²⁾.

Въ началѣ сентября 1609 года директорія поручила четыремъ комиссарамъ разсмотрѣть сообща съ мистрами всѣ привилегіи и фундаціи университета, сдѣлать точную опись пожертвованій и доходовъ его, постоянныхъ и случайныхъ, провѣривши бібліотеку, указать, въ какихъ частяхъ она должна быть исполнена, и наконецъ предложить профессорамъ проектъ реформы университета, представленный уже нѣсколько времени тому назадъ сейму докторомъ Залужанскимъ для дачи на него своего заключенія. Комиссарами были назначены: авторъ проекта, Залужанскій.

(1) *ib.* 400—401. О патриархальныхъ отношеніяхъ общества къ университету, выразившихся присылками профессорамъ птицъ, рыбы и разнаго другой живности, — см. статью Томка: «*Raměti o školach českých za Marktina Bahačka.*» «*Čas.*» 1845. 621. 622.

(2) *ib.* 390.

Губеръ и два бакалавра свободныхъ искусствъ. 14 сѣнтября началась ревизія университета, и въ теченіе десяти дней она была окончена.

Въ отчетѣ, поданномъ директорѣмъ, ревизовавшая коммиссія указывала, что для преобразованія университета необходимо осуществить слѣдующія мѣры: 1) продать всѣ имѣнія карловой коллегіи, находящіяся на разстояніи болѣе двухъ миль отъ Праги; 2) назначеніе квартиры и казеннаго содержанія въ домѣ коллегіи предоставить дефензорамъ. Первой мѣрой коммиссія надѣялась увеличить матеріальныя средства университета: «деньги принесутъ большій процентъ» — объяснила она недовольнымъ мистрамъ; второй — нѣсколько унять профессоровъ.

10 октября сеймъ опредѣлялъ: для улучшенія университета пожертвовать сословіямъ по 15 грошей съ каждаго крестьянина; поручить дефензорамъ продать, согласно представленію коммиссіи, всѣ отдаленныя имѣнья, принять въ свое вѣдѣніе доходы университета, на увеличившіяся отъ продажи средства обновить богословскій, юридическій и медицинскій факультеты, назначить профессорамъ предметы и жалованье и вообще заботиться обо всемъ, что служило бы къ увеличенію школъ. вмѣстѣ съ этимъ коллегія была назначена мѣстомъ собранія дефензоровъ. Не чего говорить, что постановленіе сейма о продажѣ селъ и передачѣ университетскаго имущества въ вѣдѣніе дефензоровъ встрѣчено было ропотомъ со стороны пановъ-профессоровъ, и они начали съ дефензорами споръ въ защиту своихъ старыхъ порядковъ.

Споръ этотъ начался жалобой на доктора Залужанскаго, автора неприятнаго, какъ видно, проекта реформы университета. Мистры обвиняли его предъ дефензорами, что онъ, будучи комиссаромъ, обращался неприлично, дѣйствовалъ, какъ будто университетъ былъ въ его владѣніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ просили не требовать отъ нихъ никакихъ отчетовъ о деньгахъ университета, находящихся на процентахъ, такъ какъ это ихъ собственная, трудовая копѣйка: за ученіе они ничего не получали, подати за крестьянъ вносили изъ своего кармана, да и панамъ — сословіямъ дана въ вѣдѣніе академія, а не деньги. Дефензоры обѣщали принять во вниманіе просьбу мистровъ, но вслѣдъ за

тѣмъ имъ было объявлено чрезъ Будовца, что дефензоры опредѣлили продать всѣ университетскія имѣнія — и отдаленныя, и близкія. Мистры возражали, но напрасно: Будовецъ требовалъ согласія на продажу. Въ виду такого оборота дѣлъ мистры обратились за содѣйствіемъ къ своимъ старымъ пріятелямъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ числѣ дефензоровъ, а на общемъ совѣщаніи порѣшили — не соглашаться на продажу. Дефензорамъ было представлено письменное возраженіе противъ продажи университетскихъ имѣній: что въ силу королевскихъ привилегій имѣнья эти не могутъ быть отбираемы у нихъ, профессоровъ, что продажа имѣній принесетъ только ущербъ свободамъ университета, такъ какъ онъ будетъ лишенъ того права, которое имѣютъ іезуиты, не смотря на то, что онъ старше всѣхъ іезуитскихъ коллегій и т. д. Мистры соглашались только на одну уступку: они продадутъ болѣе отдаленныя села, на вырученныя деньги купятъ другія, вблизи Праги, или построятъ одинъ или два дома, а затѣмъ выберутъ изъ среды своей управителя, который будетъ завѣдывать всѣми доходами и отчетываться предъ дефензорами.

Дефензоры обѣщали разсмотрѣть представленіе мистровъ и дать въ свое время отвѣтъ.

Не смотря на рѣшеніе сейма, дефензоры, въ виду несогласія мистровъ, перенесли дѣло о продажѣ университетскихъ имѣній снова на сеймъ. Это было въ началѣ 1610 года. Два дня разсуждали на сеймѣ и пришли опять къ прежнему заключенію — продать университетскія имѣнія, противъ чего впрочемъ возражалъ бургграфъ Штернберкъ. Сообщили заключеніе сейма мистрамъ, а тѣ повторяли старое: на продажу селъ, что подалеже отъ Праги, соглашаемся; на продажу имѣній подгородныхъ — нѣтъ.

Сеймъ вскорѣ былъ закрытъ; дефензоры не настаивали, и вопросъ о продажѣ самъ собою затихъ: мистры защитили свои старые порядки (1).

---

(1) Томекъ. «Paměti». «Сам.» 1847. II. 507—508. 511—516.

Такимъ образомъ, одна изъ радикальнѣйшихъ мѣръ, предложенныхъ университетской комиссiей для поднятiя средствъ университета и улучшенiя быта профессоровъ, не привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ, благодаря своекорыстнымъ расчетамъ пановъ-мистровъ. Но, можетъ быть, и мистры были не совсѣмъ неправы въ отстаиванiи за университетомъ его старыхъ, жертвованныхъ королями имѣнiй, такъ какъ деньги, при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, могли легко погибнуть и университетъ остался бы безъ ничего. Наконецъ, въ виду только что состоявшагося щедрого рѣшенiя сейма о взносѣ на университетъ, можно было, дѣйствительно, не прибѣгать къ крайней мѣрѣ — къ распродажѣ всего университетскаго недвижимаго имущества. Къ сожалѣнiю, подобойскiя сословія были щедры на словахъ, а когда приходилось до дѣла, деньги жертвовались съ большою неохотою. Мы уже выше имѣли случай видѣть, какъ мало были готовы сословія давать деньги по требованiю директорiи 1609 года на формированье революціоннаго войска; щедрое рѣшенiе сейма о взносѣ на университетъ осталось на бумагѣ, и никто изъ членовъ сейма 1609 года не внесъ ни гроша для карловой коллегiи.

Однимъ словомъ, матеріальное положенiе университета отъ перехода его въ власть подобойскихъ сословiй нисколько не улучшилось, если не ухудшилось, ибо на содержанiе новыхъ, затребованныхъ сеймомъ профессоровъ богословскаго, юридическаго и математическаго факультетовъ былъ одинъ старый источникъ — дарованныя старыми королями села, недвижимыя имущества. Реформа университета ограничилась нѣкоторымъ усиленiемъ преподаванiя.

25 марта 1610 года дефензоры избрали изъ среды себя педагогическую комиссiю изъ 8 человекъ, въ которую вошли между прочими Вудовець, Роуповъ, Гумберкъ, Магрле, и ей поручили заняться поднятiемъ дѣла образованiя вообще въ королевствѣ. Комиссiя ревностно занялась исполненiемъ возложеннаго на нее порученiя. Уже на слѣдующій день она явилась въ коллегiю и предложила профессорамъ устроить у себя classes — образцовую школу для всѣхъ низшихъ школъ въ королевствѣ и вибѣсть съ

тѣмъ обновить пришедшіе въ упадокъ факультеты: богословскій, юридическій и медицинскій. Тутъ же комиссія указала на Бенлера, какъ на лицо, которое было бы очень желательно пригласить въ университетъ, и потребовали у ректора представить списковъ профессоровъ, съ указаніемъ предметовъ ихъ будущихъ лекцій, особенно на трехъ обновляемыхъ факультетахъ. Черезъ нѣсколько дней списковъ былъ изготовленъ: оказалось, что на факультетахъ богословскомъ и юридическомъ будутъ преподавать по два профессора, на медицинскомъ три; философскій же факультетъ имѣли подѣлять между собой члены карловой коллегіи. Съ Бенлеромъ, который тогда числился придворнымъ математикомъ, завели переговоры сами дефензоры, и онъ изъявилъ согласіе на чтеніе лекцій.

Изъ представленнаго списка ясно, что чувствовался крайній недостатокъ въ профессорахъ, особенно на факультетахъ только что открываемыхъ. Дефензоры не бездѣйствовали, старались по возможности увеличить наличное число преподавателей, позволили себѣ даже въ силу своего полномочія отъ сейма — не стѣсняться стародавними порядками университета.

Пріѣхалъ въ Прагу нѣкто Николай Каменекъ изъ Германіи и пожелалъ читать въ университетѣ лекціи еврейскаго закона; но мистры не дозволили и ссылались на статуты, по которымъ только членъ академической корпораціи имѣлъ право на преподаваніе. Николай жаловался дефензорамъ, просилъ объ отведеніи ему аудиторіи и жалованія, такъ какъ онъ былъ приглашенъ нѣкоторыми панями, и ему было обѣщано мѣсто при преобразованіи университета. Дефензоры приказали мистрамъ указать Николаю аудиторію, но тѣ попрежнему стали ссылаться на свой уставъ; тогда имъ было объявлено, что эти отговорки ничего не значать, и отказомъ они пріобрѣтутъ немилость дефензоровъ. По совѣту ректора, мистры уступили, дозволили Николаю чтеніе лекцій и дали ему въ займы 100 комъ. Черезъ нѣсколько времени дефензоры приказали вписать въ число преподавателей еще двухъ новыхъ профессоровъ на медицинскій и юридическій факультеты. Денегъ не было, — откуда же платить новымъ профессорамъ? и приходилось платить изъ стараго и

единственного источника. Очевидно, дѣло преподаванія не могло двигаться впередъ, и въ 1617 году авторъ анонимной брошюры противъ братьевъ укоряетъ дефензоровъ за плохое состояніе богословскаго и юридическаго факультетовъ (1).

Но скудость средствъ была не единственной причиною, ставившей дефензоровъ въ невозможность принести значительную пользу полученному ими съ такимъ трудомъ университету: земскій миръ, по видимому, обезпеченный законами 1609 года, окончился съ концомъ 1610; новый 1611 годъ снова вызвалъ на сцену бурныя событія недавнотинувшаго — чрезвычайный сеймъ, возстаніе земли, вѣдшательство чужихъ; снова вызвалъ къ жизни борьбу элементовъ, только что умирившихъ, чтобы не дать имъ уже успокоиться на-долго — до послѣдняго успокоенія одного изъ противниковъ. Естественно, среди общаго грома университетскій вопросъ подвинулся далеко назадъ и замеръ, пока наконецъ старая *alta mater* не сдѣлалась добычей давно алкавшихъ ее иезуитовъ.

Мы видѣли, что власть Рудольфа послѣ мира 1608 года фактически ограничилась одной Чехіей, событія же 1609 года съузили ее и здѣсь до *минимума*: верховныя права сильно стѣснились подобоями, ибо, напр. противъ войска королевскаго сеймъ или орудіе его, дефензоры, легко могли собрать свое «*stavovské*» войско. Одинъ врагъ, Матвѣй, вымогъ путемъ насилія, но подъ видомъ добровольнаго согласія, признанія за собой наслѣдственныхъ правъ на корону; другой! — подобои, тѣмъ же путемъ принудили короля отказаться отъ своихъ старыхъ убѣжденій и поступиться въ пользу ихъ нѣкоторыми изъ своихъ верховныхъ правъ. Если Рудольфъ давно уже не любилъ своего честолюбиваго брата, то теперь, послѣ коварнаго вторженія 1608 года, онъ его не терпѣлъ. Чувства же Рудольфа къ подобоямъ понятны. Естественно, если подъ вліяніемъ тяжелыхъ событій послѣднихъ лѣтъ у обезсиленнаго короля рано явилось желаніе отшкитить своимъ сильными врагамъ и возвратить то, что у него

(1) Skala. II. 47.

было вышожено. Войска не было; если начать собирать, сословія сейчасъ же завопятъ, что готовится что-то противъ нихъ, и объявятъ рушеніе земли. Безъ войска же нельзя было и думать о возвращеніи старины. Гдѣ же и какъ достать тайныхъ солдатъ, чтобы отгнать и Матвѣю, и чехамъ?

Какъ на орудіи мести, Рудольфъ остановился на своемъ двоюродномъ братѣ, эрцгерцогѣ Леопольдѣ, епископѣ Пассау въ Баваріи, по сосѣдству съ Чехіей и Австріей. Еще маестатъ не былъ подписанъ, но ясно было, что уступить подоболизъ будетъ необходимо, когда Рудольфъ завелъ сношенія съ Леопольдомъ, котораго онъ предназначалъ въ преемники себѣ. Сношенія пошли чрезъ Вацлава Вхнискаго, двуличнаго пана-подобоя. Въ августѣ 1609 года Леопольдъ благодаритъ Вхнискаго за его согласныя дѣйствія съ канцлеромъ Лобковицемъ и проситъ «поразмыслить о средствахъ, какъ бы внести раздоръ въ среду подобоевъ и склонить нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону» (1). Въ началѣ 1610 года Матвѣю было извѣстно, что императоръ вооружается — подъ тѣмъ яко-бы предлогомъ, чтобы собираемыя войска двинуть къ Юлиху и Клевесу, послѣдній князь которыхъ умеръ безъ потомства, для приобрѣтенія этихъ земель въ императорскій фискъ (2). Въ то же самое время католики интриговали въ пользу Рудольфа во владѣніяхъ Матвѣя — въ Австріи, Моравіи. Матвѣя извѣщаютъ изъ Праги, что при дворѣ твердо увѣрены, что болѣе половины подданныхъ его готовы объявить себя на сторонѣ императора (3). Лѣтомъ 1610 года былъ съѣздъ имперскихъ князей въ Прагѣ, на которомъ присутствовали и послы отъ Матвѣя, чтобы примирить враждующихъ братьевъ. Рудольфъ обѣщалъ распустить войска, но обѣщанія не исполнилъ. У императора былъ такой планъ: «войскъ не распускать, но вести ихъ къ чешскому Крумлову; потомъ назначить сеймъ и потребовать не только возвращенія данной привилегіи, но и наказать чеховъ, — нѣкоторыхъ изъ нихъ привлечь къ суду, обвинить

(1) H a n k a... «Correspondenz zwischen Kaiser Rudolph etc.». 19.

(2) ib. 26. Slavata. II. 2. 3.

(3) «Correspondenz». 29.

ихъ въ оскорбленіи величества, и, приведя все въ послушаніе, дѣйствовать тогда далѣе, такъ чтобы можно было приготовить престолъ Леопольду» (1). И, дѣйствительно, въ концѣ августа Матвѣй получилъ извѣстіе, что по приказанію императора войско изъ Пассау снабжается на зиму теплой одеждой, что чехи знаютъ, что оно предназначается противъ нихъ, но что императоръ потерялъ всякое уваженіе, и чины намѣрены твердо держаться договора 1608 года (2). Войско изъ Пассау считало въ себѣ 12 тысячъ человекъ, подъ начальствомъ Сульда и Раге. Въ 1610 году Леопольдъ двинулъ его на Австрію. Грабя и разоряя все на пути, пассовцы дошли до Динца, гдѣ расположились лагеремъ. Здѣсь они задерживали суда на Дунаѣ и поступали такъ, что, по выраженію Скалы, и сердце каменное могло бы прослезиться при видѣ ихъ хозяйничанья. Матвѣй, собравши войска, не впустилъ пассовцевъ далѣе во внутрь страны, а между тѣмъ отправилъ два посланія къ чешскимъ сословіямъ, въ которыхъ жаловался, что не вѣрится, чтобы эти грабежи чинились съ вѣдома и согласія императора, и напоминалъ имъ быть, согласно данному обязательству, готовы къ защитѣ его и его земли. Въ томъ же смыслѣ писалъ онъ и императору отъ 29 декабря. 17 января Рудольфъ отвѣчалъ брату: онъ строго выговаривалъ, что Матвѣй бунтуетъ его подданныхъ, хотя признавался, что пассовское войско собрано для защиты его и мира въ имперіи, упрекалъ, что онъ обвиняетъ его въ нарушеніи договора съ имперскими князьями и имперскихъ постановленій, тогда какъ судъ князей разсудитъ ихъ. Въ концѣ письма императоръ выражалъ надежду, что король будетъ склоненъ къ миру и не захочетъ предпринимать ничего «новаго». Если первое письмо Матвѣя было еще сдержанно, то второе прямо обвинило Рудольфа въ злоумышленіи (3). «Если сравнить время, когда кур-

---

(1) ib. 44.

(2) ib. 35. 36.

(3) Отъ 29 февраля(?). Впрочемъ, у Скалы письмо это по ошибкѣ датировано 29 февраля. Не читать ли января, такъ какъ письмо Рудольфа, въ отвѣтъ на которое было составлено данное посланіе отъ 29 февраля, было

фирсты были призваны въ Прагу, съ тѣмъ, когда вербовались пассовцы, то излишни всякіе доводы: пусть только прочтутся тѣ совѣты, которые давались тогда императору людьми бурливыми, ненавидящими миръ; изъ нихъ будетъ ясно, что императоръ желалъ добиться договора насильственно, при помощи солдатъ. Вѣроятно, императоръ еще не забылъ, какъ тѣ же совѣтчики ввели вредныя интриги въ Венгріи и Моравіи, желая вывести народъ тамъ изъ должнаго повиновенія ему, королю, и говорили, что, если бы у нихъ подъ руками было хоть нѣсколько солдатъ, многіе охотно бы отложились и пристали къ императору. Одинъ изъ этой толпы совѣтовалъ императору войти въ тайное соглашеніе съ нимъ, королемъ, ввести въ города войско и тогда отомстить австрійцамъ, мораванамъ и венграмъ, уничтожить ихъ свободы и льготы и установить иной порядокъ. Но король, какъ честной нѣмецкой совѣсти, отвергъ этотъ совѣтъ. Такъ какъ императоръ не пожелалъ распустить солдатъ, значить, онъ думалъ (minil) свой умыселъ противъ короля привести въ исполненіе. Если эти солдаты предназначались противъ имперіи, а съ турками былъ миръ, слѣдовательно, они наняты противъ королевствъ чешскаго, венгерскаго и другихъ земель. Но императоръ обязался собственноручной подписью хранить миръ съ этими королевствами и землями. Въ договорѣ, заключенномъ предъ Прагой, онъ прямо объявлялъ, что если бы онъ нарушилъ его, то чехи обязаны стать на сторону его, Матвѣя; поэтому онъ, король, имѣлъ полное право просить о помощи чешскія сословія и напомнить имъ, какъ честнымъ людямъ, ихъ подписи и печати». Въ заключеніе Матвѣй требовалъ отъ брата немедленнаго распущенія пассовскаго войска, въ противномъ случаѣ грозилъ войной⁽¹⁾. Но Рудольфъ войска не распустилъ и еще до полученія отвѣта указалъ ему двинуться въ

отъ 17 января? 3-е письмо Матвѣя, сейчасъ же послѣ 2-го, должно относиться къ половинѣ февраля, когда пассовцы были уже въ Прагѣ. (см. Skala. I. 296), ибо 17 февраля было второе посольство къ Матвѣю изъ Праги. О второмъ посольствѣ — Slavata. II. 13.

(1) Skala. I. 268—277.

Чехія. 30 янв. 1611 года пассовцы были уже въ вѣжныхъ областяхъ королевства: взяли затѣмъ Крумловъ (богатое владѣніе Вона Розенберка, изъ общины), Будеввицы и быстро шли къ Прагѣ. Но въ Прагѣ предвидѣли уже давно возможность вторженія въ королевство, и потому еще въ половинѣ января высшіе земскіе чиновники вмѣстѣ съ нѣкоторыми панами, находившимися тогда въ столицѣ, явились къ Рудольфу, чтобы спросить у него — къ чему эти пассовцы. Рудольфъ извинялся, что онъ ничего не знаетъ, и тотчасъ же объявилъ съѣздъ сословіи для обсужденія гвѣрзъ защиты.

25 января депутаты отъ краевъ, какъ это было положено въ магистатѣ, собрались въ Прагу, а черезъ нѣсколько дней они получили извѣстіе о вторженіи непріятеля въ землю. Съѣздъ потребовалъ у Рудольфа немедленнаго же удаленія пассовскаго войска; послѣдній отвѣчалъ, что онъ съ болью сердца услышалъ о вторженіи его, и Богомъ удостовѣрялъ сословія, что у него никогда не было никакого дурнаго замысла, что онъ поразмыслилъ объ отвращеніи опасности, и просилъ сословія быть вѣрными ему по прежнему, не покидать въ настоящую минуту «своего стараго короля». Послѣ этого съѣздъ опредѣлилъ: сформировать нѣсколько полковъ пѣхоты и конницы, нужныя деньги приобрѣсть путемъ займа и объявить рушеніе всей земли⁽¹⁾. Вмѣстѣ съ объявленіемъ дефензи, всеобщаго вооруженія, была назначена директорія для веденія защиты, въ составъ которой вошли главнымъ образомъ дефензоры.

Наскоро сформированная войска заняли столицу, Карловъ Тынъ (Karlstein); изъ Тына были взяты регалии королевскія и земскія привилегіи и свезены въ храмъ св. Вита.

13 февраля пассовцы были около Бероуна; къ нимъ отъправился изъ Праги эрцгерцогъ Леопольдъ, яко бы для того, чтобы переговорить съ ними отъ имени императора о жалованьѣ. Для успокоенія съѣзда былъ посланъ къ нимъ герольдъ съ приказаніемъ отойти въ Крумловъ, но ему была дана тайная инструкція — пріѣхавши на мѣсто, слушаться только Леопольда.

(1) Slavata. II. 4—6.

Дѣйствительно, вмѣсто того чтобы отойти въ Крушловъ, павсовцы 15 февраля были уже у Праги и сейчас же ворвались въ Малую Страну, прилегающую ко дворцу. Не смотря на сильное сопротивленіе мѣщанъ, Малая Страна вскорѣ была въ рукахъ непріятеля: «итальянцы и папешники малостранскіе — говоритъ Скала — не только не давали никакого отпора, напротивъ, предлагали противъ своихъ пороховъ, олово и сами стрѣляли». Легкая кавалерія проникла чрезъ карловъ мостъ во внутрь Праги, но одна часть ея была побита, другая укрылась въ католическихъ монастыряхъ. Узнавъ о послѣднемъ, жители Старого и Нового Мѣста съ неистовствомъ бросились на монастыри: какой только монахъ попадался подъ руку, его раздѣвали до-нага и били желѣзными прутьями; монахи спасались на крыши, но и тамъ ихъ стрѣляли, какъ птицу; двери, окна, печи — все это было изломано и побито въ монастыряхъ; пощады не было никому и ничему. «Собирались — говоритъ Скала — сдѣлать нападеніе на жидовъ и іезуитскую коллегію, но іезуиты заблаговременно просили о защитѣ съѣзда и ему вручили ключи отъ своей коллегіи». Волненіе приняло такіе размѣры, что съѣздъ, представлявшій теперь дѣйствительную власть, принялъ энергическія мѣры для унятія разбушевавшагося народа, ибо толпа уже называла себя «четвертымъ сословіемъ» (*stav čtvrtý*), возбуждая ревнивое опасеніе въ привилегированныхъ трехъ сословіяхъ. Ясно, что волненіе это было съ извѣстнаго рода политическимъ характеромъ. Зачинщики были казнены.

На другой день, 16 февраля, павсовцы двинулись на Градчаны. Слабый гарнизонъ съѣзда подъ начальствомъ Колонни Фельзескаго сдался. Рудольфъ теперь требовалъ мира съ павсовцами, съ Леопольдомъ, но пражане слышать не хотѣли о мирѣ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ подходили новыя сословныя войска изъ краевъ, которыя, по выраженію Скалы, были не прочь такъ ударить на врага, чтобы тотъ и ногъ своихъ не унесъ.

Понятно, въ какомъ ложномъ положеніи очутился Рудольфъ съ своими совѣтчиками, которыхъ такъ обвинялъ Матвѣй. Сверхованныя для него войска Леопольда, при помощи которыхъ онъ рассчитывалъ отмстить врагамъ, мало давали надежды на

успѣхъ дѣла: противъ нихъ стояли сословія, народъ; самъ императоръ долженъ былъ противъ нихъ созвать съѣздъ — земское правительство. Все населеніе видѣло врага въ тѣхъ, которые, по выраженію императора, явились въ Прагу для защищенія его достоинства.

18 февраля съѣздъ читалъ декретъ императора съ требованіемъ мира: «такъ какъ пассовскій людъ вторгся въ Прагу единственно только для защиты репутаціи, силы и достоинства его величества и до сихъ поръ здѣсь пребываетъ, поэтому императоръ препоручаетъ пражанамъ, чиновникамъ, сословіямъ завтра раннимъ утромъ явиться лично въ зачокъ, чтобы тамъ виѣсть съ тѣми военнымъ людемъ принести его величеству особенное обязательство, согласившись сообща не зацѣпать другъ друга до будущаго милостиваго рѣшенія того дѣла». На требованіе мира съѣздъ отвѣчалъ обвиненіемъ императора въ нарушеніи земской конституціи. Императоръ самъ объявилъ, что настоящій съѣздъ назначается для защиты его величества, какъ короля чешскаго, и королевства отъ всякой опасности, откуда бы она ни пошла; что онъ милостиво и отцовски желаетъ, чтобы сословія внимательно поразмыслили и согласились о наиболѣе дѣйствительныхъ средствахъ защиты. Когда же сословія занялись этииъ дѣломъ, солдаты, на вербованные прежде его величествомъ безъ воли и совѣта земскаго, вторглись въ королевство и взяли Будевицы, Таборъ и другіе города, а между тѣми императоръ обязался своимъ именемъ предъ сословіями и князьями, что пассовскіе солдаты никоимъ образомъ не вторгнутся въ королевство, что въ противномъ случаѣ онъ самъ озаботится объ ихъ изгнаніи. При вѣсти о вторженіи, сословія предложили всѣ эти обстоятельства вниманію его величества, и онъ свидѣтельствовался Богомъ, что у него никогда не было мысли ввести тѣхъ солдатъ въ королевство, что въ виду настоящей опасности онъ проситъ сословія быть ему вѣрными и не оставлять своего стараго короля. Сословія тогда рѣшили вербовать войска для защиты короля и отечества. Но прежде чѣмъ послѣднее рѣшеніе было отпечатано, пассовскіе солдаты, не обращая вниманія на объявленіе императора, что если подвинутся

дальше въ Прагѣ, то будутъ объявлены земскими непріятелями. и похваляясь, что они имѣютъ отъ него иной приказъ, наняли на Малую Страну, овладѣли ею и обнаружили свое тиранство убійствомъ, пожаромъ и грабежомъ. Непритель намѣревался завладѣть и Старымъ, и Новымъ Мѣстомъ, но съ помощью божьей былъ отраженъ. Послѣ всего этого, говорилъ съѣздъ, императоръ приказываетъ имъ, высшимъ чиновникамъ, судьямъ и сословіямъ (чего они никакъ не ожидали) соединиться съ пассивцами и вмѣстѣ дѣйствовать за императора противъ всякаго непріятеля. Но они считаютъ дѣломъ нестаточнымъ соединиться съ своими открытыми врагами, вредителями и губителями земскими, ибо это было бы явно противъ конституціи, сеймоваго рѣшенія, всего естественнаго и писаннаго права, наконецъ, противъ вышеуказаннаго обязательства его величества. А такъ какъ, кроме пассивскихъ солдатъ, ни о какомъ иномъ непріятелѣ сословія не знали и не знаютъ, то они объявляютъ, что будутъ защищать его величество, себя, женъ, дѣтей и свою дорогую отчизну противъ нихъ до послѣдняго изнеможенія.

Само собою разумѣется, что его величество менѣе всего нуждался въ защитѣ сословія отъ пассивцевъ, которые пришли защищать его отъ сословія. Но изъ недвусмысленнаго отвѣта съѣзда на требованіе о мирѣ съ «вредителями и губителями земскими» Рудольфъ долженъ былъ понять, что шутка, злѣбная «злыми совѣтчиками», по выраженію съѣзда, могла окончиться недобрымъ.

Чтобы придать еще большую силу своему отвѣту, съѣздъ извѣщалъ Рудольфа, что онъ обратился ко всѣмъ патриотамъ съ напоминаніемъ, что такъ какъ непритель не только вторгся въ землю, но и осадилъ короля, корону, привилегіи, свободы и земскія доски, и стало то, благодаря злымъ совѣтчикамъ, поэтому каждый долженъ поспѣшить внести выпавшую на его долю сумму денегъ для уплаты солдатамъ, которые уже навѣли или которые еще теперь вербуются.

Но Рудольфъ не потерялъ надежды на примиреніе сословія съ пассивскими солдатами. 19 февраля онъ послалъ Фельдмаршала возобновить переговоры съ сословіями, но тѣ повторили старыя

отвѣтъ: защищаютъ короля, но знать не хотятъ ни Леопольда, ни вредителей земскихъ; но что если бы король пожелалъ отпустить пассивное войско, то они готовы и проводить, и снабдить его провіантомъ; квартиръ же въ Прагѣ они не могутъ отвести. Непріятель готовился поджечь столицу, и только Рудольфъ удержалъ: «долго король глядѣлъ въ окно внизъ на Прагу и промолвилъ надъ ней нѣсколько словъ сожалѣнія» (1).

При общемъ раздраженіи жителей пассивцамъ приходилось плохо. 4 марта офицеры были на аудіенціи у Рудольфа, сердито жаловались, что они, прійдя по его приказанію въ Прагу, за свою вѣрную и полезную службу терпятъ постоянно крайнюю нужду во всемъ, и потому просили уплатить имъ ихъ деньги и отпустить домой. Рудольфъ общалъ, но денегъ не было, и онъ попытался сдѣлать заемъ. Онъ объявилъ съѣзду, что малостранскіе купцы и мѣщане готовы дать ему необходимую сумму денегъ для уплаты пассивскому войску, но съ обезпеченіемъ займа чешской коморой, потому просилъ сословія назначить извѣстныхъ лицъ для переговоровъ объ этомъ займѣ, а затѣмъ приказать своимъ солдатамъ проводить пассивцевъ до границы.

Но съѣздъ отвѣчалъ отказомъ, и объявилъ теперь, что дѣло неслыханное, чтобы распускать солдатъ съ оружіемъ и съ дачей имъ проводниковъ, да и сословія не съумѣли бы обезопасить имъ возвращенія чрезъ землю въ виду крайняго озлобленія противъ нихъ сельчанъ (2).

Еще пассивское войско только грабило Чехію, вдали отъ Праги, когда сословія стали думать о Матвѣѣ. Но опасенъ былъ и Матвѣй: что, если онъ войдетъ, выгонитъ пассивцевъ да по праву побѣдителя уничтожитъ и договоръ 1608 года, по которому онъ избранъ сеймомъ въ преемники, и всѣ привилегіи земскія, особенно великіе законы 1609 года, добытыя съ такииъ трудомъ? Подозрительность была весьма естественна и даже необходима. Прежде нежели обратиться въ Вѣну за помощью—

(1) Skala. I. 289.

(2) Вторженіе пассивскаго войска по Скалѣ. I. 264—292.

освободить отъ Рудольфа, сословія рѣшили напередъ испробовать почву — узнать настроеніе Матвѣя къ себѣ, узнать его намѣренія.

Извѣстивши о своей бѣдѣ Моравію, 11. февраля съѣздъ послалъ въ Вѣну Адама Вальдштейна, Гогенлое, Гершторфа, Олбрамовица, Магрле и Луконоса съ такимъ порученіемъ: такъ какъ между императоромъ и королемъ легко можетъ выйти недоразумѣніе и такъ какъ сословія не повинны въ вторженіи павловцевъ въ Австрію, поэтому съѣздъ проситъ Матвѣя съ войсками своими не входить ни въ королевство, ни въ инныя императорскія земли; онъ же съ своей стороны будетъ твердо держаться договора 1608 года (1).

4 марта Матвѣй отвѣчалъ съѣзду благодарностью за его заботу о сохраненіи мира, говорилъ, что, какъ будущій король онъ заодно съ чинами горюетъ о постигшемъ несчастіи, что онъ помнитъ договоръ 1608 года, что никогда не позволитъ себѣ отступиться отъ него, но и чины должны помнить обязательства, данныя ими ему, и укорялъ ихъ, что они не отозвались дѣйствительною и скорою помощью на его зовъ. «Такъ какъ — продолжалъ король — дѣла приняли иной оборотъ, чѣмъ каковы они имѣли, когда послы были отправляемы къ нему отъ своихъ принцпаловъ, и такъ какъ ясно, что павловское войско не только въ Австріи, но и въ Чехіи причинило и причиняетъ страшный вредъ, вербуя новыхъ людей, чтобы въ конецъ овладѣть чешскимъ королевствомъ, то я, какъ избранный преемникъ — король, желаю быть благодарнымъ тѣмъ, которые избрали меня на сеймъ, въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и никоимъ образомъ не премину исполнить того, что препоручаетъ и обязуетъ меня договоръ, разумъ человѣческій, христіанская любовь и справедливость. Поэтому мнѣ не остается ничего другаго, какъ, забывши всѣ прежнія оскорбленія, спѣшить на помощь императору въ его затруднительномъ положеніи, спасти славный домъ австрійскій отъ посрамленія и издѣванія, а королевство чешское отъ паденія и гибели. Даже если бы ничего этого не было, то, такъ какъ съѣздъ просилъ помощи у чи-

---

(1) Skala. I. 299—300.

новъ моравскихъ, а послѣдніе, считая себя слабыми, обратились ко мнѣ съ просьбой послать свои войска въ Чехію, а если можно, и самому лично туда поспѣшить, я не могъ бы отказать въ ихъ просьбѣ и оставить безъ помощи королевство въ очевидной опасности».

Въ концѣ письма Матвѣй просилъ съѣздъ быть увѣрену, что у него нѣтъ иного намѣренія, какъ держать честно, открыто и похристіански договоръ 1608 года «во всѣхъ его пунктахъ, словахъ и статьяхъ», блюсти пользу и благоденствіе сословіи и вѣстѣ съ ними своей особой охранять землю отъ всякаго дальнѣйшаго несчастія (1).

Около 8 марта отвѣтъ Матвѣя былъ полученъ въ Прагѣ. Любезное письмо Матвѣя, обѣщаніе полной неприкосновенности правъ и свободъ сословіи произвели самое благопріятное дѣйствіе на съѣздъ. Опасности отъ Матвѣя ждать было нельзя: «всякую дурную мысль отложите въ сторону», писалъ Матвѣй. Съ другой стороны пассивцы продолжали хозяйничать въ Прагѣ; Рудольфъ приказалъ имъ отойти къ Будеевицамъ, но тѣ не слушались. Съѣздъ рѣшилъ просить Матвѣя слѣзнуть въ Прагу.

«Чины, прочтя любезное посланіе и принявъ во вниманіе всю опасность и вредъ для королевства отъ пассивской сволочи, рѣшили — говорить Скала — не отвергать помощи, которую посылаетъ имъ самъ Богъ въ лицѣ короля и воспользоваться ею, какъ можно скорѣе (2).

---

(1) ів. 300—303.

(2) ів. 303. Для полного убѣжденія сословіи въ опасности интригъ, происшедшихъ въ дворцѣ Рудольфа, не мало послужили приванія на депрессъ тайнаго совѣтника эрцгерцога Леопольда, Денгнагеля, захваченнаго 5 марта при обозѣ, который шелъ изъ Праги въ Баварію съ награбленными сокровищами. У Славаты онъ называется ТеупагІ (II. 22). Денгнагель показывалъ, что хотя вообще многіе положительно убѣждены, что императоръ имѣлъ соглашеніе о настоящихъ дѣлахъ съ королемъ испанскимъ Филиппомъ III, но онъ на-вѣрное знаетъ, что ничего подобнаго не было, что между ними отношенія далеко не пріятельскія. Когда же Филиппъ узналъ, что въ Прагѣ многіе работаютъ въ пользу кандидатуры эрцгерцога Леопольда, то это уже окончательно поставило его противъ императора, такъ

10 марта было снаряжено новое посольство къ Матвѣю съ новой инструкціей; 15-го оно было уже въ Вѣнѣ. Во главѣ его стоялъ Вацлавъ Вхнскій, который привелъ пассовцевъ, а теперь орудовалъ противъ нихъ. Сословія убѣдились, чему первое время не хотѣли вѣрить, что пассовцы свербованы дѣйствительно противъ нихъ, что они вторглись съ вѣдома и приказанія императорскаго, что императоръ явно защищаетъ ихъ, «какъ своихъ собственныхъ людей», требуя отъ съѣзда соединенія съ ними и препятствуя набору земскаго войска. Ни въ одной старой исторіи или хроникѣ не найдется, чтобы когда-нибудь, при которомъ-либо изъ старыхъ королей, земля была до такой степени разорена, разграблена, въ то время какъ сословія гарантированы, что императоръ, какъ король чешскій, обязуется хранить всѣ ихъ свободы, маестаты, права и стародавніе добрые обычаи. Вслѣдствіе всего этого сословія вынуждены гарантировать себя иначе предъ дальнѣйшими замыслами противъ себя и предупредить даль-

---

какъ онъ самъ надѣялся наследовать послѣ него и братъ его Матвѣя *jure agnationis*, что повтому Леопольдъ главный его недругъ. У эрцгерцога не было мысли — при помощи пассовцевъ уничтожить свободу подобнаго исповѣданія, маестатъ и инья привилегіи; у него одно было намѣреніе — войти въ соглашеніе съ сословіями. Всѣ декреты сословіямъ императоръ подписывалъ добровольно. Чтобы понять это показаніе объ испанскомъ королѣ, надо помнить, что уже давно въ голову испанскаго Филиппа III вошла мысль искать для себя короны нѣмецкой и чешской, при чемъ онъ опирался на бездѣтность стараго Рудольфа и на свои родственныя связи съ Габсбургами. Филиппъ былъ сынъ сестры Рудольфа. Онъ считалъ себя кандидатомъ съ большимъ правомъ, чѣмъ Леопольдъ или Фердинандъ II, такъ какъ оба шли отъ младшей линіи Карла штирійскаго. Остальные же дядя Филиппа: Матвѣй, Максимилианъ, Альбрехтъ, были старые холостяки. Король еще во время религиозныхъ смуть 1608—1609 годовъ готовъ былъ предъявить свои права на корону имперскую, если бы его не удерживали испанскіе дипломаты, хорошо понимавшіе, какъ мало могла найтись симпатія кандидатура испанца. Они отклонили своего короля отъ этого намѣренія и убѣдили дѣйствовать въ пользу Матвѣя съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти послѣдняго взоспелъ на престолъ иневантъ Донъ-Карлосъ, сынъ отъ втораго брака, при чемъ напередъ надлежало утвердить наследственность короля чешской и венгерской, такъ какъ формальныя права свои на эти короны Филиппъ доказывалъ на дожно толкуемой отказной грамотѣ своей матери

нѣйшее разореніе королевства. Потому они объявляютъ, что съ радостью услышали о пріѣздѣ Матвѣя въ чешское королевство и просятъ его прибыть, какъ можно скорѣе, межъ нихъ въ Прагу, не отказать имъ въ совѣтѣ, помощи и защитѣ противъ непріятеля и стать вмѣстѣ съ ними. Но при этомъ они убѣдительно просятъ короля, прежде чѣмъ онъ переступить границу королевства, снабдить съѣздъ записью, что вступленіе его не повлечетъ за собой вреда для земли, уничтоженія привилегій, учрежденій, правъ и сеймоваго ихъ рѣшенія, добрыхъ стародавнихъ обычаевъ, при которыхъ они желаютъ оставаться.

Вмѣстѣ съ посольствомъ былъ отправленъ и проектъ про-
симои записи (1).

Но уже на другой день по отъѣздѣ втораго посольства въ Вѣну съ просьбой о помощи дѣла въ Прагѣ измѣнились.

Чего Рудольфъ болѣе всего боялся, то случилось: съѣздъ обратился къ Матвѣю. Императоръ хорошо зналъ о перепискѣ

Анны отъ наследственныхъ правъ на оба королевства, при выходѣ замужъ. (Подробнѣе объ этихъ домогательствахъ Филиппа на чешскую корону см. Gindely «Dějiny». 6—9). Филиппъ могъ, конечно, еще рассчитывать на поддержку своему сыну католиковъ и особенно іезуитовъ, какъ это дѣйствительно было. (См. инструкцію испанскому послу Онятѣ въ 1616 года, когда вліяніе Испаніи было особенно сильно. ib. 39. 40). Понятно, съ какимъ чувствомъ чехи — еретники могли относиться къ мандатурѣ испанца. Показаніе Денгнагеля объ отсутствіи соглашенія у Рудольфа съ Филиппомъ было вѣрно, ибо, поддерживая Матвѣя, испанскій король долженъ былъ быть противъ затѣи стараго императора сдѣлать преемникомъ Леопольда. Далѣе Денгнагель сдѣлалъ важное признаніе объ участіи въ интригахъ противъ подобоевъ двухъ извѣстныхъ домашнихъ враговъ, Славаты и Мартиница. «При всѣхъ совѣщаніяхъ у эрцгерцога присутствовали: исповѣдникъ его, но только въ началѣ, президентъ коморы чешской Аврамъ Дония, Славата и Смечанскій (Мартиницъ). Эти лица знали о всѣхъ планахъ и дѣйствовали, чтобы изъ Леопольда сдѣлать великаго пана». Наконецъ, на послѣдній вопросъ съѣзда — правда ли, что императоръ собственноручно писалъ пассовдамъ въ Вудеѣвицы спасти его отъ чеховъ и послѣпить въ Прагу, что якобы сословія его осадили и хотѣли поступить съ нимъ насильственно, Денгнагель отвѣчалъ, что это могло легко быть, но онъ полагаетъ, что это выдумка (Skala. I. 292—296)

(1) ib. 303—306.

между чехами и братомъ, зналъ о настроеніи Матвѣя лично къ себѣ, и потому крайне опасался нападенія на пассовцевъ отъ Вѣны. Чтобы предупредить его, Рудольфъ еще 17 февраля отправилъ посольство въ Вѣну, поручивши ему объяснить Матвѣю, что пассовское войско вторглось въ королевство противъ его воли и приказанія и что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы ихъ удалить или распустить⁽¹⁾. Но Матвѣй былъ предувѣдомленъ, что пассовцы уже овладѣли Малой Страной: Вхынскій писалъ ему, чтобы онъ ничему не вѣрилъ, что будетъ говорить посольство⁽²⁾. Помимо того, моравскіе чины ходатайствуя за чеховъ у Матвѣя, послали отъ себя значительный вспомогательный отрядъ въ Прагу, о чемъ съѣздъ зналъ еще 17 февраля⁽³⁾.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, Рудольфъ 2 марта приказалъ Леопольду отступить назадъ къ Будеевицамъ и далѣе въ Баварію; но солдаты отступать не хотѣли и «начали бунтовать»⁽⁴⁾. Когда же 10 марта съѣздъ формально пригласилъ Матвѣя въ Прагу для «спасенія», всякое промедленіе было опасно для пассовцевъ, и 11 марта они посѣпили оставить Прагу. Войско съѣзда не преслѣдовало непріятеля, за то тѣ, которые замѣшались еще въ городѣ, были перехвачены и потоплены въ Велтавѣ. Въ тотъ же самый день Турнъ съ войсками съѣзда, усиленными теперь двумя моравскими полками, вошелъ въ Градчаны и объявилъ императору, что войска съѣзда готовы защищать его противъ всякаго непріятеля. Всѣ караулы были заняты солдатами Турна, и такимъ образомъ Рудольфъ очутился въ почетномъ арестѣ у сословій. 14 марта пассовцы были въ Будеевицахъ⁽⁵⁾.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Прагѣ, когда 15 марта Матвѣй съ своими войсками прибылъ въ Иглаву, пограничный

---

(1) Slavata. II. 13. прямо говоритъ, что Рудольфъ отправилъ посольство въ Вѣну «obávaje se, aby Čechové krále Mathiaše do Čech ne-
povolali».

(2) ib. 171, въ обвинительномъ актѣ.

(3) ib. 10.

(4) ib. 11.

(5) Подробности отступления — Skála. I. 306—308.

городъ Чехіи. Отсюда 17 марта онъ послалъ сословіямъ отвѣтъ на послѣднее ихъ посланіе. Матвѣй еще разъ выговаривалъ имъ, что ему весьма жаль, что съѣздъ такъ поздно убѣдился, что пассивцы были собраны на гибель чешскаго королевства и что императоръ нарушилъ договоръ. Вмѣстѣ съ этимъ Матвѣй послалъ съѣзду и запись. 24 марта она была обнародована въ Прагѣ (1).

Между тѣмъ, поджидая Матвѣя, съѣздъ представилъ на обсужденіе директоріи нѣсколько проектовъ, которыя были непосредственно вызваны послѣдними событіями и изъ которыхъ особенно интересны два. Въ первомъ изъ нихъ съѣздъ, обращая вниманіе, что многіе изъ пановъ не оказали ни малѣйшей помощи при вторженіи непріятеля, не съѣхались съ иными обывателями и даже не подписались подъ сеймовымъ заключеніемъ, на что ихъ обязывала конституція, предлагалъ директоріи потребовать у всѣхъ этихъ лицъ яснаго отвѣта — желаютъ ли они защищать «свою дорогую отчизну» и быть вмѣстѣ съ сословіями за-одно или нѣтъ. Изъ этого предложенія видно, что съѣздъ даже послѣ отступленія непріятеля не считалъ еще дѣло поконченнымъ, въ виду возможныхъ новыхъ интригъ со стороны католиковъ, о которыхъ именно и говорилось въ предложеніи. Второе предложеніе было еще важнѣе. Чины предлагали, чтобы въ случаѣ вторженія врага или какой либо иной опасности каждому краю было предоставлено право подняться и просить о помощи другіе края, не дожидаясь приказаній изъ Праги.

Противъ перваго предложенія директоры дали такой отвѣтъ. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ католическихъ пановъ, занимающіе первыя должности, въ противность своимъ обязанностямъ, по сию пору не являлись на съѣздъ; но такъ какъ съѣздъ былъ предписанъ королею и еще продолжается, то, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ извѣстить не явившихся, что съѣздъ пока еще не лишилъ ихъ голоса и имъ предоставляется на волю — принять участіе въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ съѣзда или нѣтъ;

---

(1) Запись напечатана у Габериельде «Bellum bohemicum», въ приложеніяхъ. 74—77.

но въ послѣднемъ случаѣ они лишаются права протестовать противъ того, что положить большинство. Сословія согласились съ мнѣніемъ директоровъ.

Дальнѣйшее обсужденіе сдѣланныхъ съѣздомъ предложеній было остановлено прибытіемъ въ столицу 24 марта Матвѣя, во главѣ 6-тысячнаго войска. Еще за городомъ Матвѣй былъ торжественно встрѣченъ панами, рыцарями и депутатами отъ чеханъ: привѣтствія произносили почешски; Лобковиць, коморникъ моравскій, переводилъ ихъ по-нѣмецки. Сословные генералы: Турнь, Фельзескій и Бубна, ѣхали во главѣ кортежа.

Король Матвѣй не располагалъ пробывать долго въ Прагѣ; ему, очевидно, непріятно было быть вмѣстѣ съ Рудольфомъ, и потому сейчасъ же по своемъ пріѣздѣ онъ предложилъ съѣзду указать ему причины, побудившія съѣздъ пригласить его въ Прагу.

24 марта съѣздъ отвѣчалъ Матвѣю. Двѣ причины руководили главнымъ образомъ чинами при его приглашеніи: 1) чинамъ необходимо было изгнать непріятеля; 2) исправить при содѣйствіи его дурное управленіе въ землѣ, приведшее послѣднимъ на край гибели. Что касается изгнанія непріятеля, то съѣздъ просить короля не медля соединить свои войска съ земскими и направить ихъ противъ пассовцевъ, засѣвшихъ теперь въ Будеевицахъ и на крумловскихъ владѣніяхъ Вова Розенберга. Относительно же втораго пункта (названнаго скромнымъ именемъ «исправленія управленія») то съѣздъ, въ виду его важности не только для королевства, но и для всѣхъ соединенныхъ съ нимъ земель, полагалъ бы необходимымъ созвать въ скоромъ времени общій, или генеральный, сеймъ. Тогда чины предлагать свои доводы, почему имъ нельзя долѣе оставаться при нынѣшнихъ порядкахъ: теперь же они просятъ короля предложить императору, чтобы онъ, принявъ во вниманіе свои пожилыя лѣта и трудность потому управленія землей, по примѣру славныхъ предковъ своихъ добровольно отказался отъ власти, уговоривъ съ нимъ, королемъ, о лучшихъ порядкахъ въ землѣ, а затѣмъ все было бы обсуждено вмѣстѣ съ сословіями. Въ виду всего этого съѣздъ просилъ Матвѣя не уѣзжать изъ Праги.

Потерявшему всякое уваженіе земли старому императору трудно было протестовать противъ общаго желанія подданныхъ замѣнить его болѣе счастливымъ братомъ, къ которому земля, справедливо или нѣтъ, но питала довѣріе, и онъ назначилъ генеральный сеймъ на 12 апрѣля.

Къ назначенному сроку чины съѣхались въ значительномъ числѣ, и сеймъ былъ открытъ въ послѣдній разъ Рудольфомъ. Отъ его имени были внесены слѣдующія предложенія. Императоръ, любя своего брата и заботясь объ общемъ благѣ королевства, изъявляетъ свое милостивое соизволеніе сейму «объявить королемъ и короновать» Матвѣя, какъ уже «принятаго» прежде наследникомъ престола, чтобы не наступила въ случаѣ его смерти сумятица въ землѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣется, что какъ король, такъ и сословія исполнять все то, что надлежитъ исполнить согласно обобщенной присягѣ. Наконецъ, онъ требуетъ отъ сословій и будущаго короля, чтобы дворъ его былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ вина, хлѣба, скота и тому подобными принадлежностями хозяйства, чтобы всѣ его панства, заложенные разнымъ кредиторамъ, были выкуплены, чтобы оставленъ былъ ему пожизненный титулъ королевскій, чтобы ему свободно было жить и въ королевствѣ, и внѣ его, чтобы были освобождены изъ-подъ ареста его тайные совѣтники и было бы объявлено общее забвеніе всего прошлаго (1).

Вскорѣ по открытіи сейма прибыли въ Прагу и представители Силезіи, обѣихъ Лужицъ и Моравіи, при чемъ представители первыхъ двухъ земель получили отъ Рудольфа грамоту на освобожденіе «*ze všech jich dlovcenství, poddaností a přísahu*». Другими словами, значительная часть земель короны св. Вячеслава почти что отходила отъ нея. Такъ понимали силезцы эту грамоту на сеймѣ 1615 года.

4 марта были отправлены комиссары въ Будевицы для переговоровъ съ пассивцами объ очищеніи королевства, а 15 мая

---

(1) Королевскіе совѣтники, о которыхъ проситъ здѣсь Рудольфъ предъ сеймомъ, были Славата, Мартиницъ и нѣкоторые другіе, арестованные съѣдомъ вслѣдствіе показаній Денгнагела еще 30 марта.

переговоры были окончены: солдатамъ дали 17.300 гульденовъ, и они разошлись, при чемъ Вокъ Розенберъ уплатилъ значительную часть этой суммы.

12 мая сеймъ, твердо положившій низложить Рудольфа, не смотря на убѣжденія саксонскаго курфирета остаться вѣрнымъ старому императору, «который слишкомъ 35 лѣтъ мирно и тихо управлялъ не только чешскимъ королевствомъ, но и цѣлой имперіей», и на просьбу князя брауншвейгскаго къ Матвѣю не торопиться съ коронованіемъ, не огорчать императора и брата своего старѣйшаго, въ его преклонныхъ лѣтахъ, — представилъ будущему королю восемь статей, которыя онъ имѣетъ принять прежде, чѣмъ быть короновану. Въ нихъ чины просили объ утвержденіи всѣхъ ихъ общихъ и особенныхъ привилегій, свободъ, маестатовъ, католическо-подобойскаго и межъ-подобойскаго соглашеній, соединеніи въ дѣлѣ вѣры съ силезскими чинами, въ теченіе двухъ недѣль; объ обновленіи всѣхъ земскихъ должностей, съ согласія и совѣта 30 приданныхъ королю отъ сейма лицъ, въ теченіи 4 дней по коронованіи; о дозволеніи чинамъ, въ минуту опасности, собираться на помѣстные съѣзды (*krajski zjazd*) безъ особаго разрѣшенія на то короля; о разрѣшеніи высшимъ чиновникамъ и земскимъ судьямъ, если бы того требовала земская нужда, объявлять наборъ для защиты земли; объ организаціи этой земской обороны вѣстѣ съ соединенными землями; о возобновленіи конфедераціи съ королевствомъ венгерскимъ и эрцгерцогствами австрійскими и объ обновленіи старыхъ договоровъ съ курфирстами и польскимъ королемъ.

Понятно, всѣ эти требованія были мотивированы желаніемъ общей пользы и прежде всего, конечно, пользы самого короля Матвѣя. Значеніе и объемъ этихъ требованій такъ ясны, что они не нуждаются въ объясненіяхъ. Изъ нихъ были особенно тяжелы для Матвѣя четыре: о конфедераціи, земскомъ наборѣ или дефензи, помѣстныхъ съѣздахъ и поновленіи старыхъ договоровъ съ соседними государствами. Согласіе на нихъ было равносильно отреченію отъ дѣйствительной власти, и потому, естественно, Матвѣй долженъ былъ прибѣгнуть къ уловкѣ, если не желалъ съ разу же возстановить противъ себя сословія. Дѣй-

ствительно, Матвѣй не отказался прямо отъ утверженія предложенныхъ статей, но отвѣчалъ сейму, что четыре изъ нихъ: о конфедерациѣ, дефензиѣ, сѣвздахъ и обновленіи договоровъ, необходимо отложить до ближайшаго сейма, но на немъ онѣ пойдутъ первыми. Сеймъ уступилъ (1). И здѣсь при дачѣ этого отвѣта не обошлось безъ совѣтовъ Славаты и Мартиница, которые были даже противъ внесенія статей на сеймъ (2).

Послѣ чеховъ представили свои статьи моравскіе чины: въ нихъ они главнымъ образомъ жаловались на своеволие и на несправедливыя утѣсненія чешской придворной канцеляріи, т. е. требовали освобожденія Моравіи изъ-подъ опеки Чехіи, ибо придворная канцелярія въ то время имѣла значеніе общаго министерства для всѣхъ земель короны св. Вячеслава. Славянскій сепаратизмъ мораванъ сказался и здѣсь.

Отклонивши чрезмѣрные требованія сейма, Матвѣй тѣмъ не менѣе далъ двѣ записи, до и послѣ коронованья, 21 и 27 мая. Въ записки отъ 27 мая онъ «общалъ своимъ королевскимъ словомъ», оставить сословія при ихъ правахъ, свободахъ, при маестатѣ, «который данъ имъ отъ Рудольфа изъ особенной его милости и благорасположенія не только на свободное исполненіе ихъ подобойской вѣры, но и на политическія дѣйствія», при соглашеніи сословій католическихъ и подобойскихъ, особенно при общемъ рѣшеніи, которая положила сторона подобойская между собою, общалъ, что онъ повиненъ все это честно полюбить и достаточно утвердить своимъ королевскимъ маестатомъ, который въ свое время имѣетъ быть врученъ чинамъ; общалъ, что безъ воли и вѣдома всѣхъ трехъ сословій не будетъ взятъ никому, ни Карлова Тына, ни досокъ земскихъ, или назначать иностранцевъ на земскія или духовныя должности (3).

Послѣ этого, 23 мая, въ понедѣльникъ, было совершенно торжественное коронованіе Матвѣя кардиналомъ Дитрихштейномъ,

---

(1) S l a v a t a. II. 192. Славата дѣлаетъ очень вѣрную оцѣнку этихъ статей. ib. 189—192.

(2) ib. 189.

(3) Обѣ записки у H a b e r n f e l d'a. «Bellum». Ср. S k a l a. I. 323.

епископомъ оломуцкимъ, въ присутствіи Клезля, епископа вѣнскаго и канцлера королевскаго, посланниковъ папскаго, испанскаго, флорентійскаго и другихъ. «Рудольфъ — говоритъ Скала — сидѣлъ печально въ своей комнатѣ, сокрушаясь надъ умаленіемъ своего достоинства, въ которому привели его его злые и нечестные іезуитскіе совѣтчики, когда король Матвѣй въ фіолетовой одеждѣ ѣхалъ изъ Градчанъ въ замковый соборъ для коронованія» (1).

Такъ печально закончилось для Рудольфа его долгое царствованіе.

Изъ всего предыдущаго ясно, что подобои сильно грѣшили противъ правды, когда въ послѣдствіи утверждали, что его величество Рудольфъ изволилъ спокойно царствовать, что даже отреченіе его отъ престола было свободнымъ актомъ его воли: «jistá a konečná věc jest, že se to vše proti dobré a svobodné vůli J. M. C. — z mocného přinucení dalo» — можемъ повторить мы за Славатой (2). Самъ ли онъ былъ виноватъ въ своемъ несчастіи или виноваты другіе — это иной вопросъ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ коронованія, 11 іюня, новый король заключилъ полюбовный договоръ съ Рудольфомъ объ условіяхъ отреченія. Условія, предложенныя сейму, не вошли въ договоръ. Рудольфу предоставлялось право пожизненно носить титулъ чешскаго короля, жить въ Градчанахъ и имѣть свой дворъ; Матвѣй обязался уплачивать ему 300 т. ежегоднаго пенсіона; но относительно королевскихъ помѣстій было постановлено, что онъ владѣетъ пожизненно только четырьмя панствами: пардубицкимъ, брандысевимъ, лысскимъ и преровскимъ, при чемъ лежавшіе на нихъ долги имѣютъ быть выплачены изъ

---

(1) «Hist.». I. 324. Но Славата утверждаетъ иное: чтобы не слышать ликованья своего соперника, грома пушекъ, звуковъ трубъ и бубновъ. Рудольфъ во время коронованія отправился подальше отъ своего дворца — на постройку своего новаго дома и здѣсь даже обѣдалъ. II. 20. Событія отъ вступленія Матвѣя въ Чехію и по коронованіе изложены главнымъ образомъ по Скалѣ. I. 310—324.

(2) II. 20.

казны. Съ своей стороны Рудольфъ обязывался ходатайствовать на имперскомъ сеймѣ объ избраніи Матвѣя въ императоры, объ укрѣпленіи границъ въ Венгріи и т. д. (1).

23 іюня Матвѣй уѣхалъ въ Буднишицъ (Bautzen) для пріятія присяги отъ сословіи обѣихъ Лужицъ, а оттуда въ Силезію, гдѣ подтвердилъ Рудольфовъ маестатъ на свободу евангелической церкви и общалъ согласно желанію чиновъ надлежаще наказать «злыхъ и нечестныхъ совѣтчиковъ», которые по сѣю пору наускивали императора противъ земли. Въ концѣ октября Матвѣй возвратился въ Вѣну, гдѣ 4 декабря онъ отпраздновалъ свою свадьбу съ Анной, дочерью Фердинанда Фердинандовича тирольскаго. Этимъ бракомъ онъ надѣялся упрочить родъ свой на престолѣ, такъ какъ всѣ его братья были старые холостяки. На старости честолюбивому Матвѣю судьба улыбнулась: съ небольшимъ чрезъ мѣсяць послѣ свадьбы получено было извѣстіе о смерти Рудольфа.

Тяжела была жизнь стараго императора среди людей, отъ него отвернувшихся, и онъ, естественно, вынести ее долго не могъ: «онъ постоянно — говорить Славаты — только и думалъ о томъ, какими бы путями можно было найти удовлетвореніе несправедливости, которая сдѣлана ему вынужденнымъ отреченіемъ; все это наводило его на тяжелыя, сокрушавшія душу мысли, такъ что спустя нѣсколько мѣсяцевъ по оставленіи престола онъ умеръ внезапно» (2). Это было 20 января 1612 года.

---

(1) Skala. I. 324. 325. У Славаты показано пятое панство — бенатское. II. 20.

(2) II. 20. 21. Современники-подобоя готовы были думать, что Рудольфъ былъ отравленъ іезуитами въ отмстку за маестатъ; (Haberfeld. «Bellum». 8: «nezbývalo než, aby kvarně sešel jedem». Но авторъ, членъ впрочемъ общины братской, приписываетъ іезуитамъ то, въ чемъ они нисколько не виноваты — напр. призывъ Матвѣя въ Прагу); но отравлять не за чѣмъ іезуитамъ: онъ былъ ихъ. Скала свидѣтельствуеъ, что при вскрытіи трупа сердце было довольно свяжо, но вообще внутренности значительно повреждены; большія же кости, на которую Рудольфъ жаловался еще при жизни, была черна, какъ уголь, т. е. что императоръ умеръ естественною смертию; но тѣмъ не менѣе самъ Скала

Черезъ десять дней послѣ смерти Рудольфа Матвѣй былъ въ Прагѣ, а въ концѣ мая онъ былъ избранъ на съѣздѣ курфирстовъ во Франкфуртѣ императоромъ.

допускаеть, что было что-то таинственное въ смерти императора. (I. 330. 334). Слуги были арестованы, и одинъ изъ нихъ послѣ допроса повѣсялся. «Некоторые причину его повѣшенья видятъ въ томъ, что онъ зналъ о какихъ-то новыхъ интригахъ противъ королевства и земель австрійскихъ». (ib. 335).

II.

Итакъ, человекъ, который даже при полномъ беззаконіи своемъ не переставалъ помнить о возвращеніи потеряннаго, объ отищеніи своихъ недоброжелателямъ — королю Матвѣю и братьямъ-подобоямъ, не стало; на престолѣ сидѣлъ Матвѣй, всецѣло обязанный своимъ возвышеніемъ врагамъ Рудольфу, трижды обязавшімся предъ нимъ «честно полюбить» всѣ права, свободы и обычаи королевства. Все, по видимому, ручалось, что старое бурное время миновало безвозвратно, и земной миръ водворился наконецъ въ расшатанной долгой борьбою землѣ.

Но не такъ случилось на дѣлѣ. «Два раза мы пробовали нашего счастья — оказалъ одинъ изъ подобоевъ, вскорѣ по отъѣздѣ новаго короля изъ Праги — и оба раза не удавалось намъ; но-пробуемъ еще въ третій разъ, — а воооъ удастся!»⁽¹⁾. Справедливы ли были эти слова? Сеймъ просилъ объ обновленіи земскихъ обязанностей подѣ известными условіями; Матвѣй послѣднія не принялъ, но обязанности обновилъ сейчасъ же послѣ коронованія и болѣе или менѣе согласно съ желаніями подобоевъ. Еще дорогою изъ Вѣны въ Прагу онъ обѣщалъ Турну назначить ему богатое карлштейнское бурграфство, смѣстивши ненавистнаго подобоямъ Славату, и свое обѣщаніе онъ исполнилъ. 4-го іюня былъ обнаруженъ списокъ лицъ, имѣвшихъ званіе высшія

⁽¹⁾ «Již jsme po dvakráte našeho štěstí kořtovali, ale nezdařilo se nám. Ještě jednou po třetí kořtovati chceme s tou nadějí, že se nám lépe zdaří. «Není pochybnosti — прибавляетъ отъ себя Славата, že jsou již tehdy přemýšleli tu svou haněnou rebelii». II. 68.

земскія должности, т. е. составитъ правительство. Въ спискѣ значились: Адамъ Штериберкъ въ должности бургграфа, Адамъ Вальдштейнъ — гофминистра, Швамберкъ — коморника, Сезима — земскаго судьи, Зденекъ Лобковиць — канцлера, Тальиберкъ — дворцоваго судьи, Турнъ — бургграфа карлштейнскаго, Вратиславъ Митровиць — втораго бургграфа карлштейнскаго, Кленовый — писаря, Точникъ — подкоморія, Гарасовъ — бургграфа градецкаго. Въ составѣ новаго правительства измѣненіе произошло незначительное: большинство этихъ лицъ составляло правительство и при Рудольфѣ; но главное — у Славаты было отнято бургграфство карлштейнское и передано Турну. Мѣсто это было послѣднимъ въ ряду высшихъ земскихъ должностей, но подобно придавану ему особенное значеніе, такъ какъ бургграфъ карлштейнскій имѣлъ въ завѣдыванъ государственныя законы, маэстаты и т. д. Подобно радовались. Славата испугался немилости королевской. Для него эта опала была тѣмъ неприятею, что въ то время какъ всѣ высшіе чиновники, подобно и умѣренные католики, по предварительному соглашенію между собой, возобновили стародавній обычай и торжественно сложили съ себя свои званія «къ ногамъ его величества», Славата и Лобковиць отказались отъ этого обряда⁽¹⁾. Но этого мало: чтобы предупредить опалу, Славата, послѣ своего отказа, побывалъ у епископа Клезля за совѣтомъ — что дѣлать, и тотъ одобрилъ его поступокъ; былъ даже на аудіенціи у короля, просилъ «не выдавать его на посмѣшище его враговъ», не умалять ровность въ вѣрной службѣ тѣхъ, которые никогда не попустили себя противъ верховной власти, получилъ въ отвѣтъ: «буду помнить»⁽²⁾, — и въ слѣдъ затѣмъ былъ выданъ на посмѣшище. Но радость побоевъ была преждевременна.

Штериберку и Лобковицу было крайне неприятно, что Славата отставленъ. Въ день объявленія списка, по дорогѣ въ канцелярію, гдѣ они имѣли принести присягу, они уговорились зайти къ больному Швамберку и извѣстить его о новомъ назна-

(1) Slavata. II. 58. ep. 57.

(2) ib. 60.

ченіи «въ той особенной надеждѣ, что онъ, принявъ во вниманіе и старость свою, и неудачи, откажется отъ должности, и тогда одно мѣсто можетъ достаться Славатѣ». Бургграфъ и канцлеръ сообщили о своемъ намѣреніи другимъ двумъ пріятелямъ и вчетырехъ зашли къ Швамберку. Швамберкъ, выслушавъ ихъ рѣчи, объявилъ, что онъ останется въ новой должности не долѣе года. Но въ эту минуту вошла его жена, сестра Фельзескаго, шепнула мужу что-то на ухо, и тотъ сейчасъ же обратился съ просьбой къ навѣстившимъ его панамъ — извиниться предъ королемъ, что онъ по болѣзни не можетъ принять должности коморника. Паны этого только и ожидали: они немедленно отправились во дворецъ и сообщили объ отказѣ королю. Матвѣй отвѣчалъ, что подумаетъ. Но канцлеръ сердито замѣтилъ королю, что если Славата и Мартиницъ будутъ обойдены мѣстами, то онъ «лишается своихъ единственныхъ энергическихъ помощниковъ въ дѣлѣ защищенія и расширенія святой вѣры католической». Канцлеръ вышелъ затѣмъ изъ дворца и отправился *ad patres saracinos*, прося ихъ горячо помолиться Господу Богу, чтобы его святая милость преклонила сердце короля. Черезъ нѣсколько часовъ король объявилъ, что онъ принимаетъ отказъ Швамберка, Сезину назначаетъ коморникомъ, Тальмберка — земскимъ судьей, а Славату — судьей дворцовымъ (1).

Комедія, разыгранная съ Славатой, дала первый поводъ думать, что и новый король будетъ далекъ отъ прямихъ дѣйствій въ пользу подданныхъ и будетъ хитрить, какъ хитрилъ и старый Рудольфъ. Но были и другія данныя.

Не могло остаться тайной, что король, внося въ правительственный списокъ лицъ, болѣе или менѣе угодныхъ подданнымъ, согласился на эту уступку только подъ давленіемъ обстоятельствъ, и то на время. Въ тайномъ королевскомъ совѣтѣ при составленіи списка обсуждался вопросъ: кто имѣетъ предпочтеніе при занятіи высшихъ земскихъ должностей — тѣ ли, которые помогли его величеству въ полученіи короны, или тѣ,

---

(1) *ib.* 61—63. Сестра Фельзескаго надѣялась отъ мужа доставить мѣсто своему брату. *ib.*

которые твердо поддерживали Рудольфа? Было рѣшено, что на первыхъ порахъ, въ началѣ царствованія, надо отдавать предпочтеніе первымъ; вторые же со временемъ должны быть вознаграждены (1).

Но естественное недовѣріе Матвѣя къ людямъ, которые силою свели съ престола своего стараго короля и посадили его и которые, какъ знать, могутъ расправиться также и съ нимъ, необходимо вызывало тоже чувство и въ сословіяхъ.

Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія на царство, и чины не удержались, чтобы не высказать своего недовѣрія къ новому королю. Въ октябрѣ Матвѣй, возвращаясь изъ своего объѣзда по новымъ землямъ въ Вѣну, обратился къ директорамъ послѣдняго апрѣльского сейма съ просьбой дозволить ему размѣстить на нѣкоторое время часть распущеннаго пассивскаго войска въ Будевеицахъ и на королевскомъ помѣстьѣ въ Крумловѣ въ виду «крайней необходимости». Но что это за крайняя необходимость — король не указывалъ. Просьба эта встрѣтила отказъ со стороны представителей земли. Директора, по совѣщаніи съ высшими чиновниками и судьями земскими, отвѣчали королю отъ имени всѣхъ трехъ сословій: желаніе его противурѣчитъ сеймовому рѣшенію 1605 года и конституціи земской, въ силу которой король чешскій не имѣетъ права вводить въ землю, безъ дозволенія сословій, войскъ, и излишне, такъ какъ у короля въ настоящее время нѣтъ въ виду явнаго непріятеля; «если же подъ этимъ желаніемъ скрывается что-нибудь иное, то объ этомъ сословія не имѣютъ никакихъ свѣдѣній» (2). Намекъ, заключавшійся въ послѣднихъ словахъ отвѣта директоровъ, былъ понятенъ Матвѣю, и король больше не говорилъ о пассивцахъ.

Надо прибавить къ этому, что сейчасъ же пошли толки, будто эрцгерцогъ Леопольдъ вербуетъ свѣжее войско въ Пассау.

Такимъ образомъ, сразу, почти съ первыхъ дней вступленія на престолъ Матвѣя, между новымъ королемъ и землей устана-

(1) ib. 59.

(2) Skala. I. 327—328.

вливались принужденныя отношенія, чего мы не въ правѣ были бы ожидать. Правда, Матвѣй еще не позволилъ себѣ сдѣлать ни одного нарушенія въ принятыхъ имъ на себя обязательствахъ; но комедія, разыгранная съ Славатой, рѣшеніе тайнаго совѣта, темная просьба о пассовцахъ — все это указывало, что у короля въ головѣ есть «что-то иное». Если же вспомнимъ теперь, какую неопредѣленность толкованія допускали въ себѣ тѣ государственныя законы, которые Матвѣй «повиненъ былъ честно полюбить»: маестатъ и соглашеніе, то не будетъ ничего удивительнаго, если вкравшееся обоюдное недоувѣріе короля и земли разрѣшится когда-нибудь открытымъ столкновеніемъ обѣихъ сторонъ. Избѣжность столкновенія обусловливалась исключительно прямыми, сердечными взаимоотношеніями католическаго Матвѣя и братьевъ-подобоевъ: коль скоро такимъ отношеніямъ не было мѣста, столкновеніе становилось возможнымъ, — и оно дѣйствительно произошло.

Уже очень рано іезуиты стали подкапываться подъ маестатъ.

Еще маестатъ былъ только что подписанъ, а іезуиты уже начали проповѣдь противъ него въ Прагѣ, не смотря на особое распоряженіе Рудольфа — согласно высочайше дарованной милости, католикамъ и подобоямъ блюсти взаимный миръ⁽¹⁾. Іезуиты назначили 40-часовое моленіе, чтобы Господь Богъ сохранилъ церковь предъ умышленіями еретиковъ и сокрушилъ послѣднихъ. Іезуитъ Андреасъ проповѣдывалъ съ кафедръ, что въ королевствѣ съ каждымъ днемъ усиливается еретическая «закваска»; онъ опасается, что еретики прислужатся ему «итальянскимъ или испанскимъ супомъ» и увѣщаль народъ ревностно посѣщать назначенныя общія моленія и литаніи⁽²⁾. Но еретики не угощали іезуитовъ супомъ, напротивъ, были настолько любезны въ нимъ, что въ день избіенія монаховъ въ Прагѣ, при вторженіи пассовскаго войска, своими солдатами защитили іезуитскую коллегію, а по изгнаніи его, они, «какъ враги жи», выдали іезуитамъ откритый листъ, что слухи, ходившіе въ народѣ, будто «до-

(1) Отъ 13 июля. Skala. I. 246.

(2) иъ.

стоуважаемне пражскіе отцы» въ коллегіи своей хранили неприятельскую амуницію и соумышляли за-одно съ неприятелемъ противъ королевства, есть клевета (1).

Въ благодарность за эту услугу іезуиты продолжали возбуждать фанатизмъ католиковъ противъ подобоевъ. Рано іезуиты выработали теорію недѣйствительности «мошенническаго», по ивъ выраженію, маестата и другихъ уступокъ Рудольфа, такъ какъ все это вынуждено «насиліемъ и угрозой», не подписано тѣмъ, кому надлежало (2). Проповѣди на эту тему раздавались съ каедръ, ширились въ печати.

Во второе воскресенье по св. Троицѣ, въ 1612 году, Андреасъ разбиралъ притчу о званыхъ на вечерю, извиненіи неявившихся гостей. «И теперь — говорилъ іезуитъ — много подобныхъ извиненій у тѣхъ, кто долженъ бы быть католикомъ. Говорятъ, что евангелическая конфессія не можетъ быть неправой по тому, что ее подтвердилъ и разрѣшилъ самъ императоръ маестатомъ. Но есть различіе между тѣмъ, что онъ разрѣшаетъ, и тѣмъ, что препоручаетъ. Не все право и хорошо, что онъ разрѣшаетъ, но все право и хорошо, что онъ препоручаетъ. Онъ разрѣшилъ маестатъ, но не препоручилъ, ибо иначе онъ долженъ желать, чтобы и іезуиты сдѣлались евангеликами: онъ вынужденъ былъ разрѣшить во избѣжаніе большого кровопролитія. Императоръ разрѣшаетъ напр. свободно жить и промыслять въ Прагѣ женщинамъ легкаго поведенія, очевидно, съ той цѣлью, чтобы обезопасить честныхъ людей отъ негодяевъ; но это не значитъ, что онъ рекомендуетъ этихъ женщинъ, ибо иначе честные люди должны бы были навѣщать ихъ. Насколько истинны права этихъ женщинъ, насколько они обезпечиваютъ ихъ, настолько же гарантируютъ евангеликовъ маестатъ и religionsfried въ имперіи: и тотъ, и другой выможены мечемъ и копьемъ» (3).

(1) ib. 308—309.

(2) «Lotrovský majestát». «Apol. dr.». 17. № 30. 150.

(3) S k a l a. I. 337. Ср. «Apol. dr.». № 43. 180.

Иезуитамъ слѣдовали католическіе попы и въ своихъ проповѣдяхъ немилостиво бранили подобоевъ. Самъ Маргиниць, по словамъ современниковъ, участвовалъ въ стряпнѣ подобныхъ проповѣдей⁽¹⁾.

Въ 1610 году съ дозволенія пражскаго архіепископа вышла злостная брошюра противъ подобоевъ — «Дружеское посланіе датскихъ и норвежскихъ студентовъ». Подобои извергались изъ христіанской церкви, какъ «безбожники», измыслившіе небывалую церковь и обвинялись въ политической неблагонадежности. «Обновленіе церкви возмутило подданныхъ противъ князей и государей: оно подняло нѣмецкихъ князей противъ императора, чеховъ противъ Фердинанда, крестьянъ противъ ихъ господъ, и тѣ бунтовали. Развѣ самъ коноводъ и первый учитель этого обновленія, Лютеръ, не возбуждалъ турокъ на войну съ христіанами и не билъ въ набатъ, когда писалъ, что воевать противъ турка значить противиться Богу, такъ какъ турокъ и его господство лучше христіанскихъ князей и ихъ власти? Послѣдователи его предали туркамъ нѣсколько крѣпостей, цѣлыя шайки ихъ и теперь служатъ турку, а еще болѣе такихъ, которые съ распростертыми объятіями ждутъ его въ Германію».

Въ 1615 является новый, въ высшей степени «запальчивый» памфлетъ, также анонима, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Vitolida Poskoka. Скала обращаетъ особенное вниманіе на него. Памфлетъ старается опредѣлить характеръ аугсбургской конфессіи и показать злыя услуги ея для человѣка. Аугсбургская конфессія не можетъ указать своего основанія въ словѣ божіемъ. Если новаторы и вшиваютъ евангеліе въ свои конфессіи, то они это дѣлаютъ по обычаю всѣхъ еретиковъ, чтобы прикрыть свои измышленія. Въ символѣ нѣтъ: «вѣрую въ аугсбургское исповѣданіе». Правда, еретики пользуются выраженіемъ «христіанская церковь», но дѣло въ томъ, что каждый еретькъ измыслилъ своего особеннаго Христа: лютеране — лютеранскаго, пикарды — пикардскаго. Аугсбургская конфессія напи-

---

(1) «Apol. dr.». № 40. 164.

сада «надувательски», многое темно и двусмысленно, и все так хитро и лукаво, что почти каждый еретикъ можетъ прикрыты ею. Она — нищенскій плащъ, сшитый изъ многихъ старыхъ, осужденныхъ и проклятыхъ еретичествъ: понравился оиъ, и ходятъ въ немъ, словно о масланицѣ, и будутъ ходить, пока не уйдется справедливый гнѣвъ божій. Какъ только кто выстушитъ изъ церкви, сейчасъ же начинается цѣлесу св. Вита, и сматъ оиъ, нигдѣ не находя оснований: мы видимъ во-очію, что онъ принялъ лютеранство, переходитъ въ кальвинизмъ, отсюда в арианство и наконецъ идетъ къ турку и обрѣзывается. Аугбургское исповѣданіе уже по тому подозрительно, что Лютеръ, будучи зачатъ отъ дьявола, часто и много жралъ съ нимъ и шутилъ: дьяволъ его образовалъ, и онъ пользовался доводами своего отца противъ обѣдн, призыванія святыхъ, чистилища. Отъ дьявола пошди и цвинглиане, и кальвинцы: вѣдь самъ Цвингли признавался, что его навѣщаль ангелъ, только неизвѣстно какой: бѣлый или черный. «Умереть въ аугбургской конфессіи значить умереть въ такомъ ученіи, которое не существовало и Лютера, Меланхтона и Кальвина — этихъ еретическихъ и вѣтренныхъ мадчишекъ, о которыхъ не знали ничего ни я учителя, ни дорогіе предки наши. Не потрясется-ли сердце! каждаго, кто вздумалъ бы умереть въ этой новой вѣрѣ? Го споди Боже! не попусти же, чтобы кто изъ добрыхъ христіан умеръ въ подобной конфессіи, будь она лютеранская или кальвинская, чешская или нѣмецкая, шварцбургская или перекрестинская! Тѣ, которые уравнены язычникамъ, не имѣютъ части в царствіи небесномъ: пусть же они сдыхаютъ въ этой конфессіи!»⁽¹⁾

Правительство благосклонно смотрѣло на эти словесныя печатныя выходки католиковъ. Естественно, подобное потворство раздражало подобоевъ, обрекаемыхъ «сдыхать въ своей конфессіи», и «Вторая аподогія», перечисляя причины ревизіи 1618 года, сильно налегаетъ на это постоянное нарушеніе имъ путемъ проповѣди и печати: «не какіе нибудь пошлые люди

(1) «Apol. dr.». Ж 40. 167—176. Skala. I. 339—346.

на слова и дѣйствія которыхъ не слѣдовало бы обращать вниманія, но священники, деканы, даже нѣкоторые и выше поставленные, на поруганіе подобоушъ говорили съ каедръ, писали, печатали, а прелаты, аббаты и самъ архіепископъ не только попускали это, но и одобряли своими собственноручными посланіями» (1).

Подобныя нарушенія земскаго мира словомъ были предвѣстникомъ болѣе существенныхъ нарушеній дѣйствіемъ.

Мы видѣли, что земскіе законы 1609 года не избѣгли недомолвокъ, противурѣчій. Католики не упустили воспользоваться этими промахами своихъ противниковъ.

Основываясь на буквѣ маестата, только сословія съ «подданными людьми ихъ» — цаны, рыцари и города, получали свободу подобоискаго исповѣданія; только соглашенія передосило это право и на жителей королевскихъ помѣстій. Такимъ образомъ, крестьяне на земляхъ католическихъ пановъ и духовенства были исключены, и на нихъ не могутъ простираться права, дарованныя маестатомъ и соглашеніемъ. Такъ толковали земскіе законы 1609 года католики, и, держась буквы — «vedle znění majestatu», были правы. «Всякія пожалованья, маестаты — говоритъ Славата — бываютъ *stricti juris*. Какъ слова звучатъ, такъ они и понимаются, и никакихъ мнѣній и поясненій здѣсь не допускается» (2). Но, понятно, шире понимали маестатъ и соглашеніе сами подобоушъ, ссылаясь на первую статью маестата: «всѣ, которые только признають чешскую конфессію 1575 года, не исключая никого, могутъ вольно и свободно, повсюду и на всякомъ мѣстѣ исповѣдывать свою подобоушскую вѣру.» «Не только сословіямъ панскому, рыцарскому и городскому — писали крестьяне кладскаго графства дефензорамъ, но также и людямъ сельскимъ, рабочимъ, евангелической подобоушкой вѣры предосилено отъ короля право свободно, по всѣмъ мѣстамъ королевства исповѣдывать свою вѣру» (3).

(1) ib. 22.

(2) П. 129.

(3) «Apol. dr.». № 57. 242, Ср. ib. 240.

Очевидно, разное пониманіе однихъ и тѣхъ же законовъ католиками и подобоями приводило необходимо къ столкновенію, и послѣднее вскорѣ произошло.

Мы уже прежде познакомились съ католическою дѣятельностью аббата брумовскаго бенедиктинскаго монастыря, Вольфганга Селендера, одного изъ первыхъ, открывшихъ гоненіе на подобоевъ послѣ изданія мандата 1602 года въ городѣ Брумовѣ, котораго онъ считался господиномъ. И теперь, послѣ изданія земскихъ законовъ 1609 года, онъ былъ первый, который рѣшился примѣнить къ дѣлу католическое пониманіе маестата.

Жители Брумова, въ противность желанію аббата, ввели лютеранскаго пастора въ городскую кладбищенскую церковь. Селендеръ жаловался на этотъ поступокъ крестьянъ въ придворную канцелярію, какъ на нарушеніе своихъ владѣльческихъ правъ, и Лобковицъ приказалъ крестьянамъ удалить въ теченіе двухъ недѣль проповѣдника, подъ угрозой строгаго наказанія, такъ какъ только аббату монастыря, въ силу королевскаго рѣшенія 1587 года, принадлежитъ право назначать священниковъ на приходы⁽¹⁾. Ни дефензоры, ни сами крестьяне ничего не сказали противъ приказанія канцлера, и проповѣдникъ былъ удаленъ. Крестьяне рѣшили построить свою церковь и, понятно, противъ воли своего господина. Нужныя деньги были собраны у себя дома и въ имперіи. Но теперь возникалъ вопросъ: имѣли ли право крестьяне католическаго монастыря строить на церковной землѣ подобойскую церковь? Аббатъ жаловался Матвѣю на крестьянъ за постройку церкви. Прежде чѣмъ дать отвѣтъ, король предложилъ высшимъ чиновникамъ высказать свое мнѣніе: могутъ-ли брумовцы, безъ дозволенія аббата, строить подобойскую церковь? Тѣ высказались противъ: «ни изъ привилегіи, данной на вѣру — писали они королю, ни изъ соглашенія подобойскихъ сословій не явствуется, чтобы брумовскіе крестьяне имѣли какое-либо право на построеніе церкви. Хотя привилегія и

---

(1) «Apol. dr.». № 70. 274. Отъ 10 іюня 1610 г.

разрѣшаетъ трѣмъ подобойскимъ сословіямъ строить церкви, школы, погребать мертвыхъ, но это право не простирается на подданныхъ людей, которые не составляютъ свободнаго сословія» (1). Матвѣй приказалъ брумовскимъ крестьянамъ остановиться съ постройкой церкви до дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла (2).

Дефензоры, получивъ жалобу изъ Врумова, протестовали противъ рѣшенія короля. Придавая серьезное значеніе столкновенію въ Врумовѣ, какъ первому нарушенію законовъ 1609 года, они пригласили высшихъ чиновниковъ изъ подобоевъ и по шести депутатовъ отъ края на съѣздъ, въ силу инструкціи 1611 года. На съѣздъ собралось около 100 человекъ. По обсужденіи брумовскаго столкновенія собраніе положило: объявить жителямъ Врумова, что они могутъ достраивать свою церковь, не смотря ни на какія запрещенія. «Славное пожалованіе — писали члены съѣзда въ Врумовѣ — простирается не только на три сословія, но и на людей подданныхъ, словомъ на всѣхъ жителей королевства, не исключая никого, кто только признаетъ чешскую конфессію и управляется нашей консисторіей, и оно свидѣтельствуетъ, что вы имѣете право строить храмъ господень, безъ всякой помѣхи или запрещенія со стороны духовныхъ или свѣтскихъ лицъ» (3).

Въ то же самое время дефензоры пзвѣщали намѣстниковъ Матвѣя въ Прагѣ, что они не думаютъ вступать ни съ кѣмъ въ какія-либо прецирательства, напротивъ, «желаютъ держаться очевиднаго и не допускающаго сомнѣній текста 'религіозныхъ законовъ, но отвергаютъ всякія натяжки» (4).

Крестьяне продолжали строить церкви. Селендеръ вторично жаловался Матвѣю, что королевское приказаніе не исполняется, что упорство крестьянъ поддерживается «панами директорами

---

(1) ib. № 83. 301. Отъ 25 августа 1611 г. Ср. Gindely. «Dějiny». I. 51. прим.

(2) ib. № 84. 302.

(3) ib. № 72. 276—279.

(4) ib.

нижней консисторіи» (1). На эту жалобу дефензоры представили обширную записку королю, въ которой, оправдывая рѣшеніе съѣзда законами 1609 года, оспаривали у брумовскаго аббата, какъ и вообще у духовныхъ владѣтелей, право считать людей, живущихъ на церковныхъ земляхъ, своими крестьянами, подданными. «Аббатъ пишетъ, что неприличное намѣреніе жителей Брумова построить церковь противорѣчитъ регаліямъ его и монастыря, такъ какъ онъ считаетъ ихъ своими и монастырскими наследственными людьми: но regalia, какъ поазываетъ самое слово, принадлежитъ единственно вашему величеству, какъ господину, а вѣдомо всѣмъ въ этомъ королевствѣ, что аббаты, пробыты и вообще все духовенство съ подданными людьми ихъ составляютъ *комору* вашего величества, какъ короля чешскаго, и они не имѣютъ права носиться никакой таковой наследственностью или регаліями, ибо только по милости вашего величества они суть usufructuarii монастырскихъ доходовъ и то лишь на время» (2).

Изъ послѣднихъ словъ дефензорской записки явствуетъ, откуда въ формальномъ отношеніи происходилъ весь споръ по брумовскому дѣлу — изъ неодинаковаго пониманія «коморы», или королевскихъ помѣстій, католиками и подобоями. Советники короля, ссылаясь на маестатъ и соглашеніе, признали дѣйствія Селендера правильными; дефензоры, на основаніи тѣхъ же законовъ, полагали ихъ противузаконными.

Брумовскій споръ основывался на неточной редакціи важнѣйшаго мѣста въ соглашеніи, гдѣ говорится о правѣ крестьянъ государевыхъ помѣстій, т. е. коморы, строить церкви, школы. Дефензоры утверждали, что соглашеніе, говоря о королевскихъ помѣстьяхъ, ео ipso включило въ нихъ и земли католическаго духовенства, такъ какъ послѣднее, на основаніи дѣйствующей конституціи, никогда не составляло въ Чехіи отдѣльнаго сословія (3); въ ней прямо сказано: «ни конвентъ или монастырь, ни всякаго рода духовенство, которое образуетъ комору, не

(1) ів. № 73. 279.

(2) ів. № 74. 280—284.

(3) ів. № 101. 353.

могутъ безъ разрѣшенія королевскаго ничто закладывать, продавать, отчуждать или промѣнивать» (1). Другія статьи конституціи, практика говорила также въ пользу подобоевъ: такъ монастыри и всѣ духовные владѣтели обязывались признавать королевскія записи, которыми та или другая земля передавалась извѣстному лицу въ пожизненное или на извѣстный срокъ владѣніе. Даже такой католическій король, какъ Фердинандъ, часто пользовался этимъ широкимъ правомъ записей и только завѣщалъ своимъ сыновьямъ вознаграждать церковь за убытки. Подобно ссылались наконецъ на мнѣніе самого канцлера Лобовица, представленное въ 1598 году Рудольфу объ отношеніи королевской власти къ монастырскимъ и церковнымъ имѣніямъ. На вопросъ — имѣеть ли король право, безъ вѣдома и согласія папы, продавать, закладывать монастырскія и церковныя земли, канцлеръ отвѣчалъ утвердительно: «ваше величество есть настоящій коллаторъ этихъ земель, и потому располагаете ими, какъ своею короною, что дѣлали и ваши предшественники. При Фердинандѣ у многихъ монастырей имѣнія были отчуждены, и болѣе чѣмъ на 1½ миліона талеровъ было ихъ продано; при отцѣ вашего величества продано было еще на большую сумму: все это дѣлалось безъ дозволенія и спроса папскаго святѣйшества» (2). Противъ доводовъ подобоевъ католики возражали въ томъ смыслѣ, что ни въ маестатѣ, ни въ соглашеніи и слова нѣтъ о церковныхъ имѣніяхъ; если бы они имѣлись въ виду, то необходимо было бы упоминаніе, такъ какъ «всякіе маестаты суть *stricti juris*» (3). Въ пользу католиковъ еще могло говорить и то обстоятельство, что хотя, несомнѣнно, сеймъ 1609 года желалъ предоставить свободы вѣры и подобоямъ на земляхъ католическихъ пановъ, но объ этомъ не упомянулъ, такъ что когда сейчасъ же послѣ изданія маестата и соглашенія Сла-

(1) Іб. № 99. 349.

(2) Іб. № 100. 350—352.

(3) Доводы подобоевъ и возраженія католиковъ обстоятельно изложены у Славаты. II. 126—134.

вата сталъ тѣснить подобоевъ у себя въ Индриховѣ Градцѣ, дефензоры ему не возражали (1).

Итакъ, въ существѣ дѣла были правы подобои, но съ формальной стороны не были неправы и католики.

Но Матвѣй не рѣшился вторично воспретить постройку церкви въ Брумовѣ, и вопросъ остался открытымъ. Въ началѣ 1612 года церковь была достроена.

Уступка, сдѣланная Матвѣемъ дефензорамъ, была временная: она обозначала только, что въ за-ново завязывавшейся борьбѣ католиковъ съ подобоями король находилъ пока неудобнымъ дѣйствовать открыто, принявъ сторону Селендера, тѣмъ болѣе, что еще не прошло и года, послѣ того какъ ему былъ доставленъ престолъ подобойскими сословіями. Но въ душѣ своей онъ желалъ того же, что и церковь — возможно большаго умаленія земскихъ законовъ 1609 года. Затаенныя мысли короля сказались скоро, когда въ октябрѣ 1612 года онъ передалъ «высокодостоинному Яну Логелію, архіепископу пражскому» всѣ свои коллатуры на королевскихъ помѣстьяхъ, т. е. уступалъ ему право назначенія священниковъ и учителей на своихъ земляхъ, хотя при этомъ и указывалъ архіепископу — при своихъ назначеніяхъ «сообразовываться съ положеніемъ королевскихъ коллатуръ во время сейма 1609 года и съ соглашеніемъ» (2).

Въ 1605 году на королевскихъ земляхъ считалось 132 прихода, что составляло $\frac{1}{10}$ всѣхъ приходоѡ королевства (1366); изъ нихъ одни были католическіе, другіе подобойскіе.

---

(1) Объ этихъ притѣсненіяхъ ib. II. 129—131. Славата писалъ своимъ крестьянамъ: «ни въ маестатѣ, ни въ соглашеніи, ниже въ сеймовомъ опредѣленіи не находится ничего такого, чтобы крестьяне иной вѣры, чѣмъ ихъ господа, имѣли право строить церкви, противъ желанія этихъ послѣднихъ, или чтобы господинъ—католикъ обязанъ былъ уступать крестьянамъ—подобоимъ церковь въ своей землѣ; напротивъ, того, въ соглашеніи прямо сказано, что подобои оставляютъ католиковъ при ихъ церквяхъ, коллатурахъ, равно какъ и наоборотъ; поэтому, не будучи обязанъ, я не могу снизойти на вашу просьбу и поступить противъ вѣры и совѣсти своей».

(2) «Apol. dr.». № 85. 302.

Въ силу маестата подобойскіе приходы, которыхъ было больше, чѣмъ католическихъ, отошли въ вѣдѣніе нижней консисторіи. Но теперь, съ королевскаго согласія, приходы на королевскихъ земляхъ переходили въ вѣдѣніе архіепископа: въ передаточной записи не было сказано, что переходятъ одни католическіе, а глухая ссылка на сеймъ 1609 года и соглашеніе могла быть принята и не принята архіепископомъ, — все зависѣло отъ его доброй воли.

Какъ и слѣдовало ожидать, архіепископъ счелъ для себя болѣе удобнымъ монять передачу королевскихъ коллатуръ въ широкомъ смыслѣ, что ему передаются все приходы. Этого, безъ сомнѣнія, желалъ и Матвѣй (1).

Лишь только въ 1613 году нѣкоторые подобойскіе приходы на королевскихъ земляхъ сдѣлались вакантными, они тотчасъ же были замѣщены католическими священниками. Это было первое безспорное нарушеніе законовъ 1609 года. Но архіепископъ не остановился на этомъ пріемѣ: пришлось бы слишкомъ долго ждать, пока такимъ путемъ подобойскіе приходы сдѣлались бы католическими. Онъ рѣшился прямо удалять подобойскихъ проповѣдниковъ. Первое такое удаленіе имѣло мѣсто въ Новыхъ Страшецахъ, мѣстечкѣ кривокладскаго панства (2).

Въ октябрѣ 1613 года архіепископъ обратился съ слѣдующей просьбой къ президенту королевской коморы, Славатъ: «нѣкій не ординованный священникъ забрался, помимо вѣдома и

---

(1) Неточность въ передаточной записи была преднамеренная. Матвѣй хорошо понималъ, что значить передать коллатуры архіепископу, который ненавидѣлъ чеховъ, какъ католика и иностранца. Смела разсказуетъ, что крестьяне одного архіепископскаго села упорно отказывались посѣщать католическую церковь; архіепископъ приказалъ управляющему не позволять крестьянамъ выгонять скотъ на пастбища. Крестьянамъ пришлось плохо; голодная скотина ревѣла по дворамъ, и многіе перешли въ католичество. Крестьяне сложили поговорку: скотина умѣе іезуитовъ и поповъ; тѣ годы начинали насъ римской вѣрой, и все напрасно, а скотина обучала въ четыре недѣли. I. 337.

(2) Собственно единственное число: «гада а celé obec města Nového Strašecna (S k a l a. I. 361), но ср. G i n d e l y. «Dějiny». I. 60.

желанія моего, на приходъ и ведомость его величества въ Новыя Страшецы, куда я было намѣревался назначить иного — своего; поэтому покорнѣйше прошу вашу милость приказать гетману криволадскому немедленно удалить того священника изъ прихода.» Слავата посмѣшилъ исполнить просьбу архіепископа, но гетманъ медлилъ и священника не удалялъ. Въ апрѣлѣ 1614 года Славата получилъ новую жалобу отъ архіепископа на гетмана: «не могу утѣтъ предъ вами, что у гетмана данное ему приказаніе не имѣло силы, ибо самозванный священникъ и по сѣю пору находится въ Страшецахъ. Мало того, когда недавно страшецкому проповѣднику приказано было явиться къ только что назначенному сланскому дьякону, онъ отвѣчалъ посланцу въ кабацѣ, что не обязанъ являться, такъ какъ имѣтъ свое начальство и нана примаса. Поэтому покорнѣйше прошу васъ, обративъ вниманіе, что ссылка на иную власть ведетъ къ нарушенію патронатскаго права его величества, предложить сказанному гетману приказать священнику сейчасъ же обратиться вонъ изъ прихода». Эта жалоба архіепископа въ оригиналѣ была препровождена изъ коморы провинившемуся гетману, и тотъ 25 апрѣля писалъ въ Страшецы: «не сомнѣваюсь, что вы еще помните приказаніе, данное мнѣ изъ коморы объ удаленіи священника, который состоитъ въ вашемъ приходѣ. Вы отвѣчали, что испросите у архіепископа оставленіе его на мѣстѣ, но этого не сдѣлали, и архіепископъ подалъ на меня жалобу въ комору, которая мнѣ сообщена; поэтому предлагаю вамъ по обязанности своей немедленно удалить вашего священника и принять другаго, который будетъ назначенъ отъ архіепископа».

Но архіепископъ не удовольствовался жалобой въ комору и въ августѣ 1614 отправилъ гетману строгій выговоръ, почему онъ не удалялъ «той особы, которая живетъ въ приходѣ». Въ сентябрѣ бурмистръ и коншеды Новыхъ Страшець извинялись предъ гетманомъ, что они не могутъ удалить своего священника: «мы глубоко сокрушены, что намъ приказывается устранить нашего церковнаго учителя, который по усиленной просьбѣ нашей подтвержденъ и назначенъ отъ нижней консисторіи; ради него мы и бѣдная погорѣвшая община наша, шествуя по пути доро-

гихъ предковъ своихъ, понесли не мало убытковъ, а между тѣмъ архіепископъ строго наказываетъ намъ удалить изъ прихода нашего священника, такъ какъ на его мѣсто онъ имѣетъ въ виду другаго». Ратуша просила гетмана исходатайствовать предъ архіепископомъ дозволеніе крестьянамъ остаться при ихъ священникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла ему выписи изъ старыхъ пожалованій Рудольфа на свободу подобойскаго исповѣданія. Само собой разумѣется, что ходатайство гетмана (если оно было) не могло бы смягчить упрямаго архіепископа, и онъ 15 декабря въ рѣзкомъ письмѣ сообщилъ гетману, что уже назначенъ католическій священникъ въ Страшецы: «мы не сомнѣваемся, что пану гетману еще свѣжа въ памяти воля его величества относительно коллатуры и приходоу на королевскихъ помѣстьяхъ, а также и всемилостивѣйшее порученіе, возложившее на насъ замѣщеніе достойными и ординованными священниками коллатуръ его величества. И мы, не желая, чтобы при наступающихъ праздникахъ Страшецы остались безъ пастыря, избрали туда Андрея Молитора для проповѣди на нѣкоторое время и просимъ васъ распорядиться о присылкѣ экипажа за нимъ» (1). Когда прибылъ Андрей и сталъ порицать обряды подобойскіе, прихожане заперли церковь, взяли ключъ къ себѣ, а самого Андрея попросили убраться (2).

Преирательства съ страшецкими крестьянами еще продолжались, когда ревнивый архіепископъ затѣялъ новое дѣло — въ Гробъ (3).

Городокъ этотъ причислялъ себя къ третьему, свободному сословію, но сосѣдній монастырь осекскій (Osek) имѣлъ притязанія на него, считалъ его своимъ монастырскимъ владѣніемъ и дѣлалъ всяческія притѣсненія жителямъ: «много лѣтъ по тому, что они не желали быть католиками, ихъ крайне преслѣдовали,

---

(1) Документы по страшецкому дѣлу въ «Apol. dr.». № 62—67. 256—266 Ср. ib. 22—23.

(2) Skala. I. 347.

(3) Hrob, Klostergrab.

— говоритъ «Вторая апологія» (1). Послѣ изданія маестата гробчане построили подобойскую церковь и пригласили проповѣдника. Прошло нѣсколько лѣтъ, и никто не говорилъ противъ подобойской церкви въ Гробѣ, — но въ 1614 году архіепископъ, взявшійся за реформацію некаатолическихъ приходоѡвъ, предъявилъ свои верховныя права на Гробѣ. Права эти были признаны придворной канцеляріей, и архіепископъ приказалъ гетману осекскому удалить подобойскаго проповѣдника изъ Гроба. Гетманъ исполнилъ волю архіепископа: «объявляю вамъ — писалъ онъ гробскимъ жителямъ — удалить вашего предиканта изъ города, согласно приказанію архіепископа». Церковь была запечатана, изъ Праги былъ присланъ католическій священникъ, а жителямъ было строго приказано каждое воскресенье и праздникъ посѣщать церковь, если только не воспрепятствуетъ тому болѣзнь или иныя уважительныя причины. Но жители не слушались приказаній изъ Праги, и въ ноябрѣ 1614 г. архіепископъ послалъ къ нимъ грозное увѣщаніе — образумиться: «изъ донесеній, получаемыхъ нами, мы находимъ, что поставленный священникъ, согласно своей іерейской обязанности, ревностно занимается служеніемъ и проповѣдью слова божія и исполняетъ все то, что надлежитъ; вы же и ваша община лѣнны и неряшливы къ службѣ божьей и проповѣди, и церковь посѣщаете въ весьма скромномъ числѣ. Кромѣ того приглашенный вами для вашего же вреда и дважды уже изгоняемый нами предикантъ крестить дѣтей, вѣнчается, хоронитъ, исповѣдываетъ, въ противность нашему строгому запрещенію, подаетъ дерзкимъ образомъ свое мнимое причастіе и такимъ путемъ отчуждаетъ отъ вашего священника его прихожанъ, — все это мы крайне тяжконосимъ. Посему мы разъ на-всегда вамъ строго наказываемъ — не отвергать далѣе нашей снисходительности и отцовской доброты столь постыднымъ образомъ, съ охотой посѣщать вашу старую церковь, съ покорностью относиться къ вашему священнику и побуждать къ тому же своихъ домашнихъ, а предиканта немедленно изгнать волю и

---

(1) 25. Ср. Ів. № 76. 286. 1). 2).

быть во всемъ послушны намъ, чтобы мы не имѣли надобности принимать къ незаконно вкравшемуся вашему предиканту мѣры, разрѣшенной уже намъ. Это объявляемъ вамъ отечески и строго, и этимъ руководитесь» (1).

Гробская церковь была запечатана.

Естественнo, что какъ только архіепископъ Логелій съ своимъ духовенствомъ началъ дѣло антиреформаціи, отъ тѣсныхъ подобоевъ пошли жалобы къ дефензорамъ. Въ сентябрѣ 1614 года дефензоры представили намѣстникамъ слѣдующую записку: «соблаговолите повѣрить, что мы до сихъ поръ всѣ наши усилія прилагали къ тому, чтобы не причинять вамъ ни малѣйшаго утружденія, зная хорошо, что вы заняты нными важными дѣлами, касающимися его величества короля и королевства. И теперь по истинѣ мы охотно сдѣлали бы тоже, если бы не были вынуждены поступить иначе нѣкоторыми обстоятельствами. Приходятъ къ намъ, какъ къ дефензорамъ, многіе люди изъ городовъ и жалуются очень, что не могутъ свободно исповѣдывать свою подобойскую вѣру, какъ она изложена въ чешской конфессіи, пользоваться поставляемыми отъ администратора и нижней консисторіи проповѣдниками, пользоваться словомъ божіимъ и честными таинствами, какъ это разрѣшаютъ нашъ славный маестатъ, изъ особой милости данный всѣмъ тремъ сословіямъ покойнымъ Рудольфомъ, и соглашеніе, состоявшееся между вами и другими панами католиками и нашей стороной подобойской, вслѣдствіе притѣсненій, которыя чинятся имъ. Все это вы изволите усмотрѣть изъ жалобъ, прилагаемыхъ у сего. Правда, помимо маестата и соглашения, его величество уступилъ архіепископу всѣ свои коллатуры, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ долженъ сообразовываться съ положеніемъ коллатуръ во время сейма 1609 года и съ соглашеніемъ». Вслѣдствіе всего этого дефензоры «пріятельски» просили намѣстниковъ сообщить архіепископу о несправедливыхъ поступкахъ съ подобоими и напомнить ему, чтобы и самъ онъ не позволялъ себѣ ника-

---

(1) Документы по гробскому дѣлу — «Apol. dr.» 26. № 78. 289. № 75. 285. № 76. 286. № 77. 287.

нихъ притѣсненій, да и не допускалъ ихъ дѣлать другимъ отъ своего имени, и выражали надежду, что «архіепископъ не пожелаетъ имѣть непріятности на будущемъ сеймѣ» (1).

Записку дефензоровъ намѣстники передали архіепископу, и тотъ отвѣчалъ имъ письменно. Объ отвѣтѣ архіепископа мы можемъ судить изъ посланія дефензоровъ въ Гробръ, отъ 25 ноября 1614 года: «въ своемъ отвѣтѣ архіепископъ представилъ въ защиту свою обстоятельства такого рода, что они никакъ не могутъ быть допущены подобойскими чинами королевства». «Обстоятельства» эти не указаны въ посланіи, но о нихъ можно догадываться: архіепископъ, вѣроятно, ссылаясь на передачу 1612 года, толковалъ ее по своему и обходилъ земскіе законы 1609 года. Дефензоры опредѣлили съѣздъ. «Мы признали за необходимое — пишутъ они въ томъ же посланіи въ Гробръ — немедленно, въ силу сеймоваго рѣшенія, извѣстить высшихъ чиновниковъ и землю и просить собраться въ Прагу въ четвергъ, на память трехъ царей (6 января 1615 года), чтобы прежде всего дать отвѣтъ на объясненіе архіепископа и затѣмъ побочить другія дѣла. Мы вполне увѣрены, что ихъ милости отзвучатъ на наши приглашенія, которыя уже изготавлиются» (2).

Но подобойскій съѣздъ 6 января 1615 года не состоялся, такъ какъ вскорѣ имѣлъ собраться генеральный сеймъ, который грозили дефензоры архіепископу и на который подобой возлагалъ всѣ свои надежды.

Еще въ январѣ 1614 года Матвѣй, не смотря на все свое нежеланіе, вынужденъ былъ собрать частный сеймъ и, чтобы онъ былъ поближе къ австрійской границѣ, назначилъ его въ Будеевицахъ, на югѣ Чехіи, въ городѣ, извѣстномъ своей вѣрностью католицизму. Матвѣй хорошо зналъ чувства своихъ подобойскихъ сословій. Еще въ 1613 году баварскій агентъ писалъ, что земля какъ-бы предъ приближающейся бурей, и все убѣждены, что король не сдержитъ своихъ обѣщаній о вѣрѣ. Самъ Матвѣй съ отчаяніемъ писалъ Фердинанду штирѣ-

(1) ib. № 81. 293—296. S k a l a. I. 348.

(2) ib. № 98. 347—349.

рійскому: «вы сами знаете, какъ стоятъ дѣла въ Чехіи, — не могу созвать сейма, если не желаю допустить конфедераціи словій, а безъ сейма нельзя рассчитывать на подати. Средствъ не достаётъ держать не умаленнымъ господство нашего дома. За жизнь мою еще удержится это зданіе, но по смерти все разбредется, и что пріобрѣли предки, того не наследуютъ потомки» (1). Король опасался земли и не созывалъ сейма, чтобы не подымать четырехъ статей 1611 года. За «средствами» онъ обращался въ Мадридъ, Римъ, но получалъ одни пожеланія да благословенія — истреблять еретиковъ: пришлось обратиться къ землѣ за средствами противъ неяже.

Въ январѣ 1614 года съ трудомъ собрался немногочисленный сеймъ въ Будеевицахъ. Въ своихъ предложеніяхъ король говорилъ о тяжеломъ положеніи Венгріи и просилъ денегъ на 6 т. пѣхоты и 2 т. конницы, яко-бы для поправленія тамошнихъ дѣлъ. Сеймъ понималъ, что значать эти притотовленія, и отвѣчалъ, что онъ не приступитъ къ обсужденію предложеній, прежде чѣмъ не будутъ разсмотрѣны четыре статьи 1611 года. Матвѣй острасткой рѣшился сломить упрямство сейма: онъ пригласилъ къ себѣ дефензоровъ и другихъ вліятельныхъ лицъ изъ подобоевъ и строго выговорилъ имъ за ихъ дѣйствія. Большинство струсило и молчало, но не струсилъ Вацлавъ Роуповъ, талантливѣйшій изъ дефензоровъ, и отвѣчалъ Матвѣю, что должно-стью своею онъ обязанъ не только королю, но и землѣ. Отвѣтъ Роупова ободрилъ его товарищей, и маневръ Матвѣя не удался. Въ слѣдъ затѣмъ подобои потребовали распущенія настоящаго сейма и созванія новаго, генеральнаго, согласно обѣщанію 1611 года. Раздраженіе было крайнее: стали говорить о сверженіи Матвѣя, а друзья короля, Мартиниць и другіе католики, въ ужасѣ бѣжали изъ Будеевиць, чтобы не слышать рѣчей подобоевъ. Въ виду такого оборота дѣлъ, Матвѣй пригласилъ къ себѣ снова Роупова, Шлика и другихъ вліятельныхъ подобоевъ и уговорилъ настолько, что сеймъ согласился на новыя подати, но о деньгахъ на формированье венгерскаго войска и слышать

(1) Оба письма у Gindely. «Dějiny». I. 64. 65.

не хотѣлъ. Съ своей стороны Матвѣй далъ запись, что не позвѣ января 1615 года онъ созываетъ въ Прагу генеральный сеймъ для земель короны Вячеслава, куда заблаговременно пригласитъ чины Венгрии и Австрій, и на этомъ сеймѣ прежде всего должны быть сообщены разсмотрѣны и утверждены четыре статьи 1611 года (1).

Такимъ образомъ, подобно вымогли у Матвѣя обязательство на разсмотрѣніе тѣхъ статей, сеймовое проведеніе которыхъ должно было дать имъ возможность вооруженной рукой отстаивать свои земскіе законы 1609 года противъ всяческихъ и нарушеній.

Когда сеймъ былъ распущенъ, знакомые намъ генералы первой революціи: Турнь и Фельзескій, 26 февраля подали Матвѣю меморіаль, въ которомъ прямо объявляли ему, что подобіямъ вполне понятна цѣль всѣхъ его военныхъ приготовленій предназначаемымъ яко-бы для защиты Венгрии: пусть лучше и роль откажется отъ нихъ, такъ какъ сословія смотрятъ на него подозрительно, какъ нѣкогда на пассивцевъ, и онъ, пожалуй, можетъ лишиться всѣхъ земель. Но меморіаль Матвѣй оставилъ безъ вниманія, чего не ожидали ни Турнь, ни Фельзескій. Турнь вмѣстѣ съ Шликомъ и Вхынскимъ заявилъ агенту саксонскаго курфирста, что подобно рѣшили — лишить престолъ габсбурга и предложить корону саксонцу. Но курфирсть отклонилъ предложеніе (2).

При такихъ предзнаменованіяхъ имѣлъ открыться сеймъ 1611 года; но прошелъ январь, а сейма не было. «Нездоровье и нѣкоторыя другія важныя причины — объясняетъ Славата — и имѣшали королю созвать сеймъ въ январѣ, и онъ собрался только въ іюнь» (3). Эти важныя причины — былъ страхъ Матвѣя передъ четырьмя статьями 1611 года. Но, наконецъ, канцлеру, епископу Клезлю, Лобковицу, Славатѣ и Мартиницу удалось убѣдительно

(1) У Скалы ни слова о сеймѣ 1614 г.; Славата намѣренно пропущенъ (II. 192); мы пользовались Гиндели. «Déjiny», I. 70—72.

(2) Gindely. I. 76. 77.

(3) II. 193.

короля, что не чего бояться: онъ предложитъ четыре статьи, но отъ себя ничего не говоритъ, — пусть сословія свободно высказутся и такимъ образомъ обнаружатъ свои настоящія намеренія.

15 іюня открылся сеймъ. Кромѣ чиновъ королевства, на сеймъ прибыли представители Моравіи, Силезіи и Лужиць; изъ Венгріи не было никого; депутаты отъ Австріи прибыли позже. Сеймъ приступилъ къ разсмотрѣнію четырехъ статей и прежде всего — о конфедераціи. Представители соединенныхъ земель заявили, что они не обязаны являться на какой-то общій сеймъ въ Прагу, такъ какъ ихъ земли самостоятельны. Мораване, во главѣ которыхъ стояли: Дитрихштейнъ и Карлъ Жеротинъ, говорили, что имъ нѣтъ нужды въ конфедераціи, что еще въ 1608 году они заключили таковую съ Венгріей и Австріей. Сговорчивѣе были силезцы: они соглашались на конфедерацію съ чехами, но съ условіемъ, если послѣдніе признаютъ независимость ихъ земли. Чехи отклонили сепаратистическія требованія Силезіи, и такимъ образомъ окончилось обсужденіе первой статьи — о конфедераціи. Сеймъ перешелъ къ слѣдующей — къ дефензіи, т. е. установленіи общей земской обороны для всѣхъ земель короны Вячеслава. Но и тутъ депутаты отъ соединенныхъ земель успѣли заявить, что они не имѣютъ полномочія договариваться съ сеймомъ въ окончательной формѣ и то, что будетъ условлено между ними и сеймомъ, они могутъ принять только *ad referendum*. Послѣ этого перешли къ обсужденію самой статьи. Сословія постановили, что если бы которой изъ земель грозила опасность и нужда была крайняя, то съ согласія короля они слѣдуютъ къ ней на помощь съ 2 тыс. коннаго и 6 тыс. пѣшаго войска. Затѣмъ образованъ былъ спеціальныи оборонительный комитетъ изъ высшихъ чиновниковъ и депутатовъ отъ сейма, и ему было поручено совокупно съ посланниками отъ земель прійти къ «окончательному соглашенію» по вопросу о дефензіи. Комитетъ выработалъ слѣдующія положенія: кромѣ Чехіи, участіе которой въ общей оборонѣ опредѣлено выше, Моравія выводитъ въ поле 1 тысячу конницы и 3 тыс. пѣхоты; Силезія — 2 и 3 тысячи; Лужицы — 1200 и 2 тысячи;

предлагаемая земская оборона имѣть силу въ теченіе пяти лѣтъ со дня закрытія настоящаго сейма. Но такъ эти положенія нуждались въ утвержденіи земельных сеймовъ, а было неизвѣстно — послѣдуетъ-ли утвержденіе, поэтому сеймъ постановлялъ, что «если бы моравскіе чины не согласились на настоящій уговоръ, если бы, далѣе, сословія Силезіи и Лужицъ не приняли того числа людей, которое пріятельски положилъ сеймъ сообща съ посланниками земель, то сословія королевства не обязываются помощью той землѣ, которая не уговорится съ ними». Ясно, что статья объ оборонѣ не дала положительныхъ результатовъ: къ ней земли отнеслись холодно или держали себя болѣе или менѣе особнякомъ. Сеймъ ограничился организаціей обороны собственно по отношенію къ Чехіи. «Если бы пришло къ тому, что между королевствомъ и его землями соглашеніе не могло бы состояться, чего впрочемъ ожидать нельзя, то всѣ три сословія положили: въ минуту опасности, по примѣру достославныхъ предковъ нашихъ, не оставлять его величества, короля и этого королевства, нашей дорогой отчизны, и съ согласія короля вербовать вышеопредѣленное число конныхъ и пѣшихъ солдатъ». На содержаніе этого земскаго войска чины уполномочивали образованный уже раньше оборонительный комитетъ расходывать разрѣшенныя сеймомъ подати, а по вопросу о принятіи начальства надъ войскомъ — входить въ соглашеніе съ «свѣдущими и опытными въ военномъ дѣлѣ людьми изъ нашего чешскаго народа» (1).

Въ переговорахъ о конфедераціи и оборонѣ прошли июнь и іюль; оставались еще непорѣшенными статьи: о конфедераціи съ Австріей и Венгріей, помѣстныхъ сѣздахъ и старыхъ договорахъ. Посланники отъ верхней и нижней Австріи прибыли въ іюль, но отъ Венгріи не было никого. Матвѣй крайне опасался конфедераціи чеховъ съ австріяками, которые не любили его не менѣе подобоевъ, и потому по совѣту Клезля медлил и не давалъ согласія сейму на начатіе съ ними переговоровъ. «Король — объясняетъ Славата — хорошо понималъ, что все замышлено

---

(1) Сеймовый протоколъ о дееизии — Slavata. II. 199. 200.

съ цѣлью повредить католической вѣрѣ и умалить достоинство его величества, а потому и не торопился, чтобы статья о конфедерации съ Австріями и остальные прошли на сеймѣ согласно желаніямъ сословія» (1). Клезь напентывалъ королю, что самое цѣлительное средство, если нужно, чтобы нежелательная статья не прошла на сеймѣ — все отсрочивать: «я не разъ испыталъ это средство и всегда съ успѣхомъ», — и Матвѣй медлилъ. Изскупивъ напраснымъ ожиданіемъ, Турнь, Жеротинъ, Вильгельмъ Лобковицъ и Адамъ Вальдштейнъ отправились 12 августа, въ пятницу, къ своему пріятелю, Стефану Штернберку, а охоту въ Постолюперты. 14, 15 — праздничные дни, во вторникъ они рассчитывали возвратиться; трудно было думать, чтобы въ субботу могло что-нибудь рѣшиться на сеймѣ. А между тѣмъ Матвѣй только и ждалъ отъѣзда кого-нибудь изъ вождей оппозиціи. Получивъ извѣстіе о постолупертской охотѣ, онъ призвалъ бургграфу Штернберку сейчасъ же внести въ сеймъ до ихъ поръ откладываемыя статьи и постараться покончить съ ними. Въ субботу бургграфъ явился на сеймъ и объявилъ волю короля. Подобно поняли опасность, — Роуповъ и Колонна Фельскій стали возражать Штернберку, что такъ какъ нѣкоторыхъ новъ нѣтъ на сеймѣ, поэтому было бы желательнымъ, чтобы сужденіе такихъ статей, какъ о конфедерации, съѣздахъ, былоложено до вторника. Но Штернберкъ на это замѣтилъ, что имъ общій для всѣхъ, что отсутствіе того или другаго пана можетъ мѣшать занятіямъ сейма, и потому онъ поспѣшитъ исполнить волю короля. Большинство сейма согласилось съ доводами бургграфа, и тотъ сейчасъ же внесъ статью о конфедерации съ Венгріей и Австріями. Но венгерскихъ посланниковъ было, послали за австрійскими, а между тѣмъ сеймъ занялся просомъ: ему-ли просить союза у австрійцевъ или поободать, ка тѣ поведутъ рѣчь о томъ, и рѣшилъ, что было бы вѣрно имъ, сословіямъ королевства, просить о союзѣ австрійцевъ.

Явились посланники верхней и нижней Австрій. Бургграфъ просилъ ихъ, о чемъ они желаютъ просить сословія королев-

(1) Ц. 193.

ства. Тѣ отвѣчали, что явились на сеймъ по приглашенію королевскому, а отъ чиновъ эрцгерцогствъ уполномочены выслушать желанія чеховъ. Сеймъ на это замѣтилъ, что сословія королевства полагали, что посланники за тѣмъ прибыли, чтобы просить ихъ о тѣсномъ союзѣ, но такъ какъ они подобнаго полномочія не имѣютъ, то сословія съ своей стороны не считаютъ нужнымъ просить о чемъ нибудь посланниковъ. Въ отвѣтъ на это заявленіе австрійцы молча вышли изъ залы. Въ сеймовые протоколы было внесено слѣдующее постановленіе: «такъ какъ отъ королевства венгерскаго пословъ не было, послы же отъ эрцгерцогствъ ни о чемъ не просили ни короля, ни сословій, поэтому статью о конфедерации съ Венгріей и Австріями считать поконченной».

Послѣ этого бургграфъ внесъ статью о сѣздахъ.

Помѣстные сѣзды, нѣчто въ родѣ старопольскихъ сеймиковъ, существовали въ Чехіи до возстанія 1547 года, послѣ чего они были строго воспрещены. На сеймѣ 1609 года чины добились того, что дефензорамъ было предоставлено право собирать сѣзды въ Прагѣ; теперь подобно требовали распространенія этого права на каждый край, что было особенно важно для нихъ при разгарившейся религіозной борьбѣ. По выслушаньи внесенія сеймъ постановилъ: «такъ какъ земская конституція и сеймовыя рѣшенія строго воспрещаютъ помѣстные сѣзды, то сеймъ остается при существующихъ порядкахъ» (1).

---

(1) О сеймѣ 1615 года — Slavata. II. 193—198. Ср. Gindely. «Dějiny». I. 90—96. Изъ постановленій сейма 1615 особенно оригинально о чешскомъ языкѣ въ королевствѣ. Оно направлено противъ нѣмцевъ и крайне нетерпимо ко всему нечешскому. Что вызвало подобное постановленіе, не понятно: самъ Турнъ плохо говорилъ почешски; вожди подобоевъ присутствуютъ при закладкѣ церкви пражской нѣмецкой общины въ 1611 году (Skala. I. 325), а между тѣмъ язычный законъ 1615 года страшно негодуетъ на эту общину: «нѣкоторые обыватели Праги составили общину и называютъ ее нѣмецкой; но въ тѣхъ королевствѣхъ не признается никакая иная община, кромѣ чешской; поэтому всѣ тѣ, которые признаютъ себя членами названной нѣмецкой общины и при томъ столь наглы, что упорствуютъ на своемъ, подлежатъ тому же наказанію», т. е. изгнанію, на-

Только одна статья изъ столь страшныхъ для Матвѣя статей 1611 года, послѣдняя и наименѣе важная -- объ обновленіи договоровъ, прошла на сеймѣ: чины рѣшили просить короля поспѣшить съ обновленіемъ старыхъ договоровъ съ сосѣдями -- результатъ, далеко не соответствовавшій общимъ ожиданіямъ подобоевъ.

Понятно, какъ ликовали Матвѣй и друзья старой церкви послѣ этой сеймовой неудачи своихъ противниковъ. Неудача эта была тѣмъ значительнѣе, что она придавала силу вызывающимъ дѣйствіямъ католиковъ: если прежде они хотя нѣсколько сдерживались страхомъ предъ генеральнымъ сеймомъ, то теперь этому страху мѣста не было, и это не могло не сказаться сейчасъ же.

Дефензоры представили на сеймъ жалобы отъ обывателей Врумова, Страшець, Гроба и др. мѣстъ о притѣсненіяхъ со стороны католиковъ и просили у сейма указаній, какъ имъ дѣйствовать. Сеймъ на основаніи представленныхъ жалобъ написалъ протестъ на имя короля. Чины прежде всего указывали Матвѣю, что они еще не забыли о подтвержденіи имъ маестата, соглашенія и остальныхъ земскихъ привилегій, а затѣмъ переходили къ изложенію жалобъ. «Въ своихъ отношеніяхъ къ католикамъ подобои всегда и на каждомъ мѣстѣ обращали строгое вниманіе, чтобы не дано было ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, имѣя одну цѣль -- общій миръ въ землѣ, и не сомнѣвались, что и большинство католиковъ преслѣдуетъ тѣже цѣли. Но на дѣлѣ не всегда было такъ. Между представляемыми жалобами на притѣсненія особенно важны двѣ. Одна отъ жителей Гроба, крестьянъ архіепископа пражскаго, которые изстари были подобои. Архіепис-

---

равнѣ съ тѣми, которые пренебрегаютъ чешскимъ языкомъ при встрѣчѣ на улицахъ и т. д. Подлинникъ у Скалы (I 355—358), нѣмецкій переводъ у Пельцеля въ статьѣ: «Geschichte der Deutschen und ihrer Sprache in Böhmen» въ «Neuere Abhandlungen d. k. b. Gesell. d. Wissensch.» (I. 1791. 292—294). Скала, Пельцель, Колларъ («Slavy dcera» II. 169) весьма до-вольны этимъ закономъ; Гиндели старается смягчить его и указываетъ его бесплодность. («Dějiny». I. 97 и слѣд.).

скопъ приказалъ запечатать ихъ церковь, построенную ими на ихъ кровный грошъ и управляемую священникомъ изъ нижней консисторіи. Другая жалоба — что архіепископъ на многихъ мѣстахъ вашего величества — въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, удалилъ священниковъ нашей подобойской вѣры. Насколько помнятъ люди, на тѣхъ мѣстахъ были всегда посылаемы священники отъ нашей нижней консисторіи, а архіепископъ въ противность этому поназначалъ туда католическихъ священниковъ. Бѣдные крестьяне умоляютъ о справедливой защитѣ и горько жалуются на эти нарушенія стародавняго порядка, маестата и сеймовыхъ постановленій, каковую вину мы впрочемъ не относимъ къ вашему величеству». При этомъ сословія ссылались на извѣстное мѣсто мандата 1612 года, ограничивавшее власть архіепископа на королевскихъ коллатурахъ, и слагали всю вину на архіепископа: «онъ вышелъ изъ границъ». «Кромѣ того есть еще великая жалоба на аббата брумовскаго: всячески препятствовалъ онъ монастырскимъ крестьянамъ постройку церкви и затѣмъ воспретилъ служеніе въ ней. Много разъ они жаловались дефензорамъ и просили о защитѣ. Если бы они не были защищены во время, то могли бы возникнуть серьезныя непріятности для вашего величества. Съ другими жалобами вы ознакомитесь изъ прилагаемаго у сего списка. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ — заключали чины — мы не перестаемъ умолять ваше величество милостиво оставить насъ и всю сторону подобойскую, исповѣдывающую чешскую конфессію, при маестатѣ, вами подтвержденномъ, при соглашеніи и сеймовомъ постановленіи 1608 и 1610 годовъ, при всемъ этомъ насъ защищать, а архіепископу, аббату брумовскому и другимъ, поименованнымъ въ спискѣ лицамъ, воспретить нарушать законы, тѣснить или принуждать къ перемѣнѣ вѣры подобоевъ. Но если бы подобныя притѣсненія въ дѣлѣ вѣры не прекратились, то мы, выгораживая особу вашего величества, вынуждены будемъ обратиться къ самозащитѣ, указанной маестатомъ и сеймовымъ постановленіемъ, противъ каждаго — все равно, будетъ-ли это духовное или свѣтское лицо» (1).

(1) «Apol. dr.». № 82. 296—301. Skala. I. 350—358

Но ни внушительный тонъ протеста, ни угроза прямого возстанія — «самозащиты», не произвели желаннаго дѣйствія на Матвѣя.

Мы видѣли, что посланнаго архіепископомъ въ концѣ 1614 года въ Страшецы католическаго священника жители попросили обратиться. Архіепископъ жаловался на своеволие крестьянъ въ комору, и вслѣдствіе этой жалобы многіе изъ нихъ были взяты въ тюрьму, а у общины были отняты печать и всѣ пожалованья. Но конечное сужденіе о страшецкомъ дѣлѣ было отложено на-послѣ. И вотъ, когда генеральный сеймъ былъ закрытъ (3 октября), когда подобои потерпѣли на немъ неудачу, состоялся окончательный приговоръ. Въ началѣ февраля 1616 года Матвѣй приказалъ объявить страшецкимъ крестьянамъ, что «хотя они своею тяжкою виной, для примѣра и острастки другимъ, заслуживали бы наказанія болѣе строгаго, но, принимая во вниманіе ихъ раскаяніе и ходатайство о нихъ президента коморы, онъ, король, прощаетъ имъ ихъ тяжкую вину и возвращаетъ всѣ привилегіи и пожалованья, кромѣ одного — о варкѣ пива». Но это прощеніе не простиралось на всѣхъ: примасъ, писарь, бурмистръ и нѣкто Вацлавъ Турекъ, какъ зачинщики, были приговорены къ вѣчному изгнанію изъ Страшець (1).

Это былъ первый отвѣтъ Матвѣя на протестъ сейма 1615 г., протестъ между прочимъ по страшецкому дѣлу. Крестьяне были обвинены, лучшіе изъ нихъ пошли въ изгнаніе, а Матвѣй поставлялъ еще особенно на видъ, что «по врожденному милосердію своему» онъ осудилъ милостиво: «многіе изъ ихъ — говорить онъ — заслужили вполне смертной казни».

Второй отвѣтъ послѣдовалъ въ слѣдъ за первымъ. Уѣзжая въ Вѣну въ апрѣлѣ 1616 года, Матвѣй пригласилъ къ себѣ въ брандыскій замокъ изъ Праги трехъ дефензоровъ: Турна, Гершторфа и Когоута. Когда тѣ явились, онъ приказалъ имъ оставить всякія дальнѣйшія препирательства о церковныхъ имѣніяхъ и королевскихъ коллатурахъ. «Мы разсмотрѣли — сказалъ король, что вы представили намъ относительно гробскихъ и

(1) «Apol. dr.». № 68. 266—271.

брумовскихъ крестьянъ и что отвѣтила на это противная сторона. Мы не можемъ найти нигдѣ, чтобы крестьянамъ было дозволено строить церкви на церковныхъ земляхъ. Что же касается назначенія на приходы на нашихъ помѣстьяхъ, то мы не ждаемъ быть меньше cadaго изъ васъ: вамъ вѣдь вольно брать себѣ священниковъ и отъ архіепископа» (1). Дефензоры были поражены словами короля: Турнъ и Гершторфъ стали возражать, но говорили нескладно; Когоуть молчалъ. Турнъ попросилъ дать ему только что слышанный отвѣтъ на бумагѣ; Матвѣй общалъ, но канцлеръ Лобковиць не исполнилъ приказанія.

Быстро слова Матвѣя облетѣли всю землю, и подобои съ ужасомъ увидѣли, что незаконный порядокъ вещей, установившійся въ землѣ въ послѣдніе три, четыре года, возводился въ законъ, что власть открыто пошла противъ нихъ. Даже умѣренные подобои, входившіе въ составъ правительства, не могли не замѣтить Матвѣю, что его отвѣтъ, данный въ Брандисѣ, противорѣчитъ земскимъ законамъ 1609 года въ обѣихъ своихъ частяхъ, и просили короля о мирѣ — о прекращеніи подобныхъ притѣсненій, какія были въ Брумвѣ или Гробѣ (2), — но ходатайство не имѣло успѣха. Подобоямъ вспоминалось невольное время Рудольфа, и оно казалось отраднѣй: оставалась одна надежда — надежда на болѣе или менѣе близкую смерть стараго и бездѣтнаго Матвѣя, когда такимъ образомъ престолъ очистится отъ габсбурга, когда подобоямъ представится возможность избрать новаго короля по своему вкусу. Подобои помнили общаніе Матвѣя, что при жизни своей онъ не подыметъ вопроса объ избраніи новаго короля, т. е. не допустить того порядка вещей, который установился между 1608—1611 годами, когда въ одно и то же время былъ и король, и ёканес королевства: «мы обязываемся сохранять порядокъ и стародавніе обычаи чеш-

(1) Gindely. «Dějiny». I. 103. У Свалы (II. 16) и Славаты (II. 89) отвѣтъ кратче.

(2) Gindely. «Dějiny». I. 117. Отъ 25 февраля 1617 года.

скаго королевства» — говорилъ Матвѣй въ своей записи послѣ коронованія.

Но въ то самое время какъ подобои предавались этимъ приятнымъ мечтамъ, 1 мая 1617 года вышелъ королевскій указъ о созваніи сейма на 5 іюня. «Заботясь о благѣ и пользѣ королевства, всѣхъ трехъ сословій и обывателей, вѣрныхъ и послушныхъ подданныхъ нашихъ, мы — объявляль Матвѣй — опредѣлили начать съ вами переговоры о преемникѣ и будущемъ королѣ чешскомъ на случай, если бы Господу Богу угодно было отозвать насъ изъ этого свѣта безъ наслѣдниковъ мужескаго пола» (1). Неожиданное поднятіе Матвѣемъ вопроса о преемникѣ, поспѣшность, съ которой созывался сеймъ, предупрежденіе, что если кто и не прибудетъ на сеймъ и такимъ образомъ пренебрежетъ волей короля, то это не сможетъ помѣшать избранію, — все это крайне поразило подобоовъ. Наконецъ, было небезизвѣстно, кто прочился Матвѣемъ въ преемники, хотя въ созывательномъ указѣ объ этомъ благоразумно умалчивалось.

Долго Матвѣй не покидалъ надежды имѣть сына, но проходили года, а наслѣдника не было. Католики ужасались, что Матвѣй умретъ безъ преемника, и тогда наслѣдственные земли габсбурговъ, и прежде всего Чехія и Венгрія, легко отойдутъ. Ужасались особенно чешскіе католики, зная хорошо расчеты своихъ противниковъ, связанные со смертью бездѣтнаго короля. Всякое напоминаніе о преемникѣ раздражало Матвѣя, и потому вопросъ этотъ обходился, пока, наконецъ, королевскій братъ Максимилианъ, старшій искатель коронъ польской и московской, не рѣшился въ особой запискѣ представить Матвѣю всю опасность для габсбургскаго дома его напрасной надежды имѣть сына — наслѣдника. Отрекаясь отъ своихъ правъ на престолъ, Максимилианъ указывалъ на Фердинанда штирійскаго, какъ на единственнаго желательнаго преемника. Матвѣй согласился съ представленіями брата, и Максимилианъ поспѣшилъ въ Брюссель, чтобы склонить брата Альбрехта къ отреченію въ пользу своего

(1) Skala. II. 26.

кандидата. Альбрехтъ охотно далъ отреченіе. Оставался еще Филиппъ испанскій, но его умирили при помощи денегъ (1).

Съ отреченіями въ рукахъ, въ началѣ мая 1617 года прибылъ Максимилианъ въ Прагу, въ сопровожденіи Фердинанда къ сейму.

Имя Фердинанда было зло извѣстно протестантскому міру. Воспитанникъ іезуитовъ и фанатички матери, онъ еще юношей вступилъ въ управленіе своими наслѣдственными землями — землями словенцевъ: Штиріей, Краиной, Хорутаніей, гдѣ при его отцѣ Карлѣ свободно ширилось ученіе Трубара, Далматина, и тотчасъ же принялся за антиреформацію. Реформаціонная комиссія, съ «краинскимъ апостоломъ» — епископомъ люблянскимъ Хрѣномъ, во главѣ, въ сопровожденіи жандармовъ, объѣзжала поэтическія горы словенцевъ и приводила народъ въ католичество. Евангелическіе проповѣдники были изгнаны, а для взраженія непокорныхъ были воздвигнуты повсюду висѣлицы. Словенскія книги отбирались и сожигались. Въ Грацѣ, Люблянѣ, іезуиты предали огню десятки тысячъ книгъ, и народная словенская литература, заложенная Трубаромъ, Далматиномъ, остановилась на-долго. Къ концу втораго десятилѣтія XVII вѣка уже не было ни одной евангелической деревеньки въ землѣ словенцевъ (2).

Съ восторгомъ взглянули на это «восходящее солнце» (3)

---

(1) Записка отъ 19 февраля 1616 г. — Slavata. II. 253—257. Формальныя отреченія отъ 6 іюня 1617. ib. 263. Skala. II. 19—24. Переговоры велись въ глубокой тайнѣ, такъ какъ наслѣдственность чешской короны была сомнительна. Подобныя провѣдали о нихъ случайно. ib. 25—26.

(2) Valvazor. «Die Ehre des Herzogthums Crain». Laybach. 1689. II. гл. XIV. 462—470. Jener Trdina. «Zgodovina slovenskega naroda». Ljubljana. 1868. 111—114. J. Parapat. «Letopis mesta Kranjskega» въ журналѣ матицы словенской: «Letopis za 1870». 118—121. J. Маска. «Kratka pregled slovenske literature». 9. Šafařík. «Geschichte der südslavischen Literatur». I. 2—17. «Naučný Slovník», статья: «Jihoslovane». IV. 312. 313. S. Ljubić. «Ogledalo knjiž. poviesti». II. 539—559. Характеристика Фердин. см. въ обвиненіяхъ директоровъ на сеймѣ въ Прагѣ, 17 авг. 1619. Skala. III. 241. 245—258.

(3) «Slunce vycházející». Skala. II. 16.

католики, съ ужасомъ подобои, когда земля узнала объ избирательномъ сеймѣ 5 іюня 1617 года.

Можно было ожидать, что подобои употребятъ все свои усилія, чтобы кандидатура Фердинанда провалилась на сеймѣ и дадутъ дружный отпоръ злымъ замысламъ католиковъ, — но не такъ оказалось на дѣлѣ: Фердинандъ прошелъ легко, и подобои, даже вопреки своему обыкновенію, говорили немного противъ опаснаго для нихъ кандидата.

Чтобы обезпечить кандидатуру Фердинанда, Максимилианъ въ своей запискѣ совѣтовалъ Матвѣю предложить вопросъ о ней на обсужденіе чешскимъ католикамъ, «ибо, несомнѣнно, они могутъ дать не только много дѣльныхъ указаній, но и сдѣлать всякія полезныя *prolegatoria*». Еще до открытія сейма подобои, занимавшіе земскія должности, были приглашены въ придворную канцелярію, и здѣсь имъ посовѣтовали не противиться «пріятію» Фердинанда и дать свой голосъ въ пользу его на сеймѣ. Большинство изъ боязни дало свое согласіе, и только немногіе возражали, что не уместно входить въ преждевременную сдѣлку въ вопросахъ, касающихся всей земли. Послѣднія слова крайне озлобили канцлера Лобковица и его пріятелей, и они замѣтили, что кто не о двухъ головахъ, тотъ пусть не суется въ тяжбу съ королемъ и не разжигаетъ общества противъ него (1).

Послѣ этихъ пріуготовительныхъ мѣръ, католики спокойно встрѣтили 5 іюня — день сейма.

Въ 7 часовъ утра канцлеръ, по порученію короля, пригласилъ къ себѣ снова высшихъ чиновниковъ, земскихъ судей, совѣтниковъ. Явились все, за исключеніемъ Турна и Колонны Фельзескаго. Канцлеръ предложилъ имъ изготовленное предложеніе короля къ сейму и просилъ каждого высказать свое мнѣніе. Все приглашенные отвѣчали полнымъ одобреніемъ, — одинъ только Вильгельмъ Лобковицъ, изъ дефензоровъ, отказался дать свое мнѣніе: «сеймовое предложеніе принадлежитъ сейму, и тамъ я скажу свое мнѣніе». Не смотря на угрозу канцлера, онъ стоялъ на своемъ. Тогда Вацлавъ Роуповъ, также изъ дефензоровъ,

(1) Skala. II. 27. 28.

непнулъ рядомъ съ нимъ сидѣвшему Тальмберку на ухо: «сословія имѣютъ право на свободный выборъ короля, а въ предложеніи говорится только о принятіи Фердинанда; это противорѣчить свободамъ королевства», и просилъ его заговорить въ этомъ смыслѣ. Дѣйствительно, Тальмберкъ всталъ и заявилъ, что онъ не согласенъ съ предложеніемъ, такъ какъ сословія вольны избирать короля, а не просто принимать. Услышавъ это, бурграфъ Штернберкъ неспѣшилъ замѣтить Тальмберку: «Боже, избави! тотъ долженъ быть о двухъ головахъ, кто сталъ бы говорить въ такомъ смыслѣ»; но ораторъ отвѣчалъ, что измалъ онъ привыкъ слышать, что сословія имѣютъ право на свободное избраніе короля и потому надѣется, что онъ ни въ чемъ не погрѣшилъ своими словами. Въ эту минуту вѣшался въ разговоръ канцлеръ, заранѣе приготовившійся къ документальному опроверженію притязаній подданныхъ на свободное избраніе короля. «Такъ, такъ, любезный мой своякъ — сказалъ Лобковицъ Тальмберку — мы, чехи, хвастаемся предъ иностранцами, что имѣемъ знатныя свободы, свободное избраніе короля; но если бы понадобилось это доказать, то намъ пришлось бы плохо, такъ какъ такой свободы не полагается въ привилегіяхъ королевства». Здѣсь канцлеръ предложилъ собранію золотую буллу Карла IV, по которой «избраніе короля имѣетъ мѣсто въ единомъ случаѣ — при вымереніи династии въ мужеской и женской линияхъ»; маестатъ Владислава 1510 года, гдѣ сказано, что по смерти «принятаго» короля Людвигъ «истинной наслѣдницей королевства остается дочь наша княжна Анна»; наконецъ маестатъ Фердинанда, мужа княжны Анны, отъ 1545 г., въ которомъ тотъ говорилъ, что сословія «жену нашу признали и приняли истинной наслѣдницей и королевой этого королевства»⁽¹⁾. Къ удивленію, противъ доводовъ Лобковица никто не возражалъ, и самъ возбудившій эти прѣнія, Тальмберкъ, объявилъ канцлеру, что онъ

---

(1) Цитаты канцлера у Славаты. II. 159—261; тамъ же и о прѣніяхъ въ канцеляріи. Очевидно, Лобковицъ былъ неправъ: стоитъ только вспомнить запись Фердинанда I, при избраніи его: «...cognovimus et conperimus, quod praefati status et communitas illius regni non ex aliquo

теперь отказывается от своих словъ, что для него вѣдъ спора наследственность габсбурговъ на корону св. Вячеслава. Въ томъ же смыслѣ говорили и другіе. Даже старый Будовець, горячій бранитель старыхъ правъ сословіи, молчалъ.

Побѣда католиковъ на сеймѣ была уже обезпечена этими памятными прѣвіями въ канцеляріи. Всѣ присутствовавшіе отправились въ сеймовую залу, гдѣ представители земли ждали короля. Въ 9 часовъ утра явился и Матвѣй, въ сопровожденіи Максимилиана и Фердинанда. Король прежде всего поблагодарилъ сословія за прибытіе на сеймъ (сеймъ былъ особенно многочисленъ), а затѣмъ второй земскій писарь прочелъ королевское предложеніе. Матвѣй объявлялъ сословіямъ, что онъ помнить ихъ постоянно-вѣрную службу, преданность престолу, и потому считаетъ себя обязаннымъ отцовски озаботиться о томъ, чтобы королевство со всѣми его землями и на будущее время наслаждалось благами мира, чтобы между сословіями продолжали жить любовь и согласіе и было бы устранено то, что могло бы нарушить земскій миръ. «Вотъ почему—говорилъ Матвѣй, опасаясь, чтобы въ случаѣ моей смерти земля не осталась безъ головы, чтобы не пошли въ слѣдствіе того вредныя для нея перемѣны, я, по примѣру предковъ своихъ, желаю, чтобы еще за жизнь мою земля получила своего будущаго государя и такимъ образомъ избѣжала всякихъ раздоровъ и несогласій. Но такъ какъ Максимилианъ и Альбрехтъ уже люди преклонныхъ лѣтъ и бездѣтны, я полагаю наиболѣе полезнымъ для земли, чтобы двоюродный мой братъ Фердинандъ былъ принятъ и объявленъ королемъ (za krále přijat, vyhlášen a korunovan byl)». Прося сеймъ о «принятіи» Фердинанда и назначеніи возможно ближайшаго дня для коронаціи, Матвѣй предварялъ сословія, что за жизнь его Фердинандъ будетъ пользоваться только титуломъ, сословія же не обязываются ему повиновеніемъ, и новый король повиненъ

---

debito, sed ita prout supra scriptum est, eam electionem eligentes nos in regem Bohemiae ex libera et bona voluntate ipsorum hoc fecerant». Kolo u sek. «České státní právo». 198. примѣч. Критика знаменитаго масстата 1510 года о наследственныхъ правахъ Аниы. ib. 186—188. Skala. III. 238—240.

выполнить «все то, что дѣлали императоръ и другіе предшественники-короли по отношенію къ подтвержденію всѣхъ привилегій» (1).

По прочтеніи предложенія, бургграфъ Штернберкъ произнесъ рѣчь, въ которой выхвалялъ «добродѣтели» Фердинанда и просилъ сословія не замедлить «любезнымъ» отвѣтомъ. Этимъ окончилось первое засѣданіе сейма.

Если для католиковъ всякое обсужденіе королевскаго предложенія было излишне, ибо уже заранѣе они объявили себя за Фердинанда, то иначе отнеслись къ нему подобои. Они собрались въ карловой коллегіи и положили не допускать простаго «принятія», но требовать избранія, въ крайнемъ случаѣ настоять, чтобы рѣшеніе этого вопроса было отложено до общаго сейма, куда должны быть приглашены и депутаты отъ соединенныхъ земель, для выслушанья ихъ мнѣній. Но надо замѣтить, что на практикѣ эти «соединенныя» земли не имѣли права и никогда не участвовали въ избраніи короля, и потому было очевидно, что подобои желали только затянуть дѣло и выиграть время. Шликъ былъ избранъ сеймовымъ ораторомъ: онъ долженъ былъ выяснить сейму желанія пановъ. Была надежда, что и рыцари поддержать желанія пановъ, такъ какъ они были почти исключительно подобои.

На слѣдующій день, 6 іюня, происходило второе засѣданіе сейма. Оно началось тѣмъ, что Штернберкъ, какъ бургграфъ, первый объявилъ себя за «принятіе» Фердинанда и, напоминая сейму, что Фердинандъ въ случаѣ принятія обязуется въ теченіе четырехъ недѣль по смерти нынѣшняго короля дать запись на сохраненіе всѣхъ привилегій, маестатовъ, свободъ, просилъ его назначить коронованіе на 29 іюня. За бургграфомъ голосовали высшіе чиновники по старшинству, и всѣ подали голоса за «принятіе», за исключеніемъ Турна. Какъ бургграфъ карлштейнскій, онъ подавалъ голосъ послѣднимъ. «Я не могу согласиться съ мнѣніемъ Штернберка — сказалъ Турнъ, такъ какъ избраніе и принятіе новаго короля касаются не одного

(1) Текстъ у Славаты. II. 261—263; у Скалы II. 28—30.

чешскаго королевства, но и соединенныхъ земель; поэтому я полагаю бы вопросъ этотъ отложить до будущаго генеральнаго сейма. Самому Фердинанду желательнѣе было бы царствовать лично, нежели допустить разладъ между королевствомъ и его землями». Въ отвѣтъ на приведенные мотивы отказа Штернберкъ привелъ вчерашніе доводы канцлера противъ права сословій избирать короля и затѣмъ возражалъ, что соединенныя земли никогда не принимали участія въ принятіи короля: «нѣтъ ни одного примѣра, чтобы земли осмѣлились когда нибудь не признавать того, кого провозгласили своимъ государемъ чины королевства. Пожалуй, если бы рѣчь шла объ избраніи новаго короля, тогда еще можно было бы говорить о генеральномъ сеймѣ для всѣхъ земель». На эти злыя слова бургграфа Турнъ ограничился замѣчаніемъ, что такъ какъ каждому свободно руководиться тѣми соображеніями, которыя подсказываютъ ему разумъ и совѣсть, то онъ остается при своемъ прежнемъ мнѣніи. Послѣ этого голосовали земскіе судьи, совѣтники суда коморнаго и придворнаго. Всѣ они согласились съ мнѣніемъ бургграфа, за исключеніемъ Колонны Фельзескаго, который поддержалъ Турна; даже Вильгельмъ Лобковицъ подалъ голосъ за принятіе, прибавивши только, что необходимо, чтобы сословія-подобны были вполне обезпечены отъ Фердинанда въ свободѣ своего исповѣданія.

Теперь очередь подавать голоса принадлежала панамъ. Доселѣ на сеймахъ существовалъ обычай, что при сеймовыхъ рѣшеніяхъ каждое изъ трехъ сословій подавало одинъ общій голосъ; но, очевидно, такая тайная подача голосовъ была невыгодна для католиковъ: они знали, что рыцарство и многіе города были противъ простаго принятія, и потому легко могло случиться при тайной подачѣ голосовъ, что мнѣнія обоихъ этихъ сословій будутъ не въ пользу ихъ кандидата. Въ виду этого, бургграфъ рѣшился измѣнить тайную подачу голосовъ на открытую (1) и сталъ отбирать голоса отдѣльно отъ

---

(1) Нынѣшнее австрійское правительство руководствуется тѣми же принципами при выборахъ на сеймы.

каждаго изъ земскихъ представителей, начавши, конечно, съ пановъ.

Всѣ паны объявили себя за «принятіе» Фердинанда. Когда очередь дошла до Шлика, избраннаго, какъ мы видѣли, сеймовымъ ораторомъ отъ пановъ для внесенія протеста противъ простаго принятія, онъ, къ изумленію своихъ довѣрителей, сказалъ: «прежде я полагалъ, что чины имѣютъ право на свободное избраніе короля и притомъ виѣстѣ съ землями королевства, что потому необходимо отложить избраніе до генеральнаго сейма, но сегодня я убѣдился въ неосновательности моего мнѣнія и объявляю себя согласнымъ съ мнѣніемъ бургграфа». Такимъ образомъ, этотъ рыцарскій вождь подобоевъ оказался ниже тѣхъ довѣрцъ, которое онъ имѣлъ у своихъ: онъ струсилъ угрозы противниковъ. Утромъ, до начала засѣданія, Шликъ былъ приглашенъ къ своему родственнику, Коловрату, и тотъ притомъ совѣтовалъ ему озаботиться о себѣ и оставить другихъ. Затѣмъ побывалъ въ канцеляріи, гдѣ Лобковицъ и Штернберкъ представили ему знакомые намъ доводы противъ притязаній подобоевъ. Наконецъ, самъ Фердинандъ призвалъ его къ себѣ и посовѣтовалъ не выступать противъ него — чтобы не было худо. И Шликъ измѣнилъ своимъ.

Рыцари и депутаты отъ городовъ, за исключеніемъ рыцаря Каплира и мѣщанъ: Кохана изъ Праги и Гоштылка изъ Жатецка, подали голоса за принятіе Фердинанда, и, такимъ образомъ, кандидатура эрцгерцога прошла блистательно. Славата имѣлъ полное право сказать, что рѣшеніе сейма было единогласнымъ. Тогда же были избраны по 8 человекъ отъ cadaго изъ городовъ словій для внесенія только что состоявшагося рѣшенія въ земскія доски⁽¹⁾.

Когда 6 же іюня депутаты отъ сейма принесли поздравленіе новому королю, тотъ благодарилъ ихъ за довѣреніе.

(1) 6 іюня у Славаты. II. 264—274. О визитѣ Шлика у Фердинанда Gindely. I. 137. Скала не приводитъ скандальныхъ для Шлика обстоятельствъ, сложившаго виѣстѣ съ Будовцемъ голову на старомѣстской скале 21 іюня 1621 года. (II. 31).

сказалъ: «я буду помнить ваше довѣріе и постараюсь отблагодарить; если доведется мнѣ быть вашимъ государемъ, вы не будете имѣть повода быть недовольну мною» (1).

Извѣстно, какъ этотъ іезуитъ въ коронѣ отблагодарилъ побоевъ на старомѣстской плахѣ, спустя четыре года.

Въ засѣданіи 7 іюня, послѣ значительныхъ пререканій, было изготовлено сеймовое постановленіе о «принятіи» Фердинанда, а на другой день, въ присутствіи Матвѣя и обоихъ эрцгерцоговъ, оно было прочтено. Сеймъ постановлялъ, что Фердинандъ имѣеть быть коронованъ 29 іюня; при коронованіи онъ даетъ сословіямъ «присягу и обязательство» и подтверждаетъ «всѣ привилегіи, маестаты, свободы, права, уставъ земскій, стародавніе добрые порядки и обычаи, во всѣхъ ихъ статьяхъ, ничего не исключая, какъ это дѣлали нынѣшній король и его предшественники». Но такъ какъ такое подтвержденіе не могло имѣть мѣста при жизни Матвѣя, то сеймовое постановленіе обязывало Фердинанда дать его въ теченіе 4 недѣль по вступленіи на престолъ; въ обезпеченіе же этого обязательства и въ удостовѣреніе того, что онъ не будетъ вмѣшиваться до смерти Матвѣя въ управленіе королевствомъ, онъ даетъ при коронованіи сословіямъ запись (2).

Еще раньше, до принятія, Фердинандъ чрезъ канцлера передалъ сейму проэктъ записи; въ немъ онъ обѣщалъ чинамъ подтвердить маестатъ, соглашеніе и всѣ прочіе земскіе законы. Опираясь на этотъ проэктъ, подобно въ засѣданіи 7 іюня настояли, что въ сеймовое постановленіе о «принятіи» было внесено точно, что Фердинандъ сейчасъ же, при коронаціи, торжественно обѣщаетъ сословіямъ подтвердить всѣ привилегіи, маестаты и т. д., «не исключая ничего», между тѣмъ какъ въ первичной редакціи постановленія 7 іюня, составленной Славатою и Мартиницеиъ, это обязательство Фердинанда было выпущено. Нѣтъ сомнѣнія, что выпускъ этотъ былъ намѣренный, хотя Славата и старался извинить его предъ сеймомъ естественнымъ просмотромъ: «мае-

(1) Slavata. II. 274.

(2) 7 іюня—ib. 151; 8—ib. 275—279. Skala. II. 32. 35.

стать 1609 года не касался меня, какъ католика -- говорилъ онъ чинамъ; о полученіи я его не хлопоталъ, и потому мнѣ не для чего заботиться и о подтвержденіи его». Дѣйствительно, если Славата заботился — такъ это объ уничтоженіи ненавистнаго католикамаъ маестата. Явившись къ канцлеру-епископу Блезлю, онъ указывалъ ему, что теперь настало время отдѣлаться отъ маестата: пусть только Фердинандъ условно согласится на подтвержденіе маестата, а подобои должны будутъ успокоиться. Фердинандъ соглашался принять дружескій совѣтъ Славаты, но противъ этого возсталъ самъ епископъ: «если эрцгерцогаъ оставляетъ въ сторонѣ корону нѣмецкую, тогда онъ можетъ показать свою преданность вѣрѣ». Понятно, какъ тяжело было Фердинанду дать требуемое отъ него сеймомъ обязательство, и онъ долго колебался. Подъ конецъ онъ обратился къ іезуитамъ съ вопросомъ: можетъ-ли онъ подтвердить маестатъ безъ вреда своей совѣсти, и іезуиты отвѣчали утвердительно: «эрцгерцогаъ не могъ бы дать маестата, но подтвердить его можетъ, если только иначе нельзя достигнуть престола». Тогда только Фердинандъ рѣшился подтвердить⁽¹⁾.

28 іюня Фердинандъ далъ эту трудную записку, а на слѣдующій день происходило торжественное коронаваніе, закончившееся блестящимъ пиромъ, на которомъ новый король съ притворной улыбкой на лицѣ пилъ за здоровье своихъ новыхъ подданныхъ-гостей, католиковъ и подобоевъ безъ различія, и въ то же самое время обдумывалъ планъ мести тѣмъ немногимъ изъ подобоевъ, которые были противъ принятія его⁽²⁾.

Итакъ, престолъ «еретическаго» королевства былъ упроченъ за безупречнымъ католикомъ, минувшая жизнь котораго ручалась за успѣшный исходъ религіозной антиреформаціи земли. Матвѣи и католики могли успокоиться за будущее. Увѣренные въ себѣ,

---

(1) Slavata. II. 153. Письмо Славаты къ Мартиницу отъ 1646 года Gindely. «Dějiny». I. 142.

(2) Записка и коронація — Slavata. II. 280—289. Skala. II. 32—35. После коронаціи въ народъ были бросаемы жетоны съ законопической надписью: «legitime certantibus». Sl. II. 288. Sk. II. 35.

они еще рѣшительнѣе пошли противъ подобоевъ, которые являли въ себѣ уже ясныя признаки своей политической несостоятельности, носили зародышъ своей будущей гибели.

Юньскій сеймъ показалъ во-очію, какую негрозную силу представляли сами по себѣ сословія-подобои, какъ нетрудно съ ними справиться, если только взятыя умѣючи, а между тѣмъ съ ними одними, сословіями, и нужно было считаться католикамъ. Народъ, масса подобоевъ, былъ безъ политическихъ правъ и потому не могъ и не имѣлъ значенія. Мы видѣли, что когда при вторженіи пассовскаго войска въ столицу народъ было поднялся и сталъ расправляться съ единомышленниками врага — католиками, сословія-подобои поспѣшили унять народъ, казнили нѣсколькихъ чедовѣкъ: сословія услышали, что народъ осмѣлился называть себя «четвертымъ сословіемъ». Въ продолженіе всей религіозной борьбы XVII вѣка мы вездѣ и всегда видѣли на сценѣ дѣйствія сословія, временами косо посяматривающія другъ на друга, и нигдѣ и никогда не видѣли народа. Ревнивое отношеніе сословія прежде всего къ своимъ правамъ и свободамъ уничтожало возможность желаннаго единенія народа-подобоя и сословія-подобоевъ, скрѣпленія этихъ взаимно пополняющихъ силъ, какъ это было напр. въ эпоху гуситскихъ войнъ, и въ рѣшительную минуту борьбы мы видимъ: народъ особнякомъ, сословія — особнякомъ. А между тѣмъ въ рукахъ самихъ сословія было нетрудное средство предупредить трагическую для себя развязку: дай они народу нѣсколько политическихъ правъ, они тѣмъ самымъ связали бы тѣсно свое дѣло съ дѣломъ народа, и іезуитскія махинаціи католиковъ были бы безсильны сломить союзъ сословія съ народомъ, основанный на сугубой свободѣ — религіозной и политической. Это политическое поднятіе меньшей братіи было тѣмъ естественнѣе для сословія-подобоевъ, что оно вполне отвѣчало бы завѣтнымъ стремленіямъ братской общины — всецѣлому уравненію людей во всемъ во имя Христа (1). Но,

---

(1) Исходя изъ есеологической точки зрѣнія равенства людей, Коленскій въ своей «Дидактикѣ» пришелъ къ знаменитому началу педагогіи: всякій чедовѣкъ долженъ учиться, безъ различія состоянія и способностей

помимо этого, въ средѣ самихъ сословій подобовъ не прекращалась старая рознь, поддерживаемая католиками послѣ 1609 года. Въ 1611 году дефензоры строго навазали хрудимскаго декана, когда онъ несправедливыми жалобами оскорбилъ братскихъ членовъ консисторіи; но въ 1617 году самъ администраторъ распространялъ среди своихъ анонимныя пасквили, направленные противъ дефензоровъ и братскаго духовенства. Въ немъ священники изъ общины обвинялись въ еретическомъ ученіи о лицѣ Іисуса Христа, въ непризнаніи администратора, сама община — въ отдѣленіи себя отъ остальныхъ подобовъ, въ вытѣсненіи небратскихъ священниковъ изъ подобойскихъ приходоу, въ безконтрольномъ печатаніи своихъ еретическихъ книгъ. Община вынуждена была протестовать противъ администраторскаго пасквиля и указать администратору, что лучше бы онъ смотрѣлъ за собой, за «своею совѣстью», вмѣсто того чтобы нарушать миръ, и не посягалъ бы на совѣсть ближняго (1).

Нѣтъ ничего удивительнаго, если католики, упрочивъ престолъ за Фердинандомъ, «который и любовь отъ природи имѣлъ къ чешскому королевству, и особливими дарами надѣ-

---

«У всѣхъ людей, сколько ихъ ни родится на свѣтѣ, одна и та же цѣль — быть людьми, т. е. быть созданнымъ разумнымъ, господиномъ тварей, образомъ божьимъ. Всѣмъ надлежитъ потому упражняться въ ученіи, правдѣ и благочестіи, чтобы всѣ были приготовлены къ той жизни, къ которой всѣ стремятся: у Бога нѣтъ лицемерія». «Didaktika». кар. IX. пражскаго изданія 1872 г. стр. 51. Также кар. VI. стр. 38. У гернгутеровъ, достойныхъ наследниковъ братской общины, начало равенства строго блюдется и въ общей усыпальницѣ людей. Въ 1869 г. мнѣ довелось побывать въ гернгутерскихъ селахъ въ Лужицахъ въ Саксоніи. Я несколько обратилъ вниманіе на устройство кладбищъ. Могилы въ нѣсколько параллельныхъ рядовъ; всѣ онѣ одного вида и величины, съ однообразной надписью: такой-то, родился тогда-то, отошелъ къ Отцу Небесному тогда-то. Сейчас по зарытіи послѣдней могилы, тутъ-же, отступя определенное разъ на-всегда пространство, выкапывается новая могила, и ждетъ она очереднаго покойника. Никто не можетъ отступить отъ обряда. Никакой разницы между могилой бѣдняка и богатаго..

(1) Skala, II. 43—59. Объ интригахъ католиковъ среди подобойскаго духовенства — «Apol. dr.». 19.

лень отъ Господа Бога (1), пошли на проломъ противъ законовъ 1609 года.

Мы видѣли, какую ничтожную оппозицію встрѣтилъ на сеймѣ Фердинандъ; но это не удержало его, чтобы не отомстить тѣмъ немногимъ, что были противъ него. Сейчасъ же по окончаніи сейма Коханъ былъ лишенъ должности новомѣстскаго писаря, Гоштялекъ — примаса въ Жатцѣ. Но эта отместка была ничтожна: надо было отомстить бургграфу карлштейнскому, Турну, а сдѣлать это было не такъ легко. Прямо лишить Турна бургграфства правительство не могло: высшіе чиновники были несмѣняемы, и земскій уставъ допускалъ одно повышеніе ихъ. Правительству оставалось ждать случая, когда можно будетъ повысить Турна — и такимъ образомъ лишить его должности, дававшей ему и хорошіе доходы, и опасный почетъ: бургграфъ хранилъ корону, регалии, земскіе законы. Случай этотъ вскорѣ представился. Въ октябрѣ 1617 года умеръ коморникъ королевства, Янъ Сезима. Въ должность коморника былъ назначенъ земскій судья Тальмбергъ, на мѣсто этого — придворный судья Славата, на мѣсто Славаты — Турнь; бургграфство же карлштейнское было вручено Мартиницу. Турнь понималъ, что значить новое повышеніе и просилъ товарищей своихъ исходатайствовать ему оставленіе въ прежней должности. Въ крайнемъ раздраженіи на враговъ, онъ объявилъ, что скорѣй откажется отъ службы, чѣмъ приметъ новое назначеніе; но Славата, къ которому онъ обратился съ просьбой о содѣйствіи, отсоветовалъ ему оскорблять короля. Турнь рѣшился лично просить Матвѣя объ отиѣнѣ назначенія. Когда повышенные чиновники представлялись королю, Турнь обратился къ нему съ такою рѣчью: «профессія моя — военное дѣло; занимая должность бургграфа карлштейнскаго, замокъ Карлштейнъ — драгоцѣнный палатіумъ королевства, ввѣренный мнѣ со всѣмъ тѣмъ, что въ немъ хранится, я служилъ такъ, что никто не могъ жаловаться на меня и полагаю, что и на будущее время съ не меньшею ревностью я могъ бы служить; поэтому нижайше прошу ваше величество

(1) Постановленіе 7 іюня.

оставить меня при бургграфствѣ, а на должность судьи назначить болѣе способнаго: я не свѣдущъ въ правѣ и уставѣ земскомъ, да и не силенъ въ чешскомъ языкѣ» (1).

Матвѣй отвѣчалъ отказомъ, Турнь озлобился пуще прежняго: еще въ 1614 году онъ замышлялъ сверженіе габсбурга, теперь оно стало для него завѣтомъ.

Въ октябрѣ 1617 года уѣхалъ изъ Праги Фердинандъ, чтобы позаботиться о коронахъ венгерской и нѣмецкой, а въ декабрѣ Матвѣй, поручивши управленіе 11 намѣстникамъ; только трое изъ нихъ принадлежали къ подобоямъ: Тальберкъ, Мрацкій и Гершторфъ, остальные были католики: Штернберкъ, Денольтъ Лобковицъ, Славата, Мартиницъ и др. Турнь былъ обойденъ. Новое намѣстничество сейчасъ же энергически принялось за подобоевъ и прежде всего — за городское сословіе.

Въ ноябрѣ вышла «еще никогда не слыханная» полицейская инструкція королевскимъ судьямъ въ городахъ, стремившаяся поставить въ возможно большую зависимость третье, наиболѣе слабое сословіе отъ придворной канцеляріи. Инструкція была издана отъ имени короля. «Судьи наши обязываются присягой намъ, наслѣдникамъ и будущимъ королямъ чешскимъ и находятся въ вѣдѣніи нашей канцеляріи. Они участвуютъ въ засѣданіяхъ коншеловъ и занимаютъ первое мѣсто; бурмистръ оказываетъ имъ всяческое уваженіе и побуждаетъ къ тому же другихъ. Въ судахъ и другихъ установленіяхъ они участвуютъ лично, пользуясь правомъ голоса, и вездѣ и во всемъ преслѣдуютъ пользу и добро наше. Бурмистръ и коншелы имѣютъ право созывать общину на сходку не иначе, какъ съ разрѣшенія судьи. Гдѣ только есть особливныя общины, церковныя или мірскія, состоящія въ вѣдѣніи власти или нѣтъ, онѣ не могутъ, безъ согласія судьи, собираться на сходъ или созывать своихъ сосѣдей. Судья съ понятими повѣряетъ суммы общинныя, задушныя (2), госпитальныя и др.; для того, чтобы фундаціи не гибли, но употреблялись согласно волѣ завѣщателей, онъ тре-

(1) Slavata. II. 68—73.

(2) Zádouží — вкладъ на церковь.

буеть отъ коллаторовъ церквей, распорядителей задушными, госпитальными и др. суммами точныхъ свѣдѣній о томъ, какія фундаціи существуютъ при церквяхъ, кѣмъ и на что завѣщаны и какъ употребляются, при чемъ онъ имѣеть право разсматривать вниги и завѣщанія въ оригиналѣ».

Подобойскія общины Стараго Мѣста протестовали противъ этого вмѣшательства судьи въ свои церковныя дѣла. «Повѣрка общинныхъ суммъ — вещь новая; къ стати-ли, чтобы люди враждебной намъ вѣры вмѣшивались въ наши дѣла? Воспрещеніе сходоу предполагаетъ, что наши собранія были по чему-то подозрительны, тогда какъ мы заботились только о нуждахъ церкви, прихода, школы и не касались политическихъ дѣлъ. Если мы подчинимся королевскому судью, то этимъ умалется свобода третьяго сословія: судья не помѣщикъ, да и сельчане, люди крѣпостные, собираются на сходъ безъ особаго разрѣшенія помѣщика. До сихъ поръ приходскія общины руководились совѣстью, и подлога не было; если судью предоставляется право повѣрять церковныя вклады, то это противно уставу земскому и маестату: предъ нами выговорили себѣ у королей право, что всѣ ихъ старомѣстскія коллатуры состоятъ въ ихъ исключительномъ распоряженіи, и ни король, ниже судья не измѣняютъ въ нихъ ничего» (1).

Но протестъ остался безъ послѣдствій.

Въ слѣдъ за инструкціей послѣдовали цензурныя мѣры. Первые попытки установить цензуру относятся къ XVI вѣку. Уже Фердинандъ усмотрѣлъ безполезность цензуры для внигъ братской общины. При Рудольфѣ развитіе цензуры пошло далѣе: она свирѣпа была въ Моравіи, гдѣ братскія книги конфисковались массами, а печатники подвергались «достаточноу наказанію» (2). Община всячески увертывалась отъ цензуры: братья

(1) «Apol. dr.» № 47. 183—195. Skala. II. 37—42. Kom. «O prot.», 119.

(2) Prochazka. «De saecul.» 299. 307. «Jednaní». II. 241. Указъ отъ 13 августа 1580 — Jireček. «Bibli kralická» въ журналѣ: «Rozpravu etc.» I. 13. Prochazka. «Miscellanea der böhm. und mähr. Litteratur». Prag. 1784. I. 388. 389. «Časopis». 1833. 325. Gindely. «Geschichte d. b. Br.». II. 57. 163. — данныя для исторіи старой цензуры.

помѣчали вымышленными городами или вовсе не указывали мѣста печати. Не смотря на всѣ заботы власти, въ Прагѣ, какъ мы видѣли, свободно выходили рѣзкія брошюры, задорныя пѣсни, встрѣчая хорошей пріемъ, такъ какъ вообще у чеховъ XVI—XVII вѣковъ была горячая любовь къ газетной литературѣ — «novinam» (1). Чтобы обуздать чешскихъ газетчиковъ разсматриваемаго времени, намѣстники издали декретъ отъ 4 февраля 1617 года, мотивированный обычнымъ въ такомъ случаѣ попеченіемъ о «сохраненіи добраго порядка». Именемъ короля намѣстники приказывали жителямъ столицы зорко слѣдить, чтобы типографіи и книгопродавцы не смѣли печатать никакихъ новыхъ книгъ, пѣсенъ или газетъ, прежде чѣмъ не будутъ представлены онѣ въ намѣстничество и не получится оттуда одобренія. Декретъ воспрещалъ затѣмъ пѣніе по улицамъ «всякихъ свѣтскихихъ пѣсенъ и газетъ каковой обычай имѣютъ разные праздные люди» и грозилъ тяжелымъ наказаніемъ каждому за нарушеніе настоящаго постановленія (2). Чтобы понять цѣль цензурнаго декрета, достаточно вспомнить, что то же самое намѣстничество допускало свободное печатаніе католическихъ пасквилей на подобоевъ и не видѣло въ этомъ нарушеніе «добраго порядка» (3). А между тѣмъ сохраненіе добраго порядка, дѣйствительно, было необходимо въ виду крайняго взаимнаго раздраженія католиковъ и подобоевъ, царившаго теперь въ землѣ.

Первая и главная вина въ этомъ возбужденіи дурныхъ страстей падаетъ на сторону католическую, т. е. ту, которая въ рукахъ своихъ имѣла власть. Католики открыто пророчили себѣ побѣду и полное уничтоженіе противника.

Мы видѣли, что архіепископъ сейчасъ же по полученіи королевскихъ коллатуръ старался замѣщать вакантные подобойскіе приходы католиками, закрывая подобойскія церкви, — но

---

(1) О газетахъ того времени — Dlabacz. «Nachricht von den in böhm. Spache verfassten und herausgegeb. Zeitungen». Prag. 1603. 19—21. Jungmann. «Historie». 127. отъ № 293 и далѣе; № 630—639.

(2) Skála. II. 42. 43.

(3) Ср. Коменскій. «O protivn.». XLII. 119.

тѣмъ не менѣе антиреформація шла медленно. Народъ посѣщалъ подобойскія церкви въ сосѣднихъ деревняхъ и всячески избѣгалъ своихъ католическихъ священниковъ. Въ 1616 году посѣщеніе сосѣднихъ церквей было воспрещено, но народъ совершалъ общую молитву въ частныхъ домахъ и все таки не ходилъ въ католическія церкви. «Когда крестьяне молились дома — говоритъ Вторая апологія, имъ грозили, что у нихъ головы будутъ межъ ногъ». Наконецъ, силою принуждали къ принятію католичества. «Изъ-за вѣры — говоритъ дальѣ апологія — сажали въ тюрьму и освобождали только при согласіи на отреченіе. Ренегатовъ назначали на лучшія должности, но на исповѣди вынуждали признаніе, что они отрекаются добровольно; платили даже, чтобы только переходили въ католичество; кто же оставался вѣрнымъ Богу, того связывали и изгоняли». Употреблялись и другія средства: не позволяли вступать въ бракъ, отказывали въ погребеніи, отпускали крестьянъ на волю подъ условіемъ принятія. Чиновники-подобой отовсюду были удаляемы и замѣщаемы католиками, которые силою заставляли народъ принимать участіе въ католическихъ процессіяхъ: «нести небеса», свѣчи и т. д. Католическіе города отказывали подобоймъ въ правахъ мѣщанства; въ городахъ же подобойскихъ правительство заставляло принимать католиковъ въ число своихъ гражданъ. Такимъ путемъ въ городахъ, гдѣ прежде не было католиковъ, городскія должности постепенно переходили въ руки послѣднихъ. Католики, попадая въ ратушу, крайне грубо обходились съ подобойми: жители Моста жаловались, что католики изъ ратуши зазорными словами поносятъ «почтенныхъ горожанъ-подобоевъ», называя ихъ мерзавцами, мошенниками, а подъ часъ тягаютъ ихъ по комнатѣ за волосы ⁽¹⁾.

Дефензоровъ какъ бы не существовало: ихъ оскорбляли всячески. Извѣстная креатура Лобковица, секретарь канцеляріи Михна, вынудилъ у многихъ городскихъ общинъ отреченіе отъ всякой связи съ дефензорами, а нѣкоторыхъ подобойскихъ священниковъ уговорилъ просить объ учрежденіи особой конси-

(1) «Apol. dr.». 18. 216.

сторіи, подъ вѣдѣніемъ архіепископа. Дефензорамъ воспрещено было собираться въ карловой коллегіи. Михна публично хвастался, что дефензоровъ привлекутъ къ отвѣту — къ суду императорскаго прокурора, что императоръ желаетъ быть единственнымъ дефензоромъ земли и не потерпитъ никого другаго, и только вступить Фердинандъ, не пройдетъ и полугода, и всѣ мѣщане будутъ католиками, такъ какъ уже рѣшено — не терпятъ иновѣрцевъ⁽¹⁾. Но откровеннѣе былъ другой агентъ правительства, министръ Врешовиць: «поскачуть — говорилъ онъ — головы за землю — у Турна, Козьей Бородки (Будовца), Шлика и Лобковица, перейдутъ имѣнья нѣкоторыхъ въ инныя руки, маестатъ потеряетъ силу, такъ какъ и тепоръ уже въ немъ есть дыра, а монахи съ іезуитами будутъ гремѣть въ подобойскихъ церквяхъ»⁽²⁾. Самъ бургграфъ Штернберкъ, такъ много старавшійся о маестатѣ, теперъ выражался несочувственно о дефензорахъ. Когда гетмана мельницеаго, преслѣдовавшаго подобоевъ, спросили — зачѣмъ же новый король присягалъ сословіямъ, тотъ отвѣчалъ кратко: «если Фердинанъ не обязанъ держать присяги въ своихъ земляхъ, то тѣмъ менѣе въ Чехіи». «Погодите, голубчики — говорилъ онъ жителямъ Мельника, найдутъ въ васъ венгерскіе пауки, повозитесь вы съ ними, ажно тоши будетъ»⁽³⁾.

Сомнѣнія въ вѣрной и близкой гибели противника не дупскалось у католиковъ. Когда одинъ изъ крумловскихъ подобоевъ, спасаясь отъ католическихъ преслѣдованій, переселился

---

(1) ib. 49. Въ 1616 г. въ Римѣ въ тайномъ совѣтѣ было опредѣлено посланцу дознано, что сильныя средства не приводятъ къ цѣли, то еретики не осуждать на смерть, чтобы не дѣлать изъ нихъ мучениковъ, и приводить къ переходу иными, болѣе мирными путями. В а m b a s. «Osnodové Čechů po bitvě bělohorské». Praha. 1864. 3.

(2) ib. 59. 60. № 119. 398. Въ другой разъ министръ былъ болѣе добръ и миловалъ Лобковица и Турна, «проклятого вѣнца, что чертъ принесъ въ Чехію», но «Будовець и Шликъ не уйдутъ палача». ib. № 120. 402. Пророчество сбылось.

(3) ib. 54. 59.

въ Прагу и при встрѣчѣ съ своимъ знакомцемъ — іезуитомъ объяснилъ ему причину своего переселенія, тотъ пріятельски ему замѣтилъ: «если не было иной причины, то ты также хорошо могъ бы остаться и въ Крушловѣ, — вѣдь не пройдетъ и пяти лѣтъ, и въ Прагѣ будетъ то же» (1).

Въ такомъ отчаянномъ положеніи находилась земля накануне той революціи, которая смѣлымъ движеніемъ рѣшилась спасти «еретическое» королевство изъ рукъ іезуитизма, но которая, къ сожалѣнію, приготовила ему гибель.

Мы видѣли, что въ 1616 году Матвѣй объявилъ дефензорамъ, что онъ находитъ дѣйствія архіепископа въ Гробѣ и аббата Селендера въ Брумовѣ правильными. Естественно, королевское одобреніе придадо силы обоимъ тѣснителямъ подобоевъ.

Въ концѣ 1614 года построенная на нищенскій гронъ церковь въ Гробѣ была запечатана и передана, по приказанію короля, архіепископу, «который съумѣетъ, какъ съ ней поступить» (2). Архіепископъ приказалъ крестьянамъ посѣщать католическую церковь, но тѣ не слушались. Послѣ сейма 1615 года онъ объявилъ имъ чрезъ своего управляющаго, Бунзона, что если они не будутъ оказывать ему повиновенія въ дѣлѣ вѣры, то къ нимъ онъ пришлетъ палача. Но и эта угроза не помогла; тогда у крестьянъ были отняты всѣ привилегіи, и они смирились: подъ диктовку Бунзона они дали въ концѣ 1617 года записъ архіепископу; что такъ какъ онъ, «нашъ милостивый и наслѣдственный господинъ, не только простилъ, но и возвратилъ намъ наши привилегіи, то мы обѣщаемъ ему быть послушными во всемъ и посѣщать единственно нашу стародавнюю приходскую церковь». Но архіепископу и этого было мало: чтобы обезопасить католическую совѣсть Гроба отъ всякаго искушенія, онъ приказалъ снести подобойскую церковь и сровнять ее съ землей, и воля его была исполнена (11—13 декабря), при чемъ крестьяне не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Вѣсть о возмутительномъ насиліи въ Гробѣ быстро разнеслась по протестантскому міру, далеко за предѣлами Чехіи, и возбуждала

(1) ів. 59. (2) ів. ж. 79. 290.

повсюду всеобщее негодованіе. Сами католики чувствовали неловкость поступка архіепископа и старались увѣрить всѣхъ, что архіепископъ такъ дѣйствовалъ съ согласія самихъ же жителей Гроба (1).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ гробскаго покончилось и старое брумовское дѣло, хотя не такъ печально.

Не смотря на запрещеніе Матвѣя, церковь въ Брумовѣ была достроена. Селендеръ смирился на время. Но когда архіепископъ началъ антиреформацію на королевскихъ помѣстьяхъ, поднялся снова аббатъ: онъ воспретилъ крестьянамъ посѣщать подобойскую церковь, но за крестьянъ вступились дефензоры и отстояли церковь. Наступилъ 1615 годъ: сеймъ окончился не въ пользу подобоевъ; страшецкіе крестьяне были наказаны за сопротивленіе архіепископу, и Селендеръ приказалъ брумовскимъ крестьянамъ запереть церковь и передать ему ключи. Но приказаніе исполнено не было, и аббатъ послалъ жалобу въ придворную канцелярію, оттуда сейчасъ же было приказано строптивымъ крестьянамъ выслать депутацію въ Пардубицы, гдѣ король разсудитъ ихъ дѣло. Депутація была выслана и нѣсколько дней ждала отвѣта; наконецъ, предъ самымъ отъѣздомъ Матвѣя изъ Пардубицъ, канцлеръ сообщилъ высланнымъ, что король требуетъ, чтобы церковь была немедленно передана аббату и о передачѣ донесли бы въ Прагу. Въ то же самое время канцлеръ далъ знать намѣстникамъ, что въ случаѣ ослушанія королевскаго приказанія арестовать брумовскихъ коноводовъ. Крестьяне отказались передать церковь, аббатъ донесъ въ Прагу, и оттуда было приказано въ Брумовъ — выслать новую депутацію къ намѣстникамъ. Но лишь только депутаты прибыли въ Прагу, они были брошены въ тюрьму, а изъ Брумова потребовали еще депутацію съ ключами отъ церкви. Явилась новая депутація, но безъ ключей, и ее постигла участь первой. Но всѣ эти шѣры не помогали: ключей не выдавали. Бурмистръ и ратуша готовы были уступить и отдать ключи, — но когда слухъ объ этомъ распространился въ городъ, жители схватились за оружіе и по-

(1) Обо всемъ этомъ — «Apol. dr.», 26. 27. № 80. 290—293. 56.

ложили съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать церковь. Брумовское дѣло готово было уже принять слишкомъ опасный характеръ, и потому дали знать обо всемъ въ Вѣну, и въ февралѣ 1618 года Матвѣй приказалъ отправить въ Брумовъ комиссію для закрытія церкви. Въ половинѣ марта комиссія прибыла въ Брумовъ и приказала ратушѣ выдать ключи, но получила въ отвѣтъ, что ратуша безъ согласія общества не можетъ исполнить приказанія. Собраны были крестьяне, и комиссія повторила приказаніе. Толпа молчала; минутъ 10, 15 тянулось гробовое молчаніе; наконецъ, кто-то изъ крестьянъ обратился къ комиссарамъ съ просьбой дать имъ хоть нѣсколько времени для обсуждения отвѣта. Просьба была уважена. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, крестьяне принесли отвѣтъ: не можемъ выдать ключей. Комиссары приказали бурмистру запереть церковь, но толпа съ оружіемъ, съ камнями въ рукахъ бросилась къ своей святыни и приготовила отпоръ. Не смотря на всѣ убѣжденія, угрозы, толпа не трогалась съ мѣста.

Комиссія должна была удалиться изъ Брумова, добившись одного — удаленія подобойскаго священника. Но когда она прибыла въ Прагу, дѣла тамъ приняли иной оборотъ (1).

Не смотря на всѣ вызывающія дѣйствія католиковъ, дефензоры, сверхъ ожиданія самыхъ противниковъ, держали себя сдержанно: подобоевъ тѣснятъ, преслѣдуютъ, они жалуются дефензорамъ, но получаютъ въ отвѣтъ — терпите; дефензоры встрѣчаютъ повсюду оскорбленія, свои ропщутъ на нихъ за ихъ бездѣйствіе, а они все молчатъ и ждутъ сейма. Правда, болѣе энергическіе изъ дефензоровъ — Турнъ, Будовець, Ричанъ, не прочь были уже давно отъ какого нибудь снѣлаго шага, но противъ нихъ были ихъ же сотоварищи, народъ нерѣшительный, все еще не терявшій вѣры въ Матвѣя. Наконецъ, событія послѣднихъ мѣсяцевъ — разрушеніе церкви въ Гробѣ, заключеніе въ тюрьму брумовскихъ депутатовъ, заставили ихъ выйти изъ ихъ доминантнаго бездѣйствія, и они положили передать на судъ землѣ всѣ свои тяжкія оскорбленія.

(1) «Apol. dr.», 24. 25. Gindely. «Dějiny». I. 204. 205.

Пользуясь известнымъ правомъ инструкціи 1610 года, дефензоры объявили на 6 марта 1618 года съездъ высшихъ чиновниковъ, земскихъ судей и депутатовъ отъ земли. Въ своемъ приглашеніи они указывали причины, заставившія ихъ обратиться къ землѣ: слишкомъ открытое нарушеніе законовъ 1609 года «въ слѣдствіе интригъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ лицъ», сознание собственнаго безсилія и опасеніе нареканій, если бы дѣйствія ихъ оказались не вполне достаточными. Земля должна подтвердить и указать, что дѣлать, чтобы остановить насиліе.

Земля не замедлила откликнуться на приглашеніе: во вторникъ, 6 марта депутаты отъ краевъ собрались въ карловой коллегіи; но представителей отъ Праги не было; не было также высшихъ чиновниковъ и земскихъ судей.

Въ то время какъ депутаты знакомились другъ съ другомъ въ большой аудиторіи коллегіи, дефензоры совѣщались въ боковой залѣ, что и какъ предложить съезду. Совѣщаніе тянулось нѣсколько часовъ, и потому, чтобы сколько нибудь занять депутатовъ, Шлигъ читалъ лекцію о событіяхъ времени Карла IV, Вацлава, Сигизмунда: «всѣ удивлялись и съ охотой слушали». Наконецъ, въ 10 часовъ показались дефензоры, и Турнь открылъ засѣданіе чтеніемъ длиннаго посланія дефензоровъ къ землѣ. Дефензоры жаловались на безслѣдность протеста 1615 года, что отвѣта на него нѣтъ никакого, что преслѣдованія усилились, особенно въ Гробѣ и Врумовѣ, что на нихъ пошли нареканія, тогда какъ нѣкоторые изъ ихъ сотоварищей уклоняются отъ участія въ дѣлахъ и такимъ образомъ ослабляютъ ихъ дѣйствія. По окончаніи чтенія дефензоры просили депутатовъ поразмыслить о средствахъ, какъ помочь дѣлу, и имъ указать. Но собраніе отклонило отъ себя честь указывать «своимъ отцамъ и охранителямъ» и просило ихъ высказать свое мнѣніе; депутаты отъ городовъ объясняли, что среди ихъ нѣтъ представителей Праги, «головы ихъ» и потому не могутъ ничего сказать; но и дефензоры съ своей стороны не желали давать планъ дѣйствій; завязался горячій споръ, окончившійся наконецъ тѣмъ, что депутаты приняли отъ дефензоровъ только что прочтенное посланіе и обѣщали дать отвѣтъ завтра.

На другой день собрались депутаты. Читали посланіе, читали жалобы изъ Брумова, разсуждали, но ни до чего не могли договориться и окончили тѣмъ, что послали за «отцами». Дефензоры съ неохотой отвѣчали, что явятся завтра и дадутъ свое мнѣніе. Послѣ этого прибыли въ собраніе избранные еще вчера комиссары для узнанія причинъ неявки на съѣздъ высшихъ чиновниковъ и депутатовъ отъ Праги. Гершторфъ, Мрацкій и Михаловицъ извинялись тѣмъ, что, занимая коронныя должности, не могутъ идти противъ короля и, увѣряя въ своемъ единомыслии съ подобными, совѣтовали просить короля о защитѣ. Тальберкъ отвѣчалъ, что не желаетъ ни совѣтовать, ни быть противъ короля. Прага объяснила, что члены ратуши, по приказанія правительства, сочли излишнимъ посылать депутатовъ.

Въ четвергъ, 8 марта, дефензоры предложили собранію свое мнѣніе. Они совѣтовали просить намѣстниковъ о прекращеніи преслѣдованій, освобожденіи брумовскихъ крестьянъ, а въ случаѣ отказа — писать сословіямъ Моравіи, Силезіи и Лужицъ и королю. Предложеніе было принято, и тогда же были изготовлены просьбы. 12 марта особая депутація отъ съѣзда вручила намѣстникамъ просьбу. Намѣстники отвѣчали уклончиво, что не могутъ входить въ разсмотрѣніе маестата и соглашенія, не могутъ выпустить и арестованныхъ, такъ какъ они взяты по повелѣнію короля. Въ слѣдствіе такого отвѣта съѣздъ послалъ жалобы къ сословіямъ соединенныхъ земель и къ королю. Петиція къ королю, отъ 11 марта, была перифразой просьбы къ намѣстникамъ.

Съѣздъ считалъ свое дѣло поконченнымъ, и депутаты уѣхали изъ Праги, положивши снова собраться 21 мая, когда могъ получиться королевскій отвѣтъ (1).

Но отвѣтъ послѣдовалъ много раньше — 21 марта. Это былъ грозный выговоръ дефензорамъ за съѣздъ и воспреженіе съѣздовъ впредь. Скала утверждаетъ, что отвѣтъ былъ изготовленъ въ Прагѣ, въ намѣстничествѣ Славатой и Мартиницеиъ;

(1) О I-мъ съѣздѣ — Skala. II. 88—101 «Apol. dr.», гдѣ документы подъ № 89—93. 308—329.

Славата отрицаетъ это, увѣряя, что его писалъ Клеэль⁽¹⁾, но противъ него говоритъ то обстоятельство, что еще 10 марта Лобковицъ уѣхалъ въ Вѣну, когда уже были извѣстны требованія сѣзда. Отвѣтъ былъ на имя намѣстниковъ. «Изъ полученныхъ извѣстій мы усматриваемъ — писалъ Матвѣй, что сѣздъ былъ назначенъ лично противъ насъ, такъ какъ причинами его указаны: возвращеніе гробской церкви архіепископу и наказаніе мятежныхъ крестьянъ въ Брумвѣ, тогда какъ все это состоялось съ нашего согласія. Такимъ образомъ, дефензоры и сѣздъ переступаютъ границы, указанныя маестатомъ и соглашеніемъ, и бунтуютъ крестьянъ противъ ихъ господъ. Въ сѣздѣ рассуждали о томъ, что будто замышляется уничтоженіе маестата и соглашенія; въ народѣ распускали молву, что непріятельское войско готово вторгнуться въ королевство и желали тѣмъ возбудить народъ противъ насъ. Этого мы никакъ не ожидали отъ нѣкоторыхъ лицъ». Въ слѣдствіе всего этого Матвѣй воспрещалъ дефензорамъ всякіе сѣзды впредь до его возвращенія въ Прагу, совѣтовалъ не возбуждать крестьянъ, а намѣстникамъ приказывалъ оповѣстить землю, чтобы она не посылала депутатовъ на приглашеніе дефензоровъ⁽²⁾. Прага получила благодарность за неучастіе въ сѣздѣ.

28 марта отвѣтъ былъ сообщенъ дефензорамъ, а 31 они отвѣчали намѣстникамъ, что хотя они въ настоящее время не въ полномъ сборѣ, но не могутъ не замѣтить, что въ приглашеніи на сѣздъ не было ничего преступнаго, что они не надѣялись, что за свою честную дѣятельность заслужатъ укоризну, но что второй сѣздъ отложенъ быть не можетъ, такъ какъ они на это не имѣютъ права, а сословія ждутъ — не дождутся отвѣта изъ Вѣны⁽³⁾. Намѣстники ограничились повтореніемъ требованія королевскаго и просили сообщать его участникамъ перваго сѣзда.

До майскаго сѣзда оставалось полтора мѣсяца. Намѣстники воспользовались этимъ временемъ, чтобы, если не возможно воспрепятствовать сѣзду, по крайней мѣрѣ умалить его зна-

(1) II. 136. (2) «Apol. dr.». № 96. 342—344. (3) Ib. № 131. 430—434.

ченіе. При помощи Михны и гетмановъ они добились того, что Прага послала королю адрессъ съ выраженіемъ своихъ вѣрно-подданныхескихъ чувствъ, что кромѣ короля она не знаетъ никакихъ иныхъ дефензоровъ и не приметъ участія во второмъ съѣздѣ.

За три дня до втораго съѣзда дефензоры собрались на предварительное совѣщаніе. Здѣсь они написали протестъ, въ которомъ объявляли, что второй съѣздъ не назначенъ для поднятія земли, какъ это разглашается противниками, а имѣетъ одну цѣль — остановить тѣ притѣсненія, которыя терпятъ подобно отъ католиковъ. 20 мая протестъ этотъ былъ прочтенъ по всѣмъ подобойскимъ церквямъ столицы: «съ плачемъ — говоритъ Скала — народъ выслушалъ это объясненіе».

Въ восемь часовъ утра въ понедѣльникъ, 21 мая, собрались члены втораго съѣзда въ той же карловой коллегіи. Пановъ и рыцарей было много, за то немного было представителей отъ городовъ (отъ Кутной Горы, Коурима, Хрудима, Вероуна, Болеславы и Сланъ). Шликъ, отъ имени пановъ и рыцарей, обратился къ мѣщанамъ съ приглашеніемъ быть вмѣстѣ съ ними въ канцеляріи при выслушанъ посланія отъ короля, между тѣмъ какъ намѣстники приглашали одни высшія сословія. Мѣщане благодарили, но просили пановъ и рыцарей не оставлять ихъ своею защитой. Черезъ нѣсколько минутъ явились дефензоры, и всѣ вмѣстѣ двинулись въ большую аудиторію, гдѣ Янъ Росацій, изъ консисторіи, открылъ засѣданіе рѣчью на текстъ: «помощь моя отъ Господа, онъ же созда небо и землю». Отсюда чины отправились въ зимнюю залу, гдѣ Лобковицъ сообщилъ, что, не смотря на неоднократныя напоминанья, дефензоры изъ Праги: Фрувейнъ, Коханъ и Магрле, отказались явиться на съѣздъ, если сословія не обѣщаютъ имъ защиты отъ правительства. Съѣздъ обѣщалъ. Послѣ этого депутаты отправились въ замокъ, гдѣ имъ прочтено было посланіе отъ Матвѣя, воспрещавшее съѣздъ: «въ чужія дѣла не вмешивайтесь и не дайте повода къ излишнимъ недоразумѣніямъ». Депутаты отвѣчали, что свое объясненіе дадутъ завтра и тутъ же положили собраться на слѣдующій день въ коллегіи.

Дѣйствительно, въ 8 часовъ утра 22 мая депутаты были въ коллегіи. Явились также Фрувейнъ и Коханъ. По предложенію дефензоровъ, Фрувейнъ держалъ рѣчь, предварительно получивши клятвенное обѣщаніе у присутствующихъ, что они его не оставятъ въ минуту невзгоды. «Нарушенію свободы религіи и маестата — сказали Фрувейнъ — дали починъ архіепископъ и аббатъ брумовскій, когда насиліемъ вынуждали крестьянъ въ Брумовѣ и Гробѣ переходить въ католичество, бросали ихъ въ тюрьмы и наконецъ у однихъ запечатали церковь, у другихъ снесли и сровняли съ землей. Дефензоры обратились къ королю, прося о прекращеніи насилія, но отвѣта не было: вмѣсто отвѣта имъ пригрозили и приказали — отложить съѣздъ и не бунтовать противъ короля. Дефензоры приводили въ свое оправданіе, что они ни противъ кого не бунтуютъ, но съѣзда отмѣнить не могутъ; впрочемъ, ихъ тогда было немного, поэтому они объяснили намѣстникамъ, что отвѣтятъ тогда, когда съѣдутся отсутствующіе товарищи. И вотъ, сегодня, свидѣвшись между собою, мы положили, что хотя намъ не было бы ничего пріятнѣе, какъ исполнить волю короля, но намъ теперь не приходится измѣнять того, что мы уже представили намѣстникамъ; во всемъ же другомъ мы готовы и жизнью, и имуществомъ жертвовать за короля. Вотъ почему мы просимъ сословія довести о всемъ до свѣдѣнія его величества и быть ходатаями за насъ». Когда окончилъ Фрувейнъ, Турнъ доложилъ собранію, что нѣсколько дней назадъ имъ получено приказаніе отъ короля явиться въ Вѣну: «какъ вѣрный слуга, я долженъ бы былъ повиноваться приказанію; но, опасаясь опоздать на съѣздъ, я письменно извинился, что прибуду, если получу согласіе отъ сословія; я готовъ ѣхать, но не знаю, какъ мнѣ придется воротиться назадъ». Съѣздъ благодарилъ Турна за довѣріе и поклялся, что они все стануть за него, «своего первого защитника». Настроивши такимъ образомъ собраніе противъ короля, дефензоры попросили его дать имъ указаній — какъ отвѣчать въ Вѣну на послѣднее напominаніе Матвѣя: депутаты объявили, что они предоставляютъ самимъ дефензорамъ изготovitъ отвѣтъ. Въ эту самую минуту въ коллегіи получено было извѣстіе, что усми-

вается гарнизонъ замка и дано приказаніе — не впускать членовъ сѣзда въ замокъ въ сопровожденіи слугъ, когда они явятся съ отвѣтомъ, и арестовать Турна. Произошла общая суматоха. Тотчасъ же была снаряжена депутація къ намѣстникамъ съ требованіемъ объясненій, между тѣмъ какъ остальные члены сѣзда поспѣшили по домамъ, и депутація еще не успѣла возвратиться изъ замка, какъ они, вооруженные, на коняхъ, въ сопровожденіи слугъ, были уже на площади, предъ коллегіей. Улицы были запружены народомъ, который ждалъ только знака къ нападенію на іезуитскую академію, монастыри и еврейскія лавки. Намѣстники отвѣчали, что извѣстіе, встревожившее такъ сѣздъ, ложно. Но отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ депутатовъ сѣзда, и они рѣшили идти сейчасъ же въ замокъ. Съ трудомъ могли удержать ихъ дефензоры отъ этого поспѣшнаго шага, и предложили собраться завтра на площади предъ дворцомъ, гдѣ будетъ переданъ отвѣтъ намѣстникамъ и гдѣ они представятъ сѣзду «нѣкоторые важныя вопросы». Присутствующіе подняли въ верхъ два пальца и поклонились.

Наступила среда, 23 мая, роковой день въ жизни чеховъ — «начало и дверь, по выраженію Скалы, во всемъ нашимъ будущимъ бѣдамъ и несчастіямъ».

Въ 8 часовъ утра первые прибыли на дворцовую площадь на Градчанахъ депутаты отъ городовъ, но между ними былъ уже Шликъ. Онъ подошелъ къ двумъ депутатамъ отъ Сланъ и отвелъ ихъ въ сторону. «Я знаю — сказалъ Шликъ — благородство и честность городского сословія. Вы изъ Сланъ, я васъ знаю и въ васъ не сомнѣваюсь, такъ какъ не разъ мнѣ приходилось говорить и съ вами, и съ нашими болеславскими; поэтому надѣюсь, что то, что я сообщу вамъ, останется между нами. Вы хорошо знаете, что желаютъ сдѣлать съ нашимъ маестатомъ, — но мы до этого не допустимъ. Сегодня вы будете присутствовать при грозномъ и еще не слыханномъ дѣлѣ, и оно не будетъ по сердцу католикамъ: сословія опредѣлили — для сохраненія неприкосновенности маестата поступить со всею справедливостію съ рушителями его. Вы читали, безъ сомнѣнія, въ исторіи Чехіи, какими свободами пользовались нѣкогда го-

рода и какъ умалилъ ихъ Фердинандъ: мы, панн и рыцари, позаботимся теперь о возвращеніи ихъ; волей—неволей, а это такъ будетъ. Силезцы уже наготовѣ, и, какъ только представится необходимость, постоятъ за насъ. Пусть же городское сословіе препоручить себя Господу Богу, а мы не оставимъ васъ». Въ заключеніе Шликъ повторилъ просьбу о сохраненіи тайны: «впрочемъ — прибавилъ онъ — вы познакомяте тѣхъ, къ кому вы имѣете довѣріе».

Цѣль этого тайнаго разговора ясна: необходимо было хотя нѣкоторыхъ изъ представителей городовъ познакомить съ тѣмъ, что уже давно было рѣшено вождями подобоевъ: Турнонъ, Шликомъ, Роуповннъ, Будовцемъ, Фельзескимъ и Ричанонъ, и что должно было совершиться сегодня — съ возмездіемъ, приготовленнымъ Славатъ, Мартиницу и «злорѣчивому писарю» Михнѣ.

Сланскіе депутаты поблагодарили Шлика за довѣріе. Между тѣмъ замковая площадь наполнилась панями и рыцарями, и чрезъ нѣсколько минутъ вся толпа двинулась въ зеленую залу сейма. Здѣсь былъ прочтенъ запросъ, который сегодня отъ имени сѣзда имѣлъ быть представленъ намѣстникамъ замѣсто общаго отвѣта. Въ эту минуту прибыли въ залу депутаты отъ Старога и Новаго Города и объявили, что столичныя общины, не смотря на враждебныя дѣйствія королевскихъ судей, желаютъ стоять «прямо и вѣрно» заодно съ сословіями.

Такимъ образомъ, сѣздъ представлялъ теперь всю землю, не исключая и «голови», неучастіе которой смущало представителей третьяго сословія.

Теперь все собраніе отправилось изъ сеймовой залы въ придворную канцелярію. Въ канцеляріи засѣдали въ то время намѣстники: бургграфъ Штериберкъ, Декольтъ Лобковиць, Славата и Мартиниць; секретаря Михны не было; на мѣсто него во второй комнатѣ за перегородкой сидѣлъ второй секретарь—Фабрицій. Такъ какъ канцелярія состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ на третьемъ этажѣ, то масса депутатовъ расположилась на лѣстницѣ и во дворѣ, и только немногіе вошли въ канцелярію.

Павелъ Ричанъ предложилъ намѣстникамъ отъ имени съѣзда одобренный еще въ зеленой залѣ запросъ. Онъ былъ кратокъ: «такъ какъ на свои просьбы сословія не получили отвѣта ни отъ короля, ни отъ намѣстниковъ, и вмѣсто отвѣта два раза ихъ пригрозили и приказали отиѣнить съѣздъ; такъ какъ мы, дефензоры, обвиняемся въ бунтѣ противъ короля, въ подстрекательствѣ крестьянъ къ неповиновенію, — поэтому сословія-подобой спрашиваютъ намѣстниковъ: совѣтовали-ли они и одобрили указанныя опасныя мѣры, преслѣдующія гибель сословія-подобой, или они были на сторонѣ мирныхъ средствъ?» Вмѣстѣ съ этимъ Ричанъ не проминулъ заявить, что сословія не допустятъ, чтобы злоба и ненависть вымещивалась на комъ-либо изъ нихъ въ отдѣльности, такъ какъ «всѣ мы стоимъ за одного и одинъ за всѣхъ: кто посягнетъ на одного, посягнетъ на всѣхъ; что бы ни случилось, мы будемъ биться на жизнь и смерть, до послѣдняго изнеможенія».

Послѣ минутнаго совѣщанія бургграфъ отъ имени своихъ сотоварищей обратился къ оратору съ просьбой — передать ему запросъ, и обѣщаль отвѣтить на него въ самое скорое время, когда соберутся остальные намѣстники. Ричанъ тотчасъ же передалъ запросъ, но на отсрочку отвѣта сословія не согласились: «вопросы ясны — замѣтили они, и отвѣта мы требуемъ сейчасъ же — да или нѣтъ». Съ этими словами сословія отошли въ сторону, къ окнамъ. Намѣстники снова начали совѣщаться. Черезъ нѣсколько времени они попросили своихъ непрошенныхъ гостей выйти хотя на одинъ часъ изъ канцеляріи — для болѣе свободнаго обсужденія отвѣта, такъ какъ до сихъ поръ не было еще обычай отвѣчать въ ту же минуту. Но Турнъ на это возразилъ, что сословіямъ нѣтъ дѣла до того, былъ-ли такой обычай или нѣтъ: они не выйдутъ изъ канцеляріи, пока не получатъ яснаго отвѣта. Въ слѣдъ за этимъ присутствующіе повторили: «не выйдемъ, не выйдемъ!» и, поднявши въ верхъ два пальца, поклонились. Въ третій разъ стали совѣщаться намѣстники. Они просили теперь объ одномъ — послать, по крайней мѣрѣ, за Вальдштейномъ, — но Лобковицъ замѣтилъ: «не для чего; я былъ вчера у него, и онъ мнѣ ясно отвѣтилъ, что не совѣ-

товаль и не соглашался ни на какія непріязненные дѣйствія: лено, причина всему — Славата и Мартиниць».

Послѣ этихъ словъ послышались съ разныхъ сторонъ обвиненія Славаты и Мартиница. Шликъ принималъ имъ отнятіе карлштейнскаго бургграфства у Турна. Янъ Смирничъ съ трудомъ протиснулся чрезъ толпу и обратился къ нимъ съ укоромъ, что они поступаютъ съ подобоями, какъ съ холопами, что долѣ сносить этого сословія не могутъ. «Не чего ждать отвѣта отъ намѣстниковъ — сказалъ Фельзескій: вѣдь хорошо извѣстно, кто писалъ грозное посланіе — Славата и Мартиниць. Они всегда были противъ маестата и работали на уничтоженіе его: они рушители общественнаго спокойствія. Бургграфомъ и пачомъ стравоницкимъ (Добковицемъ) сословія довольны: они никогда не дѣйствовали противъ маестата, и нельзя допустить, чтобы они присовѣтовали грозное посланіе; если что и сдѣлали, такъ это заставили тѣ два». Обратившись къ сотоварищамъ, Фельзескій спросилъ: «правду-ли я говорю»? Въ отвѣтъ послышались оглушительные крики: «правда, правда»! Говорили еще многіе: припомнили изгнанія и притѣсненія на королевскихъ помѣстьяхъ, особенно въ Страшецахъ и Крумловѣ, припоминали тѣ преслѣдованія, которымъ подвергались крестьяне-подобои на земляхъ обвиняемыхъ намѣстниковъ.

Славата и Мартиниць еще ничего не знали объ участи, ожидавшей ихъ. Когда нѣсколько стихло, Славата обратился къ сословіямъ съ словомъ оправданія; онъ видѣлъ въ толпѣ обвинителей своего роднаго брата Павла и шестерыхъ двоюродныхъ (все они были изъ общины) и много надѣялся на нихъ. «Какъ пріятель, прошу я васъ — сказалъ Славата, не осуждайте на основаніи простаго подозрѣнія. Я никогда не дѣйствовалъ противъ маестата: вѣдь я хорошо зналъ, что грозить каждому, кто пошелъ бы противъ постановленій, принятыхъ королями и сословіями. При вторженіи пассивцевъ, я и Мартиниць были за подозрѣны, но по суду насъ оправдали. По закону никто изъ обывателей королевства не можетъ быть осужденъ безъ должнаго выслушанья, — поэтому я надѣюсь, что вы сдержите себя отъ минутной вспышки гнѣва и не осудите, не выслушавъ насъ,

тѣмъ болѣе, что мы здѣсь предъ вами намѣстники его величества. Что касается королевскихъ помятій, я поступалъ тамъ не отъ себя, но исполнялъ волю короля; нельзя указать ни одного распоряженія, вышедшаго изъ коморы, объ обращеніи крестьянъ въ католическую вѣру или объ изгнаніи. Если изъ Крумова и были изгнаны нѣкоторые, то только потому, что это были непокойные люди. На своихъ земляхъ я никого не тѣснилъ». Въ томъ же смыслѣ говорилъ въ свое оправданіе и Мартиницъ.

Рѣчи обвиняемыхъ не остались безъ отвѣта. Янъ Ричанъ, возражая Славатъ, указалъ на преслѣдованія крестьянъ въ Градцѣ; Лобковицъ припомнилъ ему слова, сказанныя имъ при подтвержденіи маестата Фердинандомъ, что онъ не стоитъ за маестатъ, какъ никогда не стоялъ. Новыя оправданія Славаты были тщетны. Шликъ, «вѣрный и горячій защитникъ своей вѣры», запальчиво, со слезами на глазахъ, накинулся на Славату и Мартиница и сталъ укорять ихъ въ тѣхъ несправедливостяхъ, что дѣлали они евангеликамъ по наученію «ядовитыхъ своихъ учителей изъ секты іезуитской». «Вы — говорилъ Шликъ, презрѣнная исчадья іезуитовъ, виѣстѣ съ своими льстецами — секретаришкани устроили паденіе Турна, благороднаго богатыря чешскаго, и другихъ на ослабленіе стороны подобойской. Знайте же, что мы не бабы и не позволимъ себя обманывать: мы поступимъ съ вами такъ, какъ съ лицами, равными себѣ, не замышляя ничего противъ его величества. Пока умные, старые паны ядиди въ королевствѣ, все было хорошо; но только влѣпили васъ, іезуитскія исчадья, на первыя мѣста, все пошло на выворотъ. Но вы не настолько могущественны, чтобы были въ состояніи отнять у насъ то, что даровалъ намъ Богъ и подтвердила верховная власть: мы не допустимъ до этого». Говорилъ еще Турнъ о приглашеніи въ Вѣну, что его смастерили Славата и Мартиницъ виѣстѣ съ проклятой шельмой — Михной, и Роуповъ о неоднократныхъ выходкахъ ихъ на сеймахъ, при совѣщаніяхъ: «соловія уже написали апологію; скоро она выйдеть изъ печати, чтобы весь свѣтъ зналъ о кривдахъ, что чинили католики подобоимъ».

Теперь обвиненія кончились. Изъ нихъ мы видимъ, что подобно не лжесвидѣтельствовали.

Сословія сгруппировались у окна; въ рукахъ появился протестъ 1609 года, предложенный на сеймѣ Будовцемъ. Павелъ Ричанъ, по приглашенію товарищей, сталъ читать протестъ: «если случится, что кто-либо пожелаетъ пойти противъ маестата и соглашенія, то тѣ лица, которыя отказались подписать амнистію и присутствовать при внесеніи въ доски, должны быть разсматриваемы, какъ враги спокойствія и общаго согласія». Извѣстно, что эти лица были: Славата и Мартиницъ. Послѣ этого намѣстники были еще разъ спрошены: признають-ли они себя участниками въ составленіи грознаго посланія или нѣтъ. Штернберкъ отъ себя и отъ имени Лобковица отвѣчалъ отрицательно: «мы не совѣтовали и предрекали, что если случится что, то это все падетъ на ваши же головы». Отвѣтъ этотъ, очевидно, былъ весьма по сердцу подобоямъ: онъ прямо уличалъ Славату и Мартиница. На послѣднія слова Штернберка Турнъ замѣтилъ, что сословія хорошо знаютъ, что онъ былъ не только ихъ бургграфомъ, но отцомъ, и лучшаго бургграфа они никогда не желали бы, если бы онъ не поддавался нѣкоторымъ злымъ совѣтамъ; но такъ какъ онъ съ Лобковицемъ не участвовалъ въ королевскомъ посланіи, то имъ обоимъ не чего опасаться. Послѣ этого Турнъ пригласилъ Штернберка и Лобковица удалиться изъ канцеляріи. Бургграфа взялъ за руку Фельзескій, Лобковица — его братъ Вильгельмъ, и, съ трудомъ протиснувшись сквозь толпу, они вывели обоихъ на лѣстницу. Славата и Мартиницъ умоляли удалявшихся сотоварищей не повидать ихъ, но было напрасно.

Такимъ образомъ, въ канцеляріи остались теперь одни «іезуитскія исчадья» да Фабрицій за перегородкой. Обратившись къ Славатѣ и Мартиницу, Турнъ объявилъ ихъ рушителями мира и врагами земли; толпа съ страшнымъ крикомъ повторила слова своего вождя и по обычаю, поднявъ два пальца, поклялась. Изъ толпы послышались голоса: «арестовать мерзавцевъ въ черную башню!» «въ окно измѣнниковъ!» Вхмыскій бросился на Мартиница, Турнъ на Славату, и сильно ухватили обоихъ

за руки; въ ту же минуту подоспѣли другіе и повлекли несчастныхъ намѣстниковъ по направленію къ вѣшному углу комнаты. Два окна, на-лѣво и на-право отъ угла, были уже открыты, и теперь только Славата и Мартиницъ поняли, что ихъ ожидаетъ: упираясь о полъ ногами, они умоляли своихъ враговъ о пощадѣ. Мартиница держали Лобковицъ, Смиричъ, Янъ Ричанъ и Каплиръ; они готовы были уже отправить его чрезъ правое окно въ ровъ, когда несчастный попросилъ исповѣдника; но ему отвѣчали: «сейчасъ въ слѣдъ за тобой мы приведемъ и тѣхъ мерзавцевъ-іезуитовъ», и съ размаха бросили его головой въ окно (1).

Теперь Турнъ, обратившись къ своимъ сотоварищамъ, только что расправившимся съ Мартиницемъ, указалъ имъ на другую жертву, которую онъ держалъ крѣпко въ рукахъ: «edle Herren, da habt ihr den andern!» Въ минуту Славата былъ схваченъ и подведенъ къ другому окну, на-лѣво. Будучи сильнѣе Мартиница, онъ защищался долго: ухватившись руками за обочины окна, онъ упирался до тѣхъ поръ, пока не посыпались удары шпaгъ по пальцамъ, — мускулы ослабли, и Славата полетѣлъ внизъ головой.

Раздраженнымъ подобоимъ желалось теперь послать въ окно и секретаря Михну, — но его не было на лицо, за перегородкой сидѣлъ его помощникъ, Фабрицій, и они выбросили Фабриція въ окно Мартиница (2).

---

(1) Канцелярія на 3-мъ этажѣ дворца; высота оконъ ея надъ ровомъ слишкомъ 9 сажень. Злосчастная комната и доселѣ сохраняется въ ея тогдашнемъ видѣ.

(2) О первомъ и второмъ създѣ — Skala. II. 103—134. О вылетѣ изъ оконъ — Slavata. II. 99—114. I. 81—88. Въ разсказѣ Славаты хвастовство: себя и Мартиница онъ рисуетъ героями. ib. II. 163. 164. О словахъ Турна «edle Herren» Славата въ другомъ мѣстѣ (II. 23) говоритъ, что точно не помнитъ, были ли они сказаны. Въ вылетѣ Славата особенно обвиняетъ братьевъ: «нѣкоторые изъ подобоевъ, болѣе же всего члены братской общины, были столь евангеличны въ своей вѣрѣ, что полагали сдѣлать особенно угодное Господу Богу дѣло, если оба грава, упорные враги ихъ вѣры, отправятся на тотъ свѣтъ». (II. 164). Выброшенные остались

Вѣсть о происшествіи въ канцеляріи быстро разнеслась по етолицѣ, и все улицы и рынки, особенно на Старомъ Мѣстѣ, были запружены народомъ, который ожидалъ, что вотъ, вотъ подадутъ знакъ къ нападенію на монаховъ и жидовъ. Но вожди подобоевъ, опасаясь внимательства черни, поспѣшили успокоить толпу. Турнъ развѣзжалъ среди волновавшагося народа и говорилъ ему: «друзья мои! мы ничего не имѣемъ противъ католиковъ; мы наказали только тѣхъ, что желали уничтоженія маестата; ремесленникъ — поспѣвши къ своему ремеслу, поденщикъ — къ своей работѣ; дасть Богъ, со временемъ мы отдадимъ отчетъ въ томъ, что начали». Народъ удержался.

Послѣ этого члены съѣзда положили собраться на слѣдующій день, 24 мая, но не въ карловой коллегіи, а въ сеймовой залѣ.

Правительства не было, и потому необходимо было прежде всего образовать временное правительство и затѣмъ заняться организаціей земской обороны. Практика минувшихъ лѣтъ выработала форму правительства на случай, и потому съѣздъ въ засѣданіи 24 мая постановилъ — обновить мѣры сейма 1609 г. Были прочтены полномочіе сейма 1609 года директоріи и обязательство директоріи сословіянь. Съѣздъ одобрилъ оба документа и присягнувъ, что все обязываются стоять за одного и

живы: — одинъ Славата ушибъ до крови голову о карнизъ окна, такъ что Мартиницъ и Фабрицій съ трудомъ могли унести его въ сосѣдній домъ канцлера Лобковица, гдѣ на время и сами пріютились. Вечеромъ того же дня, т. е. 23 мая, они бѣжали: одинъ въ Баварію, другой въ Вѣну; Славата же до выздоровленія оставался въ Прагѣ и только въ августѣ 1619 года, при низверженіи Фердинанда, онъ вмѣстѣ съ Штерберкомъ бѣжалъ тѣмъ же изъ Праги (Skala, III. 275). Чудесное избавленіе летѣвшихъ изъ окна дало богатую тему для толковъ современниковъ. Католики и иезуиты приписывали его заступничеству Богоматери: видѣли-де люди, какъ она приняла ихъ на свой покровъ. Въ этомъ убѣжденъ и самъ Славата (I. 83). Подобно объясняли иначе, «ро hđaku»: они упали на сметъ, что выбрасывалось изъ канцеляріи (Skala, II. 134). Во всякомъ случаѣ паденіе было чудесное: «зачастую случается, что и на ровномъ мѣстѣ человекъ упадетъ и сломитъ себѣ ногу или расшибетъ голову». (ib.). О бѣгствѣ изъ Праги и т. д. Slavata. I. 91—105.

однѣ за всѣхъ. Тогда же, 24 мая, въ подобойскихъ церквяхъ Праги было сдѣлано оповѣщеніе народу, что сословія собрались для защиты маестата, что рушители его наказаны со всею справедливостію и просятъ гражданъ столицы быть спокойными. Въ засѣданіи слѣдующаго дня, 25 мая, съѣздъ избралъ членовъ директоріи. Въ составъ ея вошли 30 человекъ, по 10 отъ каждаго сословія: Богухвалъ Берка, В. Лобковиць, П. Ричанъ, Швамберкъ, Роуповъ, Ан. Шликъ, Будовець, Альб. Шликъ, В. Вхнскій (потомъ братъ его Радславъ), Смирицкій; Каплиръ, Ольбрамовиць, Гершторфъ, Вилый, Фиктумъ, Лосъ, Пфеферкорнъ, Чернинъ, Петипескій, Мильверъ; Фрувейнъ, Оттердорфъ, Шотновскій, Оршиновскій, Коханъ, Штефекъ, Писецкій, Коберъ, Шультнеъ, Гоштялекъ. «Первымъ» директоромъ былъ Богухвалъ Берка, но черезъ мѣсяць, 22 іюня, директора сочли необходимымъ выбрать изъ среды своей президента директоріи, и выборъ палъ на Вацлава Роупова⁽¹⁾. Въ тотъ же день съѣздъ объявилъ рушеніе земли и издалъ другія соотвѣтствующія этому постановленія. Земельное имущество въ 10 тыс. мшненскихъ копъ или 25.000 копъ капитала на процентахъ даютъ одного всадника; отъ крестьянъ выставляется десятый человекъ, а въ случаѣ крайности они идутъ всѣ⁽²⁾. Генералами назначаются: Турнъ, Фельзескій, Бубна и Каплиръ. Подати, утвержденныя сеймомъ 1615 года и еще не поступившія въ казну, имѣютъ быть выплачены сословіями безъ замедленія и идутъ на вербовку пѣшихъ и конныхъ солдатъ. Директора уполномочиваются входить въ соглашеніе съ генералами о вербованіи солдатъ и по всякимъ инымъ вопросамъ, касающимся военнаго дѣла, въ крайнихъ случаяхъ приглашать на совѣщаніе извѣстныхъ лицъ изъ краевъ, назначать съѣзды, искать помощи въ имперіи, назначать новыхъ генераловъ, наказывать каждаго, кто пошелъ бы противъ короля, земли, настоящаго постановленія и подобойской вѣры, словомъ, дѣлать все, чего потребуетъ оборона. Съѣздъ не исключилъ и католиковъ отъ принятія участія въ защитѣ

---

(1) Skala. II. 196. (2) ib. 140. Ср. ib. 216. 332. Сеймовыя постановленія о количествѣ выставляемаго ополченія вообще темны у Сказы.

своего дѣла: «такъ какъ вопросъ идетъ объ отстояніи короля и дорогой отчизны чешской, то и католики имѣютъ быть приглашены участвовать въ земской оборонѣ».

Брушовскіе узники были освобождены.

По образованіи временнаго правительства и по принятіи первыхъ необходимыхъ мѣръ къ оборонѣ, члены майскаго съѣзда могли считать свое дѣло поконченнымъ, — но они еще остались въ столицѣ на нѣсколько дней для составленія объяснительной записки Матвѣю.

Уже въ субботу, 26 мая, записка королю была готова, одобрена и отправлена въ Вѣну вмѣстѣ съ экземпляромъ только что отпечатанной «Первой апологій», въ которой сословія указывали тѣ извинительные мотивы, которые заставили ихъ прибѣгнуть къ насилію. Объяснительная записка была составлена въ самомъ умѣренномъ духѣ. «Мы не могли выносить долге интригъ Славаты и Мартиница, направленныхъ на уничтоженіе маестата, соглашенія и сеймовыхъ постановленій о свободѣ вѣры. Если бы они достигли своей цѣли, и если бы самъ Богъ не отвратилъ того, то славное королевство чешское пришло бы въ своей конечной гибели. Мы, вѣрные сыны отечества, вынуждены были поступить съ обоими намѣстниками строго, по ихъ заслугамъ, и поступимъ такъ съ каждымъ, кто послѣдуетъ имъ. По примѣру прошлаго, мы, защищая ваше величество, себя и нашу землю, согласились между собой о твердой оборонѣ и такъ какъ намъ нельзя быть всѣмъ вмѣстѣ, избрали изъ среди своей директорію, которая охраняетъ достоинство вашего величества, всѣхъ вѣрноподданныхъ, порядокъ, права, маестата, свободы земскія и общее спокойствіе. Не съ намѣреніемъ оскорбить ваше величество предпринято все это, и мы надѣемся, что вы не дадите вѣры ошибочнымъ донесеніямъ, не допустите ослезать своихъ вѣрноподданныхъ, не вступитесь за много провинившихся предъ землею лицъ, напротивъ, достойно накажете всѣхъ подобныхъ имъ рушителей мира и не предпримете ничего такого, что принесло бы вредъ сословіямъ и королевству».

Какъ ни странно со стороны съѣзда и директоріи подобное наивное объясненіе послѣднихъ событій въ Прагѣ:

не могли же они серьезно надѣяться, что король Матвѣй приметъ сторону ихъ, вѣрноподданнѣйшихъ, и примѣрно накажетъ мятежныхъ намѣстниковъ — Славату и Мартиница, — но оно понятно при желаніи сословія выиграть время для «твердой обороны».

Такія же записки о пражскихъ событіяхъ были отправлены въ соединенныя земли: Силезію и Лужицы, въ имперію и Венгрію. У Силезіи и Лужицъ съѣздъ просилъ о помощи, у Венгріи — о присылкѣ въ Прагу двухъ уполномоченныхъ.

Тогда же, 26 мая, директорія разослала приказаніе землѣ выставить людей и взнести подати, согласно вчерашнему постановленію съѣзда. Возвративъ затѣмъ Турну должность карлштейнскаго бургграфа, члены съѣзда разъѣхались 28 мая.

Въ управленіе землей вступила директорія.

Однимъ изъ первыхъ ея дѣйствій былъ знаменитый декретъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ земли, отъ 1-го іюня. Онъ былъ адресованъ на имя членовъ пражской коллегіи. «Такъ какъ известно, что іезуиты, какъ и вся ихъ школа, постоянно служили землѣ къ знатному вреду, интригами своими чинили всяческія пакости сословіямъ королевства, совокупно съ помощниками своими рушили порядокъ, права, свободы, общественное спокойствіе и были вообще причиной немалого зла, — поэтому, заботясь объ огражденіи земли отъ дальнѣйшей опасности, мы за благо разсудили, въ силу мочи, намъ данной, васъ, а равнымъ образомъ и всѣхъ вообще іезуитовъ, гдѣ бы они ни находились въ землѣ, изгнать на вѣчныя времена изъ этого королевства, и строго наказываемъ вамъ убрать ихъ изъ него сейчасъ же, не далѣе пятницы текущей недѣли и, оповѣстивъ о томъ остальныхъ іезуитовъ въ землѣ, пригласить ихъ удалиться къ назначенному сроку и впредь не возвращаться. Буде же какой іезуитъ останется въ королевствѣ или же кто осмѣлится укрыть іезуитовъ и вступить за нихъ, то ни директора, ни сословія не отвѣтствуютъ за могущія произойти отъ того послѣдствія». Само собой разумѣется, декретъ не простирался на другіе ордена католической церкви.

8 іюня уже не было іезуитовъ въ Прагѣ, а чрезъ нѣсколько времени они очистили Крумловъ, Хомутовъ, Градецъ

и Кладскъ. Имѣніе ордена было принято въ вѣдѣніе правительства. 9 іюня состоялся манифестъ объ изгнаніи іезуитовъ, оповѣщенный по всѣмъ краямъ королевства (1).

Теперь главнѣйшей заботой директоріи была организація обороны. Мы видѣли, что еще 26 мая директорія оповѣстила землю о рѣшеніи съѣзда, но, зная изъ опытовъ предшествовавшихъ годовъ, что сословія не любятъ спѣшить съ деньгами, она 28 мая пригласила уполномоченныхъ отъ городовъ въ Прагу, чтобы посовѣтоваться о внутреннемъ займѣ. Директора просили депутатовъ взять необходимыя деньги изъ городскихъ суммъ и послѣдовать съ этимъ дѣломъ, такъ какъ время не терпитъ. Депутаты отвѣчали, что они охотно исполнили бы просьбу правительства, но для этого необходимо согласіе общинъ, а «obec divné zvíře jest», и потому просили дать имъ сдѣланное предложеніе о займѣ на бумагѣ для передачи общинамъ. Общины не отвѣчали.

---

(1) О дѣйствіяхъ съѣзда послѣ 23 мая — Skala. II. 136—161. Тамъ же и «Первая апологія», тамъ же въ «Apol. dr.», въ концѣ приложеній. Декретъ — Skala. II. 169—170. Документы тамъ же въ «Acta bohémica, dactyl. gründliche, wahrhaftige und eigentliche Beschreibung der fürnemsten hoch und denckwürdigsten Historien und Geschichte, welche sich im hochlöblichen Königreich Böhemb zu Anfang vom 9. Martii abgewichenen 1618. Jahrs biss auff dato begeben und zugetragen. Aus allerhand glaubwürdigen publicis scriptis in eine feine richtige Ordnung zusammen verfasst». Prag. 1619. 1—11. Манифестъ объ изгнаніи іезуитовъ, обвинительный актъ ордена за два съ половиною вѣка, не потерявъ интереса и въ наше время, мы приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ него. «Всѣмъ извѣстно, какия опасности подвергалось постоянно чешское королевство, съ тѣхъ поръ какъ была ввучена въ него лицензіарная секта іезуитовъ, какия перемены и волненія оно должно было выносить: сословія и люди-подданные итерали жизнь и достоиніе. Самая дѣйствительная причина всѣхъ этихъ несчастій — ядоносный орденъ іезуитовъ: онъ поставилъ себя задачей утвердить римскій престолъ и подчинить ему все царства и земли міра, для чего, не обращая вниманія на средства, всюду и всегда разигалъ одно государство противъ другаго, между сословія, особенно, гдѣ существовало различіе въ вѣрѣ, вносилъ раздоръ и волненія, возбуждалъ власти противъ подданныхъ и подданныхъ противъ властей, водилъ врага на королей и помазанниковъ божіихъ, совѣтывавшихся поступать по ихъ умъ»

Въ половинѣ іюня директорія имѣла уже въ своемъ распоряженіи слишкомъ 4 тыс. человекъ; люди шли охотно въ вербовку, особенно изъ обѣихъ Австрій, но денегъ для удержанія охотниковъ не было. Чтобы добыть денегъ, правительство предложило сословіямъ вмѣсто 10 и 8 человекъ препроводить въ Прагу соотвѣтствующую сумму денегъ, а уже оно само озабочится наймомъ людей, т. е. вмѣсто рушенія ограничиться пока вербовкой: въ Прагу собралась масса старыхъ солдатъ, число ихъ со дня на день увеличивалось, и потому, понятно, правительство не желало выпустить изъ рукъ такой пригодный контингентъ, тѣмъ болѣе, что если не наймутъ этихъ солдатъ въ Прагѣ, ихъ наймутъ въ Вѣнѣ. Но изъ современныхъ памятниковъ не видно, чтобы сословія согласились на замѣну поставки крестьянъ денежнымъ взносомъ.

16 іюня съ навербованнымъ кое-какъ войскомъ Турнъ вышелъ изъ Праги и потянулся къ австрійской границѣ, чтобы

ніямъ, противъ Бога и своего убѣжденія, пріятеля ссорилъ съ пріятелемъ, на исповѣди вывѣдывалъ всякія тайны и людскою совѣстью заправлялъ такъ, что человекъ слѣпо повиновался его приказаніямъ, хотя бы послѣдніе были противны Богу и его заповѣдямъ. Какъ нѣкогда темплеры, іезуиты забрали въ свои руки громады жиъныи: втерлись по всѣмъ закоулкамъ управленія землей и, объявляя каждому, несогласнаго съ римскою церковью еретикомъ, учили, что такимъ людямъ не должно жиъть въры». Директора смыслились на привѣръ Франціи, Англіи, Венгріи, Трансильваніи, Венеціи, Нидерландъ. «Когда же сословія-подобои, послѣ многихъ притѣвленій ихъ въры, пошедшихъ несомнѣнно отъ іезуитовъ, получили отъ Рудольфа маестатъ, какъ гарантію противъ нихъ и ихъ орудіи на будущее время, съ католиками вошли въ соглашеніе, каковое соглашеніе, по королевскомъ утвержденіи, было внесено въ воискія доски: іезуиты, превръвъ кару, положенную маестатомъ на рушителей его, дерзко поносили подобовъ въ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ, называя ихъ еретиками, и словаъ маестатъ давали одностороннее и неприязненное для насъ толкованіе, яко бы маестатъ не простирается на крестьянъ помѣстій королевскихъ, церковныхъ и пѣловъ-католиковъ». Во всѣхъ беспорядкахъ послѣднихъ лѣтъ винились іезуиты: «они привели къ тому, что крестьянъ привуждали въ католичество тюрьмой и другими способами, что воспрещали службы божиі, что всѣ первыя должности, земскія и городскія, заняли католики, что подобои, которме совѣстляво заботились объ общемъ благѣ предъ королемъ,

предупредить вторженіе, тѣмъ болѣе, что на югѣ были враждебныя подобія католическіе города: Будеевицы, Брумловъ, Писекъ, а черезъ четыре дня былъ полученъ наконецъ отвѣтъ Матвѣя на объяснительную записку, отъ 18 іюня. «Я никакъ не могу одобрить вашего поступка съ намѣстниками — писалъ король; хотя вы и указываете причины — интриги помянутыхъ лицъ, тѣмъ не менѣе вамъ не подобало столь поспѣшно осуждать ихъ, безъ предварительнаго извѣщенія меня, безъ обычнаго и законнаго слѣдствія надъ ними; вамъ не слѣдовало также, безъ вѣдома и согласія моего, приказывать вербовку солдатъ о непріятель нигдѣ не слышно, и объявлять въ землѣ всеобщее вооруженіе». Матвѣй приказывалъ потому сословіямъ распустить солдатъ, остановить вербовку и рушеніе земли и ждать его распоряженій.

Вмѣстѣ съ отвѣтомъ былъ посланъ изъ Вѣны патентъ на имя намѣстника Вальдштейна для обнародованія его въ землѣ.

были постыдно лишены своихъ мѣстъ». Въ силу всего этого іезуиты объявились изгнанными на вѣчныя времена: «ни подъ своимъ именемъ, ни подъ именемъ какаго иного ордена іезуиты не смѣютъ возвращаться въ королевство». S. k. II. 170—173. Нѣмецкій депретъ въ «Acta bohémica». 11—14. По поводу изгнанія іезуитовъ былъ написанъ памфлетъ—пародія на известную старочешскую молитву къ св. Вячеславу. Іезуиты молятъ патрона чешскаго:

«Ó svatý milý Vaclave,
Jenžs vyvoda české země...
At' stavove pod obojl...
Nedadı nas chase prati

A přeč za može zahnati». Но Вацлавъ прогоняетъ ихъ «маленькихъ чертенятъ». Они взываютъ къ св. Христофору, тотъ имъ указываетъ Америку. Тогда обращается къ іезуитамъ самъ Христосъ съ грозною рѣчью:

«Duši lidských vražedníci,
Cti slavy mé loupežnici!...
Chtěli jste se mně vyrovnati,
Směvše sobě titul dati

«Tovaryši Ježíšovi»,
Jsouce psi antikristove...». Іезуиты рѣшаются уйти.

Народъ кричитъ:

«Vstan', vymlat' je, chaso pražká,
At' jich nezůstava částka!» S. k. II. 174.

Не смотря на бдительность полиции курьеръ успѣлъ передать его по принадлежности. Матвѣй завѣрялъ, что хотя подобои и стараются прикрыть свои дѣйствія съ 23 мая яко бы защитой венерушности маестата, но у него никогда не было мысли — уничтожать маестатъ и соглашеніе, и онъ надѣется, что никто не дастъ вѣры подобнымъ толкамъ; онъ отъ души желалъ бы лично явиться въ Прагу, чтобы разсудить дѣло, но не здоровъ, и потому пришлетъ комиссаровъ. Въ слѣдствіе всего этого Матвѣй пробовалъ отъ сословій распущенія солдатъ и отгнѣны рушенія, обѣщая распуштитъ и свои войска: «но если бы сословія, вопреки моей надеждѣ и отцовскому напоминанію, усилили вербовку и подняли землю, то я въ этомъ увидѣлъ бы желаніе сословій — презрѣть всякое право и справедливость, и былъ бы вынужденъ взяться за такія средства, при помощи которыхъ я былъ бы въ состояніи защитить и сохранить за собой свое королевское достоинство и власть».

Обнародованіе королевскаго воззванія не могло быть пріятно директоріи, тѣмъ болѣе, что на 25 іюня былъ уже назначенъ сеймъ для усиленія средствъ обороны, и потому лишь только директора провѣдали о полученіи Вальдштейномъ патента, потребовали выдачи его. Вальдштейнъ упорно возражалъ противъ выдачи, но когда ему пригрозили сеймомъ, выдалъ. Послѣ этого Птернберкъ былъ взятъ подъ почетный арестъ, а Вальдштейнъ обѣщалъ, что присоединится къ защитѣ.

Не смотря на новое воспрещеніе Матвѣя, 25 іюня въ 8 часовъ утра чины сошлись въ сеймовой залѣ на Градчанкахъ. Президентъ директоріи открылъ сеймъ рѣчью, въ которой указалъ задачу сейма — дать новыя средства защиты. Послѣ того было прочтено предложеніе директоріи. Директора жаловались, что король въ послѣднемъ отвѣтѣ, въ противность ожиданіямъ сословій, принялъ сторону «людей безчестныхъ», сословія, которыя платятъ ему болѣе, чѣмъ кто другой, обзавалъ мятежниками, а измѣнниковъ земли объявилъ своими вѣрными и милыми: «дорога сословіямъ къ королю закрыта». Матвѣй далъ знать гетману Крумловскому, что онъ посылаетъ въ королевство войска, и потому требуетъ заготовленія прина-

совъ. Враги короля и сословія продолжаютъ интриговать въ землѣ, издаютъ фальшивые мандаты, чтобы раздвоить сословія. «Въ виду великой опасности для нашей родной земли отъ злыхъ людей, своихъ и чужихъ, мы наняли на земскія деньги 3 тыс. пѣхоты и 1 т. коинницы; но такъ какъ очевидно, что непріятель собирается вторгнуться въ королевство — уничтожить всѣ права и свободы, стереть съ лица земли славный народъ нашъ чешскій, то чтобы во время приостановить его замыслы, мы всячески обсуждали вопросъ — какимъ самымъ надежнымъ и полезнымъ способомъ можно бы защитить землю, и пришли къ такому заключенію: сословіямъ вмѣсто затребованнаго земскаго ополченія сдѣлать въ теченіе трехъ недѣль денежный взносъ, такъ какъ выставленіе людей при полевыхъ работахъ затруднительно, — вышшимъ сословіямъ по 60 копъ отъ всадника, на три мѣсяца, по 20 отъ десятаго человѣка и по 2 отъ cadaго осѣдлаго крестьянина; городамъ — по 20 копъ отъ осьмаго и шестаго человѣка, и отъ cadaго крестьянина».

Теперь католики были удалены изъ залы, и президентъ сообщилъ подобоимъ, что директора Фиктумъ и Мильнеръ составили «Вторую апологію», обширнѣе «Первой», и потому онъ умалчиваетъ о тѣхъ «грозныхъ утѣсненіяхъ, которыя враги ихъ имъ чинили по-сегодня», что Штернберкъ и Вальдштейнъ дали обязательство не выѣзжать изъ королевства и готовы присоединиться къ дефензіи, что отъ силезцевъ полученъ сочувственный отвѣтъ на мартовское извѣщеніе ихъ о событіяхъ въ Гробъ и Врумовъ — въ немъ они жалуются на свои бѣды и обѣщаютъ ходатайствовать предъ Матвѣемъ о прекращеніи притѣсненій въ Чехіи.

Католики были приглашены обратно въ залу, но засѣданіе, за позднимъ временемъ, было закрыто.

Въ засѣданіи слѣдующаго дня сеймъ разсматривалъ предложеніе директоровъ, и «сословія, подобои и католики, присутствующіе вмѣсто отсутствующихъ, изъ любви къ отечеству, какъ вѣрные сыны короны чешской, вмѣстѣ съ директорами согласились въ слѣдующемъ: земское ополченіе удваивается — земельное имущество въ 5 т. копъ или 12.500 копъ

капитала на процентахъ дають 1 всадника; вмѣсто десятаго выставляется пятый человекъ; но взаимнъ земскаго ополченія въ этомъ размѣрѣ вербуется 6 т. пѣхотныхъ и 2 т. конныхъ солдатъ, испытанныхъ въ военномъ дѣлѣ». На содержаніе вновь вербуемаго войска въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ гетманы на королевскихъ помѣстьяхъ, всѣ три сословія, всѣ принятые въ землѣ, аббаты, священники, монастыри, словомъ, всѣ люди духовные, мистры, коллегіаты, всѣ, которые только имѣютъ свободныя или записныя земли или имѣютъ деньги въ вебеляхъ, записяхъ, купцы, свои и иностранные — вносятъ по 60 златыхъ отъ всадника и 15 копѣ отъ пѣхотинца; взносы производятся по третямъ, т. е. въ три срока; послѣдній срокъ 8 сентября. Затѣмъ сеймъ заслушалъ отвѣтъ Матвѣя на записку и декретъ о воспрещеніи сейма, отъ 23 іюня. На другой день, 27 іюня, былъ готовъ отвѣтъ сейма на всѣ эти требованія короля. Сословія выражали удивленіе, что Матвѣй, обвиняя ихъ въ тяжкихъ проступкахъ, объявляетъ враговъ ихъ своими вѣрными людьми и требуетъ распушенія войска; просили не слушать совѣтовъ чеховъ, находящихся теперь при дворѣ; въ опроверженіе увѣренія Матвѣя, что у него и въ мысляхъ не было нарушать маестатъ, припоминали ему протестъ 1615 года, брандисскій отвѣтъ; вербовку и объявленіе рупшенія извиняли тѣмъ, что недруги ихъ уговорили самого короля вербовать войско, искать помощи у другихъ и объявить ихъ мятежниками, и въ заключеніе повторяли надежду, что Матвѣй, наказавъ главнѣйшихъ ихъ враговъ, исправитъ все то зло, что было сдѣлано послѣдними: они же не злоумышляютъ противъ короля, и если соберутъ войско, то для самозащиты и остаются вѣрнопоподанными.

Лишь только былъ заслушанъ отвѣтъ, сословія получили изъ Вѣны объявленіе отъ Матвѣя (отъ 24 іюня), что такъ какъ Турнъ тѣснитъ Будеевицы и Крумловъ, то онъ приказалъ своимъ войскамъ вступить въ королевство. Король просилъ еще разъ сословія образумиться. 30 іюня директорія отвѣчала въ Вѣну, что Турнъ приказалъ выйти стоявшимъ въ тѣхъ городахъ гарнизонамъ съ воли сословій, что это обстоятельство не должно бы быть поводомъ къ войнѣ; но если войска вторгнутся въ

землю, то директорія не отвѣчаетъ за возможное возмущеніе народа — за грабежъ католическихъ монастырей, а сословія возьмутся за оружіе и будутъ искать помощи у сосѣдей. Въ тотъ же день директорія обнародовала королевское объявленіе въ землѣ и просила спѣшить со взносами (1).

Война такимъ образомъ открылась.

Здѣсь намъ необходимо остановиться и указать отношенія земель-сосѣдей въ Чехіи въ минуту объявленія войны.

Мы видѣли, что еще въ 1611 году подобно предусматривали возможность войны съ габсбургами и мечтали о военной конфедерации Чехіи, обѣихъ Австрій, Венгрии, Моравіи и Силезіи; но мечты ихъ на сеймѣ 1615 года оказались неосуществимыми: земли-сосѣди не пожелали союза, за исключеніемъ Силезіи. Теперь, въ виду только что объявленной войны, эти желанныя подобоями сосѣди отнеслись къ ихъ дѣлу различно.

Матвѣй еще только стягивалъ войска къ границѣ Чехіи, когда сословія верхней Австрій объявили себя за невмѣшательство. Фердинандъ желалъ было передвинуть изъ Штирии къ Линцу на помощь Матвѣю два своихъ полка и просилъ сословія верхней Австрій о свободномъ пропускѣ, — но сословія отказали въ просьбѣ и заняли своими войсками всѣ переходы. Черезъ недѣлю, 30 іюня, Матвѣй обратился къ нимъ съ вопросомъ: что они думаютъ о войнѣ, — отвѣчали, что помогать не будутъ, и посовѣтовали оставить войну и обратиться къ мирнымъ средствамъ. «Въ теченіе 19-лѣтней войны съ турками мы — писали австрійцы — обнищали; судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, можно съ вѣрностью полагать, что чешская война много серьезнѣе и опаснѣе турецкой: война предвидится религіозная, а недавній опытъ показалъ, что войны между христіанами жестока и кровопролитнѣе войнъ съ наследственнымъ непріятелемъ. Королевство чешское богато и имѣетъ два плеча — силезцевъ и мораванъ. Слѣдуетъ еще весьма опасаться, что турокъ, бди-

---

(1) О событіяхъ отъ 26 по 30 іюня — Skala. II. 178—230. Отвѣтъ Матвѣя, патентъ, объявленіе отъ 24 іюня и отвѣтъ директоровъ отъ 30 іюня въ подлинномъ и немецкомъ текстѣ — «Acta bohemica», 14—27.

тельный и хитрый врагъ, видя, какъ земли гибнуть, вторгнется и покоритъ ихъ. Наконецъ, еще не достаточно ясно, дѣйствительно ли вышли чехи изъ должнаго повиновенія». Въ слѣдствіе этихъ соображеній австрійцы предлагали Матвѣю передать свое дѣло съ чехами на третейскій судъ Максимилиана, курфирстовъ или кого-либо другаго⁽¹⁾.

Сочувствіе, хотя въ слабѣйшей степени, нашли чехи и у венгровъ-протестантовъ. Мы видѣли, что еще майскій съѣздъ постановилъ отправить въ Венгрію къ чинамъ, тогда собравшимся въ Пресбургъ для избранія Фердинанда, посольство съ просьбой — прислать двухъ уполномоченныхъ въ Прагу. Чехи надѣялись, что удастся убѣдить венгерскія сословія соединиться съ ними и не избирать Фердинанда. Посольство въ Венгрію принялъ Янъ Есенскій, *rector magnificus* пражскаго университета. Но когда Есенскій прибылъ въ Прагу, Фердинандъ былъ уже избранъ (16 мая) и коронованъ. Сеймъ расходился; только у нѣкоторыхъ протестантскихъ членовъ сейма Есенскій нашелъ сочувствіе чешскому дѣлу, но вскорѣ былъ арестованъ и отправленъ въ Вѣну. Не смотря на эту неудачу посольства, обращеніе чеховъ къ венграмъ имѣло тотъ результатъ, что протестанты потребовали прекращенія вербовки солдатъ для Матвѣя въ Венгрію, а въ концѣ іюля объявили въ Вѣнѣ, что въ слѣдствіе нѣкоторыхъ «уважительныхъ» причинъ они не могутъ помогать императору противъ чеховъ⁽²⁾.

Но, къ удивленію, далеко не съ той симпатіей отнеслась къ чешскому дѣлу земля, которую австрійцы называли «плечомъ» Чехія, и на которую всего болѣе могли рассчитывать въ Прагѣ — Моравія, родная по крови, родная по вѣрѣ, вторая представительница братской общины.

Еще мартовскій съѣздъ просилъ сословія Моравіи о защитѣ предъ Матвѣемъ, но отвѣта не было. Братъ Карлъ Жеротинъ, вождь Моравіи, былъ равнодушенъ къ дѣлу чеховъ. Когда вспыхнуло въ Прагѣ возстаніе, мы встрѣчаемъ Жеротина въ Вѣнѣ, при дворѣ, съ совѣтами правительству — какъ помириться

---

(1) Іѳ. 199—200. 270—276. (2) Іѳ. 325.

съ чехами. Уѣзжая изъ Вѣны, онъ обѣщалъ Матвѣю поддержку его предложеній на моравскомъ сеймѣ, который имѣлъ собраться въ Оломуцѣ 26 іюня, въ одно время съ чешскимъ революціоннымъ. На сеймѣ въ Оломуцѣ прибыло посольство изъ Праги съ просьбой о помощи, но сеймѣ отклонилъ эту просьбу и отправилъ Жеротина, кардинала Дитрихштейна и Карла Лихтенштейна въ Вѣну посредствовать примиренію, постановивши впрочемъ собрать на всякій случай войско. Но въ Вѣнѣ и слушать не хотѣли о предложенномъ моравскимъ посольствомъ примиренію, а въ началѣ августа прибылъ въ Берно на новый сеймъ самъ Фердинандъ и потребовалъ у него свободнаго пропуску чрезъ Моравію императорскаго войска и подмоги людьми. Сеймъ далъ согласіе на оба требованія, обѣщавъ подмогу въ пять тысячъ человекъ подъ командой кардинала Дитрихштейна⁽¹⁾. Но, помимо этого, сеймъ избралъ новую депутацію въ Вѣну для посредничества между императоромъ и чехами, въ которую снова попалъ Жеротинъ, поддерживавшій, согласно обѣщанію, требованія Матвѣя на сеймѣ.

Не такой поддержки ждали въ Прагѣ отъ своей первой соединенной земли: чехамъ пришлось ждать вторженія врага со стороны Моравіи.

Силезія, вторая соединенная земля, была много искреннѣе Моравіи, — она близко приняла къ сердцу дѣло чеховъ.

22 іюня воротились изъ Силезіи послы майскаго съѣзда — Альбинъ Шликъ, Фрувейнъ, Билый, и принесли такой отвѣтъ: силезцы, и во главѣ ихъ князь Легницкій и Брегскій, выражаютъ свое полное сочувствіе чехамъ, но на просьбу о подмогѣ въ 3 т. человекъ они могутъ дать отвѣтъ только на сеймѣ всѣхъ сословій, а таковой сеймѣ имѣетъ быть черезъ двѣ недѣли. 27 іюня чешскій сеймъ просилъ снова силезцевъ воспѣзнить съ подмогой, такъ какъ непріятель уже у границы, а «съ своими силами въ рядъ-ли намъ устоять». 3 іюля собрался сеймъ въ Вратиславѣ. Изъ Вѣны былъ присланъ комиссаръ Штралендорфъ. Въ рѣчи своей къ сейму онъ тяжело обвинялъ чеховъ за воз-

(1) ib. 325. Но ср. Gindely. «Dějiny». I. 311.

станіе, за приглашеніе Силезіи дѣйствовать за-одно съ ними противъ императора и требоваль отъ сейма — отказать имъ въ подмогъ и предложить сложить оружіе, а въ случаѣ отказа двинуть противъ нихъ войска. Въ отвѣтъ Матвѣю чины увѣряли въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, но выговаривали за событія въ Гросъ и Брумовъ, за принятый въ Вѣнѣ планъ дѣйствій — силою унять возстаніе, жаловались на свои бѣды отъ католиковъ и объявляли, что, въ силу обязательства 1609 г. чехамъ — стоять всеѣмъ имъ за-одно противъ каждаго рущителя правъ, они высылають двѣ депутаціи — одну въ Прагу, другую въ Вѣну, чтобы уладить дѣло, а для защиты своихъ границъ формируютъ 6 т. войска.

Дѣйствительно, въ слѣдъ за этимъ сеймъ отправилъ въ Вѣну князя Христіана Легницкаго, чтобы всячески удержать Матвѣя отъ войны, но въ Вѣнѣ, подъ вліяніемъ вѣстей изъ Моравіи, были глухи теперь къ словамъ мира (1).

Намъ остается теперь коснуться отношеній имперіи къ возставшему королевству: на протестантскую половину имперіи надѣялись въ Прагѣ.

Во главѣ протестантской Германіи, стоялъ Фридрихъ, курфирсть пфальцскій. Уже давно существовали самыя пріятельскія отношенія между Пфальцомъ и братскою общиною. Еще въ 1600 году Карлъ Жеротинъ обвинялся католиками, что оныя приготовляетъ престолъ чешскій пфальцграфу рейнскому (2). Въ 1609 году пфальцграфъ пособляетъ оппозиціи добыть маестатъ. Въ 1618 году, сейчасъ же по вылетѣ намѣстниковъ, авторъ одной анонимной брошюры предостерегаетъ Матвѣя, что чехи готовятъ престолы королевскій и императорскій пфальцграфу Фридриху, а ему весьма пахнетъ титулъ императорскій (3). Второй съѣздъ подобоевъ послалъ 26 мая въ имперію князьямъ объяснительную записку и «Первую апологію» и, несомнѣнно, и Фридриху. Когда война была уже рѣшена въ Вѣнѣ, въ началѣ іюля директорія отправляетъ пословъ къ Фридриху, Максимилиану ба-

(1) Skala. II. 196—199. 311—319. 320. (2) Brandl. «Spisy Žerotina» II. 2. 278. (3) Skala II. 183.

варскому и другимъ князьямъ и просить ихъ ходатайствовать предъ императоромъ, а въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта помочь. 9 іюля прибылъ въ Прагу ближній человекъ Фридриха, графъ Сольмсъ, съ порученіемъ — узнать на мѣстѣ объ истинныхъ цѣляхъ чеховъ. Въ частныхъ бесѣдахъ съ членами правительства онъ узналъ, что только немногіе директора требуютъ войны — президентъ, Будовець, Смиридей, что большинство охотно пошло бы на переговоры съ императоромъ; поэтому въ первые дни Сольмсъ былъ сдержанъ, и только когда директоріа прислала къ нему депутатовъ, онъ откровенно признался имъ, что чехи могутъ полагаться на Фридриха: онъ уже вошелъ въ сношенія съ другими протестантскими князьями, и всѣ сообща согласились — не допускать вербовки для Матвѣя, не позволять прохода войскамъ и сдерживать баварца; кромѣ того, есть надежды на Савойю и Венецію. Въ то же самое время Фридрихъ писалъ въ Вѣну — поудержаться отъ войны (1).

Естественно, чехи были очень обрадованы этими сообщеніями Сольмса и смѣлыми глазами взглянули на предстоящую борьбу съ императоромъ, тѣмъ болѣе, что Сольмсъ былъ еще въ Прагѣ, когда возвратились послы изъ Дрездена съ извѣстіемъ, что курфирстъ саксонскій принялъ посольство весьма радушно, похвалилъ дѣло чеховъ и обѣщавъ свою особенную помощь и ходатайство въ Вѣнѣ (2).

Было ясно, что Матвѣй могъ рассчитывать на католиковъ Венгріи, Моравію, Баварію да на земли патентованныхъ католиковъ — Испанію и Польшу. Объ Испаніи не чего говорить: она давно уже вступалась въ религіозныя неурядицы габсбургскихъ земель; что же касается до Польши, то Сигизмундъ III поспѣшилъ тотчасъ же заявить чехамъ свое негодованіе, какъ-де они смѣютъ бунтовать противъ своего государя. Въ концѣ сентября получено было въ Прагѣ въ высшей степени бранчивое посланіе отъ Сигизмунда: «мы никогда не надѣялись, чтобы ословія, завзятые и непослушныя мятежники, осмѣлились воз-

(1) О Сольмса — Skala. II. 299. Gindely. «Dějiny». I. 292—296.

(2) Skala. II. 194—195.

стать противъ своего императора и короля, чтобы осмѣлились пойти открытою войною противъ своего законнаго государя, и, что есть верхъ сумашествія и дерзости, гнусно отвергнуть все предложенныя имъ средства къ соглашенію недоразумѣнія; трубить — «къ оружію», противиться приказаніямъ своей власти, расправляться съ вѣрноподданнѣйшими своего короля, — значить бунтовать, съ корнемъ выворачивать права королевской власти и тѣмъ самымъ идти противъ Бога, а все это — знакъ высшей глупости». Сигизмундъ требовалъ сложенія оружія, иначе грозилъ войною съ своей стороны (1). Излишне упоминать, что люди, которые пошли противъ католическаго міра, оставили безъ вниманія неприличное посланіе польскаго короля.

Таковы были отношенія обѣихъ враждующихъ сторонъ къ своимъ сосѣдямъ, когда 12 августа открылись военныя дѣйствія на югѣ Чехіи вторженіемъ графа Дампьера съ 6-тысячнымъ войскомъ у Быстрицы, на границѣ нижней Австріи и Моравіи.

Начало войны было благоприятно чехамъ. Дампьеръ напалъ на Индриховъ Градецъ (Neuhaus), но не могъ взять, хотя городъ защищали всего три батальона земскихъ мункатеровъ; второй приступъ былъ также отбитъ, а между тѣмъ приближался Туръкъ отъ Будевницъ: Дампьеръ вынужденъ былъ отступить и укрѣпиться у Быстрицы, ожидая подмоги. На подмогу шелъ изъ Моравіи генер. Канъ и въ концѣ августа былъ въ Польной. Сюда 2 сентября прибылъ только что назначенный главнокомандующимъ всѣхъ императорскихъ войскъ — графъ Букуа. Онъ рѣшился сейчасъ же соединиться съ Дампьеромъ и со всеми силами двинуться на Прагу: въ Вѣнѣ были увѣрены, что это движеніе будетъ увѣнчано полнымъ успѣхомъ. 9 сентября соединенныя войска были уже въ Нѣмецкомъ Бродѣ. Въ то же самое время и боевыя силы чеховъ значительно увеличились: 20 августа прибылъ въ Прагу генералъ Мансфельдъ и, принятый на чешскую службу, двинулъ въ королевство изъ баварскаго Пфальца 4 тысячи войска, давно уже свербованнаго имъ въ Германіи. Директорія поручила Мансфельду заняться осадой

(1) ib. 397—398.

Пильзны, второго послѣ Будеевиць опаснаго города по своимъ католическимъ симпатіямъ. Въ началѣ сентября осада Пильзны началась. Такимъ образомъ, чешскія войска, вмѣсто того чтобы соединиться и вмѣстѣ ударить на имперцовъ, были бесполезно разбиты на двѣ дѣйствующія арміи, одна — на западѣ, другая на юго-востокѣ.

Вербовка новыхъ войскъ продолжалась: такъ 18 августа было сформировано въ Збраславѣ 1200 человекъ, и директорія поспѣшила послать этотъ отрядъ подѣ Будеевицы. Но вообще вербовка шла медленно: денегъ у директоріи не было, постановленія іюньскаго сейма остались на бумагѣ — сословія денегъ не вносили. 6 августа директора напоминаютъ сословіямъ и пріятельски ихъ просятъ поспѣшить со взносами, такъ какъ одинъ срокъ уже прошелъ, а второй (10 авг.) подходитъ: «вы можете знать, что дѣло наше не можетъ быть выиграно безъ денегъ». 16 августа они повторяютъ просьбу — въ виду приближенія третьяго срока. Такимъ образомъ, предложенная самими директорами мѣра — замѣна на время военной повинности денежными взносами, привела къ плачевнымъ результатамъ: рѣшеніе было пріостановлено, вербовка шла туго, за неизмѣнныя средства, и директора признали необходимымъ снова потребовать у земли земскаго ополченія. Въ этомъ смыслѣ былъ изданъ патентъ отъ 16 августа: напоминая еще разъ сословіямъ поспѣшить съ недоимками, директорія требовала, ссылаясь на постановленіе послѣдняго сейма, выставить въ теченіе двухъ недѣль пятаго и четвертаго (отъ городовъ) человека и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашала ихъ на сеймъ въ Прагу къ 27 числу текущаго мѣсяца. «Хотя директорамъ — гласилъ патентъ — пріятнѣе было бы достигнуть мира, полнаго обезпеченія свободы совѣсти и привилегій, безъ поднятія земли, но враги не перестаютъ подвигать императора противъ всѣхъ сословій, и онъ ихъ огласилъ уже мятежниками, — поэтому надлежитъ, по примѣру старыхъ чеховъ, предковъ своихъ, всѣмъ встать теперь за нѣбожіе, на защиту себя» (1).

(1) Skala. II. 332—334.

27 августа собрались чины, а 28 открытъ былъ сеймъ. Директоръ Ричанъ предложилъ собранію пригласить на сеймъ и католиковъ; такъ какъ дѣло идетъ о защитѣ свободы земли, слѣд., касается не однихъ подобоевъ. Чины приняли предложеніе и послали просить Штериберка, Вальдштейна, Демольта Лобковица и Чернина, но тѣ отказались явиться, за исключеніемъ Вальдштейна. Директорія внесла затѣмъ свои предложенія: она просила о выставленіи пятого человѣка отъ обоихъ высшихъ сословій и четвертаго отъ городского, о дозволеніи повторить сборъ съ десятого человѣка и сокращеніи сроковъ для платежей податей, разрѣшенныхъ еще сеймомъ 1615 года. Чины потребовали времени для обсужденія. Послѣ этого были прочтены: патентъ Матвѣя, распространяемый въ землѣ комиссаромъ Каномъ, и два посланія, отъ 10 и 20 августа. Патентомъ Матвѣй предупреждалъ народъ, что кто желаетъ остаться вѣрнымъ королю, долженъ заявить о томъ въ теченіе двухъ недѣль Кану; въ обоихъ же своихъ посланіяхъ онъ объявлялъ, что ни въ какіе переговоры онъ съ подданными своими вступать не думаетъ, а Канъ справится съ тѣми, кто будетъ противъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что не угроза комиссара, а непріятное предложеніе директоровъ объ увеличеніи средствъ обороны принизило воинственный духъ сословій, и они рѣшили — просить императора о мирѣ. Въ изготовленной Шликомъ просьбѣ сословія заявляли, что они, «вѣрные, послушные и твердые подданные», желаютъ отъ всего сердца «любезнаго мира» и потому просятъ императора удержать войска отъ дальнѣйшаго движенія внутрь страны и начать переговоры.

Сторонники Матвѣя — Вальдштейнъ, Трчка и Ст. Штериберкъ, рѣшились воспользоваться упавшимъ духомъ сословій и произвести реакцію въ пользу Вѣны: уговорить сеймъ оставить сопротивленіе и отдаться на милость императору. 29 августа Вальдштейнъ вошелъ въ залу въ сопровожденіи многочисленной свиты, съ сверткомъ бумагъ въ рукѣ и сѣлъ на первое мѣсто: его пріятели заняли тутъ же мѣста директоровъ. Самихъ директоровъ въ залѣ не было, — они, согласно этикету, находились у земскихъ досокъ; но въ залѣ присутствовали Турнь и новый

генералъ — Гогенлое. Вальдштейнъ перебиралъ бумаги; собраніе шумно говорило о текущихъ событіяхъ; нѣкоторые восхваляли патріотизмъ Трчки. Въ эту минуту подошелъ къ Трчкѣ Туркъ и обратился къ нему съ такою рѣчью: «не прилично порядочному человѣку говорить то, что вы говорили нѣкоторымъ почтеннымъ особамъ, что весьма были бы рады, если бы и директорія и дефензія съ пятымъ человѣкомъ исчезли, и что вы Господа Бога молитесь объ одномъ — какъ бы поскорѣй пришли императорскія войска и наказали виновниковъ всѣхъ нашихъ сумятицъ». Трчка былъ пораженъ, сталъ было возражать, но Туркъ ему замѣтилъ: «молчите и не отпирайтесь; если нужно, я укажу лицъ. Такъ вотъ достойные сыны отечества!»

Не смотря на это предостереженіе сторонникамъ Вѣны, Вальдштейнъ попросилъ вторичнаго прочтенія предложеній директоріи и когда просьба его была исполнена, онъ предложилъ — потребовать отъ директоріи всей ея переписки съ императоромъ и имперскими князьями на разсмотрѣніе сейму (1). Сторонники Вѣны поддерживали предложеніе Вальдштейна, но генералъ Гогенлое возразилъ: «къ чему намъ всѣ эти писанія? писанія воевать и будетъ и непріятеля изъ земли не выгонять; прикажите мнѣ и чрезъ двѣ недѣли я буду на вѣнскомъ мосту». Туркъ прибавилъ къ этому, что двухъ, трехъ дней мало для разборъ всѣхъ этихъ писаній, а тѣмъ временемъ непріятель подойдетъ къ Прагѣ, да и сеймъ созванъ не для того: онъ долженъ указать средства обороны. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ генераловъ и рѣшило — приступить къ вопросу объ оборонѣ. Для чего пригласить прежде всего директоровъ, не смотря на возраженія Вальдштейна съ пріятелями, что можно обойтись и безъ

---

(1) Слѣдуетъ замѣтить, что лишь только Дампьеръ вторгся въ Чехію грабя и паяя все по пути, директорія оповѣстила обо всемъ курьеромъ пезальцкаго и саксонскаго, прося о защитѣ. Оба курьера дали знать въ Вѣну, что если королевство чешское, «имѣющее не малый интересъ для всей имперіи», будетъ разоряемо, они станутъ на защиту его. (Skala II. 345—347). Изъ Праги отправили тогда же пословъ и въ Брандбургъ, откуда ходатайство было слабѣе. Очевидно, брандбуржецъ не желалъ вышиваться: моя хата съ краю. (Ib 348—350).

нихъ. Въ эту самую минуту показалась въ дверяхъ депутація отъ директоровъ, присланная просить собраніе дозволить имъ явиться на сеймъ. Естественно, большинство собранія отвѣчало согласіемъ, и только Вальдштейнъ, Трчка и Штернберкъ повторяли, что директора лишни. Черезъ нѣсколько минутъ вошли директора: на лицахъ ихъ было видно крайнее раздраженіе, нѣкоторые были блѣды, «какъ полотно». Они остановились предъ Вальдштейномъ и его пріятелями, занявшими директорскія мѣста. Указывая на послѣднихъ, Турнъ замѣтилъ директорамъ: «послушайте, какъ говорятъ эти господа!» Президентъ директоріи отвѣчалъ съ гнѣвомъ: «хотѣлъ бы я знать, кто эти паны, что воспрещаютъ намъ входъ сюда». Нѣсколько минутъ царило глубокое молчаніе въ залѣ, пока наконецъ сеймъ приступилъ къ обсужденію предложеній директоровъ.

Когда наступила очередь говорить Вальдштейну, онъ объявилъ, что право вносить предложенія въ сеймъ принадлежитъ одному королю, а директора предлагать не могутъ: пусть сеймъ лишитъ ихъ власти, откажется отъ обороны, распуститъ солдатъ и отдастъ себя на милость императора. Но противъ дерзкаго предложенія Вальдштейна подняли голосъ свой Гогенлоэ и Турнъ: «непріятель въ землѣ, земля должна подняться и именно противъ этого непріятели, а не противъ императора и короля, такъ хорошо извѣстно, что многое дѣлается, о чемъ императоръ и не знаетъ». Старый Будовецъ замѣтилъ къ этому, что нельзя думать о мирѣ, пока католики у весла⁽¹⁾. Послѣ недолгаго совѣщанія сеймъ единогласно (за исключеніемъ, конечно, Вальдштейна и его пріятелей) постановилъ — объявить рушеніе земли: «хотя наши вербованныя войска представляютъ достаточный отпоръ непріятелю, но должно опасаться дальнѣйшаго нападенія на края, такъ какъ отъ имени его величества пущены въ ходъ всякія средства, чтобы силою завладѣть королевствомъ, насъ, сословія, лишитъ нашихъ свободъ, славный народъ нашъ чешскій стереть съ лица земли». Въ теченіе недѣли люди должны

---

(1) Gindely. «Dějiny». I. 323.

были быть вооружены и представлены въ окружные города: Чаславъ, Нимбуркъ, Ровицаны, Таборъ и Прагу.

Такимъ образомъ, теперь оставалось рассмотреть второе предложеніе директоровъ — о новыхъ налогахъ, но сеймъ опредѣлилъ — отложить этотъ вопросъ на-завтра. Когда же 30 августа собрался сеймъ, то оказалось, что большинство членовъ его еще ночью тайкомъ уѣхало изъ Праги: засѣданіе не могло состояться, важный финансовый вопросъ остался не рѣшеннымъ. и сеймъ самъ собою закрылся (1).

Сеймъ продолжался три дня; если бы даже не было постыднаго бѣгства подобоевъ изъ Праги, сеймъ долженъ былъ поскорѣй кончать свои работы, такъ какъ непріятель былъ близокъ.

Мы оставили императорскія войска 9 сентября у Нѣмецкаго Брода. 10 сентября Букуа былъ уже въ Чаславѣ. Сюда же стягивались и чешскія войска. Здѣсь, по расчету Турна, имѣла произойти первая встрѣча съ Букуа, и потому сейчасъ же по закрытіи сейма Турнъ поспѣшилъ въ Чаславъ. Но Букуа не рѣшился на нападеніе: солдаты его грабили, жгли села, убивали женщинъ, дѣтей, позволяли себѣ всякія неистовства (2). Очевидно, Букуа ошибся въ своихъ расчетахъ на близкое усиленіе: войска его терпѣли недостатокъ во всемъ, а крестьяне встрѣчали ихъ съ крайнимъ озлобленіемъ и при случаѣ не давали пощады, такъ что 16 сентября Букуа вынужденъ былъ отступить къ Ледчу (3). Но Турнъ не преслѣдовалъ непріятеля, не смотря на то, что войска его не терпѣли лишеній, что мѣстное населеніе относилось сочувственно къ нимъ, что не далѣе какъ 17 сентября онъ получилъ подкрѣпленіе изъ Праги: Турнъ не съумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія.

Первыя, далеко не соответствующія общимъ ожиданіямъ въ Вѣнѣ дѣйствія императорскихъ войскъ имѣли тотъ результатъ, что при дворѣ утихъ воинственный пылъ и Матвѣй рѣшился на мирные переговоры, не смотря на недавнее громкое

(1) Объ август. сеймѣ — Skala. II. 350—371. Ср. Gind. I. 324.

(2) Skala. II. 385. 386. (3) ib. 392.

заявленіе , что у него съ подданными не можетъ быть трактаціи.

Мы видѣли, что моравскій сеймъ избралъ депутацію въ Вѣну для примирія Матвѣя съ его мятежными подданными. Ее составляли Жеротинъ, Лихтенштейнъ и нѣкоторые другіе. Въ Вѣнѣ рѣшили воспользоваться услугою мораванъ и дали знать Прагу, что въ половинѣ сентября туда прібудетъ моравская депутація.

По дорогѣ изъ Вѣны въ Прагу, въ лагерь Турна, мораване нашли крайне холодный пріемъ. Турнъ ихъ встрѣтилъ рѣзкими словами: «благодарю васъ, господа-пріятели, что вы были такъ честны и пустили къ намъ непріятеля въ землю; вспомнимъ мы васъ за это добромъ», и отказалъ имъ въ осмотрѣ лагера. Еще непривѣтливѣе встрѣтили ихъ въ столицѣ, куда они прібыли 16 сентября.

На другой день начались переговоры. Въ длинной рѣчи Жеротинъ изложилъ предъ директоріей и сеймовымъ комитетомъ⁽¹⁾ цѣль пріѣзда моравскихъ пословъ: оскорбленный императоръ поручилъ посредникамъ сказать чехамъ — пусть смиряется и своею покорностью снова пріобрѣтутъ любовь его. «Въ этомъ требованіи — пояснялъ Жеротинъ — нѣтъ ничего необычнаго, такъ какъ и до сихъ поръ сословія признаютъ его величество своимъ королемъ и государемъ, и для нихъ не оскорбительно отказаться отъ нѣкоторыхъ твердыхъ словъ и угрозъ; а такъ какъ необходимо было подумать о посредникахъ, то они, моравскіе послы, получили согласіе отъ его величества, что дѣло примиренія примутъ на себя княжескія особы; если примиреніе не состоится, то можно опасаться гибели цѣлаго королевства, — вѣдь императоръ великій и могущественный потентатъ и въ состояніи вести войну долѣе, чѣмъ сословія; кто же тогда будетъ отвѣчать — понять легко».

(1) Въ слѣдствіе нѣкотораго недовѣрія въ директорію послѣдній сеймъ въ засѣданіи 29 августа избралъ въ подмогу ей комитетъ изъ 27 человекъ отъ пановъ, 26 отъ рыцарей и 22 отъ горожанъ: «слышно, что вскорѣ прібудутъ важныя послы отъ моравскихъ сословій». Skala. II. 370. Имена ихъ тамъ же.

Какъ ня тяжело было слушать подобную грозную рѣчь моравскаго посла директорамъ и членамъ комитета, но они отвѣчали учтиво, что обстоятельства, на которыя указываетъ посолъ, слишкомъ серьезны и потому требуютъ обсуждения.

Это обсужденіе имѣло мѣсто 18 сентября. Чехи сильно жаловались на мораванъ, что послѣдніе обвиняють ихъ въ томъ, въ чемъ ужь никакъ не слѣдовало, якобы они оскорбили его величество, учредивъ директорію, дефензію и т. д. «Мы взошли изъ границъ маестата и сеймоваго рѣшенія — говоримъ чехи; сами мораване сдѣлали больше, когда въ слѣдствіе незначительнаго обстоятельства отступились отъ Рудольфа въ 1608 г. и пристали къ Матвѣю». Президентъ директоріи, Роуповъ, сообщилъ, что онъ имѣлъ частный разговоръ съ Жеротиницъ. Жеротиницъ предлагаетъ сложить оружіе и вытребовать отъ императора реверсъ, что если кто въ будущемъ нарушитъ маестатъ или свободы сословій, то они защищаютъ ихъ вооруженною рукой — тогда и мораване съ слезаками были бы ихъ помощниками, а теперъ готовы хлопотать о реверсѣ; но онъ, Роуповъ, отвѣчалъ, что къ императору еще могло бы быть отправлено письмо съ извиненіемъ, но отнюдь не такое, которое влекло бы за собой гибель свободъ свободныхъ сословій; что же до реверса, то если представленія курфирстовъ не имѣли силы, тѣмъ болѣе мораванъ, что мораване пріѣхали въ Прагу просто за тѣмъ, чтобы, подобно Пилату, омыть руки, а если бы они были искренни, то не допустили бы у себя вербовки солдатъ и не дали бы неприятелю свободнаго пропуска. 19 сентября продолжалось обсужденіе отвѣта посламъ, и наконецъ порѣшили отвѣчать письменно: изложить весь ходъ событій, но осторожно, «не объясняя имъ вполнѣ своихъ тайныхъ намѣреній».

Было ясно, что посредничествомъ моравскихъ пословъ намъ дорожили въ Прагѣ и имъ не довѣряли: отвѣтъ долженъ былъ только выяснитъ обстоятельства, вызвавшія возстаніе, и такимъ образомъ оправдать послѣднія; предложенія же пословъ обиделись.

Но въ это самое время, какъ готовили отвѣтъ, получили

были крайне неблагоприятны для чеховъ вѣсти изъ Силезіи, и это обстоятельство повліяло на измѣненіе ихъ отношеній къ моравскимъ посланцѣмъ.

Силезскій сеймъ, бывшій въ началѣ іюля, рѣшилъ отправить депутаціи въ Вѣну и Прагу и выставить 6 т. человекъ. То и другое рѣшеніе было вскорѣ приведено въ исполненіе: въ августѣ пріѣхалъ въ Вѣну князь Христіанъ Легницкій во главѣ силезской депутаціи, а въ то же время 6 тысячъ человекъ подъ начальствомъ маркграфа Крневскаго стояли у границъ королевства, съ нетерпѣніемъ ожидая приказа двинуться на соединеніе съ чехами. Князя, въ началѣ горячо сочувствовавшего чешскому возстанію, успѣли въ Вѣнѣ переманить на свою сторону, дали ему тайнаго совѣтника, ключъ и наследственное гетманство въ Силезіи, и онъ воротился на родину врагомъ чеховъ. Депутація была еще въ Вѣнѣ, когда въ концѣ августа силезскіе чины получили извѣстіе изъ Праги о грозномъ вторженіи Дампьера съ просьбой о помощи; чины отвѣчали, что надо обождать депутацію изъ Вѣны. Черезъ нѣсколько дней была получена въ Вратиславѣ новая просьба о помощи, и послали отвѣтъ, что на 1 октября назначенъ сеймъ, и онъ рѣшитъ все.

Мы видѣли, что 10 сентября театръ военныхъ дѣйствій перенесся въ Чаславъ, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ силезской границы, гдѣ стояло войско маркграфа Крневскаго. Нерѣшительный Турнъ опасался дать битву непріятелю съ одними чешскими войсками и потому умолялъ маркграфа спѣшить на соединеніе съ нимъ. Маркграфъ, не дожидаясь приказаній изъ Вратислава, рѣшился самовольно идти на помощь Турну и 13 сентября далъ знать земскому гетману, что идетъ въ Чехію, но отъ князя Легницкаго получилъ приказъ — остановиться. Маркграфъ «*litosť velikou a hněvem plákal*» — говоритъ Скала.

Такія-то малодѣйственные вѣсти получены были въ Прагѣ изъ Силезіи, когда директорія и комитетъ имѣли отвѣчать моравскимъ чинамъ.

Директора были опечалены, и Каплиръ въ рѣзкихъ словахъ, «*pro česku*», въ новой просьбѣ о помощи къ силезцамъ, напомнилъ имъ объ ихъ обязательствахъ, о той поддержкѣ ко-

торую они нашли въ Прагѣ въ 1609 году при полученіи своего маестата.

Съ уменьшеніемъ надеждъ на Силезію упалъ задоръ директоровъ и комитета, и они отвѣчали моравскимъ посланцѣмъ въ самомъ умѣренномъ тонѣ. Благодарили моравянъ за «сосѣдскій визитъ и ласковое напоминаніе», повторяли старое завѣреніе, что сословіямъ и въ голову не приходило возставать или оскорблять его величество, но объявляли, что требованія императора — что онъ не вступитъ въ переговоры, пока не будетъ распушено войско, они исполнить не могутъ, если напередъ не получатъ достаточнаго обезпеченія своимъ свободамъ и религіи, какъ это они указали послу саксонскаго курфирста (1), и потому просили, чтобъ императоръ вывелъ свои войска изъ Чехіи и затѣмъ распустилъ.

Передавши этотъ отвѣтъ, директора еще долго совѣщались — какъ дѣйствовать далѣе, и рѣшили: если императоръ распустилъ свои войска и не будетъ посягать на ихъ свободы, они съ своей стороны прекратятъ непріязненныя дѣйствія. Мирлобивое настроеніе стало явно преобладать у людей, стоявшихъ во главѣ возстанія, послѣ того какъ надежда на Силезію почти что исчезла (2). 25 сентября директора отправили въ Вѣну извинительное посланіе, о которомъ вскользь упоминалъ Роуновъ въ своемъ разговорѣ съ Жеротиномъ. Въ немъ они повторяли отвѣтъ моравскимъ посланцѣмъ: пусть императоръ отзоветъ свои войска изъ королевства, обезпечитъ сословія, — они распустиятъ солдатъ.

Самъ Матвѣй отъ души желалъ примиренія съ чехами. Въ отвѣтъ на чешское посланіе императоръ обратился къ курфирстамъ майнцскому, пфальцскому и саксонскому, къ герцогу ба-

---

(1) 15 сентября пріѣхалъ въ Прагу посолъ саксонскаго курфирста, Яковъ Гринваль, также для посредничества между чехами и Матвѣемъ. Его посредничество имѣло также мало успѣха, какъ и пословъ моравскихъ.

(2) О переговорахъ съ моравскими посредниками — Skala. II. 381—385. 387—392. 401—415. О силезскихъ дѣлахъ — ib. 393—394. Gindely. «Dějiny». I. 338—340.

варскому съ просьбой — принять участіе въ посредничествѣ, но, какъ первое условіе начатія переговоровъ, требовалъ сложенія оружія чехами. Въ томъ же смыслѣ Матвѣй писалъ въ Прагу, отвѣчая на извинительное посланіе (1).

Но при обоюдномъ желаніи мира съ той и другой стороны окончательное рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ зависѣло отъ того положенія, которое приметъ Силезія на сеймѣ 1 октября: склонится-ли она на сторону императора или чеховъ.

Мы видѣли, что при полученіи вѣсти объ удержаніи силезскаго войска отъ соединенія съ Турномъ директора послали въ Вратиславъ новую просьбу о помощи: но они этимъ не ограничились и отправили посольство изъ Андрея Шлива, Билаго и Фрувейна на октябрьскій сеймъ. Изъ Вѣны въ свою очередь были посланы на сеймъ императорскіе комиссары: Лихтенштейнъ, Бурггаузъ и Цетлицъ.

Въ своихъ предложеніяхъ сейму Матвѣй возражалъ чинамъ на ихъ прежнее ходатайство о чехахъ, что дѣла въ королевствѣ имѣютъ не религіозный, а чисто политическій характеръ, что онъ былъ правъ, когда послѣ вербовки чехами войска сталъ вербовать съ своей стороны, что какъ обыкновенный человѣкъ не отступается отъ своихъ правъ, такъ и ему нельзя глядѣть сквозь пальцы, когда у него отымаютъ его достоиніе, что, наконецъ, онъ готовъ вступить въ переговоры, если чехи сложатъ оружіе. Всѣ эти рѣчи клонились къ тому, чтобы убѣдить силезцевъ, что имъ не слѣдъ итти помощью къ чехамъ: «мы ницемъ — говорилъ императоръ — у сословія одного — не вмѣшиваться въ чешскія дѣла, войска не посылать».

Сеймъ обсудилъ просьбу императора и чеховъ и «не безъ тяжкаго спора» 12 октября опредѣлилъ: признавая, что событія, совершившіяся въ королевствѣ, имѣли религіозный, а не политическій характеръ, спѣшить на помощь чешскимъ сословіямъ-подобоямъ.

Тогда же сеймъ объявилъ земское рушеніе; на границу польскую отправилъ наблюдательный отрядъ для воспрепятство-

(1) Посланіе 25 сент. и Матвѣя - - S k. II. 417. 418. 419. 422—423.

ванія Сигизмунду напасть на чеховъ со стороны Силезіи, а маркграфъ Крневскій далъ знать въ Прагу, что идетъ на соединеніе съ чехами: въ концѣ октября онъ былъ уже въ чешскомъ лагерѣ (1).

Шансы чеховъ на успѣхъ борьбы увеличились.

Маркграфъ привелъ съ собою 4¹/₂ тысячи силезцевъ. Вѣсто того, чтобы общими соединенными силами ударить на Дампьера, который стоялъ теперь около Пельгримова, вблчзи границъ мораво-австрійской, и выбить его изъ королевства, Турнь приказалъ земскому ополченію разойтись по домамъ и ограничить оборонительной войной. «Турнь — говоритъ Скала — воздерживался отъ нападенія, потому что имѣлъ въ виду переговоры о мирѣ», но онъ не доразумѣвалъ той простой истины, что разбитый Дампьеръ былъ бы лучшимъ залогомъ успѣха переговоровъ, а разбить было нетрудно, такъ какъ войско Дампьера страдало отъ недостатка припасовъ и отъ болѣзней (2). Когда же въ началѣ ноября Турнь рѣшился перейти къ наступленію, императорскія войска стали отступать отъ Пельгримова на югъ, предварительно отпавивъ свою громадную добычу въ Австрію. Самъ Дампьеръ былъ въ Вѣнѣ — просилъ поддержаній.

Букуа, послѣ сентябрьскаго отступленія изъ-подъ Часлава отдѣлившійся отъ Дампьера, находился теперь въ Будеевицахъ. Не получая извѣстій отъ Дампьера, онъ двинулся отъ Будеевицъ на сѣверо-востокъ, 5 ноября былъ у Индрихова Града и осадилъ его. Но въ это самое время подходилъ къ Индрихову Градцу и Турнь съ своей 14 тысячной арміей, и 9 ноября онъ встрѣтился съ Букуа у Веселаго. Произошла жаркая битва продолжавшаяся пять часовъ, до поздняго вечера. Букуа былъ разбитъ и бѣжалъ въ Будеевицы, потерявъ около 2 т. Турнь преслѣдовалъ и осадилъ Букуа въ Будеевицахъ. Дампьеръ со свѣжимъ войскомъ шелъ на подмогу изъ Австріи, но былъ разбитъ и отступилъ въ Моравію (3).

Боевое счастье повезло чехамъ. Не умолкли еще въ Прагѣ

(1) О силезскомъ сеймѣ — Skala. II. 407—417. 432—433.

(2) ib. 434. (3) ib. 439—441.

ликованія и благодарственные молебны по случаю побѣды на югѣ, какъ получено было извѣстіе отъ Мансфельда, что 21 ноября Пильзень взятъ приступомъ (1).

Такимъ образомъ, къ концу ноября по всѣмъ пунктамъ королевства императорскія войска были разбиты; оставались однѣ Будеевицы, гдѣ заперся Букуа съ остатками своей арміи. Ясно, что послѣ того какъ по взятіи Пильзния войско Мансфельда было безъ дѣла, чехамъ надлежало общими силами ударить на Букуа и, взявши Будеевицы, въ конецъ очистить землю отъ непріятеля, — но Турнъ не соединился съ Мансфельдомъ: онъ оставилъ у Будеевицъ Гогенлоу, чтобы голодомъ принудить Букуа къ сдачѣ, а самъ съ 4 тысячнымъ войскомъ пошелъ на Вѣну. 25 ноября онъ перешелъ чешскую границу и въ первомъ же австрійскомъ мѣстечкѣ, Свѣтлѣ, настигъ непріятельскій обозъ съ добычей. Послѣ слабого сопротивленія обозъ былъ взятъ. Черезъ нѣсколько дней Турнъ былъ въ 9 миляхъ отъ столицы.

Приближеніе чеховъ навело ужасъ на Вѣну. Жители предмѣстій бѣжали въ старый городъ. Мостъ чрезъ Дунай былъ укрѣпленъ. Столицу защищало слабое войско Дампіера, въ 2 тысячи человекъ. Положеніе Матвѣя было критическое, и оно становилось еще хуже отъ того, что сословія обѣихъ Австрій были не прочь принять явно сторону чеховъ.

При переходѣ австрійской границы Турнъ издалъ прокламацію къ сословіямъ: онъ извинялся за вступленіе въ чужую территорию безъ оповѣщенія сословіи, ручался за безопасность и выражалъ надежду на содѣйствіе земли. Надежда не обманула Турна: австрійцы встрѣтили его не какъ врага, а какъ желаннаго гостя. Штаремберкъ, одинъ изъ вождей верхнеавстрійскихъ протестантовъ, посѣлилъ въ чешскій лагерь для привѣтствованія Турна, а сословія опредѣлили усилить войско и укрѣпили границу на сѣверѣ, чтобы вредить Букуа. Нижнеавстрійскія сословія бунтовали въ Вѣнѣ, а 8 декабря директора «пріятельски и сосѣдски» просили ихъ соединиться съ чехами въ сосѣдскую конфедерацію, разрѣшенную самимъ же Мат-

(1) ib. 528 и слѣд.

вѣемъ⁽¹⁾. Но австрійскіе протестанты пока еще медлили: помня того, что у нихъ былъ свой домашній врагъ — католики, они поджидали — какое окончательное рѣшеніе приметъ Моравія, а извѣстно было, что сословія моравскія крѣпко требуютъ соединенія съ чехами.

15 декабря былъ назначенъ сеймъ въ Бернѣ, по настоянію сословія, которыя остались недовольны результатами моравскаго посольства въ Прагу: моравскіе подобои требовали теперь вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла чешскія, а удачи чешскихъ войскъ въ ноябрѣ еще болѣе поддерживали воинственное настроеніе. Если Моравія объявитъ себя за чеховъ, примѣру ея послѣдуютъ обѣ Австріи, — положеніе Матвѣя было опасно. Понятно, императоръ употребилъ теперь все свое вліяніе на Жеротина, чтобы удержать Моравію въ вѣрности себѣ, и Жеротинъ и на этотъ разъ не отклонилъ отъ себя чести быть адвокатомъ императора. Въ подмогу Жеротину пріѣхали изъ Вѣны комиссары: Лихтенштейнъ, Коловратъ, бѣглець-кандидер Лобковицъ и секретарь Михна.

Но не бездѣйствовали и директорія: она послала на моравскій сеймъ трехъ своихъ членовъ: Ричана, Гершторфа, Михаловица, чтобы перетянуть сеймъ на свою сторону. Самъ Турп оставилъ армию въ Австріи и поспѣшилъ въ Берно. Наконецъ на сеймъ прибыли и посланники отъ Австріи, чтобы дѣйствовать въ пользу союза чеховъ и мораванъ, а изъ Силезіи на письменныя увѣщанія въ томъ же смыслѣ.

Жеротину, такимъ образомъ, предлежала нелегкая задача — сдержать симпатію къ «мятежникамъ» моравскихъ сословія, которыя дѣйствовали съ разныхъ сторонъ.

Не смотря на всѣ уговоры сторонниковъ Праги, Жеротинъ былъ непреклоненъ: въ поддержкѣ Матвѣя онъ сдѣлалъ заступничества земли, какъ своей, такъ и чешской. «Я никогда не былъ — пишетъ Жеротинъ одному пріятелю — врагомъ чеховъ»

---

(1) О походѣ на Вѣну — Skala. II. 443—447. III. 9. Gindely «Dějiny». I. 360. 361.

но никогда не хвалилъ тотъ способъ, который они употребляютъ при веденіи своей тяжбы» (1).

Сеймъ 15 декабря показалъ, какое громадное вліяніе имѣлъ Жеротинъ на сословія. Лишь только сеймъ былъ открытъ, сословія категорически заявили, что они требуютъ соединенія съ чехами и слышать не хотятъ ни о чемъ другомъ. Послѣ этого заявленія они прервали переговоры съ своими сотоварищами — католиками и образовали отдѣльный, частный сеймъ. Жеротинъ, какъ сторонникъ правительства, былъ удаленъ изъ среды подобоевъ; но онъ не упалъ духомъ и чрезъ два дня добился того, что былъ допущенъ въ собранія подобоевъ. Здѣсь силою своего убѣжденія онъ унялъ воинственный задоръ отдѣлившихся сословій и уговорилъ ихъ возобновить сношенія съ католиками, — и сеймъ, общавшій въ началѣ столь много въ пользу чеховъ, ограничился однимъ: онъ отправилъ въ Вѣну жалобу на притѣненія отъ домашнихъ католиковъ и пригрозилъ, что если въ теченіе 3 недѣль жалоба не будетъ удовлетворена, сословія-подобои вынуждены будутъ сами подумать о себѣ (2).

Новое объявленіе со стороны моравскихъ сословій своей нейтральности имѣло то слѣдствіе, что 15 января 1619 года нижнеавстрійскіе протестанты отвѣчали директорамъ, что вступить въ конфедерацію съ чехами они не могутъ, но въ будущемъ они готовы на конфедерацію, съ условіемъ, если она не идетъ противъ его величества или славнаго австрійскаго дома (3).

Такимъ образомъ, Турнъ, не найдя реальной поддержки со стороны австрійскихъ сословій, долженъ былъ отказаться отъ мысли осадить Вѣну, и вся его зимняя компанія въ Австріи ограничилась незначительными стычками съ императорскими войсками. А между тѣмъ времени потеряно было много: Букуа успѣлъ усилить себя свѣжими войсками; чешская же армія подъ Будаевницами не представляла ему серьезной опасности, такъ какъ была крайне ослаблена тяжелыми болѣзнями (4).

(1) Gindely. «Dějiny». I. 364. (2) ib. 366. Skála. II. 552. (3) ib. III. 11. (4) ib. II. 551. III. 23. 24.

Но какъ бы то ни было, ходъ военныхъ дѣйствій показаль, что, не смотря на всѣ ошибки чешскихъ генераловъ, съ «мятежниками» не такъ было легко справиться, какъ это первоначально мечтали въ Вѣнѣ: въ слѣдъ за вторженіемъ императорскихъ войскъ въ Чехію, одна часть ихъ должна была отступить въ Австрію, другая спастись за стѣны Будаевца и ограничить своя подвиги нещаднымъ сожженіемъ окрестныхъ селъ; наконецъ «мятежники» едва не осадили столицы. Весьма естественно, если въ виду такихъ обстоятельствъ въ Вѣнѣ стали желать теперь скорѣйшаго заключенія мира, тѣмъ болѣе, что нельзя было не видѣть, что продлиась война, и къ чехамъ легче присоединятся Моравія и Австрія. Мира, мы видѣли, Матей желалъ и раньше ноябрьскихъ неудачъ, но онъ предлагалъ предварительное требованіе, на которое не могли согласиться въ Прагѣ — сложить оружіе. «Это требованіе — писали директору Матейю отъ 29 ноября — не возможное; но тѣмъ не менѣе мы еще разъ осмѣливаемся просить ваше величество приступить къ желаннымъ мирнымъ переговорамъ и представить такія условія, которыя могли бы положить счастливый конецъ опасному и далеко зашедшему обоюдному недоразумѣнію». Съ своей стороны директоръ повторяли свои старыя условія: выводъ и распушеніе императорскихъ войскъ (1). Очевидно, и чешскія условія были не менѣе невозможны, но они не воспрепятствовали императору продолжать далѣе переговоры.

10 декабря прибылъ въ Прагу уполномоченный Матейъ Адамъ Вальдштейнъ, и представилъ на усмотрѣніе директору предварительныя условія для заключенія мира: сложеніе оружія, приостановка военныхъ дѣйствій на два мѣсяца, ходатайство черезъ Фердинанда о помилованіи и обмѣнѣ Яна Есенскаго и Вунзона и Тепенца, гетмана мельницкаго. Директора отвѣчали, что относительно первыхъ трехъ пунктовъ они одни, безъ свѣщанія съ сословіями слязскими, «своими конфедерантами», не могутъ сказать ничего; что же касается до обмѣна, то они согласны. При этомъ директора не проминули завѣрить импе-

(1) ib. II. 543—550.

раторскаго посла въ своихъ вѣрноподданныхъ чувствахъ и самомъ горячемъ желаніи заключить миръ. Изъ Праги Вальдштейнъ отправился далѣе въ Дрезденъ къ курфирсту саксонскому, который, по желанію Матвѣя, имѣлъ начать мирныя переговоры: онъ пользовался довѣріемъ и въ Прагѣ, и въ Вѣнѣ. Чрезъ двѣ недѣли, 25 декабря, прибылъ въ Прагу посолъ курфирста, Яковъ Гринталь, и въ устной бесѣдѣ сообщалъ директоріи условія императора: перемиріе на 2 мѣсяца, въ крайнемъ случаѣ на одинъ; переговоры начнутся въ Хебѣ (Eger) 10 января; въ нихъ примутъ участіе — курфирсты майнцскій, саксонскій, пфальцграфъ и герцогъ баварскій; до съѣзда всѣхъ посредниковъ переговоры ведутъ пфальцграфъ и саксонскій курфирстъ; императоръ не вводитъ новыхъ войскъ; силезцы согласятся на приостановку военныхъ дѣйствій; императоръ посылаетъ въ Хебѣ «нѣкоторыхъ чеховъ»; желательно, чтобы въ переговорахъ участвовали Силезія и кто-нибудь изъ чешскихъ генераловъ, хоть Тогенлое.

Въ самомъ примирительномъ духѣ писалъ теперь директорамъ и самъ Матвѣй, извѣщая ихъ о хебскихъ переговорахъ⁽¹⁾.

Но прошло 10 января, и уполномоченныхъ отъ директоріи не было. Въ Прагѣ понимали, что Матвѣй ищетъ «переговоръ съ своими подданными» по тому, что положеніе его затруднительно, но что самый миръ на-долго обезпеченъ быть не можетъ, и необходимо итти далѣе. Отъ переговоровъ удерживалъ директоровъ и пфальцграфъ Фридрихъ: онъ совѣтовалъ внести въ условія — отказъ Фердинанда отъ престола, и совѣтъ былъ принятъ⁽²⁾.

12 января посредникъ саксонскій упрекалъ директоровъ въ медлительности, въ явномъ нежеланіи начать переговоры и

(1) Отъ 31 декабря 1618 и 6 янв. 1619 г. Skala. II. 556—560. III. 1—2. Условія — ib. II. 552—554.

(2) См. требованія, предложенныя директорами. ib. III. 6. Ср. патентъ ихъ отъ 29 февраля. ib. 39. Между этими требованіями характеристичны еще слѣдующія: «король на будущее время не имѣетъ права возбранять чуждымъ сословіямъ закушку хлѣба; подати, утвержденныя сеймомъ 1615

послалъ еще разъ Гринтала въ Прагу за «конечнымъ» отвѣтомъ; но конечный отвѣтъ не могъ быть данъ уже по тому, что только въ исходѣ февраля имѣли прибыть уполномоченные изъ Силезіи — отъ «*spolubratíi i konfederantů*». Въ виду послѣдняго обстоятельства директора просили императора назначить другое, болѣе удобное время для переговоровъ. Курфирсть майнцскій и пфальцграфъ просили также объ отсрочкѣ, и курфирсть саксонскій, какъ первый посредникъ, отложилъ переговоры на 14 апрѣля (1).

Но, не смотря на все миролюбіе Матвѣя, въ Прагѣ смотрѣли по прежнему — недовѣрчиво на мирный исходъ «далеко зашедшей борьбы», и на 18 марта былъ назначенъ сеймъ.

Сеймъ былъ открытъ президентомъ Роуповымъ. Секретарь директоріи, Фрувейнъ, читалъ предложенія: мирные переговоры отложены на 14 апрѣля, и потому директора просить указаній — какъ защищать землю до переговоровъ и въ томъ случаѣ, если хебская интерпозиція не приведетъ ни къ чему.

По просьбѣ президента, сеймъ прежде всего приступилъ къ вопросу о средствахъ защиты; Роупова поддержалъ генералъ Гогенлое, прибывшій только что изъ лагеря: «великая опасность валится на чешское королевство», объявилъ онъ. Радславъ Вхисскій старался возбудить патріотизмъ сословій, напоминая имъ «славныя дѣла предковъ-героевъ, которые въ минуту опасности не мѣшкали, не требовали помощи чужой, а сами шли на врага». «Куй желѣзо, пока горячо» — заключилъ ораторъ. По непродолжительномъ совѣщаніи сеймъ постановилъ: кроиъ 20 человекъ отъ селъ и 16 отъ городовъ, объявляется общее рушеніе земли, «такъ какъ у непріятеля 7 полковъ и 6 тыс.

года на пять лѣтъ, считать уплаченными; долги королевскіе выплатить изъ имѣній архіепископа и капитульныхъ доходовъ или изъ продажи нѣкоторыхъ королевскихъ земель; пражскій университетъ поднять на уровеньъ имперскихъ; отбросить новый календарь, какъ поведшій къ большому недоразумѣнію. ib. 8.

(1) Письмо саксонца отъ 12 января — ib. III. 3—5; силезецъ о послалъ отъ 10 февраля. ib. 29—31; отвѣтъ директорамъ курьеру отъ 11 февраля — 32 33; отвѣтъ курьера директорамъ отъ 14 февр. ib. 35. 36.

конницы, а такому войску трудно было бы противустать съ 20 и 16 человекъ и съ навербованными солдатами, да и послѣдніе стоять много». Представители городовъ замѣтили при этомъ, что рушеніе земли слѣдуетъ организовать такъ, чтобы одинъ край не сидѣлъ сложа руки, въ то время какъ другой грабятъ. Послѣ этого сеймъ слушалъ только что полученное Штернберкомъ и Лобковицемъ посланіе отъ Матвѣя, въ которомъ императоръ напоминалъ сословіямъ о мирныхъ переговорахъ въ Хебѣ (1). Сословія одобрили переговоры: «что касается интэрпозиціи — писали они императору 20 марта, то мы весьма радуемся ей» (2), а 23 марта избрали уполномоченныхъ на хебскій конгрессъ: 11 человекъ директоровъ, въ томъ числѣ — Роупова, Будовца, братьевъ Шликовъ, и 7 — изъ своей среды. Уполномоченные имѣли предложить слѣдующія условія: маестать, оба соглашенія — неприкосновенны, безъ всѣхъ тѣхъ поясненій, что дѣлаютъ католики; мѣры, принятія императоромъ и католиками противъ свободы совѣсти, уничтожаются; декретъ объ изгнаніи іезуитовъ, какъ «рушителей общественнаго спокойствія», на вѣчныя времена изъ королевства остается въ полной силѣ; четыре статьи 1611 года имѣютъ быть снова разсмотрѣны; изгоняются изъ земли лица, своими интригами нарушавшія свободы земскія: канцлеръ Лобковицъ, Мартиницъ, Михна (съ потомствомъ), Фабрицій, Селендеръ и др. (слѣдуетъ списокъ); не допускаются къ государственной службѣ: бургграфъ Штернберкъ, Тальберкъ, Точникъ и др. (слѣдуетъ списокъ) (3).

Сейму оставалось рѣшить вопросы о средствахъ: о новыхъ взносахъ на содержаніе войскъ и поставкѣ провіанта. Для увеличенія денежныхъ средствъ директоріи сеймъ «не въ томъ намереніи, чтобы учинить какую либо помѣху всеми желанной интэрпозиціи» — опредѣлилъ: собрать всѣ недоимки съ 1615 г.;

(1) Посланіе это, отъ 11 (?) марта, вѣроятно, подложное (Skala. III. 56). Директора получили секретное извѣстіе 19 марта, что императоръ умеръ еще «въ минувшій понедѣльникъ», т. е. 11 марта (ib. 55); дѣйствительно же Матвѣй умеръ 20 марта отъ удара.

(2) ib. 66. (3) ib. 79—83.

отъ каждой крестьянской души сословія и лица духовныя вносить по 30 грошей; города платять вмѣстѣ 18.750 копей; имѣющіе грунты или дворы — по 3 копы; имѣющіе капиталы — по 6 копѣ съ каждой тысячи; уклонившіеся отъ прошлагодняго ополченія — по 120 гульденовъ отъ всадника и по 60 копѣ отъ пѣхотинца; у лицъ, бѣжавшихъ изъ земли, конфискуются имѣнія (1). Второй вопросъ — о поставкѣ зерноваго хлѣба, овса и ячменя въ проэктированные директорами провіантскіе магазины, поднялъ пѣлую бурю на сеймѣ: онъ снова явилъ наружу знакомый намъ уже эгоизмъ сословія, лишь рѣчь заходила о «штурмѣ ихъ кармановъ»; одни только щедрые взносы на словахъ были имъ лубы. Была избрана комиссія изъ 24 человекъ по вопросу о зернѣ, и въ ней паны и рыцари потребовали, чтобы поставку провіанта приняли на себя города: «собранные въ зеленой залѣ лица для обсужденія вопроса о провіантѣ — говоритъ Скала — не много сдѣлали, — каждый перебывалъ другъ друга, кричалъ, не хотѣлъ слушать другаго; но большинство желало взвалить эту обозу на городское сословіе» (2). Высшія сословія требовали, чтобы города внесли: каждый въ отдѣльности — по 200 корцевъ ржи и по-стольку же овса; всѣ сообща — 500 корцевъ ячменя, помимо общаго всѣмъ сословіямъ налога въ $\frac{1}{4}$ корца ржи и $\frac{1}{2}$ корца овса отъ крестьянина. Представители городовъ возстали противъ этого несправедливаго налога и объявили, что никогда не согласятся на него, такъ какъ онъ неравномѣрно падаетъ на города и высшія сословія, да и города разорены. Послѣ сильныхъ препирательствъ только нѣкоторые города сдѣлали уступку: они принимаютъ на себя взносъ въ магазины по 50 корцевъ овса и 20 — ржи, кромѣ столицы, которая вноситъ 500 корцевъ овса и 250 ржи. Высшія сословія приняли съ благодарностью рѣшеніе столицы, остальные же города освободили совершенно отъ зерноваго налога, «такъ какъ ихъ рѣшенія слишкомъ жалки». Поставку провіанта, волей — неволей, приняли на себя одни земельные собственники, т. е. главнымъ образомъ паны и рыцари, да и то живообразно:

(1) ib. 83—87. (2) Ш. 68.

по 1 вертелу ⁽¹⁾ ржи и по 2 — овса отъ грунта, или осѣдлаго крестьянина ⁽²⁾.

Еще въ началѣ сейма директорія получила темное извѣстіе о смерти Матвѣя; когда же сеймъ имѣлъ закрыться, бургграфъ Штернберкъ сообщилъ ему официальное извѣщеніе Фердинанда, отъ 21 марта, что «Господь Богъ отозвалъ императора, отца и брата, для вѣчной славы». Утверждая намѣстниковъ въ ихъ званіи, Фердинандъ поручалъ имъ оповѣстить сословія, что онъ вступилъ на престолъ, помнитъ обязательство о подтвержденіи земскихъ привилегій и постарается о скоромъ умиротвореніи земли.

Сеймъ не отвѣчалъ на это извѣщеніе, а 29 марта директорія сообщила землѣ о смерти стараго короля и напоминала сословіямъ — «любителямъ чести, славы божіей и своей родины», поспѣшить съ земскимъ ополченіемъ, такъ какъ «непріятель теперь навинется съ особенною силою» ⁽³⁾, не смотря на объявленіе Фердинанда лично подобоямъ, что онъ на дняхъ вышлетъ комиссаровъ въ Прагу для переговоровъ съ «своими милыми и вѣрными сословіями» ⁽⁴⁾. 4 апрѣля Фердинандъ отправилъ новое посланіе къ директорамъ, но они отослали его назадъ не распечатаннымъ. Черезъ нѣсколько дней Фердинандъ прислалъ въ Прагу утвержденіе всѣхъ земскихъ привилегій и просилъ намѣстниковъ напомнить сословіямъ, что онъ исполнилъ свое обѣщаніе, — очередь теперь за ними — быть вѣрну данной присягѣ. Но въ Прагѣ всѣмъ этимъ присылкамъ изъ Вѣны не придавали значенія и поспѣшили обратиться къ курфирстамъ пфальцскому и саксонскому, какъ «викаріямъ священной римской имперіи», съ просьбой о защитѣ противъ посягательствъ Фердинанда, который вмѣсто умиротворенія земли готовъ тѣхъ лицъ, которыя были «главными виновниками всѣхъ ея несчастій», возстановить въ ихъ прежнихъ званіяхъ. Курфирсты сдѣлали напомнаніе Фердинанду — дѣйствовать мирными средствами къ успокоенію земли, а не «слушаться злыхъ совѣтовъ» ⁽⁵⁾.

(1) Vértel съ нѣм. Viertel — четверть засеяннаго поля.

(2) ib. 71—75. 78. 87—88. (3) ib. 89. 96 (4) ib. 93.

(5) О всей этой перепискѣ — ib. 98—103. Ср. Slav, II. 294. 296.

Прошло 14 апрѣля — день, назначенный для открытія хебскаго конгресса, но въ Хебъ никто не пріѣзжалъ: Фердинандъ въ своихъ посланіяхъ изъ Вѣны видимо обходилъ вопросъ о мирныхъ переговорахъ, а еще менѣе охоты къ интерпозиціи, какъ мы видѣли, было въ Прагѣ, — и вопросъ о переговорахъ самъ собою заглохъ, «какъ въ воду канулъ», по выраженію Скалы (1).

Мирные переговоры уступили мѣсто силѣ, оружію, когда не стало старика Матвѣя, отъ природы мирнаго челоуѣка, но легко поддававшася «злымъ совѣтамъ» лицъ, ему близкихъ.

4 апрѣля собрался верхнеавстрійскій сеймъ въ Линцѣ; Фердинандъ и директора, каждый отъ себя, отправили на сеймъ пословъ, — и чехи взяли верхъ. 15 апрѣля былъ полученъ въ Прагѣ отвѣтъ отъ сейма, въ которомъ чины извѣщали, что они, за исключеніе духовенства, согласны на союзъ съ сословіями чешскими, «принимаютъ его съ открытымъ сердцемъ» и готовы начать переговоры съ другими землями о вступленіи въ общую конфедерацію. Фердинандъ поспѣшилъ отправить въ Линцъ грозное посланіе, объявилъ австрійцевъ «мятежниками», но тѣ отвѣчали протестомъ, что вмѣстѣ съ чехами они бьются «до послѣдней капли крови за честь божью и свободу родной земли».

Въ слѣдъ за верхней Австріей объявили себя на сторонѣ чеховъ и Моравія, столь много вредившая дѣлу возстанія.

Мы видѣли, что большинство моравскихъ чиновъ нельзя было заподозрѣть въ холодности къ чехамъ; но симпатію его сдерживали не многіе, но умные сторонники Вѣны: Жеротинъ, гетманъ Лобковицъ, генералы Вальдштейнъ и Находъ. Всѣ успія директоровъ послѣ декабрскаго сейма притянуть къ себѣ мораванъ были безуспѣшны; но теперь, когда чины верхней Австріи вступили въ союзъ, директора приказали Турну двинуться отъ австрійской границы въ Моравію и такимъ путемъ поднять землю.

Получивъ изъ-подъ Будеевицъ часть земскаго ополченія,

(1) іѣ. 92.

Турнь 21 апрѣля былъ уже въ Иглавѣ, а 30 въ Зноимѣ, между тѣмъ какъ силезцы сдѣлали диверсію къ Оломуцу. Прибытіе Турна развязало руки сторонникамъ чеховъ. 30 апрѣля завернули въ Зноимъ нѣкоторые моравскіе паны и рыцари, по дорогѣ въ Берно — на сеймъ, и привѣтствовали Турна. Чешскій генераль предостерегалъ гостей отъ козней католиковъ, особенно — отъ замисловъ Вальдштейна и Находа, и совѣтовалъ имъ не ѣздить въ Берно, въ крайнемъ же случаѣ — явиться туда съ хорошимъ конвоемъ, и тутъ же слегка замѣтилъ о цѣли своего прибытія — предложить союзъ съ чехами. Но предостереженіе было излишне: при первомъ извѣстіи о зноимскомъ свиданіи, тогда же 30 апрѣля, Вальдштейнъ съ подвѣдомственными ему полками моравскаго войска поспѣшилъ очистить Оломуцъ, предварительно ограбивъ земскую казну на 100.000 талеровъ, и, направивши полки къ Скалицѣ для занятія гравицы Венгрии, гдѣ католики формировали войска для Фердинанда, въ то время какъ противъ него подымались протестанты и Бетленъ Габоръ изъ Трансильваніи, самъ уѣхалъ въ Вѣну. Въ тотъ же самый день оставилъ Берно и Находъ, второй преданный Фердинанду моравскій генераль, не успѣвши переманить на свою сторону земскую конницу, находившуюся у него подъ командой.

Такимъ образомъ, Моравія очистилась отъ двухъ опаснѣйшихъ агентовъ Фердинанда, и чины заявили теперь Турну полную свою готовность войти въ союзъ съ чехами, конечное рѣшеніе о которомъ имѣетъ состояться на подлежащемъ сеймѣ. Турнь сейчасъ же сообщилъ директоріи о результатахъ своего вторженія и просилъ прислать пословъ на сеймъ: «начало дѣла было опасно, но теперь все уже идетъ какъ по маслу».

2 мая собравшіеся у Турна паны и рыцари отправились въ Берно и того же дня были на мѣстѣ. Укрѣпивши на-скоро Берно рейтарскими и казачьими полками, паны, рыцари и горожане тотъ-часъ же собрались на угольномъ рынкѣ и повлялись стоять до послѣдняго изнеможенія. Въ слѣдствіе измѣны Вальдштейна и Находа чины приказали кардиналу Дитрихштейну, главнокомандующему земскимъ войскомъ, сложить съ себя на-

чальство, Жеротину и Лихтенштейну сдѣлали строгій выговоръ, а на другой день, 3 мая, отъ кардинала и Жеротина взято было честное слово, что они не выѣдутъ изъ города. Лихтенштейнъ перешелъ на сторону земли. 4 мая чины собрались въ земскомъ домѣ и положили: образовать временное правительство — директорію, обновить всѣ земскія должности, назначить новыхъ генераловъ и изгнать іезуитовъ. Черезъ два дня состоялся декретъ объ изгнаніи іезуитовъ, а 8-го на мѣсто Вальдштейна и Находа были назначены Тифенбахъ и Владиславъ Жеротинъ.

Тогда же, 8 мая, прибыли въ Верно Турнъ и послы отъ директоріи, въ главѣ которыхъ стоялъ самъ президентъ Роуповъ, и встрѣтили радушный приемъ. Введенные на сеймъ, послы предложили моравскимъ чинамъ вступить въ конфедерацію съ чехами, соединить свои войска съ войсками чешскими и послать отъ себя делегацію въ Прагу для совокупнаго съ директоріей веденія дѣлъ. Сеймъ отвѣчалъ, что онъ не замедлитъ отвѣтомъ. Въ благопріятномъ отвѣтѣ нельзя было сомнѣваться: чтобы показать всю свою ненависть къ Вѣнѣ, чины готовы были съ сторонниками Фердинанда — кардиналомъ, Жеротиномъ и Лобковицемъ, расправиться такъ-же, какъ годъ тому назадъ расправидись чехи съ своими двумя намѣстниками, и только заступничество Турна и Роупова спасло ихъ отъ неминуемой смерти. Жеротинъ бѣжалъ изъ залы, а кардиналъ, павъ на колѣни, просилъ сеймъ о милости и обѣщалъ отречься отъ всего и пойти въ Римъ или Польшу.

11 мая отвѣтъ былъ готовъ. Сеймъ извѣщалъ директоровъ, что земля «съ сердечной скорбью» взираетъ на разореніе королевства и, помня свои обѣщанія, принимаетъ конфедерацію, соединяетъ свои войска съ чешскими и уполномочиваетъ Вильгельма Роупова, Криштофа Ричана, Олбрамовица, Медицкаго, Коликрайтера и Леопольда войти на основаніи заключеннаго соглашенія въ «свѣтой союзъ» съ королевствомъ и другими соединенными землями и дѣйствовать сообща къ установленію прочнаго мира⁽¹⁾.

(1) Дѣла австрійскія и моравскія — ib. 115—135.

Такимъ образомъ, силы чеховъ возросли: за нихъ стояли теперь почти всё земли, конфедераціей съ которыми такъ дорожили они еще въ 1611 году. Съ сѣвера, со стороны имперіи, они были обезпечены сочувствіемъ протестантскихъ князей и особенно — курфирста пфальцскаго, который, одобряя ихъ дѣйствія, не переставалъ обнадеживать ихъ, что онъ «поможетъ имъ въ ихъ несчастіи и отвратитъ его». Фердинандъ оставался при своихъ наслѣдственныхъ земляхъ и католической части Венгріи: его надежды были на испанскія войска, на католиковъ иноземныхъ. Естественно, если всё напомниманія эрцгерцога чехамъ о признаніи его королемъ, о томъ, что «оттягиванье дѣла ведетъ къ большимъ и большимъ несчастіямъ», были напрасны. Мысль о мирѣ была теперь слишкомъ далека отъ возставшихъ, и Турнь, счастливо покончивъ свое дѣло въ Моравіи, двинулся оттуда съ частью моравской арміи въ нижнюю Австрію, гдѣ, взявъ монастыри Эгенфуртъ и Бернекъ, осадилъ мѣстечко Лабъ. Протестантскіе чины нижней Австріи изъявили полную готовность вступить въ конфедерацію и послали уполномоченныхъ въ главную квартиру Турна, прося его только не разорать страны; католики были также не противъ союза, но свое рѣшеніе откладывали на-послѣ. Присоединивъ такимъ образомъ къ конфедераціи послѣднюю, не соглашавшуюся на нее землю, Турнь 2 іюня двинулся къ Вѣнѣ, у Фишаминде перешелъ Дунай, взялъ Энцерсдорфъ, а 6-го осадилъ вполношенную столицу.

По просьбѣ Фердинанда, осажденные протестантскіе чины отправили въ квартиру Турна депутатовъ спросить: что заставило его начать враждебныя дѣйствія противъ Вѣны, и если причиной какое недоразумѣніе, то не могутъ ли они помочь ему. Турнь съ сердцемъ отвѣчалъ, что его удивляетъ подобный вопросъ и объявивъ, что пока не уймутся безчеловѣчныя жестокости въ королевствѣ, пока не оставятъ землю войска Фердинанда, чехи не сложатъ оружія, потребовалъ отъ вѣнскихъ протестантовъ категорическаго отвѣта и «безъ всякихъ отлагательствъ», въ тотъ же самый день — какъ они намѣрены дѣйствовать далѣе. Въ виду такого опаснаго запроса протестанты просили эрцгерцога прекратить сейчасъ же «кровавыя бани» въ

королевствѣ, угрожая ему поднятіемъ австрійской земли, но Фердинандъ молчалъ. Турнъ, не получивъ отвѣта въ условленный срокъ, приказалъ «гуще обстрѣливать столицу изъ пушекъ и мушкетовъ, и днемъ, и ночью». Положеніе Фердинанда было крайнее, — но его спасли испанскія войска, шедшія съ запада изъ Бургундіи, подъ начальствомъ Донъ-Балтазара de Magrada.

Поспѣшно шелъ Донъ-Балтазаръ по южной Германіи съ своими солдатами, нанятыми въ Лотарингіи и Эльзасѣ, и въ началѣ іюня соединился съ Букуа. Усиленный свѣжими войсками. Букуа 8 іюня оставилъ Будеевицы съ Гогенлое и двинулся къ Тыну противъ Мансфельда, который тогда стоялъ въ Заблатѣ, у Нетолицъ. 9 іюня произошла жаркая кавалерійская схватка. Венгерскіе гусары стремительно ударили на кавалерію чешскую и обратили въ бѣгство; самъ Мансфельдъ едва спасся въ Тынъ. Лѣвое крыло пѣхоты было разбито, правое крѣпко держалось въ садахъ до вечера, но ночью оно сложило оружіе. Пораженіе чеховъ было рѣшительное.

Заблатская битва спасла Вѣну и Фердинанда. Путь къ Прагу былъ открытъ для Букуа, и потому 15 іюня директорія приказала Турну оставить Вѣну и поспѣшить на защиту земли. Турнъ тотчасъ же перешелъ Дунай, а 24 іюня былъ въ Соотслави, гдѣ засталъ армію Гогенлое, который, послѣ пораженія Мансфельда, счелъ для себя опаснымъ оставаться у Будеевицъ⁽¹⁾.

Итакъ, разомъ, одной битвой, уничтожены были всѣ ея столь недавнія блестящія надежды чеховъ: и директорія, и чешскіе генералы показали всю свою неукѣлость руководить военными дѣйствіями и пользоваться выгодами минуты. Ни стѣсненное положеніе Фердинанда, лишеннаго почти всѣхъ средствъ защиты ни многожеланное вступленіе въ конфедерацію Моравіи и Австріи не принесли пользы: вмѣсто того, чтобы соединить всѣ свои силы и сообща ударить на Букуа, и, снявши послѣдній ошестъ Фердинанда, двинуться на Вѣну, Турнъ, Гогенлое, Мансфельдъ дѣйствуютъ врозь, на различныхъ пунктахъ, вяло занимаютъ бесполезными осадами по полу-году, пока своею медлительностью

(1) Осада Вѣны, битва у Заблатъ — ib. 148—159. 159—169.

не дали времени усилиться неприятелю, который, разбивъ на голову одного изъ нихъ, привелъ въ замѣшательство остальныхъ двухъ, — Гогенлоэ снимаетъ полугодовую осаду Будеевицъ, Турнъ — Вѣны, и оба спѣшаютъ на защиту земли. Замѣсто наступленія еришлося подумать объ оборонѣ, съ войскомъ, упавшимъ нравственно.

Тридцатиголовая директорія не давала единства дѣйствіямъ, а между тѣмъ несчастныя событія послѣднихъ дней показали, что въ единствѣ — единственное спасеніе. Весьма понятно, если многіе патріоты, видя почти гибель дѣла, «когда генералы съ своими солдатами не въ состояніи защитить даже себя», были недалеки отъ отчаянія: «приходили — говорить Скала — къ дивнымъ мыслямъ — какъ помочь дѣлу» (1).

Директерія рѣшила созвать общій сеймъ и ему предоставить — изцѣлить недуги.

Имѣвъ съ лихорадочно-торопливымъ укрѣпленіемъ столицы директорія пригласила земли, вступившія въ союзъ, прислать своихъ уполномоченныхъ въ Прагу къ началу іюля для конечнаго опредѣленія конфедераціи.

Въ началѣ іюля съѣхались уполномоченные Моравіи, Силезіи и обѣихъ Лужицъ и на 8-ое назначили открытіе сейма. Депутаты отъ Австрій прибыли нѣсколькими днями позже.

Послѣ торжественной молитвы въ святотроицкой нѣмецкой церкви въ Меньшемъ Мѣстѣ уполномоченные собрались во дворцѣ и здѣсь, по представленіи своихъ ввѣрительныхъ грамотъ, получили отъ директоровъ, каждая земля отдѣльно, по копіи сеймовыхъ предложеній. Во дворцѣ было отведено и помѣщеніе посланъ.

Въ своихъ предложеніяхъ директора дѣлали перечень событій съ апрѣля по іюнь, но съ большою долею хвастливости. «Благодаря земскому рушенію и геройской храбрости сословія славнаго народа чешскаго — говорили директора — много добраго сдѣлано и королевству, и землямъ союзнымъ: сословія маркграфства моравскаго вступили въ конфедерацію; за ними послѣ-

(1) ів. 172.

довали чины обѣихъ Австрій — легче поднялись изъ своего стѣпеннаго положенія; протестанты венгерскіе не дозволили Фердинанду вербовать гайдуковъ противъ королевства, а славные potentаты и иные народы милостиво приняли извѣщеніе о мужественномъ рѣшеніи королевства и прислали въ помощь денегъ, — ясно, что объявленное рушеніе земли было ненапрасно. Но, съ поущенія божія, за грѣхи наши, Фердинандъ отправилъ новыя войска въ Чехію, а тѣ, нечаянно напавъ на Мансфельда, разбили его, такъ что генералы должны были оставить Рудольфштадтъ и отойти въ болѣе безопасное мѣсто къ Собѣславу: всякій разумный человѣкъ легко можетъ судить, что въ этомъ не были виноваты ни директора, ни генералы». Далѣе директора сообщали о двухъ посланіяхъ Фердинанда, которыя они не желали было даже распечатывать: эрцгерцогъ требуетъ безусловнаго доущенія къ управленію землей, — но «вещь эта сама по себѣ великая и относится ко всѣмъ землямъ, земли же тогда еще не были въ союзѣ, — потому мы и не отвѣчали, а курфирсту майнцскому сообщили, что при избраніи новаго императора не должны быть забыты сословія королевства, такъ какъ Фердинандъ пока не дѣйствительный король чешскій». Въ виду всего этого директора предлагали послать на обсужденіе слѣдующіе два вопроса: покончить дѣло о конфедераціи и отвѣтить Фердинанду отъ общаго имени, предупредивъ ихъ, что на дняхъ имѣютъ собраться и сословія королевства, «чтобы сообща поразмыслить о путяхъ и средствахъ, какъ помочь землѣ, какъ добыть прочный миръ» (1). Дѣйствительно, 12 іюля чины были приглашены «на общее свиданіе».

Итакъ, если полагаться на слова директоровъ, они правятъ землей прекрасно: чехи покрываютъ себя геройскою славою, а если ихъ и разбили однажды, то «съ поущенія божія, за грѣхи», а директора не виноваты, да и это ничего не значить; что же касается до неотвязчиваго Фердинанда, то надо же ему когда нибудь отвѣтить. Но въ своей рѣчи въ сословіямъ королевства, 23 іюля, президентъ директоріи прямо

(1) Текстъ предложеній — ib. 180—188. Письмо въ Майнцъ — Sl. II. 320.

заявилъ, что «отечество въ величайшей опасности», а подъ глухимъ предложеніемъ объ отвѣтѣ скрывалось иное: директора рѣшили, по объявленіи общей конфедераціи, предложить избрать новаго короля и такимъ образомъ сложить съ себя слишкомъ тяжелую власть.

23 іюля открытъ былъ чешскій сеймъ. Ему на обсужденіе были предложены два вопроса: 1) отвѣчать-ли Фердинанду и если отвѣчать, то какъ? 2) откуда взять денегъ на содержаніе войска?

Такимъ образомъ, въ то время какъ уполномоченные Моравіи, Силезіи и Лужицъ обсуждали во дворцѣ вопросъ о конфедераціи, не спѣша выработывали виѣстѣ съ директорами текстъ союзнаго договора, на сеймѣ чешскія сословія занимались отвѣтомъ Фердинанду, такъ какъ было рѣшено — отвѣчать, и своими домашними дѣлами.

Но проектъ отвѣта былъ готовъ скоро, а сословія чуть не недѣлю провозились въ неприличныхъ ссорахъ между собой изъ-за мелкихъ эгоистическихъ счетовъ. Прежде всего спѣнились другъ съ другомъ города и рыцари изъ-за права варить пиво, покупать соль и т. д. Рыцари требовали, чтобы привилегіи третьяго сословія не нарушали ихъ правъ и вообще высшихъ сословій, такъ какъ на дѣлѣ уже есть нѣсколько такихъ нарушеній; но депутаты отъ городовъ отвѣчали имъ, что если кто вздумалъ бы коснуться ихъ правъ, то это будетъ не такъ легко — они откажутся отъ взноса утвержденныхъ сеймомъ налоговъ и оставятъ сейчасъ же сеймъ. Города отстаивали свои права противъ тѣхъ, «которые полагали, что имѣютъ дѣло съ своими холопами» (1). Но еще большій скандалъ произошелъ на сеймѣ, когда бѣдные паны и рыцари внесли жалобу на отвиливанье богатыхъ своихъ сотоварищей отъ военной службы. «Великая несправедливость — жаловались они — была при рушеніи земли: мы, бѣднѣйшіе, должны были итти въ поле, тогда какъ болѣе зажиточные паны и рыцари оставались дома, сказавшись больными, а между тѣмъ на другой день по выступленіи въ походъ другихъ они

(1) Слова Скалы. III. 199.

выздоровливали». Поэтому эти бѣдные панн и рыцари требовали отъ сейма, чтобы онъ освободилъ и ихъ отъ военной службы, грозясь, что въ случаѣ отказа они «вторгнутся въ помѣстья оставшихся дома, расквартируютъ тамъ своихъ солдатъ и не выйдутъ оттуда, пока не выберутъ потраченныхъ въ походѣ денегъ». Съ трудомъ успокоили директора недовольныхъ, что вторгаться не слѣдъ, что тогда силезцы и венгры откажутъ въ помощи, а расходы могутъ быть уплачены. Было еще нѣсколько стычекъ между сословіями, напр. изъ-за варки пива въ Будевицахъ, когда третье сословіе заявило, что оно не утверждаетъ конфедераціи. Что же касается до просимыхъ директоріей денегъ, то сеймъ постановилъ: взнестъ всѣ недоимки съ 1616 года къ 14 сентября и взнести по 6 грошей съ 100 копъ движимаго или недвижимаго имущества (1).

30 іюля явился, наконецъ, въ сеймъ президентъ директоріи съ объявленіемъ, что послѣ долгихъ споровъ дѣло о конфедераціи покончено съ уполномоченными Моравіи, Силезіи и Лужицъ.

Громкій звонъ колоколовъ во всѣхъ церквяхъ столицы извѣстилъ жителей о наступленіи торжественнаго дня — 31 іюля; священники увѣщевали народъ горячо молиться за счастливое окончаніе конфедераціи. По выслушаніи церковной службы, въ 8 часовъ утра собрались чины королевства въ сеймовой залѣ и ждали прихода уполномоченныхъ; только къ 10 часамъ прибыли послы: сначала были введены въ обширную судейскую залу мораване, затѣмъ князь Вацлавъ Минстербергскій съ силезцами, верхнелужичане, наконецъ нижнелужичане, и заняли директорскія мѣста. Когда все утихло, президентъ директоріи открылъ засѣданіе краткою рѣчью. «Съ благословенія божія — сказалъ Роуповъ — дѣло конфедераціи приведено къ концу; сегодня имѣетъ быть утвержденіе святаго союза любви и единенія, и потому намъ не остается ничего другаго, какъ, выслушавши еще разъ всѣ статьи конфедераціи, съ которыми мы знакомы частно, въ переговорахъ съ послами, приложить къ договору печати

(1) Подробности о взносахъ — Skala. III. 321—322.

всѣхъ трехъ сословіи королевства и уполномоченныхъ земель и утвердить его нашими присягами. Падемъ же съ сокрушеннымъ сердцемъ на колѣни и помолимся Господу Богу, да продлится эта святая конфедерація до скончанія вѣка и да останется не нарушимой отъ враговъ вѣры и нашей земли, особенно, въ настоящее опасное время».

Всѣ пали на колѣни и долго молча молились. По окончаніи молитвы, секретарь директоріи, Фрувейнъ, взомель на кафедру и прочель чешскій текстъ договора; за нимъ нѣмецкій секретарь директоріи, др. Лукъ, прочель текстъ нѣмецкій. Чтеніе обоихъ продолжалось около 4 часовъ.

«Давно уже земли моравская и силезская, верхнія и нижнія Лужицы, отчасти по своей доброй, свободной волѣ, отчасти въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, соединились съ чешскимъ королевствомъ, но безъ всякой наследственности, и, какъ вѣрные сочлены, вошли въ такой союзъ и братское соединеніе, что не могло быть и мысли о расторженіи его. Но всегда находились люди непокойные, которые силились внести недоразумѣнія, неудовольствія, разрывъ, и въ 1618 году это единое тѣло едва не расторглось. Вотъ почему означенныя земли признали необходимымъ вступить между собою еще въ болѣе тѣсный союзъ, чтобы при помощи его быть въ состояніи обезсилить всѣ интриги враговъ, сохранять добрыя отношенія между верхностями и крестьянами, добрый миръ между землями, держать охранную руку надъ всѣми землями, сословіями и обывателями ихъ, безъ различія вѣры, наблюдать справедливость въ отношеніи правъ, свободъ, привилегій каждой земли и въ минуту опасности, особенно, при нарушеніи общаго мира въ вопросахъ религіозныхъ или политическихъ, помогать другъ другу». Засимъ слѣдовали условія союзнаго договора, въ числѣ 100 статей. Главнѣйшія условія были слѣдующія. Король признаетъ и хранитъ настоящую конфедерацію; онъ не совѣтуется ни съ іезуитами, ни съ чужими послами о дѣлахъ земли и не допускаетъ иностранцевъ на должности; іезуиты изгоняются на вѣки; отнятыя церкви возвращаются евангеликамъ; Моравія и Лужицы получаютъ маестатъ, подобный чешскому и силезскому; крестьяне на зе-

дьякъ короля, духовенства и католическихъ господъ пользуются свободой вѣры; нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ назначаютъ сословія; за жизнь короля избирается ему преемникъ не иначе, какъ съ общаго желанія земель; король избирается на генеральномъ сеймѣ въ Прагѣ всѣми землями, каковой сеймъ назначаютъ дефензоры; при избраніи первый голосъ принадлежитъ чехамъ, второй — мораванамъ, третій — силезцамъ, четвертый верхнимъ лужичанамъ, пятый — нижнимъ, шестой, заключительный — чехамъ; при нарушеніи королемъ свободы вѣры и настоящей конфедераціи чины освобождаются отъ присяги и объявляютъ дефензію; безъ согласія сословій король не объявляетъ войны, набора, не строитъ крѣпостей и т. д.; разрѣшаются сѣзды: каждая земля имѣетъ своихъ дефензоровъ; Чехія высылаетъ: Моравіи, Силезіи — 1000 человекъ коннаго и 3000 пѣшаго войска, верхнимъ Лужицамъ — 150 и 300, нижнимъ — 100 и 200 человекъ; въ соотвѣтствующемъ количествѣ высылаютъ подмогу и эти земли Чехіи; на содержаніе войска идутъ: добровольные взносы, конфискаціи имѣній духовныхъ — рушителей мира, контрибуціи, налоги (1).

По окончаніи чтенія каждая земля присягнула на сохраненіе «святаго союза». Пушечная и ружейная стрѣльба, звонъ колоколовъ оповѣстили столицу о счастливомъ окончаніи засѣданія 31 іюля.

Теперь чинамъ королевства и уполномоченнымъ земель оставалось условиться объ отвѣтѣ Фердинанду. 2 августа была отправлена депутація отъ сейма къ посламъ, чтобы начать переговоры объ отвѣтѣ, но мораване объявили, что у нихъ нѣтъ достаточнаго полномочія и потому просятъ разрѣшенія послать курьера въ Берно; сословія разрѣшили послать даже депутацію, и затѣмъ сеймъ былъ закрытъ на время.

---

(1) Чешскій текстъ договора у Славаты — II. 203—212; нѣмецкій въ современномъ оофициальномъ изданіи — «Artikel, welche in aller dreyer Herren Stände dess Königreichs Böhmeim auffm Präger Schloss gehaltenen Zusammenkunft . . . . berathsclaget und geschlossen worden sein». Prag. (1619?). 7—31.

Через нѣсколько дней получено было добавочное полномочіе отъ моравскихъ сословій, которыя въ началѣ августа успѣли одержать двѣ побѣды надъ Дампіеромъ и выгнать его изъ земли, и въ то же время занимались секуляризациею церковныхъ имѣній (1), а 15 августа сеймъ возобновилъ засѣданія.

По желанію директоровъ вопросъ объ отвѣтѣ былъ отложенъ, и сеймъ согласился приступить прежде всего къ заслушанью союзнаго договора Чехіи и соединенныхъ земель съ верхней и нижней Австріями, послы которыхъ были уже давно въ Прагѣ. На слѣдующій день, 16 августа, были приглашены на сеймъ уполномоченные земель и австрійскіе послы, прочтены были два договора о «пріятіи давно желанной, необходимой и спасительной конфедераціи и генеральной дефензіи» наслѣдственными землями Фердинанда, и всѣ присягнули (2).

Теперь настала очередь отложенному вопросу — объ отвѣтѣ Фердинанду, значеніе котораго понимали одни директора да генералы: чины королевства въ одинъ день было изготовили отвѣтъ, но не такого отвѣта искали директора у земли.

Въ засѣданіи 17 августа сеймовому обсужденію этого вопроса директора предпослали чтеніе своего мнѣнія о правахъ Фердинанда на престолѣ. Оно было составлено въ самомъ неприязненномъ для эрцгерцога смыслѣ. «Прежде чѣмъ сословія королевства приступятъ къ обсужденію отвѣта — писали директора — и прежде чѣмъ рѣшатъ — отвѣчать и что отвѣчать, надлежитъ имѣть въ виду слѣдующее основное положеніе: съ того самого времени, какъ импер. Фридрихъ объявилъ землю королевствомъ, сословія получили отъ него право на свободное избраніе короля». Здѣсь директора ссылались на грамоты Фри-

(1) S k a l a. III. 224—231.

(2) Договоръ съ верхней Австріей изъ 9 статей; съ нижней — безъ раздѣленія статей. Оба помѣщены въ «Artickel...» 32—36. 37—44. Содержаніе ихъ: забота о мирѣ и благосостояніи земель; непосредственность религіозныхъ и политическихъ привилегій, маестата, правъ, свободъ; союзъ оборонительный и наступательный, на вѣчныя времена; взаимная помощь etc.

дриха II и др.; на золотую буллу Карла I отъ 1348 года, объясняя ее по своему, маестатъ 1370 года, указывали на избраніе Подѣбрада, Владислава, Фердинанда I, свободное принятіе Максимилиана, Рудольфа и, наконецъ, на избраніе Матвѣя. «Свободное избраніе Матвѣя было утверждено договоромъ 1608 года, сеймомъ, записями, при чемъ былъ водворенъ миръ въ землѣ, установлено полное соглашеніе между религіозными сторонами. Сословія надѣялись, что послѣ этого обновленія стародавнихъ привилегій и религіознаго мира, имъ будетъ возможно въ покоѣ служить Богу и королю. Но, съ навожденія дьявольскаго, прошло немного времени — и снова вспыхнули наружу тѣ, что уже раньше работали надъ уничтоженіемъ свободы совѣсти и свободы избранія, и открыто продолжали свою работу. Они знали, что Фердинандъ штирійскій, воспитанникъ іезуитовъ, гонитель подобоевъ у себя, есть первый врагъ евангелической церкви, и потому уговорили Матвѣя приготовить ему престолы чешскій и вергерскій. Король назначилъ сеймъ; когда нѣкоторые представляли, что принятіе противно свободамъ земли, что на сеймѣ нѣтъ земель соединенныхъ, имъ пригрозили: «у васъ вѣдь не двѣ головы», — и Фердинандъ былъ принятъ, объявленъ и коронованъ. Но тѣмъ не менѣе Фердинандъ далъ обязательство, что сословія онъ будетъ держать въ милости, при жизни не будетъ вмѣшиваться въ управленіе, въ противномъ случаѣ сословія свободны отъ присяги, и въ теченіе 4 недѣль по смерти Матвѣя онъ подтверждаетъ земскій уставъ во всѣхъ его частяхъ. Что же оказалось на дѣлѣ? Фердинандъ вмѣшивался въ управленіе землей, побуждалъ Матвѣя къ войнѣ противъ чеховъ, своихъ солдатъ отправилъ изъ Фріуля въ королевство, у Моравіи потребовалъ свободнаго пропуска войскамъ, а по смерти Матвѣя принялъ ихъ къ себѣ на службу. Зла или добра могутъ ждать сословія отъ него, особенно, если они примутъ во вниманіе договоры съ испанскимъ королемъ? Итакъ, сеймъ и послѣ рѣшать: отвѣчать-ли Фердинанду и что? Если Фердинандъ будетъ допущенъ къ престолу, сословія теряютъ право свободнаго избранія, платятъ солдатамъ своего врага, имя божіе предается на поруганіе, конфедерація гибнетъ».

По прочтеніи протеста, посланнаго во Франкфуртъ, о недопущеніи Фердинанда къ избранію императора и исторической записки о дѣятельности его до и послѣ коронованія, засѣданіе 17 августа было закрыто: было поздно.

Теперь, по прочтеніи всѣхъ этихъ документовъ, въ засѣданіи 19 августа начались сужденія объ отвѣтѣ: не трудно было предвидѣть, чѣмъ они кончатся. Первый Колонна Фельзескій подалъ голосъ противъ отвѣта Фердинанду: «я служилъ отцу Фердинанда — сказалъ старый генералъ, но ходатайствовать за сына не могу и не желаю, и совѣтую сословіямъ поискать иного господина». За нимъ въ томъ же смыслѣ говорили: Роуповъ, Лобковицъ, Ричанъ, Шликъ, и всѣ остальные директора изъ пановъ и рыцарей. «Я — говорилъ президентъ — не могу совѣтовать отвѣчать Фердинанду, чтобы не подавать ему надежды на возможность еще какой-либо трактации; но необходимо напечатать дедукцію, почему Фердинандъ отстраняется отъ управленія, и подумать объ иной власти, которая, вмѣстѣ съ сердцемъ божіимъ, умѣла бы болѣе уважать и обѣщанія свои, и присягу, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Когда послѣ этого «регентъ сейма», Богухвалъ Берка, обратился къ панамъ и рыцарямъ за ихъ мнѣніемъ, они отвѣчали, что согласны съ мнѣніемъ Роупова. Третье сословіе также объявило, что Фердинанду не отвѣчать, а издать дедукцію.

Собіраніе голосовъ было окончено; Берка заключилъ его объявленіемъ, что такъ какъ всѣ три сословія согласились — не писать Фердинанду, а напечатать объясненіе, и поразмыслить объ иной власти, то остается одно — просить Бога Всемогущаго о благословеніи ихъ дѣла.

Собраніе отвѣчало: аминь!

Тогда же 19 августа рѣшеніе сейма было сообщено моравскимъ посламъ, черезъ день — силезскимъ и лужицкимъ, и отъ всѣхъ полученъ былъ одинъ отвѣтъ: «не желаемъ отдѣляться отъ сословіи королевства».

Всѣ пять голосовъ, согласно конфедераціи, были отобраны, и всѣ они были противъ Фердинанда; оставалось услышать шестой, заключительный голосъ, принадлежавшій чехамъ, и онъ

былъ выслушанъ въ засѣданіи 22 августа: «такъ какъ — сазалъ президентъ — король Фердинандъ сословіями королевства чешскаго, маркграфства моравскаго, обѣихъ Силезій и Лужицъ лишень своего незаконнаго принятія и коронованія, въ слѣдствіе невыполненія записи и присяги, то намъ остается одно — изготовить дедукцію и пригласить для составленія ея и мораванъ».

Такимъ образомъ, въ засѣданіи 22 августа Фердинандъ былъ изложенъ, по единодушному желанію королевства и земель, которыя объявили себя за избраніе новаго господина, «съ сердцемъ божіимъ», «уиѣющаго уважать свое слово». Виѣстѣ съ этимъ сословія и послы согласились — дѣло избранія не откладывать: «чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше» — сказалъ Роуповъ, а мнѣніе его было принято сеймомъ. Вотъ почему Берка въ засѣданіи 23 августа обратился къ сейму съ такимъ напоминаніемъ: «и странѣ нашей, и землямъ опасно быть долго безъ головы, — не угодно-ли будетъ сословіямъ, не теряя времени, пригласить делегатовъ и сейчасъ же заняться избраніемъ короля — въ этомъ все счастье королевства и земель, единственный путь къ достиженію прочнаго мира». На это напоминаніе собраніе отвѣчало единогласно: «единими усты и единымъ сердцемъ да поручатъ себя всѣ сословія Господу Богу и сокрушенно молятъ Его, да ниспешлетъ на нихъ Духа Святаго для просвѣщенія ихъ мыслей и да укажетъ имъ короля, который сыновне боялся бы его, ходилъ по пути заповѣдей его, любилъ справедливость, порядокъ и право».

Особые депутаты тотчасъ же сообщили это рѣшеніе сейма посламъ земель, а по полуторочасовомъ совѣщаніи директоровъ Берка объявилъ чинамъ, что избраніе короля назначается на понедѣльникъ, 26 августа. Въ виду важности предстоящаго засѣданія регентъ сейма напомнилъ сословіямъ — не разтѣзаться и не горевать о расходахъ.

Наступило 26 августа. Собраніе сейма было многочисленное: чины тайкомъ не разтѣхались. Послѣ продолжительныхъ пререканій между Фельзескимъ и президентомъ директоріи о порядкѣ и днѣ избранія, вызвавшихъ тяжелое раздраженіе въ сеймѣ, сословія положили — пристуить сегодня же къ избранію.

Замѣсто того, чтобы идти въ церковь, сеймъ принялъ предложеніе представителей городовъ, и были пропѣты чешскій и нѣмецкій гимны: «Bože otče, sešliž nám pyní ducha svatého», «Gott der Vater, wohn uns bei»! Всѣ пали на колѣни и горячо молились.

По приглашенію регента сейма Фельзескій началъ первый рѣчь. «Сословія — сказалъ генераль — должны выбрать лютеранина, но который не тѣснилъ бы кальвинистовъ, или наоборотъ; лучшимъ кандидатомъ, по моему простому мнѣнію, былъ бы курфиреть саксонскій: онъ богатъ, сосѣдъ нашъ, другъ датскаго короля, и у него много пріятелей въ имперіи». Мнѣніе генерала принялъ и Мрацкій, но говорившій третьимъ, директоръ Ричанъ предложилъ иного кандидата, болѣе пріятнаго: «намъ нуженъ король, который вывелъ бы насъ изъ нашихъ бѣдъ и помогъ намъ — разумный, острый, проницательный; такимъ именно я нахожу курфирета гейдельбергскаго, — онъ первый курфиреть, 23 лѣтъ, директоръ уни, имѣетъ добрыхъ совѣтниковъ, многихъ пріятелей — короля англійскаго, князя Морица и др.» Президентъ директоріи поддержалъ мнѣніе Ричана и къ доводамъ его прибавилъ указаніе услугъ, оказанныхъ уже пфальцграфомъ чешской землѣ: «онъ первый принялъ на дѣлъ къ сердцу наши тяжелыя обстоятельства» — заключилъ свою краснорѣчивую рѣчь Роуповъ. Подававшіе затѣмъ голоса паны были то за пфальцграфа, то за саксонца, но большинство было на сторонѣ перваго: 36 противъ 6.

Послѣ этого Каплиръ, «первый директоръ отъ рыцарей», пригласилъ второе сословіе приступить къ подачѣ голосовъ: 110 голосовъ получилъ пфальцграфъ и 1 саксонецъ. Когда очередь пришла депутатамъ отъ городовъ, они единогласно объявили себя за пфальцграфа.

Такимъ образомъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ былъ избранъ Фридрихъ пфальцскій. Собраніе пропѣло нѣсколько братскихъ гимновъ и пало на колѣни.

По предложенію регента сейма, только что состоявшееся рѣшеніе было сообщено тотчасъ же посламъ земель: явились послы, но было поздно, и засѣданіе было отложено до-завтра.

Въ засѣданіи же слѣдующаго дня, 27 августа, уполномоченные Моравіи, Силезіи и Лужиць, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, объявили, что они принимаютъ рѣшеніе сейма. Тогда президентъ директоріи торжественно объявилъ, что сословія и земли избираютъ и провозглашаютъ королемъ чешскимъ Фридриха V, пфальцграфа рейнскаго.

Общая молитва въ залѣ, пушечная и ружейная пальба на площади, звонъ колоколовъ и пѣнье «Te Deum» по всѣмъ церквямъ пражскимъ — заключили избраніе.

1 сентября избраніе было объявлено въ чешскихъ и нѣмецкихъ церквяхъ столицы, а 3-го сеймъ послѣдилъ письменно сообщить свое рѣшеніе новоизбранному королю, между тѣмъ какъ въ Прагѣ снаряжалось въ путь къ Фридриху многочисленное посольство, избранное еще въ засѣданіи 28 августа, отъ королевства и земель: въ него вошли между прочими президентъ Роуповъ, Берка и братья Шлики.

Только 24 октября чешское посольство прибыло въ Вальдсасъ, въ верхнемъ Пфальцѣ, недалеко отъ Хеба, гдѣ въ то время находился Фридрихъ съ своей семьей, и въ тотъ же день послы были приняты на аудіенціи. Андрей Шликъ произнесъ нѣмецкое привѣтствіе пфальцграфу, а президентъ Роуповъ французское — графинѣ Елисаветѣ, дочери Іоакима I англійскаго. На рѣчь Шлика объ избраніи Фридрихъ отвѣчалъ согласіемъ, хотя до-того нѣсколько колебался; графиня благодарила Роупова по-французски. День 24 октября закончился веселымъ обѣдомъ, на которомъ новая королева «съ Христіаномъ, княземъ Ангальтскимъ, Роуповымъ и другими панами, уиѣвшими хорошо по-французски, вела различныя бесѣды до самого вечера». Когда послы изъ дворца возвратились къ себѣ на квартиру, имъ была тотчасъ же прислана королевская записка на сохраненіе всѣхъ правъ, свободъ и обычаевъ земель, помѣченная еще 10 октября.

Черезъ недѣлю, 31 октября, новый король съ семьей былъ въ Звѣздѣ, на Бѣлой горѣ, а вечеромъ того же дня имѣлъ торжественный вѣздъ въ столицу. 4 ноября происходилъ обрядъ коронаванія, чинъ котораго былъ заранѣе составленъ нижней консисторіей, въ присутствіи многочисленныхъ пановъ и рыцарей.

представителей земель, при чемъ «администраторъ консисторіи, Юрій Мирковскій, и братскій старѣйшина, Янъ Цириллъ, исполняли обязанности епископа». Предъ выходомъ короля изъ церкви, Янъ Есенскій привѣтствовалъ его отъ имени университета рѣчью, въ которой «препоручалъ милостивой и отцовской защитѣ его ученіе пражское и профессоровъ, со всѣми почтенными школами». Шумный миръ до ночи въ королевскомъ дворцѣ, веселые тосты за здоровье «всѣхъ сословій королевства и земель», за здоровье короля, масса изданныхъ виршей и орацій — закончили веселый день 4 ноября.

Излишне упоминать, что низложенный король успѣшилъ издать протестъ противъ самовольнаго лишенія его сословіями королевскихъ правъ, — но на него въ землѣ никто не обратилъ вниманія (1).

Итакъ, новый король, «съ сердцемъ божиимъ», сидѣлъ теперь на престолѣ св. Вячеслава; по вѣрованію избравшихъ сословій, онъ, «разумный, проникательный, храбрый», выведетъ несчастную землю изъ ея донныѣшнихъ испытаній: онъ поможетъ землѣ, добудетъ прочный миръ. Но оправдались-ли упованія земли — укажетъ скорое будущее.

На первое время военное счастье снова повезло чехамъ. Еще въ началѣ августа получено было въ Прагѣ пріятное извѣстіе изъ Венгріи, что князь седмиградскій, Ветленъ Габоръ, готовится ударить на Фердинанда съ юга, со стороны Штиріи, съ 30-тысячной арміей и уже вступилъ въ переговоры о пропускѣ чрезъ верхнюю Венгрію съ мадьярами-евангеликами, которые не прочь избрать его королемъ (2). Директорія успѣшила отправить въ Ветлену нѣкоего Марка воеводу съ просьбой — помочь. 18 августа тотъ отвѣчалъ чехамъ изъ Вайсенбурга чрезъ своего посла, Стефана Гатвана, что обезпеченный со стороны Порты, которая «милостиво разрѣшила ему держать надъ

(1) Занятія сейма въ июль и августъ, избраніе Фридриха, посольство, коронованіе — Skala. III. 188—213. 233—261. 269—270. 276. 279—298. 300—304. 318. 326—336. 347—361. 369—377. 2 протеста Фердинанда — ib. 422—423. 430. (2) ib. 271.

дѣлами христіанскими свою бдительную и охранную руку», онъ немедля выступаетъ въ походъ, а въ сентябрѣ будетъ у моравской границы и поэтому просилъ директоровъ — ограничиться пока, до соединенія съ нимъ, оборонительной войной. 6 сентября Гатванъ былъ принятъ директорами и сообщилъ имъ, что Бетленъ пойдетъ на Кошицы, 20 тысячъ отдѣлитъ чехамъ и вступить съ ними въ конфедерацію. Въ отвѣтъ Бетлену, посланномъ съ Гатваномъ, директора благодарили за союзъ, просили спѣшить, и Бетленъ тотчасъ же двинулся изъ Клаузенбурга, принимая по пути подъ свою охрану переполошеннымъ венгерскимъ магнатовъ (1).

Извѣстіе о союзѣ чеховъ съ Бетленомъ произвело крайне тяжелое впечатлѣніе въ Вѣнѣ, и Фердинандъ приказалъ Буку спѣшить изъ Чехіи на защиту столицы. Въ началѣ октября Буку оставилъ Чехію. За нимъ шелъ торопливо къ Вѣнѣ и Дампьеръ изъ Моравіи, разбитый у Пельгримова, «съ своими казаками, радами (сербами) и тому подобною сволочью изъ Венгріи» (2).

Черезъ нѣсколько дней по отступленіи Буку двинулся изъ Чехіи и Турнъ съ своими чешскими и мораво-силезскими полками. Въ Чехіи остался Мансфельдъ.

19 октября Буку, по соединеніи съ Дампьеромъ, съ арміей въ 20 тысячъ человекъ укрѣпился у Вѣны. 13 октября Турнъ соединился у Лундебурга, на полу-пути между Берномъ и Вѣной, съ 12-тысячнымъ войскомъ трансильванскаго генерала Редя и въ то же время получилъ отъ Бетлена изъ-подъ Пресбурга пріятное извѣстіе, что онъ, Бетленъ, препоручилъ полякамъ оставить въ покоѣ Силезію и Венгрію, если они не желаютъ посѣщенія къ себѣ турокъ. 20 октября Турнъ былъ у Никольсбурга, а 23 у Вѣны. Войско Редя поступило въ полное распоряженіе Турна, такъ что у чеховъ подъ Вѣной было 26 тысячъ человекъ — грозная по тогдашнему армія.

Буку сильно укрѣпилъ лагерь, но послѣ жаркаго арьергарднаго дѣла 24 октября онъ на другой день перешелъ черезъ

---

(1) ib. 337—341. (2) ib. 342.

Дунай и расположился въ лѣсу, на островѣ Пратерѣ, а 26 октября и послѣдніе полки его оставили укрѣпленную позицію по ту сторону рѣки и уничтожили за собою мостъ. Въ теченіе этихъ немногихъ дней и Турнъ и Букуа понесли значительныя потери убитыми и ранеными, хотя у Скалы на одного чеха показано десять непріятелей. Срывши шанцы, Турнъ расположился лагеремъ не вдалекѣ отъ уничтоженнаго моста, у Корнеубурга. Всѣ его попытки перейти на правый берегъ Дуная были неудачны, и непріятельскія дѣйствія ограничились кавалерійскими стычками; только въ половинѣ ноября союзники успѣли перейти Дунай ниже Вѣны, по пути къ Пресбургу, а затѣмъ началось страшное разореніе окрестностей столицы на пространствѣ отъ Врука до Бадена⁽¹⁾.

Такимъ образомъ, Букуа держался крѣпко; чехи съ гайдубами Бетлена не могли взять Вѣны, предъ стѣнами которой они бесполезно стояли теперь уже въ третій разъ. А между тѣмъ наступила осень, зима; заготовленій не было; деньги были нужны, а денегъ изъ Праги не присылали, такъ какъ касса правительства была пуста. Правда, августовскій сеймъ много занимался вопросомъ о недоимкахъ, отыскиваньемъ новыхъ источниковъ доходовъ, — директорія предлагаетъ напр. отобрать всѣ золотыя и серебряныя вещи у частныхъ лицъ, распродать королевскія ивнѣя, — но всякое увеличеніе расходовъ на содержаніе войска было крайне не по сердцу сословіямъ, и они отклоняютъ предложеніе объ отобраніи цѣнныхъ вещей и жалуются, особенно рыцари и города, что и безъ того уже слишкомъ много тратится на войско⁽²⁾. Если интендантская часть у чеховъ велась дурно на мѣстѣ, когда войска еще были у себя дома: августовскому сейму генералы жалуются, что солдаты мрутъ отъ голода и дезертируютъ; конные полки посылаютъ депутатовъ на сеймъ съ требованіемъ денегъ за 4 мѣсяца и продажи припасовъ изъ провіантскихъ складовъ по болѣе сходной цѣнѣ; рыцари и города негодуютъ, что командиры богатѣютъ на счетъ

(1) ів. 345. 362. 408—409. (2) ів. 273—275.

солдаты, а бѣдные солдаты — нищие, больные, гибнуть (1), — то понятно, снабженіе арміи сдѣлалось еще неудовлетворительнѣе при выступленіи ея за границу. Турнъ стоялъ подъ Вѣной безъ денегъ, безъ припасовъ, безъ амуниціи; въ чешскомъ лагерѣ обнаружился голодъ и морь: офицеры по 4, 5 дней не видали куска хлѣба, рядовые мерли страшно, такъ что въ арміи насчитывалось не болѣе 7 тысячъ здоровыхъ людей (2). Въ день рождества король получилъ напоминаніе отъ Турна — поспѣшить съ уплатой жалованья «чрезмѣрно обнищавшему войску, иначе солдаты посягнутъ на средства опасныя и гибельныя для королевства и земель», но комиссары опасаются бетленовскихъ гусаръ и задерживаютъ деньги въ Моравіи (3). Наконецъ, силезцы оставляютъ чешскій лагерь и спѣшатъ домой, куда вторглись поляки, не смотря на полученное отъ Бетлена предостереженіе, а самъ Бетленъ вступаетъ въ переговоры съ Фердинандомъ: 26 декабря Фердинандъ принималъ посла Бетленова, графа Форгача, чрезъ нѣсколько-же дней отправилъ своихъ уполномоченныхъ въ Пресбургъ (4). Естественно, этого не ожидали въ Прагѣ отъ своего союзника седмиградскаго, — но Бетленъ устроилъ свои дѣла такъ, что и съ Фердинандомъ помирился, и отъ чеховъ не отсталъ.

Еще 11 ноября пріѣхалъ въ Прагу извѣстный Редей съ предложеніями отъ Бетлена: Чехія и земли съ одной стороны, Венгрія и Седмиградія съ другой — вступаютъ въ конфедерацію; одна сторона не заключаетъ мира, ниже какого обязательства, безъ вѣдома и согласія другой; война союзниковъ съ домогъ австрійскимъ идетъ на общій счетъ; союзники шлютъ пословъ въ Константинополь, сообща дѣйствуютъ противъ Сигизмунда польскаго, въ случаѣ нападенія на одного изъ нихъ и т. д. Но, главное, Бетленъ не забылъ о себѣ: за свое добровольное участіе въ войнѣ чеховъ съ Фердинандомъ онъ потребовалъ уплаты 100 тысячъ гульденовъ, да на укрѣпленіе южной границы Венгріи королевство и земли выслали бы ему, не иѣшкал,

---

(1) ib. 271. 272. 277. 278. (2) ib. 424. 425. (3) ib. 421. 424. (4) ib. 424. 426.

300 тысячъ копѣй. Тяжело было слышать въ Прагѣ требованіе о деньгахъ: «не много помощь Бетлена принесла намъ пользы—говорили сословія, а вреда—на много тоннъ золота»; въ конфедерацию-же съ Венгріей, Седмиградіей—какъ не вступить, и потому король Фридрихъ уполномочилъ генерала Гогенлое въ Пресбургъ на венгерскій сеймъ. Въ концѣ ноября посолъ былъ въ Пресбургѣ, но безъ денегъ, и встрѣтилъ холодный приѣмъ отъ сейма. Гогенлое предложилъ отъ имени Фридриха союзъ и просилъ прислать уполномоченныхъ въ Прагу, но сеймъ отвѣчалъ ему: «надо полномочіе не отъ короля Фридриха, а отъ сословія, да и королевство венгерское во всѣхъ такихъ обстоятельствахъ имѣло деселѣ первенство предъ чешскимъ, а потому сеймъ находитъ неприличнымъ отказываться ему отъ перваго мѣста и дѣлать какія-то прогулки въ Прагу; пусть сословія вышлютъ своихъ уполномоченныхъ не позже 24 декабря и скажутъ ясно—желаютъ-ли они союза или нѣтъ». Эта аудіенція была 1 декабря, а чрезъ нѣсколько дней король Фридрихъ получилъ умоляющее писъмо отъ Гогенлое—послѣднить съ высылкой комиссаровъ отъ сословія въ Пресбургъ. Король и сословія сейчасъ же избрали уполномоченными: Гогенлое, Турна, Фельзескаго, Каплира и Ешина и оповѣстили союзныя земли: Моравію, Силезію, Лужицы и Австрія, выслать своихъ комиссаровъ въ Пресбургъ. Но не всѣ чешскіе уполномоченные могли участвовать на сеймѣ: Турнъ уѣхалъ въ Моравію, Фельзескій и Бубна остались при арміи, такъ какъ Букуа сталъ готовиться къ наступленію противъ чеховъ, и въ Пресбургѣ на помощь Гогенлое прибыли только больной Каплиръ да Ешинъ⁽¹⁾.

Въ Пресбургѣ, такимъ образомъ, въ концѣ 1619 года собрались послы Фердинанда, послы Фридриха и одни начали торгъ съ Бетленомъ, другіе трактацию съ венгерскими сословіями.

Мы видѣли, что Бетленъ денежной награды отъ чеховъ не получилъ; 24 декабря прибываетъ отъ него новое посольство въ Прагу и повторяетъ старое требованіе: дадите денегъ или

(1) ib. 413—415.

нѣтъ — отвѣтите ясно ⁽¹⁾. Естественно, денегъ въ Прагѣ не дали. А между тѣмъ со стороны цесарскихъ пословъ предлагаются выгодныя условія, если только Бетленъ согласится на миръ: «за доброе сосѣдство Фердинандъ готовъ уступить въ пожизненное владѣніе часть Венгріи, въ своемъ королевствѣ чешскомъ подарить панство въ 300 тысячъ копей да въ придачу нѣсколько панствъ въ Силезіи, но съ условіемъ — императоръ вступаетъ въ переговоры съ однимъ Бетленомъ и ни съ кѣмъ болѣе». Бетленъ сообщилъ условія чешскимъ посламъ и давалъ видѣ, что онъ не приметъ условій, не пойдетъ противъ предложенной конфедерации, но въ то же время совѣтовалъ чехамъ мириться: «хотя я до послѣдней капли крови буду помогать вамъ, но не гоже пренебрегать никакими средствами для заключенія мира; Фердинандъ жизнью пожертвуетъ, но отъ войны не отстанетъ; вѣдь у него пять миліоновъ наличныхъ денегъ; повсюду нанимаются новыя войска; испанецъ, папа и другіе ему помогаютъ». Гогенлое смѣясь замѣтилъ на это Бетлену: «шутки все это, а на дѣлѣ нѣтъ у Фердинанда и полумиліона; лучше же всего порѣшить этотъ вопросъ на генеральномъ сеймѣ въ Прагѣ». Но сребролюбивый князь не пожелалъ откладывать своего выгоднаго дѣла съ цесарскими послами и заключилъ перемиріе съ Фердинандомъ ⁽²⁾, хотя въ то же время не отказался отъ формальнаго вступленія въ конфедерацию съ чешскимъ королевствомъ и его союзными землями, и способствовалъ вступленію въ нее венгерскихъ сословій: 3 января 1620 года венгерскій сеймъ принялъ чешскій союзъ, а 15 былъ подписанъ договаривающимися сторонами — Бетленомъ и венгерскими сословіями съ одной стороны, чешскими сословіями и союзными землями съ другой — текстъ конфедерации «на вѣчныя времена» ⁽³⁾. Главнѣйшіе пункты

(1) ib. 421.

(2) ib. IV. 80. О сребролюбіи Бетлена см. разсказъ трансильванскаго хрониста, Георга Крауса, о бетленовой экспедиціи подъ Вану на помощь Турну. «Siebenbürgische Chronik des Schässburger Stadtschreibers G. Kraus. 1608—1665». въ «Fontes rerum austriacarum». I. Scriptores III. т. 55. (*) ib. III. 426—430.

новаго договора были слѣдующіе: вѣчный, прочный, ненарушимый миръ и свято хранимый союзъ; всѣ идутъ противъ того, кто попытался бы нарушить миръ либо расторгнуть настоящую федерацію; стороны заботятся о вступленіи въ федерацію новыхъ земель; чрезъ каждые пять лѣтъ назначается общій сеймъ для разрѣшенія могущихъ возникнуть недоразумѣній; безъ общаго рѣшенія не объявляется война; на содержаніе венгерскихъ крѣпостей чехи вносятъ ежегодно 50 тыс. талеровъ, «не какъ повинность, а по доброй волѣ»; миръ съ турками и новое посольство въ Константинополь въ самомъ скоромъ времени; свобода торговли во всѣхъ союзныхъ земляхъ; одинаковость монеты; третейскій судъ для разрѣшенія споровъ между союзниками; изгнаніе изъ всѣхъ земель союза іезуитовъ и недопущеніе ихъ ни къ какимъ дѣламъ; освобожденіе сословія отъ присяги, въ случаѣ если государь какой земли попытается нарушить союзъ (1).

Извѣстіе о заключеніи селмиградско-венгерской конфедерации произвело неописанный восторгъ въ Прагѣ: въ церквяхъ пражскихъ благодарственныя службы; въ замкѣ палба. Чехи, по своей несчастной слабости къ союзамъ — чужими руками жаръ загребать, готовы были считать себя теперь силою несокрушимой, и имъ мало заботы было о томъ, что у Турна подъ Вѣной, у Мансфельда въ южной Чехіи солдаты мерли по-прежнему — отъ голода (2).

Въ мартѣ 1620 г. Гогенлое пишетъ отчаянное письмо въ Прагу — дайте денегъ, иначе дѣло погибло; «но онъ — говоритъ Скала — былъ успокоенъ сладкими словами, ибо денегъ, ни земскихъ, ни иныхъ, не было, а высшіе чиновники и судьи (т. е.

---

(1) Текстъ договора у Скалы. IV. 16—26; у Славаты (II. 237. сл.) вѣрнѣе. Если бы дальнѣйшія событія дозволили этой громадной средневропейской конфедерации XVII столѣтія войти въ жизнь, итѣ сомнѣнія, она могла бы почитаться во многомъ образцомъ устройства международныхъ отношеній нѣсколькихъ сосѣднихъ государствъ различныхъ національностей; но она опередила, по меньшей мѣрѣ, свой вѣкъ и была пустошьютомъ. Нынѣшнія стремленія австрійскихъ федералистовъ направлены къ подобной же конфедерации, съ нѣкоторыми необходимыми измѣненіями. (2) S k a l a. III. 433. 434.

значительная часть прежнихъ директоровъ, Роуповъ былъ теперь канцлеромъ) болѣе заботились о скупкѣ духовныхъ помѣстій, чѣмъ о дѣлахъ общественныхъ, не торпѣвшихъ ни малѣйшаго отлагательства, что, наконецъ, насъ всѣхъ и погубило» (1). Между тѣмъ Бетленъ отвелъ свой вспомогательный отрядъ въ Кошицы, дѣйствующая чешская армія ослабла, а тутъ — свѣжія императорскія войска подъ командой de Magradas спѣшатъ изъ Германіи въ Чехію и Австрію: въ половинѣ января 3½ тыс. прибыло въ Будеевицы, остальные 4 тыс. пошли къ Вѣнѣ. Чехи не могли помѣшать шедшему отряду соединиться съ Вукуа, ибо въ февралѣ Вукуа дѣйствуетъ уже на лѣвомъ берегу Дуная: онъ два раза разбиваетъ чеховъ у Дангенлонса и Егенбурга, а поступившіе къ нему на службу казаки наносятъ поражение Гогенлое, и цесарцы рассчитываютъ въ 6 недѣль быть въ Прагѣ (2), гдѣ въ то время собирався общій сеймъ, условленный еще въ пресбургскомъ договорѣ.

Это былъ послѣдній сеймъ. Онъ открылся 26 марта. Согласно условію, сеймъ прежде всего выслушалъ договоръ и одобрилъ его (3), а затѣмъ занялся тяжелымъ вопросомъ о деньгахъ. «Отъ денегъ зависитъ все спасеніе дѣла» — постоянно пишутъ теперь чешскіе генералы. Въ королевскихъ предложеніяхъ сейму мрачными красками рисовалось положеніе дѣлъ въ слѣдствіе истощенія казны. «Поноже налоги, разрѣшенные въ началѣ обороны и на сеймѣ 1615 года, послѣдовавшій затѣмъ цензъ не могли быть достаточны для войны — эти деньги пошли на посольства, амуницію, на уплату генераламъ, и до настоящаго времени солдаты не были обучены и не получали сполна жалованья; поэтому сеймъ долженъ внимательно обсудить слѣдующую статью: какъ сдѣлать, чтобы денегъ всегда было въ достаткѣ подъ руками, чтобы могли быть устранены въ арміи страшные недостатки, непорядки, путаница, пополнены полки, удобнѣе организовано земское ополченіе, сдержано своеволие солдатъ, отъ которыхъ страна страдаетъ не менѣе, чѣмъ отъ непріятеля».

(1) ib. 480. (2) ib. 430—431. 476—476. (3) Конечное утвержденіе состоялось 25 апрѣля. (ib. IV. 46. сл.).

Сеймъ, увеличивъ содержаніе короля, «въ благодарность за его пожертвованія изъ собственной кошны, на 52 т. кошь для улучшения стола», сталъ обсуждать «пути и средства, чтобы денегъ всегда было въ достаткѣ подѣ руками». Паны и рыцари предложили установить налогъ на зерно и домашнее вино по 2 гроша съ кошы. Но противъ этого налога завопило третье сословіе: не всѣ мѣщане имѣютъ землю подѣ хлѣбомъ, поэтому должны платить одни земельные мѣщане; что же касается до вина, то пусть останется прежній законъ — 10 грошей съ ведра привознаго вина. Высшія сословія возражали, что тѣ, которые не имѣютъ земли и занимаются исключительно торговлей или промыслами, могли бы согласиться и сообща уплатить извѣстную сумму денегъ замѣсто зерноваго налога, чтобы только не нарушать справедливости между сословіями; вина же привознаго въ настоящее время за войной нѣтъ, а между тѣмъ нужда крайняя въ деньгахъ, «какой прежде не бывало». Вильгельмъ Лобковицъ заявилъ, что мѣщане безземельные могли бы принять на себя половину подомнаго налога: «третье сословіе — говорилъ онъ съ сердцемъ — постоянно домогалось равенства съ высшими сословіями — и въ директоріи, и вездѣ, — ясно, оно должно въ равной степени съ ними нести и налоги; въ то время какъ паны и рыцари готовы и рубаху съ себя снять на общее дѣло, мѣщане — плохой помощникъ въ нямѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, лишь только рѣчь зайдетъ о деньгахъ». Посовѣтовались между собой мѣщане и снова отвѣтили — не согласны: «мы внесли уже много денегъ; содержали служилыхъ людей, домашнюю гвардію; дѣлали окопы около Праги, не мало денегъ дали въ займы на земскія нужды, а на виноградники имѣемъ пожалованья отъ прежнихъ королей и платимъ и безъ того довольно высокой *pergrecht*». Высшія сословія объявили на это, что такъ какъ города отдѣляются отъ нихъ, то они спорный вопросъ представляютъ на рѣшеніе короля. Депутаты отъ городовъ сдѣлались податливѣе: «въ вопросе о зернѣ — объяснили они — справедливо, чтобы тотъ, кто не имѣетъ зерна, не несъ налога; что же касается до вина, то можно платить по 2 гроша, но съ чистой, а не съ валовой прибыли». Но паны и рыцари не

приняли этой уступки: будетъ-де путаница. Только на слѣдующій день, 24 апрѣля, города сдѣлали новую уступку, принявъ предложеніе пражанъ, которые поспѣшили на помощь своимъ собратьямъ, когда услышали, что «вышшія сословія тѣснятъ третье»: для соблюденія равенства съ панами и рыцарями итѣщане, имѣющіе посѣвы или торгующіе хлѣбомъ, платятъ зерновой налогъ; на винный налогъ согласны, но, если возможно, уменьшить его на половину. Вышшія сословія поблагодарили пословъ отъ королевскихъ городовъ. Предъ самымъ закрытіемъ сейма сословія избрали старшаго сына Фридриха, Фридриха Генриха, наследникомъ престола: «не смотря на то, что онъ еще младенецъ — сказалъ канцлеръ Роуповъ — въ немъ замѣчается особенная любовь къ чешскому языку, и въ теченіе самаго короткаго времени онъ успѣлъ настолько, что въ состояніи произносить выразительно и свободно эти святыя слова: начало премудрости — страхъ Господень» (1).

Скорбныя прѣвнія о налогахъ послѣдняго чешскаго сейма въ послѣдній разъ показали въ всей ея наготѣ печальную, знакомую картину — насколько своекорыстныя сословія-подобны были малю для выполненія той великой задачи, поднять которую они были достаточны сильны — добыть религіозную и государственную свободу (2). Сословія заботятся объ одномъ, какъ-бы увернуться отъ неприятныхъ взносовъ, и одни вваливаютъ ихъ на шею другимъ; на сценѣ — ссылаи на старыя привилегіи, и все это дѣлается въ то время, когда правительство не знаетъ, чѣмъ заплатить голодающимъ войскамъ, какъ исправить чудовищные недостатки въ арміи, гдѣ солдаты ирутъ, бѣгутъ, а генералы ссорятся изъ-за повышеній, когда сельчане, выведенные изъ терпѣнія неистовствами своихъ солдатъ, тысячами скрываются

---

(1) О послѣднемъ сеймѣ — Skala. IV. 1—28. 39—69.

(2) Фердинандъ ясно понималъ эту задачу и потому работалъ на охраненіе габсбургскаго права, не щадя ничего. Онъ ясно это выразилъ въ письмѣ къ французскому королю (въ мартѣ 1620 года), прося его о помощи и «předstíraje mu nebezpečností veliké, kteréž valilo by se zároveň na všecky vrchnosti řádu a stavu monarchického». (Ib. III. 473).

въ лѣсахъ, образуютъ банды и требуютъ отъ правительства прежде всего «освобожденія ихъ отъ вѣрнопостной зависимости господамъ и объявленія ихъ свободными людьми» (1), когда непріятель, наконецъ, готовится къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Мы видѣли, что въ февралѣ чешская армія въ Австріи, находившаяся теперь подъ главной командой новаго генерала, князя Христіана Ангальтскаго, была три раза разбита, по частямъ, соединенными войсками Фердинанда. Букуа собирался уже двинуться прямо на Прагу, когда князь Христіанъ одумался и, станувъ свои разрозненныя силы въ числѣ 12 тыс., сталъ у Эгенбурга, чтобы преградить путь непріятелю къ Прагѣ. 7 марта Букуа былъ у Гогенварта, вблизи чешскаго лагеря. Нѣсколько дней тянулись мелкія аванпостныя стычки, но, наконецъ, Букуа рѣшился дать генеральную битву. Чехи занимали сильную позицію: главныя силы ихъ были расположены на горѣ; подъ горой — австрійское ополченіе; въ сторонѣ, въ лѣсу, скрыта была засада — 2 тыс. мушкетеровъ. Дампіеръ, съ казаками впереди, атаковалъ князя Христіана; тотъ отступилъ къ Вагу, Дампіеръ пошелъ за нимъ и наткнулся на засаду, въ то время какъ съ горы громили его чешскія батареи: произошла «жесточкая битва», и цесарцы были разбиты; раненный Дампіеръ едва спасся на казачьей лошади, потерявъ 2 т. человекъ. Особенно пострадали казаки: у нихъ былъ убитъ «набольшій» (2).

Но эта первая неудача не остановила Фердинанда; въ началѣ апрѣля онъ приказалъ Букуа напасть на чешскій корпусъ Фельзескаго и Бубны, стоявшій у Синцендорфа. Букуа повторилъ маневръ князя Христіана. 12 апрѣля казаки сдѣлали фальшивую атаку на чешскую кавалерію и тотчасъ же отступили; Фельзескій, не смотря на предостереженіе своего товарища, Бубны, пустился въ погоню съ 4 эскадронами, но, доскакавъ до лѣсу, наткнулся на Букуа. Произошла отчаянная схватка: самъ фельд-маршалъ Фельзескій и почти вся его конница легли на полѣ битвы, немногіе спаслись бѣгствомъ, горячо преслѣдуемые ка-

(1) Любопытный рассказъ объ этомъ движеніи — *ib.* IV. 126.

(2) *ib.* III. 428—429.

заками; казаковъ сдержала выдвинутая впередъ пѣхота Бубня, послѣ чего они занялись грабежомъ убитыхъ. Смерть храбраго фельдмаршала была тяжелой потерей для чеховъ и въ добавокъ «возбудила немалую ненависть между первыми офицерами, когда одни передъ другими старались попасть на вакансію, и не послѣдній между ними былъ Мансфельдъ» (1).

Едва успѣли чехи оправиться отъ пораженія, какъ 8 мая потеряли новую битву у Герста, выше Синцендорфа: часть корпуса Мансфельда была на голову разбита Дампьеромъ (2). Въ то же самое время казацкія шайки наводняютъ Силезію, Моравію, хозяйничаютъ даже въ королевствѣ, не смотря на то, что гдѣ было только можно, съ ними расправлялись беспощадно озлобившіеся мораване и силезцы: въ маѣ у Мезирѣцкаго озера, въ Моравіи, было убито 900 казаковъ, а въ Вратиславѣ повѣшено 30 «на новой висѣлицѣ — все шляхтичи и между ними одинъ ротмистръ, что очень возмутило другихъ поляковъ». Отъ казаковъ особенно приходилось плохо бѣдному сельскому населенію. Въ Силезіи выдвинуто было 25 тысячъ земскаго ополченія къ границамъ польскимъ, чтобы сдержать новыя шайки казаковъ изъ Подоля, шедшихъ на помощь императору, и словіа готовы были вторгнуться въ самую Польшу (3).

Недавнія пораженія опять надумили чеховъ, и князь Христіанъ приказалъ снова стаянуться разбросаннымъ чешскимъ корпусамъ. Въ то же время онъ получилъ подмогу въ 4 т. отъ Ветлена, при увѣреніи, что въ случаѣ дальнѣйшихъ нествѣствъ отъ казаковъ онъ, обязуемый конфедераціей, самъ придетъ на помощь. Такимъ образомъ, въ распоряженіи Христіана было до 20 тыс. человекъ. Съ этими силами онъ готовился дать новый отпоръ Букуа, имѣвшему 25 тыс. Въ концѣ мая чешская армія расположилась у Эгенбурга; тутъ же недалеко, у Гейдердорфа, сталъ и Букуа. Но оба противника избѣгали рѣшительной встрѣчи, и дѣло ограничивалось аванпостными стычками да грабежами: «грабили, какъ кого кто

(1) ib. IV. 78—79. (2) ib. 124.

(3) ib. 124—126. 123. 186.

могъ и умѣлъ, не разбирая — папешникъ онъ или евангеликъ» (1). Естественно, первыми въ грабежахъ были казаки, верно которыхъ составляли извѣстные въ исторіи Россіи лисовщики, перелетѣвшіе теперь изъ-подъ Москвы къ Вѣнѣ. Они были посланы самимъ Сигизмундомъ, въ числѣ 8 тысячъ, подъ командой Яна Рогавскаго и Адама Липскаго, и «храбро бились за императора въ разныхъ битвахъ» — говоритъ современный полякъ (2).

Мы видѣли, что Бетленъ въ январѣ заключилъ перемиріе съ Фердинандомъ; но это не мѣшало ему въ маѣ послать подмогу чехамъ и обѣщать новыя присылки въ случаѣ продолженія казачьихъ неистовствъ. Дѣйствительно, въ началѣ іюня Турнъ, разбивши казачьи шайки, занимаетъ два прохода на правомъ берегу Дуная и очищаетъ путь шедшимъ къ нему на помощь венграмъ Бетлена (3). Но Бетленъ былъ полезенъ чехамъ не только какъ членъ конфедераціи, снабжавшій ихъ своими казачки-гайдуками: онъ былъ имъ крайне необходимъ, какъ посредникъ въ ихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Портой, участіе которой въ чешской войнѣ, къ сожалѣнію, запоздавшее на одинъ годъ, дѣйствительно спасло чешскія земли отъ грабителей-казаковъ.

Первый Бетленъ присовѣтовалъ въ Прагѣ обратиться къ Портѣ. Мы видѣли, что въ ноябрѣ 1619 года Редей предложилъ чехамъ отправить пословъ къ знаменитому султану Осману. Какъ видно изъ отвѣтнаго письма Османа, отъ 30 апрѣля 1620 года, вскорѣ былъ, дѣйствительно, отправленъ изъ Праги посланникомъ въ Константинополь нѣкто капитанъ Генрихъ, съ

(1) ib. 124. 125. 127.

(2) «Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza z rękopismu wydane K. W. Wóycicki». Warszawa. 1815. I. 66. 67: Черезъ годъ, въ 1621 года, эти же казаки, покончивъ съ чехами, не менѣе храбро бились за поляковъ подъ Хотиномъ съ турками, которыми они также довели: при заключеніи мира великій визирь требуетъ выдачи казаковъ, поляки не согласны, и турокъ грозить: «дадите вы за Грыцька, за Ваську, за Ивана своего королевича». См. «Wojna Chocimska, przez An. Lipakiego». Lwów. 1850. стр. 397.

(3) Skala. IV. 183.

жалобой на «тиранство Фердинанда, который много обещалъ, но ничего не сдержалъ». Ветленъ поддержалъ чешскаго посла, и султанъ, одобряя избраніе новаго короля, извѣщалъ чеховъ, что онъ ихъ своею милостію не оставитъ, особенно «много нашего пріятеля, короля Фридриха, въ которому мы готовы поснѣнить съ людьми и со всѣмъ, что только ему понадобится, на случай, если бы Фердинандъ вздумалъ его обижать». Для узнанія настоящаго положенія дѣлъ Османъ послалъ Магомета-агу, такъ какъ «здѣшній цесарскій посланникъ объявляетъ, что вы, чехи, уже покорились, тогда какъ избрать новаго короля — вещь немалая» и просилъ прислать новое посольство отъ всѣхъ «семи земель». Великій визирь извѣщалъ Фридриха, что уже приказано пашѣ будимскому принять и проводить чешскихъ пословъ (1). Ветленъ предупредилъ Фридриха о турецкомъ посольствѣ, а 5 іюля Магометъ-ага имѣлъ аудіенцію у короля. Повторивши увѣренія въ дружбѣ Османа, онъ прибавилъ, что по первому знаку придетъ на помощь королю 60 тыс. отборной конницы изъ Будима, что поляки съ казаками много зла надѣлали и туркамъ; но король можетъ быть покоенъ — султанъ съ весны пошлетъ на поляковъ 400 тысячъ войска, чтобы они знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло: получать они вознагражденіе за свои пакости. Послѣ аудіенціи турокъ былъ приглашенъ на банкетъ, много пилъ и увѣрялъ, что на томъ свѣтѣ дьяволъ будетъ печь Фердинанда на рожнѣ (2).

Безъ сомнѣнія, въ Прагѣ были довольны союзу турецкому, обещанному походу на поляковъ, но подмогу отклонили. 14 іюля посолъ былъ отпущенъ обратно, но безъ отвѣта, такъ какъ еще 3 іюля было отправлено въ Константинополь специальное посольство, а 27 — турокъ нагналъ его въ Новой Быстрицѣ у Ветлена. Чешскимъ посламъ было поручено просить Османа — быть въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ и не дозволить ни своимъ войскамъ, ни татарамъ помогать Фердинанду или вторгаться въ чешскія земли (3). Очевидно, въ Прагѣ онасались

(1) Оба письма у Славаты. II. 241—243.

(2) ib. 245—247. Skala. IV. 219—221. (3) ib. 216—219.

подмоги турецкой, а между тѣмъ она была бы весьма къ стати, такъ какъ теперь собиралось вторгнуться въ королевство свѣдское императорское войско подъ начальствомъ Максимилиана, герцога баварскаго. Вмѣшательство Максимилиана рѣшило участь войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и участь чешскаго королевства.

Въ началѣ сентября герцогъ баварскій былъ на границѣ чешско-моравской. Онъ желалъ овладѣть Индриховицъ Градцемъ, который составлялъ ключъ къ Прагѣ, Морави и нижней Австрiи, но узнавъ, что вблизи стоитъ 8 тыс. чеховъ подъ начальствомъ Турна и Мансфельда, поворотилъ назадъ, на соединенiе съ Букуа, имѣя на-лѣво отъ себя Дампьера, дѣйствовавшаго противъ князя Христіана Ангальтскаго. У мѣстечка Горна, неподалеку города Кремза, соединились Максимилианъ и Букуа. 12 сентября они порѣшили дѣйствовать такъ: со всѣми силами двинуться противъ главной чешской арміи князя Христіана, стоявшей лагеремъ у Дрозендорфа, отбросить ее оттуда, но не преслѣдовать, а ближайшей дорогой итти на Прагу. Но князь Христіанъ узналъ заранѣе о планахъ непріятеля, отступилъ немедленно изъ Дрозендорфа къ Знойму и далѣе въ Чехію, и Максимилианъ пошелъ безпрепятственно къ Будевицамъ. 25 сентября соединенныя войска Максимилиана и Букуа оставили Будевицы и двинулись по направленію къ Прагѣ. 26 были взяты Водняны, 29 — Прахатицы, 30 — Писекъ, Страконицы и другіе города въ крахенскомъ краѣ. Цесарци были на полупути къ Прагѣ.

Что же дѣлали въ столицѣ? Въ виду приближенія непріятеля, Фридрихъ собралъ совѣтъ изъ высшихъ земскихъ чиновниковъ и генераловъ и предложилъ имъ на рѣшеніе вопросъ: оставаться-ли ему въ Прагѣ или ѣхать къ дѣйствующей арміи. Совѣтъ высказался за отъѣздъ: «присутствіе короля въ лагерѣ — говорили приглашенные — ободритъ войско болѣе, чѣмъ одинъ или два генерала, да и будетъ лучшая дисциплина и порядокъ, не говоря уже о томъ, что въ минуты опасныя главнокомандующій затрудняется принять рѣшеніе безъ воли короля, испрашивать же приказанія чрезъ нарочнаго — неудобно». Король согласился съ мнѣніемъ совѣта и тотчасъ же отправилъ изъ Праги въ Бранденбургъ своего старшаго сына Генриха, наслед-

нива престола. Окрестности столицы — Жижкова гора и другія, были укрѣплены; изъ цейхгауза были взяты пушки. 25 сентября, поручивъ королевство управленію намѣстниковъ и простившись съ своей семьей, Фридрихъ выѣхалъ изъ Праги и вскорѣ былъ въ арміи, стоявшей у Требона.

По взятіи Писка, въ началѣ октября Максимилианъ вступилъ въ пильзенскій край и его покорилъ, въ то самое время какъ чешская армія двигалась къ сѣверу по правому берегу Велтавы. При переходѣ на лѣвый берегъ съ цѣлью пересѣченія неприятелю пути къ столицѣ, король изъ лагеря подъ Сѣдельчанами отправилъ приказаніе намѣстникамъ навести мостъ чрезъ Велтаву у Збраслава для переправы войскъ Бетлена, избраннаго теперь на быстрицкомъ сеймѣ короля венгерскаго; но забота была напрасна, такъ какъ вспомогательный отрядъ Бетлена не соединился съ чехами: Петей Симонъ, ведній его, передался Фердинанду (1). Въ Пильзнь чехи имѣли еще значительный корпусъ Мансфельда, и Фридрихъ надѣялся на него при своемъ переходѣ на лѣвый берегъ Велтавы, но Мансфельдъ отказался итти на соединеніе съ главной чешской арміей, которая въ половинѣ октября стояла у Рокитанъ, заперся въ Пильзнь и даже вступилъ въ отдѣльные переговоры съ Максимилианомъ. Современники въ дѣйствіяхъ Мансфельда видѣли измѣну, но за него стоялъ горой Турнь: когда жена бургграфа Берки сообщила мужу во время засѣданія въ канцеляріи, что въ обществѣ начинаютъ говорить объ измѣнѣ Мансфельда королю и сословіямъ, Турнь съ негодованіемъ замѣтилъ — «лучше бы жены занимались прялкой, а заботы о военныхъ дѣлахъ оставили въ сторонѣ». (2). Дѣйствительно, въ дѣйствіяхъ Мансфельда было что-то странное: когда въ 20-хъ числахъ октября Максимилианъ снялъ осаду Пильзня и пошелъ впередъ, надѣясь отрѣзать Фридриху отступление къ столицѣ, Мансфельдъ пропустилъ неприятельскія войска безъ выстрѣла.

Планъ Максимилиана отрѣзать Фридриха не удался: король

(1) «Siebenbürg. Chron.» въ «Fontes r. austr.». I. III. 59.

(2) Skala. IV. 321.

узналъ о немъ заранѣе и отступилъ, а Максимилианъ пошелъ на Тоушково, Пласы, Браловицы и Свнометь, гдѣ 28 октября засталъ чешскую армію. Послѣ жаркихъ стычекъ 28 и 29 октября, гдѣ чехи сражались храбро, Фридрихъ отступилъ къ Раковнику, а въ слѣдъ за нимъ потянулся Максимилианъ. У Раковника чехи укрѣпились шанцами; при гористой мѣстности, лагерь ихъ представлялъ сильную позицію, и потому Максимилианъ не рѣшался на штурмъ. Прошла недѣля, а Максимилианъ все медлилъ. Между тѣмъ подступала зима, распутица, запасы истощались; крестьяне жатецкаго края возстали въ числѣ 7 т. человекъ и нещадно убивали баварскихъ мародеровъ; во что бы ни стало, а кампанію надо было кончать. Но Максимилиана вывелъ изъ затруднительнаго положенія самъ Фридрихъ: 6 ноября онъ оставилъ свою крѣпкую позицію у Раковника и подвинулся ближе къ Прагѣ — къ Вѣлой горѣ, намѣреваясь стянуть здѣсь всѣ свои войска и дать генеральную битву. По слѣдамъ чеховъ пошелъ Максимилианъ и сталъ также у Вѣлой горы. Расстояніе между обоими лагерями было не болѣе 800 шаговъ. Не смотря на близость непріятеля, не смотря на свою малочисленность — не болѣе 14 тысячъ, чехи были крайне безпечны, и въ чешскомъ лагерѣ царилъ полный безпорядокъ. Прага была подъ бокомъ, и потому, начиная отъ короля и кончая послѣднимъ мушкетеромъ, все это спѣшило перебивать въ столицѣ, отдохнуть послѣ долгихъ лагерныхъ лишеній: чехи были убѣждены въ неприступности своей позиціи.

Наступило воскресенье, 10 ноября. Сильная канонада съ ранняго утра по чешскому лагерю предвѣщала, что Максимилианъ что-то затѣваетъ, — но въ лагерѣ не обратили на нее вниманія, и масса офицеровъ гуляла въ столицѣ. Только къ полудню князь Христіанъ приказалъ офицерамъ поспѣшить обратно въ лагерь и просилъ короля прибыть самому на мѣсто. Баварскіе кирасиры незамѣтной тропинкой поднялись на гору и, не встрѣтивъ сопротивленія, въ минуту овладѣли чешской артилеріей. Полки генерала Гогенлое, ссылаясь на то, что имъ не дано приказанія вступать въ битву, отступили. Конница обратилась въ бѣгство. Только вспомогательный отрядъ моравскій

— 3 т. пѣхоты и 1 т. кавалеріи, подъ командой храбраго Штубенфолля, смѣло встрѣтилъ баварскихъ кирасировъ батальоннымъ огнемъ, пошелъ въ атаку и отбилъ пушки. Въ это самое время казаки ударили на венгерскую конницу чеховъ. Съ обѣихъ сторонъ подоспѣли подкрѣпленія, закипѣлъ жестокой бой, и нѣсколько часовъ битва была нерѣшительная. Мадьяры сражались храбро, казаки стали подаваться, какъ вдругъ кавалерійскій отрядъ Гогенлое, посланный на подмогу венгерскимъ гайдукамъ, обратился въ бѣгство. Произошло общее смятеніе: ряды чешскіе стали отступать, и, не получая подкрѣпленія отъ князя Ангальта, бросились опрометью по направленію въ столицу. Кавалеристы, пѣхотинцы давили другъ друга, и все вмѣстѣ представляло безобразную картину поспѣшнаго бѣгства.

Король Фридрихъ только что отобѣдалъ, когда получилъ извѣстіе о проигранной битвѣ. Столица готова была встать на защиту; были еще свѣжія войска въ городѣ; моравскіе, венгерскіе солдаты сражались храбро, на нихъ можно было еще положиться; въ Пильзнь стоялъ Мансфельдъ; держались еще другіе города; наконецъ въ Силезіи находился храбрый маркграфъ Крневскій, — но Фридрихъ потерялъ голову, и, бросивъ корону и все королевскія регаліи на старомѣстской площади, постыдно дралъ въ Силезію. За нимъ слѣдовалъ князь Христіанъ и Гогенлое. Турниръ бѣжалъ въ Венгрію. Не было чловека, который воззвалъ бы къ мужеству и далъ отпоръ ⁽¹⁾.

На другой день, 11 ноября, сдалась столица, а въ теченіе недѣли приведены были въ присягѣ другіе города; держались еще нѣкорое время Таборъ, Пильзень, Требонъ и Индриховъ Градецъ. Ренегатъ братской общины, князь Лихтенштейнъ, получилъ полномочіе очистить страну отъ еретиковъ. 21 іюля 1621 года сложили головы на старомѣстской плахѣ: восьмидесятилѣтній Будовецъ, Шлиезъ, Каплиръ, Коханъ, Гомшляекъ, ректоръ Ессенскій и другіе, въ числѣ 28 чловековъ. Только крайнее изувѣрство Фердинанда и іезуитовъ могло измыслить тѣ ввали-

⁽¹⁾ О послѣднихъ дняхъ чешскаго королевства — Skalca. IV. 301—310. 315—328. 336—385. Habernfeld. «Bellum». 30—39.

фикаціонныя казни, на которыя осуждены были несчастные дѣятели чешскаго возстанія. Ессенскій, напр., какъ дипломатъ, былъ приговоренъ сначала къ вырванью языка и четвертованью, по потомъ послѣдовало «милостивое облегченіе»: отрѣзанъ былъ только конецъ языка, отрублена голова и повѣшена на башню. У бѣжавшихъ, казненныхъ и даже у умершихъ участниковъ возстанія были skonфискованы всѣ имущества — на 5½ мил. копѣ; у менѣ провинившихся skonфисковано было имущество на половину, четверть и т. д. 13 декабря 1621 года были осуждены на вѣчное изгнаніе «алле, неблагородные, ядовитые и мятежные» чешскіе продиканты и священники-подобои (1). 30 октября 1622 года брагскій университетъ былъ переданъ іезуитамъ и этимъ спасенъ отъ разрушенія: въ Вѣнѣ генералы требовали смерти его — *ad signum perpetuae infamiae* — или обратитъ въ инвалиднй домъ, «затѣмъ что королевство покорили не пѣшы, а солдаты» (2). Въ 1624 году были воспрещены всякая проповѣдь, крещеніе, вѣнчаніе на дому подѣ страхомъ изгнанія и фиска; скриваніе подобойскаго священника влекло за собой потерю жизни и имущества; покойники-подобои лишались христіанскаго погребенія; дѣти не допускались къ ремеслу, если они не католики. 31 іюля 1627 года, въ день памяти Ложолы, было объявлено, что императоръ не жааетъ долѣ терпѣть лицъ обоого пола, исповѣдывающихъ «еретическія заблужденія»: въ 6 мѣсяцевъ наны и рыцари, не возвратившіеся въ лоно католической церкви, должны пойти въ изгнаніе (3), — и пошли въ изгнаніе 36 тысячъ семействъ, въ томъ числѣ и Жеротинъ маравскій (4). Въ землѣ была объявлена реформація: земля подѣлена была на миссіонерскіе участки; іезуиты, капуцины, оамы,

(1) Казни, еиски, изгнаніе — *Skala*. V. 81—142. Коменакъ у. «O prot.». 168—229. *Skala*. ib. 66. 239. Ко м. ib. 234—240. *Sk*. ib. 184—187. Ко м. ib. 149—159.

(2) Koloušek. «České st. právo». 400 пр.

(3) Коменакъ у. «O пр.». 257—260; 244—245.

(4) Особціальныя данныя. Томап. «Das böhmische Staatsrecht». Prag. 1872. 82.

рыцари ходили и обращали крестьянъ въ католичество, а въ 1627 была образована религіозная коммиссія, подъ предѣтельствомъ архіепископа-кардинала Гарраха. Наконецъ, 10 мая 1627 было издано «Обновленное право и земскій уставъ наслѣдственнаго королевства чешскаго», октропировавшее старую конституцію, маестать Рудольфа и проч. (1).

Фердинандъ въ точности исполнилъ приказаніе, данное ему придворнымъ іезуитомъ въ проповѣди по случаю бѣлогорской побѣды: «упасеши я палицею желѣзною, яко сосуды скудельныя сокрушиши я. (Ис. II. 9) — пановъ подложи подъ ноги себѣ, да не подымутъ головы, народъ сокруши, яко сосудъ скудельный; отыми у нихъ все, что только не любо очамъ божіимъ и твоимъ — ихъ свободы и маестать Рудольфа» (2). Възковая борьба земли за свободу совѣсти, за сохраненіе жизнью выработанной народной религіи окончилась, и — гибельно для земли: іезуитизмъ восторжествовалъ надъ общинной братской. Слѣдя за ходомъ событій, приведшихъ къ бѣлогорской катастрофѣ — финалу длинной трагедіи, мы видѣли тѣ мелкія и крупныя причины, которыя заставили обстоятельства сложиться такъ, а не иначе: близорукость дѣйствій братьевъ-подобоевъ, ошибки въ выборахъ, сословный эгоизмъ, взаимное недоувѣріе, рознь, мелкіе счеты, безучастіе массы, преобладаніе слова надъ дѣломъ, любовь къ землѣ болѣе всего на словахъ, славянская лѣнь, отсутствіе лицъ выдающихся — вотъ что бросается глазамъ лѣтописца, и великій патриотъ-изгнанникъ имѣлъ право написать, нѣсколько лѣтъ спустя, приведенныя нами въ началѣ книги жесткія слова: «sme byli, jako na onen čas Jeruzalem, holí a podpor svých, to jest, reků udatných, mužů valemých, sudců a proroků, mudrců a radců utipných a vumluvných nemajících». Но чехи пали, бросивъ въ жизнь челоувѣчества идею религіозной свободы — за-

(1) Koloušek. «České st. právo». 441 и сл.

(2) Skala. IV. 387.

слуга, которая, въ сожалѣнію, забывается и забывалась людьми. Не будемъ удивляться, что люди нашего времени съ оскорбительною холодною относятся въ бѣдной родинѣ Гуса, Хальчицкаго и Коменскаго, что есть даже люди, взорядствующие въ бѣдахъ: уже въ близкихъ современникахъ, нравственно обязанныхъ братьямъ-подобнымъ многими результатами своей религіозной жизни, чехи не нашли человѣка, чей благородный голосъ возсталъ бы на защиту правъ убиваемаго іезуитами народа. Напрасно патріоты-эмигранты ищутъ задобрить мнимыхъ друзей своихъ въ пользу своего народа; напрасно Коменскій ѣздитъ въ Англію, Швецію, чтобы своею педагогическою дѣятельностью добыть какое доброе слово о чехахъ; напрасно льститъ онъ Оксѣнштернѣ и умоляетъ его: «у ногъ лежу твоихъ, а чрезъ тебя у ногъ свѣтлѣйшей королевы, прошу и заклинаю васъ ранами Іисуса Христа — не оставьте насъ, мучениковъ за Христа, взгляните на народъ, на который между народами европейскими Христосъ воззрѣлъ впервые, вырвавъ его изъ тмы антихристовой, который раньше, чѣмъ иные народы просвѣтились, вынесъ одинъ въ теченіе цѣлаго столѣтія всю ярость бѣшенства антихриста⁽¹⁾: вестфальскій миръ оставилъ чеховъ безъ вниманія, «въ горлѣ антихристовѣ оставилъ ихъ на вѣчныя времена»⁽²⁾. Принявъ за исходную точку 1624 годъ, вестфальскій миръ игнорировалъ, что было прежде⁽³⁾. При вѣсти о заключеніи мира, Коменскій съ бра-

(1) Zoubek. «Život J. A. Komenského». Praha. 1871. 66.

(2) Komenský. «Smutný hlas». § 12.

(3) «Terminus a quo restitutionis in ecclesiasticis, et quae intuitu eorum in politicis mutata sunt, sit dies 1 Ianuarii anni 1624. Fiat itaque restitutio omnium electorum, principum et statuum utriusque religionis, comprehensa libera imperii nobilitate, ut et communitatibus et pagis immediatis plenarie et pure». § 2 artic. V. instrumenti pacis Osnabrugensis. Чешскимъ эмигрантамъ дозволеноъ возвратъ, но подъ условіемъ, уничтожающимъ возможность возврата: «Qui vero subditi et vasalli hereditarii imperatoris et domus Austriacae sunt, eadem gaudeant amnestia, quod personas, vitam, famam et honores, habeantque securum reditum in pristinam patriam, ita tamen, ut se teneantur accomodare legibus patriis regnorum et provinciarum». § 53. artic. IV. instr. p. Osn. — Ghillany. «Diplomatisches Handbuch». Noerdlingen, 1855. 23. 21.

ТЪМНИ МОРЕ ТОЛЬКО СКАЗАТЬ: «ПОДЪ НЕБОМЪ НѢТЬ МѢСТА ДЛЯ
ЧЕЛОВѢКЪ, — НО ОНО НАЙДЕТСЯ НА СЕБѢ» (1). Но какъ бы то ни
было, исторія всегда скажетъ о чекахъ: жни не даромъ, но
были живыми людьми.

---

(1) Zoubek. «Život» 67.

ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ Г. УМОВА

Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы.

Г. Умовъ помѣстилъ въ предыдущемъ томѣ «Записокъ» того университета, подъ заглавіемъ «Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы», рецензію диссертациі, представленной въ апрѣлѣ прошлаго года въ физико-математическій факультетъ Новороссійскаго университета для полученія степени доктора прикладной математики и защищенной мною въ сентябрѣ того-же года. Рецензія эта, имѣя цѣлью доказать отсутствія всякихъ научныхъ достоинствъ въ моемъ сочиненіи и указать множество его недостатковъ, состоитъ изъ цѣлаго направленнаго противъ меня обвиненія, которыя, по своей несправедливости, невольно вызываютъ меня на нѣсколько возраженій и опроверженій.

Большая часть обвиненій г. Умова направлена на сходство диссертациі съ книгою Шелля «Theorie der Bewegung der Kräfte». Чтобы доказать это сходство, дѣлаются овыми сравнительныя выписки изъ обоихъ сочиненій, цитируются десятки страницъ моей книги, которыя, по мнѣнію г. Умова, представляютъ сплошное сходство съ соответственнымъ держаніемъ текстомъ Шелля, указывается на преднамѣренное сходство съ моей стороны труда Шелля, и т. п.; на основаніи сужденнаго такимъ путемъ сходства отнимается у моего вообще всякій признакъ самостоятельности и, въ заключеніе, подводятся итогъ всему сказанному слѣдующими словами:

«Въ сущности, трудъ г. Лилина остается компиляціей, и притомъ съ совершенно напраснымъ самовосхващеніемъ. Ни для кого не было-бы потерей, если-бы, вмѣсто обзвѣстной книги, авторъ помѣстилъ въ ученое журналъ замѣтку, по поводу «доказанныхъ имъ предложеній Шелля».

Прежде чѣмъ перейду къ обстоятельному разбору отдѣльных обвиненій г. Умова, позволю себѣ сдѣлать одно общее замѣчаніе. Тотъ, кто излагаетъ цѣлую теорію, не только работанную и изслѣдованную многими учеными въ большомъ числѣ монографій, но даже уже перешедшую въ учебники, не можетъ болѣе или менѣе не пользоваться совершенно до него переработкою матеріала и не можетъ, поэтому, избѣгнуть всякаго сходства своего сочиненія съ существующими курсами по излагаемой теоріи. Подобное сходство существуетъ всегда въ большей или меньшей степени; и если-бы мой рецензентъ потрудился сравнить, напримѣръ, ту-же книгу Шелля, за близость къ которой онъ меня непрерывно упрекаетъ и которая, въ то-же время, есть безспорно одно изъ лучшихъ сочиненій въ своемъ родѣ, съ нѣкоторыми другими курсами Механики, то онъ, какъ я буду имѣть случай доказать ниже нѣсколькими примѣрами, могъ-бы убѣдиться во многихъ сходствахъ изложенія Шелля съ изложеніемъ другихъ авторовъ, между тѣмъ какъ никому, я полагаю, не пришло-бы въ голову, видѣть въ этомъ обстоятельствѣ недостатокъ уважаемаго всѣми специалистами сочиненія Шелля. Диссертация моя — не монография, не мемуаръ, имѣющій предметомъ исключительно новыя изслѣдованія какого-либо частнаго вопроса, а трудъ, посвященный изложенію цѣлой теоріи, по которой было уже весьма много написано, но которую я не считалъ бесполезнымъ изложить съ извѣстными видоизмѣненіями и собственными прибавленіями; и этимъ-то характеромъ, этой цѣлью моего труда и объясняется вообще, почему нѣстами въ немъ должны встрѣчаться сходства съ другими родственными по предмету сочиненіями. Затѣмъ, въ виду упрековъ и обвиненій г. Умова, вопросъ сводится на то, на сколько эти сходства близки и составляютъ недостатокъ моего изложенія, на сколько откровенно я дѣлалъ замѣтканія у другихъ авторовъ, и на сколько дѣлалъ

ствительно новы тѣ части моей книги, которыя я считаю за самостоятельныя. Чтобы рассмотретьъ, въ какой мѣрѣ вѣрно и справедливо г. Умовъ рѣшаетъ эти вопросы, обращаюсь къ подробностямъ его рецензiи.

Близкое сходство моего изложенiя съ изложенiемъ Шелля доказывается г. Умовымъ, во первыхъ, тремя сравнительными выписками изъ обоихъ сочиненiй, занимающими почти половину рецензiи (стр. 4—7, 7—10, 13—16), и, во вторыхъ, слѣдующими аргументами (стр. 18—19) «.... во всемъ остальномъ трудѣ «*Линина не представляема новаю. Большую часть теоремъ мы находимъ въ книгѣ Шелля, къ тексту котораго текста «*Линина даже очень близокъ. Изъ такихъ близкихъ совпадений изложенiя мы укажемъ у г. Линина стр. 218—227, 230—241, 283—290 и стр. 166—170, 145—155, 415—418 «у Шелля, представляющiя сплошное сходство и проч.*».*

— О выпискахъ я буду говорить ниже, когда будетъ рѣчь о самостоятельныхъ частяхъ моего труда, потому что эти выписки главнымъ образомъ направлены противъ приписываемой мнѣ себѣ оригинальности нѣкоторыхъ мѣстъ. Пока же рассмотримъ остальные аргументы, высказанные приведенными только что словами рецензента.

Здѣсь прежде всего ставится мнѣ въ вину, что *большая часть мною изложенныхъ теоремъ находится въ книгѣ Шелля.* Съ совершенно такимъ-же правомъ я могъ-бы сказать, что большую часть кинематическихъ теоремъ, изложенныхъ Шеллемъ, можно найти въ трудахъ Шаля, Родрига, Резаля, Баланже и другихъ, нисколько не умаляя тѣмъ достоинствъ книги Шелля; почему-же рецензенту угодно мнѣ дѣлать упрекъ изъ обстоятельствъ, нисколько не уменьшающаго заслуги какого-бы то ни было спеціальнаго сочиненiя и скорѣе говорящаго въ пользу его полноты? Возраженiе г. Умова было-бы основательнымъ только въ томъ случаѣ, если-бы я считалъ большую часть приведенныхъ у меня теоремъ мною найденными. Невольно вспоминаются слова Паскаля: «Il y a des gens qui voudraient qu'un auteur ne parlât jamais des choses dont les autres ont parlé; autrement on l'accuse de ne rien dire de nouveau. Mais si les

matières qu'il traite ne sont pas nouvelles, la disposition en est nouvelle. J'aimerais autant qu'on l'accusât de se servir des mots anciens: comme si les mêmes pensées ne formaient pas un autre corps de discours par une disposition différente; aussi bien que les mêmes mots forment d'autres pensées par les différentes dispositions» (1).

Затѣмъ цитируются г. Умовымъ страницы обоихъ сочиненій, на которыхъ, по его мнѣнiю, существуетъ сплошное сходство.

Первый изъ этихъ цитатовъ (стр. 218—227 моей книги и стр. 166—170 у Шелля) относится къ аналитической формулировкѣ приведенiя какого угодно числа угловыхъ скоростей около осей произвольно направленныхъ въ пространствѣ. Изложенiе этого вопроса я преднамѣренно, съ цѣлью, заимствовать у Шелля, какъ ясно показываетъ ссылка на послѣдняго, приведенная мною въ концѣ цитированнаго г. Умовымъ текста, на стр. 227, и выраженная словами: «*содержанiе этого § сравн. сз Schell, Theorie der Bewegung und der Kräfte*». Почему же рецензентъ не допускаетъ возможности излагать рѣшенiе извѣстнаго вопроса близко къ извѣстному источнику, или чѣмъ, по его мнѣнiю, въ такомъ случаѣ пишущiй можетъ оградить себя отъ упрековъ, если не ссылкой на избранный источникъ? Неужели авторъ, чтобы не унижить своего труда, долженъ, во что бы то ни стало, приводить свое изложенiе или доказательство, хотя бы онъ сознавалъ, что лучше и проще оно не можетъ быть, чѣмъ у такого-то автора, писавшаго до него? Полагаю, что наука всегда болѣе выиграетъ отъ распространенiя уже извѣстныхъ, но лучшихъ и простѣйшихъ методовъ, чѣмъ отъ усилiя создавать новые только для новизны. Другое дѣло, конечно, если можно съ выгодой замѣнять извѣстные приемы — самостоятельными; но въ такомъ простомъ вопросѣ, какъ сложение вращенiй, или, что одно и то-же, сложение силъ, — не обильное поле для упрощенiй. — Я просилъ-бы г. Умова, для примѣра, открыть классическiй курсъ Кинематики Бура, курсъ, которому эпиграфомъ служить изрѣченiе «*multa pars mei*» и

(1) Pascal, Pensées détachées.

который, следовательно, нельзя считать за компиляцию; на стр. 107—111 онъ встрѣтитъ тамъ почти дословное повтореніе того изложенія теоріи сферическихъ движеній, которое далъ Пуансо въ своей «*Théorie nouvelle de la rotation des corps*»; между тѣмъ никто не сдѣлаетъ изъ этого обстоятельства ни малѣйшаго упрека сочиненію Бура, хорошо сознавая, что Буръ только отдалъ тѣмъ должную дань образцовому изложенію Пуансо. Въ виду подобныхъ примѣровъ, которыхъ легко привести множество, и всего выше сказаннаго, сходство моихъ стр. 218—227 съ стр. 166—170 Шелля, будучи *указано* мною-же самимъ особою ссылкой въ концѣ этихъ страницъ, не можетъ справедливо мнѣ быть поставлено въ упрекъ. Г. Умовъ преднамѣренно умалчиваетъ о моей ссылкѣ на сочиненіе Шелля и тѣмъ навязываетъ мнѣ въ глазахъ читателя плагиатъ. Таковы порою приемы критической оцѣнки, употребляемые моими рецензентами.

Второй сравнительный цитатъ г. Умова (стр. 230—241 у меня и стр. 145—155 у Шелля) относится къ аналитическому выводу зависимостей, существующихъ въ движеніи неизвѣнной системы около неподвижной точки. Мнѣ необходимо было дать вѣсто этому выводу въ моей книгѣ, и я его представилъ въ формѣ, въ какой онъ встрѣчается во всѣхъ сочиненіяхъ по Механикѣ, гдѣ аналитически изслѣдуется движеніе тѣрдаго тѣла около неподвижнаго центра; форма эта, данная еще Эйлеромъ, есть единственная извѣстная и поэтому общепринятая, основанная на дифференцированіи по времени извѣстныхъ формулъ преобразованія координатъ одной прямоугольной системы въ координаты другой прямоугольной системы, имѣющей общее начало съ первой; и если г. Умовъ находитъ въ этой части моего изложенія сплошное сходство съ Шеллемъ, то онъ, сравнивая внимательно и заключая далѣе на тѣхъ-же основаніяхъ, долженъ признать за Шеллевымъ изложеніемъ того-же вопроса такое-же сплошное сходство съ изложеніемъ Бура, за послѣднимъ полное сходство съ изложеніемъ Штурма, Пуассона, Дюгамеля и т. д. Изложеніе, мною приведенное, съ давнихъ поръ сдѣлалось, такъ сказать, общимъ достояніемъ; въ немъ Шелль служилъ мнѣ образцомъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ прочіе авторы, и

сходство моего изложенія съ изложеніемъ каждаго изъ нихъ такъ-же естественно и понятно, какъ сходство изложеній послѣднихъ между собой; слѣдовательно, оно опять не составляетъ упрека моему труду.

Перехожу къ третьему и послѣднему цитату г. Умова, указывающему на сходство стр. 283—290 моей книги съ стр. 415—418 у Шелля. На этихъ страницахъ у меня помѣщенъ выводъ выраженій для слагающихъ по тремъ прямоугольнымъ осямъ ускоренія точки неизмѣняемой системы, перемежающейся самымъ общимъ движеніемъ, и слѣдствія, вытекающія изъ этихъ выраженій относительно центра ускореній, оси ускореній и проч. Вполнѣ тому-же предмету посвящены у Шелля стр. 415—418 во всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть эти страницы, исправивъ въ нихъ даже предварительно всѣ указанныя Шеллемъ въ концѣ его книги опечатки, увидитъ, что, во первыхъ, его формулы для слагающихъ ускоренія, а, слѣдовательно, и остальные выведенныя изъ нихъ зависимости, не совсѣмъ вѣрны по знакамъ, и что, во вторыхъ, этимъ формуламъ и зависимостямъ данъ, въ слѣдствіе несоотвѣтствующаго выбора направленій осей координатъ, такой видъ, изъ котораго не получаются одновременно соотвѣтственныя выраженія въ частныхъ случаяхъ движенія около неподвижнаго центра и движенія параллельно неподвижной плоскости, данныя авторомъ на стр. 407 и 380. Зависимости-же, приведенныя мною на стр. 283—290, и вполнѣ точны, и обладаютъ тѣмъ преимуществомъ передъ формулами Шелля, что въ нихъ достаточно положить $U = 0$, $V_g = 0$ или $\theta = 0$, чтобы непосредственно получить соотвѣтственныя выраженія въ двухъ помянутыхъ частныхъ случаяхъ движенія, данныя мною на стр. 262 и 317; такъ что сходство здѣсь вовсе не такое *сплошное*, какъ утверждаетъ г. Умовъ, и можетъ показаться такимъ только на первый взглядъ.

Обращаюсь теперь къ обвиненіямъ, высказываемымъ противъ меня г. Умовымъ за утаиваніе источниковъ, которыми я пользовался. Именно, на стр. 16 рецензіи, читаемъ: «Мы не можемъ не замѣтить одной странности, часто встрѣчающейся у г. Лигина, — цитировать авторовъ, изложеніе ко-

«которые не сходно съ его книгой и опускать тѣхъ, которые сходны. Папримръ, юворя въ предисловіи о различіи своего труда по изложению и по исходной точкѣ, авторъ вовсе не цитируетъ Шелля. Такъ-же, приводя только что изложенное построение (центральной оси) на стр. 71, авторъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о Шеллѣ (съ построениемъ котораго, по мнѣнію рецензента, мое построение вполне сходно, о чемъ будетъ говорено ниже), а въ сноскѣ приводитъ цѣлую кучу авторовъ, давшихъ иныя построенія, чѣмъ онъ; мы съ цѣлью выписываемъ указанныя имъ при этомъ имена: Жюргисини, Родригъ, Шаль, Понслъ, Дакландеръ, Нейманъ». То наивное намѣреніе скрывать отъ читателя существованіе книги Шелля, которое приписываетъ г. Умовъ въ первомъ примѣрѣ только что сдѣланной выписки, опровергается уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣсколько разъ цитирую книгу Шелля, и въ своемъ предисловіи, и въ примѣчаніяхъ къ тексту моего сочиненія (см. стр. VII, XII, 23, 227). Что-же касается до втораго упрека, что не привожу Шелля, перечисляя всѣхъ авторовъ различныхъ построеній центральной оси, то упрекъ этотъ только свидѣтельствуешь, какъ мало рецензентъ знакомъ съ литературою предмета и какъ поверхностно онъ разсматривалъ мою книгу, о которой, между тѣмъ, пишеть рецензію и произноситъ приговоръ. Умову, какъ видно, совершенно не извѣстно, что построение, изложенное на стр. 76 у Шелля, не принадлежитъ, какъ онъ олагаетъ, самому Шеллю, а есть ничто иное, какъ построение, предложенное гораздо раньше Лэви; этого-же автора я цитирую въ указанной г. Умовымъ сноскѣ (стр. 71) въ числѣ другихъ ченыхъ, но, по какой-то странной случайности, г. Умовъ, переписывая всѣ цитируемыя мною имена, пропустилъ имя Лэви. Конечно, слѣдовательно, почему я «ни однимъ словомъ не упоминаю о Шеллѣ» въ своихъ цитатахъ, относящихся къ построению центральной оси. Такимъ-то образомъ разъясняется изъ приведенныхъ самимъ-же рецензентомъ примѣровъ та «часто стрѣчающаяся у меня странность», т. е., тѣ плагиаты, въ оторыхъ упрекаетъ меня съ плеча г. Умовъ. Предоставляю

теперь судить читателю, на сколько вѣско и справедливо это обвиненіе и на сколько компетентенъ судъ моего критика. Замѣчу только еще, что одни тѣ 73 примѣчанія, сопровождающія текстъ моего труда и содержащія почти исключительно литературныя указанія, свидѣтельствуютъ, какъ далеко я былъ отъ всякаго намѣренія скрывать источники, которыми пользовался.

Посмотримъ, на сколько основательнѣе и справедливѣе г. Умовъ разбираетъ нѣкоторыя части моего труда, считаемыя имъ за самостоятельныя.

На стр. 7 рецензіи авторъ дѣлаетъ сравнительную выписку изъ моей книги и сочиненія Шелля, «интересную», по его словамъ, «*въ томъ отношеніи, что одно и то-же предложеніе формулируется у Шелля словами, а у г. Липина представляется математическою зависимостью (форм. 120⁽¹⁾, стр. 80 диссертациі); не смотря на то, что доказательства тождественны, г. Липинъ утверждаетъ, что написанное имъ соотношеніе (форм. 120)⁽²⁾ не было извѣстно*»; затѣмъ слѣдуетъ выписка стр. 78—79 моей книги и стр. 69 книги Шелля. Содержаніе этой выписки составляетъ доказательство того предложенія, что если дана пара сопряженныхъ осей относительно даннаго конечнаго перемѣщенія неизмѣняемой системы и если изъ концовъ кратчайшаго разстоянія между этими осями опустить перпендикуляры на центральную ось разсматриваемаго перемѣщенія, то эти перпендикуляры соответственно изобразятъ кратчайшія разстоянія между сопряженными осями и центральной осью. Это свойство сопряженныхъ осей, котораго я себѣ нигдѣ не приписываю, доказывается у меня такъ-же, какъ у Шелля⁽³⁾,

---

(¹) и (²) слѣдуетъ читать 20 вмѣсто 120.

(³) Вскорѣ послѣ появленія моей диссертациі мнѣ представилась возможность дать другое доказательство того же свойства, совершенно отличное отъ доказательства Шелля и основанное на одной теоремѣ Родрига, по которой ортогональная проекція на центральной оси кратчайшаго разстоянія между двумя сопряженными осями есть величина постоянная. Это новое доказательство помѣщено во второмъ выпускѣ VI тома Московскаго Математическаго Сборника, стр. 193—198.

и, пока дѣло идетъ только о немъ, изложеніе мое сходно съ изложеніемъ Шелля. Но затѣмъ, когда приходится примѣнять это предложеніе къ выводу дальнѣйшихъ свойствъ сопряженныхъ осей, прекращается всякое сходство моего изложенія съ Шеллемъ: Шеллю помянутая теорема служитъ единственно для доказательства двухъ предложеній Родрига, изъ которыхъ первое доказано у меня раньше приведенной теоремы о трехъ кратчайшихъ разстояніяхъ и, слѣдовательно, независимо отъ послѣдней, на стр. 77, а второе только на стр. 82; я-же вывожу непосредственно изъ теоремы о трехъ кратчайшихъ разстояніяхъ свойство сопряженныхъ осей, которое выражаю и *аналитическою зависимостью* (форм. 20) и *словами*, и *котораю ни въ томъ, ни въ другомъ видѣ нѣтъ у Шелля*, хотя г. Умовъ и утверждаетъ, что она высказана у Шелля словами. Въ подтвержденіе сказаннаго я помѣщаю здѣсь *продолженіе* сравнительной выписки, сдѣланной г. Умовымъ, продолженіе, которому рецензентъ не счелъ нужнымъ дать у себя мѣсто, несмотря на то, что только изъ него можно было-бы судить объ упоминаемомъ г. Умовымъ тождествѣ моихъ ур. (20) съ словесными заключеніями Шелля:

У меня, стр. 80:

Итакъ, три прямыя $AE=r$, $BD=r_1$, $AB=d$ изображаютъ кратчайшія разстоянія двухъ сопряженныхъ осей (c), (c_1) отъ центральной оси и между собой. Между этими разстояніями существуютъ весьма простыя аналитическія зависимости. Изъ чертежа видно, что, означая чрезъ m_1 средину прямой AA_2 ,

$$m_1 A = r \sin \frac{1}{2} \theta;$$

У Шелля, стр. 69—70:

Da die Strecke $CG=DN=\frac{1}{2}B''B'$ ist; so folgt, dass die Projection CG des kürzesten Abstandes AB' der Axen α, β auf die Richtung der Schraubenaxe gleich der halben Translationsgrösse $\frac{1}{2}\tau$ der Schraubenbewegung ist.

Fällt man in dem sphärischen Dreieck $\alpha'\beta'\gamma'$ von γ' das

съ другой стороны

$$m_1 A = mm_1 \cot g[(c_1'), (C')],$$

и какъ $mm_1 = \frac{1}{2} A_2 A_1 = \frac{1}{2} \tau$, то

$$m_1 A = \frac{1}{2} \tau \cot g[(c_1), (C)];$$

слѣдовательно

$$r \operatorname{tg}[(c_1), (C)] = \frac{\tau}{2 \sin \frac{1}{2} \theta}.$$

На основаніи подобныхъ же соображеній легко полу-

$$\text{чить } r_1 \operatorname{tg}[(c), (C)] = \frac{\tau}{2 \sin \frac{1}{2} \theta}.$$

Итакъ $r \operatorname{tg}[(c_1), (C)] =$

$$r_1 \operatorname{tg}[(c), (C)] = \frac{\tau}{2 \sin \frac{1}{2} \theta}, \quad (20)$$

т. е., произведеніе разстоянія одной изъ двухъ сопряженных осей отъ центральной оси на тангенсъ угла наклоненія послѣдней къ второй сопряженной оси есть величина постоянная и равная количеству скольженія, раздѣленному на удвоенный синусъ полумплитуды вращенія системы. Это свойство сопряженных осей конечнаго перемѣщенія, на сколько намъ извѣстно, не было еще высказано.

Perpendikel p auf $(\alpha' \beta)$, so ist nach Cap. IV, § 1:

$$\sin p \cdot \sin \frac{1}{2} \theta =$$

$$\sin \frac{1}{2} \vartheta \cdot \sin \frac{1}{2} \vartheta' \cdot \sin(\alpha \beta);$$

$\sin p$ ist aber der Cosinus des Winkels, welchen γ' mit dem auf der Ebene $(\alpha' \beta)$ errichteten Perpendikel, d. h. in der Richtung des kürzesten Abstandes der beiden Axen α, β bildet. Ist d dieser Abstand, so stellt daher $d \sin p$ die Projection von d auf die Axe γ , d. h. die halbe Translationsgrösse $\frac{1}{2} \tau$

dar. Multiplicirt man daher die vorstehende Gleichung mit d , so erhält man aus ihr

$$\frac{1}{2} \tau \cdot \sin \frac{1}{2} \theta =$$

$$d \cdot \sin \frac{1}{2} \vartheta \cdot \sin \frac{1}{2} \vartheta' \cdot \sin(\alpha \beta),$$

d. h. das Produkt der Sinusse der halben Amplituden der Rotationen um zwei Axen, des kürzesten Abstandes dieser Axen und des Sinus dieser Neigung ist gleich dem Produkte aus der halben Translation und dem Sinus der halben Amplitude der Folge beider Rotationen aequivalenten Schraubenbewegung. Dieser Satz wurde zuerst 1840 von Rodrigues bewiesen.

Гдѣ-же здѣсь Шелль формулируетъ словами мои ур. (20), какъ утверждаетъ г. Умовъ? Было-бы понятнымъ, если-бы рецензентъ находилъ, что мои ур. (20) представляютъ слѣдствіе теоремы о трехъ кратчайшихъ разстояніяхъ, но и тогда я возразилъ-бы, что это слѣдствіе не выведено и не формулировано у Шелля, равно какъ и у другихъ авторовъ, такъ что я справедливо могу считать его за результатъ самостоятельный, ибо полагаю, что если какая-либо истина находится на основаніи другой, уже извѣстной, то это обстоятельство еще не лишаетъ найденное предложеніе оригинальности и новизны. Итакъ, обвиненія г. Умова и на этотъ разъ оказываются лишенными основаній, даже просто голословными.

Далѣе, на стр. 13 рецензій, говорится: «Изъ предисловія видно, что имъ (авторомъ) указывается простой способъ построенія центральной оси, не опирающійся подобно многимъ другимъ (на стр. 71 говорится, что это построеніе отличается отъ до сихъ поръ предложенныхъ и обладаетъ передъ ними тѣмъ преимуществомъ, что не опирается на понятіе о мгновенномъ центръ и проч.) на существованіе центральной точки. Повторяя снова в. Лилина сравненіемъ его способовъ съ приведенными у Шелля, я нахожу, что оба построенія не опираются на понятіе о мгновенномъ центръ и по сущности сходны; различіе только въ томъ, что при опредѣленіи положенія центральной оси Шелль строитъ чертежъ внутри системы, а в. Лилинъ тотъ-же чертежъ въ произвольной точкѣ пространства — различіе несущественное. Сущность-же разсужденія совершенно одинакова: Шелль разсуждаетъ надъ линіями, связанными опредѣленнымъ образомъ съ положеніями движущейся системы, а в. Лилинъ надъ линіями, имъ параллельными. Чтобы подтвердить сказанное, я дѣлаю сравнительную выписку». Приведенное мѣсто рецензій слѣдующей за нимъ сравнительной выпиской содержитъ три отдѣльные упрека:

1) Г. Умовъ утверждаетъ, что я считаю свой способъ построенія единственнымъ, не опирающимся на понятіе о центральной точкѣ, тогда какъ способъ, приведенный Шеллемъ,

обладаетъ тѣмъ-же достоинствомъ. Но вмѣсто въ моемъ пред- словіи (стр. IX), гдѣ говорится, что «мой способъ не опира- ется, подобно *многимъ другимъ*, на существованіе центральной точки», мнѣ кажется, достаточно ясно выражаетъ, что мой способъ не есть единственный, имѣющій это преимущество, а одинъ изъ немногихъ, не основанныхъ на свойствахъ центральной точки; и то-же выраженіе: «подобно *многимъ другимъ*», прямо показываетъ, что на стр. 71 фраза: «отличается отъ до сихъ поръ предложенныхъ способовъ» содержитъ простой корректурный пропускъ и что вмѣсто нея слѣдуетъ читать «отличается отъ *многихъ* до сихъ поръ предложенныхъ способовъ». Что я не считалъ и не желалъ выставлять свой способъ единственнымъ, объ- дающимъ помянутымъ преимуществомъ, доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ томъ-же сочиненіи, на стр. 107, я привожу, для случая безконечно-малаго перемѣщенія, способъ, данный Шалемъ для построенія центральной оси, который также не основывается на свойствахъ центральной точки. Поэтому еще нѣтъ ничего страннаго, если построеніе, которое приведено у Шелля и которое, какъ я имѣлъ случай замѣтить выше, при- надлежитъ Лэви, такъ-же какъ и мое построеніе не опирается на понятіе о центральной точкѣ, такъ что въ этомъ отношеніи дѣлasmus г. Умовымъ сравнительная выписка не имѣетъ ника- кого интереса.

2) Вторая цѣль этой выписки заключается въ томъ, чтобы доказать, какъ сходно мое построеніе съ построеніемъ Шалля. Но здѣсь опять г. Умовъ поступаетъ крайне несправедливо. Я приписываю себѣ исключительно только одно построеніе *поло- женія* центральной оси, какъ ясно видно изъ слѣдующихъ словъ стр. 71 моей диссертациі: «почти всѣ они (способы построенія «центральной оси) совершенно схожи съ способомъ, даннымъ «Понслэ, въ отношеніи построенія *направленія* этой прямой и «различествуютъ только методами опредѣленія ея *положенія* въ «пространствѣ. Въ изложенномъ ниже построеніи *мы также «заимствуемъ у Понслэ опредѣленіе перваго элемента, въ «виду чрезвычайной простоты и естественности его способа, осно-*

«ваннаго на одномъ отличительномъ свойствѣ 2) § 84 винтового движенія; слѣдующее-же затѣмъ построеніе *положенія* «центральной оси отличается и т. д.». Между тѣмъ выписка, сдѣланная г. Умовымъ, содержитъ: а) построеніе направленія центральной оси, заимствованное мною, какъ я самъ говорю, у Понслэ, что дѣлаеть и Шелль; б) построеніе положенія центральной оси; с) построеніе амплитуды и знака вращенія системы около найденной центральной оси, котораго я себѣ нигдѣ не приписываю и которое есть столь простое и необходимое слѣдствіе основныхъ свойствъ вращательнаго движенія, что смѣшно было-бы приписывать его кому-либо. Такое содержаніе выписки г. Умова очевидно наводитъ читателя его рецензіи на мысль, что я считаю за свои все три построенія а), б), с), тогда какъ на самомъ дѣлѣ я приписываю себѣ лишь одно построеніе б); и какъ построенія а) и с), по указаннымъ причинамъ, должны быть сходны у меня и у Шелля, то г. Умовъ своимъ неточнымъ способомъ сравненія прямо навязываетъ мнѣ плагиаты по собственному произволу. Подобный методъ оцѣнки моего труда ужъ конечно нельзя назвать безпристрастнымъ.

3) Третій упрекъ г. Умова состоитъ въ томъ, что мое построеніе *положенія* центральной оси въ сущности совершенно одинаково съ построеніемъ того-же элемента, приведеннымъ у Шелля. Чтобы предоставить читателю возможность рѣшить этотъ вопросъ, привожу здѣсь ту часть сравнительной выписки г. Умова, которая трактуеть объ одномъ построеніи *положенія* искомой прямой и которою, на основаніи замѣченнаго выше, г. Умовъ также долженъ былъ ограничиться, если хотѣлъ быть по крайней мѣрѣ точнымъ въ толкованіи моихъ словъ; предполагая *направленіе* центральной оси найденнымъ и называя чрезъ Σ' , Σ'' два положенія разсматриваемой системы, при которыхъ какія-либо три точки A , B , C этой системы соответственно занимають положенія A' , B' , C' и A'' , B'' , C'' , а чрезъ α , β , γ концы прямыхъ, отложенныхъ отъ произвольной точки O пространства равными, параллельными и однозначными хордамъ $A'A''$, $B'B''$, $C'C''$, читаемъ:

У меня, стр. 72.

Назовемъ чрезъ ω проекцію точки O на плоскости $\alpha\beta\gamma$ и соединимъ ω съ точками α, β прямыми $\omega\alpha, \omega\beta$; тогда линия $O\omega$ выразить (2, § 24) величину поступательной слагающей винтового движения, а прямыя $\omega\alpha, \omega\beta$ изобразить по направлею и величинѣ хорды дугъ, которыя описываютъ точки A, B въ слѣдствіе вращательной слагающей, около центральной оси. Слѣдовательно, искомая ось будетъ прямая пересѣченія плоскости, проведенной чрезъ средину хорды $A'A''$ перпендикулярно къ прямой $\omega\alpha$, съ плоскостью, проведенной чрезъ средину хорды $B'B''$ перпендикулярно къ прямой $\omega\beta$.

У Шелли, стр. 76—77.

Zwei durch A' und A'' zur Schraubenachsenrichtung parallel gezogene Gerade α' und α'' sind homologe Gerade von Σ' und Σ'' , indem eine bewegliche Gerade durch die Schraubebewegung aus der Lage α' in die Lage α'' gelangt; sie liegen daher auf einer Cylinderfläche, deren Axe mit der Schraubenaxe zusammenfällt. Legt man daher durch sie eine Ebene und halbirt den zwischen ihnen in dieser enthaltenen Parallelstreifen $\alpha' \alpha''$ durch eine ihnen parallele Normalebene welche mithin durch die Mitte der Sehne $A'A''$ geht, so muss diese die Schraubenaxe enthalten; wendet man dieselbe Construction nochmals, nämlich in Bezug auf die Punkte $B'B''$ an, indem man durch diese zwei zur Schraubenachsenrichtung parallele Gerade β', β'' zieht, so liefert die Ebene, welche den Parallelstreifen $\beta' \beta''$ normal halbirt, durch ihren Durchschnitt mit der vorigen Normalebene die Schraubenaxe selbst.

Способы геометрическаго построенія извѣстнаго элемента имѣють двойкій интересъ: во первыхъ — доказать дѣйствительное существованіе этого элемента возможностью его опредѣленія, и, во вторыхъ, — быть полезными въ примѣненіяхъ. Поэтому, когда для нѣкотораго построенія существуетъ уже одинъ или нѣсколько способовъ, то дальнѣйшій интересъ сосредоточивается единственно на нахожденіи такихъ построеній, которыя были-бы возможно проще и удобнѣе для приложений. Предполагая-же, что требуется самымъ дѣломъ построить положеніе центральной оси въ какомъ-либо частномъ вопросѣ примѣненій, въ которомъ даны хорды или скорости двухъ точекъ движущейся системы, весьма легко видѣть, на сколько приведенный у меня способъ проще способа, изложеннаго Шеллемъ. Помня, что направление искомой прямой опредѣляется какъ у Шелля, такъ и у меня, по методу Понслэ, и что, слѣдовательно, какой-бы изъ двухъ способовъ для опредѣленія положенія мы ни избрали, та часть построенія уже предполагается исполненною предварительно, изъ сдѣланной выше сравнительной выписки видно, что, по способу Шелля надо, для рѣшенія задачи, строить четыре прямыя (α' , α'' , β' , β'') и четыре плоскости, изъ коихъ двѣ удовлетворяють, каждая, тремъ условіямъ (быть перпендикулярными къ плоскости (α' α'') или (β' β''), быть параллельными къ прямымъ α' , α'' или β' , β'' и проходить черезъ середину разстоянія между прямыми α' , α'' или β' , β''); тогда какъ, по способу, мною приведенному, та-же задача рѣшается построеніемъ только двухъ плоскостей, изъ коихъ каждая удовлетворяеть двумъ условіямъ (проходить черезъ середину хорды $A'A''$ или $B'B''$ и быть перпендикулярною къ данной прямой $\omega\alpha$ или $\omega\beta$). Откуда всякому ясно, на сколько второе рѣшеніе будетъ короче и проще перваго; такъ что различіе между обоими способами далеко не такъ несущественно, какъ увѣряеть г. Умовъ читателя.

Рецензію самостоятельныхъ частей моей диссертациі г. Умовъ канчиваетъ разборомъ стр. 290—293: «Наконецъ, въ предисловіи», говоритъ онъ на стр. 17 своей статьи, «авторъ обязуется исправить нѣкоторыя неточности, вкрашіяся у Шелля. Это исправленіе предпринимается на стр. 290 дис-

«сертациі. Здѣсь г. Липинъ отыскиваетъ выраженія для касательнаго и нормальнаго ускоренія въ общемъ движеніи неизмѣняемой системы. Выводъ касательнаго ускоренія не представляетъ ничего новаго. Въ выводѣ же ускоренія нормальнаго, г. Липинъ намъ превается исправить погрѣшности Шелля. Формулы, найденныя Шеллемъ, не даютъ результатовъ, согласныхъ съ тѣми, которые получаются при ограниченіи движенія системы частными условіями и т. д.»; затѣмъ слѣдуетъ довольно пространное доказательство ошибокъ сдѣланныхъ Шеллемъ и мною при выводѣ выраженія для нормальнаго ускоренія. — Во первыхъ, я не знаю, на какихъ основаніяхъ г. Умовъ полагаетъ, что исправленіе предпринимается именно на страницѣ 290; я уже замѣтилъ выше, что къ этимъ исправленіямъ отчасти относятся и страницы 282—290. Что же касается до доказательства, которымъ рецензентъ убѣждаетъ читателя въ неточности формулы Шелля и моей, то на этотъ разъ мнѣ невольно приходится замѣтить г. Умову, что онъ не говоритъ ничего новаго; потому что, какъ ошибка Шелля, такъ и ошибка, которая вошла въ мои рассужденія и которая была сдѣлана и Резалемъ на стр. 239 его мемуара «Sur les propriétés géométriques du mouvement le plus général d'un corps solide», представляющаго первое изслѣдованіе объ ускореніи въ общемъ движеніи, — эти ошибки, говорю я, были мнѣ указаны еще на диспутѣ профессоромъ Сабининымъ, какъ я и упомянулъ въ предисловіи къ изданному мною въ сентябрѣ прошлаго года продолженію моей диссертациі: «Геометрическая теорія относительнаго движенія точки и неизмѣняемой системы» (стр. II), и исправленіе ихъ составило затѣмъ предметъ отдѣльной статьи того-же профессора, помѣщенной имъ въ «Nouvelles Annales de Mathématiques» за нынѣшній годъ (стр. 257—264). Поэтому, ни указанія этихъ ошибокъ, ни доказательство ихъ, даваемое г. Умовымъ на стр. 17—18 его рецензіи, не представляютъ ничего новаго; и то, и другое есть только повтореніе сказаннаго проф. Сабининымъ на моемъ диспутѣ. Кромѣ того справедливость требуетъ сказать, что самъ г. Умовъ здѣсь дѣлаетъ то-же самое, въ чемъ постоянно упрекаетъ меня въ своей

рецензии, именно — заимствование, потому что слова г. Умова, в стр. 18, употребляя его же выражение, представляют сплошное сходство съ словами, приведенными на стр. 420 у Шелля, как показывает следующая сравнительная выписка:

У г. Умова, стр. 17—18.

.. беретъ слагающія уско-
вой φ_x , φ_y , по направленію
 M' ; затѣмъ, отыскавъ ихъ
вводѣйствующую, строитъ
ней и на слагающей φ_x ,
перпендикулярной къ mm' ,
паралелограммъ, діагональ
торого, по его мнѣнію, и
тъ φ_n . Между тѣмъ ясно,
о φ_x и φ_y даютъ еще двѣ
угія слагающія по направ-
вію QQ' , перпендикуляр-
му къ PM' и лежащему
одной плоскости съ φ_x и φ_y .
вводѣйствующая-же сла-
ющихъ по QQ' можетъ быть
можена на двѣ: одну — ка-
сельную къ траекторіи mm' ,
другую — къ ней перпендику-
лярную; послѣдняя должна
представлять одинъ изъ элемен-
тъ, входящихъ въ выра-
женіе для φ_n .

У Шелля, стр. 420.

Die beiden Componenten X
und Y , welche in die Ebene
senkrecht zur Momentanaxe
fallen, zerlegen wir jede in
zwei Componenten, eine (S)
in der Richtung von r , die
andere (W) senkrecht dazu;
etc.... W aber spaltet sich wie-
der in zwei Bestandtheile, einen
von der Richtung der Tan-
gente an die Bahn des Sy-
stempunktes, welcher bereits
in φ_x enthalten ist, und einen
anderen, welcher normal dazu
in die Tangentenebene des Cy-
linders um die Momentanaxe
fällt.

Изъ всего сказаннаго видно, что возраженія г. Умова
тивъ моей диссертациі далеко нельзя назвать справедли-
ны и *безпристрастными*; читатель могъ судить, на сколько
ки и неопровержимы аргументы, приводящіе моего критика
окончательному приговору, которымъ онъ заключаетъ свою

статью: «*Въ сущности труда и. Литина остается коммуніцией, и притомъ съ совершенно напраснымъ самовосхваляемъ. Ни для кого не было-бы потерей, если-бы вмѣсто объемистой книги, авторъ помѣстилъ въ ученомъ журналѣ замѣтку по поводу доказанныхъ имъ предложеній Шаля.*»

Что я не былъ такого высокаго мнѣнія о своей книгѣ, какъ угодно думать рецензенту, это показываютъ ясно слова, которыми я оканчиваю ея предисловіе. Что-же касается до того, было-ли бы потерей для кого-нибудь, если-бы я не издавалъ своей объемистой книги, то судить объ этомъ конечно не мнѣ, но также и не тому, кто, какъ я показалъ на многихъ примѣрахъ, оказался и некомпетентнымъ, и пристрастнымъ при ея разборѣ.

В. Лигинъ.

ан. строк.	вѣсто:	читай:
15 св.	немицѣмо	немицѣмо
3 св.	Штурмъ	Штурмъ
7 св.	«объ адѣхристѣ»	«Сѣть адѣмъ»
5 св.	грѣмѣль	грѣмѣль противъ
10 св.	допысывалсь	допысывалсь
17 св.	Матвѣя . . . . Хреновскаго	священниковъ: Михаила Жамберискаго и безыменныхъ римскаго и вальденскаго
8 св.	Коменскій	Jan Jafet
5 св.	Jan Jafet	Коменскій (и соответствующія осмысли мѣнѣннѣ)
10 св.	старатоя	стараться
12 св.	Матвѣя	Михангъ
11 св.	Ома и Илья	(лишне)
10 св.	Матвѣя	Михангъ
8 св.	послѣ «умеръ»	первый епископъ изъ своихъ
7 св.	vurovĕdi	vurovĕdi
11.12 св.	послѣ: «Августу», «отца» и (непріятности)	«занятія»
18 св.	motu	motu
7 св.	сильны	сильны
15 св.	Аугсбургъ	Аугсбургъ
14 св.	будемъ	будемъ же
16 св.	вопросамъ	вопросомъ
8 св.	Въ сеймѣ июль года	Въ июль 1584 года
16 св.	терпимъ	благоклоненъ
14 св.	Ференсъ	Ферендъ
1 св.	отвѣтъ	отвѣтъ отъ 24 марта
18 св.	вечеромъ	вечеромъ 26 июля
16 св.	Швалбергъ	Швамбергъ
16 св.	alta	alta
15 св.	какъ	какъ человекъ
16 св.	Врумовъ	Врумовъ
11 св.	въ какія-либо	ни въ какія
7 св.	свободы	свободу
17 св.	установленія	установленію
13 св.	лишить	лишить
15 св.	газетъ	газетъ,

261	12	св.	приказаніа	приказанію
263	5	св.	Смирнчъ	Смирнцкій
282	15	сн.	переходы	проходы
290	17	сн.	будеть	будуть
291	13	сн.	такъ	такъ какъ
292	7	сн.	воспользоваться	воспользоваться
298	13	св.	разбитый	разбитый
306	18	св.	обозу	обузу
308	15	св.	исключеніе	исключеніемъ
—	13	сн.	объявили	объявила
320	17	св.	вергерскій	венгерскій

ОБЪЯВЛЕНИЕ

объ изданіи журнала «ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ»
въ 1873 и 74 учебномъ году.
(годъ второй).

Педагогическій журналъ «Школьная Жизнь» издается по слѣдующей программѣ:

1) Значеніе и задачи элементарной школы въ воспитательномъ, образовательномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ. Средства къ развитію силъ физическихъ, умственныхъ способностей, нравственно-религіознаго и патріотическаго чувства въ ученикахъ. Искусства, ремесла, гимнастика и игры для учениковъ обоого пола. Исторія элементарныхъ школъ у насъ въ Россіи и у другихъ народовъ.

2) Предметы обученія. Методы обученія. Строй обученія. Учебныя пособія. Учебныя матеріалы и принадлежности. Здѣсь будутъ помѣщаться краткія статьи изъ церковной и политической отечественной исторіи, естествознанія и законовѣдѣнія. Къ этимъ статьямъ будутъ прилагаться рисунки. (При этомъ отдѣлѣ предполагается давать иногда особня приложенія).

3) Біографическіе очерки учениковъ и учителей элементарной школы какъ у насъ въ Россіи, такъ и у другихъ народовъ. Воспоминаніе о школьной жизни членовъ общества.

4) Библіографія. Указаніе книгъ пригодныхъ для элементарной школы.

5) Педагогическая лѣтопись. Всякаго рода современныя извѣстія, касающіяся воспитанія и устройства элементарныхъ школъ въ отечествѣ и за границей. Правительственныя узаконенія и распоряженія по отношенію къ элементарнымъ школамъ.

6) Смѣсь и разныя извѣстія. Здѣсь будутъ помѣщаться свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ государственной жизни и частной, полезныя для учителей элементарныхъ школъ.

7) Объявленія.

Программа журнала **«Школьная Жизнь»** была рассмотрѣна особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ отзывѣ его сказано *«разработка этой программы можетъ принести пользу дѣлу начальной народной обученія»*.

Журналъ **«Школьная Жизнь»** выходитъ въ продолженіе учебнаго года, т. е. съ 1-го Сентября по 15-е Юня еже-недѣльно, кромѣ двухъ съ половиною каникулярныхъ мѣсяцевъ, всего 42 номера въ учебный годъ.

Цѣна журнала **«Школьная Жизнь»** за 42 номера, содержащіе въ себѣ отъ 50 до 70 листовъ, четыре рубля съ пересылкою, за полгода 2 р. 50 к., т. е. съ 1-го Сентября по 1-е Января и съ 1-го Января по 15 Юня, 1874 г.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ Редакціи журнала **«Школьная Жизнь»**, по Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, домъ № 88, кв. № 24.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

12

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ.

1874.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго
университета.

Ректоръ *В. Леонтовичъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Часть официальная:

- Протоколы засѣданій совѣта съ 6-го сентября по
5-е декабря 1873 года . . . . . 153—219
- Программа курса церковнаго законовѣдѣнія, одоб-
ренная юридическимъ факультетомъ новорос-
сійскаго факультета (Приложеніе къ ст. 14-й
протокола 2-го ноября) . . . . . 1—8

Часть ученая:

- Памятникъ гарпій изъ Есанае въ Ликии. Опытъ
исторической характеристики. *Н. Кондакова.* 1—234
- Записка объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ
движеніи неизмѣняемой системы . . . . . 235—257

Часть офіціальна.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА

ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Засѣданіе 6-го сентября 1878 г.

Присутствовали 21 профессоръ.

Слушали:

1. Былъ прочтенъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія совѣта 18-го августа.

При чтеніи 26-й статьи возбужденъ былъ г. ректоромъ вопросъ о печатаніи рѣчи г. Орбинскаго въ университетскихъ запискахъ.

Голосованіе дало слѣдующіе результаты: 9 голосовъ (гг. Синцовъ, Ярошенко, Некрасовъ, Вериго, Ягичъ, Патлаевскій, Головкинскій, Абашевъ, Вальцъ) подано за напечатаніе рѣчи, и 9 (гг. Шведовъ, Сѣченовъ, Беркевичъ, Сабининъ, Юргевичъ, Войтковскій, Куницынъ, Богдановскій и ректоръ) противъ печатанія. Профессоръ Павловъ отъ катедрическаго отвѣта на постановленный вопросъ отказался, такъ какъ не читалъ и не слушалъ рѣчи; профессоръ Григоровичъ находилъ возможнымъ напечатать съ исправленіемъ мѣстъ, указанныхъ въ отзывѣ декана историко-филологическаго факультета, а профессоръ Вольскій полагалъ напечатать

изъ рѣчи то, что прочтено было на торжественномъ актѣ. *Опредѣлили*: 1) протоколъ 18-го августа представить г. попечителю съ заключеніемъ совѣта, что онъ можетъ быть напечатанъ вполнѣ; и 2) рѣчь г. Орбинскаго не печатать.

2. Предложеніе г. попечителя за № 3046 съ препровожденіемъ на обсужденіе совѣта прошенія стипендіата Власенка въ департаментъ народнаго просвѣщенія, слѣдующаго содержанія: «во время моего пребыванія въ командировкѣ заграницей, здоровье мое крайне разстроилось, такъ что я долженъ былъ отправиться на югъ и въ настоящее время нахожусь въ Ниццѣ. Вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, занятія мои не могли идти успѣшно и я не могъ выполнить данную мнѣ инструкцію: я не имѣлъ возможности побывать во французскихъ университетахъ. Для поправленія здоровья я долженъ нѣкоторое время остаться на югѣ и затѣмъ мнѣ необходимо побывать въ Парижѣ, чтобы ознакомиться съ преподаваніемъ римскаго права во Франціи. А потому имѣю честь покорнѣйше просить департаментъ народнаго просвѣщенія продолжить мою командировку еще на годъ, т. е. до 1-го апрѣля 1874 года».

При чемъ доложено, что прошеніе это было передаваемо на предварительное обсужденіе юридическаго факультета, который нынѣ доноситъ, что онъ «изъ снисхожденія къ положенію Власенка, какъ онъ его представляетъ министерству, находитъ возможнымъ дать ему просимую отсрочку къ возвращенію въ Россію; но такъ какъ изъ отчетовъ г. Власенка, которые до сихъ поръ препровождаемы были изъ министерства на разсмотрѣніе факультета, нельзя заключить съ надлежащею ясностію, на сколько онъ успѣлъ въ достиженіи той цѣли, для которой былъ посланъ за границу, то факультетъ находилъ бы нужнымъ предложить ему:

1) представить подробный, мотивированный отчет о своих занятіях за все время пребыванія своего за границею,
2) разсужденіе по предмету римскаго права, которое могло бы быть признано или за магистерскую диссертацию, или за сочиненіе pro venia legendi». *Опредѣлили*: донести г. попечителю, согласно съ отзывомъ факультета.

3) Представленіе правленія за № 754 объ увеличеніи содержанія административнымъ чиновникамъ.

По выслушаніи этого представленія, профессоръ Вальцъ предложилъ ходатайствовать также объ увеличеніи содержанія лаборантамъ и консерваторамъ. *Опредѣлили*: передать въ бюджетную комиссію, сообщивъ ей для обсужденія и предложеніе г. Вальца.

4. а) Представленіе правленія: «вслѣдствіе представленія физико-математическаго факультета о необходимости отвести квартиры для гг. Тегартена, Петріева и Ришави, такъ какъ занимаемыя ими помѣщенія при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета понадобились нынѣ для расширенія сихъ послѣднихъ,—правленіе университета, въ засѣданіи своемъ, бывшемъ 31 минувшаго августа, разсмотрѣвъ планы университетскихъ зданій, нашло возможнымъ сдѣлать слѣдующее распредѣленіе помѣщеній: занимаемую нынѣ архитекторомъ квартиру во флигелѣ дома на преображенской улицѣ предоставить лаборанту Тегартену, архитектору-же для чертежной и одному лаборанту отвести занимаемое нынѣ казначеемъ университета помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ главнаго зданія, предоставивъ архитектору двѣ комнаты, а лаборанту одну; казначею отвести 4 комнаты въ третьемъ этажѣ главнаго университетскаго зданія по елисаветинской улицѣ подъ №№ 1, 2, 3 и 6; затѣмъ двѣ комнаты въ томъ-же этажѣ подъ №№ 4 и 5

назначить подъ помѣщеніе двухъ лаборантовъ, а комнату подъ № 7-мъ, занимаемую нынѣ помощникомъ бібліотекаря, попрежнему, оставить за нимъ; завѣдывающему лекторію отвести квартиру въ нижнемъ этажѣ рядомъ съ архивомъ. При этомъ оказалось необходимымъ устроить въ 3-мъ этажѣ двѣ перегородки, для отдѣленія жилыхъ помѣщеній отъ бібліотеки. Правленіе университета, донося о настоящемъ распредѣленіи помѣщеній въ университетскихъ зданіяхъ, имѣетъ честь покорнѣйше просить совѣтъ университета объ утвержденіи онаго».

б) Донесеніе физико-математическаго факультета: «физико-математическій факультетъ, прилагая при семъ представленіе профессора Вальца, имѣетъ честь просить ходатайствовать предъ г. попечителемъ объ утвержденіи проектируемаго г. Вальцемъ распредѣленія квартиръ. При этомъ факультетъ, согласно своему постановленію, имѣетъ честь представить подлинную выписку изъ своего протокола по этому дѣлу. Послѣ прочтенія предложенія профессора Вальца, профессоръ Беркевичъ предложилъ вопросъ: имѣетъ-ли факультетъ право обсуждать вопросы, о которыхъ только что состоялось опредѣленіе «принять къ свѣдѣнію». На что профессоръ Вальцъ возразилъ, что онъ возбуждаетъ снова вопросъ, имѣя въ виду важность этого дѣла для успѣха нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений. На вопросъ декана — слѣдуетъ-ли приступить къ обсужденію этого вопроса — большинствомъ 9 противъ одного (профессора Беркевича) постановлено: приступить къ обсужденію. На вопросъ-же о томъ, согласны-ли члены факультета съ предложеніемъ профессора Вальца, заявили: профессоръ Веригъ, что онъ согласенъ съ предложеніемъ г. Вальца, съ тѣмъ только, чтобы это не мѣшало отведенію удобныхъ квартиръ

лаборантамъ; а профессоръ Беркевичъ — что на основаніи рѣшенія совѣта первая забота факультета должна быть отвѣдены помѣщенія лаборантамъ, между тѣмъ какъ въ представленіи г. Вальца на первомъ планѣ ставятся квартиры профессоровъ, что слѣдуетъ изъ заявленія г. Вериго. Профессоръ Вальцъ замѣтилъ, что изъ заявленія Вериго этого не слѣдуетъ и что вопросъ о профессорскихъ квартирахъ занимаетъ первое мѣсто, только по мѣсту, на которомъ онъ написанъ въ бумагѣ и что по его мнѣнію нельзя помѣщать лаборантовъ технического, физиологическаго и ботаническаго кабинетовъ въ кабинетахъ минералогическомъ и геологическомъ. Профессоръ Абашевъ заявилъ, что противорѣчіе между заявленіями профессоровъ Беркевича и Вальца только кажущееся, такъ какъ въ представленіи профессора Вальца имѣется въ виду отводъ квартиръ только такимъ профессорамъ, которые въ тоже время исполняютъ и обязанности лаборантовъ, по неимѣнію таковыхъ при кабинетахъ. Притомъ проектируемый теперь отводъ квартиръ радикально отличается отъ того, отъ котораго доставила совѣту благодарность г. министра, такъ какъ тогда каждый изъ профессоръ получалъ помѣщеніе не менѣе 12 оконъ, въ настоящее-же время предполагается отвѣсти помѣщеніе среднимъ числомъ по 4 окна. На это профессоръ Беркевичъ заявилъ, что «хотя по мнѣнію профессора Абашева противорѣчіе между моимъ мнѣніемъ и мнѣніемъ профессора Вальца есть кажущееся, я все таки утверждаю, что оно существенно. Въ нашемъ университетѣ, кромя 5-ти лаборантовъ, назначенныхъ по уставу, есть еще одинъ, содержимый на счетъ спеціальныхъ средствъ,— слѣдовательно университетъ не въ состояніи назначать новыхъ суммъ денежныхъ или квартирныхъ для профессоровъ,

исправляющихъ должности лаборантовъ». На что профессоръ Вальцъ замѣтилъ, что здѣсь не требуется никакого расхода».

в) Заявленіе въ физико-математическій факультетъ декана того-же факультета Вальца: «г. попечитель одесскаго учебнаго округа отказалъ въ утвержденіи распредѣленіе квартиръ, постановленное въ засѣданіи совѣта 27 апрѣля, естественно, потому только, что совѣтъ университета не выразилъ категорически то мнѣніе, что предполагаемое распредѣленіе не стѣсняетъ учебно-вспомогательныхъ учреждений. Совѣтъ-же университета не выразилъ этого потому, что въ представленіи факультета о вопросѣ этомъ говорилось довольно лаконически. Вотъ почему я имѣю честь предложить физико-математическому факультету возобновить свое ходатайство предъ совѣтомъ. Предложеніе мое я основываю главнымъ образомъ на томъ, что проектированное распредѣленіе не только не стѣсняетъ нашихъ кабинетовъ, но отъ осуществленія его въ значительной степени зависитъ процвѣтаніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ учреждений. Проектированное факультетомъ и правленіемъ распредѣленіе еще улучшаетъ въ значительной степени то распредѣленіе, за которое совѣтъ получилъ благодарность отъ г. министра, а потому считать его возобновленіемъ стараго порядка, измѣненіе котораго вызвало благодарность г. министра, ни въ какомъ случаѣ нельзя. Согласно проектированному распредѣленію предполагается одну комнату изъ шести, предназначенныхъ для геологическаго кабинета, предоставитъ завѣдывающему этимъ кабинетомъ, профессору Синцову, въ видѣ квартиры; 4 комнаты, изъ одиннадцати, предназначенныхъ для минералогическаго кабинета, предоставитъ, въ видѣ квартиры, профессору минералогіи Головинскому, и одну комнату механическаго

кабинета предоставить завѣдывающему этимъ кабинетомъ, профессору Барастелеву, присоединивъ къ этой послѣдней еще одну комнату отъ квартиры экзекутора, которою онъ даже пользоваться не могъ, такъ какъ она совершенно отдѣлена отъ занимаемой имъ квартиры и выходъ изъ нея имѣется только чрезъ механическій кабинетъ. Каждый завѣдывающій кабинетомъ отдѣляетъ одну комнату для своихъ занятій, а потому вопросъ о квартирѣ для завѣдывающаго кабинетомъ механическимъ сводится на то, слѣдуетъ-ли отнять отъ квартиры экзекутора одну комнату, которой онъ пользоваться не могъ и не можетъ, или нѣтъ? Очевидно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о стѣсненіи помѣщенія механическаго кабинета, такъ какъ комната, которая отъ него отдѣляется и остается комнатою для занятій или, что тождественно, дѣлается кабинетомъ профессора Барастелева. Геологическій кабинетъ тоже не стѣсняется отдѣленіемъ одной комнаты, такъ какъ послѣ распределенія, одѣланнаго комиссіей, результаты дѣятельности которой удостоились благодарности г. министра, одна изъ комнатъ этого кабинета была предоставлена лаборанту физиологической лабораторіи. Очевидно, кабинетъ только выигрываетъ отъ того, что, сохраняя равное по размѣрамъ помѣщеніе, онъ будетъ имѣть въ комнатѣ, сосѣдней съ этимъ помѣщеніемъ, не постороннее лицо, а то лицо, которое обязано слѣдить за ходомъ занятій въ этомъ кабинетѣ и обязано заняться приведеніемъ его въ надлежащій видъ. Также можно сказать и о минералогическомъ кабинетѣ. Здѣсь помѣщеніе тоже ничуть не уменьшается сравнительно съ тѣмъ, какое было послѣ упомянутаго рѣшенія комиссіи, а произойдетъ лишь то измѣненіе, что вмѣсто двухъ комнатъ, которыя занимали одно время лаборантъ

физиологической лабораторіи, а въ другое время лаборантъ технической лабораторіи, — одной комнаты, которую занимаетъ консерваторъ батаническаго кабинета и одной, которую занимаетъ служитель батаническаго кабинета, т. е. вмѣсто четырехъ комнатъ, занятыхъ посторонними для кабинета лицами, и расположенныхъ такъ, что они дробили кабинетъ на нѣсколько частей; — четыре комнаты, расположенныя на одномъ концѣ этого кабинета, займетъ завѣдывающій этимъ кабинетомъ. Завѣдывающіе кабинетами механическимъ, минералогическимъ и геологическимъ собственнаго стола не держатъ, а обѣдаютъ въ гостиницахъ, а потому для зданія, естественно, никакого ущерба быть не можетъ. Не лишнимъ считаю заявить при этомъ, что здѣсь идетъ рѣчь о помѣщеніяхъ завѣдывающихъ этими кабинетами, которые не имѣютъ консерваторовъ и что если завѣдывающіе этими кабинетами не получаютъ помѣщенія въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этими кабинетами, то едвали будетъ имъ возможно исполнять обязанности консерваторовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ профессоровъ. Этотъ вопросъ имѣетъ особенное значеніе для кабинетовъ минералогическаго и геологическаго, которые, вслѣдствіе долгаго отсутствія преподавателей по минералогіи и геологіи, можно сказать, только что зарождаются, такъ какъ кабинеты эти состоятъ изъ матеріала, еще не приведеннаго въ систематическій порядокъ. Что касается до остальныхъ помѣщеній, то такъ какъ они касаются преимущественно лаборантовъ и консерваторовъ, относительно которыхъ существуетъ обычай во всѣхъ русскихъ университетахъ предоставлять имъ казенныя квартиры преимущественно предъ всѣми другими лицами, и такъ какъ проектированныя для нихъ помѣщенія находятся или во Флигелѣ

на преобразенной улицѣ или въ зданіи на дворянской улицѣ, то распространяться объ этомъ я не стану, — по той простой причинѣ, что здѣсь не можетъ быть и мысли о стѣсненіи помѣщеній кабинетовъ. Замѣчу только, что еслибы вышеупомянутыя помѣщенія для завѣдывающихъ кабинетами минералогическимъ, геологическимъ и механическимъ и не были утверждены, то предоставить эти помѣщенія лаборантамъ и консерваторамъ возможно было-бы въ такомъ только случаѣ, еслибы мы согласились стѣснить эти кабинеты, такъ какъ жительство постороннихъ лицъ въ помѣщеніи кабинетовъ, по моему мнѣнію, крайне стѣснительно. Въ заключеніе, замѣчу еще, что предоставление квартиры доценту Блименкѣ тоже не можетъ стѣснить кабинетовъ, такъ какъ оно находится во флигелѣ, въ которомъ не помѣщается ни одинъ кабинетъ. Оно не стѣсняетъ также лаборантовъ и консерваторовъ, такъ какъ для всѣхъ этихъ лицъ имѣются помѣщенія въ томъ-же флигелѣ или въ зданіи на дворянской улицѣ, которое, какъ извѣстно, недалеко отстоитъ отъ кабинетовъ и лабораторій. Предоставленіе-же этого помѣщенія г. Блименкѣ дастъ ему возможность и самому успѣшнѣе заниматься, и больше удѣлять времени тѣмъ студентамъ, которые будутъ заниматься практически подъ его руководствомъ. На основаніи всего вышеизложеннаго, я имѣю честь предложить факультету просить совѣтъ о томъ, чтобы совѣтъ снова вошелъ съ ходатайствомъ къ г. попечителю округа о нижеслѣдующемъ:

- 1) предоставить для квартиры завѣдывающаго минералогическимъ кабинетомъ 4 крайнія комнаты изъ 11-ти, занимаемыхъ этимъ кабинетомъ;
- 2) предоставить для квартиры завѣдывающаго геологическимъ кабинетомъ одну изъ шести комнатъ, занимаемыхъ этимъ кабинетомъ;
- 3) предоставить,

для квартиры, завѣдывающему механическимъ кабинетомъ одну комнату изъ помѣщенія этого кабинета; 4) предоставить лаборанту Тегартену квартиру архитектора Юдко; 5) предоставить лаборанту агрономической лабораторіи помѣщеніе при агрономической лабораторіи, которое въ послѣднее время занималъ лаборантъ физиологической лабораторіи; 6) доценту Блименкѣ предоставить помѣщеніе во Флигелѣ, которое онъ занималъ, бывши лаборантомъ; и 7) лаборантамъ технической лабораторіи и физиологической лабораторіи и консерватору ботаническаго кабинета предоставить помѣщенія въ зданіи на дворянской улицѣ».

По прочтеніи вышепрписанныхъ бумагъ, ректоръ университета обратилъ вниманіе совѣта на большія затрудненія при назначеніи постоянныхъ квартиръ при кабинетахъ двѣ завѣдывающихъ ими профессоровъ. По мнѣнію ректора, въ виду того, что въ домѣ на преображенской улицѣ всѣ помѣщенія при послѣднемъ ихъ распредѣленіи исключительно предназначены совѣтомъ подъ кабинеты и лабораторіи, неудобно было бы отдѣлять нѣкоторые изъ такихъ помѣщеній подъ постоянныя профессорскія квартиры безъ стѣсненія самихъ кабинетовъ. Если, далѣе, нѣкоторые кабинеты, на примѣръ минералогической и геологической, находятся теперь въ зачаточномъ состояніи, какъ объ этомъ заявилъ профессоръ Вальцъ въ засѣданіи правленія 27-го апрѣля 1873 года, то желательно было бы, чтобы эти кабинеты возможно скорѣе достигли надлежащей полноты и устройства. Между тѣмъ, еслибы совѣтъ, обязанный прежде всего заботиться о надлежащей постановкѣ въ университетѣ учебнаго дѣла, согласился съ предположеніемъ факультета и отдѣлилъ отъ кабинетовъ, хотя бы временно, часть ихъ помѣщеній для квартиръ завѣдывающихъ этими кабинетами,

то не поставилъ ли бы тѣмъ самимъ препятствіи къ возможно быстрому устройству и надлежащему развитію кабинетовъ? Не вызоветъ ли эта мѣра нареканій прежде всего на завѣдывающихъ, удерживающихъ за собою помѣщенія въ кабинетахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на совѣтъ?

Профессоръ Головкинскій отвѣчалъ, что, еслибы дѣло шло объ экономическихъ выгодахъ завѣдывающихъ кабинетовъ, которымъ испрашиваются квартиры, то онъ не позволилъ бы себѣ и присутствовать при обсужденіи вопроса, занимающаго теперь совѣтъ; но проектъ факультета имѣеть въ виду главнымъ образомъ и интересъ самихъ кабинетовъ, слѣд. учебнаго дѣла. Завѣдывающій, который имѣеть квартиру вдали отъ кабинета, не можетъ посвящать устройству его столько времени, сколько можетъ онъ отдать этому дѣлу, постоянно находясь, живя въ самомъ кабинетѣ. А разновременныя ревизіи кабинетовъ властями гарантируютъ противъ стѣсненія ихъ въ личныхъ выгодахъ помѣщающихся профессоровъ.

Профессоръ Абашевъ замѣтилъ, что коммиссія 1869 года, которой онъ былъ членомъ, опредѣляя извѣстныя помѣщенія для того или другаго кабинета, рассчитывала на постепенный ростъ ихъ въ 10, 15 лѣтъ до окончательнаго устройства и сформированія,—стало быть временно легко отдѣлать малыя помѣщенія подъ квартиры безъ всякаго стѣсненія кабинетовъ.

Профессоръ Сабининъ видитъ противорѣчіе въ представленномъ физико-математическимъ факультетомъ проектѣ съ прежнимъ опредѣленіемъ коммиссіи. Тогда *нужно* было то помѣщеніе, которое отведено подъ кабинеты, а теперь *нѣтъ*. При томъ стѣсненія не ограничиваются только хотя бы временнымъ сокращеніемъ помѣщеній кабинетовъ, а

представляются и въ иномъ видѣ, напримѣръ въ столкновенияхъ студентовъ и постороннихъ посѣтителей кабинетовъ, неотдѣленныхъ отъ жилыхъ помѣщений, съ разнообразными сценами семейнаго быта.

Послѣ дальнѣйшихъ преній, ректоромъ пущена была на голосованіе резолюція, постановленная потомъ окончательно. 16 голосовъ (гг. Синцовъ, Ярошенко, Некрасовъ, Ягичъ, Головкинскій, Шведовъ, Павловъ, Абашевъ, Сабининъ, Юргевичъ, Войтковскій, Буницынъ, Богдановскій, ректоръ) подано за предложенную резолюцію; профессора Патлаевскій и Беркевичъ высказались, по принципу, противъ отвода квартиръ въ кабинетахъ, а профессора Григоровичъ и Вольскій остались при особыхъ мнѣніяхъ. *Опредѣлили*: распоряженіе правленія и предположенія физико-математическаго факультета о распредѣленіи квартиръ между лаборантами и консерваторами и другими чиновниками утвердить. Что касается профессоровъ, то совѣтъ, находя, что постоянное жительство ихъ въ помѣщеніяхъ кабинетовъ и лабораторій не можетъ быть допущено въ принципѣ, соглашается въ настоящемъ случаѣ съ предложеніемъ факультета только подъ условіемъ что это распредѣленіе будетъ имѣть силу не далѣе 1-го января 1875 года, когда вопросъ этотъ долженъ быть вновь рассмотрѣнъ совѣтомъ.

5. Представленіе правленія за № 834: «правленіе университета, въ засѣданіи своемъ, бывшемъ 4-го сего сентября, выслушавъ докладъ г. ректора относительно расходованія специальныхъ средствъ университета — суммы сбора за слушаніе лекцій, въ виду скудности этихъ средствъ и одобливъ изложенныя г. ректоромъ въ препровождаемой при семъ копіи соображенія по этому предмету, имѣеть честь представить оныя совѣту на зависящее распоряженіе.»

Вышеозначенная копія содержитъ въ себѣ слѣдующее: «честь имѣю представить соображенія, составленныя мною по порученію правленія, касательно расходовъ по университету, покрываемыхъ изъ спеціальныхъ средствъ, за 1870—72 годы. Сборъ за это время простирался среднимъ числомъ до 9 т. рублей въ годъ. Самой крупной статьёй расхода, какъ видно изъ прилагаемой при семъ вѣдомости, были пособія, дававшіяся преподавателямъ, вновь опредѣлявшимся въ университетъ или получавшимъ командировки. На этотъ предметъ издержано изъ спеціальныхъ средствъ въ теченіи трехъ лѣтъ (1870—72 гг.) до 8.500 р., т. е. среднимъ числомъ 2.800 р. въ годъ. Затѣмъ, спеціальныя средства расходовались на слѣдующіе предметы: на надобности учебно-вспомогательныхъ учреждений 1200 рублей въ годъ; на печатаніе университетскихъ «Записокъ» и сочиненій гг. преподавателей — 1200 р. въ годъ; на выписку журналовъ и газетъ 500 р. въ годъ (въ настоящемъ году издержано на этотъ предметъ 650 р.). Затѣмъ идетъ рядъ статей постоянныхъ расходовъ на жалованье: редактору университетскихъ записокъ по 500 р.; сверхштатному лаборанту—по 800 р., регенту хора — по 440 р., двумъ писцамъ библіотеки — по 400 р. въ годъ каждому. По этимъ статьямъ ежегодно издерживается изъ спеціальныхъ средствъ до 2500 руб. сер. За этими расходами слѣдуютъ другія статьи, на которыя въ совокупности ежегодно идетъ до 1500 р. изъ спеціальныхъ средствъ, именно: на вознагражденіе привать-доцентовъ до 250 руб. въ годъ (всего издержано въ 1870 и 71 гг. — 750 руб.; на медали до 300 руб. въ годъ, на вознагражденіе чиновниковъ до 600 руб. въ годъ, на телеграммы и корреспонденцію до 150 руб. и на лекарства для студентовъ до 100 руб. въ годъ.

Исчисленные статьи расходов удержаны съ небольшими измѣненіями также въ смѣтѣ за текущій годъ (1873). Подробное разсмотрѣніе смѣты спеціальныхъ средствъ, приводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Спеціальныя средства, по нашей смѣтѣ, расходуются не вполне согласно съ университетскимъ уставомъ. По § 109, спеціальныя средства предназначаются для расходовъ, имѣющихъ предметомъ преимущественно развитіе ученой дѣятельности университета. Между тѣмъ у насъ въ числѣ расходовъ, падающихъ на спеціальныя средства, встрѣчаются такія статьи, которыя не состоятъ ни въ какой связи съ ученой дѣятельностію университета: плата регенту хора, пособія чиновникамъ, издержки на корреспонденцію и на лекарства для студентовъ. На эти предметы издержано съ 1870 годъ болѣе 4-хъ тысячъ. 2) По смѣтѣ большая половина спеціальныхъ средствъ (до 5 т. р. въ годъ) назначается на расходъ съ постояннымъ характеромъ, въ видѣ ежемѣсячной платы (напр. лаборанту, писцамъ и проч.), или ежегодно дѣлаемыхъ единовременныхъ затратъ въ напередъ опредѣленныхъ цифрахъ, напр. на выпускъ журналовъ и проч. Подобныя назначенія въ большихъ количествахъ были-бы вполне умѣстны, еслибы спеціальныя средства во всякое время подлежали точному опредѣленію, чего на дѣлѣ никогда не было, да и не можетъ быть по самому существу дѣла. При правильномъ веденіи дѣла, статьи постоянныхъ расходовъ не должны превышать временныхъ издержекъ, удовлетвореніе которыхъ и должно составлять главное назначеніе спеціальныхъ средствъ. 3) Самая смѣта, ежегодно составляемая правленіемъ, касательно расходовъ, падающихъ на спеціальныя средства, имѣетъ одно формальное значеніе. При назначеніи такихъ или другихъ временныхъ расходовъ,

совѣтъ, по большей части, руководился и руководствуется только условіями каждаго даннаго случая, не имѣя предъ собою никакихъ общихъ руководящихъ правилъ. Между тѣмъ такія правила требуются самимъ уставомъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нѣкоторымъ статьямъ расходовъ, именно—касательно вознагражденія профессоровъ и другихъ преподавателей (ст. § 109 уст.). 4) Расходы изъ специальныхъ средствъ нерѣдко назначались совѣтомъ въ то время, когда, за исключеніемъ суммъ, имѣвшихъ постоянное назначеніе (напр. жалованье) сборъ въ кассѣ былъ самый незначительный, какъ это напр. недавно случилось съ назначеніемъ пособія профессорамъ Мечникову и Павлову по случаю лѣтней ихъ командировки. Вообще, нужно сознаться, что хозяйство наше ведется до сихъ поръ слишкомъ патріархально. Смѣта не имѣетъ почти никакого обязательнаго значенія, статьи расходовъ не опредѣлены съ точностію, безъ строгаго различія между статьями постоянными и временными, безъ общихъ руководящихъ правилъ и проч. Для установленія нормальнаго порядка и экономіи въ расходованіи специальныхъ средствъ, вообще говоря, неимѣющихъ у насъ такихъ большихъ размѣровъ какъ въ другихъ университетахъ, я считалъ-бы полезнымъ принять слѣдующія мѣры: А) согласно съ принципиальнымъ назначеніемъ специальныхъ средствъ, предназначенныхъ, по уставу, на усиленіе ученой дѣятельности университета, желательно было-бы ограничить на будущее время смѣту расходовъ изъ специальныхъ средствъ слѣдующими статьями: 1) издержками по изданію университетскихъ записокъ и сочиненій преподавателей съ жалованьемъ редактору записокъ; 2) расходами на выписку журналовъ и газетъ; 3) на надобности учебно-вспомогательныхъ учреждений; 4) на

жалованье сверхъ штатнаго положенія; 5) на пособія преподавателямъ при первомъ опредѣленіи къ должностямъ, а также при командировкахъ и другихъ случаяхъ; 6) награды для студентовъ и, наконецъ, 7) на непредвидимые расходы. Сюда не включены такія статьи, (упоминающіяся въ уставѣ) какъ учрежденіе спеціальныхъ курсовъ, премій за рѣшеніе ученыхъ задачъ и проч., — эти предметы мало привились на практикѣ и потому не требуютъ особыхъ расходовъ; В). Что касается другихъ статей, заключающихся въ дѣйствующей у насъ смѣтѣ, то нѣкоторыя изъ нихъ необходимо вовсе исключить, другія-же перевести на штатныя суммы и другіе источники. Въ такимъ статьяхъ относятся: 1) плата регенту хора (440 р.). Этотъ расходъ слѣдовало-бы перевести на церковныя суммы; 2) вознагражденіе чиновникамъ (до 600 р.) вовсе отмѣнить; 3) жалованье сверхштатному лаборанту (800 р.). Слѣдовало-бы ходатайствовать объ ассигнованіи на этотъ предметъ постоянной штатной суммы или-же, до усиленія спеціальныхъ средствъ, объ отнесеніи этой статьи на остатки отъ общихъ штатныхъ суммъ по университету; 4) плата двумъ писцамъ библіотеки (800 р.). По опредѣленію совѣта этотъ расходъ назначенъ только на время, именно на два года, съ цѣлью ускорить разборъ книгъ, приобретенныхъ въ большомъ количествѣ и пожертвованныхъ Прянишниковой и Грозовымъ. Этотъ расходъ можно вовсе отмѣнить; въ виду-же вообще небольшого числа писцовъ при библіотекѣ, слѣдовало-бы въ тоже время ходатайствовать объ ассигнованіи на этотъ предметъ особой штатной суммы, неположенной въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ; 5) расходъ на телеграммы и вообще на корреспонденцію по дѣламъ университета (150 р.) слѣдуетъ также перевести на штатную

сумму, назначенную на канцелярскіе расходы; в) накопитель, издержки на лекарства для студентовъ (100 руб.) могутъ пополняться изъ суммъ, назначенныхъ по штату на пособіи студентамъ. Если предлагаемыя мною сокращенія въ дѣйствующей смѣтѣ специальныхъ средствъ будутъ осуществлены на дѣлѣ, то мы получимъ сразу довольно крупную цифру (до 3000 руб.) сбереженія, — эту сумму можно будетъ употребить на другія, болѣе существенныя надобности по университету. с) Желательно было бы, чтобы смѣта составлялась съ возможною подробностію, — чтобы въ ней обозначались, кромѣ указанныхъ выше главныхъ рубрикъ, также, по возможности, отдѣльныя статьи расходовъ по каждой изъ такихъ рубрикъ. Съ этою цѣлью бюджетная коммиссія могла бы собирать предъ началомъ каждаго учебнаго года или даже семестра подробныя свѣдѣнія о нуждахъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, о предполагающихся въ предстоящемъ семестрѣ командировкахъ преподавателей и т. д. и сообразно съ собранными свѣдѣніями и съ состояніемъ специальныхъ средствъ вносить въ смѣту по главнымъ ея рубрикамъ отдѣльныя статьи предполагаемыхъ на предстоящій семестръ расходовъ. При этомъ слѣдовало бы требовать, чтобы составленная на указанныхъ основаніяхъ смѣта, послѣ утвержденія ея установленнымъ порядкомъ, оставалась обязательной на тотъ періодъ времени, на который она составлена, т. е. чтобы смѣта специальныхъ средствъ исполнялась, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ, какъ и смѣта штатныхъ суммъ, безъ существенныхъ отступленій и измѣненій. Для этого, мнѣ кажется, необходимо установить общія правила касательно составленія и исполненія смѣты, веденія бухгалтерскихъ счетовъ и проч. Въ частности не-

обходими особия правила, которыя опредѣляли бы порядок назначенія, по крайней мѣрѣ, болѣе крупныхъ расходовъ. въ особенности на нужны учебно-вспомогательныхъ учреждений и на пособия преподавателямъ. Если правленію угодно будетъ признать необходимымъ составленіе такихъ правилъ, то я бы предложилъ положить въ ихъ основаніи слѣдующія начала расходованія специальныхъ средствъ: а) не назначать, безъ крайней нужды, постоянныхъ расходовъ, напримѣръ: въ видѣ жалованья, безъ точнаго опредѣленія сроковъ, какъ это дѣлалось у насъ до сихъ поръ; б) въ теченіи смѣтнаго срока не назначать новыхъ расходовъ, не положенныхъ по дѣйствующей въ данное время смѣтѣ, въ особенности на предметы, кои не имѣютъ въ виду развитія ученой дѣятельности университета и в) принять за общее правило, чтобы, при исполненіи смѣты, назначеніе расходовъ всегда опредѣлялось, смотря по наличности суммъ, вполне достаточныхъ для немедленнаго удовлетворенія назначеннаго къ исполненію расхода.»

По выслушаніи этихъ правилъ, профессоръ Павловъ заявилъ, что было бы желательно, чтобы всякій новый запросъ на спеціальныя средства представлялся на разсмотрѣніе бюджетной комиссіи. *Опредѣлили:* соглашаясь со всѣми предложеніями и предположеніями правленія, принять въ руководство составленныя правила, присоединивъ къ нимъ и то, которое предложено профессоромъ Павловымъ. при чемъ, согласно съ заявленіемъ г. ректора, предложить факультетамъ избрать по одному члену въ бюджетную комиссію, въ которую препроводить всѣ вышеозначенныя правила для руководства.

6. Представленіе его же о прекращеніи съ 1 сентября содержанія изъ специальныхъ средствъ двумъ лицамъ

библіотеки и регенту пѣвческаго хора. *Опредѣлили*: соглашаясь съ мнѣніемъ правленія, предложить ему прекратить жалованье означеннымъ лицамъ.

7. Представленія факультетовъ съ распредѣленіемъ чтенія лекцій въ 1873—74 учебномъ году.

Ректоръ объяснилъ послѣ доклада этихъ представлений, что количество лекцій отдѣльныхъ преподавателей по составленнымъ факультетами росписаніямъ представляетъ большое разнообразіе; что самое большое число лекцій имѣютъ слѣдующіе профессора: Барастелевъ 8 лекцій, Юргевичъ, Сабининъ и Ярошенко — по 6 л., Григоровичъ, Богдановскій, Вальцъ и Ягичъ — по 5 л., остальные же профессора имѣютъ по 4 л., кромѣ профессоровъ Головкинскаго, Вольскаго и Бруна, ограничившихся 3 лекціями, и профес. Орбинскаго и Абашева 2 л. (по заявленію декана физико-математическаго факультета профес. Абашевъ будетъ читать по 3 часа въ недѣлю). По мнѣнію ректора, было бы полезно назначить общую норму (какъ минимум) числа лекцій, читаемыхъ каждымъ преподавателемъ. Послѣ преній по этому предмету, предложено было передать возбужденный ректоромъ вопросъ на предварительное заключеніе факультетовъ. *Опредѣлили*: настояція распредѣленія лекцій утвердить временно, до разсмотрѣнія факультетами вопроса о назначеніи общей нормы числа лекцій, читаемыхъ каждымъ преподавателемъ.

8. Представленія факультетовъ съ результатами дополнительныхъ испытаній. *Опредѣлили*: 1) переводъ студентовъ въ слѣдующіе курсы, согласно удостоенію факультетовъ, утвердить; 2) зачислить въ студенты 2-го курса естественнаго отдѣленія бывшихъ посторонними слушателями Попова Θεодосія и Воблаго Михаила; и 3) утвердить,

согласно удостоенію факультетовъ, въ званіи дѣйствительнаго студента по технико-агрономическому разряду: Аркудинскаго, по разряду естественныхъ наукъ — Коссовскаго и Топорова, а слѣдующихъ съ правомъ на степень кандидата: по технико-агрономическому разряду—Антоновича и Буделина; по разряду естественныхъ наукъ — Бепнева Демченка и Трофимова и по юридическому факультету — Защинскаго Генриха.

9. Донесеніе повѣрочной комиссіи, назначенной для производства повѣрочныхъ испытаній, о результатахъ этихъ испытаній. *Опредѣлили*: утвердивъ мнѣніе комиссіи, представить г. попечителю.

10. Представленія историко-филологическаго и фило-математическаго факультетовъ о назначеніи стипендій студентамъ: Болянковскому, Григорову, Турау, Перлштейну, Хандожевскому и о сохраненіи полной стипендіи студенту Ковригѣ. *Опредѣлили*: передать въ правленіе.

11. Представленія физико-математическаго и юридическаго факультетовъ объ отсрочкѣ переводныхъ испытаній студентамъ: Мартино, Заіончевскому, Зорину и Джеварди до 1-го октября, Длугошу—до выздоровленія, Секретеву до ноября или декабря, Попруженкѣ—до февраля 1874 г. и Петрову до окончательныхъ испытаній. *Опредѣлили*: въ виду недавности утвержденныхъ на этотъ предметъ правилъ, сдѣлать для означенныхъ молодыхъ людей исключеніе, назначивъ для всѣхъ ихъ экзаменъ до 1-го октября испросивъ предварительно разрѣшенія г. попечителя.

12. Представленія: историко-филологическаго факультета о порученіи чтенія лекцій по греческому языку профессору Ягичу, по 4 часа въ недѣлю, съ производствомъ ему и это соотвѣтственнаго вознагражденія, при чемъ имѣютъ

ить засчитаны 600 руб., удержанные изъ остатковъ отъ штатной суммы для нуждъ историко-филологическаго факультета; и юридическаго — о порученіи чтенія лекцій по авантнымъ кафедрамъ: римскаго права — профессору Буницыну, судоустройства и гражданскаго судопроизводства — проф. Богдиновскому, энциклопедіи законовѣдѣнія — доценту Бригарѣ и международнаго права — доценту Шпилевскому, въ производствѣ за это вознагражденія въ размѣрѣ половиннаго оклада получаемаго каждымъ изъ нихъ жалованья. *Опредѣлили*: представить г. попечителю, а вопросъ о размѣрѣ вознагражденія за чтеніе постороннихъ предметовъ на будущее время передать въ факультеты, просить свои заключенія представить въ слѣдующее засѣданіе совѣта.

Засѣданіе 21-го сентября.

Присутствовали 22 профессора.

Слушали:

Представленіе физико-математическаго факультета: «въ засѣданіи физико-математическаго факультета 15 сентября профессоръ Вальцъ и Мечниковъ вошли съ представленіемъ объ избраніи г. Бовалевскаго сверхштатнымъ профессоромъ по кафедрѣ зоологіи. Съ этимъ предложеніемъ согласились всѣ присутствующіе члены, кромѣ профессора Беркевича, который заявилъ, что онъ остается при прежнемъ мнѣніи, высказанномъ имъ при первомъ обсужденіи этого вопроса

и которое было сообщено совѣту. Профессоръ же Карстелевъ заявилъ, что удобнѣе всего ходатайствовать объ особой ассигновкѣ изъ государственнаго казначейства для этой сверхштатной ординатуры. Въ засѣданіи факультета 19-го сентября происходило баллотированіе г. Ковалевскаго, при чемъ оказалось восемь голосовъ избирательныхъ и три неизбирательныхъ. По этому факультетъ, прилагая при семъ представленіе проф. Мечникова и Вальца, имѣетъ честь просить совѣтъ объ избраніи г. Ковалевскаго сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ зоологій.»

Предложеніе въ факультетъ гг. Мечникова и Вальца: «несмотря на отказъ его сіятельства г. министра народного просвѣщенія ходатайствовать объ учрежденіи сверхштатной ординатуры по кафедрѣ зоологій, мы осмѣливаемся снова возбудить объ этомъ вопросъ. Главный мотивъ, побуждающій насъ къ этому, заключается въ томъ, что при теперешнемъ составѣ нашего факультета въ немъ нѣтъ ни одного микроскописта — зоолога, между тѣмъ всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе имѣютъ въ настоящее время микроскопическія изслѣдованія. Примѣръ же петербургскаго университета ясно указываетъ на то, что кафедра зоологій нуждается болѣе чѣмъ въ трехъ преподавателяхъ. Въ петербургскомъ университетѣ, который, по отсутствію въ немъ медицинскаго факультета, находится въ условіяхъ равныхъ съ нашимъ, по кафедрѣ зоологій состоятъ: ординарные профессора: К. Ф. Кесслеръ и Ф. В. Овсянниковъ, сверхштатный ординарный профессоръ Н. П. Вагнеръ и сверхштатный экстраординарный И. Ф. Цюль. Вотъ почему мы имѣемъ честь покорнѣйше просить факультетъ возобновить свое ходатайство предъ совѣтомъ»

новороссійскаго университета о томъ, чтобы ординарный профессор университета св. Владимира А. О. Ковалевскій былъ опредѣленъ сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ зоологии съ отнесеніемъ его содержанія на остатокъ отъ личнаго состава.»

По прочтеніи этихъ бумагъ, г. предсѣдатель возбудилъ вопросъ о томъ, на какой источникъ должно быть отнесено содержаніе г. Ковалевскаго, въ случаѣ избранія его совѣтомъ. 10 членовъ (гг. Синцовъ, Вериго, Сѣченовъ, Головкинскій, Шведовъ, Мечниковъ, Абашевъ, Павловскій, Войтковскій и Вальць) находили возможнымъ отнести содержаніе г. Ковалевскаго на счетъ остатковъ отъ штатной суммы, ассигнуемой на личный составъ новороссійскаго университета, а 11 (гг. Ярошенко, Ягичъ, Патлаевскій, Павловъ, Вольскій, Беркевичъ, Сабининъ, Карастелевъ, Григоровичъ, Куницынъ и г. предсѣдатель) признали это невозможнымъ и нашли всего удобнѣе ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ ассигнованіи, для означенной надобности, особой суммы изъ государственнаго казначейства.

Послѣ рѣшенія этого вопроса, профессоръ Мечниковъ, предложившій г. Ковалевскаго, заявилъ, что по его мнѣнію, слѣдовало бы, не приступая къ избранію Ковалевскаго въ настоящемъ засѣданіи совѣта, возвратить факультету представленіе по этому дѣлу для дополненій, такъ какъ вопросъ о содержаніи г. Ковалевскому возбужденъ г. предсѣдателемъ потому только, что въ представленіи факультета, очевидно, по опискѣ, не указано, на какой именно источникъ должно быть отнесено это содержаніе.

Большинствомъ 12 голосовъ (гг. Синцовъ, Ярошенко, Ягичъ, Патлаевскій, Павловъ, Вольскій, Беркевичъ, Сабин-

нинъ, Барастелевъ, Павловскій, Вальць и Буницынъ противъ 9 (гг. Вериго, Сѣченовъ, Головинскій, Шведовъ, Мечниковъ, Абашевъ, Григоровичъ, Войтковскій и председатель) предложеніе это отвергнуто и рѣшено приступить къ избранію г. Ковалевскаго въ сегодняшнемъ засѣданіи.

Въ результатѣ произведенной за сими закрытой дачи голосовъ г. Ковалевскій получилъ 12 шаровъ избирательныхъ и 8 неизбирательныхъ.*) *Опредѣлили*: согласно результату баллотировки представить г. попечителю.

2. Представленія факультетовъ: а) физико-математическаго, объ утвержденіи въ степени кандидата естественныхъ наукъ: Дробязгина, Репяхова и Гавриила Демченка; юридическаго — объ утвержденіи въ степени кандидата юридическихъ наукъ Москалева Петра и въ званіи действительнаго студента: Геевского Николая, Домонтова Ивана, Юсселиани Платона, Падалку Василя, Шидловскаго Петра и Холеву Ивана. *Опредѣлили*: утвердивъ поименованныхъ въ представленіяхъ факультетовъ молодыхъ людей въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ, выдать имъ установленные аттестаты и дипломы, за исключеніемъ Буделина, предварительнаго утвержденія котораго въ ученой степени снести съ подлежащею казенною палатою о исключеніи его изъ податнаго состоянія.

3. Внесенное председателемъ прошеніе окончившаго курсъ въ кишиневской духовной семинаріи Василя Дмитриула о принятіи его въ студенты новороссійскаго университета на историко-филологическій факультетъ; съ которымъ его превосходительство заявилъ, что хотя съ приѣмомъ въ студенты и истекъ, но, по его мнѣнію, да

*) Профессоръ Мечниковъ оставилъ залу засѣданій.

Димитріула можно было бы сдѣлать исключеніе, какъ потому, что онъ не явился ко времени повѣрочныхъ испытаній по уважительной причинѣ, такъ и оттого, что этотъ молодой человѣкъ, какъ видно изъ выданнаго ему семинаріею аттестата, отличался весьма усерднымъ прилежаніемъ, отлично-хорошими успѣхами и на окончательномъ испытаніи въ семинаріи получилъ изъ всѣхъ предметовъ по 5-ти.

Опредѣлили: допустить г. Димитріула къ повѣрочному испытанію изъ древнихъ и русскаго языковъ и, въ случаѣ удовлетворительности этого испытанія, зачислить его въ студенты 1-го курса историко-филологическаго факультета.

Засѣданіе 2-го октября.

Присутствовали 22 профессора.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа.

2. Отъ 14-го сентября за № 4671 о разрѣшеніи отсрочить нѣкоторымъ студентамъ переводныя испытанія до 1-го октября.

При этомъ доложено, что о настоящемъ разрѣшеніи сообщено уже въ подлежащіе факультеты. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ того-же числа за № 4672 о разрѣшеніи производить вознагражденіе за чтеніе по вакантнымъ кеедрамъ гг. преподавателямъ: Смирнову, Ягичу, Шведову, Веригу, Куницыну, Богдановскому, Пригарѣ и Шпилевскому въ раз-

мѣрѣ половиннаго оклада получаемаго каждымъ изъ нихъ жалованья.

При этомъ доложено, что копія настоящаго предложенія сообщена уже въ правленіе университета, а профес. Богдановскій заявилъ, что имѣя въ виду предположеніе юридическаго факультета объ избраніи штатнаго преподавателя гражданскаго судоустройства и судопроизводства, онъ не открывалъ чтенія лекцій по этому предмету, а потому и отъ вознагражденія отказывается. *Опредѣлили*: о разрѣшеніи г. попечителя производить вознагражденіе преподавателямъ за чтеніе лекцій по вакантнымъ кафедрамъ увѣдомить факультеты.

4. Отъ 22-го сентября за № 4898 объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Ярошенка ординарнымъ съ разрѣшеніемъ производства ему дополнительнаго содержанія впредь до открытія вакантной ординатуры, изъ специальныхъ средствъ.

При этомъ секретарь совѣта доложилъ, что приказомъ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 22-го сентября экстраординарные профессора Ярошенко и Синцовъ утверждены ординарными: первый съ 1-го мая, а 2-й съ 8-го іюля текущаго 1873 года. *Опредѣлили*: возведеніе гг. Ярошенка и Синцова въ ординарные профессоры отмѣтить въ ихъ формулярныхъ спискахъ и увѣдомить о повышеніи какъ факультетъ, такъ и правленіе.

5. Отъ 27-го сентября за № 4950, при которомъ препровождена, къ надлежащему исполненію, копія предложенія г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 17-го сентября 1873 года слѣдующаго содержанія: «Въ исполненіе Высочайшей Государя Императора воли, я имѣлъ счастье всеподданѣйше представить Его

Императорскому Величеству вѣдомость о числѣ медицин-скихъ студентовъ нашихъ университетовъ за послѣднія 25 лѣтъ по 1872 годъ включительно. При этомъ, въ виду сдѣланнаго военнымъ министерствомъ распоряженія о допущеніи въ число студентовъ медико-хирургической академіи лицъ, пробывшихъ въ VII классѣ гимназіи только одинъ годъ и выбывшихъ изъ онаго безъ установленнаго аттестата зрѣлости, я счелъ долгомъ повергнуть на усмотрѣніе Его Величества нѣкоторыя соображенія о неудобствахъ этой мѣры, полагая, съ своей стороны, весьма полезнымъ 1) чтобы впредь молодые люди были принимаемы въ студенты и вольнослушатели медико-хирургической академіи на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ медицинскіе факультеты университетовъ имперіи, и 2) чтобы тѣ изъ студентовъ медико-хирургической академіи, которые поступили въ нее въ 1872 и 1873 гг. изъ гимназій безъ установленныхъ для поступленія въ университеты аттестатовъ, были лишены права переходить въ сіи послѣдніе.

Его Императорскому Величеству, на всеподданѣйшемъ моемъ по сему предмету докладѣ, благоугодно было, въ 5 день сего сентября, въ Ливадіи, собственноручно начертать: «Внолиѣ раздѣляю мнѣніе статсъ-секретаря Делянова. Льготу, дарованную въ прошломъ году и продолженную на нынѣшній, *прекратить непременно съ будущаго года.* Недокончившимъ же полный гимназическій курсъ студентамъ медико-хирургической академіи воспретить нынѣ же переходъ въ университеты.»

О таковой Высочайшей волѣ, объявленной нынѣ же г. военному министру, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для предложенія совѣту новороссійскаго университета къ надлежащему исполненію, покорнѣйше про-

ся васъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ посредство начальства гимназій, объяснить ученикамъ старшихъ классовъ гимназій, чтобы тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ намѣреніе поступить въ медико-хирургическую академію, впредь не рассчитывали на возможность обходить этимъ путемъ законъ о двухгодичномъ курсѣ въ VII классѣ гимназій.» *Опредѣлили*: принять къ надлежащему исполненію.

6. Представленіе правленія университета объ учрежденіи при новоросійскомъ университетѣ особой должности секретаря по студентскимъ дѣламъ. *Опредѣлили*: войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю одессаго учебнаго округа.

7. Представленіе его же о распредѣленіи стипендіи частныхъ благотворителей между студентами, удостоенными того факультетами. *Опредѣлили*: сдѣланное правленіемъ распредѣленіе утвердить.

8. Представленія факультетовъ съ отзывами по вопросу объ установленіи общей нормы числа лекцій каждаго преподавателя.

Историко-филологическій факультетъ полагаетъ, что установленіе общей нормы числа лекцій каждаго преподавателя не можетъ быть желательно по слѣдующимъ причинамъ: 1) предметы историко-филологическаго факультета читаются въ видѣ различныхъ отдѣловъ, объемъ которыхъ требуетъ разнообразнаго числа часовъ, точно также какъ это разнообразіе обусловливается въ существѣ и самымъ различіемъ предметовъ (напр. чтенія по языкамъ и предметамъ собственно); 2) всякая общая, предварительная регламентація часовъ преподаванія была бы крайне неудобна въ педагогическомъ отношеніи, ибо факультетъ, такимъ образомъ, лишился бы возможности размѣрять преподаваніе

предметовъ какъ по пользѣ и важности ихъ собственной, такъ и по отношенію къ совокупности преподаваемыхъ предметовъ, что особенно важно въ видахъ достиженія единства въ преподаваніи; 3) по этому ежегодное распредѣленіе предметовъ подъ условіемъ самостоятельнаго опредѣленія каждымъ преподавателемъ числа часовъ для его чтенія потребныхъ и вмѣстѣ соглашеніе съ преподаваніемъ предметовъ сопряженныхъ, составляетъ основной элементъ въ устройствѣ преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ, а устраненіе этого элемента внесло бы новыя затрудненія; 4) опытъ преподаванія самъ выработалъ уже на историко-филологическомъ факультетѣ тѣ извѣстные размѣры числа лекцій по предметамъ, измѣнять которые, съ цѣлью установленія общей нормы, было бы, по меньшей мѣрѣ, неудобнымъ. Кромѣ того увеличеніе числа лекцій по инымъ предметамъ, какъ напр. спеціальнымъ, преподаваемымъ на отдѣленіяхъ III и IV курсовъ, было бы и прямо невозможно въ настоящее время, когда количество часовъ преподаванія въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ этихъ курсовъ доходитъ до 26 — 27 часовъ въ недѣлю. Въ виду указанныхъ причинъ и обстоятельствъ, историко-филологическій факультетъ полагалъ бы необходимымъ сохранить прежній порядокъ распредѣленія.

Физико-математическій факультетъ полагаетъ назначить какъ мінімумъ для доцента 3 лекціи въ недѣлю, для экстраординарнаго профессора 4, для ординарнаго 5, если они не имѣютъ практическихъ занятій; для преподавателей же, имѣющихъ практическія занятія,—для доцента 2, для экстраординарнаго профессора 3 и для ординарнаго профессора 4 лекціи.

Юридическій факультетъ доноситъ, что составляя

каждый разъ предъ наступленіемъ учебнаго года, согласно уставу университетовъ § 23 л. Б, п. 3, распредѣленіе предметовъ и порядокъ ихъ преподаванія, факультетъ вслушивается при этомъ заявленія и объясненія гг. преподавателей, соображается съ объемомъ содержанія каждаго предмета, съ потребностію иногда распредѣлить преподаваніе какой либо науки не на одинъ годъ, принимаетъ во вниманіе и то, что по иной наукѣ съ движеніемъ ея впередъ, настѣитъ преподавателю особенная потребность въ предварительныхъ усидчивыхъ кабинетныхъ занятіяхъ для обработки лекцій,—и по всѣмъ этимъ соображеніямъ опредѣляетъ и потребное число часовъ преподаванія по каждому предмету въ отдѣльности, имѣя въ виду, чтобы каждая наука была пройдена вполне и соблюденъ былъ общій правильный ходъ и цѣльность всей системы факультетскаго преподаванія. Руководясь главнымъ образомъ этою мыслію и вышеприведенными соображеніями, факультетъ находилъ и находить излишнимъ опредѣлять вообще урочное число часовъ преподаванія, тѣмъ болѣе, что на это не указывается и уставомъ университетовъ.

Послѣ преній за и противъ установленія общей нормы числа лекцій преподавателей большинствомъ 10-ти голосовъ (гг. Сницовъ, Ярошенко, Патлаевскій, Сѣченовъ, Мечниковъ, Беркевичъ, Барастелевъ, Григоровичъ, Богдановскій, ректоръ) противъ 9-ти (гг. Вериго, Головкинскій, Павловъ, Вольскій, Абашевъ, Сабининъ, Войтковскій, Вальцъ, Буяницынъ) рѣшено установить минимумъ числа лекцій для каждаго преподавателя. Затѣмъ по вопросу, какую опредѣлить норму, ректоръ предложилъ для доцента принять 2 лекціи, для экстраординарнаго профессора 3, а для ординарнаго 4. При открытой баллотировкѣ, 8 голосовъ (гг. Сницовъ, Яро-

пенко, Вериго, Мечниковъ, Беркевичъ, Карастелевъ, Вальцъ, Сѣченевъ) подано за предложеніе физико-математическаго факультета, а 10 (гг. Патлаевскій, Головкинскій, Абашевъ, Павловъ, Сабининъ, Григоровичъ, Войтковскій, Буницынъ, Богдановскій, ректоръ) за предложеніе ректора. *Опредѣлили:* установить мѣсяшм лекцій для ординарныхъ профессоровъ 4, для экстраординарныхъ 3, для доцентовъ и лекторовъ 2.

9) Представленія факультетовъ по вопросу о размѣрѣ вознагражденія за чтеніе лекцій по вакантнымъ кафедрамъ.

Историко-филологическій факультетъ признаетъ необходимымъ сохранить дѣйствующія до настоящаго времени правила, по которымъ вознагражденіе за чтеніе посторонняго предмета назначается въ высшемъ размѣрѣ, каковой допускается уставомъ.

Физико-математическій факультетъ полагаетъ назначить вознагражденіе за чтеніе постороннихъ предметовъ по 200 рублей за часовую лекцію для всѣхъ преподавателей безъ различія; для лицъ-же, руководящихъ практическими занятіями и завѣдывающихъ учебно-вспомогательными учрежденіями по 250 рублей.

Юридическій факультетъ, подробно разсмотрѣвъ вопросъ о вознагражденіи за чтеніе постороннихъ предметовъ, не могъ придти къ единогласному рѣшенію; профессора: Буницынъ, Вольскій, Павловъ, Пригара и Шпилевскій высказали желаніе, чтобы вознагражденіе за чтеніе постороннихъ предметовъ оставалось на прежнемъ основаніи, а профессора Богдановскій и Патлаевскій считали лучшимъ назначить однообразную плату въ 300 р. за каждый годичный часъ.

Послѣ общаго мнѣнія членами совѣта, ректоромъ поставленъ вопросъ, нужно-ли установить норму вознаграж-

денія соотвѣтственно часамъ преподаванія, или нѣтъ? Большинствомъ 15-ти голосовъ (гг. Синцовъ, Ярошенко, Вериге, Патлаевскій, Сѣченовъ, Головкинскій, Мечниковъ, Абашевъ, Беркевичъ, Барастеловъ, Григоровичъ, Войтковскій, Вальдъ, Богдановскій, ректоръ) противъ 3-хъ (гг. Павловъ, Сабининъ, Куницынъ) дали отвѣтъ утвердительный. Профессоръ Шведовъ, не присутствовавшій при обсужденіи настоящаго вопроса, уклонился отъ подачи голоса. Предложенная затѣмъ норма вознагражденія за годовой часъ въ 225 рублей принята, за исключеніемъ гг. Сабинина, Павлова, Григоровича и Куницына, всѣми остальными членами совѣта. *Опредѣлили*: установить для всѣхъ факультетовъ определенную норму платы за каждый часъ преподаванія по кантнымъ кафедрамъ въ 225 рублей.

10) Представленія факультетовъ объ избраніи въ члены бюджетной комиссіи профессоровъ: Ягича, Абашева и Вольскаго. *Опредѣлили*: утвердить.

11) Представленіе физико-математическаго факультета объ избраніи кандидата естественныхъ наукъ, Евгенія Вернера лаборантомъ химической лабораторіи новороссійскаго университета.

Въ результатъ происшедшей за симъ баллотировки г. Вернеръ оказался избраннымъ большинствомъ 13 голосовъ избирательныхъ противу 7-ми неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся избранію просить г. профессора объ утвержденіи г. Вернера лаборантомъ химической лабораторіи со 2-го октября 1873 года.

12) Представленіе того-же факультета объ утвержденіи магистра Евгенія Блока въ званіи приватъ-доцента.

Ректоръ, указавъ примѣчаніе къ § 68 унив. устава. по коему «астрономы-наблюдатели по физико-математиче-

скому факультету пользуются правами приватъ-доцентовъ», заявилъ, что г. Блокъ можетъ читать лекціи и не приобрести званія приватъ-доцента. *Опредѣлили*: въ виду заявленія г. ректора, разрѣшить г. Блоку чтение лекцій по астрономіи.

13) Представленіе юридическаго факультета объ утвержденіи магистранда Михаила Малинина въ степени магистра гражданскаго права. *Опредѣлили*: утвердивъ г. Малинина въ степени магистра гражданскаго права, выдать ему установленный на эту степень дипломъ.

14) Представленіе его-же объ избраніи магистра Малинина на должность доцента гражданскаго судопроизводства и судопроизводства.

Въ результатѣ происшедшей за симъ баллотировки г. Малининъ оказался избраннымъ единогласно. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся избранію просить г. попечителя объ утвержденіи магистра Малинина доцентомъ по кафедрѣ судопроизводства и гражданскаго судопроизводства со 2-го октября 1873 года.

15) Представленіе его-же объ утвержденіи исправляющаго должность доцента полицейскаго права М. Шилевскаго въ занимаемой имъ должности доцента, со дня утвержденія его въ степени магистра.

Секретарь совѣта доложилъ, что г. Шилевскій утвержденъ въ степени магистра 31-го мая 1871 года. *Опредѣлили*: представить г. попечителю объ утвержденіи магистра Шилевскаго въ должности доцента съ 31-го мая 1871 года.

16) Представленіе того-же факультета: «въ засѣданіи юридическаго факультета 27 истекшаго сентября, по предложенію г. декана, профессора Буницына, доцентъ граждан-

скаго права Петръ Цитовичъ былъ единогласно избранъ въ экстраординарные профессоры. Донося объ этомъ совѣту ходатайствуя предъ нимъ о дальнѣйшемъ движеніи этомъ дѣла, юридическій факультетъ считаетъ долгомъ указать на научныя заслуги г. Цитовича. Г. Цитовичъ окончилъ курсъ харьковскаго университета въ 1866 году со степенью кандидата законовѣднія, и по рекомендаціи профессора Пахмана оставленъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ гражданскаго права. Въ 1867 году, по защищеніи диссертациі про *venia legendi* «къ ученію о способахъ пріобрѣтенія правъ собственности по русскому праву», допущенъ къ чтенію лекцій по гражданскому праву въ качествѣ привать-доцента. Въ 1870 году по выдержаніи устнаго испытанія, защищалъ диссертацию на степень магистра подъ заглавіемъ «исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія» и въ томъ же году былъ командированъ за границу, гдѣ пробылъ 2 и 4 мѣсяца. По возвращеніи изъ-за границы написалъ сочиненіе «деньги въ области гражданскаго права», по защищеніи котораго получилъ степень доктора гражданскаго права. Въ 1873 году написалъ статью «проектъ обмѣна положенія объ акціонерныхъ обществахъ. Критика проекта» въ журналѣ гражданскаго и уголовнаго права № 3. Съ 1 января 1871 года г. Цитовичъ утвержденъ штатнымъ центомъ гражданскаго права при юридическомъ факультетѣ харьковскаго университета, а въ началѣ нынѣшняго учебнаго года, по единогласному избранію какъ въ факультетѣ такъ и въ совѣтѣ, переведенъ штатнымъ доцентомъ юридическій факультетъ нашего университета для преподаванія торговаго права».

При происшедшемъ за симъ баллотированіи доде

Цитовича въ экстраординарные профессора получило 19 голосовъ избирательныхъ и 1 неизбирательный. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся избранію просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи доктора Цитовича экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ гражданскаго права со 2-го октября 1873 года.

17) Представленіе его-же о командированіи за границу съ ученою цѣлю магистранда князя Кантакузина — графа Сперанскаго, на одинъ годъ, безъ пособія со стороны министерства народнаго просвѣщенія. *Опредѣлили*: представить г. попечителю.

18) Представленіе физико-математическаго факультета о возобновленіи ходатайства предъ министерствомъ объ отпращиваніи г. Кононовича за границу. *Опредѣлили*: возобновить ходатайство.

19) Представленія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ о выдачѣ изъ спеціальныхъ средствъ: лектору Топорову 200 р., въ видѣ единовременнаго пособія, консерватору Видгальму, въ размѣрѣ половины его годоваго содержанія, и астроному-наблюдателю Блоку подъемныхъ въ размѣрѣ 400 р.

При этомъ профессоръ Павловъ заявилъ, что, въ виду скудости спеціальныхъ средствъ университета, онъ находитъ возможнымъ ограничить получаемое имъ вознагражденіе изъ спеціальныхъ средствъ за труды по званію редактора университетскихъ записокъ 300-ми руб. вмѣсто получаемыхъ имъ 500 руб. *Опредѣлили*: 1) ходатайства о денежныхъ выдачахъ передать для соображеній въ бюджетную комиссію и просить ее сообщить свое мнѣніе совѣту въ возможной скорости; 2) благодарить г. редактора уни-

верситетскихъ Записокъ за его вниманіе къ средствамъ университета.

20. Представленіе историко-филологическаго факультета объ испрошеніи у высшаго начальства денежной награды лектору Топорову.

Секретарь совѣта доложилъ, что 34 § унив. устава предоставляетъ ректору ходатайствовать, чрезъ г. попечителя, о награжденіи отличныхъ изъ преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ въ университетѣ. *Опредѣлили*: ходатайствовать отъ имени совѣта.

21. Представленіе физико-математическаго факультета о выдачѣ лаборанту Тегартену награды въ размѣрѣ половины содержанія лаборанта за все время отсутствія другаго лаборанта, съ тѣмъ, чтобы эта награда была произведена изъ остающагося штатнаго жалованья другаго лаборанта химической лабораторіи.

При этомъ доложено, что занимавшій должность 2-го лаборанта при химической лабораторіи г. Клименко утвержденъ доцентомъ съ 28-го марта 1873 года, слѣдовательно съ этого срока сохранился окладъ содержанія 2-го лаборанта. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа.

22. Представленіе того же факультета о назначеніи часовъ преподаванія по богословію и практической астрономіи и о добавленіи еще одной лекціи по зоологіи для студентовъ 2, 3 и 4 курсовъ естественнаго и технико-агрономическаго отдѣленій.

При этомъ профессоръ Мечниковъ заявилъ, что назначенный факультетомъ часъ для лекцій по зоологіи крайне неудобенъ. *Опредѣлили*: въ виду заявленія профессора Мечникова просить физико-математическій факультетъ под-

вергнуть новому разсмотрѣнію вопросъ о назначеніи часовъ преподаванія зоологіи; остальные представленія утвердить.

23. Представленіе историко-филологическаго факультета объ отводѣ казенной квартиры при музеѣ изящныхъ искусствъ завѣдывающему имъ, исправляющему должность доцента Н. Бондакову. *Опредѣлили*: просить разрѣшенія г. попечителя.

24. Представленіе физико-математическаго факультета объ освобожденіи студентовъ 3-го курса математическаго отдѣленія отъ испытаній по механикѣ и физикѣ при переходѣ въ IV-й курсъ. *Опредѣлили*: разрѣшить.

25. Представленія факультетовъ о переводѣ студента 2-го курса юридическаго факультета Боровскаго на 1-й курсъ технико-агрономическаго отдѣленія и студента 2-го курса естественнаго отдѣленія Ливенцова на 1-й курсъ математическаго отдѣленія, съ сохраненіемъ получаемой имъ стипендіи. *Опредѣлили*: перевести означенныхъ въ представленіяхъ факультетовъ студентовъ и, по заявленію профессора Григоровича, перечислить студента Волкова съ юридическаго факультета на историко-филологическій.

26. Представленія историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ о назначеніи стипендій Марку Вигурскому и Ивану Стефановскому. *Опредѣлили*: передать въ правленіе.

27. Представленіе юридическаго факультета объ утвержденіи въ степени кандидата: гг. Никифорова, Яковенка, Гильчера и Винка. Кроме того факультетъ ходатайствуетъ объ утвержденіи гг. Шидловскаго и Никольскаго въ званіи дѣйствительнаго студента съ правомъ получить степень кандидата по выполненіи должныхъ условій и Димо — въ званіи дѣйствительнаго студента.

Справка: 1) г. Гильчеръ принадлежитъ къ податному сословію, и 2) г. Шидловскій утверждёнъ въ званіи дѣйствительнаго студента опредѣленіемъ совѣта, въ засѣданіи 21 сентября состоявшимся. *Опредѣлили:* согласно удостоенію факультета утвердить представленныхъ лицъ въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ, за исключеніемъ г. Гильчера, котораго представить предварительно къ исключенію изъ податнаго состоянія.

28. Прошеніе австрійско-подданнаго Доброслава Іовановича, представившаго *attestato di maturità* отъ высшей гимназіи въ Зарѣ, о зачисленіи его въ студенты юридическаго факультета. *Опредѣлили:* принять Іовановича въ число студентовъ.

29. Представленіе заслуженнаго профессора православнаго богословія, протоіерея М. Павловскаго касательно продолженія или непродолженія чтенія имъ лекцій и священнослуженія въ университетской церкви по окончаніи срока его службы. *Опредѣлили:* предоставить профессору Павловскому продолжать чтеніе лекцій и выразить ему, что совѣтъ въ высшей степени будетъ признателенъ въ случаѣ его согласія; въ то же время предупредить, что совѣтъ не видитъ средствъ вознагражденія за этотъ трудъ въ виду назначенія новаго профессора богословія съ 4-го сентября.

30. Рапортъ проректора на имя г. ректора: «имѣю честь донести вашему превосходительству, что въ теченіи прошлаго сентября мѣсяца не читали лекцій: а) *по обязанности:* А. А. Вериго 2 л., И. С. Некрасовъ 4 л., Ф. Н. Шведовъ 2 л. и М. М. Шпилевскій 1 л.; б) *по случаю отпуска* В. Н. Юргевичъ 3 лекціи. *Опредѣлили:* записать въ протоколъ.

Засѣданіе 2-го ноября.

Присутствовали 20 профессоровъ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа.

1. Отъ 10-го октября за № 5219: «въслѣдствіе представленія совѣта новороссійскаго университета отъ 6-го текущаго октября и на основаніи 1 п. Высочайше утвержденнаго въ 14-й день ноября 1872 года мнѣнія государственнаго совѣта, я разрѣшаю ordinarily профессорамъ университета: Головкинскому, Синцову и Карастелеву, завѣдывающимъ кабинетами минералогическимъ, геологическимъ и практической механики, доценту химіи Клименко и п. д. доцента Кондакову, завѣдывающему музеемъ изящныхъ искусствъ и милицъ-кабинетомъ, отвести казенныя квартиры: завѣдывающимъ кабинетами, при самыхъ кабинетахъ, а доценту Клименкѣ во флигелѣ дома на преобразенской улицѣ, но при условіи, чтобы разрѣшаемое распредѣленіе квартиръ для профессоровъ имѣло силу только до 1-го января 1875 года. Съ помѣщеніемъ означенныхъ лицъ въ казенныя квартиры, производившіяся имъ квартирныя деньги должны быть прекращены.»

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено уже въ правленіе университета и гг. преподавателямъ, коимъ разрѣшенъ отводъ квартиръ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

2. Отъ 5-го октября за № 5095 объ утвержденіи кандидата Е. Вернера лаборантомъ химической лабораторіи университета со 2-го тек. октября.

При чемъ доложено, что объ утвержденіи Вернера со-

общено въ правленіе университета и въ физико-математическій факультетъ. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ того-же числа за № 5096 объ утвержденіи испр. долж. доцента Шпилевскаго въ должности доцента, со дня утвержденія его въ степени магистра полицейскаго права, т. е. съ 31 мая 1871 года.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено въ юридическій факультетъ и въ правленіе университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

4. Отъ того-же числа за № 5097 объ утвержденіи магистра М. Малинина доцентомъ по кафедрѣ гражданскаго судоустройства и судопроизводства, со 2-го истекшаго октября.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено въ юридическій факультетъ и въ правленіе университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

5. Отъ 8-го октября за № 5181 о согласіи г. министра народнаго просвѣщенія на командированіе стипендіата новороссійскаго университета Н. Гребницкаго въ С.-Петербургъ на 6 мѣсяцевъ, для занятій сравнительной анатоміей и гистологіей, съ обязательствомъ представлять отчеты о занятіяхъ каждые два мѣсяца.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено уже въ физико-математическій факультетъ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

6. Отъ того же числа за № 5187: «нѣкоторые молодые люди, вскорѣ по вступленіи въ число студентовъ историко-филологическаго института, подаютъ прошенія, въ которыхъ заявляютъ что они, по уважительнымъ причинамъ, не могутъ продолжать своего образованія въ инсти-

и просить о выдачѣ свидѣтельства въ томъ, что они стоены званія студента института. По справкамъ же явняется, что эти молодые люди, поступая въ институтъ на короткое время, пользуются затѣмъ званіемъ студента для безпрепятственнаго перехода въ университетъ безъ всякаго испытанія. Г. управляющій министерствомъ народного просвѣщенія, принимая во вниманіе, что 1) такое званіе дѣла заставляеть конференцію экзаменоватъ молодыхъ людей, вовсе неимѣющихъ въ виду поступить въ институтъ для приготовленія себя къ педагогической дѣятельности; 2) даетъ возможность молодымъ людямъ уклониться отъ повѣрочныхъ испытаній въ университетахъ по разнымъ предметамъ, по которымъ таковыхъ испытаній въ институтѣ не производится, и 3) можетъ поставить конференцію въ необходимость принимать въ институтъ молодыхъ людей, поступающихъ въ оный съ тѣмъ только, что чрезъ нѣсколько дней или недѣль перейти безъ испытанія въ университеты, и отказывать такимъ, которые имѣютъ твердое желаніе поступить въ институтъ и готовятся къ учительской дѣятельности,—просить меня предать совѣту новороссійскаго университета, чтобы студенты 1-го курса Императорскаго историко-филологическаго института, не имѣющіе гимназическихъ аттестатовъ зрѣлости при поступленіи въ университетъ не были освобождены отъ установленныхъ въ нихъ повѣрочныхъ испытаній и подвергались бы онымъ на общемъ основаніи съ этими молодыми людьми, поступающими въ университетъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Объ этомъ имѣю честь сообщить совѣту университета подлежащаго исполненія. *Опредѣлили*: принять къ

руководству и исполненію и внести въ правила для студентовъ.

8. Отъ 26-го октября за № 5514 о разрѣшеніи уволенному изъ с.-петербургскаго университета студенту Оресту Габелю поступить въ новороссійскій университетъ если совѣтъ онаго не найдетъ къ тому затрудненій. *Опредѣлили*: такъ какъ г. Габель не обращался въ новороссійскій университетъ съ прошеніемъ о зачисленіи его въ студенты, то настояще предложеніе принять къ свѣдѣнію.

9. Отъ того же числа за № 5515 объ увольненіи доцента по кафедрѣ ботаники, магистра Коцуга, отъ занимаемой имъ должности, согласно его просьбѣ.

При этомъ г. ректоръ заявилъ, что, сообщивъ г. Коцугу состоявшееся въ засѣданіи совѣта 6-го сентября постановленіе по поводу его прошенія объ отставкѣ и получивъ отзывъ, въ которомъ г. Коцугъ, благодаря за оказанную ему честь, повторяетъ просьбу объ отставкѣ. онъ представилъ г. полечителю объ увольненіи г. Коцуга отъ занимаемой имъ должности. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію и извѣстить объ увольненіи г. Коцуга отъ службы въ университетѣ физико-математическій факультетъ.

10) Отъ 30-го октября за № 5602: «согласно ходатайству совѣта новороссійскаго университета отъ 21 минувшаго сентября за № 245, въ представленіи моемъ отъ 22 числа того-же мѣсяца за № 4903, я просилъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи профессора университета св. Владиміра г. Ковалевскаго сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ въ новороссійскомъ университетѣ по кафедрѣ зоологій, съ ас-

ованіемъ, изъ суммъ государственнаго казначейства, вѣтствующаго званію профессора оклада содержанія. означенное представленіе статсъ-секретарь Деляновъ омиль меня отъ 6-го текущаго октября за № 10605, въ виду ежегодно объявляемыхъ всѣмъ министрамъ и зауправляющимъ отдѣльными частями Высочайшихъ лѣній о соблюденіи возможной бережливости расходовъ, и постоянныхъ отказовъ со стороны министерства финансовъ и государственнаго совѣта въ отпускѣ сверхъ-кредитовъ, онъ не признаетъ возможнымъ ходатайствовать объ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства новаго дополнительнаго кредита на содержаніе при российскомъ университетѣ третьяго профессора зоологій, предвидя въ этомъ дѣлѣ никакого успѣха.

Сообщая объ этомъ совѣту, считаю нужнымъ присовокупить, что при личномъ свиданіи моемъ нынѣшнюю осень я бывъ съ г. министромъ народнаго просвѣщенія, его высшество изъявилъ мнѣ свое согласіе какъ на учрежденіе при новороссійскомъ университетѣ сверхштатной ординатуры по кафедрѣ зоологій, такъ и на перемѣщеніе на кафедру профессора университета св. Владиміра Ковалевскаго, а потому, предполагая войти въ министерство съ такимъ представленіемъ по этому дѣлу, и желая устранить представляемые финансовыми соображеніями затрудненія къ исполненію его рѣшенія, о которыхъ упоминается въ предисловіи статсъ-секретаря Делянова, покорнѣйше прошу соизволѣть уведомить меня, не признаетъ-ли онъ возможнымъ, по моему доношенію своему отъ 13-го минувшаго февраля 1903 года, постановить, чтобы содержаніе представляемаго сверхштатнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ зоологій Ковалевскаго было отнесено на счетъ общихъ остат-

ковъ отъ содержанія личнаго состава новороссійскаго университета, пока не истощится этотъ источникъ отъ замѣщенія каедръ штатными преподавателями. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ отнесеніи содержанія представляемаго въ сверхштатные ординарные профессоры по кафедрѣ зоологій Бовалевскаго на счетъ общихъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава новороссійскаго университета по нормальному штату, а не по временному, остатка отъ котораго, вслѣдствіе недостаточности спеціальныхъ средствъ, употребляются на настоятельныя нужды университета.

11) Представленіе правленія университета за № 992, объ утвержденіи расхода въ 150 р., выданныхъ вѣдѣ лектора Топорова, на погребеніе ея мужа, изъ спеціальныхъ средствъ университета. *Опредѣлили*: утвердить.

12) Представленіе ректора университета за № 998, коимъ, доводя до свѣдѣнія совѣта о выдачѣ удостовѣреній на безпрепятственный выѣздъ за границу, для излеченія, студентамъ: Бутитонскому на 6 мѣсяцевъ и Довойно-Сильвестровичу на 9, просить утвержденія сдѣланнаго имъ распоряженія.

При этомъ секретаремъ совѣта доложены были справки съ постановленіями: § 33 общаго уст. университетовъ и 86 § правилъ для студентовъ новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: сдѣланное ректоромъ распоряженіе утвердить.

13) Представленіе историко-филологическаго факультета: «историко-филологическій факультетъ, разсмотрѣвъ и одобривъ сочиненіе и. д. доцента А. А. Бочубинскаго «братья Подобой и чешскіе католики XVII в.», представленное имъ для полученія степени магистра славянской сло-

ости и найдя публичное защищеніе его удовлетворительнымъ, призналъ А. А. Кочубинскаго достойнымъ степени славы славянской словесности. Донося о семъ совѣту, имѣть честь ходатайствовать объ утвержденіи Кочубинскаго какъ въ степени магистра, такъ и въ степени штатнаго доцента».

Такъ какъ нѣкоторыми членами совѣта заявлены были въніи касательно научныхъ достоинствъ магистерской ступени г. Кочубинскаго, то ректоромъ поставленъ былъ вопросъ, нужно-ли баллотировать представленіе факультета утвержденія Кочубинскаго въ степени магистра. Большинство всѣхъ наличныхъ членовъ противъ одного (профессора Вальца) дало отвѣтъ отрицательный.

А по баллотировкѣ, по требованію 10 членовъ (гг. Левскій, Вальцъ, Ярошенко, Головкинскій, Сянцовъ, Павловъ, Григоровичъ, Богдановскій и ректоръ) утвержденіи г. Кочубинскаго въ должности штатнаго доцента получилось 10 голосовъ избирательныхъ и 9 не-избирательныхъ. *Опредѣлили*: утвердивъ г. Кочубинскаго въ степени магистра славянской словесности, выдать ему предложенный на эту степень дипломъ; объ утвержденіи г. Кочубинскаго въ должности доцента представить г. попечителю одесскаго учебного округа.

14) Представленіе юридическаго факультета, при коемъ преподаваема составленная профессоромъ А. Павловымъ программа для экзаменовъ на степень магистра церковнаго права и словесности.

Справка: 3-мъ п. журнала совѣта министра народнаго просвѣщенія, выписка изъ коего получена совѣтомъ университета при предложеніи г. попечителя одесскаго учебного округа отъ 12-го марта за № 1283, между прочимъ, по-

становлено: испытанія изъ церковнаго законовѣдѣнія въ всѣхъ университетахъ производить по одной общей программѣ, которая должна быть составлена на основаніи тѣхъ программъ, предварительно составленныхъ университетами и, по надлежащемъ сношеніи съ духовнымъ вѣдомствомъ, утверждена министромъ народнаго просвѣщенія. *Опредѣлили:* одобривъ представленную юридическимъ культуретомъ программу, представить ее, чрезъ г. попечителя въ министерство народнаго просвѣщенія.

15. а) Отношеніе ректора варшавскаго университета о доставленіи въ бібліотеку того университета, если оно будетъ возможнымъ, изданій новороссійскаго университета.

б) Отзывъ бібліотечной комиссіи по этому предлогу на имя г. ректора: «бібліотечная комиссія, обсудивъ проведенное вами, на ея заключеніе, письмо ректора варшавскаго университета, остановила особенное вниманіе на слѣдующемъ мѣстѣ этого письма: «университетская бібліотека въ Варшавѣ очень богата дублетами сочиненій весьма рѣдкихъ и цѣнныхъ, особенно по польской литературѣ; а такъ какъ его сіятельство, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ университету мѣняться имъ съ другими учеными учрежденіями, то я надѣюсь, что варшавскій университетъ будетъ имѣть случай вознаграждать тѣ пожеланія, о которыхъ я теперь имѣю честь просить ваше превосходительство. Каталогъ наиболѣе важныхъ дублетовъ доставленъ будетъ мною вашему превосходительству медленно по напечатаніи.» Комиссія, съ своей стороны, находитъ мѣну, предлагаемую ректоромъ варшавскаго университета, весьма выгодною для нашей университетской бібліотеки, которая тоже имѣетъ не мало дублетовъ.

такъ какъ наша библіотека еще не приведена въ окончательное устройство, а ея дублиеты—въ полную извѣстность, то комиссія имѣетъ честь просить васъ внести на усмотрѣніе совѣта слѣдующее ея заключеніе: въ виду ожидаемаго каталога варшавскихъ дублетовъ, необходимо въ возможной скорости приступить къ напечатанію каталога, по крайней мѣрѣ, тѣхъ дублетовъ нашей библіотеки, которые уже приведены въ извѣстность и въ этомъ смыслѣ сдѣлать отъ совѣта распоряженіе по библіотекѣ. Что-же касается до просимыхъ г. ректоромъ варшавскаго университета, для тамошней библіотеки, изданій нашего университета, то комиссія, удостовѣрившись по справкѣ съ дѣлами редакціи университетскихъ «Записокъ», что въ варшавскій университетъ высланы всѣ томы этого изданія, не можетъ указать другихъ изданій нашего университета, которыя могли бы быть посланы въ варшавскую университетскую библіотеку. *Опредѣлили*: одобревъ мнѣніе библіотечной комиссіи, сдѣлать надлежащія распоряженія.

16. Донесеніе бюджетной комиссіи: «бюджетная комиссія имѣетъ честь донести, что на обсужденіе ея были представлены слѣдующія заявленія о необходимости выдачи денегъ: во 1-хъ отъ редактора «Записокъ» университета о необходимости немедленной уплаты въ типографію Ульриха и Шульце, по представленному счету, 608 р; во 2-хъ, отъ правленія университета объ уплатѣ книгопродавцу Дейбнеру, по счету, 73 талера; въ 3-хъ, отъ историко-филологическаго факультета о выдачѣ лектору Топорову 200 р.; въ 4-хъ, отъ физико-математическаго факультета о выдачѣ консерватору Видгальму, въ единовременное пособіе 250 р.; въ 5-хъ, отъ физико-математическаго факультета о выдачѣ подъемныхъ денегъ астроному-наблюдателю Блоку, въ раз-

мѣрѣ 400 р.; въ 6-хъ, отъ юридическаго факультета : выдачѣ подъемныхъ доценту Цитовичу; и въ 7-хъ, отъ совѣта университета предложеніе объ увеличеніи содержанія административнымъ чиновникамъ, лаборантамъ и завѣдывающимъ кабинетами.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ комиссіею, оказалось, что въ настоящее время свободнаго остатка отъ специальныхъ средствъ университета въ наличности числится всего 670 руб. 94 коп. Въ виду такого состоянія специальныхъ средствъ, бюджетная комиссія, принимая во вниманіе безотлагательную потребность немедленно уплатить преем всего по счетамъ типографіи Ульриха и Шульце и книгопродавца Дейбнера, полагаетъ необходимымъ употребить существующій остатокъ на вышеозначенныя потребности.

Что-же касается до прочихъ заявленій, то бюджетная комиссія, въ виду недостатковъ въ настоящую минуту специальныхъ средствъ, находитъ полезнымъ отложить обсужденіе вышеизложенныхъ заявленій до болѣе благоприятнаго времени. *Опредѣлили*: слѣдующія по счетамъ типографіи и книгопродавца Дейбнера суммы уплатить, а остальные денежные выдачи отложить, согласно мнѣнію комиссіи.

17. Представленіе профессора Павлова: «занимаясь нынѣшнимъ лѣтомъ въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ, въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ и рукописей, я былъ пораженъ чрезвычайнымъ множествомъ дублетовъ рѣдкихъ церковно-славянскихъ изданій, хранящихся здѣсь въ томъ самомъ залѣ, которое назначено для ученыхъ занятій. Это обстоятельство напомнуло мнѣ о крайней бѣдности отдѣла старопечатныхъ книгъ въ библіотекѣ нашего университета. По крайней мѣрѣ, по моему каѳедрѣ библіотека не имѣетъ Бормчей 1653 г., Номоканона 1624 и 1629 гг., Требника

ра Могилы, а въ музеѣ эти изданія находятся въ 3-хъ мѣхѣхъ въземлярахъ. Миѣ кажется, что московское древнехранилище не потерпѣло-бы никакого ущерба, подѣлившись ими избытками съ молодымъ новороссійскимъ университетомъ, который могъ-бы, съ разрѣшенія начальства, предать музею за вышеуказанныя книги, нѣкоторые изъ кетовъ своей библіотеки. По этому имѣю честь просить ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго звѣщенія какъ о разрѣшеніи предполагаемой мною мѣны, такъ и о начальственномъ посредничествѣ въ этомъ дѣлѣ между университетомъ и музеемъ».

Профессоръ Некрасовъ заявилъ при этомъ, что, вполнѣ вѣрующа мнѣніемъ, предложенной профессоромъ Павловымъ, находить неудобнымъ обращаться къ древнехранилищу въ посредство министерства и предпочиталъ-бы непосредственное сношеніе съ музеемъ. *Опредѣлили*: ходатайствовать, согласно мнѣнію профессора Павлова.

18. Его же ходатайство снести съ оксфордскимъ университетомъ, не найдеть-ли оныя возможнымъ выслать, въ нѣкоторое время, въ нашъ университетъ греческую пись, значащуюся по каталогу Кокса № 24. *Опредѣлили*: поручить г. ректору снести съ оксфордскимъ университетомъ.

19. Отзывъ (отъ 6-го октября) заслуженнаго профессора ославнаго богословія, протоіерея Павловскаго о согласіи оужать, безъ вознагражденія, чтеніе лекцій и священнослуженіе въ домово́й университетской церкви.

При этомъ ректоръ сообщилъ заявленіе протоіерея Павловскаго отъ 2-го ноября, что, «съ одной стороны, — азъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ увольненіи меня, согласно прошенію моему, отъ

службы въ новороссійскомъ университетѣ, а съ другой — указъ херсонской духовной консисторіи объ опредѣленіи меня кафедральнымъ протоіереемъ и настоятелемъ одесскаго собора, предписывающій мнѣ вступить въ отправление этой должности, — вынуждаютъ меня нынѣ же прекратить, какъ уже несомнѣстимое съ новыми служебными обязанностями моими, то добровольное служеніе мое по кафедрѣ и по университетской церкви, на какое я имѣлъ честь изъявить вашему превосходительству мое согласіе въ отношеніи моемъ отъ 6-го октября, и какое исполнялъ съ 4-го октября по нынѣшнее число». *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію, а чтобы богослуженіе продолжалось въ университетской церкви безостановочно до пріѣзда настоятеля церкви, прислать архіепископа херсонскаго и одесскаго — назначить временно одного изъ городскихъ священниковъ.

20. Прошеніе его-же объ исходатайствованіи ему за послѣднее пятилѣтіе слѣдующей по закону прибавки къ получаемой имъ пенсіи, и чтобы вся его пенсія была назначена ему по университетскому окладу.

Въ справкѣ доложены секретаремъ совѣта: 1), 5-й пунктъ Высочайше утвержденнаго 11-го іюля 1864 года мнѣнія государственнаго совѣта объ учрежденіи новороссійскаго университета и 2), выписка изъ штата университета св. Владиміра 1842 года. *Опредѣлили*: ходатайствовать согласно просьбѣ протоіерея Павловскаго.

21. Прошеніе вдовы лектора Топорова объ исходатайствованіи ей пенсіи, которую покойный мужъ ея получалъ уже на службѣ.

Секретарь совѣта доложилъ при этомъ: а) что 9-го августа 1873 г. покойный лекторъ Топоровъ выслужилъ второе пятилѣтіе; б) что оставшіяся послѣ покойнаго дѣти.

видно изъ формулярнаго его списка, всѣ совершенно; и в) что по закону пенсія вдовѣ Топорова слѣ- по 101 ст. III т. св. зак. (изд. 1857 года) уст. о кхъ и единовременныхъ пособіяхъ. *Опредѣлили*: про- одатайства г. попечителя предъ министромъ народ- росвѣщенія: 1) о назначеніи, на основаніи 491 ст. св. зак. (изд. 1857 г.) въ добавокъ къ производив- на службѣ покойному лектору Топорову пенсіи по еще одной пятой доли — по сту десяти руб. въ годъ— шцатицѣтилѣтнюю выслугу; и 2) во вниманіи къ временной и отлично-усердной службѣ покойнаго и въ время къ тяжкому положенію оставшагося семейства, неннаго долгами, о назначеніи вдовѣ Топоровой, въ особой милости, полной пенсіи, на которую выслу- право покойный мужъ ея.

2. а) Прошенія студентовъ: 1-го курса юридическаго тета Іовановича о перечисленіи его на историко-фи- ческій факультетъ и 3-го курса того-же факультета ева Якова о допущеніи его къ переводному испытанію -же; и

б) Представленіе физико-математическаго факультета о еніи студенту 3-го курса математическаго отдѣленія ппу подвергнуться переводному испытанію въ декабрѣ . *Опредѣлили*: студента Іовановича перечислить на ко-филологическій факультетъ, а о допущеніи къ пе- ымъ испытаніямъ Секретева теперь-же, а Соковнина абрѣ мѣсяцѣ представить г. попечителю.

3. Рапортъ проректора на имя г. ректора: «имѣю донести вашему превосходительству, что къ теченіи го октября мѣсяца не читали лекцій: а) *по болъзни*: Богдановскій 3 л., И. І. Патлаевскій 1 л., А. А. Ве-

риго 1 л., В. М. Войтковскій 2 л., П. П. Цитовичъ 2 л., Ф. Б. Брунъ 3 л., Е. Ф. Клименко 2 л., Н. А. Умовъ 2 л., А. А. Бочубинскій 2 л., В. Θ. Рандель 1 л.; б) по случаю отпуска: В. Н. Юргевичъ 5 л., Θ. Н. Шведовъ 6 л., А. П. Пригара 3 л., Н. П. Бондаковъ 2 л., И. Ф. Кошугъ 8 л.; в) по случаю назначенія въ присяжные заседатели: М. М. Шилевскій 16 л. и А. А. Вериго 20 лекцій.» *Опредѣлили*: записать въ протоколъ.

24. Докладъ секретаря совѣта о томъ, что бібліотекаръ Шишковскій 7-го октября сего года выслужилъ 25 лѣтній срокъ, положенный на получение полной пенсіи.

Законъ: 1) 78 и 145 §§ университ. устава; 2) 5-й п. Высочайше утвержденного 11-го іюля 1864 г. мѣли государственнаго совѣта объ учрежденіи новороссійскаго университета; и 3) по Высочайше утвержденному 9 іюня 1842 г. штату университета св. Владиміра окладъ жалованья бібліотекарю опредѣленъ въ 800 руб. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія о назначеніи бібліотекарю, статскому совѣтнику Шишковскому, за 25-лѣтнюю выслугу пенсіи въ размѣрѣ 800 руб. въ годъ, а вопросъ объ избраніи на должность бібліотекаря отложить до слѣдующаго засѣданія.

25. Представленіе юридическаго факультета объ утвержденіи въ степени кандидата законовѣднія студентовъ: Шостаковскаго Арефу, Пржецлавскаго Александра и Защинскаго Григорія. *Опредѣлили*: утвердивъ означенныхъ въ представленіи лицъ въ степени кандидата выдать имъ установленныя на это званіе дипломы.

26. Секретарь совѣта доложилъ, что приказомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 20-го октября доцентъ новороссійскаго университета, докторъ

Цитовичъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ со 2-го октября, а заслуженный профессоръ православнаго богословія, протоіерей Павловскій уволенъ отъ службы, согласно прошенію, съ 4-го числа того-же мѣсяца. *Опредѣлили*: о состоявшихся перемѣнахъ увѣдомить правленіе, юридическій факультетъ и отиѣтить въ формулярныхъ спискахъ.

27. Представленіе физико-математическаго факультета о переводѣ студента А. Зорина на 3-й курсъ. *Опредѣлили*: согласно удостоенію факультета, перевести студента Зорина на 3-й курсъ.

28. Представленіе того-же факультета: «въ засѣданіи физико-математическаго факультета 25 октября профессоръ Беркевичъ представилъ слѣдующую инструкцію для астронома-наблюдателя: 1) астрономъ-наблюдатель производитъ срочныя и несрочныя наблюденія; 2) содѣйствуетъ научнымъ работамъ другихъ обсерваторій; и 3) въ свободное время руководитъ практическими занятіями студентовъ. На это деканъ замѣтилъ, что изъ справокъ оказалось, что относительно обязанностей астронома-наблюдателя существуетъ только одно постановленіе для казанскаго университета слѣдующаго, содержанія: «Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: непосредственное завѣдываніе астрономическою обсерваторіею казанскаго университета и руководство въ практическо-астрономическихъ занятіяхъ возложить на астронома-наблюдателя съ производствомъ ему и проч.» (Сборникъ постан. по минист. народ. просв. т. II, отд. 2, стр. 995) и потому деканъ полагаетъ, что это постановленіе должно быть примѣнено и къ нашему университету. Но

прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о томъ, руководствоваться этимъ Высочайшимъ постановленіемъ, или же ходатайствовать объ установленіи новыхъ правилъ, предлагаемыхъ профессоромъ Беркевичемъ, факультетъ приступилъ съвѣтъ къ рѣшенію слѣдующихъ вопросовъ: 1) какою цѣлью должна удовлетворять наша обсерваторія и 2) какою образомъ могутъ быть раздѣлены педагогическія занятія профессора и астронома-наблюдателя. Факультетомъ рѣшено: *по первому вопросу*, что обсерваторія существуетъ главнымъ образомъ для цѣлей педагогическихъ, но не должна упускать изъ виду и цѣлей научныхъ: *по второму вопросу*, что на профессора должны быть возложены теоретическія занятія, а на астронома-наблюдателя практическія занятія.

Затѣмъ деканомъ былъ предложенъ вопросъ о томъ кому должно быть поручено непосредственное завѣдываніе обсерваторіею—астроному-наблюдателю, или профессору? За первое предложеніе высказались гг. Ярошенко, Сяцковъ, Абашевъ и Вальдъ, а за вторую — Лигинъ, Головинскій, Шведовъ, Сабининъ, Беркевичъ, Карастелевъ и Блокъ. По этому факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать предъ совѣтомъ объ установленіи слѣдующихъ правилъ; 1) астрономъ-наблюдатель производитъ срочныя наблюденія; 2) содѣйствуетъ научнымъ работамъ другихъ обсерваторій; 3) обязанъ руководить практическими занятіями студентовъ; и 4) завѣдываніе же обсерваторіей возлагается на профессора астрономіи. *Опредѣлили*: утвердивъ представляемую факультетомъ инструкцію астроному-наблюдателю, увѣдомить объ этомъ физико-математическій факультетъ.

29. Заявленіе профессора Мечникова о дозволеніи читать ему публичныя лекціи въ пользу годожающихъ. *Опре-*

дѣлили: по полученіи программы отъ г. Мечникова какъ и отъ другихъ профессоровъ, предлагающихъ читать публичные лекціи съ указанною цѣлію, просить разрѣшенія г. попечителя и, въ случаѣ удовлетворенія ходатайства, просить городскую управу о залѣ для лекцій.

30. Отношеніе новороссійскаго общества естествоиспытателей о разрѣшеніи занять одну изъ находящихся при зоологическомъ кабинетѣ комнатъ для помѣщенія журналовъ и коллекцій, получаемыхъ обществомъ. *Опредѣлили*: разрѣшить.

Засѣданіе 20-го ноября.

Присутствовали 15 профессоровъ.

Слушали:

1. Представленіе предсѣдателя библіотечной комиссіи, при которомъ препровожденъ составленный комиссіею списокъ предположенныхъ въ выпискѣ на 1874 годъ общихъ журналовъ и газетъ, а также и списки специальныхъ періодическихъ изданій, составленные комиссіею на основаніи факультетскихъ опредѣленій и наконецъ—списки газетъ и журналовъ, исключенныхъ тѣмъ или другимъ факультетомъ.

По прочтеніи этихъ списковъ, г. ректоръ заявилъ, что на выписку значащихся въ нихъ изданій потребуется, сверхъ 750 руб., ассигнуемыхъ на этотъ предметъ по штату, еще до 800 р. сер. Засимъ его превосходительство

и заслуженный профессор Григоровичъ указали на необходимость выписки для историко-филологическаго факультета журнала «Warszawska Biblioteka,» а профессора Мечниковъ и Вольскій предложили выписать — первый «Globus» для физико-математическаго, а второй «Journal of Statistical Society» — для юридическаго факультетовъ. *Опредѣлили*: утвердивъ списки съ предложенными измѣненіями, ассигновать, изъ спеціальныхъ средствъ университета, въ добавокъ къ штатной суммѣ, на выписку журналовъ и газетъ на наступающій 1874 годъ, *восемьсотъ* руб., предложивъ правленію сдѣлать распоряженіе о немедленной выпискѣ значащихся въ спискахъ изданій.

2. а) Представленіе юридическаго факультета № утвержденіи окончившаго въ истекшемъ учебномъ году курсъ по юридическому факультету Ипполита Александровича въ степени кандидата; и

б) Докладъ секретаря о томъ, что удостоенный юридическимъ факультетомъ степени кандидата законовѣдѣнія Мендель Гильчеръ исключенъ изъ подушнаго оклада, какъ сообщила объ этомъ волынская казенная палата отношеніемъ отъ 27-го октября сего года за № 9304. *Опредѣлили*: утвердивъ гг. Александровича и Гильчера въ степени кандидата законовѣдѣнія, выдать имъ установленныя дипломы.

Засѣданіе 5-го декабря.

Присутствовали 22 профессора.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа.

2. Отъ 5-го ноября за № 5725 объ утвержденіи магистра Кочубинскаго въ должности доцента.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено уже въ правленіе университета и въ историко-филологическій факультетъ. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ 9-го ноября за № 5800 о разрѣшеніи допустить къ переводнымъ испытаніямъ студентовъ Секретева въ ноябрѣ и Соковнина въ декабрѣ мѣсяцѣ.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено уже въ подлежащіе факультеты. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

4. Отъ 14-го ноября за № 5936 о воспрещеніи славянскимъ стипендіатамъ, безъ особо-уважительныхъ причинъ, переходить изъ одного факультета на другой, подъ опасеніемъ лишніа стипендіа.

При чемъ доложено, что объ этомъ уже объявлено славянскимъ стипендіатамъ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

5. Отъ 23-го ноября за № 6138 о зачисленіи профессору Карастелеву въ дѣйствительную службу на певсію времени съ 19-го сентября 1851 по 18 іюля 1852 года. *Опредѣлили*: отмѣтить въ формулярномъ спискѣ г. Карастелева.

6. Отъ 28-го ноября за № 6256 объ утвержденіи магистра богословіа А. Бударяцева исправляющимъ долж-

ность профессора православнаго богословія въ новороссійскомъ университетѣ съ 4-го октября 1873 г. *Опредѣлили*: предложить г. Бударцеву явиться къ службѣ въ законный срокъ со дня полученія имъ извѣщенія.

7. Отъ 30 ноября за №№ 6286 и 6287 объ учрежденіи при новороссійскомъ университетѣ 4-хъ стипендій вдовы капитанъ-лейтенанта Маріи Дмитриевны Микрюковой и о составленіи положенія объ этихъ стипендіяхъ.

При этомъ доложенъ составленный секретаремъ проектъ положенія. *Опредѣлили*: одобревъ этотъ проектъ представить таковой, чрезъ г. попечителя, на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

8. Отъ 5-го декабря за № 6525 о командировки магистра А. Кононовича, съ 1-го января 1874 года, в два года за границу, для приготовленія къ профессорскому званію по астрономіи. *Опредѣлили*: предложить физико-математическому факультету составить инструкцію г. Кононовичу и представить ее въ совѣтъ.

9. Представленіе юридическаго факультета: такъ какъ 30-го ноября сего года истекъ срокъ службы ординарнаго профессора Куницына и такъ какъ г. Куницынъ въ письмѣ на имя г. ректора заявилъ, что онъ никакимъ баллотировкамъ на продолженіе профессорской службы подвергаться не желаетъ, то факультетъ, заботясь о томъ, чтобы въ преподаваніи русскаго гражданскаго права и римскаго права не послѣдовало упущеній, считалъ бы нужнымъ возложить преподаваніе какъ русскаго гражданскаго права, такъ и римскаго права со 2-й половины настоящаго 1873 — 74 академическаго года на экстраординарнаго профессора гражданскаго права Цитовича. Донося о такомъ рѣшеніи факультетъ проситъ утвержденія. *Опредѣли*

ли: ходатайствовать объ увольненіи профессора Буницына отъ службы, за выслугою срока, на который онъ былъ избранъ, а распоряженіе факультета одобривъ представить на утвержденіе г. попечителя.

10. Представленіе физико-математическаго факультета: «въ засѣданіи физико-математическаго факультета 27-го ноября проф. Барастелевъ и Сабининъ вошли съ представленіемъ о командированіи профессора Ярошенка за границу на 1 годъ и 5 мѣсяцовъ (съ 1-го апрѣля 1874 по 1-е сентября 1875 года). По произведенномъ баллотированіи огазалось 9 голосовъ избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго. Поэтому физико-математическій факультетъ, прилагая при семъ представленіе гг. Барастелева и Сабинина, имѣетъ честь просить совѣтъ о командированіи г. Ярошенка за границу на 1 годъ и 5 мѣсяцовъ съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія ординарнаго профессора. При этомъ факультетъ считаетъ нужнымъ присовокупить, что отъ этого преподаваніе не потерпитъ, такъ какъ у факультета существуетъ предположеніе пригласить еще одного преподавателя математики; въ случаѣ же, еслибы это не состоялось, то доцентъ Лигинъ изъявилъ согласіе принять на себя преподаваніе аналитической геометріи по 2 часа въ недѣлю.»

Представленіе въ факультетъ профессоровъ Барастелева и Сабинина: «въ послѣднее 25-лѣтіе новая геометрія выѣстъ съ теоріями кватерніоновъ, инвариантовъ и ковариантовъ, сдѣлала большіе успѣхи, такъ что въ настоящее время университетское преподаваніе не можетъ быть полно, если оно будетъ ограничиваться только пріемами аналитической геометріи, дифференціального, интегральнаго и варіаціоннаго исчисленій и теоріи чиселъ, изложеніе которыхъ

весьма справедливо считалось вполне достаточным двадцать лѣтъ тому назадъ для математическаго университетскаго образованія. Имѣя въ виду необходимость поставить въ нашемъ университетѣ преподаваніе чистой математики въ уровень съ современнымъ ея развитіемъ, мы считаемъ долгомъ своимъ предложить факультету командировать ординарнаго профессора С. П. Ярошенка за границу на 1 годъ и 5 мѣсяцевъ (съ 1-го апрѣля 1874 по 1 сентября 1875 года) съ тѣмъ, чтобы дать ему возможность ознакомиться съ методомъ и объемомъ преподаванія новой геометріи въ заграничныхъ университетахъ. Рекомендація наша основана на томъ соображеніи, что г. Ярошенко обнаруживаетъ особенное расположеніе къ занятію новой геометріей, напечатанъ въ IX т. «Записокъ» нашего университета сочиненіе подъ заглавіемъ: начала новой геометріи.

При этомъ профессоръ Сабининъ вошелъ въ совѣтъ съ новымъ мнѣніемъ по этому дѣлу слѣдующаго содержанія: «къ ходатайству физико-математическаго факультета о заграничной командировкѣ профессора Ярошенка считаю своимъ долгомъ присовокупить слѣдующее мое мнѣніе. Цѣль командировки г. Ярошенка заключается въ ознакомленіи съ преподаваніемъ новой геометріи на западѣ, что будетъ имѣть важное значеніе не только для университета, но и для открывающихся у насъ въ настоящее время реальныхъ училищъ. Въ число учебныхъ предметовъ этихъ училищъ входитъ начертательная геометрія, преподаваніе которой, по до сихъ поръ употребляемому французскому методу, представляетъ не мало затрудненій и вмѣстѣ съ тѣмъ не обладаетъ тѣмъ именно научнымъ характеромъ, который желательно имѣть въ наукѣ, какъ вполне образовательномъ предметѣ средняго учебнаго заведенія, такъ

что начертательная геометрія, при преподаваніи ея по французскому методу, составляетъ предметъ реальныхъ училищъ не столько по своему общеобразовательному значенію, сколько по необходимости въ ней для тѣхъ прикладныхъ знаній, къ приобрѣтенію которыхъ готовятъ реальныя училища. Въ виду этого имѣю честь представить вниманію совѣта брошюру вѣнскаго профессора Шлезингера подъ заглавіемъ: *Die Unterricht's Methode der darstellenden Geometrie im Sinne der neueren Geometrie an Real Schulen*. Эта брошюра, несмотря на свое недавнее появленіе — уже издана въ русскомъ переводѣ доцентомъ Лигинимъ; въ ней профессоръ Шлезингеръ знакомитъ съ методомъ преподаванія начертательной геометріи — такимъ, который имѣетъ и строго научный, и вполне образовательный характеръ по двумъ слѣдующимъ своимъ достоинствамъ: во 1-хъ, при преподаваніи начертательной геометріи по методу Шлезингера между этой наукой и чистою геометріей возникаетъ болѣе тѣсная связь чѣмъ та, которая существовала до сихъ поръ, что очень способствуетъ успѣшному изученію геометріи; во 2-хъ, ученики, уже съ молодыхъ лѣтъ, постепенно воспринимаютъ понятія новой геометріи, эти понятія вполне срастаются со всѣмъ ихъ математическимъ образомъ мышленія, что, при всемъ общеобразовательномъ значеніи своемъ, способствуетъ къ успѣшному изученію излагаемой на основаніи новой геометріи графической статистики, признаваемой въ настоящее время весьма нужной для тѣхъ прикладныхъ знаній, къ приобрѣтенію которыхъ готовятъ реальныя училища. Въ 1870 году Шлезингеръ издалъ руководство начертательной геометріи подъ заглавіемъ: *die darstellende Geometrie im Sinne der neueren Geometrie*. Чтобы и въ нашихъ реальныхъ училищахъ начертательная геометрія

была бы вполне образовательнымъ предметомъ, надобно, чтобы она преподавалась по методу Шлизенгера; а такъ какъ преподаваніе начертательной геометріи по этому методу требуетъ знанія новой геометріи отъ учителей, которыхъ готовятъ одни только университеты, то становится уже совершенно понятнымъ, какъ необходимо и для реальныхъ училищъ преподаваніе новой геометріи въ университетѣ.»

Въ результатѣ произведенной за симъ баллотировки о командированіи г. Ярошенка за границу съ ученою цѣлю на одинъ годъ и пять мѣсяцевъ получилось 22 голоса утвердительныхъ и 2 отрицательныхъ. *Опредѣлили*: представить г. попечителю.

11. Представленіе того-же факультета: «въ засѣданіи физико-математическаго факультета 27-го ноября профессоръ Синцовъ заявилъ, что онъ желалъ-бы отправиться за границу на одинъ годъ (съ 15-го августа 1874 по 15-е августа 1875 года) съ сохраненіемъ содержанія ординарнаго профессора. Факультетъ согласился съ этимъ предложеніемъ, имѣя въ виду 1) что при поѣздкѣ г. Синцова можетъ значительно пополниться геологическій кабинетъ; 2) что профессоръ Синцовъ еще ни разу не былъ за границей и что по этому такая поѣздка можетъ самымъ благотворнымъ образомъ отразиться на его научной и педагогической дѣятельности, въ особенности потому, что преподаваемая имъ наука геологія основана главнымъ образомъ на изученіи разрѣзовъ западной Европы, наглядное знакомство съ которыми—дѣло въ высшей степени важное; и 3) что отъ этого преподаваніе не потерпитъ никакого ущерба, такъ какъ, вслѣдствіе соглашенія преподавателей, студенты прослушаютъ полный курсъ въ надлежащемъ по-

ѣ. По произведенномъ баллотированіи оказалось 9 го-
въ избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго. По
у физико-математическій факультетъ имѣеть честь
ить совѣтъ о командированіи г. Синцова за границу
[годъ ».

По выслушаніи этого представленія, вопросъ с загра-
юй командировкѣ г. Синцова подвергнуть былъ балло-
ванію, въ результатѣ котораго получилось 24 голоса
рательныхъ и одинъ неизбирательный. *Опредѣлили:*
ставить г. попечителю.

12. Произведено было баллотированіе библіотекаря
Шковскаго для оставленія его въ этой должности еще
5 лѣтъ, по выслугѣ имъ положеннаго на получение
ли срока.

Предъ баллотированіемъ г. Шшковскаго заявлено было
екторомъ прошеніе помощника библіотекаря универси-
св. Владиміра Ивана Савенка о перемѣщеніи его на
ность библіотекаря новороссійскаго университета. Но
шинство членовъ совѣта было такого мнѣнія, что по-
юнные соискатели могутъ быть представлены въ каче-
кандидатовъ на должность библіотекаря только тогда,
а занимающій эту должность окажется неизбраннымъ.

По сочтеніи вынутыхъ изъ урны шаровъ оказалось 16
рательныхъ и 9 неизбирательныхъ. *Опредѣлили:* со-
но состоявшемуся избранію просить г. попечителя объ
вленіи статскаго совѣтника Шшковскаго библіотека-
еще на 5 лѣтъ, съ 7-го октября 1873 года.

13. Было доложено, что въ концѣ года предвидится
однаго остатка отъ суммы, ассигнованной на содержаніе
аго состава 1677 р. 36 к., которые могутъ быть на-
ены на учебныя надобности факультетовъ. *Опредѣлили:*

назначить 300 р. для юридического факультета, 500 р. для историко-филологического, на надобности библиотеки, а остальные 877 р. 36 к. — для физико-математического на его учебныя надобности, именно на кабинеты: физическій, минералогическій, геологическій и физиологическій.

14. Заявление председателя библиотечной комиссіи о необходимости обратить вниманіе на устройство библиотеки вообще и на студентскій отдѣлъ ея въ особенности. *Опредѣлили*: поручить библиотечной комиссіи войти въ совѣтъ съ особо-мотивированнымъ предложеніемъ по этому предмету.

15. Представленіе юридического факультета объ освобожденіи въ текущемъ академическомъ году стипендіатовъ 3-го и 4-го курсовъ юридического факультета отъ контрольныхъ испытаній и объ удостоеніи этихъ стипендіатовъ продолженія имъ стипендій на 2-е полугодіе, по достоинству сочиненій, какія ими будутъ представлены. *Опредѣлили*: утвердить мѣру, предложенную юридическимъ факультетомъ.

16. Представленіе того-же факультета объ утвержденіи окончившаго курсъ юридического факультета въ истекшемъ учебномъ году, Величковскаго въ степени кандидата законовѣдѣнія.

Секретарь совѣта доложилъ при этомъ, что удостоенный юридическимъ факультетомъ званія дѣйствительнаго студента Василій Гущинъ, таврическою казенною палатою исключенъ изъ податнаго состоянія. *Опредѣлили*: утвердивъ Величковскаго въ степени кандидата, а Гущина въ званіи дѣйствительнаго студента, выдать первому дипломъ, а второму аттестатъ.

17. Представленіе физико-математическаго факультета: «въ засѣданіи физико-математическаго факультета 27-го ноября происходило избраніе секретаря факультета, при

чемъ оказался избраннымъ единогласно доцентъ Лигинъ. По этому факультетъ имѣеть честь просить ходатайства совѣта объ утвержденіи г. Лигина секретаремъ факультета». *Опредѣлили*: просить г. попечителя объ утвержденіи доцента Лигина исправляющимъ должность секретаря физико-математическаго факультета, вмѣсто выслужившаго срокъ въ этой должности профессора Ярошенка, съ 4-го декабря 1873 года.

18. Представленіе того-же факультета о сдѣланномъ имъ порученіи профессору Вальцу читать систематику явнотрачныхъ для студентовъ II-го и III-го курсовъ, по 2 часа въ недѣлю. *Опредѣлили*: утвердить.

19. Представленіе того-же факультета о переводѣ студента II-го курса математическаго отдѣленія Петра Мартино на 1-й курсъ отдѣленія естественныхъ наукъ. *Опредѣлили*: разрѣшить.

20. Представленіе того-же факультета: «вслѣдствіе предложенія г. декана, Я. Я. Вальца, физико-математическій факультетъ имѣеть честь просить совѣтъ о продолженіи г. Срединскому получаемой имъ стипендіи еще на одинъ годъ (съ 1-го сентября 1873 года) и объ отводѣ ему помѣщенія въ зданіи университета». *Опредѣлили*: о продолженіи г. Срединскому стипендіи съ 1-го сентября 1873 года войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю, а вопросъ объ отводѣ ему квартиры передать въ правленіе университета.

21. Представленіе того-же факультета о томъ, что изготовленіе рѣчи и прочтеніе ея на актѣ въ августѣ 1874 года возложено на доцента Лигина. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

22. Представленіе историко-филологическаго факультета объ объявленіи конкурса для замѣщенія вакантнаго

мѣста лектора нѣмецкаго языка въ новороссійскомъ университетѣ. *Опредѣлили*: отпечатать въ газетахъ.

23. Представленіе правленія за № 1178 о сдѣланномъ распредѣленіи между преподавателями суммы, внесенной посторонними лицами за слушаніе лекцій. *Опредѣлили*: сдѣланное правленіемъ распредѣленіе утвердить.

24. Представленія бібліотекаря университета о принесенныхъ въ даръ для бібліотеки: профессоромъ Павловымъ 22-хъ сочиненій и учителемъ Шапеллономъ 87 названій книгъ въ 173 томахъ. *Опредѣлили*: книги передать въ бібліотеку, а жертвователей благодарить отъ имени совѣта.

25. Рапортъ проректора на имя г. ректора: «имѣю честь донести вашему превосходительству, что въ теченіи прошлаго ноября не читали лекцій: а) *по болѣзни*: Ф. И. Левтовичъ 3 л., А. М. Богдановскій 3 л., А. С. Павловъ 2 л., Д. Н. Абашевъ 1 л., Р. В. Орбинскій 1 л., А. А. Вериго 2 л., И. С. Некрасовъ 1 л., В. М. Войтковскій 3 л., Л. Ф. Бергевичъ 3 л., Н. А. Головкинскій 2 л., С. П. Ярошенко 1 л., М. М. Вольскій 2 л., Е. Ф. Клименко 2 л., П. П. Цитовичъ 2 л., А. П. Пригара 2 л., Д. П. Лебедевъ 4 л.; б) *по случаю отпуски*: П. П. Цитовичъ 7 л., Н. П. Бондаковъ 13 л.; в) *по случаю назначенія въ присяжные заседатели*: Б. И. Барастелевъ 12 л. и Д. Н. Абашевъ 13 лекцій.» *Опредѣлили*: записать въ протоколъ.

26. Заявленіе г. ректора о возможности закончить преподаваніе 15 декабря. *Опредѣлили*: прекратить чтеніе лекцій по случаю наступающихъ праздниковъ съ 15 декабря.

27. Представленіе правленія университета за № 1100 о разрѣшеніи стипендіатамъ, оставляемымъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, брать

въ случаѣ надобности, книги изъ университетской библіотеки подъ собственныя росписки. *Опредѣлили*: сравнить стипендіатовъ, приготовляющихся къ профессорскому званію, въ такомъ пользованіи книгами съ преподавателями.

28. Внесенное ректоромъ письмо на его имя отъ ректора московскаго университета за № 1493: «исправляющій должность доцента новороссійскаго университета, кандидатъ Бондаковъ 22-го сего ноября имѣетъ защищать въ здѣшнемъ университетѣ диссертацию для полученія степени магистра, а между тѣмъ изъ объясненія г. Бондакова оказывается, что означеннаго числа оканчивается срокъ разрѣшеннаго ему отпуска.

Вслѣдствіе чего я имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что г. Бондаковъ не можетъ явиться къ сроку во ввѣренный вамъ университетъ, и покорнѣйше просить просрочку его, неизбежную въ настоящемъ случаѣ, не вѣнчать ему въ вину». *Опредѣлили*: время, необходимое для защищенія диссертациі и полученія въ томъ свидѣтельства, зачесть г. Бондакову въ служебную командировку.

ПРОГРАММА

курса церковнаго законовѣдѣнія, одобренная юриди-
ческимъ факультетомъ новороссійскаго университета.

ВВЕДЕНИЕ.

Понятіе о церкви и церковномъ правѣ. Положеніе цер-
ковнаго права въ цѣлой системѣ права. Наука церковнаго
законовѣдѣнія: ея исторія, отношеніе къ прочимъ юриди-
ческимъ наукамъ, задача университетскаго преподаванія.
Методъ изложенія. Планъ системы.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

1) Догматическія (вѣроисповѣдныя) ученія о церкви, какъ
принципіальныя нормы положительнаго права различныхъ
христіанскихъ вѣроисповѣданій.*)

2) Источники церковнаго права:

а) Виды ихъ и относительная важность (св. писаніе
и преданіе, законодательство—собственно церковное и госу-
дарственное, практика и обычное право).

б.) Исторія источниковъ церковнаго права: а) въ церк-
ви восточной (греческой и русской); б) въ церквахъ за-

---

*) Сравнительное изложеніе началъ и положительныхъ опредѣленій цер-
ковнаго права различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій оправдывается,
крокъ общихъ преимуществъ сравнительнаго метода, еще и тѣмъ фактомъ,
котораго не можетъ игнорировать церковное законовѣдѣніе, какъ *юридическая*
наука,—что въ области права существуетъ не одна христіанская церковь, а
нѣсколько. Въ частности, русскій канонистъ не долженъ забывать, что въ
нашей Имперіи, подлѣ *ислѣдствующей* православной церкви, признаны, въ
качествѣ публичныхъ корпорацій, еще четыре христіанскія вѣроисповѣданія,
имѣющія особыя, Высочайше утвержденныя «Уставы».

падныхъ (римско-католической, протестантской и реформатской).

в.) Обзоръ источниковъ дѣйствующаго права русской православной церкви и другихъ, признанныхъ въ нашей Имперіи, христіанскихъ вѣроисповѣданій.

СИСТЕМА ДѢЙСТВУЮЩАГО ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

Часть I. Церковное устройство.

А) Въ церкви православной.

Отдѣленіе I. Личный составъ церковнаго общества.

- 1) О членахъ церкви вообще: условія вступленія въ церковь; доказательства принадлежности къ церкви; общія права и обязанности членовъ церкви; прекращеніе церковной правоспособности.
- 2) Особенности состоянія въ церкви:
  - а) Клеръ: условія и способъ принятія въ клеръ; общія права и обязанности клириковъ; духовенство, какъ сословіе въ государствѣ; потеря духовнаго сана и ея послѣдствія.—Степени клира по рукоположенію (*hierarchia ordinis*): епископская, пресвитерская и діаконская; значеніе ихъ въ церкви и взаимное отношеніе. Нисшія церковно-служительскія званія.
  - б) Монашество: содержаніе и значеніе обѣтовъ монашескихъ; условія вступленія въ монашество; искусство; устройство монашеской (монастырской) жизни; необходимыя ограниченія личныхъ, имущественныхъ и общественныхъ правъ монашества; потеря монашескаго званія и ея послѣдствія.
- 3) Взаимныя отношенія между клиромъ (іерархіей) и мірянами.

Отдѣленіе II. Церковное правительство (hierarchia jurisdictionis).

Епископатъ — органъ единства церкви и представительство ея духовнаго полномочія. Необходимость раздѣленія церковной области (территоріи) между отдѣльными членами епископата. Понятіе о церкви помѣстной — автокефальной. Каноническое общеніе между помѣстными — автокефальными церквами. Вселенскій соборъ — чрезвычайная форма проявленія единства помѣстныхъ церквей и авторитета церкви Вселенской. Обыкновенные органы управленія въ помѣстной церкви:

1) Епархіальный архіерей: власть его въ епархіи; ограниченія этой власти; вспомогательныя учрежденія и лица по епархіальному управленію: настоятели церквей и монастырей, благочинные, духовники, экзаменаторы, цензоры, духовныя правленія, консисторіи, викаріи.

2) Органы высшаго управленія въ помѣстной церкви: а) одиночные — митрополиты, архіепископы, экзархи, патріархи; б) коллегіальные — соборы повременные и постоянные. Организациія высшаго управленія въ русской церкви.

Б) Устройство другихъ церквей, признанныхъ въ русской Имперіи.

Часть II. Церковное управленіе*).

Содержаніе церковной власти:

1) Власть учащая (potestas magisterii). Ея проявленія:

---

*) Въ этой и слѣдующихъ частяхъ системы, церковное право другихъ христіанскихъ исповѣданій съ большимъ удобствомъ можетъ быть излагаемо не въ отдѣльныхъ главахъ, а подъ одними рубриками съ православными

религіозное просвѣщеніе вѣрующихъ (*внутренняя миссія*) посредствомъ живой проповѣди въ церквахъ, изданія священныхъ и поучительныхъ книгъ, преподаванія Закона Божія въ народныхъ училищахъ, устройства спеціальныхъ учебныхъ заведеній для богословскаго образованія; б) охраненіе истинъ вѣры — духовною цензурою, торжественнымъ отверженіемъ еретическихъ ученій (обрядъ православія), мѣрами непосредственнаго увѣщанія заблуждающихся; в) распространеніе церковнаго ученія между иновѣрцами (*внѣшняя миссія*; ея организація въ Россіи).

II) Власть освящающая (*potestas ministerii s. ordinis*):

а) по отношенію ко всему церковному обществу.

Право церкви устанавливать формы и времена публичнаго богочитанія (*jus liturgicum*); социальное значеніе церковныхъ праздниковъ и постовъ, какъ условіе признанія ихъ со стороны государства.

б) по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. — Правила о совершеніи таинствъ и обрядовъ:

- 1) Крещенія: условія дѣйствительности крещенія; лица совершающія крещеніе и крещаемыя; воспріимчивы; запись крещенія въ метрическія книги; гражданское значеніе этой записи; правила о веденіи и храненіи метрическихъ книгъ; статистическія вѣдомости изъ церковныхъ метрикъ.
- 2) Покаянія и причащенія: обязанность ежегодной исповѣди и причащенія; охраненіе духовникомъ тайны исповѣди (*sigillum confessionis*); наложеніе епитимій; исповѣдныя росписи.

сравнительно съ этими послѣдними, какъ главнымъ предметомъ для русскаго канониста.

3) Брака: понятіе о бракѣ; компетенція законодательства суда относительно брака; сравненіе церковной формы аа съ гражданской.

Условія дѣйствительности брака:

- а) взаимное согласіе брачущихся;
- б) возрастъ;
- в) физическая способность;
- г) здоровое состояніе умственныхъ способностей;
- д) свобода отъ брачныхъ узъ;
- е) отсутствіе близкаго родства и свойства;
- ж) принадлежность обоихъ брачущихся къ христіанскому вѣроисповѣданію;
- з) неимѣніе священно-служительскаго сана или монашескаго постриженія;
- и) свобода отъ судебного запрещенія вступить въ бракъ;
- і) число послѣдовательныхъ браковъ.

границенія свободы вступать въ бракъ, не составляющія условій его дѣйствительности:

- а) общее: согласіе родителей;
- б) для несовершеннолѣтнихъ, состоящихъ подъ опекою,—согласіе опекуновъ и попечителей;
- в) для служащихъ—дозволеніе начальствъ;
- г) нѣкоторые особенные случаи.

звершеніе брака:

- а) Предварительныя формальности:
  - аа) оглашеніе;
  - бб) обыскъ: документы, необходимые при обыскѣ; форма обыскныхъ книгъ; лица, принимающія участіе въ составленіи обыска; значеніе записи въ обыскной книгѣ.

б) Браковѣчаніе: лица, благословляющія бракъ; мѣсто, время и порядокъ совершенія брака; запись въ метрическія книги.

Послѣдствія брака по отношенію къ супругамъ и къ дѣтямъ.

Преображеніе брака; разводъ и его послѣдствія.

Особенныя правила о смѣшанныхъ бракахъ*)

4) Присяги: понятіе объ ней; виды ея; условія приваженія къ присягѣ; слѣдствія нарушенія; случаи разрѣшенія отъ данной присяги.

5) Погребенія: значеніе церковнаго погребенія; время, порядокъ его совершенія; лица, лишаемыя церковнаго погребенія; случаи, когда запрещается погребеніе безъ предварительнаго судебно-медицинскаго осмотра; устройство и содержаніе кладбищъ.

III. Власть правительственная (potestas jurisdictionis):

А) Законодательная: виды, формы, положительныя основанія и руководственныя начала церковнаго законодательства.

Б) Распорядительная: порядокъ назначенія на церковно-іерархическія и служебныя должности; перемѣщенія

*) Ученіе о таинствахъ и другихъ церковныхъ обрядахъ входитъ въ науку церковнаго законовѣдѣнія лишь на столько, на сколько она служитъ *основаніями, предположеніями права*, или на сколько принатіе ихъ необходимо для *внѣшняго* заявленія принадлежности отдѣльныхъ лицъ къ церковному обществу. Этими, съ одной стороны, опредѣляется мѣсто, какое должно быть отведено учению о томъ или другомъ таинствѣ въ научной системѣ церковнаго права (такъ, напр., каноническое ученіе о таинствѣ священства или рукоположенія отнесено нами въ первую часть системы—въ ученіе о церковномъ устройствѣ) на томъ основаніи, что таинство это составляетъ необходимый и единственный способъ принатія въ клиръ и, слѣдовательно, основаніе іерархическихъ функций въ церкви). Съ другой стороны, при отсутствіи всякихъ *юридическихъ* элементовъ въ таинствѣ или другомъ чисто-религіозномъ актѣ, было бы излишне и неумѣстно говорить объ немъ въ наукѣ церковнаго права. Такого рода (опущенное нами) таинство *слова священія*.

по нимъ; увольненіе отъ нихъ; открытіе новыхъ церковно-должностныхъ мѣстъ и упраздненіе прежнихъ.

В) Наблюдательная — а) во всей помѣстной церкви;
б) по епархіямъ.

Г) Судебная: предѣлы церковной компетенціи; виды церковнаго суда:

1) Судъ по проступкамъ и преступленіямъ (*jurisdictio criminalis*):

Предметы этого суда:

а) чисто-религіозныя преступленія членовъ церкви вообще;

б) проступки и преступленія духовныхъ лицъ по должности.

Церковныя наказанія; сущность; ихъ виды:

а) наказанія для лицъ духовныхъ;

б) для мірянъ. — Гражданскія послѣдствія церковныхъ наказаній.

2) Судъ по спорамъ о частныхъ правахъ въ церкви (*jurisdictio contentiosa*):

а) по спорамъ духовныхъ лицъ о пользованіи церковными имуществами и доходами отъ службы;

б) по вопросамъ о дѣйствительности браковъ;

в) по искамъ о разводѣ.

3) Церковное судоустройство и судопроизводство.

IV) Имущественное право церкви. Правоспособность церкви на имущества. Способы приобрѣтенія имуществъ церковію. Субъектъ права собственности на церковныя имущества. Юридическія особенности церковныхъ имуществъ, съ точки зрѣнія частнаго права (ограниченія свободы распоряженія и отчужденія); привилегіи церковныхъ имуществъ; виды:

а) Вещи священные (res sacrae) и освященные
значение этого раздѣленія въ области гражданскаго
и уголовного права;

б) Обыкновенныя церковныя имущества (res eccle-
siasticae sensu stricto): недвижимости и капиталы.

Употребленіе церковныхъ имуществъ и капиталовъ:

а) на содержаніе церквей и служащаго при нихъ
духовенства;

б) на общецерковныя потребности.

Управленіе церковными имуществами и порядокъ ихъ
охраненія.

Часть III. Церковь въ ея вѣншихъ отношеніяхъ—

А) Въ государству: историческій очеркъ отношеній между
церковью и государствомъ; критика господствующей
теорій объ этихъ отношеніяхъ; положительныя опредѣ-
ленія русскаго государственнаго права.

Б) Въ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ:

а) съ канонической точки зрѣнія: церковныя пред-
писанія о несообщеніи православныхъ съ еретиками
раскольниками въ религіозной святынь (commu-
nicatio in sacris), о принятіи обращающихся въ цер-
ковь изъ другихъ вѣроисповѣданій, о значеніи ре-
лигіозныхъ актовъ, совершенныхъ надъ обра-
щающимися въ прежнемъ вѣроисповѣданіи (креще-
ніе, рукоположенія, брака);

б) съ точки зрѣнія государственнаго права: пред-
ельныя и степени политической вѣротерпимости (toler-
antia); русскіе государственные законы о расколь-
ническихъ сектахъ, отдѣлившихся отъ православной
церкви.

Часть ученая.

ПАМЯТНИКЪ ГАРПІИ ИЗЪ КСАНФА ВЪ ЛИКІИ.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Знаменитые надгробные рельефы, известные в истории греческого искусства под именемъ «Памятника Гарпій», выделяются среди многочисленныхъ произведеній античной пластики какъ глубоко-интереснымъ содержаніемъ, такъ и крайне странною въ наукѣ судьбою. Памятникъ этотъ, открытый въ эпоху наибольшаго оживленія классической археологіи (найденъ впервые англійскимъ путешественникомъ С. Ч. Феллоусомъ въ 1838 г., въ ликійскомъ городѣ Ксанфѣ, въ видѣ высокаго четырехугольнаго столба, или обелиска, украшеннаго по сторонамъ мраморными рельефами; въ 1841 году скульптуры помѣщены въ Британскій Музей), былъ встрѣченъ общимъ вниманіемъ ученыхъ, единогласно признавшихъ, что со времени открытія Этнскихъ статуй не было найдено болѣе замѣчательнаго произведенія. Это былъ, прежде всего, памятникъ надгробнаго назначенія и характера, и содержаніе его поэтому уже безусловно должно было имѣть значеніе для науки, которая отъ прежняго увлеченія одною внѣшностью, перешла теперь къ изученію внутренняго смысла произведеній. Памятникъ далѣе запечатлѣвъ былъ оригинальнымъ характеромъ архаическаго стиля и на почвѣ чуждой являлся произведеніемъ чистаго греческаго искусства. Обильныя данныя по художественной мнeологіи и символикѣ, казалось, должны были не только входить въ установившіяся уже формы характеристики, но и по своей древности, послужить краеугольнымъ камнемъ для герменевтики надгробныхъ памятниковъ. Съ одной стороны ясно представлялась при пер-

вомъ взглядѣ вся оригинальность характера памятника, не находившая себѣ ничего подобнаго между извѣстными античными скульптурами, съ другой, содержаніе его, повидимому, такъ легко уяснилось при помощи различныхъ частныхъ греческой мифологій, дотолѣ еще неизвѣстныхъ въ пластическомъ воспроизведеніи. Главное вниманіе по этому исключительно обратилось на содержаніе произведенія, что будетъ еще понятнѣе, если припомнимъ, что памятникъ сталъ извѣстенъ въ началѣ въ такихъ рисункахъ, которые не дозволяли никакихъ заключеній о стилѣ. Но этотъ интересъ къ содержанію не только не умалился со временемъ, а, напротивъ того, усиливался, по мѣрѣ неудовлетворительности предыдущихъ толкованій; какъ сильно было общее увлеченіе и интересъ, вызванные этимъ памятникомъ, такъ незначительны и неуспѣшны были результаты научнаго его изученія. Въ самоѣ дѣлѣ, всѣ изслѣдованія о памятникѣ Гарпій съ самаго начала и доселѣ ограничиваются лишь краткими журнальными статьями или даже мелкими замѣтками, ¹⁾ которыя вовсе не соответствовали самому значенію памятника, какъ признавали и сами изслѣдователи; но одни изъ нихъ не находили нужнымъ особенно останавливаться надъ толкованіемъ того, что имъ казалось извѣстнымъ, обыкновеннымъ; другіе-же не считали возможнымъ въ свое время изслѣдовать памятникъ въ цѣломъ, и касались лишь частныхъ.

Однако, въ этихъ краткихъ замѣткахъ и статьяхъ сосредоточивались главнѣйшія силы науки въ данную эпоху: статьи эти принадлежатъ первостепеннымъ нѣмецкимъ археологамъ: Панофкѣ, Гергарду, Брауну, Курціусу, Овербеку, Брунну, Велькеру и др., трудами которыхъ уряжена наука классической археологій; онѣ носятъ сами по себѣ характеръ тѣхъ строгихъ работъ, которыя мы привыкли вообще встрѣчать въ этой области; обширная и многосторонняя эрудиція соединяется въ этихъ статьяхъ съ остроуміемъ изслѣдователей, привыкшихъ вращаться въ сферѣ художественныхъ произведеній древняго греческаго искусства. И между тѣмъ какъ труды этихъ ученыхъ увѣнчались положительными результатами въ другихъ областяхъ классическаго искусства, лишь шаткія и колеблющіяся данныя достигнуты въ истолкованіи внутренняго значенія нашего памятника.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи литературы памятника Гарпій, мы увидимъ, какъ сами собою устранялись одно за другимъ толкованія изслѣдователей, какъ слабы и спорны оказывались даже общія мнѣнія и взгляды, которымъ многіе рѣшались слѣдовать только потому, что нужно было выбрать что-либо положительное. Общая характеристика, условно принятая, мало помогла и изслѣдователю, и тѣмъ, кто принималъ его мнѣнія, въ толкованіи частныхъ; условливались въ общемъ и полемизировали въ такихъ частныхъ, которыя служили основаніемъ общаго. Чѣмъ далѣе шло изслѣдованіе, тѣмъ менѣе и менѣе цѣльности, общности могъ вложить изслѣдователь въ свое толкованіе, то останавливаясь, какъ на исходной точкѣ, на одной изъ деталей памятника, какъ наиболѣе характеристичной, то раскрывая, на основаніи аналогическихъ данныхъ, лишь общій его смыслъ и отказываясь отъ объясненія частныхъ. Если прежде содержаніе памятника представлялось какъ-бы сборникомъ всевозможныхъ данныхъ миеологическихъ и художественныхъ, то подъ конецъ своего литературнаго поприща памятникъ казался уже какою-то странной загадкой, брошенной рукой неизвѣстнаго творца въ темномъ уголку древняго міра, чтобы испытывать напрасно ученое любопытство критиковъ. Иные изъ археологовъ за лучшее считали и совѣмъ отказать отъ объясненій, чѣмъ, напрасно расточая свое остроуміе, пытаются проникнуть въ этотъ неизвѣстный міръ, явленія котораго наука могла лишь проникать, но не знать. Первая попытка опредѣлить внутреннее значеніе памятника принадлежитъ самому Феллоусу (собственно говоря, общій взглядъ былъ сообщенъ ему другимъ англійскимъ археологомъ Гибсономъ). Его взглядъ, не затемненный лишними для путешественника археологическими мелочами, искалъ возрѣнія цѣльнаго, въ которомъ открывался бы общій смыслъ факта. Какъ циклопическія стѣны Ксанескаго акрополя, памятникъ Гарпій представлялъ путешественнику, первому свидѣтелю изъ новыхъ временъ историческихъ судебъ древней Ликіи, данныя ея исторіи миеической. Припоминая поэтическій рассказъ Пенелопы о похищеніи Гарпіями любимыхъ богами сиротъ-дочерей Ликійскаго героя Цандара изъ

Одиссеи XX, 66 слдд., Феллоусъ видѣлъ непосредственное воспроизведеніе этого миеологическаго факта въ четырехъ женскихъ птицеобразныхъ фигурахъ — Гарпіяхъ, изображенныхъ на памятникѣ уносящими дѣтей; по этимъ формамъ и памятникъ получилъ свое единственное названіе (Hagru Tomb). Это объясненіе сюжета по первому впечатлѣнію, носящее на себѣ характеръ первой, наскоро сдѣланной замѣтки путешественника, имѣло однакоже по своей цѣльности такъ много за себя, что, несмотря на видимую несостоятельность, нашло продолжателей и между учеными, особенно англійскими, изъ которыхъ Бёрчъ пытался даже подкрѣпить его разборомъ частныхъ. Но неизвѣстный памятникъ былъ обнаруженъ въ рисункахъ, хотя и неудовлетворительныхъ, и для него началась новая, ученая жизнь.

Первая постановка пала сама собою, не выдерживая прикосновенія критики; ее должно было замѣнить толкованіе научное, которое было бы основано на точныхъ данныхъ миеологическаго анализа и стояло бы на высотѣ современнаго развитія науки классической археологіи. Такое толкованіе и не замедлило явиться въ Германіи, гдѣ выше стояла эта наука, и исполнителемъ этой задачи былъ извѣстный ученый археологъ Панофка. Обладая обширной эрудиціей, основанной на многочисленныхъ работахъ по художественной миеологіи, онъ совѣщаль въ своихъ изслѣдованіяхъ многостороннее знаніе греческой миеологіи и древностей и способность до самыхъ мелкихъ указаній открывать новые неизвѣстныя типы, наполняя обширную область греческаго художественнаго міровоззрѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его изслѣдованія отличились крайней слабостью гадательныхъ выводовъ, приверженностью къ излишнимъ гипотезамъ, произвольнымъ натяжкамъ и, что всего важнѣе, наука классической археологіи, только что освободившаяся тогда отъ гнетущаго вліянія теорій, построенныхъ на антикварскомъ изученіи Римскихъ древностей, и греческое искусство еще не выдвинулось окончательно, какъ и подобало ему, на первое мѣсто. Этотъ послѣдній недостатокъ сильнѣе всего долженъ былъ отражаться на почвѣ изслѣдованій художественно-историческихъ; отдѣлъ художественной миеологіи еще не былъ обработанъ

научно, еще не выяснился законъ, по которому культъ божества за все вѣковое протяженіе своего развитія могъ сочетать въ себѣ множество разнообразнѣйшихъ чертъ, могъ варіироваться во всевозможныхъ комбинаціяхъ, но всѣ различныя формы божества, итъ проходима въ историческомъ развитіи, должны были представлять отдѣльныя цѣлыя типы. Художественное представление божества, переданное намъ извѣстной эпохой, должно было всегда поэтому отличаться той цѣльностью и единствомъ идеологическаго воззрѣнія, которыя требовали отъ изслѣдователя строгаго ограниченія, опредѣленія характерическихъ чертъ на исторической основѣ. Представимъ примѣръ изъ того же памятника Гарпій. На Восточной его сторонѣ изображенъ мальчикъ, подносящій пѣтуха божеству Зевсова типа. Въмѣстѣ съ тѣмъ извѣстны позднѣйшія греческія вазы, на которыхъ Зевсъ изображаетъ преслѣдующимъ юному Ганимеда, держащаго въ полѣ платья пѣтуха (объ этихъ изображеніяхъ мы будемъ также говорить дальше); большая часть изслѣдователей видитъ здѣсь изображеніе любовныхъ отношеній Зевса къ Ганимеду, а въ пѣтухѣ — символическій подарокъ зрѣна своему возрасту, — если это толкованіе и есть только гипотеза, то гипотеза вѣроятная. Въ самомъ дѣлѣ, въ эпоху преобладающаго господства афродизическаго культа различныя животныя и птицы получили въ глазахъ древнихъ характеръ символа эротическихъ отношеній; явился обычай дарить своего зрѣна пѣтухомъ, и затѣмъ обычай повелѣ къ указанной выше композиціи въ изображеніи божества. Но ничто не указываетъ намъ существованія подобнаго обычая въ эпоху созданія памятника Гарпій (считается относящимся къ VI вѣку), ничто не даетъ намъ поэтому права въ изображеніи верховнаго божества искать чертъ несомнѣнно позднихъ и отождествлять сходныя лишь по внѣшности изображенія этого памятника и упомянутыхъ вазъ, какъ дѣлаетъ Панофка. Отправляясь отъ точки зрѣнія на памятникѣ, какъ надгробную стѣлу, Панофка, однакожъ удерживаетъ прежній взглядъ, который видитъ во всѣхъ фигурахъ ея скульптурнаго фриза изображенія божества. Мы не будемъ передавать тѣ различныя имена, которыми

надѣляетъ онъ гадательно каждую фигуру, а коснемся лишь главныхъ пунктовъ его толкованія. На трехъ сторонахъ скульптурнаго памятника видны три фигуры божествъ, всѣ приблизительно старческаго, даже дряхлаго возраста; онѣ сидятъ на тронахъ, принимая входящихъ къ нимъ поклонниковъ. Миеологическія данныя, собранныя Панофкой, указывали ему на существованіе триады единаго верховнаго бога въ трехъ различныхъ образахъ или типахъ. Между тѣмъ по самому характеру представленія фигуры болѣе всего напоминали для Панофки типъ Зевса, а миеологія греческая троила по преимуществу это божество; его божественная сущность содержала въ себѣ множество разнообразныхъ потенцій, по которымъ богъ представляетъ въ одномъ своемъ лицѣ властителя трехъ царствъ — небеснаго, морскаго и подземнаго. Съ этой стороны, собственно, и образовалась троичность Зевса, представлявшая возвращеніе къ прежнему единому Зевсу отъ совершившагося обособленія, шедшее уже путемъ рационалистическаго мышленія и философскихъ опредѣленій.

(2) Слѣдовательно, триада составлялась изъ божествъ, носившихъ общій характеръ Зевса и не отличавшихся специфическимъ характеромъ мѣстныхъ культовъ. Между тѣмъ триада, изображенная на памятникѣ Гарпій, оказывалась обставленною весьма разнообразными атрибутами, которые никакъ не укладывались подъ извѣстное миеологическое опредѣленіе. Приходилось или жертвовать имъ, или закрывать глаза передъ тѣмъ, что настойчиво просилось на объясненіе. Полагая возможнымъ соединить то и другое, Панофка направился въ своемъ толкованіи отъ общаго къ частному, но напрасно пытался онъ накинуть общую схему на неподатливый сюжетъ: ошибочный путь внесъ лишь произвольную путаницу опредѣленій, отразившуюся и на дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Предположивши по одному указанію Павзанія, что триада должна состоять изъ Зевса высочайшаго, Зевса подземнаго или хтоническаго и третьяго — собственно Зевса, котораго Панофка считалъ почему-то Плутономъ, авторъ описанія рельефовъ искалъ подходящихъ изображеній въ этихъ трехъ фигурахъ. И вотъ въ то время, когда Панофка видѣлъ Зевса высочайшаго въ

Фигуръ Восточной стороны, Гергардъ искалъ его на Южной сторонѣ, а Курціусъ вновь приходилъ къ взгляду Панофки и т. п. Другіе, какъ Браунъ, останавливались на триадѣ братьевъ властителей міра Зевса, Посидона и Аида, и должны были придумывать небывалыя въ Ликіи разновидности этихъ божествъ, чтобы помирить предположеніе съ очевидными фактами. Нѣкоторый видъ согласія мнѣній оказывался только по отношенію къ фигурѣ Сѣверной стороны. Этотъ проблематическій, гадательный характеръ изслѣдованія, лишеннаго тѣхъ основаній которыя даетъ только подробный анализъ, былъ причиною крайнихъ натяжекъ, къ которымъ долженъ былъ поневолѣ притти изслѣдователь, утратившій подъ ногами своими историческую почву. Такова была напримѣръ попытка Панофки разсмотрѣть содержаніе памятника съ точки зрѣнія аллегорической: руководствуясь изображенными на всѣхъ четырехъ сторонахъ животными и птицами, этотъ изслѣдователь пришелъ къ мысли, что единство, общій смыслъ изображенія заключается въ аллегорическомъ представленіи суточного движенія: цѣтухъ на Восточной сторонѣ олицетворяетъ утро, голубь на Южной — жаръ полудня, корова на Западной, какъ символъ луны — вечеръ, а свинья (явившаяся на памятникѣ по ошибкѣ рисовальщика) на Сѣверной — ночь. Но это аллегорическое покрывало, наброшенное на живыя представленія глубокихъ народныхъ вѣрованій, такъ противно было духу древняго памятника, отзывалось такою искусственностью, что было брошено безъ вниманія послѣдующими толкователями и оставлено безъ критики. При такомъ характерѣ миеологическаго анализа, само собою разумѣется, оказывались бесплодны и неприложимы и свѣдѣнія по ликійской миеологіи и исторіи; онѣ играютъ въ изслѣдованіи Панофки роль ненужнаго балласта и не имѣютъ силы вліять на ходъ объясненій.

Но вѣстѣ съ тѣмъ мы вовсе не думаемъ, чтобы недостатки разобраннаго нами изслѣдованія зависѣли исключительно отъ дурныхъ приѣмовъ самого автора, хотя эти приѣмы рѣзко видны и въ настоящемъ случаѣ: ³⁾ причина этихъ недостатковъ была болѣе глубокая и лежала въ самомъ характерѣ науки художе-

ственной миеологіи. Доказательствомъ служить то, что слѣдующій по времени за Панофкою толкователь памятника, первостепенный ученый археологъ Гергардъ оставилъ безъ возраженія толкованіе своего предшественника и счелъ нужнымъ лишь исправить нѣкоторыя мелочныя ошибки, зависѣвшія отъ неправильности рисунка, по которому судилъ его предшественникъ. Между тѣмъ Гергардъ въ своей замѣткѣ держался уже объясненія, предложеннаго Эмилемъ Брауномъ. Мнѣніе этого ученаго, о памятникѣ, какъ видно изъ указаній перечня въ прил. I, наложено почти одновременно въ двухъ редакціяхъ: итальянской и нѣмецкой, при чемъ послѣдняя представляетъ также анализъ и оцѣнку другихъ ливійскихъ скульптуръ, привезенныхъ въ Лондонъ Феллоусомъ, а итальянская касается лишь памятника Гарпій.

Взглядъ Брауна на памятникъ представляетъ уже новый методъ изслѣдованія, основанный, главнымъ образомъ, на художественномъ анализѣ представленій. Внутренняя сторона художественнаго произведенія, какъ оно понимается археологической наукой, складается изъ двухъ составныхъ элементовъ: содержанія и представленія. Въ критикѣ произведеній оба эти элемента часто незамѣтно сливаются какъ бы въ одно: археологъ, трактующъ о вновь найденной статуѣ Венеры, не считаетъ иногда нужнымъ объяснять предварительно, по какимъ признакамъ представленія онъ видитъ въ статуѣ эту богиню,—за это ручаются извѣстныя общія черты изображенія; но затѣмъ, давая ей такое имя, онъ старается въ манерѣ изображенія открыть и объяснить такія детали, которыя позволили бы ему въ данномъ произведеніи видѣть какой либо частный или мѣстный типъ богини. Трактатъ, такимъ образомъ, соотвѣтственно самому произведенію, въ которомъ тотъ и другой элементъ слиты неразрывно, и самъ незамѣтно совмѣщаетъ ихъ въ одномъ анализѣ. Но такъ бываетъ только тогда, когда типъ изображенія предполагается заранѣе извѣстнымъ, когда всѣ, такъ сказать, заранѣе условились, что извѣстныя черты миеологическаго представленія принадлежать тому или другому божеству: всѣмъ извѣстная форма должна заключать въ себѣ опредѣленное содержаніе. И

между тѣмъ вслѣдствіи спеціалитетъ знаетъ, сколько произвола скрываетъ въ себѣ номенклатура художественныхъ памятниковъ даже такой эпохи, какова напр. эпоха греческаго искусства въ римскій періодъ, когда развитіе типовъ, давно уже окончившееся, выработало неизмѣняемыя, такъ сказать, казенные образцы миеологическихъ лицъ и сюжетовъ. И тутъ нерѣдко отсутствіе атрибута бываетъ причиною опредѣленій ошибочныхъ, или, не крайней мѣрѣ, шаткихъ и смутныхъ. Ясно поэтому, что подобная шаткость должна быть уже обычнымъ явленіемъ на такой почвѣ, гдѣ слишкомъ мало извѣстныхъ, опредѣленныхъ типовъ изображенія, гдѣ самая незначительность числа памятниковъ не позволяетъ помощью сравненія умозаключать твердо и необходимо. А такова именно почва искусства архаическаго.

Исслѣдованіе Брауна, основанное на непосредственномъ разсмотрѣніи ливійскихъ памятниковъ въ Британскомъ Музеѣ, и появившееся затѣмъ (въ итальянской редакціи) съ приложеніемъ болѣе или менѣе вѣрнаго рисунка, прежде всего обратило вниманіе на принадлежность памятника древней, архаической эпохѣ греческаго искусства. А по этому и главнѣйшій интересъ изслѣдованія представлялся въ подробномъ анализѣ изображеній, въ описаніи художественно-историческомъ. На этомъ началѣ сложилось и все изслѣдованіе Брауна, стремившагося прежде всего выставить и объяснить превосходную композицію сюжета, данному въ оригинальныхъ формахъ истиннаго, неподдѣльнаго архаическаго искусства. Эта композиція затѣмъ сама собою указывала на надгробный характеръ сюжета: всѣ изображенія должны были сводиться къ одной общей мысли, развитой въ различныхъ деталяхъ культа. Западная сторона памятника, обращенная къ той странѣ свѣта, которая, по общепринятому народному вѣрованію, была мѣстомъ вѣчнаго жилища умершихъ, становилась главнѣйшею стороною памятника и въ смыслѣ развитія сюжета; дверь, на ней сдѣланная и служившая входомъ въ гробницу, была изображеніе двери Анда и должна была служить исходнымъ пунктомъ объясненія. Изображенныя на этой сторонѣ богини были божества смерти и жизни; атрибуты въ рукахъ ихъ — символы жизни и бессмертія. Рядомъ съ фигурами божествъ въ актѣ поклоненія.

изображены были и сами умершие, и воинъ, подающій богу свой шлемъ, не есть уже аллегорическое изображеніе война или ликійскаго мнѣческаго героя, держащаго шлемъ Анда, какъ думалъ Панюфка, а непосредственное изображеніе одного изъ умершихъ. Всѣ представленія сводятся, такимъ образомъ, къ культу мертвыхъ; ихъ коренной смыслъ заключается въ противоположеніи міра здѣшняго и загробнаго и вмѣстѣ ясною выраженіемъ тѣхъ надеждъ, которыя, утѣшая смертнаго человѣка, представляютъ простому уму глубокую, но наглядную символическую жизнь природы.

Такъ должны мы понимать ходъ разработки предмета, развившейся въ изслѣдованіи Брауна, хотя самъ изслѣдователь, оставляя поле критики, и не считалъ нужнымъ объяснить избраннаго имъ пути: онъ былъ указанъ ему его прежними работами по надгробнымъ памятникамъ Рима. Но если эти работы способствовали ему отыскать вѣрную точку зрѣнія на общій смыслъ вѣщности памятника, то они же привели его къ различнымъ затрудненіямъ и ошибкамъ во взглядѣ на внутреннее значеніе представленій. Видя нѣкоторую аналогію между изображеніемъ на римскихъ саркофагахъ двери ада, по обѣ стороны которой развивается мнѣологическій сюжетъ, и настоящею дверью на западной сторонѣ памятника Гарцій, Браунъ задался напередъ мыслью отыскать художественное движеніе композиціи въ сюжетахъ этого памятника, начиная съ двери, какъ исходнаго пункта. Другіе римскіе же саркофаги съ фигурами геніевъ смерти и сна по сторонамъ умершаго, изображеннаго по поясъ въ медальонѣ, побудили изслѣдователя искать въ сюжетѣ памятника Гарцій выраженія контраста, полярности между изображенными двумя божествами, какъ общей мысли сюжета. Первое привело его къ ошибочному пониманію композиціи, второе — къ натяжкамъ въ толкованіи. Художественный анализъ представленій, положенный исключительно въ основу изслѣдованія, отстранялъ вполнѣ всякія историческія данныя: мѣсто находженія памятника становилось фактомъ ровно ничего не значущимъ; фигура съ собакою, изображенная рядомъ съ мальчикомъ, получила странное названіе педагога. Триада божествъ опредѣлялась вѣшнимъ об-

азомъ по примѣтамъ; двѣ фигуры по символамъ принимались за Нептуна и Плутона (вторая лишь гадательно), третью изслѣдователь уже принужденъ принять за Зевса и подыскать ей питець. Самыя оригинальныя стороны памятника по этому терянн болѣе значенія въ общемъ содержаніи. Въ виду этихъ и другихъ неудачъ, тѣмъ замѣчательнѣе одно общее мѣсто изъ нѣсколькой редакціи толкованія: говоря о томъ, что въ основѣ изображеній памятника лежатъ ликійскіе обычаи и обряды мѣстныхъ культовъ, Браунъ предрѣшаетъ дальнѣйшія объясненія слѣдующими словами: «но кто можетъ разумно итти дальше и къ этимъ формамъ новаго міра памятниковъ прилагать неологическія опредѣленія? Не путаемся ли мы даже въ толкованіи надгробныхъ стѣлъ Греціи, вращаясь однако въ кругу идей, знакомыхъ намъ уже изъ литературы?» Значеніе этихъ словъ, вызванныхъ сравненіемъ съ другими памятниками Ликій, въ итальянской редакціи толкованія ограничено же отношеніемъ лишь къ одной небольшой части композиции: почва, добытая художественнымъ анализомъ, здѣсь казалась уже настолько тверда, чтобы выдержать всѣ догадки, ильня умозаключенія и произвольную номенклатуру. Тѣмъ же менѣе, толкованіе Брауна, въ силу самой естественности этого, имѣло въ литературѣ гораздо болѣе значенія и спѣха.

Тотъ же методъ непосредственнаго художественнаго анализа представленій положенъ въ основу статьи Курціуса, появившейся спустя десять лѣтъ послѣ изслѣдованія Брауна. За это десятилѣтіе, т. е. промежуткомъ отъ 1845 по 1855 годъ, въ наукѣ исторіи древняго искусства совершилась видная перемѣна. Колоссальныя результаты раскопокъ Ниневіи, открытіе развалинъ древней Халдеи и дворцовъ Персеполиса, успѣшныя изслѣдованія на почвѣ древнихъ поселеній Малой Азіи и Сиріи, Іберіанки и Карфагена и начало непосредственнаго знакомства археологій съ Кипромъ, Родосомъ и другими островами Средиземнаго моря, — все это, расширяя горизонтъ науки, способствовало рожденію новыхъ въ ней интересовъ и новыхъ взглядовъ. Изслѣдованія на почвѣ собственной Греціи открываютъ памят-

ники восточнаго характера и искусства, — рядъ любопытнѣйшихъ данныхъ для археолога. Музеи наполняются невиданными, во многомъ непонятными предметами древности, которые, видимо, назначены въ будущемъ разъяснить, дополнить, освѣтить въ цѣломъ то, что доселѣ оказывалось жалкимиъ фрагментами. Мысль новыхъ, хотя и проблематическихъ данныхъ, наполнивши теперь область художественной миеологии, требовала распределенія, научной группировки. И если подобныя попытки съ трудомъ могли появиться въ германской наукѣ, въ которой еще законодательна была сила научной традиціи, установленной филологической школой: то онѣ приобретали рѣшающее значеніе въ научной дѣятельности тѣхъ странъ, гдѣ эту традицію загибли богатныя коллекціи новыхъ древностей, во Франціи и Англіи, страннымъ образомъ уживаясь тамъ наряду съ чисто схоластическими понятіями и приѣмами. Эти попытки исследованія или размысканія первоисточниковъ, первичныхъ формаций въ сферѣ науки художественныхъ древностей, безъ сомнѣнія, должны были часто идти путемъ гипотезъ; съ одной стороны, онѣ переполнялись лишнимъ, съ другой были лишены многихъ важныхъ данныхъ. Но исследователи были проникнуты одною цѣлью, разрабатывали одну задачу хотя и темную, но высокую и плодотворную, — до ея исполненія они намѣрены были, но крайній мѣрѣ, воспользоваться тѣмъ, что само бросалось въ глаза. Тѣловы были труды знаменитыхъ археологовъ своего времени Раръ Рошета и Лажара, въ особенности послѣдняго. (4) Въ эту эпоху положенъ первый краеугольный камень будущей наукѣ сравнительнаго изученія древностей античныхъ и восточныхъ. Нужно имѣть, что это сравнительное изученіе памятниковъ не имѣло еще никакой научной основы, что нерѣдко приходилось сравнивать неизвѣстное съ такимъ же неизвѣстнымъ или, по крайней мѣрѣ, неопредѣленнымъ, — опыты сравненія интересовали всѣхъ даже тѣхъ строгихъ знатоковъ античной древности, которые, напрасно борясь съ широкимъ потокомъ, стремились удерживать прежній испытанный методъ, ограничивать предметъ его собственной сферой. (5).

Разрозненныя миеологическія системы приобрѣли твердыя

гукъ приириренія д слілінія. Греческая мнѳологія не нуждается уже въ указаніи своихъ источниковъ въ Египтѣ, Финикіи, Персіи и Індіи; общее происхожденіе мнѳологіи въ одухотвореніи или божественіи природы у арійскихъ народовъ есть фактъ доказанный, и религіи Персіи и Індіи — ручьи, текущіе изъ того же источника. Мнѳологія есть общее отложеніе исторіи религіи, ея вѣковаго развитія; но какъ мнѳы группируются около извѣстныхъ мѣстностей, такъ и религія страны образовывалась и развивалась одновременно въ различныхъ мѣстахъ, развѣтвляясь въ локальныхъ культахъ. Въ этихъ мѣстныхъ культахъ, религія въ одно и тоже время обособлялась самостоятельными элементами и проникалась родственными чертами другихъ культовъ и религіи чуждыхъ. Фригія и Лидія, Ливія и острова Средиземнаго моря представляютъ своими культами рядъ историческихъ фазисовъ, (6) которыми проходила греческая религія въ своемъ длинномъ пути къ единству и гармоніи.

Этотъ особенный интересъ къ историческимъ путямъ греческой религіи, къ тѣмъ мелкимъ, но разнообразнымъ памятникамъ духовной жизни греческаго народа въ различныхъ мѣстностяхъ его раскинушагося міра, къ эпохѣ самостоятельнаго развитія этихъ мѣстностей, не могъ не выразиться въ особенномъ вниманіи къ тѣмъ произведеніямъ античнаго искусства, которыя, не блестя изяществомъ совершенной формы, отличались глубокимъ религиознымъ содержаніемъ, — не могъ, слѣдовательно, обойти и памятникъ Гарпій.

Еще болѣе замѣчательно то обстоятельство, что сказать о немъ новое слово, вновь поднять о немъ вопросъ досталось не долю извѣстнаго историка Курціуса. «Чѣмъ яснѣе для насъ, говоритъ онъ въ началѣ своей статьи, тотъ фактъ, что исторія Греціи имѣетъ свои начала въ Малой Азій, тѣмъ болѣе растеетъ въ насъ желаніе изучить малоазійскіе народы въ ихъ памятникахъ». Этими словами Курціусъ съ одной стороны намекаетъ на проводимую имъ въ исторіи Греціи іоническую гипотезу, съ другой — рѣзко становится на сторону защитниковъ самостоятельнаго развитія областей древней Греціи. Каковы бы ни были затѣмъ воззрѣнія автора историческія,

за памятниками Малой Азии признается высокая степень оригинальности или самобытности: по нимъ должны мы изучать и самыя народности этой страны.

Это положеніе, слѣдовательно, понуждало автора обратить вниманіе на пренебреженную историческую основу памятника, воспользоваться свидѣтельствами по исторіи и мѣологии Ликии, какъ бы они ни были скудны. Что касается приемовъ изслѣдованія, то путь, проложенный въ толкованіи памятника Брауномъ, былъ единственно возможнымъ, и чтобы добиться какихъ нибудь результатовъ, Курціусъ долженъ былъ пойти по этому пути. Но вѣсть съ тѣмъ, неудача Брауна въ достиженіи прямыхъ результатовъ толкованія была слишкомъ ясна, чтобы вновь повторять все его приемы, а Курціусъ, по указанному плану, имѣлъ намѣреніе добыть какіе-либо положительные историческіе факты. Не будучи записнымъ археологомъ, историкъ чувствовалъ необходимость ограничить задачу изслѣдованія и въ началѣ своей статьи заявлялъ, что его цѣль лишь нѣкоторыми указаніями по архитектурѣ памятника и его художественному языку содѣйствовать пониманію произведенія. Общая мысль изслѣдованія, добытая такимъ путемъ, указываетъ глубоко символическій характеръ изображеній памятника; этимъ характеромъ запечатлѣна каждая деталь сюжета, развивающая въ символическихъ чертахъ основное содержаніе — вѣру въ безсмертіе. Искусство Ликии, на сколько оно познается въ памятникѣ Гарній, представляетъ собою ту ступень художественнаго творчества, когда глубокая мысль не нашла себѣ еще яснаго выраженія въ пластическомъ образѣ; это искусство, какъ выражается Курціусъ, «глубокомысленно въ ущербъ красотѣ.» Памятникъ важенъ не своей мѣологической подкладкой, но этою внутреннею стороною своихъ сюжетовъ, и для его объясненія болѣе значенія имѣетъ атрибутъ божества, нежели само божество. Курціусъ поэтому считалъ себѣ въ правѣ ограничить свою задачу изслѣдованіемъ только части сюжета — а именно западной стороны, а нѣкоторыя замѣтки о другихъ сторонахъ не прибавляютъ ничего новаго къ прежнему.

Большая часть барельефовъ оставлены, такимъ образомъ, безъ вниманія: они оказывались какъ бы лишними въ памятникѣ; ихъ толкованіе могло имѣть цѣлью только дать названіе изображеннымъ божествамъ, а имена при толкованіи памятниковъ, по мнѣнію Курціуса, уже самое послѣднее дѣло. Но принципъ, положенный въ основу изслѣдованія, составлялъ и самъ по себѣ важное приобрѣтеніе: съ одной стороны, онъ помогалъ опредѣленію характера темнаго памятника, съ другой — способствовалъ образованію историческаго взгляда. Поэтому, оставляя въ сторонѣ разборъ указаній Курціуса на почвѣ художественнаго толкованія, гдѣ онъ лишь повторяетъ Брауна и Панюку (контрастъ или полярность въ сюжетѣ западной стороны, верховная триада и пр.), остановимся на этомъ принципѣ. Курціусъ взглянулъ на памятникъ Гарцій, какъ на важнѣйшій историческій фактъ въ ходѣ религіозныхъ идей Греціи. Зерно этого факта составляютъ оригинальныя вѣрованія въ загробную жизнь, выраженіе его — самобытная глубокая символика. Но всякій историческій фактъ понятенъ только въ связи съ другими, въ кругу другихъ однородныхъ фактовъ. Требовалось, слѣдовательно, указать, какой именно фазисъ греческой религіи представляютъ ликійскія вѣрованія въ безсмертіе, на какой почвѣ коренится ихъ оригинальная символика. На все это статья Курціуса не даетъ намъ яснаго отвѣта, его объясненія только гаданіе, не подтвержденное никакими данными. Изъ нѣкоторыхъ подробностей, касающихся первобытнаго аргивскаго трехглазого божества, указаній на возможность существованія ликійскаго Пнеона — Беллероса и оригинальнаго типа Леды въ видѣ ликійской Леды — Афродиты или Латоны и пр., можно заключить, что Курціусъ какъ бы считалъ необходимымъ разсматривать Ликію, какъ одинъ изъ центровъ первичнаго образованія греческой религіи. «Ликія, говоритъ онъ, своею религіею и искусствомъ составляла въ древности переходъ отъ Азіи къ Элладѣ». Спрашивается: гдѣ же искать точки исхода и основанія для изученія этого неизвѣстнаго элемента, получившаго названіе ликійскаго, — на Востокъ или въ Греціи? Если напряміръ Курціусъ.

видить въ изображенныхъ Гарпійяхъ таинственныхъ ливійскихъ гениевъ смерти, то гдѣ искать оправданія этому толкованію? Что даетъ право въ символахъ этого памятника видѣть выраженіе извѣстныхъ глубокихъ идей, тогда какъ тѣже самые символы въ другихъ случаяхъ, по мнѣнію археологовъ, не имѣютъ этого содержанія?

Итакъ задача Курціуса установить историческій взглядъ на памятникъ не только не представлялась рѣшенной, но послѣдствовала вновь хаосъ и смуту въ критикѣ памятника, становившаяся теперь какою-то загадкой. Вмѣсто того, чтобы твердой постановкой вопроса способствовать дальнейшей его разработкѣ, изслѣдователь полагалъ предѣлы критикѣ своимъ пріемомъ объяснять всё явленія самобытностью Ликии въ религіи и искусствѣ и избѣгать всего чуждаго ливійскому. Иначе говоря, тамъ, гдѣ только путемъ сравненія аналогическихъ данныхъ, привлеченія родственныхъ элементовъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ, можно было достигнуть какихъ нибудь результатовъ, авторъ почему то видѣлъ необходимость до крайней степени ограничить поле изслѣдованія, лишивъ себя и послѣдней помощи. Мы увидимъ въ скоромъ времени, что Курціусъ впоследствии какъ бы созналъ этотъ недостатокъ и счелъ нужнымъ повернуть на другую дорогу. Когда онъ въ одномъ изъ женскихъ божествъ западной стороны памятника Гарпій думалъ видѣть изображение Лады — гадательнаго ливійскаго первообразнаго типа Леды, то всѣ послѣдователи не иначе могли относиться къ этому замѣчанію, какъ вида въ самомъ памятникѣ воспроизведеніе первичной религіи, предшествовавшей окончательному образованію греческой мифологіи. Послѣдователи Курціуса принимали вполне его общій взглядъ, но, не имѣя достаточныхъ данныхъ объ этой религіи, они предпочитали отказываться отъ толкованія памятника въ частности, которыхъ наука, по ихъ мнѣнію, никогда не будетъ въ состояніи объяснить вполне удовлетворительно и безспорно.

Одно изъ послѣднихъ по времени мнѣній о памятникѣ, слѣдующее взгляду Курціуса и принадлежащее извѣстному историку искусства Овербеку ⁷⁾ сводится къ такому заключенію: «и

можемъ болѣе или менѣе остроумно толковать символику этого круга идей, специфически ливійскаго (авторъ не исключаетъ и сюжета Западной стороны, который самому Курциусу казался вполне яснымъ), можемъ даже сознать ея сущность (αληπν), — но не можемъ знать». Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ изслѣдованій по пути, указанному Курциусомъ, получалось лишь полное отрицаніе и сомнѣніе: то неизвѣстное, что прежде ограничивалось лишь нѣкоторыми деталями, стало теперь весь памятникъ.

Пособить такому положенію можно было только однимъ путемъ: отыскавши какія либо данныя, оправдывавшія общій взглядъ. Это именно и пытался сдѣлать Курциусъ въ своихъ позднѣйшихъ замѣткахъ, написанныхъ спустя четырнадцать лѣтъ послѣ первой статьи. Но такъ какъ вышнимъ, по крайней мѣрѣ, мотивомъ ихъ появленія служили возраженія противъ его общаго взгляда, то умѣстнѣе считаемъ предварительно разсмотрѣть эти возраженія. Они были представлены извѣстнымъ археологомъ, специалистомъ по греческой пластикѣ, Карломъ Фридрихомъ, въ первый разъ въ видѣ краткаго реферата въ Берлинскомъ Арх. Обществѣ (8) а затѣмъ въ указанномъ описаніи слѣпковъ Берлинскаго Музея. Сущность мнѣнія Фридрихса состояла въ отрицаніи общаго символическаго характера памятника, изображенія котораго, представляя надгробный сюжетъ, будто бы прямо индивидуальны. Многія детали памятника не имѣютъ вовсе значенія символическаго, и играютъ роль простыхъ орнаментовъ. Въ памятникѣ нѣтъ никакихъ ясныхъ указаній на идеи о загробной жизни, и сущность его композиціи не есть глубокая тема безсмертія души, какъ поставилъ Курциусъ. Затѣмъ объясненіе памятника должно ограничиваться лишь указаніемъ дѣйствія и смысла въ цѣломъ, оставляя подробности, какъ элементъ темный. И, дѣйствительно, должно сознаться, что въ предѣлахъ установленной такимъ образомъ задачи Фридрихсъ сталъ на твердую ногу и, слѣдуя приему Брауна, исправилъ много ошибокъ въ самомъ описаніи сюжетовъ. Что касается опредѣленія сюжетовъ, то онъ дозволилъ себѣ его только по отношенію къ Западной сторонѣ, а всю оригинальность памятника видѣлъ

только въ изображеніи Гарпій и въ томъ, что характеристической чертой представленія умершихъ было выраженіе ихъ благочестія.

Но, отдавая справедливость послѣдовательности въ проведеніи общаго взгляда и точности анализа въ описаніи Фридрикса, нельзя не сказать, что этотъ ученый отнесся къ вопросу недостаточно внимательно и съ предвзятой мыслью. Недостатки изслѣдованія его предшественника Курціуса не подверглись у него должной критикѣ, а основаніе этого изслѣдованія признано ложнымъ безъ всякихъ достаточныхъ доводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ въ описаніи Фридрикса слѣдующую краткую замѣтку по вопросу о символическомъ значеніи сюжетовъ памятника: «украшенія на вреслахъ божествъ могутъ имѣть символическій смыслъ, но не должны имѣть его непременно». Замѣчаніе совершенно справедливое, но оно вовсе не опровергаетъ изслѣдованія Курціуса въ общемъ принципѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ Фридриксу права окончательно порѣшнить съ этими вопросамъ, пренебрегая другими подробностями сюжетовъ, очевидно, символическаго характера. Нельзя не сказать по этому, что историкъ отнесся съ большимъ вниманіемъ къ художественному памятнику, чѣмъ археологъ, явно не желавшій отрѣшиться отъ обычныхъ представленій аттическихъ надгробныхъ памятниковъ, имъ изученныхъ.

Новая замѣтка Курціуса, появившаяся, какъ мы уже сказали, спустя четырнадцать лѣтъ послѣ первой статьи о памятникѣ, представляетъ по внѣшней формѣ лишь продолженіе прежняго и почти исключительно относится къ вопросу объ одной детали памятника, а именно яйцевидной формѣ тѣла изображенныхъ на памятникѣ Гарпій. Авторъ, повидимому, только подкрѣпляетъ свою символическую теорію сюжетовъ памятника новымъ доказательствомъ, которое и было потомъ опровергнуто вполне справедливо Конце. Но интересъ и значеніе этой замѣтки лежитъ для насъ въ настоящемъ случаѣ не въ этомъ частномъ вопросѣ, но въ тѣхъ общихъ положеніяхъ, которыя его сопровождаютъ. Авторъ начинаетъ свою замѣтку, служившую торжественною рѣчью на празднествѣ Винкельмана 1868 года,

съ указанія на то, какъ мало успѣла наука классической археологiи со временъ Винкельмана въ отдѣлѣ толкованія памятниковъ. Причину этого не успѣха Курціусъ видитъ въ характерѣ античной скульптуры, въ наиболѣе оригинальныхъ своихъ произведеніяхъ выразившейся лишь символическими знаками и въ самой наукѣ, которая со временъ Винкельмана и его важнаго посмертнаго произведенія «Опытъ объ аллегорiи», не выработала еще истиннаго воззрѣнія на художественный языкъ древняго искусства. Этотъ художественный языкъ, какъ сказано было Курціусомъ прежде, характеризуется, главнымъ образомъ, символикой, и потому на ея непосредственное изученіе на памятникахъ и должны обратиться усилія науки; въ частности же между ними изученіе памятника Гарпій и другихъ ему подобныхъ должно быть положено въ основу этой разработки. Нельзя не признать этого взгляда вполне справедливымъ въ общемъ отношеніи къ древнему искусству, но какъ принципъ, установленный а priori, и не проверенный пока на памятникахъ греческаго искусства, онъ допускаетъ и крайнюю односторонность пониманія, и произволь субъективныхъ мнѣній. Прежде утвержденія подобнаго принципа слѣдовало строго различить могущественный элементъ религіознаго искусства, — символъ отъ общаго способа представленія, называемаго аллегоріей, чего не сдѣлалъ Винкельманъ. Символъ не произволенъ, онъ заключенъ глубоко въ религіозномъ вѣрованіи; аллегорическая же форма, хотя и создается художникомъ, подъ условіемъ соблюденія общаго характера, выработаннаго временемъ, но мотивируется личнымъ вкусомъ и пониманіемъ автора. Поэтому въ истолкованіи символическаго содержанія памятника самое важное было изслѣдовать первообразы символическихъ типовъ, данныхъ на почвѣ религіозной. Это и пытался сдѣлать Курціусъ по вопросу объ указанной детали. Тема памятника — вѣра въ безсмертіе — указывала ему на Египетъ, какъ на родину этихъ типовъ, и на орфическое ученіе, передававшее глубокія вѣрованія Египта Грекамъ и Римлянамъ. Оставалось только доказать, что въ Ликіи, странѣ, пограничной съ Сиріей и близкой къ Египту, господствовала орфика, — но этотъ шагъ уже былъ сдѣланъ на другой почвѣ Бахофе-

номъ. Такимъ образомъ, путь къ истолкованію казался найденнымъ и расчищеннымъ, — слѣдовало только продолжать идти далѣе. Правда, признавая памятникъ воспроизведеніемъ орфическихъ ученій, «которыя проникнута была вполнѣ Ливія», Курціусъ становился въ противорѣчіе съ прежнимъ своимъ взглядомъ, какъ бы открывавшимъ въ памятникѣ первичное мифологическое содержаніе малоазійскихъ религій, но новое манило своею опредѣленностью. Что же было результатомъ этой попытки? Толкованіе формы Гарпій, какъ религіознаго символа, на основаніи египетскихъ памятниковъ оказалось вполнѣ неудачнымъ; попытки отыскать символическое выраженіе идеи безсмертія въ аттическихъ надгробныхъ сюжетахъ оказывались ни на чемъ не основанными, а результаты ихъ прямо отвергнуты специалистомъ по аттическимъ памятникамъ — Конце. Нельзя думать также, чтобы это либо, слѣдуя Бахофену и Курціусу, могъ увлечь ихъ орфической гипотезой, — по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ изъ сочиненій по исторіи искусства, принявшихъ объясненіе Курціуса, не видно желанія воспользоваться ею, и всѣ, видимо, предпочитаютъ держаться прежняго толкованія, привлекая къ нему нѣкоторыя данныя изъ второй замѣтки.

Для насъ въ особенности замѣчательно поэтому, что на основѣ толкованій Курціуса, какъ бы нечувствительно для изслѣдователей, сформировался въ обществѣ новый взглядъ, который видѣлъ въ данномъ вопросѣ свѣтъ не въ ухищреніяхъ аллегорическихъ комбинацій и не въ предположеніи какого то темнаго, изолированнаго элемента ливійскихъ сказаній, но въ обширной области искусства древней эпохи, которое можетъ быть названо греко-восточнымъ. Къ этому приходилъ и Курціусъ, ища наприимѣръ впоследствии защиты своего символическаго толкованія тѣла Гарпій въ фигурѣ женскаго окрыленнаго божества съ пчелинымъ тѣломъ на чеканной золотой пластинкѣ изъ Родоса ⁹⁾. Краснорѣчивая, написанная по Курціусу, характеристика памятника Гарпій у Мориаца Карьера ¹⁰⁾ приурочиваетъ его къ тѣмъ вообще памятникамъ, въ которыхъ семитическое или восточное въ идеяхъ и символахъ сочетается съ арійскимъ въ исполненіи, — область искусства, гдѣ семитическое представленіе (символъ) об-

лекается въ греческую форму лишь внѣшнимъ образомъ, храня по прежнему свой символическій принципъ и смѣшная, ради своихъ внутреннихъ цѣлей, неорганически формы дѣйствительности. Разсмотрѣнія памятника на основѣ древностей Ниневіи требовалъ уже Лейрдъ, внесшіи его въ свой краткій очеркъ ассирійской скульптуры: по своимъ символамъ памятникъ представлялся Лейрду прямо произведеніемъ восточнаго искусства ¹¹⁾. Всѣми этими замѣчаніями, какъ бы кратки и даже иногда бессодержательны они ни были, памятникъ вдвигался въ широкую область тѣхъ произведеній древнѣйшаго греческаго искусства, которыя въ послѣднее время, постоянно умножаясь, привлекаютъ къ себѣ особенно интересъ археологовъ, и которыхъ характеристическія формы сами по себѣ побуждаютъ искать объясненія ихъ внутренняго значенія въ памятникахъ Востока. Это тѣ произведенія, которыя назначены современемъ образовать собою особую главу исторіи древняго искусства — отдѣлъ переходной ступени между искусствомъ Востока и собственно греческимъ. До сихъ поръ эти произведенія, наполнившія коллекціи первыхъ европейскіихъ музеевъ, часто загадочны столь же по своему содержанию, сколько по времени происхожденія и характеру стиля. Поэтому и разработка этихъ памятниковъ отрывочна, представляетъ результаты неопредѣленные, основанные на простомъ аналогическомъ наблюденіи, и держится въ предѣлахъ простаго описанія и сравненія фактовъ, о которыхъ не время еще дѣлать умозаклученій. Между тѣмъ сравнительный методъ, за отсутствіемъ историческихъ данныхъ, оказывается здѣсь не только могущественнымъ, но и единственнымъ орудіемъ познанія, хотя доселѣ для пользованія имъ нѣтъ твердой основы въ изученіи предметовъ сравниваемыхъ: болѣе или менѣе выяснено значеніе скульптурныхъ памятниковъ, украшавшихъ дворцы Ниневіи и Персеполиса, но обширная область религіознаго искусства Востока, сохранившаяся въ его рѣзныхъ цилиндрахъ, доселѣ во многомъ совершенно темна. Тѣмъ не менѣе, какъ легко замѣтить всякому, періодъ антиварскаго отношенія къ древностямъ Востока уже прошелъ безвозвратно. Для науки теперь не существуетъ опасности превратиться въ разрозненный хаосъ всевозмож-

ныхъ мелочей, и настаетъ моментъ опытовъ классификаціи и историческаго изложенія, а въ виду неопредѣленнаго пока и хаотическаго состоянія тѣмъ желательнѣе широкое пользованіе фактами, уже уясненными путемъ комбинированія и сравненія.

Въ этомъ смыслѣ и нашъ памятникъ получаетъ первенствующее значеніе. Поставить его въ центрѣ аналогическихъ данныхъ, представляемыхъ искусствомъ Востока и Греціи, — значитъ фактически показать связь между ихъ художественной культурой и религіозными идеями. Эту общую цѣль, т. е. показаніе на непреложныхъ фактахъ духовной зависимости древнѣйшаго греческаго искусства отъ восточнаго, не только вполне умѣстно, но и при современномъ состояніи археологіи, естественно преслѣдовать путемъ анализа единичнаго, основаннаго на разборѣ одного памятника. Наша задача поэтому, представивъ въ предъидущемъ всю шаткость толкованій памятника, доказавшую недостаточность научныхъ основаній, съ одной стороны собрать данныя для этого истолкованія, съ другой, идя отъ частнаго къ общему, провѣрить указанный путь изслѣдованія духовной стороны древняго греческаго искусства. Имѣя въ виду преимущественно внутреннее содержаніе памятника, мы оставляемъ поэтому до времени въ сторонѣ вопросъ о его стилѣ, тѣмъ болѣе, что со времени изслѣдованія Брунна научная постановка этого вопроса настолько уже тверда, что позволяетъ считать дѣло въ общей характеристикѣ почти рѣшеннымъ. Ставя такимъ образомъ нашу задачу, мы подчинялись мотивамъ и условіямъ, такъ хорошо объясненнымъ археологомъ Гейзе въ слѣдующихъ словахъ: ¹¹⁾ « Въ изображеніяхъ античнаго искусства есть типы освященные, которые узнаются при первомъ взглядѣ, съ атрибутами столь ясными, что служатъ этикетками и стоятъ надписей. которыя живописецъ вазъ такъ щедро чертитъ возлѣ всѣхъ фигуръ. Но есть и сюжеты, и типы иного рода, которые представляются намъ при первомъ взглядѣ какими то загадками, и только самое мелочное изслѣдованіе, и рядъ различныхъ сопоставленій и комбинацій могутъ дать намъ надежду проникнуть въ ихъ загадочный смыслъ. Передъ памятниками этого рода изслѣдователь долженъ обуздывать свое нетерпѣливое любопытство.

подавить въ себѣ то спѣшное стремленіе угадать, которое почти всегда отнимаетъ правильность взгляда и необходимое чутье, чтобы схватить языкъ жестовъ и положеній. Передъ такимъ памятникомъ изслѣдователь долженъ остановиться въ нѣмомъ созерцаніи, какъ искусный критикъ текста предъ темнымъ мѣстомъ писателя». Между тѣмъ, какъ изъ нашего литературнаго очерка видно, всѣ изслѣдованія по памятнику Гарпій представляютъ работы исключительно спѣшныя. За исключеніемъ Брунна и его статьи о стилѣ, каждый изслѣдователь принимался за разборъ памятника съ готовою болѣе или менѣе высокою эрудиціею по классической древности, внося въ изслѣдованіе готовые рамки и классификацію. Но памятникъ не поддавался сразу этимъ попыткамъ опредѣленія, и статьи ученыхъ остались только свидѣтелями важности памятника и его оригинальности. Тотъ, кто начиналъ свое изслѣдованіе съ признанія этой оригинальности, уснѣвалъ болѣе другихъ, какъ Курціусъ, потому что на его сторонѣ полагалась большая степень вѣроятности, но такъ какъ этимъ признаніемъ и заканчивалась почти разработка, то вопросъ оставался въ той же стадіи. Мало по малу и памятникъ Гарпій, и другія древности Ликій перестали уже возбуждать прежній интересъ новизны и пришли въ нѣкоторое забвеніе. Каждый могъ судить, какъ хотѣлъ, и не далеко было уже до того мнѣнія, которое отводило этимъ памятникамъ мѣсто среди тѣхъ остатковъ доисторической древности, которыхъ пониманіе потеряно, утрачено навсегда. Такія и подобныя мнѣнія распространены напримѣръ въ Англии. Этому положенію памятника могло помочь только изслѣдованіе, такъ сказать, его обстановки, образуемой рядомъ архаическихъ произведеній, нынѣ хранящихся въ Британскомъ Музеѣ. Со временъ Брауна, рассматривавшаго ихъ, впрочемъ, только мимоходомъ, этихъ произведеній не касался ни одинъ ученый до самаго послѣдняго времени, когда явидось краткое, но живое и ясное описаніе ихъ, съ превосходными рисунками, принадлежащее г. Прахову. (12) Хотя въ этомъ разсмотрѣніи ликійскихъ скульптуръ авторъ имѣлъ въ виду совершенно иную задачу, анализируя исключительно особенности ихъ стила, въ связи съ общимъ движеніемъ греческаго искусства въ

арханческую эпоху, тѣмъ не менѣе положительныя результаты, этимъ путемъ добытыя, весьма важны и для памятника Гарпій.

Возобновляя теперь въ предлагаемомъ разсужденіи вновь вопросъ о памятникѣ Гарпій, который, по нашему окончательному убѣжденію, еще долго будетъ занимать науку, мы не имѣемъ претензіи представить разсужденіе всестороннее, тѣмъ менѣе результаты окончательныя и характеристику рѣшающую. Тамъ, гдѣ ошибались ученые съ такими знаніями, какъ у Гергарда и Панофки, и такими блестящими талантами, какъ у Бахофена, простиительно заблуждаться всякому. Нѣкоторые пункты памятника Гарпій и вообще не могутъ быть вполне объяснены при современномъ положеніи науки древнѣйшаго греческаго искусства по недостатку аналогическихъ указаній въ памятникахъ, и мы поэтому за лучшее считали ограничивать попытки разъясненія такихъ пунктовъ предѣлами, за которыми начинаются лишь бесполезныя и бесплодныя гаданія. Основною задачею нашею былъ анализъ содержанія памятника въ его собственной сферѣ и историческая характеристика его отношеній къ аналогическимъ явленіямъ греческаго искусства вообще.

Самому разсмотрѣнію памятника предпосылаемъ поверхностный обзоръ мѣнологіи Ликіи съ цѣлью подготовить предварительно ту почву, на которой должно быть построено толкованіе, ограничиваясь исключительно тѣми ея сторонами, которыя приходятъ такъ или иначе въ соприкосновеніе съ памятникомъ Гарпій.

I

Ликія, т. е. страна съ этимъ географическимъ терминомъ въ римскую эпоху, есть полуостровъ на южномъ берегу Малой Азіи, между Каріей, Фригіей, Пизидіей и Памфиліей, какъ Киликія связана съ Кипромъ, такъ географически Ликія съ Родосомъ: ея горы, оканчиваясь на С. З. хребтомъ Дедали, имѣютъ продолженіе вдоль острова Родоса. Страна представляетъ мѣстность, отрѣзанную высокимъ горнымъ хребтомъ Тавромъ отъ внутреннихъ странъ Малой Азіи. Горы эти идутъ многочисленными развѣтвленіями на Югъ, въ своемъ расположеніи

способствуя связи береговой страны съ внутренней и, доходя до моря, образуютъ богатныя бухты и гавани. Между двумя главными отрогами этихъ горъ, изъ которыхъ восточный носитъ названіе Массицита, лежитъ высокоцѣвившаяся въ древности по своему плодородію, долина судоходной рѣки Ксаноса — центръ ликійской цивилизаціи, сохранившій многочисленныя развалины городовъ и обширныя некрополи (1). Эта долина, съ прилегающими къ ней горными спусками и южной покатостью Массицита, и была Ликіей въ тѣсномъ историческомъ смыслѣ, т. е. страню, населенной развитымъ племенемъ, носившимъ названіе Ликіянъ. Въ эпоху Троянской войны Ликіянне дѣлились на два племени: Тремиловъ на Югѣ и Тлосовъ или Тросовъ на сѣверѣ; оба бились подъ Троею на сторонѣ Пріама. Изъ нихъ Тремилы, повидимому, пришли съ Крита, и Геродотъ указываетъ, что въ древнюю эпоху сама Ликія была извѣстна сосѣдямъ подъ именемъ страны Тремиловъ. Но до поселенія послѣднихъ, эту мѣстность или, можетъ быть, часть ея занимало племя Солимовъ, исчезнувшее или оттѣсненное на сѣверъ пришельцами. Позднѣе пришелъ въ страну Ликъ изъ Атики, и отъ него прозвались Ликіянне. Вотъ въ существѣ все, что доподлинно, какъ историческіе факты, передано намъ о заселеніи Ликіи древними писателями. Но къ этимъ извѣстіямъ, носящимъ историческій характеръ, присоединяется много данныхъ разнаго рода. Мы стараемся разобрать ихъ въ предѣлахъ нашей задачи, не входя въ подробный историческій анализъ.

Прежде всего, кто были эти Ликіянне — Тремилы и Тросы? Изъ свода всѣхъ данныхъ о ихъ происхожденіи, по Геродоту, съ Крита; о ихъ вождѣ Сарпедонѣ, герояхъ Главкѣ, Пандарѣ, слѣдуетъ самое естественное заключеніе, что это были Греки. Такъ какъ при новомъ наплывѣ или колонизаціи, шедшей уже прямо изъ Греціи, видимо, родственное населеніе слилось съ новыми пришельцами, то опять можно думать, что и первая колонизація была греческая. Колонизація изъ Крита засвидѣтельствована также существованіемъ въ Ликіи города Критополиса, положеніе котораго опредѣлилъ Шенборнъ въ своемъ путешествіи. По этому происхожденію съ Крита первая колонизація

считается дорической. Эти древніе поселенцы застали уже на мѣстѣ какихъ то туземцевъ, которые, быть можетъ, всё, а можетъ быть, лишь въ одной части, упоминаются подъ именемъ Солимовъ. Это имя сохраняется и впоследствии на западѣ Ликіи, и потомки Солимовъ указываются Страбономъ въ Милійцахъ, жителяхъ области Милуас и Діодоромъ въ Пизидійцахъ и Исаврійцахъ, хранившихъ въ его время свое національное нарѣчіе, но затѣмъ и вообще существованіе даже въ историческую эпоху первобытныхъ поселенцевъ въ ея горныхъ мѣстностяхъ не подлежитъ сомнѣнію. Кто же были эти аборигены Ликіи? По созвучію имени Солимовъ съ Hierosolyma, по краткому указаніи Херила на жителей горъ Солимскихъ, говорившихъ по финикійски и служившихъ въ войскахъ Ксеркса, еще нельзя доказывать вмѣстѣ съ историками начала нынѣшняго столѣтія (2) семитическаго происхожденія этихъ аборигеновъ, точно также какъ на основаніи того, что они ходили коротко остриженные въ кружокъ, или были по Херилу *τροχοκοφάδες*, нельзя и отрицать этого. Важнѣе гораздо свидѣтельство Херила, что самая страна Солимовъ называлась Финикія, и Плутарха, что они чтили преимущественно Кроноса-Сатурна, потому что отсюда мы можемъ прямо заключить о непосредственныхъ сношеніяхъ Ликіи съ финикійцами и господствѣ финикійскаго вліянія. Это подтверждается и существованіемъ на южномъ берегу Ликіи гавани подъ именемъ Финикійской. (Слѣды финикійскихъ поселеній видятъ затѣмъ и въ именахъ городовъ—Патара (низменность), даже имени рѣки Ксаноса, какъ Инда въ Каріи (3), въ имени чудовища Химеры—и т. д.). Затѣмъ все остальное представляется крайне темнымъ, и заключеніе Моверса, (3) что Солимы были Семиты, преждевременно. Кромѣ этихъ историческихъ данныхъ, Ликія владѣетъ живымъ и непосредственнымъ свидѣтельствомъ своихъ надписей. Но языкъ этихъ надписей доселѣ неизвѣстенъ, и проблематическія ихъ толкованія не привели еще къ положительному заключенію о характерѣ языка. Тѣмъ не менѣе уже присутствіе надписей на языкѣ не греческомъ указываетъ на существованіе племенъ туземныхъ, оттѣсненныхъ, но не исчезнувшихъ, и это обстоятельство, важное само по себѣ, много

влияло на разрѣшеніе вопроса объ исторіи Ликіи. По этому, не вдаваясь въ подробности, которыя были бы въ данномъ случаѣ неумѣстны, укажемъ существенные взгляды по этому вопросу.

Характеристика племенъ, населявшихъ Малую Азію, и доселѣ представляетъ много темнаго и тадательнаго, и разногласіе ученыхъ языковѣдовъ въ данномъ случаѣ есть обыкновенное явленіе: причина этого лежитъ столько же въ отсутствіи историческихъ данныхъ, сколько въ обильномъ смѣшеніи народностей, имѣвшемъ мѣсто въ этой странѣ. Лишь сомнительныя данныя, сохранившіяся въ немногихъ собственныхъ именахъ, должны руководить изслѣдователя въ его попыткахъ опредѣлять происхожденіе аборигеновъ Фригіи, Каппадокии, Каріи и другихъ мѣстъ. Тѣмъ болѣе важности по этому пріобрѣтаютъ тѣ сравнительно многочисленныя остатки неизвѣстнаго языка Ликіянъ, которые рано обратили на себя вниманіе ученыхъ. И тѣмъ значительнѣе то согласіе въ общихъ результатахъ, которое оказывается въ данномъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ С. Мартена (5) и другихъ, впервые по немногимъ даннымъ и съ предвзятыми теоріями изучавшихъ языкъ Ликіи, почти всѣ изслѣдователи признаютъ его за языкъ индоевропейскаго корня. Въ своей широкой семитической теоріи племенъ Малой Азіи Лассенъ (6) дѣлаетъ опять таки исключеніе для Ликіянъ. На этой общей основѣ затѣмъ одни изслѣдователи предпринимали попытки различныхъ сближеній ликійскаго языка съ древнеперсидскимъ, или съ Зендомъ, или съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; другіе довольствовались общими указаніями и теоріями; такъ Бирчъ причислялъ Ликіянъ къ большой скинской расѣ, населявшей внутреннюю Азію, но наиболѣе научнаго значенія имѣетъ теорія сближенія съ Зендомъ, принадлежащая Морицу Шмидту (7). Онъ доказываетъ, что ликійскій алфавитъ заимствованъ отъ малоазійскихъ грековъ, составленъ изъ 20 буквъ финикійскихъ, 3 греческихъ и только 2 специально ликійскихъ, что языкъ принадлежитъ къ арійской отрасли индоевропейскихъ языковъ, помѣщаясь между греческимъ и иранскимъ, и далѣе, что самое племя должно принадлежать къ индоевропейской народности, населявшей Малую Азію въ доисторическую эпоху. При этомъ

также онъ указывалъ, имѣя въ виду Геродота, на возможность сближенія ликійскаго языка съ языкомъ древнихъ критскихъ надписей.

Ориенталистъ д-ръ Блау (8) предложилъ теорію сближенія Ликійцевъ съ Лелегами, а черезъ нихъ съ нынѣшними Албанцами; основанія этого сближенія онъ почерпнулъ въ сопоставленіи 8 ликійскихъ нарицательныхъ и нѣсколькихъ собственныхъ именъ съ современными албанскими; далѣе въ нѣкоторыхъ признакахъ сходства алфавита и ученія о звукахъ и формахъ, и въ различныхъ указаніяхъ бытовыхъ сходныхъ чертъ. Мы не станемъ разбирать справедливости сближеній перваго и втораго рода, которыя представляютъ лишь гипотезу, но замѣтимъ только одно обстоятельство важное для насъ. Если авторъ этихъ сближеній указываетъ на слѣды гинайкократіи или материнскаго быта у горныхъ Албанцевъ, то этимъ лишь отмѣчаетъ оригинальную черту сохранившейся отчасти въ ихъ жизни древнѣйшей бытовой формы, о которой лишь смутныя воспоминанія находимъ мы у другихъ цивилизованныхъ народовъ. Между тѣмъ Ликіане какъ бы переживали эту древнѣйшую бытовую форму даже въ историческое время, и извѣстное изслѣдованіе Вахофена о материнскомъ правѣ приводитъ много частныхъ указаній изъ надписей для доказательства существованія этой формы у нихъ даже въ позднѣйшее время (9). Итакъ Ликіане видимо отличались приверженностью къ старинѣ, храненіемъ традиціи, что должно было отчасти зависѣть отъ реакціи туземнаго населенія пришлому элементу. Но, вслѣдствіе этого, мы получаемъ особенное право на сличеніе и сравненіе ликійскихъ религіозныхъ и художественныхъ формъ съ данными болѣе ранняго времени и разнообразными остатками старины въ различныхъ наиболѣе глухихъ мѣстностяхъ древняго греческаго міра. Поэтому самый важный результатъ всѣхъ подобныхъ изысканій есть подтвержденіе факта существованія первобытнаго племени аборигеновъ, пранарода въ Ликии. Это населеніе, весьма вѣроятно, сосредоточивалось въ древнѣйшую эпоху, какъ въ главномъ пунктѣ, въ извѣстной уже центральной западной долинѣ рѣки Кеанеа, или по крайней мѣрѣ, имѣло здѣсь свои города. По богато расчле-

ному побережью широко разбросались поселения Финикиянъ, чьихъ религіозное вліяніе мы увидимъ впоследствии. Первая чешская колонизація происходила изъ Крита, по выраженію родота, еще варварскаго въ то время, конечно, по быту, религіи, но не по народности. Она принесла съ собою, какъ дол- о думать, новые культы, но въ то же время была способна духовному сближенію съ расой туземной по своей культурѣ. самое дѣлѣ, если только мы положимъ, какъ необходимое, такъ называемый языкъ Ликіянъ принадлежалъ именно и аборигенамъ, то нахождение надписей на этомъ языкѣ въ иже заставляетъ предположить, что первое населеніе оста- ось жить въ Ксанѣ и послѣ колонизаціи этого города Гре- и. Исслѣдователи ликійскихъ памятниковъ не могли еще зать такой надгробной надписи на ликійскомъ языкѣ, кото- относилась бы къ памятнику архаическому, и древнѣйшая писъ или считаемая таковою есть двуязычная надпись Ксан- которую иные исслѣдователи относятъ даже ко времени Пе- онневской войны, а болѣе или менѣе всѣ къ эпохѣ послѣ за- занія персидскаго. Было ли появленіе этихъ надписей на ту- юмъ языкѣ вызвано этимъ самымъ завоеваніемъ, т. е. обус- ливалось ли оно какими либо политическими цѣлями Пер- ь, старавшихся поднятіемъ завоеванной расы упрочить свое оженіе, мы не знаемъ, но фактъ поздняго существованія ю языка въ наиболѣе огреченныхъ мѣстностяхъ Ликии не- ьненъ. Иной вопросъ, почему Городотъ не говоритъ ничего этомъ языкѣ, и было ли это туземное племя тѣ самые Тер- и и Тросы, которыхъ обыкновенно считаютъ за Грековъ, — е намъ разрѣшать этого вопроса. Возможно также, что ко- изаторы усвоивали себѣ также, по крайней мѣрѣ, отчасти ь и обычаи: древнія или первоначальныя имена городовъ ьнялись до послѣднихъ временъ ликійской самостоятельности, ь эпоху Плутарха Ликіяне могли уже не отличать между ю пришлаго элемента. Что значитъ напр. общее указаніе о ьянахъ, какъ народѣ, упорно хранившемъ обычаи, происсте- щіе изъ материнства?

Новая колонизація, шедшая уже изъ Греціи, быть можетъ,

въ эпоху извѣстнаго переворота на греческомъ материкѣ и отмѣченная въ преданіяхъ именемъ Лика, совпадаетъ съ общими колонизаціонными движеніемъ въ Малой Азіи, и потому предполагаетъ водвореніе уже чисто греческихъ нравовъ, обычаевъ и языка. Эта колонизація распространяется на большую часть полуострова, такъ какъ Миры и другіе города восточной ея части развились позднѣе Ксаноса. Она прославила страну богатствомъ торговыхъ сношеній, мудростью союзнаго устройства и городского управленія и геройской защитой противъ Персовъ. Намъ нѣтъ нужды говорить о дальнѣйшемъ историческомъ движеніи въ Ликии и ея судьбахъ въ эпоху Александра Македонскаго и Римскаго могущества. Несмотря на всѣ превратности историческихъ судебъ, оригинальный характеръ Ликии удерживался до послѣднихъ временъ существованія античнаго міра. И этотъ характеръ героизма, завѣщаннаго стариною, и чувства самостоятельности отличалъ собою не Грековъ только, значительная часть которыхъ была, по Геродоту, истреблена во время вторженія Персовъ,—онъ принадлежалъ всему Ликійскому народу. Итакъ отмѣчаемъ два важные для насъ пункта: существованіе въ Ликии оригинальнаго племеннаго элемента, въ извѣстной степени культивированнаго и родственнаго съ племенами иранскими, и двукратную колонизацію страны Греками, слившуюся съ этимъ элементомъ.

Приступая теперь къ характеристикѣ религіознаго движенія въ Ликии, къ обзорнѣю ея мифологіи, полагаемъ самымъ лучшимъ начать съ тѣхъ словъ, которыми Лукіанъ ⁽¹⁰⁾ въ бѣгломъ разсказѣ характеризуетъ страну въ свое время: «затѣмъ побывали мы въ каждомъ городѣ Ликии, гдѣ много получили удовольствія, выслушивая многочисленные мифы: ибо нигдѣ уже въ городахъ не видно прежняго благосостоянія.» Въ эту позднюю эпоху античнаго міра могущество Ликии исчезло вмѣстѣ съ богатствомъ, но народная традиція по прежнему продолжала свято хранить богатство народной мифологіи. Если старовѣръ Павзаній съ уваженіемъ заноситъ въ свое описаніе Аттики, что ея жители лучше всѣхъ другихъ умѣютъ объяснять древніе памятники и знаютъ болѣе другихъ по мифологіи, то насмѣшливый Лукіанъ

издѣвается надъ обѣднѣвшими Ливіянми, которые въ старыхъ басняхъ и воспоминаніяхъ о быломъ искали себѣ утѣшенія.

Къ сожалѣнію, отъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ мѣновъ, мы владѣемъ въ разсказахъ древнихъ писателей лишь очень немногимъ: Ливія, къ несчастію, не видала у себя Пазванія. Но въ тоже время мы неоднократно встрѣчаемъ въ самой греческой мѣнологіи указаніе на Ливію, какъ на родину нѣкоторыхъ греческихъ культовъ, на страну, всегда стоявшую въ тѣсномъ религіозномъ общеніи съ собственною Греціею; самая культура Ливіи представляется древнѣйшею, и циклопы Ливіи строятъ свои громадныя стѣны въ древнемъ Аргосѣ. Почва поэтому была богата мѣнами древнѣйшаго склада, которые отложились еще въ эпоху доисторическую. Сказаніе о выходѣ изъ Ливіи жреца Олена — этого втораго Орфея, будто-бы перенесшаго культу Аполлона и Артемиды въ Грецію, указываетъ также на самостоятельность религіознаго развитія въ древнѣйшую эпоху. Гиганты были автохтонами въ Ливіи такжѣ, какъ на Родосѣ и въ Милетѣ; по Гезихію, самое имя Ливіи есть «Гигантія.» И со временъ Крейцера, выводившаго изъ Ливіи азіатскій культъ Аполлона, бога солнца, въ древнѣйшей его формѣ (11), всегда находилось много ученыхъ, преслѣдовавшихъ ту же самую мысль. Разсмотрѣніе подобныхъ и противоположныхъ тезисовъ образованія греческихъ вѣрованій не лежитъ, понятно, въ нашей задачѣ, но тѣмъ не менѣе, для нашей цѣли необходимо указать существенныя пункты этого вопроса по отношенію къ ливійскимъ культамъ. Извѣстно, что въ послѣднее время научная разработка греческой религіи направляется по принципу натурального происхожденія мѣновъ и вѣстѣ національнаго ихъ развитія изъ общегреческаго корня. Теорія заимствованія потеряла свой смыслъ и право примѣненія, синкретизмъ ограниченъ извѣстными эпохами, и сравнительная мѣнологія опредѣлила отнынѣ разработку отдѣльныхъ религіозныхъ системъ, преслѣдуя важнѣйшій фактъ, — ихъ общность и единоначаліе. Но подобная разработка не должна быть единственною, исключительною, и теорія, ее производящая, не должна примѣняться какъ безусловно вѣрная, когда вопросъ идетъ о сложеніи самой религіозной системы, о ея исто-

рическомъ составѣ и соотношеніи ея частей. Греческая религія развивалась съ самаго начала и до окончательнаго паденія во множествѣ отдѣльныхъ культовъ, выработывавшихся въ областяхъ Греціи, Малой Азіи и на островахъ Средиземнаго моря, но всѣ эти большіе и мелкіе ручьи стремились, по мѣрѣ своего образованія и развитія, къ сліянію. Эти отдѣльныя культы развивали какую-либо особую сторону религіознаго сознанія, но находились въ постоянномъ взаимодѣйствіи и отлагали миеологическія формы въ общую сокровищницу. Въ вопросѣ объ этихъ культурахъ теорія естественнаго роста и теорія заимствованія, такимъ образомъ, не должны уже стоять въ видимомъ противорѣчій другъ съ другомъ. Самостоятельное развитіе съ одной стороны, раздробившееся на самыя мелкія подраздѣленія, и постоянное общеніе, обмѣнъ съ другой, — вотъ что должно имѣть въ виду, чтобы сознать ходъ историческаго движенія. Тогда только уяснитея вполне значеніе принципа *popina — pupina*, когда сознается, что каждый эпитетъ божества есть отложившійся слѣдъ культа божества, создавшагося или выработавшагося подъ своими особыми условіями. Не переносъ началъ греческой миеологии съ Востока, изъ Сиріи или съ Евфрата и Тигра, будемъ мы видѣть въ извѣстныхъ сторонахъ культа Афродиты, Геракла, Артемиды и пр., но сочетаніе ихъ съ культурами Астарты, Мелькарта, Танаисъ, происшедшее подъ условіемъ отдѣльной разработки этихъ культовъ въ мѣстностяхъ близкихъ къ Финикіи и Ассиріи. Безчленныя по разнообразію потенціи верховныхъ божествъ будутъ казаться не плодомъ философскихъ и космологическихъ измышленій, но указаніемъ различныхъ пережитыхъ формъ религіознаго сознанія. (12) Между тѣмъ очевидно, что наиболѣе ясныи обмѣнъ мѣстныхъ культовъ и богатство сочетаній принадлежатъ той мѣстности, гдѣ раздробленныя племена индо-европейскаго происхожденія сталкивались съ колонизаторами Финикіи и Греціи. А таково было положеніе Малой Азіи, преимущественно же ея южныхъ и бережныхъ областей, какъ то Каріи, Фригіи, Ликіи, Лидіи и Киликіи.

Разнообразныя культы этихъ областей могутъ быть сведены къ двумъ типамъ: въ одномъ отмѣчается характеръ миеологии

арійской, другою отличается чертами, свойственными мифологии семитической, а въ иныхъ пунктахъ представляетъ полное съ нею тождество. Первый проявляется, главнымъ образомъ, въ преобладаніи или главенствѣ мужскихъ солярныхъ божествъ, второй — въ хтоническихъ силахъ божествъ женскихъ и женственныхыхъ. Эти два типа, однакожъ, не существуютъ особнякомъ, — они сливаются и сочетаются постоянно, не наполняя при томъ вполне религіи извѣстнаго племени, но представляя лишь извѣстную ея отличительную черту. Такъ культъ Фригіи выставляетъ поклоненіе матери землѣ Реѣ-Кибелѣ и Атису, Діонису Сабацию и богу мѣсяца Фарнаку Понта или фригійскому Мену; Лидія является съ культомъ женственнаго т. наз. лидійскаго Геракла — Сандава; Іонія имѣла свою Артемиду Эфесскую, восточное происхожденіе которой доказывается ея культомъ; наконецъ Кипръ представилъ обширный культъ Афродиты. Въ предѣлахъ этихъ культовъ съ древнѣйшихъ уже временъ проходило въ Малую Азію вліяніе сиро-финикійское, а въ позднѣйшее время и церсидское черезъ сліяніе съ Митрою (13). Наоборотъ, Карія съ своимъ Зевсомъ, богомъ битвъ (Стратіосъ или Арейосъ (14), поклоненіемъ Зевсу-Осого или Посейдону — Зевсу, Родосъ съ культомъ бога солнца, Киликія съ пантеономъ Тарсоса изъ Зевса, Геркулеса Персея, Митры и Бахуса (15), Критъ съ разнообразными мѣстами о Зевсѣ и солнечномъ героѣ Талосѣ и др. мѣстности, почитавшія Зевса и Аенну, относятся ко второму типу, который, выдѣляясь своимъ болѣе чистымъ арійскимъ характеромъ, тѣснѣе примыкаетъ къ обще-греческому типу (съ отбѣнкомъ доризма). Нельзя, однакоже, повторять, видѣть въ этомъ разграниченіи полной разрозненности; напротивъ того, культы Киликіи въ позднѣйшее время приняли божествъ Фригіи, и между терракотами Тарсоса также часто фигурируетъ Атисъ, какъ и Адонисъ, перенесенный вѣстѣ съ культомъ Семирамиды — Афродиты изъ Финикіи (16); но это принадлежитъ уже эпохѣ синкретизма, и рядомъ съ Адонисомъ являются тамъ и Горусъ, Анубисъ и пр. египетскія божества. Понятно также, что сочетанія или даже смѣшеніе божествъ обусловливались самою неопредѣленностью божескаго типа. Если въ самой Греціи нравственный типъ всѣхъ

божествъ сложился окончательно лишь между VII и VI вѣкамъ, то, надо думать, тоже самое было и въ религіяхъ Малой Азіи, которыя прямо отличались сохраненіемъ натуралистическаго характера. Полное же и окончательное обособленіе божества совершается лишь тогда, когда оно получаетъ извѣстную нравственную фізіономію: припомнимъ для примѣра, какъ трудно бываетъ и при атрибутахъ различать изображенія божествъ въ архаическую эпоху, какъ почти невозможны попытки между безформенными и безобразными идолами, находящимися въ мѣстностяхъ финикійскихъ поселеній, отличить изображеніе Бела или Мелькарта или Астарты: здѣсь нерѣдко только общее наименованіе мужскаго и женскаго божества руководить описаніемъ. Ко второму типу, какъ окажется впоследствии, принадлежитъ и Ликия съ своими культами. Мы характеризовали этотъ типъ указаніемъ въ немъ общеарійскихъ чертъ, проявляющихся, главнымъ образомъ, въ поклоненіи солнечнымъ божествамъ или вообще божествамъ свѣта и неба. Между тѣмъ въ частности культы Ликии имѣютъ много общаго съ основнымъ культомъ Доріанъ и ихъ главнымъ божествомъ Аполлономъ. И вотъ въ то время, когда одни ученые признаютъ за ливійскими божествами право первородства и самобытности, другіе считаютъ ихъ прямымъ перенесеніемъ изъ Греціи вмѣстѣ съ дорическими колоніями. Вопросъ о религіяхъ Малой Азіи и вообще доселѣ имѣетъ много смутнаго: такъ, на примѣръ, Швенкъ разсматривалъ культы Малой Азіи въ отдѣлѣ міеологіи семитовъ (IV томъ его извѣстнаго сочиненія), заботливо очищая міеологію Грековъ отъ всякихъ чуждыхъ примѣсей; Мори, наоборотъ, присоединяетъ изложеніе этихъ культовъ къ исторіи греческой религіи, — взгляды, принадлежащій извѣстному Лобеву. Тѣмъ болѣе споренъ вопросъ о культѣ Ликии, который, имѣя видимое сходство съ греческимъ, доселѣ не былъ изученъ вполне и допускалъ всевозможныя догадки и гипотезы. Одинъ изъ извѣстныхъ путешественниковъ по Ликии, а именно Спраттъ, увлекшись теорією Шэрпа и нѣкоторыми важными данными въ памятникахъ, заключилъ даже, что не только характеръ стіля, но и внутреннее содержаніе ливійскихъ памятниковъ представляется прямо персидскимъ. Такимъ образомъ для

Ликии одни предполагали культы семитические, другие ограничивались общим признанием первобытной оригинальности ея мифовъ, а большая часть изслѣдователей, такъ сказать, заранѣе отказывались отъ рѣшенія вопроса, находя, что онъ не заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія, такъ какъ ликійская религія ничѣмъ не отличается отъ греческой. Послѣдующія замѣчанія укажутъ сами собою степень основательности первыхъ двухъ взглядовъ; послѣднее же мнѣніе составилось, главнымъ образомъ, на отрицательныхъ данныхъ, а именно: древніе писатели, какъ извѣстно, а изъ нихъ особенно Геродотъ, почти ничего не говорятъ о поклоненіи въ Ликии чуждымъ негреческимъ божествамъ (17). Продолжая держаться пути, указаннаго въ историческомъ обзорѣни племени, мы надѣемся доказать, что всѣ поименованные взгляды представляютъ крайности воззрѣнія, но прежде предложимъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Ликия, какъ и вообще южныя провинція Малой Азіи должна была жить нѣкоторое время подъ вліяніемъ семитическаго Востока, отчасти шедшимъ черезъ Критъ и Родосъ, отчасти распространявшимся изъ финикійскихъ колоній на ея берегахъ; въ то же время туземное ея населеніе имѣло, вѣроятно религіозныя преданія и обычаи арійскаго корня, хотя, можетъ быть, издревле уже усвоивало религію греческую. Но если греческая первая колонизація и принесла съ собою съ Крита или Родоса свои собственные культы и свою мифологію, то во всякомъ случаѣ не настолько уже выработанные и опредѣлившіеся, чтобы чувствовалась рѣзкая разница съ туземною религіею, а потому не могло бы произойти и сліянія родственныхъ элементовъ. Придя въ соприкосновеніе съ иранскимъ племенемъ и семитическимъ, Греки, наоборотъ, живѣе должны были почувствовать свою связь съ Востокомъ, и вотъ почему на памяти ихъ самихъ религіозное движеніе, видоизмѣнившее представленіе Гомера, совершилось въ Ликии, на Кипрѣ, Критѣ и пр.; здѣсь сами Греки полагали центры организаціи своихъ отечественныхъ культовъ. Вслѣдствіе этого, греческіе культы, развившіеся на почвѣ Востока, получали уже готовый матеріалъ въ обрядахъ и символахъ родственныхъ или сродныхъ божествъ Финикии и Месопотаміи, Персіи и Арменіи. При этой ассимиля-

ціи божествъ, понятно, самое развитіе обуславливалось присутствіемъ родственнаго элемента, и поэтому напримѣръ культъ Рен укрѣнился въ Троадѣ, гдѣ слился съ поклоненіемъ малоазійской Кибелѣ, Зевса въ Каріи и на Критѣ и Аполлона въ Ликіи.

По преданію, старѣйшимъ по времени богомъ въ Ликіи былъ Кроносъ; Ликійне рассказывали Плутарху, что было когда-то время, когда страна ихъ поклонялась Кроносу, но это было давно, и онъ рано удалился изъ Ликіи въ неизвѣстную страну. Къ этому свидѣтельству прибавимъ, что въ настоящее время въ наукѣ мифологіи почти считается доказаннымъ фактъ, что поклоненіе Кроносу въ Критѣ и другихъ мѣстностяхъ было безусловно въ связи съ распространеніемъ культа Финикійскаго Молоха или Сатурна. Но Кроносъ, какъ и Уранъ, считался древнѣйшимъ богомъ вовсе не потому, чтобы онъ въ греческой религіи предшествовалъ Зевсу: послѣдній былъ всегда главнымъ божествомъ греческихъ племенъ и въ эпоху доисторическую. Кроносъ же явился въ эпоху начинавшейся культуры, притомъ подъ чуждымъ вліяніемъ; по этому онъ могъ и исчезнуть впоследствіи; «старымъ» же, «древнимъ» богомъ онъ казался именно потому, что его почитаніе было пережито Греками. Замѣтны встать, что почитаніе Кроноса въ Ликіи есть фактъ весьма оригинальный, въ виду отсутствія этого поклоненія въ сосѣдней Фригіи и Лидіи; можетъ быть, объяснить это должно перенесеніемъ культа изъ Крита. Поклоненіе Кроносу исчезаетъ въ самомъ началѣ эллинской эпохи и вообще у всѣхъ Грековъ, уступая мѣсто болѣе человѣчнымъ божествамъ, но въ Ликіи, по истиннымъ причинамъ, оно могло развиться и держаться дольше. Эти причины стоятъ въ связи съ преданіемъ о существованіи въ Ликіи гигантовъ, олицетворявшихъ вулканическіе ея огни, и въ отношеніяхъ страны къ Криту, гдѣ почитаніе Бела-Итаны, кажется, замѣнило Кроноса. Сколько можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ писателей, слѣды этого поклоненія въ Ликіи остались затѣмъ въ героизированной личности Крагоса (горный хребетъ Ликіи) смѣшавшагося съ «прежде бывшимъ» свирѣпымъ богомъ, и почитаніи дивныхъ божествъ стихійнаго характера (*ἄντρα θεῶν ἀγρῶν*) живущихъ въ горахъ Крагоса. Если поклоненіе Посейдону и

существовало въ Ликии, то оно или имѣло обычный характеръ, заимствованный отъ Іонянъ, или не пользовалось особымъ перевѣсомъ надъ другими, потому что мы не имѣемъ никакихъ сказаній, относившихся къ нему; и оно не было во всякомъ случаѣ мѣстнымъ. Мѣстечко Сирра между Мирами и Феллосомъ, какъ упоминается у Эліана, ⁽¹⁸⁾ славилось гаданьемъ по рыбамъ, но трудно согласиться съ Вахофеномъ ⁽¹⁹⁾, что рыбные оракулы близъ Патары, въ болотистомъ озерѣ Латоны, указываютъ на важную роль Посейдона въ Ликійскихъ культахъ. На сколько опять таки вѣроятно отнесеніе къ Ликии Карійскаго бога Зевса Осогоса, или Огоя, сопоставляемаго съ именемъ титана Огигеса, или океана, трудно судить за отсутствіемъ всякихъ данныхъ. Понятно также, что и почитаніе Гермеса не было туземнымъ — оно шло, вѣроятно, изъ Корика. Что касается Гефеста, то мы не имѣемъ данныхъ о поклоненіи ему какъ древнѣйшему божеству огня, но онъ является въ Ликии уже какъ первый художникъ, искусный мастеръ въ металлическомъ производствѣ, и представителемъ бога въ Патарскомъ храмѣ служила кратера его работы. Поклоненіе Зевсу въ Патарѣ оставило по себѣ лишь развалины храма его съ остатками колоссальной статуи, а поклоненіе ему же у Солимовъ въ горныхъ мѣстностяхъ Ликии только одинъ составной элементъ Зевса Солимскаго ⁽²⁰⁾ Если по преданію, Діоскуры явились въ Пелопоннесъ изъ Ликии ⁽²¹⁾, тогда какъ они, по всей вѣроятности, явились въ Ликию уже изъ Спарты, то основаніемъ служило, вѣроятно, происхождение ихъ отъ Леды, которая, играла важную роль въ мѣстныхъ культахъ. Если далѣе въ надписяхъ читаемъ имена Ареса, великаго бога и Артемиды, въ типахъ монетъ находимъ изображеніе Гермеса съ Аэниою, Геркулеса, головы Ликійскаго Пана, Кабиръ съ сѣкирой во фригійскомъ колпакѣ, по сторонамъ фригійской Діаны на монетахъ Миръ, Зевса въ лавровомъ вѣнкѣ, Гелиоса, Зевса съ орломъ, Діониса, Немезиду съ грифономъ, голову Юпитера Аммона и пр. и пр., то всѣ эти изображенія или представляютъ типы божествъ, перешедшихъ изъ Фригіи въ восточную область Ликии, или указываютъ на перенесеніе самихъ типовъ монетъ Родоса, въ эпоху зависимости Ликии отъ

этого острова, или же свидѣтельствуютъ о почитаніи въ Ликіи божествъ общеэллинскихъ. Но, по отсутствію (по крайней мѣрѣ, доселѣ) какихъ бы то ни было свидѣтельствъ, по самой обыденности изображенія, ничѣмъ не разнящагося отъ типовъ монетъ Родоса и вообще острововъ Средиземнаго моря, мы должны прямо заключить, что не эти божества составляли оригинальную сторону ликійской религіи, и не о нихъ разсказывались многочисленныя мнен.

Главнѣйшее божество, почитавшееся въ Ликіи, былъ Аполлонъ. Свидѣтельство Гомера представляетъ намъ этого бога покровителемъ ликійскихъ героевъ, бившихся подъ Троею; другіе писатели указываютъ намъ на распространеніе его культа въ Ликіи; общегреческая міеологія ищетъ тамъ самой родины божества. По преданію, Латона, мучась родами и блуждая по разнымъ странамъ отъ Крита до Эракіи, пришла въ Ликію и была приведена волками въ мѣсто близъ рѣки Ксанеа, отстоявшее на 10 стадій отъ моря, гдѣ и родила Аполлона и Артемиду. Храмъ Латоны, основанный на этомъ мѣстѣ, приписывался міеическому колонисту Тельхину Ликю, пришедшему будто бы изъ Родоса и чтившему Аполлона. Этотъ храмъ, находившійся, по словамъ Страбона, 60 стадій ниже города Ксанеа, былъ найденъ, какъ кажется, въ новѣйшее время Феллоусомъ (22). Тамъ же находилась и священная роща Аполлона, гдѣ держали священныя богульвовъ, тамъ то пребывалъ богъ зимою. Мы знаемъ также, что Аполлонъ носилъ въ Ликіи прозвище *πάτριος* — отечественный, что его главный оракулъ находился въ Патарѣ, что обычай этого оракула носилъ отчасти характеръ восточный. Но этимъ и ограничиваются всѣ свѣдѣнія о культѣ Аполлона въ Ликіи, представляемныя древними писателями. Отсюда ученымъ міеологамъ предстоятъ еще рядъ вопросовъ для разрѣшенія, а во главѣ ихъ вопросъ отношеній этого культа къ почитанію Аполлона съ прозваніемъ Ликійскаго въ Греціи. Культъ этого божества встрѣчается въ Аттікѣ, Сивіонѣ, Фивахъ, Дельфахъ и древнемъ Аргосѣ; отличительной особенностью изображенія бога служило присутствіе символа его — волка. Такимъ образомъ задача объясненія этого типа Аполлона сводится къ

слѣдующимъ вопросамъ: какое значеніе имѣлъ этотъ культъ въ ряду другихъ поклоненій Аполлону; какое отношеніе имѣетъ эпитетъ къ имени страны Ликии; какое значеніе представляетъ символъ волка. Разнообразіе мнѣній, въ данномъ случаѣ оказавшееся, таково, что не можетъ быть вполне разобрано нами, и мы постараемся указать только главные пункты, свѣдя въ логическомъ анализѣ всѣ детали. Со времени Отфрида Миллера въ наукѣ установилось твердое положеніе о принадлежности культа Аполлона дорическому племени; по этому положенію, распространеніе этого культа въ Малой Азіи приписывается дорической колонизаціи. Слѣдовательно, и водвореніе Аполлона въ Ликию обязано греческой колонизаціи, и лишь древность этого водворенія была причиною распространившагося еще у древнихъ мнѣнія о происхожденіи культа божества въ Ликии. Понятно, что и эпитетъ «Ликійскій» получаетъ второстепенное значеніе, и имя Ликии можетъ происходить или отъ этого уже эпитета, или отъ имени Лика. Прямо противоположнаго мнѣнія держался лишь Шенборнъ, который въ сочиненіи своемъ «о существѣ Аполлона» пытался доказать, что богъ этотъ восточнаго, а именно семитическаго происхожденія, что поэтому культъ его въ Ликии есть первоначальный и отсюда уже перенесенъ въ Грецію. Другіе изслѣдователи, вполне отрицая историческую сторону дѣла, считали главнымъ вопросомъ происхожденіе эпитета и занялись его разборомъ. Имѣя въ виду почитаніе Аполлона съ этимъ прозвищемъ въ древнемъ Аргосѣ, они считали необходимымъ признать эту форму культа древнѣйшею или первоначальною, господствовавшею не только въ Ликии, но и въ древней Греціи и въ Троѣ; съ этой точки зрѣнія имя Ликійскаго производили отъ корня *lox* что значитъ «свѣтъ»; такой эпитетъ опредѣлялъ существо свѣтлаго божества солнца, и имя Ликии должно было быть произведено уже отсюда, или потому, что въ ней рано утвердился культъ божества съ этимъ первоначальнымъ характеромъ, или вслѣдствіе забвенія этимологическаго происхожденія имени отъ подставнаго, такъ сказать, героя — колонизатора Лика. Но кромѣ эпитета культъ представлялъ еще и символическаго спутника божества — волка (*λόκος*), и такъ

Какъ символъ этотъ принадлежитъ древней эпохѣ, то и нельзя было считать его появленіе результатомъ забвенія этимологіи. Отсюда изслѣдователи, удерживая этимологическое значеніе эпитета бога въ смыслѣ «свѣтлаго», искали въ символѣ внутренняго къ нему отношенія. Различныя толкованія, здѣсь предложенныя, могутъ быть сведены въ общемъ слѣд. образомъ (23): по своимъ природнымъ качествамъ и образу жизни волкъ или символизируетъ идею зимы и мрака, противоборствующую свѣтлой силѣ бога; или изображаетъ собою бѣглеца преступника, ищущаго защиты и убѣжища у Аполлона; своего дикою и свирѣпою натурою нравственно соотвѣтствуетъ мстителю губительному Аполлону или физически своими огненными глазами и дальновзоркостью солнцу (смѣшеніе разныхъ корней *λοχ* свѣтъ и волкъ). Къ этимъ главнымъ мнѣніямъ присоединяются уже странныя замѣчанія о томъ, что сѣрый волкъ и своимъ цвѣтомъ символизировалъ сумерки разсвѣта — *λοχη* (Аполлонъ, которому молится Пандаръ, въ *Ил* 4, 10; 1, 119 называется *λοχηγευτς*; и занимаетъ таковъ образъ средину между другими символами божества: бѣлымъ лебедемъ и коршуномъ (24): неудачная попытка внести аллегорію. Изъ всѣхъ этихъ мнѣній, по нашему мнѣнію, должно избрать первое, такъ какъ оно одно, дѣйствительно, трактуетъ о древнемъ символѣ и не прижѣмиваетъ къ вопросу позднѣйшихъ идей и толкованій, предложенныхъ греческими поэтами въ эпоху забвенія первоначальной символики. Какъ кажется далѣе, сильное подтвержденіе этому объясненію можно предложить въ слѣдующемъ мѣстѣ, сообщенномъ Павз. *кн.* 2; 19, 5, 6: передъ древнимъ храмомъ Аполлона Ликійскаго въ Аргосѣ, основанномъ, по преданію Данаемъ, Павзанію видѣлъ рельефъ изъ бронзы, изображавшій битву волка и быка, а около животныхъ дѣву, поражающую быка камнемъ; Павзанію сказали, что дѣва — Артемида, а рельефъ принесенъ въ даръ храму самимъ Данаемъ. Впослѣдствіи прибавилось объясненіе, что этотъ рельефъ аллегорически изображаетъ битву Даная и Геланора, пришельца — волка и туземца быка. Но уже Велькеръ видѣлъ въ быкѣ символъ Діониса, а въ обозрѣніи животной символики Грековъ противопоставлялъ волка и быка.

Вопросъ такимъ образомъ сводится прямо къ изслѣдованію внутренняго значенія этого изображенія. Всѣмъ извѣстно символическое изображеніе льва, терзающаго быка: отъ древнихъ рельефовъ Ниневіи и Халдеи и скульптуръ Персеполиса до храмовыхъ барельефовъ и надгробныхъ памятниковъ Малой Азіи (въ Дикии Fellows, pl. 25), изображеній на греческихъ монетахъ и многочисленныхъ рисунковъ древнихъ вазъ идетъ непрерывно этотъ сюжетъ, то сохраняя вполне свое внутреннее значеніе, то служа привычнымъ орнаментомъ. Мѣсто быка занимаетъ иногда баранъ, котораго держитъ левъ между передними лапами, — переводъ сюжета, замѣчательный между прочимъ тѣмъ, что встрѣчается на золотыхъ пластинкахъ Керчи. Извѣстно также, какъ со временъ Лажара установилось толкованіе этого сюжета: левъ символизируетъ собою палищій жаръ лѣтнаго солнца, убивающій жизнь природы — быка; левъ, какъ символъ астрономическій, поэтому соответствуетъ вообще божеству солнца въ его губительномъ дѣйствіи. Самый сюжетъ далѣе часто употреблялся для надгробныхъ памятниковъ и тогда пріобрѣталъ значеніе символа губящей смерти. Этому сюжету изъ животной символики соответствовали прямо изображенія Митры, поражающаго въ мистическомъ смыслѣ быка въ гротѣ, и самъ Митра представлялся съ львинымъ обликомъ лица. Почитаніе льва, какъ представителя Аполлона, мы находимъ въ обычаяхъ содержать ручныхъ львовъ въ роцѣ Патарской, и если на древнихъ ликійскихъ монетахъ встрѣчаемъ почти постоянное изображеніе льва, но не встрѣчаемъ Аполлона, то прямо можетъ видѣть соотношеніе между этимъ символомъ и господствующимъ культомъ. Такимъ образомъ, переходъ символики къ сюжету изображенія волка, убивающаго быка, представляется, по нашему мнѣнію, самъ собою. Иной вопросъ, почему именно волкъ, а не другое дѣйствительное или фантастическое существо, какъ напр. грифонъ, заступилъ роль льва, и съ какими именно измѣненіемъ въ символическомъ значеніи (25) Для насъ важно въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что этотъ символъ волка, по всему судя, принадлежитъ, главнымъ образомъ, лѣсистымъ и гористымъ мѣстностямъ Греціи — Парнаксу, внутренней Аркадіи, Аргосу, что онъ

является именно на древнѣйшихъ монетахъ городовъ собственной Греціи, и, напротивъ того, не оказывается ни на одной изъ извѣстныхъ доселѣ монетъ Ликии. По этому не будетъ смѣшно утверждать, что и культъ Аполлона въ Ликии, по крайней мѣрѣ, въ первое время ничего не имѣлъ общаго съ культомъ такъ наз. Аполлона Ликійскаго.

Взаимнъ этого трудно было бы отрицать азіатскія, а именно иранскія черты въ божествѣ Ликии; самая общность характера солнечныхъ божествъ побуждаетъ къ слиянію ихъ культовъ. Гигантскій образъ Милетскаго великана Астеріоса, котораго символическій образъ видятъ въ львѣ на монетахъ Милета, и Талосъ, Бритскій великанъ, ежедневно обходившій островъ, суть несомнѣнно азіатскія формы греческаго божества. Мы могли бы указать далѣе много памятниковъ и монетъ Малой Азіи, изображающихъ Аполлона — Митру въ видѣ юноши съ головой въ лучевомъ нимбѣ вмѣстѣ съ богомъ луны; Аполлона-Ваала окрыленного и стоящаго на львѣ съ символами плодородія и пр. ⁽²⁶⁾ Извѣстный миеологъ Швенкъ ⁽²⁷⁾ прямо отождествляетъ персидскаго Митру съ Аполлономъ Ликии по ихъ общему символу (на монетахъ Патары) — вѣщей птицѣ коршуну. Въ странѣ, чтившей Аполлона какъ главнѣйшаго верховнаго бога, и вообще понятно потенциальное расширеніе понятія этого божества: такъ Ликійскія надписи ищутъ для мертваго повровительства у Латоны и ея сыновей. Ликійскія монеты изображаютъ намъ льва, то крылатаго и выступающаго величаво, то въ воинственной позѣ присѣвшаго на землѣ, то льва, который пожираетъ вола; далѣе кабана или въ обычной дѣйствительной формѣ, или окрыленного или въ фантастическомъ сочетаніи двухъ кабановъ въ одно тѣло; онѣ же изображаютъ оленя и грифона ⁽²⁸⁾. Если на ижество сходныхъ чертъ, открывающихся въ Аполлонѣ и Митрѣ, мы должны смотрѣть, какъ на общій результатъ одинаковаго религіознаго представленія солнца у индо-европейскихъ народовъ, то мы не въ правѣ отрицать въ частности особенное сближеніе этихъ божествъ, открывающееся въ одинаковыхъ символахъ. Велькеръ ⁽²⁹⁾ считаетъ символъ льва въ Греціи заимствованіемъ изъ Малой Азіи, а именно Лидіи, гдѣ онъ явился подѣ асси-

рішечнимъ вліяніємъ, но приурочиваєть его страннымъ образомъ въ Діонісу, въ общемъ же перечнѣ символическихъ животныхъ Греціи и совсѣмъ опускаєть. Гергардъ въ своей Греч. Миеологій пересчитываетъ символическія отношенія животнаго къ различнымъ божествамъ, но исключаетъ Аполлона. Швенъ въ области персидской миеологій признаєть льва символомъ свѣта для Митры также какъ и для Геракла, но не переноситъ на Аполлона. ⁽³⁰⁾ Но какъ бы то ни было, фактъ символическаго отношенія этого животнаго къ культу Аполлона въ Ливіи необходимо признать, чтобы объяснить себѣ многообразное участіе этого символа на памятникахъ Ливіи и вообще Малой Азій; иначе изображеніе льва на гробницѣ придется постоянно понимать въ смыслѣ аллегорическаго указанія на геройство умершаго или апотропеона, если изображена не полная фигура льва, но или передняя его часть, или одна голова и маска. ⁽³¹⁾ Но и при этомъ иссушенномъ пониманіи древней символики всегда будетъ представляться вопросъ, — откуда же это изображеніе, подобно Медузиной головѣ, получило значеніе апотропея, т. е. оберегательнаго талисмана. Между тѣмъ изъ вышеприведенныхъ данныхъ ясно, что левъ, какъ обычный символъ героизма, легко могъ стоять въ связи съ культомъ солнца побѣдителя и героя, а этимъ характеромъ, напоминающимъ иранскую миеологію, и долженъ былъ именно отличаться культъ Аполлона въ Ливіи. Что касается культа близкой къ Аполлону Латоны, то кромѣ указаннаго выше мы не имѣемъ никакихъ данныхъ ни у писателей, ни на памятникахъ (положительныхъ изображеній, а не гадательныхъ), ни на монетахъ, и самое сближеніе этой богини съ Ледой, а черезъ нее съ именованъ женщины на ливійскомъ языкѣ Ладой (рус. Лада, Ладъ, Ладо), не идетъ далѣе лингвистическихъ наблюдений.

Но оригинальность культовъ Ливіи подтверждается еще и другими данными, которыя относятся уже къ героическому культу этой страны. Именно эта вѣтвь миеологій была наиболѣе обширна и многочисленныя мненъ, о которыхъ упоминаєть Лувіанъ, принадлежать къ этимъ героическимъ связаніямъ, которыя за

одно представляют и историческія данныя, и формы древняго богопочитанія. Всѣ эти періоды древней исторіи Ликіи, отличенные именами пришельцевъ, колонизаторовъ, героевъ: Лика, Сарпедона Критскаго, Сарпедона Илиады, Беллерофона и пр., несомнѣнно, играютъ столько же роль фазисовъ быта и религіознаго развитія, сколько и исторіи движенія племенъ. Героическіе культы, видимо, привились въ Ликіи въ очень раннее время и долго тамъ сохранялись. Въ городѣ Ксанеѣ чтился «богъ отечественный» этого же имени, которое прочтено въ надписяхъ и на базисѣ статуи его жреца — гимнасіарха (³³): возникло ли это имя изъ эпитета Аполлона «бѣлокурый», обозначало ли оно имя божества рѣки ликійской долины, сказать трудно, но ясно, что это было божество, героизированное лишь впоследствии въ качествѣ основателя города — пришельца изъ Крита или Египта. Отъ великаго Тремила, родоначальника ликійскаго племени, и нимфы Огигіи произошли дѣти рушители, дикіе боги (θεοὶ ἄγριοι): Тлосъ, Ксанеѣ, Пинарь и Крагосъ «грабитель», превратившіеся потомъ въ морскихъ разбойниковъ. Но мы оставимъ всѣ эти и имъ подобныя имена въ сторонѣ, такъ какъ въ приданныхъ имъ роляхъ оказывается слишкомъ много позднѣйшей примѣси, а нѣкоторыя, какъ напр. имя героя Килабраса, чтившагося въ Фазелисѣ, совершенно темны, по отсутствію какихъ бы то ни было указаній, и остановимся только на трехъ мифическихъ герояхъ Ликіи: Сарпедонѣ, Ликѣ и Беллерофонѣ. Имя Сарпедона специально присуще Ликіи: это видно какъ изъ преданія о Критскомъ Сарпедонѣ, такъ и рассказѣ Илиады о Ликійскомъ героѣ этого имени, погибшемъ отъ руки Патрокла, а еще болѣе изъ надписей ликійскихъ, на которыхъ оно является то въ обычной мужеской формѣ, то въ формѣ женскаго производнаго имени Сарпедонисъ (³⁴). Изъ древнихъ писателей намъ извѣстно о святилищѣ Сарпедона въ Ксанеѣ, а изъ средневѣковаго житія, разобраннаго Келлеромъ (³⁵) оказывается существованіе особеннаго поклоненія демону Сарпедону въ Селевкіи, Ликіи и Киликіи; отъ этого демона получило наименованіе одинъ мѣсъ Киликіи, а впоследствии Ликія чтитъ героя въ сочетаніи съ греческимъ Аполлономъ и Артемидою. Если на этотъ

основании и нельзя еще отождествлять героя съ Аполлономъ, то съ другой стороны здѣсь ясно выступаютъ слѣды древнѣйшихъ мѣстныхъ культовъ, измѣнявшихъ греческую принятую религію. Сарпедонъ былъ родомъ съ Крита, сынъ Зевса и Европы, имѣлъ братомъ Миноса, а этотъ Миносъ былъ также божество, имѣвшее храмъ въ Антиохіи, — все это подало мысль Моверсу искать производства имени Сарпедона въ еврейскомъ языкѣ, отъ Сарфаданъ — господь равнины, богъ земли (36). И, дѣйствительно, финиійское происхожденіе культа демона на побережныхъ мѣстностяхъ Малой Азіи, болѣе нежели вѣроятно.

Замѣчательное соотвѣтствіе найдемъ и въ исторіи миеологическаго героя Лика. Опять извѣстны два Лика: одинъ явился въ Ликию съ Родоса, другой изъ Аенія, какъ позднѣйшій греческій колонистъ. Извѣстно, что имя Ликъ въ античной древности придавалось множеству рѣкъ, отъ Ассиріи, Финиіи и Малой Азіи до Европейской Сарматіи, и это имя думали производить отъ греческаго названія волка, — животного, котораго быстрый бѣгъ уподобляется теченію воды (37). Имя Ликъ упоминается между Родосскими Тельхинами, первобытными жителями острова, водными духами, бѣшенными демонами, врагами Гелиоса. Это же имя отмѣчаетъ миеологическихъ царей, какъ напри- мѣръ одного царя сикесскаго (38), а въ производной формѣ множество миеическихъ личностей, сгруппированныхъ около представленій времени грубаго, отличавшагося человѣческими жертвами и человѣкоубійствомъ (39). Переводя эту миеологическую характеристику на почву Ликии, миеологи видятъ въ Ликѣ олицетвореніе зимы, а въ борьбѣ его съ Зетосомъ и Амфіономъ борьбу и чередованіе временъ года: весны, лѣта и зимы, или же олицетвореніе зимнихъ наводненій (40). Другіе, исходя изъ противоположнаго производства имени Ликъ отъ корня съ значеніемъ «свѣтъ», видятъ въ имени этого героя замѣну имени Аполлона, также какъ въ Автоликѣ, основателѣ Синопа, чтившемся тамъ какъ божество и оракулъ, соотвѣтствіе съ мѣстнымъ культомъ божества свѣта. Держась мнѣнія что имя Ликіи происходитъ отъ укоролившагося тамъ въ древности культа родст-

веннаго иранскому божеству солнца, мы считаемъ героя Лика обычнымъ отвлеченіемъ отъ имени Ликіянъ или Ликій; это отвлеченіе имѣетъ съ тѣмъ сочеталось съ преданіемъ о приходѣ Грековъ изъ Аттики и можетъ быть, рано создало уже культъ героя, заимствовавшій формы отъ почитанія Аполлона. Слѣдательно, въ этомъ пунктѣ мы присутствуемъ при повтореніи основнаго культа въ лицѣ героя аттическаго, въ противоположность первому Ликію, представляющему собою эпоху грубую, появившемуся въ народной памяти позднѣе; иначе говоря, приуроченіе аттическаго Лика къ странѣ имѣетъ связь съ ея религіей и оно древнѣе; что касается другаго, то его имя, какъ характеристическое для древнѣйшихъ мионическихъ временъ, присоединено къ судьбамъ Ликіи уже по рефлексіи. Но на этой характеристикѣ и должны остановиться всѣ заключенія, такъ какъ остальные догадки будутъ представлять уже ни на чемъ не основанныя гипотезы. Такими считаемъ мы домыслы Бахофена⁽⁴¹⁾, который, заключая о господствѣ въ Ликіи орфико-мистическихъ ученій, ставитъ Лика во главѣ особаго культа, носившаго будто бы характеръ мистерій⁽⁴²⁾ Кабировъ, отправлявшихся жрецскимъ родомъ Ликомидовъ. Центромъ этихъ мистерій Бахофенъ считаетъ культъ Деметры и Керы и мужскаго божества Аполлона — Лика. Пользуясь съ удивительнымъ искусствомъ малѣйшими указаніями, онъ въ самой исторіи вражды Лика съ Эгеей, которая была причиною переселенія перваго изъ Аттики, открываетъ борьбу двухъ религіозныхъ началъ — чистаго культа Деметры и оргіастическаго поклоненія Афродитѣ.

Менѣе темноты и спорныхъ пунктовъ представляетъ мискологическая личность специально ликійскаго героя Белдерофона и къ превосходно составленной характеристикѣ Преллера⁽⁴³⁾ трудно прибавить что нибудь новое. Тѣмъ не менѣе, для насъ особенный интересъ представляетъ открывающіяся и въ этомъ героѣ божествѣ черты, которыя несомнѣнно содержатъ древнѣйшій арийскій символизмъ⁽⁴⁴⁾. Культъ этого солнечнаго героя и бога свѣта Аполлона отгѣснилъ другіе древніе культы, и герой превратился въ бога громовержца: страна перенесла божественныя свойства Зевса на новыхъ боговъ. Такъ объясняетъ Преллеръ

мию о громовомъ коитѣ Беллерофона Пегасѣ, перешедшій и въ Коринѣ, гдѣ Геліосъ почитался какъ Зевсъ *καράβιος*. Мы прибавимъ, что тоже самое явленіе замѣчается и въ Родосѣ, а именно: изображеніе перуна на извѣстныхъ монетахъ этого острова, изображающихъ голову Геліоса и розу, должно принять за символъ бога, отождествленнаго съ Зевсомъ, а вовсе не за знакъ какого то магистрата. Но если новыя культы и овладѣвали религіозными представленіями страны, то, по естественной причинѣ, тѣмъ болѣе дорожилъ народъ воспоминаніями о своихъ прежнихъ богахъ. Эти-то старозавѣтныя преданія и обычаи Ликіянъ тѣсно связались съ появленіемъ новаго бога, и заслуга ихъ вскрытія принадлежитъ почти цѣликомъ талантливому автору «Материнскаго права» Вахофену. Съ точки зрѣнія, имъ установленной, раскрываются любопытнѣйшія данныя. Смерть страшной Химеры была не только избавленіемъ страны отъ чудовища, но и отъ первобытнаго обожанія огня, которому Ликіянне поклонялись въ вулканическихъ изверженіяхъ (45). Аполлонъ и Беллерофонъ своимъ появленіемъ отмѣчаютъ въ Ликіи новую эру жизни и быта: прекращается гинайеократія, материнство, и начинается право отцовское, вмѣсто прозванія по имени матери сынъ получаетъ отчество. Однако и прежнее не только живетъ въ памяти народной, но и хранится свято какъ неписанный обычай, и надписи подтверждаютъ существованіе въ Ликіи обычая, упомянутаго Геродотомъ, именоваться по матери. Самъ Беллерофонъ долженъ былъ отступить передъ грубыми, наивно-циническими нравами женщинъ, пристыдившихъ его своего наготой, и оставить намѣреніе за свою обиду покарать Ликію наводненіемъ (46). Народъ, обожавшій бога стрѣлка, бога воителя, подобно Спартапцамъ, отступилъ отъ быта предковъ и зато символическимъ образомъ лишился участія въ самыхъ священнѣхъ для него обрядахъ. Такъ понимаемъ мы извѣстное мѣсто Плу-тарха въ *Consolatio ad Apollonium* гл. XXII, гдѣ онъ рассказываетъ, что неизвѣстный законодатель Ликіи постановилъ, чтобы граждане во время траура облакались въ женскія одежды, потому что горе не мужское дѣло, а женское: *οὐκ ἀρρέτων ἀνδράσιν ἡσυχίαι καὶ παιδείας ἐλευθέρον μεταπεπονημένοις*. Вахофенъ во

многихъ мѣстахъ упомянутого сочиненія возвращается къ этому обычаю Ликіянъ облачаться во время траура въ женскія одежды, приписывая его остатку материнства и культа женскихъ божествъ-матерей. Только женщина могла являться въ погребальныхъ церемоніяхъ, такъ какъ эти церемоніи сами по себѣ культъ матери земли, а участвующіе въ церемоніи мужчины должны хотя внѣшностью уподобиться женщинамъ. Мысль весьма остроумная и вполне справедливая, но не исчерпывающая всего факта. Несомнѣнно, что идеи загробной жизни всегда тѣсно связаны съ культомъ матери земли Деметры и находили себѣ оправданіе въ мифической исторіи Кори; умирающая и вновь оживающая природа олицетворялась въ Адонисѣ, любимцѣ Афродиты, и женственномъ Атисѣ. Но если въ культурахъ Малой Азии, особенно Фригіи, мы видимъ сильное и одностороннее развитіе этихъ культовъ, то въ Ликіи ихъ поступательное движеніе было прервано. Явленіе солярныхъ героевъ есть второй фазисъ религіознаго развитія; первоначальный культъ земледѣльческаго быта держится круга бога громовержца и богинь природы; на мѣсто ихъ поступаютъ новые идеалы, но они въ народномъ представленіи уже не достигаютъ мѣста высшихъ боговъ, они герои, ихъ мифологія носитъ уже характеръ сказочный. Преніе боги удаляются отъ человѣка, старающагося сблизиться съ ними въ таинствахъ мистерій; истинное пониманіе бога становится достояніемъ лишь посвященнаго и скрывается въ обрядахъ. Мужественная храбрость Ликіянъ, обожавшая побѣдителя Аполлона съ его символомъ гордаго льва, стала въ чуждыя отношенія съ прежде бывшими богами и искала приблизиться къ нимъ вновь въ религіозныхъ обрядахъ. Вотъ почему въ дальнѣйшихъ болѣе умозрительныхъ заключеніяхъ Бахофена (⁴⁷) о внутренней связи культа Аполлона съ идеями о смерти и безсмертіи, и о господствѣ мыслей о смерти въ мифѣ о Веллерофонѣ, утратившемъ дѣтей своихъ отъ гнѣва боговъ, мы видимъ прямое противорѣчіе его же собственнымъ взглядамъ. Эти комбинаціи лишены совершенно почвы и даютъ слишкомъ тонкія соображенія, какъ напр. Одиссей, приплывшій ночью въ Итаку во снѣ и пробудившійся при лучахъ восходя-

щаго солнца, — есть образъ воскресенья, безсмертія, которое даетъ Аполлонъ, такъ какъ для Ликіяна образъ смерти и сна суть два близнеца, упоминаемые въ Илиадѣ. Находясь, видимо, подъ обаяніемъ мыслей о памятникѣ Гарпій, выработалъ Бахофенъ и упомянутое уже мнѣніе о господствѣ въ Ликіи орфическихъ ученій, такъ какъ только изъ нихъ, казалось ему, можно было почерпнуть объясненіе памятника. Однако всѣ основанія этой гипотезы заключаются только въ нѣсколькихъ строкахъ, произвольно вырванныхъ Бахофеномъ изъ 12 двустипній финевской надписи.

Но кромѣ этихъ именъ мифическихъ героевъ, занесенныхъ на страницы сочиненій по мифологіи, мы встрѣчаемъ въ ликійскихъ преданіяхъ, осколки которыхъ сохранились у древнихъ писателей, еще одинъ мифологическій фактъ, весьма важный для вопроса о ликійской мифологіи и происхожденіи особеннаго интереса для насъ. Мы сообщали уже свидѣтельство Плутарха о поклоненіи Ликіяна въ древнюю эпоху Кроносу и о томъ, что это поклоненіе исчезло у нихъ будто бы вмѣстѣ съ самимъ Кроносомъ, неизвѣстно куда переселившимся. Мотивы этого исчезновенія объяснены нами съ установленной нами мифологической точки зрѣнія, но вотъ какъ объясняли себѣ это сами Ликіяне, по свидѣтельству Плутарха. Въ его сочиненіи De defectu oracul XXI, 9, читается слѣдующее: Ἐπει καὶ Σολύμους πονθάνομαι τοὺς Λυκίων προσοίκους ἐν τοῖς μάλιστα τιμᾶν τὸν Κρόνον; ἔπει δὲ αποκτείννας τοὺς ἄρχοντας αὐτῶν: Ἄρσαλον καὶ Δρύον καὶ Τρωσοβιδόν, ἔφυγε καὶ μεταχώρησεν ὁποιδήποτε (ταῦτο γὰρ οὐκ ἔχουσιν ἐπιτεῖν), ἐκείνον μὲν ἀμάλθηται, τοὺς δὲ παρὶ τὸν Ἄρσαλον ἐκλήρους θεοὺς προσαγορεύσθαι, καὶ τὰς καταράς ἐπὶ τούτων ποιῆσθαι δημοσίᾳ καὶ ἰδίᾳ Λυκίους. Мѣсто это есть вставка въ разсужденіе о генияхъ боговъ, принимающихъ божескія имена. Сколько мнѣ извѣстно, этого мѣста коснулся только Бахофенъ: разсуждая о троячности въ представленіи теллурической природы, онъ указываетъ эту форму у Ликіяна въ трехъ сыновьяхъ Веллерофона (?), въ имени Трениловъ и въ трехъ ликійскихъ катахтоническихъ демонахъ *эсиани* и *смерти* (?), указываемыхъ этимъ разсказомъ. Анализируя сначала мифологи-

ческий фактъ въ предѣлахъ его содержанія, мы замѣчаемъ, что три имени эти отнесены къ временамъ Солимовъ и Кроноса, ихъ главнѣйшаго бога, иначе ко времени Тремиловъ и прихода Сарпедона. Этотъ Кроносъ убилъ трехъ ликійскихъ царей: Арсала, Дріоса и Трособія и затѣмъ ушелъ изъ Ликии, а Ликияне стали съ тѣхъ поръ чтить этихъ царей, какъ божествъ жестокихъ, и клятвы изрекали ихъ именемъ всенародно и частно. Три царя были обожествлены послѣ ихъ насильственной смерти, т. е. культъ мертвыхъ, обогатившійся героическими сказаніями, создалъ культъ мѣстныхъ божествъ. Жизнь героя, благодѣтеля земли продолжается за гробомъ, въ землѣ и оттуда участвуетъ въ жизни потомковъ. Какъ всякій умершій превращается въ подземное божество, такъ три ликійскіе царя стали хтоническими божествами Трамеловъ или Тремиловъ. Ихъ смерть была насильственная, кровавая, какъ смерть героевъ, о которой повѣствуютъ мѣстныя саги, — припомнимъ сказанія о Неоптолемѣ и гробницѣ его въ Дельфахъ. Но смерть царей была таинственная, отъ руки бога, а такая смерть сама по себѣ уже есть мифологическая черта обожествленія; люди, исчезавшіе съ лица земли или ея покинутые, превращались въ демоновъ, божествъ, которыхъ оравулъ считался наравнѣ съ высшими. Въ данномъ случаѣ мифологическая форма разсказа представляетъ смерть, послѣдовавшую отъ руки Кроноса, бога насилія и человѣческихъ жертвъ, но это была его послѣдняя жертва, — онъ ушелъ, и его смѣнили другіе боги, т. е. у Ликиянъ Аполлонъ съ его свѣтлымъ культомъ. Это тотъ же самый Кроносъ, который напрасно пытался удержаться на тронѣ греческаго Олимпа насильственнымъ прекращеніемъ своего рода, когда, лишенный всякихъ родительскихъ чувствъ, глоталъ своихъ собственныхъ дѣтей. Но и на трехъ обожествленныхъ царей кровавая смерть наложила свою печать: они стали демонами, посылающими гибель врагамъ Ликии ихъ именемъ налагалось проклятіе; ихъ прозвище *σκληροί* (⁴⁸), тождественное съ прозвищемъ демона у Гомера *χαλεπός. σκληρός* (⁴⁹), указывало въ нихъ боговъ — мстителей, тѣ хтоническія силы, пребывающія во мракѣ, которыя всегда были предметомъ страха; ихъ гнѣвъ обнаруживался всеми ужасами безъ

дія въ пораженній проклятіемъ страпѣ; ихъ имя стало шлюю, окончательною, высшею всенародною клятвою, какъ адскихъ рѣвъ; именовъ трехъ царей клялись Ликіане также, Аеніане должны были по закону Солона клясться именовъ божествъ⁽⁵⁰⁾. Наконецъ, самое важное обстоятельство въ оиъ сообщеніи то, что божественные герои представляютъ у, извѣстную форму миеологической систематики греческихъ бжв. Чтобы опредѣлить значеніе этой формы въ данномъ случаѣ позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе, описываемое значеніемъ этого вопроса для самаго памятника. а какъ называемой тріады можетъ представлять слѣдующія два сочетанія: 1) соединеніе трехъ верховныхъ божествъ, сваго пола, напримѣръ самая извѣстная тріада Зевса, Пона и Плутона, 2) утроеніе одного верховнаго божества или тва ниснаго, напримѣръ три Зевса, три Гекаты, Горы и т. 3) троичное соединеніе отца, матери и сына, напримѣръ Исъ, Изиды и Горусъ, Зевсъ, Деметра и Кора. Ясно, что іѣе интереса въ миеологическомъ отношеніи представляетъ й видъ тріады, такъ какъ остальные два относятся къ логіи, и тогда какъ другіе виды насчитываютъ множество образныхъ сочетаній, второй видъ встрѣчается сравнительно о въ примѣненіи къ высшему верховному божеству, да и случаи рода, засвидѣтельствованные миеологіею или памятниками, ргаются еще сомнѣнію. Такъ напримѣръ извѣстный археологъ ръ полагалъ видѣть въ изображеніи извѣстной ассирійской сидской эмблемы (такъ называемый Ферверъ) верховнаго тва — символъ верховной тріады или тріединого бога: эмблеа на памятникахъ Персіи составляется изъ круга, бюста вческой фигуры, крыльевъ и хвоста птицы; въ первой этотъ археологъ видѣлъ символъ персидскаго бога безкоо времени или вѣчности, во второй — Ормузда, въ третьекрыльямъ и хвосту голубя — Митру. Подтверженіемъ ему, иному, служила и заподлинно троичная эмблема верховнаго Ассиріи на цилиндрѣ царя Сеннахериба⁽⁵¹⁾, которая по амъ божества въ кругѣ представляетъ изображеніе на крыльвухъ головъ — также бородатыхъ, какъ и срединное боже-

ство, и кромѣ того изображенія другихъ цилиндровъ, представляющихъ три божества совершенно одинаковаго вида или два такъ же по сторонамъ эмблемы или подъ нею (52). Лажаръ всѣ эти формы относитъ къ триадѣ Митры, верховнаго божества солнца, и на дѣйствительно, знаемъ что въ мнѳологическихъ представленіяхъ Персовъ Митра троился, какъ олицетвореніе трехъ небесныхъ круговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленія дня на утро, полдень и вечеръ. Другіе считаютъ подобныя умозаключенія чистой ошибкой, дѣйстви мистицизмомъ, пустнымъ желаніемъ усмотрѣть триединое божество тамъ, гдѣ много триадъ, и ни одной троицы. И то, и другіе мнѣніе, какъ вѣжета, есть крайность. Искать въ народномъ представленіи издревле существованія триединаго божества, хотя бы въ переидекой религіи, значить ошибаться въ самомъ пониманіи и корней, явно носившихъ характеръ чистаго политеизма, — но что не могло явиться путемъ естественнаго развитія народной религіи, то могло быть создано умозрѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, черты единой триады солнца, можно легко усмотрѣть въ триадѣ Тетиса: она состояла изъ Геракла, Аполлона и Персея, сдѣлавшихся даже другъ съ другомъ, а въ эпоху религіознаго синкретизма составлявшихъ даже одно лицо (53). Ту же троицность въ представленіи божества солнца видитъ Моверсъ въ Ваалѣ Финикіянъ и Вавилонянъ и Гераклъ съ его тремя гесперидскими яблоками (54). Божество природы мужское и женское въ троицномъ дѣленіи или таковомъ же сочетаніи представляютъ намъ далѣе любопытныя, но совершенно загадочныя пока для точнаго опредѣленія фигуры финикійскихъ идоловъ, найденныхъ въ Сардиніи: божество гермафродитическаго характера съ бородой и головой съ рогами, имѣетъ на примѣръ руки, оканчивающіяся двумя головами и т. п. (55); иногда фигура идола имѣетъ три головы, и въ ней археологи видятъ Бритскаго троицнаго Талоса какъ героическое олицетвореніе Молоха, чтившееся въ Сардиніи (56). Триады хтоническихъ божествъ съ подраздѣленіемъ одного божества представляются въ любопытномъ изображеніи трехголоваго Ваала-Плутона съ вилами, подпоясанныя змѣями. Несомнѣнная аналогія чудовищу Церберу (57). Переходя затѣмъ на почву Греціи, мы оставимъ въ сторонѣ разсмотрѣніе тѣхъ

ологическихъ триадъ, которыя здѣсь представляются въ само-
мъ мистеріяхъ, въ видѣ орфической триады отвлеченныхъ
тій (58), тринномъ существѣ Діониса (59), образѣ Гермеса
наго и троякаго Меркурія Этрусковъ (60) трехъ Геракловъ,
ъ отцовъ-владыкъ или триопаторовъ (61), тѣмъ болѣе, что
моги предлагать крайне разнообразныя о нихъ мнѣнія:
выводятъ всѣ эти формы изъ умозрительныхъ системъ миео-
и, сносившихъ число три въ различныя сочетанія, какъ
женіе понятія развитаго вполне и всесторонне; другіе отно-
эти формы спеціально къ мистеріямъ, но также считаютъ
у выраженіемъ идеи феномена, какъ формы естественнаго
роженія и т. п. Что бы ни усматривала миеологія въ такомъ
почтеніи числа три въ этихъ комбинаціяхъ, самое важное,
но указать пункты древнѣйшаго примѣненія этой формы
рактически ея. Гергардъ, задавшись мыслію, что форма
ы сообщена греческой миеологіи культурами Самотраке
емноса, разсматриваетъ эту форму, какъ явившуюся
очительно въ силу различныхъ родственныхъ отношеній,
бствовавшихъ троячной группировкѣ, слѣдовательно, не ви-
на почвѣ Греціи примѣненія втораго типа триады. Между
этотъ типъ очевиденъ въ культѣ Зевса. Павзаній въ кн.
л. 28 говоритъ о видѣнныхъ имъ трехъ статуяхъ этого
которыя изображали собственно Зевса, безъ прозвища,
Хтоніоса — земнаго или подземнаго и Высочайшаго Зевса;
эти статуи находились подъ открытымъ небомъ; понят-
поэтому, что главный между ними былъ Зевсъ высо-
й, алтарь котораго никогда не ставили въ храмѣ. Но эта
— несомнѣнно поздняя, возникшая, уже изъ простаго умо-
и, подобно тому какъ и владетели моря и пресподней,
донъ и Плутонъ какъ верховные боги царствъ, братья
могли называться также Зевсами, ибо верховность Зевса
хъ открывалась. Древнее явленіе этой формы представля-
культъ Зевса Триопаса или трехглазаго; миеологи считаютъ
культъ остаткомъ поклоненія тому Зевсу, который еще
ылъ въ религіозномъ представленіи двухъ братьевъ, раз-
шихъ съ нимъ міръ (62); деревянная статуя его въ Аргоеѣ

происходила изъ древней Трои. Но хотя всѣ мифологи и причисляютъ тоже указанное толкованіе умозрительнаго характера Плаванія, тѣмъ не менѣ азіатскій характеръ божества виднѣтъ былъ даже Вельверу, помѣстившему его въ разрядъ тѣхъ символическихъ образовъ, которыхъ противуестественныя формы употребляли на Востокъ; другіе почему-то считали нужнымъ искать аналогіи съ солярнымъ божествомъ Ведъ; третьи ограничивали указаніемъ на принадлежность іоническому племени. Особенно подтвержденіемъ служить также существованіе въ Каріи трехъ Зевсовъ, правда, раздѣленныхъ эпитетами, въ которыхъ ученые тщетно ищутъ повторенія триады братьевъ.

И вотъ къ этимъ то даннымъ мифологіи присоединяется археологическое указаніе нашего памятника, который такъ представляетъ изображеніе триады мужскаго верховнаго божества. Не входя въ разсмотрѣніе этого самаго изображенія, о чемъ будетъ идти рѣчь въ своемъ мѣстѣ, замѣтимъ, что оно получило въ этомъ мифологическомъ вопросѣ важное значеніе. Самые осторожные изслѣдователи должны были, признавъ существованіе культовъ троякаго Зевса на берегахъ Малой Азіи, допустить еще новую своеобразную форму культа въ Ливіи. Этимологическая игра именами побудила даже Паукера отождествить Зевса троякаго (*τριάχης*) съ Термеромъ — морскимъ разбойникомъ Ливіи, имя котораго тождественно съ Тримплами, и видѣть самую триаду въ сыновьяхъ этого Термера илч Термила: Тлосъ, Ксанефъ, Пинарфъ и Крагосъ, носившихъ въ Ливіи прозваніе *θεοὶ ἄγριοι* «дикихъ боговъ». (63) Если эта попытка и оканчивается неудачною, въ виду разныхъ противорѣчій, то древняя триада, упомянутая Плутархомъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ этимъ непонятнымъ пока явленіямъ греческой мифологіи. И въ ней именно и должны мы искать ливійской своеобразной формы Зевса троякаго. На это намекаетъ уже и враждебное отношеніе Кроноса къ тремъ новымъ божествамъ и особенности высокаго почитанія ихъ, и отчасти отсутствіе какихъ бы то ни было чертъ поклоненія Зевсу въ Ливіи. Можно думать, что это поклоненіе рано было вытѣснено культомъ младшаго бога Аполлона, и божества уцѣлѣли только въ именахъ царей. Что

представляют теперь эти имена сами по себе? Известный Швенк, приведя в свой мифологии Семитовъ въ главѣ о Кроносѣ рассказъ Плутарха, не нашелъ для себя никакихъ новыхъ данныхъ и замѣтилъ только, что имена эти у Евсевія читаютъ иначе, а именно: *Арсалось*, *Аритосъ* и *Тозибисъ*, а что Свидесъ объ имени этого послѣдняго говоритъ, что Тозибисъ былъ богъ, но чей, неизвѣстно, такъ какъ въ текстѣ имя племени утрачено; объ именахъ этихъ, говоритъ Швенкъ, сказать нечего, кромѣ того, что мы ихъ не понимаемъ (64). Такъ какъ Евсевій взялъ рассказъ у Плутарха, то имя *Agutos* вмѣсто *Δρῶς* считаемъ ошибкою, а имя Тозибисъ именомъ неизвѣстнымъ, подставнымъ вмѣсто Трособій, а поэтому принимаемъ формы именъ, данныя Плутархомъ. Между ними первое имя *Арсалось* оказывается ликійскимъ, и притомъ перскаго происхожденія. Корень его оказывается въ персидскихъ собственныхъ именахъ: *Арсакиды*, *Арсаменъ*; *Арсамэ*, именахъ Арменіи: *Арсамосата*; *Карійскомъ* имени царя *Арселия*, именахъ рѣкъ и озеръ: *Арсенъ*, *Арсіасъ*, *Арсіа* въ Арменіи. На известной двуязычной надписи стѣлы Ксанова, въ 10-й строкѣ читается имя *Арсадасъ* (65) и демоса Ликии *Арсადейцевъ*, что дѣлаетъ вѣроятнымъ существованіе города съ именемъ *Арсда* и племеннаго героя *Арсасъ*; по атласу Киперта, городъ *Арса* лежалъ въ долинѣ Ксанова; кромѣ того въ Ликии было имя *Арсасисъ*, и собственное женское имя *Арсисъ* читается въ одной изъ ликійскихъ надписей (66). Предоставляя остальные соображенія лингвистамъ, замѣтимъ, что корень этихъ именъ открывается въ зендскомъ имени *arshān* — въ значеніи мужскаго рода, самца, отъ *arsh* — течь, и въ санскритскомъ *varsh* — дождить. Итакъ, представляетъ ли имя *Арсалось* божество рѣчное или вообще водное, или имя царя этого уже есть производная форма отъ имени рѣки, иранскій корень его *арсенъ* (67).

Имя *Дріосъ* (*Δρῶς*), несомнѣнно производное отъ *дрῶς* — дубъ, священнаго дерева глубокой греческой древности, котораго листья играли роль древнѣйшаго оракула и служили жертвеннымъ приношеніемъ ему; это дерево являлось въ формѣ окрыленной ♀ *δρῶπιτρος* *дрῶς*, — дуою который *Ферекидъ* сопостав-

леть съ священнымъ дравомъ Гомъ⁽⁶⁸⁾; судя по употребленію у древнихъ писателей Гомера и Гезіода, дрѣс представлялъ именно ту породу дуба, котораго жолуди были съѣдобными⁽⁶⁹⁾. Поэтический же приѣмъ по символамъ изъ міра животнаго и растительнаго давать имена людямъ весьма извѣстенъ въ древности въ Египтѣ, въ Греціи, у Римлянъ и пр. Но мы легко можемъ набрать также нѣсколько мифическихъ именъ, произведенныхъ отъ имени дуба: пастыря народовъ Дріанта — исполина Лапита, упоминаемаго въ рѣчи Нестора Ил. 1,260 и Дріадъ, нимфъ лѣсовъ, и Дріоповъ, народъ первобытный, съ его темнымъ культомъ хтоническихъ божествъ, Фракійскаго происхожденія; припомнимъ также демоническое дерево дубъ Форбаса — жестокаго флегійскаго владыки — въ Беотіи по священной пелійской дорогѣ, увѣшанный человѣческими головами — *Δρυός κεφαλαί* ⁽⁷⁰⁾. Высшая клятва жонъ Пріены *τοῦ παρὰ δρυὸς σκότον*, при чемъ дубъ священный представлялся матерью природы, по Плут. *Qu. gr.* 20. ⁽⁷¹⁾ По Павзанію 5, 20, 3 деревья ивѣли такое же священное значеніе въ погребальномъ культѣ, какъ и дубъ, окружавшій гробъ Озириса въ Виблосѣ ⁽⁷²⁾. Превращеніе людей въ деревья тождественно съ представленіемъ апотеозы, обожествленія; они возраждаются къ новой жизни милостью божества. Личность человѣческая, превращаясь въ дерево священное божеству, приимлетъ самимъ божествомъ, становится соучастникомъ его культа — *qui coluere, coluntur*, говоритъ Овидій *Met.* 8,724 ⁽⁷³⁾. Намъ нѣтъ также нужды помощью сравнительной миеологіи объяснять происхожденіе всѣхъ этихъ именъ изъ первоначальнаго грубаго культа природы, и мы ограничимся только замѣчаніемъ, что, на приведенныхъ основаніяхъ, становится возможнымъ даже сопоставленіе этого царя Дріоса съ Зевсомъ, чтившимся въ Додонѣ.

Имя Трособіосъ — ливійское туземное; припомнимъ имена Тросовъ или Тлосовъ, города Тлоса въ долинѣ Ксанова, связь Ливійянъ съ Троей, мифическаго царя Троса, отца Ганимеда и пр. Итакъ одно изъ именъ (Дріосъ) заведомо греческое, другое (Арсалосъ) — иранскаго кося, третье (Трособіосъ) неизвѣстнаго происхожденія. Это распредѣленіе очень характеристично

въ виду полагаемаго въ основу Ликійской исторіи смѣшенія ранней греческой колонизаціи съ туземной расой критскаго племени. Далѣе, второе изъ этихъ именъ прилагается къ племени Арсадейцевъ и городу Арсаде, а третье къ жителямъ сѣверной части Ксантской долины и городу Тросу. Не естественно ли поэтому предположить, что и всѣ три имени относились къ тремъ племенамъ, названія которыхъ, можетъ быть, скрылись въ родовомъ имени Тремиловъ? Тогда эти три царя, являющіеся одновременно въ мифическомъ повѣствованіи, были бы тремя царями — родоначальниками трехъ древнихъ ликійскихъ трибъ.

Оканчивая этими замѣтками разсужденіе о Ликійской триадѣ, считаемъ теперь возможнымъ сказать, что, на общей мифологической основѣ, сопоставленіе этой триады съ триничнымъ Зевсомъ открываетъ само собою; этому не мѣшаетъ ни демоническій характеръ поклоненія, ни героическія имена туземнаго происхожденія. Что касается сопоставленія въ частности, то, за отсутствіемъ другихъ подробностей, кромѣ этимологическаго значенія именъ, всякія догадки должны оставаться пока на почвѣ чистой гипотезы, и мы притомъ встрѣтились съ Ликійскою триадою еще разъ въ области археологической, гдѣ уже, по самому характеру памятниковъ, данныя представляются болѣе точными.

Въ заключеніе же мифологическаго очерка считаемъ нужнымъ оговориться, что его единственная цѣль — вообще характеризовать Ликійскую мифологию — не могла и не должна была охватить всевозможныхъ данныхъ, ею представляемыхъ, и что, преслѣдуя эту цѣль, мы имѣли въ виду лишь установить точку отправленія для дальнѣйшихъ соображеній археологическихъ, такъ сказать, приготовить себѣ въ будущемъ пособіе и руководство.

II.

Начнемъ съ внѣшняго описанія памятника Гарпій и его скульптуръ. Архитектурная форма памятника, несмотря на точное и подробное описаніе, сдѣланное Курціусомъ, нуждается еще въ

нѣкоторыхъ объясненіяхъ по различнымъ пунктамъ, которые не въ правѣ обойти, хотя и не надѣемся рѣшить по нимъ въпросъ окончательно. Эта форма представляетъ четырехугольный столбъ изъ монолита высотой въ 17 ф., помѣщенный на базѣ и увѣнчанный на верху покрывкой въ видѣ нѣсколькихъ плитъ, выдвигающихся одна надъ другой и сверху нагнетенныхъ центральной болѣе высокою плитою, вдвое уже, по діаметру. Столбъ, база и самая покрывка или шапка рублены порознь изъ цѣльныхъ кусковъ. Въ верхней части памятника, подъ самыми нижнимъ свѣшивающихся плитъ, имѣется выдолбленная въ столбѣ комната, дверь въ которую приходится на западной сторонѣ.

Первое затрудненіе, представившееся при характеристикѣ архитектурной стороны памятника, была эта дверь. Она такъ высоко помѣщена и такъ узка, что не могла служить входомъ въ склепъ: отсюда родилось два предположенія: Панофа думалъ, что и самая комната была не оригинальная античная часть памятника, а вырублена какимъ либо подвижникомъ, послѣдвателемъ Симеона Столпника, на что указываютъ и слѣды релігіозной живописи и монограммъ на стѣнахъ комнаты. Это обстоятельство отчасти побудило Панофу и наименовать самъ памятникъ *стѣлою* или *столбомъ*, отвергнувъ названіе «обелискъ» предложенное Феллоусомъ. Курціусъ усвоилъ своему описанію то же названіе, но комнату считалъ оригинальнымъ античнымъ произведеніемъ и цѣль ея устройства видѣлъ въ помѣщеніи въ ней погребальныхъ урнъ съ пепломъ. Но такое соотвѣщеніе заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: греческая *стѣла* есть только четырехугольный пиластръ, поставленный надъ могилою, съ надписаніемъ имени умершаго для памяти, и никогда не заключаетъ въ себѣ тѣла или остатковъ умершаго; *стѣла* только знакъ мѣста погребенія или факта смерти, и потому соотвѣтствуетъ слову *σῆμα*, *σῆμαίον*, употреблявшемуся въ смыслѣ кенотафія. И если стоящій рядомъ съ памятникомъ столбъ съ двуязычною надписью носитъ названіе *стѣлы* въ самой надписи, то это одно еще не даетъ права перенести названіе на памятникъ Гаршіи иначе какъ въ общемъ смыслѣ столпообразнаго памятника съ изображеніемъ или надписью. Точно также мало идетъ къ этому па-

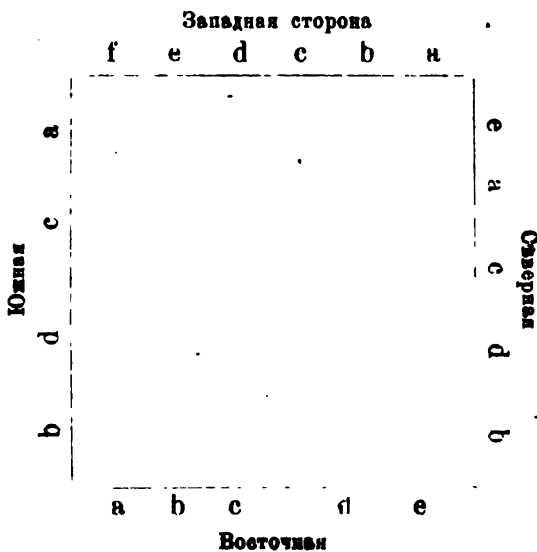
мятнику и названіе *μνημα monumentum* — памятникъ въ собственномъ смыслѣ и *μνημαίον* (терминъ позднѣйшій). Что касается спеціальнаго названія, то, судя по надгробнымъ ликійскимъ надписямъ, памятникъ врядъ ли также могъ носить имя башенки — *πυρῳσχος* ⁽²⁾, названіе, прилагаемое къ высокимъ саркофагамъ т. наз. готической архитектуры; комната же могла называться *δοκοθήκη* — если служила для помѣщенія трупа, или *σωματοθήκη* или *σορός*, что собственно значить «щелочная урна» — нашъ гробъ, а потому обычный саркофагъ; самый же столбъ, какъ явленіе туземное, долженъ былъ имѣть и названіе мѣстное, на туземномъ нарѣчій. Вопросъ о названіи важенъ, однакоже, не самъ по себѣ, но по отношенію къ архитектурной формѣ памятника, которая въ самой Ликии встрѣчается очень рѣдко, а именно, путешественники насчитываютъ всего три такихъ памятника кромѣ нашего; ⁽³⁾ въ другихъ же странахъ древняго міра мы не встрѣчаемъ этой формы въ приложеніи къ надгробнымъ памятникамъ ⁽⁴⁾. Между тѣмъ мы видимъ прямую аналогію формъ нашего памятника въ храмовой утвари, — такъ, прототипъ этой формы оказывается въ изображенныхъ на скульптурахъ Ниневіи персидскихъ или, быть можетъ, ассирійскихъ алтаряхъ; они имѣютъ видъ маленькаго столба, очевидно каменнаго, увѣнчаны такими же плинтусами въ видѣ опрокинутой ступенчатой пирамиды и стоятъ обыкновенно на трехступенчатой террасѣ. Сходные съ нашимъ памятникомъ столбы Ликии также имѣютъ вмѣсто простой базы террасу въ двѣ и три ступени. Мы не будемъ поэтому далеки отъ истины, если, на основаніи общепринятой со временъ Веттихера характеристики, увидимъ въ памятникѣ воспроизведеніе формъ храмовой утвари въ колоссальныхъ размѣрахъ надгробнаго памятника. Но если мы и признаемъ возможною подобную формацію, въ смыслѣ переноса сакральныхъ формъ архитектуры на надгробные памятники, то, напротивъ было бы явнымъ заблужденіемъ видѣть въ этихъ ликійскихъ памятникахъ персидскіе алтари огня, какъ то дѣлаетъ Форбесъ на основаніи замѣченной имъ въ одномъ столбѣ оконной ниши. Между тѣмъ признаніе указаннаго нами происхожденія имѣетъ значеніе также и для рѣшенія будущаго вопроса о сюжетѣ: въ самомъ дѣлѣ, сакральная

формы надгробнаго памятника допускають и въ скульптурномъ сюжетѣ, его украшающемъ, другіе мотивы, болѣе широкаго и высокаго содержанія; на фронтоны гробницы, сдѣланной въ видѣ храма, могутъ быть представлены и боги Олимпа, но ихъ изображеніе невозможно на обыкновенной надгробной стѣлѣ. Наконецъ форму нашего памятника должно признать уже потому оригинальною, что она вовсе не подходитъ подъ установившееся опредѣленіе ливійскихъ надгробныхъ памятниковъ, какъ формъ перенесенія древостроительства на архитектуру въ камень⁽⁵⁾, — опредѣленіе, впрочемъ, слишкомъ обобщенное, такъ какъ оно касается лишь одного рода гробницъ, вырытыхъ въ скалѣ въ видѣ коннаты со всѣми деталями деревянной постройки, и такъ называемыхъ готическихъ саркофаговъ. И потому, если мы согласимся видѣть въ тѣхъ специально ливійскихъ гробницахъ аріискую традицію, состоящую въ усвоеніи каменному строенію, и преимущественно гробницъ, формъ деревяннаго дома (припомнимъ архитектуру персидскихъ дворцовъ и гробницъ), то въ формахъ нашего памятника и подобныхъ ему придется отмѣтить влияніе архитектуры семитической, работающей въ камень⁽⁶⁾.

Памятникъ нашъ поставленъ былъ на акрополѣ, въ Вышгородѣ, въ наиболѣе посѣщаемомъ мѣстѣ; возлѣ находились театръ и столбъ съ знаменитою двуязычною надписью. Такое помѣщеніе памятника имѣло цѣлью оказать особенный почетъ умершему, какъ герою, чѣмъ-либо заслужившему передъ городомъ. Но въ глазахъ древнихъ и вообще памятники ихъ предковъ были предметомъ достойнымъ уваженія и перваго мѣста. Павзаній кн. I, гл. 43,3 рассказываетъ, что Мегаряне и сенатъ свой выстроили среди гробницъ героевъ, по совѣту Дельфійскаго оракула, съ тѣмъ, чтобы въ большемъ числѣ думать о пользѣ отечества. Между тѣмъ понятно, что это положеніе памятника на акрополѣ, въ священномъ участіи, также должно было имѣть значеніе въ дѣлѣ выбора сюжета для барельефовъ, его украшавшихъ, къ содержанію которыхъ мы теперь и переходимъ.

При первомъ взглядѣ, который мы бросаемъ на эти барельефы, распределенные по четыремъ сторонамъ памятника, намъ ясно представляется чередованіе фигуръ стоящихъ и сидящихъ.

первыя подносятъ разныя приношенія, вторыя ихъ принимаютъ или встрѣчаютъ приносящихъ, держа въ рукахъ подобныя же дары. При этомъ изображенія фантастическихъ птицеобразныхъ фигуръ и ногъ одной изъ нихъ представленіе плачущей женщины указываютъ въ сюжетѣ характеръ изображенія надгробнаго. Согласно съ этимъ общимъ очеркомъ, представляемъ формальное описаніе скульптурныхъ сюжетовъ, отдѣляя до времени внутреннее ихъ соотношеніе и художественныя свойства, и для того, чтобы легче было ориентироваться въ композиціи сюжетовъ и ихъ распредѣленіи по четырёмъ сторонамъ, предлагаемъ слѣдующій планъ:

Начиная съ Западной стороны, т. е. съ той, на которой находится дверь, ведущая въ спальню, мы прежде всего замѣчаемъ изображенную надъ дверью корову (b), кормящую теленка. Слѣва отъ двери женская фигура (a), сидящая на тронѣ, ручка котораго опирается на сфинкса, держитъ въ правой опущенной на колѣна рукъ чашу; лѣвая поднята съ жестомъ адораціи; ноги фигуры покоятся на подножій. Противъ нея, на другомъ краю, на тронѣ, ручка котораго украшена на концѣ головкою барана, а задокъ или спинка выгнута въ видѣ лебединой шеи и головы, сидитъ другая женская фигура (f), моложе

возрастомъ; въ правой рукѣ держитъ она цвѣтокъ, приближи его къ лицу, въ лѣвой плодъ гранаты; ноги также покояты на подножии. Передъ этой фигурой стоятъ три женщины: первая (e), лѣвой рукой отводя отъ лица покрывало, правою принимаетъ платье; вторая (d) держитъ цвѣтокъ въ лѣвой рукѣ у лица, а въ правой гранату; третья (c) лѣвой рукою поднимаетъ падающее на ноги платье и въ правой держитъ яйцо. Слѣдующая вѣсная сторона содержитъ по угламъ два изображенія такъ называемыхъ Гарцій (a, b), уносящихъ маленькія человѣческія фигурки въ срединѣ фигуры мужчины (c), со скипетромъ, пожилого возраста, но безбородаго, сидитъ на табуретѣ, держа въ лѣвой поднятой рукѣ и правой, положенной на колѣна, по гранатѣ. Стоящая передъ мужчиною фигура также мужская, юного возраста (d), держитъ въ опущенной лѣвой рукѣ голубя, правую же поднимаетъ съ жестомъ адораціи. Противуположная вѣсная сторона сѣверная содержитъ по угламъ также самыя изображенія Гарцій (a, b), но подъ однимъ изъ нихъ представлена плачущая женщина (e) въ малыхъ размѣрахъ; въ срединѣ мужская фигура (c), съ клинообразною бородою, сидитъ на табуретѣ и правую рукою принимаетъ отъ отъ противуположнаго воина (d) со щитомъ его шлемъ, лѣвою же придерживаетъ длинный скипетръ; подъ табуретомъ изображенъ медвѣдь. Восточная сторона представляетъ въ центрѣ старческую фигуру (c) мужчины съ длинной бородою, сидящаго на тронѣ; ручка его опирается на подпорку въ видѣ тритона; ноги фигуры покояты на подножии; она держитъ въ правой рукѣ поднесенный къ лицу цвѣтокъ, тогда какъ лѣвая рука покоится на скипетрѣ. Передъ этою фигурою мальчикъ (d) въ протянутыхъ рукахъ держитъ пѣтуха и гранатовый плодъ. Края плиты представляютъ позади сидящей фигуры двухъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ (b) держитъ гранатовый плодъ въ лѣвой, цвѣтокъ въ правой у лица; второй (a) лѣвою рукою приподнимаетъ платье правую съ плодомъ или яйцомъ подноситъ къ лицу. Позади мальчика мужская фигура (e), лѣвой опираясь на палку, правую руку поднимаетъ съ жестомъ адораціи (по сохранившемуся образъ ладони нѣкоторому то возвышенію, думали, что рука держала яйцо).

то предметъ; вѣрнѣе считать это недостаткомъ въ рубкѣ мрамора, не вполне какъ бы оконченной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; такъ напр. между ступней стоящей фигуры на Южной сторонѣ есть кусокъ мрамора не высѣченный); возлѣ фигуры собака смотритъ вверхъ на хозяина, повернувъ голову.

Въ силу надгробнаго назначенія этихъ рельефовъ, уже при этомъ первомъ взглядѣ представляются вопросы: гдѣ и какъ изображены на этихъ рельефахъ тѣ, въ память которыхъ этотъ памятникъ поставленъ; кого изображаютъ фигуры стоящія и сидящія, и какая мысль заключается въ этомъ противоположеніи, замѣчаемомъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ; какой наконецъ, смыслъ тѣхъ дѣяній, которыя представлены въ обмѣнѣ различныхъ предметовъ между этими фигурами? Мы уже прежде видѣли, что именно въ разрѣшеніи этихъ общихъ вопросовъ, по мнѣнію изслѣдователей, оказывалась темнота внутренняго содержанія памятника, которое не подходило подъ извѣстныя рамки, требуя болѣе подробнаго анализа всѣхъ частности художественнаго выраженія. И въ то время, какъ одни причину этой темноты, неопредѣленности видѣли въ богатствѣ миеологическаго неизвѣстнаго намъ содержанія, которое тотчасъ разъяснилось бы, еслибы были надписи, — другіе считали памятникъ художественнымъ воспроизведеніемъ обрядовъ особаго опять таки намъ неизвѣстнаго ливійскаго культа мертвыхъ. Одни затѣмъ искали источника познанія въ персидской миеологій, полагая необходимымъ происхожденіе памятника приписать Персамъ, другіе, какъ Бахофенъ, относили его содержаніе къ орфическимъ мистеріямъ. Изъ всѣхъ подобныхъ мнѣній самымъ сильнымъ, повидимому, было послѣднее, и къ нему, какъ мы уже указывали, обратился подъ конецъ Курциусъ. Но, не говоря уже о томъ, что это послѣднее указаніе основано было лишь на одной детали памятника, оно имѣло вообще характеръ мнѣнія, заранѣе составленнаго по другимъ источникамъ; всякому археологу извѣстны надгробные памятники, носящіе характеръ Орфико-Діонисова культа, особенно многочисленныя въ періодъ упадка греческаго искусства; извѣстно также, что содержаніе ихъ сюжетовъ никогда не предлагало той загадочности, какую мы ви-

димъ въ памятникѣ Гарпій. Отсюда понятно, что никто изъ ученыхъ не рѣшился воспользоваться открытіемъ Бахофена для цѣлей истолкованія, а кто пользовался имъ для частныхъ, внадалѣ въ ошибки (?). Если же Бахофенъ прибавлялъ къ своему мнѣнію, что орфия въ Ликии могла создать какія-либо особыя мистеріи, послужившія содержаніемъ памятнику, то эта прибавка никакъ не могла руководить археолога, привыкшаго уже къ атрибутамъ этихъ мистерій на другихъ памятникахъ. Можемъ ли мы также согласиться со всеми послѣдствіями, которыя связаны съ мнѣніемъ, что неопредѣленность, темнота содержанія заключается въ неизвѣстныхъ намъ малоазіатскихъ культахъ, въ отсутствіи миеологическихъ данныхъ? Въ своемъ очеркѣ ликійскихъ миеологическихъ сказаній мы отмѣтили то обстоятельство, что Ликия долго сохраняла древнія туземныя вѣрованія, что эти вѣрованія слились съ греческими и хотя отчасти, но переданы намъ писателями. Въ эпоху созданія памятника, признаннаго греческимъ произведеніемъ, Ликия имѣла уже культы греческіе, засвидѣтельствованные монетами. Но если бы мы и согласились съ этимъ существованіемъ неизвѣстныхъ культовъ, то прихѣры ассирійскихъ скульптуръ не доказалъ ли бы намъ всетаки несостоятельности мнѣнія тѣхъ изслѣдователей, которые находили невозможнымъ истолкованіе. Много ли знаемъ по ассирійской миеологии, кромѣ именъ боговъ и краткихъ эпитетовъ, а между тѣмъ никто не отступался отъ объясненія религіозныхъ изображеній Ассирій, какъ отъ задачи невозможной. Наконецъ тѣ, которые утверждаютъ невозможность толкованія памятника, изображающаго чуждые греческому міру мѣны, признаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что барельефы работы греческимъ художникомъ. Спрашивается: какъ же понимать подобное сочетаніе? Думаютъ ли, что жители Ксанеа — варвары призывали нарочно греческихъ художниковъ изъ за моря работать имъ надгробные памятники? Но такое предположеніе, умѣстное во время Мавзола, непонятно въ эпоху процвѣтанія греческой культуры въ Малой Азійи и Ликии до Персовъ. Очевидно, что нужно признать существованіе въ Ликии художественной греческой школы, можетъ быть, сосредоточившейся именно въ Ксанеѣ (откуда и вывезено Фаллоусенъ

большая часть архаическихъ скульптуръ),—а гдѣ греческое искусство, тамъ въ эту эпоху и греческое населеніе. Въ прочихъ архаическихъ памятникахъ Ливіи мы не находимъ съ другой стороны ничего столь загадочнаго, небывалаго, что предполагало бы неизвѣстную мнѳологію, неизвѣстный культъ мертвыхъ. Требуется ли поэтому въ памятникѣ Гарсій видѣть фактъ исключительный, единичный?

Но, и идя далѣе, мы постоянно встрѣчаемъ различныя сомнѣнія и недоумѣнія. Почти всѣ изслѣдователи полагаютъ видѣть въ сидящихъ фигурахъ изображенія божествъ, а именно трончанаго Зевса на основаніи противоположенія ихъ другимъ фигурамъ, ихъ позы и пр. Но не странно ли видѣть подобное сопоставленіе боговъ и смертныхъ? Еще сомнительнѣе изображеніе Зевса на надгробномъ памятникѣ. Что мѣшаетъ наконецъ видѣть здѣсь изображеніе такихъ же людей? Въдѣ многіе памятники представляютъ намъ въ этомъ положеніи самихъ умершихъ: на креслахъ, нерѣдко богато украшенныхъ, съ подножіемъ, сидитъ мать семейства, окруженная своими домочадцами; голова ея, покрытая покрываломъ, опущена въ знакъ горя о вѣчной разлукѣ, и на лицахъ приближенныхъ выражается тоже чувство потери дорогаго существа. Это не сцена прощанія, но изображеніе прошлаго счастья, помраченнаго смертью. Археологія привыкла къ такимъ сюжетамъ на аттическихъ рельефахъ и она въ правѣ предположить, что существенныя черты греческихъ надгробныхъ памятниковъ воспроизводились вездѣ, гдѣ были Греки, а слѣдовательно и въ Малой Азіи. Барельефъ, изображенный въ нишѣ скалы въ Киликіи (8) представляетъ намъ двѣ фигуры старика и жены его сидящими на возвышеніи; въ сторонѣ четыре лица въ позахъ, выражающихъ печаль, изображаютъ семью умершей четы. На надгробномъ рельефѣ изъ Митилены, привезенномъ Ньютономъ (въ Британскомъ музеѣ), умершій изображенъ лежащимъ на постели; передъ нимъ стоятъ его ближніе съ различными приношеніями. Не падаютъ ли поэтому всѣ эти предположенія о неизвѣстныхъ богахъ, изображенныхъ на памятникѣ (9)? Нѣтъ нужды, что подобный реализмъ возрѣвній такъ же мало даетъ для пониманія памятника, какъ и указанныя выше пред-

положенія, что онъ не замѣчаетъ существенной разницы между содержаніемъ аттическихъ рельефовъ, изображающихъ гордыхъ семейство, и нашимъ памятникомъ, двѣ стороны котораго опочены фантастическими Гарпіями, и что никакими ухищреніями нельзя объяснить себѣ при этомъ предположеніи фигуры женщины подъ сѣдалищемъ и т. п.

Наконѣцъ, въ чемъ заключается общая мысль памятника, гдѣ искать ее, — вопросъ, который раздѣлили толкователи на два лагера: одни искали ее въ символикѣ сокровенныхъ вѣщаній, связанныхъ съ идеею безсмертія; другіе (Фридрихъ), отвергая вполне это мнѣніе, какъ умствование, всю оригинальность памятника полагали въ томъ, что характеристическою чертою умершихъ представлено благочестіе, чего притомъ будто бы встрѣчается нигдѣ, кромѣ памятника Гарпій.

Мы напѣренно представили сводъ всѣхъ этихъ вопросовъ сомнѣній и недоумѣній, возникавшихъ у изслѣдователей: намъ цѣлью было показать, что при этомъ разногласіи воззрѣній только путемъ анализа всѣхъ подробностей возможно будетъ установить общій взглядъ на памятникъ. Но, предварительно разсмотрѣнія различныхъ частныхъ по порядку ихъ слѣдованія, ищемъ въ памятникѣ той путеводной нити, которая должна руководить въ этомъ разсмотрѣніи. Этою путеводною нитью служить, во первыхъ, композиція памятника: это первый элементъ замѣчаемый зрителемъ въ пластическомъ изображеніи; съ разсмотрѣнія композиціи начинается изслѣдованіе, когда слѣдуетъ изобразеній для него не ясенъ или вполне неизвѣстенъ. При этомъ положимъ, что мифологическій сюжетъ группы Лаокоона совершенно неизвѣстенъ изъ классической литературы: сила драматической концепціи одна уяснила бы намъ сюжетъ во всѣхъ частностяхъ и указала отношеніе изображенныхъ лицъ, хотя бы она не назвала именъ. Какъ часто одни данныя композиціи открываютъ содержаніе античныхъ памятниковъ мифологическому реальному смыслу! И тѣмъ важнѣе ее изученіе въ разсмотрѣніи надгробныхъ памятниковъ, въ которыхъ вся мысль ограничивается выраженіемъ родственно-близкородственныхъ изображенныхъ фигуръ. Итакъ, что же представля-

въ общемъ композиція памятника Гарпій? Изъ какихъ данныхъ, иначе, складается ея общая характеристика? Прежде всего замѣтимъ, что отвѣты на эти вопросы давались изслѣдователями весьма различныя, смотря по тому, какъ смотрѣли они на самое содержаніе памятника. Первый опытъ толкованія, видѣвшій въ рельефахъ его представленіе мифа о дѣтяхъ Пандара, предполагалъ развитіе этого мифа на всѣхъ четырехъ сторонахъ; всѣ фигуры памятника считались изображеніями разныхъ божествъ, участвовавшихъ въ мифологическомъ событіи, а центромъ композиціи ставилось изображеніе Гарпій, уносящихъ дѣтей. Грубыя ошибки, къ которымъ повело подобное толкованіе, показывали, что пониманіе композиціи было совершенно ложно. Затѣмъ Паноффа, замѣтивъ рѣзкую изолированность всѣхъ группъ, на которыя дробится изображеніе, пытался соединить ихъ въ сочиненной имъ самимъ аллегорической комбинаціи, о которой мы уже говорили, но при этомъ онъ долженъ былъ исказить самое значеніе символовъ для поддержки придуманной, натянутой и сухой систематизаціи; такъ изображеніе коровы, кормящей теленка, ему пришлось связать съ Іо и отдаленной Изидой, и въ тоже время считать небывалой эмблемой вечера. Художественный анализъ изображеній въ изслѣдованіи Брауна мало помогъ ему, какъ и всѣмъ его послѣдователямъ, освободиться отъ ложной точки зрѣнія на композицію: обращая все вниманіе лишь на мифологическую сторону памятника и забывая въ немъ его надгробный характеръ, этотъ ученый настоятельно искалъ *движенія* композиціи, какъ бы въ эпическомъ разсказѣ; точкою отправленія этого движенія онъ считалъ дверь на западной сторонѣ и оттуда слѣдовалъ черезъ южную, восточную и сѣверную къ изображенію плачущей женщины — концу этого движенія. Не говоря о томъ, что это движеніе прерывалось Гарпіями и пр., укажемъ только одинъ интересный фактъ: идя отъ западной стороны къ южной и восточной, Браунъ замѣтилъ, что сидяція фигуры этихъ сторонъ (с и с') обращены лицомъ по направленію принятаго имъ движенія, т. е. слѣва направо, но фигура (с) сѣверной стороны обращена лицомъ на встрѣчу этому движенію, — признакъ, по которому ученый археологъ готовъ былъ въ этой

фигуръ видѣть бога Анда, который изображается на памятникахъ, отвергнувшись отъ другихъ свѣтлыхъ боговъ олимпійскаго. Но не вслѣдствіе этого одного примѣра натяжки отвергаемъ и приемъ Брауна въ изслѣдованіи композиціи, а въ силу другихъ соображеній.

Прежде всего мы видимъ, что рельефы расчленены въ рядъ группъ: на первый взглядъ этихъ группъ четыре по числу сторонъ. Если мы примемъ даже это число, то противоположеніе сторонъ приведетъ насъ прямо къ открытію, что и между изображениями существуетъ полная симметрія, заключающаяся въ противоположеніи; это замѣтно уже въ числѣ фигуръ: пять на В. и пять на З.; четыре на Ю. и четыре на С., такъ какъ эти стороны уже раздѣлами. Идя далѣе такимъ путемъ, мы приходимъ къ предположенію, что въ рельефахъ памятника дана на мѣренно полная симметрія, выраженная въ параллелизмѣ самихъ рельефовъ и всѣхъ отдѣльныхъ изображеній. Г. Праховъ въ своемъ изслѣдованіи: «о композиціи фронтоновыхъ группъ Эггскаго храма» (10) принимаетъ, что въ памятникѣ Гарпій явно по крайней мѣрѣ, желаніе устроить параллелизмъ изображеній. что оно видно въ соответствіи восточной и западной сторонъ, но еще болѣе южной и сѣверной, что эти послѣднія вполнѣ параллельны «въ частяхъ», «но, прибавляетъ онъ, параллельны въ планѣ, какъ это и слѣдуетъ ожидать отъ всякаго архитектурнаго украшенія (т. е. что на одной сторонѣ находится направо, то на противоположной должно находиться налево, и обратно)». Это заключеніе г. Прахова о такой формѣ параллелизма основывается, видимо, на мнимомъ несоответствіи сидящихъ фигуръ Ю. и С. стороны, которая, и по словамъ прежнихъ описателей, обращены въ разныя стороны. Между тѣмъ,— страннѣйшій фактъ — и эти фигуры *вполнѣ* параллельны: мѣста, ими занимаемая, противоположны, и онѣ сами обращены въ одну сторону, т. е. лицомъ къ Восточной сторонѣ: чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только посмотрѣть на то, какъ сами рельефы располагаются на памятникѣ (въ планѣ буквы с и с). Такой же полный параллелизмъ замѣчается въ фигурахъ Гарпій, изъ которыхъ двѣ изображены летящими по направленію къ Западу, а другія двѣ

къ Востоку; но симметричность изображенія на этомъ не оставливается: она переходитъ и на такіа мелочи, въ которыхъ художникъ легко могъ бы дозволить себѣ полную свободу. А именно: дѣти, несомня Гарпіями, протягиваютъ къ нимъ руки, выражая этимъ довѣріе и любовь. Но мотивъ этотъ разнообразенъ слѣдующимъ образомъ: на южной сторонѣ только одна рука ребенка протягивается, касаясь лица Гарпій, и то, что дѣлаетъ на одной сторонѣ правая рука, дѣлаетъ на другой лѣвая, устанавливая соотвѣтствіе угловъ; на сѣверной же сторонѣ обѣ руки охватываютъ и у той, и у другой фигуры, грудь Гарпій съ болѣе полнымъ выраженіемъ дѣтскаго страха и довѣрія. Г. Праховъ достаточно разобралъ причины, заставившіа художника пожертвовать строгимъ соотвѣтствіемъ между фигурами В. и З. стороны, чтобы параллелизмъ этихъ сторонъ нуждался еще въ доказательствахъ. Но мы, отвергая предложенный имъ архитектурическій параллелизмъ, или соотвѣтствіе въ планѣ, въ обратномъ расположеніи, убѣждаемся также и въ томъ, что художникъ, работавшій рельефы памятника, имѣлъ въ виду не одинъ внѣшній параллелизмъ, но и строгое внутреннее соотвѣтствіе изображеній, соотвѣтствіе по мысли. Извѣстно, что на подобномъ внутреннемъ соотвѣтствіи сюжетовъ, параллельно взятыхъ изъ Ветхаго и Новаго Завета, художники средневѣковой эпохи строили свою задачу образнаго поясненія евангельскихъ событій ⁽¹¹⁾. Если мы, при теперешней постановкѣ вопроса, еще не въ правѣ дѣлать умозаключеній о внутреннемъ соотвѣтствіи изображеній нашего памятника, то по крайней мѣрѣ, можемъ указать это соотвѣтствіе, насколько оно отражается въ распредѣленіи атрибутовъ. На В. и З. сторонахъ троны украшены сфинксомъ, головою барана, лебеда, тритономъ; напротивъ того, сидѣнья на Ю. и С. представляются въ видѣ простыхъ табуретовъ (хотя это и обусловлено меньшими размѣрами средних плитъ этихъ сторонъ). Двѣ фигуры мужскія съ атрибутами на В. сторонѣ соотвѣтствуютъ двумъ женскимъ стоящимъ фигурамъ съ такими же атрибутами на З. Еще болѣе: рассматривая внимательно составъ памятника, мы легко замѣтимъ, такъ сказать, переходы внутренняго содержанія изображеній: углы В. и З. стороны, примы-

кающіе къ Ю., и сама эта сторона представляютъ изобиліе атрибутовъ известнаго характера: цвѣтка, гранаты; напротивъ того, углы В. и З. сторонъ, примыкающіе къ С. сторонѣ, и сама эта сторона лишены этихъ атрибутовъ. Не ясно ли намѣчена здѣсь общая мысль, заправлявшая вѣшнимъ распредѣленіемъ изображеній, — какова бы она ни была. Самый памятникъ представляетъ четырехсторонній столбъ, обелискъ; скульптуры, его украшавшія, проходятъ по вѣсьмъ этимъ сторонамъ, соотвѣтственно четыремъ странамъ свѣта. Уже это одно обстоятельство составляетъ оригинальный мотивъ, не повторяемый античными гробницами, и напоминаетъ намъ формы азіатской архитектуры. Если стороны памятника противоположны, то возможно, что эта вѣшняя противоположность переходитъ во внутреннюю въ содержаній скульптуръ противоположащихъ сторонъ. Всѣ эти черты характера вскроются лишь послѣ окончательнаго разсмотрѣнія, но и теперь уже мы можемъ указать подтвержденіе нашему предположенію. Непосредственное указаніе погребальнаго назначенія находится на западной сторонѣ въ видѣ двери, ведущей въ погребальную камеру. Это реальное указаніе совершившагося превращается въ мистическое изображеніе того, что послѣдовало за смертію съ душами умершихъ, на сторонахъ южной и сѣверной въ видѣ Гарпій, уносящихъ души по направленію къ Востоку и Западу, но только на сѣверной сторонѣ представлено выраженіе горя у близкихъ о потерѣ. Всѣ остальные стороны чужды этого выраженія горя, а восточная сторона по преимуществу, такъ сказать, удаляется отъ изображеній смерти. Гдѣ же и какъ изображены умершіе? При такихъ мистическихъ сторонахъ представленія, каковы Гарпіи, понятно, неестественно было бы изображеніе умершихъ въ ихъ жизненной обстановкѣ, на пиру или среди родственниковъ, — они уже выдѣлены смертію изъ ряда людей, общеніе съ которыми продолжается у нихъ только в таинственныхъ обрядахъ культа мертвыхъ. Но нельзя также, с другой стороны, по принятой характеристикѣ считать всѣ фигуры стоящія изображеніемъ умершихъ. Въ этомъ случаѣ помощь намъ представляетъ то указаніе на параллелизмъ, симметричность изображенія, о которыхъ мы говорили выше. Если и

приемъ, что сидяція фигуры представляютъ божествъ, то фигуры, непосредственно къ нимъ приближенныя, должны изображать умершихъ. Тогда окажется, что эти изображенія на всѣхъ четырехъ сторонахъ занимаютъ среднюю часть украшенной скульптурами стороны, или среднюю плиту. Таковыми фигурами будутъ: несомнѣнно, стояція фигуры южной и сѣверной стороны, мальчикъ восточной и, можно полагать также, передняя женская стоящая фигура западной. Симметрия укажетъ намъ параллельность въ двухъ стоящихъ женскихъ фигурахъ (d и c) западной и таковыхъ же восточной стороны (a и b). Соответствие будетъ нарушено лишь фигурой съ собакой (e) восточной стороны, которая занимаетъ здѣсь мѣсто изображенія сидящей фигуры (a) божества на западной. Самое естественное предположеніе позволяетъ въ этихъ послѣднихъ фигурахъ видѣть родственниковъ умершихъ, и оно подкрѣпляется аналогичностью ихъ атрибутовъ, которые несутъ, такъ сказать, обще-погребальный характеръ, въ отличіе отъ тѣхъ особенныхъ символическихъ приношеній, какими надѣлены сами умершіе, какъ-то голубь, пѣтухъ и шлемъ.

При такомъ положеніи, исходъ общаго толкованія сюжета долженъ признать, что всѣ сидяція фигуры памятника изображаютъ божествъ. Изъ нашего очерка литературы памятника Гарпій видно, что это признаніе полагалось въ основу толкованія, что оно, въ глазахъ изслѣдователей, не нуждалось даже въ оправданіи. Но мы указали также, что возможны были и инныя мнѣнія, а именно Юлія Брауна, который въ описаніи малоазіатскихъ памятниковъ коснулся и нашихъ скульптуръ; по его мнѣнію, всѣ фигуры изображаютъ умершихъ. Итакъ, какія данныя въ самомъ изображеніи говорятъ за предположеніе въ этихъ формахъ божествъ и говорятъ ли какія либо другія противъ этого предположенія? Предварительно замѣтимъ, что сидяція фигуры западной стороны всѣми признаются за двухъ богинь, и всякое другое мнѣніе прямо невозможно, такъ какъ иначе памятникъ представлялъ бы крайній хаосъ совершенно непонятныхъ формъ. Но если божественный характеръ этихъ фигуръ прежде всего запечатлѣнъ въ ихъ торжественныхъ позахъ на

высокихъ украшенныхъ тронахъ, то не ясно ли представляется тотъ же характеръ въ подобной же восточной фигурѣ, а отъ нея уже, какъ естественный переходъ, въ фигурахъ южной и сѣверной стороны, хотя эти послѣднія и сидятъ не на тронахъ, а на табуретахъ. Что можетъ говорить въ пользу предположенія триады божествъ и что въ пользу триады умершихъ? Начнемъ съ перваго.

1) Фигуры наши держатъ въ рукахъ длинныя, въ ростъ человѣческой, скипетры, какъ подобаешь верховнымъ божествамъ; эти скипетры прислонены спокойно къ плечу. На другихъ памятникахъ умершіе также держатъ палки, но это уже не скипетры, а болѣе или менѣе короткіе посохи, на которые опирается умершій, и этотъ посохъ служитъ для него символическимъ изображеніемъ далекаго путешествія, которое онъ предпринимаетъ, или же заимствованъ изъ обыкновенныхъ привычекъ умершаго.

2) Всѣ фигуры сидящія принимаютъ различныя приношенія, которыя, какъ увидимъ, равно относятся къ символамъ божествъ, какъ и къ культу погребальному, но сѣверная сторона въ числѣ этихъ приношеній представляетъ племь, а на южной сторонѣ божество отвѣчаетъ своему адоранту символическими дарами.

3) Гораздо естественнѣе видѣть символическое сочетаніе умершихъ съ божествами, нежели живыхъ съ умершими въ актѣ надгробнаго культа.

4) По всѣмъ примѣтамъ именно въ предстоящихъ фигурахъ должны мы видѣть умершихъ.

5) Въ отношеніяхъ фигуръ предстоящихъ и сидящихъ нигдѣ не видимъ мы какого-либо намека на родственныя связи.

6) Самое разнообразіе представленій, заложенное въ эти фигуры и выраженное въ атрибутахъ, отсутствіе необходимой общности въ символахъ и манера изображенія указываетъ на божествъ, не на умершихъ.

7) Полная невозможность объяснить атрибутъ сѣверной стороны въ видѣ медвѣдя по отношенію къ человѣческой личности.

Какія данныя говорятъ за изображенія умершихъ?

Панофка въ началѣ своего изслѣдованія выражаетъ ту мысль, что изображеніе смертнаго въ непосредственной близости къ божеству нуждается всегда въ извѣстномъ художественномъ различеніи, — ученый разумѣлъ, очевидно, при этомъ тѣ вотивныя скульптуры, на которыхъ смертный, предстоящій божеству, является въ видѣ маленькой фигуры. И такъ какъ этого различенія не сдѣлаю на нашемъ памятникѣ, то Панофка полагалъ необходимымъ, для устранения представлявшейся неловкости, предположить, что и стоящія фигуры изображаютъ лицъ миеологическихъ. Но мы не разъ будемъ имѣть случай указывать на памятники преимущественно Востока (восточные цилиндры полны сопоставленій божества и смертныхъ), и именно Малой Азій, въ которыхъ о подобномъ различеніи нѣтъ и рѣчи; слѣдовательно, нѣтъ нужды и требовать его отъ памятника Гарпій.

Изслѣдованія и замѣтки по стилю этого памятника, принадлежащія Брауну и Прахову, указывали слишкомъ часто на реальность въ изображеніи этихъ фигуръ, чтобы можно было обойти этотъ общій вопросъ о типѣ божествъ. Въ самомъ дѣлѣ, типъ этотъ на столько характеристиченъ и даже оригиналенъ, что мы при всѣхъ розысканіяхъ не найдемъ его на античныхъ скульптурахъ (аналогическія формы только на вазахъ архаическаго періода). Возрастъ, приближающійся къ старческому, приниженность, сутуловатость и даже сторбленность, видимое отолщеніе членовъ, все это какъ-то мало идетъ къ божеству, идеальныя черты котораго стремится, хотя въ предѣлахъ своего разумія и познаваемой дѣйствительности, создать изначала греческое искусство, гдѣ бы оно ни являлось. И, конечно, эти черты типа, а не что-либо другое заставили г. Прахова сблизить данныя фигуры съ такъ называемымъ рельефомъ фронтона, — также памятникомъ изъ Ксанеа (12), изображающихъ двухъ стариковъ, сидящихъ по сторонамъ колонны, на которой изображена Сирена. Плита эта, закрывавшая фронтонъ гробницы, имѣетъ въ вышину 1 ар. 2 вер., шир. $1\frac{1}{2}$ ар. и около $\frac{1}{4}$ ар. въ толщину (этотъ послѣдній размѣръ указываетъ на принадлежность плиты къ гробницѣ, вырубленной въ скалѣ, а не свободно стоящей, такъ какъ

фронтонныя плиты ливійскихъ саркофаговъ въ Британскомъ Музее гораздо тоньше). По аналогіи съ другими фронтонными ливійскихъ гробницъ, рельефъ, вѣроятно, содержитъ изображеніе умершихъ. А именно въ то время, какъ верхняя поверхность этихъ гробницъ указываетъ на крышѣ напр. изображеніе Бельлерофона, преслѣдующаго Химеру, на конькѣ—сцены битвы, и въ обычной обстановкѣ со слугами, а на фризѣ внизу такіе сюжеты реального содержанія: мужская фигура вѣщаетъ или женская фигура въ бесѣдѣ съ мужскою; мужчина пожимаетъ руку у другаго; разговоръ двухъ мужскихъ фигуръ, все это сюжетъ аттическихъ стѣлъ, — инныя задачи предоставлялись челу гробницы — фронтону, скрытому нависшею крышею. Изъ памятниковъ древнѣйшихъ, описанныхъ г. Праховымъ, два содержатъ во фронтонѣ изображенія сфинксовъ, но эти фронтонныя, по всей вѣроятности, были и единственнымъ украшеніемъ гробницы, выступившей въ скалѣ, и украшенной этими плитами, тогда какъ между ними (или между ними) должна была непосредственно находиться дверь, ведшая въ гробницу. Два большихъ саркофага Британскаго Музея сочетаютъ эту древнѣйшую форму съ новыми украшеніями, а именно: фронтонъ ихъ дѣлится на 4 поля; на первомъ саркофагѣ, въ верхнихъ двухъ поляхъ находятся изображенія сфинксовъ, а въ нижнемъ — двухъ сидящихъ фигуръ: одна изображаетъ бородатаго мужчину на табуретѣ, покрытомъ матеріею; лѣвая нога положена на правую (поза, выраженная вѣроятно, успокоеніе); правая рука поднята въ смыслѣ обращенія къ другой фигурѣ; слѣва женская фигура, съ головною повязанной въ покрывало. На другомъ саркофагѣ также мужская жена во фронтонѣ, но болѣе юнаго возраста; въ позднѣйшихъ готическихъ гробницахъ фронтонныя содержатъ прямо изображенія такъ называемаго прощанія, въ видѣ двухъ стоящихъ фигуръ мужа и жены — какъ копія съ аттическихъ стѣлъ (13). На фронтонѣ особенно позднемъ (нум. 160, слѣпокъ въ Британскомъ Музее) мѣсто древнихъ сфинксовъ заняли уже двѣ фигуры танцорокъ въ короткихъ дорическихъ хитонахъ съ гребенчатой корзинкой на головѣ, — изъ эпохи оргіастическаго служенія Дионису и Артемидѣ. Итакъ фронтонныя эти изображаютъ умершихъ

въ типахъ фронтона, описаннаго г. Праховымъ, замѣчается сходство съ типами сидящихъ фигуръ восточной и южной стороны. Но, во первыхъ, самъ же г. Праховъ очень удачно доказалъ, что по стилю этотъ рельефъ гораздо позднѣе памятника Гарпій, — слѣдовательно, прямое сопоставленіе по типамъ не можетъ еще рѣшать вопроса, а пункты сходства въ изображеніи, указываемые г. Праховымъ, не существенны: такъ называемый жестъ адорація столько же отличаетъ фигуру умершаго, съ мольбою обращающагося къ богу, сколько и фигуру божества, благосклонно пріемлющаго моленія и просьбы. И все ли фигуры нашего памятника носятъ общія черты описаннаго старческаго типа? Фигура южной стороны безбородая, но она, замѣчаютъ многіе, поэтому еще не моложе фигуры восточной стороны, — это видно по ея одутловатости. Эта одутловатость, дѣйствительно, существуетъ, — она особенно замѣтна въ шеѣ и плечахъ, но эта черта не одно то же съ обрюзглостью той фигуры фронтона, которая представляетъ намъ беззубаго, дряхлаго старика. Различіе этой старческой фигуры съ божествомъ южной стороны, лицо котораго носитъ положительно характеръ молодости, не можетъ быть оставлено безъ замѣчанія. А если обратить вниманіе на то, какое положеніе имѣлъ художникъ въ виду для своихъ рельефовъ, т. е., что на значительной высотѣ самая одутловатость должна была сильно скрадываться, ясное доказательство чего можно видѣть въ той стройности фигуръ, какая отмѣчаетъ собою рисунокъ, сдѣланный впервые Феллоусомъ, то и самое сопоставленіе не будетъ имѣть мѣста. Быть можетъ, далѣе, это отолщеніе имѣло цѣлью не только реалистически выразить возрастъ божества, но и приблизиться къ той искомой характеристикѣ важнаго, степеннаго, которая отличаетъ собою изображенія божествъ въ древнюю эпоху, особенно на греческомъ востокѣ. И наконецъ, положительнымъ опроверженіемъ этихъ умозаключеній можетъ служить та фигура сѣверной стороны, которая, отличаясь стройностью въ позѣ и пропорціяхъ, представляетъ мужчину въ порѣ крѣпкой мужественности, а, короче сказать, совершенно въ извѣстномъ типѣ архаическаго Гермеса. Что касается несомнѣннаго старчества восточной фигуры,

то степень его не такова, чтобы мы не могли найти подобных типовъ божества въ греческомъ искусствѣ архаической эпохи. На нихъ указываютъ вазы, и если мы не видимъ ихъ въ статурахъ, то, очевидно, потому, что въ этой области искусства греческой почвѣ уже рано искало идеальныхъ мужественныхъ формъ, — таковъ, напримѣръ, метопъ Селинунта съ изображеніемъ Зевса и Геры. Намъ нѣтъ нужды припоминать Барийскія лысаго Зевса, чтобы варварскимъ влияніемъ оправдать подобныя изображенія божествъ. Гораздо позднѣе и подъ влияніемъ новыхъ нравовъ и измѣнившейся жизни стали Греки видѣть въ старости періодъ разрушенія тѣлеснаго и духовнаго, тогда какъ Гомера старость есть возрастъ, обладающій духовными преимуществами (14). Наконецъ замѣтимъ вообще, что мы слишкомъ мало знаемъ архаическихъ произведеній, чтобы имѣть возможность судить безусловно о типахъ божествъ этой эпохи, а между ними всѣмъ не знаемъ типовъ Зевса, какъ говорить Овербекъ въ своемъ специальномъ сочиненіи объ этомъ божествѣ (стр. 10 сл.). Припомнимъ, далѣе, общую неопредѣленность нравственно-го типа божествъ даже въ періодъ окончательнаго образования греческой мѣологии, и ту свободу, которою художники пользовались въ этотъ періодъ, стремясь къ совершенной общаго типа оригинальности, сначала въ высшихъ образахъ этой мѣологии, потомъ въ болѣе низшихъ, изображая бога то съ бородой, то безъ бороды, извлекая для божества всю красу дѣйствительности, покрывая нагую финикійскую Афродиту изящными гофрированными складками богатаго платья, чтобы потомъ вновь обнажить ее.

Наконецъ, еслибы мы рѣшили отказаться отъ желанія имѣть въ этихъ трехъ фигурахъ непремѣнно триаду божествъ Зевсова типа, то мы этимъ выиграли бы значительно въ дѣлѣ индивидуальности божествъ, отличающихся такимъ оригинальнымъ типомъ и, какъ увидимъ, отмѣченныхъ атрибутами, носившими характеръ символическаго культа мертвыхъ.

Мы рассмотрѣли вератцѣ пункты внѣшняго проявленія и если въ формахъ изображенныхъ лицъ и концепціи содержания. Но что же связываетъ всѣ эти фигуры въ композиціи, въ чемъ выражены внутреннія ихъ отношенія? Разсматривая вновь и

памятникъ, мы замѣчаемъ, что почти всѣ фигуры снабжены какими либо предметами, которые они и держатъ въ рукахъ. Эти знаки — языкъ памятника, ими говоритъ онъ зрителю, и ими говорятъ также фигуры другъ съ другомъ. По глубокому заключенному въ нихъ содержанію они носятъ названіе *символовъ*. И такъ какъ памятникъ Гарпій, при сравненіи съ другими надгробными памятниками, наиболѣе представляетъ этихъ знаковъ, то изслѣдователь совершенно въ правѣ заключить, что характеръ его изображеній отиѣченъ символизмомъ, который и составляетъ существенную, основную черту художественнаго языка этого памятника. Поэтому, прежде нежели примемся за разборъ самыхъ знаковъ, мы должны рассмотретьъ ихъ совокупность какъ оригинальную черту памятника.

По обыденному представленію термина, символъ (въ словѣ или изображеніи пластическомъ) есть единичное выраженіе, понятіе чувственное или конкретное, вещественный знакъ, внутренняя природа котораго прообразуетъ собою понятіе общее, отвлеченное. Связывая міръ идей съ міромъ чувственнымъ, символъ назначенъ представлять безконечное въ конечномъ и ограниченномъ кругѣ вещей, но, не покрывая вполне общаго понятія, становится лишь намекомъ на него: отсюда темнота значенія этого знака, отсюда его мистическій характеръ. Таково общее опредѣленіе термина съ точки зрѣнія, такъ сказать, риторической, подобнымъ же образомъ опредѣляющей и другія формы рѣчи. Въ этомъ опредѣленіи символъ отрывается отъ почвы, на которой онъ родился и возросъ, — онъ разсматривается какъ голая фигуральная схема. Почва же эта — религія. Символъ какъ историческая форма принадлежитъ ей нераздѣльно; его рожденіе, развитіе и паденіе опредѣляется религіозною жизнью. Религіозный взглядъ древняго челоуѣка обожествилъ поразительныя явленія міра: солнечный дискъ, рогъ луны, зигзагами бѣгущую молнію. Явился рядъ знаковъ, вполне выразившихъ собою божественныя потенціи міра; для созданія ихъ послужили и формы міра растительнаго и животнаго, и самъ челоуѣкъ. Эти знаки въ словѣ сами создали впоследствии миѳы, въ пластической же формѣ обусловили изображеніе божества. Религія, развившаяся до антропоморфизма, удержала

эти знаки, потому что только они одни отличали собою божественный характер изображенія. Символь пересталъ быть полнымъ выраженіемъ божества, сталъ атрибутомъ; знакъ присоединился къ извѣстному божеству, но, сохраняя свое прежнее значеніе, онъ могъ выражать собою лишь извѣстную потенцію божества, и потому могъ служить атрибутомъ многимъ божествамъ, имѣвшимъ эту потенцію. А такъ какъ каждая потенція есть особенное божество, то символъ, такимъ образомъ, становился съ одной стороны знакомъ дальнѣйшаго дробленія божествъ, съ другой, непрестанной связью ихъ въ общемъ отношеніи къ міру физическому. Чѣмъ далѣе развивалась религія, тѣмъ менѣе имѣла она нужды въ символическомъ выраженіи, тѣмъ болѣе утрачивался физическій характеръ божества и выигрывала нравственная, человѣческая его личность. Въ эту эпоху и искусство пренебрегаетъ символомъ для изображенія божества, оно ищетъ выразить его сущность въ типѣ, стараясь видимо освободиться отъ атрибута. Символь утрачиваетъ поэтому свое высокое значеніе въ глазахъ развитаго художника и скрывается въ таинственныхъ обрядахъ мистерій, гдѣ и прилагается широко какъ представитель физическихъ силъ природы. Въ эпоху религіознаго синкретизма символъ опять занимаетъ, повидимому, свое мѣсто, но живое пониманіе его утратилось, и символическая тенденція рождастъ только хаотическій конгломератъ аллегорическихъ представленій, которыя нуждаются въ подробномъ комментарий. Символь не произволенъ: онъ данъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, какъ живой образъ, аллегорія же принадлежитъ художнику. Приѣмы аллегорій, замѣняющихъ символъ въ позднее время классической жизни, многочисленны; они покрываютъ собою римскіе интосен и саркофаги. Какъ изображаетъ напр. римскій художникъ завѣтную мысль, что человѣкъ, изъ земли происходитъ и въ нее же возвращается? Онъ представляетъ аллегорическую фигуру юной женщины въ распростертомъ положеніи; возлѣ нея четыре волоса — четыре возраста жизни; къ ней опускаются окрыленные фигуры умершихъ (15). На уриѣ, ссырившей тѣло матери, онъ изображаетъ гнѣздо съ птенцами, которыя родители несутъ кормъ, возъ, кормящихъ возлѣять и т. п. (16) Аллегорія поль-

зуется преимущественно миромъ человеческимъ, символъ — явленіями міра животнаго и растительнаго. Но символъ, главнымъ образомъ, есть элементъ, характеризующій собою строгое религиозное искусство, и какъ такой, онъ пріобрѣтаетъ еще большую важность въ глазахъ нашихъ, если мы сознаемъ, что въ обмѣнѣ символовъ открывається общность различныхъ религиозныхъ системъ древняго міра. А въ вопросѣ объ этой общности для греческой религіи на первомъ планѣ стоитъ ея связь съ Востокомъ. Мы не можемъ приводить много примѣровъ въ доказательство того значенія, какое получаетъ символъ для послѣдняго вопроса, такъ какъ это опредѣлится дальнѣйшимъ изложеніемъ, и укажемъ ближайшіе. Извѣстно, что древнѣйшія монеты греческихъ городовъ, раннія произведенія керамики и металлическаго производства въ Греціи часто представляютъ божества въ видѣ окрыленныхъ фигуръ (17). Слѣдовательно, въ извѣстномъ періодѣ искусство отиѣчаетъ изображеніе божества особымъ символическимъ придаткомъ, — такъ умозаключаетъ Винкельманъ по памятникамъ Этрусскаго искусства. Новая задача — объяснить возникновеніе и мотивы этого придатка, дажѣ истолковать его приложеніе къ характеристикамъ различныхъ миеологическихъ типовъ. Между тѣмъ вопросъ разрѣшался бы проще и естественнѣе, если бы подойти къ этой характеристикѣ въ принципѣ, въ существѣ художественнаго воззрѣнія. Крылья въ указанныхъ случаяхъ имѣютъ оригинальную форму, — они загнуты на концѣ въ обратномъ положеніи. Много пришлось бы археологамъ толковать о значеніи крыльевъ, смыслѣ этой формы (предлагалось даже мнѣніе, что она изображаетъ собою лунный серпъ, — слѣдовательно, всѣ эти божества боги и богини луны), если бы памятники Востока, а именно скульптуры Персіи не указывали постоянно на происхожденіе этой символической формы: на Востокѣ, стало быть, и въ восточныхъ религіяхъ нужно искать и объясненія смысла ея. Еще деседѣ многіе археологи отказываются видѣть на древнихъ вазахъ, изображающихъ фантастическихъ животныхъ, сфинксовъ, грифовъ, сиренъ, кентавровъ, что либо иное, кромѣ орнаментики, которую Греки черпывали безъ смысла у Финикіянъ

Разумѣется, при этой точкѣ зрѣнія и обширная область фантастическаго элемента въ искусствѣ и обрядоваго въ религіи останется на произволъ субъективныхъ мнѣній. Также точно миеологи готовы искать соответствія греческимъ религіознымъ обрядамъ у сѣверныхъ народовъ, Китайцевъ, дикарей сѣверной Америки, повсюду, и обходить ближайшій къ Грекамъ Востокъ, откуда виѣсть съ культурными растеніями и домашними животными приходили и элементы религіозной символики.

Съ своей стороны, мы полагаемъ, что символика памятника Гарпій не можетъ быть разсматриваема безъ извѣстнаго пособія памятниковъ искусства восточнаго, хотя бы эти памятники и не представляли по сущности своей и роду ближайшей аналогіи, какъ наприимѣръ ассирійскіе, вавилонскіе и персидскіе цилиндры и рѣзные камни. Если изображеніе греческой геммы есть часто копія, легкой сколокъ произведенія, первоначально созданнаго въ бронзѣ и мраморѣ, то иной, какъ кажется, порядокъ вещей встрѣчаемъ въ искусствѣ восточномъ. Здѣсь религіозные сюжеты сравнительно рѣдко являлись въ видѣ обширныхъ скульптурныхъ работъ; лишь важнѣйшіе опредѣлившіеся типы съ любовью повторяетъ ниневійскій скульпторъ. За то обильнѣйшій складъ сюжетовъ религіозныхъ доселѣ еще очень, впрочемъ, темныхъ, предлагаютъ намъ эти мелкіе памятники. Самою главною чертою этихъ изображеній служитъ обиліе символовъ, подавляющихъ образъ; нѣтъ нужды разсматривать самую фигуру божества: она однообразна, художникъ не ей вѣрять влагаемую въ сюжетъ мысль: черта общая для самыхъ грубыхъ ремесленныхъ работъ и для самыхъ лучшихъ; спеціализація божества совершается путемъ присоединенія символовъ, какъ въ характеристикѣ устной рядомъ эпитетовъ. Памятникъ Гарпій далекъ отъ этого хаотическаго искусства: символика не только здѣсь умѣрена, она приурочена: фигура или держитъ символъ въ рукѣ, или принимаетъ его какъ форму почитанія, ей воздаваемаго въ этомъ знаѣ. Но при сравненіи съ искусствомъ временъ Паронона, символика памятника, конечно, даже слишкомъ обильна: мы уже говорили, что почти каждая фигура держитъ символическій знаѣ; при первомъ взглядѣ, брошенномъ на памятникъ.

мы видѣли и повтореніе символовъ; Конце называетъ эту символику «оперирующею выѣшними прибавленіями». Быть можетъ, поэтому справедливо мнѣніе Курціуса, что памятникъ этотъ, несмотря на греческій стиль своихъ изображеній, чуждъ, въ основѣ, характера греческаго представленія и принадлежитъ еще тому искусству, которое не творить, а только намекаетъ; что, выражаясь словами этого ученаго, изображенія памятника «глубокомысленны въ ущербъ красотѣ», что они лишены истинно греческой гармоніи формы и содержанія? Излишне, стало бытъ, изслѣдователю и разсматривать типы памятника: они ничего не скажутъ ему саму по себѣ, они лишены мысли, потому что они плодъ того азіатскаго искусства, которое характеризуется не иппевійскими скульптурами, но восточными цилиндрами? Отсюда понятно, какое противорѣчіе возникаетъ между выводомъ изъ основнаго положенія Курціуса, (а этотъ выводъ необходимо изъ него слѣдуетъ, хотя и не сдѣланъ авторомъ, см. впрочемъ, замѣтку Каррьера, нами выше приведенную) и существенными воззрѣніями всѣхъ другихъ изслѣдователей на памятникъ, какъ на произведеніе чистаго греческаго искусства хотя архаической эпохи. И это противорѣчіе неминуемо, если мы удержимъ указанный выше взглядъ на символику, какъ на элементъ дѣтскаго состоянія искусства, съ которымъ спѣшить оно разстаться на пути къ своему совершенству. Но самъ же Курціусъ признаетъ, что символика памятника Гарпій по существу своему носитъ характеръ надгробный или погребальный. Что же такое надгробная символика и почему она выдѣляется изъ общаго понятія? Для того, чтобы разъяснить эти вопросы, позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

Погребальные обряды всякаго народа суть хранители древнѣйшихъ его вѣрованій: первый обрядъ похоронный и первая гробница, говоря словами Штапельберга, представляли пробужденіе человѣка къ новой жизни нравственной и религіозной и выходъ изъ первобытнаго дикаго состоянія; смерть была первымъ учителемъ и воспитателемъ человѣчества. Какъ слѣды древнѣйшаго культа мертвыхъ и обожанія ихъ какъ подателей земныхъ благъ отиѣченн Ведами, такъ и древнѣйшая

Греція въ эпоху Пелазговъ и племена Италиі обожали своихъ мертвыхъ, и это поклоненіе было основнымъ элементомъ религіи (18); оно навсегда запечатлѣлось въ символическихъ обрядахъ приношенія даровъ, возліянія и сожженія, коренившихся въ основномъ древнѣйшемъ вѣрованіи въ загробную жизнь; мертвые были первые боги земные, боги хтоническіе; общеніе съ усопшимъ продолжалось и за гробомъ; мертвый оставался жить въ своемъ родѣ и своей семьѣ, онъ былъ божественнымъ покровителемъ ихъ и всего города. Такъ и позднѣйшія хтоническія божества эпохи цивилизованной подлежатъ смерти, но и по смерти продолжаютъ они жизнь, благодѣтельную для людей; они становятся спасителями феноменальнаго бытія природы и человѣка, сокровеннымъ источникомъ жизненнаго обновленія природы. Идеи безсмертія тѣсно приурочились къ почитанію этихъ божествъ, разрѣшавшихъ задачи жизни и тайны природы въ мистеріяхъ. Во время наибольшаго совершенствованія древняго міра, въ эпоху развитія нравственнаго типа религіи, создавшей вѣчные идеалы, этотъ широкій потокъ древнѣйшихъ народныхъ вѣрованій не умалаялся, и когда эти идеалы перестали быть божествами, человѣкъ съ удвоенной симпатіей отнесся къ тѣмъ темнымъ культамъ, которые онъ считалъ передъ этими слишкомъ грубыми для себя, тѣмъ болѣе привязался къ оставленнымъ обрядамъ отцовъ. Павзаній II, 17, 4 рассказываетъ о статуѣ Геры, названной Поликлетомъ въ Аргосѣ, что она держала въ рукѣ гранатовое яблоко, но не хочетъ говорить о значеніи этого символа, ибо это неудобьсказуемо (разумѣется, для него, Павзанія, и для вѣрующаго его времени *ἀπορρητότατος γὰρ ἔστιν ὁ λόγος*). Многіе критики находятъ страннымъ это замѣчаніе описателя, потому что слишкомъ извѣстна степень распространенности этого символа у древнихъ, но оно станетъ вполне яснымъ, если мы представимъ себѣ всю ту суевѣрную боязнь, съ которою человѣкъ необходимо долженъ отнестись къ покинутымъ и вновь ему возвращеннымъ въ таинствахъ богамъ. Такимъ образомъ и та первобытнаго характера символика, создавшаяся въ средѣ древнѣйшаго загробнаго культа и развившаяся въ культъ божествъ хтоническихъ, всегда была въ древности насущнымъ элементомъ религіи; потокъ ея

могъ перемѣжаться отъ времени до времени, но никогда не прекращался, и чѣмъ шире былъ этотъ потокъ, тѣмъ дальше нужно было лезать его источниковъ. Мисеологъ послѣ изученія свѣтлыхъ культовъ божествъ олимпійскихъ, археологъ отъ своихъ занятій художественными произведеніями Фидія и Поликлета, должны равно обратиться къ изученію той темной, повидимому, оборотной стороны религіозной жизни древнихъ Грековъ, которая представитъ изслѣдователю область утѣшенія и надежды, сохраненную народомъ издревле. Доселѣ изслѣдованія по погребальной символикѣ могутъ считаться лишь начатыми; почва, на которой стоятъ они, шатаеа, и чѣмъ болѣе сужены одними горизонтъ, тѣмъ смѣлѣе является гипотеза. И если въ известномъ сочиненіи Штакельберга «Гробницы Эллиновъ» эта символика предстаеа намъ лишь въ видѣ немногихъ чертъ, нарушающихъ однообразную характеристику, то въ сочиненіи Бахофена «Погребальная символика» она потопляетъ собою всѣ другіе интересы и провленія мысли, выразившіяся въ надгробныхъ памятникахъ. Слѣдя теоріи Бахофена, (19) пришлось бы даже сюжеты Троянской войны и героическихъ сказаній считать непосредственнымъ откровеніемъ орфическаго ученія о Діонисѣ, глубокимъ символическимъ выраженіемъ идей материнства и загробной жизни. Но мы не будемъ слѣдить за этими блестящими гипотезами и укажемъ только, на какой точкѣ зрѣнія стоитъ въ настоящее время наука о данномъ предметѣ.

Болѣе по внѣшнимъ примѣтамъ, нежели по духу изображеній опредѣлилось отношеніе надгробныхъ сюжетовъ къ культу Діониса: многочисленные памятники изображаютъ умершаго возлежащимъ съ чашею или гроздью виноградной въ рукѣ; но и доселѣ никто не рѣшилъ, какой прямой смыслъ имѣетъ эта сцена, слышущая подъ именемъ «погребальнаго пира» (20).

Со временъ Штарка и керченскихъ раскопокъ символическое значеніе сюжета Ніобидъ, поражаемыхъ Аполлономъ и Артемидою, опредѣлено слишкомъ ясно, чтобы можно было сомнѣваться, но если изслѣдователь встрѣчаетъ рельефъ саркофага, изображающій Аполлона, который нападаетъ на воина, то считаетъ это изображеніе только крайне страннымъ. (21)

Изображеніе всадника на сталѣ или фигуры, держащей подъ уздцы лошадь, или вообще присутствіе лошади въ сюжетахъ церемоніальнаго характера одни считаютъ символическимъ представленіемъ перехода въ загробную жизнь подъ видомъ путешествія, — другіе не видятъ здѣсь ничего, кромѣ изображенія чисто реальнаго.

Сюжетъ льва, терзающаго быка, еще соглашались признать символическимъ, надгробнымъ на памятникахъ Ликии⁽²²⁾ и острововъ Эгейскихъ, принимая притомъ; по монетамъ и терракотамъ Тарсеса восточное его происхожденіе, но при переходѣ его на почву Греціи въ рисункахъ вазъ и барельефахъ⁽²³⁾ отказываются видѣть символическое значеніе. Тотъ же сюжетъ видѣть съ изображеніемъ двухъ сфинксовъ встрѣчаемъ мы на восточныхъ конусахъ, несомнѣнно, имѣвшихъ погребальное значеніе⁽²⁴⁾, но также лишь немногіе соглашались въ сфинксахъ на греческой почвѣ видѣть общій погребальный символъ. Изображенія львиныхъ масокъ на гробницахъ Ликии считаютъ простымъ апотропеемъ, а другихъ животныхъ обыкновенно относятъ къ изображеніямъ реальнаго назначенія; спрашивается, какой же смыслъ будутъ имѣть скульптуры ликійскаго саркофага, описаннаго Шенборномъ⁽²⁵⁾: чела балокъ раздѣланы въ видѣ бычачихъ головъ; между изображеніями Медузиной головы, цвѣтами, вѣнками, видны животныя, птицы, кони и пр. Аналогіи этимъ скульптурамъ представляютъ этрусскіе и римскіе саркофаги и урны, нагроможденные орнаменты которыхъ должны также имѣть смыслъ. Но, благодаря трудамъ Вахофена, мы можемъ теперь утверждать навѣрное, что символическій элементъ присущъ настолько же древнѣйшимъ надгробнымъ памятникамъ, насколько и позднѣйшимъ, что, кромѣ того, онъ всегда составлялъ жизненную сторону этихъ памятниковъ, ихъ существенный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы бросимъ взглядъ даже на архитектурическую форму этихъ памятниковъ, мы невольно заметимъ присутствіе глубокой, руководившей этою формою мысли. Своеобразная красота ликійскихъ гробницъ, несомнѣнно воспроизводящая въ камнѣ до мельчайшихъ деталей конструкцію деревянныхъ построекъ, не есть только пустая вѣшняя оболочка:

эта красота черпаетъ свою силу въ мысли, стремившейся мѣсту успокоенія мертвыхъ придать полный видъ жилища живыхъ людей. Не въ правѣ ли мы сказать, что и форма памятника здѣсь символическая? Правда, изящная, строгая греческая стѣла аттическаго происхожденія, IV—III ст., не представляетъ символическаго элемента, это только знакъ памяти объ умершемъ, передающій въ характерномъ и поэтическомъ изображеніи своего рельефа дорогіе «свычан и обычан» умершаго. Но за то, говори словами Фридрихса (26), изслѣдователя, истинно понимающаго греческое искусство, эти памятники «говорятъ только о прошедшемъ, ничего о будущемъ, ибо народной массѣ (въ эту эпоху) недоставало радостнаго увѣренія, отрицающаго смерть, а основное настроеніе ихъ композиціи поэтому горе, не надежда». Однако же, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ греческихъ вазъ на собственно греческой почвѣ въ трудахъ Гейдеманна и Бенндорфа (27), мы открываемъ, что и въ данную эпоху этотъ характеръ надгробныхъ памятниковъ не былъ исключителенъ. Самый многочисленный родъ сосудовъ, встрѣчающійся въ греческихъ гробницахъ, принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ лекиоевъ, сосудовъ несомнѣнно и исключительно погребальнаго назначенія; притомъ наиболѣе часто встрѣчаются тамъ лекионы древнѣйшаго рисунка, грубаго исполненія: ихъ, очевидно, предпочитали новымъ издѣліямъ, и они то наиболѣе содержатъ въ себѣ намековъ на будущую жизнь. Намъ придется со временемъ указывать на мелькающія здѣсь символическія сцены и детали. Еще болѣе замѣчательнымъ образомъ раскрывается символическій элементъ въ терракоттахъ, тѣхъ мелкихъ, но нерѣдко высокохудожественныхъ издѣліяхъ изъ обожженной глины, которыя мы получаемъ главнымъ образомъ изъ древнихъ гробницъ. Скульптурное произведеніе въ мраморѣ или бронзѣ работаетъ художникомъ, оно назначено стремиться къ совершенству въ духѣ времени. Терракотта дѣлается большею частью ремесленникомъ, она держится стараго, давно извѣстнаго оригинала, она не назначена для публичнаго восхищенія, для обсужденія; если она и слѣдовала все таки художественному движенію вѣсшихъ сферъ, то не такъ скоро отрѣшалась отъ старинны. Крутой по-

воротъ, поэтому, отъ стиля архаическаго въ ивизиному здѣсь замѣтенъ гораздо рѣзче, онъ не ослабленъ переходами, которыхъ не чувствовалъ ремесленникъ; весьма естественно, если изъ эпохи Фидіа происходятъ терракотты самаго грубаго исполненія. Но мысль вскрыть погребальную символику въ греческихъ терракоттахъ пока только въ зародкѣ: съ одной стороны, это была сфера, которую ученые эксплуатировали всегда лишь для работъ въ другихъ областяхъ искусства; съ другой, эти предметы, разбѣянные по разнымъ музеямъ, оказывались столь многочисленны, что невозможно было для одного лица рассмотреть ихъ въ цѣломъ. Но и отдѣльныя уже собранія, рассмотрѣныя учеными (Панофа, Біардо, Гергардъ, Стефани и др.) дали твердое указаніе того, какую обширную дѣятельность духовно-художественной жизни находимъ мы въ этихъ издѣліяхъ. Здѣсь то, кромѣ разнообразныхъ статуэтокъ божествъ, непосредственно близкихъ съ вѣрованіями въ загробную жизнь, привлеченныя сліяніемъ различныхъ культовъ Греціи и Финикіи, Египта, Персіи и Малой Азіи, мы встрѣчаемъ и обширную погребальную символику въ предметахъ животнаго и растительнаго міра, орудіяхъ и инструментахъ, фантастическихъ образахъ и гоніяхъ. Оставляя въ сторонѣ затѣмъ Этрусскія погребальныя урны и ихъ оригинальную символику, раскрывающуюся даже въ героическихъ наибодѣ любимыхъ сюжетахъ, и надгробные памятники римскіе, разсыпанные по всѣмъ странамъ, и въ холодныхъ аллегорическихъ комбинаціяхъ гордо отмѣчающіе званіе и состояніе умершаго, предметы богатства страны и гражданина и т. п., укажемъ на тѣ позднѣйшіе римскіе саркофаги, которые явились уже въ эпоху паденія религіи и античнаго искусства. Кто не рѣшится признать за ихъ глубокомысленными сюжетами, хотя аллегорическаго характера, но основанными на древнѣйшей символикѣ, гораздо большаго интереса, чѣмъ за многими колоссальными статуями римской работы? И не замѣчательно ли, что талантливое изслѣдованіе Бахофена «о погребальной символикѣ» внушено непосредственнымъ интересомъ символическихъ сюжетовъ, утратившихъ стѣны поздняго римскаго колумбарія? Какъ бы то ни было, символическая традиція, идущая издревле,—вотъ что дол-

жно руководить изслѣдователя надгробныхъ памятниковъ древняго міра.

Обращаясь вновь къ скульптурамъ памятника Гарпій, мы замѣчаемъ, что каждая изъ сторонъ его отиѣчена, такъ сказать, своимъ особеннымъ символическимъ знакомъ, а именно: зап.—коровою съ теленкомъ, вост. — пѣтухомъ, юж.—голубемъ, и сѣв.—медвѣдемъ. Легко возможно, слѣдовательно, что въ этомъ распредѣленіи есть намѣренность, есть мысль, которая наводитъ на исканіе связи этихъ символовъ и съ общимъ содержаніемъ скульптуръ. Эти символическіе знаки относятся къ символикѣ міра животнаго. Велькеръ (26) пытается объяснить возникновеніе этой символики путемъ естественныхъ сближеній: близостью животныхъ къ человѣку въ первоначальномъ пастушескомъ бытѣ, силою и ясностью ихъ истинствъ, ихъ неизмѣняемой природою, не подчиненной въ такой силѣ, какъ человѣческая, законамъ индивидуальности и пр. Но всѣ эти признаки объясняютъ лишь то, почему именно образъ животнаго годился въ извѣстныхъ случаяхъ для символизаціи силъ природы, и оставляютъ въ сторонѣ то обстоятельство, что самая символизація не подыскивалась намѣренно, но являлась какъ результатъ поэтическихъ возрѣній на животное, какъ на существо таинственное, въ которомъ открывается божеское свойство. Не желаніе найти аллегорическій знакъ создало Минотавра, а почитаніе божества въ образѣ быка. Иначе говоря, не подъ условіемъ этой символики обожествлены были животныя, какъ старинные идола, а самая символика зависѣла отъ этого обожествленія. Ища раціонализма въ первобытныхъ культахъ, безъ сомнѣнія, къ египетскому почитанію животныхъ должно отнести какъ къ обычаямъ совершенно противнымъ здравому смыслу, но этимъ еще не рѣшается научный вопросъ. Напротивъ того, обширныя развѣтвленія животной символики во всѣ періоды греческаго искусства стремились какъ бы вознаграждать утраченное поэтическое представленіе природы, проявляющееся въ сказаніяхъ животнаго эпоса у сѣверныхъ народовъ. Обильная номенклатура бакхическихъ, афродизическихъ животныхъ и пр. есть прямая замѣна прежняго жизненнаго представленія, и было бы заблужденіемъ думать, что эти формы

не идти дальѣ вѣднѣности. Правъ ли поэтому Велькеръ, гоня что животная символика въ греческомъ искусствѣ была явленіемъ чуждымъ по существу Эллинскому духу, что она отиѣчаетъ себою лишь грубѣйшіе культы первобытныхъ Пелазговъ и т. п. и опускаая въ своемъ очеркѣ животной символикѣ орла, гадюка, барана, льва, оленя, вепря, собаку и всѣ тѣ созданія фантазіи изъ смѣшенія животныхъ и человѣческихъ формъ, какъ на Кентавровъ, Сиренъ и пр. Рѣшить этотъ общій вопросъ о значеніи животной символикѣ въ греческой мифологіи и искусствѣ на частномъ фактѣ изслѣдованія памятника Гарпій едва ли возможно вполне, но самое обиліе внутренняго содержанія памятника указываетъ намъ, что рѣшеніе въ данномъ случаѣ частныхъ вопросовъ можно будетъ считать уже известнымъ наведеніемъ которое позволитъ заключить объ общихъ законахъ явленія. Руководствуясь, такимъ образомъ, съ одной стороны предпринятымъ нами дѣломъ истолкованія памятника, а съ другой, общецѣлю уясненія вопросовъ по символикѣ древняго искусства, и постараемся слить эти задачи воедино, на сколько это будетъ позволять область содержанія нашего памятника, и держась вѣрнѣе, указываемаго его изображеніемъ, прослѣдимъ вопросы по символикѣ въ связи съ ними.

III.

Имѣя въ виду принятыя порядковъ изложенія, начнемъ съ западной стороны, которая, какъ мы уже говорили, считается археологовъ первымъ звеномъ въ томъ ходѣ мыслей, который представляетъ памятникъ Гарпій. Этотъ взглядъ, какъ мы уже сказали, мотивируется тѣмъ, что дверь, ведущая въ гробницу находится именно на этой сторонѣ, и, какъ основной начальный мотивъ, въ изслѣдованіи Курціуса играетъ видную роль въ общемъ опредѣленіи сюжета зап. стороны. Мы знаемъ, что древніе египтяне полагали мѣстопробываніе мертвыхъ на западѣ, той сторонѣ, гдѣ

рывается отъ міра заходящее — умирающее солнце. Обычай сполгать самыя гробницы на западъ отъ города, на показъ горы, съ запада къ нему подходящихъ, наблюдался также того въ Ливіи, какъ и въ Египтѣ. Отсюда уже, помимо всякихъ дальнѣйшихъ соображеній, понятно, почему и памятникъ Эрпій сохранялъ этотъ мотивъ. Но, говорить Курціусъ, надъ мою дверь изображенъ символъ: корова, питающая своего теленка, а этотъ знакъ долженъ выразить собою идею питательной и живительной силы природы, и если дверь въ гробницу въ образъ вратъ Аида, то это сочетаніе представляетъ символическій контрастъ. Этотъ контрастъ, какъ художественный принципъ, проходитъ у Курціуса и во всемъ сюжетѣ западной стороны: онъ образуетъ собою, такъ сказать, двѣ картины, мысль горныхъ заключается въ изображеніи двухъ фигуръ богинь: печальной богини смерти, зимы и радостной богини жизни и плодотворности; первая одна сидитъ у двери, вторая принимаетъ поклоненіе; этотъ контрастъ выраженъ будто бы въ костюмѣ и типѣ богинь орнаментахъ троновъ ихъ. Но не видимъ ли мы въ этой характеристикѣ ту же аллегорическую подкладку, которую такъ рьяно старался навязать памятнику Гарпій Панофка? Не страшно ли эта характеристика тою же придуманностью и, насилуя стую мысль художника, не ищетъ ли она опоры въ искусственномъ строю, иного времени! Въ самомъ дѣлѣ, только на гробныхъ памятникахъ этрусско-римскихъ находимъ мы *изображеніе* двери въ смыслѣ представленія вратъ Аида, и этотъ культъ, согласный вообще съ мрачнымъ направленіемъ этрусскаго репальнаго культа, тамъ обозначенъ особыми мнѣологическими дѣями, какъ на примѣръ изображеніемъ страшныхъ демоновъ ити, везущихъ умершаго въ область Аида. Этотъ придуманный культъ уничтожается, какъ аллегорія, и единствомъ мысли, сущимъ сюжету западной стороны также, какъ и всѣмъ остальнымъ сторонамъ, и выраженнымъ въ символахъ, и самою необходимостью къ богинѣ смерти подысгать богиню жизни въ этрусской мнѣологіи.

Въ сюжетѣ западной стороны нѣтъ двухъ картинъ, и его бы нужды разбивать на двѣ части, такъ какъ онъ предста-

вляеть единое цѣлое. Это цѣлое заключается въ поклоненіи, воздаваемомъ двумъ богинямъ тремя стоящими женскими фигурами. По причинамъ чисто реальнымъ, обусловленнымъ необходимостью помѣстить на западной сторонѣ входъ въ гробницу, художникъ долженъ былъ одну фигуру богини выдѣлить изъ общей композиціи и, сохраняя симметрію, помѣстить на крайней плитѣ. Если бы онъ вздумалъ соблюсти мысль изображенія во всѣхъ деталяхъ, тогда онъ долженъ былъ бы помѣстить одну фигуру за другою, что было бы безобразно, или дѣйствительно разорвать сюжетъ на двѣ половины, отдѣливши двѣ стоящія фигуры для богини правой и обернувши третью лицомъ къ той, которая сидитъ налѣво; тогда бы онъ и дверь долженъ былъ помѣстить въ самой срединѣ. Но, избѣгая подобныхъ рѣзкихъ мѣръ, художникъ нашелъ иное средство сохранить красоту композиціи и вмѣстѣ выразить мысль: въ позѣ одиноко, повидному, сидящей фигуры онъ счумѣлъ выразить жестомъ богини, что и она принимаетъ такое же участіе въ поклоненіи, какъ и другая богиня. Не противоположеніе, а родство и близость связываетъ такимъ образомъ обѣ эти фигуры, которыя, кромѣ родственности своихъ отношеній, близки другъ къ другу и по сходству ихъ божественнаго существа, довольствующагося однимъ и тѣмъ же поклоненіемъ. Кто же эти двѣ богини, которымъ подобаеть совмѣстное поклоненіе? Одна изъ нихъ — та, которая сидитъ около двери — представляетъ, видимо, нѣсколько иной характеръ типа; ея лицо, не смотря на извѣстную архаическую улыбку, строже, серьезнѣе въ своемъ выраженіи, самыя черты его крупнѣе, тогда какъ вторая богиня моложе, фигура ея положительно стройнѣе, черты лица тонкія и нѣжныя, а улыбка озарившая все лицо, придаетъ ему какъ бы дѣтское простодушное выраженіе. Эта характеристика, основанная на разсмотрѣніи памятника, дана была уже въ общихъ чертахъ всѣми исследователями, и если кто не искалъ навязать памятнику своихъ оригинальныхъ предположеній, тотъ прямо долженъ былъ поестому назвать этихъ богинь именами матери и дочери — Деметры и Коры. А между тѣмъ нельзя не признать, что разница въ типахъ богинь, замѣчаемая въ возрастѣ ихъ, не такъ велика, какъ

Должна быть между матерью и дочерью, — въ первой не на столько матрональнаго, во второй не настолько дѣтскаго. Но во первыхъ мы знаемъ, что типъ Деметры, какъ матрональной богини, выработанъ, главнымъ образомъ, второй аттической школой, а эта школа руководствовалась, очевидно, уже созданнымъ типомъ Геры. Типъ прежняго времени мы видимъ лишь изрѣдка въ терракоттахъ, а кто, выдавшій эти произведения архаическаго пошиба, не согласится, что въ нихъ типъ Аены и Геры, Деметры и Коры одинъ и тотъ же, а фигуры этихъ богинь безъ атрибутовъ даже не различимы? Въ эпоху памятника Гарпій искусство имѣло слишкомъ много задачъ, должно было бороться съ такими трудностями, что успѣло едва выработать для женскихъ божествъ общій типъ красоты, изящества, не заботясь пока объ индивидуальныхъ различеніяхъ этого типа. Нашъ памятникъ ясно указываетъ это состояніе искусства, а именно: сравнимъ изображеніе нашихъ богинь съ другими женскими фигурами, и мы при первомъ взглядѣ увидимъ, что между ними нѣтъ положительно никакой разницы въ типѣ; эти фигуры, изображающія, очевидно, молодыхъ женщинъ, болѣе подходятъ даже по чертамъ лица къ т. наз. Деметрѣ, нежели къ Корѣ, которую художникъ, видимо, пытался изобразить красивѣе, изящнѣе всѣхъ другихъ. Если это послѣднее обстоятельство зависѣло отъ рано начавшагося сліянія Коры съ Афродитой, образомъ любви и красоты, богиней жизни и вмѣстѣ смерти, то Деметра не успѣла еще слиться съ Герой (1), чтобы въ матрональномъ характерѣ своего типа стать высшей богиней, истинною супругою Зевса. Наконецъ, если мы, слѣдуя Курціусу, и приняли бы фигуру Деметры за богиню смерти (т. е., по герменевтикѣ этого ученаго — Корѣ), то получили бы противуположеніе Коры и Афродиты, — заключеніе, котораго, видимо, опасался самъ Курціусъ, придумавшій для второй юной богини имя Леды. Афродита, по гимну Прокла, пользовалась высокимъ почитаніемъ въ Ликии, и именно въ Ксанѣ, гдѣ жилъ (по Энгелю, былъ даже оттуда родомъ) Проклъ, воспевавшій *Λοχίων βασιλῆδα Κουραφροδίτην*, богиню брака, но эти данныя относятся къ позднѣйшему времени (2). Во всякомъ случаѣ подобныя предположенія должны держаться

исключительно надгробного значенія изображеній и оставить въ сторонѣ пока другія соображенія, — иначе произвольное опредѣленіе можетъ привести въ тому, что вслѣдствіе различныхъ соображеній мы въ фигурѣ Деметры увидимъ Геру, а вмѣсто Кору признаемъ Афродиту, какъ предлагаетъ Герцогъ де-Линьи въ мемуарѣ своемъ о Гарпіяхъ. Если можетъ быть справедлива догадка, что культъ матери земли въ Ликіи, подчиняясь господствовавшему во Фригіи культу Кибелы, принялъ его черты въ поклоненіи Деметрѣ, тогда и измѣненіе типа Кору подъ вліяніемъ почитанія Афродиты въ разнообразныхъ ея потенціяхъ на Кипрѣ можно принять какъ данное, позволяющее объяснить отсутствіе въ пластическомъ образѣ чертъ матери и дочери. Разработка этихъ отношеній въ мистическомъ смыслѣ вѣчно присутней и въ то же время проходящей силы земной, выраженная въ образахъ Деметры и юной Кору, похищенной Плутономъ, какъ известно, принадлежитъ главнымъ образомъ элевзинскимъ мистеріямъ, въ которыхъ эти божества получили первостепенное значеніе и стали «великими богинями». И если бы памятникъ Гарпій, какъ полагаетъ Гергардъ, былъ назначенъ выразить это мистическое представленіе матери, вновь нашедшей свою юную дочь, — т. е. земли, вновь обрѣтшей свое плодородіе, то художникъ, работавшій этотъ памятникъ, какъ съ одной стороны выразилъ бы чѣмъ либо эту мысль, такъ съ другой обозначилъ бы болѣе рѣзко эти отношенія. Но дѣтскій типъ Кору вообще представленіе сравнительно рѣдкое и не можетъ быть указано ранѣе эпохи перенесенія сказаній о Корѣ въ Нижнюю Италию. Деметра, далѣе, какъ верховное божество, характеризуется на памятникѣ Гарпій атрибутомъ палеры, которую она держитъ въ правой рукѣ, лѣвою дѣлая такъ наз. жестъ адорации. Атрибутъ жертвенныхъ возліаній наиболѣе приличенъ верховному божеству, къ которому прибѣгаютъ молебники, и на терракоткахъ Кипра мы часто видимъ изображеніе Деметры съ чашей въ рукѣ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ ея фигура держитъ яблоко. Понятно, что толкованіе Курціуса, видѣвшаго въ этой чашѣ символъ въ рукахъ богини смерти въ смыслѣ собирающаго оболонъ — приношеній отъ мертвыхъ, крайняя натяжка, ии чѣмъ

е оправдываемая. И жестъ адораціи, который, по мнѣнію Курціуса, назначенъ почему то представлять «скипетродержавное коучество богини», есть не болѣе, какъ выраженіе благосклоннаго пріема просьбъ и моленій, и имъ, скажемъ еще разъ, намѣренно указано, что и этой богинѣ подобаетъ изображенное поклоненіе. Что касается близости фигуры богини къ двери, то видѣть въ этомъ какое либо символическое назначеніе или намекъ на силы жизни, которыя не покидаютъ и погребальную камеру,—значить заходить слишкомъ далеко. Ручка трона, вѣдѣтъ, украшена изображеніемъ сфинкса азіатскаго типа, т. е. окрыленнаго. И въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ Курціусомъ, который видитъ въ сфинксѣ символъ смерти, такъ какъ ни одинъ памятникъ не представляетъ прямо этого смысла. Въ данномъ орнаментальномъ назначеніи своемъ сфинксъ не можетъ имѣть особеннаго символическаго значенія и играетъ явно роль простаго апотропеона; какъ стражъ гробницы онъ является во фронтонахъ древнихъ египетскихъ гробницъ, описанныхъ г. Праховымъ. Но если уже видѣть какое либо особенное значеніе въ томъ, что сфинксъ украшаетъ тронъ Деметры, то должно обратиться къ тѣмъ памятникамъ, въ которыхъ сфинксъ, какъ символъ, непосредственно перешедшій съ Востока, имѣетъ ближайшее отношеніе къ хтоническимъ божествамъ: сфинксъ существо женскаго пола, его львиное тѣло напоминаетъ богиню Кибелу съ ея львами, его жилище — въ горныхъ пещерахъ въ близости матеря боговъ, его груди указываютъ на земное плодородіе, а его загадочное существо на пророческій характеръ теллурическихъ силъ (3). Это значеніе, конечно, терялось вполнѣ, какъ только сфинксъ становился простымъ украшеніемъ, какъ напримѣръ на шлемѣ Аѳины. Но въ данномъ случаѣ возможно, что сочетаніе сфинкса съ бараномъ имѣло и ближайшее отношеніе къ представленіямъ погребальнаго назначенія и характера; такъ эти орнаменты часто встрѣчаются на тронахъ умершихъ на аттическихъ стѣлахъ (4). Наконецъ Курціусъ указываетъ контрастъ изображенія даже въ костюмахъ богинь: одежда Деметры кажется ему менѣе богатою, изящною, чѣмъ одежда Коры. Но вся эта разница сводится лишь въ тому, что хитонъ Демет-

ры представленъ сдѣланнымъ изъ болѣе тяжелой матеріи; рукамъ этого хитона пышиѣе, они сильно отвисаютъ и нивѣютъ отъ шестъ до конца какою то продольною нашивку, полосу.

Переходимъ теперь къ другой богинѣ, которую мы, вслѣдъ за Нанофкой, Гергардомъ, Фридрихсомъ и др. назвали Корой. Оправдывать ея изображеніе на надгробномъ памятникѣ вѣстѣ съ Деметрой нѣтъ никакой нужды, такъ какъ ея отношеніи къ загробному культу слишкомъ извѣстны съ ранней эпохи греческой миеологіи. Это отношеніе въ мистической характеристикѣ двойной божественной природы Персефоны разработано было окончательно въ Элевзиніяхъ, и эпоха наибольшаго развитія Атики и перенесенія аттическихъ культовъ представляетъ множество всевозможныхъ памятниковъ, изображающихъ эту богиню. Съ тѣхъ поръ ея храмъ или нефъ въ храмѣ, общемъ съ другими божествами, располагался на западъ ⁽⁵⁾, и на нее мало по малу перешли всѣ свойства Деметры. Но мы не знаемъ болѣе древняго памятника, который бы изображалъ Кору и Деметру въ загробномъ культѣ, чѣмъ памятникъ Гарпій: стало быть, для насъ это изображеніе есть первое въ ряду всей серіи памятниковъ этого рода. Если же мы обратимся въ болѣе древнѣе произведеніи искусства, то встрѣтимъ совершенно тоже представленіе съ тѣми же атрибутами, но изображающее несомнѣнно другихъ богинь. Укажемъ на извѣстный барельефъ Эвьюка въ Каппадокіи, срисованный много разъ, но ни разу удовлетворительно; въ новомъ рисункѣ Леннепа ⁽⁶⁾ угловое поле барельефа изображаетъ богиню, видимо, въ этой же самой позѣ и обстановкѣ, даже отчасти съ тѣми же атрибутами; передъ богинею стоятъ три фигуры въ позѣ адораціи, какъ и у насъ; но, судя по изображенію здѣсь быку и содержанію культовъ Каппадокіи, эта богиня никакъ не можетъ быть Корой. Замѣтимъ ояте, что это средство заключается въ общности типа женскихъ божествъ въ данную эпоху, и Канахъ, изваявшій статую Афродиты съ полосомъ на головѣ, яблокомъ и головкой мака въ рукахъ ⁽⁷⁾, слѣдовалъ этому общему типу; все различіе, слѣдовательно, заключалось въ атрибутахъ; общій характеръ прелести, простота и вѣстѣ пышество дѣвственно-строгаго типа женскаго божества, — вотъ цѣль.

которую преслѣдовалъ въ своихъ образахъ и Каламисъ и когорая, — оставляя въ сторонѣ неудачу въ деталяхъ, — достигнута художникомъ памятника Гарпій въ фигурѣ Кора. Но если мы въ силу этихъ соображеній не должны еще непремѣнно признать въ типѣ богини изображеніе Кора, то ничто не побуждаетъ насъ видѣть здѣсь иное божество. Обыкновенно указываютъ въ этомъ случаѣ, какъ на доводъ, на украшенія трона: ручка его оканчивается головкою барана, а спинка выгнута въ видѣ лебедя. Первый орнаментъ въ глазахъ Курціуса имѣетъ символическое значеніе жизни, и поэтому не можетъ быть относимъ къ Корѣ, которую онъ принимаетъ за мрачную богиню смерти, слѣдуя поэтически одностороннему опредѣленію Гомера. Но баранъ, какъ символъ силы производящей, быстро распложающейся, священенъ всѣмъ божествамъ, въ которыхъ данъ древній культъ природы: Зевсу (Аммону: на Кипрскихъ статуэткахъ вмѣсто бараньихъ роговъ бараны по сторонамъ божескаго трона), Деметрѣ, Гермесу Кріофоросу, котораго вадуцей украшаются головками барана, Аполлону, Афродитѣ, Кибелѣ и Атису въ фригійскомъ культѣ Тавроболій и Кріоболій, Діонѣ, самотракской триадѣ; какъ древнѣйшій символъ является въ формѣ скипетра съ бараньей головой на концѣ на барельефахъ Вавіана въ Ассиріи⁽⁸⁾. А что Кора была первоначально и по самому существу своему такою же богиней плодородія нивы, какъ и Деметра, достаточно доказано Велькеромъ. Поэтому если нельзя принимать символъ въ данномъ случаѣ за простой орнаментъ, то и символическое отношеніе его должно быть совершенно общаго характера, какъ деталь на надгробномъ памятникѣ, соответствующая подобнымъ же украшеніямъ на погребальныхъ урнахъ⁽⁹⁾. Болѣе частный характеръ имѣетъ символъ лебедя, по близкому отношенію къ культамъ Аполлона, Афродиты, Діониса⁽¹⁰⁾, но и онъ не требуетъ новаго опредѣленія данной фигуры. Укажемъ немногіе, но вѣскіе примѣры въ доказательство того, что въ нашемъ случаѣ лебединая форма можетъ быть простымъ орнаментомъ безъ дальнѣйшаго значенія, какъ утверждалъ вообще Фридрихсъ въ полемикѣ противъ Курціуса, основываясь на металлическихъ издѣліяхъ древности. На аркадскихъ монетахъ Зевсъ является на тронѣ, котораго

спинка выгнута въ видѣ лебединой шеи (11); на этрусскомъ зеркалѣ, изображающемъ бѣгъ колесницъ и коней и другія игры, изображенъ богъ (Кроносъ?) на подобномъ же тронѣ; передъ нимъ женщина; если и согласиться даже съ символическимъ толкованіемъ, что эта деталь намекаетъ на переселеніе души на островъ блаженныхъ, то все же получится одинъ выводъ, что примѣненіе этого символа въ орнаментальномъ характерѣ расширяется искусствомъ, а не суживается; но, конечно, умѣстнѣе всего видѣть и въ настоящемъ случаѣ только орнаментъ; наконецъ головою лебедя оканчивается спинка кресла, на которомъ сидитъ Кора съ Діонисомъ, держащая пѣтуха (терракотта изъ Локри, см. ниже) (12): и здѣсь лебедь играетъ роль орнамента, и совершенно напрасно трудиться отыскивать особенный смыслъ въ формѣ, которая съ такимъ удобствомъ примѣняется въ украшеніи именно этой части трона. Всѣ тѣ, которые ищутъ въ подобныхъ случаяхъ символическаго смысла, невольно отправляются отъ скульптурнаго фриза Партелона, котораго всѣ формы отличаются памфренной бѣдностью украшеній, отсутствіемъ всѣхъ лишнихъ прикрасъ. Но строгая работа въ мраморѣ эпохи совершенства имѣетъ свои законы: иное дѣло терракотта той же эпохи, по самому характеру производства болѣе доступная изображенію живописному, стремящемуся передать всѣ мелочи дѣйствительности, какъ рисунки вазъ. Самый характеръ нагроможденія всевозможныхъ орнаментовъ на римскихъ саркофагахъ и урнахъ долженъ быть объясненъ, какъ непосредственное перенесеніе формъ этрусскихъ глиняныхъ урнъ и саркофаговъ, отличающихся подобнымъ характеромъ. Памятникъ Гарпій въ виду сходныхъ чертъ также долженъ былъ сформироваться подъ вліяніемъ глиняныхъ издѣлій, и мы поэтому не имѣемъ нужды вдаваться въ ухищренныя толкованія, почему именно та Афродита, которой священенъ былъ лебедь, какъ водная птица богинѣ моря и стоячихъ водъ, сочеталась здѣсь съ Корой, или строить аллегорическія комбинаціи, которыя объясняли бы отношенія лебедя или гуся къ Корѣ, какъ къ плодородію, возникающему весной изъ влажной земли (13) и пр.

Если богиня, наконецъ, держитъ въ лѣвой рукѣ гранатовое яблоко, а въ правой цвѣтокъ, поднося его къ лицу, то эти символы, очевидно, должны имѣть столько же значенія для нея самой, какъ ея атрибуты, сколько и для тѣхъ, которыхъ она привѣтствуетъ этими священными знаками. И это двойное назначеніе символовъ должно, какъ увидимъ, постоянно имѣть въ виду въ характеристикѣ сюжетовъ надгробнаго памятника. Разберемъ сперва значеніе перваго символа. На памятникѣ Гарпій гранатовый плодъ встрѣчаемъ мы въ рукахъ многихъ фигуръ, какъ божествъ, такъ и прибѣгающихъ къ нимъ смертныхъ. На той же зап. сторонѣ онъ находится въ рукахъ второй фигуры въ процессіи, которая подходитъ къ Корѣ; на южной въ обѣихъ рукахъ сидящаго божества, на восточной въ лѣвой рукѣ мальчика (яблоко?) и опущенной лѣвой рукѣ фигуры, стоящей тотчасъ за треномъ божества, и наконецъ, сколько можно судить по поврежденному въ этомъ мѣстѣ барельефу, въ рукахъ одной изъ дѣтскихъ фигуръ, уносимыхъ Гарпіями, на сѣверной сторонѣ. Итакъ, этотъ символъ не есть только спеціальнѣйшій атрибутъ какого либо божества, но служитъ выраженіемъ какихъ то общихъ мыслей, какъ орудіе духовнаго общенія между богами и смертными. Этотъ общій смыслъ символа несомнѣнно перешелъ въ Грецію отъ семитовъ вмѣстѣ съ самымъ культурнымъ растеніемъ, родина котораго въ Персіи и Месопотаміи. ⁽¹⁵⁾ Тамъ то, на древнихъ барельефахъ Ассирійскихъ дворцовъ ⁽¹⁶⁾ и Персеполиса ⁽¹⁷⁾, видимъ мы впервые этотъ плодъ; тамъ былъ посвященъ богу солнца Гададъ-Риммонъ, пышный красный цвѣтокъ гранатаго дерева, а Валу — самый плодъ, перешедшій, какъ атрибутъ, въ руки идола сирійскаго Юпитера Клизіуса ⁽¹⁸⁾. Всего ранѣе появилось растеніе на Кипрѣ, гдѣ, по преданію у Ален. III р. 64, сама Афродита насадила его. Усвоенное ему уже на Востокѣ понятіе символа плодородія, открывающагося въ многочисленныхъ зернахъ плода, явилось затѣмъ въ древнихъ культахъ Греціи вмѣстѣ съ растеніемъ. Какъ символъ могущественной силы природы, плодъ сталъ атрибутомъ божества и вмѣстѣ сильнымъ амулетомъ, отвратителемъ зла, по своей физической близости съ солнцемъ ⁽¹⁹⁾. Съ Кипра культура пересадила дерево въ Малую

Азію, гдѣ цѣлый городъ назвался его именемъ — Сиде въ Вликии, а потомъ и повсюду въ Греціи. И какъ разнообразно было на Востоку примѣненіе символа къ различнымъ божествамъ, отъ Вела въ разныхъ его свойствахъ до Астарты и Танансъ⁽²⁰⁾ такъ и въ Греціи культъ природы придавъ гранатовому плоду значеніе священнаго атрибута Деметры, Афродиты и Гермеса, Кибелы и Атиса, Діониса и Керы. Но впоследствии принципъ нравственнаго выдѣленія мифологическихъ личностей специализировалъ этотъ общій атрибутъ, какъ принадлежность богини Элевзинскихъ мистерій, а затѣмъ рефлексія, отвлекая въ символъ разныя другія черты, олицетворила въ кроваво-красной внутренности плода насильственную смерть: по этимъ чертамъ плодъ сдѣлался атрибутомъ Атиса и Діониса Загроя, а преданія героическія рассказываютъ о гранатовыхъ деревьяхъ, выращенныхъ на могилахъ безвременно погибшихъ героевъ. Но иногда рефлексія не приходила къ тѣмъ тонкимъ умозаключеніямъ, которыя строятъ напр. на основѣ различныхъ, произвольно комбинированныхъ, преданій извѣстный Бёттихеръ, въ излишнемъ стремленіи къ оригинальности. Вырывая насильственно различныя частности мифовъ и играя риторическими опредѣленіями, онъ приходитъ къ мысли, что граната никогда не была символомъ земнаго плодородія и отсюда плодородія въ бракѣ, а наоборотъ, всегда служила исключительно символомъ кровавой смерти и была растеніемъ, посвященнымъ Аиду. Если рефлексія влягала плодъ гранаты въ руки богини Безкрылой Побѣды, то въ глазахъ Бёттихера это сочетаніе идетъ путемъ такихъ риторическихъ умствованій: кровь, пролитая въ войнѣ, даетъ всѣмъ миръ побѣдителю—торжество побѣды и благоденствіе, и безкрылая побѣда Аенинъ съ этимъ символомъ становится Аениною Мир-Египетъ. Въ рывахъ Геры, далѣе, плодъ есть символъ побѣды надъ ненавистной Деметрой и т. п.⁽²¹⁾ Но если гранатовый плодъ лишь въ позднѣйшее время и подъ вліяніемъ сложившихся особо рассказовъ получилъ прямое, непосредственное значеніе символа смерти, то онъ всегда служилъ однимъ изъ символовъ погребальнаго культа, какъ приношеніе мертвымъ богатаго дара покинутой ими жизни, какъ выраженіе надежды на продолженіе

жизни за гробомъ, какъ знакъ, наконецъ, священный тѣмъ божествамъ, которыхъ пребываніе въ неизвѣстномъ Андѣ вѣчно смѣнялось возвращеніемъ на землю. Граната изображается на немногихъ извѣстныхъ намъ надгробныхъ памятникахъ Востока; эмблема этого плода въ сочетаніи съ рогомъ луны распространена на надгробныхъ стѣлахъ Алжиріи; иногда фигуры умершихъ держатъ здѣсь въ рукахъ гранатовые плоды, какъ изображеніе ихъ новаго счастья въ области Бела, которое они заслужили при жизни своимъ благочестіемъ (22). Изъ греческихъ гробницъ извлечено много терракотовыхъ издѣлій въ формѣ тарелочекъ съ плодами гранатовыми и другими, или въ видѣ самаго плода въ болѣебольшемъ размѣрѣ, — обычай господствовавшій отъ Тарсеса до Киренаики; на этрусскихъ саркофагахъ умершіи держатъ, вмѣсто чаши, гранату или яблоко и т. п. (23).

Въ этому очерку прибавимъ, что если граната въ рукахъ Кора и была священнымъ, специальнымъ ея атрибутомъ, то въ силу заложеннаго въ ней издавна символическаго значенія (уже потому плодъ этотъ получилъ для Кора губительный характеръ, въ извѣстномъ разсказѣ о томъ, какъ она, во время перваго пребыванія своего въ Андѣ отвѣдала сухую гранату и должна была поэтому раздѣлить свое пребываніе между областью свѣта и мрака), и такъ какъ на древнемъ памятникѣ Гарпіи мы встрѣчаемъ этотъ же плодъ въ рукахъ умершихъ, то въ правѣ заключить, что его значеніе кроется не въ отношеніяхъ къ божеству, а въ отношеніяхъ къ людямъ, и вотъ почему Кора привѣтствуетъ процессію женщинъ этимъ плодомъ. Но это обстоятельство станетъ еще яснѣе, если мы замѣтимъ, что какъ Кора, такъ и вторая фигура процессіи, обѣ держатъ въ рукахъ цвѣтокъ и гранату, — въ этомъ взаимномъ привѣтствованіи должна заключаться мысль сюжета и значеніе символа. Разсмотримъ поэтому также вертѣцъ символическаго значенія цвѣтка. Кромѣ указанныхъ уже фигуръ, цвѣтокъ находится въ рукахъ божества, сидящаго на восточной сторонѣ. Вездѣ форма цвѣтка одинаковая, болѣе всего напоминающая цвѣтъ гранатоваго дерева, когда то, можетъ быть, болѣе ясно обозначенная краскою, но теперь столь неопредѣленная, что скорѣе всего можно принять

ее за ту условную, элементарную форму, въ которой прибѣгалъ древній скульпторъ, работая въ мраморѣ идеальныя связи, когда мысль вовсе не требовала мелочнаго воспроизведенія формъ природы. Отсюда мы не имѣемъ никакой возможности приурочивать цвѣтокъ къ тѣмъ извѣстнымъ формамъ лотоса, лиліи, гранатоваго цвѣтка, которыя однако оказали бы намъ много пользы въ болѣе точномъ опредѣленіи символа. Но рассматривая символическое значеніе лотоса, розы, лиліи, видимъ также, что каждый цвѣтокъ, кромѣ спеціального значенія, былъ всегда общимъ выраженіемъ тѣхъ божественныхъ силъ, которыя давали землі плодородіе, атрибутомъ бога подателя земныхъ благъ. Въ этомъ древнѣйшемъ значеніи цвѣтокъ составляетъ прямую принадлежность эмблемы высшаго божества, изображавшейся и на гробницахъ персидскихъ царей, и на церемониальныхъ барельефахъ Персеполиса, и на цилиндрахъ ассирійскихъ, вавилонскихъ и финикійскихъ (24). На автономной монетѣ города Тарсоса въ Близкіи типъ тогоже восточнаго божества являетъ намъ фигуру мушкеры съ бородою въ изящномъ классическомъ стилѣ, по поясъ входящую въ крылатую эмблему: эта фигура держитъ въ поднятыхъ рукахъ распутившійся цвѣтокъ и вѣтку (25). Не довольствуясь этимъ общимъ символическимъ значеніемъ цвѣтка, позднѣйшія сказанія греческой космогоніи внесли впоследствии крайнее разнообразіе и въ эту несложную символику, отличивъ, въ силу извѣстной божественной формы троячести, цвѣтки трехъ-лепестковые отъ другихъ и усвоивъ первне божествамъ производительнымъ по преимуществу, какъ символъ зарождающейся жизни, и отиѣтивъ затѣмъ особою характеристикою цвѣтокъ нарцисса (Павз. III, XIX, 3), лиліи и др. Культура, съ своей стороны, усвоила различнымъ мѣстностямъ древняго міра по преимуществу какія-либо формы растительности способствовала еще болѣе этой спеціализаціи, — укажемъ, напримеръ, на розу въ Родосѣ, вмѣстѣ съ головою Аполлона составляющую спеціальннй типъ монеты этого острова (26). Но, если фигуры юныхъ божествъ женскаго пола въ архаическомъ искусствѣ такъ часто украшаются атрибутомъ цвѣтка, который они держатъ въ рукахъ, то въ этомъ случаѣ нельзя не при-

знать той же наивной, давней, но вѣчно свѣжей символизациі, которая уподобляла красоту молодости распускающемуся цвѣтку. Съ этимъ общимъ значеніемъ, помимо формальной специализациі, принадлежащей напр. лотосу Озириса, блестявшему на водахъ въ жилищѣ безсмертныхъ, куда входила душа праведнаго, и украшавшему чело муміи, ея саркофагъ и столъ (27), и резѣ Афродиты, (28), цвѣтокъ рано сдѣлался символическимъ выраженіемъ надежды на жизнь, возраждающуюся послѣ смерти (общая основа различныхъ сказаній о цвѣткахъ, произошедшихъ изъ крови убитыхъ героевъ, напр. Аякса, Павз. Att. car. XXXV, 3). Въ такомъ погребальномъ значеніи цвѣтокъ украшаетъ надгробныя стѣлы Кароагена, любимый сюжетъ которыхъ составляютъ изображенія птицъ, грездей, розетокъ, вѣтвей съ плодами, гранаты, сосновой шишки и пр. Тамъ на одной изъ этихъ стѣлъ мы видимъ во фронтонѣ изображеніе окрыленной фигуры, держащей въ обѣихъ рукахъ трехъ-лепестковый цвѣтокъ, который клюютъ птицы; эта фигура есть аллегорическое изображеніе души, отрѣшившейся отъ земнаго и въ небесномъ блаженствѣ вновь наслаждающейся всѣми радостями жизни; въ рукахъ фигуры также вѣнокъ, символъ вѣчнаго пированія въ будущей жизни. Какъ надгробный символъ, цвѣтокъ держитъ самъ умершій, а равно и Кера, его похитяющая (29); на римскихъ саркофагахъ это весьма извѣстная эмблема. Не входя въ подробности, укажемъ далѣе, что только связь этого символа съ погребальнымъ назначеніемъ можетъ объяснить намъ то вѣчное украшеніе греческихъ надгробныхъ стѣлъ, которое извѣстно подъ именемъ пальметты и состоитъ изъ широко распустившагося акантоваго листа, — форма, несомнѣнно, связанная съ Востокомъ, какъ оказывается послѣ находки въ Хорсабадскомъ дворцѣ ложбеной стѣлы съ пальметтою наверху. Правда, мы знаемъ пока въ этомъ значеніи цвѣтокъ лишь въ тѣхъ формахъ, которыя выдаютъ заимствованіе съ Востока: такова напр. стѣла, на акротеріи которой изображены въ срединѣ акантоваго листа умершіе (30), и цвѣтки въ видѣ лотоса изъ гробницъ южной Россіи. Но для насъ существуютъ въ этомъ случаѣ и особые примѣры, которые представляетъ таже Ликія. На барельефѣ изъ

Миръ Ликійскихъ (³¹), изображающій многихъ умершихъ, быть можетъ, членовъ одного семейства, похороненныхъ въ одной гробницѣ, цвѣтокъ находится въ рукахъ мужчины, опирающаго на длинный скипетръ, и мальчика съ посохомъ; затѣмъ, особенно надо замѣтить, въ поднятой рукѣ старика везога въ погребальной процессіи, на рельефѣ, изданномъ г. Праховицъ (³²). Какъ ни странно само по себѣ такое изображеніе похоронной процессіи, когда умершаго везутъ на колесницѣ, за которой идутъ родные съ факелами, а впереди ведутъ коней (³³), нельзя не согласиться съ изслѣдователемъ, который остроумными соображеніями пришелъ къ убѣжденію, что фигура старика, сидящаго на особомъ креслѣ, поставленномъ на колесницѣ, и держащаго цвѣтокъ и есть изображеніе умершаго. Взято ли это изображеніе изъ обыкновенныхъ сценъ погребальныхъ игръ въ честь умершаго, при которыхъ онъ самъ символически присутствуетъ, или этотъ рельефъ имѣетъ специальное значеніе обожествленія, выраженнаго въ символической обстановкѣ, пригодной Митрѣ, отправляющемуся въ колесницѣ въ свое западное жилище, (³⁴) Ваалу (³⁵), или Діонису, подземному властителю (³⁶), значеніе цвѣтка остается все-таки тоже. Если фигура старика держитъ этотъ цвѣтокъ, то она, такъ сказать, заимствовала его отъ тѣхъ солярныхъ божествъ мужскаго пола, которыя изображались съ цвѣткомъ (въ Гіераполисѣ и Эдессѣ солярный Меркурій имѣлъ этотъ символъ, и на шеѣ того же божества изображается онъ на римскихъ лампахъ изъ гробницъ) (³⁷), — данное, особенно важное для насъ въ виду указанной нами фигуры божества налѣвнѣ Гарпій, съ цвѣткомъ въ рукахъ, помѣщеннаго на восточной сторонѣ. Что касается до цвѣтка въ рукахъ женскихъ фигуръ западной стороны, то мы имѣемъ теперь право считать его погребальнымъ символомъ, въ Ликии приуроченнымъ къ типу двойственной Кору — Афродиты, какъ опредѣлилъ и Гергардъ въ особой монографіи объ этихъ богиняхъ.

Третья фигура въ процессіи держитъ яйцо, поднимая его къ своему лицу, какъ символическій даръ, дорогой для мертвыхъ и священный божеству. Большая часть изслѣдователей, коснувшихся памятника Гарпій со стороны его символическаго

содержанія, замѣчали, что яйцо, какъ атрибутъ послѣдней фигуры процессіи составляетъ заключительное звено въ ряду символовъ, подносимыхъ богинѣ, что оно, такимъ образомъ, совмѣщаетъ въ себѣ символическое значеніе остальныхъ: цвѣтка и плода гранаты и поэтому играетъ въ памятникѣ особенную роль, тѣмъ болѣе значительную, что самое тѣло такъ наз. Гарпій, похитительницъ души умершаго человѣка, будто бы имѣетъ яйцообразную форму. Отсюда археологамъ казалось съ одной стороны необходимымъ, относить атрибутъ къ богинѣ, предположить въ ней особое миеологическое лицо, въ родѣ первобытной Леды (Курціусъ), подъ именемъ Латоны, будто бы чтившейся въ Ликии, — съ другой, возможнымъ создать новое божество праматерей человѣческихъ (Eimutter — Бахофена).

Несомнѣнной родиной всѣхъ космогоническихъ и теогоническихъ сказаній о яйцѣ, какъ о божественномъ началѣ рожденія вселенной, эмблемѣ творенія, микрокосмѣ должно искать на Востокѣ. Тамъ стоитъ этотъ физическій символъ въ связи съ представленіемъ о рожденіи Озириса и въ соединеніи съ змѣи образуетъ верховную эмблему; тамъ въ триничномъ числѣ прообразуетъ оно триурти; тамъ, въ этомъ символѣ жизни и творческой силы природы прिवѣтствуется оживляющая сила, и тамъ было оно связано съ верховными божествами, какъ ихъ атрибутъ. Обильныя данныя этого рода встрѣчаемъ мы въ миеологии Египта, Индіи, Ассиріи, Персіи и Финикіи (38). Но чѣмъ яснѣе рисуютъ эти данныя восточныхъ миеологій широкую космогоническую теорію яйца, тѣмъ уже, бѣднѣе (если исключимъ Орфиковъ) область подобныхъ сказаній въ Греціи, и для того, чтобы установить ясный переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ, нужно было прибѣгать ко всему остроумію гипотезъ, чтобы не порвать связующей нити. Разсматривая всѣ данныя, которыми знаменитые миеологи, какъ Крейцеръ, Бахсфенъ и др., пытались установить эту связь, невольно приходишь къ мысли, что вопросъ о символическомъ значеніи яйца въ греческой религіи долженъ быть разрѣшаемъ совершенно самостоятельно, — только въ связи съ указанными космогоническими и мистическими сказаніями, но не въ зависимости отъ нихъ: родственныя

всѣмъ древнимъ религіямъ первобытнаго воззрѣнія развили различныя сказанія о яйцѣ, сходныя между собою, но разной силы и значенія. Это различіе въ самомъ значеніи символа оказывается тотчасъ, когда сопоставимъ напр. Немезиду Кипрскаго культа, родившую Діоскуровъ, или Леду съ восточной Семирамидой и Діониса — Фанеса въ его философской доктринѣ съ прототипами Востока. Но мы оставимъ въ сторонѣ эту историческую сторону позднѣйшихъ религіозныхъ воззрѣній, изъ которой съ трудомъ можно извлечь какія-либо данныя, и перейдемъ къ наглядному свидѣтельству памятниковъ. Эти памятники, несмотря на всю разность комбинацій, наглядно говорятъ намъ, что яйцо, по греческому міровоззрѣнію, было издревле символомъ жизни, оживающей природы. Въ этомъ смыслѣ оно служило символическимъ атрибутомъ различнымъ божествамъ. Во первыхъ: Діонису, но не только тому единому первоначальному бегу — изъ яйца рожденному, а и тому Либеру-Вакху, который является среди шумной толпы дѣтей природы. Таковъ рис. вазы, описываемой и истолковываемой Крейцеромъ (⁴⁰), на которой Силень подаетъ Коръ-Либеръ яйцо. Тоже отношеніе яйца, какъ атрибута богини жизнедательницы, является въ изображеніи Деметры Куротрофосъ, сидящей съ ребенкомъ подъ покрываломъ: въ рукахъ держитъ она иногда голубя, плодъ, а иногда и яйцо; такой же смыслъ долженъ имѣть этотъ атрибутъ въ рукахъ безформенныхъ идоловъ Афродиты (⁴¹). Гораздо замѣчательнѣе и самъ по себѣ и по близости къ нашему памятнику рельефъ (по всей вѣроятности, надгробный), изданный Гергардомъ (⁴²) подъ именемъ «Матери боговъ, какъ загробной богини»: налѣво, на возвышенномъ ложѣ лежитъ умершій и держитъ въ рукахъ какой то неопредѣленный предметъ; направо въ высокой остроконечной шапкѣ или митрѣ сидитъ мать боговъ на ступеняхъ алтаря или высокаго трона съ чашею въ правой и яйцомъ въ лѣвой рукѣ; на низкой подставкѣ стоящая фигура молодой дѣвочки подаетъ богинѣ плодъ; фигуры болѣе всего напоминаютъ Деметру въ восточномъ типѣ и юную Кору. Съ тѣмъ же значеніемъ служитъ яйцо символомъ Гигіен, и въ его сочетаніи со змѣей нѣтъ никакой нужды въпрямую видѣть вліяніе египетскихъ эмблемъ; таково напр. I

изображеніе римской аллегорической фигуры, держащей въ лѣвой *arlustre*, а въ правой подающей яйцо змѣѣ, вьющейся около колонны (43). Отношеніе къ Афродитѣ восточнаго типа можно прослѣдить на геммахъ (44), и рисункахъ вазъ (45), но особенно замѣчательно изображеніе на вазѣ Эрота и Афродиты, въ сценѣ погребальнаго ритуала, держащихъ яйца; между фигуръ сфера и надгробная стѣла (46).

Это послѣднее обстоятельство указываетъ намъ, что символъ яйца могъ развиться въ греческой древности и на почвѣ погребальныхъ обрядовъ, и въ этомъ именно смыслѣ должны мы понимать тѣ изображенія лекинеовъ, на которыхъ яйцо, какъ и гранатовый плодъ, является предметомъ приношенія мертвымъ (47), что подтверждается и свидѣтельствомъ Лукіана *Dial*, 1, I, который говоритъ, что Греки клали на гробницу яйца (или яичную скорлупу) какъ очистительную жертву мертвымъ, тогда какъ, по свидѣтельству Гамильтона и Миллена, въ Ноланскихъ и другихъ вазлахъ также находили яйца (48). Въ этомъ отношеніи мы могли бы легко прослѣдить тѣ немногіе памятники, на которыхъ яйцо является погребальнымъ атрибутомъ, отъ памятника Гарцій до изображеній римскихъ колумбаріевъ и катакомбъ, но это уже исполнено со всѣмъ остроуміемъ и начитанностью ученымъ мнѣологомъ Вахофеномъ въ первой части его сочиненія «О погребальной символикѣ» подъ заглавіемъ «Три яйца мистерій». Поэтому въ виду нашей специальной задачи, мы должны только отмѣтить въ этомъ сочиненіи тѣ стороны и мысли, которыя увлекли автора, наклоннаго къ гипотезамъ, далеко за предѣлы строгаго археологическаго изслѣдованія. Во первыхъ, авторъ совершенно напрасно относитъ символъ яйца исключительно къ области бакхо-афродизическаго культа, что можно объяснить себѣ лишь тѣмъ, что большую часть данныхъ авторъ почерпалъ изъ орфическихъ и пифагорейскихъ ученій; перечень изображеній яйца въ специальной обстановкѣ этого культа и крайне немногочисленъ, и съ другой стороны, часто представляетъ прямыя указанія культа мертвыхъ: на вазахъ этотъ символъ помѣщается на надгробной колоннѣ, на ступеняхъ ея базиса, въ плоской пателлѣ, которую держитъ эфебъ и т. под. яйцо въ

рукахъ мужнины въ сценѣ прощанія на этрусскихъ памятникахъ и пр. Во вторыхъ, если лицо играло известную символическую роль въ культѣ мертвыхъ, по представленію о заключеніи въ немъ жизни, слѣдовательно, оно было такимъ же выраженіемъ идеи безсмертія, какъ и другіе символы, и отъ этого простаго понятія еще далеко до тѣхъ отвлеченныхъ умствованій, по которымъ у Вахофена яйцо есть выраженіе феноменального бытія, жизни и смерти, взаимно чередующихся и пр. Отсюда нѣтъ причины также въ процессѣ памятника Гарпій доискиваться какого либо особеннаго тайнаго смысла въ изображеніи яйца въ рукахъ третьей фигуры; оно, какъ цвѣтокъ и граната, имѣетъ одинъ и тотъ же смыслъ темной, но живительной надежды, полагаемой людьми и въ смерти; это такой же символъ культа природы, какъ и остальные знаки, и если бы мы стали искать иного смысла, то стали бы въ противорѣчіе съ характеромъ первоначальной символики, простой и художественной, а измѣнъ получили бы рядъ придуманныхъ аллегорій. И въ третьихъ, нельзя не замѣтить, что любовь и привычка къ излишнимъ подробностямъ, набираемымъ въ подтвержденіе общей мысли, часто вредитъ изслѣдованію Вахофена, и неправдоподобіемъ умозаключеній, раскидывающихся на обширномъ горизонтѣ, ослабляетъ самое значеніе выводовъ. Такъ, для доказательства той важной роли, которую играло яйцо въ культѣ мертвыхъ, не предстояло никакой надобности подводить подъ эту роль архитектурные орнаменты, известные подъ именемъ яйцевиднаго птабика; форму вазъ, будто бы представляющую яйцо; украшеніе на цирковой колоннѣ *meta sudans*, которая будто бы происходила отъ надгробной стѣлы и пр. Тѣмъ менѣе можно было основываться въ этихъ выводахъ на изображеніяхъ памятника Гарпій, которые сами по себѣ еще нуждаются въ объясненіи. Возвращаясь теперь къ этому памятнику, замѣтимъ, что чисто греческое мировоззрѣніе, наблюдаемое въ его сюжетѣ, употребило данный знакъ, какъ погребальный символъ. Яйцо здѣсь не есть символъ вселенной, оно только символическій атрибутъ божества, разливающего жизнь, и символъ этой самой жизни. Это указывается сопоставленіемъ съ другими символами — жи-

камн простыхъ, всѣмъ знакомыхъ и всѣмъ дорогихъ явленій природы. Что касается заключенія Бахофена (⁵⁰), что яйцо въ данномъ случаѣ имѣетъ мистическое отношеніе къ материнству Ликіянъ, то считая подобное заключеніе возможнымъ, нельзя, однако же, строить на немъ, какъ мы уже упомянули, гипотезы существованія тѣхъ неизвѣстныхъ божествъ «матерей», о которыхъ говоритъ этотъ ученый.

Итакъ мы разсмотрѣли въ бѣгломъ очеркѣ значеніе и смыслъ символовъ, несомыхъ фигурами процессіи, и вездѣ видѣли, что это значеніе и смыслъ подобны другъ другу, т. е. что символы эти имѣютъ вездѣ отношеніе къ культу мертвыхъ. Но кого же, въ такомъ случаѣ, изображаютъ эти самыя фигуры? По обычному воззрѣнію, эти три фигуры изображаютъ трехъ Горъ, богинь чередующихся въ строгомъ порядкѣ временъ года; на памятникахъ, а именно на вотивныхъ рельефахъ, алтаряхъ, а впоследствии и на саркофагахъ изображаются онѣ въ мѣрномъ спокойномъ шествіи съ различными атрибутами временъ года, символически указывающими на правильность движенія природы и жизни человѣческой; въ этой характеристикѣ богини сочетаются обыкновенно въ тройномъ числѣ съ Афродитой, Адонисомъ, Корой, Деметрой и Діонисомъ. Но изъ этого только внѣшняго сходства сюжетовъ еще никакъ нельзя послѣдовательно заключать объ изображеніи трехъ фигуръ на нашемъ памятникѣ: отсутствіе атрибутовъ у первой фигуры и атрибутъ яйца у второй, никогда не встрѣчаемый нами въ изображеніи Горъ, скорѣе не допускаютъ этого опредѣленія. Притомъ если смыслъ атрибутовъ не относится къ Горамъ, то равно мало поможетъ дѣлу, если мы будемъ мѣнять мнѳологическія имена и придавать фигурамъ названіе Мойръ или Паркъ. Напротивъ того, аналогическія представленія другихъ древнѣйшихъ памятниковъ Малой Азіи, какъ напр. рельефовъ Эвьюка, требуютъ отъ насъ, оставя въ сторонѣ всѣ мнѳологическія толкованія, видѣть въ фигурахъ процессію смертныхъ женщинъ, съ дарами въ рукахъ поклоняющихся богинѣ. При этомъ только предположеніе понятнѣе будетъ и символъ яйца, относящійся не къ особой мнѳологической личности, но къ тому же божеству. Тогда же мо-

жестъ быть объяснена и поза первой фигуры, и отсутствіе даровъ въ ея рукахъ. Эта фигура, какъ мы уже говорили выше, взявъ атрибутовъ отличена особымъ жестомъ, а именно лѣвою рукою она слегка отводитъ покрывало отъ лица. Если бы мы прослѣдили этотъ жестъ на памятникахъ, изображающихъ женскія божества, то нашли бы, что онъ по преимуществу приуроченъ къ изображенію замужнихъ богинь. Такъ въ этой позѣ изображается Гера на многихъ памятникахъ передъ своимъ супругомъ; Гестія, когда ей усвоивается роль и характеръ Геры (⁵¹); Деметра и Кора въ издѣлкахъ терракотты, послѣдняя, какъ супруга Плутона—Анда въ царской діадемѣ и др. (⁵²). Но еще чаще встрѣчаемъ мы этотъ самый жестъ въ изображеніи умершихъ жгъ на аттическихъ и другихъ надгробныхъ памятникахъ, и между прочимъ, на саркофагахъ Ликии (⁵³). Многія статуи, съ тѣмъ же жестомъ должны, несомнѣнно, быть отнесены къ такимъ же индивидуальнымъ изображеніямъ, и это опредѣленіе, по крайней мѣрѣ, столь же идетъ къ нимъ, какъ и придуманныя прежде названія аллегорическія, Pudicitia и пр. Такова напр. портретная статуя римлянки съ грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ, которая правою рукою приподнимаетъ спавшее нѣсколько покрывало, а въ лѣвой, прикрытой ниспадающей одеждой, держитъ яблоко (въ Вѣнскомъ Бельведерѣ № 244). По этой статуѣ всякій можетъ прослѣдить подобныя въ изданіяхъ Кларака, Висконти и пр. Если далѣе, мы принимаемъ подобныя фигуры на рельефахъ за изображеніе умершихъ, то что же мѣшаетъ намъ видѣть и въ фигурѣ памятника Гаршіи умершую, сопровождаемую своими родственницами или близкими? Не можетъ ли также служить для этого заключенія и самый нарядъ фигуры, очевидно, болѣе богатый, при чемъ, вмѣсто одного браслета, какъ у всѣхъ другихъ женщинъ, она имѣетъ по парѣ браслетовъ на каждой рукѣ? Въ заключеніе замѣтимъ вообще слабость тѣхъ основаній, которыя приводятся истолкователями въ пользу предположенія мисологическихъ фигуръ, какъ скоро памятникъ представляетъ трое женщинъ. Примѣромъ можетъ служить надгробный памятникъ изъ Кипрскаго города Ларнака, изданный Россомъ (⁵⁴): въ гробомъ стилѣ изображены на одномъ пьедесталѣ три женщины

характеризованныя одною позою и указаннымъ выше жестомъ; но каждая изъ нихъ держитъ въ правой рукѣ кромѣ того платокъ; издатель, замѣчая нѣкоторую разность возраста, видѣлъ изображеніе умершихъ: матери съ двумя дочерьми, — предположеніе, наиболѣе естественное. Иначе поступилъ Велькеръ (55): утверждая, что это изображеніе миеологическое, онъ подыскалъ у Плутарха и Діодора свидѣтельства, которыя указываютъ на почитаніе въ Сициліи трехъ богинь — матерей Зевса или его кормилицъ, по критскому преданію, и на существованіе въ Энтіонѣ, городѣ Сициліи, храма этихъ богинь, основаннаго Критскими поселенцами; далѣе привелъ указанія, что въ Аркадіи чтили именно трехъ матерей, и затѣмъ связавши всѣ эти данныя, отнесъ къ описываемому памятнику. Но гдѣ же доказательства перехода этихъ миеологическихъ личностей въ область загробнаго культа, или иначе, какой же смыслъ имѣетъ изображеніе этихъ матерей на надгробномъ памятникѣ? Что значитъ платокъ въ рукахъ этихъ богинь? Можно ли думать, что эти матери могли изображаться въ такой неподходящей позѣ, такъ какъ ихъ изображенія совершенно неизвѣстны? На все это не дается никакого отвѣта. Если же мы рассмотримъ мотивы, побудившіе Велькера видѣть въ статуяхъ богинь, то они окажутся совершенно неудовлетворительными: 1) однообразіе постановки и позы во всѣхъ трехъ статуяхъ ничего не доказываетъ въ архаическую эпоху; 2) одна торжественность въ характерѣ изображенія и угловатая важность также не выражаютъ непременно божескаго достоинства и 3) что касается отсутствія аналогическихъ явленій въ изображеніи умершихъ, — то стоитъ только обратить вниманіе на указанные нами памятники, чтобы это отсутствіе замѣнилось обиліемъ. Итакъ мы не можемъ не видѣть въ этомъ непремѣнномъ желаніи Велькера усмотрѣть миеологию тамъ, гдѣ ея нѣтъ, той же самой манеры, которая требовала видѣть непременно въ памятникѣ Гарпій трехъ Горъ, или трехъ Харитъ, или трехъ Мойръ.

Мы уже упоминали о томъ, что западная сторона, кромѣ разобраннаго нами сюжета, изображающаго въ цѣломъ поклоненіе двумъ богинямъ, воздаваемое умершей матерью семейства, отмѣчена еще однимъ символомъ, на этотъ разъ, въ видѣ вѣчнаго

рельефа, украсившаго самый входъ въ гробницу. Ибо само собой понятно, что художникъ, помѣстившій надъ дверью маленькое изображеніе коровы, кормящей своего теленка, разумѣлъ при этомъ ничто иное, какъ обычное украшеніе надъ входомъ въ гробницу. Таковы изображенія головы быка, розетки и т. п., — всѣ эти украшения суть или символическія указанія того, что совершилось, и откровеніе того, что ожидаетъ умершихъ, или апотропеи, назначенныя для отвращенія зла и разрушенія отъ дверей вѣчнаго жилища. Символь коровы съ теленкомъ, какъ и всякій знакъ, взятый непосредственно изъ природы, долженъ заключать въ себѣ простое понятіе и быть приуроченнымъ къ какому-либо культу. Разыскать первое и указать второе и составляетъ первую задачу въ рѣшеніи вопроса. Извѣстно, что обожаніе въ быкѣ и коровѣ силъ природы есть миеологическая черта, стольже свойственная Египту, какъ и сирійскому Востоку. Крейцеръ объясняетъ намъ, что какъ въ Индіи корова считалась символомъ земли — общей матери, такъ и въ римскихъ cerealiaхъ праздникъ *fordicalia* (*forda*, *horda* — стельная корова) представлялъ, по всей вѣроятности, обожествленіе въ лицѣ Цереры первобытной богини земли, чтившейся въ жертвованіи коровой (56). Мы знаемъ далѣе, что въ Книдосѣ ветивными приношеніями Деметрѣ служили изображенія телятъ (найденны Ньютономъ и находятся въ Британскомъ Музее). Возможно также, что въ этомъ образѣ коровы обожалась и Афродита по своимъ связямъ съ восточною богиней плодородія (57) а именно съ Астартой, которой идола имѣли голову коровы или быка, какъ изображена эта богиня на оборотной сторонѣ монеты Корика въ Книдѣ (58). Астарта же изображалась на Востокѣ подъ видомъ коровы, питающей своего теленка (59). Понятно, поэтому, что изображеніе коровы и теленка рано сдѣлалось священнымъ символомъ культа природы. Такъ Деярдъ встрѣтилъ эту эмблему на ассирійскихъ цилиндрахъ и работахъ изъ слоновой кости; Ботта нашелъ группу на одномъ изъ барельефовъ Хорсабадскаго дворца (60). Группа коровы съ теленкомъ видна въ пластическомъ изображеніи у дверей святилища, представленнаго на ассирійскомъ барельефѣ въ характерѣ

первоначальнаго греческаго храма (Вейссъ, рус. перев. ст. 305, т. I., относитъ храмъ къ Малой Азiи). Какъ символъ плодородiя страны, эмблема богатства природы, эта группа восточнаго происхожденiя переходитъ затѣмъ на древнiя монеты греческихъ городовъ, преимущественно приморскихъ, что можетъ зависѣть отъ финикiйскаго влiянiя, принесшаго съ собою эту эмблему. Такъ видимъ мы корову съ теленкомъ на монетахъ Кариста въ Эвбеѣ, острова Корциры ⁽⁶¹⁾, Кизика ⁽⁶²⁾, города Аполлонiи въ Иллирии и Иллирiйскаго же Диррахiума ⁽⁶³⁾ (сопоставимъ указанiе сходныхъ бытовыхъ чертъ въ Ликии и Иллирии, по Блау, см. выше), на монетахъ Ликии (у Мiоннѣ въ числѣ неизвѣстныхъ иликiйскихъ) съ изображенiемъ восточнаго Геркулеса, который убиваетъ льва, схвативши за хвостъ ⁽⁶⁴⁾ и т. д. Таже эмблема, далѣе, находится на античныхъ свинцовыхъ маркахъ ⁽⁶⁵⁾ геммахъ ⁽⁶⁶⁾, но на крупныхъ пластическихъ произведенiяхъ группа эта встрѣчается сравнительно гораздо рѣже. Таковъ, во первыхъ, римскiй вотивный барельефъ Ватикана, объясненный извѣстнымъ Висконти, какъ деталь изъ сцены люстрации, очищенiя ⁽⁶⁷⁾; далѣе барельефъ, изображающiй корову, кормящую своего теленка и въ тоже время пьющую изъ круглаго сосуда въ формѣ чаши, въ Британскомъ музеѣ; авторъ описанiя послѣдняго Комбъ Тэйлоръ отнесъ почему то символъ къ Аполлону, покровителю стадъ. Но такъ какъ ни на томъ, ни на другомъ памятникѣ нѣтъ никакихъ указанiй мнeологическаго значенiя сюжета, то вѣрнѣе отнести ихъ какъ вотивные барельефы къ римской Церерѣ, по прежнимъ соображенiямъ. По счастью, новыя раскопки, вызвавшiя на свѣтъ древнѣйшее греческое искусство, удовлетворяютъ вполне этому недостатку. А именно: Луврское собранiе кипрскихъ древностей представляетъ намъ въ нумерахъ отъ 200 по 207 семь горельефныхъ изображенiй малаго размѣра изъ кипрскаго известняка совершенно подобной группы и даже въ стилѣ, весьма близкомъ къ изображенiю памятника Гарпiи. Всѣ эти барельефы носятъ характеръ одинаковой работы, и слѣдовательно, принадлежатъ одной эпохѣ, если не болѣе ранней, чѣмъ памятникъ Гарпiи, то, во всякомъ случаѣ, ему современной. По самой формѣ рельефовъ, ко-

торые всё равных размеров, можно думать, что они составляли отдельные произведения, а не суть фрагменты других более сложных композиций; между тем как однообразие и некоторая небрежность исполнения указывают на то, что эти барельефы исполнялись в большом количестве ремесленным образом. Отсюда, это произведения, работавшие не специально для храма, но для народа, потому или памятники votivного назначения, или надгробные. Но так как последние почти неизвестны были на Кипре до раскопок Чеснолы и самые размеры барельефов мало идут в форму надгробных памятников, а именно они для этого слишком малы, то вероятнее будет принять первое мнение. В таком случае мы получили бы замечательнейшие образчики древних votivных anathemata, жертвовавшихся покровителю-богу в различных случаях жизни и замѣнных впоследствии картинками *pinaxes, pictae tabulae* или воцаными таблетками *tabulae votivae* с обозначением обѣта. Но какой же смысл и значение таковых изображений, как votivных даров (*donaria, vota*), очевидно, извлеченных из святилища, где они находились, вероятно, в большом количестве? Какую иначе просьбу выражал и каким образом чувствовал божество проситель, приносящий в храм эти барельефы? На эти вопросы мы можем ответить лишь приблизительно. Барельефы, по всей вероятности, были votivными дарами Афродиты (из храма ее в Идалиуме), той богини физического и брачного плодородия, которая изображалась в виде нагой женщины, держащейся за соски, или с ребенком на груди. Возможно также, что подобные дары приносились преимущественно или исключительно женщинами, как выражение их благодарности или просьбы, касающихся брачных отношений. Переходя затем к изображению на наших памятниках, мы можем свободно заключить, что если оно и имеет отношение к изображенной Деметре, матери землѣ, принимающей мертвых в свое лоно и питающей живых, то, во всяком случае, оно представляет и более тѣсное, вероятнее всего, связанное на почве ликийских обычаев, значение. Это значение видно из приурочения символа к той стороне ш.

мятника, на которой представлены исключительно женскія божества и смертныя женщины, и заключается въ связи съ материнствомъ или сохраненіемъ первобытнаго главенства женщинъ въ формахъ быта. Такимъ образомъ, мы получаемъ новое доказательство взаимности между древнѣйшими формами быта и формами культа загробнаго, проявляемаго въ типическихъ символахъ, выработанныхъ на бытовой почвѣ. Ликія въ этомъ символѣ приобретаетъ новую черту родственной связи съ другими странами Малой Азіи, развившими у себя преимущественно культъ матери земли, а по справедливому и остроумному заключенію Швенка (68), высокое положеніе женщины въ древнемъ мірѣ, гдѣ только оно существовало, должно было такъ или иначе завязать отъ могущественнаго вліянія культа богини матери-земли (69). Прибавимъ къ этому, что если указанный символъ встрѣченъ пока лишь на одномъ надгробномъ памятникѣ, а именно памятникѣ Гарпій; затѣмъ, въ видѣ коровы, но безъ теленка, на кареагенской стѣлѣ въ собраніи Британскаго Музея, подъ трикветрой, среди животныхъ и птицъ; также среди птицъ на рельефахъ, изваянныхъ въ скалахъ, некрополя въ Ликійскомъ Мандрополисѣ (70),—то это обстоятельство, при нашемъ недостаточномъ знаніи греческихъ гробницъ, еще ничего не говоритъ противъ употребительности символа въ погребальномъ назначеніи. Не тотъ ли же самый смыслъ представляютъ и барельефы римскихъ саркофаговъ, столь часто изображающіе козу, волчицу съ дѣтенышами и пр.?

Мы разобрали, такимъ образомъ, внутреннее содержаніе сюжета западной стороны; нашли, что онъ представляетъ поклоненіе, воздаваемое двумъ божествамъ женскаго пола женскою процессіею, въ которой одна фигура, быть можетъ, представляетъ умершую замужнюю женщину; открыли отношеніе между символическими дарами и атрибутами богинь, а затѣмъ и связь этихъ символовъ съ самымъ сюжетомъ поклоненія женщинъ женскимъ божествамъ, и предположили извѣстное опредѣленіе этихъ послѣднихъ. Представимъ себѣ теперь, что изъ всего памятника Гарпій существовала бы только одна эта сторона, изукрашенная скульптурами, со входомъ въ гробницу. Погребальное значеніе сюжета казалось бы тогда несомнѣннымъ; опредѣленіе божествъ,

Принятое нами, не подлежало бы спору, и археология никак прямой случай отрицать новый фактъ распространения чиста греческаго религіознаго воззрѣнія въ странахъ полуазіатск въ древнюю эпоху. Серьезно-торжественная поза божествъ, ш пышный нарядъ, благосклонное отношеніе къ поклонницамъ, дамы, украшающія фигуры, ихъ облаченіе — все это представляло глазамъ опытнаго археолога то совмѣщеніе строго-религіознаго смысла представленія и чувства красоты, хотя неудовлетвореннаго и ищущаго исхода въ разнообразіи изящныхъ деталей, которымъ отличается собою греческое архаическое искусство; при этомъ было бы и рѣчи о преобладаніи содержанія надъ формою, отсутствіи равновѣсія и гармоніи, которое служитъ опредѣленіемъ азіатскаго искусства. Итакъ, быть можетъ, азіатскій, чуждъ греческому искусству элементъ заключается въ остальныхъ сторонахъ памятника?

IV

Мы указали уже, что связь композиціи, а слѣдовательно, можетъ быть, и внутренняго содержанія требуетъ послѣ западной стороны разсмотрѣнія сюжета восточной. Но три стороны памятника восточная, сѣверная и южная связаны также между собой сюжету, а именно онѣ изображаютъ, какъ предполагается, триаду божествъ, или даже одно и то же, но въ троицной формѣ данное божество. Мы, далѣе, говорили о томъ, какія затрудненія оказывались въ опредѣленіи этихъ божествъ, и какиимъ путемъ это опредѣленіе. Первые затрудненія, встрѣчавшіяся въ опредѣленіи, происходили изъ того, что истолкователи думали и въ божествахъ ту главнѣйшую триаду верховныхъ боговъ, которая состоитъ изъ трехъ братьевъ, правителей трехъ областей неба, моря и земли,—Зевса, Посейдона и Аида. Въ этомъ случаѣ толкованіе забывало, что имѣетъ дѣло съ памятникомъ надгробнымъ, и что поэтому изображеніе на немъ Посейдона бога моря, никогда не имѣвшаго отношенія къ загробной жизни, по малой мѣрѣ, было совершенно неумѣстно. Символь пѣтуха, и

симый мнимому Посейдону и другіе его атрибуты указывали на божество свѣта, плодородія, что также совершенно не согласовалось съ понятіемъ обожествленнаго моря. Но и остальные два божества южной и сѣверной стороны представляли такіа же, если не большія трудности въ опредѣленіи. Атрибуты южнаго божества указывали въ немъ божество плодородія, но частное опредѣленіе, дававшее ему имя Зевса Додонскаго по изображенному голубю, было слишкомъ смѣло. Медвѣдь, помѣщенный подъ трономъ сѣвернаго божества, былъ уже совершенно неизвѣстнымъ атрибутомъ, и чтобы назвать божество (Аидомъ), приходилось выходить совсѣмъ изъ рамокъ классической миеологіи и идти путемъ общихъ соображеній, лишенныхъ почвы. Оставалось затѣмъ, не вдаваясь въ путаницу частныхъ опредѣленій, характеризовать триаду вообще, какъ изображеніе трехъ верховныхъ божествъ: неба, земли и подземнаго царства. Богъ неба, свѣта, тверди, богъ всемогущій, правитель и податель всего, творецъ представлялся на высокомъ тронѣ съ подножіемъ, тогда какъ остальные два бога помѣщались на низкихъ табуретахъ и не имѣли подножія (хотя это послѣднее обстоятельство объясняется чисто реальными причинами, а именно меньшими размѣрами плиты). Изъ этого общаго опредѣленія уже никто не рѣшался выходить, и одинъ только Курциусъ, не придавая, впрочемъ, этому особеннаго значенія, предложилъ для верхняго бога восточной стороны имя Зевса Ликейскаго. Но и при этой общей схемѣ подымалось много сомнѣній: такъ напр. она представляла намъ верховныхъ боговъ на надгробномъ памятникѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли видѣть на надгробномъ памятникѣ изображеніе Зевса, когда мы знаемъ, что оно встрѣчается на саркофагахъ или надгробныхъ рельефахъ лишь среди миеологической обстановки, не играя притомъ никогда главнѣйшей роли, напр. въ сценѣ рожденія Діониса, суда Париса и пр. (1), такъ какъ свѣтлое божество Олимпійца менѣе всего имѣло связи съ тьмою загробной жизни? А затѣмъ еще эти верховныя божества являютя на памятникѣ въ тѣсномъ общеніи съ умершими. Истолкователи, встрѣчая такую, по ихъ мнѣнію, несообразность, прибѣгали къ предположенію, что памятникъ изображаетъ какіе то намъ неизвѣстные

культы мистерій, въ которыхъ человѣкъ обличался съ божествомъ въ главные моменты своей жизни; но и при этомъ предположеніи постоянно чувствовалось, что мотивъ изображенія чуждъ чистому греческому искусству и не представляетъ никакихъ аналогій въ его произведеніяхъ; что происхожденіе этого мотива нужно искать въ томъ наивномъ искусствѣ, которое еще не затрудняется изобразить смертнаго лицомъ къ лицу съ божествомъ и при этомъ не ищетъ отличить фигуру первого меньшими размѣрами. А таково, какъ мы знаемъ, искусство восточное, и тамъ должны мы искать источниковъ мотива. И скульптуры Ниневіи, и цилиндры Ассиріи, Вавилоніи и Персіи повторяютъ, не задумываясь, въ различныхъ комбинаціяхъ, мотивъ непосредственнаго общенія бога съ человѣкомъ: жрецъ, царь изображенъ въ молитвѣ передъ сидящимъ на тронѣ божествомъ; барельефы Персеполиса представляютъ намъ священную крылатую эмблему надъ головою царя и въ изображеніяхъ церемоній и въ надгробныхъ рельефахъ. Но представимъ одинъ наиболее рѣзкій примѣръ въ видѣ египетской статуи Британскаго Музея (2). Въ верхнемъ полѣ посреди изображено женское божество, стоящее на львѣ съ лотосомъ и колосьями въ рукахъ, — божество плодородія и загробной жизни — быть можетъ, ассирійская Афродита. Направо отъ богини египетское верховное божество — Аммонъ рождающій съ фаллосомъ, вѣткою и лотосомъ, а надъво богъ съ широкою бородою (слѣдовательно, не египетское, а азіатское божество) съ копьемъ и тау въ рукахъ, — богъ разрушенія, смерти, Рапо или Ранфо. Въ нижнемъ полѣ богиня Таната съ палицею и копьемъ въ рукахъ принимаетъ умершую, въ сопровожденіи мужа и сына, который держитъ цвѣтокъ лотоса на вѣткѣ и голубя. Какъ бы мы ни именовали изображенныя божества, азіатскій характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ не подлежитъ сомнѣнію, равно какъ и отношеніе триады къ загробной жизни. Замѣтимъ и другія частности изображенія, какъ напр. голубя въ рукахъ умершаго и пр., о чемъ поговоримъ послѣ. Мысль непосредственнаго общенія умершихъ съ богами выработалась, какъ извѣстно, на памятникахъ, главнымъ образомъ, Египтянъ, а въ миеологій Персы и др. Не будетъ поэтому нисколько не-

Вѣстными утверждать, что мотивъ изображенія верховныхъ божествъ на памятникѣ Гарпій въ молитвенномъ общеніи со смертныи долженъ быть усвоенъ изъ знакомства съ надгробными ятниками Египта и Востока. Умершіе на памятникѣ изобраены въ актѣ поклоненія божеству: въ ихъ позахъ, поэтому, въ выраженія горя и отчаянія, а, напротивъ, все представляетъ въ покой, увѣренность, и эта черта, понятная только подъ обіемъ общей концепціи, также рѣзко отличаетъ сюжетъ ятника отъ содержанія аттическихъ стѣлъ, какъ и присутствововъ. Съ другой стороны, разсмотрѣнная нами миеологія ни по своимъ даннымъ не позволяетъ намъ предполагать этихъ божествахъ какую-либо изъ извѣстныхъ въ восточныхъ племяхъ тріадъ, но за то ничто не мѣшаетъ намъ, признавъ несимкость греческой миеологіи и религіознаго искусства архаической эпохи отъ Востока, искать въ представленіи божествъ, принадлежащихъ упомянутымъ тріадамъ, или разсмотрѣныхъ типы въ связи съ изображеніями восточныхъ божествъ земной и греческой почвѣ. Съ этими принципами и применимъ къ разсмотрѣнію изображенныхъ божествъ въ данной ценовѣ, т. е. въ связи съ окружающими фигурами и ихъ ибутами.

Божество восточной стороны занимаетъ среднюю плиту вмѣстѣ фигурой мальчика, подносящаго ему пѣтуха и плодъ. изображено на тронѣ, ручка котораго, какъ мы сказали, является истритона; оно держитъ въ рукахъ, кромѣ длиннаго стра, цвѣтокъ, поднося его къ лицу. Последній знакъ мы разбирали, какъ по отношенію къ фигурѣ западной стороны, и божеству восточной, и нашли, что въ эпоху памятника и это былъ и символическій атрибутъ верховнаго божества, оно является на памятникахъ Востока, и погребальный лѣтъ, влагаемый въ руки умершаго. Какъ божественный аттъ, цвѣтокъ отличалъ на Востокѣ высшее божество солнца а, Митру или Бела, и притомъ въ ихъ физическомъ знакъ, какъ божество плодородія; такъ монета Киликійскаго а Соли изображаетъ Бела съ атрибутами Діониса и Церероздью и колосомъ, а монета Тарсоса къ этимъ атрибу-

тамъ прибавляетъ скипетръ, украшенный на концѣ цвѣткомъ лотоса (3). Перейдемъ къ другому атрибуту—Тритону, и такъ какъ большая часть изслѣдователей именно въ немъ почерпала свои основанія для герменевтики, то позволимъ себѣ нѣсколько болѣе остановиться на немъ. Тритонъ есть фантастическое существо: до пояса человекъ, отъ пояса рыба. Миеологическое его происхожденіе, какъ и другихъ подобныхъ ему фантастическихъ образовъ и существъ, мы находимъ въ религіяхъ Востока. Тамъ эта фантастическая форма принадлежитъ особой стадіи религіознаго развитія, тогда какъ въ Греціи она стала только извѣстною миеологическою деталю. Въ Ассиріи тритонообразное существо есть богъ Оаннесъ, Гоа-ана, господинъ земли, богъ науки и познанія; онъ изображается тамъ въ видѣ пожилаго мужчины, прикрытаго съ головы до ногъ рыбьей шкурою—на статуяхъ или въ видѣ рыбы отъ пояса, какъ на Хорсабадскомъ рельефѣ. У Финикійцевъ, религіозное представленіе которыхъ отиѣтило многихъ божествъ морскимъ, воднымъ характеромъ, такъ изображалось главное ихъ божество—Дагонъ (тотъ же Оаннесъ и по имени): на рогатой тиарѣ его изображалась лилія, и Санхоніатонъ приписываетъ этому рыбообразному богу изобрѣтеніе плуга и пашни: потенція божества въ этомъ случаѣ передается въ греческой миеологіи именемъ Зевса пахаря (Арбтриос). Поэтому одни изъ миеологовъ принимаютъ даже тождество Дагона съ Беломъ, руководствуясь общими имъ титулами или эпитетами, тогда какъ другіе отвергаютъ это, желая найти спеціализацію тамъ, гдѣ ея не было. На мелкихъ памятникахъ восточнаго искусства мы часто встрѣчаемъ, рядомъ съ изображеніемъ верховнаго божества, рыбообразную фигуру, которую уже нельзя отнести къ спеціальному божеству (4). На монетахъ финикійскаго Аскалона восточная Афродита Уранія, какъ божество воднаго происхожденія и характера, такъ наз. Деркетю изображается стоящею на спинѣ женскаго тритонообразнаго существа, держащаго раковину (5). Въ извѣстномъ трактатѣ Филиппа Македонскаго съ Кароагеномъ и его союзниками, у Полиб. VII, 2—3, послѣ греческихъ божествъ, поименованныхъ въ формѣ отдѣльныхъ триадъ, упоминается триада Ареса, Тритона и Посейдона, откуда явствуетъ, что Тритонъ и

въ это время былъ еще божествомъ независимымъ отъ бога моря. Ихеиолатрія, гаданье по рыбамъ, по всей вѣроятности, было также финикійскаго происхожденія, а мы знаемъ, что это гаданье образовало извѣстный оракулъ въ Ликии. Есть нѣкоторое основаніе также думать, что и божество, почитавшееся на Критѣ подъ именемъ Бела-Итана, также было сочетаніемъ въ родѣ финикійскаго Дагона, и греческія монеты Итана представляютъ изображеніе Тритона (6). Но чѣмъ обильнѣе всѣ подобныя данныя, относящіяся къ Востоку и объясняемыя его религіозными принципами, тѣмъ, наоборотъ, бѣднѣе и мельче роль, которую игралъ Тритонъ въ греческой религіи. Никогда Посейдонъ, богъ моря, не изображался въ этой формѣ, служившей лишь для изображенія низшихъ морскихъ существъ: Нерея, Главка, Протея, Эгеона Бриарея, существъ гигантообразныхъ, какъ напримѣръ колоссальная фигура на барельефѣ Ассоса, поражаемая Геракломъ (7). Всѣ доводы, поэтому, въ пользу непосредственнаго перехода съ Востока въ Грецію божества съ именемъ Тритона мы можемъ считать совершенно неумѣстными; подобныя выводы не основательны, такъ какъ они не подтверждаются вовсе свидѣтельствомъ памятниковъ. Если затѣмъ, въ имени Тритонъ и заключается по этимологическому производству понятіе божества воднаго, что оказывается уже по связи съ именемъ супруга Посейдона Амфитриты и Аению Тритогеію и пр., (8) то изъ этого явствуетъ только одно, что имя Тритонъ «водное существо» было придано той всѣмъ понятной фантастической фигурѣ, которая была перенята съ Востока, и вмѣстѣ низшимъ морскимъ божествамъ. Тритонъ явился въ Греціи лишь мѣстнымъ богомъ рѣки, впадавшей въ озеро Тритониду, но пророческій даръ этого бога рано перешелъ къ Протею, и Тритонъ, такимъ образомъ, сдѣлался просто спутникомъ Посейдона, веселымъ жителемъ моря, а самое изображеніе этого любопытнаго фантастическаго существа могло служить простымъ орнаментомъ. Такъ въ орнаментальномъ уже уже значеніи, хотя и съ оттѣнкомъ дикой, необузданной силы, являются изображенія Тритоновъ на тронѣ Амиклейскаго Аполлона, знаменитомъ произведеніи Баеикла. Весьма возможно, что эта орнаментальная форма привилась сначала въ

странахъ сосѣднихъ съ Финикією, въ Малой Азіи и потоку уже перешла въ Грецію. Къ какимъ натянутымъ, сухимъ и безжизненнымъ толкованіямъ пришли бы мы, если бы вздумали подгонять орнаментальныя формы древняго искусства къ нашимъ умозрительнымъ взглядамъ на греческую мифологію; какую бѣдность мысли, стянутую аллегорическою канвою, предложили бы мы тогда взаимѣ художественныхъ созданій, какъ тронъ Бонифоль, или тронъ Зевса Олимпійскаго! Напротивъ того, въ слѣдствіи, въ эпоху аллегорическихъ фигуральныхъ сценъ, построенныхъ на древнѣйшихъ представленіяхъ о жилищѣ блаженныхъ, находящемся далеко за моремъ, куда переправиться можно только при помощи Нереидъ и Тритоновъ, и эти послѣднія существа получили нѣкоторый отблескъ символическаго значенія. Вмѣсто многихъ указаній представимъ одинъ пригър: саркофагъ Вѣнскаго Бельведера изъ Митровиць, № 160 а, замѣчательнымъ образомъ сохранившій слѣды раскраски. Три стороны этого саркофага украшены плоскимъ рельефомъ, четвертая — гладкая; на обѣихъ узкихъ сторонахъ или боковыхъ изображены два льва геральдическаго характера; отъ волосъ на ихъ шеѣ идутъ вѣтви съ платановыми листьями; на лицевой сторонѣ обнимающіеся Амуръ и Психея и пустое мѣсто для надписи. По верхнему фризу рядъ фантастическихъ животныхъ, грифовъ и пр. съ рыбными хвостами и маска океана. Во фронтонѣ покрывши маска волосатого и бородатаго Тритона; между волосами листья и плоды; на одномъ изъ угловъ чудище океана. Вся эта хаотическая, лишенная истиннаго вдохновенія, орнаментация грубо выражаетъ указанную уже надежду на блаженную жизнь за гробомъ на окраинѣ далекаго океана. Синкретизмъ позднѣйшей эпохи иногда цѣликомъ пользовался образами Востока для выраженія созданныхъ имъ пантеистическихъ существъ. Такъ мы находимъ любопытное повтореніе ассирійской статуэтки Оаннеса въ одномъ такъ наз. этрусскомъ изображеніи^(*), представляющемъ Меркурія съ длиннымъ керикиемъ въ правой рукѣ и другими обычными атрибутами; самая фигура божества изображаетъ старика, длинные волосы котораго падаютъ косами. (манера изображенія морскихъ существъ) окутаннаго въ рыбью

чешую. Другія произведенія Этрусковъ представляютъ намъ ту же идеологическую черту (10). Теперь спрашивается, есть ли какія-либо данныя, которыя бы требовали отъ насъ признать въ фигурѣ Тритона, украшающей тронъ божества на памятникѣ Гарпій, особый символическій смыслъ, побуждали бы насъ путемъ гипотезы искать для этого божества наименованія въ родѣ Оаннеса, восточнаго Гермеса, Посейдона, Зевса морскаго, чтившагося въ Миласѣ (11) (котораго посидоническій характеръ еще не доказанъ) и пр., пытаться, однимъ словомъ, какъ нибудь сочетать представленіе верховнаго божества неба и свѣта съ символами моря, или отвергать въ фигурѣ форму рыбы и видѣть форму змѣи и т. п? Болѣе естественнымъ будетъ ближайшее, а таковымъ оказывается орнаментальное значеніе Тритона въ древнемъ искусствѣ. Такая постановка вопроса только подтвердитъ тотъ общій принципъ древняго искусства, по которому оно стремится оживлять и неодушевленные предметы формами человѣческаго или животнаго тѣла; а извѣстно, что чѣмъ древнѣе искусство, тѣмъ сильнѣе и могущественнѣе этотъ принципъ, особенно рѣзко наблюдаемый въ произведеніяхъ искусства ассирійскаго. Памятникъ же Гарпій, какъ мы говорили, долженъ быть отнесенъ непосредственно къ той стадіи искусства, когда художникъ несовершенство своихъ изображеній ищетъ вознаграждать изяществомъ и разнообразіемъ деталей, щедро разсыпавшихъ имъ во второстепенныхъ частяхъ сюжета.

Итакъ, если цвѣтокъ и Тритонъ еще не могутъ указать намъ опредѣленія божества, то не скрывается ли это опредѣленіе въ символическихъ дарахъ, ему подносимыхъ? Эти дары суть: круглый плодъ, который походитъ и на яблоко обыкновеннаго вида, и на айву, иначе наз. квитовое яблоко, и пѣтухъ. Что касается перваго дара, то онъ представляетъ лишь общій погребальный символъ, какъ сладкій даръ природы, дорогой человѣку. Толкователи, видѣвшіе въ данномъ случаѣ круглый мячъ, руководились, конечно, не памятникомъ, а желаніемъ специализировать приношенія, какъ эмблему дѣтскаго возраста, забавляющагося играми, и оба символа относили къ палестрѣ. Символь плода въ рукахъ умершаго ребенка, въ концѣ концовъ, столь же

характеристиченъ, какъ и мячъ, и встрѣчается часто на надгробныхъ изображеніяхъ Грековъ, Этрусковъ и Римлянъ ⁽¹²⁾.

Символь пѣтуха, изображеннаго въ этой группѣ памятника Гарпій, несомнѣнно крайне любопытный фактъ и наиболее важный пунктъ разсматриваемой группы. Этотъ символъ впервые переходитъ на нашѣмъ памятникѣ въ область греческаго искусства; слѣдовательно, отъ разрѣшенія вопроса о значеніи символа въ данномъ случаѣ зависитъ столько же пониманіе его вообще въ античномъ мірѣ, сколько и самый взглядъ на отношеніе памятника Гарпій по символическому своему характеру къ греческимъ произведеніямъ. Между тѣмъ, по этому вопросу, очевидно, наибольшей важности, доселѣ ничего не сказано положительнаго. Археологи то довольствовались отрывочными указаніями на значеніе пѣтуха, какъ эмблемы палестры, не входя въ дальнѣйшія разсужденія; то, пользуясь свидѣтельствами писателей о жертвѣ пѣтухомъ богу Асклецію, искали опредѣленія божества; то, наконецъ, основываясь на риторическихъ характеристикахъ птицы у древнихъ писателей, ограничивались общимъ замѣчаніемъ: пѣтугъ на памятникѣ Гарпій символизируетъ собою утро, потому и представленъ на восточной сторонѣ, и подносится какъ приношеніе богу неба. Понятно, что такое опредѣленіе, какъ легко дается само по себѣ, такъ мало даетъ и помощи въ дальнѣйшемъ. Повторяя вновь наше положеніе, что всякій символъ рождается въ лонѣ религиозныхъ вѣрованій, что лишь въ силу ихъ получаетъ онъ право на существованіе, мы въ правѣ поэтому сказать, что исследователи указали лишь отвлеченную схему, не коснувшись живой стороны предмета. Пользуясь общимъ опредѣленіемъ, они думали выгородить себѣ свободное поле для умозаключенія объ изображенномъ божествѣ и, между тѣмъ, лишали себя главнѣйшей опоры. Чтобы достигъ поэтому какихъ-либо твердыхъ результатовъ, попытаемъ пойти по иному пути, изслѣдуя формацию, распространеніе и значеніе символа на памятникахъ.

Нѣкоторыя данныя о миеологическомъ значеніи пѣтуха, которыя мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей, какъ крайне немногосложны, такъ и представляютъ вообще очень мало оригинальнаго, или даже ограничиваются обычными наблюденіями.

приведенными въ аллегорическую форму, надъ нравами и привычками этой характерной птицы; эти свидѣтельства даже наводятъ на мысль, что символика пѣтуха или вовсе не существовала въ Греціи, или рано была забыта. Такъ Павзаній *Socin. sar. XXXIV, 3*, передаетъ, напримѣръ, что жители одного мѣстечка близъ Сароническаго залива на перешейкѣ Метана умило-стивляли бога Ю. В. вѣтра Лицеа обрядомъ погребенія разорваннаго на двѣ половины бѣлаго пѣтуха, — и для періэгета, который ничего подобнаго не встрѣчалъ въ своихъ странствованіяхъ, этотъ образъ казался страннымъ, и для самыхъ жителей непонятнымъ. Миеологическая сторона этихъ обрядовъ, стало-быть, или была чужда Грекамъ, или рано была позабыта. Извѣстный діалогъ Лукіана «Сонъ или пѣтухъ» передаетъ намъ въ разговорѣ башмачника-паразита съ его пѣтухомъ, разбудившимъ бѣдняка отъ сна, въ которомъ тотъ видѣлъ себя богатымъ, что пѣтухъ когда то былъ человѣкомъ и служилъ сторожемъ у Марса въ эпоху его любовной связи съ Венерой, чтобы остерегать ихъ отъ нескромнаго донощика солнца; а за небрежность въ извѣстномъ случаѣ былъ превращенъ въ крикливую безпокойную птицу съ краснымъ гребнемъ, замѣнившимъ прежній племъ служителя Марса. Разсказъ этотъ, явно отсылающійся риторическою придуманностью, романическою передѣлкою, въ которой врядъ ли можно видѣть даже какіе-либо элементы миеологіи, отвергается другими писателями древности, какъ вымыселъ. Самое названіе пѣтуха на греческомъ языкѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Гентъ, скрывшее въ себѣ древній эпитетъ солнца, *ἀλέκτρον*, есть имя, образованное уже рефлексіей, тождественное съ названіемъ блестящаго янтара. Если поэтому пѣтухъ имѣлъ какое-либо значеніе въ греческой миеологіи, то искать его источниковъ нужно на другой почвѣ, тамъ, гдѣ миеологическая роль птицы наиболѣе обширна. Этою почвою представляется миеологія Персовъ, въ которой пѣтухъ является символическимъ представителемъ свѣтлыхъ силъ, въ ихъ вѣковой борьбѣ съ мракомъ и зломъ. Небесный пѣтухъ — обожествленная домашняя птица — Гуфрамшодадъ есть великій блюститель міра; денно и ношно борется онъ съ злыми духами; ни-

когда не покидаетъ его надежда на побѣду, никогда не беретъ его страхъ, когда онъ видитъ ихъ сонми; боится его дѣя и бѣгутъ отъ его крика въ царство мрака. Пѣтухъ и собака единственныя между земными твореніями, которыя въ силѣ встать въ борьбу съ силами мрака, но пѣтухъ выше, могущественнѣе своего товарища; онъ ближайшій помощникъ богу Серошу, чистотѣ богу, заступнику праведныхъ. Этотъ царь птицъ, Оромаздой наученный, священенъ высшему богу дня, борцу и герою, судіи мертвыхъ Митрѣ. Ежечасно борясь за человѣка противъ злыхъ силъ, онъ провожаетъ умершаго въ область загробную, какъ символъ связи жизни, которую вновь должна начать душа. (13) Описание этой священной птицы въ Зендавестѣ украшено обильно поэтическими чертами, которыя оставляютъ далеко за собою невнятную фигуру домашней птицы. Уже это одно обиліе украшеній указываетъ, что Зороастрово ученіе не создало впервые мифологическую роль пѣтуха, а только восприняло то, что существовало уже въ религіи Арійцевъ и, не довольствуясь прежними формами обожествленія обыкновенной птицы, создало образъ фантастическія. Символическое значеніе птицы и прежде было приурочено къ культу солнца, проявляясь во множествѣ обрядовъ, которые легко можно прослѣдить у разныхъ индоевропейскихъ народовъ. (14) Религія Персовъ только развила эти общія данныя шире другихъ, тогда какъ рано выродившійся въ Греціи культъ солнца не могъ представить для символа почвы, на которой онъ могъ установиться. Между тѣмъ, по превосходному изслѣдованію г. Гена (15) оказывается, что и самое появленіе въ Греціи пѣтуха произошло изъ Персіи уже въ сравнительно позднюю эпоху, и именно во время мидо-персидскихъ войнъ. На это указываетъ и отсутствіе пѣтуха въ поэмахъ Гомера, и свидѣтельство Самосца Менодота, что пѣтухъ имѣетъ родиною Персію, и общиною до позднѣйшаго времени у Грековъ названіе пѣтуха «персидская птица». Замѣчательно также, что г. Генъ, въ виду этихъ соображеній и въ противность авторитету такихъ археологовъ, какъ Велькеръ и др., рѣшился и самый памятникъ Гарпій отодвинуть въ эпоху послѣ персидскаго завоеванія. Правда, для этого ему пришлось также утверждать, что «архаическій стиль памят-

ника не представляет для Ликии, которой художественное развитие намъ неизвѣстно, никакого твердаго хронологическаго принципа, — положеніе ошибочное и въ которомъ, какъ увидимъ, не было никакой нужды. Впрочемъ, если бы окончательно было утверждено иранское происхожденіе ливійскихъ аборигеновъ, то не было бы никакого препятствія признать въ Ликии и туземность самаго символа, развившагося наравнѣ съ Персеидей. Но, несомнѣнно, въ силу этого поздняго появленія пѣтуха въ другихъ странахъ, кромѣ Персін, протекаетъ и неопредѣленность его мифологическаго значенія. Извѣстно напр., что въ Халдеѣ пѣтухъ былъ посвященъ богу Нергалу, но не тому Нергалу, божеству войны, охоты, праотцу ассирійскихъ царей, котораго изображеніе археологи видятъ въ колоссальныхъ фигурахъ льва, а Нергалу позднѣйшаго времени, вавилонскому божеству, которому, по Крейцеру, поклонялась въ Самаріи колонія Кутзеевъ, переселенная изъ Персін же. Въ самой Іудеѣ въ позднѣйшее время пѣтухъ игралъ роль демонической птицы и не могъ жить въ Іерусалимѣ; по еврейскимъ повѣрьямъ, въ послѣдній день дѣти Израіля сокрушаютъ громаднаго пѣтуха, который, стоя на землѣ, упирается головою въ небо (16). Поздній также характеръ носитъ оракулъ пѣтуха въ Сирійскомъ храмѣ въ Мабогѣ, а разсказъ Лукіана De Syria dea § 48 о значеніи пѣтуха въ тамошнихъ обрядахъ представляетъ лишь аллегорическое участіе солнца въ священнодѣйствіи. Въ религиозныхъ обрядахъ Сабейцевъ, отождествляемыхъ съ древними Халдеями, обычной жертвой былъ пѣтухъ, бѣлый или черныи, въ честь Гермеса или сына его Агатодемона (17). Если эти и имъ подобныя свидѣтельства указываютъ на позднюю символизацию пѣтуха, то можно предполагать, что и самыя изображенія символа на восточныхъ памятникахъ относятся ко времени распространенія мидоперсидской монархіи. Всѣ эти памятники, какъ то геммы и цилиндры, явно относятъ символъ пѣтуха въ разрядъ символовъ солярныхъ, эмблемъ божества свѣта и солнца, побѣдителя вражьиъ силъ; пѣтухъ стоитъ на алтарѣ, передъ которымъ молится жрецъ или стоитъ обрѣненное божество; птица эта находится въ сценѣ битвы бога, вооруженнаго серпомъ, съ дикимъ единорогомъ; звѣзда или по-

лудуніе отиѣчаютъ эти сюжеты; пѣтухи окружають фигуру Мурены; пѣтухъ стоитъ на лѣвѣ фантастическихъ формъ и пр. (18). На вавилонскихъ же цилиндрахъ является пѣтухъ и въ тѣхъ фантастическихъ сочетаніяхъ съ различными животными формами, что усвоено было впоследствии гностическими амулетами въ известномъ символическомъ изображеніи пантеистическаго существа—Абракаса въ другихъ эмблемахъ. Чисто восточная характеристика символа дана и въ любопытномъ изображеніи на геммѣ Меркурія, сидящаго на скалѣ, передъ которымъ стоитъ поущій пѣтухъ; имя «Миханлъ» и слово, значащее «время», указываютъ, что пѣтухъ принятъ здѣсь уже, какъ восточный символъ свѣта съ характеромъ эмблемы, намекающей на общее пробужденіе людей на страшномъ судѣ (19). Послѣ разбора подобныхъ памятниковъ, необходимо признать, что символическое значеніе пѣтуха должно было имѣть корни свои въ религіяхъ Востока, притомъ у племенъ иранскаго происхожденія, и что сущность этого значенія заключалась въ отношеніи къ культу солнца побѣдителя. Въ свою очередь этотъ культъ и связанные съ феноменами свѣта символы имѣли несомнѣнно преобладающее значеніе у племенъ иранскаго происхожденія. Отсюда мы могли бы сдѣлать прямой переходъ къ Ликии и нашей задачѣ, т. е. изображенію пѣтуха на памятникѣ Г., но, задавшись цѣлью показать, что и въ данномъ случаѣ памятникъ не представлялъ чего либо чуждаго, неизвѣстнаго греческому міру, рассмотримъ предварительно различныя явленія символизаціи пѣтуха въ античномъ мірѣ.

Пѣтухъ является прежде всего въ различныхъ мѣстностяхъ греческаго міра какъ одна изъ любимыхъ эмблемъ племенъ и городовъ, помимо видимаго посвященія какому либо божеству. Такъ Карійцы, по разсказу Плутарха Artax., X, носили изображеніе пѣтуха на копьяхъ и также фигурою его украшали свои шлемы, почему будто бы сами Персы называли Карійцевъ вообще «пѣтухами». Возможно, что въ этомъ случаѣ изображеніе было эмблемою храбрости. Далѣе, пѣтухъ изображается на монетахъ Итали (много объясненій: символъ дѣятельности, вѣстникъ утра, эмблема неутомимаго Одиссея, символъ его, какъ древняго божества солнца и пр.), лицевая сторона которыхъ представляетъ

известную голову Одиссея (20), на монетах Пизидии (у Мюнна) съ лавровымъ вѣнкомъ (можетъ быть, въ связи съ поклоненіемъ Мену, изображенному на лиц. стор.) позади Артемиды съ оленемъ на монетахъ Акарнаніи, на медаляхъ Македоніи, Сицилійскаго Солунта, городовъ Кампаніи, Эвбеи, Трояды, Этрусской Атріи, на сицилійскихъ свинцовыхъ маркахъ и т. д.; эмблема эта составляетъ также главный значекъ Галліи. Но всѣ перечисленные нами изображенія въ существѣ вопроса столь же неопредѣленны и часто непонятны, какъ и любя монограммы на монетахъ. Прямой смыслъ найденъ лишь въ изображеніи пѣтуха на монетахъ сицилійской Гимеры, которое, послѣ разныхъ попытокъ отнести къ Эскулапу и пр., Экель справедливо объявилъ самымъ названіемъ города (*ἡμέρα, ἡμέρα* — день), какъ эмблему дня и свѣта (21). Но Экель долженъ былъ затѣмъ прямо отказаться отъ объясненія другаго типа монетъ того же города (22), съ изображеніемъ фантастическаго образа пѣтуха (?) съ старческой бородатой головой, рогами и лапами льва или медвѣдя. Другіе археологи и нумизматы не считали нужнымъ поступать подобно Экелю, и такимъ образомъ одна изъ бытовыхъ и религіозныхъ чертъ болѣе и болѣе затемнялась. Въместо того, чтобы прослѣдить значеніе символа въ общемъ, руководящемъ принципѣ, дробили по отвлоченной схемѣ условленное общее понятіе, пригоняя символъ то къ городу, то къ известному лицу и пр. Что сказать напр. о томъ, что пѣтухъ, по словамъ Висконти, служилъ въ древности и эмблемою поэзіи, такъ какъ былъ изображенъ на гробницѣ поэта? (23)

Но находимъ ли мы какую-либо опредѣленность значенія пѣтуха какъ символа и въ греческой мифологіи? Запасшись характеристиками, сдѣланными Плутархомъ, Лукіаномъ, Эліаномъ и др. писателями, мифологи безплодно ищутъ точки отправления въ томъ конгломератѣ, который представляютъ различные факты посвященія птицы божествамъ. Достаточно рассмотреть всѣ пункты мифологіи Гергарда, (24) старательно собравшаго всѣ данныя этого рода, чтобы убѣдиться въ произволѣ подобныхъ характеристикъ: пѣтухъ, вѣстникъ утра, радняго пробужденія природы, священенъ Геліусу и Аполлону; какъ

символь пробужденія въ новой жизни и выздоровленія — Асклепію; вмѣстѣ съ собакой какъ хтоническій символъ — тому же Асклепію, какъ божеству травъ; символъ агонистическаго и вмѣстѣ хтоническаго характера — подземному Гермесу; какъ символъ природы вмѣстѣ съ голубемъ и дятломъ — Зевсу и т. п. Естественъ, поэтому, вопросъ: если пѣтухъ игралъ роль символа въ Греціи, то могли ли придавать ему какія угодно значенія; или же, наоборотъ, въ немъ скрывалось твердо установившееся понятіе, которое ложилось въ основу всѣхъ миеологическихъ комбинацій? Если также по какимъ бы то нибыло причинамъ въ символѣ этомъ соединилось нѣсколько понятій, то не было ли одно изъ нихъ главнѣйшимъ, и не поставлены ли были другія въ нѣкоторой отъ него зависимости?

При отсутствіи указаній, по крайней мѣрѣ, подробныхъ, которыя могли бы способствовать разрѣшенію этихъ вопросовъ, приходится обратиться къ памятникамъ монументальнымъ, свидѣтельства которыхъ, наиболѣе обильныя, въ то же время менѣе всѣхъ другихъ зависятъ отъ произвола поэтическаго и стремленій къ риторическимъ украшеніямъ, и которыя, поэтому, яснѣе вскрываютъ основную традицію символа. Мы видѣли, что эта традиція должна была усвоить себѣ представленіе двухъ чертъ: по первой изъ нихъ пѣтухъ есть символъ свѣта, по второй — эмблема мужества, храбрости; въ первомъ случаѣ символъ, очевидно, стоитъ въ прямой связи съ культомъ солнца, — но и эмблема, хотя она основана на извѣстныхъ боевыхъ привычкахъ пѣтуха, также должна быть косвенно связана съ культомъ солнечныхъ божествъ, героевъ, какъ побѣдителей темныхъ силъ; въ послѣднемъ случаѣ символъ можетъ выразать не просто храбрость или мужество, но триумфъ храбрости и мужества. Въ первомъ значеніи пѣтухъ посвященъ былъ Аполлону *ἔβιος* — побѣдителю врага своимъ побѣднымъ пѣаномъ, и если, по Плутарху *De Pyth. oraculis* XII, художникъ, посадившій на руку статуи Аполлона пѣтуха, какъ эмблему утра и солнечнаго восхода, дѣйствовалъ уже по рефлексіи, то эта рефлексія, видимо, основалась на воспоминаніи кореннаго значенія символа. Ибо, несомнѣнно, тотъ же смыслъ вложенъ и въ посвященіи пѣтуха Геліосу и Асклепію—

воскресителю мертвыхъ, и Аѳинѣ Ерганѣ, богинѣ трудолюбія, идущающей съ зарею; утрення заря изображается въ terra-ментахъ ѳдущей на пѣтухѣ, а на геммахъ видимъ даже развитіе ісли въ пародіи: сова, вооруженная сѣкирою, бьется съ пѣтухъ (25). Особенно интересное въ художественно-миеологическомъ отношеніи представляетъ перенесеніе символа на типъ вса, чтившагося въ Фэстосѣ на Критѣ: на монетахъ этого рода изображается юное нагое божество, сидящее на пнѣ, эди вѣтвей дерева и растеній; на колѣнахъ бога сидитъ пѣхъ, котораго онъ придерживаетъ правою рукою; такъ какъ цпись называетъ бога «Гельханосъ», а съ этимъ прозвищемъ,

Гезихію, чтился Зевсъ у Критянъ, то Велькеръ принимаетъ гетаніе Зевса съ солнечнымъ божествомъ, почитавшимся на итѣ, напримѣръ, Талосомъ. (26) Но если, затѣмъ, изображеніе гуха встрѣчаемъ мы или отдѣльно съ вѣткою и цвѣткомъ, и въ приуроченіи къ Аѳинѣ на большихъ греческихъ амфо-тъ, то должны признать новый оттѣнокъ въ значеніи символа, вшаго эмблемой побѣды на олимпійскихъ играхъ. Какъ знакъ цбросети, мужества, пѣтухъ представлялъ лучшее эмблематиче-е украшеніе щита въ рукахъ Минервы и всякаго героя и вои-на рисункахъ вазъ, на которыхъ преобладаніе общихъ ти-тъ и привычныхъ орнаментовъ составляетъ главную характе-гическую черту. Если, поэтому, пѣтухъ служитъ украшеніемъ га Идомедея, то нѣтъ никакой нужды усвоивать объясненія лѣктурирующаго Павзанія Ел., XXV, 5, что родъ героя шельъ

Геліоса, отца Пазифаи и Миноса, потому что какая другая лема была бы болѣе прилична герою, атлету? Монеты Сели-га (27) представляютъ намъ статнаго юношу съ вѣтвью въ ахъ, творящаго возліянія на алтарѣ, подъ которымъ сидитъ ухъ: археологи видятъ здѣсь бога рѣки Селиноеса, жертву-го Эскулапу, тогда какъ, вѣрнѣе, это изображеніе атлета. агонистическимъ значеніемъ представляется пѣтухъ на пана-йскихъ вазахъ, сидя на колоннахъ, и весьма понятно, что ая птица посвящена была и Геркулесу, и Гектору, и Аре- (28). Гораздо труднѣе за то сказать положительно, въ силу этого же характера пѣтухъ сталъ въ Греціи «птицею Гер-

меса», бога гимнастовъ и атлетовъ, какъ символъ агона. О. Миллеръ, имѣя, впрочемъ, въ виду лишь двѣ геммы дактилютэки Липперта, предполагалъ именно этотъ смыслъ, также какъ и Гергардъ (29), но другіе, какъ Велькеръ и Милленъ, сочли нужнымъ обойти вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ этотъ символъ только въ позднихъ римскихъ изображеніяхъ Меркурія, — таковы: Ватиканская статуя бога съ пѣтухомъ и бараномъ, другая въ Англии (30), фреска Остіи (31), рисунки геммъ (32) и пр. Что касается почвы Греціи, то мы не знаемъ подобнаго изображенія Гермеса съ пѣтухомъ, и вотивная статуя, упоминаемая одною аттической надписью (33), вѣроятно, изображала атлета. Такъ какъ символизация пѣтуха шла въ данномъ случаѣ не глубоко, то возможно, что крупныя произведенія пластики избѣгали этого символа, предоставленнаго болѣе наивнымъ изображеніямъ вазъ, монетъ и пр. Въ позднѣйшей же римской символизациі пѣтуха ясно выдѣляется и новая тенденція, много черпавшая изъ традиціи восточной. Восточнаго Меркурія-Анубиса чтили въ Танагрѣ какъ бѣлаго, свѣтлаго бога, и священной птицею его былъ пѣтухъ, для отличія отъ подземнаго Меркурія. Плутархъ (34) говоритъ, что Германубису жертвовали бѣлымъ или желтымъ (солнечнаго цвѣта) пѣтухомъ. Замѣтимъ тутъ же, что авторъ описанія одной Помпейской фрески (35), изображающей Меркурія, который стоитъ возлѣ женской фигуры, сидящей на креслахъ (Гея, Церера), имѣя подлѣ себя пѣтуха на цилиндрѣ (мѣра пшеницы, вѣроятно, — о чемъ дальше), принужденъ былъ для истолкованія припомнить восточную символику. Но несомнѣнное агонистическое значеніе лежитъ въ основѣ изображеній пѣтушинныхъ боевъ. Самое древнее изображеніе ихъ принадлежитъ, по всей вѣроятности, рельефамъ храма въ Ассосѣ, которыхъ древность, какъ кажется, восходитъ нѣсколько выше 500 г. Изъ произведеній греческаго искусства прежде всего воспроизводятъ этотъ сюжетъ вазы во фризахъ, украшающихъ шейку, но втораго періода; затѣмъ мы находимъ на креслѣ жреца Діониса—освободителя въ театрѣ Вакха въ Афинахъ изображеніе пѣтушьяго боя, устраиваемаго нагою богиней (побѣды?) (36), и на рельефѣ, представляющемъ аттической ка-

лендарь, подъ мѣсяцемъ Посидеономъ (37). Въ эпоху римскаго искусства этотъ сюжетъ украшаетъ уже саркофаги наряду съ другими аналогическими изображеніями дѣтскихъ игръ, палестрическихъ упражненій и пр., среди пестрой орнаментики гирляндъ, сфинксовъ, въ моментъ увѣнчанія побѣдителя — пѣтуха, подводимаго къ столу, на которомъ лежатъ вѣнки и пальмовая вѣтвь, или въ моментъ начала боя, среди погребальныхъ обрядовъ, исполняемыхъ гѣніями и т. п. (38) Мы однако совершенно ясно понимали бы значеніе этого сюжета, если бы онъ украшалъ лишь саркофаги умершихъ лицъ мужскаго пола, но онъ встрѣчается и на саркофагахъ, медальонъ которыхъ представляетъ женщину (39): толковать, что этимъ боемъ выражено окончаніе жизненной борьбы, прекращеніе жизненныхъ силъ — не значитъ ли пускаться въ такую риторику, которая даже и римскимъ саркофагамъ не свойственна? Въ эпоху окончательно сформировавшагося господства культа бакхо—афродизическаго, мифологія, утратившая пониманіе древняго зооморфизма, искала въ мірѣ животномъ прообразовъ новаго культа, своими сближеніями этого міра съ Афродитой расширяя обширную область ея могущества. На этихъ сближеніяхъ, какъ извѣстно, построены многія характеристики животныхъ у Эліана въ его *Historia animalium*. Такъ въ главѣ XVIII, 46 онъ рассказываетъ, что въ храмахъ Геркулеса держали пѣтуховъ, а въ храмахъ Гебы — куръ, какъ символъ ихъ супружескихъ отношеній. Діонису Сабацию, женоподобному богу Фритіи, жертвовали пѣтухомъ старухи; на барельефѣ саркофага, украшеннаго изображеніемъ вакханаліи и умершей въ видѣ Аріадны, которую юный Вакхъ находитъ на Наксосѣ, представлена жертва курицею (или пѣтухомъ) на altarѣ передъ статуей бородатаго Бахуса, — сцена, заинтересовавшая знаменитаго Висконти (40). На чашахъ видимъ изображеніе пѣтуха и курицы (41). На вазахъ изображается летящій Эроть съ пѣтухомъ въ лѣвой рукѣ, и палочкой для катанія обруча; Ганимедъ стоитъ возлѣ преслѣдующаго его Юпитера и держитъ въ правой тотъ же обручъ или трохусъ, а подъ одеждой пѣтуха. По объясненію авторовъ, издавшихъ рисунки этихъ vazъ, Отто Яна, Ленормана и

де Витта ⁽⁴²⁾, пѣтухъ имѣеть здѣсь значеніе (какъ голубь) подарка эраста своему эромену, знака эротическихъ отношеній Ганимеда и Юпитера. Панофеа, поэтому, разсматривая терракоты, изображающія мальчика съ пѣтухомъ, видитъ вездѣ Эроса или Ганимеда и думаетъ, что пѣтухъ играетъ въ этихъ случаяхъ ту же роль, какъ козелъ, т. е. символа чувственныхъ желаній. Если въ этихъ или имъ подобныхъ изображеніяхъ и можно видѣть иногда нѣчто иное, напримѣръ, Эроса въ типѣ юнаго Марса и т. п., то все таки трудно отвергнуть, такимъ образомъ, существованіе этой новой символизаци, наглядно характеризующей періодъ наступающаго эстетическаго и религіознаго одичанія.

Спасеніе отъ этого одичанія представлялось, повидимому, въ слѣпомъ, безхитростномъ воспріятіи тѣхъ первоначальныхъ религіозныхъ элементовъ, которые сохранилъ Востокъ. И на этой почвѣ беззавѣтнаго слѣдованія восточнымъ культамъ, хаотическаго, лихорадочнаго синкретизма встрѣчаемъ мы вновь пѣтуха, какъ атрибутъ божествъ свѣта, я символъ высшаго міреваго божества. Это вновь атрибутъ Митры, къ которому перешли и кадуцей Меркурія, и сосновая шишка ассирійскихъ божествъ ⁽⁴³⁾. Меркурій возвращаетъ себѣ значеніе великаго хтоническаго божества и вмѣстѣ становится высшимъ солярнымъ богомъ; прежній вѣстникъ, герольдъ, психономъ, отводящій души въ Аду и возвращающій на свѣтъ Кору, становится богомъ двойственнымъ, пребывающимъ на небѣ и подъ землею. Пѣтухъ выражаетъ его солярное могущество, сова представляетъ въ немъ силу мрака. Меркурій триорас, трѣглазый, стоитъ въ петазѣ, съ кадуцеємъ и мечемъ побѣдителя солнца; на груди его черезъ плечо повязка (радуга?) и звѣзда солнца; возлѣ бога алтарь съ двумя чашами: въ одной на монетахъ сидитъ сова; другая наполнена цвѣтами, на которыхъ сидитъ пѣтухъ,—такова античная римская бронза, передъ которой въ изумленіи останавливается Монфоконъ, восклицая: «*Haec omnia allegoriis plena. Quis Oedipus tot aenigmata solvat?*» Такимъ образомъ, Монфоконъ угадалъ, что это образъ аллегорическій, искусственный, но ученый активварій, знавшій лишь казенный типъ божества, не видѣлъ

въ этомъ смѣшеніи традиціональнаго повторенія данныхъ символикъ восточной. Въ этой статуѣ Меркурій соединяетъ въ себѣ триаду верховныхъ божествъ, ро его потенція двойственная: небесная, посылающая плодородіе въ лучахъ солнца, и подземная, дарящая людей золотомъ, орудіемъ торговли, которой богъ покровительствуетъ. Проведена ли здѣсь жалкая, конечно, мысль о торговлѣ хлѣбомъ и богатствъ, отъ нея получаемомъ, или вѣрнѣе, статуя изображала въ аллегоріи мысли о загробной жизни, но по неловкости мастера совместила атрибуты промышленнаго Меркурія, — все равно для насъ, такъ какъ пѣтухъ здѣсь можетъ имѣть только одно значеніе. Если нужно указать, гдѣ искать прототипа этой фигурки, то мы приведемъ изображеніе бога мѣсяца, Мена, чтившагося въ Малой Азіи, которому былъ священенъ пѣтухъ. На малоазійской поздней монетѣ богъ Мена стоитъ въ храмѣ; на плечахъ и челѣ рогъ луны; въ лѣвой рукѣ божество держитъ сосновую шишку, — символъ плодородія, посылаемаго небесными божествами; у ногъ два льва, символы солнца; въ полѣ направо сфинксъ — хтоническій символъ на верху и пѣтухъ въ низу. (44) Къ этой символизациі относятся также геммы, на которыхъ, рядомъ съ пѣтухами, изображены солнце и луна (45), пѣтухъ съ лошадиной головой, какъ на персидскихъ коврахъ (46); многія изъ тѣхъ геммъ, которыя изображаютъ полезную дѣятельность пѣтуха, врага мышей и виѣтъ львовъ (47); изображенія пѣтуха на лампахъ съ головой Геліоса въ лучахъ (48); греко-египетская гемма, на которой пѣтухъ съ курицей стоятъ возлѣ нагаго женскаго божества, Венеры-Гаторъ, съ головой землеройки (49); далѣе геммы, на которыхъ представлены пѣтухъ и собака между перуномъ и зодіакальными знаками (50); или, наконецъ, пѣтухъ, изображенный съ пальмовою вѣтвью на мѣрѣ пшеницы (51). Если на этихъ геммахъ пѣтухъ и играетъ роль атрибута Меркурія, то божество это часто понято уже въ значеніи земнаго плодородія, возвращающагося весной, а атрибутъ его какъ символъ живительныхъ лучей солнца: на это значеніе указываютъ и знаки зодіака, и снопы колосебевъ, и головки мака. И на восточныхъ геммахъ видимъ мы пѣтуха съ виноградною гроздью, звѣздой и рогомъ луны (52).

Перейдемъ теперь къ отдѣлу памятниковъ, намъ наиболѣе близкихъ, а именно *надгробныхъ*, на которыхъ также является пѣтухъ, но предварительно замѣтимъ, что мы въ этомъ мѣологическомъ очеркѣ исторіи символа намѣренно опустили отношеніе пѣтуха къ божеству, ближайшему по идеѣ къ памятникамъ этого рода. Мы разумѣемъ Кору или Персефону. Объ отношеніи къ ней нашего символа мы узнаемъ, главнымъ образомъ, изъ памятниковъ, — причина, по которой отчасти это отношеніе считается темнымъ. Замѣчено оно впервые на фрагментированномъ барельефѣ изъ терракотты, который былъ найденъ въ Южной Италиі, въ Локри, ⁽⁵³⁾ гдѣ главнымъ святилищемъ былъ храмъ Кору. На этомъ рельефѣ богиня сидитъ по правую сторону своего божественнаго супруга на богато украшенномъ тронѣ и тщательно убранная; въ правой рукѣ она довольно наивно держитъ пѣтуха, тогда какъ супругъ ея держитъ пучъ колосьевъ и цвѣтовъ. Будемъ ли мы видѣть въ этомъ богѣ Анда-Плутона, или Діониса (что вѣрнѣе по вѣнку, украшающему его голову и колосьямъ), атрибутъ пѣтуха имѣетъ лишь одинъ смыслъ для Кору: представленіе ея жизни на землѣ среди широкой и полезной дѣятельности, жизни счастливыхъ подъ солнцемъ, въ противоположность пребыванію въ мрачномъ Андѣ. ⁽⁵⁴⁾ Отъ Кору этотъ символъ страннымъ образомъ переходитъ на Діониса—ея мужа, какъ можно судить по слѣдующему изображенію терракотовой группы: фигура этого божества въ типѣ Силена, увѣчаннаго плыщемъ, держитъ пѣтуха. ⁽⁵⁵⁾ Точно также видимъ мы изображеніе Кору и въ одной кипрской статуэткѣ Лувра, которая въ грубомъ стилѣ представляетъ намъ молодую женщину съ оригинальной прической, обрамляющей лицо и архаической улыбкой на лицѣ; на одномъ изъ эвемплярровъ эта фигура держитъ обѣими руками пѣтуха, тогда какъ въ другихъ случаяхъ—животнаго въ родѣ поросенка. Но наиболѣе ясный памятникъ, показывающій намъ символическое значеніе пѣтуха для Кору, представляютъ неизданные ⁽⁵⁶⁾ доселѣ терракотовые барельефы изъ того же города Локри. Такъ какъ эти барельефы не только не изданы, но даже и не описаны, то мы считаемъ не лишнимъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Стиль этихъ барельефовъ архаическій,

но непосредственно близкій уже къ эпохѣ процвѣтанія, къ статуямъ Эгинскаго фронтона, хотя и отличается многими особенностями. Барельефы не одинаковой высоты, но въ нихъ вездѣ видна одна и та же работа. Объ ихъ назначеніи нельзя сказать ничего положительнаго, но возможно, что они украшали деревянную гробницу, на подобіе барельефовъ Ніобидъ изъ Керчи. Такъ какъ эти рельефы представляютъ въ цѣломъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ символическихъ памятниковъ, относящихся къ нижнелатвійскимъ мистеріямъ, то мы представимъ перечисленіе всѣхъ фрагментовъ, число которыхъ восемь, въ порядкѣ ихъ обозначенія въ Музеѣ: 1) Гермесъ Кріофоросъ въ извѣстномъ архаическомъ типѣ идетъ быстро направо. 2) Фигура мужчины стоящаго, съ большой окладистой бородой, держитъ кратеръ (Діонисъ?). 3) Двѣ женскія фигуры, широко и богато задрапированныя; одна наклонилась къ голубю, сидящему на подставкѣ. 4) Фигура женщины въ льняной туникѣ и верхней какъ будто мѣховой одеждѣ съ рукавами, переброшенными черезъ плечо; въ правой рукѣ держитъ пѣтуха, въ лѣвой патеру; другая пatera изображена на верху въ полѣ (жрица?). 5) Фигура съ лирой. 6) Мужчина держитъ на рукахъ женщину, которая, обнявши его одной рукой, подымаетъ въ другой пѣтуха. Неясные предметы. (Кора? Діонисъ?). 7) Мужская фигура быстро уноситъ женщину, выражающую отчаяніе распростертыми руками (Кора и Плутонъ). 8) Мужская фигура обнимаетъ женскую, которая держитъ голубя. Расчленить эти фрагменты въ надлежащей группировкѣ врядъ ли возможно. Но и безъ этого, съ перваго взгляда отличишь символическій характеръ сюжетовъ, отмѣченныхъ пѣтухомъ въ фрагментахъ 4 и 6 и голубемъ— въ 3 и 8; мы видимъ здѣсь боговъ мистерій: Діониса, Гермеса, Кору и, можетъ быть, Афродиту. Фрагменты 6, 7 и 8 видимо относятся къ исторіи Кору. Цѣлое запечатлѣно символическою загробной жизни, и въ этой символикѣ пѣтухъ играетъ первостепенную роль символа жизненнаго начала, сопровождающаго мертвыхъ и въ Аидѣ. А этотъ опредѣленный смыслъ требуетъ отъ насъ и дальнѣйшаго утвержденія въ томъ же значеніи символа на надгробныхъ памятникахъ, хотя бы онъ и

служилъ атрибутомъ различнымъ миеологическимъ лицамъ. Что обязываетъ насъ, напримѣръ, въ сюжетахъ, изображающихъ на саркофагѣ Адониса съ пѣтухомъ въ сценѣ предсмертнаго прощанія его съ Афродитой, ⁽⁵⁷⁾ видѣть изображеніе только любовника, отиѣченнаго эротическою птицею, согласно пошлымъ мыслямъ временъ Эліана? И не указываютъ ли, напротивъ, нами рассмотрѣнные саркофаги, что мы должны видѣть здѣсь тонкое противуположеніе смерти и жизни. Въ Британскомъ Музѣ въ собраніи арханчскихъ произведеній находится оригинальная терракоттовая фигурка: молодой кудравый юноша въ позѣ полуобнаженнаго Бахуса, въ странной фригійской шапкѣ, стоитъ, держа въ лѣвой рукѣ пѣтуха. Если это Атисъ, или тотъ же Адонисъ, то значеніе этой фигуры, положенной умершему въ гробъ, несомнѣнно тоже самое, что мы указали. Стало быть, когда древнее миеологическое значеніе этихъ лицъ по отношенію къ представленію умирающей и вновь возрождающейся природы уже утратилось, то символическая традиція еще сохранялась въ памяти народной. Иначе, какъ объяснимъ себѣ содержаніе кареагескихъ надгробныхъ памятниковъ, которые вмѣстѣ съ громадными мозаиками наполняютъ три залы подземныхъ этажей Британскаго Музея, пока еще не тронутые рукою изслѣдователя? Эти памятники въ греческой формѣ стѣлы съ подробностями римскаго характера и грубаго исполненія позднихъ временъ, представляютъ наибъ разнообразнѣйшія формы той символики, которая, возникши на далекомъ Востокѣ, въ непрерывномъ преданіи переходила до позднѣйшихъ временъ на Западъ. Самая форма изображенія носитъ характеръ восточныхъ цилиндровъ: тоже нагроможденіе символовъ, птицъ разныхъ родовъ, летающихъ или влюющихъ плоды на вѣтвяхъ, цвѣтовъ, виноградныхъ гроздей и т. п. Возьмемъ изъ этихъ памятниковъ номера 12 по 18, 57, 62: во фронтонѣ этихъ стѣлъ и на четырехугольномъ остальномъ полѣ изображенъ пѣтухъ, замѣняющій собою изображаемый на другихъ стѣлахъ солнечный дискъ или символическую розетку. Надежды на будущую жизнь выражены здѣсь несдержанно, въ шумномъ ликованіи человѣка среди богатой природы. Тотъ же восточный элементъ опредѣляетъ собою и символическіе сюжеты надгробныхъ

памятниковъ позднѣйшаго Рима. На римскихъ саркофагахъ и урнахъ пѣтухъ явно играетъ роль эмблемы вѣчно свѣтящагося свѣта и жизни вмѣстѣ съ бабочкою, и одно уже это сочетаніе не позволяетъ намъ, по примѣру археологовъ, видѣть здѣсь простую обстановку дѣтскихъ игръ умершаго юноши, изображеннаго съ пѣтухомъ и бабочкой въ рукахъ (58). Мы встрѣчаемъ далѣе нѣсколько рельефовъ, которые проводятъ мысль еще яснѣе; одинъ изъ нихъ (59) изображаетъ юнаго генія смерти съ обычными атрибутами, стоящаго возлѣ шкапика, назначеннаго для погребальныхъ обрядовъ; на немъ идолъ богини съ модіусомъ на головѣ, въ короткой одеждѣ, съ цвѣткомъ въ лѣвой рукѣ и опущеннымъ фавеломъ въ правой; подъ шкапикомъ пѣтухъ, очевидно, тоже символическая погребальная жертва. Но смыслъ этой жертвы имѣетъ ближайшее отношеніе къ вѣрованіямъ въ загробную жизнь, и при помощи его должно толковать всѣ подобныя изображенія на саркофагахъ (60). Эти вѣрованія въ эпоху распаденія греко-римской религіи укрѣпились на почвѣ усвоенныхъ восточныхъ культовъ. Также Остія, которая доставляетъ богатую жатву памятниковъ восточнаго характера, представляеть и слѣдующую надгробную стѣлу или сиррус, которую считаемъ излишнимъ описать. Въ нишѣ стѣлы стоитъ мужчина, одѣтый въ длинный перепопоясанный хитонъ и накинутую на правое плечо хламиду; на ногахъ узкіе штаны и сапоги; на головѣ острокопечная шапка. Руки подняты къ груди, при чемъ лѣвая держитъ свитокъ, а правая, можетъ быть, скипетръ или жезлъ. Надъ лѣвымъ плечемъ голова кошки (?) и неизвѣстный предметъ. По сторонамъ ниши орнаментъ (вѣрнѣе, орнаментированный постаментъ) въ видѣ лотосоваго цвѣтка, а надъ нишею налѣво два ящичка — сарсае съ головой въ лучахъ и фаллосами и ваза, на которой стоитъ пѣтухъ. Такъ какъ надпись называетъ жреца Изиды, то авторы описанія этого памятника (61) относятъ символъ пѣтуха къ этой египетской богинѣ; но для этого требовалось бы объяснить значеніе этого отношенія, а во вторыхъ не всѣ символическія детали этой стѣлы могутъ быть отнесены къ Изидѣ, какъ на примѣръ ваза, часто являющаяся въ видѣ діоты, съ двумя ручками, на греческихъ стѣлахъ. По нашему

мѣнью, дажѣ, пѣтухъ на вазѣ видимо соотвѣтствуетъ указанному изображенію головы въ лучахъ, слѣдовательно, опять таки характеризуется соларическимъ значеніемъ и символичкою будущей жизни. Вышеуказанное символическое отношеніе пѣтуха къ восточному Митрѣ, перешедшее и въ Римъ вмѣстѣ съ поклоненіемъ этому богу, также получило свое мѣсто на надгробныхъ памятникахъ. Такова замѣчательная по крайнему синкретизму религіозныхъ представленій и обрядовъ стѣла изъ древней Аузіи (нынѣ Оманъ въ Африкѣ) (62). Здѣсь видимъ въ греческомъ характерѣ изображеніе возлежащихъ за пиромъ мужа и жены, но уже помѣщенное во фронтонѣ; и римское представленіе умершаго и жены его въ полѣ стѣлы съ сыномъ и дочерью; фигуры снабжены символическими атрибутами: зайцемъ, гроздью, птичкою (голубемъ?). Внизу конгломератъ символовъ Митры: окрыленный глазъ, пѣтухъ, змѣя, скорпионъ, и пр. Для насъ интересно также и то, что по угламъ фронтона помѣщены два льва, обращенные другъ къ другу задомъ,—украшеніе, встрѣчающееся на ликійскихъ гробницахъ и капителяхъ колоннъ съ Кипра (63). На позднемъ римскомъ саркофагѣ (64), изображающемъ паденіе Фаетона въ характерѣ и типѣ Митры, опутаннаго змѣями, также изображенъ пѣтухъ, на котораго нападаетъ какой то звѣрь (медвѣженокъ? на другомъ памятникѣ пантера). Это изображеніе, применутое къ соларическимъ культамъ, по сюжету своему соотвѣтствуетъ аналогическимъ по смыслу изображеніямъ орла, терзающаго зайца на римскихъ памятникахъ, и льва, нападающаго на быка—на греческихъ. Какъ сюжетъ, оно ведетъ начало еще отъ этрусскихъ гробницъ, на фронтонахъ которыхъ помѣщается, напримѣръ, подъ ложемъ пирующихъ пѣтухъ и голубь, на которыхъ нападаетъ пантера (65)—представленіе, видимо относящееся къ изображеннымъ вверху Діоскурамъ.

Этотъ предварительный разборъ различныхъ памятниковъ сдѣланъ нами для того, чтобы окончательно утвердить убѣжденіе въ глубокомъ значеніи нашего символа восточной стороны памятника Гарній. Но прежде, нежели рѣшиться сказать последнее слово о смыслѣ символа, попытаемся подойти къ самой формѣ его представленія на этомъ памятникѣ. Помощь въ этомъ

случаѣ сказываютъ опять погребальныя терракотты. Мы встрѣчаемъ въ этой области различныхъ мѣологическихъ лицъ того и другаго пола, группированныхъ съ пѣтухомъ, но, не расширяя до крайности своего разсужденія, не можемъ войти въ разрѣшеніе вопросовъ о томъ, кого эти лица представляютъ: богиню ли зари Эосъ и Аврору, Ганимеда или Фосфоросъ, бога Мена и т. п. (66). Несомнѣнно, однако, что лишь незначительная часть этихъ группировокъ изображаетъ мѣологическихъ лицъ; по большей же части, мы имѣемъ въ этихъ группахъ изображеніе мальчика, играющаго съ пѣтухомъ или ѣдущаго на немъ, причемъ послѣднее встрѣчается сравнительно рѣдко и подало поводъ Минервини видѣть въ изображеніи апотеозу умершаго ребенка (67). Перваго же рода изображенія, причисляемая къ многочисленнымъ разрядамъ простыхъ терракотовыхъ игрушекъ, встрѣчаются очень часто, между прочимъ, и среди керченскихъ находокъ этого рода (68). Мальчикъ играетъ съ пѣтухомъ, или защищаетъ виноградную кисть, которую онъ держитъ въ рукѣ, отъ пѣтуха — вотъ обычный типъ этихъ изображеній. Эти веселыя группы несомнѣнно соотвѣтствуютъ и тому сюжету этрусской урны, который изображаетъ сатира, защищающаго гроздь отъ пѣтуха (69). Игрушечный характеръ самихъ изображеній, конечно, соотвѣтствуетъ и представленію дѣтскихъ игръ, но мы слишкомъ съузили бы античную мысль, если бы видѣли въ этихъ терракоткахъ только такую реальную оболочку. Можно сказать положительно, что эти такъ называемыя игрушки вѣдѣлись въ гробницы и взрослыхъ людей, а въ этомъ случаѣ кто удовлетворится замѣчаніемъ, что значеніе пѣтуха представляетъ эмблему семейной жизни, какъ предлагаютъ нѣкоторые археологи. Форма этихъ изображеній, конечно, напоминаетъ, какъ говоритъ Стефани, тѣ стѣлы въ Тезейонѣ, на которыхъ изображены игры съ голубками, собачками и прочее, но не весь же существенный смыслъ указывается этою формою. Представленіе игры мальчика, его веселой юности должно было пробуждать болѣе глубокія мысли у тѣхъ, которые надвѣляли умершаго подобной группой. И если въ стѣлѣ, изданной тѣмъ же Стефани (70), и изображающей старика отца на креслѣ съ перепеломъ въ рукѣ и сы-

на ребенка съ пѣтухою, мы и обязаны видѣть семейную сцену. то нельзя же видѣть въ самыхъ птичкахъ предметы игры отца и дитяти. Въ Музеѣ Королев. Библ. Венеціи, № 226 находится греческая статуя, слабой небрежной работы, изображающая юношу въ короткой туникѣ, быстро идущаго налѣво; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ подъ покрываломъ погребальный сосудъ, въ правой виноградную гроздь; юношу преслѣдуетъ пѣтухъ, хватая за полу и видимо нахвываясь отнять у мальчика виноградъ ⁽⁷¹⁾, — стало быть, сюжетъ игрушки могъ даже переходить цѣликомъ на стату. Такъ символъ жизни бойкой и пѣтушкой не даромъ сочетался съ юнымъ возрастомъ жизни человѣческой, и изображенія эти въ погребальномъ своемъ назначеніи были отзвукомъ глубокихъ мыслей. Тоже значеніе пѣтуха, какъ символа обновляющейся жизни, даннаго не обольстившимъ путемъ— въ приложеніи къ образамъ мнелотіи, но въ непосредственномъ отношеніи къ челоуку, имѣемъ мы право видѣть и въ последнемъ, нами приводимомъ и наиболѣе для насъ важномъ памятникѣ. Это мраморный рельефъ архаическаго стиля изъ собранія Блюнделя близъ Ливерпуля ⁽⁷²⁾; изображаетъ сидящую на креслѣ мужскую фигуру съ остроконечной бородой; волосы головы въ длинной косѣ падаютъ вдоль спины; ноги поставлены на высокой скамьѣ; лѣвая рука поднята въ жестѣ адораціи. Всего естественнѣе видѣть въ этомъ рельефѣ памятникъ надгробный съ изображеніемъ умершаго. Но ручка кресла, на которомъ онъ сидитъ, украшена головкой пѣтуха: такой орнаментъ, не повторяемый пока, сколько извѣстно, другими памятниками, долженъ, понятно, имѣть тотъ особый смыслъ, о которомъ мы говорили по поводу изображенія пѣтуха на надгробныхъ памятникахъ.

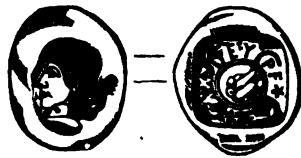
Сводя теперь въ суммарномъ очеркѣ всѣ данныя символы пѣтуха, находимъ, что во 1) эта символика основалась на солярическомъ значеніи птицы въ восточныхъ религіяхъ, 2) съ этимъ значеніемъ перешла и въ Грецію, но развѣтвилась и умалилась во множествѣ культовъ второстепенныхъ солярныхъ божествъ; 3) культъ солнца, побѣдителя и героя, способствовалъ отгнѣнію въ символикѣ птицы той характеристической черты, по которой она сдѣлалась эмблемой агона; 4) съ

древнѣйшимъ солярнымъ значеніемъ этотъ символъ являлся только въ позднюю эпоху Рима, и 5) но отвлеченная отъ этого значенія символика загробной жизни рано сочеталась въ видѣ этого знака съ божествами культа мертвыхъ и въ непрерывной традиціи составляла одну изъ важнѣйшихъ деталей идеальнаго содержанія античныхъ надгробныхъ памятниковъ. Что же представляетъ намъ, въ виду такого свода положеній о символикѣ пѣтуха, искусство и мифологию Ликии? Мы знаемъ уже, что верховное божество этой страны былъ юный богъ свѣта, побѣдитель вражескихъ силъ тьмы; что главный герой страны былъ также героизированное божество свѣта съ тѣмъ же характеромъ. Отсюда, подѣ условіемъ близости и родства Ликиянъ съ племенами, чтившими по преимуществу пѣтуха, мы могли бы уже аргюи заключить о символическомъ почитаніи его въ Ликии. Но вопросъ можетъ считаться рѣшеннымъ въ виду слѣдующаго доказательства: на одной изъ ликійскихъ монетъ, въ послѣднее время приобретенныхъ Британскимъ Музеемъ и еще не изданныхъ, одну сторону которой мы здѣсь сообщаемъ въ рисунокѣ, находится очень оригинальное изображеніе:

на лицевой сторонѣ въ овалѣ изъ точекъ кабанъ; на обратной съ ликійскою надписью въ квадратѣ изъ точекъ форма такъ называемой триветры, специальной ликійской эмблемы, измѣнена такимъ образомъ, что крючки ея представляютъ головы пѣтуховъ, обращенныя въ одну сторону въ кругообразномъ движеніи триветры. Впослѣдствіи въ особомъ приложеніи мы поговоримъ о значеніи этой эмблемы, одного изъ самыхъ темныхъ пунктовъ древней нумизматики, но хотя въ настоящемъ случаѣ символическая прибавка не допускаетъ никакикъ сомнѣній по вопросу о значеніи и смыслѣ, однако же предварительно представимъ два примѣра близкой аналогіи. На другой ликійской монетѣ,

также изъ числа упомянутыхъ, на лицевой сторонѣ находится изображеніе женской юной головы арханческаго совершеннаго типа въ оригинальной прическѣ, оканчивающейся толстымъ пѣнкомъ волосъ внизу, и съ подвѣской въ ухахъ въ формѣ креста, имѣющаго видъ буквы Т (обычная восточная форма), — безъ сомнѣнія, богиня Аeiна. На обратной сторонѣ трикетра въ видѣ широкаго уже круга съ 4 крючками; внутри круга сова, символъ Аeiны.

Еще болѣе интересный переводъ той же, по нашему мнѣнію, трикетры, представляетъ незамѣченный пока археологами любопытный гемисферондъ, изданный Лажаромъ и, можетъ быть, привезенный изъ Малой Азіи (73): изображаетъ три головы окреленныхъ львовъ, соединенныя одна съ другою въ видѣ вращающейся трикетры, въ направленіи слѣва направо, т. е. по солнцу, какъ обыкновенно. Полагаемъ, что однородность происхожденія этихъ трехъ эмблемъ не подлежитъ сомнѣнію: въ ихъ основѣ, стало быть, заложена одна и таже символическая мысль. Если, поэтому, возможно было бы утвердить ту гипотезу (подробнѣе см. въ приложеніи: «ликійская трикетра»), что самая эмблема трикетры имѣетъ свое начало въ символическомъ обозначеніи солнечнаго и лунарнаго движенія, то видоизмѣненія обычнаго типа въ приведенныхъ случаяхъ были бы рѣшительнымъ доказательствомъ. Во всякомъ случаѣ, пока противъ этой гипотезы нѣтъ никакихъ данныхъ, мы не имѣемъ права обходить тѣхъ драгоцѣнныхъ фактовъ рѣдкаго символизма, которые представляются въ указанныхъ прибавкахъ къ сценѣ. Противуположеніе пѣтуха и совы, отношеніе льва къ солнцу — сами по себѣ достаточно говорятъ за единство мысли, выраженной въ знакахъ, и смыслъ, нами указанный. Далѣе, изъ привезенныхъ ликійскихъ скульптуръ въ Британскомъ Музеѣ мы ви-

димъ на одномъ фризѣ надгробнаго содержанія изображеніе пѣтушьяго боя. Какъ много откроется со временемъ по этой символикѣ въ неисчерпаемой области художественныхъ памятниковъ Ликии, мы не знаемъ, но и по этимъ указаніямъ можемъ заключить о смыслѣ и значеніи символа въ памятникѣ Гарпій.

Во первыхъ, этотъ символъ помѣщенъ на восточной сторонѣ — тамъ, гдѣ всего умѣстнѣе открывается его смыслъ эмблемы свѣта; пѣтухъ — символъ самой Ликии, страны свѣта.

Онъ данъ въ руки ребенку, и это несомнѣнный актъ художественнаго чувства, совмѣстившаго эмблему пробужденія въ новомъ свѣтѣ съ образомъ юной жизни.

Пѣтухъ подносится богу вмѣстѣ съ гранатовымъ яблочкомъ, символомъ плодородія, а мы уже видѣли символическую связь пѣтуха съ этими эмблемами.

Символъ помѣщенъ на восточной сторонѣ, исключительно среди мужскихъ фигуръ и, очевидно, назначенъ отбѣнить мысль о мужественныхъ забавахъ и играхъ умершихъ; иначе говоря, если на западной сторонѣ мы встрѣтили символъ материнства, то противоположная ей восточная отмѣчена символомъ мужества.

Наконецъ, этотъ символъ въ данномъ случаѣ должно признать погребальнымъ, со всѣми отбѣнками такого значенія, которое впервые наблюдается нами именно на памятникѣ Гарпій.

Но послѣ всѣхъ соображеній, нами представленныхъ на почвѣ символики загробнаго культа, остается еще вопросомъ, существуетъ ли и въ чемъ заключается символическое отношеніе пѣтуха къ самому божеству восточной стороны. Изъ предъидущаго мы знаемъ подобное отношеніе къ критскому Зевсу, но на монетѣ, изображающей Зевса съ пѣтухомъ (если только это Зевсъ!), богъ является въ типѣ юнаго Аполлона или Бахуса и поэтому представляетъ полную противоположность типу божества на памятникѣ. Должны ли мы предположить въ данномъ случаѣ, что памятникъ Гарпій сохранилъ намъ типъ болѣе древній, который уже подъ другими вліяніями измѣнился на Критѣ? На однихъ монетахъ Регіума мы встрѣчаемъ изображеніе божества, сидящаго на тронѣ, со скипетромъ, въ типѣ Зевса, съ клинообразной бородой, тогда какъ другія монеты того

же города изображаютъ въ этой позѣ юношу; уже эта черта, въ связи съ отсутствіемъ атрибутовъ заставляетъ видѣть изображеніе не божественное (74), не идеальное. Но между эти типами не такая еще рѣзкая разница, какъ въ нашемъ случаѣ, въ которомъ памятникъ представляетъ старика уже обрзанаго, съ чрезмѣрной полнотою въ тѣлѣ, длинной вьющейся бородой, которая падаетъ на грудь, хотя и не лысаго, и не сгорбленнаго, какъ казалось прежде описателямъ. Конечно, мы знаемъ, что типъ Зевса, выразившійся въ мужчинѣ зрѣлаго, совершеннаго возраста, сохраняющаго еще всѣ жизненные силы и вѣсть окончательно сформировавшагося, хотя и выработался ранѣ Фидія и въ архаическую еще пору искусства, однако долгое время находился въ состояніи колебанія. Овербекъ въ своей монографіи о Зевсѣ говоритъ, что старческій типъ прямо не совмѣстимъ съ основнымъ представленіемъ бога, не извѣка сущаго, но рожденнаго, какъ напоминаніе смертности его, и потому считать всѣ свидѣтельства объ изображеніи Зевса въ старческомъ возрастѣ сомнительными (75). А таково, напримѣръ, свидѣтельство Климента Александр. о почитаніи въ Аргосѣ Зевса лысаго. Не сомнѣнный далѣе старческій типъ Зевса на архаическихъ вазахъ кажется Овербеку лишь утрирешною, неловкою, каррикатурою (76). Замѣтимъ, однако, на это, что по мысли этого же самаго ученаго, варварскіе типы Зевса, являвшіеся на почвѣ не чисто греческой, легко могли отступать отъ этого общепринятаго типа, а это отступленіе, прибавимъ мы, должно было зависѣть при томъ отъ чуждаго вліянія образовъ верховныхъ божествъ, уже выработавшихся на Востокѣ: именно тамъ, среди финикійскихъ божествъ знаемъ мы типы патѣвовъ и уродливую фигуру божества Беса. Въ то время, когда на греческой почвѣ уже неизменно было иное изображеніе Аполлона, какъ въ типѣ стройнаго расцвѣтшаго юноши, статуя Аполлона въ Гераполисѣ еще имѣла бороду, поразившую Лукіана (*De dea Syria*, 36, 37) и заставившую Макробія *Saturn.* 1, 17 прибѣгнуть къ помощи аллегорическихъ хитросплетеній и объяснить ее подобіемъ солнечныхъ лучей, отвѣсно падающихъ на землю. Изображенія греческихъ божествъ въ терракоттахъ Тароса представляютъ напѣ

разнообразныя видоизмѣненія типовъ (77). Если, поэтому, типъ Зевса разнообразился на столько, что мы знаемъ изображенія его въ юношескомъ возрастѣ, то почему же не возможно было дополненіе къ этимъ изображеніямъ въ видѣ типа старческаго, хотя, опять таки, извѣстный Преллеръ, защищая подобное мнѣніе, заходитъ уже въ сторону въ своихъ миеологическихъ предположеніяхъ о томъ, что этотъ типъ изображалъ Зевса, какъ отживающее божество неба, празднество котораго было зимою, и притомъ явился въ Аргосѣ изъ Крита, гдѣ Зевсъ имѣлъ свою гробницу (78). И наконецъ самъ Овербекъ, продолжая находить въ изображеніяхъ памятника Гарпій лишь проблематическое значеніе для типовъ Зевса, замѣчаетъ сходство между этими изображеніями и рисунками вазъ, а въ атласѣ, приложенномъ къ своему сочиненію о художественной миеологіи, воспроизводитъ въ ряду другихъ архаическихъ изображеній Зевса и нашу тріаду. Но типъ Зевса старческаго возраста могъ явиться на памятникѣ Гарпій и въ силу иныхъ причинъ: а именно, устраняя мысль о неловкости, неумѣнн художника, переступавшаго, какъ на грубыхъ рисункахъ вазъ, завѣтную черту, мы можемъ предположить здѣсь одно изъ тѣхъ видоизмѣненій типа, которыя были обусловливаемы надгробнымъ назначеніемъ изображенія. Такъ Зевсъ въ терракоттахъ гробницъ, по словамъ Біардо, принималъ формы Сабациоса, Аполлона, Атиса и даже Силена. Однакоже, мы выскажемъ окончательно наши предположенія о божествѣ восточной стороны, въ заключеніе обзора типовъ тріады, а теперь перейдемъ къ остальнымъ фигурамъ, на этой сторонѣ изображеннымъ.

Крайняя правая плита изображаетъ, какъ мы сказали, юношу въ молитвенномъ положеніи передъ божествомъ; правая рука фигуры поднята и протянута такъ, что видна ладонь, слѣдовательно, дѣлаетъ такъ называемый жестъ адораціи; лѣвая держитъ короткую палку, упертую у ногъ; возлѣ фигуры стоитъ собака, которая, поднявши голову вверхъ, смотритъ на хозяина. Ансамбль всего сюжета ясно показываетъ, что изображеніе не можетъ имѣть никакого реальнаго значенія, слѣдовательно, въ его объясненіи нужно искать внутреннихъ причинъ

ченіємъ является она среди другихъ космогоническихъ эмблемъ зодіака, луны, скорпіона, змѣи, единорога на древнемъ Вавилонскомъ камнѣ царя Меродахъ-Идинъ-Ави (около 1120 до Р. Х.); съ тѣми же знаками, далѣе, какъ атрибутъ солярныхъ божествъ, которому поклоняется жрецъ; въ сценахъ битвы солярнаго божества съ злыми чудовищами, страусами, львами, единорогами, и въ сочетаніи съ женскимъ божествомъ, окруженнымъ десятью звѣздами и пр., на ассирійскихъ и персидскихъ цилиндрахъ. ⁽⁸¹⁾ Тоже значеніе должно сохраняться и въ символической роли, которую играетъ собака въ мистеріяхъ Митры, почему и изображается всегда на извѣстныхъ рельефахъ, представляющихъ это божество поражающимъ быка. По вѣрованію Персовъ, собака, какъ священный спутникъ того созвѣдія, съ появленіемъ котораго начинались дожди, сопровождала душу умершаго на небо. Такъ и Греки представляли себѣ миеологическое существо созвѣдія Оріона въ видѣ великана съ мѣдной палицей, какъ бога войны и охоты, дикаго ловчаго съ собакой. Это животное рано стало священнымъ для всѣхъ народовъ Юга, которыхъ благосостояніе было связано съ жарами въ періодъ поспѣванія жатвы, началомъ поднятія Нила и другими важными явленіями природы. ⁽⁸²⁾ По Гезіоду, далѣе, звѣзда утра, появляющаяся еще въ сумерки, Ортросъ есть «первая, вперед и идущая собака.» Извѣстны сказанія о золотой собакѣ мѣднаго великана Талоса, героя хранителя Крита, обходившаго кругомъ Критъ; миеическое представленіе солнечнаго диска явилось здѣсь въ образѣ крыленнаго существа съ дискомъ и собакой, какъ видно мы на монетахъ Крита. ⁽⁸³⁾ Рано, поэтому, собака сдѣлалась животнымъ, священнымъ всѣмъ божествамъ и героямъ, представлявшимся въ образѣ миеическихъ охотниковъ. Черезъ Оріона она стала спутникомъ Марса, ⁽⁸⁴⁾ которому Карійцы приносили въ жертву собаку, какъ Спартанцы своему Энілэю; искусство не забывало надѣлать героевъ миеологіи: Одиссея и Эндиміона, Мелеагра и Актеона изображеніемъ ихъ вѣрныхъ спутниковъ. Богиня охоты Артемида также получила атрибутъ собаки, въ переходящемъ образѣ Гекаты ставшей неотъемлемой принадлежностью, радостью этой страшной богини и предметомъ ея ночныхъ пиршествъ. ⁽⁸⁵⁾

Ясное еще символическое значеніе спутника свѣтлыхъ божествъ сохранилось и въ погребальномъ обычаѣ Персовъ къ погн умиращаго подводить собаку и приносить пѣтуха: оба священныя животныя должны провожать покойника въ страну свѣта. Новое движеніе міеологіи, развивавшее нравственные типы и обезличивавшее мало по малу животныя символы, видѣло ужъ въ собакѣ лишь вѣрнаго, бдительнаго спутника, но, держа завѣтной традиціи, оно долго не рѣшалось отрѣшиться отъ прежнихъ формъ. Мы уже имѣли случай указать, какъ измѣнились древніе символы на основѣ новаго культа Бахуса и Венеры, но и эти измѣненія никогда не доходили до того искаженія, на какое рѣшаются иногда міеологи, отыскивая въ новыхъ данныхъ для своей мысли. Такимъ произвольнымъ измѣненіемъ считаемъ мы мысль Бахофена, (86) что собака въ міеологіи играетъ роль символа материнства, есть образъ генетическій, олицетвореніе земли, радующейся оплодотворенію, предвѣстіе рожденія и т. п., священный Гекатѣ и потому враждебный божествамъ свѣта (?), божественное существо для Карицевъ (которые жертвовали его, однако, Марсу) и Персовъ-народовъ гинайбюкратическихъ. Другіе по поводу изображенія на вазахъ летящаго Эрота съ лирою или Ганимеда въ сопровожденіи собаки, непремѣнно хотятъ видѣть въ ней подлиннаго эраста своему эромену, (87) тогда какъ въ этомъ изображеніи нельзя видѣть ничего иного, какъ только манеру жанриста, выступающаго изъ предѣловъ міра идеальнаго въ сферу простой дѣятельности. Всѣ эти соображенія основываются на этимологическомъ производствѣ слова *κύων* — собака отъ *κύω*, *κύω* — чать, родить, которое, если бы даже и было вѣрно, ничего не говоритъ въ пользу вышеприведенныхъ объясненій. У Эліана, (88) охотно трактующаго о разумныхъ способностяхъ собакъ, ихъ дарѣ предугадыванія, бдительности, любви къ зяевамъ и пр. мы нигдѣ не находимъ, чтобы собака считалась особеннымъ выраженіемъ афродитическаго принципа. Итакъ символомъ материнства была собака, а, наоборотъ, символъ мужества, развившимся на почвѣ культа солярныхъ божествъ-героевъ, и если только служила какииъ либо образомъ для выра-

я идеи безсмертія, то въ силу указанной міеологической традици. Несомнѣнно однако, что отношеніе собаки къ загробному міру но открылось и съ другой стороны: собака — вѣрный стражъ дземнаго міра, главный атрибутъ Анубиса, его священное животное, пребывающее на землѣ, въ области свѣта и въ подземномъ свѣтѣ, какъ богъ Гермесъ. По египетскому ли вліянію, или самостоятельному сложенію міеовъ, собака сдѣлалась поэтому у ековъ атрибутомъ подземныхъ, хтоническихъ божествъ; по му же мотиву, очевидно, придана она была Гермесу, уже то обстоятельство, что подобныя сочетанія встрѣчаются, ивнымъ образомъ, на греко-египетскихъ геммахъ⁽⁸⁹⁾, на скабейяхъ древнегреческой или этрусской глиптики⁽⁹⁰⁾, этрусскихъ калахъ и пр.⁽⁹¹⁾ указываетъ на заимствованіе изъ Египта, менно Пиеагоръ называлъ планеты «собаками Прозерпины»⁽⁹²⁾. ажемъ также на мнѣніе Гартунга, что въ самомъ имени Хаза скрывается эпитетъ собаки, и что животное это такой же иволь продолжающейся за гробомъ жизни, какъ и пѣтухъ, по ей двойной потенціи⁽⁹³⁾. Во всемъ этомъ для насъ важно ить, что собака съ древнѣйшихъ временъ уже стала участвовать похоронныхъ обрядахъ, и что если первоначально въ этомъ стіи сказывалось лишь наивное желаніе отпустить умершаго тотъ свѣтъ съ его любимымъ спутникомъ, который будетъ бходимъ и тамъ также для охоты и обереганія жилища, въ эпоху развивавшихся солнечныхъ культовъ, прежній обь получилъ болѣе глубокое символическое значеніе. Съ этимъ е смысломъ связанъ указанный обрядъ Персовъ, ихъ почитіе собаки, выразившееся во множествѣ предписаній Зороаста ученія⁽⁹⁴⁾, и жертвованіи мертвымъ собакою у Сабейцевъ⁽⁹⁵⁾, горое де Виттъ по одному рисунку вазы изъ Кьюзи указыть даже у Этруссковъ⁽⁹⁶⁾. Переходя теперь къ надгробнмъ памятникамъ, поскольку они явились выраженіемъ той ивней символизаци собаки, какъ проводника умершаго въ юю жизнь, замѣтимъ, что желаніе археологовъ свести вопросъ болѣе простымъ, реальнымъ предположеніямъ, повидимому, влетворяется многими произведеніями. Въ самомъ дѣлѣ, если встрѣчаемъ на надгробныхъ памятникахъ изображеніе умер-

шаго, стоящаго въ грустной позѣ, съ бальзамаріемъ въ рукахъ или инымъ сосудомъ, и собакой у ногъ, которая сидитъ или стоитъ, смотря на хозяина, или присутствуетъ при спелѣи пращанія его съ родными (⁹⁷), или сидитъ подъ его кресломъ (⁹⁸) подъ ложемъ пирующаго, или прыгаетъ около своего хозяина. Молодаго юноши (⁹⁹) то спрашивается, можно ли въ этомъ наивно-миломъ представленіи умерлаго съ вѣрной собакой, и варишемъ его игръ, видѣть что либо иное, кромѣ упомянутой жанровой манеры, переносившей на надгробный памятникъ сцену обыденной жизни? Но мы уже имѣли случай показать, какъ искусство, утратившее пониманіе прежнихъ символовъ, пользовалось однако ими, хотя и съ другимъ смысломъ. Если же и будемъ растоятельно отрицать существованіе символическаго значенія въ подобныхъ сюжетахъ, то не только не освободимся отъ различныхъ затрудненій, но встрѣтимъ и положительныя препятствія для толкованія. Леярдъ рассказываетъ, что на надгробныхъ барельефахъ въ Бавіанѣ находится изображеніе двухъ божествъ, стоящихъ на собакахъ, а вверху двухъ присѣвшихъ сфинксовъ. Чѣмъ объяснимъ мы себѣ, далѣе, изображеніе собаки около божества на фронтонахъ ликійскаго же памятника Гарпага, по поводу чего археологи припоминали и Церера, стража Аида, и собаку Талоса, принадлежавшую Британскому Зевсу? Надгробный рельефъ Луврскаго Музея изъ Родоса (находится въ залѣ Версальской Діаны) представляетъ въ нѣскольکو небрежномъ рисункѣ изящнаго стиля 2 фигуры съ собачьи поднявшимися на заднія лапы; одна фигура держитъ въ рукахъ птичку и бальзамаріонъ, другая — зайца и инструментъ. Неужели здѣсь и собачки, и птичка, и заяцъ предметы игръ, не болѣе? Мы знаемъ, наконецъ, что собака была спутникомъ Асклея, такъ изображался онъ на монетахъ (¹⁰⁰), и въ извѣстной статуѣ Фразимеда въ храмѣ Асклея въ Эпидаврѣ, по Павл. Согр. XXVII, 2; и Ларъ римскій изображался также съ собакой или даже представлялся покрытымъ кожей собаки. Не естественно ли предположить, что указанная черта въ изображеніи умершихъ сама основалась на погребальныхъ обрядахъ, и инвентарныхъ на почвѣ древней арійской мифологіи?

Во всякомъ случаѣ, мы считали необходимымъ войти въ эти подробности по поводу изображенія фигуры съ собакой на той сторонѣ памятника Гарпій, которая отмѣчена символомъ пѣтуха и которая изображаетъ поклоненіе воздаваемое божеству. Будемъ ли мы видѣть въ этой фигурѣ самого умершаго, или его родственника и близкаго, надгробный характеръ изображенія очевиденъ: на это указываетъ и рука, поднятая вверхъ, и палка, взятая для дальняго пути, и собака, которая глядитъ вверхъ на хозяина. Люди всегда любили подмѣчать въ домашнихъ животныхъ черты ихъ близости къ человѣку и въ жалобномъ завываніи собаки въ домѣ умирающаго видѣли трогательное проявленіе предчувствія вѣрнаго друга. Отъ представленій звѣролова, собиравшагося на томъ свѣтѣ охотиться, до Грека, замуравывающаго въ свою гробницу собаку съ тѣмъ, чтобы она служила стражемъ его жилища покоя, не такъ далеко въ сферѣ представленій духовныхъ. Что касается нашей фигуры, то мы рѣшились придать атрибуту болѣе глубокой символической смыслъ, въ особенности, въ виду указанныхъ условій.

Надѣво отъ божества, на крайней плитѣ, изображены двѣ фигуры мужчинъ, изъ которыхъ передній держитъ въ поднятой правой рукѣ какъ бы яйцо или плодъ, а въ лѣвой, опущенной, гранату; задній лѣвою рукою приподнимаетъ одежду, а въ правой, также поднятой, но ближе къ лицу, держитъ какой то плодъ, можетъ быть, тотъ же самый, что и первая фигура. Въ этихъ двухъ фигурахъ конечно должно видѣть процессію родственниковъ или близкихъ съ погребальными приношеніями въ рукахъ. Разнообразіе этихъ приношеній, состоящее изъ произведеній растительнаго міра, наглядно указываетъ намъ на ту эпоху древней цивилизаціи, когда восточная культура только что принесла въ Малую Азію и Грецію дорогіе и еще рѣдкостные виды плодоносныхъ деревьевъ, на которыхъ радовался человѣкъ подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній, занесшіхъ ихъ въ область любимыхъ своихъ мечтаній, освятившіхъ ихъ именами своихъ божествъ и многоразличными мѣрами и насадившіхъ ихъ прежде всего возлѣ главнѣйшихъ своихъ святилищъ.

Средняя плита южной стороны изображаетъ, какъ мы уже говорили, божество, сидящее на табуретѣ, и поклонника съ голубемъ въ рукахъ. Исторія толкованія этого сюжета намъ уже отчасти извѣстна: миеологическое толкованіе, подкрѣпленное невѣрными рисунками, видѣло въ поклонникѣ богиню Афродиту по любимому ея атрибуту — голубю; но какъ скоро памятникъ былъ обнаруженъ въ болѣе вѣрныхъ снимкахъ и разсмотрѣнъ на мѣстѣ, толкованіе повернуло въ другую сторону, оно приписало атрибутъ божеству и опредѣлило это послѣднее именемъ Зевса Додонскаго. Противъ этого послѣдняго опредѣленія не было сказано ничего непосредственно, хотя замѣнъ его многими ставилось болѣе общее, видѣвшее только хтоническое божество, или Зевса, царствующаго на землѣ. Между тѣмъ опредѣленіе божества заключается не въ одномъ атрибутѣ голубя, но и символическихъ плодахъ, которые оно держитъ въ рукахъ, въ самомъ типѣ бога и наконецъ въ положеніи его на Южной сторонѣ памятника. Начнемъ съ перваго признака, т. е. голубя.

Въ греческой религіи уже съ раннихъ временъ выдѣляются два пункта обожествленія голубя: въ культѣ Зевса Додонскаго и культѣ Афродиты. Первый культъ издавна и доселѣ считается у миеологовъ древнѣйшимъ туземнымъ культомъ въ Греціи, и это подтверждается какъ свидѣтельствами писателей, такъ и самымъ его характеромъ. Додона была первоначальное поселеніе Пелазговъ; Зевсъ почитался тамъ въ образѣ священнаго дуба, въ вѣтвяхъ котораго жили голуби, вѣщія быстрыя птицы, служившія провозвѣстниками воли божества. Напротивъ того, культъ Афродиты, развившійся особенно на Кипрѣ, былъ чуждый Греціи культъ, пересаженный изъ Сиріи; голубь былъ священенъ этому божеству, какъ символъ плодородія. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что такая общность символовъ съ самаго начала обратила на себя вниманіе миеологовъ, изъ которыхъ многіе (Крейцеръ, Мори, Гергардъ, Швенъ) отнесли къ ней, какъ признаку родства самыхъ культовъ. Это родство объясняли тѣмъ, что рядомъ съ Зевсомъ въ Додонѣ чтилась Діона; поэтому, если отождествить Діону съ Афродитой и отнести символъ голубя къ Діонѣ, то этимъ путемъ легко,

повидимому, объяснялось и участіе символа въ культѣ Зевса. Но Діона только впоследствии смѣшивалась съ Афродитой, или даже и присоединилась къ Зевсу лишь въ позднѣйшее время, какъ принимаетъ Преллеръ и др.; да и мы въ то же время нигдѣ не находимъ указаній, чтобы Додонскій голубь относился собственно къ ней, какъ символъ. Затѣмъ необходимо признать, что участіе голубя въ культѣ Зевса не носило вовсе особаго символическаго значенія для самаго божества, но явилось лишь въ силу древнѣйшихъ обрядовъ гаданія по птицамъ. Г. Генъ въ своемъ прекрасномъ очеркѣ культурной исторіи голубя на Западѣ и Востокѣ различаетъ поэтому, вслѣдъ за нѣкоторыми миеологами, почитаніе голубей, въ Додонѣ и на Кипрѣ слѣдующимъ образомъ: до эпохи введенія культа восточной Афродиты въ Паеосъ, Греція не знала вовсе домашнихъ голубей, отличающихся своимъ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ, а имѣла только ту дикую породу сизаго, чернаго или темнаго цвѣта, которая часто является въ поэтическихъ сравненіяхъ Иліады какъ быстрѣйшая птица, носящая Зевсу амбросію. Бѣлый же, ручной голубь былъ азіатскаго происхожденія; онъ получилъ у Грековъ особая названія и исключительно для себя эпитетъ «паеосскаго», такъ какъ порода пришла съ поклоненіемъ Афродитѣ изъ Паеоса; г. Генъ относитъ, далѣе, появленіе этого голубя въ Греціи къ позднѣйшему времени, полагая, что въ самой Сиріи голубь сдѣлался символомъ Астарты и Ашеры не ранѣе, чѣмъ когда «вслѣдствіе завоевательныхъ походовъ и торговыхъ сношеній служеніе этимъ богинямъ слилось въ одно со служеніемъ сходной по существу среднеазиатской Семирамидѣ». Последнее замѣчаніе ученаго изслѣдователя слишкомъ обще формулировано, чтобы можно было возражать противъ него, но мы считаемъ нужнымъ указать слѣд.: культъ месопотамской Семирамиды намъ совершенно неизвѣстенъ, кромѣ немногихъ миеологическихъ данныхъ, которыя, однакоже, не представляютъ никакихъ особыхъ частныхъ, сравнительно съ культомъ сирійскимъ; памятники ассирійскаго искусства нигдѣ не представляютъ намъ голубя, какъ символъ женскаго божества, и самое изображеніе богини Семирамиды не найдено. Слѣдовательно, и туземное происхожденіе культа Астарты съ ея сим-

воломъ въ Сиріи пока нельзя отвергать. Автору, очевидно, понадобилось это предположеніе, чтобы имѣть болѣе права отодвинуть приходъ въ Грецію Афродиты съ голубемъ «отъ сирійскихъ береговъ» къ позднѣйшей эпохѣ, а именно къ началу V вѣка. Но археологія знаетъ гораздо ранѣе изображенія Афродиты съ этимъ атрибутомъ: таковы многочисленныя статуэтки изъ известняка архаическаго характера съ острова Кипра, изображающія богиню, стоящую или сидящую на тронѣ, съ яблокомъ и птичкой въ рукахъ, извѣстныя всякому, кто видѣлъ кипрскія собранія въ Луврѣ или иныхъ музеяхъ; рельефныя изображенія голубя на черныхъ вазахъ, подъ трономъ божества, ⁽¹⁰¹⁾ этрускаго происхожденія, и этрусскія статуэтки той же самой богини. Поэтому мнѣніе г. Гена, подкрѣпленное свидѣтельствомъ Харона Лампсакскаго, что голубь явился въ Грецію лишь за два года до марафонской битвы, вѣрно только по отношенію къ собственной Греціи, но не для многочисленныхъ ея колоній на Кипрѣ, Родосѣ и др. островахъ и въ Малой Азіи. Символъ при этомъ могъ утвердиться и ранѣе распространенія самой птицы естественнымъ образомъ въ странѣ, такъ какъ въ разныхъ святилищахъ Афродиты могли содержаться голуби привозныя съ Кипра, изъ Финикіи и Киликіи, какъ то принимаетъ и самъ г. Генъ. Такъ изъ финикійскихъ поселеній на африканскомъ берегу явился голубь въ Сициліи въ храмѣ Афродиты въ Эриксѣ, «старинномъ мѣстѣ финикійскаго культа». Несомнѣнно, впрочемъ, что, несмотря на сравнительно раннее появленіе этого символа, греческое искусство усвоило его исключительно Афродитѣ, и поэтому представленіе Плеядъ, превращенныхъ въ голубокъ, и другихъ превращеній, какъ напр. жрицы Афродиты Пеліи, посвященіе голубя Геѣ, почитаніе Елены, божества плодородія, въ видѣ голубя на Родосѣ ⁽¹⁰²⁾ и всѣ дальнѣйшія черты голубинаго культа въ эмблематическомъ значеніи брачныхъ узъ, ⁽¹⁰³⁾ производительной силы природы ⁽¹⁰⁴⁾, въ сочетаніи съ другими подобными атрибутами и пр., должны быть отнесены къ тому же культу Афродиты. Отношеніе къ Зевсу, слѣдовательно, было не прямое, непосредственное, и поэтому въ искусствѣ не привилось: Додонскій культъ создалъ

лишь типъ Зевса съ дубовымъ вѣнкомъ, (105) а самня изображенія Додонскаго дуба съ голубями принадлежать уже той эпохѣ, когда художники искали въ мифологии интересныхъ романтическихъ сюжетовъ въ родѣ рассказовъ о воспитаніи юнаго божества голубемъ. (106) Итакъ изъ греческой мифологии мы не можемъ гочерпнуть никакихъ данныхъ, которыя бы указывали намъ на связь голубя, какъ символа, съ какимъ либо мужскимъ божествомъ, и причина этого лежитъ въ самомъ характерѣ символа, исключительно усвоеннаго на Востокѣ женскимъ божествамъ, какъ откровеніе женственной потенціи. Вотъ почему именно иранская религія, развивавшая преимущественно культъ мужскихъ божествъ свѣта, отнеслась враждебно къ сирійскому символу, и Персы изгоняли изъ своей страны бѣлыхъ голубей, хотя и пользовались ими для своей голубиной почты. На одномъ изъ цилиндровъ мы видимъ изображеніе голубя на рогѣхъ луны; возлѣ алтарь, сосновая шишка и цвѣтокъ, — символы и атрибуты Астарты. На другомъ цилиндрѣ изображено мужское божество съ оружіемъ въ рукахъ, лѣвою ногою ступающее на голубя; въ полѣ олень, крестъ и надпись. (107) Не въ правѣ ли мы видѣть въ послѣднемъ случаѣ воинственное божество свѣта, попирающее матеріальный элементъ женской божественности? Мы могли бы привести и болѣе примѣровъ восточной символики, проводящихъ ту же самую мысль, но считаемъ за лучшее ограничиться этимъ, такъ какъ при несовершенствѣ научнаго знанія восточныхъ памятниковъ, всѣ указанія подобнаго рода даютъ въ концѣ концовъ лишь одни предположенія. Однако мы считаемъ для нашей задачи особенно важнымъ указать на попытку Лажара отнести символъ голубя къ извѣстному восточному божеству Митрѣ (108). Изслѣдуя характеръ божественной тріады Персовъ, Халдеевъ и Ассиріанъ, сводящейся, по мнѣнію этого ученаго, къ тремъ понятіямъ: 1) вѣчнаго божества, 2) тверди или временнаго, ограниченнаго бытія міра и 3) періодическаго движенія временъ, и разлагая эту тріаду на Кроноса, Вела и Митру, Лажаръ видитъ эмблематическое изображеніе этой отвлеченной первосущной тріады въ извѣстной окрыленной эмблемѣ, при чемъ Митра долженъ участвовать въ этой формѣ въ видѣ крыльевъ. Но

еслибы мы даже и согласились съ общимъ отвлеченнымъ опредѣленіемъ триады, то откуда же Лажаръ видитъ въ эмблемѣ именно крылья голубя, тогда какъ эти крылья по формѣ своей совершенно тождественны съ орлиными крыльями, отличающимися обычныя изображенія ассирійскихъ божествъ на скульптурахъ? Въ мистеріяхъ Митры также не видно участія голубя, а, напротивъ того, этому божеству священны хищныя птицы: орелъ и коршунъ. Мы не знаемъ также ничего подобнаго о той неизвѣстной богинѣ съ именемъ Митра, которая упоминается Геродотомъ (1, 131), наравнѣ съ Афродитой и Милиттой Вавилонянъ, какъ Афродита Уранія, и которой Персы научились поклоняться у Ассиріянъ; эта семитическая богиня была принята, очевидно, въ послѣдствіи къ божеству свѣта, какъ его женская потенція (109). Поэтому и на Востоке мы въ концѣ концовъ не знаемъ положительно примѣра символическаго отношенія голубя къ мужескому божеству, и Крейцеръ утверждаетъ это только на основаніи общей божественности голубя для Сирійцевъ (110). Между тѣмъ, обратимъ вниманіе на самый типъ изображеннаго божества: кромѣ той общей съ Восточнымъ божествомъ излишней полноты тѣла, которая именно въ этой фигурѣ доведена до крайности, такъ что прочія фигуры рядомъ съ нею могутъ даже назваться стройными, типъ этотъ представляетъ еще одну замѣчательную особенность: онъ не имѣетъ бороды. Первые изъ ученыхъ, наблюдавшихъ самый памятникъ, замѣтили это отсутствіе бороды и сочли его за признакъ молодости божества; другіе указывали на то, что эта черта вовсе еще не дѣлаетъ фигуру молодою, а, напротивъ, ея излишняя обрѣзглость указываетъ на пожилой возрастъ. Овербекъ въ своемъ атласѣ художественной мифологіи приложилъ даже рисунокъ фигуры съ маленькой бородой, чего уже совсѣмъ нѣтъ на памятникѣ. Такъ какъ нельзя думать, что для художника, работавшаго памятникъ, единственнымъ выраженіемъ возраста была только борода, тогда какъ мы видимъ въ памятникѣ крайне тонкіе оттѣнки типовъ и возрастовъ, то нужно предположить, что отсутствіе бороды имѣло въ данномъ случаѣ какое либо особое значеніе. Замѣтимъ, что въ лицѣ божества, какъ ни поврежденъ

въ этомъ ибствѣ памятникѣ, видны положительныя черты нѣкоторой свѣжести, но отвислыя толстыя скулы, жирный подбородокъ, раздутая шея, оплывшія руки указываютъ уже на обрюзглость формъ, которую намѣренно изображалъ художникъ. Иначе говоря, въ типѣ божества художникъ съ цѣлью искалъ представить что то евнухообразное, напоминающее болѣе фригійскаго Атиса, нежели Зевса безбородаго, котораго изображенія всегда носятъ характеръ стройной юности, черты молодого атлета, какъ, наприимѣръ, Зевсъ Сотэръ, Зевсъ, изображаемый съ копьемъ и патерой на малоазійскихъ монетахъ (¹¹¹), Зевсъ съ легкой, опускающей лицо бородой на монетахъ Мессины (¹¹²), или Зевсъ-Бель Пальмиры, отождествленный съ непобѣдимымъ солнцемъ (¹¹³), или Зевсъ въ сочетаніи съ типомъ Аполлона, какъ безбородый Зевсъ Гелленіосъ на монетахъ Сиракузъ, Гельханосъ на Критѣ, Казіосъ въ Пелузіумѣ, или типы этрусскіе и римскіе (¹¹⁴) и пр. Женственный характеръ божества есть спеціальная миеологическая черта малоазійскихъ культовъ, которые развивались подъ непосредственнымъ влияніемъ Сиріи. Обширный культъ Атиса выдѣлилъ множество сказаній о гермафродитическихъ существахъ, древнѣйшихъ божествахъ природы, видоизмѣненіе Атиса—Агдистисъ, двуполое существо, была сама Кибела, женское божество, превратившееся въ мужчину, какъ Афродита на Кипрѣ, илѣвшая рядомъ съ собою свое мужское олицетвореніе въ богѣ Афродитосѣ, о которомъ говорятъ Макробій и Сервій (¹¹⁵). Восточные цилиндры нерѣдко представляютъ намъ видоизмѣненія типа верховнаго божества, очевидно, въ миеологическихъ сочетаніяхъ съ женственнымъ его началомъ, и хотя грубость рисунка представляетъ много затрудненій, но безбородые типы верховнаго божества не оставляютъ сомнѣній; самый принципъ сочетанія выражается въ двуликомъ образѣ (¹¹⁶). Чѣмъ другимъ, иначе, объяснимъ мы появленіе на монетахъ Таріоса Ваала въ видѣ безбородаго Зевса со скипетромъ виллообразнымъ въ рукахъ и гроздью въ полѣ (¹¹⁷)? Подобныя этому видоизмѣненія должны были наполнять культы Малой Азіи. Конце (¹¹⁸) представилъ рисунокъ рельефа, найденнаго на островѣ Имбросѣ: на тронѣ съ подложіемъ сидитъ безбородое

божество; передъ нимъ дерево, по которому вьется змѣя, и алтарь, на которомъ совершаютъ жертвоприношеніе двѣ женщины — умершія, или жена и родственница умершаго; надпись называетъ Зевса Сааксіоса, котораго авторъ считалъ возможнымъ отождествить съ Сабаціосомъ. Мы знаемъ, какъ жрецовъ евѣнховъ въ культахъ сирійскихъ и жрицъ, носившихъ бороды, въ Каріи. Ясно, что при подобномъ женственномъ типѣ божества памятникъ Гарпій голубь становится болѣе позитивнымъ символомъ, чѣмъ даже при изображеніи Зевса Додонскаго. Въ этомъ смыслѣ особенно любопытными для насъ памятниками оказываются извѣстныя монеты Галикарнасса римской эпохи, которыя на оборотѣ представляютъ бородатую фигуру въ пурпурномъ хитонѣ и гиматіонѣ, съ лучами на головѣ, стоящую между двухъ деревьевъ, на которыхъ сидятъ птицы, — по всей вѣроятности, голуби. Послѣ того, какъ объясненіе (Экель, Штраубъ, Гергардъ), что эта фигура изображаетъ Зевса Додонскаго, было вполне справедливо отвергнуто, предлагались многія толкованія. Подробно разсмотрѣнныя Овербекомъ ⁽¹¹⁹⁾ въ его монографіи. Одни указывали на типъ Зевса, созданный подъ влияніемъ культа Гермафродита, чтившагося въ Галикарнассѣ, другіе на Зевса подобнаго Додонскому, чтившагося въ деревѣ или дубѣ — Зевса Аскрайоса отъ *ἄσκρα* (дубъ) ⁽¹²⁰⁾. Но, еслибы возмозможность божествъ на этихъ монетахъ и оставался нерѣшеннымъ, то для насъ особенно важно то совершенно вѣрное замѣчаніе, что голуби, сопровождающіе это божество, устанавливаютъ связь съ Афродитой, а эта богиня также чтилась въ Галикарнассѣ подѣ именемъ Акрайи. Плутархъ ⁽¹²¹⁾ знаетъ Зевса Аскрайоса за бога Лидянъ, а намъ достаточно извѣстны женственные типы Лидійскаго Геракла или Сандана. Но, можетъ быть, голубь въ рукахъ умершаго не есть атрибутъ божественный, а жертвенное приношеніе? Въ отвѣтъ на это замѣтимъ, что еслибы и голубь предположили даже такое символическое приношеніе мертвымъ, то, какъ оказывается, все таки должны были бы обратиться къ тому же культу Афродиты, который единственно могъ обусловить существованіе подобнаго погребальнаго символа. Этотъ символъ есть, очевидно, спеціализація того общаго

по которому умершіи на античныхъ памятникахъ изображаются иногда съ птичкою въ рукѣ: таковы статуэтки изъ терракоты, находимыя въ греческихъ гробницахъ и изображающія закутанную въ хитонъ и пеплосъ женскую фигуру съ плодомъ и птичкою въ рукахъ; иногда онѣ представляютъ богиню съ модіусомъ на головѣ — вѣроятно, Афродиту; мертвую птичку держитъ юноша на аттическомъ барельефѣ (¹²²); женскія фигуры на этрусскихъ саркофагахъ держатъ также птичку вмѣсто плода или инаго атрибута. Между кипрскими статуэтками Лувра встрѣчаемъ мы нѣсколько изображеній нагаго ребенка, на особомъ пьедесталѣ, сидящаго, поджавъ подъ себя ноги, съ птичкою въ правой рукѣ. На иныхъ фигура ребенка замѣняется задрапированной женщиной, но съ сохраненіемъ той же позы. Судя по оригинальной позѣ, фигуры эти нельзя принять за Афродиту и Эроты, какъ можно было бы думать сначала, принимая птицу за голубя, хотя она не соответствуетъ ему совсѣмъ по размѣрамъ и формѣ, а въ виду извѣстной многочисленности этихъ статуэтокъ (въ сѣномъ Луврѣ ихъ до 6, въ другихъ собраніяхъ кипрскихъ мы не встрѣчали) нельзя считать эти изображенія ихъ за попытки жанра, какія представляетъ намъ этрусское искусство въ видѣ мальчиковъ съ лебедями, гусями и пр. Поэтому, можно предположить, что это изображенія надгробныя, представленіе умершихъ. Мысль подобныхъ изображеній ясна, она основывается на общемъ представленіи души въ видѣ птицы; пластическое искусство только какъ бы напоминало своими фигурами эту заветную мысль, проводившуюся затѣмъ во множествѣ разнообразныхъ сказаній о превращеніи людей въ разныхъ птицъ. Возможно также, что статуэтки эти имѣли характеръ и значеніе votivныхъ предметовъ, потому что совершенно такую же статуэтку ребенка, улыбающагося на птичку, которую онъ держитъ въ рукѣ, сидя на подушкѣ, встрѣчаемъ между этрусскими произведеніями, и надпись здѣсь прямо указываетъ на votивное назначеніе (¹²³). Если, слѣдовательно, въ искусствѣ уже существовало общее выраженіе, то частное его видоизмѣненіе на почвѣ культа Афродиты — въ извѣстныхъ сторонахъ своего нумена бывшей богиней смерти — представлялось само собою. Та-

кимъ образомъ должны мы объяснить себѣ появленіе голубя среди погребальныхъ символовъ: на обѣтномъ рельефѣ представленъ столъ, на которомъ, среди разныхъ приношеній жертвѣ, корзины, сосудовъ и пр., изображены двѣ голубки (124); двѣ голубки приносить женская фигура къ гробницѣ (125); голубка находится въ рукахъ генія смерти на саркофагѣ вмѣстѣ съ гроздью (126); полный прелести барельефъ, быть можетъ, надгробный изображаетъ дѣвушку, держащую на рукахъ пару голубей (127). Одинъ изъ барельефовъ Ксанона въ Британскомъ Музеѣ (128), позднѣйшаго времени, представляетъ процессію съ жертвенными приношеніями, и одна фигура держитъ въ рукахъ голубя; судя по другимъ приношеніямъ, состоящимъ изъ большихъ сосудовъ, блюдъ, убитыхъ животныхъ и живыхъ, какъ то барана, зайца и др., процессія изображаетъ обряды культа мертвыхъ, охарактеризованнаго поклоненіемъ Бахусу и Афродитѣ. Къ этому очерку отношеній символа прибавимъ указаніе той характеристической манеры держанія голубя, которая указываетъ скорѣе на памятники надгробные, нежели на изображенія божествъ съ атрибутами. Фигура памятника Г. опустила руку съ голубемъ внизъ также, какъ держатъ умершіе на аттическихъ рельефахъ птичку, и высоко подняла другую руку въ знакъ выраженія мольбы къ богу. Разница въ позахъ мальчика, поднимающаго пѣтуха на восточной сторонѣ, и нашей фигура обусловлена поэтому не однимъ возрастомъ, но и самымъ характеромъ символовъ и ихъ мѣстнымъ, такъ сказать, значеніемъ.

Божество южной стороны держитъ, наконецъ, въ рукахъ гранатовый плодъ и квитовое яблоко. Значеніе перваго мы уже рассматривали; въ данномъ случаѣ онъ является столько же символомъ плодородія, сколько общимъ атрибутомъ погребальнымъ. Что касается квитоваго яблока, родиною котораго (*cydonium malum*) былъ Критъ, то, какъ символъ, оно не видѣлось изъ ряда общей породы яблокъ, служившихъ атрибутами божествъ плодородія (даже Аполлона въ известной разновидности типа), преимущественно Афродиты, и подаркомъ брачнымъ и любовнымъ (129). Слѣдовательно, и этотъ атрибутъ побуждаетъ насъ рассматривать данное изображеніе въ ка-

ракторъ афродитическаго культа древней эпохи, надѣленнаго символами, которыя заимствованы изъ новой области животнаго и растительнаго царства, культивированной Семитами и отъ нихъ принятой Греками Востока.

Послѣднее божество триады, изображенной на памятникѣ Гарпій, находится на средней плитѣ сѣверной его стороны, представляющей, какъ мы уже показали, полную симметрію фигуръ съ стороною южной. Приступая къ анализу изображенія, замѣтимъ, что на долю его выпала въ литературѣ памятника наиболѣе странная участь. Съ одной стороны, всѣ толкователи, безъ исключенія, принимавшіе триаду божествъ, согласно видѣли въ изображеніи сѣверной стороны, бога подземнаго, Анда, Диса, въ противность указанному разногласію по другимъ сторонамъ. Съ другой—всѣ же сознавали, что это опредѣленіе есть не болѣе какъ чистое предположеніе, а для его утвержденія не имѣется никакихъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всемъ сюжетѣ сѣверной стороны было ясно только одно, а именно, что онъ изображаетъ война, передающаго свой шлемъ въ руки божества неизвѣстнаго, обозначеннаго непонятнымъ символомъ. Самый актъ передачи шлема понимается только подъ условіемъ предположенія, что цѣлью подобнаго изображенія могло быть не обычное у древнихъ «посвященіе оружія» — оплетезія, но представленіе храбрца, который только по смерти слагаетъ свое оружіе, и то выдавая его богу подземнаго міра. Этотъ подземный богъ характеризуется будто бы животнымъ, живущимъ въ нѣдрахъ земли, пещерахъ и берлогахъ, медвѣдемъ. Подобный общій анализъ изображенія, повидимому, простъ и ясенъ, но какъ много представлялъ онъ сомнительнаго, видно изъ того, что всѣ умозаключенія, на немъ основанныя, однако же, не получили никакой обязательной силы, и болѣе осторожныя истолкователи предпочли сказать, что все данное изображеніе намъ совершенно неизвѣстно. Дѣйствительно, сообразимъ слѣдующее обстоятельство: не странно ли видѣть изображеніе Анда на сѣверной сторонѣ, когда, по общему вѣрованію Грековъ, подземное царство его находилось на Западѣ? Не страннѣе ли еще видѣть приношеніе шлема богу подземному, сюжетъ, ничѣмъ не оправдываемый ни

въ области культа, ни въ пластическомъ искусствѣ? Наконецъ, можно ли допустить то объясненіе всего сюжета и особенно символа, которое, напоминая своими приѣмами аллегорическія комбинаціи, не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ миеологии и религіозныхъ обрядовъ? Иначе говоря, почва догадокъ и предположеній здѣсь настолько невѣрна и шатка, что каждый воленъ принимать ихъ или отрицать совершенно. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, оставляя въ сторонѣ предъидущія толкованія, приступимъ къ анализу сюжета съ начала.

Прежде всего замѣтимъ, что изображеніе вомна и воинственныхъ сценъ на надгробномъ памятникѣ само по себѣ сюжетъ весьма понятный: Ливія сходится въ этомъ отношеніи съ Атикою древней эпохи. На ливійскихъ саркофагахъ, по описанію путешественниковъ, часто видны изображенія щитовъ, замѣняющихъ розетки, и шлемовъ; на другихъ саркофагахъ, находящихся въ Британскомъ Музеѣ, также часто встрѣчаемъ военныя сцены, какъ и на аттическихъ памятникахъ. Ливія въ героическую эпоху и до завоеванія ея Персами славилась, какъ извѣстно, мужествомъ и воинственностью своихъ гражданъ, и нѣтъ никакой нужды искать для фигуры особаго имени среди миеологическихъ героевъ, какъ то дѣлаетъ Панофа; эта фигура есть изображеніе умершаго въ его любимомъ костюмѣ, въ которомъ онъ, можетъ быть, палъ на полѣ битвы. Оригинальность заключается въ передачѣ шлема. Въ самоѣ дѣлѣ, къ примѣрамъ, которые привелъ Браунъ и которые однакоже относятся къ обряду оплотѣзін, посвященія оружія (¹³⁰), мы врядъ ли можемъ привести какія либо аналоги въ области надгробныхъ памятниковъ (¹³¹), и потому остается лишь послѣднее средство — отвести этотъ мотивъ къ разряду тѣхъ, которые могли быть придуманы самымъ художникомъ.

Поэтому перейдемъ прямо къ символу божества, въ которомъ прежде по дурнымъ снимкамъ видѣли свинью, впослѣдствіи же медвѣдя, что подтверждено было и зоологами.

Несомнѣнно важнѣйшій пунктъ участія этого животнаго въ классической миеологии есть олицетвореніе извѣстнаго созвѣздія подъ именемъ Большой Медвѣдицы и подобнаго ему друго

подъ именемъ Малой. Мифологическая роль этихъ олицетвореній небесныхъ пространствъ сосредоточивается около Артемиды, богини ночи и охоты. Такъ, спутница этой богини, нимфа Каллисто была ею превращена въ медвѣдицу за любовную связь съ Зевсомъ, а Каллисто была первоначально сама Артемида, которой подъ этимъ прозвищемъ (прекраснѣйшая) поклонялись въ Аркадіи; богинѣ этой былъ священенъ медвѣдь, какъ дикое животное, и дѣвы, служившія ей въ Брауронѣ, назывались медвѣдицами (¹³²). Къ этому обожествленію медвѣдя или медвѣдицы въ культѣ Артемиды примыкаютъ такъ или иначе и другія сказанія о превращеніяхъ: дѣва Полифонта, жившая на горахъ, какъ спутница Артемиды, и презиравшая Афродиту, была обезумлена любовью къ медвѣдю, съ которымъ и прижила дикаря (Агріосъ) и горца (Орейосъ); Малая Медвѣдица есть превращенный герой Аркасъ, сынъ Каллисто, убившій свою мать въ образѣ медвѣдицы на охотѣ, — сказаніе, составившееся уже послѣ Гомера, по аналогіи; сюда же примыкаетъ исторія Эригоны и Икара, превращеннаго въ Воотеса и пр. Наблюденія надъ привычками и нравами медвѣдя дали нѣсколько общезвѣстныхъ въ древнемъ мірѣ разказовъ о медвѣдѣ, собранныхъ у Эліана и Плутарха; но кромѣ обычныхъ замѣтокъ о томъ, что медвѣдь питаетъ отвращеніе ко всему мертвому и не трогаетъ охотника, притворившагося мертвымъ, о любви медвѣдя къ желудямъ, общей съ вепремъ, о ловкости, съ какою медвѣдица защищаетъ дѣтенышей и скрываетъ слѣды свои къ логовищу, о лежаніи медвѣдей зимою въ берлогахъ, о пріемахъ охоты на медвѣдей и т. п., древній міръ особенно интересовался поучительными разказами о всеильной материнской любви у медвѣдицъ, которыя, родивши сначала лишь безобразную массу, вылизываніемъ образуютъ изъ нея дѣтенышей (¹³³). На этой почвѣ создались уже сказанія о томъ, какъ героиня Аталанта была вскормлена медвѣдицею, и различныя варіаціи, по которымъ матери—кормилицы Зевса или нимфа Киносура, его вскормившая, были превращены также въ медвѣдицъ и помѣщены какъ созвѣздіе на небѣ. Въроятноѣе всего, материнство было отмѣчено и въ посвященіи медвѣдицы Реѣ, матери боговъ, судя по слѣдующему

мѣсту въ описаніи помпы Апулея XI, 769: *et uirga mansuetu cultu matronali sella uehebatur* (134), и по отношенію къ Сирійской богинѣ, чтившейся въ Гіерополисѣ (135), хотя Писагоръ и относитъ первое посвященіе вообще къ полярнымъ созвѣздіямъ, которыя онъ называетъ руками Рен (136). Здѣсь же встрѣчаемся мы и съ разнообразными попытками миеологовъ выяснить символизмъ, заложенный въ основу миеологическаго значенія медвѣдя. Медвѣдь, говоритъ Гергардъ, посвященъ Ретъ, какъ богинѣ мистической, недоступной, которой поклоненіе воздается въ пещерахъ, и потому это животное вообще священно богамъ земнымъ и подземнымъ (137). Артемида у Аркадцевъ, говоритъ О. Миллеръ въ своемъ «Введеніи къ научной миеологіи», была богиня природы, поющая и кормящая звѣрей и людей; ей поэтому священны все вѣрѣкія созданія природы и наиболѣе сильный изъ нихъ медвѣдь. Швенкъ считаетъ даже возможнымъ свести вопросъ къ простому созвучію слова *ἄρκτος* и имени Аркаса, племеннаго героя Аркадіи,—отношеніе, на которомъ будто бы основалась связь медвѣдя, національнаго символа страны, съ національною же богинею Артемидою (138). Преллеръ ограничивается общимъ замѣчаніемъ, что медвѣдь у Грековъ былъ вообще представителемъ грубой силы, воинственной дикости, и что Артемида, какъ родоначальница Аркадійцевъ, этого грубаго народа, могла легко имѣть символомъ это животное, обожествленное затѣмъ и въ аттическихъ культахъ аркадской Артемиды Брауроніи и Мунихіи. Мори прибѣгаетъ къ сравненію съ миеологіею Финновъ, обожествляющей медвѣдя (139), и другихъ грубыхъ племенъ, чтившихъ природу въ лицѣ вредныхъ дивихъ звѣрей. Очевидно, все подобныя характеристики представляютъ только результатъ различныхъ соображеній, а не объективныя данныя древнихъ вѣрованій, и должны быть отстранены въ пользу опредѣленія, по которому медвѣдь посвященъ Артеמידѣ на землѣ какъ богинѣ охоты, а на небѣ какъ богинѣ луны созвѣздіе. Такъ, все миеологіи сѣверныхъ и южныхъ народовъ населяютъ небо представленіями диваго охотника съ его многочисленной свитой великановъ и дивихъ звѣрей. Нигдѣ доселѣ въ классической миеологіи мы не встрѣчаемъ, чтобы медвѣдь могъ быть символомъ

хтоническихъ божествъ, нигдѣ, иначе, его извѣстный образъ жизни зимою въ подземной берлогѣ не возведенъ въ мифическое олицетвореніе сна природы, и если въ извѣстномъ созвѣздіи медвѣдь и имѣетъ отношеніе къ сѣверу, то изъ этого мы еще не имѣемъ никакого права образовать понятіе божества подземнаго съ символомъ медвѣдя для объясненія сюжета сѣверной стороны памятника. Напротивъ того, такія данныя по символикѣ медвѣдя довольно обильны въ мифологіяхъ сѣверныхъ, въ которыхъ медвѣдь играетъ извѣстную роль олицетворенія зимней природы, не умершей, но спящей, для того чтобы пробудиться съ новыми силами весной. Геродотъ кн. IV, 94—96 рассказываетъ о томъ, какъ сложилась вѣра въ безсмертіе у Фракійскихъ Гетовъ, думавшихъ, что умершіе идутъ къ демону Замолкису; а этотъ демонъ былъ будто бы рабъ и ученикъ Пнеагора, пророчествовавшій у Фракійцевъ и обманомъ увѣрившій ихъ въ своей божественности, послѣ того какъ онъ, проведя три года въ подземномъ жилищѣ, явился опять на свѣтъ. Крейцеръ, (140) обратившій вниманіе на этотъ мифъ, полагалъ видѣть здѣсь вліяніе бакхическихъ и орфическихъ мистерій съ одной стороны, съ другой перенесеніе (напр. изъ Индіи) древнихъ культовъ, пользовавшихся подземными храмами, и вообще доказательство связи религій Египта, Кельтовъ и Скивовъ. Но если обстановка мифа въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, представляетъ много греческаго, то этотъ элементъ слишкомъ ясно выказываетъ свою несамостоятельность: такъ напр. происхожденіе вѣры въ безсмертіе приписано пнеагорическимъ ученіямъ, а Замолкисъ уподобленъ Кроносу, богу Элизіума. За то въ самомъ имени этого демона, въ формѣ Замолкисъ отъ *Zalmoxis pellis ursina*, медвѣжьей шкура, скрывается символика божества именемъ медвѣдя, указанная толкованіемъ Порфирія. Какъ бы мы поэтому ни рассматривали самый мифъ, признавая ли самобытнаго бога фракійскихъ Гетовъ (и это вѣрнѣе), или демонизацію лица, дѣйствительно существовавшего, или толкуя роль медвѣдя въ мифѣ, какъ первоначальный символъ и эмблему, явившуюся по рефлексіи, которая искала въ имени божества названіе медвѣдя, какъ животнаго, сходнаго по чертамъ жизни съ этимъ божествомъ,

смыслъ символа будетъ одинъ и тотъ же, но будетъ относимъ лишь къ тѣмъ сѣвернымъ народностямъ, которыя въ странахъ суровыхъ, населенныхъ дикими звѣрями, по преимуществу работали животный эпосъ. Съ этою характеристикю будутъ согласны вполнѣ и памятники. Медвѣдь водился въ древности начиная съ горныхъ областей Персіи, по всей Малой Азіи, и сѣверныхъ мѣстностяхъ Греціи, въ Апуліи и Луканіи, Галліи (на галльскихъ монетахъ) и вообще повсюду на сѣверъ отъ странъ культивированныхъ. Охота на этого животного и въ древности увлекала многихъ и поэтому встрѣчается довольно часто въ пластическихъ изображеніяхъ различныхъ памятниковъ. Одна изъ гробницъ Финикіи представляетъ высѣченный въ днрѣ бокахъ скалы рельефъ, съ изображеніемъ подобной охоты: одинъ изъ охотниковъ сбликаеть собакъ, въ то время какъ другіе собираются нанести ударъ поднявшемуся на заднія лапы медвѣдю; рядомъ, въ особой нишѣ, изображеніе умершей женщины (какъ видно по одеждѣ и позѣ), печально подпершей голову и сидящей на креслѣ. Если изображеніе охоты имѣетъ отношеніе къ умершей, то возможно, что это отношеніе символически выражающее побѣду дикой силы смерти надъ жизнью (141). Между терракоттами Тирсуса Баркеръ и Эисвортъ нашли интересный рельефъ, изображающій мужчину, ведущаго медвѣдя; въ стюмъ вожака оригиналенъ (походить на костюмъ возницы), онъ держитъ что то въ родѣ влута или бича въ правой и вѣл въ лѣвой рукѣ. Авторы описанія терракотты полагаютъ видѣть въ данномъ случаѣ изображеніе божества, но колеблются между олицетвореніемъ созвѣдія Медвѣдицы — колесницы и изображеніемъ Нергала, бога звѣздныхъ небесъ, свѣтлагося созвѣдія медвѣдицы. Все это, конечно, совершенно лишнія соображенія, не имѣющія ничего общаго съ самымъ памятникомъ, реальныи характеръ котораго не содержитъ ничего символическаго (еще всего, это любопытное изображеніе вожака медвѣдя). Бастъ и Фландеръ встрѣтили въ Персіи рельефъ, высѣченный въ скалѣ, съ изображеніемъ всадника, съ лукомъ и стрѣлою, охотящагося на медвѣдя (142). Затѣмъ изображеніе медвѣдя и охоты на него, ученыхъ медвѣдей довольно часто встрѣчается на 14

сточныхъ и греческихъ геммахъ, равно какъ и на другихъ издѣляхъ мелкой пластики, на погребальныхъ лампахъ и пр. (143). Отсутствіе символическаго элемента и здѣсь неоспоримо, и поэтому невольно приходится если не отвергнуть совсѣмъ символическое значеніе медвѣдя въ изображеніяхъ надгробныхъ, то, по крайней мѣрѣ, сильно ограничить его. По счастливой, хотя и на скоро составленной, теоріи символическаго значенія борьбы травоядныхъ и хищныхъ животныхъ, изображаемой на саркофагахъ, лампахъ, вазахъ и пр., медвѣдь долженъ стать въ ряду этихъ хищныхъ, олицетворяя собою смерть, — силу губящую, враждебную природѣ и человѣку. На погребальной урнѣ (144) изображается напр. борьба медвѣдя съ сатиромъ; звѣрь одолѣлъ его, и въ то время, какъ сатиръ стоитъ передъ нимъ въ позѣ побѣжденнаго, медвѣдь держитъ пальмовую вѣтку, и его увѣнчиваетъ геній; другой геній держитъ факелъ. Погребальный смыслъ несомнѣненъ, но за то также ясно видна придуманность аллегорической комбинаціи, въ которой сатиръ олицетворяетъ собою веселую жизнь, а медвѣдь играетъ роль дикой вражеской силы, и отсюда, конечно, еще далеко до символа подземнаго міра. На саркофагахъ, далѣе, представляется охота Амуровъ на дивихъ звѣрей, чаще всего въ связи съ изображеніемъ охоты на Калидонскаго вепря и другими подобными сюжетами, — все выѣтъ, пожалуй, можно толковать въ смыслѣ аллегорическаго выраженія той мысли, что, несмотря на сокрушительную силу смерти, жизнь остается всегда побѣдительницей, — но присутствіе между этими животными медвѣдя (145) опять таки не вноситъ въ сюжетъ никакого новаго элемента. Далѣе на этрусскомъ саркофагѣ изъ Кьюзи, среди различныхъ ужасовъ подземнаго міра, видна оригинальная человѣческая фигура съ головою медвѣдя, цѣпляющаяся на вратахъ Аида, окруженныхъ змѣйными и собачьими головами. Авторъ описанія справедливо отвергаетъ отношеніе сюжета къ мѣстамъ о Цирцѣ и видитъ здѣсь только одно изъ чудищъ; порожденныхъ запуганнымъ воображеніемъ Этрусковъ (146). Такое же созданіе аллегоріи представляется въ тѣхъ таинственныхъ доселѣ и странныхъ этрусскихъ сюжетахъ, которые изображаютъ борьбу воиновъ съ чудовищемъ, вылѣзающимъ какъ

бы изъ бочки (или круглаго отверстія пещеры); чудище obviously имѣетъ волчью голову на человѣческомъ тѣлѣ, поэтому ученые относятъ это изображеніе къ разряду извѣстныхъ представлений объ оборотняхъ, волкодлакахъ или ликантропахъ, которые по ночамъ тревожили покой умершихъ. Вмѣсто волчьей головы указана въ одномъ случаѣ голова медвѣдя (147), которую почему то сочли нужнымъ отнести къ Ифигеніи, превращенной по преданію, въ медвѣдя, и жертвоприношеніямъ Діаны. Безъ сомнѣнія, это такая же замѣна обычной формы, какъ напр. когда на митраическихъ барельефахъ, вмѣсто льва, символа солнца, помещаемаго около головы Геліуса въ лучахъ надъ священнымъ гротомъ, скульпторъ лѣсистаго Тироля, забывъ смыслъ сюжета, изображаетъ медвѣдя, выходящаго изъ берлоги (148). Понятно, что безъ особыхъ причинъ слишкомъ смѣло было бы утверждать, что медвѣдь игралъ въ древности роль символа смерти и подземнаго міра, — опредѣленіе, которое, однако, выставляется положительно авторомъ описанія рельефа римскаго саркофага изъ средняго Норика (149). Рельефъ этотъ, между тѣмъ, изображаетъ несомнѣнно битву гладіаторовъ съ медвѣдемъ и не имѣетъ ни малѣйшаго символическаго оттѣнка; гладіаторы вооружены щитами и бичами, какъ на иликійской терракоттѣ и римской мозаикѣ изъ Генцига на Мозелѣ (150); самая битва должна, вѣроятно,^f представлять гладіаторскія игры, устроенныя императоромъ Валеріаномъ въ мѣстности нынѣшняго герцогства Бертенъ, во время похода, а сюжетъ жертвоприношенія, помещенный въ сторонѣ, относится къ этому же походу.

Но иного рода данныя находимъ мы въ самой Ликии, и если они всетаки не разрѣшатъ намъ окончательно вопроса о символѣ памятника Г., то могутъ указать, по крайней мѣрѣ, путь къ этому разрѣшенію. По словамъ путешественниковъ, медвѣдь и теперь часто встрѣчается въ горныхъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ прежней Ликии, и выше въ прилегающихъ областяхъ Малой Азіи, прорѣзываемыхъ хребтомъ Тавромъ (151). Возможно, что въ древности звѣрь этотъ былъ еще болѣе распространенъ въ Ликии, хотя свидѣтельствомъ этого пока осталось немного памятниковъ. Такъ въ Британскомъ Музеѣ одинъ над-

гробный фризъ изображаетъ охоту всадника, вооруженнаго копьемъ и сопровождаемаго собаками, на медвѣдя. На другомъ памятникѣ, также надгробномъ, но уже чисто азіатскаго характера и рисунка, позднихъ временъ, изображается охота Перса на разныхъ звѣрей, между которыми видѣны и медвѣдь. Разумѣется, эти два памятника еще ничего не даютъ для нашей задачи. Но въ нумизматической коллекціи ликійскихъ монетъ въ Британскомъ Музеѣ мы встрѣчаемъ въ одномъ экземплярѣ замѣчательный образецъ серебряной монеты (153):

на лицевой сторонѣ монеты находится левъ, въ обычномъ типѣ, прилегшій на землю, съ открытою пастью и обернувъ голову назадъ; на оборотѣ (рисунокъ) изображена въ четырехугольникѣ человѣческая фигура *съ юловою медвѣдя*, какъ бы припавшая на правое колѣно. Типы льва и фигуры имѣютъ общія черты стили свойственныя архаическимъ монетамъ Ликии; нѣкоторую особенность представляютъ слишкомъ толстыя лядвіи фигуры, напоминающія толстоту въ изображеніяхъ памятника Г. Но оригинальность изображенія этого, такъ рѣзко выдѣляющагося на почвѣ греческаго искусства, такова, что, само собою понятно, мы напрасно искали бы какъ объясненія мотивовъ, такъ и аналогическихъ примѣровъ въ этомъ искусствѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, ближайшіе мотивы заставляютъ предполагать существованіе въ Ликии невзвѣстной еще намъ миеологической характеристики звѣря, но затѣмъ самая форма изображенія неоспорно указываетъ на Востокъ, — родину подобныхъ пластическихъ типовъ (154), хотя, по различнымъ причинамъ, мы и должны ограничиться въ данномъ случаѣ этимъ общимъ замѣчаніемъ. Полное тождество съ нашею монетою представляетъ скарабей, опубликованный въ цитованномъ нами сочиненіи Лажара о Митрѣ (155); рисунокъ утрированъ и отличается специфически неуклю-

жимъ этрусскимъ характеромъ, но видна та же медвѣжья голова, та же поза, только руки размахнуты больше. А если мы сопоставимъ этотъ скарабей съ другими, изображающими крылатыхъ венеръ и львовъ, кентавровъ, различныя сочетанія фантастическихъ единороговъ и т. п., то символическій характеръ подобнаго изображенія выступаетъ самъ собою. Одинаковость позы должна, очевидно, имѣть особое значеніе для фигуры, и, дѣйствительно, эта поза въ арханческихъ произведеніяхъ всегда отмѣчаетъ собою фантастическія фигуры, изображенныя въ быстромъ движеніи, бѣгѣ, полетѣ. Самая необузданность движенія, выраженная сильнымъ сгибомъ праваго колѣна и размахнутыми руками, должна имѣть отношеніе къ характеру изображаемаго существа: такъ изображаются на арханческихъ вазахъ фигуры съ звѣринными головами, а именно съ головою льва, орла, зайца (156); подобную же позу представляетъ изображеніе Минотавра, Талоса, Горгоны и фантастическихъ окрыленныхъ фигуръ съ дисками и пр., встрѣчаемыхъ на древнѣйшихъ греческихъ монетахъ. Собственно наша фигура менѣе всѣхъ другихъ выражаетъ это быстрое движеніе; она какъ бы припала на правое колѣно, и ступня лѣвой ноги поставлена слишкомъ покойно — но смыслъ позы тотъ же самый, только рѣзкость и угловатость ея, происходящая отъ неловкости обычной въ арханческомъ стилѣ, заставляетъ искать аналогій для объясненія. Но что же изображаетъ эта фигура? Самое первое опредѣленіе, конечно, указываетъ въ ней божественное существо зооморфическаго характера. Зооморфическія божества исчезли у Грековъ очень рано, уступая мѣсто богамъ челоуѣкоподобнымъ, и каждое новое данное, указывающее на существованіе первыхъ, пріобрѣтаетъ двойной интересъ: общій и частный. Археологія, по справедливости восторгаясь высокими, въ буквальноиъ смыслѣ, гуманными образами греческаго религіознаго искусства, согласно съ миеологической теоріей, указывающей развитіе нравственнаго типа греческихъ божествъ еще во времена Гомера и ранѣе, въ этой челоуѣчности образовъ видитъ рѣзкое разграниченіе Запада и Востока. Если греческое искусство и допускало животныя формы, то лишь для тѣхъ созданий фантазіи, которыя играли роль второстепен-

ныхъ слутниковъ божества, какъ рѣзкое выраженіе его физическихъ свойствъ; это были стихійныя силы воды и земли, огня и вѣтра; искусство надѣляло эти смѣшанные образы духомъ дикости, необузданности (*θῆρας, κελώρια*) но сохраняло для нихъ черты человѣческаго разума, изображая ихъ съ человѣческой головой; такъ сформировались типы Сиренъ, Гарпій, кентавровъ, сфинксовъ, Пана. Со времени новыхъ успѣховъ исторіи греческой пластики сталъ болѣе выясняться и тотъ важный фактъ, что въ эпоху развитія искусства на греческой почвѣ и эти образы отличались болѣе духовностью, сравнительно съ ихъ характеромъ на римской почвѣ, когда они стали непонятны. Никакія новыя открытія далѣе не поколеблютъ замѣчанія, что греческое искусство не любитъ звѣриной головы на человѣческомъ тѣлѣ⁽¹⁵⁷⁾, такъ какъ эта нелюбовь проистекаетъ изъ существеннаго эстетическаго и моральнаго принципа этого искусства. Вотъ почему и наше изображеніе имѣетъ аналогію для себя лишь въ немногихъ образахъ фантастическаго характера, каковы Минотавръ и др. Но было бы съ другой стороны положительной натяжкой и намѣреннымъ заблужденіемъ утверждать вмѣстѣ съ защитниками эстетической чистоты греческаго искусства, что всѣ подобныя образы играютъ въ немъ только роль фантастическихъ арабесковъ, представляютъ плодъ воображенія, не имѣющій особаго смысла и значенія. Напротивъ того, чѣмъ болѣе углубляемся мы въ ту неизвѣстную область, которая называется архаическою эпохой греческаго искусства, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждаемся, что и греческое искусство должно было пережить извѣстную стадію своего существованія, когда образы, смѣшанные изъ животныхъ и человѣческихъ формъ по преимуществу могли соответствовать выработкѣ религіозныхъ понятій. Искусство долгое время сохраняло эти образы какъ священное преданіе (припомнимъ исторію типа Деметры Черной въ Аркадіи, имѣвшей лошадиную голову и гриву, перелетѣнную змѣями, Павз. VIII 42, 3), только давая имъ второстепенное мѣсто. Такъ, немного было въ Греціи статуй, которыя изображали Діониса подъ видомъ быка обыкновеннаго или съ человѣческимъ лицомъ, но мы часто встрѣчаемъ божество въ этомъ типѣ на монетахъ. Вмѣ-

ствѣ съ тѣмъ, къ этому первобытному элементу греческой религіи присоединялся широкій потокъ восточной фантазіи, питавшій древнее греческое искусство. И чѣмъ ближе становилось оно по мѣсту своего развитія къ культурѣ Востока, тѣмъ шире и глубже, конечно, дѣйствовало ея вліяніе. Сколько знаемъ мы животныхъ символовъ въ греческомъ искусствѣ, исторія которыхъ указываетъ намъ на Критъ, Кипръ, Родосъ и Малую Азію! И для фигуръ съ звѣриною головою прототиповъ, несомнѣнно, нужно искать на Востокѣ, ибо именно тамъ барельефы и цилиндры предлагаютъ намъ разнообразнѣйшія сочетанія этого рода, не стѣсняясь требованіями эстетики. Но если самую фигуру изображенія въ принципѣ мы можемъ отчасти отнести къ вліянію Востока, то и въ самомъ содержаніи мы должны видѣть тотъ общій смыслъ, который опредѣлялся этою формою на греческой уже почвѣ. Изъ аналогическихъ примѣровъ мы узнаемъ, что эта форма изображенія, смѣшивающая тѣло человѣческое съ животнымъ, служила выраженіемъ тѣхъ божественныхъ демоническихъ силъ, которыя новымъ движеніемъ религіи были низведены на степень чудовищъ, существъ враждебныхъ человѣку и новому міру божествъ, уже по своей принадлежности иному міру и другому періоду. Таковы сфинксы и кентавры, и этотъ же смыслъ раскрываютъ мнен о Минотаврѣ. Уже давно прошла для науки міеологіи та пора, когда она довольствовалась лишь разсказами о подобныхъ фантастическихъ существахъ: въ этой области, повидимому, созданной причудливой фантазіею древности, приходится искать слѣдовъ древнѣйшаго стихійнаго культа, и это существенная задача, которую наука не должна пренебрегать, если она не хочетъ быть одностороннею. Но понятно также, что эта задача можетъ быть исполнена окончательно только тогда, когда будетъ вскрыта та культура, которая предшествовала появленію Грековъ на островахъ Средиземнаго моря и въ Малой Азіи. А эта задача цѣликомъ принадлежитъ археологіи, такъ какъ историческія свѣдѣнія или крайне скудны или вовсе отсутствуютъ. Встрѣчая фантастическую фигуру съ головою медвѣдя на монетѣ страны, мы въ правѣ заключить, что этотъ образъ тѣсно связанъ съ какою

либо туземными вѣрованіями; можно далѣе предполагать, что известная мѣстность Ликии, наиболѣе сохранившая свое первоначальное населеніе, или городъ выбрали этотъ образъ своимъ спеціальною эмблемою. Между тѣмъ слѣды символическаго значенія медвѣдя въ греческой мифологіи указываютъ на существованіе вѣрованій въ особыхъ демоническихъ существъ, появленіе которыхъ впоследствии объяснено превращеніями; эти существа—созвѣздія, притомъ тѣ, которыя ближе другихъ къ сѣверу, полюсу. Отсюда можно думать, что первоначальное символическое значеніе медвѣдя могло заключаться въ отношеніи животнаго къ зимѣ, холоду, приходящему съ сѣвера; поэтому же медвѣдь могъ сдѣлаться и животнымъ священнымъ для Артемиды въ числѣ другихъ вредныхъ и дикихъ звѣрей, которыхъ она насылаетъ. Мы знаемъ, что и въ Ликии были свои горы—Аркадіяне. Поклоненіе Артемидѣ въ Ликии—безспорно, на него указываетъ и почитаніе въ этой странѣ Аполлона и Латоны и самое прозвище Артемиды *Λυκαία*, тождественное съ именемъ страны. Что медвѣдь могъ быть священенъ той гнѣвной Артемидѣ, которая наказываетъ людей холодомъ, опустошеніями страшнаго вепря, въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчающаго разнообразнымъ потенціямъ этой богини, но странно то, что нигдѣ не сохранилось ясныхъ на это указаній. Одно изъ подобныхъ указаній, но съ аллегорическимъ уже характеромъ, быть можетъ, заключается въ тѣхъ стихахъ Нонна (¹⁵⁸), гдѣ медвѣдь вмѣстѣ со львомъ играютъ роль дикихъ звѣрей, на которыхъ охотится Авра, богиня нѣжнаго дуновенія воздуха; если мы припомнимъ обычное представленіе въ видѣ льва солнечнаго жара, умѣряемаго Аврою, то аллегорическая комбинація ея весенней охоты на медвѣдя будетъ понятна, какъ противоположеніе. Такъ или иначе, но, возвращаясь къ нашему сюжету, мы имѣемъ право представить слѣдующія общія соображенія: 1) символическое значеніе медвѣдя ничѣмъ не подтверждается, какъ въ мифологіи, такъ и въ пластическихъ памятникахъ Греціи, слѣдовательно, и заключеніе отъ этого значенія къ подземному божеству не имѣетъ силы, 2) но вмѣстѣ того, на основаніи данныхъ, относящихся къ мифологіи сѣверныхъ народовъ вообще, и тѣхъ

племень, которыя окружали поселения древних Греков или даже слились съ ними, какъ это напр. было въ Ликии, можно думать, что это символическое значеніе, основанное на отношеніи медвѣдя къ зимнему холоду, могло примыкать къ сидерическому значенію медвѣдя въ греческой мифологіи 3) и въ различныхъ смѣшанныхъ культахъ образовать демоническія существа, подобныя критскому Минотаврѣ, которыя сохранялись въ памятникахъ, но о которыхъ мы не знаемъ мифологическихъ сказаній; 4) эти культы въ глазахъ Грековъ отличали собой племена неразвитыя, находившіяся въ состояніи первобытной грубости, какъ напр. Аркадяны, запертыхъ въ горахъ; поэтому и въ Ликии культы эти должны были относиться не къ греческому поселенію, но къ тѣмъ горнымъ смѣшаннымъ племенамъ, которыя могли слить греческую Артемиду съ какимъ либо туземнымъ неизвѣстнымъ божествомъ, какъ это было напр. въ Тавридѣ. Спрашивается теперь, есть ли связь между ликійскою монетою и изображеніемъ памятника Гаршіи? Мы уже говорили, что истолкователи въ этомъ изображеніи видѣли символику подземнаго міра, представленнаго будто бы въ медвѣдѣ, животномъ, живущемъ въ подземныхъ берлогахъ и пещерахъ; богъ, которому посвящено это животное, есть подземный Зевсъ. Приводи подобное толкованіе, ученые, очевидно, вынуждены были придумывать объясненіе, по правилу — чѣмъ ближе и проще, тѣмъ лучше. Но такой путь требуетъ прежде всего опредѣлить, съ чѣмъ объясненіе имѣетъ дѣло: съ символомъ ли, даннымъ въ религіи, или съ аллегоріей, придуманной художникомъ. Многочисленные приѣзды указываютъ намъ, что въ первомъ случаѣ способъ отысканія ближайшей связи очень шатокъ: ибо, какъ скоро мы не знаемъ символа изъ мифологическихъ данныхъ, или не можемъ вывести его значенія изъ сочетаній, указанныхъ самими памятниками, толкованіе наше всегда будетъ предоставлено всевозможнымъ случайностямъ. Извѣстные знатоки древнихъ памятниковъ, какъ напр. Стефани, предпочитаютъ априорному пути въ этомъ случаѣ подыскивать хотя бы самыя мелочныя обстоятельства и указанія у писателей и въ памятникахъ, чтобы на нихъ уже строить теорію извѣстнаго символа или атрибута.

Правда, этимъ сводомъ всевозможнымъ мелочей отнимается у художниковъ древности самостоятельность въ дѣлѣ выбора атрибутовъ, которую необходимо признать, по крайней мѣрѣ, въ такихъ произведеніяхъ, каковы рисунки вазъ, въ которыхъ свобода и даже нѣкоторый произволъ композиціи несомнѣнны. Иное дѣло въ области аллегорій: художникъ, придумывая таковую, самъ ищетъ пунктовъ ближайшаго соотношенія аллегорической формы съ сюжетомъ, чтобы быть понятнымъ; стѣсняемый этимологією, онъ поневолѣ олицетворяетъ добродѣтели въ женскихъ фигурахъ, пороки въ мужскихъ и т. п. И въ этомъ отношеніи различіе съ аллегоріей представляетъ даже символъ, изобрѣтенный помощію рефлекса, на основаніи созвучія, вышшняго совпаденія: припомнимъ напр. извѣстный символъ Христа — рыбу. Если притомъ мы не въ правѣ задачу памятника Гарпій разрѣшать въ различныхъ аллегорическихъ комбинаціи, что было бы несовмѣстно съ сущностью древней скульптуры и характеромъ самаго памятника, то мы должны отстранить вышеупомянутое мнѣніе, что медвѣдь на этомъ памятникѣ прообразуетъ собою подземный міръ. Главнѣйшее затрудненіе въ такомъ случаѣ представляется въ отысканіи связи и перехода отъ демоническаго существа, изображеннаго на моетѣ, къ божеству памятника. Черты изображенія этого послѣдняго видимо представляютъ новый элементъ въ символикѣ медвѣдя, и мы будемъ, кажется, недалеко отъ истины, если замѣтимъ, что этотъ элементъ заключается въ специализаціи символа: фантастическую фигуру мы можемъ разсматривать какъ общее выраженіе религіозныхъ вѣрованій, связанныхъ съ медвѣдемъ, изображеніе же памятника какъ атрибутъ, приуроченный къ извѣстному божеству. Далѣе, божество это отмѣчено нѣкоторымъ воинственнымъ характеромъ какъ въ группировкѣ съ воинами, отъ котораго оно принимаетъ плешь, такъ и въ позѣ, отличающей его отъ всѣхъ другихъ божествъ. Исслѣдователи, конечно, видѣли въ самомъ лицѣ божества даже ирачную улыбку Аида, но ничего подобнаго не представляетъ памятникъ. Болѣе стройное, вытянутое, такъ сказать, тѣло божества отвѣчаетъ скорѣе богу войны, охоты, нежели подземному Аиду. Но, скажемъ въ заключеніе, на этомъ

общемъ очеркѣ характера и значенія символа и божества и должно пока остановиться толкованіе, если оно не хочетъ вносить произвола, и мы все-таки теперь не въ состояніи какъ рѣшить вопросъ вполне о символикѣ медвѣдя, такъ и дать имя божеству. Всѣ прежніе истолкователи предполагали называть его Зевсомъ — Аидомъ, третьимъ членомъ Зевсовой тріады. Но есть ли какія нибудь данныя, хотя бы непрямые, которыя бы позволяли подобное предположеніе? Все, что мы знаемъ объ изображеніяхъ Аида или Плутона, относится ко времени гораздо позднѣйшему, но и по этимъ даннымъ можемъ судить, что представленіе этого бога неизвѣстнаго міра не допускало большого разнообразія символовъ, какое встрѣчаемъ напр. въ изображеніяхъ Зевса. А для того, чтобы приурочить изображеніе собственно къ Зевсу, то посвященіе этому богу хищныхъ звѣрей, подобныхъ медвѣдю, фактъ весьма сомнительный. Представляемъ, наконецъ, рисунокъ другой неизданной монеты Ликии, которая, по всей вѣроятности, имѣетъ также близкое отношеніе къ вопросу, насъ занимающему.

Мужская фигура въ одномъ гиматіонѣ, покрывающемъ средина тѣла и свѣшивающемся черезъ правое плечо назадъ въ видѣ тонкаго конца, идетъ, держа лѣвою рукою у груди за ноги помѣщенное на плечахъ животное, которое и въ общемъ и въ деталяхъ сильно напоминаетъ медвѣдя памятника Гарпій. Стиль монеты относится къ эпохѣ непосредственно ближайшей къ процвѣтанію искусства; особенно рельефно изображены поворотъ головы и мускулы рукъ. Но что за смыслъ изображенія? Новый ли это переводъ Гермеса Кріофороса, или Геракла? Въ первомъ случаѣ животное замѣняло бы барана, во второмъ льва, и послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, по характеру самой фигуры.

Заканчивая затѣмъ нашъ анализъ трехъ сторонъ памятника Гарпій, изображающихъ тріаду неизвѣстныхъ божествъ, мы

можемъ свести представленную нами въ частности характеристику въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) три божества этихъ сторонъ, дѣйствительно, составляютъ триаду не по одному числу фигуръ, но и по извѣстному между ними родству и соотношенію; 2) это родство сказывается прежде всего въ ихъ общей связи съ загробнымъ культомъ, что выражается разнообразными дарами; 3) въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти дары могутъ быть относимы и къ самимъ божествамъ, какъ ихъ атрибуты, но во всякомъ случаѣ всегда удерживаютъ характеръ общихъ символовъ культа загробнаго; 4) характеристика божествъ заключается прежде всего въ указанной связи съ идеями о загробной жизни, а затѣмъ отличительныя черты могутъ быть предположительно указаны и въ самихъ типахъ божествъ; 5) эти типы только въ общемъ напоминаютъ изображенія Зевса, и потому, въ виду указанной характеристики ихъ и символики погребальной, не могутъ быть сочтены за Зевсову триаду, безъ особыхъ основаній, 6) а реальность изображенія ихъ, совершенно особенная типичность, для которой нельзя указать аналогіи въ области идеальныхъ образовъ греческаго искусства, и старчество нѣкоторыхъ фигуръ позволяютъ думать, что въ этихъ фигурахъ представлены какія нибудь обожествленные личности хтоническаго культа Ликій.

Поэтому всего естественнѣе было бы характеризовать данныя фигуры, какъ изображенія обожествленныхъ предковъ, божествъ — демоновъ. Тройное число ихъ напоминаетъ нѣсколько извѣстную триаду судей мертвыхъ: Эака, Миноса и Радамантиса, первоначальныхъ божествъ, впоследствии превратившихся въ царей древняго Крита и Эгины. Съ этимъ предположеніемъ совпадаетъ отчасти и пожилой возрастъ божествъ, и характеръ изображенія, напоминающій представленія умершихъ, и самые символы. Такъ, на одной недавно изданной монетѣ (159), быть можетъ, острова Эгины, видно изображеніе Эака, какъ судьи, въ Зевесовомъ типѣ, на тронѣ; передъ нимъ закутанная фигура умершаго и геній смерти съ факеломъ (монета римской эпохи). Подобную триаду обожествленныхъ предковъ, какъ хтоническихъ божествъ, мы указали уже въ изложеніи ликійской мифологіи

подъ именами трехъ царей: Арсалеса, Дріеса и Трособія. Несомнѣнно, что данныя, которыми мы владѣемъ въ настоящемъ случаѣ, не позволяютъ намъ прямо перенести понятіе этой триады и изображеніе трехъ божествъ памятника. Но если наши попытки характеристики членовъ этой триады: одного съ точки зрѣнія связи съ древнѣйшимъ типомъ Зевса, другаго—по имени съ отъѣнкомъ первобытнаго характера иранскаго, а третьяго, какъ божества сѣверной части долины Ксанеа (расположенной у гѣвъ горъ Ликии, гдѣ водился медвѣдь), и не могутъ быть настолько полны, чтобы покрыть сушину данныхъ въ самомъ изображеніи, то сопоставленіе обоихъ случаевъ также не имѣетъ въ общемъ ничего и противорѣчащаго. Для окончательнаго же рѣшенія вопроса необходимы новыя памятники и новыя факты.

V.

Намъ остается теперь рассмотреть тѣ угловыя фигуры сѣверной и южной стороны памятника, которыя, какъ мы уже говорили, слыви подъ именемъ Гарпій, дали самому памятнику названіе и у многихъ считались главнымъ пунктомъ изображеннаго на памятникѣ сюжета. Это фигуры женскихъ птицеобразныхъ существъ, которыя несутъ въ рукахъ маленькихъ дѣтей: плачущая женщина подъ однимъ изъ этихъ изображеній ясно указываетъ на ихъ отношеніе къ смерти; дѣти изображаютъ души умершихъ. Подобная концепція въ изображеніи Гарпій нова и оригинальна и, что главное, допуская различныя соображенія, она вовсе не покрывается, такъ сказать, понятіемъ Гарпій, даннымъ у древнихъ писателей. Отсюда обсужденіе вопроса зависить отъ слѣдующихъ пунктовъ: какъ представляется роль Гарпій въ мифологіи вообще, существуетъ ли, и въ какой степени, соотношеніе между этою ролью и изображеніемъ, и какъ опредѣлить значеніе и смыслъ этого послѣдняго.

Гарпій, по опредѣленію самихъ древнихъ мифографовъ и новыхъ мифологовъ (1), представляютъ образъ сильныхъ, бу-

ныхъ вѣтровъ, вихрей и урагановъ, рождающихся на морѣ и опустошающихъ сушу. Незвѣстное жилище Гарпій — равнины океана и обширныхъ луговыхъ пространствъ вблизи него; Гарпій сами, по Гезіоду и по Виргилію, происходятъ отъ морскихъ божествъ. Поэтическіе образы быстрыхъ коней, собакъ рано поэтому слились съ мифологическимъ представленіемъ этихъ существъ; тѣ и другія или ведутъ свое происхожденіе отъ Гарпій, или носятъ ихъ имена. Итакъ, быстрота полета — существенная черта образа, и поэтому какъ древнѣйшія, такъ и позднѣйшія изображенія представляли Гарпій крылатыми. Имя «Гарпій» по этимологическому производству обыкновенно относится къ глаголу ἀρπάζω, похищаю, какъ прилагательное, какъ эпитетъ хищнаго существа; но оно еще ближе стоитъ къ общему имени хищной птицы у Гомера ἄρπυι: орла или коршуна, все равно, ширококрылой — τανυπτερόξ (²): представленіе вѣтра въ видѣ птицы обще всеѣмъ индоевропейскимъ народамъ, отъ Грековъ до Германцевъ и Славянъ. Но затѣмъ въ лицѣ Гарпій олицетворилась губительная сила вѣтровъ, онѣ сдѣлались бичами, наслыаемыми Зевсомъ на людей, преступившихъ божескіе законы, стали «собаками Зевса.» Этотъ враждебный характеръ нѣкоторыхъ періодически дующихъ вѣтровъ выразился въ исторіи Финей, — также божества вѣтра, по словопроизводству, связывателя вѣтровъ, женатаго на дочери Ворея (³) и царствовавшего на равнинахъ Понтійскихъ береговъ или Пафлагоніи, и вмѣстѣ легъ въ основу всеѣхъ позднѣйшихъ поэтическихъ представленій. Сюда относится сходство Гарпій съ Эринніями у Эсхила, страшными бичами кровавыхъ преступленій, и звѣринный страшный образъ, который придается у писателей Гарпіямъ, какъ то: медвѣжьи уши, тѣло коршуна, большія когти, или, въ типѣ Сирены, человѣческое тѣло на пѣтушьихъ ногахъ и пр. Правда, этотъ страшный образъ, хотя и отразился въ пластическомъ искусствѣ Грековъ, не имѣлъ ничего общаго съ тѣми страшными лицами, которыхъ описывалъ подъ именемъ Гарпій Виргилій; это искусство всегда удерживало красоту, какъ свой принципъ, даже въ фантастическихъ существахъ; для искусства Гарпій должны были оставаться прекрасными женщинами Гезіода на

птичьих ногах или и вовсе съ птичьимъ тѣломъ, но съ изъщной женской головой. О. Миллеръ въ своемъ учебникѣ археологiи § 65, 2 рѣшается даже сказать, что Гарпiи Гомера не имѣютъ ничего общаго съ художественными ихъ представленiями. Тѣмъ не менѣе, согласно указаннымъ чертамъ мифологiи, если мы находимъ гдѣ либо изображенiя, указывающiя на Гарпiй, то онѣ всегда представляются похитительницами. И, дѣйствительно, встрѣчая на различныхъ мелкихъ памятникахъ (⁴), геммахъ и монетахъ (автономныя и императорскiя монеты Клизика, Абидоса) птицеобразныя фигуры, держащiя амфору, ожерелье, рѣбу въ рукахъ и пр., археологiя единогласно усвоила имъ имя Гарпiй похитительницъ. По тѣмъ же признакамъ можемъ узнать изображенiе Гарпiй и на другихъ произведенiяхъ древности. Мозаика Помпей представляетъ высокую женскую фигуру съ орлиными ногами и длиннымъ хвостомъ; на головѣ она несетъ корзину, повидимому, съ плодами или другими вещами, въ правой рукѣ сосудъ; внизу летящая птица, а сверху Амуръ, несущiй какую то утварь (⁵) (однако же, по этимъ атрибутамъ съ равнымъ правомъ можно видѣть Сирену, существо извѣстное своею близостью къ бакхическому и афродитическому культу). Мраморная ножка стола изъ Аттики (⁶) въ видѣ четырехугольнаго столба съ капителю также представляетъ птицеобразную фигуру, которая держитъ въ когтяхъ бородатую голову за волосы; фигура имѣетъ бараньи рога и звѣриныя уши; на шеѣ лучеобразное ожерелье съ подвѣсками. Если къ этому присоединимъ изображенiя Гарпiй на вазахъ и геммахъ: въ сценахъ похищенiя божествами смертныхъ (Юпитеромъ—Эгины), въ сюжетѣ похищенiя дѣтей Пандара, сценѣ преслѣдованiя Гарпiй въ полномъ человѣческомъ образѣ, но окрыленныхъ, сыновьями Борей,—то этимъ и заканчивается списокъ изображенiй, почитающихся несомнѣнными (⁷). Но намъ извѣстно также и множество изображенiй на вазахъ птицеобразныхъ фигуръ, которыя не отиѣчены подобнымъ признакомъ и вообще не снабжены атрибутами, а между тѣмъ греческая мифологiя знаетъ нѣсколько видовъ подобныхъ фантастическихъ существъ; изъ нихъ главныя: Сирены, Гарпiи, Стигфалиды. Поэтому, въ этихъ (наиболѣе притомъ

многочисленныхъ) случаяхъ намъ представляются крайнія затрудненія опредѣлить, гдѣ изображены Гарпіи, гдѣ Сирены и пр. (8). На вазахъ древнѣйшаго стиля (красноватныя и коричневныя фигуры на желтомъ фонѣ) мы встрѣчаемъ подобныя фигуры во фризахъ, въ ряду различныхъ животныхъ: львовъ, пантеръ, быковъ, хищныхъ и другихъ большихъ птицъ, далѣе сфинксовъ, Горгону и пр.; эти фигуры представляютъ обыкновенно птицу съ женскою головою, у которой крылья распростерты, а голова повернута въ ту или другую сторону; на шеѣ иногда женскія украшенія. На вазахъ древняго стиля, крокъ подобнаго изображенія на передней сторонѣ, такая же фигура украшаетъ заднюю сторону вазы, замѣняя розетку и другія украшенія, одна, или въ группировкѣ съ бараномъ, или помѣщается въ двойномъ числѣ подъ ручками вазы, и въ такомъ случаѣ сопоставляется съ каменнымъ козломъ: первые мотивы принадлежатъ вазамъ этрусской фабрики. Всѣ подобныя изображенія лишены всякой специальной характеристики, и поэтому относятся археологами чаще къ Сиренамъ, какъ существамъ, игравшимъ гораздо болѣе обширную роль въ мифологіи, чѣмъ Гарпіи (9); другіе изслѣдователи вазъ, какъ напр. Стефани, (10) ставятъ въ этихъ случаяхъ оба названія, такъ какъ и то и другое равно сомнительно, и даже при отсутствіи атрибутовъ Сирены и обстановкѣ насильственнаго характера, предпочитаютъ названіе Гарпій; Гарпіями же считаютъ и тѣ фигуры, которыя изображаются летящими надъ колесницами въ сценахъ состязаній (11). Не ясно ли поэтому, что номенклатура въ данномъ случаѣ вполне проблематична, и нѣтъ никакихъ данныхъ для указанія того, какъ именно и гдѣ, или въ какихъ комбинаціяхъ греческіе художники изображали Гарпій, и какой смыслъ соединяли съ этимъ изображеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы разсмотримъ даже тѣ изображенія Гарпій, въ которыхъ они, по толкованію археологовъ, являются какъ похитительницы, слѣдовательно, въ характерѣ наиболѣе свойственномъ ихъ натурѣ, то и тутъ оказывается обширное поле для сомнѣнія. А именно: фигура, держащая рыбу на золотой монетѣ Кизика, можетъ быть въ такой же степени вѣроятнымъ изображеніемъ Сирены, жившей на морѣ, какъ и Гарпіи, если только она не изображаетъ еще ка-

кое либо подобное миеологическое существо. Затѣмъ и вообще всѣ предметы, съ которыми являются на указанныхъ памятникахъ Гарпій похитительницы, какъ то: амфора, ожерелье, зеркало, корзинка и пр. представляютъ собою предметы погребальнаго культа; такъ на аттическихъ лекнеахъ родственники умершаго держатъ въ рукахъ повязки, чаши и блюда, сосудъ, ведерца, корзинки, а зеркала въ ихъ погребальномъ назначеніи слишкомъ извѣстны у Этрусковъ и позднѣе у Римлянъ, чтобы нужно было говорить объ этомъ послѣ Гергарда и Яна (12). Замѣтимъ далѣе, что одна изъ такъ называемыхъ Гарпій съ *diota* за спиною держитъ въ рукахъ погребальный факель. А между тѣмъ характеристика Гарпій и Сиренъ въ этомъ отношеніи къ загробному культу представляетъ много разногласія: иные археологи придаютъ погребальное значеніе и Гарпіямъ, тогда какъ другіе относятъ его исключительно къ Сиренамъ. Первое мнѣніе принадлежитъ, главнымъ образомъ, миеологамъ, второе — археологамъ и преимущественно нѣмецкимъ. Основывался на нѣсколькихъ мѣстахъ Одиссеи, въ которыхъ говорится о похищеніи дѣтей Пандара, или безслѣдное исчезновеніе самого Одиссея приравнивается къ похищенію Гарпіями (1, 241; 14, 371), миеологи первого разряда, напр. Рауль-Рошеттъ, герцогъ де-Линъ, Серванъ, Мори, Лонперье (13) и другіе доказываютъ, что Гарпіи уже первоначально имѣли отношеніе къ представленіямъ смерти; самая миссія Гарпій заключается будто бы въ томъ, чтобы похищать смертныхъ и предавать ихъ божествамъ подземнымъ (такъ толкуется выраженіе Одиссея «для служенія Эриніямъ») и тогда какъ первообразное значеніе вѣтровъ превратило Гарпій въ божествъ психопомповъ (14), дурной запахъ, оставляемый Гарпіями, указываетъ на могильное гніеніе; наконецъ, Сирены сами будто бы приобрѣли погребальное значеніе по своей близости съ Гарпіями и т. п. Но самый поверхностный анализъ показываетъ, что если въ этихъ поэтическихъ представленіяхъ и данъ образъ смерти, уносящей душу въ неизвѣстныя страны, то отъ этихъ представленій до погребальнаго значенія также далеко, какъ отъ видимыхъ гробницъ, хранящихъ тѣло умершаго, до тѣхъ неизвѣстныхъ странъ, куда

уносить Гарпін людей; что, если принять это толкованіе для Гарпій, то почему же не видѣть и въ самомъ Борей, похищающемъ смертныхъ дѣвъ, образъ смерти, или божества психопома. Что Сирены всегда представляли въ Греціи геніевъ смерти, ея агентовъ, это, напротивъ того, доказывается цѣлымъ рядомъ памятниковъ, на которыхъ эти фигуры, обозначенныя лирой и флейтой, украшаютъ верхнія поля надъ изображеніемъ приношеній или умершихъ; на головѣ ихъ встрѣчаемъ модіусъ, атрибутъ хтоническихъ, подземныхъ божествъ, изъ которыхъ Кора и въ мѣсахъ является ихъ госпожею (15). Иной вопросъ, почему именно Сирены получили такое значеніе: по ихъ явно скорбной въ такомъ случаѣ позѣ, по ихъ музыкальнымъ инструментамъ сложилось обычное мнѣніе, что смыслъ этихъ фигуръ заключается въ олицетвореніи скорбнаго плача по мертвымъ, какъ музъ смерти (16). Извѣстный Курціусъ приходитъ даже къ мысли, что этотъ смѣшанный образъ восточнаго представленія божества происходитъ изъ первоначальнаго представленія Афродиты, богини загробнаго міра, которая и была, такъ сказать, первою Сиреною. И здѣсь, слѣдовательно, вопросъ еще остается нерѣшеннымъ, но, оставивши его въ сторонѣ, возвратимся къ Гарпійамъ. Въ виду приведенныхъ нами данныхъ, становится совершенно понятно, что фигуры нашего памятника, имѣвшія видимо отношеніе къ загробному міру, толковались разнообразно: одни желали видѣть въ нихъ непременно Гарпій, имѣя въ виду ихъ насильственный характеръ, другіе — скорѣе Сиренъ, чѣмъ Гарпій, и третьи, наконецъ, не находя въ памятникахъ подобной же комбинаціи нагробныхъ Сиренъ съ характеромъ Гарпій, предпочитали первое мнѣніе, но обусловленное предположеніемъ, что данный случай представляетъ элементъ, неизвѣстный намъ доселѣ въ мѣологии и принадлежащій Ликіи. И, дѣйствительно, этотъ новый, оригинальный элементъ существуетъ, но онъ вовсе не принадлежитъ спеціально самой Ликіи, а представляетъ частный результатъ общаго и непосредственнаго вліянія Востока на искусство какъ Ликіи, такъ и всѣхъ прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря. Руководясь этимъ общимъ положеніемъ, Курціусъ уже указалъ прототипъ Гарпій нашего памятника въ тѣхъ

фантастическихъ птицеобразныхъ существахъ, которыя встрѣчаются въ изображеніяхъ погребальныхъ обрядовъ на египетскихъ памятникахъ, но этого ученаго болѣе занимала другая форма тѣла, нежели самый смыслъ и значеніе этихъ представленій. Оставляя пока въ сторонѣ первое, займемся послѣднимъ, какъ наиболѣе важнымъ для нашей задачи. Дѣйствительно, прототипъ даннаго представленія находится и въ Египтѣ искусство этой страны, стремясь выразить до послѣднихъ мѣлочей завѣтныя идеи о загробной жизни, несомнѣнно первое во времени выработало представленіе души въ формѣ птицы съ человѣческой головой. Во всѣхъ музеяхъ, наиболѣе же въ Луврскомъ посѣтитель видитъ рядъ маленькихъ фигуръ изъ различнаго матеріала, представляющихъ птицу, на человѣческой головѣ которой иногда помѣщается дискъ Озириса, символъ обожвленія, или тиара египетской формы, знакъ возвеличенія; иногда эти фигурки имѣютъ человѣскія руки, и въ такомъ случаѣ онѣ подняты къверху, какъ бы исполняя жестъ адорации. Эти фигурки клались въ гробницу вмѣстѣ съ другими вещами, тогда какъ подобныя же, но особенно малыхъ размѣровъ, навѣшались въ видѣ ожерелій вмѣстѣ съ другими амулетами; статульки большаго размѣра видны въ погребальныхъ процессіяхъ, въ несуть передъ муміей. Къ этому изображенію души присоединяется совершенно такое же представленіе агента смерти, изхопма, приближающагося къ муміи и съкиромъ и ключемъ открывающаго душу отъ тѣла (17). Но этими замѣчаніями и вовсе не хотимъ сказать, чтобы всѣ подобныя изображенія съ заключеннымъ въ нихъ смысломъ переходили прямо въ Греціи аналогичное явленіе окрыленныхъ психопомповъ только указываетъ на возможность сочетанія греческаго представленія съ египетской формой. Такъ, на грекоегипетскихъ геммахъ душа в нильской баркѣ, въ присутствіи Сераписа, Изиды, Нефтисы и даже Цербера, прямо замѣняется изображеніемъ Сирены (18). Однако форма представленія шла, повидимому, вовсе не изъ Египта, но съ семитическаго востока. Полиморфизмъ—черта, естественная религіямъ Ассиріи и Вавилона; и именно на западныхъ берегахъ этихъ странъ встрѣчаемъ мы указанную форму въ из-

болѣе разнообразныхъ типахъ. Птицеобразныя фигуры видны тамъ въ изображеніяхъ моленія, сзади жреца или молящагося вообще; онѣ помѣщаются въ двойномъ числѣ подъ рогомъ луны, подъ дискомъ солнечнымъ; онѣ изображены тамъ въ какихъ то непонятныхъ сценахъ, происходящихъ въ присутствіи верховнаго божества, въ сценахъ мифологическаго содержанія и характера, среди божествъ, борющихся съ дикими звѣрями и пр. (19). Непосредственно съ цилиндровъ перешли эти фигуры на мелкія издѣлія греческія, какъ напр. скарабен, и если здѣсь исчезли восточныя детали, какъ напр. львиныя лапы, тіара, то сохранялась иногда поза, а именно воздѣтыя руки, а одна изъ этихъ фигуръ держитъ даже въ рукахъ мечъ, что уже, конечно, не можетъ быть объяснено изъ какой либо разновидности Сирены (20). На одной геммѣ греческой работы арханческой эпохи (21) мы видимъ подобную фигуру въ характерѣ еще болѣе оригинальномъ; на головѣ подобіе рогатой тіары, узкое яйцеобразное тѣло (совершенно подобное тѣлу Гарпій на памятникѣ) оканчивается вѣромъ перьевъ; ноги птичьи; крылья имѣютъ еще арханческую форму загиба какъ на восточныхъ памятникахъ; прическа представляетъ пучекъ волосъ, собранный на затылкѣ; руки человѣческія, изъ которыхъ лѣвая держитъ лугъ, а правая готова спустить наложенную стрѣлу. Между арханческими вазами Родоса, находящимися въ Луврѣ, есть до шести маленькихъ сосудовъ съ изображеніемъ Гарпій и Сиренъ въ крайне оригинальныхъ переводахъ (22). Фигурки эти сгруппированы по сторонамъ орнамента въ видѣ пальметты, иногда соединены вдвоемъ общою львиною головой; они обставлены различными крылатыми фигурами съ тѣломъ змѣи и человѣческой головой и др. птицами и животными; на одной вазѣ тѣло Гарпій или Сирены соединено съ львинымъ, на другой видимъ даже тіару на головѣ подобнаго существа, что также ясно выдаетъ его восточное происхожденіе и вмѣстѣ символическое значеніе. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не видимъ никакихъ специализирующихъ атрибутовъ, слѣдовательно, не имѣемъ и права относить фигуры къ Сиренамъ или Гарпійамъ. Пластическое искусство, очевидно, создало эти фигуры такъ же, какъ сфинкса, Химеру, Цер-

бера и Минотавра, а именно: не избрѣтая, не придумывая образовъ для всѣхъ частныхъ мифологій, оно вырабатывало, въ связи съ искусствомъ Востока, общія фантастическія формы. Специализація явилась уже позднѣе, а съ нею и въ художествѣ стремленіе опредѣлить изображаемое. Фризы древнихъ вазъ, на которыхъ являются Гарпіи и Сирены, представляютъ очевидное перенесеніе художественныхъ сюжетовъ и формъ Востока, и никакія причины не требуютъ выдѣлять изъ этихъ фризъ одну фигуру и искать ей объясненія въ мифологій; работа эти вазы, мастеръ, очевидно, не думалъ о мифологическихъ опредѣленіяхъ, такъ какъ онъ былъ копировальщикомъ понятныхъ однако въ общемъ фантастическихъ образовъ. Если сами защитники чистоты и особенности греческаго искусства смотрятъ на эти фризы какъ на простую безсмысленную орнаментку, то имъ нѣтъ никакой нужды настаивать на опредѣленіи частныхъ. Но эта вазовая орнаментка наиболѣе положительнымъ образомъ доказываетъ также и то, что фантастическія формы сфинкса, Сирены и пр. явились въ Греціи не со времени сближенія ея съ Египтомъ при Псамметихъ, какъ утверждали много разъ ученые (23), но гораздо ранѣе и притомъ, по всей вѣроятности, шли съ азіатскаго Востока. Религіозное содержаніе мѣстныхъ культовъ Кипра, Крита и Малой Азіи выливалось въ эти формы, являлись новыя комбинаціи, долженствовавшія имѣть уже опредѣленный смыслъ. Безъ всякаго сомнѣнія, малое количество памятниковъ, которые доселѣ выданы этою богатою почвою, не дозволяетъ пока положительныхъ сужденій объ этихъ комбинаціяхъ: археологія ступила на эту почву, но еще не завоевала ее. Приведемъ въ доказательство одинъ фактъ: въ Луврскомъ Музеѣ, въ отдѣленіи древностей, добытыхъ извѣстною экспедиціею Ренана изъ Финикіи, находится (въ двухъ экземплярахъ) терракотовое изображеніе какъ бы какого то зданія въ видѣ грубаго полаго квадрата, въ два этажа съ портикомъ внизу, образованнымъ двумя кирпичными колоннами и тремя окнами; верхній этажъ глухой, украшенъ поясомъ ямокъ и карнизомъ; изъ оконъ и дверей выглядываютъ грубо сдѣланныя фигурки женщины съ птичьимъ тѣломъ, обнаженныя; прическа представ-

лечь два вѣшка волосъ, падающихъ на шею. Что это такое? Модель финикійскаго дома, подставка къ сосуду? Что значать эти фигуры? Изображеніе ли это гробницы и Гарпій, или нѣчто совершенно неизвѣстное? Эти вопросы пока не разрѣшены и потому перейдемъ къ нашему памятнику. Птицеобразныя существа, на немъ изображенныя, несутъ дѣтей, т. е. души умершихъ *ψιδωλα* или *ψύχα*, изображавшіяся въ видѣ маленькихъ фигурокъ то окрыленныхъ, то безкрылыхъ, то нагихъ, то одѣтыхъ (24); понятно, что смыслъ изображенія прежде всего заключается въ этомъ, а не въ чемъ либо другомъ: эти Гарпій, стало быть, изображаютъ демоновъ психопомповъ (25). Пластическое искусство Грековъ, какъ извѣстно, лишь въ эпоху окончательнаго своего упадка и подчиняясь требованіямъ римской религіи, стало особенно вырабатывать многочисленныя типы гениевъ, демоновъ; но древнегреческое искусство сходитъ отчасти въ этомъ случаѣ съ позднеримскимъ по обилію создаваемыхъ образовъ демоническихъ существъ, хотя существенная разница, конечно, лежитъ между этими образами и однообразными аллегорическими фигурами римскаго искусства. Но такъ какъ самыя произведенія древняго греческаго искусства только теперь появляются на свѣтъ, то мы не можемъ и представить многихъ примѣровъ изображенія демоновъ психопомповъ. Уже Рауль-Рошеттъ обратилъ вниманіе на одинъ замѣчательный терракотовый рельефъ изъ Крита, изображающій богиню смерти или демоническое существо въ родѣ Керы: окрыленная фигура быстро идетъ направо, неся въ обѣихъ рукахъ дѣтскую фигуру, которая дѣлаетъ тотъ же жестъ, какъ и дѣти въ рукахъ Гарпій на нашемъ памятникѣ, т. е. приближаетъ правую руку къ лицу богини. Стилль крайне грубый, композиція неуклюжая; одежда изображена лишь около тѣла, котораго она не покрываетъ; пропорціи удлинены до уродливости, ребенокъ — несоразмѣрно длинная кукла. И прежде уже указывали на близость этого рельефа къ изображенію Гарпій на извѣстномъ памятникѣ; надгробный же характеръ рельефа, и по формѣ и смыслу, очевидно, предназначеннаго къ облицовкѣ деревяннаго саркофага, подтверждается присутствіемъ другаго рельефа такой же величины и того же

характера стили: задрапированная женская фигура идет, подымая лѣвою рукою или отводя отъ лица гимнаціонъ и держа въ правой блюдо съ приношеніями; возлѣ фигуры кабанъ, наклонившійся рыломъ къ землѣ; фигура изображаетъ, слѣдовательно, Кору, подземную богиню (26). Самое вѣроятное по этому предположенію, что и наши Гарпіи представляютъ тоже самое существо только въ иной восточной формѣ сочетанія съ птичьимъ тѣломъ. Что подобный переходъ существовалъ, доказывается самымъ колебаніемъ формъ въ изображеніи тѣхъ Сиренъ или Гарпій, о которыхъ мы говорили: онѣ то представляютъ полное птичье тѣло, снабженное только человѣческою головою; то къ этому фантазму прибавлены еще человѣческія руки; то птичья форма ограничивается исключительно ногами; то, наконецъ, существа эти являются прямо въ человѣческомъ образѣ, но съ крыльями.

Но, къ счастью, мы можемъ указать одинъ новый и изданный памятникъ, который представитъ этотъ переходъ ясно и вмѣстѣ покажетъ намъ, въ какой стадіи образованія оказываются Гарпіи нашего памятника. Это терракотовая статуэтка Луврскаго собранія изъ Кипра, замѣчательная необыкновеннымъ сходствомъ съ изображеніемъ нашихъ скульптуръ по композиціи и по стилю; представляетъ женскую птицеобразную фигуру, тѣло которой отъ пояса образовывало также яйцеобразное туловище (теперь надломано); голова непропорціонально велика; широкое лицо, сохранившее архаическую улыбку нашихъ Гарпій, изображено красивымъ и пріятнымъ; волосы убраны столь же причудливо и представляются діагонально причесанными въ видѣ проволочной сѣтки; крылья охватываютъ ребенка, котораго уноситъ фигура; поза ребенка и жестъ довѣрія, съ которымъ онъ обращается къ этой Гарпіи, совершенно тѣже самыя. Такимъ образомъ, въ этой статуэткѣ мы приобретаемъ новый экземпляръ представленія такого же сюжета и неизвѣстный переводъ въ формации существа (Biardot, *Terres-cuites grecques funèbres*, стр. 347, указываетъ подобную же фигуру, существующую въ коллекціи издателя, но за отсутствіемъ рисунка нельзя ничего сказать объ этомъ изображеніи). Наши Гарпіи имѣютъ руки, тѣло до пояса человѣческое, отъ пояса яйцеобразное, изъ за котораго неловко выходитъ

вѣеръ хвоста; у данной фигуры нѣтъ рукъ, и мѣсто ихъ занимаютъ крылья, т. е. формы животныя. Гарпій памятника отличаются, слѣдовательно, болѣе человѣческимъ характеромъ; мнѣшескій образъ уступилъ въ нихъ мѣсто очеловѣчивающему направленію греческаго искусства, и мы врядъ ли ошибемся, приписавъ эту переиѣну самому художнику. Но кроиъ этой внѣшней человѣчности многими изслѣдователями въ изображеніи замѣчена, такъ сказать, внутренняя: фигуры ихъ, говоритъ Курціусъ, не имѣютъ ничего страшнаго, ужасающаго; наоборотъ, ихъ наружность и манера отношенія къ дѣтямъ выказываютъ тихую кротость, соединенную съ нѣкоторой важностью, къ которой идетъ и царская діадема; Гарпій съ материнскою нѣжностью уносятъ дѣтей, — это человѣчески чувствующія существа; онѣ замѣняютъ для дѣтей мать ихъ. Изъ предъидущаго изложенія намъ понятно вполне, почему ученый историкъ съ особенной внимательностью остановился на этомъ пунктѣ: необходимо было, въ виду предположенной оригинальности этихъ ливійскихъ геніевъ, какъ можно рѣзче отбѣнить тотъ контрастъ въ представленіи, какой оказывается между изображениями и описаніями поэтовъ. Но мы уже, надѣемся, достаточно показали, что между этими описаніями и изображениями Гарпій вообще никогда не существовало такой общности, чтобы въ данной противоположности описаній искать основы для характеристики. Во вторыхъ, какія же представленія, относящіяся къ смерти въ греческомъ искусствѣ, могъ бы указать Курціусъ съ характеромъ страха и ужаса, чтобы противоположность даннаго сюжета отмѣчать какъ явленіе особенное, тогда какъ извѣстно, что характеръ спокойствія, торжественности, смѣшанной съ выраженіемъ тихаго горя, отличаетъ всѣ надгробныя изображенія древнихъ Грековъ? Діадемы также тутъ ни при чемъ, такъ какъ онѣ представляютъ въ данную эпоху искусства обычное женское украшеніе, что доказывается фигурами смертныхъ на Западной сторонѣ и окончательно фигурой плачущей женщины. Материнская нѣжность агентовъ смерти не есть специальная черта памятника Гарпій, — она принадлежитъ къ основнымъ воззрѣніямъ древнихъ на загробную жизнь челоовѣка, продолжающуюся въ лоиъ матери земли.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если только мы отстранимъ въ данномъ случаѣ ту исключительность, съ которою эти черты приписаны памятнику, тогда какъ мы видимъ ихъ и въ указанной терракоттѣ, характеристика будетъ вполне справедлива, поскольку она относится вообще ко всякому непритязательному выраженію народной символики. Въ виду этого слишкомъ поспѣшно было со стороны Бахофена на такомъ шаткомъ основаніи строить гипотезы о какихъ то матеряхъ; такая же парадоксальность видна въ объясненіяхъ тѣхъ мнѣологовъ, которые хотя и заявили прямо, что они не намѣрены касаться смутныхъ изображеній памятника Гарпій, но подъ ихъ влияніемъ отыскивали въ нѣогахъ о Гарпіяхъ благодѣтельнаго значенія ихъ для людей; за отсутствіемъ же указаній, представляли какъ доказательство свои апіористическія соображенія, что если Гарпіи и являются въ мнѣіи похитительницами, то «вѣдь онѣ похищаютъ въ одномъ мѣстѣ только съ тѣмъ, чтобы нести въ другое людямъ» (27); или материнскій характеръ богинь сближалъ съ Куретами, Трипоторами, матерями-кормилицами и пр. Къ этой же характеристикѣ относится и заключеніе, сдѣланное Курціусомъ о символическомъ значеніи, которое должно представлять само яйцеобразное тѣло Гарпій (28). Мы говорили уже о поленикѣ, вызванной этимъ замѣчаніемъ, о значеніи дальнѣйшихъ заключеній, на немъ построенныхъ, и потому ограничимся теперь указаніемъ, что ошибочность мнѣній Курціуса, очевидно, произошла отъ недовкости художника, который, не имѣя достаточно пространства для изображенія птичьяго тѣла, слишкомъ укоротилъ его, и что продолговатое яйцеобразное туловище описанной терракотты настолько поправляетъ эту форму, что нѣтъ никакой нужды искать ея смысла въ мистическомъ значеніи лица, какъ принципа жизни, хранящагося въ материнскомъ лонѣ, и въ сочетаніи съ крыльями прообразующаго происхожденіе крылатыхъ существъ изъ природы (29), или допускать странное объясненіе, что эта яйцеобразная форма представляетъ оципаныхъ и въ такомъ видѣ низведенныхъ въ Андъ Сирень.

Въ заключеніе, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ замѣчаній, мы получаемъ, конечно, лишь отрицательные результаты. Мы лишь

убѣждаемся въ томъ, что данныя фигуры, дѣйствительно, представляютъ демоновъ — психопомповъ. Но дадимъ ли имъ имя Гарпій, назовемъ ли ихъ Керами или подобными имъ существами, — это названіе всегда будетъ содержать въ себѣ тѣ чуждыя черты, приданныя поэзіей, которыя такъ діаметрально противоположны съ задушевною трогательностью даннаго сюжета; при всѣхъ названіяхъ понятіе миеологическаго существа не будетъ покрывать глубокаго содержанія изображеній. Самая наивность представленія, сопоставляющая смертнаго и божество въ непосредственномъ общеніи и выразившаяся въ данномъ случаѣ въ присутствіи женской фигуры въ сценѣ похищенія душъ (что можно только уподобить миеологическимъ сценамъ въ родѣ похищенія Ганимеда и пр.), слѣдовательно, придавая полную реальность воспроизводимому событію, упорно отстраняетъ всѣ попытки обставить вопросъ данными миеологіи. Всего ближе и естественнѣе, конечно, считать эти фигуры изображеніемъ Керъ, какъ уже и было разъ предложено. Эти фигуры, скажемъ мы вслѣдъ за Курціусомъ, болѣе всѣхъ другихъ изображеній памятника отличаются внутреннею оригинальностью, но совершенно ошибочно было бы ограничивать эту оригинальность надгробными памятниками Ликии или какой либо мѣстности Греціи. Понятно, что до тѣхъ поръ, пока всѣ археологическіе выводы будутъ исключительно основываться на данныхъ, почерпнутыхъ у классическихъ писателей, пока методъ изслѣдованія памятниковъ будетъ чисто филологическій съ примѣсью эстетической оцѣнки, ранняя эпоха греческаго искусства будетъ всегда представлять много положительныхъ затрудненій: ея общій характеръ, не подчиняясь сухимъ опредѣленіямъ филологической классификаціи, будетъ болѣе и болѣе раздробляемъ; одни черты будутъ относимы къ оригинальности культовъ Родоса и Кипра, другіе къ самобытной миеологіи Ликии, и въ этомъ дробленіи потеряютъ свою силу, заключающуюся въ общности религіозныхъ и художественныхъ воззрѣній различныхъ мѣстностей древней Греціи.

Подобная постановка новыхъ данныхъ, обильно притекающихъ въ послѣднее время, конечно, должна въ скоромъ времени уступить мѣсто разсмотрѣнію научному, которое прежде все-

го устранить это произвольное дробленіе и измѣнить стѣпательныя рамки. Въ этомъ смыслѣ предъявляютъ свои требованія уже многіе памятники классической древности, а между ними и памятникъ Гарпій, значеніе котораго, поэтому, съ теченіемъ времени будетъ болѣе и болѣе возвышаться. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ памятниковъ греческой пластики на чуждой, варварской почвѣ, въ которомъ наука должна была отиѣтити фактъ особенной исторической важности, ибо именно въ немъ она впервые должна была реально сознать значеніе варварскихъ истинностей и племенъ греческаго міра въ исторіи греческаго искусства и оживить этотъ мертвый и, повидимому, лишний балластъ. Такимъ образомъ, памятникъ Гарпій открываетъ собой интересную историческую задачу, состоящую въ томъ, чтобы прослѣдить художественное движеніе въ греческой древности не въ замкнутыхъ рамкахъ искусства іоническаго и дорическаго племена, но въ широкой характеристикѣ памятниковъ Малой Азіи и острововъ Средиземнаго и Эгейскаго морей. Разумѣется, для насъ пока это задача будущаго и по бѣдности самихъ памятниковъ, и по недостатку критическаго изслѣдованія въ области готоваго матеріала, но, тѣмъ не менѣе, памятникъ этотъ уже не долженъ оставаться одиночнымъ явленіемъ и стоять особнякомъ и въ разрывѣ съ родственными произведеніями пластики Кипра, Крита, гробницами Малой Азіи вообще и самой Ликии въ частности, понапрасну нарушая плавное изложеніе исторіи греческаго искусства. Только путемъ образованія особаго отдѣла, въ который войдутъ произведенія поименованныхъ истинностей, относящихся къ архаической эпохѣ искусства, возможно будетъ представленіе цѣльное и ясное; только въ результатѣ критическаго изслѣдованія памятниковъ этого отдѣла рѣшится вопросъ и о вліяніи Востока на греческое искусство. Скульптуры памятника Гарпій, вазы Родоса, надгробныя памятники важныхъ странъ Малой Азіи, барельефы ея внутреннихъ истинностей, произведенія Тарсоса, монеты всѣхъ этихъ варварскихъ странъ, колонизованныхъ Греками и т. д., — вотъ та среда, въ которой сформировалось восточное вліяніе для передачи его собственно греческому искусству. Въ этомъ смутномъ вопросѣ о влі-

яніи Востока самый рациональный способ его современной постановки требует пока ограничить сферу влияния непосредственнымъ торговымъ обменомъ художественной промышленности, имѣвшимъ мѣсто въ древнюю эпоху Греціи и опредѣлившимъ самый характеръ ея художественнаго производства. Но и здѣсь дѣло не ограничивается одного передачею внѣшнихъ формъ производства, а тѣмъ болѣе въ ряду указанныхъ памятниковъ, въ которыхъ самое содержаніе, манера представленія и художественнаго мышленія, однимъ словомъ, именно внутреннія черты выдаютъ родство или, по крайней мѣрѣ, близость съ Востокомъ. Уже настало время наукъ исторіи искусства рѣшить окончательно вопросъ, сосредоточивается ли это влияние только въ одной сферѣ орнамента и декораціи предметовъ быта, или оно замѣчается даже въ образованіи существенныхъ формъ символическаго и художественнаго представленія. На сколько важна эта будущая задача, можно указать и въ томъ, что самый вопросъ внутренняго соприкосновенія памятниковъ древнегреческаго искусства и произведеній искусства этрускаго, теперь почти покинутого исследователями и вообще загадочнаго, можетъ быть рѣшенъ лишь послѣ исполненія указанной задачи.

Мы, съ своей стороны, задавшись цѣлью подробнаго анализа изображеній памятника Гарцій, со стороны ихъ внутренняго смысла и значенія, полагали необходимымъ освободить прежде всего памятникъ отъ той одиночности, въ которую онъ былъ поставленъ учеными, а слѣдовательно, и устранить распространенныя въ наукѣ мнѣнія о его темнотѣ и загадочности, которыя много повредили судьбѣ его въ литературѣ. Различными сопоставленіями мы старались ввести содержаніе его рельефовъ въ общій ходъ греческаго религіознаго искусства, связать тѣсно съ художественнымъ движеніемъ различныхъ мѣстностей древняго греческаго міра и доказать, что тамъ, гдѣ филологическая школа видѣла изолированность, существовало только обособленіе, совершавшееся подъ условіемъ общаго единенія духовной жизни. Концентрируя около рельефовъ памятника различныя данныя художественной миѳологіи и символики, мы желали представить, съ одной стороны, всю характерность содержанія первыхъ, съ другой—опредѣ-

лить и тотъ фазисъ развитія, въ которомъ находится памятникъ и который, съ нашей точки зрѣнія, долженъ представляться не отдаленнымъ, постороннимъ пятномъ на свѣтломъ горизонтѣ греческаго искусства, но важнымъ и существеннымъ звеномъ его въ послѣдовательномъ движеніи къ возвышеннымъ идеаламъ. Устраняя всѣ предположенія о тайномъ мистическомъ значеніи представленій памятника, мы хотѣли болѣе всего выставить на видъ тѣ черты характера ихъ, въ которыхъ символика надгробныхъ сюжетовъ, чуждая всякихъ стѣсненій и предписаній и черпающая содержаніе свое въ глубокой традиціи вѣрваній народныхъ, выражается съ полною свободою и истинною жизненностью, которая какъ не имѣетъ ничего общаго съ схематическимъ ритуаломъ, предписываемымъ жречествомъ, такъ и по своей простотѣ и безхитростности далека отъ всякихъ философско-мистическихъ умозрѣній временъ Платона и Элевзинскихъ таинствъ.

Этотъ характеръ стремленія къ свободѣ и жизненности, но уже на почвѣ художественнаго выраженія, можемъ мы прослѣдить и въ стилѣ памятника Гарпій.

VI

Мы уже говорили, что вопросъ о стилѣ памятника Гарпій былъ въ главныхъ своихъ чертахъ разработанъ Брунномъ, но такъ какъ значительная доля изслѣдованія этого послѣдняго представляетъ собственно опроверженіе мнѣній предшествовавшихъ, то необходимо изложить, хотя вкратцѣ, и всю литературу этого вопроса. Оставимъ, однако, въ сторонѣ всѣ тѣ замѣчанія и догадки о стилѣ памятника, которыя, принадлежа къ первымъ временамъ его извѣстности, до появленія самыхъ рельефовъ въ Британскомъ Музеѣ, не могутъ имѣть никакого значенія: въ это время одни изъ ученыхъ, пораженные искусствомъ композиціи и нѣкоторыхъ деталей, относили памятникъ къ эпохѣ непосредственно близкой къ процвѣтанію; другіе, какъ напр. извѣстный Леардъ, ставили его въ ряду произведеній восточнаго

искусства, третьи предполагали персидское происхождение памятника и пр. Но и впечатлѣніе, произведенное этими скульптурами при ихъ появленіи въ Европѣ, было не чуждо увлеченія; такъ, комитетъ Лондонскаго Археологическаго Общества, рассмотрѣвъ скульптуры, пришелъ къ мнѣнію, что, несмотря на нѣкоторую грубость стили, самыя формы деталей и орнаментовъ указываютъ на эпоху трехъ великихъ храмовъ Аѳинскаго акрополя, — и, должно сказать, какъ ни мало доводовъ было представлено въ пользу этого мнѣнія, его держались многіе. Напротивъ того, самъ Феллоусъ, ознакомившійся ближе съ памятникомъ, замѣтилъ его крайнее сходство съ однимъ скульптурнымъ фрагментомъ изъ Аѳинъ, изображающимъ Артемиду или безкрылую Побѣду, всходящую на колесницу (Феллоусъ приписываетъ его VII вѣку), и, прилагая въ своемъ сочиненіи рисунокъ этого барельефа для сличенія, относилъ нашъ памятникъ къ болѣе древней эпохѣ. Первый затѣмъ изъ ученыхъ, представившій собственно художественный анализъ скульптуръ памятника, былъ какъ извѣстно, Браунъ, и онъ же далъ болѣе полную оцѣнку ихъ характера. Памятникъ представлялъ, по словамъ Брауна, архаическій стиль во всей его чистотѣ и совершенствѣ работы; съ одной стороны, стиль этотъ предстаётъ намъ со всею увлекательною наивно-стью и бессознательностью, съ другой, его тонкость, ясность, духовность изображеній выказываютъ художественное чувство во всей его силѣ и пріобрѣтенный уже навыкъ; въ этихъ скульптурахъ, говорятъ далѣе послѣдователи мнѣнія Брауна (Вельверъ), старинная строгость сочетается съ прелестью, удивительною простотою и истиною. Если, по этому мнѣнію, и можно допустить сравненіе съ аттическими рельефами архаической эпохи, то наиболѣе совершенными, какъ напр. съ изображеніемъ такъ называемой Левкотеи (1) изъ виллы Альбани, — рельефомъ, который, хотя и представляетъ много внѣшняго сходства съ памятникомъ Гарцій, но относится будто бы къ нему, какъ дюжинная копія къ оригиналу. Мнѣніе это было развито далѣе Овербекомъ (2): онъ видѣлъ въ памятникѣ образецъ высокаго совершенства греческаго архаическаго искусства, а въ нѣкоторыхъ фигурахъ близость къ скульптурамъ Парѳенона. Но въ иныхъ

заключеніямъ пришелъ извѣстный знатокъ классическаго искусства Генрихъ Бруннъ, представившій особое изслѣдованіе о стилѣ памятника Гарпій (3); тогда какъ всѣ прежніе изслѣдователи, рѣшая вопросъ о времени происхожденія памятника, полагались главнымъ образомъ на доказательства второстепенныя и побочныя, онъ искалъ свидѣтельства въ самомъ характерѣ произведенія и представилъ характеристику его стиля, которую мы изложимъ подробно. Авторъ останавливается прежде всего на разсмотрѣніи стиля съ той стороны его характера, которая проявляется въ драпировкѣ, въ одеждѣ, а извѣстно, что въ архаическихъ произведеніяхъ древняго искусства эта сторона послѣ композиціи едва ли не главнѣйшая, по причинамъ весьма понятнымъ. Одежда на памятникѣ Гарпій представляется въ двухъ видахъ: одежды нижней и верхней, и эти виды рѣзко различаются какъ по формѣ, такъ и по художественнымъ, такъ сказать, качествамъ ихъ изображенія. Нижняя одежда представляетъ рукавный хитонъ, т. е. рубашку съ рукавами, вязаную или тканую; рукава къ концу уже, къ среднимъ шире; въ одномъ случаѣ (у Деметры) вдоль рукавовъ идетъ кантъ. Въ изображеніи этой одежды на памятникѣ, по мнѣнію Брунна, исключительно преобладаетъ или даже является единственнымъ элементомъ — выраженіе характера матеріи; складки, напротивъ того, вовсе не мотивируются положеніемъ тѣла; общее представленіе формъ, въ которыхъ онѣ располагаются, явилось въ видѣ условной формы, схемы, которая чужда всякихъ оттѣнковъ, слѣдовательно, лишена жизни, пониманія и выраженія; впечатлѣніе сосредоточивается исключительно на тяжеломъ матеріалѣ одежды. Тотъ же самый недостатокъ Бруннъ находитъ и въ способѣ изображенія верхней одежды; хотя система самого наложенія складокъ ея въ памятникѣ обща со всеми архаическими произведеніями, но эти складки лишены всякой модуляціи, тщательности и изящества, ясности и рѣзкости; выраженіе одежды у фигуръ стоящихъ и сидящихъ совершенно однообразно; фигуры обременены одеждой, рисунокъ выказываетъ шаткость (Laxheit) и распущенность. Что касается самыхъ фигуръ, то въ нихъ видно правильное знаніе тѣлесныхъ формъ, но нѣтъ чувства

подробностей, нѣтъ легио выступающихъ мускуловъ; не расчлененная шея выказываетъ схематизмъ; фигуры одолеваетъ полнота, тяжеловатость, тѣло характеризуется какою то дѣтскою пухлостью. Если, далѣе, въ настоящее время головы и обвѣдены по большей части поврежденіемъ памятника, то, по мнѣнію Брунна, и при большей сохранности ихъ нечего было бы искать въ нихъ отѣнковъ выраженія, — для этого ступень, на которой стоитъ въ памятникѣ искусство, слишкомъ низка. Бруннъ поэтому пересчитываетъ все тѣ архаическія произведенія, съ которыми обыкновенно сравнивали памятникъ по стилю, и вездѣ находитъ, что памятникъ Гарпій стоитъ по стилю гораздо ниже этихъ произведеній: въ рельефѣ Левкотеи видна уже пробивающаяся сквозь архаическую оболочку жизнь, бережливость и умѣренность въ исполненіи; послѣ явной безпомощности, выразившейся въ памятникѣ Г. особенно въ фигурахъ дѣтей, мы встрѣчаемъ здѣсь легкость и мягкость формъ. Такъ и въ фигурахъ Артемиды, всходящей на колесницу, уже видно стремленіе проникнуть въ пониманіе формъ и развитіе частности. Изображеніе Аристіона на извѣстной аттической столѣ, по мнѣнію Брунна, вовсе не идетъ, какъ говорятъ другіе, въ уровень по стилю съ воиномъ на сѣверной сторонѣ памятника, такъ какъ въ этихъ двухъ изображеніяхъ даже основы художественнаго воззрѣнія совершенно различны. Бруннъ, наконецъ, приложилъ къ своему изслѣдованію рисунокъ одного эгинскаго фрагмента, изображающаго часть женской движущейся фигуры, чтобы показать, какая и въ архаическомъ произведеніи можетъ быть дана сила въ выраженіи драпировки, полагающая по словамъ ученаго, цѣлую бездну между этимъ произведеніемъ и ликійскимъ памятникомъ. Отрицая, такимъ образомъ, всякое сближеніе памятника съ произведеніями аттической школы, Бруннъ характеризуетъ его тою шаткостью архаическаго стиля, которая выражается въ вялыхъ, одутловатыхъ формахъ тѣла и относится къ эпохѣ дѣтства искусства, предшествующей совершенному архаизму. Затѣмъ, въ виду происхожденія памятника изъ Ликии, Бруннъ полагаетъ болѣе естественнымъ сближеніе памятника съ извѣстными Милетскими статуями, изъ святилища Вранхидовъ, такъ какъ подобное

сопоставленіе основывается не только на близости по мѣсту происхожденія, но и на извѣстномъ тождествѣ кореннаго художественнаго воззрѣнія. Неумѣстность подобнаго сближенія однако была въ гнѣз и не требовала даже опроверженія (4), и между тѣмъ это сближеніе, очевидно, вытекало изъ указанной характеристики памятника. Спрашивается теперь, кромѣ неловкости въ самомъ выборѣ аналогій, не было ли и въ этой характеристикѣ тѣхъ элементовъ, которые, завися отъ предвзятой цѣли различить аттическіе памятники отъ ликійскаго, представляли слишкомъ строгую или даже несправедливую оцѣнку памятника? А потому обратимся къ самому памятнику и попробуемъ въ анализѣ различныхъ мелкихъ данныхъ, которыя представляютъ различныя фигуры прослѣдить существенныя положенія Брунна, предварительно замѣтивъ, что вопросъ о стилѣ не можетъ быть въ данномъ случаѣ разрѣшенъ указаніемъ аналогій, такъ какъ изъ ближе всего было бы искать между другими скульптурами Ликии, а между тѣмъ самое изслѣдованіе г. Прахова не могло указать ничего подобнаго.

Начнемъ, по прежнему, съ западной стороны. Фигура Дементры прежде всего обращаетъ на себя вниманіе своимъ костюмомъ: длинный хитонъ ея падаетъ подъ кресломъ, образуя шлейфъ, а рукава этой одежды украшены какими то кантовъ, гиматіонъ, проходя по спинѣ вкось къ правому боку, съ одной стороны заброшенъ концами на колѣна, съ другой виситъ черезъ лѣвое плечо и лѣвую руку. Если мы всмотримся теперь въ манеру выраженія всѣхъ частей одежды, то легко замѣтимъ что, при искусствѣ въ ихъ компоновкѣ, художнику, очевидно, не доставало средствъ для изображенія. Такъ, шлейфъ одежды протянутъ подъ кресломъ, безъ малѣйшихъ нюансовъ, — онъ просто собранъ напередѣ и насильно стянута въ сторону, только въ концѣ образуя волнующійся влоекъ; отъ канта внизу рукавъ обозначенъ, какъ замѣчаетъ Бруннъ, рядами параллельныхъ линій; гиматіонъ на правомъ боку представляетъ расчлененіе такими же складками, только болѣе широкими, а на колѣнахъ онъ лишь легко обозначенъ; особенно грубо и плоско намѣчены продольныя складки на сильно выдающихся грудяхъ.

Но художникъ задалъ себѣ самъ слишкомъ сложную задачу, и если Бруннъ хвалитъ эгинскій фрагментъ за силу выраженного въ одеждѣ движенія, то мы въ свою очередь укажемъ то разнообразіе драпировки, которое представляетъ наша фигура. Нельзя отрицать чувства натуральности въ отвисломъ рукавѣ Деметры, въ такой же волнообразной линіи гиматіона у сидѣнья, концѣ гиматіона на рукавѣ и движеніи рукава подѣ мышкою. Но все это гораздо лучше задумано, нежели выполнено. Далѣе, тѣло фигуры дано не только въ извѣстномъ возвышеніи внутри контура, но проявляетъ въ извѣстной степени и мускулатуру. Правое плечо слишкомъ даже выступаетъ впередъ и кажется несоразмѣрнымъ для фигуры; слишкомъ полная шея показываетъ также расчлененную поверхность. Стремленіе къ натуральности и вмѣстѣ изяществу видно и въ расположеніи подушки на тронѣ, въ формахъ и орнаментахъ самаго трона, фигурчатость котораго ясно напоминаетъ рѣзную работу, и въ контурахъ самаго лица, которое, какъ и тѣло, не представляетъ никакой опухлости. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ видно, что главное затрудненіе для художника состояло въ томъ, что фигуру должно было изобразить сидящей, и здѣсь, конечно, всего болѣе недостатковъ: несоразмѣрно увеличена верхняя часть тѣла, руки вышли слишкомъ длинны, и уменьшены, наоборотъ, ноги, не изображенныя, но только слегка обозначенныя. Въ другой, сидящей на западной сторонѣ фигурѣ Коры тѣже достоинства и тѣже недостатки; маленькая головка ея отличается красотой лица, котораго черты оживлены пріятною улыбкою, отражающейся во всѣхъ мускулахъ. Хитонъ, изображенный въ такой же массѣ мелкихъ складсѣхъ, бѣгущихъ параллельно и не поддающихся движеніямъ тѣла (что, замѣтимъ кстати, общій недостатокъ въ изображеніи этой одежды въ архаическихъ произведеніяхъ), уже болѣе чѣмъ у Деметры, закрытъ гиматіономъ, который однимъ краемъ спускается съ лѣвой руки, а концомъ падаетъ съ колѣна къ ногамъ, — мотивы очень характерныя, но опять выполненные поверхностно и условно.

Гораздо легче была для художника задача изображенія трехъ предстоящихъ женскихъ фигуръ. Навыкъ виденъ въ дан-

номъ случаѣ уже въ томъ, что художникъ не нашелъ нужнымъ искать новыхъ комбинацій въ драпировкѣ, довольствуясь тѣмъ, что было уже изучено. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы изъяснить и опредѣлить разницу въ представленіи этихъ трехъ фигуръ: опредѣленная, любимая поза повторяется у всѣхъ, и даже и движеніи рукъ, которыя у третьей фигуры разнообразны и разнообразно, такъ, что первая фигура подымаетъ платье правой рукою, а третья лѣвой, замѣчается полнѣйшая симметрия. Но жъ однообразіе происходитъ вовсе не отъ безпомощности художника, оно въ его правилахъ, въ законахъ искусства, которое, достигнувъ извѣстныхъ формъ красоты, довольствуется ими и не ищетъ новыхъ. Драпировка особенно развита у передней фигуры: правой рукою она приподымаетъ свой хитонъ, такой же длины какъ у богини и опутавшей ей ноги, а лѣвой отводитъ платіонъ; повинувшись этому движенію, хитонъ утратилъ вертикальныя складки и образовалъ по краю задней части фигуры сверху и снизу рядъ параллельныхъ горизонтальныхъ складокъ, прерываемыхъ широкими складками падающаго гиматіона. Но, какъ и у другой фигуры, такъ и обѣ другія въ результатъ всѣхъ усилій художника оказываются слишкомъ тяжеловатыми; драпировка и въ особенности чужда легкости, она слишкомъ монументальна. Не сколько, далѣе, возможно подѣ условіемъ плоскаго рельефа, и самое тѣло выдаетъ не одни только общія формы: поверхность фигуры въ рельефѣ постоянно измѣняется, мускулы ладоней и ногъ указаны вѣрно, хотя, можетъ быть, и слишкомъ рельефно. Черта натурализма видна въ отвисломъ рукавѣ задней фигуры согласно съ крутымъ поднятіемъ руки.

Фигура божества на южной сторонѣ особенно послужила Брунну для опредѣленія стиля: необыкновенная толщина тѣла замѣтная преимущественно въ плечѣ, рукахъ и верхней части туловища, отсутствіе шеи, широкое лицо, — все это представляло для ученаго главную основу для отнесенія памятника къ ряду тѣхъ архаическихъ произведеній, въ которыхъ утрированно указывается на младенческое безсиліе художества. Но и въ то время говорили, что эта чрезмѣрная толщина въ данномъ случаѣ естественна и зависитъ отъ какихъ то соображеній художника.

внутреннихъ причинъ, и что доказательствомъ этого служитъ стройность фигуры божества на сѣверной сторонѣ (5). Должно замѣтить также вполне натуральное изображеніе ладони лѣвой руки. Драпировка фигуры исполнена грубо: тѣло обернуто гиматіономъ подъ правой мышкой, и движеніе этой одежды передано такъ условно, что она представляется скорѣе подушкой, въ которую опустилась фигура. По рукаву идетъ такой же кантъ, какъ у Деметры. Фигура съ голубемъ представляетъ стройнаго юношу, драпировка котораго проста и естественна: хитонъ въ мелкихъ складкахъ виденъ лишь на груди и нижней части ногъ; остальное покрываетъ гиматіонъ, падающій сзади. Но грубо и ошибочно изображеніе одежды на лѣвой рукѣ, которая не вдѣта въ рукавъ, какъ правая, а покрыта, повидимому, тѣмъ же гиматіономъ, переходящимъ черезъ нее на тѣло, — очевидно, такая же неудачная попытка разнообразить драпировку.

На В. сторонѣ двѣ крайнія фигуры слѣва болѣе всѣхъ другихъ представляютъ подтвержденіе указаннаго г. Праховымъ въ фигурахъ стариковъ реального принципа ликійскаго искусства, различнаго возраста полнотою формъ. А именно: первая съ краю фигура отличается большею полнотою, она можетъ даже пазваться толстой (замѣтенъ выдающійся животъ), сравнительно со второй, и эта же фигура, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается съ легкой бородою. Гиматіонъ, окутывающій фигуру, приподнять лѣвой рукой, и, повинуваясь этому движенію, собрался въ рѣзкихъ складкахъ, наложенныхъ въ косвенномъ направленіи къ рукѣ. Вторая фигура худѣ, стройнѣе и поэтому изящнѣе; гиматіонъ наброшенъ на лѣвую руку. И та и другая фигура по исполненію контуровъ тѣла оставляютъ желать очень немногаго для архаическаго произведенія, но онѣ, къ сожалѣнію, оказываются слишкомъ вывѣтреными. Сидящая фигура божества представляетъ толстаго и плотнаго старика съ большою бородою; въ типѣ замѣчается особенность, состоящая въ сутуловатости и остромъ носѣ, нѣсколько нарушающемъ греческій типъ. Одежда скомпонована совершенно также, какъ и у бога Ю. стороны; натурализмъ сказывается въ высоко поднятомъ на келѣнахъ гиматіонѣ, такъ какъ ноги фигуры стоятъ на подножіи.

По причинѣ сильной вывѣтренности трудно судить о выраженіи тѣла, которое въ иныхъ частяхъ, напр. въ правой рубѣ упрорвано. Фигура съ собакой, въ противность тѣмъ изъ учениковъ, которые видѣли въ ней стиль Паренона, не представляетъ ничего особенно характеристическаго; но художникъ ограничился въ данномъ случаѣ болѣе простой компоновкой, и исполненіе вышло поэтому удачнѣе. Гиматіонъ покрываетъ фигуру въ видѣ длиннаго передника, а сзади падаетъ зигзагами, на подобіе известной формы этой одежды въ архаическихъ произведеніяхъ.

Плита С. стороны сохранилась лучше другихъ, что и позволяетъ болѣе судить объ исполненіи. Фигура воина въ панцирѣ изъ подъ котораго ниспадаетъ зигзагами рубашка, потребовала отъ художника изображенія нагаго тѣла, и, всматриваясь въ это изображеніе, мы убѣждаемся, что оно очень не далеко по характеру стиля отъ статуи Аристіона, съ которой его обыкновенно сравниваютъ. Сквозь тонкія складки рукава видна локтевая кость; изображеніе колѣна, мускуловъ икръ, перехода отъ икръ къ колѣну и другихъ частей ногъ вѣрно природѣ и отличается умѣренностью, хотя ноги, сравнительно съ фигурами, отличается нѣкоторою грузностью. Художникъ, правда, итакъ выказываетъ чувства мускуловъ, чѣмъ напр. исполнитель сфинктерскихъ метоповъ, но зато онъ не впадаетъ въ грубую упрорку, какая видна въ фигурѣ Персея на этихъ метонахъ. Формы искусства, стало быть, уже очищены, и основнымъ мотивомъ служатъ мѣра и красота. Общее впечатлѣніе фигуры божества было уже нами неоднократно указано; что касается драпировки фигуры, то помимо общей компоновки, гиматіонъ изображенъ гораздо яснѣе, и складки конца его, наброшеннаго на лѣвое плечо (въ данномъ случаѣ по положенію фигуры открытое), весьма естественны.

Въ изображеніи Гарпій на С. и Ю. сторонѣ замѣчается рѣзкая разница, а именно эти фигуры на Ю. сторонѣ исполнены гораздо лучше; онѣ мельче по пропорціямъ и нѣжнѣе въ формѣ птичьихъ ногъ сдѣланы со всевозможною натуральностью; изъ этихъ Гарпій гораздо пріятнѣе и отличается, сравнительно съ другими, юностью, такъ что напоминаетъ типъ Коры, т.е.

какъ лицо другихъ совершенное подобіе лица Деметры; самая улыбка у первыхъ задумчиво нѣжна, какъ у сфинксовъ съ ликійскихъ гробницъ, срисованныхъ г. Праховымъ. Разница видна и въ расположеніи: ради помѣщенія фигуры плачущей женщины, художникъ долженъ былъ поднять на С. сторонѣ фигуры Гарпій такъ, что головы ихъ приходится въ углу плиты, а самыя фигуры приняли положеніе близкое къ вертикальному. Фигуры дѣтей на Ю. сторонѣ, хотя и представляютъ тѣже неуклюжія куклообразныя формы, но отличаются своею драпировкою; здѣсь одежда какъ бы прилипаетъ къ тѣлу, позволяя художнику обозначить формы, тогда какъ на С. сторонѣ она покрываетъ ихъ; выполненіе, впрочемъ, въ обоихъ случаяхъ крайне поверхностное.

Что касается изображенія животныхъ, то многіе изъ исследователей, какъ напр. Фридрихъ, указывали уже на живость его, поясняющую намъ законы движенія искусства въ гѣратическую эпоху. Замѣтимъ, однако, что живость эта относится опять скорѣе къ композиціи, нежели къ выполненію; таково напр. изображеніе собаки и коровы съ теляткомъ, особенно первой, у которой поворотъ головы въ деталяхъ совершенно неестественъ, остальное тѣло представлено натурально, съ видимымъ желаніемъ отдѣлать детали.

Какіе же общіе результаты можемъ мы извлечь изъ перечисленія этихъ мелкихъ деталей въ стилѣ памятника? Во первыхъ, замѣтимъ, что методъ изслѣдованія, принятый Брунномъ, единственно вѣрный: устраняя сначала всѣ попытки характеризовать памятникъ помощью сравненія, онъ анализируетъ свойства его стиля въ отдѣльности и послѣ уже указываетъ, чѣмъ страдаетъ этотъ стиль, и въ чемъ превосходство другихъ архаическихъ произведеній, съ нимъ сравниваемыхъ. Но въ этомъ анализѣ, подчиняясь побочнымъ впечатлѣніямъ, Бруннъ смѣшиваетъ съ особенностями стиля самаго памятника и такія, которыя составляютъ характеристическую черту архаизма вообще. Такъ онъ указываетъ, что въ памятникѣ Г. формы тѣла подавлены, обременены одеждой и не могутъ поэтому проявляться съ достаточной ясностью. Но развѣ это не отличительная черта

того же рельефа Левкотея, который, может быть, отличается нѣкоторою живостью изображенія, но созданъ, очевидно, подъ условіемъ подобнаго же признака?

Въ наложеніи складокъ въ фигурахъ памятника и вообще во всемъ расположеніи драпировки есть положительное разнообразіе, и слова объ отвлеченномъ схематизмѣ представляютъ разговоръ несправедливый, въ виду постоянныхъ попытокъ художника создать новую комбинацію, устроить новую композицію фигуры и ея одежды. Иное дѣло самое выполненіе этихъ намѣреній, которыя зачастую не удаются художнику, рождаютъ формы грубыя и неестественныя (°).

Наиболѣе слабая сторона стиля представляется въ изображеніи тѣла; формы мускуловъ на плечахъ, ноги, руки являютъ здѣсь съ характеромъ вялости, распущенности, неумѣлаго преувеличенія, какъ будто художникъ не считаетъ нужнымъ удерживать привычныя формы и вмѣстѣ не рѣшается внести что либо новое, — вездѣ отсутствіе истинной жизни.

Опухлость формъ, замѣчаемая во многихъ фигурахъ и придающая скульптурамъ такой же характеръ извѣженности, дѣйствительно, отличаетъ собою скульптуры памятника, и помимо намѣреннаго реальнаго принципа, стремящагося колнотою формъ различать возрасты, составляетъ извѣстную особенность стиля.

Путемъ этихъ мелкихъ указаній мы убѣждаемся въ необходимости ограничить ту сторону характеристики Брунна, по которой онъ основавшись на мысли о безпомощности стиля, пришелъ къ такимъ неудачнымъ сравненіямъ, каково сопоставленіе съ милетскими статуями. Тамъ, дѣйствительно, закоренѣлый отвлеченный схематизмъ, здѣсь опять, не чуждый слабостей, но имѣющій передъ собою блестящее будущее.

Наконецъ, припоминая прежде, что приходилось намъ замѣчать объ искусствѣ композиціи въ памятникѣ Г., не можемъ ли мы заключить также, что нѣкоторые недостатки исполненія зависѣли отъ самаго способа помѣщенія скульптуръ на значительной высотѣ? Извѣстенъ фактъ, что художники греческіе въ совершенствѣ знали законы оптики и соблюдали ихъ въ приложеніи къ художественному развитію и пропорціямъ скульп-

туръ. Не объясняется ли этия замѣчаемая отчасти въ памятникѣ непропорціональность частей тѣла, напр. иногда общее усиленіе верхней части, сравнительно съ нижней, утрировка въ изображеніи выступающихъ плечъ и пр.? Тщательность въ отдѣлкѣ всѣхъ мелочныхъ орнаментовъ не можетъ въ данномъ случаѣ служить опроверженіемъ, такъ какъ они, при раскраскѣ, легко могли быть видны снизу, тогда какъ въ дѣлѣ драпировки художникъ, лишенный возможности работать по моделямъ и принужденный дѣлать много фигуръ заразъ, легко могъ ограничиться общою компоновкою формъ, не заботясь о недостаткахъ въ деталяхъ. Обратимъ вниманіе, въ заключеніе, на то, откуда явилась въ памятникѣ указанная черта распушенности и вялости въ изображеніи тѣла, не лишенная нѣкоторой граціи. Г. Праховъ, принимая характеристику Брунна, относящую памятникъ къ разряду произведеній шаткаго архаизма, не находитъ въ ряду ликійскихъ памятниковъ, имъ изданныхъ, ни одного, который повторялъ бы хотя въ слабой степени эту черту, — повсюду, дѣйствительно, чувствуется біеніе жизни, стремленіе къ совершенству зрѣлаго архаизма. Отсюда этотъ изслѣдователь ликійскихъ скульптуръ принужденъ былъ отнести памятникъ нашему мѣсто непосредственно послѣ изданнаго имъ примитивнаго памятника. Но между имъ и памятникомъ Гарпій, по предположенію самого г. Прахова, пространство времени въ 60 лѣтъ (40 и 65 Ол.), слѣдовательно, существенный интересъ дѣла заключался бы въ томъ, чтобы разъяснить отношенія памятника по стилю къ предъидущему и послѣдующему, иначе, указать причины или условія, которыя руководили такимъ направленіемъ стили въ Ликии. Вопросъ тѣмъ болѣе важный, что указанія на памятникъ шаткаго архаизма въ другихъ мѣстностяхъ нисколько не рѣшаютъ его: салинунтскіе метопы и иллетевія статуи указываютъ лишь существованіе мотивовъ однородныхъ, но не однихъ и тѣхъ же, и Бруннъ долженъ бы былъ строже опредѣлить проектируемое имъ для всѣхъ этихъ памятниковъ единство художественнаго воззрѣнія. Если мы рассмотримъ указанный примитивный памятникъ Ликии, то не найдемъ въ немъ и зародыша такихъ чертъ, которыя отличаютъ памятникъ Гарпій. На-

противъ того, художественныя начала, въ этомъ случаѣ дѣйствовавшія, по утрированному выраженію крѣпкой мускулезности, ближе всего именно къ селинунтскимъ метопамъ; характеръ работы зависитъ отъ перенесенія формъ чекана на мраморъ, что отражается въ техникахъ тѣла, волосъ и самаго рельефа. Слѣдовательно, если памятникъ Гарпій не служитъ видимымъ продолженіемъ стиля начатковъ искусства, то онъ долженъ заключать въ себѣ элементъ новшій, опредѣлившій не только формы изображаемыхъ предметовъ, но и ихъ композицію, манеру изображенія. При современномъ состояніи науки малоазійскихъ древностей, мы, безъ сомнѣнія, не можемъ надѣяться опредѣлить происхожденіе этого элемента и должны ограничиться гадательными указаніями. «Въ вопросѣ о родствѣ памятника Гарпій съ другими художественными школами, говоритъ Бруннъ, естественнѣе всего оглянуться, первымъ дѣломъ, вблизи, а не ходить по далекимъ странамъ». И, дѣйствительно, Малая Азія представляетъ намъ обширныя данныя по исторіи искусства, предшествующаго развитію художествъ въ Греціи; одни памятники носятъ на себѣ явные слѣды египетскаго характера, другіе созданы подъ вліяніемъ ближайшихъ восточныхъ сосѣдей: Можно полагать, что со временемъ эти памятники (быть можетъ, современныя памятнику Г.) составятъ особый оригинальный слой въ образованіи греческаго искусства, но пока мы знаемъ ихъ на столько мало, что не можемъ и пользоваться ими для прямыхъ соображеній. Большая часть ихъ запечатлѣны такимъ характеромъ уже опредѣлившагося пошиба, выказываютъ на столько художественнаго знанія, что уже при первомъ разсмотрѣніи были отнесены къ произведеніямъ искусства египетскаго или восточнаго. Но это знаніе только выдѣляетъ ихъ изъ разряда памятниковъ примитивныхъ, а само оно грубо, безжизненно и создаетъ произведенія крайне слабыя въ художественномъ отношеніи. Болѣе того: въ одномъ изъ такихъ памятниковъ, найденномъ въ сердцевинѣ Малой Азіи — Каппадокіи и носящемъ названіе «барельефовъ Эвьюка и Богаз-Кеви (древній Птеріумъ)», огрубѣлость этого художественнаго знанія, несомнѣнно идущаго съ Востока, представляетъ тотъ же видъ распущенности и вялости. Именно въ этихъ памятникахъ, на-

громождающихъ восточныя эмблемы и фантастическія формы, совершается окончательное паденіе восточнаго искусства: выработанныя долгимъ упражненіемъ формы искусства въ жалкомъ, бессмысленномъ подражаніи ремесленника, какъ бы вновь возвращаются къ первобытнымъ начаткамъ, которые не въ силахъ уже ясно изобразить сюжетъ. А между тѣмъ это паденіе началось уже въ самомъ персидскомъ искусствѣ, котораго повидимому пустая подражательная роль назначена была низвести высокое и характерное искусство Ассиріи до жалкой схемы, до той низкой ступени, на которой оно могло быть усвоено народами, находившимися еще въ примитивномъ состояніи. Припомнимъ исторію искусства византійскаго, и мы поймемъ, какое глубокое историческое значеніе заключается и въ эпохахъ наибольшаго упадка искусства. Но скульптуры персидскихъ дворцовъ, и сами по себѣ, въ художественномъ отношеніи близки къ памятнику Гарпій, и если, независимо отъ всѣхъ особенностей его стиля, созданнаго рукою греческаго художника, мы искали бы для этого памятника не прямой аналогіи, но только сходства по художественному возрѣнію, то кромѣ милетскихъ статуй мы должны были бы упомянуть и персидскія скульптуры. Памятникъ Гарпій, при этомъ предположеніи, служилъ бы самою лучшею характеристикою движенія греческаго искусства. Мы не можемъ указать пока яснаго перехода отъ восточнаго искусства къ греческому, но мы живо чувствуемъ, что это послѣднее началось не само по себѣ, съ примитивныхъ, въ собственномъ смыслѣ, памятниковъ, но съ произведеній опредѣленнаго характера, и что развитіе его значительною своею долею заключалось въ борьбѣ съ этимъ характеромъ, въ обезсиленіи и подчиненіи вышнимъ цѣлямъ чуждаго, но въ свое время необходимаго элемента. Не даромъ знатоку восточныхъ древностей Деярду чулись въ памятникѣ Гарпій элементы, близкіе Востоку. Но, повторимъ опять, всѣ подобныя заключенія могутъ имѣть теперь лишь характеръ гаданія, хотя уже и установился для древняго искусства общій законъ, по которому непрерывная преемственность руководитъ движеніемъ искусства. Развѣ не вполне ясна уже намъ примѣсь египетскаго искусства въ древнихъ скульптурахъ Кипра, выражающаяся

не въ одной только общей манерѣ компоновки, но и во множествѣ частныхъ и деталей, которыя никакъ уже не удастся отнести къ условнымъ формамъ примитивнаго искусства. И между тѣмъ, кромѣ египетскаго вліянія въ иныхъ кипрскихъ статуэткахъ видно также вліяніе искусства восточнаго, легко затѣмъ распознаваемаго на вазахъ Родоса. Продолжая нашу гипотезу, замѣтимъ, что многія изъ чертъ памятника Гарпій могутъ быть приписаны этому восточному вліянію, недостатки котораго не въ силахъ былъ поборотъ долгое время греческій художникъ: таково напр. отолщеніе нѣкоторыхъ формъ, безжизненность протягивающихся рукъ, излишняя закругленность въ ихъ движеніи и какая то подсласленная грація церемонной постановки.

Съ этой точки зрѣнія памятникъ Гарпій долженъ бы былъ представлять одно изъ самыхъ важныхъ свидѣтельствъ связи восточнаго искусства съ греческимъ. Характеръ его стиля, какъ и внутреннее содержаніе, указывалъ бы намъ одновременно и на памятники Востока и на аттические рельефы, съ которыми онъ существенно близокъ, несмотря на все различіе ихъ въ исполненіи. Въ памятникѣ Гарпій архаическое искусство затронуло тѣже самыя задачи, которыя оно выполнило потомъ въ ряду многочисленныхъ рельефовъ Аттики, Ликии, и острововъ Эгейскаго моря. Но изъ многихъ подобныхъ произведеній нѣкоторыя, разумѣется, ближе стоятъ къ памятнику, чѣмъ другія. Между такими назовемъ неизданный (надгробный?) рельефъ, въ Луврѣ, привезенный въ 1860 г. (изъ Тазоса?) виѣстѣ съ извѣстнымъ архаическимъ рельефомъ изъ Тазоса, изображающимъ Аполлона и Гермеса среди Нимфъ (7). Женская фигура, сидящая на тронѣ, украшенномъ рѣзною работою, съ подножіемъ на львиныхъ лапахъ, держитъ въ рукахъ туалетный ящикъ и вынимаетъ изъ него что то въ родѣ клубка или куска матеріи. Длинный хитонъ, свѣшивающійся ниже ногъ съ разрѣзными рукавами до локтя, и гиматіонъ, окутывающій колѣна и проходящій за спиною, составляютъ драпировку, искусно расчлененную мелкими и крупными складками. Но стиль представляетъ тоже колебаніе и шаткость, какъ въ памятникѣ Г.; положеніе складокъ страдаетъ такою же бѣдностью исполненія непонятныхъ и затруднительныхъ для ху-

дожника мотивовъ; формы тѣла коротки и полны, туловище также слишкомъ мало, по отношенію къ нижней части тѣла; выраженіе лица миловидное съ оттѣнкомъ задумчивости. Вообще, при первомъ взглядѣ бросается въ глаза сходство съ памятникомъ Гарпій, а между тѣмъ рельефъ этотъ какъ гораздо совершеннѣе его, такъ и много позднѣе по времени происхожденія. Отсюда мы убѣждаемся, что колебаніе архаическаго стиля продолжалось долгое время, прежде нежели выработался тотъ зрѣлый архаизмъ, который рѣзко отличаетъ собою какъ крупныя произведенія, статуи и рельефы, такъ и мелкія терракотты. Понятны, поэтому, становятся и всѣ попытки сравненія памятника Гарпій съ аттическими рельефами, на чемъ такъ настаивали всѣ ученые, пока остроуміе и художественное чутье Брунна не обратили вниманіе и на различіе въ стилѣ.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ можетъ быть рѣшенъ вопросъ о времени происхожденія памятника. Наука древняго греческаго искусства только въ послѣднее время стала разрабатываться на строгихъ началахъ, хронологія же его и доселѣ страдаетъ крайнею неопредѣленностью, такъ какъ во всѣхъ опредѣленіяхъ руководителемъ служитъ только археологическій опытъ, а извѣстно, съ какими затрудненіями онъ сопряженъ. Между тѣмъ, если мы теперь и владѣемъ уже довольно значительнымъ количествомъ истинно архаическихъ произведеній, то онѣ или совсѣмъ оторваны отъ почвы, или другимъ путемъ лишены своей исторической обстановки, такъ что въ указаніи датъ мы можемъ направляться лишь по очень немногимъ даннымъ, каковы напр. фронтоны Эгинскаго храма или Селинунтскіе метопы. Изъ этого понятны будутъ и тѣ колебанія въ опредѣленіи времени памятника, которыя ему пришлось перейти до Брунна (9). Онъ вполне вѣрно указалъ, что въ вопросѣ о времени памятника рѣшительнымъ приговоромъ можетъ быть лишь тотъ, который будетъ основанъ на анализѣ стиля, независимо отъ различныхъ соображеній о томъ, могъ ли памятникъ быть исполненъ послѣ персидскаго завоеванія или нѣтъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бруннъ, рѣшая вопросъ о стилѣ, не имѣлъ никакой нужды устранять и эти соображе-

ніа, и такъ какъ, дѣйствительно, согласно съ замѣчаніемъ Велькера, было бы гораздо естественнѣе предположить возникновеніе такого обширнаго памятника до персидскаго разгрома, то, согласуя съ этимъ общее положеніе Брунна о времени появленія памятника между 60-й и 75-й Олимпіадою, мы могли бы назначить вообще время, непосредственно предшествующее взятію Есанеа Персами, что совершилось, какъ извѣстно, въ 58-ю Олимпіаду.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ЛИКІЙСКАЯ ТРИКВЕТРА.

Символь, встрѣчающійся на монетахъ Ликии и известный подъ именемъ *триквेत्रы*, такъ тѣсно связанъ съ различными вопросами ликійской археологій и, между прочимъ, съ памятникомъ Гарпій, что мы считаемъ необходимымъ представить объ этомъ знакѣ нѣсколько своихъ замѣчаній.

Впервые символъ этотъ былъ наблюдаемъ на монетахъ Сициліи, въ формѣ соединенія трехъ ногъ въ кругѣ, и получилъ названіе трикетры отъ прозвища самой страны, — треугольника съ тремя мысами *triquetra tellus, insula natura triquetra, Trinacria* вл. *Sicilia*. На этомъ основаніи и первое опредѣленіе символа могло только отнѣсти принадлежность его Сициліи, какъ ея спеціальной эмблемы, хотя известный Экея, усвоивъ своему каталогу монетъ это названіе, отказывался истолковать значеніе, указывая присутствіе символа на монетахъ Луканіи, Кампаніи и Малой Азіи и пр. (*Doctrina num. vet.* I, 184; II, 50, 62, 65; его же *Catalogus Mus. Vindobon.* pag. 3). Тамъ не менѣе, спеціальная принадлежность этого знака Сициліи осталась утвержденною, и въ этомъ смыслѣ привыкли толковать этотъ знакъ и доселѣ. Такъ напр. говорятъ, что онъ изобразаетъ на щитѣ героя Экеяда потому, что этотъ гигантъ, по мнѣю, погребенъ былъ подъ Этной; если, далѣе, трикетра встрѣчается и на щитѣ Минервы, то это указываетъ будто бы на побѣду ея надъ Экеядомъ и т. д. (*Lepointant et de W. Elite*, t. I, pl. VIII, IX, стр. 15, 16, напротивъ того, какъ общій значекъ на щитѣ: *Jahn, Vasenm.* 421, 1354). На античныхъ свинцовыхъ маркахъ (вѣроятно, изъ разныхъ мѣстъ), на оборотѣ монетъ, съ лицевой стороны, изображающихъ льва, химеру, быка, дельфина, или носящихъ другіе древнѣйшіе типы, также видна трикетра, и это отчасти послужило основаніемъ для отнесенія самыхъ марокъ къ Сициліи (*Salinas, Ann. d. In. XXXVI* vol. VIII, tav. XI. 30, 75, 76, 78 — 80). Но, чѣмъ болѣе приводилась въ извѣстность нумизматика греческихъ поселеній, тѣмъ шире оказывалась и область распространенія этого знака отъ крайняго Запада древняго міра до Востока. Со времени Экея, трикетра была найдена на монетѣ Регійской Галліи, какъ эмблематическій знакъ въ щитѣ (*Rev. Num.* 1863, p. 147), на монетѣ Македоніи (*Rev. Arch.* 1866, II, pl. XXII); на одной изъ древнѣйшихъ монетъ Аеній (время Солона и Пизистрата?), представляющей полудрагму (*Beulé, Rev. Num.* 1866, pl. XI, 6, стр. 345—

368), монета Ретеума, города Троады (Waddington, Voyage en As. Min, Rev. Num. 1852, pl. IV, 10, стр. 96) и наконец на большей части монет Ликии, которые прежде относились къ ликийскимъ (Mionnet, VI, 634 слѣд.). Въ нумизматикѣ Ликии триветра явилась такою же специальною принадлежностью, какъ прежде для Сициліи, хотя уже въ иной формѣ: вмѣсто ногъ, какъ бы бѣгущихъ по кругу въ одномъ направленіи, являются здѣсь три крочка, соединенныхъ въ кругу. Но между монетами съ триветрой, относящимися къ соседнимъ Ликии странамъ, какъ Пизидіи, Памфили, Киликии, встрѣчается, хотя доселѣ для одного города, и сицилійская форма. Въ самой Ликии эта эмблема украшаетъ въ углубленномъ четырехугольномъ оборотную сторону монетъ древней и позднѣйшей эпохи; изображение эмблемы чеганили у себя на монетахъ большая часть ликийскихъ городовъ, какъ-то: Ксанеъ, Тлосъ, Арса, Кадіанда, Пинара, Фелдосъ, Антифелдосъ, Миры, Лимира, Родіополисъ и пр., т. е. города древніе и новыя равно, какъ въ эпоху полной самостоятельности, такъ и въ эпоху подчиненія Родосу. Такъ какъ въ тождественности ликийскаго и сицилійскаго знака не могло быть сомнѣнія, и форма послѣдняго неволью представлялась лишь позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ перваго (а именно вмѣсто крочковъ-ногъ, кружка въ срединѣ — голова Горгоны), то ликийская форма назвалась прототипомъ, который требовалось разъяснить для пониманія дальнѣйшаго (первый, сколько намъ извѣстно, изъ археологовъ, обратившій вниманіе на характеръ ликийскаго знака, былъ итальянскій ученый Каведони, занимавшійся ликийскими монетами; отличал ликийскій знакъ отъ сицилійскаго, онъ придалъ первому и другое названіе — *трискала*, усвоенное французскими археологами, но не касался смысла знака). Уже Минервини (Mon. ant. ined. 1850, tav. XX, 6, p. 98), рассматривая сицилійскую триветру съ крыльями на пяткахъ ногъ, отнесъ символъ къ тройному движенію луны, къ тремъ луннымъ фазисамъ. Дѣйствительно, отношеніе даннаго символа къ свѣту подтверждается многими частностями, а именно: головой Горгоны, крыльями и самымъ вращеніемъ знака въ одну сторону. На одной особенно грубой по стилю и исполненію кареагенской стлѣ Британскаго Музея мы встрѣтили оригинальную форму солнечнаго диска изображеннаго въ верхнемъ полѣ съ руками и ногами, движущимися въ одномъ направленіи; въ рукавѣ эмблемы вѣтви съ листьями. Разумѣется, и тутъ многіе увидятъ лишь аналогію съ подобными же формами триветры на сицилійскихъ монетахъ, и отнесутъ все прибавленія къ эмблематическому выраженію богатства страны, но мы можемъ замѣтить, что ясная форма диска требуетъ сама по себѣ нѣкаго объясненія. Такъ, на одной гемѣ Геліосъ въ ореолѣ и съ обычными атрибутами стоитъ на триветрѣ съ головой Горгоны въ срединѣ (Tölken, Verz. III Cl. 24), и, по нашему мнѣнію, въ виду указаннаго, нѣтъ никакой нужды видѣть здѣсь тотъ же символъ Сициліи. Вслѣдъ за Минервини и Бёле, и Ваддингтонъ, въ обзорѣ ликийскихъ монетъ, привезенныхъ имъ изъ Малой Азіи, отнеслъ триветру къ

лунному движенію, при чемъ первый пришелъ къ заключенію, что троичная форма трикетры должна служить выраженіемъ идеи лунной триады и отнестъ символъ къ тройной Гекатѣ. Остановившаяся исключительно на троичности символа, другіе археологи пошли далѣе и приписали затѣмъ символъ вообще троичному верховному божеству. Такъ Мюверсъ (*Rel. d. Rhén.* стр. 428), встрѣчая на одномъ вундидійскомъ памятникѣ (у Gesenius, *Mon.*, tab. 23) изображеніе подобнаго же символа, относятъ его къ Ваалу-Хову, богу временъ года, верховному члену триады, а затѣмъ и нашу трикетру считаетъ такимъ же знакомъ. И такъ какъ памятникъ Гарріи, особенно заинтересовывалъ своею триадою божествъ, то не мудрено, что почти все, говорившее о ней, приводили въ непосредственную связь съ предполагаемою триадою и ливійскую трикетру. При полной неизвѣстности символа, понятно, подобныя гипотезы столькоже приобретаѣли адекватность, сколько встрѣчали и возраженій, хотя общій характеръ гипотезы и не допускалъ прямыхъ опроверженій (отсутвленіе представляетъ лишь странная конъектура Бахфена, который въ своемъ сочиненіи *über d. Gräbersymbolik* стр. 254 по одному изображенію трикетры на чашѣ отнестъ символъ къ эмблемамъ мистерій, какъ знакъ посвященія въ таинства Бахуса).

Но рядомъ съ этими общими предположеніями являлись и другія гипотезы, отдѣлявшія ливійскій знакъ отъ сицилійской эмблемы и искавшія въ первомъ особаго спеціальнаго для Ликии значенія. Наиболее слабое въ этомъ родѣ мнѣніе (вѣрнѣе, указаніе) представляетъ сообщеніе Ланглюа (*Revue Num.* 1854, стр. 20, pl. III, 18, 19): на двухъ ликійскихъ монетахъ, имъ изданныхъ, находится изображеніе трикетры, одинъ разъ въ срединѣ поля, среди надписи, поименовывающей топарховъ, другой — возлѣ священнаго трона; монеты эти авторъ относитъ къ Ольвѣ, городу извѣстному храмомъ Зевса, основаннымъ, по преданію, Аяксомъ; божество является здѣсь въ видѣ трона. Выѣстъ съ тѣмъ авторъ встрѣтилъ среди однихъ развалинъ Киликии (отнесенныхъ имъ къ Ольвѣ), на скалахъ два знака или двѣ буквы, изъ которыхъ первая напоминала форму Ликійской трикетры. Комбинируя эти данныя, Ланглюа думаетъ, что этотъ знакъ на скалахъ служилъ маркою восточныхъ предѣловъ топархій, находившейся во владѣніи жрецовъ — царей Зевсова храма. Но, во первыхъ, для этого нѣтъ никакихъ данныхъ, объясненіе само по себѣ отличается крайнею странностью, а знаки, приводимые авторомъ, какъ кажется, всего проще принять за начальныя буквы имени Ликиянъ — ΛΥ, начертанныя, вѣроятно, съ цѣлью размечиванія границъ.

Второе мнѣніе подобнаго же рода принадлежитъ англійскимъ путешественникамъ и изслѣдователямъ: Шерпу, Спратту и Форбесу. Основываясь на формѣ самаго знака трикетры, представляющей соединеніе трехъ крючковъ, Шерпъ предложилъ считать эту эмблему простымъ изображеніемъ инструмента — крюка особеннаго рода, а такъ какъ имя Гарпага,

покорители Дикіи заключаетъ въ себѣ по греческому словопроизводу значеніе «крюка», то отнести самую эмблему исключительно къ іероглифическому изображенію имени Гарпага, влaстителя Дикіи. Этихъ способовъ, разумеется, ларчикъ открывался бы очень просто, и многіе ухватились за это указаніе, чтобы разомъ избавиться отъ вопроса. Но способъ этотъ требуетъ слишкомъ многого: нужно принять и всю теорію переселеннаго происхожденія памятниковъ Дикіи, предложенную Шэрпомъ, слить моменты самыхъ разнообразныхъ эпохъ въ одинъ періодъ, — одиницъ словомъ, принять много различныхъ несообразностей, какія только могло дозволить себѣ полное незваніе археологіи и небрежность отношенія къ ея даннымъ. Чтобы опровергнуть этотъ способъ объясненія, достаточно указать на три шпалеры съ животными формами, о которыхъ мы говорили.

Итакъ говоря короче, мы не владемъ въ данномъ случаѣ даже приблизительными указаніями, которыя бы помогли намъ истолковать этотъ знакъ, или, по крайней мѣрѣ, обозначить ту область, въ которой должны искать способъ объясненія. Тамъ какъ послѣднее должно лечь въ основу дальнѣйшихъ разысканій и заключеній, то мы и попробуемъ вращать умъ въ путь къ опредѣленію этой области.

Какъ кажется, главное затрудненіе, оказавшееся въ вопросѣ о этихъ знакахъ или эмблемахъ какъ Дикіи, такъ и Сициліи, происходитъ отъ того, что исследователи принимали ихъ за формы первоначально сложившіяся непосредственно съ цѣлью символическаго изображенія или іероглифическаго обозначенія. Между тѣмъ самая связь, или предполагаемая даже тождественность той и другой эмблемы указываетъ на то, что эти эмблемы представляютъ формы усложненныя, развитыя. Чтобы искать ихъ прототипа, должно рассмотреть предварительно соотношенія этихъ формъ и изображеній, какія въ нихъ встрѣчаются. Сицилійская эмблема является въ видѣ трехъ вращающихся или бѣгущихъ по окружности ногъ, которыя нѣкогда на концѣ крылья, какъ у Меркурія, т. е. прототипъ въ этомъ случаѣ принялъ формы животного; именно подобно и кругъ въ срединѣ обратился въ голову Горгоны, которая, следовательно, вовсе не играетъ здѣсь роли образа полной луны, какъ думаетъ Беллини, представляетъ такой же орнаментальный характеръ, какъ и подобныя изображенія Медузиной головы въ центральныхъ частяхъ разныхъ предметовъ, иногда только съ профилактическимъ значеніемъ. Доказательствомъ этого можетъ служить изображеніе тришпалеры съ дискомъ солнца въ срединѣ руками, которое мы указали на кароленгской стѣлѣ. Напротивъ того, Сицилійская эмблема въ обычномъ видѣ своемъ представляетъ, скорее всего, формы амулета, символа, сложившагося въ видѣ орудія, инструмента, именно: центральная часть ея является въ формѣ маленькаго кружка, въ которомъ видно иногда какъ бы отверстіе или ямка въ родѣ втулки, на кружку прикрѣплены (или съ нимъ совершенно слиты) три крючка, направленные въ одномъ направленіи и на концѣ заостренные. Но разнообразіе

формъ таково, что уличтожаетъ всякую мысль объ инструментѣ; а ицѣнно-кружка иногда имѣть совѣсьмъ, или, наоборотъ, вмѣсто кружка часто виднѣтъ кольцо; три крючка часто замѣняются четырьмя, къ которымъ прибавлена еще вѣтвь съ цвѣткомъ (Spratt and Forbes, *Travels*, t. II, табл. VII, 14), или двумя, при чемъ такая эмблема почитается на ликійскихъ монетахъ рядомъ съ обычною триветрою (*ibid*, по 8; Fellows, *Lycia*, pl. 37, по 15, 16), или, при двухъ крючкахъ, вмѣсто третьяго имѣть три лестца (*ibid*, по 23) Безъ всякаго сомнѣнія, если бы мы владѣли большимъ количествомъ ликійскихъ монетъ, то прибавилось бы и подобныхъ видоизмѣненій. Но и изъ этихъ данныхъ очевидно, что 1) эмблема эта не есть какой либо опредѣленный инструментъ или орудіе, 2) ея форма скорее указываетъ на условный видъ амулета, символическаго знака, 3) она не представляетъ никакой частности, которая бы указывала на лунное значеніе символа, 4) также какъ и ея отношеніе къ триадамъ божествъ опровергается фактомъ указанныхъ измѣненій, и 5) сущность эмблемы заключается въ тѣхъ крючкахъ, которые выходятъ изъ кружка, а не въ самомъ кружкѣ, который какъ можетъ разрастаться въ кольцо, такъ и превратиться въ точку. При этомъ ограниченія знакъ сводится къ тѣмъ аналогическимъ и многочисленнымъ въ древнемъ греческомъ искусствѣ формамъ, изображающимъ напр. крестъ съ загнутыми оконечностями, которыми отличаютъ монеты азіатскаго Востока, финиійскихъ городовъ (Газа), греческихъ (Сиракузы), и украшаютъ собою древнія греческія вазы (вазы изъ Милоса, изданныя Конце и др.). Рауль-Рошеттъ (*Mém. de l'Acad. d. Inscr.* 1856, t. XVI, pl. 1, IX), производя этотъ послѣдній знакъ отъ финиійской буквы, первый обратилъ вниманіе на переходъ этой формы, какъ эмблемы съ Востока, въ греческое искусство. Безъ всякаго сомнѣнія, знакъ этотъ былъ принятъ въ первобытномъ искусствѣ, какъ простой орнаментъ геометрическаго характера, но подъ вліяніемъ новыхъ комбинацій легко получилъ и известное эмблематическое значеніе (въ смыслѣ простаго знака, кѣтъ, эта форма встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ: на свинцовыхъ оттискахъ, найденныхъ въ Бугѣ, у Дрогичина, изд. гр. Тышкевичемъ, въ Древн., Труд. Моск. Арх. Общ., т. I, выд. 2, табл. VI, 6, 7, 8; какъ гончарныя клейма въ стат. г. Котляревскаго, *ibid*., стр. 242 слѣд., рис. на табл. IX, 22; XI, 38). Такъ знакъ креста съ загнутыми въ одну сторону рукавами встрѣчается, какъ орнаментъ хитона, на груди Геліуса Атабирія, въ изображеніи бога на вазѣ (*Arch. Zeit.* 1848, стр. 309, Таб. XX); издатель рисунка Гергардъ предлагаетъ этотъ знакъ считать эмблемою этого Тельхина-Геліуса, культъ котораго на Родосѣ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ. Эта аналогія даетъ намъ поводъ думать, что и въ образованіи триклетры участвовали тѣже самые элементы; т. е. знакъ этотъ первоначально былъ простымъ орнаментомъ восточнаго происхожденія, быть можетъ, въ частности, финиійскаго; такимъ является онъ на вазахъ рядомъ съ розетками; затѣмъ символика, державшаяся въ данномъ случаѣ по преимуществу солнечнаго

культы, воспользовалась этимъ знакомъ для выраженія идеи солнечнаго движенія. Этимъ можетъ быть объяснено и существованіе знака, такъ иназванными Дини и Кидикин, такъ и сицилійской триветры, а равно и ея появленіе на монетахъ другихъ городовъ. Подтвержденіемъ могутъ служить указанный нами триветры съ пѣтушьими головами и совою въ кругу (сюда же можетъ быть отнесено и указаніе Даніелли, сотрудника Спратти и Форбеса (въ соч. ихъ II т. гл. X, 37—61), что триветра встрѣчается на дарикахъ, приписываемыхъ Персію). Что именно этимъ путемъ могла сложиться символика триветры, указываетъ во первыхъ, то обстоятельство, что между первоначальными орнаментными формами креста септисколько весьма сходныхъ съ триветрою, а во вторыхъ аналогичная исторія происхожденія символовъ, извѣстныхъ подъ именемъ египтянъ и персій (на динійскихъ монетахъ мы встрѣчаемъ видѣтъ съ триветрою и первый символъ Fellows, Lucas, p. 463). Въ заключеніе скажемъ, что эти указанія не рѣшаютъ, однакоже, и приблизительно интереснаго вопроса и должны оставаться съ характеромъ простыхъ соображеній, пока подробный анализъ восточно греческой символики, на началахъ, проводимыхъ датскимъ ученымъ Миллеромъ, не выяснитъ намъ истиннаго смысла употребленія различныхъ символическихъ знаковъ въ раннюю эпоху образованія греческаго искусства.

ПРИМЪЧАНІЯ

1) Приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ литературу памятника Гарпій:

Fellows, Journal of a tour in Asia Minor. 1838, стр. 231.

его же: Account of discoveries in Lycia. 1841, стр. 169 слѣд.

его же: The Xanthian Marbles, their acquisition и пр. 1843.

Birch, Sam. Observations on the Xanth. marbles, recently deposited in the Br. Mus. 1843.

Panofka, Harpyienmonument v. Xanthos. Arch. Zeit. 1843, no. 4, 4 a.

Wieseler, über d. Xanth. marbl. im B. M. Zeits. f. d. Alterthumswissen. 1843, № 106.

Braun. Sepolero di Xantho detto delle Arpie. Ann. del Inst. 1845, XVI, стр. 133—155.

его же: Die Marmorwerke v. Xanthus. Rhein. Mus., Neue F., III, стр. 481 слѣд.

Gerhard. Das Harpyienmonument v. Xan. Arch. Zeit. 1845, № 29.

Curtius. Das Harp. v. Xanth. ibid. 1865 стр. 1 слѣд.

Overbeck Das Datum des Harpyienmon. v. X. Zeits. f. d. Alterth. 1856, № 37.

Friederichs, Bausteine z. griech. Plastik, 1868, стр. 37—45.

Curtius. Zum Verständnisse d. Harpyiendenkm. und and. Denkm. Arch. Zeit. 1869, стр. 10—17.

Conze. Zur Erklärung d. Harpyienmon. v. X. ibid. 1869, стр. 78—79.

Brunn. Ueber Styl und Zeit d. H. m. v. X. Sitzungsber. d. Kön. B. Ak. d. W. zu München. Jahrg. 1870 Bd. II.

2) Леонтьевъ. О поклоненіи Зевсу, стр. 121 слѣд.

3) Характеристическій примѣръ этихъ примовъ виденъ въ попыткѣ доказать, что Деметра почиталась въ Ликии: въ Ил., V, стихъ 479 упоминается имя рѣки Ксанеа, а черезъ 20 стиховъ, въ 499 стихѣ Деметра называется ξανθή, т. е. бѣлорукая. Для Панаони это случайное и вѣдшее сближеніе служитъ доказательствомъ поклоненія Деметрѣ въ Ксанеѣ, перешедшаго изъ Брита.

4) Lajard. Recherches sur le culte de Vénus. 1849. Recherches sur le culte de Mithra. 1848. Recherches sur le culte du cyprès. 1854. Статьи въ современныхъ изданіяхъ за эти годы.

5) Для доказательства этого достаточно просмотрѣть статьи и замѣтки двухъ классическихъ изданій: Archäologische Zeitung и Revue Archéologique.

6) Замѣчательная обработка греческой миеологии въ этомъ направленіи въ сочиненіяхъ и статьяхъ А. Мори, особенно его *Histoire des religions de la Grèce antique*. 1857—59. Также известное сочиненіе Петерсена въ Энцикл. Эрша и Грубера, *Griechenl.* I.

7) *Griech Kunstmyth.* I. Zena. 1871, стр. 21.

8) Краткое сообщеніе въ *Arch. Anz.* 1865, стр. 57.

9) *Curtius. Goldplättchen aus Kameiros.* *Arch. Zeit.* 1869, стр. 110.

10) *Moritz Carriere, Kunst im Zusammenhange*, I, 288. Рус. перев. г. Борша, стр. 228.

11) *L'exaltation de la fleur, Journ. des Sav.* 1868, стр. 389.

12) Адриана Прахова. Исслѣдованія по исторіи греч. искусства. I. Древнѣйшіе памятники пластики изъ Ксаноса въ Ликии (съ атласомъ) С. П. 1871.

I.

1) *Ritter, Erdkunde, Asien*, IX, 2, стр. 938 слѣд., 983 слѣд.

2) Сводъ историческихъ данныхъ въ прежней постановкѣ см. у Носек, *Kreta*, II, *Kreter in Lykien*, стр. 328 слѣд.

3) *Hitzig. Studien, Zeit. d. DMG.* 1855, стр. 731.

4) *Movers, Phön. Religion*, стр. 15—16.

5) С. Мартъвъ, видимо, основывается на данныхъ культурно-историческихъ и религиозныхъ, когда считаетъ племена Ликоонія, Елликія, Фригійи и Ликии семитическими, см. его *Description de l'As. Min.* I, 182 слѣд.

6) *Über die lyk. Inschr. etc. Zeitsch. d. DMG., t. X, part. 3* стр. 375 слѣд.

7) *Vorstudien z. Entziff. d. lyk. Sprachdenkm.* въ *Kuhn und Schleicher's Beiträge*, V, стр. 253. Отдѣльное соч. Шмидта: *The Lycian inscriptions of the late Schönborn.* 1868.

8) *Das Albanesische z. Erkl. d. Lyk. Inschr.,* въ *Zeit. d. DMG.* 1863, стр. 619 слѣд. Бытовья, историческія и етнологическія данныя объ Албанцахъ у *Hahn, Albanesische Studien.*

9) *Bachofen, Mutterrecht*, стр. 390 слѣд.

10) *Лукианъ Ἐρωτες*, 405.

11) *Crenzer, Symb.*, II, стр. 136, слѣд.

12) См. Гергарда брошюру *Ueber die Stammgottheiten* и А. Мангу, *Religions de la Grèce*, t. 1-й, гл. 1-я; т. III, гл. 15-я и др.

13) *Manry, Rel.*, т. III, стр. 131.

14) *Ibid.* стр. 139, 183 и др.

15) *Langlois Cilicis*, стр. 88.

16) *Barker and Alnaworth, Cilicis*, стр. 159.

17) Что Геродотъ былъ въ главнѣйшихъ городахъ Ликии—Ксаносъ и Патаръ, доказательства въ статьѣ *Matzat, Herodote Angaben über Asien. Hermes*, B. VI, Heft. 4-е, 1872.

- 18) Aelian. De nat anim, lib. VIII, cap. 5.
- 19) Bachofen Mutterg., стр. 3.
- 20) Corpus inscr. gracc. Lycia. 4366. к.
- 21) Schwenck, Myth. d. Pers., 221.
- 22) Fellows, Lycia, стр. 161.
- 23) Welcker. Griech. Götterl, I, стр. 64, 476 — 482: Gerhard. Myth. § 306. 311, 312 и др.; Preller, 3-е Aufg, I, 201 слѣд.; также монографіи и главы въ сочин. по мнѣологіи о Зевсѣ Ликійскомъ.
- 24) Welcker, Gr. Götterl., I, 64—5.
- 25) Анализъ символическаго значенія въ наследованіи прое. Юргевича. De Jovis Lyciae natura etc. commentatio. Записки Имп. Новороссійскаго Университета т I, стр. 9—23.
- 26) Texier, Asie Mineure, t. 1, pl. Ll. Barker, Cilicia, стр. 161.
- 27) Schwenck, Myth. d. Pers., стр. 201.
- 28) Fellows, Coins of ancient Lycia, 1855.
- 29) Welcker, I. e., II, стр. 621.
- 30) Schwenck, Myth. d. Pers., стр. 203.
- 31) Преховъ, I. e., стр. 10.
- 32) Надписи, указывающія на существованіе въ Ликии культа Аполлона Суріоса въ городѣ Суріей около Миръ, Corpus inscr. gr., Lycia, 4304, I, к.
- 33) Corp. ins. gr. 4275.
- 34) ibid. 4242, 4289. 4995.
- 35) Rhein. Mus., XIV, стр. 471 слѣд.
- 36) Movers, Rel., стр. 16, 32.
- 37) См. перечень рѣкъ съ этимъ именемъ у Pauly, Real-Encycl.
- 38) Геродотъ. IV, 76, по таблѣцѣ Раулинсона, Herod., t. III, стр. 59,—около 620 года.
- 39) Сопоставленіе сказаній у Штура, Religionssysteme, стр. 195 слѣд.
- 40) Petersen, Myth., стр. 103.
- 41) Bachofen, Mutterg., стр. 392 слѣд.
- 42) См. также Лобека Aglaoph., II, гл. IV, въ которой Тельхинъ Ликия приводится въ связь съ самоубійственными мистеріями.
- 43) Preller, I. e., стр. 77.
- 44) Maury, III, стр. 147.
- 45) ibid. III, 189.
- 46) Плутархъ, Γουακίμων ἀρεταί. IX. Λυκία. Къ этому разсказу существуютъ прями аналогіи въ сказаніи, передаваемомъ о Персахъ и упомянутомъ Лонперье въ его статьѣ о Беллерофонѣ, Ann. del Inst., XVII стр. 233, прил. I.
- 47) Bachofen, I. e., стр. 392 слѣд.
- 48) У Евсевія вмѣсто этого вшитетъ читается σκίροβς, т. е. сдѣланные изъ алебаstra или мрамора,—очевидно, подставка вмѣсто непонятаго слова,

- 49) Въ статьѣ о дѣмонахъ Укерта, *Abhandl. d. K. S. Ges. d. Wiss. Phil. Cl., I*, стр. 142—3.
- 50) Schoemann, *Gr. Alt.* II, 133.
- 51) Lajard, *Rech. sur le culte de Mithra*, pl. II, 31. Rawlinson *The five great monar.* I, стр. 383; II, 5.
- 52) Lajard, *ibid.*, pl. XXXIII, 8; XLIX, 9.
- 53) Langlois, *Cilicie*, стр. 308.
- 54) Movers, *l. c.*, 189.
- 55) Gerhard, *Kunst d. Phön.*, *Akad. Abh.*, Taf. XLIV, 9.
- 56) Guignaut, *Religions del'Ant. pl.* LVI; de Witte, *Revue Num.* 186 стр. 190.
- 57) Gerhard, *ibid.*, Taf. XLV, I.
- 58) Lobeck, *Aglaoph.*, стр. 482 слѣд. Gerhard, *Myth.* § 438 слѣд.
- 59) Bachofen, *Über die Gräbersymbolik*, стр. 247, прим., 249 и др.
- 60) Въ руковод. и сочин. по мифологii. Изображенiе троякаго Этракскаго Меркурiа, Gori, *Inscr.*, tom. I, Cl. IV, tab. LXX, LXXI, стр. 136. И то же *Mus. Etr.*, т. I, стр. 109.
- 61) Creuzer, *l. c.* II, стр. 320, 338—40.
- 62) О Зевсѣ Трiонасѣ, по Павс. II, 24, 5; у Велькера *l. c.* 15. 162; Overbeck, *Zeus*, стр. 7, объ изображенiяхъ у него же, стр. 260 слѣд.
- 63) *Arch. Zeit.* 1851, стр. 32, 34. Возраженiя и дополненiя Панин *ibid.* 1854, стр. 45—48.
- 64) Schwenck, *Myth. d. Sem.*, стр. 118. Eusebii Pamphyli, *de praeparat. Evang.*, lib. V, 5, *Patrologiae Graecae*, t. XXI стр. 328, — вставилъ въ рассказъ о титанахъ и Тiеонѣ; вмѣсто *ἀρχοντας*—*ἀρχυγγέτας*. По Свѣдл.: Тiеонiеиъ былъ богъ, но имени народа (*τῶν*....) недостаетъ, — быть именъ Солимовъ.
- 65) Вмѣсто прежняго чтенiя «Архадасъ», о поправкѣ см. *Arch. Zeit.* Anz. 1848, стр. 67.
- 66) *Coprus insc. gr.* *ibid.* 4264.
- 67) Объ именахъ собственныхъ, производныхъ отъ именъ рѣчныхъ божествъ, между прочимъ, Лива, см. Letronne, *Ann. de la XVII*, стр. 302 слѣд.
- 68) Maury, *l. c.* III, 253.
- 69) Buchholz, *Homericische Realien*, 1872, стр. 245 и др.
- 70) Boetticher, *Baumeultus d. Hellenen*, стр. 137. Heffter, *Göttergesch. am Rhodus* указываетъ на почитанiе героя Форбаса на Родосѣ.
- 71) Вахоенъ связываетъ почитанiе дуба съ обычаями материковъ *Mutterg.*, стр. 163, 218, 276, 293, 299.
- 72) Плутархъ, *De Iside*, XV, XVI.
- 73) Boetticher, *l. c.* стр. 254 слѣд.

II.

1) Описание памятника дано въ указанныхъ статьяхъ Курциуса, Паноеки. Также Fellows, *The Xanth. marbl.* 1843 и въ перепечаткѣ въ изданіи его путешествія въ 1852 году.

2) *Congres insect. gr.*, 4207, 4212, 4213. Другія названія гробницъ въ надписяхъ, *ibid.* 4224, 4232, 4290, 4321, с, f, g. и др.

3) Fellows, *A journal in A. M.*, стр. 226; Spratt and Forbes, *Lycia*, I, стр. 300 слѣд. См. также статью Адлера о рельефѣ Милленскихъ воротъ въ *Arch. Zeit.*, 1865, Heft I.

4) Единственный подобнаго рода и надгробнаго назначенія памятникъ виденъ въ живописномъ рисункѣ развалинъ Пальмиры и ея некрополя въ путешествіи по Сиріи Лаборда.

5) Рисунки, приложенные къ путешествіямъ по Ликіи Феллоуса, Спратта и Форбеса, Росса и въ сочиненіяхъ по древней архитектурѣ и учебникахъ.

6) Реберъ, *Gesch. d. Baukunst*, стр. 197, полагаетъ основою памятника месопотамскую традицію, но представляетъ крайне неудачный аналогическій примѣръ. Формы карниза, близкія къ нашему памятнику, можно видѣть на ассирійскомъ барельефѣ, изображающемъ храмъ, *ibid.*, fig. 32.

7) Гергардъ отстраняетъ указ. мнѣніе Бахоеена объ орическомъ характерѣ памятника на основаніи самой его древности. См. замѣтку въ соч. Бахоеена «*Über d. Gräbersymb*» въ *Arch. Anz.* 1859 стр. 59.

8) Langlois, *Cilicie*, p. 224—5, pl. XII.

9) Julius Braun, *Gesch. der Kunst*, II, 188.

10) Прахова «*Исследования*» стр. 78, слѣд.

11) О вѣншемъ и внутреннемъ параллелизмѣ въ античныхъ произведеніяхъ замѣтка Брунна въ *N. Rhein. Mus.* V. 321, 480 слѣд.

12) Прахова, *ibid.* стр. 47—49. Прибавимъ, что аналогію къ сюжету упомянутаго фронтона представляетъ этруская живопись, изъ гробницы въ Цере, изображающая двухъ лымыхъ стариковъ, сидящихъ другъ противъ друга на складныхъ стульяхъ; одинъ изъ стариковъ—умершій, судя по психе надъ нимъ; въ рукахъ одной изъ енгуръ скипетръ. *Mus. Nap.* III pl. LXXXIII.

13) Texier, *As. Min.*, t. III, pl. 195.

14) Buchholz, *Homer. Real.* 1873, p. 48 слѣд.

15) Montfaucon, *Ant. expl.*, t. V, p. 50, tab. VI.

16) *ibid.*, tab. XXXVII и др.

17) Gerhard, *Üb. d. Flügelgestalten*, въ *Akad. Abhandl.*

18) Weleker, *Gr. Götterl.* I, стр. 731 слѣд. 1-я глава Фюстель де Куланжа «*Гражданская община древ. міра*».

19) Въ соч. «*Üb. d. Gräbersymb*» стр. 75 слѣд. объясненіе сюжета битвы Амазонокъ, основанное, лишь на одномъ мѣстѣ изъ посланія Апо-

стола Павла; далее сюжета смерти Амазонки Пентезилеи отъ ружь Ахиллеса и пр.

20) См. Holländer, De anaglyphis sepulchralibus graecis, quae coenam tergaesentare dicantur. 1865.

21) Arch. Zeit. 1867, стр. 86.

22) На ероитонъ гробницы дорического ордена изъ Миръ: *Taxis, Av. Min., pl. 225.*

23) *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική*, тегр. 3, табл. 13.

24) Lajard, *Mithra.* pl. XII, 10, 12.

25) По рукописи, у Ritter, *Erkunde, Asien*, Bd. IX, Th. II, стр. 1137 слѣд. Ср. стр. 1124, гдѣ говорится о колоссальномъ быкѣ, найденномъ въ каменоломняхъ Феллоса.

26) *Bausteine z. gr. Pl.* стр. 194.

27) Heydemann, *Griech. Vasenbilder*, 1870. Benndorf, *Griech. und Sicil. Vasenbilder 2^e Lief.* 1870.

28) Welcker, *Gr. Götterl.*, t. 1, 59.

III.

1) Maury, *Rel.*, t. 1, стр. 78, слѣд. относить это сближеніе къ речу времени.

2) Engel, *Курнос*, II, стр. 444. О сочетаніяхъ восточной богини съ различными женскими божествами греческой миеологии: Артемидой, Герой, дѣлѣе, Кибелой и пр., въ древнѣйшую эпоху, *ibid.*, т. II, книга 3-я, стр. 1 слѣд.

3) Рапофка, *Musée Vasea*, pl. XXV, 74—5, рисунокъ Нолазской вазы, изображающій Гермеса между двумя крылатыми сениксами, — по толкованію автора, Деметрой и Борой (?). Но самое любопытное въ этомъ сценѣ изображеніе можно видѣть на одномъ барельефѣ изъ Критской Гортии (съ недавняго времени въ магазинахъ Брит. Музея, не изд.): женское божество стоитъ на поверженномъ человѣкѣ, возлѣ сеникса и вѣтви, — надо думать, надгробный барельефъ восточнаго характера. На римскихъ статуяхъ и урнахъ сениксъ играетъ роль священнаго атрибута, вѣтвь съ голыми барановъ, козловъ и пр., не имѣя особеннаго смысла.

4) Рельефъ аттич. *Arch. Zeit.* 1871, Taf. 44. Авторъ описанія, Бурциусъ на стр. 9. указыв. и другіе памятники у Kekulé, по 155, 157.

5) Paus., *Corint.*, cap. XXV, I.

6) Lenner, *Travels in Asia Minor*, рис. къ стр. 143.

7) Paus., *Cor.*, Cap. X, 4.

8) Layard, *Nineveh*, Taf. VIII, g.

9) На надгробной аттической стѣлѣ, изд. въ *Arch Zeit.* 1845, Taf. XXXIV, баранъ и сениксъ украшаютъ ручку кресла, на которомъ сидитъ умершая мать семейства.

10) У Бахоена въ соч. «Über die Gräbersymbolik, стр. 33 др.; др.

Бовиний подарокъ: Стевани, Отчетъ за 1863 г., стр. 57; на креслѣ престо
Діониса изъ Аены: *Ερφημερίς ἀρχαιολογική* 1862, табл. 21.

11) Overbeck, Zeus, стр. 26.

12) Minervini, Bullet. arch. Nap. 1847, tav. V.

13) Какъ напр. Гергардъ въ Arch Zeit. 1850, № 16, въ статьѣ Ахио-
Керса, O Müller, Handb. d. Arch. § 358, 3.

14) Характеръ восточной орнаментики въ тронахъ памятника можно
опредѣлить по изображенію трона Креса или Сарданапала на юстрѣ, Mon-
del Inst 1834, tav LIV.

15) Генъ, Культурныя растенія и домашнія животныя, стр. 124—8.

16) Lajard, Nineveh v. Zanker, Taf. XIV, N.

17) Ker Porter, Travels, t. I, p. 603.

18) Movers, Rel. d. Phön., стр. 669.

19) Амулетъ, образованный изъ ряда гранатовыхъ плодовъ и со-
снечнаго диска, на статуѣ царя въ Сарепты, Longrôrier, Mus. Nap. III,
pl. XVIII.

20) На египетскихъ монетахъ, Blau, Beiträge zur phön. Münzkunde,
въ Zeitsch. d. DMG, 1855, табл. въ стр. 76.

21) Boetticher, Zur Kunstmyth., Arch. Zeit, 1856, стр. 170; его же:
Baumsultus der Hell., стр. 471 слѣд.

22) Барельефъ, изд. А. Мори, Rev. Arch. 1849, I, p. 22, pl. 110.

23) См. рисунки Этрусскихъ погребальныхъ урнъ въ наданяхъ Гори и
Ингирами, Mon. t. I, p. I. Погребальное назначеніе плода на памятникахъ
указано еще Рауль-Рошеттомъ, Monum. inéd., t. I, p. 159. Терракоттовые
плоды у Biardot, Terres cuites grecques, pl. I.

24) Lajard, Mithra, pl. II, III; Dorow, Morgenl. Alterth., заглавная
виньетка

25) Lajard, ibid., pl. II, 26.

26) Revue Num., 1840, pl. XXIII.

27) Feudeau, Hist. d. usages funéb., t. I, p. 122; Micali, Mon. ined.
tav. IV, 1. В—рис. вазы погребальнаго содержанія. Цвѣтки лотоса изъ ли-
стового золота въ керченскихъ гробницахъ, см. Отчетъ за 1869 г., VI.

28) Boetticher, Baumc. d. Hell.; стр. 456 слѣд. Генъ, l. c., стр. 134.

29) Ann. d. Inst., 1843, tav. d'agg. M. N.

30) Stackelberg, Gräber d. Hell. I Th., стр 44, рис., по мнѣнію автора,
стѣлы временъ Птолемеевъ.

31) У Феллоуса, Lucia, стр. 197, табл. 28, атрибутъ не указанъ по
небрежности рисунка, но на другомъ барельефѣ въ рукахъ дѣвочки, pl. 27.

32) Праховъ, l. c., стр. 35 слѣд., атласъ fol. III a, b, c, d.

33) Аналогическія изображенія у Этрусковъ принадлежать прямо къ
символическимъ представленіямъ смерти: Gori, Inscr. ant., page 1, p. 197;
III, tab XV. Micali, Mon. ined., tav. VI, 2. Maury, Des divin. psychop., въ
Revue Arch. 1845, стр. 669 Inghirami, Mon. etr. t. I.

- 34) Schwenck, *Myth. d. Pers.*, стр. 204. Изображеніе бога солнца и колесницѣ въ терракоттахъ изъ гробницѣ Идалиума на Капрѣ въ Лу-скомъ Музеѣ (два египца: вдуцій и возница — тотъ же сюжетъ?)
- 35) Schwenck, *Myth. d. Sem.*, p. 196.
- 36) Bachofen, l. c., стр. 35.
- 37) *Rev. Arch.*, 1857, pl. 161, p. 246.
- 38) Dognéé, *L'oeuf, Annales de l'Arch. de Belgique, Sér. 2, t. I*, 1855.
- 39) Creuzer, *Myth. u. Symb.*, III, p. 314, *Anm. 42*, p. 316; *Leben Aglaoph.*, *Orph.* p. 251.
- 40) Creuzer, *ibid.*, стр. 493.
- 41) Gerhard, *Ant. Bildw.*, XCVI, 8; *Micali, Storia, Mon. XIII* 1 ΔXXV, 3, 4.
- 42) Терракоттовый рельефъ изъ Неапол. Муз., въ статьѣ *«Metro»* въ *Akad. Abh.*, стр. 98—127, табл. LKII.
- 43) *Mus. Borb.*, t. X, tav. XV.
- 44) *Montfaucon, Ant. expl.*, t. I, pl. XLVII (по автору, вермя).
- 45) *Élite d.mon. céram. IV*, pl. XXXIV.
- 46) *ibid.*, pl. XXXVII.
- 47) *Benndorf, gr. V. Lief. II, Taf. XXII, I*.
- 48) Creuzer, *ibid.*, стр. 493 слѣд. Biardot, l. c. стр. 453 упоминаетъ на нѣтъющихся въ его коллекціи нитяціи яйца въ терракоттахъ.
- 49) Фреска катакомбъ Калликста, *Piper, Symb. u. Myth.*, pl. 204—5.
- 50) Bachofen, *Mutterrecht*, p. 366.
- 51) Алтарь 12 божествъ въ Дуврѣ, *Müll.—Wieseler, Denkm. I, III*
- 52) *Mon. ined. del Inst. 1838, tav. LIII, LIV*.
- 53) Texier, *As. Min.*, t. III, pl. 227, 231. Многія указанія того же рукописи Шёнборна, у Риттера, *Erdk. As.*, IX, 2, 849 слѣд.
- 54) *Arch. Zeit.*, 1848, стр. 290, *Taf. XIX*.
- 55) *Welcker, Alte Denkm.*, II, стр. 154 слѣд.
- 56) *Creuzer Symb.*, 1, 613, IV, 179, 307.
- 57) *Плут.*, Numa, XII, 2 *Si qua (vidua) intra decimum mens- iterum nupsisset, eam leges Numae vassam praegnantem immolare jubebat.* По связи съ предъидущимъ, быть можетъ, жертва Венерѣ-Либитѣ.
- 58) *Mionnet. Suppl.*, t. VII, pl. II.
- 59) Lajard въ *Mém. de l'Acad. d. inser.*, t. XV, 2-е partie, p. 81 *Ann. d. Inst. 1845*, стр. 20, прим. 2.
- 60) Lajard, *Nineveh, Taf. XVIII, p.*; *Botta, p. 141*.
- 61) *Mon. ined.*, vol. IV, tav. XXXI, 1—6, 19.
- 62) *Marquardt. Cysicus*, p. 134, авторъ относитъ символъ къ Лѣ и Деметрѣ, — богинямъ, наиболѣе чтимымъ въ Египтѣ.
- 63) *Mionnet, t. II, p. 28, 2, Suppl.*, t. III, 314 слѣд.; *ibid. p. III* 164; *Suppl.*, t. III, 329 слѣд.
- 64) *ibid.*, III, 670, no. 687. Сюда же, быть можетъ, слѣдуетъ отнести

тичь монеты изъ числа неопредѣленныхъ, съ изображеніемъ группы коровъ и теленка и неизвѣстнаго растенія, *ibid.* VI, 613.

65) *Mon. ined.* vol. VIII, *tav.* XI, 98.

66) Tölken, *Verg.*, Cl. VIII, 98—101; но авторъ напрасно считаетъ за воспроизведеніе известной статуи Мирона. Геммы Эрмитажа, числомъ 18 (изъ которыхъ не античны), Отчетъ за 1864, стр. 199, прим. 4. Caylus, *Recueil d'Ant. gr. ég.*, t. I, pl. L, fig. 3.

67) Visconti, *Opere. Mus. Pio-CL.*, *tav.* XXXIII.

68) Schwenck, *Myth. d. Sem.*, p. 261.

69) Корова, какъ символъ материнства, у Бахоена, *Mutterm.* стр. 33, прим., 38, 39 и др.

70) Указанъ Шёнборномъ въ той же рукописи, у Ritter, *ibid.* стр. 853.

IV

1) Перечень у Овербака, *Zeus*, стр. 169 слѣд.

2) Издана у Feudeau, *Hist. d. us. fun.*, t. I, стр. 203.

3) Langlois, *Cilicis. Rev. Arch.* 1853, I, 359; Gerhard, *Kunst d. Phön.*, въ *Akad. Abh.*, *Taf.* XLIII, 1, Изображеніе Ваала въ типѣ Діониса на аттическомъ рельефѣ, замѣтка Ленормана въ *Arch. Zeit.*, 1866, стр. 162.

4) Lajard, *Mithra*, pl. LI, 4; LIV, A. 1, B. 7.

5) Gerhard, *Kunst d. Ph. Taf.* XLIII, 15.

6) Guillaume Rey, въ *Rev. Arch.* 1864, II, стр. 215 слѣд. Плутархъ *De Iside*, сар. 32, называетъ море слезами Сатурна, бога времени.

7) Müller, *Handb.* § 402, прим. 2. Гемма, изданная въ *Rev. Arch.* 1853, I, 101.

8) Maury, *Neptune Phénicien* въ *Rev. Arch.* 1848, t. II, стр. 549 слѣд.

9) Gerhard, *Etrusk. Spiegel*, t. I, *Taf.* LX. Авторъ не коснулся, къ сожалѣнію, въ текстѣ подробностей, такъ что можно судить только по рисунку.

10) Gori, *Mus. Etr.*, t. II, *tab.* CXCIV; t. III, Cl. III, *tab.* XXXI.

11) О морскихъ атрибутахъ Зевса, см. Стевани, Отчетъ за 1866, стр. 93.

12) На золотыхъ бляшкахъ съ одежды изъ Куль-Обской гробницы, *Ant. du Vosp. Cim.* XX, I; *Uden. Üb. d. Etr. Todtenkisten*, въ *Abhandl. d. Kön. Ak. d. W. zu. Berl.* 1828, p. 235.

13) Schwenck, *Myth. d. Pers.*, стр. 93, 285, 304, 311; *Myth. d. Sem.* 353 и др.

14) См. Аванасьева «Поэтическія воззрѣнія», т. I, стр. 518 слѣд. Известіе Льва о Святославовой дружинѣ, топившей въ Дунай младенцевъ и вѣтхиковъ, — обрядъ, стоявшемъ въ тѣсной связи съ погребеніемъ вообще, у Ботляревскаго «О погребальныхъ обыч. Слав.», стр. 84—86. *Vaschofen, Mutterm.*, стр. 31 приводитъ обрядъ погребенія отцеубійцы въ морѣ

съ пѣтухою, змѣей, собакою и пр. Обряды погребенія съ участіемъ пѣтухъ существуютъ въ Россіи и теперь.

15) Гезъ «Култ. раст.», стр. 179—189.

16) Creuzer, Symbolik, II, стр. 90. Meyers, Rel., p. 383—4.

17) Chwolson, Die Saabier, I, 493—4; II, 84—5; 410, 617, 136.

18) Lajard, l. c., pl. XIII, 3. pl. LXVIII, 5; Lajard, Nin., стр. 538—9. въ изд. Ценкера 410—1; рис. XVIII, А, F.

19. Изображенія гностическихъ геммъ въ изд. соч. Іоанна Шнейдеса и въ другихъ сочиненіяхъ о гностикахъ. Указанная гемма описана Альер-Мори въ статьѣ «Des divin. pyeubor» въ Rev. Arch. 1845 1, 502 слѣд.

20) Neumann, Pop. et Reg. Numi ined. 1, VI, 8, Millin, Gall. Myth. 639

21) Doctrina num. vet., I, p. 211—2.

22) *ibid.* p. 213; описаніе: *monstrum miri ingenii: caput senile barbaturum prominente uno vel geminato capri cornu, brachium est ursi vel leonis, reliquum corpus galli* (напоминаетъ типъ Гарпіи у писателей).

23) Visconti, Mus. Pio—Cl., I, стр. 144.

24) § 41, 202, 277, 470, 508, 509 и пр.

25) Tölken, Verz. p. 414, по 179; Рапофка Terracotten, стр. 100 слѣд.

26) Объ этихъ монетахъ см. Eckhel, Doctrina n. v., II, p. 317 (Идиоменей?). Также Mionnet, IV, p. 331 (Ясионъ?); Валькера Gr. Gött. стр. 244 (Зевсъ Талайосъ? отъ Бритскаго Талоса—божества солнца) и итер.: Overbeck, Zeus, p. 197 (Зевсъ Тельханосъ?).

27) Müller—Wies., Denkm., I, XLII, 194.

28) Ann. del Inst., 1836, tav. d'agg f. На щитѣ Гектора: Jahn, Vasensamm., по 53; неизвѣстныхъ юношей: *ibid.* 337, 403, 421.

29) Müller, Handb. § 381, 7; Gerhard, Myth. § 277, 2 e.

30) Clarac, Musée, IV, pl. 655, 666, B; Montfaucon, Ant. expl. I. XXXVII, V, XXXVIII.

31) Ann. d. Inst. t. XXXVIII, tav. d'agg. T. 1.

32) Tölken, Verz. I, 262—277; Cl. 3-e, 852—914.

33) Rangabé, Ant. Hell., II, стр. 510.

34) De Iside, LXI.

35) Mus. Borb., X, tav. LIII.

36) Εφφ. ἀρχ., 1862, № 6, стр. 148, табл. 21.

37) Описанъ Бѣттихеромъ, Philologus, XXII, стр. 397 слѣд.

38) Jahn, Arch. Beiträge, стр. 437 слѣд.

39) Clarac, Mus., pl. 191, по 392.

40) Mus. Pio—Cl., tav. VIII, стр. 56 слѣд., Mus. Chiaram., tav. XLV.

41) Arch. Zeit., 1847, стр. 191, закътка Панюеки.

42) Elite céramogr., t. I, p. 36, pl. XVIII; IV, pl. XLIX. На гермалъ Tölken, 3-e Cl., 482—493. Jahn, Vasensamm., по 804; илчего эротическаго въ рис. вазы, изображающей юношу, протягивающаго руку въ пѣтухъ *ibid.*, по 909.

43) Статуя Шитры въ Ватиканъ. Lajard, l. c. pl. LXX; барельеф: *ibid.* pl. LXXIV.

44) Описание у Waddington, Voyage numism. en As. Min. въ Revue Num. 1853, стр. 34. Присоединимъ сюда же неизвестное намъ указаніе на посвященіе пѣтуха Кибелѣ и Атису, а именно въ изображеніи его среди мисовъ, относящихся къ этимъ божествамъ, на барельефѣ поздеринскаго алтаря (295 г. по Р. X.), см. Schwonek, Myth. d. Gr., стр. 345.

45) Tölken, *ibid.*, Cl. I, по 486.

46) *ibid.*, 262, Schwonek, Myth. d. Rom. p. 354.

47) Tölken, VIII Cl., 218—256.

48) Montfaucon, t. V, pl. CLXIV, 2.

49) Tölken, Cl. I, 113.

50) *Ibid.*, III Cl. 135.

51) *Ibid.*, Cl. 3-е, 266.

52) Lajard, l. c., pl. XLII, XLV и др.

53) Литература и рис. въ текстѣ и атласѣ Müll.—Wies. Denkm., II, Heft 5, табл. LXVIII, 856, стр. 34.

54) Преллеръ, Myth. I, стр. 625.

55) Gerhard, Akad. Abh. Taf. L, 3.

56) Курциусъ въ Arch. Zeit, стр. 76 издавъ и описавъ только одинъ изъ барельефовъ. Барельефы находятся въ британскомъ Музеѣ, 2-й комнатѣ вазъ, столъ К.

57) Саркофагъ Gall. Giust., t. II, по 116, у Engel. Куртос, стр. 591, 628.

58) Arch. Zeit. 1866 стр. 148.

59) Gerhard, Ant. Bildw., Taf. LXXV, стр. 313—4.

60) Музей Кампаны въ Луврѣ, нум. 342 и др.

61) Wendorf u. Schöna, Die ant. Bildw. d. Lateran. Mus. 1867. Taf. XVII, fig. 2, по 80, р. 52.

62) Издава и описана, хотя не особенно удачно въ Revue Arch. 1863, I, p. 293, pl. VIII.

63) Эвземпляръ въ Луврѣ, въ Музеѣ б. Наполеона III и въ собраніи Чеснолы (фотографіи съ Египетскихъ древностей, изд. Манселлемъ въ Лондонѣ, 1873 г., нум. 8).

64) Montfaucon, t. V, pl. XXX, LXVII.

65) Monum. ined. 1831, XXXII.

66) См. обсужденіе этого предмета у Minervini, Bull. a. Nap. 1854, № 38, съ указаніемъ мнѣній Гергарда, Вальца и Панони.

67) Minervini, *ibid.*, 1853, tav. IV, fig. 13, № 13, стр. 139.

68) Ant. du Bosph. Oim., pl. LXXII, 7; LXXXII, 6; LIII, 9. Отчетъ Арх. Комм. 1864, XIII; Отчетъ за 1868, стр. 69—71. Изъ бронзовыхъ пѣтушьямъ Сакескихъ могилъ авторъ описанія ихъ Навстрюевъ искалъ аналогіи у Персовъ и Ассиріянъ, ст. «Анальическій Могильникъ» въ Трудахъ Пер. Арх. Съѣзда, стр. 623

- 69) Conestabile, Nuove public. d. monum. di Perugia, tav. LXIX.
70) Mélang. Gr. Rom. Paregga arch., t. I, стр. 187, pl. I, 3.
71) Въ последнее время Конце, посетивший Музей Королевской библиотеки въ Венеціи, счелъ также нужнымъ указать на эту стату на оригинальное изображеніе умершаго. См. Arch. Zeit., 1873, Band 5-r, Heft 4-я, p. 88, no 226.
72) Издавъ Конце, Antikensamml. in Engl. въ Arch. Anz. 1864, № 158, Taf. A.
73) Издано у Lajard, Mithra, pl. XLV, 20, также 7.
74) Overbeck, Zeus, стр. 25.
75) *ibid.*, стр. 567, прим. 71.
76) *ibid.*, стр. 29.
77) Barker, Cilla's, стр. 217.
78) Arch. Zeit. 1845 стр. 108.
79) § 40, 8; 312, 340, 450 и пр.
80) Micali, Monum. ined. p. 56.
81) Lajard, l. c., pl. XV, 1; XL, 3; XLVI, 23, 24. Layard v. Zankar. Taf. XVIII, O, стр. 124.
82) Подробности о созвѣдіи Ориона у Грековъ, см. Müller, Prolegomena, 193—196; его же Kleine Schriften, Orion, 117. О значеніи этого же созвѣдія у Египтянъ Champollion, Égypte anc., изд. Univers pittoresque стр. 237 слѣд.; у Персовъ: Schwenck, Myth. d. Pers. стр. 5; у Римлянъ въ учебникѣ миссл. Преллера. Отожествленіе Ориона съ Геріономъ: Meyer. Rel. стр. 437. Восточное изображеніе на этрусскомъ зеркалѣ указано въ Ann. 1858 стр. 386 слѣд.
83) Mionnet, Suppl. IV, 312, 332, 342. Де Виттъ въ Revue Num. 1840, p. 191 безъ всякой нужды относитъ символъ собаки къ Зевсу, вѣсть котораго она охраняла, тогда какъ этотъ мнѣзъ есть не болѣе какъ поздній вариантъ схолиаста, искавшаго смысла въ непонятномъ сочетаніи. Приводинитъ также Кеалоса, бога восходящаго солнца, съ копейнъ и собакой, чтывшагося на Бритѣ.
84) Movers, Rel. p. 405; Raub III, 14, 9.
85) Наиболее интересное изображеніе, видимо сливающее Артемиду съ Гекатой, на Луврской стѣлѣ изъ Книана, представляетъ женщину съ двумя екалами и собакой: Perrot. Explor. Arch. de la Galatie, 1865, стр. 81, pl. IV, 6. Ея нульту Гекаты слѣдуетъ отнести изображеніе женщины съ собакой на колѣнѣхъ,—статуя у Clugac, Musée, pl. 775, 1931.
86) Mutterrecht, стр. 11, 31, 199 и др.
87) Lenormant et de W. Élite, t. IV, p. 180—1, pl. L.
88) Hist. anim. гл. VI, VII, XI и др.
89) Tölkén, Verz. 1° Cl. 110 — Анубисъ въ тѣлѣ Гермеса съ вертѣмъ и екаломъ на тронѣ съ собакой.
90) *ibid.*, 2° Cl. 9, 10.

91) Два собаки около крылатой богини, Gerhard, *Etr. Sp.*, IV, Abth. I, Taf 289, 1. Терракотта, изображающая Деметру и Кору, влущихъ въ колесницѣ, запряженной собаками, упоми. въ *Arch. Zeit.*, 1848 стр. 298.

92) Сводъ данныхъ по символикѣ этого животного и происхожденію ея изъ Египта, см. у Крейцера, I. e., т. I, стр. 424, 478, 528, 689, 751—2, III, 277, 528.

93) Hartung., *Myth.*, II, стр. 86.

94) Текстъ въ переводѣ, Schweneck, *Myth. d. Pers.* стр. 282 слѣд. Маннгардтъ *Götterwelt*, стр. 53, въ виду аналогіи въ сѣверныхъ сказаніяхъ видятъ въ собакѣ символическое представленіе вѣтра психопомпа.

95) Schwolsson, *Ssabier*, II, 84.

96) *Bullettin arch. d. l'Athen.* 1855. Цитата изъ статьи де Вятта въ *Ann. del Inst.*

97) Архавинов. пам. Неапол. Муз.: *Mus., Borb. vol., XIV, taf. X*; другая стѣла, изображающая три енгурь, двѣ въ оцѣнѣ прощанія и третья женская волязъ, — по описанію, изображеніе союза (?), съ собакой, *ibid*, tav. XXXIV; Clarac, II, pl. 170, 208. Kekulé, *Thesolon*, no. 180, 182.

98) *Museo Worsl.*, II, 1.

99) *Ant. du Bosph. Cim.* LXIV, 6, 8.

100) Eckhee, *Doctr. n. v.* II, 290.

101) Abeken, *Mittelitalien*, табл. VII, 7, 8.

102) Engèl, *Kypros*, II, 262.

103) *Bdettiger, Kunstmyth.*, II, 274.

104) На геммахъ: хлѣбная вѣра, заяцъ, муравей и голубь: *Tölkén* I. e. VII, Cl. 152.

105) Overbeck, *Zeus*, стр. 231 слѣд.

106) Рельефъ Латеранскаго Музея, Benndorf u. Schöne, нум. II, стр. 7, представляетъ, по всему вѣроятію, исторію Асклепія. Overbeck, *Zeus*, стр. 338, d. Терракотовая группа, будто бы изображающая Кроноса, Рею и Зевса—мальчика съ додонскимъ голубемъ, у Гергарда *Ant. Bildw. Taf. СССР*, стр. 390.

107) Lajard, I. e., pl. LIV, 6, LVIII, 2.

108) Note sur l'emploi et la signif. du cercle, etc. въ *Journal asiatique.* 1835, стр. 171 слѣд. Въ статьѣ его же *Ann. d. In.* 1833 p. 95.

109) Поттъ въ статьѣ «Über die altpers. Namen», въ *Zeitsch. d. DMG.* 1859, стр. 372, отвергаетъ существованіе женскаго божества съ именемъ Митры. См. Schweneck, *Myth. d. Pers.* стр. 204 слѣд.

110) *Symb.* II, стр. 70 слѣд.

111) Langlois, *Rev. Num.* 1854. pl. 1, 7.

112) *Mus. Borb. VI, tav. LXIV, 6—10*; Eckhel, *Doctrina n. vet.* I, p. 221.

113) *Ann. d. In.* XXXII, p. 423 слѣд., tav. d'agg. R.

114) Overbeck, *Zeus*, 195—204.

- 115) Энгель, Кургос, II, стр. 226, 229 и др. Schwenck, Myth. d. Gr. I, 246.
- 116) Цилиндръ, Lajard, l. c., pl. XXVIII, 10.
- 117) Gerhard, Phoen. K., Taf. XLIII, 2.
- 118) Reise auf d. Ins. d. Thrak. Meeres, стр. 98, Taf. XVII, 7.
- 119) l. c. p. 210—1.
- 120) Welcker, Gr. Götterl. I, 171 считаетъ или Асифоса тождественнымъ съ Акрафосъ — богъ вышній, кифющій храмъ на акрополѣ. — прозвищемъ Гермъ въ Аргосѣ, Аеродиты на Кипрѣ и пр. См. указ. къ миеол. Швеция.
- 121) Ed. Reiske, vol. VII, p. 954, цитата у Overbeck, Zeus, стр. 211, прим. b.
- 122) Müll.—Wiesel., Denkm. I, Taf. XXIX, 127.
- 123) Conestabile, l. c. Tav. LXXXIII, b.
- 124) Stackelberg, l. c., II, p. 42.
- 125) ibid., Taf. XLVI.
- 126) Arch. Zeit., 1848, Taf. XXII.
- 127) Mus. Worsl., tav. VIII, 1.
- 128) Fellows, Lycia, pl. 22.
- 129) См. особенно Гена, указ. соч., стр. 128 слѣд.; Pauly, Real—Enc. подъ словомъ «ромъ». Въ рукахъ у женщины, стоящей съ вонюшкою на затылѣ Gerhard, Auserl. Vasenb. 169, 1; Jahn, Vasenb., 283.
- 130) Подобное же изображение на мраморной доскѣ изъ Помпеи какъ эмблема. Mus. Borb., t. X, tav. XV
- 131) Benndorf, Gr̄ech. Vasenb., Taf. XXVII, представилъ рисунокъ ланхоъ съ изображеніемъ женщины, несущей въ погребальной процессіи шлемъ и копье, но относить сюжетъ къ Аениѣ.
- 132) O. Müller, Prolegomena, 1825, стр. 73—76. Медвѣдица какъ соотвѣдствіе Титона въ Египтѣ, у Плуто. De Iside, XXI; о полярной звѣздѣ Pseudo-Plut. De vita Homeri, CVI.
- 133) Ael. De nat. anim., V 48; XVII, 31; VI, 9; VI, 3; послѣднее замѣчаніе въ книгѣ II, гл. 19 и у Плуто. De Sol. anim., XV, 6; XX, 3; его же De amon prois II. См. также статью Прантля объ остаткахъ животнаго эпоса у античныхъ собирателей, Philol. VII, стр. 75.
- 134) Lobeck, Aglaoph., стр. 175.
- 135) Schwenck, IV, 236; Preller, стр. 745.
- 136) Creuzer, III, 277. Въ Книжнѣ находилась гора медвѣдей ἄρκτων ὄρος διμφολόσσα, богатая пещерами, въ которой жертвовали Кабелѣ и Атисоу. Marquardt, Cusicus, p. 98.
- 137) Myth. § 143.
- 138) Schwenck, Myth. d. Gr., 163.
- 139) О бронзовыхъ украшенияхъ въ видѣ медвѣжьей головы, анкетахъ изъ зубовъ животнаго, изваяніяхъ медвѣдѣ между сибирскими и

пермокии древностями, какъ изображеніяхъ символическихъ, см. вновь у Невоструева, «Анаглии. Могил.» въ трудахъ 1-го съѣзда стр. 624—5.

140) L. c. II, 301. Генъ, 1. а. стр. 323.

141) Bénap, Mission en Phénicie, livr. 4e, pl. XXXVIII.

142) T. IV. pl. 225

143) Lajard, 1. c., pl. XLVI, 18. Tölken, VII C. 1., 152; VIII. Cl., 36—40. Стевани, Отчетъ А. Е. за 1867, стр. 148—9, 156.

144) Montfaucon, t. V. pl. XXXII.

145) Ann. d. In., vol. XXXV, tav. d'agg. A.

146) Arch. Zeit., 1845, Taf. XXV, стр. 9.

147) Inghirami, Mon. Etr., I p. 2. p. 507, также у Conestabile, Mon. di Perugia, par. IV, стр. 116 слѣд.

148) Какъ ни грубо самое исполненіе, медвѣжья голова ясна, Lajard, pl. XCIII.

149) Iabornegg—Altenfels, Kärnten's Röm. Alterth., 1871, Taf. 13, № 471, стр. 191.

150) Revue Arch., 1855, 1-er p., стр. 110 рис.

151) Lenner, Travels in little known parts of Asia Minor, 1870, t. I., стр. 318 слѣд. Langlois, Cilicie, стр. 14. Fellows, Lycia, p. 158.

152) Не слѣдуетъ ли также отнести къ Ликии монету, описанную у Мюнне, т. VI, стр. 631, подъ именемъ неизвѣстной, или монеты города Саме Еввалленія. съ изображеніемъ медвѣдя, идущаго налѣво и буквами ΣΑ (ΣΑ)?

153) Издана и описана въ статьѣ Barclay Head, On some rare greek coins, recently acquired by the B. Museum 1871, Numism. Chron. of. N. S. vol. XI, pl. VI, 5., откуда взять и нашъ рисунокъ, не вполне удовлетворительный.

154) Аналогія или даже, можетъ быть, воспроизведеніе того же типа представляется въ изображеніи на боевой сѣкирѣ въ рукахъ воина съ Хорсабадскаго барельефа, описаннаго Воттою, въ Journ. asiat., 1844, III pl. XXVII, 2, no 1.,—сѣгура съ головой, повидимому, медвѣжьей въ той же позѣ. держатъ крестъ и кружокъ.

155) Lajard, pl. LXVIII, 11.

156) Longpérier, Mus. Nap. III, pl. LIX.

157) O. Müller, Handb. § 334, 3.

158) Приведена у Стевани, Отчетъ за 1862, стр. 14, прим. 5; авторъ видитъ въ нихъ только гиперболическую характеристику Авры, какъ охотницы, что, по малой мѣрѣ, не идетъ къ богинѣ вѣснаго дуновенія вѣтра.

159) Arch. Zeit. 1871, стр. 79—80.

V.

1) Шречень мѣсть, относящихся къ Гарпініямъ, изъ древнихъ писателей у Ялбоса въ Мие. Деке. подъ словомъ «Phineus». Замѣтки и расу-

ждения о томъ же въ сочиненіяхъ по миеологіи и монографіяхъ: Böttiger. *Kleine Schriften*, I, стр. 199; *duc de Luynes, Rhinée délivré des Harpyies*, *Ann. d. In.*, 1843, стр. I слѣд.; его же—*Mémoire sur les Harpyies*, *Ann.* 1845, стр. 1—12; Corquand, *Les Harpyies*, *Rev. Arch.* 1860, стр. 367—383, 1861, стр. 12 слѣд.

2) Buchholz, *Homer. Realien*, 1, В., стр. 139.

3) Hartung, *Myth.*, II, 93.

4) См. вышепоименов. сочин., особенно Сергана, прилож. рис.

5) *Museo Borbonico*, vol. XIV, Tav. XIV.

6) Kekulé, *Ant. Bildw. im. Thesenion*, стр. 83, по 197. Варкеръ и Эисвортъ, *Cilicia*, стр. 225 слѣд., приводятъ, какъ изображенія Гарпій, слѣдующіе фрагменты илинійскихъ терракоттъ: 1) изображеніе Гарпій съ тѣломъ коршуна (?) и страшнымъ выраженіемъ лица—статуетка 2) фрагментъ алтара, въ видѣ головы окрыленной Гарпій, увѣнчанной лавителю (модіусъ?), 3) ручка сосуда. Не сообщено рисунковъ, а номенклатура памятниковъ и толкованія въ этомъ сочиненіи отличаются произволомъ и отсутствіемъ критики. Фигуры колоссальныхъ Гарпій, оказавшихся теперь сѣнниками, въ развалинахъ Эвлюка въ Галатіи, см. въ рис. у Hamilton, *Researches in A. M.*, стр. 382; *Barth. Arch. Zeit.* 1859, стр. 54, Taf. CXXVI I; *Lenner, Travels in A. M.*, t. II, p. 130; *Perrot, Guillaume et Delbet. Explor. arch. de la Galatie*, pl. LIV, LXV.

7) Изображеніе окрыленныхъ жрицъ въ сценахъ бѣга и состязанія на колесницахъ, какъ эмблема быстроты,—Гарпій? *Jahn, Vasens.*, по 725.

8) Затрудненія эти указаны Стеенанъ въ его обзорѣ изображеній Сирены, *Отчетъ Арх. Ком. за 1866 г.*, стр. 10—66.

9) *O. Jahn, Vasensamml.*, указателъ. *Heudemann, Vasens. d. Mus. napol. zu Neapel*, 1872, *ibid.*

10) *Stephani, Vasens. d. Kais. Ermitage*, указ.

11) *Отчетъ за 1866 г.*, стр. 60 слѣд.; указанія въ соч. де Люнна и др.

12) См. рисунки, прилож. въ статьѣ Сергана. Рисунки геммъ, видимо, представляютъ Сиренъ съ погребальными атрибутами (*Millin, Gall. Myth.* LXXX, 312, 313; XIII относитъ атрибуты къ мистеріямъ) Изображеніе Гарпій—Аениы въ шлемѣ, съ змѣйкой и кольцомъ, на вѣтви огненной и пр.—можно было бы объяснить сочетаніемъ Аенины съ ея сивцевой птицею—совой.

13) Указ. соч. *Maury, Hist. d. Rel.*, I, 67; *Longpérier, Musée Nap. III, Raoul — Rochette*, въ рецензіи журнала Феллоуса въ *Journal des sav.* 1872, июль.

14) *Maury, Des div. psychop.* *Rev. Arch.* 1845, стр. 511 слѣд.

15) Характеристика отношеній Сирены къ загробному культу, *Отчетъ за 1866 г.*, стр. 62—4; памятники, стр. 42 слѣд. Новыя данныя: статуя Сирены: *Salinas, sur deux statues, découv. en Athènes près l'Acad.*

Trias Rev. Arch. 1864, 362 слѣд. Стѣлы съ изобр. Сирены: Conze, Übergr. Grabrel., Sitzungsber. d. K. Ak. d. Wiss. Wien, 1872, Mai, Taf. I, II, 1, 2.

16) Сирена на намятникѣ Исократѣ, по словамъ древнихъ, изображала его краснорѣчіе, но было бы странно принять это толкованіе напр. въ ликійскому рельефу съ Сиреной въ еронтаѣ, см. Отчетъ за 1866, стр. 64. Мисеологическая характеристика въ изв. монографіи Шрадера, Die Sirenen.

17) Feudeau, Hist. d. usag. fun., I, стр. 87, и цитаты *ibid.*

18) Tölken, Cl. I, 74; Mus. Worsl., Tav. XXV, 2.

19) Lajard, l. c., pl. XXVIII, 11; XXIX, 2; XXXII, 8; XLIX, 2; LII, 3; LIII, 6; LXII, 6.

20) *ibid.*, pl. LXIX, fig. 12—15.

21) *ibid.*, pl. XLVI, fig. 15.

22) Вазы съ изображеніемъ Гарпій упоминаются Зальцианномъ въ описаніи раскопокъ на Родосѣ: Une ville Hom., Rev. Arch., 1861, II, стр. 469.

23) Gerhard, Über d. Flügelgest., Akadem. Abh., 1-^r B., стр. 158.

24) Стеваны, Parerga arch., Mél. Gr. Rom., t. I, стр. 169. Benndorf, l. c., II Lief., Taf. XIV, стр. 33.

25) Сирены, несущая двухъ младенцевъ (Сцилла и Харибда? Сонъ и Смерть?). Caylus, Mon., t. III, pl. 41, 5; цитата изъ Anp. d. In. 1829 стр. 287, прик. 14.

26) Литература у Wieseler, Denkm., II, 896. Замѣтимъ, что къ этому же роду изображеній могутъ быть относимы и некоторые мисеологическіе сюжеты, воспроизводившіеся въ погребальныхъ терракоткахъ: архаическій рельефъ Брит. Музея изъ гробницы Камброза, подъ названіемъ Эосъ, уносицей Кеалоса. Сравн. изображенія Авроры на этрусскихъ саркофагахъ, Inghirami., Mon. ined. etr., t. I, tav. V.

27) Serquand, l. c., гл. II, стр. 376.

28) Къ указаннымъ въ литературномъ перечнѣ статьямъ Курціуса въ последнее время прибавляется новая замѣтка по поводу яйцевой формы гѣла Гарпій: о «фрагментѣ стѣнной живописи изъ Цере» въ Arch. Zeit. 1873 стр. 96, Taf. 68.

29) Bachofen, Mutterr., стр. 27. Его же «Über d. Gräbersymb.», стр. 36.

VI

1) Overbeck, Gesch. d. gr. Plast., I, стр. 147.

1) Das Datum d. H. mon., Zeitsch. f. d. Alt. wiss., 1856, стр. 37 слѣд.

3) Ueber Styl und Zeit d. H. mon., Sitzungsber. d. Bayer. Ak., 1870 B. IV, 2, стр. 205—220.

4) Праховъ, I. с., стр. 14. Новое объясненіе въ прежнемъ направленіи въ руков. Вурсіана *Griechische Kunst.*, въ Энци. Эрша и Грубера, *Griechenland*, I, стр. 420, какъ кажется, выдано крайностями воззрѣніи Брунна.

5) Праховъ, I. с., стр. 15, 16. Срав. съ мнѣніемъ Брунна, который вѣдетъ проявленія реального принципа Дикійскаго искусства видѣть дѣтское состояніе искусства.

6) Примеромъ можетъ служить фигура ерива, изд. г. Праховымъ, атласъ I, 2.

7) Ладель въ *Rev. Arch.* 1865, стр. 438, рис.; *Arch. Zeit.* 1867, no 217, Taf. CCXVII.

8) Мнѣнія эти находятся въ слѣд. источникахъ: *Fellows, Lycia*, стр. 250; его же *Travels*, 1852, въ приложеніи «An account of the collection in the Br. Mus.», стр. 490—2; *Braun*, I. с.; Велькера, руков. О. Миллера § 90; *Overbeck, Das Datum etc.*, стр. 37; *Spratt and Forbes*, t. II, chap. X, p. 37—61.

ЗАМѢТКА

объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы.

Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью обнаружить нѣкоторыя общія свойства ускореній какого бы то ни было, n -го, порядка точекъ неизмѣняемой системы при движеніи такой системы параллельно неподвижной плоскости и при ея самомъ общемъ движеніи въ пространствѣ.

Начиная съ перваго случая, какъ съ простѣйшаго, мы, для краткости, изложимъ всѣ касающіеся его выводы въ формѣ, относящейся къ движенію плоской неизмѣняемой фигуры въ своей плоскости, движенію, на разсмотрѣніе котораго, какъ извѣстно, сводится изученіе движенія неизмѣняемой системы параллельно неподвижной плоскости, такъ что всѣ свойства перваго движенія переносятся непосредственно на второе.

§ 1.

Назовемъ чрезъ Σ плоскую неизмѣняемую фигуру, движущуюся какимъ-бы то ни было образомъ въ своей плоскости Π , и отнесемъ ее къ двумъ системамъ прямоугольныхъ осей OX , OY и $O'X'$, $O'Y'$, изъ коихъ первая неподвижна въ плоскости Π , а вторая связана неизмѣняемо съ фигурой Σ и, слѣдовательно, участвуетъ въ движеніи послѣдней. Пусть m будетъ какая-либо точка фигуры Σ , x , y ея координаты относительно осей OX , OY , x' , y' ея координаты относительно осей $O'X'$, $O'Y'$;

называя чрез α угол между двумя осями OX , $O'X'$ и чрез ξ , η координаты подвижнаго начала O' относительно неподвижных осей, между координатами x , y , x' , y' во всякое мгновеніе t , какъ известно, существуютъ соотношенія:

$$\left. \begin{aligned} x &= \xi + x' \cos \alpha - y' \sin \alpha, \\ y &= \eta + x' \sin \alpha + y' \cos \alpha. \end{aligned} \right\} \quad (A)$$

Назовемъ чрезъ v_0 скорость, чрезъ $v_1, v_2, \dots, v_n$ ускоренія перваго, втораго, ... n -го порядка точки m (такое обозначеніе оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что скорость можно разсматривать какъ ускореніе нулеваго порядка) и чрезъ $v_{0,x}, v_{1,x}, v_{2,x}, \dots, v_{n,x}$ и $v_{0,y}, v_{1,y}, v_{2,y}, \dots, v_{n,y}$ слагающія $v_0, v_1, v_2, \dots, v_n$ по неподвижнымъ осямъ OX, OY , такъ что

$$\begin{aligned} v_{0,x} &= \frac{\partial x}{\partial t}, \quad v_{1,x} = \frac{\partial^2 x}{\partial t^2}, \quad v_{2,x} = \frac{\partial^3 x}{\partial t^3}, \dots, v_{n,x} = \frac{\partial^{n+1} x}{\partial t^{n+1}}; \\ v_{0,y} &= \frac{\partial y}{\partial t}, \quad v_{1,y} = \frac{\partial^2 y}{\partial t^2}, \quad v_{2,y} = \frac{\partial^3 y}{\partial t^3}, \dots, v_{n,y} = \frac{\partial^{n+1} y}{\partial t^{n+1}}. \end{aligned}$$

Тогда послѣдовательныя дифференцированія основныхъ зависимо-стей (A) по измѣняемости времени дадутъ систему паръ со-вѣстныхъ уравненій, которыя легко могутъ быть представлени въ видѣ:

$$\left. \begin{aligned} v_{0,x} &= \frac{\partial \xi}{\partial t} - (y - \eta) \frac{\partial \alpha}{\partial t} \\ v_{0,y} &= \frac{\partial \eta}{\partial t} + (x - \xi) \frac{\partial \alpha}{\partial t} \end{aligned} \right\} \quad (\Phi_0)$$

$$\left. \begin{aligned} v_{1,x} &= \frac{\partial^2 \xi}{\partial t^2} - (y - \eta) \frac{\partial^2 \alpha}{\partial t^2} - (x - \xi) \left(\frac{\partial \alpha}{\partial t} \right)^2, \\ v_{1,y} &= \frac{\partial^2 \eta}{\partial t^2} + (x - \xi) \frac{\partial^2 \alpha}{\partial t^2} - (y - \eta) \left(\frac{\partial \alpha}{\partial t} \right)^2; \end{aligned} \right\} \quad (\Phi_1)$$

$$\left. \begin{aligned} v_{1,x} &= \frac{\partial^3 \xi}{\partial t^3} - (y-\eta) \left\{ \frac{\partial^3 \alpha}{\partial t^3} - \left(\frac{\partial \alpha}{\partial t} \right)^3 \right\} - (x-\xi) 3 \frac{\partial \alpha}{\partial t} \frac{\partial^2 \alpha}{\partial t^2}, \\ v_{1,y} &= \frac{\partial^3 \eta}{\partial t^3} + (x-\xi) \left\{ \frac{\partial^3 \alpha}{\partial t^3} - \left(\frac{\partial \alpha}{\partial t} \right)^3 \right\} - (y-\eta) 3 \frac{\partial \alpha}{\partial t} \frac{\partial^2 \alpha}{\partial t^2}; \end{aligned} \right\} (\Phi_1)$$

.....
 .....

По этимъ равенствамъ не трудно видѣть, что выраженія для слагающихъ $v_{n,x}$, $v_{n,y}$ ускоренія какого-либо, n -го, порядка разсматриваемой точки фигуры Σ будутъ имѣть форму

$$\left. \begin{aligned} v_{n,x} &= \frac{\partial^{n+1} \xi}{\partial t^{n+1}} - A_n (y-\eta) + B_n (x-\xi), \\ v_{n,y} &= \frac{\partial^{n+1} \eta}{\partial t^{n+1}} + A_n (x-\xi) + B_n (y-\eta), \end{aligned} \right\} (\Phi_n)$$

гдѣ A_n , B_n суть опредѣленные функціи производныхъ различныхъ порядковъ переменнй α по отношенію къ t , измѣняющіяся вмѣстѣ съ указателемъ n . Чтобы убѣдиться, что эта форма имѣетъ мѣсто для всякаго n , допустимъ ея справедливость для какого-либо указателя $n-1$ и покажемъ, что она сохраняется для слѣдующаго указателя n . И такъ, пусть

$$\left. \begin{aligned} v_{n-1,x} &= \frac{\partial^n \xi}{\partial t^n} - A_{n-1} (y-\eta) + B_{n-1} (x-\xi), \\ v_{n-1,y} &= \frac{\partial^n \eta}{\partial t^n} + A_{n-1} (x-\xi) + B_{n-1} (y-\eta). \end{aligned} \right\} (\Phi_{n-1})$$

Одифференцировавъ эти равенства одинъ разъ относительно t , получимъ

$$\left. \begin{aligned}
 v_{n,x} &= \frac{\partial^{n+1}\xi}{\partial t^{n+1}} - \left(\frac{\partial A_{n-1}}{\partial t} + B_{n-1} \frac{\partial \alpha}{\partial t} \right) (y-\eta) + \\
 &\quad \left(\frac{\partial B_{n-1}}{\partial t} - A_{n-1} \frac{\partial \alpha}{\partial t} \right) (x-\xi) , \\
 v_{n,y} &= \frac{\partial^{n+1}\eta}{\partial t^{n+1}} + \left(\frac{\partial A_{n-1}}{\partial t} + B_{n-1} \frac{\partial \alpha}{\partial t} \right) (x-\xi) + \\
 &\quad \left(\frac{\partial B_{n-1}}{\partial t} - A_{n-1} \frac{\partial \alpha}{\partial t} \right) (y-\eta) ,
 \end{aligned} \right\} (\Phi_n')$$

— выражения, одинаковыя по формѣ съ форм. (Φ_{n-1}) . — Изъ сравненія рав. (Φ_n) и (Φ_n') находимъ соотношенія:

$$\left. \begin{aligned}
 A_n &= \frac{\partial A_{n-1}}{\partial t} + B_{n-1} \frac{\partial \alpha}{\partial t} , \\
 B_n &= \frac{\partial B_{n-1}}{\partial t} - A_{n-1} \frac{\partial \alpha}{\partial t} ,
 \end{aligned} \right\} (X)$$

посредствомъ которыхъ можно опредѣлить коэффициенты A_n, B_n выраженій для слагающихъ ускоренія n -го порядка, когда вѣстны соотвѣтственные коэффициенты выраженій для слагающихъ ускореній низшихъ порядковъ. Такъ, напримѣръ, по этимъ форм. (X), полагая въ нихъ послѣдовательно $n = 1, n = 2, n = 3, \dots$, для коэффициентовъ выраженій слагающихъ ускореній 1, 2, 3, ... порядка найдемъ значенія:

$$A_1 = \frac{\partial^2 \alpha}{\partial t^2} , \quad B_1 = - \left(\frac{\partial \alpha}{\partial t} \right)^2 .$$

$$A_2 = \frac{\partial^3 \alpha}{\partial t^3} - \left(\frac{\partial \alpha}{\partial t} \right)^3 , \quad B_2 = -3 \frac{\partial \alpha}{\partial t} \frac{\partial^2 \alpha}{\partial t^2} .$$

$$A_3 = \frac{\partial^4 \alpha}{\partial t^4} - 6 \left(\frac{\partial \alpha}{\partial t} \right)^2 \frac{\partial^2 \alpha}{\partial t^2} , \quad B_3 = -4 \frac{\partial \alpha}{\partial t} \frac{\partial^3 \alpha}{\partial t^3} - 3 \left(\frac{\partial^2 \alpha}{\partial t^2} \right)^2 + \left(\frac{\partial \alpha}{\partial t} \right)^4 .$$

.....

Рассмотрим сначала частный случай, когда въ движущейся фигурѣ Σ есть неподвижная точка o и примемъ эту точку за начало какъ неподвижныхъ, такъ и подвижныхъ осей координатъ; тогда $\xi = \eta = 0$, и ур. (Φ_n) принимаютъ видъ

$$\left. \begin{aligned} v_{n,x} &= -A_n y + B_n x \\ v_{n,y} &= A_n x + B_n y \end{aligned} \right\} (\varphi_n)$$

откуда
$$v_n = \sqrt{(x^2 + y^2)(A_n^2 + B_n^2)},$$

или, называя чрезъ r расстояние точки $m(x, y)$ отъ неподвижной точки и чрезъ k_n ускореніе n -го порядка точки фигуры, лежащей на расстоянии, равномъ единицѣ, отъ центра вращенія o , т. е., полагая

$$x^2 + y^2 = r^2, \quad A_n^2 + B_n^2 = k_n^2,$$

будеть
$$v_n = r k_n.$$

Для угла между направлениемъ ускоренія v_n и радиусомъ векторомъ r , принимая послѣдній направленнымъ отъ m къ o , имѣемъ, замѣчая, что этотъ радиусъ векторъ составляетъ съ осями oX , oY углы, косинусы соответственно равны $-\frac{x}{r}$, $-\frac{y}{r}$:

$$\cos(v_n, r) = -\frac{v_{n,x} \cdot x + v_{n,y} \cdot y}{v_n \cdot r},$$

или, въ силу рав. (φ_n) ,
$$\cos(v_n, r) = -\frac{B_n}{\sqrt{A_n^2 + B_n^2}},$$

и, слѣдовательно,
$$\operatorname{tg}(v_n, r) = -\frac{A_n}{B_n},$$

откуда видно, что этотъ уголъ одинаковъ для всѣхъ точекъ фигуры.

Возвратимся теперь къ общему случаю, когда движеніе фигуры Σ отлично отъ простаго вращенія около неподвижнаго центра. Во первыхъ ясно, что въ этомъ общемъ случаѣ *в фигуру всегда существуетъ одна точка $C_n(X_n, Y_n)$, которой ускореніе n -ю порядка въ рассматриваемое миновеніе t равно нулю*; потому что такая точка, называемая *миновеннымъ центромъ ускореній n -ю порядка*, опредѣляется уравненіями

$$\left. \begin{aligned} \frac{\partial^{n+1}\xi}{\partial t^{n+1}} - A_n(Y_n - \eta) + B_n(X_n - \xi) &= 0, \\ \frac{\partial^{n+1}\eta}{\partial t^{n+1}} + A_n(X_n - \xi) + B_n(Y_n - \eta) &= 0, \end{aligned} \right\} (C_n)$$

а опредѣлитель этой системы

$$\begin{vmatrix} B_n - A_n & \\ A_n & B_n \end{vmatrix} = A_n^2 + B_n^2$$

всегда отличенъ отъ нуля. Черезъ эту точку C_n проведемъ двѣ оси, параллельныя къ неподвижнымъ осямъ OX, OY , и назовемъ чрезъ X, Y координаты точки m относительно новой системы осей, такъ что

$$x = X_n + X,$$

$$y = Y_n + Y.$$

Ур. (Φ_n) могутъ теперь быть написаны въ видѣ

$$v_{n,x} = \frac{\partial^{n+1}\xi}{\partial t^{n+1}} - A_n(Y_n + Y - \eta) + B_n(X_n + X - \xi),$$

$$v_{n,y} = \frac{\partial^{n+1}\eta}{\partial t^{n+1}} + A_n(X_n + X - \xi) + B_n(Y_n + Y - \eta),$$

а вычтя изъ этихъ равенствъ уравненія (C_n) , найдемъ:

$$\left. \begin{aligned} v_{n,x} &= -A_n Y + B_n X, \\ v_{n,y} &= A_n X + B_n Y. \end{aligned} \right\} (\Phi_n'')$$

Сравнивая эти формулы съ форм. (φ_n), видимъ, что общій случай приводится къ рассмотрѣнному частному, принимая только за неподвижную точку мгновенный центръ ускореній; такъ что: 1) всѣ точки фигуры имѣютъ въ разсматриваемое мгновеніе ускоренія n -го порядка такія, какъ если-бы движеніе фигуры было простое вращательное около мгновеннаго центра ускореній n -го порядка (1); полагая $m \bar{C}_n = \rho$ и $\sqrt{A_n^2 + B_n^2} = k_n$, находимъ:

$$v_n = \rho k_n, \quad tg(v_n, \rho) = -\frac{A_n}{B_n}, \quad (s)$$

т. е. 2) ускоренія n -го порядка всѣхъ точекъ фигуры пропорціональны разстояніямъ этихъ точекъ отъ мгновеннаго центра ускореній того-же, n -го, порядка и образуютъ постоянный уголъ съ послѣдними разстояніями.

Полученныя нами выраженія (Φ_n) для слагающихъ ускоренія n -го порядка v_n и выведенныя изъ нихъ слѣдствія 1) и 2) въ сущности не новы, ибо форм. (Φ_n) могутъ быть получены помощью довольно простыхъ преобразованій изъ общихъ выраженій для слагающихъ $v_{n,x}$, $v_{n,y}$, $v_{n,z}$ ускоренія n -го порядка точки неизмѣняемой системы, перемѣщающейся въ пространствѣ самымъ общимъ движеніемъ, данныхъ академикомъ Сомовымъ на стр. 336 первой части его «Рациональной Механики» (см. тамъ-же, стр. 337). Но непосредственный выводъ этихъ выраженій (Φ_n) съ одной стороны казался намъ самъ по

(1) Реваль доказалъ это свойство для частнаго случая такъ называемыхъ геометрическихъ движеній, т. е. когда угловая скорость вращенія фигуры около мгновеннаго центра скоростей постоянна («Cinématique pure», p. 311—314); затѣмъ Шелль распространилъ его на общій случай, когда эта угловая скорость измѣняется со временемъ («Theorie der Bewegung und der Kräfte», p. 483—484).

себѣ не лишеннымъ интереса, а съ другой — позволить получить изъ нихъ нѣсколько новыхъ и любопытныхъ слѣдствій, именно найти геометрическія мѣста точекъ движущейся фигуры, которыя въ данное мгновеніе не имѣютъ касательнаго ускоренія $v_{n, T}$ n -го порядка, точекъ, которыя въ данное мгновеніе не имѣютъ нормальнаго ускоренія $v_{n, N}$ n -го порядка, и точекъ, имѣющихъ въ данное мгновеніе одинаковыя полныя ускоренія v_n n -го порядка.

По правиламъ проектированія, означая чрезъ T касательную, чрезъ N нормаль въ точкѣ m къ кривой, описываемой этой точкой, имѣемъ

$$v_{n, T} = v_{n, x} \cos(T, X) + v_{n, y} \cos(T, Y),$$

$$v_{n, N} = v_{n, x} \cos(N, X) + v_{n, y} \cos(N, Y).$$

Но, называя чрезъ ψ уголъ, образуемый направлениемъ скорости v_0 точки m съ осью OX , очевидно будетъ $(T, X) = \psi$; $(T, Y) = 90^\circ - \psi$; $(N, X) = 90^\circ - \psi$; $(N, Y) = 180^\circ - \psi$ и

$$\cos \psi = \frac{v_{0, x}}{v_0}, \quad \sin \psi = \frac{v_{0, y}}{v_0}, \quad \text{такъ что}$$

$$v_{n, T} = v_{n, x} \cos \psi + v_{n, y} \sin \psi = \frac{v_{n, x} \cdot v_{0, x} + v_{n, y} \cdot v_{0, y}}{v_0},$$

$$v_{n, N} = v_{n, x} \sin \psi - v_{n, y} \cos \psi = \frac{v_{n, x} \cdot v_{0, y} - v_{n, y} \cdot v_{0, x}}{v_0}.$$

Уравнивая эти выраженія нулю и внося вмѣсто $v_{0, x}$, $v_{0, y}$, $v_{n, x}$, $v_{n, y}$ ихъ значенія изъ форм. (Φ_0) , (Φ_n) , получимъ соответственно для уравненій искомымъ геометрическихъ мѣстъ точекъ фигуры Σ безъ касательнаго ускоренія n -го порядка и точекъ фигуры безъ нормальнаго ускоренія n -го порядка:

$$\left\{ \frac{\partial \xi}{\partial t} - (y - \eta) \frac{\partial \alpha}{\partial t} \right\} \left\{ \frac{\partial^{n+1} \xi}{\partial t^{n+1}} - A_n (y - \eta) + B_n (x - \xi) \right\} +$$

$$\left\{ \frac{\partial \eta}{\partial t} + (x - \xi) \frac{\partial \alpha}{\partial t} \right\} \left\{ \frac{\partial^{n+1} \eta}{\partial t^{n+1}} + A_n (x - \xi) + B_n (y - \eta) \right\} = 0, \quad (I)$$

$$\left\{ \frac{\partial \eta}{\partial t} + (x - \xi) \frac{\partial \alpha}{\partial t} \right\} \left\{ \frac{\partial^{n+1} \xi}{\partial t^{n+1}} - A_n (y - \eta) + B_n (x - \xi) \right\} +$$

$$\left\{ \frac{\partial \xi}{\partial t} - (y - \eta) \frac{\partial \alpha}{\partial t} \right\} \left\{ \frac{\partial^{n+1} \eta}{\partial t^{n+1}} + A_n (x - \xi) + B_n (y - \eta) \right\} = 0. \quad (II)$$

Каждое из этих уравнений принадлежит окружности, и какъ оба уравненія тождественно удовлетворяются, если положить $x = X_n$, $y = Y_n$ и если положить $x = X_0$, $y = Y_0$, разумѣя подъ X_0 , Y_0 координаты мгновеннаго центра скоростей C_0 , опредѣляемаго системою уравненій

$$\left. \begin{aligned} \frac{\partial \xi}{\partial t} - (Y_0 - \eta) \frac{\partial \alpha}{\partial t} &= 0, \\ \frac{\partial \eta}{\partial t} + (X_0 - \xi) \frac{\partial \alpha}{\partial t} &= 0, \end{aligned} \right\} \quad (C_0)$$

то слѣдуетъ, что каждая изъ помянутыхъ окружностей проходить чрезъ точки C_n и C_0 . Итакъ, заключаемъ:

а) Геометрическое мѣсто точекъ плоской неизмѣняемой фигуры, движущейся въ своей плоскости, коихъ касательное ускореніе n -го порядка въ рассматриваемое миновеніе равно нулю, есть окружность, проходящая чрезъ миновенный центръ ускореній n -го порядка и чрезъ миновенный центръ скоростей;

б) геометрическое мѣсто точекъ плоской неизмѣняемой фигуры, движущейся въ своей плоскости, которыя въ рассматриваемое миновеніе не имѣютъ нормальнаго ускоренія n -го порядка, есть другая окружность, проходящая чрезъ тѣ-же двѣ точки; такъ что эти двѣ окружности пересѣкаются

въ мгновенномъ центрѣ ускореній n -ю порядка и въ мгновенномъ центрѣ скоростей.

Примѣняя эти два предложенія къ случаю $n = 1$, получаемъ изъ нихъ, какъ частныя слѣдствія, теоремы, найденныя впервые Брессомъ для ускореній 1-го порядка и приведенныя Резалемъ на стр. 179—180 его «*Cinématique pure*». Чтобы въ этомъ случаѣ получить положеніе центровъ и радіусы двухъ круговъ (I) и (II), стоитъ принять къ ур. (I), (II), положивъ въ нихъ предварительно $n = 1$, разсужденія, подобныя тѣмъ, которыя указаны Шеллемъ на стр. 387—388 его «*Theorie der Bewegung und der Kräfte*» (1).

Координаты точекъ фигуры, имѣющихъ въ рассматриваемое мгновеніе t одинаковыя полныя ускоренія n -го порядка $v_n = i$, должны удовлетворять условію

$$v_{n,x}^2 + v_{n,y}^2 = i^2,$$

или, внося сюда значенія $v_{n,x}$, $v_{n,y}$ изъ форм. (Φ_n''), — условію

$$X^2 + Y^2 = \frac{i^2}{A_n^2 + B_n^2}. \quad (III)$$

Это уравненіе принадлежитъ окружности, коей центръ находится въ точкѣ C_n и коей радіусъ равенъ $\frac{i}{k_n}$; слѣдовательно:

с) Всѣ точки плоской неизмѣняемой фигуры, движущейся въ своей плоскости, которыя имѣютъ въ рассматриваемое мгновеніе одинаковое данное полное ускореніе n -го порядка i , лежатъ на окружности, описанной около мгновеннаго центра ускореній n -ю порядка радіусомъ, равнымъ отношенію величины i къ общей величинѣ k_n ускореній n -ю порядка точекъ

(1) Сравни также стр. 474—475 этого сочиненія, гдѣ приведены уравненія двухъ круговъ, получаемыя изъ ур. (I) и (II), полагая $n = 2$.

фигуры, лежащих на единицу расстоянія отъ центра ускореній n -го порядка (1).

§ 2.

Переходя къ общему движению неизмѣняемой системы въ пространствѣ, рассмотримъ сначала частный случай, когда въ движущейся системѣ есть одна неподвижная точка. Вообразимъ, что чрезъ эту точку проведены двѣ системы прямоугольныхъ осей OX, OY, OZ и OX', OY', OZ' , изъ которыхъ первая неподвижна въ пространствѣ, а вторая неизмѣняемо связана съ движущеюся системою, и называя соответственно чрезъ x, y, z и x', y', z' координаты какой-либо точки m системы по отношенію къ этимъ осямъ, имѣемъ

$$\left. \begin{aligned} x &= ax' + a'y' + a''z' \\ y &= bx' + b'y' + b''z' \\ z &= cx' + c'y' + c''z' \end{aligned} \right\} \quad (1)$$

гдѣ $a = \cos(X, X')$, $a' = \cos(X, Y')$, $a'' = \cos(X, Z')$, $b = \cos(Y, X')$, и т. д. Между этими количествами $a, a', a'', b, \dots$ и слагающими p, q, r угловой скорости вращенія системы около мгновенной оси вращенія, взятыми по подвижнымъ осямъ OX', OY', OZ' , существуютъ, какъ извѣстно, слѣдующія зависимости:

---

(1) Теорема с), которая въ сущности есть только прямое слѣдствіе перваго изъ законовъ, выведенныхъ нами выше изъ форм. (Ф_n''') и равенствъ (в), представляетъ обобщеніе на случай какаго-бы то ни было, n -го, порядка свойствъ, высказанныхъ Шеллемъ для ускореній 1-го и 2-го порядка на стр. 383 и 473 его «Theorie der Bewegung und der Kräfte»; первая часть этой теоремы приведена въ томъ-же сочиненіи на стр. 484.

$$\left. \begin{aligned} \frac{\partial a}{\partial t} &= a'r - a''q; & \frac{\partial b}{\partial t} &= b'r - b''q; & \frac{\partial c}{\partial t} &= c'r - c''q; \\ \frac{\partial a'}{\partial t} &= a''p - ar; & \frac{\partial b'}{\partial t} &= b''p - br; & \frac{\partial c'}{\partial t} &= c''p - cr; \\ \frac{\partial a''}{\partial t} &= aq - a'p; & \frac{\partial b''}{\partial t} &= bq - b'p; & \frac{\partial c''}{\partial t} &= cq - c'p. \end{aligned} \right\} (2)$$

Означимъ чрезъ $v_{0,x}, v_{0,y}, v_{0,z}; v_{1,x}, v_{1,y}, v_{1,z}; v_{2,x}, v_{2,y}, v_{2,z}; \dots v_{n,x}, v_{n,y}, v_{n,z}$ слагающія ускоренія $v_0, v_1, v_2, \dots, v_n$ нулеваго, перваго, втораго, ... , n -го порядка на неподвижныхъ осяхъ OX, OY, OZ и чрезъ $v_{0,x'}, v_{0,y'}, v_{0,z'}; v_{1,x'}, v_{1,y'}, v_{1,z'}; v_{2,x'}, v_{2,y'}, v_{2,z'}; \dots v_{n,x'}, v_{n,y'}, v_{n,z'}$ слагающія тѣхъ-же ускореній на подвижныхъ осяхъ OX', OY', OZ' . Дифференцируя $n+1$ разъ подъ рядъ ур. (1) по измѣняемости времени t , находимъ для слагающихъ ускоренія n -го порядка по неподвижнымъ осямъ

$$v_{n,x} = x' \frac{\partial^{n+1}a}{\partial t^{n+1}} + y' \frac{\partial^{n+1}a'}{\partial t^{n+1}} + z' \frac{\partial^{n+1}a''}{\partial t^{n+1}},$$

$$v_{n,y} = x' \frac{\partial^{n+1}b}{\partial t^{n+1}} + y' \frac{\partial^{n+1}b'}{\partial t^{n+1}} + z' \frac{\partial^{n+1}b''}{\partial t^{n+1}},$$

$$v_{n,z} = x' \frac{\partial^{n+1}c}{\partial t^{n+1}} + y' \frac{\partial^{n+1}c'}{\partial t^{n+1}} + z' \frac{\partial^{n+1}c''}{\partial t^{n+1}}.$$

Опредѣляя $\frac{\partial^{n+1}a}{\partial t^{n+1}}, \frac{\partial^{n+1}a'}{\partial t^{n+1}}, \frac{\partial^{n+1}a''}{\partial t^{n+1}}, \frac{\partial^{n+1}b}{\partial t^{n+1}}, \dots$ изъ ур. (2),

принимая во вниманіе, что, какъ показываютъ эти ур. (2), вы-

раженія для $\frac{\partial a}{\partial t}, \frac{\partial a'}{\partial t}, \frac{\partial a''}{\partial t}$ по формѣ вполне гомогеннымъ съ

выраженіями для $\frac{\partial b}{\partial t}, \frac{\partial b'}{\partial t}, \frac{\partial b''}{\partial t}$ и для $\frac{\partial c}{\partial t}, \frac{\partial c'}{\partial t}, \frac{\partial c''}{\partial t}$, и во-

ображая результат подстановки расположенных по количеству $a, a', a'', b, \dots$, для $v_{n,x}, v_{n,y}, v_{n,z}$ найдемъ выражения вида

$$\left. \begin{aligned} v_{n,x} &= aH_n + a'H_n' + a''H_n'', \\ v_{n,y} &= bH_n + b'H_n' + b''H_n'', \\ v_{n,z} &= cH_n + c'H_n' + c''H_n'', \end{aligned} \right\} \quad (3)$$

гдѣ H_n, H_n', H_n'' суть линейныя функціи координатъ x', y', z' и цѣлыя функціи количествъ p, q, r и послѣдовательныхъ производныхъ p, q, r по времени до n -го порядка включительно. Эти функціи имѣютъ весьма простое механическое значеніе: изъ ур. (3) имѣемъ

$$\begin{aligned} H_n &= av_{n,x} + bv_{n,y} + cv_{n,z}, \\ H_n' &= a'v_{n,x} + b'v_{n,y} + c'v_{n,z}, \\ H_n'' &= a''v_{n,x} + b''v_{n,y} + c''v_{n,z}; \end{aligned}$$

но здѣсь вторыя части очевидно выражаютъ слагающія $v_{n,x}, v_{n,y}, v_{n,z}$ ускоренія v_n по подвижнымъ осямъ, такъ что

$$H_n = v_{n,x}; \quad H_n' = v_{n,y}; \quad H_n'' = v_{n,z}; \quad (4)$$

значитъ H_n, H_n', H_n'' представляютъ эти слагающія. Такъ какъ H_n, H_n', H_n'' суть линейныя функціи координатъ x', y', z' и не должны содержать члена, постояннаго относительно послѣднихъ, то они имѣютъ видъ

$$\left. \begin{aligned} H_n &= x'k_{n,x} + y'l_{n,x} + z'l_{n,x}, \\ H_n' &= x'h_{n,y} + y'h_{n,y} + z'l_{n,y}, \\ H_n'' &= x'h_{n,x} + y'h_{n,x} + z'l_{n,x}. \end{aligned} \right\} \quad (5)$$

гдѣ $h_{n,x}$, $h_{n,y}$, $h_{n,z}$, $k_{n,x}$, $k_{n,y}$, $k_{n,z}$, $l_{n,x}$, $l_{n,y}$, $l_{n,z}$ суть обозначенія для различныхъ цѣлыхъ функций отъ величинъ p , q , r и производныхъ p , q , r по t до n -го порядка включительно. Акад. Сомовъ далъ формулы, по которымъ опредѣляются значенія этихъ функций для порядка n , когда известны ихъ значенія для порядка $n-1$, именно

$$\left. \begin{aligned} h_{n,x} &= \frac{\partial h_{n-1,x}}{\partial t} + qh_{n-1,z} - rh_{n-1,y}, \\ h_{n,y} &= \frac{\partial h_{n-1,y}}{\partial t} + rh_{n-1,x} - ph_{n-1,z}, \\ h_{n,z} &= \frac{\partial h_{n-1,z}}{\partial t} + ph_{n-1,y} - qh_{n-1,x}, \end{aligned} \right\} \quad (6)$$

и подобныя-же зависимости для $k_{n,x}$, $k_{n,y}$, $k_{n,z}$, $l_{n,x}$, $l_{n,y}$, $l_{n,z}$ ⁽¹⁾. На основаніи этихъ соотношеній можно находить H_n , H_n' , H_n'' или слагающія $v_{n,x'}$, $v_{n,y'}$, $v_{n,z'}$ ускоренія n -го порядка, когда известно, какъ H_{n-1} , H_{n-1}' , H_{n-1}'' или слагающія $v_{n-1,x'}$, $v_{n-1,y'}$, $v_{n-1,z'}$ ускоренія $(n-1)$ -го порядка выражаются въ p , q , r .

Вообще будетъ существовать одна точка (X_n', Y_n', Z_n') въ системѣ, которой ускореніе n -го порядка равно нулю, т. е. одинъ *мгновенный центр ускореній n -ю порядка*, ибо такая точка опредѣляется уравненіями:

$$\left. \begin{aligned} X_n' h_{n,x} + Y_n' k_{n,x} + Z_n' l_{n,x} &= 0, \\ X_n' h_{n,y} + Y_n' k_{n,y} + Z_n' l_{n,y} &= 0, \\ X_n' h_{n,z} + Y_n' k_{n,z} + Z_n' l_{n,z} &= 0, \end{aligned} \right\} \quad (7)$$

линейными относительно координатъ X_n' , Y_n' , Z_n' ; и какъ послѣднія уравненія удовлетворяются значеніями $X_n' = Y_n' = Z_n' = 0$,

(1) Сравн. Сомовъ, «Рациональная Механика», ч. I, стр. 332.

то слѣдуетъ, что при движеніи неизмѣняемой системы около неподвижной точки центръ ускореній какого-бы то ни было, n -ю, порядка, совпадаетъ съ центромъ вращенія. Когда, въ частномъ случаѣ, определитель системы (7)

$$\begin{vmatrix} h_{n,x} & k_{n,x} & l_{n,x} \\ h_{n,y} & k_{n,y} & l_{n,y} \\ h_{n,z} & k_{n,z} & l_{n,z} \end{vmatrix}$$

равенъ нулю, тогда въ системѣ существуетъ прямая, ускоренія n -го порядка всѣхъ точекъ которой равны нулю, т. е. существуетъ *миновенная ось ускореній n -ю порядка*; она проходитъ чрезъ неподвижную точку O (1).

Обращаясь теперь къ самому общему движенію неизмѣняемой системы и воображая двѣ системы прямоугольных осей, одну OX, OY, OZ , неподвижную въ пространствѣ, другую $O'X', O'Y', O'Z'$, связанную неизмѣняемо съ движущейся системой и проведенную чрезъ произвольную точку O' послѣдней, между координатами x, y, z, x', y', z' одной и той-же точки m разсматриваемой системы относительно первыхъ и вторыхъ осей имѣемъ соотношенія

$$\left. \begin{aligned} x &= \xi + ax' + a'y' + a''z' , \\ y &= \eta + bx' + b'y' + b''z' , \\ z &= \zeta + cx' + c'y' + c''z' , \end{aligned} \right\} \quad (8)$$

гдѣ ξ, η, ζ суть координаты точки O' относительно неподвижныхъ осей, а $a, a', a'', b, \dots$ имѣютъ тѣ-же значенія,

(1) Ibid., стр. 334.

какъ и въ форм. (1). Общее движеніе можно, какъ извѣстно, разсматривать какъ слагающееся изъ двухъ движеній: одного вращательнаго около нѣкоторой мгновенной оси и другаго поступательнаго, при чемъ направленіе мгновенной оси и величина угловой скорости вращенія около нея постоянны, гдѣ бы ни была взята эта ось. Дифференцируя ур. (8) $n + 1$ разъ по t и принимая во вниманіе зависимости (2), имѣющія мѣсто между $a, a', a'', b, \dots$ и проекціями p, q, r угловой скорости вращательной слагающей разсматриваемаго общаго движенія, найдемъ

$$\left. \begin{aligned} v_{n,x} &= \frac{\partial^{n+1}\xi}{\partial t^{n+1}} + aH_n + a'H_n' + a''H_n'', \\ v_{n,y} &= \frac{\partial^{n+1}\eta}{\partial t^{n+1}} + bH_n + b'H_n' + b''H_n'', \\ v_{n,z} &= \frac{\partial^{n+1}\zeta}{\partial t^{n+1}} + cH_n + c'H_n' + c''H_n''; \end{aligned} \right\} \quad (9)$$

здѣсь H_n, H_n', H_n'' имѣютъ точно тѣ же значенія, какъ въ форм. (3), т. е. суть линейныя функціи отъ координатъ x, y, z и цѣлыя функціи отъ количествъ p, q, r и послѣдовательныхъ производныхъ p, q, r по t до n -го порядка вышестепенно, а $\frac{\partial^{n+1}\xi}{\partial t^{n+1}}, \frac{\partial^{n+1}\eta}{\partial t^{n+1}}, \frac{\partial^{n+1}\zeta}{\partial t^{n+1}}$ представляютъ слагающіе

$v_{n,x}, v_{n,y}, v_{n,z}$ ускоренія n -го порядка точки O' , взятая по неподвижнымъ осямъ. Умножая три ур. (9) сначала соответственно на a, b, c , затѣмъ на a', b', c' , наконецъ на a'', b'', c'' и складывая каждый разъ результаты, находимъ

$$\left. \begin{aligned} v_{n,x'} &= v_{n,x} + H_n, \\ v_{n,y'} &= v_{n,y} + H_n', \\ v_{n,z'} &= v_{n,z} + H_n'', \end{aligned} \right\} \quad (10)$$

Гдѣ $v_{n,x'}$, $v_{n,y'}$, $v_{n,z'}$ суть слагающія ускоренія n -го порядка точки O' по тремъ подвижнымъ осямъ, т. е.

$$v_{n,x'} = a \frac{\partial^{n+1}\xi}{\partial t^{n+1}} + b \frac{\partial^{n+1}\eta}{\partial t^{n+1}} + c \frac{\partial^{n+1}\zeta}{\partial t^{n+1}},$$

$$v_{n,y'} = a' \frac{\partial^{n+1}\xi}{\partial t^{n+1}} + b' \frac{\partial^{n+1}\eta}{\partial t^{n+1}} + c' \frac{\partial^{n+1}\zeta}{\partial t^{n+1}},$$

$$v_{n,z'} = a'' \frac{\partial^{n+1}\xi}{\partial t^{n+1}} + b'' \frac{\partial^{n+1}\eta}{\partial t^{n+1}} + c'' \frac{\partial^{n+1}\zeta}{\partial t^{n+1}}.$$

Координаты X_n' , Y_n' , Z_n' точки движущейся системы, коея скореніе n -го порядка равно нулю, должны удовлетворять словіямъ

$$v_{n,x'} + X_n' h_{n,x} + Y_n' k_{n,x} + Z_n' l_{n,x} = 0,$$

$$v_{n,y'} + X_n' h_{n,y} + Y_n' k_{n,y} + Z_n' l_{n,y} = 0,$$

$$v_{n,z'} + X_n' h_{n,z} + Y_n' k_{n,z} + Z_n' l_{n,z} = 0,$$

которыя показываютъ, что въ самомъ общемъ движеніи неизвѣняемой системы вообще существуетъ одинъ *центра ускореній* n -го порядка. Если, въ частности, опредѣлители

$$\begin{vmatrix} v_{n,x'} & k_{n,x} & l_{n,x} \\ v_{n,y'} & k_{n,y} & l_{n,y} \\ v_{n,z'} & k_{n,z} & l_{n,z} \end{vmatrix}, \quad \begin{vmatrix} h_{n,x} & v_{n,x'} & l_{n,x} \\ h_{n,y} & v_{n,y'} & l_{n,y} \\ h_{n,z} & v_{n,z'} & l_{n,z} \end{vmatrix}, \quad \begin{vmatrix} h_{n,x} & k_{n,x} & v_{n,x'} \\ h_{n,y} & k_{n,y} & v_{n,y'} \\ h_{n,z} & k_{n,z} & v_{n,z'} \end{vmatrix},$$

$$\begin{vmatrix} h_{n,x} & k_{n,x} & l_{n,x} \\ h_{n,y} & k_{n,y} & l_{n,y} \\ h_{n,z} & k_{n,z} & l_{n,z} \end{vmatrix}$$

одновременно равны нулю, то въ системѣ существуетъ ось ускореній n -ю порядка (1).

Примемъ за начало O' подвижныхъ осей мгновенный центръ ускореній n -го порядка или одну изъ точекъ мгновенной оси ускореній n -го порядка, если таковая существуетъ; тогда

$$v_{n,x'} = v_{n,y'} = v_{n,z'} = 0$$

и ур. (10) дадутъ

$$v_{n,x} = H_n; v_{n,y} = H_n'; v_{n,z} = H_n'' \dots \quad (11)$$

Сравнивая эти равенства съ рав. (4), заключаемъ, что:

Во самомъ общемъ движеніи неизмѣняемой системы, ускореніе каково-бы то ни было, n -ю, порядка всякой точки втой системы тождественно съ ускореніемъ тою-же, n -ю, порядка, каковѣ имѣла-бы точка, если-бы система вращалась около мгновеннаго центра ускореній n -ю порядка, какъ около неподвижной точки.

Это есть обобщеніе на какой-бы то ни было порядокъ, я, закона, высказаннаго Резалеми на стр. 205 его «Cinématique rigide» для частнаго случая $n = 1$.

Разыщемъ геометрическія мѣста точекъ движущейся системы, которыхъ касательное ускореніе n -го порядка $v_{n,t}$ равно нулю, точекъ, которыхъ нормальное ускореніе n -го порядка $v_{n,n}$ равно нулю, и точекъ, которыя обладаютъ одинаковыми полами ускореніями n -го порядка v_n .

Всякая точка системы, которой касательное ускореніе $v_{n,t}$ равно нулю, имѣетъ ускореніе n -го порядка направленное нормально къ своей траекторіи, а слѣдовательно и къ своей скорости v_0 ; поэтому всѣ точки таковаго рода должны удовлетворять словію

$$\cos(v_n, O'X') \cos(v_0, O'X') + \cos(v_n, O'Y') \cos(v_0, O'Y') + \cos(v_n, O'Z') \cos(v_0, O'Z') = 0.$$

(1) Ibid., стр. 336.

Но v_n образуетъ съ осями $O'X'$, $O'Y'$, $O'Z'$ углы, коснхъ косинусы соотвѣтственно равны

$$\frac{v_{n,x'}}{v_n}, \frac{v_{n,y'}}{v_n}, \frac{v_{n,z'}}{v_n},$$

а v_o образуетъ съ тѣми-же осями углы, коснхъ косинусы выражаются чрезъ

$$\frac{v_{o,x'}}{v_o}, \frac{v_{o,y'}}{v_o}, \frac{v_{o,z'}}{v_o},$$

такъ что приведенное условіе принимаетъ форму

$$v_{n,x'} \cdot v_{o,x'} + v_{n,y'} \cdot v_{o,y'} + v_{n,z'} \cdot v_{o,z'} = 0.$$

Но въ общемъ движеніи

$$v_{o,x'} = v_{o,x'} + qz' - ry' ,$$

$$v_{o,y'} = v_{o,y'} + rx' - pz' ,$$

$$v_{o,z'} = v_{o,z'} + py' - qx' (^1).$$

Вставляя эти значенія для $v_{o,x'}$, $v_{o,y'}$, $v_{o,z'}$ и значенія (10) для $v_{n,x'}$, $v_{n,y'}$, $v_{n,z'}$, находимъ, что координаты искомыхъ точекъ должны удовлетворять уравненію вида:

$$(v_{n,x'} + H_n)(v_{o,x'} + qz' - ry') + (v_{n,y'} + H_n')(v_{o,y'} + rx' - pz') + (v_{n,z'} + H_n'')(v_{o,z'} + py' - qx') = 0, \quad (I)$$

(¹) Ibid., стр. 302.

которое содержитъ переменныя x' , y' , z' въ степеняхъ не выше второй, такъ какъ H_n , H_n' , H_n'' , какъ мы видѣли, суть линейныя функціи отъ x' , y' , z' ; и такъ:

А) При самомъ общемъ движеніи неизмѣняемой системы, геометрическое мѣсто точекъ системы, которыя въ разсматриваемое миновеніе не имѣютъ касательнаго ускоренія n -ю порядка, есть поверхность второй степени.

Координаты точекъ системы, которыхъ нормальное ускореніе n -го порядка равно нулю, должны удовлетворять условіямъ

$$\frac{v_{n,x'}}{v_n} = \frac{v_{0,x'}}{v_0}, \quad \frac{v_{n,y'}}{v_n} = \frac{v_{0,y'}}{v_0}, \quad \frac{v_{n,z'}}{v_n} = \frac{v_{0,z'}}{v_0},$$

т. е. условіямъ

$$\frac{v_{n,x'}}{v_{0,x'}} = \frac{v_{n,y'}}{v_{0,y'}} = \frac{v_{n,z'}}{v_{0,z'}};$$

или

$$\frac{v_{n,x'} + H_n}{v_{0,x'} + qz' - ry'} = \frac{v_{n,y'} + H_n'}{v_{0,y'} + rx' - pz'} = \frac{v_{n,z'} + H_n''}{v_{0,z'} + py' - qx'}. \quad (\text{II})$$

Эти уравненія принадлежатъ кривой двойной кривизны, представляющей пересѣченіе двухъ поверхностей второй степени. Такая кривая не можетъ быть порядка выше четвертаго⁽¹⁾; потому что плоскость, произвольно проведенная въ пространствѣ, пересѣчетъ каждую изъ двухъ поверхностей второй степени по кривой втораго порядка, и точки, въ которыхъ пересѣкутся между собой эти двѣ послѣднія кривыя, будутъ единственныя точки, въ коихъ кривая пересѣченія двухъ поверхностей встрѣчаетъ проведенную плоскость; но двѣ кривыя второй степени не могутъ имѣть больше четырехъ общихъ точекъ; значить,

(1) Разумѣя подъ порядкомъ кривой двойной кривизны число точекъ, въ которыхъ она встрѣчаетъ произвольно проведенную плоскость.

кривая (II) не может пересѣкать произвольно проведенную плоскость болѣе чѣмъ въ четырехъ точкахъ, т. е. не можетъ быть порядка выше четвертаго; въ частномъ случаѣ эта кривая можетъ быть порядка нисшаго, чѣмъ четвертый. Слѣдовательно:

В) При самомъ общемъ движеніи неизмѣняемой системы, точки послѣдней, которая въ разсматриваемое мновеніе не имьютъ нормальнаго ускоренія n -ю порядка, лежатъ вообще на кривой двоякой кривизны порядка не выше четвертаго.

Наконецъ, координаты точекъ системы, которыхъ полныя ускоренія n -го порядка v_n имьютъ данную постоянную величину i , должны удовлетворять условію

$$v_{n,x'}^2 + v_{n,y'}^2 + v_{n,z'}^2 = i^2,$$

т. е. уравненію

$$(v_{n,x'} + H_n)^2 + (v_{n,y'} + H_n')^2 + (v_{n,z'} + H_n'')^2 = i^2, \quad (\text{III})$$

содержащему x' , y' , z' въ степеняхъ не выше вторыхъ; поэтому, приписывая постоянному i послѣдовательно различныя значенія, заключаемъ:

С) При самомъ общемъ движеніи неизмѣняемой системы, точки этой системы, которая въ разсматриваемое мновеніе имьютъ одинаковыя полныя ускоренія n -ю порядка, располагаются на подобныхъ и подобно лежащихъ поверхностяхъ втораго порядка.

Поверхности и кривыя, существованіе которыхъ высказываютъ теоремы А), В), С), могутъ измѣняться по виду съ измѣненіемъ числа n , но никогда не могутъ быть порядка высшаго, чѣмъ указано въ этихъ теоремахъ. Замѣтимъ, что ур. (I), (II), (III) нѣсколько упрощаются, если принять за начало O' подвижныхъ осей центръ ускореній n -го порядка, или одну изъ точекъ оси ускореній n -го порядка, если таковая существуетъ, потому что тогда $v_{n,x'} = v_{n,y'} = v_{n,z'} = 0$.

Теорема А) представляет обобщение предложения, найденного Резальем относительно касательного ускорения первого порядка в общем движении неизменяемой системы (1). — Теорема В) при $n = 1$ дает результат, несогласный с теми, которые находят Резаль (2) и Шелль (3), ибо первый получает для геометрического места точек без нормальных ускорений первого порядка параболу, а второй — кривую двойкой кривизны восьмого порядка (4); это несогласие происходит от неточности выражений, найденных упомянутыми авторами для нормального ускорения первого порядка в общем движении, неточности, на которую впервые указал проф. Сабининъ (5). — Наконец, теор. С) есть обобщение предложений, приведенных мною на стр. 266

(1) «Traité de Cinématique pure», p. 213.

(2) Ibid., p. 211.

(3) «Theorie der Bewegung und der Kräfte», p. 423.

(4) Впрочем это заключение Шелля было бы не вполне точно даже и тогда, если-бы поверхности, имъ найденныя, конхъ уравненія онъ приводитъ на стр. 422 и 423 своего сочиненія и изъ которыхъ одна второй, другая — четвертой степени, дѣйствительно представляли искомыя имъ геометрическия мѣста, для которыхъ $S = 0$ и $S' = 0$; потому что ясно, что на степеняхъ поверхностей, пересѣченіемъ которыхъ представляется въ данномъ случаѣ опредѣленная кривая двойкой кривизны, нельзя основать никакого опредѣленія порядка этой кривой, такъ какъ чрезъ каждую кривую можно вообразить проведенными безчисленное множество поверхностей самыхъ различныхъ степеней; заключеніе Шелля было-бы точно только тогда, если-бы оно высказывало, что порядокъ искомой кривой не *можетъ быть выше восьмаго*.

(5) «Sur l'accélération normale à la trajectoire d'un point d'un système invariable mobile dans son mouvement le plus général». Nouvelles Annales de Mathématiques, T. XII, an. 1873, p. 257. — Линія (II) въ случаѣ $n = 1$ есть, какъ мнѣ указалъ впервые Мангеймъ въ частной бесѣдѣ, кривая двойкой кривизны *третьяго* порядка; чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно показать, что кривую о которой идетъ рѣчь, можно разсматривать какъ пересѣченіе двухъ конусовъ второй степени, имѣющихъ одну общую производящую» (см. Chasles, «Propriétés des courbes à double courbure du troisième ordre». Comptes rendus, T. XLV, an. 1857, p. 189). Въ своемъ мемуарѣ «Sur les trajectoires des points d'une droite mobile dans l'espace» (Comptes rendus, 1873), Мангеймъ замѣчаетъ (теор. XI), что линія (II) при $n = 1$ есть двойная кривая мнимой поверхности четвертой степени, но не упоминаетъ о ея порядкѣ.

и 298 моей «Геометрической теории абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы» и выражающихъ, что геометрическія мѣста точекъ съ одинаковыми полными ускореніями перваго порядка въ общемъ движеніи и въ движеніи около неподвижной точки суть концентрическіе и подобныя эллипсоиды, коихъ общій центръ есть центръ ускореній перваго порядка.

В. Лигицъ.

ОПЕЧАТКИ

строк.	строна.	написано.	читай.
1.	7	сверху	С. Ч. Феллоуэ
5.	4	снизу	Паноека
8.	12	сверху	анализъ
11.	15	сверху	вызванныхъ
37.	14	снизу	эпитеъ
43.	12	снизу	послѣ «въ Дикі»
51.	11	снизу	Ферверъ
54.	2	сверху	причисляють
55.	6	сверху	Свидасъ
—	3	снизу	оракула
58.	3	сверху	послѣ «окончательно»
70.	4	снизу	в
—	3	снизу	с
84.	15	сверху	(21)
103.	6	снизу	послѣ «и др.»
105.	16	снизу	послѣ «катакомбъ»
144.	13	снизу	этого
157.	5	снизу	Таріоса
168.	1	снизу	послѣ «памятниковъ»
107.	13	сверху	Левкотен
200.	2	снизу	случай

